

ИСТОРИЯ
ВИЗАНТИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ

Θ. И. Успенскаго.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ИЗДАНИЕ
БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

О Г Л Я В Л Е Н І Е

ПЕРВАГО ТОМА ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.

	СТРАН.
Указатель картъ, таблицъ и рисунковъ въ текстѣ	VII—IX
Предисловіе	XI—XIV

В В Е Д Е Н І Е.

Сходства и различія въ историческомъ развитіи Запада и Востока	1— 36
--	-------

ПЕРИОДЪ I (до 527 г.).

Элементы образованія Византизма.

Г л а в а I.

Византизмъ и его культурное значеніе въ исторіи	37— 48
---	--------

Г л а в а II.

Культурный и религіозный кризисъ въ Римской Имперіи.—Иммиграція варваровъ.—Перенесеніе столицы въ Константинополь	49— 64
---	--------

Г л а в а III.

Образованіе христіанской имперіи.—Церковная политика Константина.—Православіе и аріанство	65— 98
---	--------

Г л а в а IV.

Язычество и христіанство въ половинѣ IV в.—Юліанъ Отступникъ.—Характеристика его царствованія	99—133
---	--------

Г л а в а V.

Церковная и государственная политика въ концѣ IV в.—Феодосій Великій.—Дѣло о жертвенникѣ Побѣды.—Иммиграція варваровъ, принятіе ихъ на службу имперіи	135—169
---	---------

Г л а в а VI.	
Великое передвиженіе народовъ.—Паденіе Западной имперіи	170—188
Г л а в а VII.	
Императоръ Θεодосій II.—Августы Пульхерія и Аеинаида-Евдокія.— Августинъ о Градѣ Божіемъ.—Ефесскій соборъ.—Монофизиты.	189—216
Г л а в а VIII.	
Константинополь.—Міровое значеніе столицы Восточной имперіи.—Епархъ города.—Ремесленныя сословія.—Димы.—Образовательныя учрежденія.	217—267
Г л а в а IX.	
Маркіанъ и Пульхерія.—Халкидонскій соборъ.—Общеисторическое значеніе 28-го канона.—Левъ I.—Федераты.—Аспаръ и Ардавурій.—Экспедиція въ Африку.	268—291
Г л а в а X.	
Христіанская культура и эллинизмъ.—Константинопольскій патріархатъ.— Монашество.—Мѣстныя святыни.	292—325
Г л а в а XI.	
Левъ I и Зинонь.—Слѣдствія Халкидонскаго собора.—Основаніе остъ- готскаго господства въ Италіи.	326—344
Г л а в а XII.	
Анастасій (491—518).—Положеніе дѣлъ на дунайской границѣ.—Вита- ліанъ.—Персидская война	345—385
Г л а в а XIII.	
Появленіе славянъ въ предѣлахъ Имперіи	386—406

ПЕРІОДЪ II (518—610).

Отъ Юстиніана I до Ираклія.

Г л а в а I.	
Характеристика періода.—Юстиніанъ и Θεодора.—Историкъ Прокопій	409—424
Г л а в а II.	
Войны съ германцами: вандалы и остготы.—Походъ въ Испанію	425—460
Г л а в а III.	
Сѣверо-западная граница имперіи.—Появленіе славянъ на Дунаѣ.—Утвер- жденіе аваръ въ Панноніи и Венгріи	461—481

	Стран.
Г л а в а IV.	
Юго-восточная и южная граница имперіи.—Персидскія войны.—Сферы вліянія въ Аравіи.—Египеть и христіанская миссія на границахъ Абиссиніи	482—498
Г л а в а V.	
Внутренняя дѣятельность Юстиніана.—Бунтъ „Ника“.—Религіозная политика въ Сиріи.—Симеонъ Столпникъ и его монастырь	499—530
Г л а в а VI.	
Постройка Св. Софіи и другихъ зданій въ столицѣ.—Линія пограничныхъ укрѣпленій	531—546
Г л а в а VII.	
Торговля.—Шелковыя издѣлія.—Таможенное вѣдомство.—Косьма Индикопловъ	547—560
Г л а в а VIII.	
Законодательная и административная дѣятельность Юстиніана.—Церковная политика	561—583
Г л а в а IX.	
Обложеніе земли податями.—Земельный кадастръ при Юстиніанѣ.—Заключительные выводы	584—606
Г л а в а X	
Ближайшіе преемники Юстиніана.—Славянская иммиграція въ предѣлы имперіи.—Война съ Персіей	607—629
Г л а в а XI.	
Низверженіе Маврикія и провозглашеніе Фоки.—Возстаніе эхзарха Ираклія	630—644

ПЕРІОДЪ III (610—716).

Ираклій и его преемники.

Г л а в а I.	
Общая характеристика.—Военныя приготовленія.—Происхожденіе еемнаго устройства	647—658
Г л а в а II.	
Завершеніе славянской иммиграціи.—Легенда о поселеніяхъ хорватовъ-сербовъ.—Само.—Общая схема древней исторіи славянъ	659—678

ГЛАВА III.

Взятіе Іерусалима персами.—Вторженіе въ Персію въ 623 г. и рядъ поражений, нанесенныхъ персидскому царю.—Осада Константинополя аварами и персами.—Всемирно-историческое значеніе персидской войны 679—707

ГЛАВА IV.

Преемники Ираклія 708—735

ГЛАВА V.

Западныя границы имперіи.—Лангобарды до конца VII в. 736—766

ГЛАВА VI.

Славяне въ VII и въ началѣ VIII в.—Утвержденіе болгаръ на Балканскомъ полуостровѣ 767—788

ГЛАВА VII.

Основанія еемнаго устройства 789—812

ГЛАВА VIII.

Арабы.—Магометъ 813—838

ГЛАВА IX.

Мусульманство и Византія 839—872

УКАЗАТЕЛЬ КАРТЪ, ТАБЛИЦЪ И РИСУНКОВЪ ВЪ ТЕКСТЪ.

К а р т ы.

- I. Карта имперіи VI—VII вѣка.
- II. Планъ Константинополя V—VI вѣка
- III. Карта патріархатовъ (къ IX и X гл. перваго періода).
- IV. Карта еемъ (къ I и VII гл. третьяго періода).
- V. Планъ Nikei.
- VI. Карта расселенія славянъ на юго-западѣ Европы (къ гл. XIII перваго, гл. X второго и гл. II третьяго періодовъ).
- VII. Аравія времени Магомета (къ гл. VIII третьяго періода).

Т а б л и ц ы.

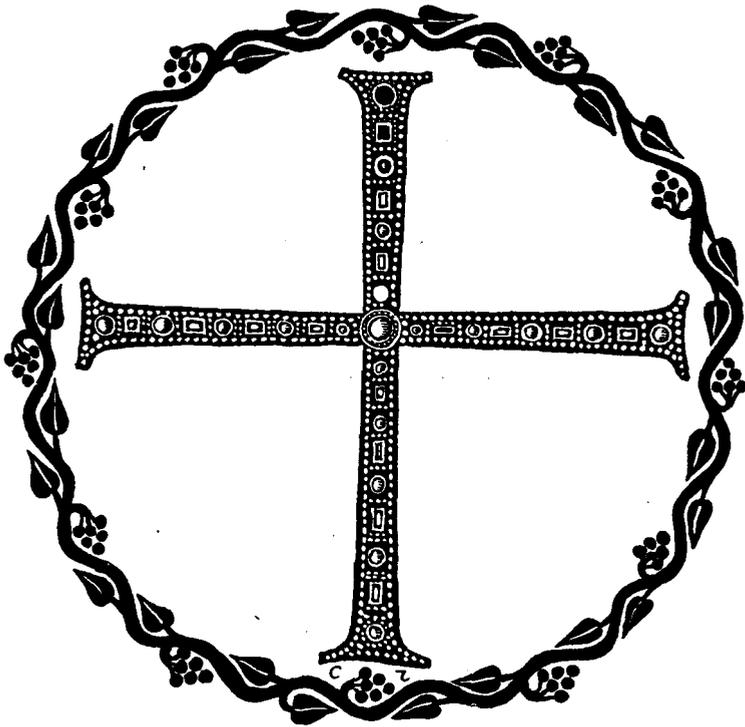
- I. Фреска изъ римскихъ катакомбъ.
- II. Фреска изъ римскихъ катакомбъ. } Wilpert, „Die Malereien“.
- III. Пурпуровый кодексъ Евангелія въ Императорской Публ. Библиотекѣ.
- IV. Императоръ Гонорій на блюдѣ Θεодосія.
- V. Св. Димитрій Солунскій (мечеть Касиміэ въ Солуни).
- VI. „Золотыя ворота“ въ Константинополѣ (Gurlitt).
- VII. Входъ Господень въ Иерусалимъ
- VIII. Христось и апостоль Петръ . . . } Три рельефа, открытые въ Студійскомъ монастырѣ.
- IX. Апостолы }
- X. Мозаика церкви S. Maria Maggiore, въ Римѣ (Richter, „The Golden Age“).
- XI. Арабы въ походѣ. Миниатюра (Schlumberger, „Nicéphore“).
- XII. Коптскій коверъ, къ гл. VI второго и IX третьяго періода (R. Quartalschr. VI).

Рисунки въ текстѣ.

	Стр.
1. Латеранская статуя Константина Великаго	61
2. „Матерь боговъ“. Рельефъ Русск. Археол. Института въ Константинополѣ .	63
3. Римскій Колизей	67

	Стр.
4. Императоръ съ „Labaum“ въ рукѣ	80
5. Триумфальная арка Константина Великаго въ Римѣ	83
6. Рельефы триумфальной арки Константина Великаго	85
7. Рельефы триумфальной арки Константина Великаго	87
8. Мавзолей Констанціи въ Римѣ	89
9. Базилика Константина въ Римѣ	91
10. Бюстъ императора Юліана въ Ачеренцѣ	101
11. Монета Иліона съ изображеніемъ статуи Гектора	113
12. Эпизоды изъ жизни императора Юліана, миниатюры парижской рукописи Бесѣды Григорія Богослова (cod. Paris. gr. 510, fol. 374 v.)	115
13. Планъ Антиохіи	126
14. Водопроводъ Валента	134
15. Статуя Θεодосія въ Барлеттѣ	137
16. Второй вселенскій соборъ (миниатюра cod. Paris. gr. 510, fol. 355)	139
17. Статуя Побѣды въ Сенатѣ (Cohen. II, 181)	140
18. Обелискъ Θεодосія на Ипподромѣ	161
19. Рельефы базы обелиска Θεодосія	163
20. Рельефы базы обелиска Θεодосія	167
21. Колонна Аркадія	171
22. Мозаика мавзолея Галлы Плацидіи	183
23. Храмъ св. Ирины	219
24. Колонна Константина В. или „Обожженная“	223
25. Змѣиная колонна	227
26. Колонна изъ квадратныхъ камней	229
27. Видъ базилики Студія съ запада	231
28. Внутренній видъ базилики. Западная стѣна	233
29. Памятникъ Порфирія	259
30. Внутренній видъ базилики. Алтарь	263
31. Серебряное блюдо съ изображеніемъ Аспара и его семьи	288
32. Монастырь Сергія и Вакха	303
33. Внутренній видъ церкви	305
34. Общій видъ монастыря Симеона Столпника	307
35. Стоянка экспедиціи Русскаго Археологическаго Института	309
36. Южный видъ церкви св. Симеона	311
37. Симеонъ Столпникъ. Икона	312
38. Восьмиугольный дворъ	313
39. Домъ съ изображеніемъ агнца на стѣнѣ (+)	315
40. Городъ Симеона. Западная церковь	317
41. Апсида церкви въ Гауаринѣ	319
42. Внутренній видъ базилики св. Димитрія	321
43. Св. Димитрій и строители храма	323
44. Мозаика церкви св. Аполлинарія, изображающая Равенну и дворецъ Θεодориха	371
45. Богородица между ангелами въ церкви св. Аполлинарія	373
46. Мозаика нефа въ церкви св. Аполлинарія, представляющая море и гавань	375
47. Церковь св. Виталія	377
48. Мозаика въ абсидѣ	379
49. Мозаика церкви св. Аполлинарія in Classe	381
50. Усыпальница Θεодориха	383

	Стр.
51. Портретъ Юстиніана I. Равенна, церковь св. Аполлинарія Новаго	413
52. Юстиніанъ съ приношеніемъ въ церковь. Равенна. Церковь св. Виталія . .	415
53. Царица Θεодора съ приношеніемъ для церкви. Равенна. Церковь св. Виталія .	417
54. Христось съ апостолами и мученицами. Церковь св. Пуденціаны въ Римѣ .	451
55. Каѳедра епископа Максиміана въ церкви св. Виталія	457
56. Схематическій планъ г. Солуни	473
57. Храмъ Изиды и Озириса въ Филе	497
58. Египетскій анхъ	498
59. Колоннада въ Пальмирѣ	515
60. Баальбекъ	517
61. Гробница въ Гассѣ	519
62. Фрагменты каменныхъ дверей	521
63. Частный домъ	523
64. Храмъ Зевса въ Баальбекѣ	525
65. Пальмирскій саркофагъ	527
66. Усыпальница въ скалѣ. Монастырь Симеона Столпника	529
67. Святая Софія. Наружный видъ	533
68. Святая Софія. Внутренній видъ	535
69. Часть южнаго корабля въ св. Софіи	537
70. Преграда на хорахъ св. Софіи	539
71. Капитель колонны въ храмѣ Сергія и Вакха	541
72. Цистерна бинъ-биръ-дерекъ въ Константинополь	543
73. Монеты Юстина II	555
74. Тиверій	555
75. Конная статуя Юстиніана, бывшая на ипподромѣ	605
76. Колонна Фоки въ Римѣ	643
77. Стѣны и башни Константинополя	693
78. Стѣны и башни Константинополя	695
79. Тиверій II	708
80. Юстинъ II	709
81. Ираклій и Константъ II	709
82. Константинъ IV Погонать	718
83. Юстиніанъ II	724
84. Древнѣйшій славянскій моливдовуль	773
85. Грамота Омара	845
86. Мечеть Омара. Разрѣзь	847
87. Планъ мечети. Фасадъ	849

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я весьма сожалѣю, что поздно приступилъ къ печатанію работы, которую задумалъ не менѣе 25 лѣтъ назадъ. Часто возникаетъ сомнѣніе, удастся ли довести дѣло до конца, такъ какъ приближаюсь къ предѣлу жизни. Въ продолженіе сорокалѣтнихъ занятій разными отдѣлами Византіи я имѣлъ случай останавливаться на многихъ вопросахъ, и многіе отдѣлы обрабатывались въ разное время и съ разными цѣлями. Но когда наступила пора суммировать доселѣ приготовленное, оказалась въ разныхъ отдѣлахъ разность настроенія и неодинаковость общей идеи. Происходитъ ли это отъ условій возраста, или отъ условій постепеннаго расширенія кругозора?—Къ сожалѣнію, я не рѣшаюсь отвѣтить на этотъ вопросъ, т.-е. боюсь погрѣшить противъ дѣла. Несомнѣнно, 20 лѣтъ назадъ я говорилъ смѣлѣй, дѣлалъ болѣе обобщеній и заключеній, не такъ остороженъ былъ въ приговорахъ: теперь мнѣ часто приходилось смягчать выраженія, сглаживать рѣзкость мысли, передѣлывать цѣлыя главы, чтобы подогнать ихъ къ новому настроенію. Къ пользѣ ли это для дѣла?—Опять не могу высказаться положительно. Есть, однако, нѣкоторыя подробности, на которыхъ должно отразиться съ пользой то обстоятельство, что слишкомъ замедлилось появленіе въ печати моей работы. Съ 1895 г. живя въ Константинополѣ, я имѣлъ случай изучать людей, предками которыхъ создавалась исторія Византіи, непосредственно знакомиться съ памятниками и вникнуть въ психологію константинопольскаго патріархата, который во многомъ несетъ отвѣтственность за то, что большинство подчиненныхъ культурному вліянію Византіи народностей доселѣ находится въ столь жалкомъ положеніи. Такъ какъ

духовенство и монашество всегда занимали первенствующее мѣсто въ исторіи Византіи, то, конечно, немаловажное значеніе имѣеть то обстоятельство, въ какомъ освѣщеніи излагать церковныя дѣла. Можетъ-быть, не живя столько времени среди грековъ и не изучая непосредственно жизнь патріархата, было бы невозможно и мнѣ отрѣшиться отъ теоретическихъ построений и фикцій, которыми насъ такъ обильно надѣляютъ въ школѣ. Между, тѣмъ реальный взглядъ на вселенскій патріархатъ, бросающій отлученія на славянскіе народы, нарушающіе его филетическую политику, въ высшей степени благовременно установить намъ какъ для русской церковной политики, такъ и для нашего народнаго самоопредѣленія, хотя бы въ виду того соображенія, что не за горами тотъ моментъ, когда онъ политическимъ ходомъ вещей и успѣхами католической и протестантской пропаганды будетъ доведенъ до положенія александрійскаго или іерусалимскаго патріархата, т.-е. когда потеряетъ почти весь Балканскій полуостровъ и значительную часть восточныхъ кафедръ. Затѣмъ, только продолжительное пребываніе на Востока и соединенныя съ тѣмъ путешествія по Малой Азій, Сиріи и Палестинѣ могли для меня выяснитъ историческія судьбы Византійской имперіи, которая для своего существованія связана болѣе съ Востокомъ, чѣмъ съ Западомъ. Разумѣю не только то, что какъ константинопольская имперія, такъ и замѣнившая ее турецкая, главными своими матеріальными силами (военными людьми и доходами) обязана Востоку и всегда зависѣла отъ преданности восточныхъ провинцій, но и дѣйствительныя традиціи и историческіе факты. Ни одинъ изъ славянскихъ государей не совладалъ съ заманчивой мыслью основать въ Европѣ имперію на мѣстѣ греко-византійской; ни одно изъ европейскихъ княженій, основанныхъ въ Европѣ послѣ IV крестоваго похода—будь во главѣ его франки или мѣстные греки—не имѣло продолжительной исторіи и не привлекло къ себѣ народныхъ симпатій, а между тѣмъ въ Никейской имперіи сохранилась и созрѣла идея возстановленія Византійской имперіи въ XIII вѣкѣ. Урокъ исторіи долженъ быть строго провѣренъ и взвѣшенъ тѣми, кто въ настоящее время ожидаетъ дѣлежа наслѣдства послѣ «опасно больного» на Босфорѣ.

○ Такъ какъ настоящее изданіе не можетъ быть разсматриваемо какъ коммерческое предпріятіе и не вызвано ни служебными, ни карьерными цѣлями, то нахожу умѣстнымъ объяснить здѣсь, что фирма «Брокгаузъ-Ефронъ» своимъ согласіемъ издать «Исторію Византійской имперіи» въ томъ видѣ, въ какомъ она появляется передъ публикой въ настоящее время,

не мало повліяла на мое окончательное рѣшеніе приступить къ приготовленію текста для изданія, т.-е. рѣшиться на предпріятіе, къ осуществленію котораго всегда находились трудно устранимыя затрудненія.

Поступающая въ руки читателя книга не имѣетъ цѣлью замѣнить существующія старыя и новыя исторіи Византіи. Это не есть исчерпывающее изложеніе всѣхъ событій, входящихъ въ кругъ болѣе чѣмъ тысячелѣтней имперіи,—она заключаетъ поэтому не шесть или семь томовъ, а три. Не конкурируя и не пытаюсь замѣнить изданныя исторіи Византіи, я, однако, питаю завѣтную мысль дать соотечественникамъ цѣльную систему въ такой области, которую считаю наиболѣе важной послѣ отечественной исторіи для національнаго самосознанія культурнаго русскаго обывателя. Съ этой цѣлью и въ желаніи быть общедоступнымъ, я не полагалъ необходимымъ дать большой научный аппаратъ ни въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, ни въ концѣ главъ. Ссылки на пособія и цитаты источниковъ допускались въ той мѣрѣ, въ какой считалось необходимымъ, чтобы пытливый читатель не лишень былъ возможности при желаніи овладѣть тѣмъ матеріаломъ, который былъ въ распоряженіи автора: источники указываются тамъ, гдѣ даются оригинальные выводы на основаніи спеціального ихъ изученія; пособія показаны руководящія, по которымъ легко найти указанія на литературу предмета. Не давать большихъ подстрочныхъ примѣчаній—это было условіе и со стороны издателя, которое я нашель имѣющимъ основанія. Можетъ-быть, я много привелъ мѣсть въ русскомъ переводѣ изъ документовъ и литературныхъ произведеній описываемаго времени, но мнѣ всегда казалось, что это всего лучше вводитъ въ эпоху и передаетъ настроенія общества.

Авторъ пытался приложить все стараніе, чтобы этотъ трудъ, результатъ продолжительной, настойчивой и—да будетъ позволено присоединить—небезуспѣшной научной дѣятельности русскаго профессора, былъ достоинъ своей цѣли и предмета. Я родился въ 1845 г. и могу закончить это послѣднее научное предпріятіе къ семидесятилѣтнему періоду жизни, когда человѣку свойственно подводить итогъ всему пережитому и суммировать результаты своей дѣятельности. Легко понять, что мнѣ хотѣлось дать такое чтеніе въ руки русскаго читателя, которое, съ одной стороны, своей строгостью и серьезностью давало бы ему идею о продуманной и тщательно взвѣшенной системѣ, а съ другой—оставило бы добрую память объ авторѣ, который, рѣшаясь издать въ свѣтъ составленную имъ исторію Византіи, подчинялся внутреннему влеченію, исходящему изъ того убѣ-

жденія, что утверженіе знаній о Византіи и выясненіе нашихъ къ ней отношеній въ высшей степени обязательно для русскаго ученаго и не менѣе полезно какъ для образованія, такъ и для направленія на вѣрный путь русскаго политическаго и національнаго самосознанія. Пусть читатель вдумается въ содержаніе главъ, посвященныхъ южнымъ славянамъ, и поищетъ тамъ иллюстрацій къ переживаемымъ нынѣ печальнымъ событіямъ на Балканскомъ полуостровѣ!

Въ заключеніе нѣсколько словъ по отношенію къ рисункамъ въ текстѣ и таблицамъ. Большинство иллюстрацій заимствовано изъ собраній Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, и лишь небольшая часть взята изъ изданій, поименованныхъ въ Указателѣ. Въ частности считаю долгомъ выразить искреннюю благодарность г. Омону въ Парижѣ за любезное разрѣшеніе снять фотографіи съ Cod. Paris. 510, равно г. Милле за доставленіе фотографій изъ богатаго собранія Hautes Études для слѣдующихъ томовъ.

Θ. Успенскій.

Константинополь.

Октябрь 1912 г.

ВВЕДЕНІЕ

СХОДСТВА И РАЗЛИЧІЯ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ ЗАПАДА И ВОСТОКА.

Въ наукѣ давно уже назрѣла потребность выразить въ простыхъ и общедоступныхъ формахъ разнообразіе историческихъ явленій. Къ этому приводитъ не только извѣстное свойство ума отыскивать сходства и различія въ наблюдаемыхъ фактахъ и размѣщать ихъ по опредѣленнымъ категоріямъ, къ этому настоятельно побуждаетъ также до колоссальныхъ размѣровъ разрастающійся историческій матеріаль. Можно приходиться въ ужасъ предъ мыслью о томъ удручающемъ количествѣ фактовъ, съ какимъ придется имѣть дѣло нашимъ потомкамъ. Историческій матеріаль нарастаетъ съ каждымъ поколѣніемъ, изобрѣтающимъ новыя средства для увеличенія и разработки его, но еще болѣе онъ развивается по внутреннему содержанию и по объему, захватывая погибшія цивилизаціи и открывая погребенные подъ землей историческіе памятники. Настоитъ поэтому серьезная потребность произвести родъ хозяйственнаго инвентаря въ полученномъ нами отъ предковъ историческомъ наслѣдствѣ, освободить наши склады отъ обветшалыхъ предметовъ и годныя къ употребленію вещи распределить по отдѣламъ и группамъ.

Указанная потребность признана въ наукѣ, и многіе заняты въ настоящее время группировкой матеріала по его цѣнности и внутреннему значенію. Являются многочисленныя попытки объяснить смыслъ историческихъ фактовъ, отыскать причинную связь между событіями, указать общія схемы развитія народовъ. Эти попытки сопровождались весьма важнымъ и успокоительнымъ пріобрѣтеніемъ, дающимъ возможность безъ страха и опасенія смотрѣть на

умноженіе историческаго матеріала; онѣ показали: 1) что въ области безмѣрно накопившихся фактовъ и наблюденій надъ жизнью человѣческихъ обществъ существуютъ извѣстнаго рода послѣдовательность и законмѣрность, которая заставляетъ думать объ общихъ законахъ, управляющихъ всемірной исторіей; 2) что колоссальное накопленіе историческихъ фактовъ не затемняетъ, но разъясняетъ существо этихъ общихъ законовъ. Такимъ образомъ, есть полное основаніе надѣяться, что количество фактовъ, какъ бы оно ни могло въ будущемъ возрасти, не поработитъ человѣческаго ума, ибо наука постепенно пріобрѣтаетъ средства распознавать существенное и несущественное въ разнообразіи явленій, давать цѣну однимъ и отбрасывать другіе факты, употреблять въ дѣло тѣ, которые служатъ проявленіемъ общихъ законовъ историческаго развитія, и только отмѣчать остальные. Однимъ словомъ, получается въ томъ успокоительный выводъ, что, хотя исторія до безконечности раздвигается по своему объему, но въ то же время она сокращается по своему содержанію, въ смыслѣ подведенія разнообразныхъ фактовъ къ единству идеи.

Мы уже отвыкли относиться къ исторіи какъ къ сборнику болѣе или менѣе занимательныхъ фактовъ изъ военной и дипломатической жизни народовъ, и насъ болѣе теперь не удовлетворяютъ картинныя описанія; мы ждемъ отъ исторіи разъясненія законовъ развитія человѣческаго общества, отвѣта на вопросъ о томъ, какъ зарождаются въ человечествѣ новыя понятія, идеи и учрежденія, отчего крѣпнутъ и слабѣютъ народы. Широкія требованія къ исторіи достаточно оправдываются уже и тѣмъ, что историческіе вопросы нынѣ разрабатываются учеными археологами, антропологами, историками искусства, юристами и экономистами, и что историкъ не можетъ строить своей системы безъ знакомства съ обширнымъ кругомъ наукъ, подготовляющихъ матеріалъ для его выводовъ.

Далеко не всѣ отдѣлы всемірной исторіи одинаково разработаны. И прежде всего существуетъ громадная разница въ этомъ отношеніи между западно-европейской и восточно-европейской исторіей. Изученіе послѣдней шло гораздо медленнѣе; во всѣхъ отдѣлахъ исторіи, которые не имѣютъ ближайшаго отношенія къ Западу, господствуетъ много произвольнаго и не обоснованнаго на тщательной обработкѣ матеріала, который къ тому же не вполне общедосту-

пень, а частью и не изданъ. Вслѣдствіе этого постепенно получавшія въ наукѣ преобладаніе теоретическія построенія о ходѣ всемірной исторіи оказываются не совсѣмъ пригодными къ разъясненію событій восточно-европейской исторіи. Сказаннымъ объясняется необходимость особой главы, которая должна служить введеніемъ въ исторію Византіи.

Представляетъ ли собой византійская исторія медленный процессъ упадка и разрушенія, лишена ли она всякой оригинальности, смѣны идей, борьбы за идеалы, или же, напротивъ, можно усматривать въ ней проявленіе тѣхъ же законовъ, подѣ влияніемъ которыхъ жили и другіе народы и государства? Есть ли исторія Византіи неправильно развивавшійся членъ всемірной исторіи, или же, напротивъ, она представляетъ собой органически развивающееся тѣло. Отрицательный взглядъ на Византію высказывался многими даже изъ тѣхъ, кто спеціально занимается ея исторіей. Меньшинство, и то только въ позднѣйшее время, начало указывать въ Византіи такія стороны, которыя могутъ характеризовать живой и развивающійся организмъ. Признаки развитія и смѣны идей обнаружены какъ въ литературѣ, такъ и въ искусствѣ, въ обычаяхъ и учрежденіяхъ. Мало-по-малу народилась потребность выразить въ опредѣленной формулѣ отношеніе византійской исторіи къ всемірной и показать, какое же мѣсто принадлежитъ Византіи въ исторіи человѣчества.

Чтобы намѣтить искомую формулу, необходимо прибѣгнуть къ сравненіямъ и сопоставленіямъ, а для этого важно указать тотъ кругъ историческихъ явленій, гдѣ между сравниваемыми фактами были бы наибольшая связь и взаимоотношеніе. Само собой разумѣется, легче поддаются анализу факты западно-европейской исторіи, какъ факты вполне установленные и объясненные какъ по ихъ значенію и вытекающимъ изъ нихъ послѣдствіямъ, такъ и по преемственной связи и зависимости одного отъ другого. Это въ особенности можно сказать о начальномъ періодѣ среднихъ вѣковъ или о тѣхъ столѣтіяхъ, когда новые народы постепенно занимали территории древняго Рима и полагали начатки своей государственности. Исходные моменты западно-европейской исторіи, иначе говоря, начальный періодъ средней исторіи занималъ вниманіе многихъ европейскихъ ученыхъ, и выводы послѣднихъ даютъ готовый матеріалъ для нашихъ цѣлей. Остановимся на этихъ выводахъ.

Существует научная теория, по которой как характер нынѣшней французской нации, так и особенности политическаго устройства и быта французовъ объясняются преемствомъ отъ народа, который жилъ прежде нихъ на почвѣ Франціи. Это были кельты или галлы, давшіе и странѣ имя Галліи. Имѣется весьма живая характеристика этого племени въ сочиненіи Юлія Цезаря, который 9 лѣтъ провелъ между галлами, успѣлъ хорошо узнать ихъ и написалъ исторію своихъ войнъ съ ними. Онъ описываетъ галловъ какъ народъ въ высшей степени легкомысленный, падкій до новостей, всегда дѣйствующій подѣ первымъ впечатлѣніемъ. Болѣе всего они увлекались собой, отличались необыкновеннымъ національнымъ тщеславіемъ, заносчивостью и хвастливостью. Война была любимымъ ихъ занятіемъ, они вели войну для войны и военной славы. Бывало, раненный галль самъ расширялъ рану, чтобы она казалась шире. Военное дѣло и искусство говорить громкія фразы—самыя выразительныя черты галловъ. Въ политическомъ устройствѣ ихъ древніе указываютъ такія черты, которыя сближаются съ французскими. Галльское сословіе военныхъ людей или всадниковъ (*equites*) напоминаетъ рыцарей, брейры или племенные князья, содержащіе многочисленную дружину, иногда доходящую до 10.000, сходны съ средневѣковыми баронами. Клиентельныя отношенія одного племени къ другому похожи на феодальную зависимость; могущественный классъ духовенства, владѣющаго свѣтскою властью, напоминаетъ римское папство. Всѣ эти черты дали происхожденіе теоріи, которая объясняетъ многіе факты французской исторіи заимствованіями отъ кельтовъ. Заключенія о близкомъ сродствѣ нынѣшнихъ французовъ съ древними кельтами сдѣлались, можно сказать, общимъ мѣстомъ. И тѣмъ любопытнѣе эта научная, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и политическая теорія, что прямой фізіологической преемственности между этими двумя народами нельзя установить.

Какъ бы то ни было, самая блестящая характеристика французовъ, какую можно только указать, сдѣлана подѣ вліяніемъ Цезаря. Такова страница Токвиля, „Старый порядокъ и революція“: „Изъ всѣхъ явленій французской исторіи наиболѣе страннымъ и наиболѣе необыкновеннымъ кажется самъ французскій народъ. Былъ ли когда на свѣтѣ народъ болѣе исполненный контрастовъ и болѣе способный вдаваться въ крайности, болѣе руководящійся чувствами и менѣе

принципами, стоящій то много выше, то много ниже общаго уровня челоуѣчества, народъ столь неизмѣнный въ главныхъ своихъ чертахъ, что его легко можно узнать въ разсказахъ Цезаря, и столь перемѣнчивый въ своихъ ежедневныхъ помыслахъ и наклонностяхъ, что нерѣдко онъ самъ для себя становился неожиданнымъ зрѣлищемъ, и самъ, не менѣе иностранцевъ, принужденъ изумляться при видѣ собственныхъ дѣлъ своихъ; народъ болѣе привязанный къ своему дому и къ своимъ привычкамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе способный все измѣнять и идти на край свѣта, коль скоро онъ вышелъ изъ обычной своей колеи; непокорный по самой своей натурѣ и уживающійся съ произвольнымъ и насильственнымъ правленіемъ одного лица гораздо охотнѣе, чѣмъ съ разумнымъ и свободнымъ правленіемъ лучшихъ гражданъ; никогда не свободный настолько, чтобы нельзя было поработить его, и никогда не поработанный такъ, чтобы онъ не могъ свергнуть съ себя иго; не знающій границы ни въ рабствѣ, ни въ свободѣ; годный на все, но стоящій на высшей степени совершенства только въ военномъ дѣлѣ; народъ, болѣе преклоняющійся передъ случаемъ, передъ силой, передъ успѣхомъ и блескомъ, чѣмъ предъ истинной славой; болѣе способный къ героизму, чѣмъ къ добродѣтели; къ геніальности, чѣмъ къ здравомыслію; къ составленію колоссальныхъ замысловъ, чѣмъ къ совершенію великихъ предпріятій: самая блестящая и самая опасная нація въ Европѣ, попеременно возбуждающая къ себѣ удивленіе, ненависть, жалость, страхъ, но никогда не равнодушіе“.

Нѣтъ сомнѣнія, что эта блестящая характеристика французовъ, въ значительной долѣ подсказанная Цезаремъ, представляетъ собой извѣстное научное увлеченіе; во всякомъ случаѣ, Токвиль и тѣ историки, которые слѣдуютъ его направленію, видятъ во французской исторіи развитіе тѣхъ основныхъ народныхъ началъ, которыя характеризуютъ древнихъ кельтовъ. Ни вліяніе Рима, ни германскія поселенія въ Галліи, ни католическая церковь не имѣютъ съ этой точки зрѣнія существеннаго значенія въ построеніи французской исторіи и французскихъ учреждений.

Такова сила фактовъ, представляющихся наблюденію при сравненіи кельтовъ съ французами, что передъ ними не устоялъ высочайшій авторитетъ прошлаго вѣка въ исторической наукѣ, Моммсенъ. Въ его характеристикѣ древнихъ кельтовъ можно между строками

читать приговоръ современнымъ французамъ. „При многихъ солидныхъ и еще болѣе блестящихъ качествахъ кельтская нація лишена той глубокой нравственной основы, на которой зиждется все великое и прекрасное въ человѣческомъ развитіи. Кельты сильны двумя качествами: военнымъ дѣломъ и краснымъ словомъ. Такія свойства хорошаго солдата и плохого гражданина объясняютъ намъ тотъ историческій фактъ, что кельты поколебали всѣ государства, но сами не основали ни одного. Что бы они ни начинали, все расплывалось, какъ весенній снѣгъ, и нигдѣ имъ не суждено было создать своей культуры. Въ сильномъ круговоротѣ всемірной исторіи, который безжалостно сокрушаетъ всѣ народы, не крѣпкіе и не гибкіе подобно стали, кельты не могли долго держаться. Судьба ихъ—исчезнуть, подобно дрожжамъ будущаго развитія, въ политически превосходящей ихъ національности“.—Можно легко догадываться, что отрицательныя качества кельтовъ у Моммсена противопоставляются положительнымъ свойствамъ германской націи, которая, какъ болѣе крѣпкая и гибкая, дала перевѣсъ германскимъ народнымъ началамъ въ новой исторіи. Такимъ образомъ, въ общихъ чертахъ легко предугадать главныя теченія, господствующія въ наукѣ по отношенію къ западной исторіи. Особенности кельтскаго характера многихъ подкупаютъ въ пользу того мнѣнія, что французская исторія со всѣми ея отличіями въ вѣрованіяхъ, въ военномъ дѣлѣ, въ правѣ, въ сословныхъ отношеніяхъ и т. п. можетъ быть объяснена изъ быта кельтовъ. Придерживающіеся такого воззрѣнія, которое пріобрѣтаетъ характеръ національной французской теоріи, нашли себѣ весьма сильную поддержку въ выводахъ романской школы, по которой сущность средневѣковаго историческаго развитія сводится въ главныхъ чертахъ къ исторіи романизации новыхъ народовъ.

Рядомъ съ этимъ направленіемъ стоитъ другое, которое усматриваетъ основныя черты всего строя западной исторіи, не исключая и французской, въ особенностяхъ быта и характера жизни древнихъ германцевъ. Къ счастью для этой школы, которую можно назвать нѣмецкой, знаменитый римскій историкъ Тацитъ (между 98—100 гг. христіанской эры) описалъ германцевъ не только въ подробностяхъ ихъ быта, но, что еще важнѣе, съ замѣчательнымъ сочувствіемъ и восхваленіемъ ихъ народныхъ чертъ. Въ высшей степени любопытно то, что у Тацита дѣйствительно можно находить такія свойства быта

германцевъ, которыя прямо могутъ быть примѣнены къ нѣмцамъ среднихъ вѣковъ. Особенно имѣется въ виду описаніе дружиннаго быта. „Окружать себя толпой избранныхъ юношей считается достоинствомъ, украшеніемъ во время мира, охраной на войнѣ. Почетъ и слава не только въ своемъ колѣнѣ, но и у сосѣднихъ народовъ тому, кто отличается числомъ и храбростью дружины. Во время сраженія для предводителя считается позоромъ не превосходить всѣхъ храбростью, и для дружины постыдно отставать отъ предводителя. Ибо ожидаетъ безславіе и позоръ на всю жизнь того, кто остался на полѣ сраженія живымъ, потерявъ предводителя. Защищать и оборонять его, своими подвигами возвеличивать его славу считается священной обязанностью. Предводители сражаются изъ-за славы, дружина—за предводителя. Если родное племя цѣпенѣтъ въ продолжительномъ мирѣ и праздности, знатные юноши стремятся къ тѣмъ, которыя ведутъ войну, ибо не любъ этому народу покой, въ опасностяхъ легче пріобрѣтается слава, да и нельзя иначе содержать большую дружину, какъ насиліемъ и войной. Дружинники получаютъ отъ предводителя коня и кровавую побѣдоносную фрамею, жалованьемъ не пользуются, но имѣютъ готовое содержаніе и помѣщеніе“.

Приведенное мѣсто—находка для тѣхъ, кто пожелалъ бы генетически объяснить происхожденіе средневѣковыхъ учреждений: отношеніе сеніора къ вассалу, рыцарство и вообще тотъ характеръ личныхъ отношеній, которымъ такъ отличается средневѣковое устройство.

Изъ предыдущаго можно усмотрѣть, что исторія французовъ и германцевъ основаніями своими покоится на двухъ теоріяхъ: съ одной стороны, что романизованные кельты опредѣлили характеръ французовъ, а съ другой—что тацитовскіе германцы заключаютъ въ себѣ существенные элементы для объясненія германской исторіи. Въ смыслѣ исторической эволюціи эти національныя школы представляютъ въ себѣ сильно уязвимыя мѣста. Если существенныя особенности средневѣковаго строя даны формами жизни кельтовъ или германцевъ, то зачѣмъ понадобился длинный періодъ развитія въ 8 или 9 вѣковъ, чтобы этимъ формамъ развиться въ средневѣковый феодализмъ. Почему же сеніоры и вассалы съ наслѣдственными привилегіями и съ присягой на вѣрность частному лицу появляются въ

Х вѣкъ? Наконецъ, существуетъ такая научная теорія, которая вообще не придаетъ существеннаго значенія индивидуальнымъ отличіямъ и характеристикамъ народовъ; въ основѣ ея лежитъ мысль, что всѣ народы проходятъ одинаковыя стадіи развитія. Сравнительно-историческій методъ, берущій аналогіи въ разныхъ мѣстахъ и изъ различныхъ эпохъ, принесъ уже много важныхъ научныхъ результатовъ и сталъ примѣняться во всѣхъ ученыхъ литературахъ. Для дальнѣйшихъ цѣлей нашихъ онъ имѣетъ особенную важность, и потому позволимъ себѣ указать существенные выводы, добытые представителями этого направленія.

Прежде всего, говорятъ приверженцы упомянутаго направленія, нужно считать большой ошибкой то мнѣніе, по которому исторія развитія европейскаго человѣчества обрывается съ паденіемъ Западной римской имперіи и вновь начинается черезъ нѣкоторый періодъ времени въ исторіи ново-европейскихъ народовъ. Эти новые народы не принесли съ собой никакихъ культурныхъ элементовъ, которыхъ бы не было въ Римской имперіи. Все, что представляли они въ себѣ оригинальнаго и самобытнаго, въ общемъ было слишкомъ слабо и неустойчиво и не могло противостоятъ правильно организованнымъ и хорошо приспособленнымъ общественнымъ формамъ римской жизни. Напрасно, далѣе, думаютъ, что Римъ душилъ и тѣснилъ своихъ подданныхъ. Напротивъ, императорскій періодъ благопріятствовалъ развитію провинцій, вызвалъ въ нихъ богатую производительность и торговлю и сослужилъ высокую воспитательную роль для новыхъ народовъ. Эти послѣдніе, ослѣвъ въ предѣлахъ имперіи, воспользовались готовыми формами общежитія и стали къ нимъ примѣняться. Типическія особенности западной исторіи, напримѣръ, феодализмъ, рыцарство, зависимый трудъ земледѣльца и т. п. были подготовлены римскимъ развитіемъ, а не даны кельтами или германцами. Это направленіе, придающее главное значеніе въ ново-европейскомъ развитіи римскому вліянію и отрицающее всякіе перемены въ исторической эволюціи, имѣетъ особенный интересъ по своимъ прикладнымъ выводамъ. Исторія западно-европейскаго развитія и западной культуры признается всеобщимъ типомъ, съ которымъ должны сообразоваться всѣ историческіе народы. Одинаковый напоръ варваровъ на рейнскія и дунайскія границы долженъ сопровождаться и одинаковыми послѣдствіями на Востокъ и Западъ. Вся

историческая эволюція ново-европейской исторіи направляется однимъ и тѣмъ же путемъ и проходитъ тѣ же стадіи. Съ этой точки зрѣнія и феодализмъ есть всеобщій законъ, котораго не можетъ миновать ни одинъ историческій народъ.

Не трудно понять, что германская и кельтская теоріи основываются, по существу, на весьма несложныхъ наблюденіяхъ. Въ X в. во всѣхъ западныхъ государствахъ наблюдается одинъ общій укладъ внутренней жизни: деревня и помѣщичья усадьба находятся между собой въ тѣхъ же зависимыхъ отношеніяхъ въ Германіи, равно во Франціи и въ другихъ странахъ; помѣщикъ вездѣ одинаково стремится стать государемъ. Въ этой тенденціи мы видимъ утвержденіе того порядка вещей, который извѣстенъ подъ именемъ феодализма, и который дѣйствительно служитъ самымъ существеннымъ и всеобщимъ признакомъ западнаго развитія. Господство и всеобщность феодализма на Западѣ въ средніе вѣка, несомнѣнно, было главнымъ мотивомъ для западныхъ ученыхъ въ построеніяхъ ими всей своей исторіи. Извѣстія Тацита о германской дружинѣ, объ особомъ обрядѣ вступленія въ дружину, наконецъ, о вѣрности членовъ дружины своему предводителю такъ хорошо гармонировали съ отношеніями васала къ сеніору, съ обрядомъ посвященія въ рыцари и проч., что естественно было видѣть начатки средневѣковыхъ учрежденій у германцевъ временъ Тацита. Точно также представляемая Цезаремъ картина политической борьбы у кельтовъ, въ которой болѣе могущественные князья, владѣя тысячами военныхъ людей, достигали принципата, и въ которой кліентельныя отношенія цѣлыхъ племенъ и сословій такъ напоминаютъ феодальную зависимость цѣлыхъ территорій, естественно должна была подкупать въ пользу предположенія, что основы феодализма скрываются въ быту кельтовъ, описанныхъ Цезаремъ. Что касается романской теоріи, объясненіе характерныхъ явленій западно-европейскаго развитія въ ней исходитъ изъ признанія всеобщности нѣкоторыхъ историческихъ законовъ.

Представители романской теоріи или романисты настаиваютъ на томъ положеніи, что новые народы не могли ничего противопоставить римской культурѣ и невольно подчинились тѣмъ условіямъ быта, которыя находили среди романизованныхъ населеній Италіи, Галліи, Испаніи и частью Германіи. Ничего не противопоставивъ романскому вліянію, новые народы ничего своего не привнесли въ

историю. Римъ естественнымъ путемъ пришелъ бы къ той формѣ быта, какая характеризуетъ средніе вѣка. Такое положеніе весьма пригодно къ устраненію крайностей упомянутыхъ національныхъ теорій, но само по себѣ оно также не объясняетъ всего разнообразія явленій въ исторіи. Въ основу этого положенія поставленъ законъ естественнаго развитія европейскаго человѣчества. Въ той мѣрѣ, какъ новые народы воспринимали плоды римской образованности, они становились гибкимъ и послушнымъ матеріаломъ, который былъ формируемъ романизмомъ по его собственнымъ склонностямъ.

Если поставимъ вопросъ шире и будемъ вести рѣчь о всемірной исторіи, то найдемъ, что указанная теорія удовлетворительна для объясненія лишь частныхъ исторій, а не всеобщей. Успѣхами изученія всеобщей исторіи мы обязаны исключительно западнымъ ученымъ. Понятно, что западно-европейскія теоріи имѣютъ и у насъ широкое примѣненіе, вліяя на разработку даже нашей собственной исторіи. Нужно ли говорить, что національныя теоріи представляютъ собой выраженіе національныхъ и политическихъ тенденцій; можно ли сомнѣваться, что въ оцѣнкѣ факторовъ, вліяющихъ на развитіе европейской исторіи, западная наука дала преобладаніе тѣмъ, которые выражаютъ западныя народныя начала? Но, конечно, не трудно доказать, что западная исторія не вполнѣ одно и то же, что европейская исторія, а тѣмъ болѣе не всеобщая, и что въ послѣдней могутъ оказаться важными такіе факторы, которые не имѣютъ принципиальнаго значенія въ первой. Если мы пожелаемъ установить общія схемы ново-европейскаго развитія, то должны будемъ отнестись съ одинаковымъ вниманіемъ къ фактамъ западно- и восточно-европейской исторіи, иначе наше построеніе будетъ односторонне и невѣрно. Такъ, если бы мы, желая указать особенности историческаго развитія славянскаго племени, собрали для этого матеріалъ только въ польской исторіи, то наша теорія была бы не вѣрна въ томъ отношеніи, что исторіи другихъ славянъ могутъ представлять такія стадіи развитія, какихъ нѣтъ у поляковъ.

Западная историческая наука въ своихъ построеніяхъ отправляется изъ двухъ, собственно говоря, наблюдений: одно дано изученіемъ Западной римской имперіи и отношеній ея къ новымъ народамъ, другое получается изъ исторіи германцевъ, французовъ, англичанъ и др. послѣ эпохи великаго переселенія; но этихъ наблюдений

не достаточно для заключеній объ общихъ законахъ европейскаго развитія. Кто считаетъ ихъ достаточными, тотъ смотритъ на народы не-германской и не-романской расы какъ на ненужный служебный придатокъ, съ которымъ не стоить много церемониться. Въ западныхъ историческихъ системахъ нѣтъ мѣста наблюденіямъ надъ исторіей Византійской имперіи и ея отношеній къ новымъ народамъ и надъ исторіей грековъ и славянъ, персовъ, арабовъ и другихъ восточныхъ народовъ послѣ паденія Западной имперіи. Самымъ очевиднымъ и безспорно важнѣйшимъ наслѣдіемъ, завѣщаннымъ древнимъ міромъ среднимъ и новымъ вѣкамъ, нужно признать самый фактъ существованія въ Европѣ романскихъ народностей. Нынѣшніе итальянцы, французы, испанцы и румыны не суть, конечно, потомки старыхъ римлянъ, но они и не германскіе готы и лангобарды, не франки и не свевы и вестготы, это олатыненные, т.-е. романизованные германцы. Что разлагающійся якобы Римъ императорской эпохи заключалъ въ себѣ громадный запасъ жизненныхъ силъ, это видимъ изъ того, что новые народы не выказали сопротивленія культурному римскому вліянію, и всѣ были увлечены потокомъ романизаціи. Нельзя думать, что романизація была распространяема только оружіемъ и насиліемъ; нѣтъ, римская власть давала и преимущества, которыми не могли не дорожить новые народы. Не вся сила римской политики заключалась въ знаменитомъ девизѣ: *divide et impera*, т.-е. умѣй раздѣлить интересы подвластнаго населенія, и тогда легко будетъ управлять. Стало уже извѣстно, что Римъ многимъ и поступался въ пользу подвластныхъ населеній, стараясь сдѣлать мало замѣтной утрату національной свободы и переходъ подъ чуждую власть. Принято говорить, что заслуга римской имперіи состоитъ въ томъ, что она романизовала новые народы. Это значитъ, что имперія открывала новымъ народамъ доступъ къ тѣмъ благамъ культуры, которыя были выработаны совокупными усиліями эллино-римскаго міра; это значитъ, что Римъ предоставлялъ своимъ подданнымъ свободный доступъ къ образованію, къ почетнымъ должностямъ и поощрялъ ихъ предпринимать административныя, экономическія и политическія реформы въ ихъ собственныхъ областяхъ. Галлія и Испанія давали Риму императоровъ, выставляли ученыхъ и поэтовъ. Латинскій языкъ становится господствующимъ языкомъ образованныхъ сословій въ провинціяхъ; римская вѣра смѣняетъ

народныя вѣрованія, жертвенникъ Рима и Августа дѣлается политическимъ и религіознымъ центромъ въ городахъ варварскихъ. Римское право и римская система землевладѣнія безъ особенной борьбы завоевываютъ себѣ твердое положеніе въ варварскихъ земляхъ. Но нужно быть осторожнымъ при оцѣнкѣ области дѣйствія романизации. Римскія постройки, театры, бани и т. п. памятники римской пластики, архитектуры и живописи находятся по всей области римскаго политическаго вліянія до Трира, Страсбурга и Майнца. Здѣсь были опорные пункты, здѣсь стояли легіоны, на долю которыхъ падаетъ значительная часть успѣховъ распространенія римскаго языка у германцевъ. Прочно также было римское вліяніе на Дунаѣ, и тѣмъ любопытнѣе слѣды его на Балканскомъ полуостровѣ, что римское здѣсь господство было не такъ продолжительно. Итакъ, романизация должна быть признана могущественнымъ факторомъ исторіи западныхъ народовъ; но она, во-первыхъ, не въ состояніи объяснить строй западно-европейской исторіи, во-вторыхъ, она не простирается на всю Европу.

Въ то время, какъ Западъ въ лицѣ нынѣшнихъ романскихъ и романизованныхъ народовъ воспринималъ и усваивалъ себѣ разнообразныя вліянія Рима, Востокъ обнаружилъ значительное упорство въ этомъ отношеніи, выставивъ противъ романизации потокъ мѣстныхъ особенностей: особую культуру, языкъ, право, словомъ, національныя особенности. На первомъ мѣстѣ стоитъ, конечно, Греція, хотя и слабая политической силой, но гордая своей старой культурой, нѣкогда возобладавшей даже въ Римѣ, имѣвшая свой развитой языкъ и вѣковыя историческія традиціи. Рядомъ съ Греціей нужно поставить восточныя римскія провинціи: Малую Азію, Сирію, Палестину, Месопотамію и Египеть. Не въ томъ, конечно, нужно искать причину ослабленія романизации въ названныхъ областяхъ, что онѣ меньше подвергались прямымъ воздѣйствіямъ латинскаго языка или римскаго права, а въ томъ, что греки, египтяне, сирійцы и другіе народы оказались въ состояніи выдержать борьбу съ романскимъ теченіемъ, выставивъ въ отпоръ ему не менѣе жизненныя національныя культурныя теченія. Въ той же степени была неудачна романизация въ отношеніи къ тѣмъ славянамъ, которые входили въ сношенія съ имперіей. Славянамъ предстоялъ выборъ между римско-католическими вліяніями и противоположными имъ; что выборъ ихъ

склонился не въ пользу романизма, этимъ, съ одной стороны, опредѣлился характеръ ихъ исторіи, съ другой намѣчались особенности историческаго развитія цѣлой половины европейскаго человѣчества.

Восточная имперія, отдѣлившись отъ Западной, прежде всего отмѣчаетъ свои историческія тенденціи принятіемъ греческаго языка своимъ официальнымъ языкомъ, этимъ уже дано было внѣшнее выраженіе преобладанію эллинскихъ элементовъ надъ романскими. Далѣе, Восточная имперія разрѣшаетъ проблему, которой не удалось разрѣшить Западной,—она ужилась съ новыми варварскими элементами, вступивъ съ ними въ такой родъ соединенія, который не удался на Западѣ. Наконецъ, Восточная имперія по своему этнографическому составу и по своимъ учрежденіямъ представляетъ въ себѣ протестъ противъ того утвержденія, что типъ, по которому сложилась западно-европейская исторія, есть универсальный типъ. И, конечно, было бы ошибочно строить теоріи историческаго развитія народовъ, исходя исключительно изъ фактовъ западной исторіи и пренебрегая восточно-европейской, т.-е. цѣлой половиной подлежащаго изученію матеріала. Восточная имперія перестаетъ быть продолженіемъ римской съ VII и въ особенности съ VIII вѣка, она становится съ тѣхъ поръ представительницей византизма. На этой ступени развитія она можетъ быть сравниваема съ римской имперіей Карла Великаго; какъ послѣдняя образовалась изъ сочетанія національных германскихъ началъ и романскихъ элементовъ, такъ и Византійская имперія произошла изъ взаимодействія греко-римскихъ и разнообразныхъ варварскихъ элементовъ. Формальный параллелизмъ главныхъ фактовъ западно-европейской и византійской исторіи можетъ подкупить въ пользу того мнѣнія, что формы западнаго развитія вполнѣ соотвѣтствуютъ восточнымъ. Но стоитъ обратить вниманіе на подробности, и дѣло получаетъ совсѣмъ иной видъ.

Въ отношеніяхъ новыхъ народовъ къ имперіи нужно различать двоякаго рода случаи: или варвары насильно врывались въ имперскія области и располагались въ нихъ на временное или постоянное жительство, или же поселеніе совершалось по взаимному соглашенію и договору. Въ послѣднемъ случаѣ народъ свободно располагался или въ завоеванной имъ области, или въ такой, которая ему была указана императорскимъ правительствомъ на извѣстныхъ условіяхъ. Главной задачей имперіи въ томъ и въ другомъ случаѣ было

установить съ варварами болѣе или менѣе сносный родъ сожительства, сосѣдства или союза. Отъ фактическаго порабощенія новыхъ народностей, неудержимо напиравшихъ на рейнскія и дунайскія границы, имперія отказалась уже въ IV в. Самымъ критическимъ моментомъ нужно считать начало V в., когда Востокъ и Западъ одинаково находились въ рукахъ варварскихъ предводителей. Это было время правленія дѣтей Θεодосія Великаго, Аркадія и Гонорія, но во главѣ стояли Руфинъ и Стилихонъ. Тогда въ первый разъ готы начинаютъ смѣлая нападенія на Италію. Аларихъ и Атаульфъ въ 410 г. взяли Римъ и сдѣлались обладателями имперіи, тогда же другіе варвары прорываются за Рейнъ и овладѣваютъ Галліей. Аларихъ не остается въ Римѣ („варвары боялись городовъ, какъ могилъ“), Атаульфъ униженно проситъ императора дать ему руку сестры его и указать, какимъ образомъ готы могутъ служить интересамъ Рима. А Θεодорихъ Великій писалъ императору: „Богу угодно было, чтобы я научился правительственной наукѣ въ вашей имперіи. Наше королевство—подражаніе вашему; мы превосходимъ другіе народы тѣмъ, что подражаемъ вамъ“. Имперія нѣсколько разъ лежала у ногъ варварскихъ побѣдителей задолго еще до такъ называемаго паденія Западной имперіи, но престижъ имени римской имперіи наводилъ чары на завоевателей и гналъ ихъ изъ побѣжденнаго Рима. Съ этой точки зрѣнія отношенія одинаковы какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ. Разница та, что, лишенный преимущества быть столицей имперіи, Римъ съ половины V в. теряетъ свой престижъ, и на томъ мѣстѣ, гдѣ была имперія, начинаютъ зарождаться этнографическія группы, которымъ предстояло выработать формы политической жизни. Между тѣмъ, столица Восточной имперіи пережила крушеніе Рима и должна была на Востокѣ и Западѣ продолжать по отношенію къ варварамъ дѣло имперіи. Несмотря на сильный потокъ романизации, увлекшій своимъ теченіемъ новые народы, Западъ теряетъ связь со своимъ центромъ и переноситъ историческій пульсъ на окраины, въ кельтогерманскія и германскія области. На Востокѣ Константинополь оставался политическимъ, культурнымъ и религіознымъ центромъ, къ которому постоянно притекали свѣжія силы, и у котораго никто не могъ оспаривать его первостепеннаго значенія. Задача обновленія древней имперіи принятіемъ новыхъ народовъ разрѣшилась на Востокѣ гораздо благоприятнѣе, чѣмъ на Западѣ. Въ этомъ отношеніи

главнѣйше имѣется въ виду славянская колонизація. Византійская имперія не только нашла способъ воспринять въ себя новые этнографическіе элементы, т.-е. поставить варваровъ въ такое положеніе, въ которомъ бы они съ наибольшей пользой служили цѣлямъ имперіи, но еще представила опытъ согласованія романизма и эллинизма съ началами, воспринятыми отъ новыхъ народовъ.

Около времени паденія Западной имперіи на Востокъ былъ составленъ особый законникъ, въ которомъ римскія правовыя воззрѣнія согласованы и примѣнены къ потребностямъ восточныхъ провинцій имперіи. Въ VIII в. составленъ другой законодательный памятникъ, въ которомъ не столько римское право примѣнено къ потребностямъ славянскихъ населеній, сколько передѣланъ законъ о сельскомъ сословіи согласно съ новыми началами, внесенными въ имперію новыми подданными. Оба названные памятника имѣютъ общее значеніе; они показываютъ, съ одной стороны, какія преграды выставилъ Востокъ романизаціи, съ другой—оба они служатъ выраженіемъ византинизма и показателемъ заключающихся въ немъ понятій. Такъ называемый сирійско-римскій законникъ, открытый въ 1880 году, имѣлъ широкое распространеніе на Востокъ отъ VI до XIV вѣка. Если припомнимъ, что въ томъ же VI вѣкѣ Юстиніанъ предпринялъ задачу редактировать старое римское законодательство и собрать объясненія римскихъ юристовъ, и если результаты его дѣятельности—Пандекты и кодексъ—не получили абсолютнаго примѣненія въ Византійской имперіи, то виной тому былъ, между прочимъ, указанный выше сирійскій законникъ. Онъ составилъ собой непреодолимую преграду для распространенія Юстиніанова кодекса, такъ какъ былъ болѣе практиченъ, а главное примѣненъ къ потребностямъ и интересамъ восточныхъ народовъ. Такимъ образомъ, распространенію римскаго права на Востокъ была положена преграда въ концѣ V вѣка.

Подобная же переработка римскаго права въ интересахъ разноплеменнаго состава имперіи наблюдается и въ послѣдующіе періоды. Особенный интересъ въ этомъ отношеніи имѣютъ слѣды славянскаго обычнаго права въ византійскомъ законодательствѣ. Въ законодательствѣ VIII вѣка являются совершенно неожиданныя и трудно объяснимыя изъ римскаго права новшества: свободное крестьянское сословіе и свободное мелкое землевладѣніе. Законъ примѣненъ къ

потребностямъ населенія, живущаго въ общинѣ и владѣющаго общинной землей. Эти новшества въ греческомъ законодательномъ памятникѣ, изданномъ византійскимъ императоромъ, характеризуютъ византинизмъ и показываютъ, что въ немъ заключены и славянскія правовыя воззрѣнія, и слѣды славянскаго быта.

Итакъ, отдавая должное романизации въ процессѣ образованія западно-европейской государственности, мы, съ другой стороны, не можемъ не придавать значенія византинизму, какъ организующему началу историческаго развитія на юго-востокѣ Европы. Будемъ справедливы и согласимся, что, если романизмъ формируетъ франкское государство и лежитъ важнымъ факторомъ въ имперіи Карла В. и Оттоновъ, если римскія правовыя воззрѣнія оказываютъ очень сильное дѣйствіе во всей исторіи Запада, то, съ своей стороны, византинизмъ становится идеаломъ славянскаго царства, къ которому стремятся передовые славянскіе народы; съ Юга византинизмъ доходитъ до Кіева и Москвы, по византійскимъ началамъ складывается историческая жизнь восточно-европейскихъ народовъ. Въ связи съ византинизмомъ стоитъ распредѣленіе Европы на двѣ половины: православную и католическую. Словомъ, византинизмъ есть историческій принципъ, дѣйствія котораго обнаруживаются въ исторіи народовъ Юга и Востока Европы; этотъ принципъ заправляетъ развитіемъ многихъ народовъ до настоящаго времени и выражаетъ особый складъ вѣрованій и политическихъ учрежденій, и, можно думать, особый видъ организаціи сословныхъ и земельныхъ отношеній.

Когда мы обсуждаемъ какое-либо событіе политической, военной или дипломатической исторіи, всегда можемъ, разложивъ его на составныя части, доискаться, до нѣкоторой степени, причинъ, давшихъ ему извѣстное направленіе. Такъ, можемъ указать нѣкоторыя причины неуспѣха Франціи въ войнѣ съ Пруссіей, или до нѣкоторой степени объяснить неудачный походъ Наполеона I на Россію, или, наконецъ, намѣтить, хотя бы въ общихъ чертахъ, причины нашихъ неудачъ въ войнѣ съ Японіей. Но гораздо труднѣе дается пониманіе фактовъ, относящихся до внутренней исторіи. Здѣсь гораздо сложнѣе составные элементы, меньше замѣтна личная инициатива; здѣсь, наконецъ, не такъ легко опредѣлить причины, производящія то или иное сочетаніе фактовъ. Разумѣемъ народныя вѣрованія, обычаи,

формы общественной жизни, умственное движение, прогрессъ и упадокъ и т. п. Сколько, въ самомъ дѣлѣ, данныхъ нужно принять въ соображеніе, чтобы объяснить себѣ, почему Франція такъ быстро оправилась послѣ непримѣрной въ лѣтописяхъ войны?

И между тѣмъ фактамъ и явленіямъ, относящимся до исторіи культуры, нельзя не придавать рѣшительнаго преимущества тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о сравнительной оцѣнкѣ развитія двухъ половинъ Европы. Убѣдительная сила ихъ заключается въ томъ, что сравненію могутъ подвергаться факты одной и той же категоріи, и притомъ не въ одной, а въ послѣдовательныхъ стадіяхъ развитія, отъ первичной формы до вполне законченной. Можно сравнивать философское и религиозное движение на Западѣ и Востокѣ, искусство и литературу, наконецъ, формы общественности и государственное и церковное устройство.

Мы возьмемъ для сравненія рядъ фактовъ, относящихся къ развитію общественности на Западѣ и Востокѣ; это дастъ намъ случай высказать нѣсколько соображеній по поводу того историческаго направленія, которое переноситъ центръ тяжести въ исторіи на изученіе экономическихъ факторовъ народнаго хозяйства. Названное направленіе или школа оказала большую услугу въ особенности тѣмъ, что выяснила первоначальныя основанія, на которыхъ покоится средневѣковой общественный и политическій складъ. Сведя эти основанія къ неумолимому закону политической экономіи, она придала, какъ кажется, слишкомъ важное значеніе этому закону въ ущербъ наблюденіямъ, получаемымъ изъ исторіи Восточной Европы.

Западныя лѣтописи, законодательства и частные акты открываютъ одно замѣчательное явленіе средневѣковой жизни, которое одинаково повторяется во всѣхъ слояхъ общества. Болѣе слабые въ экономическомъ отношеніи, равно какъ ниже другихъ стоящіе по своимъ гражданскимъ правамъ люди, дабы избѣжать разнаго рода житейскихъ невзгодъ, поголовно стремятся отыскать себѣ защитника въ лицѣ богатаго и сильнаго сосѣда. Это весьма распространенный актъ комментаціи, которымъ лица низшихъ сословій и состояній принимали на себя добровольную, повидимому, зависимость, на самомъ же дѣлѣ вступали въ кабалу. Одни вступали въ зависимость къ королю, другіе—къ частнымъ лицамъ. Кто искалъ защиты, тотъ

обязывался къ послушанію и разнаго рода повинностямъ и службѣ; кто обѣщаль защиту, тотъ давалъ согласіе оберегать интересы защищаемыхъ. Этотъ обычай былъ такимъ общераспространеннымъ и такъ согласовался съ условіями жизни, что тогдашніе законы, повидимому, не допускали иного состоянія, какъ зависимое. „Каждый, говорится въ одномъ распоряженіи Карла Великаго, имѣеть право послѣ смерти своего господина рекомендовать себя другому“. Или еще: „Всѣмъ дозволяется держать въ своей коммѣндаціи свободныхъ людей“. Люди благороднаго происхожденія и вообще привилегированные классы также не были свободны отъ этого акта коммѣндаціи съ тою лишь разницей, что, когда знатный германецъ вступаетъ въ личную зависимость короля и даетъ ему присягу на вѣрность, онъ выигрываетъ этимъ, ибо получаетъ большія преимущества по военной службѣ, на его долю перепадаетъ много благъ по управленію провинціями, по почетнымъ назначеніямъ и т. п. Точно также пользуются уже отъ него преимуществами и выгодами и тѣ лица, которыя находятся у него въ коммѣндаціи.

Таково всеобщее явленіе, происхожденіе и послѣдствія котораго въ высшей степени важны для всей исторіи западнаго развитія. Въ сферѣ земельныхъ отношеній оно постепенно направляется къ тому, чтобы подвести все крестьянское населеніе въ зависимое отъ помѣщика-землевладѣльца состояніе. На всемъ пространствѣ Европы, куда простиралась романизация, къ VIII вѣку складывается одинъ и тотъ же типъ соціальнаго и экономическаго: помѣщичья усадьба и кругомъ нея зависимыя отъ помѣщика крестьянскія селенія, жители которыхъ находятся въ коммѣндаціи у помѣщика, отбывая разныя натуральныя и денежныя повинности въ его пользу.—Часто бывали случаи отпущенія на волю; изъ этого ясно, что существовало и обратное теченіе въ жизни, которое возводило людей къ свободѣ; но обстоятельства времени были такъ неблагоприятны, что свободный опять долженъ былъ искать себѣ господина и защитника. „Если тебѣ случится—говорится въ одномъ памятникѣ—для защиты своихъ правъ гражданскихъ прибѣгнуть подъ покровительство церкви или кого найдешь удобнымъ, то имѣешь къ тому полную свободу“.

Въ объясненіи этой черты западнаго развитія ученые не сходятся. Они приписываютъ ее національной особенности германцевъ, другіе—кельтовъ, третьи объясняютъ вліяніемъ римской политиче-

ской и экономической системы. Римская земельная система императорской эпохи характеризуется господством крупного владѣнія. Въ каждомъ значительномъ римскомъ хозяйствѣ одна часть земли выдѣлялась подъ помѣщичью усадьбу, а другая была раздѣляема на мелкіе участки, которые были сдаваемы въ арендное содержаніе. Управление хозяйствомъ и крестьянскимъ населеніемъ было поручаемо надзирателю, такъ какъ самъ помѣщикъ жилъ въ городахъ и въ свою виллу рѣдко заглядывалъ. Устройство римской помѣщичьей усадьбы (лат. villa) сдѣлалось образцомъ для средневѣковаго хозяйства. Право собственности на землю принадлежитъ помѣщику, въ фактъ обработки чужой земли лежитъ идея зависимости. Кто сѣлъ на чужую землю и сталъ обрабатывать ее, тотъ вступилъ въ зависимое положеніе къ владѣльцу земли. Такимъ образомъ, римскій патронатъ смѣняется въ занимающей насъ періодъ комментаціей.

Но вопросъ нѣсколько измѣнится, если обратить вниманіе на то обстоятельство, что въ основаніи общаго стремленія къ кабалѣ со стороны отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ классовъ лежатъ условія экономической тягости и недостатка средствъ къ осуществленію гражданскихъ правъ. Тѣ, которые относятъ указанное явленіе на счетъ римскаго вліянія, правы лишь въ томъ отношеніи, что усмотрѣли сходство въ организаціи римской виллы и средневѣковой помѣщичьей усадьбы, но едва ли вѣрно предположеніе о генетической связи той и другой системы. Одинъ изъ видныхъ представителей этой школы, англичанинъ Сибомъ ¹⁾, который послѣдовательно провель свою теорію отъ начала исторіи до XIX вѣка, нашелъ въ актѣ комментаціи и въ системѣ римской виллы оправданіе современнаго аграрнаго строя Англій. Онъ написалъ ученую книгу, въ которой доказываетъ, что весь процессъ соціальнаго развитія, который только можно прослѣдить по памятникамъ, состоитъ въ постепенномъ освобожденіи земледѣльца отъ крѣпостной зависимости къ господину, доказывая, что, чѣмъ дальше идти въ глубь исторіи, тѣмъ дѣло было хуже. За 2000 лѣтъ исторія знаетъ одинъ типъ крестьянскаго сословія—зависимый отъ помѣщика и сидящій на чужой землѣ; эволюція же заключается въ томъ, что узы зависимости постепенно ослабѣваютъ и къ XIX вѣку почти повсемѣстно разрушаются.

¹⁾ Seebohm, „Village Community“. Въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1911 г. (мартъ и апрѣль) помѣщена статья по этому вопросу профессора П. Г. Виноградова.

Позволимъ себѣ здѣсь историческую справку. Періодъ великихъ потрясеній и переворотовъ, истребленія или изгнанія цѣлыхъ народовъ, тотъ періодъ, когда кочующій военный станъ не могъ располагаться въ занятой странѣ на продолжительное время, а часто долженъ былъ уступать ее новому болѣе сильному кочующему войску—ужели возможно смотрѣть на этотъ періодъ какъ на смѣну одной земельной системы другою? Въ эпоху переселенія народовъ исторія имѣетъ дѣло съ кочующими войсками, у которыхъ соціальныя отношенія строились, конечно, не на поземельномъ владѣніи. Организациа германскаго войска основывалась на родовыхъ отношеніяхъ; изъ нихъ же должна быть объясняема и исторія ихъ послѣ переселенія. Но всего труднѣе было бы примирить занимающую насъ систему съ тѣмъ наблюденіемъ, почерпаемымъ изъ средневѣковыхъ памятниковъ, что актъ комментаціи есть переходъ изъ свободнаго состоянія въ несвободное, что, слѣдовательно, былъ довольно значительный контингентъ свободныхъ состояній, который терялъ свою свободу посредствомъ комментаціи.

Кто не слыхалъ о германской маркѣ, т.-е. о нѣмецкой свободной деревенской общинѣ, представляющей семейнородовую и территориальную административную и судебную единицу? Въ исторіи германской марки слѣдуетъ искать объясненія того порядка вещей, который побуждалъ свободнаго челоуѣка жертвовать своей независимостью; здѣсь же, съ другой стороны, находитъ себѣ примѣненіе тотъ экономическій законъ, который требовалъ „соединенія хозяйственныхъ силъ“, организациі крупныхъ хозяйственныхъ предпріятій, „подчиненія большихъ массъ свободныхъ мелкихъ землевладѣльцевъ волѣ одного крупнаго собственника“.

У насъ въ 40-ыхъ годахъ прошлаго вѣка община была открыта Гакстаузеномъ, у нѣмцевъ подобное же открытіе сдѣлалъ Мауреръ. Онъ выяснилъ, что марка есть свободная нѣмецкая община. Она была основой соціальной жизни германцевъ и много времени послѣ эпохи переселенія, въ марковомъ устройствѣ жилъ многочисленный классъ свободныхъ земледѣльцевъ. Члены марки составляли между собой союзы по общинному владѣнію землей, по отбыванію государственныхъ повинностей и составляли изъ себя цѣлыя селенія или деревни. „Свободныя деревни, говоритъ Мауреръ, первоначально были весьма распространены повсюду. Эти деревни стали постепенно утрачивать

свободу по мѣрѣ того, какъ отдѣльные члены переходили въ несвободное состояніе“. Исторія разложенія крестьянской общины въ Германіи весьма поучительна, съ точки зрѣнія тѣхъ разрушительныхъ силъ, которыя стремились къ раздробленію, ослабленію и подчиненію ея. Для Европы въ настоящее время это имѣетъ скорѣе научный и историческій интересъ, у насъ же въ Россіи—интересъ современности, ибо и въ законодательствѣ, и въ наукѣ, и въ литературѣ вопросъ объ общинѣ играетъ важную роль.

Процессъ разрушенія германской марковой системы составляетъ такое отдаленное прошлое, что о немъ можно говорить съ полнымъ безпристрастіемъ. Съ экономической стороны мелкому землевладѣнію былъ нанесенъ сильнѣйшій ударъ измѣненіями въ условіяхъ сельскаго хозяйства, послѣдовавшихъ при Каролингской династіи. Въ большихъ помѣстьяхъ духовныхъ и свѣтскихъ землевладѣльцевъ по собственному почину Карла V. начинается система большихъ запашекъ, расчистки лѣсовъ, поднятія новинъ, требовавшая болѣе сложныхъ орудій обработки и вызывавшая искусственную организацію хозяйства съ помощью труда зависимаго населенія. Было бы несправедливо утверждать, что крестьянская община не нашла въ самой себѣ средствъ приспособленія къ измѣнившимся условіямъ. Замѣчаются частныя и соединенныя предпріятія крестьянъ, относящіяся къ увеличенію запашекъ и обработкѣ незанятыхъ земель, которыя могли бы развиваться до крупныхъ размѣровъ, если бы само правительство не положило тому предѣла. Съ другой стороны, происходитъ измѣненіе въ старой системѣ поселеній небольшими погостами или отдѣльными хуторами: крестьяне сгущаются въ большихъ деревняхъ. Эти явленія въ германской маркѣ вызывались, конечно, необходимостью конкуренціи съ большими производствами продуктовъ въ богатыхъ усадьбахъ. Но артельныя предпріятія въ общинѣ не могли быть такими успѣшными, какъ у сосѣдняго землевладѣльца, располагавшаго капиталомъ, громаднымъ количествомъ рабочихъ рукъ и усовершенствованными орудіями. Расширялась колонизаціонная дѣятельность марки, но съ основаніемъ новыхъ хозяйствъ не выигрывала экономическая ея сила. Въ концѣ концовъ, оказалась бѣдность, потомъ пошли недоимки, долги. Свободный членъ марки былъ вынужденъ выходить изъ общины и вступать въ зависимое положеніе къ богатому сосѣду. Это направленіе въ общественной

жизни должно быть сведено къ своимъ первоначальнымъ и простымъ причинамъ: крайняя бѣдность и невозможность пропитанія, недостатокъ защиты отъ притѣсненій сильныхъ сосѣдей, тяжелыя подати, воинская повинность и, наконецъ, притѣсненія отъ мѣстнаго сеньера землевладѣльца, который творитъ неправый судъ. Таковы были обстоятельства, точно указываемыя въ тогдашнихъ кабальныхъ и запродажныхъ актахъ, которыя приводили къ комментаціи.

Весь строй государства приближался къ тому состоянію, въ которомъ не оставалось мѣста другимъ формамъ быта, кромѣ зависимости. Въ самой деревенской общинѣ этотъ процессъ выразился въ обнищаніи однихъ и въ непомерномъ обогащеніи другихъ. На счетъ обѣднѣвшей массы возвышаются богатые крестьяне, которые становятся во главѣ общины и вліяютъ на дѣла ея. Было нарушено равенство въ земельныхъ надѣлахъ, вслѣдствіе чего пострадалъ принципъ равенства между членами марки. Сосѣдніе землевладѣльцы стали увеличивать свои помѣстья пріобрѣтеніемъ участковъ въ общинной землѣ, а члены деревенской общины не въ состояніи были дать отпора ихъ притязаніямъ. Какъ скоро среди марки появлялась помѣщичья усадьба, эта послѣдняя необходимо должна была стремиться къ широкимъ хозяйственнымъ предпріятіямъ, основывающимся на организаціи зависимаго труда и капитала. Тогда въ маркѣ появлялись господская усадьба и зависимая отъ нея земля, рабы и крѣпостные крестьяне, сидящіе на землѣ помѣщика. Этимъ рѣшалась навсегда участь свободной деревенской общины. Переходъ марковаго устройства въ зависимое происходилъ иногда съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ условій, т.е. члены общины вступали въ отдѣльные договоры съ землевладѣльцемъ, и вся марка правильно и законно входила въ помѣщичью усадьбу. Отмѣченный социальный процессъ происходилъ на глазахъ исторіи, своего большаго напряженія онъ достигаетъ въ VIII и IX вѣкахъ. Для существа дѣла, конечно, безразлично, какъ относится къ нему та или другая научная школа: какъ къ обычаю германской защиты, или кельтской кліентелы, или какъ къ перешедшей въ средневѣковую Западную Европу системѣ устройства римской виллы. Для насъ гораздо важнѣе та наглядная понудительная сила экономическихъ условій, которая разрушительно дѣйствовала на мелкое землевладѣніе. И нужно замѣтить, что современники не только видѣли, какъ складываются земельныя и социальныя отношенія,

но и понимали, какіе изъ того послѣдуютъ результаты. Въ законахъ и распоряженіяхъ Карла Великаго очень выразительно отмѣчены жалобы бѣдныхъ людей на хищничество сильныхъ, которые отнимаютъ у нихъ участки и лишаютъ свободы. Каролинги пытались защитить слабыхъ противъ сильныхъ, запрещали „графамъ, викаріямъ и судьямъ скупать имущества бѣдныхъ подъ обманнымъ предлогомъ, тѣмъ болѣе отнимать насильно и похищать его“; высказывали желаніе, чтобы „графы не понуждали свободныхъ людей къ рабскому труду“; объявляли недѣйствительными кабальныя записи, по которымъ свободные люди отдавали себя въ комментацію. Но императорскія предписанія не достигали цѣли. Посылаемые въ провинцію ревизоры (миссы) доносили, что „безчисленное множество народа находится въ угнетеніи, лишено имущества и свободы, и что графы и другіе чиновники дурно исполняютъ законы“. Но теперь уже дознано, что серіозной и рѣшительной борьбы съ возникающей земельной аристократіей, о злоупотребленіи которой здѣсь говорится, Каролинги не предприняли. Карлъ и самъ былъ заботливый хозяинъ, и въ его собственныхъ помѣстьяхъ происходили тѣ же порядки, что у другихъ крупныхъ собственниковъ ¹⁾).

Къ тому же результату, т.-е. къ уравненію свободныхъ земледѣльцевъ съ рабами и подведенію того и другого состоянія въ классъ крѣпостныхъ крестьянъ—вело усиленіе служилаго сословія, какъ военнаго, такъ придворнаго и административнаго. Это сословіе выросло и окрѣпло на пожалованіяхъ населенными землями. При Карлѣ Великомъ оно начинаетъ только заявлять свои политическія сословныя тенденціи, а при его преемникахъ безъ помѣхи осуществляетъ ихъ. Землевладѣлецъ стремится быть придворнымъ и административнымъ органомъ, послѣдніе выбирались непременно изъ землевладѣльцевъ. Государственная служба, въ особенности военная, вознаграждалась земельными пожалованіями (бенефиція). Дальнѣйшее социальное преобразование совершается подъ вліяніемъ помѣщичьихъ притязаній служилаго сословія. Въ общихъ чертахъ оно развивалось подъ вліяніемъ системы бенефицій. Слово „бенефиція“ латинскаго происхожденія и сравнительно поздно замѣнилось германскимъ феодъ или фьефъ (feodum, fevum=fief). Извѣстно, что бенефиція сначала обозначала

¹⁾ Monum. Germaniae Historica. Capitularia ed. Boretius (Capitul. de villis и Capit. Aquisgranense).

временное и отчуждаемое владѣніе. Она пережила довольно длинный періодъ въ этомъ состояніи непрочнога владѣнія, зависѣвшаго отъ доброй воли жаловавшаго; бенефиція пріобрѣтаетъ значеніе важнаго соціального фактора тогда, когда она дѣлается наслѣдственною въ одномъ родѣ. Тогда на почвѣ бенефиціального владѣнія начинается образованіе крупныхъ помѣстій, развивающееся въ двухъ направле- ніяхъ: съ одной стороны, округляются пожалованныя земли, съ другой уничтожается черезполосица въ видѣ мелкихъ крестьянскихъ участковъ, владѣльцамъ которыхъ было не подъ силу бороться съ крупнымъ сосѣдомъ. Въ особенности церковь пріобрѣтала громадныя земельныя владѣнія этимъ путемъ, такъ какъ церковная собственность и люди, принадлежащіе церкви, пользовались освобожденіемъ отъ государственныхъ податей и повинностей. Какъ мы видѣли, Каролинги старались пріостановить паденіе мелкой поземельной собственности и поддержать свободныхъ поселянъ. Но вмѣшательство правительственной власти имѣло роковое значеніе для крестьянской общины. Каролинги одной рукой возстановляли общину, другой же наносили ей тяжкіе удары. Извѣстно, что до развитія городской жизни, до того времени, какъ торговля и промышленность сдѣлались важнымъ общественнымъ факторомъ, земледѣліе служило единственнымъ ресурсомъ въ финансовой системѣ государства. Въ половинѣ VIII в. произошло измѣненіе въ военномъ дѣлѣ, пѣхота перестаетъ играть первую роль, потребовалась военная служба на конѣ, вслѣдствіе чего значительно повысились расходы по военной службѣ. Государству негдѣ было взять людей, бывшихъ въ состояніи нести конную службу; ресурсъ, изъ котораго брались земельныя пожалованія, изсякъ; крестьянская община подорвана въ своихъ средствахъ. Тогда Каролинги рѣшились позаимствоваться церковными земельными владѣніями и провели знаменитую секуляризацию (отчужденіе церковныхъ имуществъ). Это была радикальная мѣра, приведшая многіе монастыри въ бѣдность и возвратившая государству чуть ли не треть всей тогдашней Франціи. Но въ виду того, что эта мѣра была вызвана военными потребностями времени, она и послужила главнѣйше для военныхъ цѣлей. Отнимаемая отъ церкви земли поступали въ бенефиціи свѣтскимъ лицамъ— съ тою лишь разницею противъ предыдущей практики, что теперь бенефиція жаловалась за военную службу и подъ условіемъ обязательнаго ея исполненія. Начало, положенное Карломъ Мартеломъ

и Пипиномъ, было примѣняемо Карломъ В. и сыномъ его, Людови-комъ. И всякій разъ, когда государство ощущало потребность въ людяхъ или въ деньгахъ, оно снова обращалось къ тому же источнику и снова раздавало участки церковныхъ земель служилымъ людямъ. Виновникомъ этой радикальной мѣры, положившей на Западѣ основаніе феодализму, считается Карль Мартелъ. Ближайшіе его потомки смотрѣли на его поступокъ какъ на величайшую несправедливость, за которую побѣдитель арабовъ и спаситель всего западнаго христіанства осужденъ въ загробной жизни на вѣчное мученіе. Есть средне-вѣковой разсказъ („Видѣніе Евхерія“), въ которомъ повѣствуется, что разъ къ орлеанскому епископу, по имени Евхерію, явился во снѣ ангель и повелъ его обозрѣвать загробныя пространства. Въ аду они замѣтили Карла Мартела, и ангель объяснилъ, что франкскій король наказанъ за вредъ, причиненный имъ церкви. Проснувшись, Евхерій сообщилъ объ этомъ св. Бонифацію и аббату С.-Дени, Флодоарду. Всѣ трое отправились къ гробницѣ Карла и, когда открыли ее, тѣла не нашли, а видѣли только огненнаго змѣя, вылетѣвшаго изъ гробницы. Тогда всѣ убѣдились, что Карль дѣйстви-тельно мучился въ аду.—Важно въ этомъ разсказѣ то, что онъ появился въ IX вѣкѣ и составленъ съ цѣлью устрашить дѣтей Людовика Благочестиваго, желавшихъ снова наложить руку на церковныя имущества.

Правовое значеніе бенефиціи совпадаетъ съ актомъ коммѣндаціи. Что коммѣндація дѣлала съ крестьянской общиной, подчиняя свободныхъ людей власти помѣщика, то же дѣлала бенефиція съ вла-дѣющими классами. Именно, здѣсь нарождаются рядомъ съ бенефи-ціей сюзеренныя и вассальныя отношенія. Припомнимъ, что Каро-линги воспользовались раздачей бенефицій для военныхъ цѣлей. Давая бенефицію служилому чловѣку, король требовалъ отъ него коммѣндаціи, вслѣдствіе которой становился сюзереномъ или сенье-ромъ, а получившій бенефицію—вассаломъ. Эти новыя слова, сюзерень и вассаль, характеризуютъ VIII и IX вѣка. Всякій свободный могъ быть вассаломъ, но, съ другой стороны, нѣтъ такого высокаго общественнаго положенія, которое бы не было совмѣстимо съ именемъ вассала. Въ 757 г. баварскій герцогъ Тассило далъ вассальную присягу королю Пипину, скоро затѣмъ такую же присягу даетъ князь славянскаго пле-мени бодричей. Актъ вступленія въ вассальныя отношенія заключался въ

слѣдующемъ. Желавшій сдѣлаться вассаломъ долженъ былъ при торжественномъ собраніи вассаловъ своего будущаго сюзерена дать ему присягу на вѣрность, для чего являлся съ непокрытой головой и безъ оружія, преклонялся предъ будущимъ сюзереномъ и цѣловалъ ему руку; послѣдній возлагалъ руку на его голову и, выслушавъ присягу на вѣрность, надѣлялъ его бенефиціей. Съ тѣхъ поръ устанавливались личныя отношенія вѣрности между сюзереномъ и вассаломъ, эти отношенія были выше всякихъ другихъ. Главнѣйше вассаль обязывался къ военной службѣ по требованію и въ интересахъ сеньера; количество людей, съ которыми онъ долженъ былъ являться на войну, зависѣло отъ большей или меньшей доходности бенефиціи; затѣмъ вассаль долженъ былъ обращаться къ суду сеньера во всѣхъ случаяхъ, когда у него возникали дѣла съ вассалами того же сеньера. Но, за исполненіемъ этихъ обязанностей, вассаль былъ вполнѣ независимъ въ своихъ владѣніяхъ; тамъ онъ былъ сюзереномъ, ибо могъ имѣть собственныхъ вассаловъ и подвассаловъ. Въ VIII вѣкѣ узы сеньората и вассалитета еще были не прочны; бенефиція жаловалась временно, всякое нарушеніе обязательствъ могло сопровождаться отнятіемъ бенефиціи и расторженіемъ вассальныхъ отношеній. Натурально, что сильно заявляла себя тенденція достигнуть пожизненности и наследственности въ правѣ владѣнія бенефиціей, и эта тенденція увѣнчалась успѣхомъ при дѣтяхъ Карла Великаго (843).

Отношенія вассала къ сеньеру не создавали еще феодализма, а только обусловливали его развитіе. Это развитіе направлялось двумя путями. Съ одной стороны, присяга на вѣрность, даваемая вассаломъ сеньеру, не исключала присяги на вѣрность королю, но уже въ первой заключалось предрасположеніе къ умаленію важности второй. Король прямо и непосредственно могъ опираться только на вѣрность прямыхъ своихъ вассаловъ; непосредственно же отъ короны давались далеко не всѣ бенефиціи. Могъ наступить моментъ, когда всѣ сеньеры обратятся въ сословіе, преслѣдующее сословныя, а не государственныя интересы; тогда король окажется безъ подданныхъ, ибо сеньеріальная система знаетъ подчиненіе вассала сеньеру, а не подданнаго своему государю. Тенденція же прямыхъ королевскихъ вассаловъ обратиться въ замкнутое сословіе завершается въ X вѣкѣ. Къ этому времени становятся наследственными государственныя должности,

устанавливается наследство бенефиций, и сословие сеньеровъ становится крѣпкимъ и замкнутымъ, преслѣдующимъ сословные интересы. Королевская власть все болѣе ступшевуется, а на мѣсто ея вырастаетъ административная и судебная власть сеньеровъ. Связи между королемъ и подданными рушатся, и на мѣсто ихъ возникаютъ связи между мѣстнымъ феодальнымъ владѣтелемъ и зависимымъ отъ него населеніемъ. Большія области, управляемыя наследственными администраторами, обращаются въ замкнутыя въ себѣ территоріи съ отдѣльнымъ судомъ сюзерена, съ своей финансовой системой, съ своими денежными знаками, съ своимъ войскомъ, наконецъ, съ своимъ мѣстнымъ государемъ. По подобію первыхъ образуются меньшія территоріи съ независимыми владѣльцами.

Вотъ результатъ, къ которому пришло западно-европейское развитіе въ X вѣкѣ. Характеризовать его можно немногими словами. Сверху донизу постепенно понижающаяся лѣстница іерархическихъ ступеней. Верхніе слои держатся узами сеньерата и вассалитета, нижніе находятся въ полномъ подчиненіи феодальной знати, которая раскинула свои корни по всей территоріи, подвергшейся вліянію романизациі.

Нѣсколько прекрасныхъ страницъ въ III т. „Исторіи цивилизациі во Франціи“ Гизо, посвященныхъ описанію феодальнаго замка и земледѣльческаго населенія кругомъ его, даютъ яркую картину средневѣковой жизни, которая переноситъ въ новый и чуждый намъ міръ отношеній. Никто не будетъ отрицать, что въ феодализмѣ мы имѣемъ самый выразительный и самый существенный признакъ западной исторіи. По разнообразію факторовъ, входящихъ въ его образованіе, по постепенности, съ которой обнаруживаются въ немъ экономическіе, соціальные и политическіе элементы, наконецъ, по глубинѣ вліянія на всѣ общественныя отношенія какъ частнаго, такъ и публичнаго права, феодализмъ представляетъ въ себѣ много важнаго матеріала для сравненія.

Въ областяхъ, зависѣвшихъ въ своемъ развитіи отъ Византіи, несомнѣнно, должны были дѣйствовать на организацию общественной жизни тѣ же экономическіе факторы, что и въ областяхъ съ преимущественнымъ римскимъ вліяніемъ. Но результатъ тамъ и здѣсь оказался не одинаковъ. Въ Византійской имперіи отъ VIII вѣка и до турецкаго завоеванія наблюдается постоянно раздѣленіе земледѣльческаго сословія на два класса: свободный и зависимый. Первый

сидѣлъ на своихъ земляхъ и лично отбывалъ денежныя и натуральныя повинности, не исключая и военной; второй обрабатывалъ чужую землю и находился въ разныхъ степеняхъ зависимости отъ духовныхъ и свѣтскихъ землевладѣльцевъ. Этимъ опредѣляется основной фонъ картины восточно-европейскаго экономическаго и соціальнаго развитія.

Говоря выше о преградахъ къ распространенію романизации на Востокъ, мы ссылались на Крестьянскій законъ, изданный въ VIII вѣкѣ. Этотъ законъ долженъ послужить точкой отправления въ исторіи экономическаго развитія на Востокъ. Кратко говоря, въ этомъ законѣ находимъ отмѣну римскихъ правовыхъ воззрѣній на патронатъ: въ немъ нѣтъ и помина о помѣщичьей усадьбѣ и зависящемъ отъ нея крестьянскомъ населеніи (*patrocinium vicorum — servi и adscriptitii*). Этого мы не найдемъ въ тогдашнихъ западныхъ законодательствахъ. Но самымъ смѣлымъ и неожиданнымъ нововведеніемъ въ Крестьянскомъ законѣ оказываются свободное крестьянское сословіе и мелкое землевладѣніе. Законъ по существу своему есть земскій полицейскій уставъ и трактуетъ объ обычныхъ проступкахъ въ земледѣльческомъ быту: о воровствѣ, потравахъ, увѣчьѣ, порчѣ межевыхъ знаковъ и т. п. Но по духу своему и главному содержанію онъ примѣненъ къ потребностямъ населенія Византійской имперіи, живущаго въ общинѣ и управляющагося своимъ обычнымъ правомъ. Замѣтимъ здѣсь къ слову, что почти всѣ статьи этого закона встрѣчаются въ древнемъ русскомъ законодательномъ памятникѣ, въ Уставѣ Ярослава.

Славянская община Восточной имперіи не напоминаетъ ли германскую марку въ западной исторіи? Конечно, да. Здѣсь мы получаемъ явное сходство факторовъ и съ этимъ вмѣстѣ намѣчаемъ основу, по которой должно идти дальнѣйшее развитіе. Судьбы восточнаго соціальнаго развитія, однако, направляются не тѣмъ путемъ, какимъ шло западное, и это тѣмъ любопытнѣй, что экономическая среда, дѣйствовавшая разрушительно на марку, угрожала благосостоянію и византійской общины. Мы видѣли, что въ VIII в. для германской марки былъ самый критическій моментъ, и что Каролинги, хотя и понимали значеніе совершавшихся событій, не нашли нужнымъ или возможнымъ оказать поддержку сельской общинѣ, вслѣдствіе чего мелкая поземельная собственность была поглощена крупной.

Такой же критическій моментъ наблюдается въ Византійской имперіи. Здѣсь онъ обнаруживается нѣсколько позже, чѣмъ на Западѣ, именно въ X и XI вѣкахъ. Весьма живую, скажемъ даже, быющую въ глаза картину представляютъ относящіеся сюда современные источники: частные и официальные акты. Сословіе властелей или динатовъ, какъ они называются въ греческихъ памятникахъ, въ X вѣкѣ оказалось весьма опаснымъ врагомъ крестьянской общины и мелкаго землевладѣнія. Пользуясь своимъ положеніемъ воеводъ, судей, сборщиковъ податей, эти властели обнаруживали очень вредное дѣйствіе на крестьянскую общину, главнымъ образомъ, вслѣдствіе своего помѣщичьяго права. Они разоряли крестьянскіе дворы, производили вымогательства при сборѣ податей, въ голодные и неурожайные годы выдавали крестьянамъ пропитаніе за высокіе проценты или подъ залогъ имущества. Такой порядокъ вещей побуждалъ мелкихъ землевладѣльцевъ продавать свои участки, закладывать или уступать по завѣщанію и по частнымъ актамъ. Словомъ, нужда гнала свободныхъ людей въ кабалу, которая на Западѣ выражается актомъ комментаціи. И на Востокѣ крестьяне вступали въ зависимое положеніе къ помѣщику, закладывались за него и переходили въ разрядъ барщинныхъ и крѣпостныхъ. Опасность угрожала столько же отъ властелей, сколько и отъ того элемента, который выросъ въ самой общинѣ, и который у насъ окрещенъ именемъ „кулакъ“. Богатые крестьяне среди самой общины, пользуясь дурнымъ экономическимъ положеніемъ сосѣдей, скупали за безцѣнокъ земли и обращали въ батраковъ тѣхъ, кто недавно былъ хозяиномъ. Вотъ на это-то зло и были обращены заботы императоровъ Македонской династіи. Цѣлый рядъ очень любопытныхъ мѣропріятій вскрываетъ намъ законы этихъ императоровъ. Рядъ мѣръ былъ направленъ къ тому, чтобы поставить само сельское населеніе въ возможность бороться съ экономическимъ зломъ; другой рядъ мѣръ предупреждаетъ дѣйствіе разрушительныхъ элементовъ, т.-е. направленъ противъ самихъ властелей и кулаковъ. Чтобы предупредить распаденіе общины, законъ установилъ неотчуждаемость земельного имущества у общины. Всякій разъ, когда освобождался крестьянскій участокъ за смертью владѣльца, или когда крестьянинъ хотѣлъ добровольно освободиться отъ своего земельного надѣла, на первое мѣсто по праву предпочтительной покупки выступали члены

той же общины или волости. При этомъ законъ указываетъ 5 категорій лицъ и отношеній въ сельской общинѣ, и только послѣ отказа всѣхъ членовъ этихъ пяти категорій участокъ могъ поступить въ чужія руки. Упомянутыя категоріи важны для насъ въ томъ отношеніи, что показываютъ, какъ слагалась и какъ была организована община въ X вѣкѣ. Если освобождался крестьянскій участокъ, то право на покупку его признавалось за слѣдующими лицами: 1) ближайшіе родственники, 2) домохозяева той же общины, 3) другіе обыватели общины (бобыли, захребетники), 4) соплательщики и 5) члены союзныхъ общинъ. Если никто изъ лицъ названныхъ категорій не согласится на покупку, тогда имущество отдается вольному покупщику. Можно думать, что эти случаи были весьма рѣдки. Что касается мѣръ, прямо направленныхъ противъ властелей, онѣ заключались въ слѣдующемъ. Властели часто ссылались на законъ 40-лѣтней давности: кто докажетъ, что онъ 40 лѣтъ владѣлъ землей, законъ противъ него былъ безсиленъ. Византійское правительство отмѣнило 40-лѣтнюю давность, такъ что если бы крестьяне стали искать правъ на землю и подтвердили свой искъ свидѣтельскими показаніями, то властели изгонялись, не взирая на давность владѣнія. Далѣе было обнаружено, что многія купчія крѣпости на землю составлялись фальшиво, въ угоду богатымъ, межевые планы фабриковались помѣщиками въ прямой ущербъ для крестьянской общины,— правительство не остановилось передъ тѣмъ, чтобы объявить эти акты недѣйствительными, когда дѣло шло о крестьянской землѣ. Наконецъ, радикализмъ правительства дошелъ до того, что оно возложило круговую отвѣтственность за несостоятельность общины на крупныхъ землевладѣльцевъ данной мѣстности. Помѣщики были обязаны круговой порукой охранять интересы мелкаго землевладѣнія.

Прежде чѣмъ дѣлать заключенія о слѣдствіяхъ, достигнутыхъ подобными распоряженіями, остановимся на характеристикѣ мотивовъ и чувствъ, которыми диктовались подобные законы. Это, въ самомъ дѣлѣ, рѣдкія въ исторіи мѣры; Западъ не можетъ представить и тѣни подобія имъ. Вотъ, на примѣръ, вступленіе къ одному изъ законовъ, изданныхъ въ 934 году (Романомъ Лакапиномъ). „Есть люди, которые, отрицаясь отъ своей духовной природы и Создателя, заботятся только о земныхъ благахъ и временномъ благополучіи. Отъ такихъ людей, съ жадностью гоняющихся за богатствомъ, и

подверженныхъ страсти стяжанія, происходятъ всѣ бѣдствія: отсюда всякія замѣшательства, отсюда всѣ несправедливости, отсюда великія и долгія страданія и стоны бѣдныхъ. Но за бѣдныхъ стоитъ самъ Господь, говоря въ Писаніи: ради мученія бѣдныхъ и воздыханія убогихъ Я возстану. Если же самъ Богъ, возведшій насъ на царство, возстаетъ на отмщеніе убогихъ, то какъ можемъ мы пренебречь своимъ долгомъ, когда именно отъ однихъ очей царскихъ бѣднякъ ждетъ себѣ здѣсь утѣшенія. Ради того, имѣя намѣреніе поправить, что было недавно совершено или дерзко предпринято противъ отдѣльныхъ лицъ, мы издаемъ настоящій законъ, который послужитъ къ устраненію и искорененію ненасытной страсти любостяжанія, такъ, чтобы отнынѣ уже никто не былъ лишаемъ своего, и чтобы бѣдный не испытывалъ преобладанія сильныхъ“.—А вотъ что говорится о такихъ же мѣрахъ Константина Порфиророднаго: „Онъ видѣлъ, что жадность людей ненасытныхъ распространяется все болѣе, что сильные люди прокрались въ средину провинцій и сель и угнетаютъ тамъ несчастныхъ крестьянъ, что властели посредствомъ насилія и различныхъ хитрыхъ уловокъ приобрѣли себѣ многія помѣстья. Что же дѣлаетъ мудрый государь? Онъ опредѣлилъ, что всѣ богатые, со времени его провозглашенія самодержавнымъ государемъ (944) приобрѣтшіе покупкою, дареніемъ или насиліемъ помѣстья и поля въ селахъ, должны быть изгнаны безъ всякаго вознагражденія“.

Самымъ радикальнымъ государемъ, принявшимъ суровыя мѣры противъ властелей, былъ, несомнѣнно, царь Василій II Болгаробойца, современникъ Владиміра Св. Вотъ одно мѣсто изъ его закона: „Не мало были мы обременяемы жалобами бѣдныхъ по поводу 40-лѣтней давности и, много разъ путешествуя и проходя области царства нашего, собственными глазами видѣли совершающіяся ежедневно въ отношеніи къ нимъ обиды. Развѣ не можетъ властель, обидѣвшій бѣднаго, долгое время пользоваться своей силой и благосостояніемъ, а потомъ еще передать то и другое своимъ наслѣдникамъ? Что же можетъ въ такомъ случаѣ помочь бѣдному время? Развѣ не возможенъ такой случай, что патрикій, магистръ или военный чинъ, обогатившійся на счетъ бѣднаго, будетъ имѣть своими потомками тоже властелей, иногда находящихся въ родствѣ съ царями и поддерживающихъ въ продолженіе 70 или 100 лѣтъ силу своего рода

и свое благосостояніе?—Не должны ли мы сами вступить, обуздать сильныхъ, поддержать бѣдныхъ въ принадлежащихъ имъ правахъ, которыя у нихъ злымъ образомъ бываютъ отнимаемы или же похищаются обманомъ? Когда богатые власти посредствомъ покупки вторгаются въ сельскія общины, и когда потомъ ихъ наслѣдники вмѣстѣ съ имѣніемъ въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній получаютъ по наслѣдству силу и вліяніе своихъ предковъ, то, конечно, бѣдному нѣтъ возможности возбудить искъ о возвращеніи отнятаго у него насиліемъ или обманомъ“.

Сдѣланныя выдержки краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ же экономическимъ явленіемъ, которое наблюдается на Западѣ въ VIII и IX вѣкахъ. Тамъ и здѣсь рѣшался многозначительный социальный вопросъ: быть ли мелкой земельной собственности, или предоставить дѣло естественному процессу и воспользоваться крупнымъ землевладѣніемъ для государственныхъ цѣлей. Въ первомъ смыслѣ вопросъ рѣшенъ на Востокѣ, во второмъ—на Западѣ. Византійскіе цари не только намѣтили процессъ въ началѣ его развитія, но и изучили его во всѣхъ подробностяхъ и вступили въ упорную борьбу съ высшей чиновной и служилой аристократіей. Каролинги же дѣйствовали безъ надлежащей энергіи и не приложили сердца къ интересамъ изнемогавшей сельской общины. Послѣ Карла В. на Западѣ социальный процессъ совершился безвозвратно въ интересъ помѣстнаго сословія. На Востокѣ благодаря указаннымъ выше мѣрамъ крестьянская община была предохранена отъ разрушенія. Задержавъ социальную эволюцію на первой, т.-е. на экономической стадіи, византійскіе цари несомнѣнно предупредили тѣмъ развитіе того порядка вещей, который послѣдовалъ на Западѣ: въ Византіи не могло развиваться сеньератныхъ и вассальныхъ отношеній, не могло образоваться феодальной системы. Византійская община не только пережила экономическій кризисъ, но была поставлена въ такое положеніе законодательными памятниками X вѣка, что ея будущность была вполне обезпечена, и никакія разрушительныя силы не могли сломить ее до турецкаго завоеванія. Сельская община служила государству, удовлетворяя его расходы и защищая его противъ внѣшнихъ враговъ.

Приведенные факты общественнаго развитія, будучи сведены къ конечнымъ результатамъ, даютъ для Запада крупное землевладѣніе

и сословныя притязанія помѣстной и служилой аристократіи; для Востока же—господство свободнаго мелкаго землевладѣнія и подчиненіе государственному принципу интересовъ помѣстнаго и служилаго сословія.

Къ подобнымъ же выводамъ можно приходити на основаніи сопоставленія фактовъ и явленій, характеризующихъ другія стороны жизни романизованныхъ и чуждыхъ романизации народовъ. Таковъ рядъ фактовъ, обусловившихъ развитіе императорской власти на Востокѣ и усиленіе сословныхъ, классовыхъ и территоріальныхъ тенденцій на Западѣ; таковъ же рядъ фактовъ, стоявшихъ въ связи съ развитіемъ церковной власти и устройствомъ церкви на Западѣ и Востокѣ.

Судьбы германской марки и славянской общины даютъ случай сдѣлать нѣсколько прикладныхъ выводовъ. Изученіе крестьянской общины въ Византіи есть задача глубокой важности не только съ точки зрѣнія византизма и постиженія законовъ развитія всемірной исторіи, но во имя ближайшихъ намъ интересовъ. Для Запада это вопросъ археологическій, давно разрѣшенный и сданный въ архивъ; у насъ же это вопросъ современный, онъ занимаетъ и наше законодательство и обсуждается въ журналахъ и газетахъ. Исходъ, который онъ частью получилъ, частью получитъ въ ближайшемъ будущемъ въ законодательномъ и административномъ порядкѣ, не можетъ не интересовать насъ, ибо отъ этого зависитъ ближайшее экономическое и социальное развитіе Россіи. Что крестьянская община у насъ разрушается, это ясно для всякаго, кто хоть слегка знакомъ съ литературой вопроса. Но слѣдуетъ ли придумать средства къ предупрежденію этого и стоитъ ли придти на помощь крестьянской общинѣ,—на этотъ счетъ высказываются положительныя и отрицательныя мнѣнія. Большинство нашихъ теорій относительно этого вопроса современности опирается на слѣдующія данныя: а) на примѣръ, наблюдаемый въ западной исторіи, причемъ этотъ примѣръ рассматривается какъ неизбѣжный законъ экономической эволюціи; б) на свѣдѣнія о русской общинѣ, полученныя изъ памятниковъ и современныхъ описаній. Что касается перваго, то едва ли можно смотрѣть, какъ на роковую неизбѣжность, на тѣ явленія, которыя послѣдовали въ социальномъ развитіи Запада VIII и IX вѣковъ. Можно задать себѣ вопросъ: какъ бы направились социальная эволюція, если бы на Западѣ были примѣнены

законы царей Македонской династии, а на Востокъ въ X и XI вв. были императоры Каролингской династии? Что касается нашихъ представлений объ общинѣ, выносимыхъ на основаніи наблюденій надъ современной дѣйствительностью, здѣсь тоже мы не стоимъ на правильной дорогѣ, такъ какъ у насъ недостаетъ ни перспективы, ни историческаго изученія, переносящаго центръ тяжести на первичныя стадіи развитія. Въ самомъ дѣлѣ, мы дѣлаемъ заключенія объ общинѣ на основаніи того, что она представляетъ послѣ эпохи крѣпостного права, послѣ реформъ эпохи освобожденія, и лишены средствъ возсоздать строй древнѣйшей общины. Въ этомъ отношеніи организація общины по памятникамъ византійскаго законодательства X вѣка и по позднѣйшимъ византійскимъ и южно-славянскимъ писцовымъ книгамъ даетъ въ высшей степени любопытный вкладъ въ исторію вопроса. Живучесть общины зависѣла главнѣйше отъ слѣдующихъ условій: 1) отъ неотчуждаемости общинныхъ земель, 2) отъ громаднаго излишка общинной земли противъ той, которая была раздѣлена на дворовые участки. Этотъ излишекъ иногда превосходилъ въ нѣсколько разъ (въ 4) то количество, которое находилось въ подворномъ владѣніи, и составлялъ общинный экономическій ресурсъ про черный день. Масса охотниковъ могла всегда находить пріемъ въ общинѣ въ качествѣ припущенниковъ, арендаторовъ и бобылей, вкупаться въ общину, снимать въ аренду ея земли и увеличивать тѣмъ экономическія средства ея. Наконецъ, 3) живучесть общины зависѣла отъ того, что она была обширнымъ и хорошо организованнымъ цѣлымъ: по памятникамъ видно, что община состояла иногда изъ 30 или 40 деревень; такимъ образомъ, экономическая и платежная слабость одной деревни была восполняема другой, насиліе богатаго сосѣда надъ однимъ членомъ вызывало отпоръ со стороны другихъ.—Эти свойства древней общины нужно принимать во вниманіе при соображеніяхъ о томъ, случайное ли явленіе наша община, или особенность восточно-европейскаго развитія?

Нельзя думать, что отмѣченныя здѣсь различія въ историческомъ развитіи Запада и Востока Европы имѣютъ лишь случайное и проходящее значеніе, или что они ограничиваются только нѣкоторыми историческими періодами. Должно, напротивъ, думать, что эти различія относятся къ самому существованію исторіи Западной и Восточной Европы, находя себѣ объясненіе въ характерѣ, темпераментѣ и много-

численныхъ физическихъ и культурныхъ особенностяхъ населенія. Подобныя особенности характера не разъ были отмѣчены византійскими писателями. Такъ, одинъ просвѣщенный грекъ, жившій въ эпоху господства латинянъ въ Константинополѣ, послѣ четвертаго крестоваго похода, высказалъ слѣдующее разсужденіе о взаимныхъ отношеніяхъ латинскаго Запада и Востока ¹⁾: „Намъ не слѣдъ теперь предаваться унынію, будемъ стремиться къ добродѣтели и украшать себя образованностью. Тогда мы по сущности и справедливости будемъ властвовать надъ нашими повелителями. Захвативъ крѣпости и замки, они думаютъ повелѣвать посредствомъ насилія, отнимая у насъ имущества и лишая жизни. Но такая власть не надежна и не прочна, ибо не оправдывается ни природными, ни благопріобрѣтенными свойствами. Никто же не скажетъ, что львы, леопарды или волки властвуютъ надъ людьми, хотя они когтями и зубами достигаютъ того же, что и наши побѣдители. И никогда не удастся имъ вполнѣ господствовать надъ нами, хотя бы они присвоили себѣ всѣ наши стяжанія, хотя бы оставили насъ нагими, или коснулись бы самой плоти нашей“.

Противоположности между западной и восточной культурой выражены слѣдующимъ образомъ у писателя XII вѣка. Никиты Акомината ²⁾: „Латиняне считаютъ раемъ ту страну, въ которой суждено намъ жить. Завидуя намъ, они всегда злоумышляютъ противъ нашего рода и строятъ намъ ковы. По обстоятельствамъ прикидываясь друзьями, въ душѣ ненавидятъ насъ, какъ злѣйшіе враги. Между ними и нами утвердилась величайшая пропасть различія, насъ раздѣляетъ самая рѣзкая противоположность убѣжденій. Чрезвычайно гордые и надменные, они пользуются для своихъ цѣлей мягкостью нашего нрава, приниженностью и скромностью“.

Нельзя, кромѣ того, не принять въ соображеніе, что занимающій насъ вопросъ о различіяхъ въ историческомъ развитіи Запада и Востока столько же объясняется разностями въ историческихъ факторахъ, сколько личной инициативой, субъективными тенденціями, а равно цѣлями и побужденіями, управляющими волей историческихъ дѣятелей и классовъ общества. Если бы мы вычеркнули изъ исторіи

1) Δάμπος, „Μιχαήλ Ἀχομινάτου τὰ σωζόμενα“, II, p. 207—208; моя книга, „Образованіе второго Болгарскаго царства“. Прилож., стр. 65—66.

2) Nicetas Acominatus, p. 391, 537, 761.

эти послѣдніе элементы, а всю историческую эволюцію приписали бы неизбѣжнымъ и неумолимымъ силамъ, дѣйствующимъ какъ законъ и организующимъ человѣческія общества съ тою же свободою, съ какой скульпторъ создаетъ изъ безформенной массы задуманную имъ фигуру, то исторія утратила бы свой нравственно-поучительный и гуманитарный характеръ. Мы не можемъ отрѣшиться отъ мысли, что въ созиданіи исторіи и въ организаціи формъ общежитія историческіе дѣятели имѣютъ глубокое значеніе, и что задача историческихъ изученій состоитъ не только въ томъ, чтобы понять и объяснить законы развитія, но также и въ томъ, чтобы показать, почему въ одномъ случаѣ люди спокойно склоняютъ голову подъ молотомъ неумолимыхъ законовъ, въ другомъ же обнаруживаютъ протестъ и сопротивление.

Личная инициатива и субъективизмъ сказываются не только въ силѣ и группировкѣ историческихъ факторовъ, но проникаютъ въ самую глубь исторіи и вліяютъ на самое историческое творчество. Исторія пишется людьми, привносящими въ свои созданія національныя и политическія чувства и симпатіи. Вслѣдствіе этого исторія является очень чувствительнымъ показателемъ самосознанія даннаго времени и народа, что придаетъ особенный интересъ изученію историческихъ системъ. Господствующая надъ нашими умами и управляющая нашей волей западно-европейская культура плѣняетъ насъ своими историческими обобщеніями и выводами. Невольно поддаваясь часто высказываемому на Западѣ взгляду на расовыя различія, мы бываемъ склонны проводить рѣзкую черту между высшими и служебными имъ народами, между націями, которыя создаютъ культуру, и народами, которые способны лишь подражать и перенимать. Вслѣдствіе этого мы должны удовлетворяться скромнымъ уголкомъ, отведеннымъ во всеобщей исторіи Восточной Европѣ. А между тѣмъ не только міровая, даже европейская культура не свила себѣ гнѣзда въ одномъ излюбленномъ мѣстѣ; культурные центры перемѣщаются съ мѣста на мѣсто, и, повидимому, не существуетъ въ мірѣ приобщившагося къ культурѣ народа, который не участвовалъ бы въ исторической эволюціи.

ПЕРІОДЪ І (до 527 г.)
ЭЛЕМЕНТЫ ОБРАЗОВАНІЯ
ВИЗАНТИНИЗМА.

ГЛАВА I.

ВИЗАНТИНИЗМЪ И ЕГО КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ИСТОРИИ

Почти во всѣхъ ученыхъ европейскихъ литературахъ существуютъ попытки объяснить культурное значеніе византизма; дѣлались подобныя попытки и въ Россіи, и притомъ въ нашей литературѣ настойчивѣе, чѣмъ гдѣ-либо, проводилась мысль о всемірно-историческомъ значеніи Византіи. Была даже пора — и это не такъ давно, — когда на русскихъ возлагались надежды, что они возьмутъ на себя всестороннюю разработку темы о византизмѣ и культурномъ его значеніи и дадутъ разрѣшеніе занимавшей многихъ загадки. Но въ настоящее время, когда изученіемъ византійской исторіи и литературы усердно занимаются нѣмцы, французы, англичане, итальянцы и другіе народы, когда за границей появились спеціальныя научныя органы, посвященные византиновѣдѣнію, нами утрачено, и, вѣроятно, безповоротно, бывшее за нами право сказать новое слово въ этой области.

Чтобы придти къ выясненію понятія о византизмѣ, надо отправляться отъ Византіи. Византіей назывался въ древности греческій городъ на европейской сторонѣ Босфора, при Мраморномъ морѣ. Въ 330 г. христіанскаго лѣтосчисленія римскій императоръ Константинъ Великій избралъ этотъ городъ столицей своей имперіи и тѣмъ придалъ ему всемірно-историческое значеніе. Съ тѣхъ поръ Византія, хотя и богатая торговлей, но все же бывшая до того провинціальнымъ скромнымъ городомъ, начала украшаться великолѣпными дворцами, портиками и площадями. Со всѣхъ концовъ греческаго міра сюда стали стекаться произведенія античнаго искусства, начался большой приливъ новаго населенія изъ европейскихъ и азіатскихъ провинцій имперіи; торговля и промышленность, которой на Западѣ не благо-

пріятствовала смутная эпоха народныхъ движеній, нашла пріютъ на Востокѣ и сосредоточилась въ Византіи. Сдѣлавшись столицей имперіи, Византія по волѣ Константина Великаго приняла новое имя и стала называться Константинополемъ, Новымъ Римомъ. Съ тѣхъ поръ слово „Византія“ перестало служить выраженіемъ реально-сущестующей дѣйствительности, обратившись въ терминъ для обозначенія политическихъ, государственныхъ, церковныхъ и этнографическихъ особенностей, носителемъ которыхъ была Византійская имперія. Наименованіе Восточной Римской имперіи Византійскою имперіей въ средніе вѣка, въ особенности со времени возстановленія Карломъ Великимъ (800 г.) Западной Римской имперіи, возбуждаетъ сомнѣнія и возраженія какъ со стороны реального смысла этого термина, такъ и со стороны хронологической. Извѣстно, что сами обитатели Византійской имперіи не называли себя ни римлянами, ни эллинами или греками, а ромеями, такъ что Византійская имперія официально носила наименованіе Ромейской. Отсюда ясно, что въ строгомъ историческомъ смыслѣ терминъ „византійскій“ такъ же имѣетъ условный и искусственный смыслъ, какъ и другой терминъ, который иногда употребляется взамѣнъ перваго, т.-е. восточно-римскій. Еще менѣе историческихъ основаній называть Византійскую имперію Греческой имперіей или *Bas-Empire*.

Какъ въ имени Римской имперіи времени Каролинговъ и Оттоновъ лежитъ историческая фикція, ибо въ дѣйствительности Римская имперія Германской націи ничего общаго не имѣетъ съ имперіей Августа или Антониновъ, такъ и Восточно-Римская имперія, составляя продолжающееся преемство императоровъ отъ Августа до Константина XII Палеолога, въ дѣйствительности лишь условно и по соглашенію можетъ носить наименованіе Римской. Такимъ образомъ, центръ тяжести въ данномъ вопросѣ переходитъ къ выясненію содержанія термина „византизма“.

Термины „византійскій“, а въ связи съ нимъ „византизмъ“ имѣютъ за собою традицію и обозначаютъ такую совокупность понятій, по отношенію къ которымъ не существуетъ разности мнѣній. Никто въ настоящее время не будетъ сомнѣваться и не выставитъ серьезныхъ аргументовъ противъ слѣдующихъ выраженій: византійскіе писатели, византійская литература, византійское искусство, византійская образованность. Если сдѣлались обычными приведенныя

выраженія, то нѣтъ сомнѣнія въ законности терминовъ: „византійская исторія“, „Византійская имперія“ и даже такихъ выраженій, какъ „византійская мораль“ и т. п. Едва ли даже возможно замѣнить, напри- мѣръ, выраженія „византійскіе писатели“ или „византійское искусство“ какимъ-нибудь другимъ выраженіемъ, которое такъ же хорошо обозначало бы сущность идеи, какъ это выраженіе. Несомнѣнно, эпитетъ „византійскій“ придаетъ смыслъ послѣдующему слову, при которомъ онъ ставится, выражаетъ особенный характеръ, специфическія черты предмета. Когда произведеніе духа человѣческаго или отдѣльный индивидуальный поступокъ обозначается именемъ византійскаго, этимъ характеризуется не только качество произведенія, но и принадлежность его къ опредѣленной эпохѣ; точно такъ же индивидуальное дѣйствіе съ предшествующимъ „византійскій“ весьма выразительно характеризуетъ хитрость, коварство, неискренность, лицемеріе, а также самомнѣніе, дерзость и тщеславіе и т. п. не- симпатичныя качества, отмѣченныя частью уже на первыхъ стра- ницахъ русской лѣтописи.

Итакъ, если терминъ „византійскій“ имѣетъ опредѣленное и довольно общепринятое значеніе, то намъ не представляется труд- ности опредѣлить значеніе выраженія „византинизмъ“, который, несо- мнѣнно, долженъ получить преобладаніе надъ соперничающимъ выраженіемъ „византійство“. Подъ византинизмомъ прежде всего разумѣется совокупность всѣхъ началъ, подъ вліяніемъ которыхъ постепенно реформировалась Римская имперія въ V—VIII вв., прежде чѣмъ преобразоваться въ Византійскую имперію. Какъ на Западѣ организующимъ началомъ сталъ романизмъ, такъ на Востокѣ визан- тинизмъ; съ этой стороны и можетъ подлежать объясненію терминъ „византинизмъ“. На Востокѣ романизмъ встрѣтился со старыми куль- турами: іудейской, персидской и эллинской, которыя не только ока- зали ему значительное противодѣйствіе, но, въ свою очередь, имѣли на него разнообразныя вліянія. На почвѣ римской администраціи и пра- вовыхъ римскихъ воззрѣній появляются наслоенія и придатки особаго рода, по канвѣ эллинскихъ философскихъ воззрѣній вышиваются узоры манихейскихъ, іудейскихъ и иранско-персидскихъ идей и вѣ- рованій. Многообразныя перемѣны вызвала германская и славянская иммиграціи, произведшія реформы въ социальномъ и экономиче- скомъ строе и въ военной системѣ имперіи. Подъ дѣйствіемъ ука-

занныхъ новыхъ началъ реформируется Римская имперія на Востокѣ, постепенно приобрѣтая характеръ византизма. Какъ выраженіе политическихъ, культурныхъ и философско-литературныхъ особенностей, византизмъ проявляется въ слѣдующихъ признакахъ: 1) въ постепенной отмѣнѣ господствовавшего латинскаго языка и замѣнѣ его греческимъ или, собственно говоря, византийскимъ; 2) въ борьбѣ національностей изъ-за политическаго преобладанія; 3) въ оригинальномъ характерѣ развитія искусства и въ появленіи новыхъ мотивовъ, вліявшихъ на созданіе новыхъ памятниковъ, равно какъ въ своеобразныхъ чертахъ литературныхъ произведеній, гдѣ вырабатывается постепенно новый и оригинальный методъ подѣ вліаніемъ восточныхъ культурныхъ преданій и образцовъ. Крайнимъ предѣломъ перваго періода выработки византизма нужно полагать начало VIII вѣка. Общеизвѣстны черты воздѣйствія византизма на историческіе народы, съ которыми имперія приходила въ соприкосновеніе. Съ указанной точки зрѣнія византизмъ имѣетъ громадное значеніе какъ въ западно-европейской, такъ и въ восточно-европейской, въ частности въ русской исторіи. Слѣдуетъ прибавить, что по отношенію къ восточно-европейской исторіи роль византизма не окончена и по настоящее время. Константинопольская „вселенская“ церковь есть прямая продолжательница въ церковной области политическихъ преданій византизма: какъ византийская имперія ревниво оберегала эллинизмъ, препятствуя образованію инородческихъ политическихъ организацій и концентрируя эллинскіе элементы, такъ и константинопольскій патріархатъ приносить въ жертву эллинизму идею вселенской церкви.

При оцѣнкѣ значенія Византіи во всеобщей и русской исторіи можно исходить изъ двоякой точки зрѣнія. Съ одной стороны, Византія можетъ быть разсматриваема какъ живой государственный организмъ, имѣющій свою исторію, въ которой различаются періоды подъема и упадка. Жизнь этого организма продолжается отъ IV до XV вѣка. Съ другой стороны, можетъ представляться и та точка зрѣнія, что Византія, какъ политическое тѣло, будучи погребена въ эпоху турецкаго завоеванія Константинополя въ 1453 г., не перестаетъ, однако, жить, какъ отвлеченный принципъ, въ ея археологическихъ памятникахъ, въ оставленномъ ею наслѣдствѣ и въ чувствахъ и настроеніяхъ народовъ, которые подверглись ея культурному влія-

КАРТА ІМПЕРІИ VI-VII ВІВКА.

- граница імперії
- границя провінцій

нію. Историческая Византія при этой точкѣ зрѣнія уступаетъ мѣсто археологической.

Византинизмъ, какъ историко-литературный терминъ, долженъ быть поставленъ рядомъ съ романизмомъ. Но, отдавая должное романизациі въ процессѣ образованія западно-европейской государственности, мы, съ другой стороны, не можемъ не придавать значенія и византинизму, какъ организующему началу историческаго развитія на юго-востокѣ Европы. Будемъ справедливы и согласимся, что, если романизмъ формируетъ франкское государство и служитъ важнымъ факторомъ въ имперіи Карла Великаго и Оттоновъ, если римскія правовыя воззрѣнія оказываютъ очень сильное дѣйствіе во всей исторіи Запада, византинизмъ, съ своей стороны, становится идеаломъ славянскаго царства, къ какому стремятся передовые славянскіе народы. Византинизмъ идетъ до Кіева и Москвы, подъ его началами складывается историческая жизнь, т.-е. государственное и военное устройство юго-восточныхъ славянъ; въ связи съ этимъ принципомъ стоитъ раздѣленіе Европы на двѣ половины—православную и католическую, въ каковыхъ названіяхъ столько же скрываются религіозныя, какъ политическія и этнографическія различія. Словомъ, византинизмъ есть историческій принципъ, дѣйствія котораго обнаруживаются въ исторіи народовъ Юга и Востока Европы. Этотъ принципъ заправляетъ развитіемъ многихъ народовъ и до настоящаго времени, выражая собой складъ вѣрованій и политическихъ учрежденій, равно какъ особый видъ организациі сословныхъ и экономическихъ отношеній.

Въ послѣдней четверти V столѣтія по Р. Хр. пала Западная Римская имперія подъ напоромъ германскихъ варваровъ. Наслѣдіе всемірнаго римскаго обладанія, званіе императора и самая идея всемірной монархіи, а также остатки античной образованности уцѣлѣли послѣ этого только на Востокѣ—въ Византійской имперіи. Особенно тяжела была для народовъ Западной Европы утрата идеи всемірной монархіи. „Одинъ Богъ на небѣ, одинъ царь на землѣ; нельзя небо представить безъ Бога, ни земли безъ императора“, такъ говоритъ западный писатель V столѣтія. То обстоятельство, что императорское достоинство сохранилось въ Византіи, наполняло умы политическихъ дѣятелей Западной Европы озлобленіемъ. Не удивительно поэтому, что очень рано возникла на Западѣ мысль о томъ, что нужно, во

что бы то ни стало, отнять императорское достоинство у византийских царей. Впервые удалось осуществить это королю франков— Карлу Великому. Несмотря, однакоже, на то, что имперія была восстановлена на Западѣ, всѣ очень живо ощущали, что это не совсѣмъ справедливое дѣло при существованіи законнаго римскаго императора на Востокѣ; многіе называли западныхъ императоровъ самозванцами. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока западные императоры не приобрѣли путемъ купли согласіе на присвоеніе ими себѣ этого титула со стороны императоровъ византийскихъ. Это первое хищеніе, которое сдѣлалъ Западъ Европы отъ Византіи. Второе хищеніе—церковное. Въ то время, какъ западные государи стремились присвоить императорскій титулъ, римскій первосвященникъ, вступивъ на путь честолюбивыхъ притязаній на главенство, начинаетъ свое соперничество съ патріархомъ константинопольскимъ. Враждующія стороны подвергають одна другую проклятіямъ и взаимнымъ оскорбленіямъ, и раздоръ заканчивается полнымъ отдѣленіемъ западной церкви отъ восточной. Съ того времени Византія и всѣ восточные христіане стали извѣстны на Западѣ подъ именемъ схизматиковъ. Но и на Востокѣ не считаются православными христіане Западной Европы, подвластные римскому папѣ. Вражда церковная иногда переходила во вражду политическую. Особенно печальна изъ эпизодовъ этой борьбы исторія завоеванія Константинополя крестоносцами въ 1204 г., когда франки убивали восточныхъ христіанъ и опустошали ихъ страну съ не меньшею жестокостью, чѣмъ это дѣлали они по отношенію къ мусульманамъ. Трудно понять, какъ могли въ такой степени озлобиться другъ противъ друга христіанскіе народы. Никто изъ западныхъ христіанъ даже не хотѣлъ и думать, какъ все это жестоко и несправедливо. Лишь одинъ русскій путешественникъ, бывшій въ то время въ Царѣградѣ, сдѣлалъ въ Новгородской лѣтописи правильную оцѣнку этихъ кровавыхъ событій, назвавъ подвигъ крестоносцевъ преступнымъ дѣяніемъ. Болѣе всего пострадали отъ хищенія латинянъ святыни византийской церкви. Сохранившіяся на Западѣ письменныя свидѣтельства очевидцевъ этихъ событій полны сообщеній объ этихъ грабежахъ. Безстыдство доходило до того, что писатель-очевидецъ ставилъ себѣ лично въ великую заслугу то, что и ему удалось въ присутствіи такихъ-то лицъ присвоить ту или иную греческую святыню.

Впрочемъ, этими свѣдѣніями о хищеніяхъ еще далеко нельзя исчерпать тѣхъ заимствованій, которыя сдѣлала Западная Европа отъ Византіи. Много культурныхъ заимствованій отъ Византіи перешло на Западъ мирнымъ путемъ. Сохраняя въ своихъ нѣдрахъ плоды античной цивилизаціи, Византія служила для западно-европейскихъ народовъ обильнымъ источникомъ знаній и просвѣщенія. До конца XII столѣтія о Византіи смѣло можно сказать, что она стояла на недосягаемой для западныхъ народовъ высотѣ въ области богословія, философіи и литературы. Это превосходство надъ собою Византіи сознавали и нѣкоторые изъ западно-европейскихъ лучшихъ людей. Въ доказательство можно привести то, что германскіе императоры IX и X столѣтій стремятся вступить въ брачное родство съ византійскими императорами. Вмѣстѣ съ греческими царевнами приходили тогда въ Германію и греческіе ученые. Какимъ уваженіемъ пользовалось греческое образованіе на Западѣ, видно изъ слѣдующаго мѣста письма Оттона III къ Герберту: „Ради Бога, побывай у меня. Сердце мое болитъ, потому что я не могу еще отогнать отъ себя саксонскую грубость и привить себѣ греческое просвѣщеніе“. Самое богослуженіе латинской церкви, церковные обряды, начала церковнаго права,—все это можетъ быть разсматриваемо какъ заимствованіе отъ Византіи. Несмотря, однакоже, на это, латинскіе христіане питали къ Византіи далеко не благорасположенныя чувства. Самый моментъ паденія Византійской имперіи ознаменовался со стороны латинскаго христіанства величайшей измѣной обще-христіанскому дѣлу. Византійскіе императоры посылали на Западъ просьбы о помощи, но тамъ начались споры о томъ, слѣдуетъ ли оказать эту помощь? Одни разсуждали, что не хорошо оставлять христіанскую страну подъ властью мусульманъ, а другіе возражали, что вѣдь греки не истинные христіане, и за этими спорами дали туркамъ разрушить имперію, не поспавъ помощи грекамъ.

Таковы отношенія, которыя существовали между Византіей и Западной Европой. Первая была разсадникомъ культуры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и предметомъ разнаго рода хищеній и мирныхъ заимствованій, тогда какъ западно-европейскіе народы платили ей лишь завистью, недоброжелательствомъ и жестокостями.

Не то нужно сказать объ отношеніяхъ Византіи къ Восточной Европѣ и къ славянамъ.

Точно такъ же, какъ и народы Западной Европы, но только въ гораздо большей степени, славяне часто приходили въ соприкосновеніе съ Византіей. Долгое время Византія, нуждаясь, по причинѣ тяжкихъ войнъ, въ людяхъ для заселенія своихъ земель, приглашала къ себѣ германцевъ и славянъ, которые шли сюда широкой волной. Войска имперіи нерѣдко были пополняемы славянами. Изъ среды ихъ иногда бывали и администраторы имперіи, полководцы и даже одинъ патріархъ. Въ обычаяхъ и законахъ имперіи есть возможность прослѣдить вліяніе славянскихъ правовыхъ воззрѣній. Не говоримъ уже о томъ, что наши предки часто являлись подъ стѣнами Византіи съ военными цѣлями, русскіе купцы почти всегда проживали въ Константинополѣ и здѣсь находили прибыльный сбытъ своихъ товаровъ. Эти частыя сношенія славянъ съ Византіей сопровождались разнообразными благодѣтельными послѣдствіями для славянскихъ племенъ. Византія просвѣтила ихъ свѣтомъ христіанской вѣры, она же дала имъ и основныя черты государственнаго устройства, подъ вліяніемъ Византіи развились литература славянъ и ихъ искусства. Просвѣтивъ славянъ св. крещеніемъ, Византія дала имъ богослужебный языкъ и письменность, — заслуги неоцѣнимыя. Такъ смотрѣли на дѣло и сами славяне. Болгарскій князь такъ говорилъ грекамъ: „Отъ васъ (бо) на всѣ страны добрый законъ исходитъ“.

Какія культурныя пріобрѣтенія сдѣлали русскіе отъ Византіи? Хотя, какъ сказано выше, наша и иностранная литература представляютъ попытки освѣтить этотъ вопросъ, но, къ великому сожалѣнію, это далеко не означаетъ, однакоже, что все по этому вопросу уже сказано. Наоборотъ, византійская исторія разработана пока очень мало. Причина такого явленія понятна. Памятники византійской исторіи стали подвергаться научному изслѣдованію очень недавно. Да и самая разработка не можетъ идти впередъ быстро по той причинѣ, что она затруднена множествомъ неблагопріятныхъ условій. Отсюда-то и происходитъ, что многіе факты изъ исторіи взаимоотношеній Руси и Византіи остаются совсѣмъ не выясненными. Между тѣмъ, достаточно вспомнить нѣкоторые историческіе факты и принять во вниманіе историческія традиціи, чтобы придти къ положительнымъ заключеніямъ о силѣ и разнообразіи византійскихъ вліяній.

Оглядываясь на прошедшую жизнь русскаго народа, мы видимъ, что наши предки издавна стремились въ Византію, то вступая

съ ней въ мирныя сношенія, то предпринимая на нее опустошительныя набѣги. Но вотъ сама Византія одерживаетъ надъ ними величайшую побѣду, давъ имъ христіанскую религію. Съ этого времени наши воинственные предки употребляютъ свои силы уже не во вредъ Византіи, а на помощь ей. Такъ, еще св. Владиміръ, вскорѣ послѣ своего крещенія, послалъ въ Царьградъ отрядъ своихъ воиновъ въ цѣлю усмирить мятежъ, который въ то время подняли противъ императора его подданные. Какъ по торговымъ, такъ и по другимъ цѣлямъ русскіе люди часто посѣщали Константинополь. Существуетъ мнѣніе, что русская колонія въ Царѣградѣ имѣла и свою церковь. Въ этой-то церкви, вѣроятно, и находилась икона Варяжской Богородицы.

Даровавъ св. вѣру нашимъ предкамъ, Византія сообщила имъ, вмѣстѣ съ этимъ, и массу другихъ культурныхъ пріобрѣтеній: письменность, священный языкъ, богослуженіе, государственное устройство. Изъ Византіи перешли къ намъ и знаки верховной государственной власти: гербъ, бармы и шапка Мономаха. Когда же пала Византійская имперія, то сношенія ея съ Россіей приняли уже иной характеръ. Тогда греки устремляются въ Россію за милостыней, привозятъ къ намъ свои святыни и продаютъ ихъ. Теперь взаимоотношенія Руси и грековъ теряютъ характеръ отношеній равнаго къ равному. Наши предки, между прочимъ, строго осуждаютъ грековъ за распродажу святынь.

Итакъ, даже изъ того, что было сказано о культурномъ вліяніи Византіи на европейскіе народы въ прошлые вѣка, можно понять, что это вліяніе ея велико. Но Византія продолжаетъ оказывать вліяніе на европейскую культуру и въ настоящее время посредствомъ своихъ памятниковъ. Византійскій трупъ подлежитъ всестороннему изученію, и къ этому изученію весьма желательно привлечь возможно болѣе рукъ. Большая часть памятниковъ византійскихъ временъ еще не издана. Между тѣмъ, на одномъ Аѳонѣ до 10.000 рукописей, да, сверхъ того, большая часть европейскихъ большихъ библіотекъ имѣетъ свои спеціальныя отдѣлы, содержащія въ себѣ византійскіе памятники. Кромѣ литературныхъ памятниковъ, отъ Византіи уцѣлѣло большое число памятниковъ искусства: архитектуры и живописи. Изученіе этихъ памятниковъ идетъ очень медленно. Большинство изъ нихъ находится подъ землей. Чтобы про-

изводитъ раскопки на мѣстахъ находенія ихъ, требуется не мало денегъ и труда. Но всего прискорбнѣе то, что очень часто на турецкой территоріи производятся тайныя раскопки. Открытыя такимъ путемъ древности столь же тайно распространяются и продаются въ разныхъ странахъ, а это очень вредно отражается на дѣлѣ изученія древнихъ памятниковъ, потому что изучать ихъ на мѣстѣ открытія было бы гораздо плодотворнѣе для науки. Всесторонней научной оцѣнки культурнаго значенія Византіи еще не было сдѣлано. А между тѣмъ, ни для кого эта задача не представляетъ такой важности, какъ для насъ. Для развитія нашего историческаго самосознанія и для воспитанія устойчивыхъ взглядовъ на современныя событія намъ слѣдуетъ серьезно считаться съ тѣмъ, что оставила Византія въ своихъ археологическихъ памятникахъ и въ своемъ наслѣдствѣ. Византія для насъ не отвлеченная только проблема, а реальный предметъ, изученіе котораго во многихъ отношеніяхъ связано съ русской исторіей.

По отношенію къ археологическимъ памятникамъ Византіи русское правительство приняло весьма важную мѣру учрежденіемъ въ Константинополѣ Археологическаго Института, ближайшею цѣлью занятій котораго поставило изученіе христіанскихъ археологическихъ памятниковъ въ предѣлахъ бывшей Византійской, нынѣ Турецкой имперіи. Въ изданныхъ имъ по настоящее время 15-ти томахъ „Извѣстій Р. А. Института въ Константинополѣ“ можно видѣть, какой богатый и интересный матеріаль открывается для русской науки на Востокѣ. Что же касается практической постановки изученія Византіи и популяризаціи византійской исторіи среди большой публики, въ этомъ отношеніи сдѣлано весьма мало. И трудно ожидать, чтобы въ ближайшемъ будущемъ измѣнились къ лучшему неблагоприятныя обстоятельства. У насъ нѣтъ научной византійской школы и, повидимому, гложуть и византійскія традиціи.

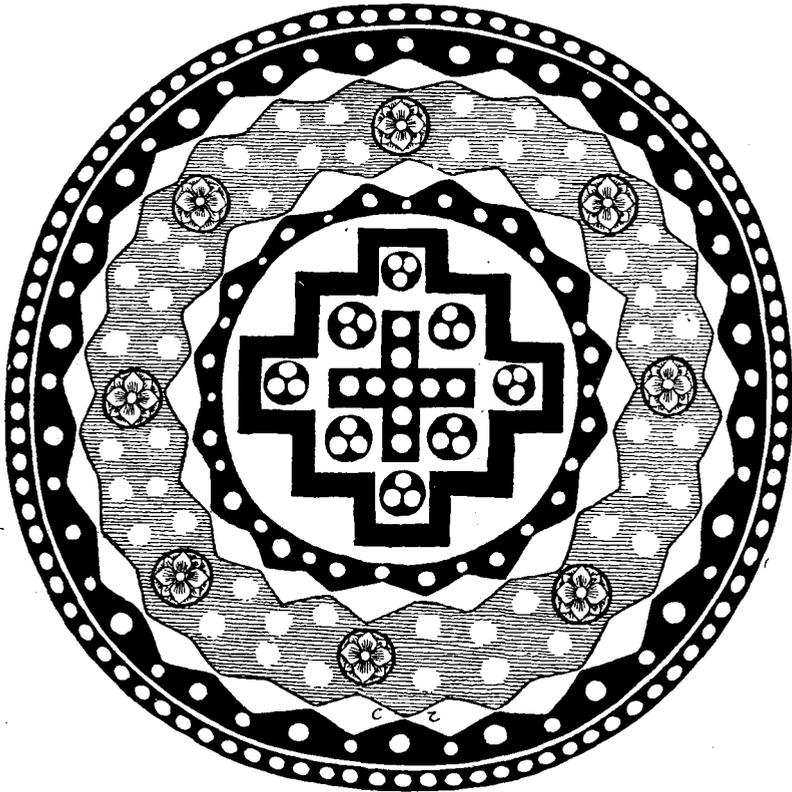
По отношенію къ оставленному Византіей наслѣдству мы напрасно стали бы себя обманывать, что въ нашей волѣ уклониться отъ дѣятельной роли въ ликвидаціи дѣлъ по этому наслѣдству. Хотя вообще отъ наслѣдника зависитъ принимать наслѣдство или отказаться, но роль Россіи въ „Восточномъ вопросѣ“ завѣщана исторіей и не можетъ быть измѣнена по произволу, если только какое-либо непредвидѣнное потрясеніе не дастъ намъ способности забвенія и не

отшибеть память о томъ, чѣмъ мы жили, къ чему стремились и отъ чего страдали.

Вопросъ о началѣ „византизма“, какъ культурнаго термина, вошедшаго въ образованіе Византійской имперіи, не можетъ въ точности совпадать съ проблемой о началѣ исторіи Византіи.

Изъ разсмотрѣнія внѣшнихъ фактовъ и внутреннихъ отношеній можно приходитъ къ опредѣленному выводу, что Восточная имперія обнаруживаетъ выразительный характеръ византизма къ началу VIII в. Что же касается исходныхъ моментовъ, то хронологически указать ихъ появленіе весьма трудно. Подобно тому, какъ возможны колебанія по разграниченію древней исторіи отъ средневѣковой, еще съ большими сомнѣніями слѣдуетъ относиться къ попыткамъ характеризовать тѣ или иныя явленія исторической жизни, какъ облеченныя византизмомъ, или какъ лишенныя характера византизма. Въ смыслѣ объема и содержанія историческаго матеріала сюда должны быть отнесены факты, подготовляющіе византизмъ и характерные для эпохи византійской исторіи, хотя бы хронологически они входили въ цвѣтущую пору древней римской исторіи. Таково, на примѣръ, движеніе новыхъ народовъ въ предѣлы имперіи. Тотъ же самый этнографическій переворотъ, какой на Западѣ былъ могущественнымъ дѣятелемъ при переходѣ отъ древней исторіи къ средней, постепенно происходилъ и на Востокѣ, претворяя греко-римскія учрежденія въ византійскія. Въ борьбѣ съ готами, гуннами, аварами и славянами Восточная имперія усвоила себѣ существенные элементы византизма. Такимъ же организующимъ свойствомъ для византизма было христіанство въ томъ его проявленіи, которое заключается въ восточномъ православіи. Здѣсь византизмъ сказался въ постепенномъ сосредоточеніи православія въ эллинскомъ племени и въ отдѣленіи отъ господствующей церкви Египта, Сирии, Арменіи; рядомъ съ этимъ шли притязанія константинопольскаго патріархата и принятіе имъ титула „вселенскій“. Изъ этихъ общихъ указаній можно понять, что для историка не совсѣмъ легко опредѣлить дату, съ которой онъ долженъ начать изложеніе своего предмета. Дѣйствительно, точка отправленія для исторіи Византіи заключается не въ хронологическихъ рамкахъ, а въ новой группировкѣ фактовъ и въ новыхъ настроеніяхъ, какія намѣчаются у историческихъ дѣятелей. Самая существенная черта, которою рѣзко отдѣляется древность отъ средне-

вѣкового міровоззрѣнія, и которою открывается византинизмъ, заключается, по нашему мнѣнію, въ иммиграціи варваровъ въ имперію и въ культурномъ и религіозномъ кризисѣ III—IV вв. Мы, такимъ образомъ, отправляемся въ изложеніи византийской исторіи не отъ опредѣленной даты, а отъ исторіи образующихъ византинизмъ составныхъ элементовъ.

глава II.

КУЛЬТУРНЫЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ КРИЗИСЪ ВЪ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ. ИММИГРАЦІЯ ВАРВАРОВЪ. ПЕРЕНОСЕНІЕ СТОЛИЦЫ ВЪ КОНСТАНТИНОВОЛЬ.

Когда Константинъ Великій избиралъ незначительную въ то время Византію своей столицей, этимъ актомъ онъ рѣшилъ также вопросъ объ отдѣленіи Запада отъ Востока; въ то же время этимъ намѣчались новые пути дальнѣйшаго историческаго развитія для Западной и Восточной имперій. Хотя ближайшіе преемники Константина пытались нѣкоторое время направлять къ одной цѣли политику Востока и Запада, но уже со времени Аркадія и Гонорія, т.-е. съ 395 года, Западная и Восточная имперіи не соединялись болѣе подъ властью одного императора, но та и другая пошли своимъ собственнымъ путемъ и испытывали различныя судьбы. Путь, которымъ шла Западная имперія до 476 года, обозначается внѣшними пораженіями, внутренними бѣдствіями и смутами, приведшими имперію на край гибели. Основанная Константиномъ столица на Босфорѣ довольно успѣшно выдержала удары, подъ которыми палъ міровластительный Римъ, и дала — правда, довольно странный и мало еще понятный, но все же весьма интересный по своей живучести — политическій организмъ, называемый Восточной или Византійской имперіей. Наболѣе важная для историка проблема въ разсужденіи Восточной имперіи заключается въ томъ, что она такъ же была разѣдаема тѣми же язвами, какъ и Западная имперія, и что удары, подъ которыми палъ Римъ, не щадили и столицы Константина. Въ настоящее время настоятельно требуетъ разрѣшенія уже давно назрѣвшій вопросъ о причинахъ, обусловившихъ разныя судьбы Восточной и Западной имперій. Если Римъ неми-

нуемо долженъ былъ пасть подъ вліяніемъ разрушительныхъ силъ, и на мѣстѣ Римской имперіи должны были возникнуть новыя государства, то почему не постигла тогда же и подобная же участь Византію, въ которой съ меньшей энергіей дѣйствовали подобныя же разрушительныя силы? Когда идетъ рѣчь о паденіи Рима, при этомъ разумѣется громадной важности историческій переворотъ— переходъ отъ древняго міра въ средніе вѣка, сопровождавшійся большими потрясеніями какъ въ нравственной, такъ и въ матеріальной жизни общества.

Къ рѣшенію вопроса о причинахъ паденія древняго міра подходили съ разныхъ сторонъ и рѣшали его разнообразно. Наиболѣе распространенное мнѣніе заключается въ томъ, что древній міръ состарѣлся, пережилъ себя и не могъ выдержать борьбы съ новыми идеями, внесенными въ міръ христіанствомъ. Дѣйствительно, христіанская вѣра внесла въ жизнь новыя начала, которыя всего болѣе содѣйствовали разрушенію древняго міра, какъ политическаго организма, покоившагося на началахъ греко-римской религіи. Но когда христіанство побѣдило Римъ? Не при Константинѣ Великому, потому что тогда язычество было еще главенствующимъ элементомъ въ обществѣ и правительствѣ. Слѣдуетъ притомъ принять во вниманіе, что обращеніе къ христіанству новыхъ народовъ продолжается въ VI и VII, даже въ IX и X вв. Нельзя также забывать, что христіанство распространялось въ имперіи мало-по-малу, и что съ постепенностью шло и воспитаніе общества въ новыхъ идеяхъ. Старѣлся же и ветшалъ древній міръ независимо отъ христіанства, такъ какъ если бы онъ не обветшалъ, то и христіанство не нашло бы для себя той воспріимчивой среды, кака была необходима для его распространенія. Приверженцы старой вѣры далеко не безъ борьбы уступили мѣсто христіанскому культу, и въ то время, какъ христіанство было уже господствующимъ вѣроисповѣданіемъ, язычество до VI вѣка держалось еще въ нѣкоторыхъ провинціяхъ. Итакъ, на вопросъ — отчего палъ древній міръ, нельзя удовлетвориться отвѣтомъ: отъ распространенія христіанства.

Когда мы обсуждаемъ какое-либо событіе политической-ли, или военной, или дипломатической исторіи, мы имѣемъ до нѣкоторой степени возможность, разлагая его на составныя части и слѣдя за развитіемъ подробностей, доискаться общихъ причинъ, вслѣдствіе

которыхъ разсматриваемое событіе приняло такое, а не иное направленіе. Гораздо труднѣе дается объясненіе фактовъ, относящихся до внутренней исторіи. Здѣсь скрыты отъ наблюденія мотивы, приводящіе въ движеніе человѣческую волю, и не такъ замѣтна личная инициатива, почему не легко устанавливается связь между причинами, производящими то или другое явленіе, и конечными слѣдствіями. Сколько, въ самомъ дѣлѣ, нужно вскрыть чуть замѣтныхъ факторовъ, чтобы понять народныя вѣрованія, обычаи, формы общественной жизни, наконецъ, умственное движеніе и тому подобное, то-есть, именно тѣ элементы народной жизни, изъ коихъ слагаются прогрессъ и упадокъ народовъ? И между тѣмъ разгадка этихъ интимныхъ сторонъ государственной и общественной жизни есть конечная цѣль, къ которой долженъ стремиться историкъ.

Входя въ разсмотрѣніе причинъ, приведшихъ къ паденію древній міръ, мы должны, конечно, считаться съ христіанствомъ; но, какъ принципъ духовнаго и моральнаго свойства, христіанство не можетъ быть разсматриваемо какъ разрушительный элементъ. Очевидно, слѣдуетъ искать факторовъ, содѣйствовавшихъ разрушенію древняго міра и помимо христіанства. Есть мнѣніе, на первый взглядъ отталкивающее своей кажущейся парадоксальностью, но на самомъ дѣлѣ поразительное по своей реальной правдѣ. Древній міръ палъ потому, что греки и римляне весьма мало обращали вниманія на изученіе природы (на естественныя науки, химію и др.). Если бы Римъ выдвинулъ противъ варваровъ порохъ и другія взрывчатыя вещества, то никогда бы не былъ жертвою варварскихъ вторженій. Эту мысль слѣдуетъ выразить нѣсколько иначе, чтобы приблизиться къ роковой дѣйствительности. Если бы древній міръ былъ въ состояніи выставить противъ варваровъ другія средства противодѣйствія, кромѣ матеріальной силы своихъ легионовъ, то возможно, что высшая культура Рима одержала бы верхъ надъ варварами и подчинила бы ихъ. Но военное дѣло, занимающее тысячи спеціалистовъ-теоретиковъ, и даже въ средніе вѣка неоднократно подвергавшееся кореннымъ реформамъ приспособительно къ новымъ потребностямъ, вызываемымъ новыми условіями нападенія и защиты, въ древнемъ мірѣ, гдѣ война не затихала ни на одинъ день, не испытывало значительныхъ реформъ, такъ что ни въ устройствѣ легиона, ни въ системѣ вооруженія, по крайней мѣрѣ, отъ Августа до Діоклитіана,

не было переменъ. И нужно прибавить, что военное дѣло вовсе не составляло въ этомъ отношеніи исключенія. Недостатокъ духовной производительности есть существенная черта, характеризующая эпоху паденія древняго міра — отъ Августа до конца III-го вѣка. Въ государственномъ правѣ и администраціи, въ литературныхъ произведеніяхъ, въ хозяйственной дѣятельности — вездѣ обнаруживается неподвижность, подражаніе унаслѣдованнымъ образцамъ и отсутствіе живой, прогрессирующей и руководящей идеи. Только въ одной области проявлялась работа мысли и эволюціонное движеніе—въ христіанскихъ общинахъ. Но и это движеніе, какъ теперь выясняется все съ большею наглядностью, и что должно быть здѣсь особенно отмѣчено, обязано своими успѣхами главнѣйше не чистымъ греко-римскимъ элементамъ, а Сирии и Африкѣ, гдѣ было много семитическихъ примѣсей.

Такимъ образомъ, въ разсужденіи того вопроса, который насъ занимаетъ, дѣло идетъ не объ одномъ какомъ-либо принципѣ и не о смѣнѣ однихъ физическихъ дѣятелей другими, а объ общемъ кризисѣ, какой постигаетъ иногда народы и государства, утрачивающія жизнеспособность, подобно дереву, неожиданно завядающему и не дающему вѣтвей. Рѣчь сводится къ тому, чтобы проникнуть въ тайну государственной и общественной жизни древняго міра, когда угасла въ немъ духовная производительность и когда не стало въ немъ, употребляя выраженіе поэта, „ни мысли плодovitой, ни гениемъ начатаго труда“.

У Геродота ¹⁾ есть превосходный разсказъ, который прекрасно поясняетъ нашу мысль. Періандръ, коринѣскій тиранъ, разъ отправилъ посла къ Эрасибулу, милетскому тирану, чтобы спросить у него совѣта, какъ ему установить надежнѣйшій и наилучшій образъ правленія, иначе говоря, какъ ему лучше утвердить свою власть въ Коринѣ? Эрасибулъ вывелъ за городъ прибывшаго изъ Коринѣа посла, пошелъ на засѣянное поле и, проходя по нивѣ, спрашивалъ посла о цѣли его прибытія и въ то же время сбивалъ колосья, которые поднимались надъ другими и были выше всѣхъ, и продолжалъ это до тѣхъ поръ, пока не истребилъ самой лучшей части нивы. Такъ онъ прошелъ по всему полю и отослалъ посла, не ска-

¹⁾ *Herodoti*, I, V, с. 923. Русскій перев. Э. Г. Мищенко, II, 48—49.

завъ ему ни слова. Возвратившись къ Періандру, посоль сталъ жаловаться, что отправили его просить совѣта у человѣка помѣшаннаго, который портить свое добро, и рассказалъ, какъ онъ былъ принятъ Эрасибуломъ. Но Періандръ понялъ мысль мудреца и погубилъ въ Коринѣ или присудилъ къ изгнанію тѣхъ гражданъ, которые вышались надъ другими знатностью и вліяніемъ.

Вслѣдствіе подобной политической мудрости, которая одинаково примѣнялась въ древности какъ въ монархіяхъ, такъ и въ демократическихъ и аристократическихъ государствахъ, вездѣ получался одинаковый результатъ: на той нивѣ, которая производила поколѣнія людей, колосья получались все ровнѣй, а жатва и достоинство и количество зерна все скуднѣй. Какъ въ Греціи, такъ и въ Римѣ исторія обильна примѣрами, иллюстрирующими сказаніе Геродота. Исагоръ, занявъ Аѣины съ помощью спартанцевъ, изгналъ изъ города 700 неспокойныхъ фамилій; Агаѳокль погубилъ въ Гелѣ 4000 ненадежныхъ гражданъ. Въ Римѣ такое же значеніе имѣли проскрипціи, при помощи коихъ укрѣпляются Марій и Цинна и далѣе триумвиры. Имперія утверждала свое вліяніе особенными мѣрами избранія сената и устраненіемъ опасныхъ гражданъ. Преслѣдованіямъ подвергались не только вожди партій, но и ихъ родственники и потомство.

Выразительнымъ примѣромъ той же практики въ позднѣйшее время можетъ служить новелла сына Θεодосія Великаго, императора Аркадія, противъ обвиненныхъ въ политическомъ заговорѣ ¹⁾. „Кто противъ насъ составитъ заговоръ, или кто приметъ участіе въ заговорѣ противъ насъ — тотъ подлежитъ смертной казни, и его имущество конфискуется. Что касается дѣтей, хотя и они должны бы раздѣлять участь отцовъ, такъ какъ и въ нихъ можно опасаться унаслѣдованной преступности, то мы даруемъ имъ жизнь; но они не имѣютъ права на наслѣдство ни отъ отцовъ, ни матерей, ни родственниковъ, ни даже чужестранцевъ; пусть они вѣчно въ бѣдности и нуждѣ несутъ послѣдствія отцовскаго позора, имъ нѣтъ доступа ни къ государственной службѣ, ни къ почестямъ“.

Намѣчаются и другія причины, одинаково съ указанными содѣйствовавшія банкротству древняго міра. Слѣдствіемъ чрезмѣрныхъ

1) Cod. Theod. IX. 14, 3.

тягостей военной повинности, лежавшей исключительно на гражданахъ, такъ какъ отъ нея устранены были рабы, вольноотпущенники и покоренные народы, было то, что ряды гражданъ средняго класса и крестьянскаго сословія значительно порѣдѣли, и что образовавшаяся въ средѣ ихъ пустота не заполнялась нарождаемостью. Лучшимъ примѣромъ можетъ служить Лаконика. При вторженіи персовъ она могла выставить 8000 воиновъ, столѣтіемъ позже только 1500, а въ 244 г. лишь 700. Въ императорскую эпоху эта область, считавшая прежде до сотни городовъ, имѣла одинъ значительный городъ Спарту, да до 30 жалкихъ поселковъ. Пелопоннисъ въ императорскую эпоху едва могъ поставить 3000 воиновъ, а въ битвѣ при Платеяхъ участвовало 7400.

Цензовые списки для II столѣтія до Р. Хр. даютъ для Италіи отъ 337 до 394 тысячъ способныхъ носить оружіе. При Августѣ можно было съ трудомъ наберечь въ Италіи 45 тысячъ, а при императорахъ I и II вѣка населеніе еще болѣе порѣдѣло: города Анцій и Тарентъ были въ развалинахъ, страна оставалась изъ-за недостатка населенія невоздѣланной. Было бы ошибочно приписывать это явленіе постояннымъ войнамъ и усобицамъ. Евбея не была театромъ военныхъ дѣйствій съ IV вѣка, между тѣмъ вотъ какой порядокъ вещей засвидѣтельствованъ здѣсь въ концѣ I вѣка по Р. Хр. „Двѣ трети земли—говоритъ Діонъ—лежатъ безъ обработки по недостатку рабочихъ рукъ. Я бы съ удовольствіемъ отдалъ даромъ подъ обработку свой участокъ, да нѣтъ охотниковъ на него“. Нѣтъ, главная причина убыли населенія лежитъ въ простомъ фактѣ: въ недостаточномъ приростѣ населенія. Объ этомъ явленіи въ II вѣкѣ историкъ Поливій ¹⁾ дѣлаетъ слѣдующее замѣчательное наблюдение: „Если невозможно или трудно понять по человѣческому разумѣнію причины какихъ-либо явленій по отношенію къ нимъ, то, можетъ быть, кто-нибудь, находясь въ недоумѣніи, будетъ ссылаться на божественную волю или на случай: таковы непрерывные ливни и чрезвычайные дожди, или, напротивъ, засухи и холода, производящіе порчу плодовъ, равнымъ образомъ, постоянныя заразительныя болѣзни и другое подобное тому, что не легко поддается объясненію. Почему, по справедливости, слѣдуя мнѣнію большинства по отношенію къ

¹⁾ *Polybii Hist. lib. XXXVI, c. 4 (v. IV, p. 106 sq. ed. Dindorf).*

таковымъ непонятнымъ явленіямъ, умоляя и умилоствляя жертвами божество, спрашиваемъ оракуловъ: какими словами или какими дѣйствіями мы могли бы улучшить свое положеніе или достигнуть облегченія отъ угнетающихъ насъ бѣдствій. Что же касается такихъ явленій, причины которыхъ, производящія извѣстное событіе, легко понять, то, по моему мнѣнію, таковыя не слѣдуетъ ставить въ соотношеніе съ божествомъ. Возьмемъ такое явленіе. Въ наше время всю Грецію постигло неплодіе и вообще скудость населенія, вслѣдствіе чего и города запустѣли, и произошли неурожаи, хотя не было у насъ ни продолжительныхъ войнъ, ни заразительныхъ болѣзней. Итакъ, если бы кто по отношенію къ этому вздумалъ спрашивать боговъ, какими словами или дѣйствіями мы могли бы размножиться и лучше устроить жизнь въ нашихъ городахъ, то не оказался ли бы онъ подлинно безразсуднымъ человѣкомъ, такъ какъ причина явленія совершенно ясна, и устраненіе ея зависитъ отъ насъ самихъ? Когда люди утратили простоту и сдѣлались любостыжательными и расточительными и перестали вступать въ бракъ, а если вступали, то съ тѣмъ, чтобы не имѣть больше одного, или, въ крайнемъ случаѣ, двухъ дѣтей, чтобы оставить имъ значительныя богатства и воспитать ихъ въ роскоши,—вотъ при какихъ условіяхъ постепенно усилилось бѣдствіе. Ибо при существованіи одного ребенка или двоихъ, въ случаѣ если одинъ изъ нихъ сдѣлается жертвой войны или болѣзни, легко понять, что неизбѣжно жилища останутся пустынными, и какъ рои у пчелъ, подобнымъ же образомъ и безлюдныя города скоро впадаютъ въ безсиліе. Въ подобныхъ обстоятельствахъ нѣтъ нужды вопрошать боговъ о томъ, какъ избавиться отъ такового бѣдствія, ибо каждый въ состояніи объяснить, что это вполнѣ зависитъ отъ насъ самихъ: или слѣдуетъ отречься отъ зависти, или опредѣлить законами для каждаго обязанность воспитывать своихъ дѣтей. Для этого нѣтъ нужды ни въ предсказателяхъ, ни въ кудесникахъ“.

Правительство вполнѣ понимало угрожающую опасность, оно издавало законы противъ вдовыхъ и холостыхъ, опредѣляло награды за многочадіе, но принятая мѣры не приносили ожидаемой отъ нихъ пользы. Военные люди, проведя въ военныхъ занятіяхъ и вдали отъ родины лучшіе годы жизни, подъ старость если и женились, то не производили дѣтей. Независимо отъ того военная система,

лежавшая на мелкихъ земельныхъ собственникахъ, отнимала у земли рабочія руки и поражала въ самое сердце сельское хозяйство. Крестьянскіе участки поступали за долги въ продажу и становились собственностью крупныхъ землевладѣльцевъ. Совокупность указанныхъ условій обезлюдила и ослабила древній міръ.

Въ виду вышеизложеннаго едва ли можно оправдать довольно распространенныя выраженія: древній міръ обветшалъ, состарѣлся, выродился,—которыми пытаются опредѣлить сущность перехода отъ древняго міра къ средневѣковой. Нужно принимать въ соображеніе, что физической преемственности между древними и средневѣковыми народами вообще не можетъ быть указано: не греки и не римляне играютъ роль послѣ паденія Западной Римской имперіи, хотя никакъ нельзя отрицать преемственности въ идеяхъ и воззрѣніяхъ, т.-е. тѣсной культурной связи между древнимъ міромъ и средними вѣками. Древній міръ оставилъ въ наслѣдство среднимъ вѣкамъ свою культуру; слѣдовательно, самый процессъ передачи культурнаго наслѣдства и способы усвоенія должны составлять для историка самое существенное въ пониманіи и изложеніи переходной эпохи отъ древняго міра къ среднимъ вѣкамъ.

Понимая этотъ процессъ какъ постепенное перерожденіе, мы должны отвести самое главное мѣсто выясненію двухъ началъ, подъ вліяніемъ которыхъ совершается перерожденіе древняго міра. Это перерожденіе медленно происходило подъ вліяніемъ духовнаго и матеріальнаго элемента. Одинъ постепенно ослаблялъ философскія и религіозныя воззрѣнія языческаго міра, подготавливая умы для воспріятія христіанской религіи; другой постепенно измѣнялъ самую физическую сущность обитателей древняго міра, вливая свѣжую струю варварской крови въ слабѣющія и переставшія размножаться поколѣнія и народности.

Съ середины прошлаго столѣтія выдвинута была мысль объ изученіи исторической и соціально-религіозной обстановки, въ которой образовалась и утвердилась христіанская идея. Эта мысль, составляющая основное положеніе такъ называемой Тюбингенской школы, привела къ весьма важнымъ выводамъ на почвѣ изученія религіозной идеи въ эпоху происхожденія и утвержденія христіанства. Вѣра въ языческую религію колебалась въ сознаніи древнихъ народовъ, боги перестали удовлетворять религіознымъ потребностямъ,

и наступила такая пора, когда опустѣлый Олимпъ ни для кого не представлялъ болѣе ни отрады, ни успокоенія. А между тѣмъ чело-вѣчество не могло оставаться лишеннымъ религіи. Мѣсто языческаго культа должна была занять другая вѣра. Это исканіе новой идеи, которымъ характеризуется философское движеніе въ древнемъ мірѣ, чрезвычайно богато послѣдствіями, и на почвѣ философской производительности добыты тѣ заключенія, которыя приготовили древній міръ къ принятію христіанской идеи. Мы разумѣемъ здѣсь весьма продолжительный періодъ поисковъ за новыми идеями, поисковъ утомительныхъ и часто безнадежныхъ, которые необходимо историку оцѣнить и представить въ надлежащемъ освѣщеніи, чтобы показать значеніе идейной борьбы въ чело-вѣческомъ обществѣ. Весьма извѣстно то обстоятельство, что древняя вѣра въ божественную силу греко-римскихъ божествъ была поколеблена задолго до того времени, какъ восточныя божества стали приглашаться къ участію въ Олимпѣ.

Въ комедіи Аристофана „Облака“ есть мѣсто, гдѣ Сократъ на сдѣланное ему замѣчаніе, что въ рукахъ Зевса есть молнія, чтобы поражать клятвopреступниковъ, отвѣчаетъ: „дуракъ! ты повторяешь бабьи сказки ¹⁾. Если Зевсъ поражаетъ молніей клятвopреступниковъ, то почему не попалить Симона, и Клеонима, и Феора—вѣдь, это самые злые клятвopреступники. Вмѣсто того онъ поражаетъ собственные храмы, и шпигъ Аѳиней Сунійской, и высочайшіе дубы. Что они ему сдѣлали“? Если принять въ соображеніе, что время жизни комика падаетъ на 450—385 до Р. Хр., то можно еще удивляться, что вѣра въ боговъ такъ долго держалась въ греко-римскомъ обществѣ. Правда, правительство пыталось разными средствами поддержать и оживить религію и достигало въ этомъ отношеніи нѣкоторыхъ временныхъ успѣховъ. Но философское мышленіе, направляясь къ выясненію отношеній чело-вѣка къ верховному существу, все болѣе и болѣе подрывало увѣренность въ вѣрованія, когда-то имѣвшихъ значеніе непререкаемыхъ истинъ. Уже основныя положенія, выводимыя изъ платоновскаго ученія: идея единого и всесовершеннаго бога, бессмертіе души, воздаяніе по смерти за совершенныя въ жизни

¹⁾ Имѣется въ виду все довольно вольное мѣсто въ разговорѣ Стrepсіада съ Сократомъ, гдѣ громъ сравнивается съ газами, выпускаемыми изъ себя чело-вѣкомъ: стихи 388 и сл., въ особенности 398—402.

дѣянiя—заклучали въ себѣ выводы, несомвѣстимые съ старой вѣрой и скорѣе приближающiеся къ христіанству, чѣмъ къ язычеству.

Чѣмъ объясняется нетерпимость римскаго государства къ христіанамъ? Хотя нельзя думать, что христіанство, въ смыслѣ носителя новыхъ идей, представляло собой разрушительное начало, ибо буква убиваетъ, а духъ животворитъ; но по отношенію къ политическому и соціальному строю древняго общества христіане несомнѣнно представляли собой крайнюю оппозицію. При ближайшемъ соприкосновеніи съ христіанами римскіе администраторы и лица, стоявшiя во главѣ судебныхъ установленiй, встрѣчались съ такими фактами, которые стояли въ совершенномъ противорѣчii съ общепризнаннымъ и твердо установившимся строемъ. Съ точки зрѣнiя римскаго государственнаго закона почитаніе боговъ и исполненіе обрядовъ религіи было первымъ и основнымъ требованіемъ во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся христіанъ. Но эти сектанты, съ точки зрѣнiя римскаго судьи, уклонялись отъ принесенiя жертвы, не воскуряли ѳиміама предъ статуей императора и ссылались на какое-то новое неизвѣстное божество, не принятое въ римскій пантеонъ. Кромѣ того, тѣ же христіане позволяли себѣ уклоняться отъ государственной, въ особенности отъ военной службы, открыто признаваясь, „не могу носить оружіе, потому что я христіанинъ“ („Non possum militare quia christianus sum“). Само собой разумѣется, языческое общество не могло не усматривать въ новой религіозной, съ его точки зрѣнiя, сектѣ явныхъ враговъ общественнаго порядка, хотя бы христіане не являлись открытыми нарушителями ни религіозныхъ церемонiй, ни общепринятыхъ обычаевъ. Въ одномъ только случаѣ христіане внушали къ себѣ дѣйствительное подозрѣніе, это относительно своихъ тайныхъ собранiй, которыя прикрывались законными формами, но въ существѣ не были легальными.

Не могло языческое общество примириться и съ внѣшнимъ поведеніемъ, а равно съ нравственными воззрѣнiями христіанъ. „Кто хочетъ за мной идти, тотъ долженъ покинуть отца и мать и все, что ему дорого“. Христіанство вносило разладъ въ семейную жизнь, нарушало довѣріе между супругами и между родителями и дѣтьми. Нельзя безъ волненiя читать исторію св. Перепетуи, принадлежавшей къ лучшему обществу, которую старикъ-отецъ умоляетъ оставить новую вѣру и возвратиться къ семьѣ, къ покинутому ею мужу и ребенку.

Въ особенности, никакъ не могло римское общество примириться съ тѣмъ, что представлялъ собой Римъ съ его древней культурой и съ высоко образованнымъ обществомъ, и что рядомъ съ нимъ представляли христіанскія общины. На одной сторонѣ была высокая культура, побѣды, міровластительство, на другой же—невѣжество, простота, скудость и отсутствіе всякой культурности. Совершенно основательно говорили христіанамъ: какъ вы можете съ вашимъ убожествомъ мечтать о перестройкѣ міра, когда на нашей сторонѣ и опытъ, и численное превосходство, и богатства, когда на нашей сторонѣ высокая культура. Цельзъ выразилъ эту противоположность между христіанами и римскимъ міромъ въ слѣдующемъ образѣ: „Вы, какъ тараканы въ щели, судите о внѣшнемъ мірѣ по своему кругозору. Намъ, конечно, лучше судить съ нашего широкаго и открытаго мѣста о томъ, что есть и что должно быть, а не вамъ изъ вашей щели“.—Христіанство подвергалось упреку даже и послѣ того, какъ оно уже было объявлено господствующимъ въ имперіи, въ томъ, что оно, уничтоживъ древнюю культуру и освятивъ невѣжество и мракъ, взявъ само ничего не могло дать. Отцы и учителя церкви первыхъ вѣковъ съ особенной настойчивостью поэтому проводили мысль, что христіане должны черпать знаніе и образованіе въ языческой школѣ и литературѣ (Бл. Августинъ). Основное положеніе книги Буасье, „Паденіе язычества“, заключается въ оправданіи мысли, что христіанство не пренебрегало культурой и восприняло въ себя все знаніе, добытое въ древнемъ мірѣ.

Переходя къ выясненію того начала, которое постепенно измѣняло самую физическую сущность древняго міра, мы становимся на болѣе твердую почву, такъ какъ можемъ считаться съ весьма конкретными и извѣстными фактами. Но здѣсь не предполагаемъ вести рѣчь о той неудержимой волнѣ народныхъ движеній, которая залила древній міръ и на его развалинахъ дала новые ростки, развившіеся въ средневѣковыя государства. На Западѣ и Востокѣ по одинаковымъ причинамъ правительство принимало на государственныя земли чуждые народы: главная цѣль была въ пополненіи убыли въ населеніи, въ заботахъ имѣть въ провинціяхъ достаточно людей, съ которыхъ можно было бы брать рекрутовъ и собирать подати. Мизія и Паннонія во II и III в. были вполнѣ покрыты варварскими колоніями, во Фракіи поселено сто тысячъ бастарновъ. Констанцій Хлоръ и Константинъ

довели систему своихъ предшественниковъ до крайнихъ предѣловъ, послѣднему приписывается поселеніе въ имперіи 300 тысячъ сарматовъ. Постоянное и обильное пополненіе провинцій имперіи новыми народами вливало много новой крови въ остатки стараго населенія и содѣйствовало постепенному измѣненію самаго физическаго типа древнихъ народовъ. Востокъ, послѣ окончательнаго раздѣленія тогдашняго міра на двѣ половины, меньше подвергался иммиграціи варваровъ и представлялъ въ восточныхъ своихъ провинціяхъ значительную преграду противъ вторженія чуждыхъ этнографическихъ элементовъ. Но затѣмъ, со времени Θεодосія, германскіе готы наводнили столицу и провинціи и подвергли Восточную имперію дѣйствию того же внутренняго броженія, подъ вліяніемъ котораго разрушалась Западная имперія. Хотя у восточныхъ императоровъ нашлось довольно государственной мудрости, чтобы задержать процессъ расчлененія Византійской имперіи посредствомъ постояннаго обмѣна населенія между Малой Азіей и Балканскимъ полуостровомъ, но обширныя поселенія славянскихъ племенъ въ европейскихъ провинціяхъ, равно какъ расположеніе лагеремъ въ придунайскихъ областяхъ кочевыхъ азіатскихъ народовъ — вело къ тому же окончательному результату, какимъ сопровождалось движеніе новыхъ народовъ на Западную имперію. Не могли, конечно, не оцѣнить государственные люди IV в. то положеніе, которое создавалось ходомъ вещей: Востокъ имѣлъ больше устоевъ противъ расчлененія, чѣмъ Западъ, на Востокъ не было такого неудержимаго стремленія къ передвиженію съ мѣста на мѣсто, какое было на Западѣ; Востокъ могъ доставлять и войско, и продовольствіе для него, и деньги. Нельзя не признать того обстоятельства, что какъ Византійская имперія, такъ и смѣнившая ее турецкая съ Востока получала главныя средства своего существованія. Малая Азія оставалась житницей государства, когда Египетъ вышелъ изъ сферы вліянія Восточной имперіи. Итакъ, ясно, что перенесеніе ближе къ Востоку или на Востокъ правительственныхъ учрежденій и основаніе столицы имперіи на Босфоръ было актомъ высокой государственной мудрости, обеспечивавшимъ продолжительную жизненность византизму.

Выборъ мѣста для новой столицы, устройство Константинополя и созданіе изъ него всемірно-историческаго города составляетъ неотъемлемую заслугу политическаго и административнаго генія Констан-

Рис. 1. Латеранская статуя Константина Великого

тина. Не въ эдиктѣ о вѣротерпимости міровая заслуга Константина: не онъ, такъ его ближайшіе преемники принуждены были бы даровать господство христіанству, которое отъ того ни мало не потеряло бы; между тѣмъ какъ своевременнымъ перенесеніемъ столицы міра въ Константинополь онъ въ одно и то же время и спасъ древнюю культуру, и создалъ благопріятную обстановку для распространенія христіанства. Исключительно важное торговое и военное положеніе Византіи - Константинополя на границѣ между Европой и Азіей, господство надъ двумя морями, Чернымъ и Средиземнымъ, гдѣ находили себѣ блестящее развитіе древнія культуры—эти преимущества властнаго положенія на Золотомъ Рогѣ и Босфорѣ хорошо поняты и были оцѣнены древними задолго до Константина. Въ анналахъ Тацита ¹⁾ есть прекрасное мѣсто слѣдующаго содержанія. Когда греки спросили пиѣйскаго Аполлона, гдѣ онъ посовѣтовалъ бы основать новую колонію, онъ послалъ ихъ въ страну, лежащую противъ жилища слѣпцовъ. Слепцами преданіе считаетъ здѣсь основателей мегарской колоніи Халкидонъ, которые не сумѣли оцѣнить важности противоположнаго берега Босфора.—Дѣйствительно, въ теченіе всего извѣстнаго историческаго періода Константинополь игралъ несравненную роль въ смыслѣ посредника торговыхъ и вообще культурныхъ сношеній между Востокомъ и Западомъ. Понимая міровое значеніе Византіи, Константинъ перенесъ сюда столицу имперіи, и его выборъ оправданъ исторіей. Торговымъ центромъ Константинополь оставался въ теченіе всего средневѣковья; военное значеніе его доказывается всей его многовѣковой судьбой. Многія ли европейскія столицы могутъ похвалиться такимъ защищеннымъ положеніемъ, какъ Константинополь? Между тѣмъ, въ виду темной эпохи, которая наступила съ IV—V вв., когда варварскія полчища нахлынули на слабѣющую римскую имперію и уничтожили всѣ завоеванія въ области науки, искусства и общежитія, природой и техникой укрѣпленная Византія дала въ себѣ пріютъ культурѣ и умственной производительности. Если она и не пріумножила пріобрѣтеній, полученныхъ отъ древности, то во всякомъ случаѣ старательно оберегала ихъ. Новоевропейскіе народы, постепенно сдѣлавшись способными понимать блага культурной жизни, стали черпать полной рукой изъ ея архивовъ и библіотекъ.

1) Annal. XII, 63.

Въ 328 г. начаты были перестройки и возведеніе новыхъ зданій, 11 мая 330 г. праздновалось открытіе новой столицы. Хотя новая столица становилась центромъ христіанской имперіи, и хотя старое языческое богослуженіе въ ней не должно было имѣть мѣста, но на украшеніе ея употреблены были лучшіе языческіе памятники изъ Рима, Аѳинъ, Александріи, изъ Малой Азіи и съ острововъ. Древніе языческіе храмы или передѣланы въ христіанскіе, или обращены на общественныя надобности. Изображенія боговъ, потерявшія мѣсто въ храмахъ, стали украшать площади, улицы, бани, портики (рис. 2).

Трудно выяснитъ, какими мѣрами привлечено было въ Константинополь населеніе. Торговья преимущества, пособія, безденежная раздача хлѣба и проч. должны были заохотить рабочее и промышленное населеніе искать жительство въ Константинополѣ. При Іоаннѣ Златоустѣ въ городѣ насчитывалось 100 тысячъ христіанъ, но были во множествѣ іудеи и язычники, между ними до 50 тысячъ бѣдныхъ. Уже въ V в. понадобилось раздвинуть стѣны и выстроить новые дома на освобожденныхъ мѣстахъ, но и при этомъ, по замѣчанію Зосимы, было опасно ходить по улицамъ за многолюдствомъ и тѣснотой; тогда

Рис. 2. „Матери боговъ“. Рельефъ Русск. Археол. Института въ Константинополѣ.

осушили морской берегъ, набили сваи и стали строить дома надъ водой. Городу дано было муниципальное устройство Рима, городской округъ изъятъ отъ поземельной подати. Современникъ Юліана Евнапій говоритъ уже о пьяномъ и ничѣмъ не довольномъ димѣ Константинополя и жалуется на Константина, который, лишивъ города природныхъ жителей, перевелъ ихъ въ основанный имъ городъ.

Въ высшей степени любопытно обозначить планъ и очертанія города Константина. Преданіе говоритъ, что императоръ, идя съ копьемъ въ рукахъ, намѣчалъ границы своей столицы, и, когда приближенные выражали удивленіе обширности размѣровъ города, онъ

сказаль: „Я пойду до тѣхъ поръ, пока не остановится нѣкто идущій впереди меня“. Старая Византія, занимавшая только часть мыса, вдающагося въ Мраморное море, была незначительнымъ поселкомъ сравнительно съ городомъ Константина, который, въ свою очередь, въ нѣсколько пріемовъ раздвигался вдаль, чтобы достигнуть той обширной площади, которая окружена сохранившимися доселѣ стѣнами. Граница основаннаго Константиномъ города обозначена была землянымъ валомъ и стѣной, который съ извѣстной степенью вѣроятности можно обозначить такъ, въ направленіи отъ Золотого Рога къ Мраморному морю: стѣна начиналась или на линіи стараго моста, или нѣсколько сѣвернѣй и шла въ направленіи къ юго-западу, пересѣкая большую улицу, существовавшую и въ древности подъ именемъ Меса, въ направленіи между цистерной Аспара и храмомъ свв. Апостоловъ, затѣмъ склонялась къ югу, проходя мимо цистерны Мокія и доходила до моря въ мѣстности между Псаматіей и Даудъ Паша-капуси, неподалеку отъ древняго монастыря Перивлепта или Сулу-монастыря.

Окружавшая древній городъ стѣна сослужила большую службу новой столицѣ въ эпоху переселенія народовъ. Когда вестготы утвердились на Балканскомъ полуостровѣ, Константинополь сдѣлался для нихъ весьма заманчивой добычей. Въ 378 г., вскорѣ послѣ пораженія римскихъ войскъ, они сдѣлали попытку напасть на этотъ городъ, но его укрѣпленія были выше военныхъ средствъ, какими они располагали. И самъ Аларихъ не рискнулъ осаждать столицу Восточной имперіи. Когда первоначальный городъ сталъ тѣсенъ, его раздвинулъ Θεодосій, хотя первоначальныя стѣны были оставлены и долго составляли линію внутреннихъ укрѣпленій, за которыми былъ новый кварталъ, Эксокіоній или „За колоннами“. При Юстиніанѣ сильно пострадали отъ землетрясенія ѳеодосіевскія и константиновскія стѣны. Затѣмъ въ позднѣйшее время послѣднія, вѣроятно, были уничтожены временемъ и частью употреблены на городскія постройки ¹⁾.

¹⁾ Seeck, „Geschichte des Untergangs der antiken Welt“ (Берлинъ, 1895—1909, 3 тома); Bury, „A History of the later Roman Empire“, т. I. Introduction; Schultze, „Geschichte des Untergangs des griechisch-römischen Heidentums“ (Іена, 1887—1892, 2 тома); Корелинъ, „Паденіе античнаго міросозерцанія“ (СПБ. 1895); Boissier, „La fin du paganisme“ (Парижъ; есть рус. перев. 1892—1894. Москва).

глава III.

ОБРАЗОВАНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ ИМПЕРИИ. ЦЕРКОВНАЯ ПОЛИТИКА КОНСТАНТИНА. ПРАВОСЛАВИЕ И АРИАНСТВО.

Христианская имперія, заступившая мѣсто языческой, является самымъ существеннымъ выраженіемъ средневѣковаго византизма. Процессъ постепеннаго сочетанія этихъ двухъ первоначально враждебныхъ элементовъ — языческой и христианской имперіи — составляетъ одинъ изъ поучительнѣйшихъ эпизодовъ всемірной исторіи и поэтому заслуживаетъ особеннаго вниманія. Нечего и говорить, что намъ предстоитъ тщательно выбрать изъ относящагося къ нашей темѣ обширнаго матеріала наиболѣе выразительные факты, которые могутъ характеризовать христианство и имперію какъ въ періодъ борьбы, такъ и въ эпоху взаимнаго соглашенія и объединенія. Сначала имперія болѣе или менѣе игнорировала вновь возникшее вѣрованіе, частью смѣшивая его съ іудействомъ, затѣмъ, когда христианство стало обнаруживать значительное вліяніе въ широкихъ кругахъ общества, свѣтская власть дѣлала рядъ попытокъ ограничить это вліяніе и принудить исповѣдниковъ христианской вѣры къ принятію язычества; наконецъ, императоръ Константинъ и его ближайшіе преемники пришли къ сознанию необходимости поставить христианство подъ защиту имперіи.

Первый фактъ, характеризующій христианство какъ значительную силу, которая уже стала обращать на себя общественное вниманіе, относится къ царствованію Нерона и стоитъ въ связи съ извѣстнымъ пожаромъ въ Римѣ въ 64 году ¹⁾.

¹⁾ Описаніе Тацита, „Annales“, XV, 38—45. Литература обширная. Назовемъ Baur, „Das Christenthum der drei ersten Jahrhunderten“; Hausrath, „Neutestamentliche Zeitgeschichte“; Renan, „Origines du christianisme“, и др.

Нельзя сказать, чтобы пожары в Римѣ были рѣдки: и до Нерона, и послѣ него встрѣчаемъ не мало извѣстій о пожарахъ вѣ Римѣ. Но пожаръ, начавшійся вѣ ночь съ 18 на 19 іюля 64 г., превзошелъ всѣ другіе по своимъ гибельнымъ слѣдствіямъ. Пламя показалося вблизи *Circus maximus* (рис. 3); здѣсь было много деревянныхъ лавочекъ, которыя сообщили пламя ближнимъ деревяннымъ зданіямъ, а сильный вѣтеръ, раздувая пожаръ, перенесъ его и на циркъ. Тогда уже не было никакой надежды на прекращеніе пожара, и вѣ теченіе 6 дней и 7 ночей онъ истребилъ большую часть города, такъ что изъ 14 частей города только четыре пощажены были огнемъ. Какъ всегда, нашлись люди, которыя, пользуясь общимъ бѣдствіемъ, стали грабить и растаскивать то, что удавалось спасти отъ огня. Общее ожесточеніе, голодъ и нужда подняли народъ, который требовалъ у правительства разыскать виновниковъ пожара. Нерона тогда не было вѣ Римѣ; узнавъ объ опасности, онъ поспѣшилъ изъ Аncyя и лично принималъ мѣры къ тушенію огня: одинъ, безъ свиты, показывался вѣ различныхъ частяхъ города и, когда кончился пожаръ, употребилъ всевозможныя средства къ облегченію нуждающихся.

Базилики, термы и публичныя зданія открыты были для погорѣльцевъ, на Марсовомъ полѣ построены бараки; понижена цѣна на хлѣбъ, и на окрестныя селенія наложена реквизиція вѣ пользу погорѣльцевъ города Рима. Чтобы удовлетворить раздраженному чувству населенія, римская полиція тщательно разслѣдовала причины пожара. Лавочки, гдѣ началось пламя, принадлежали восточнымъ купцамъ, преимущественно изъ еврейскаго племени. Они не пользовались и раньше расположеніемъ римлянъ, теперь достаточно было и легкаго подозрѣнія, чтобы объявить ихъ поджигателями. Но извѣстно, что народная молва стала обвинять вѣ поджогѣ императора Нерона, и что онъ, будто бы для оправданія себя, привлекъ къ отвѣтственности ненавистныхъ тогда евреевъ-христіанъ. Разсмотримъ это обстоятельство. Обвиненіе Нерона сначала основывалось на слухахъ, на молвѣ, и только у позднѣйшихъ писателей передается какъ фактъ несомнѣнный. Тацитъ, главнѣйшій авторитетъ вѣ этомъ вопросѣ, не рѣшается прямо высказать: случайно ли произошелъ пожаръ, или по волѣ Нерона; никто не смѣлъ тушить пожаръ, говоритъ онъ, потому что многіе угрожали начинавшимъ тушить, другіе

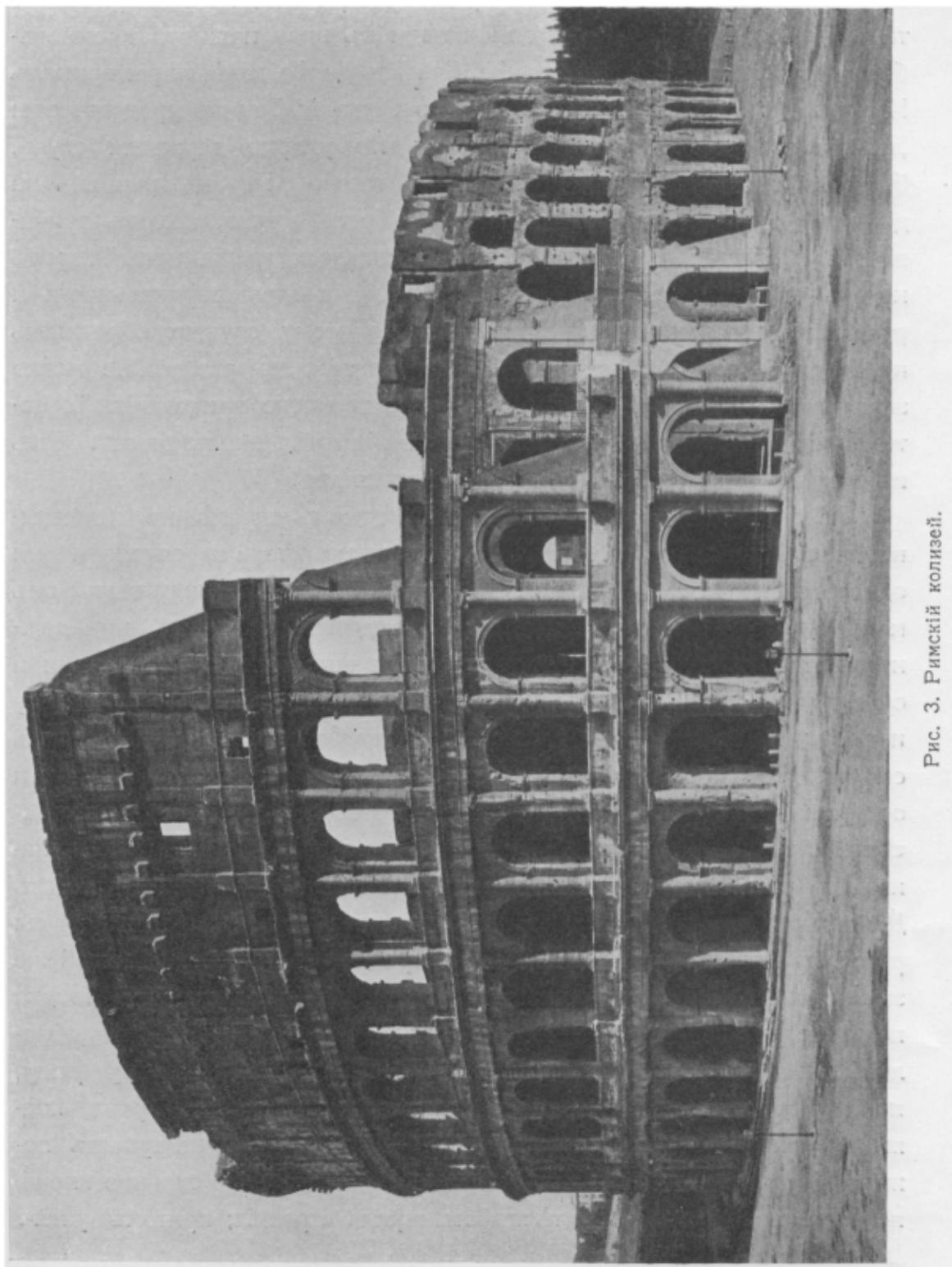

Рис. 3. Римский коллизей.

открыто раскидывали головни и при этомъ кричали, что имъ приказано такъ дѣлать,—можетъ-быть, они имѣли въ виду наживу, а можетъ-быть, и по чьему-либо приказанію. Сказавъ далѣе, какія мѣры принялъ Неронъ для облегченія общественнаго бѣдствія, Тацитъ продолжаетъ: „но все это было бесполезно, потому что упорно держался слухъ, будто въ то самое время, какъ горѣлъ городъ, Неронъ вышелъ на домашнюю сцену и воспѣвалъ паденіе Трои. Далѣе, Тацитъ прибавляетъ: „думали, что Неронъ добивался славы построить новый городъ и дать ему свое имя“. Описавъ затѣмъ дѣла благотворительности и религіозныя церемоніи, къ которымъ по этому случаю обратилось правительство, нашъ историкъ прибавляетъ: „но все это не могло заглушить молвы, что пожаръ произошелъ по его приказанію. Тогда-то Неронъ подвергъ виновныхъ суровѣйшимъ наказаніямъ“. Тутъ въ первый разъ мы встрѣчаемъ имя христіанъ.

Не странно ли, что Тацитъ ни въ одномъ случаѣ не высказываетъ собственнаго воззрѣнія, перечисляетъ только слухи и ни одного изъ нихъ ничѣмъ не можетъ подкрѣпить? Между тѣмъ онъ могъ бы, если бы захотѣлъ, провѣрить дѣйствительность или ложность этой молвы, потому что тогда живы еще были современники и очевидцы пожара. Еще подозрительнѣе слухи эти оттого, что въ пользу ихъ Тацитъ не ссылается ни на одно свидѣтельство, какъ дѣлаетъ онъ въ другихъ случаяхъ. Но если сравнить съ неувѣренными и осторожными выраженіями Тацита подробный обстоятельный рассказъ о томъ же Светонія¹⁾, писавшаго на основаніи Тацита, и, наконецъ, еще болѣе полный и безъ малѣйшихъ сомнѣній рассказъ Діона Кассія²⁾, то нельзя не придти къ весьма важнымъ выводамъ: рассказъ Кассія представляетъ иллюстрацію Светоніева, Светоній же замѣнилъ только неувѣренныя и отрицательныя выраженія Тацита положительными, выбросивъ такія слова, какъ: „былъ слухъ“, „казалось“, и далъ основаніе, повидимому, строго историческому факту, повторяющемуся въ литературѣ и учебникахъ, будто Неронъ поджегъ Римъ. Что касается выраженія Тацита: „никто не тушилъ пожара“—это легко объясняется невозможностью тушить сильное пламя, пожиравшее деревянныя, тѣсно сомкнутыя строенія; притомъ у него

¹⁾ Suetonius, „Nero“, с. 38.

²⁾ Dio Cassius, 62, 16.

же говорится, что Неронъ самъ былъ въ опаснѣйшихъ пунктахъ и употреблялъ все стараніе прекратить пламя. Раскидывать же головни могли воры, вообще бродячій, бездомный людъ, которому всегда выгодны общественныя бѣдствія. И какіе мотивы могли побудить Нерона къ этому сумасбродному дѣлу? Діонъ говоритъ—желаніе видѣть паденіе своего отечества. Нельзя не припомнить здѣсь словъ Светонія, сказанныхъ имъ о Тиверіи ¹⁾, потому что они какъ-разъ представляются подкладкой для фразы Діона. Тацитъ приводитъ другой мотивъ: Неронъ будто бы желалъ славы основателя Рима и хотѣлъ назвать его по своему имени. Первое объясняется *ex eventu*, т.-е. Неронъ дѣйствительно не жалѣлъ средствъ на возстановленіе и украшеніе Рима; второе же противорѣчитъ исторіи—Неронъ никогда не пытался переименовать Римъ. Слѣдуетъ прибавить, что пожаръ начался въ лучшей части города, которая хорошо была застроена; между тѣмъ для цѣлей Нерона достаточно было выжечь предмѣстья. Съ другой стороны, зачѣмъ бы такъ спѣшить ему изъ Анція, когда ему дали знать о пожарѣ? Могъ ли Неронъ такъ спокойно ночью безъ свиты ходить по городу, если бы онъ былъ виновникомъ пожара и если бы зналъ слухи въ народѣ?

Переходя ко второму обстоятельству, связанному съ этимъ пожаромъ,—именно къ обвиненію христіанъ въ поджогѣ, прежде всего приведемъ слова Тацита ²⁾: „Итакъ, чтобы положить конецъ молвѣ, Неронъ подыскалъ виновныхъ и предалъ ихъ суровѣйшимъ мукамъ; это были тѣ, которыхъ народъ за срамныя дѣла ихъ по ненависти называлъ христіанами. Наименованіе ихъ произошло отъ Христа, который въ правленіе Тиверія казненъ былъ прокураторомъ Понтіемъ Пилатомъ. Подавленное на время пагубное суевѣріе снова обнаружилось не только въ Іудеѣ, колыбели этого зла, но даже и въ Римѣ, куда со всѣхъ сторонъ стекается и чувствуется все срамное. Нѣкоторые на пыткѣ указали сообщниковъ, и затѣмъ, по ихъ показанію, уличено было огромное множество, не столько въ преступленіи по поджогамъ, сколько въ ненависти къ роду человѣческому. Ихъ губили съ поруганіемъ: покрывали шкурами звѣрей и отдавали

1) „Priamum felicem vocabat, quod superstes omnium suorum extitisset“.

2) „Annales“, XV, 44.

на растерзаніе псамъ, распинали на крестахъ, сожигали и, если не доставало для того дня, заставляли ихъ горѣть ночью“...

Слѣдуетъ замѣтить, что для разслѣдованія виновныхъ въ поджогѣ не было назначено отдѣльной комиссіи, дознаніе производилось полицейскими средствами, между тѣмъ по вопросамъ вѣры обыкновенно дѣло переходило въ сенатъ и рѣшалось назначенной отъ него комиссіей. По позднѣйшему свидѣтельству Ювенала, пытки и приговоры уличаемыхъ назначалъ Тигеллинъ. Для насъ важно здѣсь то, что религіознаго мотива въ этомъ гоненіи на христіанъ не было, иначе сенатъ взялъ бы на себя все веденіе этого дѣла ¹⁾. Какъ замѣшаны въ процессѣ христіане—легко понять. Въ то время христіанъ еще не отдѣляли отъ іудеевъ, на христіанство смотрѣли какъ на іудейскую секту ²⁾. Какъ христіане, такъ и іудеи жили въ Римѣ въ одной части города, занимались одними и тѣми же ремеслами и какъ всѣмъ язычникамъ, такъ и римской полиціи извѣстны были за исповѣдниковъ іудейской вѣры съ небольшими отклоненіями. Броженіе умовъ въ Іудеѣ тогда было сильное, оно общалось и римскимъ евреямъ: взаимная ненависть раздѣляла христіанъ и евреевъ. Припомнимъ, что пожаръ начался въ той части города, гдѣ находились лавки восточныхъ купцовъ; гдѣ же было искать полиціи поджигателей, какъ не въ ненавистномъ восточномъ кварталѣ? Не оттуда ли выходили предсказанія, что Іегова уничтожитъ язычниковъ огнемъ, посланнымъ съ неба? Такъ, „привлечены къ отвѣтственности немногіе, которые въ пыткахъ указали на массу сообщниковъ“. Преслѣдованіе на этотъ разъ ограничилось, впрочемъ, Римомъ и Іудеей; нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы оно распространено было на всѣ провинціи имперіи. Вообще въ теченіе I столѣтія Римъ не отличалъ христіанства какъ новой вѣры и представлялъ его только іудейской сектой. Въ 95 г. Домиціанъ приказалъ привести къ себѣ внуковъ Іуды, брата Господня, какъ потомковъ изъ рода Давида и опасныхъ претендентовъ на тронъ. Но, видя въ нихъ мирныхъ поселянъ и слыша рѣчь о духовномъ царствѣ, Домиціанъ отпустилъ ихъ съ миромъ и прекратилъ начатое преслѣдованіе.

Въ началѣ II вѣка римское правительство уже имѣло передъ

1) Schiller, „Nero“, S. 433, Anm. 4.

2) Suetonius, „Tib.“, 36.

собой довольно организованную христианскую общину, которая, съ одной стороны, тщательно оберегала себя отъ общенія съ іудеями, а съ другой—рѣзко отдѣлилась отъ языческаго римскаго общества и по своимъ религіознымъ возрѣніямъ, и по общественной организаціи. Новое ученіе, „христианская секта“, начало пріобрѣтать адептовъ даже въ высшихъ классахъ римскаго общества. Для характеристики положенія христианъ въ эту эпоху мы имѣемъ чрезвычайно важные официальные памятники—это письмо Плинія Младшаго къ императору Траяну и отвѣтъ императора Плинію ¹⁾).

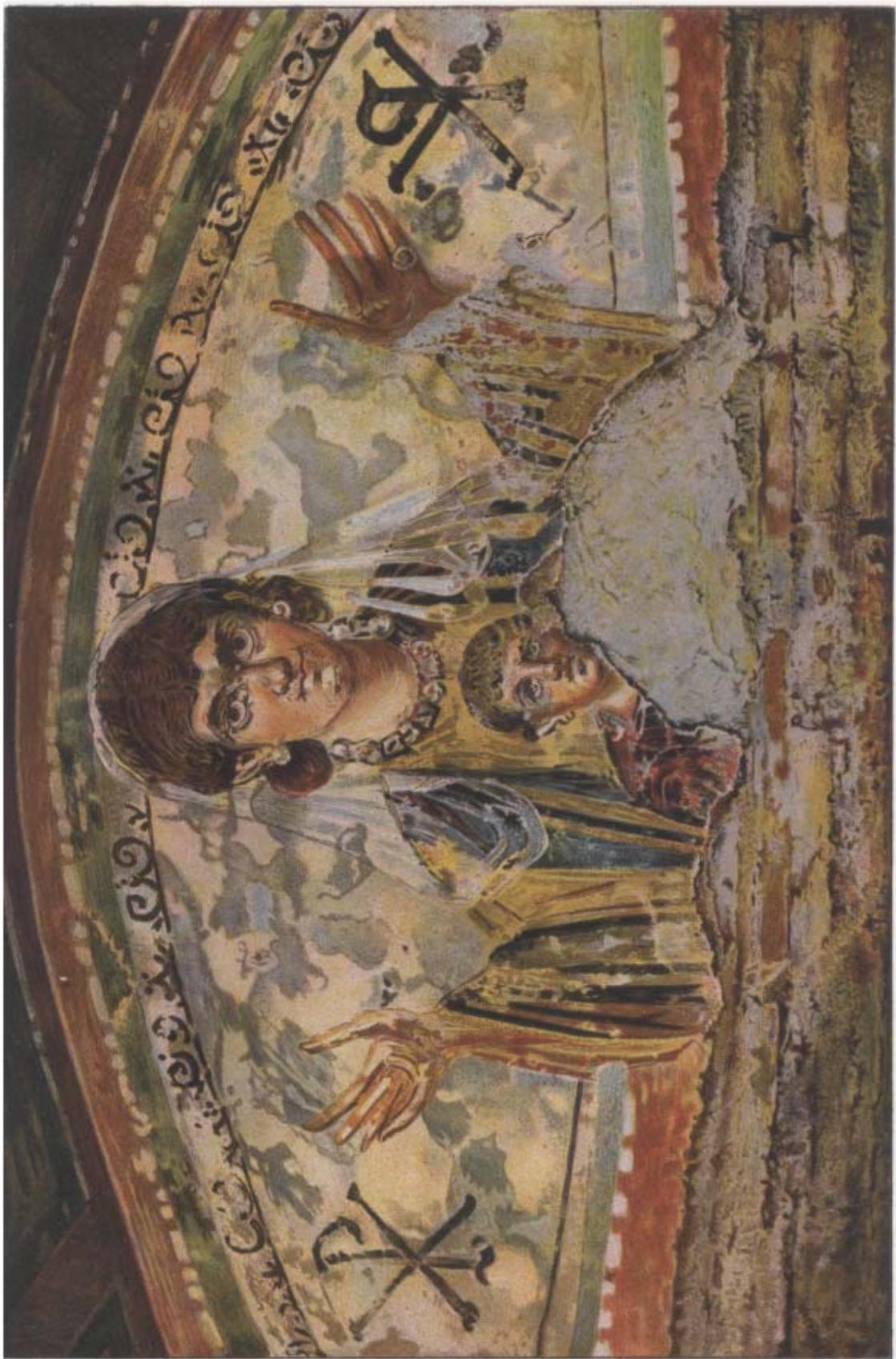
Плиній, занимая постъ намѣстника въ Виѳиніи (въ 111—113 г.), дѣлалъ отчетъ о положеніи ввѣренной ему провинціи и спрашивалъ мнѣнія императора по затруднительнымъ вопросамъ. Но обратимся къ самому тексту письма. „Государь,—пишетъ Плиній,—для меня сдѣлалось обычнымъ обращаться къ тебѣ во всѣхъ затрудненіяхъ. Ибо кто лучше тебя можетъ направить меня въ раздумѣ, или наставить въ невѣдѣніи? Мнѣ не случалось быть на слѣдствіяхъ о христианахъ, и я не знаю, о чемъ нужно спрашивать и въ какой мѣрѣ наказывать ихъ. Не мало также затрудняетъ меня и то, нужно ли дѣлать различіе между возрастaми; давать ли помилованіе въ случаѣ раскаянія, или уже нѣтъ мѣста помилованію для того, кто разъ былъ христианиномъ; преслѣдовать ли за самое имя, хотя бы не было другихъ проступковъ, или долженъ быть наказуемъ проступокъ, заключающійся въ самомъ имени? Я такъ обыкновенно поступалъ съ тѣми, которыхъ приводили ко мнѣ по обвиненію въ христианствѣ. Спрашиваю ихъ—христиане ли они? Если получается утвердительный отвѣтъ, предлагаю имъ подъ угрозой смерти во второй и третій разъ тотъ же вопросъ. Упорствующихъ приказываю казнить. Ибо въ томъ я никогда не сомнѣвался, какова бы ни была ихъ вѣра, что упорство и непреклонное упрямство ихъ заслуживаютъ кары. Иныхъ, одержимыхъ тѣмъ же безуміемъ, какъ римскихъ гражданъ, я приказалъ представить въ Римъ. Во время слѣдствія, какъ это обыкновенно бываетъ, пришлось натолкнуться на разныя неожиданности. Подано было письмо, въ которомъ нѣсколько лицъ утверждали, что они не христиане и не были таковыми. Когда по моему требованію они прочли формулу воззванія къ богамъ, и возліаніемъ и куреніемъ

¹⁾ Plinii epist. X, XCVI.

почтили твое изображение и, кромѣ того, произнесли проклятіе Христу, къ чему никакъ будто бы не могутъ быть принуждены дѣйствительные христіане,—я разрѣшилъ дать имъ свободу. Другіе, которыхъ имена были намѣчены въ индексѣ, назвали себя христіанами, а потомъ измѣнили показаніе: были, говорятъ, но теперь уже не христіане,—кто за три года, кто больше, нѣкоторые же за 20 лѣтъ передъ тѣмъ оставили христіанство. Всѣ они поклоняются твоему образу и изображенію боговъ и проклинаятъ Христа. Давали показаніе, что вся вина ихъ состояла въ томъ, что они имѣли обыкновеніе сходитьсѣ въ установленный день до восхода солнца, чтобы вмѣстѣ помолиться Христу какъ богу, и дать другъ другу клятву, но клятву не на злодѣяніе какое-нибудь; что они неповинны ни въ какомъ воровствѣ или мошенничествѣ, или любодѣяніи...; что послѣ того они расходились, сходились же опять для принятія пищи, самой обыкновенной и невинной, что все это они перестали дѣлать послѣ изданія моего эдикта, которымъ, по твоему приказанію, я запретилъ сообщества и сходки. Я счелъ необходимымъ употребить пытки относительно двухъ прислужницъ, которыя называются у нихъ діакониссами, чтобы распознать, въ чемъ настоящая правда. Но и тутъ я ничего не нашелъ, кромѣ мечтательнаго суевѣрія, и потому, прекративъ слѣдствіе, ищу у тебя совѣта. Я считаю этотъ предметъ особенно важнымъ въ виду массы обвиняемыхъ. Ибо многіе, всякаго возраста, сословія и пола подвергаются опасности теперь и на будущее время. Это суевѣріе распространилось не только въ городахъ, но и въ поселкахъ и деревняхъ. Но я думаю, что противъ него можно бороться рѣшительными мѣрами. По крайней мѣрѣ, несомнѣнно то, что забытые храмы стали снова посѣщаться, возобновились священныя торжества, почти совсѣмъ-было прекратившіяся; тамъ и здѣсь можно было видѣть выведенныхъ на продажу жертвенныхъ животныхъ, на которыхъ прежде рѣдко находилъ покупатель. Изъ этого легко понять, какую массу можно обратить на путь истины, если дать мѣсто раскаянію и помилованію“.

Траянъ отвѣчалъ на это письмо: „Любезный Секундъ! я одобряю твои дѣйствія относительно тѣхъ лицъ, которыя обвиняются въ принадлежности къ христіанству. Ибо въ этомъ отношеніи нельзя установить ничего общаго, что бы могло служить опредѣленнымъ правиломъ. Разыскивать ихъ не слѣдуетъ; если же кто явно изобличенъ

ФРЕСКА ИЗЪ РИМСКИХЪ КАТАКОМБЪ.

будеть, то долженъ потерпѣть наказаніе, но при этомъ, если кто будетъ запирается и скажетъ, что онъ не христіанинъ, и докажетъ это самымъ дѣломъ, т.-е. воззваніемъ къ богамъ нашимъ, таковой ради своего раскаянія долженъ получить помилованіе, хотя бы и оставалось подозрѣніе относительно прошлаго. По поводу анонимныхъ писемъ не возбуждай преслѣдованія: это могло бы послужить дурнымъ примѣромъ, и не согласно съ современными требованіями“.

Изъ приведенныхъ писемъ можно видѣть, что въ началѣ II вѣка свѣтская власть хотя и отличала христіанъ отъ іудеевъ, но еще не выработала опредѣленныхъ законодательныхъ и полицейскихъ мѣръ къ преслѣдованію новаго вѣроученія; находя, что христіане въ сущности безвредны, что слухи о тайныхъ собраніяхъ ихъ преувеличены и несправедливы, свѣтская власть колебалась—слѣдуетъ ли принимать строгія мѣры, и къ чему приведутъ онѣ; мы видимъ тутъ борьбу чувства съ долгомъ, буквы закона съ силой общественнаго мнѣнія. Собственно съ III в. уже обнаруживается рѣшительное стремленіе вырвать съ корнемъ новое вѣроученіе; но, будучи прихотью нѣкоторыхъ императоровъ, это стремленіе не было обычной политикой свѣтской власти и нерѣдко смѣнялось терпимостью и благорасположеніемъ къ христіанству; такъ, при Александрѣ Северѣ (222—235) христіане строятъ уже церкви.

Извѣстно, что считается 10 гоненій на христіанъ до эдикта вѣротерпимости Галерія въ 311 г. Мы не будемъ останавливаться на нихъ, ограничимся лишь краткими замѣчаніями. Если понимать подъ гоненіями дѣйствительныя репрессивныя мѣры, принимаемыя правительствомъ противъ принципа христіанства и приводимыя въ исполненіе во всей имперіи, а не случайныя вспышки народнаго нерасположенія и своеволия правителей, тогда мы не насчитаемъ десяти гоненій. Собственно преслѣдованія были при трехъ императорахъ: Максиминѣ (235 — 238), Деціи (251) и Діоклитіанѣ. Изложимъ обстоятельства этого послѣдняго гоненія. Главнѣйшій источникъ для исторіи христіанства при Діоклитіанѣ и Константинѣ—Лактанцій и Евсевій. Сначала риторъ въ Виѳиніи, потомъ воспитатель Криспа, сына Константина В., Лактанцій, между другими сочиненіями, оставилъ и исторію гоненій на христіанъ, начиная отъ Нерона. Сочиненіе „De mortibus persecutorum“ („О гибели преслѣдователей“) составлено не позже 323 г. и имѣетъ тенденціозный

характеръ. Лактанцій желалъ показать современникамъ и потомству великія дѣла Божіи въ судьбахъ христіанства: „да знаютъ всѣ, какъ удивилъ Господь величіе свое въ истребленіи и уничтоженіи враговъ имени своего“. Руководящая мысль въ его изложеніи слѣдующая: преслѣдованіе христіанъ всегда сопровождалось страшными карами, постигавшими гонителей, или: императоръ—дурной человѣкъ, ерго онъ гонитъ христіанство, ерго его постигаетъ бѣдственная кончина. Хотя указанная цѣль лишаетъ автора объективности, тѣмъ не менѣе, имѣя въ виду, что Лактанцій не выдумываетъ фактовъ, а только своеобразно комбинируетъ ихъ, что онъ жилъ въ восточной половинѣ имперіи въ Никомидіи и хорошо зналъ столичныя событія (Никомидія была центромъ тогдашней политики), сочиненіе его должно считаться важнѣйшимъ источникомъ для церковной, а частью и политической исторіи времени Діоклитіана. Евсевій, по прозванію Памфилъ, родился въ 264 г. въ Палестинѣ, воспитывался въ Антиохіи, съ 315 г. былъ епископомъ Кесаріи. Онъ былъ приближеннымъ и почетнымъ лицомъ у имп. Константина, говорилъ ему похвальное слово на тридцатилѣтіе и составилъ его біографію, умеръ въ 340 г. Евсевію мы обязаны исторической хронологіей—*Παπτοδαπὴ ἱστορία*: этотъ трудъ сохранился только въ отрывкахъ и былъ продолженъ Іеронимомъ (330—420). По церковной исторіи Евсевій составилъ *Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία*, гдѣ въ 8 и 9 кн. повѣствуется о Діоклитіановомъ гоненіи, и отдѣльно монографію *De martyribus Palaestinae*. Евсевій писалъ свой трудъ по церковной исторіи въ Кесаріи (ок. 313 г.), западныя событія для него мало извѣстны; также и о столичныхъ дѣлахъ онъ менѣе знаетъ, чѣмъ Лактанцій: за то онъ непосредственный свидѣтель того, какъ исполнялись императорскіе эдикты противъ христіанъ въ восточныхъ провинціяхъ и въ Палестинѣ. Евсевій приводитъ содержаніе императорскихъ эдиктовъ, но равную эдиктамъ достовѣрность придаетъ мѣстнымъ повѣствованіямъ о святыхъ и мученикахъ. Особенно важное значеніе имѣетъ для насъ VIII книга церковной исторіи, потому что сообщаемыя въ ней данныя легко провѣряются календарными отмѣтками палестинскихъ мучениковъ.

Хотя христіанство въ концѣ III вѣка не было еще терпимой вѣрой, но распространеніе его шло весьма быстро; при Діоклитіанѣ мы видимъ христіанъ уже во дворцѣ. Живопись каталомбъ свидѣтельствуешь, что христіанство обладало уже въ это

время высокимъ подъемомъ творчества и полагало основы христіанскому искусству. Жена и дочь императора оказывали имъ благорасположеніе, между дворцовыми чинами и прислугой было не мало христіанъ. Строились повсюду церкви, даже въ Никомидіи, въ виду дворца, высился христіанскій храмъ; за то и благословлялъ Богъ всѣ предпріятія Діоклитіана и его соимператоровъ, говорятъ церковные писатели. Между тѣмъ язычество подготовляло послѣдній ударъ христіанству: неоплатоники выступили съ полнымъ запасомъ изученія древнихъ писателей; они свели философское ученіе на теософію и мистицизмъ и, усвоивъ методъ христіанскаго вѣроученія, пытались обнаружить связь его съ древнѣйшими мѣстическими воззрѣніями. Цезарь Галерій и Діоклитіанъ не чужды были этого новаго направленія. Но едва-ли не главнѣйшая причина враждебнаго отношенія Діоклитіана къ христіанству въ 303 г. была чисто-политическаго свойства. Въ преобразованной имъ имперіи всѣмъ сословіямъ и состояніямъ указана была своя государственная служба, отъ всѣхъ подданныхъ ожидалось крайнее напряженіе и выполнение тѣхъ или другихъ общественныхъ задачъ. Государству нужны были сильные и молодые люди: между тѣмъ толпы христіанъ того и другого пола избирають уединенную созерцательную жизнь, даютъ обѣтъ безбрачія. Христіане избѣгаютъ государственной службы, совѣсть не позволяла имъ защищать отечество и вступать въ ряды воиновъ ¹⁾. Важнѣйшія государственныя предпріятія сопровождались еще ауспиціями: христіане не принимаютъ въ нихъ участія. Поэтому Діоклитіанъ еще до 303 г. принималъ мѣры противъ христіанъ, и первый эдиктъ его не вызванъ никакими сторонними внушеніями. Самъ Евсевій въ сочиненіи о палестинскихъ мученикахъ приводитъ на то доказательства.

Источники не даютъ опредѣленнаго извѣстія ни о томъ, когда собственно началось нерасположеніе Діоклитіана къ христіанамъ, ни о томъ, чѣмъ оно было вызвано. Лактанцій указываетъ на время передъ зимою 302—303 г., Евсевій на 301—302 г. Лактанцій видитъ причину гнѣва Діоклитіана на христіанъ, въ томъ, что разъ при дворѣ не удалась жертва, и жрецъ указалъ на христіанъ, которые

1) Acta S. Maximiliani: „mihi non licet militare quia christianus sum“; „non possum militare, non possum malefacere“.

своими крестами прогнали демоновъ. Настолько же невѣроятна и другая причина: внушенія Галерія. Цезарь Галерій не могъ имѣть вліянія на Діоклитіана въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ эдиктъ противъ христіанъ, императоръ не могъ руководиться случайными внушеніями и капризами. Фактическая сторона состоитъ въ томъ ¹⁾, что 24 февраля 303 г. префектъ города съ нѣкоторыми офицерами и чиновниками явился въ христіанскую церковь въ Никомидіи. Они предали огню священныя книги, позволили расхитить цѣнныя вещи, найденныя въ храмѣ, и приказали разрушить самое зданіе. На слѣдующій день былъ объявленъ эдиктъ о преслѣдованіи христіанъ. Содержаніе этого эдикта сообщаютъ и Евсевій, и Лактанцій, но сообщенныя ими данныя не согласны между собою. По меньшей мѣрѣ, разнорѣчіе это странно у писателей, которые имѣли полную возможность читать и видѣть эдиктъ какъ во время его обнародованія, такъ и послѣ въ государственномъ архивѣ. Сопоставляя содержаніе эдикта по обоимъ извѣстіямъ, мы находимъ, что на основаніи его, во-первыхъ, сожигались христіанскія книги, и разрушались церкви; во-вторыхъ, христіане объявлялись лишенными гражданскихъ правъ и чести—*ἀτιμοί*; въ-третьихъ, рабы, остающіеся въ христіанствѣ, теряли всякую надежду на свободу. Когда эдиктъ былъ выставленъ для всеобщаго свѣдѣнія, одинъ христіанинъ сорвалъ его и бросилъ съ оскорбительной насмѣшкой надъ императоромъ; онъ былъ взятъ, подвергнутъ пыткамъ и казненъ сожженіемъ. Въ связи съ этимъ обстоятельствомъ находится пожаръ во дворцѣ.

По словамъ Лактанція, Галерій, желая сильнѣе раздражить Діоклитіана противъ христіанъ, приказалъ зажечь дворецъ и потомъ обвинилъ христіанъ въ поджогѣ; тогда начались пытки и послѣдовали смертныя приговоры противъ придворныхъ эвнуховъ и служителей. Евсевій, говоря о пожарѣ, не упоминаетъ о подозрѣннн противъ Галерія, не обвиняетъ и христіанъ (*ὀπίνοια ψευδής*). Наконецъ, имп. Константинъ, бывшій въ то время въ Никомидіи, оставилъ также свидѣтельство объ этомъ событіи, — только свидѣтельство несогласное съ двумя предыдущими: именно, Константинъ въ своей рѣчи къ отцамъ перваго вселенскаго собора приписывалъ пожаръ дворца молніи. Общаго во всѣхъ извѣстіяхъ то, что вскорѣ послѣ опубли-

1) Burckhardt, „Die Zeit Constantins des Grossen“, 3. Aufl., S. 308—309.

кованія эдикта произошелъ пожаръ въ императорскомъ дворцѣ, который имѣлъ слѣдствіемъ второй, болѣе рѣшительный эдиктъ противъ христіанства. Современники и свидѣтели этого событія не объясняютъ намъ причины пожара, а если и говорятъ о ней, то не согласно и не убѣдительно. Діоклитіанъ въ душѣ остался убѣжденнымъ, что виновны въ поджогѣ христіане, служившіе въ его дворцѣ; вслѣдствіе чего и появился второй эдиктъ, которымъ повелѣвалось налагать оковы на епископовъ по всѣмъ церквамъ и сажать ихъ въ тюрьму; придворные слуги въ Никомидіи были подвергнуты, кромѣ того, суровымъ наказаніямъ и смертнымъ приговорамъ. Судить о жестокости второго эдикта и о приложеніи его въ провинціяхъ не совсѣмъ легко, потому что ни у Евсевія, ни у Лактанція нѣтъ полнаго изложенія эдикта; тотъ и другой рисуютъ только картину — какъ принуждали христіанъ къ жертвоприношенію, и какъ казнили ихъ за сопротивленіе, но мы не имѣемъ основаній сказать: рисуетъ ли эта картина только то, что можно было видѣть въ Никомидіи, или и то, что происходило въ провинціяхъ. У Евсевія, въ исторіи палестинскихъ мучениковъ, находимъ три мученія въ 303 г. Но одно изъ нихъ не подходитъ къ эдикту, потому что Прокопій обвиненъ собственно въ государственной измѣнѣ за приложеніе къ политическимъ событіямъ стиха Гомера: „не хорошо многовластіе, да будетъ одинъ господинъ, одинъ царь“. На Западѣ Констанцій Хлоръ, расположенный къ христіанству, не могъ настаивать на строгомъ выполненіи эдиктовъ. Притомъ наступалъ торжественный для имперіи годъ, именно юбилейный годъ; по случаю празднованія двадцатилѣтія 17 ноября 303 года издана была правительствомъ амнистія въ пользу заключенныхъ и подсудимыхъ. Хотя у Евсевія этотъ декретъ разсматривался какъ всеобщая амнистія въ пользу всякаго рода преступниковъ, но въ этомъ можно усомниться, потому что и послѣ опубликованія амнистіи видимъ отдѣльные случаи мученій христіанъ. Съ положеніемъ дѣла согласнѣе то толкованіе, что подъ амнистію подошли только политическіе преступники, и именно тѣ христіанскіе епископы и настоятели церквей, которыхъ сажали въ заключеніе не только за дѣла вѣры, но и по подозрѣнію въ политической неблагонадежности, т.-е. амнистія уничтожила собственно второй эдиктъ. Относительно христіанскихъ узниковъ въ ней сказано: тѣхъ, которые принесутъ жертву, пускать на свободу, упорствующихъ же пытатъ.

Въ самомъ дѣлѣ, странно было бы допустить, что Діоклитіанъ, начавъ преслѣдованіе противъ христіанъ въ февралѣ, въ ноябрѣ того же года прекращаетъ его, а потомъ опять издаетъ эдиктъ о гоненіи. Послѣдній четвертый эдиктъ Діоклитіана падаетъ на весну 304 г. Въ силу его всѣ христіане понуждаемы были къ торжественнымъ жертвамъ въ честь идоловъ. Во второй годъ гоненій на христіанъ въ Палестинѣ пострадало десять мучениковъ. Вообще, не слѣдуетъ забывать, что Діоклитіанъ, вооружившись противъ христіанства, не выходилъ изъ предѣловъ законности и думалъ покончить дѣло съ христіанами, лишая ихъ гражданскихъ правъ и устрашая пытками. Кровь христіанская проливалась не въ силу прежнихъ эдиктовъ, но въ силу мѣстныхъ условій. Тамъ, гдѣ ожесточеніе противъ христіанъ было глубже и сильнѣе, конечно, не могло обходиться безъ казней и жестокихъ преслѣдованій. Въ Римѣ, напр., разъ въ циркѣ поднялись крики: „пора уничтожить христіанъ! Августъ, казни ихъ!“ Это совпадало съ объявленіемъ четвертаго эдикта Діоклитіана. Тамъ же, гдѣ возможна была снисходительность, или гдѣ были лица, расположенныя къ христіанству, какъ Констанцій Хлоръ въ Галліи, менѣе видимъ и казней.

Послѣ отреченія Діоклитіана и Максиміана, когда первенствующимъ августомъ сталъ Констанцій Хлоръ, Діоклитіановы эдикты, не теряя своей юридической силы, однако, слабѣе приводились въ исполненіе. Не говоря уже о томъ, что на Западѣ преслѣдованіе почти совсѣмъ прекратилось, даже на Востокѣ не встрѣчаемъ казней и мученическихъ смертей. Евсевій указываетъ на мученіе Аппіана, но онъ казненъ былъ за то, что позволилъ себѣ личное оскорбленіе намѣстнику. Важное доказательство тому, что Констанцій Хлоръ ослабилъ приложеніе Діоклитіановыхъ эдиктовъ и на Востокѣ, находимъ въ слѣдующемъ: цезарь Максиминъ, узнавъ о смерти его, 20 ноября 306 г. празднуетъ день своего рожденія приведеніемъ въ исполненіе приговора, состоявшагося еще во время Діоклитіана, по которому мученикъ Агапій отданъ былъ въ циркъ на съѣденіе звѣрямъ. Въ такомъ видѣ можно представить себѣ первые три года гоненій на христіанъ. Смуты, начавшіяся въ имперіи съ 307 г. и выдвинувшія на Востокѣ Галерія, должны были отразиться какъ на всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, такъ и на положеніи христіанъ. Авторитетъ императорской власти въ провинціяхъ падаетъ, префекты

и президенты, не боясь ответственности, по личным побужденіямъ и склонности, то суровѣе, то снисходительнѣе относились къ христіанамъ. Отъ этого мы видимъ, что у Лактанція и Евсевія время Галерія и Максимиана, по числу мучениковъ на Востокѣ, представляется самымъ кровавымъ періодомъ гоненія. Но при этомъ нельзя не замѣтить, что случаи безчеловѣчія съ христіанами представляются внушенными не политикой и не законами, но безначаліемъ, разнузданностью нравовъ и безответственностью властителей. Седьмой годъ гоненія оканчивался, но Галерій замѣчалъ, что усилія власти оказываются тщетными, что брань, внесенная въ имперію эдиктами о преслѣдованіяхъ, лишь ослабляетъ имперію, но не христіанъ. Въ 310 г., находя ли себя безсильнымъ противъ христіанъ, или смѣя въ виду другія цѣли, Галерій приготовилъ эдиктъ вѣротерпимости, опубликованный 30 апрѣля 311 года въ Никомидіи. Въ силу этого эдикта отмѣнялись репрессивныя противъ христіанъ мѣры, христіанамъ позволялось жить по своей вѣрѣ, строить церкви, съ условіемъ — не нарушать государственнаго порядка. Непосредственно за этимъ получено на Востокѣ извѣстіе о смерти Галерія.

Съ 313 г. имперія имѣла двухъ только императоровъ: на Востокѣ Лицинія, на Западѣ Константина. Дальнѣйшіе вопросы о христіанствѣ стоятъ въ связи съ именемъ западнаго императора. Восемь лѣтъ сряду дѣйствовали законы объ угнетеніи христіанства, въ разныхъ частяхъ имперіи они имѣли не одинаковую силу напряженія. Но даже и тамъ, гдѣ страсти мѣстнаго населенія и неблагорасположеніе властителей (на Востокѣ и въ Римѣ) соединили свои усилія въ борьбѣ съ христіанами, результаты далеко не соотвѣтствовали ожиданіямъ. Если и не придавать особенной вѣры вычисленіямъ историковъ о количествѣ христіанъ въ то время; — вычисленіямъ, колеблющимся между $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{20}$ частью всего населенія имперіи ¹⁾, то одна живучесть новаго принципа, распространенность христіанъ по большимъ городамъ, стройная община, находящаяся въ строгомъ повиновеніи у своихъ епископовъ, ставила уже новые вопросы императорамъ IV в.: рѣчь могла идти не о томъ, быть или не быть христіанству, а о томъ, пользоваться ему терпимостью только

¹⁾ Burckhardt, 157; Wietersheim, „Geschichte der Völkerwanderung“, B. III, S. 223.

или главенствомъ. Императору Константину оставалось не выбирать одно изъ двухъ, но принять то, что и безъ него готово было получить перевѣсъ, т.-е. дать христіанству не только равноправность съ язычествомъ, но и главенство. Намъ трудно слѣдить за внутренними отношеніями Константина къ христіанству и опредѣлить время, въ которое онъ пришелъ къ необходимости дать торжество новой вѣрѣ. По крайней мѣрѣ, чудесныя знаменія, указываемыя Лактанціемъ и Евсевіемъ, какъ причина переворота въ душѣ Константина, не совсѣмъ убѣдительно доказываютъ подобный переворотъ. Имѣемъ въ виду извѣстный рассказъ объ явленіи Константину креста съ надписью: *τοῦτο νικᾷ*. Въ 312 г. Константинъ пошелъ въ Италію противъ императора Максенція; силы его были слабы сравнительно съ силами врага, онъ началъ отчаиваться въ успѣхѣ, пришелъ къ мысли о высшей помощи, но колебался, у кого просить заступничества—у боговъ, или у Бога? Въ этомъ раздумѣи онъ просилъ у Верховнаго Существа помочь ему. И вотъ въ полдень на ясномъ небѣ Константинъ и его войска увидѣли крестъ съ надписью: „симъ побѣждай“. Чтобы увѣрить читателя въ истинѣ этого рассказа, Евсевій прибавляетъ: „мнѣ самъ императоръ передавалъ это и подтвердилъ клятвой“¹⁾. На слѣдующую ночь Спаситель явился Константину и повелѣлъ приготовить знамя съ видѣннымъ изображеніемъ: знамя состояло изъ водруженнаго на древкѣ золотого вѣнца съ монограммою изъ начальныхъ буквъ имени Христа. Приготовленное такимъ образомъ знамя впоследствии получило названіе *labarum*, этимологія котораго не поддается объясненіямъ (рис. 4). Таковъ рассказъ Евсевія о томъ, какъ Константинъ обращенъ былъ къ христіанству. Не говоря уже о томъ, что возникаетъ нѣкоторое сомнѣніе даже при чтеніи Евсевія, который ссылается на подтвержденное

Рис. 4. Императоръ съ „*Labarum*“ въ рукѣ.

клятвою сообщеніе Константиномъ такого факта, который могло засвидѣтельствовать все его войско; сомнѣніе усиливается, если сравнить съ приведеннымъ рассказомъ свидѣтельство Лактанція. Въ 44 гл. кн. *de mortibus persecutorum*, сказавъ о прибытіи Константина подъ стѣны Рима, Лактанцій продолжаетъ: наступалъ день восшествія на престолъ Максенція, и вотъ

1) „*Vita Constantini*“, с. 28.

ФРЕСКА ИЗЪ РИМСКИХЪ КАТАКОМБЪ.

Константинъ во снѣ получилъ приказаніе сдѣлать божественное изображеніе на щитахъ своихъ воиновъ. Онъ сдѣлалъ, какъ было заповѣдано, приказавъ изобразить божественный знакъ на щитахъ воиновъ, съ главою поверхъ него. Изъ сопоставленія этихъ свидѣтельствъ видимъ, во-первыхъ, что они разнорѣчатъ въ показаніяхъ о времени чудеснаго знаменія: по Евсевію видѣніе было передъ войною, вообще въ неопредѣленный періодъ, по Лактанцію наканунѣ рѣшительной битвы у Мильвійскаго моста; во-вторыхъ, по Евсевію было заповѣдано приготовить новое военное знамя, по Лактанцію новое изображеніе на щитахъ. Лактанціевъ рассказъ еще и тѣмъ подозрителенъ, что не было возможности такъ скоро приготовить щиты, чтобы съ ними на другой день вступить въ сраженіе.

Допуская дѣйствительность видѣнія, которое подтверждается еще третьимъ современнымъ свидѣтельствомъ ¹⁾, на основаніи котораго Константинъ сдѣлалъ распоряженіе объ измѣненіи въ военномъ знамени или щитахъ, тѣмъ не менѣе, трудно видѣть здѣсь прямое отношеніе къ христіанству. Уже одно то, что Евсевій умалчиваетъ объ этомъ въ „Церковной исторіи“, изданной въ 326 г., подаетъ поводъ думать, что тогда еще не считали возможнымъ относить торжество христіанства къ 312 г.; два панегирика, сказанные по случаю побѣды надъ Максенціемъ, также не упоминаютъ о христіанствѣ Константина.

Въ память побѣды надъ Максенціемъ Константинъ воздвигъ въ Римѣ статую, на которой онъ представленъ былъ съ знаменемъ въ рукѣ. Хотя въ извѣстіи Евсевія по этому поводу ясно намекается будто вѣра въ божественную помощь Христа побудила Константина изобразить на статуѣ знаменіе креста, однако, ни въ подписи на этой статуѣ, ни въ надписи на триумфальной аркѣ нельзя видѣть никакого отношенія къ кресту, на которомъ пострадалъ Христосъ. Собственно мы не знаемъ, когда была окончена эта статуя, когда сдѣлана на ней надпись,—во всякомъ случаѣ не въ 312 г.; но нельзя не сравнить съ нею ту надпись, которая сдѣлана была на триумфальной аркѣ, не ранѣе, однакоже, 316 года, къ празднованію десятилѣтія Константина на римскомъ престолѣ; она начинается словами „*instinctu divinitatis*“, въ чемъ уже никакъ нѣтъ указанія на Христа. Поэтому, оставляя подъ сомнѣніемъ всѣ вышеприведенные случаи, въ кото-

¹⁾ Panegy. Nazarii, с. 14.

рыхъ стараются видѣть указаніе на христіанскую вѣру Константина, переходимъ къ Миланскому эдикту вѣротерпимости, изданному въ іюнѣ 313 г. Эдиктъ этотъ приводятъ почти сходно Лактанцій и Евсевій ¹⁾. Содержаніе его слѣдующее: „Мы, императоры Константинъ и Лициній, заботясь о благѣ и пользѣ подданныхъ, установили относительно богопочитанія, чтобы и христіанамъ, и всѣмъ дана была полная свобода жить въ той вѣрѣ, въ какой кто хочетъ, чтобы небесное божество было благорасположено къ намъ и ко всѣмъ, которые находятся подъ властію нашей.... Опредѣляемъ, чтобы христіанамъ возвращены были конфискованныя въ казну, или частнымъ лицамъ отданныя имущества, также чтобы были вновь отданы мѣста ихъ собраній. Частныя лица должны быть удовлетворены за это изъ государственныхъ средствъ“.

Вообще въ силу этого эдикта христіанство объявлено равноправнымъ съ язычествомъ, и уничтожены всѣ Діоклитіановы постановленія противъ христіанъ. По содержанію близокъ съ этимъ эдиктомъ и актъ 324 г., когда, послѣ побѣды надъ Лициніемъ, Константинъ призналъ христіанство единой истинной вѣрой, а язычество заблужденіемъ, хотя и послѣднее объявлено терпимымъ ²⁾. „Для сохраненія мира я постановилъ, чтобы и тѣ, которые еще остаются въ заблужденіи язычества, пользовались такимъ же спокойствіемъ, какъ и правовѣрные. Пусть и тѣ, которые удаляются отъ послушанія Богу, пользуются, если хотятъ, своими посвященными лжи храмами“. Константинъ обращается лишь съ увѣщаніемъ къ язычникамъ, чтобы они приняли христіанство, и запрещаетъ поклоненіе нѣкоторымъ богамъ и частныя жертвоприношенія. Въ кодексѣ Феодосіевомъ можно находить правительственныя распоряженія и предписанія касательно язычества вплоть до самой смерти Константина (337): изъ нихъ видимъ, что язычники имѣли свои храмы, жрецовъ, поступали въ государственную службу и т. д.

Лучшимъ свидѣтельствомъ того, что по отношенію къ христіанству въ Константинѣ слѣдуетъ различать государственнаго мужа отъ обыкновеннаго человека, стремящагося по влеченію сердца къ

¹⁾ Lactantii c. 48; Eusebii, „Historia ecclesiastica“, X, 5.

²⁾ „Vita Constantini“, II, 24—42 манифестъ къ язычникамъ; II, 48—60—къ восточнымъ народамъ.

Рис. 5. Триумфальная арка Константина Великого в Римѣ.

разрѣшенію религіозной загадки, служить воздвигнутый при немъ памятникъ по случаю политическаго событія первостепенной важности. Мы разумѣемъ триумфальную арку въ Римѣ, воздвигнутую римскимъ сенатомъ въ честь Константина послѣ одержанной имъ блистательной побѣды надъ Максенціемъ близъ Мильвійскаго моста ¹⁾).

Этотъ величественный памятникъ, наскоро построенный и украшенный частью рельефами изъ прежнихъ памятниковъ (триумфальная арка Траяна), между прочимъ въ посвяtitельной надписи заключаетъ въ себѣ извѣстное выраженіе „*instinctu divinitatis*“ вмѣсто личнаго бога, а надъ этими словами (рис. 5) открыто древнѣйшее выраженіе, въ послѣдствіи исправленное, „*nutu I. O. M.*“ (т.-е. по внушенію Юпитера величайшаго и прекраснаго). Что касается украшеній триумфальной арки, архитектурныхъ и другихъ художественныхъ подробностей, то ни единой черты христіанства въ нихъ не найдено. Въ общемъ здѣсь представлены, во-первыхъ, языческія жертвоприношенія (медаліоны), во-вторыхъ, историческія сцены, относящіяся къ царствованію Траяна ²⁾ (рис. 6 и 7).

Миланскій эдиктъ вѣротерпимости, равно какъ личное расположеніе Константина къ исповѣдникамъ христіанской вѣры, оказали въ громаднѣйшей степени благодѣтельное вліяніе на распространеніе и укрѣпленіе христіанской общины въ имперіи. Еще языческіе храмы привлекали къ себѣ горячихъ приверженцевъ, и старый культъ находилъ поддержку въ правительствѣ, а между тѣмъ христіанскіе писатели въ полномъ сознаніи конечнаго торжества говорятъ уже о томъ, что сила креста наполнила вселенную ³⁾. Быстрый ростъ христіанскихъ общинъ и со стороны количественной, и со стороны ихъ внутренняго могущества и общественнаго значенія представляетъ собой наиболѣе любопытный фактъ. Но, конечно, нельзя не подуматъ и о томъ, что за этотъ успѣхъ христіанской церкви нужно было поплатиться на первыхъ же порахъ. Къ обращенію въ христіанство часто приходили не путемъ внутренняго убѣжденія, а вслѣдствіе исканія выгодъ и преимуществъ; принимали христіанство для того, чтобы угодить императору, чтобы имѣть успѣхъ при дворѣ по своимъ

¹⁾ Burckhardt, „Die Zeit Constantins des Grossen“, S. 340—341.

²⁾ Объясненія рельефовъ Huelsen, „Das Forum Romanum“ (Rom, 1904, S. 64, 86—88).

³⁾ Athanasii, „Oratio contra gentes“ ap. Migne „Patr. gr.“, t. XXV, col. 4 (со ставлено приблизительно въ 347 г.).

Рис. 6. Рельефы триумфальной арки Константина Великого.

дѣламъ и т. п. Нерѣдко колебанія рѣшались и тѣми соображеніями, которыя частью замѣтны въ обращеніи къ христіанству Константина, — что христіанскій Богъ могущественнѣй языческаго, и что чрезъ Него можно получить больше благъ. Что касается спеціально внутренняго отношенія Константина къ христіанству, то нельзя сомнѣваться, что близко знавшіе его современники считали его за убѣжденнаго христіанина, и что онъ послѣ Миланскаго эдикта многократно проявлялъ свое исключительное вниманіе къ церкви и клиру: сносился съ епископами, интересовался дѣлами христіанской общины, дѣлалъ пожертвованія на благотворительныя учрежденія церкви. Начиная съ 314 года, имѣется рядъ публичныхъ похвальныхъ словъ въ честь Константина, въ которыхъ обращеніе его къ единому истинному Богу выставляется какъ его особенная заслуга. Христіанство еще было только терпимымъ на ряду съ языческимъ исповѣданіемъ, законъ еще не придавалъ ему преобладанія надъ политеизмомъ, но фактически христіане уже получаютъ преобладаніе: занимаютъ высшія должности въ администраціи и въ арміи и постепенно придаютъ государству новый характеръ.

Прекраснымъ христіанскимъ памятникомъ, построеннымъ самимъ Константиномъ, нужно считать церковь св. Констанціи въ Римѣ. Этотъ храмъ въ стилѣ античныхъ построекъ украшенъ изящными колоннами, снабженъ мозаиками ¹⁾ (рис. 8). Съ именемъ Константина соединена извѣстная базилика Константина въ Римѣ, отличающаяся своими величественными сводами, которые опираются на четыре пилона ²⁾ (рис. 9).

Еще важнѣй тѣ постепенныя перемѣны, которыя происходятъ въ христіанской общинѣ, въ средѣ самихъ ея членовъ, послѣ эдикта вѣротерпимости. Въ началѣ IV вѣка христіанская община выступаетъ уже съ довольно твердой организаціей, Миланскій эдиктъ открылъ ей легальный путь для дальнѣйшихъ успѣховъ въ языческомъ государствѣ, которое мало-по-малу и само начинаетъ приближаться къ христіанской общинѣ. Прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду устройство церковнаго клира, который пріобрѣтаетъ корпоративный характеръ, находя въ римскихъ гражданскихъ законахъ достаточную охрану для

¹⁾ О немъ Clausse, „Basiliques et mosaïques chrétiennes“, т. I (Paris, 1893), p. 117—120.

²⁾ О положеніи базилики Huelsen, S. 194—195.

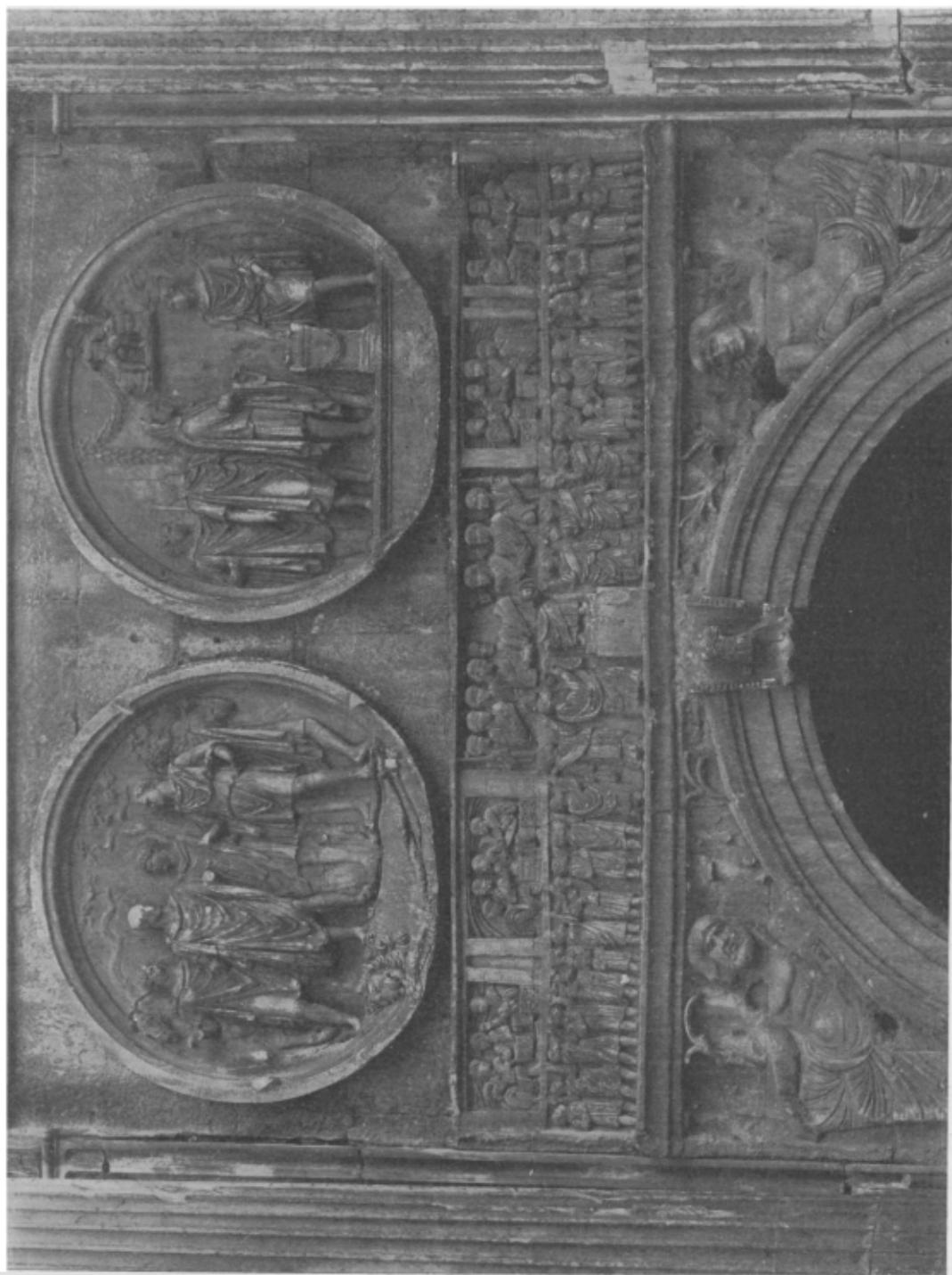

Рис. 7. Рельефы триумфальной арки Константина Великого.

своихъ сословныхъ привилегій. Еще во время гоненій духовенство достаточно изолировалось отъ гражданскаго общества; подъ благодѣтельнымъ же дѣйствиємъ эдикта вѣротерпимости оно сдѣлало въ томъ же направленіи дальнѣйшіе шаги. Константинъ освободилъ христіанское духовенство отъ обычныхъ повинностей, лежавшихъ на римскомъ гражданинѣ¹⁾; утвердилъ за церковью право принимать въ свою пользу наслѣдства по завѣщанію; обезпечилъ церковныя учрежденія богатыми приношеніями изъ государственныхъ средствъ въ видѣ земельныхъ участковъ, денежныхъ и хлѣбныхъ выдачъ. Въ особенности огромное значеніе имѣли для духовенства пожалованныя ему судебныя права, т.-е. право рѣшать возникавшіе на почвѣ обыкновенныхъ отношеній между христіанами гражданскіе споры. Словомъ Константинъ далъ духовенству всевозможныя гарантіи своего расположенія, раздѣливъ съ нимъ до извѣстной степени управленіе и сдѣлавъ его послушнымъ орудіемъ въ своихъ рукахъ.

Прежде, чѣмъ переходить къ дальнѣйшимъ судьбамъ христіанской церкви при преемникахъ Константина, остановимся на нѣкоторыхъ явленіяхъ церковной жизни въ ближайшіе годы послѣ эдикта вѣротерпимости. Тяжкій періодъ гоненій сопровождался не только благородными подвигами самоотверженія, подъемомъ духа и нравственной дисциплины, но и вызывалъ и дурныя проявленія чловѣческаго духа: уныніе, измѣну, клятвопреступленіе. Въ особенности слѣдуетъ отмѣтить духъ нетерпимости, фанатической приверженности къ формѣ и обряду и взаимной вражды. Эти свойства обнаружались уже и во время гоненій при обсужденіи поступковъ тѣхъ христіанъ, которые или отрекались отъ Христа, или выдавали язычникамъ священныя книги. По отношенію къ внутреннимъ раздорамъ въ христіанской общинѣ Константинъ проявилъ много такта и государственной мудрости. Предоставляя епископамъ полную свободу дѣйствій, онъ старался держаться нейтральнымъ въ спорѣ и если высказывался въ пользу одного опредѣленнаго мнѣнія, то ни въ какомъ случаѣ не допускалъ насилія одной партіи надъ другой. Его политическая мудрость не разъ давала ему случай убѣдиться, что излишняя ревность и въ особенности насиліе создаютъ упорство и настойчивость, съ которыми слабая партія нерѣдко получаетъ преимущество надъ сильнѣйшей.

1) Cod. Theod., XVI, 2

Рис. 8. Мавзолей Констанци в Римѣ.

Съ подобными расположеніями относился Константинъ и къ величайшему церковному спору, возникшему ок. 318—320 г. изъ-за вопроса о божественной природѣ Христа по почину Арія. Арій былъ человѣкъ весьма образованный, искусный діалектикъ, строгій въ жизни, общительный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, гордъ, честолюбивъ, неискренень и чрезвычайно хитеръ. Онъ въ началѣ былъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ со своимъ епископомъ. Недоразумѣнія между ними возникли, по словамъ историка Сократа, по слѣдующему случаю ¹⁾. Однажды епископъ держалъ бесѣду о таинствѣ Троицы и въ частности утверждалъ единство Троичности. Бывшій при этомъ Арій сталъ возражать, настаивая на той мысли, что если Отець родилъ Сына, значитъ, послѣдній имѣетъ начало, и, значитъ, было время, когда Его не было—*ἦν, ὅτε οὐκ ἦν*. Христологическій споръ возбудилъ въ церкви бурю волненій, образовались два враждебныхъ лагеря, которые раздвоили христіанское общество и внесли смуту въ имперію. Арій, увѣренный въ правотѣ своихъ воззрѣній на Слово какъ на созданіе (*κτίσμα*), отправилъ къ нѣкоторымъ епископамъ изложеніе своего ученія и просилъ ихъ высказаться по этому поводу. Ему удалось въ короткое время привлечь на свою сторону многихъ приверженцевъ, и въ особенности знаменитаго Евсевія никомидійскаго, близкое лицо къ императору, которое имѣло на него большое вліяніе, равно какъ на сестру его Констанцію, жену Лицинія. Кромѣ Евсевія, за Арія высказались нѣкоторые египетскіе епископы и александрійское духовенство и еще нѣсколько епископовъ: Павлинъ тирскій, Θεодотъ лаодикійскій, Аѳанасій аназарбскій, Григорій бейрутскій. Созванный епископомъ Александромъ соборъ въ Александріи въ 320—321 г. произнесъ отлученіе противъ египетскихъ приверженцевъ Арія и противъ всѣхъ раздѣляющихъ это ученіе. Арій, принужденный оставить Александрію, прибылъ въ Палестину и оттуда отправилъ письмо къ своему покровителю Евсевію никомидійскому, который пригласилъ его въ свой епископскій городъ, бывшій и временной столицей имперіи. Здѣсь Арію открылась еще болѣе широкая возможность распространить свое ученіе, тѣмъ болѣе, что Константинъ, занятый въ 322—323 году войной съ Лициніемъ, не имѣлъ времени обратить вниманіе на церковные споры. Одержавъ побѣду надъ

¹⁾ Hefele-Leclercq, „Histoire des conciles“, I. Paris, 1907, p. 357.

Рис. 9. Базилика Константина въ Римѣ.

Лициніемъ осенью 323 года, Константинъ, въ качествѣ единоподержавнаго властелина Запада и Востока имперіи, занялся христологическимъ споромъ. Онъ написалъ Арію и епископу Александру очень длинное письмо, сохраненное у Евсевія, въ которомъ излагалъ свой взглядъ на жгучій вопросъ времени. Замѣтимъ еще, что письмо было отправлено съ знаменитымъ епископомъ Осіей кордовскимъ, игравшимъ крупную роль въ это время.

По его воззрѣнію аріанскій вопросъ не представлялъ особенной важности и серьезности. Правда, Арій допустилъ ошибку, выведя на соблазнъ народа такіе вопросы, о которыхъ лучше было бы молчать. Но и епископу Александру не слѣдовало бы относиться съ такой горячностью къ вопросу, и лучше было бы имъ взаимно извиниться и помириться. Въ сущности и разница въ воззрѣніяхъ противниковъ весьма незначительна. Константинъ ссылается при этомъ на философскія ученія. Часто философы, принадлежащіе къ одной школѣ, бывають разнаго мнѣнія относительно нѣкоторыхъ частныхъ, что нисколько не мѣшаетъ имъ соблюдать единеніе въ общемъ ученіи; тѣмъ болѣе, говоритъ онъ, „для васъ, служителей великаго Бога, слѣдуетъ быть единомудушными въ вопросѣ вѣроученія. Возвратите мнѣ,—заключаетъ Константинъ,—спокойные дни и беззаботныя ночи, чтобы я пользовался радостью и наслажденіями спокойной жизни“¹⁾.

Ясно, что Константинъ не оцѣнилъ тогда важности аріанскаго вопроса, и что письмо его далеко не отличается такими высокими качествами, какія придаютъ ему церковные историки. Когда императоръ увидѣлъ, что попытка его примирить Арія съ епископомъ Александромъ не удалась, и что въ церкви продолжаются беспорядки и смуты, онъ рѣшился, можетъ-быть, по совѣту Осіи, созвать вселенскій соборъ.

Какъ извѣстно, Дѣяній перваго вселенскаго собора не сохранилось и даже можно сомнѣваться, были ли составляемы въ свое время протоколы собраній²⁾. Вслѣдствіе этого остается много неясностей какъ по отношенію къ обстоятельствамъ созванія собора, такъ и по предмету дѣлопроизводства: какъ происходили засѣданія, и какъ

1) Изъ письма къ александрійскому епископу Александру („Vita Const.“, II, с. 64. Migne, „P. Gr.“), XX, col. 1038.

2) Loeschcke, „Das Syntagma des Gelasius“, („Rheinisches Mus.“, t. LX, 1905), приходитъ къ выводу о существованіи протоколовъ.

соборъ пришелъ къ своему окончательному рѣшенію по спорному вопросу о природѣ Христа и по другимъ, занимавшимъ къ тому времени церковь вопросамъ. Несомнѣнными плодами дѣятельности этого собора слѣдуетъ считать: символъ вѣры, 20 канонѡвъ и соборное постановленіе. Св. Аѡанасій въ 350 г. на вопросъ друга — что происходило на соборѣ, не могъ сообщить подробностей, изъ чего слѣдуетъ заключить, что протоколовъ не было. Что касается способа оповѣщенія епископовъ и времени открытія соборныхъ дѣяній — и по этому поводу высказывались довольно разнорѣчивыя мнѣнія. Соборъ созывался на 20 мая 325 года, но императоръ прибылъ только къ 14 іюня, символъ былъ принятъ соборомъ 19 числа, засѣданія заключены 25 августа. По всей вѣроятности въ промежуткѣ между 20 мая и прибытіемъ императора на соборѣ происходилъ обмѣнъ мнѣній между сторонами по главному вопросу. Аріій былъ приглашаемъ на собранія и доказывалъ правоту своихъ мнѣній: ему удалось привлечь на свою сторону до 17 епископовъ и много лицъ изъ низшаго духовенства и свѣтскаго общества. Партія православныхъ имѣла во главѣ діакона александрійской церкви, ученаго богослова Аѡанасія, и замѣстителя александрійскаго епископа, пресвитера Александра. По прибытіи императора состоялось открытіе засѣданій собора, описанное у Евсевія ¹⁾: „Когда—говоритъ онъ—епископы собрались въ назначенное для засѣданій мѣсто, и каждый занялъ опредѣленное ему сидѣнье, тогда вошелъ императоръ, одѣтый въ золотыя одежды, украшенные драгоцѣнными камнями. Всѣ встали и сѣли тогда, когда онъ занялъ свое мѣсто. Находившійся по правую отъ него сторону епископъ всталъ и произнесъ краткое привѣтствіе. Императоръ затѣмъ отвѣчалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Я горячо желалъ видѣть васъ собравшимися. Нынѣ мое желаніе исполнилось, и я благодарю высочайшее существо, Бога, который, изливъ на меня другія безчисленныя благодѣянія, не лишилъ меня и этой милости—соединить васъ всѣхъ и быть свидѣтелемъ согласія вашихъ чувствъ. Раздоры въ церкви Божіей мнѣ представляются болѣе важными и опасными, чѣмъ внѣшнія войны, и доставляютъ мнѣ больше горя, чѣмъ все другое. Послѣ того, какъ Богъ по Своей милости далъ мнѣ побѣду надъ врагами, я воспріялъ намѣреніе на будущее время, воздавъ благодарность Богу, наслаждаться общеніемъ съ тѣми, кому

¹⁾ „Vita Constant.“, lib. III, c. 10.

Богъ дароваль чрезъ меня свободу. Узнавъ же о раздѣленіи между вами, я поняль, что этимъ нельзя пренебрегать, и поэтому рѣшилъ немедленно созвать васъ, чтобы положить конецъ злу. Итакъ, приглашаю васъ, любезные служители Божіи, принять мѣры, чтобы пресѣчь всѣ разногласія и покрыть миромъ ваши споры. Этимъ вы угодите Богу и сдѣлаете пріятное мнѣ, вашему брату на службѣ Богу“. Послѣ этого соборъ приступилъ къ своимъ занятіямъ по тѣмъ вопросамъ, на который указано въ рѣчи Константина.

Руководителемъ преній и предсѣдателемъ на соборѣ былъ Осія кордовскій и при немъ два римскіе пресвитера. Чтобы выяснить положеніе партій на соборѣ, воспользуемся употребленнымъ у Гефеле ¹⁾ сравненіемъ: „употребляя обычныя выраженія въ современныхъ парламентахъ, мы можемъ сказать, что въ Никеѣ православные епископы съ Аѳанасіемъ и его приверженцами составляли правую, Арій со своими немногими друзьями лѣвую, лѣвый центръ принадлежалъ Евсеію никомидійскому, правый центръ Евсеію кесарійскому. Извѣстно, что представителемъ православнаго мнѣнія и главнымъ соперникомъ Арія былъ ученый діаконъ александрійской церкви, знаменитый впослѣдствіи отецъ церкви Аѳанасій. Въ догматическомъ смыслѣ главный предметъ разногласія сосредоточился на ученіи о Словѣ (*Λόγος*) или Сынѣ: происходитъ ли Онъ изъ существа Божія и имѣетъ ли одну и ту же природу съ Богомъ (*ὁμοούσιος*), какъ учила православная партія, или же Слово или Сынь происходитъ изъ не-сущаго и, какъ имѣющій начало своего бытія: *ἦν, ὅτε οὐκ ἦν*,—не единосущенъ Отцу, какъ утверждалъ Арій и его приверженцы. Это послѣднее положеніе нашло себѣ техническое выраженіе въ терминѣ *ὁμοιοούσιος*—подобосущный, иначе созданіе и твореніе—*κτίσιμα, ποιήσιμα*. — Въ нѣсколькихъ словахъ позволимъ себѣ здѣсь выразить сущность православнаго и аріанскаго ученія не съ богословской или философской точки зрѣнія, съ каковой оно трактуется въ церковной исторіи, а съ точки зрѣнія общечеловѣческаго пониманія и міровой культуры. Если Христось, сошедшій на землю и вочеловѣчившійся, есть Богъ, то для человѣчества въ этомъ дано большое утѣшеніе: Богъ, сдѣлавшись человѣкомъ, обожествилъ человѣчество и тѣмъ указаль человѣку безконечную цѣль самоусовершенія и стремленія къ совершеннѣйшему. Между тѣмъ, аріанство, отпавляющееся изъ

1) „Histoire des conciles“, I, p. 431.

признанія во Христѣ существа сотвореннаго, небожественнаго по происхожденію, не имѣеть въ своемъ ученіи тѣхъ возвышающихъ элементовъ, о которыхъ сказано выше.

Можно думать, что умѣренность и осторожность епископа Осіи много способствовали тому, что формула *omoiotheos* нашла себѣ общее одобреніе. Послѣ долгихъ споровъ и разсужденій, наконецъ, составленъ былъ символъ, текстъ котораго сохранился въ письмѣ Евсевія. Всѣ отцы, за исключеніемъ пяти, готовы были дать свою подпись подъ этимъ символомъ, какъ выражающимъ ученіе апостольской церкви. Но изъ пяти колеблющихся, въ числѣ коихъ былъ Евсевій никомидійскій, три дали потомъ свое согласіе, а остальные вмѣстѣ съ Аріемъ были отлучены. Константинъ присоединился къ представленному на его усмотрѣніе соборному постановленію и—что представляется весьма важнымъ—сталъ ревностнымъ защитникомъ соборнаго опредѣленія. Онъ приказалъ немедленно сослать Арія и двухъ епископовъ, не подписавшихъ символа, въ Иллирію и осудилъ на сожженіе его еретическія сочиненія. Когда, наконецъ, были окончены всѣ занятія, императоръ пригласилъ членовъ собора къ себѣ во дворецъ на угощеніе, при чемъ каждый изъ отцовъ получилъ отъ него по подарку. Черезъ нѣсколько дней было еще заключительное собраніе, на которомъ присутствовалъ и императоръ.

Такъ какъ Никейскій соборъ имѣеть громадное значеніе въ исторіи христіанской имперіи, то позволимъ себѣ еще остановиться на церковныхъ канонахъ, которые ведутъ отъ него свое происхожденіе. Для послѣдующей исторіи въ особенности получилъ громадное значеніе 6 канонъ, смыслъ котораго подвергается толкованіямъ и различнымъ объясненіямъ и по настоящее время, вслѣдствіе чего на основаніи его построено было много такихъ выводовъ, которые, въ свою очередь, были предметомъ ожесточенныхъ споровъ. Въ исторіи Византіи мы не разъ встрѣтимся со ссылками на 6 канонъ. Вотъ его содержаніе.

„Древній обычай, господствующій въ Египтѣ, да имѣеть силу въ Ливіи и Пентаполѣ, то-есть епископъ Александріи да сохраняетъ власть надъ этими областями, такъ какъ это же свойственно и епископу Рима. Подобнымъ же образомъ слѣдуетъ сохранять свои преимущества Антіохіи и другимъ епархіямъ. То совершенно ясно, что, если кто сдѣлается епископомъ безъ согласія своего митропо-

лита, того великій соборъ не признаетъ епископомъ. Но если избраніе совершится общимъ согласіемъ и по церковнымъ правиламъ, и если при этомъ двое или трое будутъ противорѣчить по своимъ капризамъ, то право остается за большинствомъ голосовъ“.

Въ смыслѣ ближайшихъ послѣдствій никейскаго собора слѣдуетъ отмѣтить, что хотя императоръ Константинъ, согласившись съ постановленіемъ собора, сослалъ Арія въ заточеніе, но спустя немного времени совершенно перешелъ на сторону аріанъ и возвратилъ изъ ссылки самого Арія. Въ догматическомъ смыслѣ Арій далъ нѣкоторое удовлетвореніе своимъ противникамъ вновь употребленнымъ по отношенію къ Сыну выраженіемъ *γεννημένος*—происшедшій вмѣсто *γεννημένος*—рожденный. Однако, противъ принятія Арія въ общеніе съ церковью былъ тогдашній главный стражъ никейскаго символа Аѳанасій, епископъ александрійскій. Но въ 336 г., уже передъ своей смертью, Константинъ далъ оффиціальное преобладаніе аріанству, рѣшившись подписать указъ о ссылкѣ Аѳанасія. При дѣтяхъ Константина аріанство было господствовавшимъ на Востокѣ ученіемъ церкви.

Смуты, вызванныя аріанскимъ ученіемъ, имѣли далеко не переходящее значеніе. Онѣ не прекратились за смертію главныхъ дѣятелей, Аѳанасія и Арія, но продолжали долго еще раздѣлять церковь на два лагеря, при чемъ правительство попеременно примыкало то къ одному, то къ другому. Вопросъ церковнаго ученія сталъ серіознымъ правительственнымъ дѣломъ, аріанская смута потребовала созыва многочисленныхъ соборовъ, которые разрѣшала и постановленія которыхъ утверждала свѣтская власть. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этимъ нарушенъ былъ принципъ независимости церкви, которая пожертвовала своимъ нравственнымъ достоинствомъ изъ угожденія передъ свѣтской властью. Въ свою очередь, и эта послѣдняя, вступивъ въ тѣсное общеніе съ церковью, предоставила ей значительную долю въ гражданскомъ управленіи, лишивъ церковь принадлежащаго ей характера.

Константинъ подвергся большимъ упрекамъ за то, что онъ допустилъ вредное смѣшеніе церкви и государства, и что не поставилъ строгаго раздѣленія между дѣлами, принадлежащими кесарю и Богу ¹⁾. Можно, конечно, пожалѣть, что клиръ спокойно пошелъ по пути, на который толкнула его свѣтская власть, и скоро началъ

1) Burckhardt, „Die Zeit Constantins des Grossen“, S. 389—390.

присваивать себѣ то, что ему не должно было принадлежать. Церковь присвоила себѣ непосредственное вліяніе и воздѣйствіе на людей, предоставивъ государству казармы и сборъ податей, какъ сильно ¹⁾ выражается Буркгардъ!—Самое соборное начало, которое имѣло такое широкое примѣненіе въ первые вѣка христіанства, едва ли не было часто злоупотребленіемъ предоставленнымъ клиру правомъ—осуждать, лишать общенія съ церковью и подвергать изгнанію и заточенію несогласныхъ съ господствующей и поддерживаемой правительствомъ церковной партіей. Уже аріанская смута могла представить неоднократныя, доказательства, что соборныя опредѣленія нерѣдко были диктуемы духомъ злобы и зависти, и осужденію на соборахъ часто подвергались столпы церкви, какъ Аѳанасій, І. Златоустъ. Съ государственной точки зрѣнія подвергается осужденію соборы Амміанъ Марцеллинъ ²⁾: „Цѣлыя ватаги епископовъ разѣзжали туда и сюда, пользуясь государственной почтой, на такъ называемые синоды въ заботахъ наладить весь культъ по своимъ рѣшеніямъ“. Государственной почтѣ этимъ причиненъ былъ страшный подрывъ.

Константинъ, котораго одинъ изъ его ближайшихъ преемниковъ называетъ новаторомъ ³⁾ и разрушителемъ старыхъ законовъ и древнихъ обычаевъ, пріобрѣлъ всемірно-историческое значеніе вслѣдствіе своей церковной политики. Онъ первый оцѣнилъ христіанство какъ громадную нравственную силу, борьба съ которой оказывалась уже не подъ силу правительству. Вслѣдствіе этого онъ рѣшился ввести христіанскую общину въ государство и воспользоваться ея громаднымъ нравственнымъ вліяніемъ для наиболѣе прочнаго утвержденія въ имперіи своей власти. Остается, однако, неяснымъ вопросъ о томъ, насколько Константинъ самъ былъ затронутъ евангельскимъ ученіемъ, и насколько въ его церковной политикѣ удѣлено было мѣста нравственнымъ принципамъ, вытекающимъ изъ проповѣди Христа. Все, повидимому, приводитъ къ тому заключенію, что равноапостольный Константинъ воспользовался новымъ ученіемъ какъ средствомъ для міровластительства и какъ политиче-

1) Ibid., 392.

2) Ammiani Marcellini, XXI, 15, 18.

3) Ammiani Marcellini, XXI, 10, 8.

скимъ орудіемъ, и что божественность евангельскаго ученія мало коснулась его умонастроенія и убѣжденія.

Безпристрастные свѣтскіе историки (Евтропій и Аврелій Викторъ) согласны, что Константинъ былъ гораздо лучше и благороднѣй въ первыя десять лѣтъ правленія, чѣмъ послѣ. И, во-первыхъ, ничѣмъ нельзя оправдать его отношеній къ Лицинію и тѣмъ болѣе извинить жестокой обманъ и клятвопреступленіе по отношенію къ нему. Въ 314 г., начавъ войну безъ достаточныхъ основаній и побѣдивъ Лицинія въ двухъ сраженіяхъ, Константинъ лишилъ его всѣхъ европейскихъ владѣній, кромѣ Фракіи. Затѣмъ въ 323 г. снова Константинъ воевалъ съ Лициніемъ и принудилъ его послѣ потери войска и флота запереться въ Никомидіи. Сестра Константина, бывшая въ супружествѣ за Лициніемъ, вошла въ переговоры съ братомъ и исходатайствовала для своего мужа подъ священной клятвой жизнь и безопасность. Но въ 324 г. Лициній былъ умерщвленъ по приказанію императора. Ничѣмъ такъ же нельзя оправдать безчеловѣчныя поступки Константина по отношенію къ ближайшимъ членамъ своего семейства. Жертвой его подозрительности и жестокости въ 326 г. пали сынъ его Криспъ, племянникъ Лициніанъ и, наконецъ, супруга Фауста. Историки, рассказывая о жестокихъ и ничѣмъ не оправдываемыхъ поступкахъ Константина по отношенію къ самымъ близкимъ членамъ семьи, не находятъ ничего сказать въ оправданіе его, какъ только то, что политическій успѣхъ и военное счастье способны портить и самыхъ геніальныхъ людей. Только одна сторона семейныхъ отношеній Константина возбуждаетъ сочувствіе—это любовное и почтительное отношеніе къ матери, св. Еленѣ. Она окружена была вниманіемъ, пользовалась высокимъ почетомъ и проводила жизнь въ благочестивыхъ путешествіяхъ по святымъ мѣстамъ, въ устройствѣ церквей и въ дѣлахъ благотворительности.

глава IV.

ЯЗЫЧЕСТВО И ХРИСТИАНСТВО ВЪ ПОЛОВИНѢ IV-го вѣка. Юліанъ отступникъ. Характе- ристика его царствованія.

Въ періодъ отъ никейскаго собора до вступленія на престолъ племянника Константина Юліана въ 361 году христіанская церковь имѣла всѣ средства вполнѣ окрѣпнуть и утвердиться въ имперіи. Взаимное положеніе язычества и христіанства въ самой серединѣ IV-го вѣка хорошо выясняется изъ сочиненія христіанскаго писателя Фирмика ¹⁾, которое было назначено для императоровъ Констанція и Константа и имѣло цѣлью поощрить ихъ къ конечному искорененію языческаго богослуженія. Въ высшей степени также характерно для оцѣнки политическаго положенія язычества то обстоятельство, что римскій календарь на 354 годъ не упоминаетъ ни языческихъ праздниковъ, ни жертвъ, ни религіозныхъ церемоній. Словомъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что языческая религія шла къ постепенному забвенію. И, тѣмъ не менѣе, нашелся государственный дѣятель— правда, это былъ римскій императоръ,—который задумалъ вернуть исторію назадъ, возвративъ римскій міръ снова къ языческому культу. Предпринятая на себя Юліаномъ задача была неосуществима, въ культурно-историческомъ смыслѣ даже вредна, но при всемъ томъ изумительная его настойчивость, нравственная дисциплина, высокая образованность, обаятельныя качества его души и, наконецъ, самая авантюра его религіозной реформы, такъ трагически закончившаяся—надолго обезпечиваютъ за Юліаномъ симпатію изслѣдователей.

¹⁾ Firmicus Maternus, de errore profanarum religionum. О немъ Ebert, „Allgem. Geschichte der Literatur des Mittelalters“ (Leipzig, 1889), I, S. 130—134; Teuffel, „Gesch. der röm. Literatur“, 3. Aufl., S. 953.

Мысль о возможности возвращенія къ языческому культу не должна представляться совершенно безумной. Напротивъ, она имѣла для себя нѣкоторыя основанія въ нравственныхъ и религіозныхъ воззрѣніяхъ значительныхъ слоевъ общества ¹⁾. При сыновьяхъ Константина принимаются мѣры къ закрытію языческихъ храмовъ, но эти мѣры не вездѣ достигаютъ цѣли. Въ 341 г. Констанцій издаетъ законъ противъ языческихъ жертвоприношеній, но закономъ 342 г. повелѣвается сохранить тѣ храмы внѣ Рима, съ которыми связаны публичныя игры ²⁾. Хотя префектъ Рима запретилъ жертвы въ самомъ городѣ, но это запрещеніе не исполнялось. Въ Римѣ законы Константина возбудили противъ себя ненависть особенно въ высшихъ кругахъ. На этой приверженности римскаго сената къ старой религіи основывались надежды на успѣхъ Магненція, когда онъ объявилъ себя императоромъ. Первое, что сдѣлалъ Констанцій послѣ побѣды надъ Магненціемъ, это было запрещеніе жертвъ. Въ 353 г. онъ же издалъ эдиктъ ³⁾, которымъ повелѣвалось закрыть храмы и запрещалось посѣщать мѣста культа подѣ страхомъ смертной казни и конфискаціи имущества. Сыну Константина была свойственна та же политика по отношенію къ религіи, какая руководила самимъ Константиномъ: религію не слѣдуетъ навязывать, кто хочетъ, можетъ оставаться въ язычествѣ и въ своемъ домѣ слѣдовать своей вѣрѣ, не допускались тайныя жертвы въ ночное время, да и то не изъ религіозныхъ, а изъ политическихъ мотивовъ (магія, волшебство, гаданіе о будущихъ судьбахъ государства и императора). Вслѣдствіе этого язычество, въ особенности на Западѣ, имѣло еще приверженцевъ. Хотя въ 357 г. по приказанію Констанція изъ сената удалена была статуя Викторіи, дабы не допускать въ сенатѣ языческихъ жертвъ, но въ то же время римская аристократія осталась вѣрна старой вѣрѣ, и Констанцій оставилъ въ Римѣ весталокъ и жрецовъ, назначилъ новыхъ на свободныя мѣста и приказалъ выдавать необходимыя суммы на поддержаніе культа. Въ 358 г. императоръ дѣлаетъ распоряженіе объ избраніи sacerdos для Африки ⁴⁾. Какъ сыновья Константина объявили государственное обожествленіе своего отца, такъ

1) Schiller, „Geschichte d. römisch. Kaiserzeit“, II, S. 290—292.

2) С. Th. 16, 10, 2—3.

3) С. Th. 16, 10, 4.

4) С. Th. 12, 1, 46.

сами Константъ и Констанцій сопричислены къ *divi* и носили безъ всякаго стѣсненія титулъ *pontifex maximus*.

Сообщимъ сначала біографическія свѣдѣнія объ Юліанѣ (рис. 10). Fl. Claudius Julianus былъ племянникомъ Константина Великаго и происходилъ отъ Юлія Констанція, погибшаго вскорѣ по смерти Константина Великаго (337 г.) во время военнаго бунта. Онъ родился въ 331 году и остался 6 лѣтъ по смерти отца, мать же потерялъ на первомъ году своей жизни. Гдѣ находился онъ со своимъ братомъ Галломъ во время катастрофы 337 года, остается неизвѣстнымъ, но несомнѣнно, что онъ сохранилъ о ней ясное воспоминаніе. Юліанъ

Рис. 10. Бюстъ императора Юліана въ Ачеренцѣ.

получилъ хорошее воспитаніе, которымъ руководилъ евнухъ Мардоній, сумѣвшій направить воспріимчивыя способности мальчика на изученіе классическихъ писателей и древней философіи. По всей вѣроятности, первое время Юліанъ жилъ близъ Константинополя, можетъ-быть, въ Никомидіи, гдѣ епископъ Евсевій наблюдалъ за нимъ и руководилъ его христіанскимъ религіознымъ образованіемъ. Очень выразительными чертами отмѣчаются въ характерѣ Юліана и въ его послѣдующихъ сочиненіяхъ два направленія: разнообразныя и широкія познанія, почерпнутыя въ изученіи древнихъ писателей, и глубокая начитанность въ книгахъ Священнаго Писанія, чѣмъ онъ искусно пользовался въ своей борьбѣ противъ христіанъ.

Въ 344 г. обоимъ братьямъ было указано жить въ замкѣ *Masellum* близъ Кесаріи Каппадокійской. Хотя условія жизни соотвѣтствовали высокому положенію молодыхъ людей, но Юліанъ жалуется на недостатокъ общества, на постоянныя стѣсненія свободы и на тайный надзоръ. Вѣроятно, къ этому періоду нужно относить начатки вражды Юліана къ христіанской вѣрѣ. Въ этомъ положеніи братья

оставались около 6 лѣтъ. Между тѣмъ, бездѣтнаго Констанція весьма озабочивала мысль о преемникѣ. Такъ какъ изъ прямого потомства Константина въ живыхъ оставались лишь два двоюродныхъ брата Констанція, Галлъ и Юліанъ, то императоръ въ 350 г. рѣшился призвать къ власти Галла. Вызвавъ его изъ замка *Macellum*, Констанцій далъ ему санъ цесаря и назначилъ для его пребыванія Антиохію. Но, какъ скоро оказалось, Галлъ не умѣлъ справиться съ новымъ положеніемъ и надѣлалъ много ошибокъ, возбудивъ противъ себя подозрѣнія въ невѣрности императору. Галлъ былъ вызванъ Констанціемъ для оправданія и на дорогѣ убитъ въ 354 году. Теперь снова выступилъ вопросъ о преемствѣ власти. По настояніямъ императрицы Евсевіи, которая дѣйствовала въ этомъ отношеніи вопреки планамъ придворной партіи, Констанцій рѣшился возвратить Юліану то положеніе, на какое онъ имѣлъ права по рожденію.

Уже назначеніе Галла цесаремъ должно было благопріятно отозваться на судьбѣ Юліана. Ему позволено было жить въ Константинополѣ, и лишь широкій кругъ знакомства, какой скоро составился здѣсь вокругъ Юліана, побудилъ императора дать ему другое мѣсто для жизни и продолженія образованія, именно городъ Никомидію. Здѣсь училъ знаменитый риторъ Либаній, котораго, однако, Юліану запрещено было слушать. Но здѣсь въ періодъ отъ 350 по 354 годъ произошелъ съ Юліаномъ тотъ нравственный переворотъ, который долго подготовлялся и который привелъ его къ отрицанію христіанства, получившаго у него наименованіе галилейской секты. Чтеніе сочиненій Либанія, въ особенности же знакомство и дружба съ философомъ Максимомъ (изъ Ефеса) и Едесіемъ, произвели на Юліана рѣшительное и глубокое вліяніе. Названные философы соединяли съ неоплатоновскими идеями мечтательность, извращенный идеализмъ. Въ тѣсномъ кругу друзей Юліана осмѣивали легенду о Галилеянинѣ и подготовляли молодого принца къ реформаторской миссіи въ области религіи. Въ годъ смерти Галла Юліанъ былъ уже вполнѣ сложившимся молодымъ человѣкомъ, ему было тогда 23 года. Приглашенный въ Миланъ по смерти Галла, онъ хотя и не вошелъ въ расположеніе императора, но все же получилъ свободу посѣтить Аѳины (355 г.). Здѣсь Юліанъ былъ въ центрѣ тогдашней культурной и умственной жизни, гдѣ въ одно и то же время съ Юліаномъ проходили курсъ наукъ великіе дѣятели церкви, Василій Великій и Григорій Нисскій.

Юліанъ вынесъ изъ Аѳинъ знакомство со столпами древней падавшей культуры, великій жрецъ элевзинскихъ мистерій призналъ его достойнымъ высшихъ степеней, что обозначало уже полный разрывъ съ христіанствомъ и возвращеніе къ „отеческой религіи“, какъ часто выражался Юліанъ.

Проведя въ Аѳинахъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ (отъ іюля до октября), Юліанъ снова былъ приглашенъ къ императору Констанцію, и на этотъ разъ его ждала полная переменна судьбы. Изъ роли студента, щеголявшаго философской мантией, нечесанной головой и запачканными въ чернилахъ руками, Юліанъ неожиданно долженъ былъ обратиться въ царедворца. 6 ноября онъ торжественно объявленъ цесаремъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ему поручена была чрезвычайно важная въ политическомъ и военномъ отношеніи миссія—управленіе провинціей Галліей. Черезъ нѣсколько дней послѣ того онъ женился на сестрѣ Констанція Еленѣ и съ небольшимъ военнымъ отрядомъ отправился къ мѣсту своего назначенія.

Юліанъ смотрѣлъ на свое назначеніе какъ на присужденіе къ смертной казни. Положеніе Галліи было безнадежнымъ, и, конечно, не молодому человѣку, только-что покинувшему студенческую скамью, было посильнымъ умирненіе этой провинціи. Всѣ укрѣпленія, выстроенныя на лѣвомъ берегу Рейна, были прорваны и разрушены германцами, города разорены и опустошены. Вся провинція была въ беззащитномъ положеніи и готова была сдѣлаться добычей варваровъ. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что подозрительный Констанцій не предоставилъ въ распоряженіе Юліана достаточныхъ средствъ и не опредѣлилъ отношеніе цесаря къ высшимъ административнымъ и военнымъ чинамъ провинціи, т.-е. къ префекту преторіи и начальникамъ военныхъ корпусовъ. Это ставило цесаря въ большое затрудненіе, въ особенности въ первое время, когда онъ началъ практически знакомиться съ военнымъ дѣломъ.

Юліанъ провелъ въ Галліи пять лѣтъ и обнаружилъ такія блестящія военныя дарованія и достигъ столь важныхъ успѣховъ въ войнахъ съ германцами, что Галлія была совершенно очищена отъ непріятелей, и германцы перестали угрожать римскимъ городамъ и крѣпостямъ на лѣвомъ берегу Рейна. Во время своихъ войнъ Юліанъ захватилъ болѣе 20000 плѣнниковъ, которыхъ употребилъ на постройку разрушенныхъ городовъ, возстановилъ сообщеніе по Рейну

и снабдилъ Галлію хлѣбомъ, привезеннымъ изъ Британніи на построенныхъ имъ судахъ. Въ особенности блестящая побѣда была одержана при Страсбургѣ въ 357 году, гдѣ сражались противъ Юліана 7 королей, и гдѣ былъ взятъ въ плѣнъ король германскій Кнодоміръ.

Успѣхи Юліана не могли не возвысить его авторитетъ и привлекли къ нему горячія симпатіи войска и народа. Императоръ въ особенности былъ недоволенъ усиливавшейся популярностью цесаря, „доблести Юліана жгли Констанція“, говоритъ историкъ Марцеллинъ¹⁾, хотя придворные подвергали насмѣшкамъ характеръ и наружность Юліана и старались умалить въ глазахъ Констанція его военныя заслуги.

Въ 360 г. императоръ приготовлялся въ походъ въ Персію, гдѣ не прекращались военныя дѣйствія, и гдѣ персы перенесли войну уже въ римскія области Месопотамію и Арменію. Азіатскія войска предполагалось подкрѣпить европейскими, для чего Констанцій потребовалъ отъ Юліана посылки на Востокъ части его лучшихъ и испытанныхъ легионовъ. Это требованіе цезарь принялъ какъ знакъ недовѣрія къ себѣ, потому что безъ войска онъ не могъ держаться въ Галліи; кромѣ того, галльскія войска съ большимъ неудовольствіемъ приняли извѣстіе о походѣ на Востокъ. При этихъ условіяхъ произошелъ въ Парижѣ, гдѣ было тогда пребываніе цесаря, военный бунтъ и провозглашеніе Юліана императоромъ. Извѣстія о происшедшемъ въ Парижѣ дошли до императора въ Кесаріи Каппадокійской. Если Констанцій не находилъ возможнымъ признать совершившійся фактъ и войти въ соглашеніе съ Юліаномъ, то предстояла междоусобная война, которая лишь потому не возгорѣлась, что императоръ, занятый приготовленіями къ походу, лѣтомъ и зимой 360 года находился въ Малой Азіи и только весной 361 года могъ начать движеніе въ Европу.

Послѣ провозглашенія августомъ²⁾ въ своемъ письмѣ къ Констанцію Юліанъ старался оправдать себя и предлагалъ войти въ соглашеніе по поводу совершившагося. Но какъ Констанцій потребовалъ отъ него полного и окончательнаго устраненія отъ дѣлъ, а

1) Ammiani Marcellini, 20, 4, 1: „Constantium urebant Juliani virtutes“.

2) Дата провозглашенія по новымъ даннымъ относится ко второй половинѣ мая. Morey, „The date of the election of Julian“ (Supplem. „Papers of the Amer. School in Rome“, vol. I, p. 192—4).

между тѣмъ войско клялось служить ему и поддержать его права, то Юліанъ рѣшился идти противъ Констанція войной. Онъ уже овладѣлъ альпійскими проходами, основалъ свою главную квартиру въ Нишѣ, принялъ подъ свою власть Иллирикъ, Паннонію и Италію и собралъ громадныя средства для войны, когда неожиданная смерть Констанція 3 ноября 361 г. освободила Юліана отъ необходимости начать междоусобную войну. 11 декабря 361 г. Юліанъ вступилъ въ Константинополь какъ прямой и законный наслѣдникъ римскихъ императоровъ, сенатъ и димы утвердили избраніе арміи.

Оцѣнивать дѣятельность императора Юліана слѣдуетъ на основаніи тѣхъ фактовъ, которые относятся ко времени его единодержавія. Замѣтимъ, что въ декабрѣ 361 года онъ былъ признанъ въ достоинствѣ императора, а 26 іюня 363 года онъ умеръ, получивъ смертельную рану въ битвѣ съ персами близъ Ктесифона. На полтора года нужно разложить и его разнообразныя мѣры законодательныя, административныя и въ особенности литературно-полемическія для борьбы съ христіанствомъ и возстановленія язычества, и, съ другой стороны, обширныя подготовленія къ персидской войнѣ и побѣдоносный походъ его черезъ Тигръ и Евфратъ, въ самое сердце Персіи, гдѣ происходили славныя битвы Александра Македонскаго. Уже самая громадность этихъ предпріятій можетъ свидѣтельствовать, что въ Юліанѣ исторія имѣетъ дѣло съ недюжиннымъ челоуѣкомъ, а чрезвычайная краткость времени самостоятельнаго управленія Юліана имперіей должна служить объясненіемъ, почему ни то, ни другое предпріятіе не было доведено до конца, и почему въ мѣропріятіяхъ столь высокой важности, какъ религіозная реформа, не было согласованности и логической послѣдовательности. Но прежде, чѣмъ переходить къ оцѣнкѣ дѣятельности Юліана, скажемъ нѣсколько словъ о полуторагодичномъ правленіи его.

Отъ декабря 361 по іюнь 362 г. Юліанъ провелъ въ Константинополѣ. На этотъ періодъ должны падать существенныя распоряженія по замѣнѣ христіанскаго культа языческимъ, тогда же были составлены имъ главныя возраженія противъ христіанства. Сначала императоръ обѣщаетъ быть безпристрастнымъ, не насилуя совѣсть ни язычниковъ, ни христіанъ, но, когда онъ увидѣлъ, что реформа не идетъ такъ успѣшно, какъ ему желалось, въ его дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ появляются страстность, раздраженіе и нетерпимость. Отъ

половины іюля 362 до марта 363 г. императоръ провель въ Антіохіи, частью въ приготовленіяхъ къ походу въ Персію, частью въ составленіи инструкцій для утвержденія языческаго культа, частью, наконецъ, въ изготовленіи литературныхъ произведеній (Мисопогонъ). Отъ марта до конца іюня 363 г. Юліанъ ведеть войну съ персами. Это обширное военное предпріятіе было задумано и обставлено всѣми средствами, какія только могла предоставить имперія. Было собрано значительное войско (свыше 60000), приняты мѣры къ заготовленію военныхъ запасовъ и продовольствія, приглашенъ вспомогательный отрядъ отъ армянскаго царя, заготовленъ огромный флотъ на Евфратѣ для доставки вооруженія и запасовъ. Но условія, въ которыхъ приходилось на этотъ разъ вести Юліану войну, были далеко не тѣ, съ которыми онъ былъ знакомъ въ Галліи. Оказалось много непредвидѣнныхъ затрудненій, которыя тѣмъ больше увеличивались, чѣмъ дальше римское войско уходило отъ римской границы въ Месопотамію. Прежде всего, Юліанъ на своемъ пути уничтожалъ города и селенія и истреблялъ запасы, которыми не могъ воспользоваться. Большимъ подспорьемъ былъ флотъ, сопровождавшій армію по Евфрату и переведенный каналомъ въ Тигръ, но Юліанъ рѣшился предать его огню, находясь близъ Ктесифона, и тѣмъ лишилъ себя весьма важныхъ вспомогательныхъ средствъ на случай отступленія. Отказавшись отъ осады Ктесифона, Юліанъ направился на сѣверъ Персіи, и здѣсь персидская конница начала сильно тѣснить его со всѣхъ сторонъ, опустошая мѣстность, по которой шло римское войско, и томя его голодомъ и всяческими лишеніями. При такихъ условіяхъ 25 іюня 363 года Юліанъ неосторожно выступилъ въ передовую цѣпь войска и былъ пораженъ въ бокъ непріятельскимъ копьемъ. На слѣдующій день онъ умеръ отъ полученной раны.

Основная идея Юліана, приведшая его къ разрыву съ передовыми воззрѣніями той эпохи, можетъ быть до нѣкоторой степени понята изъ обстоятельствъ, въ которыхъ проходило его дѣтство и юношество, изъ характера окружавшихъ его людей, наконецъ, изъ его философскихъ воззрѣній.

Характеръ Юліана, какъ политическаго и религіознаго дѣятеля, привлекаеть вниманіе европейскихъ ученыхъ уже съ давняго времени, и слѣдуетъ прибавить, что интересъ къ его личности не ослабѣваетъ съ теченіемъ времени, а болѣе и болѣе возрастаетъ. И не въ томъ

нужно искать объясненія того, что литература объ Юліанѣ возрастаетъ съ каждымъ годомъ, чтобы открывались новые источники для этого времени, которые бросали бы новый свѣтъ на Юліана,— нѣтъ, самая личность этого императора обладаетъ особенной притягательной силой, и условія, въ которыхъ ему пришлось жить и дѣйствовать. Уже современники и ближайшіе къ его времени писатели не могли не возбудить интереса къ Юліану тѣмъ, что описали его въ самыхъ противоположныхъ и разнорѣчивыхъ чертахъ. Попытки примирить эти противорѣчія привели къ постановкѣ вопроса о томъ, какимъ источникамъ слѣдуетъ болѣе довѣрять:—языческимъ, которые восхваляютъ Юліана, или христіанскимъ, которые не находятъ достаточно сильныхъ выраженій, чтобы выразить все презрѣніе и негодованіе къ Юліану. И въ новѣйшей литературѣ можно замѣтить два теченія въ оцѣнкѣ дѣятельности Юліана, зависящія отъ того, какимъ источникамъ — эллинистическимъ или христіанскимъ — оказывается больше довѣрія. При этомъ выяснено, что главныя противорѣчія въ извѣстіяхъ касаются именно религіозныхъ вопросовъ и церковныхъ дѣлъ, а какъ христіанскіе источники на первое мѣсто ставятъ церковную и религіозную политику Юліана, весьма мало касаясь гражданской и военной исторіи, то вообще трудности при оцѣнкѣ характера Юліана и доселѣ продолжаютъ имѣть свое мѣсто. Оказывается, однако, что и языческіе источники отличаются въ значительной степени односторонностью. Именно, извѣстія Либанія, Амміана Марцеллина и Зосимы основываются, главнымъ образомъ, на дневникѣ Юліана и на его письмахъ и мелкихъ сочиненіяхъ. А эти послѣднія не только слишкомъ субъективны, часто пристрастны и пропитаны духомъ полемики, но и прямо противорѣчивы. Такъ, при оцѣнкѣ политики императора Констанція, Юліанъ совершенно не то говоритъ въ своихъ похвальныхъ словахъ, что въ письмѣ къ аѳинянамъ, а эта разница зависитъ оттого, что похвала написана при жизни Констанція, а порицаніе по смерти.

Тѣмъ не менѣе, посредствомъ внимательнаго изученія источниковъ и сопоставленія между собой извѣстій разныхъ писателей, до извѣстной степени удалось вникнуть въ процессъ развитія идей Юліана и въ его душевное настроеніе. И можно утвердительно сказать, что чѣмъ лучше и полнѣе освѣщается матеріалъ, тѣмъ болѣе выигрываетъ характеръ Юліана. Можно признать, что оба его пред-

пріятія: и попытка возстановить падающее язычество, и персидскій походъ—были построены на ложныхъ основаніяхъ и обусловливались мечтательными взглядами Юліана на свою миссію и провиденціальное призваніе въ жизни. Онъ глубоко вѣрилъ и въ свое назначеніе покорить весь міръ, и въ свою миссію возстановить почитаніе языческихъ боговъ и возвратить міръ къ изящнымъ формамъ. Хотя реальная дѣйствительность, не соотвѣтствовала его фантастическимъ представленіямъ, но онъ честно и убѣжденно шелъ къ рѣшенію задачъ, которыя считалъ для себя обязательными. Указанный трагизмъ положенія объясняетъ тотъ не ослабѣвающій интересъ, съ которымъ историки обращаются ко времени Юліана. Прибавимъ къ этому скромный, почти аскетическій родъ жизни, цѣлыя ночи, проведенныя безъ сна въ ученыхъ или административныхъ занятіяхъ, строгое выполнение обязанностей культа, ежедневныя утромъ и вечеромъ жертвы на домашнемъ алтарѣ, часто кроткое перенесеніе обидъ и оскорбленій, наносимыхъ ему лично, — развѣ не должны эти качества привлекать симпатіи къ Юліану?

Религіозный переворотъ въ Юліанѣ не есть случайный и неожиданно совершившійся фактъ, — нѣтъ, онъ подготовлялся постепенно и выработался въ опредѣленное и сознательное убѣжденіе подъ вліяніемъ обстановки, обученія, школы и профессоровъ, которыхъ онъ слушалъ. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что Юліанъ получилъ греческое—эллинистическое образованіе, латинскій языкъ и литературу онъ мало зналъ, писалъ же исключительно на греческомъ. Можетъ-быть, этимъ частью объясняется малый успѣхъ его декретовъ и распоряженій. Юліана мало знали на Западѣ какъ религіознаго реформатора. Онъ вполне преклонялся передъ эллинскими понятіями и вѣрованіями и съ дѣтства зачитывался Гомеромъ и Гесіодомъ, любовь къ коимъ внушилъ ему его воспитатель Мардоній. Еще мальчикомъ онъ увлекался естественными явленіями природы: солнце и звѣзды приковывали къ себѣ его вниманіе какъ живыя, вѣчныя и обнаруживающія вліяніе на человека силы. Но страшная фигура Констанція — убійцы его отца и брата и ближайшихъ родственниковъ, и шпіоны, которыми Юліанъ былъ окруженъ, держали его въ постоянномъ страхѣ и не позволяли свободно развиваться его склонностямъ. Онъ долженъ былъ исполнять христіанскіе обряды, ходилъ въ церковь, читалъ священныя книги и даже былъ нѣкоторое

время въ должности церковнаго чтеца. Юліанъ имѣлъ уже около 20 лѣтъ, когда въ 350 г., по случаю назначенія Галла цесаремъ, и ему была предоставлена нѣкоторая доля свободы. Находясь въ Константинополѣ и затѣмъ въ Никомидіи, Юліанъ, вообще имѣвшій особенную склонность къ книжнымъ занятіямъ, съ особеннымъ усердіемъ слушалъ уроки риторики и философіи. Несомнѣнно, наибольшее вліяніе оказали на него лекціи ратора Либанія, краснорѣчиваго и талантливаго оратора и убѣжденнаго приверженца старой вѣры. Съ Либаніемъ императоръ соединенъ былъ самыми тѣсными узами дружбы, и самая лучшая характеристика Юліана принадлежитъ Либанію ¹⁾. Но кореннымъ образомъ міровоззрѣніе Юліана измѣнилось подъ вліяніемъ философскихъ системъ, въ которыя онъ былъ посвященъ своими учителями. Въ Никомидіи, Пергамѣ и Ефесѣ Юліанъ ознакомленъ былъ съ неоплатоновской философіей. Здѣсь онъ слушалъ знаменитыхъ тогда философовъ и особенно подвергся вліянію Эдесія, ученика Ямвлиха, и Максима, который произвелъ глубокое вліяніе на Юліана, введя его въ теургію и волшебство, т.-е. ознакомивъ его съ наукой о тайныхъ обрядахъ (*σύμβολα, συνθήματα*), которыми можно вызывать духовъ. Это считалось высшимъ знаніемъ и вѣнцомъ философскаго образованія. Взглядъ на душу какъ элементъ божественнаго происхожденія, который постоянно стремится освободиться отъ тѣла, какъ изъ темницы, и соединиться съ божественнымъ началомъ, особенно наглядно выраженъ въ предсмертной рѣчи Юліана, передаваемой Амм. Марцеллиномъ (XXIV, 3, 15). Возможность возвыситься до созерцанія божества посредствомъ освобожденія отъ узъ матеріи привела Юліана къ мысли, что онъ дѣйствительно получаетъ внушеніе отъ боговъ, и что всѣ его поступки освящены божественной волей. Отсюда понятно, какъ мало онъ обращалъ вниманія на реальную жизнь, и какъ его настроеніе всегда было приподнятымъ. Въ его воображеніи древняя религія рисовалась въ ея прекрасныхъ аллегоріяхъ, въ поэтическихъ образахъ, роскошныхъ праздникахъ и процессіяхъ, которыя плѣняли его умъ. Христіанство было

1) Для образца приведемъ слѣдующія слова (ер. 680, Libanii R. I. 421); σῶμα μὲν ἀνθρώπου, ψυχὴ δὲ θεοῦ... τῶν θεῶν τῷ μὲν σίτον ἐσθίειν διέστηχεν, ἐν δὲ τῇ τῆς ἀρετῆς ἀσχέσει καὶ τῇ τῆς ψυχῆς ἐπιμελείᾳ πλησίον αὐτῶν ἐστίν. То-есть: по тѣлу онъ былъ человѣкъ, а по духу богъ... отъ боговъ только тѣмъ отличался, что вкушалъ пищу, а по упражненіямъ въ добродѣтели и по душевнымъ свойствамъ онъ къ нимъ приближался.

въ его глазахъ вѣрой невѣжественныхъ людей, религіей мертвецовъ и гробовъ. Онъ часто выражалъ ту мысль, что языческая вѣра воспитываетъ героевъ, а христіанская только рабовъ.

Становясь все увѣреннѣе въ себѣ и понимая, что никакой миръ съ Констанціемъ для него невозможенъ, Юліанъ послалъ въ сенатъ рѣзкую и обличительную рѣчь противъ него, въ которой поносилъ его и раскрывалъ его недостатки. Когда Тертуллъ, бывшій въ ту пору префектомъ города, читалъ ее въ куріи, высшая знать выразила свое благородство вѣрнымъ и благожелательнымъ отношеніемъ къ императору. Раздался общій единодушный возгласъ: „auctori tuo reverentiam rogatus“, то-есть, „предлагаемъ съ уваженіемъ говорить о своемъ благодѣтелѣ“¹⁾.

Нельзя не обратить вниманія и на то обстоятельство, что христіанское общество и христіанскія учрежденія далеко не имѣли въ глазахъ Юліана той обаятельной силы, какъ язычество. Прежде всего христіане находились между собой въ ожесточенной борьбѣ изъ-за религіозныхъ разномысліи. Историкъ Аммианъ Марцеллинъ (XXII, 5) говоритъ, что и дикіе звѣри не проявляютъ такой ярости къ людямъ, какъ большинство христіанъ въ своихъ разномысліяхъ. Независимо отъ того, христіанская община заключала въ себѣ далеко не лучшихъ людей того времени. Когда христіанство стало господствующей религіей, многіе находили выгоднымъ принимать христіанство не по убѣжденію, а изъ интереса. Говоря о распущенныхъ нравахъ тогдашняго высшаго общества, Амм. Марцеллинъ²⁾ отмѣчаетъ одну черту, которая особенно была распространена въ тогдашнее переходное время и весьма невыгодно рисовала вновь обращенныхъ. Одни изъ нихъ живились грабежомъ языческихъ храмовъ и, пользуясь каждымъ случаемъ, гдѣ можно было что-нибудь пріобрѣсти, поднялись изъ крайней бѣдности до колоссальнаго богатства. Отсюда пошло начало распущенной жизни, клятвopеступленій, равнодушіе къ общественному мнѣнію, дикое обжорство пировъ, широкое употребленіе шелка, развитіе ткацкаго искусства и особенная забота о кухнѣ.—Несомнѣнно этими чертами характеризуется тогдашнее высшее общество, и аскетически настроенный Юліанъ не могъ разобратъся, что здѣсь представляло исключеніе, и что входило въ общее настроеніе.

¹⁾ Ammiani Marcellini, XXI, 10, 7.

²⁾ XXXII, 4, 3.

Такимъ путемъ можно до извѣстной степени объяснить процессъ отчужденія Юліана отъ христіанства и усвоенія языческаго міровоззрѣнія. Полная языческая система Юліана могла проявиться лишь послѣ смерти Констанція. Въ одномъ письмѣ, относящемся ко времени движенія его изъ Галліи къ Константинополю, онъ говоритъ, что войско приняло языческой культъ, и что открыто и публично приносятся жертвы богамъ.

Посмотримъ, какія мѣры принялъ Юліанъ для проведенія своей системы.

Разсматривая церковную политику Юліана въ краткій періодъ его управленія имперіей, мы должны прежде всего отмѣтить, что всѣ его распоряженія по возстановленію язычества касаются Востока и не затронули западныхъ провинцій, т.-е. проникнуты эллинистической тенденціей, и что всѣ его письма, указы и эдикты, касающіеся христіанства, будучи изданы въ краткій полуторагодовой срокъ, не могли имѣть строгаго систематическаго примѣненія, вызвавъ лишь смуты и волненія и показавъ недостаточность основаній для предполагавшейся реформы. Сравнивая между собой относящіеся сюда матеріалы, мы не замѣчаемъ въ нихъ ни единства руководящихъ идей, ни строгой послѣдовательности и систематичности; напротивъ, усматриваемъ настроеніе нервнаго челоуѣка, подчиняющагося внушеніямъ минуты. Онъ выступаетъ сначала со всѣми признаками терпимости по отношенію къ христіанамъ: „пустъ—говорилъ онъ—галилеяне вѣруютъ въ своихъ мертвецовъ, мы не будемъ силой привлекать ихъ къ культу боговъ“. Будучи самъ убѣжденнымъ язычникомъ и вѣря въ превосходство культа боговъ, онъ открыто сталъ во главѣ этого культа, объявивъ себя, однако, толерантнымъ и въ отношеніи христіанства и ожидая, что Востокъ пойдетъ за нимъ къ древней отеческой вѣрѣ. Замѣчая, что не оказывается того общаго увлеченія язычествомъ, на какое онъ надѣялся, Юліанъ пользуется всякимъ случаемъ дать понять христіанамъ, что онъ считаетъ галилейскую вѣру неправой и видитъ въ ней вредное заблужденіе, язычеству же отдаетъ предпочтеніе какъ единственно разумной и для государственнаго блага полезной религіи. Затѣмъ, какъ-будто забывши всѣ заявленія о толерантности, императоръ началъ преслѣдовать христіанство, обнаруживая крайнюю раздражительность и нетерпимость по отношенію къ борцамъ за вѣру, и въ то же время дѣлаетъ попытку дать преобладаніе языческому культу

и реорганизовать государство на языческих основахъ. Въ этомъ смыслѣ Юліанъ не останавливался и передъ такими фактами насилія, какія допускались лишь во времена тяжкихъ гоненій, напр., конфискація имущества въ пользу языческихъ храмовъ, преслѣдованіе вождей христіанскихъ, обѣщаніе государственной помощи подъ условіемъ принятія языческаго культа и, наконецъ, законодательное воспрещеніе христіанскимъ профессорамъ преподаванія въ школахъ (указъ 17 іюня 362 г.). Можно думать, что на томъ пути, на какой вступалъ Юліанъ въ концѣ своей жизни, христіанство и язычество неизбѣжно должны были дойти до кроваваго столкновенія, и естественная эволюція, неизбѣжно направлявшаяся къ торжеству христіанскихъ идей, могла бы встрѣтить значительныя препятствія.

Несомнѣнно то, что Юліанъ не замѣтилъ въ христіанствѣ его лучшихъ началъ и не оцѣнилъ того, что въ язычествѣ не было болѣе того живого духа, который могъ бы состязаться съ христіанствомъ. Эта мысль прекрасно выражена у одного византійскаго писателя¹⁾. Будто бы Юліанъ послалъ разъ своего учителя и врача Оривасія въ Дельфы возстановить храмъ Дельфійскаго Аполлона. Оривасій, приступивъ къ исполненію возложеннаго на него порученія, получилъ слѣдующій оракулъ, чрезвычайно хорошо рисующій настроеніе умовъ по отношенію къ языческой вѣрѣ: „скажите царю, что прекрасный дворець разрушенъ, что Аполлонъ не имѣетъ болѣе ни святилища, ни вѣщаго лавра, ни говорящаго источника, что замолкла журчащая вода“²⁾.

Оракулъ могъ бы быть истолкованъ въ томъ смыслѣ, что никакими человѣческими силами нельзя поднять уже сыгравшее свою роль язычество, что народились новыя условія для новой религіи, и что будущее принадлежитъ тому, кто пойметъ новыя условія и не будетъ пренебрегать ими. Между тѣмъ Юліанъ, укорявшій христіанъ въ приверженности къ культу гробницъ мертвыхъ, не замѣтилъ того, что не христіане, а онъ самъ стоитъ на ложномъ пути, стараясь воскресить хотя изящный, но уже потерявшій жизненность и для большинства утратившій привлекательность языческій культъ.

1) Cedreni, I. p. 532 Bonn.

2) Ibid. εἶπατε τῷ βασιλεῖ· χαμαὶ πέσε δαίδαλος ἀλλά· οὐκέτι Φοῖβος ἔχει καλόβαν, οὐ μάντιδα δάφνην, οὐ παγὰν λαλέουσαν· ἀπέσβετο καὶ λάλον ὕδωρ.

Въ окружающей Юліана обстановкѣ, конечно, были достаточные элементы, вооружавшіе его противъ христіанъ. Но мы должны здѣсь подчеркнуть, что и среди христіанъ, даже между высшими представителями клира, находились такіе, которые легко мирились съ языческими воззрѣніями, и для которыхъ были безразличны какъ языческія вѣрованія въ боговъ, такъ и христіанская вѣра въ мучениковъ. Лучшимъ примѣромъ служитъ письмо Юліана, гдѣ говорится о троадскомъ епископѣ Пигасіи, перешедшемъ въ язычество и получившемъ въ языческой религіи жреческій санъ ¹⁾. Мы приведемъ этотъ документъ, прекрасно рисующій тогдашнія настроенія.

„Съ Пигасіемъ мы едва ли бы вступили въ сношенія, если бы не знали, что и прежде, будучи епископомъ галилеянь, онъ почиталъ боговъ. Приглашенный явиться къ блаженному царю Констанцію, я держалъ путь черезъ эти мѣста и разъ раннимъ утромъ изъ Троады пошелъ въ Трою черезъ агору. Епископъ встрѣтилъ меня и, когда я пожелалъ осмотрѣть памятники города (*καὶ βουλευμένῳ τὴν πόλιν ἱστορεῖν*)—а это былъ у меня предлогъ для посѣщенія священныхъ храмовъ — предложилъ себя въ проводники и повелъ меня повсюду. Слушай же дѣла и слова, по которымъ всякій пойметъ, что онъ былъ не чуждъ почитанія боговъ. Тамъ есть святилище Гектора, гдѣ стояла мѣдная статуя въ маленькомъ храмѣ, при немъ подъ открытымъ небомъ стояло изображеніе великаго Ахилла. Ты помнишь мѣсто и знаешь, о чемъ я говорю. Замѣтивъ, что жертвенники еще хранятъ слѣды жертвоприношеній, и что статуя Гектора обильно полита благовоніями, я обращаюсь къ Пигасію съ вопросомъ: „Что это? развѣ троянцы приносятъ жертвы?“ — „Что же дурного, отвѣтилъ онъ, если они почитаютъ хорошаго человѣка и своего согражданина, какъ и мы кланяемся своимъ мученикамъ“.— „Пойдемъ, сказалъ я, къ святилищу Аѳины троянской“. Онъ очень охотно повелъ меня и открылъ храмъ и, какъ бы рисуясь, съ полнымъ вниманіемъ показалъ мнѣ сохранившіяся статуи, при чемъ не позволилъ себѣ ничего такого, что обычно дѣлаютъ въ такихъ случаяхъ эти нечестивцы:

Рис. 11. Монета Иліона съ изображеніемъ статуи Гектора.

¹⁾ Juliani Imp. ep. 78 (II. 603, ed. Teubn.).

не дѣлалъ знаменія на нечестивомъ челѣ и не шепталъ про себя, какъ они. Ибо высшая степень богословствованія у нихъ заключается въ этихъ двухъ вещахъ: шипѣть противъ демоновъ и дѣлать на челѣ крестное знаменіе. Затѣмъ онъ пошелъ со мной до Ахиллія (до жертвенника Ахилла) и показалъ гробницу его, вполне сохранившуюся. Былъ слухъ, что она была раскопана имъ, но онъ подходилъ къ ней съ большимъ благоговѣніемъ,—это я самъ видѣлъ. Я слышалъ отъ тѣхъ, которые нынѣ весьма къ нему враждебно настроены, что тайно онъ воздавалъ поклоненіе солнцу. Ужели ты не повѣришь моему свидѣтельству, и развѣ я назначилъ бы Пигасія жрецомъ, если бы онъ содѣлалъ что нечестивое противъ боговъ? Если могло случиться, что онъ или изъ честолюбія, или—что часто говорилъ намъ—съ цѣлью спасти жертвенники боговъ, покрывалъ ихъ рубищами и притворно принималъ на себя безбожное званіе, то несомнѣнно онъ никогда и нигдѣ не позволилъ себѣ поруганія святыни... По моему мнѣнію, не его только, но и другихъ, переходящихъ къ намъ, слѣдуетъ принимать съ честью, дабы одни охотнѣй слѣдовали нашимъ призывамъ, другіе же менѣе находили поводовъ къ злорадству“...

Открыто приверженцемъ старой языческой религіи Юліанъ выступаетъ послѣ провозглашенія его императоромъ. Находясь на пути къ Константинополю лѣтомъ 361 г., онъ писалъ, между прочимъ, своему другу философу Максиму: „Мы служимъ богамъ открыто, сопутствующее мнѣ войско предано ихъ культу¹⁾. Мы публично приносимъ въ жертву быковъ и многими гекатомбами воздаемъ богамъ благодарность“. Любопытно небольшое замѣчаніе въ концѣ того же письма къ характеристикѣ Юліана: „Боги повелѣваютъ мнѣ во всемъ наблюдать по возможности святость, и я охотно повинуюсь имъ“. Личная чистота и до аскетизма доходящая воздержность и нравственная дисциплина—это было всегдашнимъ правиломъ Юліана, отъ котораго онъ не отступалъ. Онъ не только титуловался pontifex maximus, но и старался на самомъ дѣлѣ стать во главѣ культа. Ежедневно утромъ и вечеромъ онъ совершалъ жертвы солнцу и, чтобы никогда не лишать себя этого, приказалъ устроить жертвенникъ въ самомъ дворцѣ (рис. 12). Гдѣ бы онъ ни находился, прежде всего

¹⁾ Juliani ep. 38.

Рис. 12. Эпизоды изъ жизни императора Юліана, миниатюры парижской рукописи Весѣды Григорія Богослова (cod. Paris gr. 510, fol. 374 v.).

наблюдалъ праздничные дни языческаго календаря и былъ крайне недоволенъ, если при храмахъ не находилъ торжественной службы и богатыхъ жертвоприношеній. Любилъ самъ носить дрова къ жертвеннику, подводить жертвенное животное къ алтарю, изучать внутренности и по нимъ узнавать волю боговъ. И все это не было формой, а глубокимъ убѣжденіемъ, которое, впрочемъ, находили слишкомъ неумѣстнымъ даже близкіе къ нему люди¹⁾.

По мысли Юліана имперія должна была быть раздѣлена въ церковномъ отношеніи на болѣе или менѣе обширныя области, подчиненныя верховнымъ жрецамъ или архіереямъ. Сохранилось нѣсколько законоположеній этого рода и писемъ императора, которыя характеризуютъ его церковную политику.

Входя во всѣ подробности культа, какъ подлинный pontifex maximus, Юліанъ такъ рисуетъ идеальнаго жреца: онъ долженъ беречься не только постыдныхъ дѣлъ, но и остерегаться непристойныхъ словъ. Жрецу Юліанъ запрещаетъ читать Архилоха, Иппократа и избѣгать древнихъ комиковъ. Въмѣсто того ему слѣдуетъ изучать гимны боговъ, заниматься благотворительными дѣлами, чѣмъ такъ искусно пользуются нечестивые галилеи, агапами привлекая въ свою секту неопытныхъ. Въ особенности широко нарисована его религіозная политика въ письмѣ къ верховному жрецу Галатіи, по имени Арсакію, составленномъ въ 362—3 г.²⁾

„Эллинизмъ еще не дѣлаетъ тѣхъ успѣховъ, какихъ мы желали, изъ-за небрежности нашей. Боги посылаютъ намъ прекрасныя блага выше нашихъ желаній и надеждъ. Ибо кто прежде могъ мечтать о такой громадной перемѣнѣ? Зачѣмъ же мы остановились на мысли, что этого достаточно, и не подумаемъ о томъ, какія средства способствовали успѣху нечестивой вѣры (*τὴν ἀθεότητα*): благотворительность къ чужестранцамъ, попеченіе о гробахъ мертвецовъ и притворная чистота жизни. Каждую изъ этихъ добродѣтелей намъ слѣдуетъ осуществлять съ особымъ вниманіемъ; и не тебѣ только одному слѣдуетъ быть таковымъ, но и всѣмъ жрецамъ Галатіи. Стыдомъ или убѣжденіемъ побуждай ихъ къ добродѣтели, иначе лишай ихъ священныхъ должностей, если они съ женами и дѣтьми и служителями не служатъ примѣромъ богопочтенія, и если не

1) Superstitiosus magis quam sacrorum legitimus observator (Amm. Marc. XXV, 4, 17).

2) Epist. 49.

удерживаютъ своихъ служителей, дѣтей и женъ отъ нечестія по отношенію къ богамъ и предпочтенія галилейской вѣры эллинству. Наблюдай, чтобы жрецы не посѣщали театра, не ходили въ питейные дома и не участвовали въ какомъ предпріятіи или занятіи низкомъ и постыдномъ. Кто будетъ исполнять требованія, поощрай; ослушниковъ же гони съ мѣстъ.

„Въ каждомъ городѣ устрой достаточное число страннопріимныхъ домовъ, чтобы чужеземцы воспользовались нашимъ гостепріимствомъ, и не только тѣ, которые принадлежатъ къ нашей вѣрѣ, но всѣ, кто нуждается въ помощи. Мною приняты мѣры относительно средствъ къ содержанію. Ежегодно на всю Галатію будетъ отпускаться 30000 модіевъ жита и 60000 ксестовъ вина; пятая доля изъ этого назначается для бѣдныхъ и для служащихъ при жрецахъ, остальное въ пользу иностранцевъ и нуждающихся. Ибо стыдно подумать, что между іудеями нѣтъ нуждающихся, и что нечестивые галилеи содержатъ и своихъ, и нашихъ, а наши оказываются лишенными помощи отъ своихъ. Внушай приверженцамъ эллинизма вносить свою долю на эту общественную потребность и приучай эллинскія поселенія приносить въ пользу боговъ начатки плодовъ и старайся, чтобы всѣ эллинствующіе учились благотворительности, объясняя имъ, что къ этому издавна направлены мои заботы. Не ходи часто въ домъ правителей области, чаще снопись съ ними письменно. При посѣщеніи ими города никто изъ жрецовъ не выходитъ навстрѣчу, но когда они входятъ во храмъ, встрѣча бываетъ въ притворѣ. Ни одинъ воинъ не можетъ войти съ ними внутрь храма. Какъ скоро кто вошелъ въ священную ограду, становится частнымъ лицомъ. Ты одинъ имѣешь власть въ храмѣ,—таковъ божественный законъ. Я готовъ помочь жителямъ Пессинунта, если они умолятъ мать боговъ. Не оказывая ей почтенія, они не только заслуживаютъ порицанія, но и нашего нерасположенія. Итакъ, сообщи имъ, что если они желаютъ отъ меня милости, то должны всенародно поклониться матери боговъ“.

Таково же еще письмо архіерею Θεодору ¹⁾, назначенному главнымъ жрецомъ въ Азіи.

„Я хочу поручить тебѣ дѣло и мнѣ дорогое, и для всѣхъ весьма

¹⁾ Epist. 63.

важное, именно—главное начальство по всѣмъ религіознымъ учрежденіямъ въ Азіи, епископскую власть надъ жрецами въ каждомъ городѣ и право суда надъ ними. Первое качество, какое требуется въ этомъ положеніи, это — мягкость, доброта и челоуѣколюбіе по отношенію къ достойнымъ“... Въ этомъ письмѣ важно мѣсто, гдѣ говорится о противоположности язычества и христіанства. „Замѣчая, что божественные законы со временемъ пришли въ пренебреженіе и въ уничтоженіе вслѣдствіе возобладанія богатства и роскоши, я пришелъ къ убѣжденію, что слѣдуетъ озаботиться возстановленіемъ ихъ съ самага основанія. Видя господствующую у насъ холодность по отношенію къ религіи, я глубоко страдалъ при размышленіи объ этомъ. Въ то время какъ приверженцы ложныхъ ученій оказываются такъ ревностными, что готовы пожертвовать за свою вѣру жизнью, выносить всякую нужду и голодь, лишь бы не вкусить отъ свинины или отъ удавленины, мы же оказываемъ такую холодность къ богамъ, что совсѣмъ забыли отеческіе законы“...

Юліанъ вскорѣ замѣтилъ, что возвращеніе къ паганизму идетъ не такъ быстро, какъ онъ разсчитывалъ, и какъ увѣряли его друзья. Даже въ глухихъ мѣстахъ, напр. въ Каппадокіи, гдѣ язычество казалось всего менѣе затронуто было новыми идеями, Юліанъ нашель много христіанъ. „Умоляю Зевсомъ“, пишетъ онъ къ философу Аристоксену ¹⁾, „приходи къ намъ въ Тіану и укажи намъ въ Каппадокіи настоящаго эллина (т.-е. язычника). Доселѣ я вижу только несогласныхъ приносить жертвы богамъ и немногихъ желающихъ, но которые не умѣютъ взяться за дѣло“.—То же малое одушевленіе по поводу открытія языческихъ храмовъ встрѣтилъ онъ въ большихъ городахъ, на примѣръ: въ Антіохіи и Александріи. До нѣкоторой степени онъ могъ еще питать надежду на то, что обширная организація благотворительности по образцу христіанскихъ общинъ и государственная помощь, оказываемая преимущественно передъ христіанами язычникамъ, помогутъ торжеству его плана, но вскорѣ онъ долженъ былъ убѣдиться, что на сторонѣ христіанъ болѣе твердости, самопожертвованія, готовности переносить всяческія лишенія, а на сторонѣ приверженцевъ языческаго культа—холодность, равнодушіе и недостатокъ одушевленія.

1) Epist. 4.

Трагизмъ въ дѣятельности Юліана и начинается съ той поры, когда онъ понялъ, что ему придется встрѣтить на пути къ осуществленію своей задачи непредвидѣнныя препятствія. Сознаніе этихъ трудностей раздражало его и лишало равновѣсія, онъ забывалъ тогда основное правило своей религіозной политики: не насиловать убѣжденія и не идти противъ справедливости, и позволялъ себѣ такія мѣры, которыя характеризуютъ религіозный фанатизмъ и крайнюю нетерпимость къ тѣмъ, кто держится иныхъ убѣжденій. Предполагая—и не безъ основанія,—что въ христіанскомъ клирѣ находится главное препятствіе для торжества его задушевной идеи, Юліанъ не щадилъ средствъ, чтобы унижить наиболѣе популярныхъ епископовъ (Аѳанасій, Титъ изъ Бостры), объясняя ихъ твердость лишь низменными эгоистическими побужденіями.

Наиболѣе яркимъ выраженіемъ его раздраженія служить письмо къ жителямъ Бостры ¹⁾ отъ 1 августа 362 г., гдѣ повелѣвается изгнать ихъ епископа.

„Мнѣ бы казалось, что представители галилейской религіи должны питать ко мнѣ больше благодарности, чѣмъ къ моему предшественнику. Ибо при немъ многіе изъ нихъ подвергались изгнанію, преслѣдованію и темничному заключенію и даже множество такъ называемыхъ еретиковъ было погублено, именно въ Самосатѣ, Кизикѣ, Пафлагоніи, Виѳиніи и Галатіи и во многихъ другихъ областяхъ до основанія разрушены цѣлыя деревни. Въ мое же царствованіе напротивъ: изгнанные возвращены изъ ссылки, лишеныя имущества получили все свое назадъ по нашему закону. И, тѣмъ не менѣе, они доходятъ до такого бѣшенства и безумія, что въ раздраженіи пользуются всевозможными средствами, чтобы производить смуту въ народѣ, противясь богамъ и не повинуюсь нашимъ челоувѣколюбивымъ законамъ. Мы не позволяемъ никого изъ нихъ противъ воли приводить къ жертвенникамъ и провозглашаемъ громко, что кто желаетъ участвовать съ нами въ омовеніяхъ и жертвахъ, долженъ сперва принести очистительную и умиловительную жертву богамъ. Народъ, обольщаемый клириками, волнуется. Ибо тѣ, которые господствовали доселѣ, ... упорно отстаиваютъ прежнія права: право суда, писанія завѣщаній, присвоенія чужихъ наслѣдствъ и

¹⁾ Epist. 52.

для удержанія за собой всего они пользуются всѣми мѣрами, чтобы волновать народъ и доводить его до возмущенія. Посему мы постановили объявить всѣмъ димама посредствомъ настоящаго приказа, чтобы они не дѣлали смуть по внушенію клириковъ и не оказывали неповиновенія властямъ. Мы позволяемъ имъ дѣлать собранія и совершать обычныя молитвы.

„Настоящій указъ мы посылаемъ спеціально городу Бострѣ, такъ какъ епископъ Титъ и клирики въ своемъ докладѣ возводятъ обвиненія на народъ въ неповиновеніи клиру и въ возмущеніи. Вотъ относящееся сюда мѣсто въ докладѣ: „Хотя христіанъ было столько же, какъ и эллинствующихъ, но, подчиняясь нашимъ увѣщаніямъ, никто не нарушилъ порядка“. Таковы слова о васъ вашего епископа. Смотрите, не вашему доброму расположенію онъ приписываетъ вашу порядочность, но какъ бы противъ воли, говоритъ онъ, вы сдержаны были его увѣщаніями. Гоните же его изъ города, какъ вашего обвинителя, и будьте между собой въ единеніи. Ни тѣ, которые находятся въ заблужденіи, да не нападаютъ на дома и не грабятъ тѣхъ, кто правильно и благочестиво служитъ богамъ по исконнымъ обычаямъ, ни истинные почитатели боговъ да не вредятъ тѣмъ, которые находятся въ заблужденіи скорѣй по невѣдѣнію, чѣмъ сознательно. Нужно убѣждать людей словомъ и поученіемъ, а не бичами и не обидами и не тѣлесными наказаніями. И снова, и снова я рекомендую приверженцамъ истиннаго богопочитанія не наносить никакой обиды народу галилеевъ и не позволять себѣ по отношенію къ нимъ ни насилій, ни оскорбленій. Слѣдуетъ болѣе жалѣть, чѣмъ ненавидѣть людей, ошибающихся въ дѣлахъ величайшей важности. Величайшее изъ благъ—это, конечно, богопочтеніе, и, напротивъ, нечестіе есть величайшее изъ золъ. Достаточному они себя подвергаютъ наказанію уже тѣмъ, что, отвращаясь отъ боговъ, ищутъ помощи у труповъ мертвецовъ“.

Выраженные здѣсь разсужденія о томъ, что не слѣдуетъ наносить ни обиды, ни оскорбленій народу изъ-за приверженности его къ галилейской сектѣ, и что слѣдуетъ убѣждать людей, а не побуждать тѣлесными наказаніями, стоятъ въ совершенномъ противорѣчій съ тѣмъ, что сказано Юліаномъ выше относительно епископа Тита: гоните его изъ города, какъ вашего обвинителя. Точно въ такой же степени жестоки распоряженія Юліана относительно Аеа-

насія александрійскаго, самое имя котораго императоръ не можетъ хладнокровно произнести. Въ 362 г. ¹⁾ Юліанъ писалъ губернатору Египта: „Ты еще могъ бы не извѣщать меня о другихъ вещахъ, но никакъ уже не умолчать объ извѣстномъ противникѣ боговъ Аѳанасіи, такъ какъ тебѣ давно уже извѣстны наши объ этомъ рѣшенія. Клянусь Сераписомъ, если до декабря этотъ безбожникъ не будетъ высланъ изъ Александріи или даже совсѣмъ изъ Египта, то я наложу на твое вѣдомство штрафъ въ 100 литръ золота. Ничѣмъ не можешь доставить мнѣ больше удовольствія, какъ изгнавъ изъ египетскихъ предѣловъ Аѳанасія, этого сквернавца, который въ мое время смѣетъ совершать крещеніе надъ знатными женщинами“!

По тому же поводу отправленъ въ Александрію слѣдующій указъ ²⁾: „Мы разрѣшили галилеянамъ, подвергшимся изгнанію при блаженномъ Констанціи, не возвращеніе въ церкви ихъ, а лишь доступъ въ отечественный городъ. Между тѣмъ, мнѣ стало извѣстно, что дерзкій Аѳанасій со свойственной ему наглостью завладѣлъ вновь епископскимъ трономъ къ большому неудовольствію благочестиваго александрійскаго народа. Вслѣдствіе чего приказываемъ ему оставить городъ въ тотъ же день, какъ будетъ полученъ настоящій указъ. Если же онъ останется въ городѣ, то его постигнетъ жесточайшее наказаніе“. Въ этихъ послѣднихъ распоряженіяхъ чувствами Юліана, конечно, управляла уже страсть, въ данномъ случаѣ онъ былъ далекъ отъ справедливости и становился злымъ и жестокимъ. Когда христіане жаловались на несправедливый судъ и конфискаціи имущества, онъ отвѣчалъ: „Въ вашемъ законѣ говорится: кто захочетъ взять у тебя рубашку, отдай ему верхнюю одежду; безъ имущества вамъ легче идти въ царство небесное“. Христіане жаловались на устраненіе ихъ отъ начальственныхъ должностей, а императоръ съ насмѣшкой говорилъ: „Законъ запрещаетъ вамъ употребленіе меча, вамъ слѣдуетъ сносить несправедливости, чтобы угодить богу“! Изъ презрѣнія къ христіанамъ онъ оказывалъ покровительство евреямъ. Какъ общая мѣра противъ христіанъ, возбудившая упрекъ Юліану даже среди его почитателей и глубоко затронувшая интересы христіанъ, долженъ быть признанъ эдиктъ, коимъ воспрещалось христіанскимъ профессорамъ препода-

1) Ер. 6.

2) Ер. 26.

ваніе въ школахъ. Амміанъ Марцеллинъ (XXII, 10, 7.) говоритъ объ этомъ: „Жестокой мѣрой и достойной вѣчнаго забвенія было то, что онъ запретилъ учительскую дѣятельность риторамъ и грамматикамъ христіанскаго исповѣданія“ (еще XXV, 4, 19—20).

Вотъ какъ резонерствуетъ Юліанъ по отношенію къ мотивамъ этого распоряженія ¹⁾. „Правильное преподаваніе заключается не въ складной рѣчи и красивыхъ словахъ, а въ томъ, чтобы учитель обладалъ здравымъ расположеніемъ мыслей и имѣлъ вѣрныя понятія о добрѣ и злѣ, о благородныхъ и постыдныхъ вещахъ. Кто одно думаетъ, а другое внушаетъ своимъ слушателямъ, тотъ столько же погрѣшаетъ противъ педагогики, какъ и противъ честности. И если по отношенію къ незначительнымъ предметамъ выражается противорѣчіе мысли и слова, это еще терпимое зло; но кто въ важныхъ предметахъ одно мыслить, а противоположное тому внушаетъ на урокахъ, не поступаетъ ли онъ какъ плутоватый торговецъ и обманщикъ, который учитъ тому, что считаетъ дурнымъ, и привлекаетъ къ себѣ учениковъ ложнымъ восхваленіемъ того, что самъ признаетъ нехорошимъ. Итакъ, требуется, чтобы всѣ, кто берется за преподаваніе какого-либо предмета, отличались скромнымъ поведеніемъ и душевнымъ направленіемъ, согласнымъ съ общественнымъ строемъ. И преимущественно передъ всѣми, по моему мнѣнію, таковы должны быть тѣ, которые приставлены для преподаванія наукъ молодежи, и которые объясняютъ древнихъ авторовъ: риторовъ, грамматиковъ и софистовъ. Ибо они имѣютъ претензію обучать не краснорѣчію только, но и нравственности и даже тому, что они называютъ наукой о политикѣ (*τὴν πολιτικὴν φιλοσοφίαν*). Воздавая имъ похвалу за такія прекрасныя занятія, я бы еще съ большимъ чувствомъ уваженія отнесся къ нимъ, если бы они не оказались мыслящими совершенно иначе, чѣмъ преподаютъ на своихъ урокахъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ по воззрѣніямъ Гомера, Гесіода, Демосѣена, Геродота, Фукидида, Исократы и Лисія боги не являются творцами всякаго знанія? Развѣ они не считали себя жрецами одни Гермеса, другіе Музъ?—Я находилъ бы нелѣпымъ, чтобы тѣ, которые объясняютъ указанныхъ писателей, позволяли себѣ отвергать чтимыхъ ими боговъ. Я не требую, чтобы они перемѣнили свои воззрѣнія передъ

¹⁾ Epist. 42.

слушателями, но предоставляю на ихъ свободный выборъ: или не преподавать то, что не считаютъ серьезнымъ, или, если желаютъ продолжать преподаваніе, должны прежде всего собственнымъ примѣромъ убѣдить слушателей, что Гомеръ, Гесіодъ и другіе, которыхъ они толкуютъ и которыхъ обвиняютъ въ нечестіи и заблужденіи по отношенію къ богамъ, на самомъ дѣлѣ, не таковы. Если они держатся и получаютъ выгоду отъ тѣхъ сочиненій, которыя принадлежатъ тѣмъ писателямъ, то ясно, что этимъ показываютъ себя такими жадными до прибыли, что готовы на все изъ-за нѣсколькихъ драхмъ. До сихъ поръ были многія уважительныя причины не посѣщать храмовъ боговъ, и страхъ, висящій надъ всѣми головами, оправдывалъ скрытность по отношенію къ истиннымъ мыслямъ о богахъ. Поелику же боги предоставили намъ свободу, то мнѣ кажется недостойнымъ учить людей тому, что не считается здравымъ. Но если преподаватели почитаютъ мудрыми тѣхъ писателей, которыхъ они объясняютъ, пусть попытаются подражать ихъ чувствамъ къ богамъ. Если же держатся того мнѣнія, что высокочтимые боги ложны, пусть идутъ въ церкви галилеевъ объяснять Матѳея и Луку. Таковъ законъ для начальниковъ и учителей. Всякій юноша, желающій учиться, не будетъ встрѣчать препятствія. Ибо не считается разумнымъ отвлекать отъ лучшаго пути юношей, еще не сознающихъ хорошо, по какой дорогѣ идти, и вести ихъ противъ воли изъ-за страха на путь, которымъ шли отцы. Хотя было бы справедливо ихъ лѣчить противъ ихъ воли, какъ поступаютъ съ сумасшедшими, но мы даемъ снисхождение всѣмъ, находящимся въ этой болѣзни. Ибо, по моему мнѣнію, лишенныхъ разума слѣдуетъ учить, а не подвергать наказаніямъ“¹⁾).

Юліанъ весьма внимательно отнесся къ вопросу о профессорахъ въ учебныхъ заведеніяхъ и выразилъ отношеніе къ нему серьезнымъ законодательнымъ актомъ²⁾. Поднятый здѣсь вопросъ о направленіи преподавательскаго класса имѣетъ и для насъ почти современное значеніе, поэтому мы позволили себѣ сдѣлать такія большія вы-

1) καὶ γὰρ οἶμαι διδάσκειν, ἀλλ' οὐχὶ κολάζειν χρὴ τοὺς ἀνοήτους.

2) Cod. Theod. XIII, 3, 5. Magistros studiorum doctoresque excellere oportet moribus primum, deinde facundia: sed quia singulis civitatibus adesse ipse non possum, jubeo quisque docere vult non repente nec temere prosiliat ad hoc munus, sed judicio ordinis probatus decretum curialium mereatur, optimorum conspirante consensu: hoc enim decretum ad me tractandum refertur ut altiore quodam honore nostro judicio studiis civitatum accedat.

писки изъ писемъ Юліана. Закономъ, на который выше сдѣлана ссылка, онъ установилъ слѣдующее: „Магистры и доктора наукъ должны отличаться прежде всего нравами и затѣмъ краснорѣчіемъ, но какъ мы не можемъ лично быть въ каждомъ городѣ, то приказываемъ, чтобы желающій быть профессоромъ пріобрѣталъ это званіе не сразу и не самовольно, а по одобренію и постановленію и декрету куріи, каковой декретъ долженъ быть препровожденъ затѣмъ къ намъ, дабы кандидатъ допускаемъ былъ къ преподавательской дѣятельности въ городахъ по нашему распоряженію“.

Широко начитанный въ книгахъ Священнаго Писанія, онъ пользовался своими знаніями весьма искусно въ литературной борьбѣ. Въ недошедшемъ до насъ сочиненіи *κατὰ χριστιανῶν* („Противъ христіанъ“) онъ даетъ злую сатиру на нѣкоторыя мѣста Ветхаго и Новаго Завѣта ¹⁾).

Юліанъ сравниваетъ библейское ученіе о мірѣ съ языческимъ, сопоставляетъ Моисея съ Платономъ и, между прочимъ, такъ иронизируетъ надъ рассказомъ о твореніи міра. Богъ сказалъ: „Не добро быть человѣку одному, сотворимъ ему помощницу“. И, между тѣмъ, эта помощница не только ни въ чемъ ему не помогаетъ, но даже обманываетъ и становится причиной лишенія для прародителей райской жизни. Вѣроятно ли, чтобы Богъ не зналъ, что то существо, которое дано человѣку въ помощь, сдѣлается для него источникомъ бѣдствій, а не радостей?— А на какомъ языкѣ змѣй говорилъ съ Евой, и чѣмъ эта басня отличается отъ греческихъ мифовъ?— А запретъ дѣлать различіе между добромъ и зломъ— развѣ не верхъ нелѣпости? Богъ якобы запретилъ человѣку самое высшее, что составляетъ сущность и главное качество человѣка, пользованіе разумомъ. Развѣ не существенное свойство разума различать зло отъ добра“?

Не менѣе ядовито издѣвается Юліанъ надъ рассказомъ о строеніи башни и о смѣшеніи языковъ ²⁾. „Почему—говоритъ онъ—этому рассказу можно больше придавать вѣры, чѣмъ гомеровскому повѣствованію о великанахъ Алоадахъ (Отъ и Ефіалтъ), взгромоздившихъ три горы одну на другую, чтобы достигнуть неба“? Переходя къ раз-

¹⁾ Migne, „Patrol. gr.“, 76, col. 510. На него дѣлалъ возраженіе Кириллъ александрійскій: πρὸς τὰ τοῦ ἐν ἀθέαις Ἰουλιανῶ.

²⁾ Ibid., col. 708.

дорамъ въ христіанской средѣ и къ нетерпимости христіанъ къ еретикамъ, Юліанъ посылаетъ христіанамъ слѣдующій упрекъ: „Вы разрушаете храмы и алтари, вы душите не только тѣхъ, которые остаются вѣрны культу ихъ отцовъ, но и тѣхъ изъ вашей среды, которые, какъ вы говорите, заражены ересью, и которые не такъ, какъ вы, обожаютъ того мертвеца. Но ни Іисусъ, ни Павелъ вамъ не оставили на этотъ счетъ указаній, и это потому, что они не думали, что вы завладѣете такимъ могуществомъ. Они довольствовались тѣмъ, что совращали служанокъ и рабынь, а черезъ нихъ женщинъ и мужчинъ, подобныхъ Корнилію и Сергію (Дѣян. X, 13).—Покажите мнѣ, что въ царствованіе Тиберія или Клавдія къ ихъ вѣрѣ обратился хоть одинъ порядочный человѣкъ, и тогда считайте меня пошлымъ лгунишкой“.

Съ большимъ жаромъ Юліанъ вооружается противъ почитанія мучениковъ. „Вы—говоритъ онъ христіанамъ—все наполнили могилами, хотя нигдѣ нѣтъ прямого повелѣнія воздавать поклоненіе гробамъ. Вы дошли до такого развращенія, что не хотите обращать вниманіе на прямыя слова Назаря: горе вамъ, книжники и лицемерные фарисеи, вы походите на выкрашенные гробы; снаружи гробница красива, а внутри наполнена костями мертвецовъ и всяческой нечистотой. Если Іисусъ говоритъ, что гробы полны грязи, какъ можно призывать на нихъ Бога“?

Что наиболѣе казалось Юліану въ христіанствѣ противнымъ—это его мнимая враждебность культурѣ и идеаламъ современнаго языческаго общества. Христіанская община на первыхъ порахъ пополнялась, главнымъ образомъ, изъ низшихъ классовъ общества, отсюда вытекало обычное заключеніе, что христіанство несовмѣстимо съ чувствами и настроеніями высшихъ образованныхъ классовъ. Въ кругу Юліана смѣялись надъ христіанами и съ презрѣніемъ говорили: „Намъ язычникамъ принадлежитъ наука, а вамъ невѣжество и варварство“. Этой мысли удѣляетъ Юліанъ нѣсколько мѣстъ въ своемъ сочиненіи „Противъ христіанъ“. „Вы,—говоритъ,—конечно, понимаете разницу между вашимъ и нашимъ образованіемъ. Въ вашей школѣ вы никогда не сдѣлаете человѣка ни мужественнымъ, ни добродѣтельнымъ, между тѣмъ, при нашей системѣ всякій становится лучшимъ. Посмотрите на вашихъ дѣтей, которыя воспитываются на чтеніи вашихъ священныхъ книгъ. Если въ зрѣломъ возрастѣ они не будутъ рабами, сочтите меня лгуномъ и маниакомъ“.

За полгода до своей смерти, находясь въ Антиохіи (рис. 13), гдѣ дѣлались приготовленія къ персидскому походу, Юліанъ составилъ (въ февралѣ 363 г.) знаменитый свой памфлетъ *Μισολώγων* („Ненавистникъ бороды“). Въ этой сатирѣ на нравы антиохійцевъ, съ которыми вообще императоръ нерѣдко ссорился во время своего пребыванія въ Антиохіи, онъ часто возвращается къ своей внѣшности и къ своей частной жизни. Сочиненіе *Μισολώγων* представляетъ весьма важный

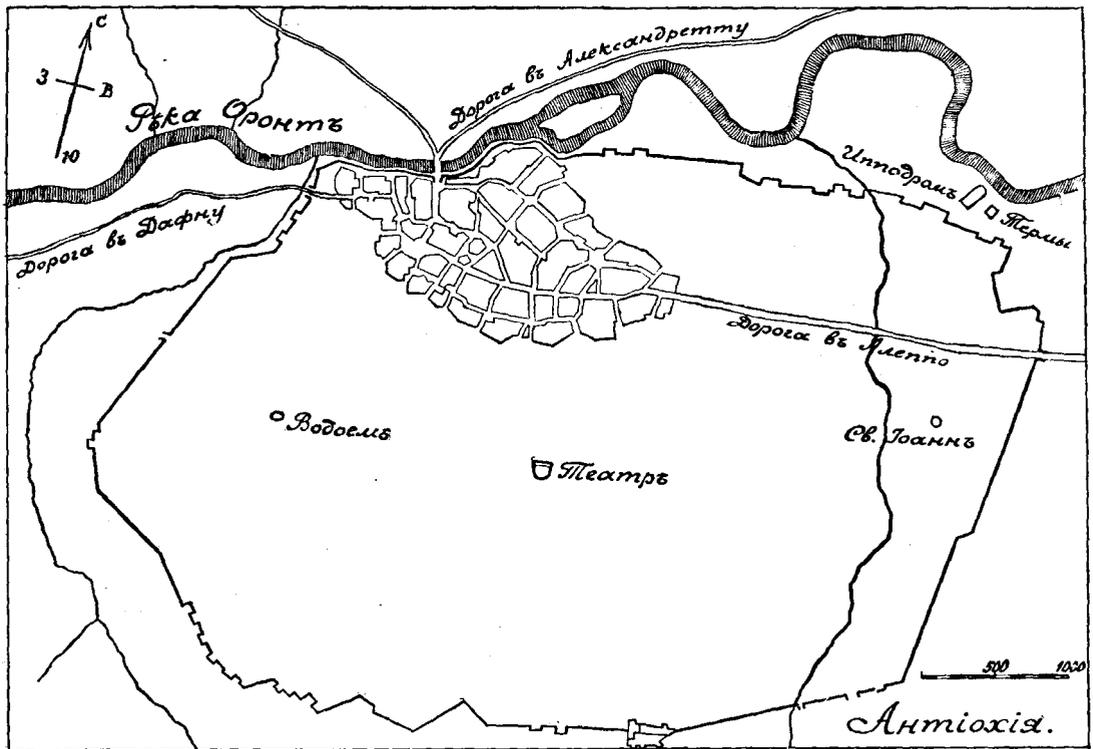

Рис. 13. Планъ Антиохіи.

памятникъ для характеристики Юліана, между прочимъ, и потому, что здѣсь императоръ отвѣчалъ на сплетни и анекдоты, распространявшіеся на его счетъ въ антиохійскомъ обществѣ и переходившіе даже въ мелкіе листки, тайно распространяемые. Поэтому названное сочиненіе заслуживаетъ того, чтобы привести изъ него нѣсколько отрывковъ.

„И хотѣлъ бы я похвалить себя, да не могу, порицать же есть безчисленные поводы, хотъ бы начать съ лица. Природа не дала мнѣ ни большой красоты, ни величественности, ни привлекательности, и я по своей нелюдимости прибавилъ еще эту большую бороду какъ бы

на зло природѣ, что она не дала мнѣ красоты. И вотъ въ ней разводится вошь, что въ лѣсу звѣри, и я испытываю то неудобство, что не могу свободно ни ѣсть, ни пить изъ опасенія захватить волосы вмѣстѣ съ пищей. На счетъ поцѣлуевъ ужъ я не жалѣю, хотя и въ этомъ случаѣ борода служитъ большой помѣхой, такъ какъ препятствуетъ плотно прижать губы къ губамъ. По вашимъ словамъ изъ моей бороды можно вить веревки: я готовъ предоставить ее въ ваше распоряженіе, если только можете ее вырвать, и если только вашимъ нѣжнымъ рукамъ не будетъ больно. Но у меня не только длинная борода, я мало ухаживаю и за головой, рѣдко стригусь и обрѣзываю ногти, и руки мои часто запачканы чернилами, а если васъ интересуетъ знать и дальше, то грудь моя покрыта густыми волосами. Будучи таковымъ по внѣшности, я не привлекателенъ и въ образѣ жизни: по моей грубости не хожу въ театръ, а по моей необразованности не допускаю во дворцѣ представленій, кромѣ нологоднихъ, да и то какъ бы внося подать немилостивому господину, ибо и находясь въ театрѣ я имѣю видъ исполняющаго долгъ. Скажу и еще болѣе странную вещь. Я не люблю цирковыхъ представленій, какъ должникъ судебного разбирательства, и рѣдко посѣщаю ихъ, только въ праздничные дни. Въ моей частной жизни я провожу безсонныя ночи на подстилкѣ изъ соломы и довольствуюсь скромной пищей, едва утоляющей голодь. Съ дѣтскихъ лѣтъ я веду войну съ моимъ желудкомъ и не позволяю ему наполняться пищей. Вслѣдствіе этого со мной рѣдко случалась рвота. Помню одинъ случай со времени назначенія моего цезаремъ ¹⁾. — Кельтская деревенщина легко мирилась съ моими нравами. Но такой цвѣтущій, счастливый и населенный городъ, какъ Антиохія, имѣетъ всѣ основанія гнѣваться на меня, ибо въ немъ много танцовщиковъ и флейтчиковъ, а актеровъ (*μῦθοι*) больше, чѣмъ гражданъ, и у всѣхъ отсутствіе всякаго уваженія къ власти. Стыдиться свойственно людямъ малодушнымъ, а такимъ храбрымъ, какъ вы, позволительно веселиться съ утра, ночью искать наслажденій и самымъ дѣломъ показывать презрѣніе къ законамъ. Въ самомъ дѣлѣ, законъ страшенъ черезъ исполнителей, такъ что кто оскорбляетъ власть, тотъ попутно нарушаетъ и законы. И вы

1) Слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ Юліанъ разъ угорѣлъ въ Лютетіи, р. 438—439 Teubn.

стараются вездѣ показать, какъ вамъ мало дѣла до закона, въ особенности, на площадяхъ и въ театрахъ...

„Попытаюсь сдѣлать нападеніе съ другой стороны. Ты любишь, говорите, посѣщать храмы, нелюдимый, грубый и злой человекъ! За тобой стремится въ священную ограду народъ и магистраты, тебя встрѣчаютъ съ шумомъ рукоплесканій, какъ въ театрѣ. Но тебѣ не угодишь и этимъ, ты обращаешься къ народу съ рѣчью и начинаешь порицать его, что онъ для молитвы не ходитъ въ храмы, а ходитъ лишь по случаю твоего прибытія и производитъ безпорядокъ въ священномъ мѣстѣ... А можно ли хладнокровно выносить то, что ты проводишь свои ночи въ одиночествѣ и не допускаешь ничего, что бы смягчило твой дикій нравъ? Худшее же то, что такая жизнь составляетъ твое удовольствіе, и что тебя забавляютъ общія проклятія. Тебѣ бы слѣдовало быть благодарнымъ къ тѣмъ, которые даютъ тебѣ хорошій совѣтъ въ летучихъ листьяхъ (*ἐν τοῖς ἀναπύστοις*): брить бороду и дѣлать все пріятное для народа, любящаго повеселиться, давать ему зрѣлища, мимовъ, плясуновъ, безстыдныхъ женщинъ, мальчиковъ по красотѣ женоподобныхъ, мужчинъ, у которыхъ выбриты не только щеки, но и все тѣло, задавать праздники, но ради бога не религіозные, ихъ такъ довольно, что хоть отбавляй...

„Прекрасно, мудрые граждане, вы забавляетесь серьезными вещами и поощряете въ этомъ другихъ. Ибо ясно, что однимъ издѣвательство доставляетъ удовольствіе, другимъ пріятно слушать. Поздравляю васъ по случаю такого согласія, въ этомъ вы составляете единое общество, ибо считаете неприличнымъ и неудобнымъ принимать серьезныя мѣры противъ безпутства вашихъ юношей. По вашему мнѣнію, отнять у людей свободу говорить и дѣлать, что имъ вздумается, значило бы посягать на самое существо свободы. Имѣя твердое убѣжденіе въ необходимости абсолютной свободы, вы прежде всего предоставили необузданную вольность вашимъ женамъ, чтобы онѣ были вамъ болѣе доступны, а затѣмъ вы имъ отдали воспитаніе вашихъ дѣтей изъ боязни, чтобы мы не наложили на нихъ очень суровую дисциплину и не обратили ихъ въ рабовъ, и не научили уважать старшихъ и почитать начальниковъ. Что же дѣлаютъ ваши жены? Онѣ привлекаютъ дѣтей къ своей вѣрѣ, полагая въ этомъ высшее счастье. Вотъ въ чемъ, мнѣ кажется, состоитъ ваше счастье: въ отрицаніи подчиненія богамъ, закону и намъ, какъ блюстителямъ

законовъ. Но съ нашей стороны было бы нелѣпостью гнѣваться на вашъ, такъ себя освободившій городъ, если сами боги не обращаютъ на него вниманія. Да будетъ вамъ извѣстно, что и боги участвуютъ съ нами въ поруганіи со стороны города.

„Вы говорите, что ни Х, ни К не сдѣлали городу никакой неправды. Хотя вашъ ребусъ трудно разгадать, но нѣкоторые изъ горожанъ раскрыли мнѣ его смыслъ: одна буква означаетъ Христа, другая Констанція. Позвольте сказать вамъ откровенно, что Констанцій уже тѣмъ нанесъ вамъ обиду, что не убилъ меня, а назначилъ цесаремъ. Что касается Христа, вы его почитаете вмѣсто Зевса, Аполлона и Калліопы. Хотя жители Емеса тоже любятъ Христа, но я не сдѣлалъ имъ ни разу обиды, изъ васъ же многіе, если не всѣ, имѣютъ со мной счеты: сенатъ, состоятельный классъ и народъ. Послѣдній недоволенъ мною въ большинствѣ, если не весь, предавшись безбожному ученію за то, что я придерживаюсь отеческихъ обычаевъ, богатые досадуютъ за то, что я не позволяю имъ продавать товары по высокимъ цѣнамъ, всѣ они изъ-за театральныхъ представленій,— и не за то, что я другихъ лишаю ихъ, но что такъ мало о нихъ забочусь.

„Напомню и другой случай, подавшій поводъ къ неудовольствію, и опять-таки, какъ обыкновенно, я буду порицать себя и обвинять. Въ десятомъ мѣсяцѣ бываетъ большой праздникъ, совершаемый въ Дафнѣ. Изъ храма Зевса Кассія я спѣшу на этотъ праздникъ, ожидая здѣсь встрѣтить роскошное и богатое торжество. Я уже воображалъ себѣ священную помпу, изображенія боговъ, возліянія, хороводы, куреніе ѳиміама и юношей вокругъ жертвенника въ благоговѣйномъ настроеніи и въ прекрасныхъ бѣлыхъ одѣянiяхъ. Но, когда я вступилъ въ храмъ, не нашелъ ни куренія, ни приношеній, ни жертвы. Я былъ пораженъ и воображалъ себя внѣ храма, и что вы ожидаете отъ меня, какъ первосвященника, условнаго знака. Когда же я спросилъ, какой жертвой городъ чествуетъ божество въ этотъ день, жрецъ отвѣтилъ: я принесъ съ собой священнаго гуся, но городъ не приготовилъ ничего. По этому случаю я обратился въ сенатъ со слѣдующею довольно рѣзкой рѣчью: „Удивляюсь, что такой городъ съ такимъ малымъ вниманіемъ относится къ богамъ, какъ какая-нибудь деревня на границахъ Понта. Владѣя громаднымъ земельнымъ имуществомъ, городъ пожалѣлъ принести курицу отечественному богу

въ годовой его праздникъ, когда богамъ угодно было разсѣять мракъ безбожія, между тѣмъ какъ ему слѣдовало принести быка съ каждой филы или, по крайней мѣрѣ, со всего города сообща принести въ жертву вола. Каждый изъ васъ на свои праздники и на угощенія тратитъ значительныя суммы, я знаю многихъ, затратившихъ большія деньги на праздникъ Маіумы (майскій праздникъ), а за ваше счастье и благо города никто не захотѣлъ принести жертвы, одинъ только жрецъ... Каждый изъ васъ позволяетъ своей женѣ всѣмъ жертвовать въ пользу галилеянъ, которые, питая бѣдныхъ на ваши пожертвованія, совершаютъ поистинѣ безбожное дѣло по отношенію къ нуждающимся. Вы же, показывая примѣръ такого непочтенія къ богамъ, даже не понимаете всей важности проступка. Къ нашимъ храмамъ не приближается никто изъ бѣдныхъ, потому что онъ не найдетъ тамъ милостыни. По случаю дней рожденія вы устраиваете обѣды, ужины и пиры, а въ этотъ годичный праздникъ никто не принесъ богамъ ни масла въ лампу, ни возліяній, ни жертвъ". — Вотъ что я говорилъ сенату...

„Но самое важное, что возбудило вашу ко мнѣ ненависть, состоитъ въ слѣдующемъ. Только-что я прибылъ въ вашъ городъ, народъ, угнетаемый богатыми, сталъ кричать въ театрѣ: „Все поднялось въ цѣнѣ, на все дороговизна“. На другой день я бесѣдовалъ съ богачами и старался убѣдить ихъ пожертвовать несправедливыми прибытками и оказать милость гражданамъ и чужестранцамъ. Они дали обѣщаніе позаботиться объ этомъ, и я ждалъ три мѣсяца, но они ничего не сдѣлали. Увидѣвъ, что жалобы дима справедливы, и что дороговизна товара происходитъ не отъ недостатка его на рынкѣ, а отъ жадности торговцевъ, я установилъ таксу на каждый предметъ и объявилъ ее всѣмъ. Всего оказалось въ достаткѣ: и вина, и масла, и прочаго; было мало лишь хлѣба, такъ какъ засухи прошлаго года уничтожили посѣвы, но я послалъ въ Халкиду, въ Іераполь и окрестные города и собралъ 40000 мистровъ, когда вышелъ этотъ запасъ, далъ еще въ разное время 5, 7 и 10 тысячъ модіевъ, предоставилъ вамъ весь египетскій хлѣбъ, продавая его по дешевой цѣнѣ, т.-е. за 15 мистровъ вы платили то же, что прежде за 10. Что же дѣлали ваши богачи? Они тайно продавали заготовленный ранѣе хлѣбъ за дорогую цѣну и обременяли народъ. Такимъ образомъ, причина вашей злобы въ томъ, что я не

допустилъ продавать на вѣсь золота вино, зелень и овощи, и не позволилъ, чтобы лежащій въ складахъ богачей хлѣбъ неожиданно обратился въ серебро и золото. Я зналъ и тогда, что мои распоряженія не всѣмъ понравятся, но я мало заботился объ этомъ,—я имѣлъ въ виду благо обижаемаго народа и чужестранцевъ, явившихся сюда ради меня и моихъ архонтовъ.—За что же, ради боговъ, мы находимся въ немилости? Не за то ли, что пропитываемъ васъ на свой счетъ, чего прежде не бывало ни съ однимъ городомъ; или за то, что увеличили списокъ сенаторовъ, что, захвативъ воровъ на мѣстѣ преступления, не подвергли ихъ карѣ“?..

Въ заключеніе приведемъ еще любопытный текстъ, или лучше анекдотъ, сохраненный позднѣйшимъ писателемъ ¹⁾). Епископъ Халкидона Марисъ, пораженный слѣпотой, разъ встрѣтившись съ Юліаномъ, сталъ его жестоко порицать, называя обманщикомъ и отступникомъ. Юліанъ сказалъ ему: „отойди, несчастный, и оплакивай свою слѣпоту, ибо тебя не исцѣлилъ Назорей, которому ты воздаешь поклоненіе“. Этотъ же отвѣтилъ: „Благодарю Господа моего Христа, даровавшаго мнѣ то утѣшеніе, что я не вижу твоего безстыжаго и безбожнаго лица“.

Для характеристики Юліана, какъ человѣка, слѣдуетъ обращаться къ тѣмъ же, большею частью, пристрастнымъ источникамъ, по которымъ мы пытались ознакомиться съ его церковной дѣятельностью. Либаній въ похвальномъ словѣ Юліану выражается, что риторика обратила къ богамъ его героя. Мы бы предпочли здѣсь выраженіе школа, какъ болѣе понятное въ наше время. Можетъ-быть, въ связи съ личными школьными воспоминаніями легче объяснить законъ его, воспрещающій христіанамъ преподаваніе. Юліанъ увлеченъ былъ поэзіей языческаго культа, реальная же скромность христіанства казалась для него соблазномъ и безуміемъ. Въ попыткахъ оживить фикцію стараго міровоззрѣнія Юліанъ растратилъ свой острый умъ, краснорѣчіе и необычайную начитанность. Но только-что онъ умеръ, вся его система рухнула, и язычество уже не въ состояніи было оказать противодѣйствія христіанскимъ началамъ. По его смерти открылся, однако, вновь ожесточенный споръ между его приверженцами и противниками: изъ-за оцѣнки характера его дѣятель-

¹⁾ Cedreni, I, p. 535 ed. Bonn.

ности. Одни превозносили его до небесъ, другіе топтали въ грязь и всячески унижали его личный характеръ.

Нужно полагать, что Либаній въ своемъ преклоненіи предъ Юліаномъ набрасываетъ слишкомъ яркія краски, сравнивая, какъ мы видѣли выше, своего героя съ богами. Менѣе повышенный тонъ въ характеристикѣ историка Амміана Марцеллина ¹⁾). Онъ указываетъ такія черты, которыя дѣйствительно свойственны были Юліану и засвидѣтельствованы съ разныхъ сторонъ. Такова его умѣренность и самообладаніе. Онъ довольствовался самой скромной пищей и мало спалъ. Подкрѣпивъ краткимъ сномъ свое тѣло, онъ самъ лично провѣрялъ караулы и пикеты, а затѣмъ обращался къ занятіямъ науками. Онъ былъ глубокой знатокъ въ наукѣ военного дѣла и гражданскаго управленія, весьма тщательно вникалъ во всѣ судебныя процессы и являлся непреклоннымъ судьей. О его мужествѣ свидѣтельствуетъ множество битвъ; онъ былъ чрезвычайно выносливъ къ холоду и зною.

Если теперь обратиться къ христіанскимъ писателямъ, то получимъ иное впечатлѣніе. По смерти Юліана въ церквахъ были публичныя молебны. Это былъ драконъ, чудовище, Навуходоносоръ, Иродъ, страшное пугало, преслѣдующее народъ Божій. Онъ былъ апостать по природѣ, жестокой и самый гнусный изъ людей. Съ коварствомъ онъ принимаетъ видъ той дьявольской змѣи райской, которая живетъ въ его груди.

Источники для изученія времени Юліана.

Juliani Imperatoris quae supersunt, rec. Hertlein 2 vol. Lipsiae, 1875—1876.

Juliani Imp-ris librorum contra christianos rec. Neumann, Teubner, 1880.

Libanii sophistae orationes et declamationes. Jo. Jac. Reiske, Altenburgi, 1791—97.

Ammiani Marcellini rerum gestarum libri, rec. Gardthausen. Lips., 1874—75.

Кулаковскій и Сонни, „Амміанъ Марцеллинъ“, перев. съ латинскаго.

Вып. I, II. Кіевъ, 1906—7.

Zosimi comitis et ex advocati fisci historia ed. Mendelssohn. Lipsiae, 1887. Teubn.

Церковныя историки Сократъ, Созоменъ и Феодоритъ.

Gregorii Theologi vulgo Nazianzeni (ap. Migne), Cyrilli Alexandrini contra impium Julianum (ap. Migne).

Chabot, „Cronique de Michel le Syrien, patriarche Jacobite d. Antioche“, 1, Paris, 1899.

¹⁾ Am m. Marc. XXV. 4.

П о с о б і я.

Tillemont, „Mémoires pour servir à l'histoire ecclésiastique“. II éd. Paris 1701—1712 (vcl. VII).

Vie de l'empereur Julien. Amsterdam, 1735, I—II partie (Вѣроятно, De la Bletteric, котораго сочиненіе цитируется по парижск. изд. 1746 г.).

Затѣмъ изъ обширной литературы объ Юлианѣ, которая указана въ сочиненіи Müske, „Fl. Cl. Julianus“. 2 Bände. Gotha, 1867—1869, и въ книгѣ Vollert, „Kaiser Julianus religiöse und philosophische Ueberzeugung“. Gütersloh, 1899, укажемъ лишь нѣкоторыя изданія.

Talbot, „Oevres complètes de l'empereur Julien“. Traduction nouvelle. Paris, 1863.

Hecker, „Zur Geschichte des Kaisers Julianus“. Eine Quellenstudie. Kreuznach 1886. Оцѣнка источниковъ.

Schwarz, „De vita et scriptis Juliani imperatoris“. Bonnae 1888 (для хронологіи).

Gardner, „Julian the philosopher and emperor and the last struggle of Paganism against Cristianity“, London, 1895.

„Realencyklopädie für protest. Theologie“, Herzog-Hauck. Томъ IX появился въ 1901 г. Стр. 609—610 обзоръ и классификація литературы.

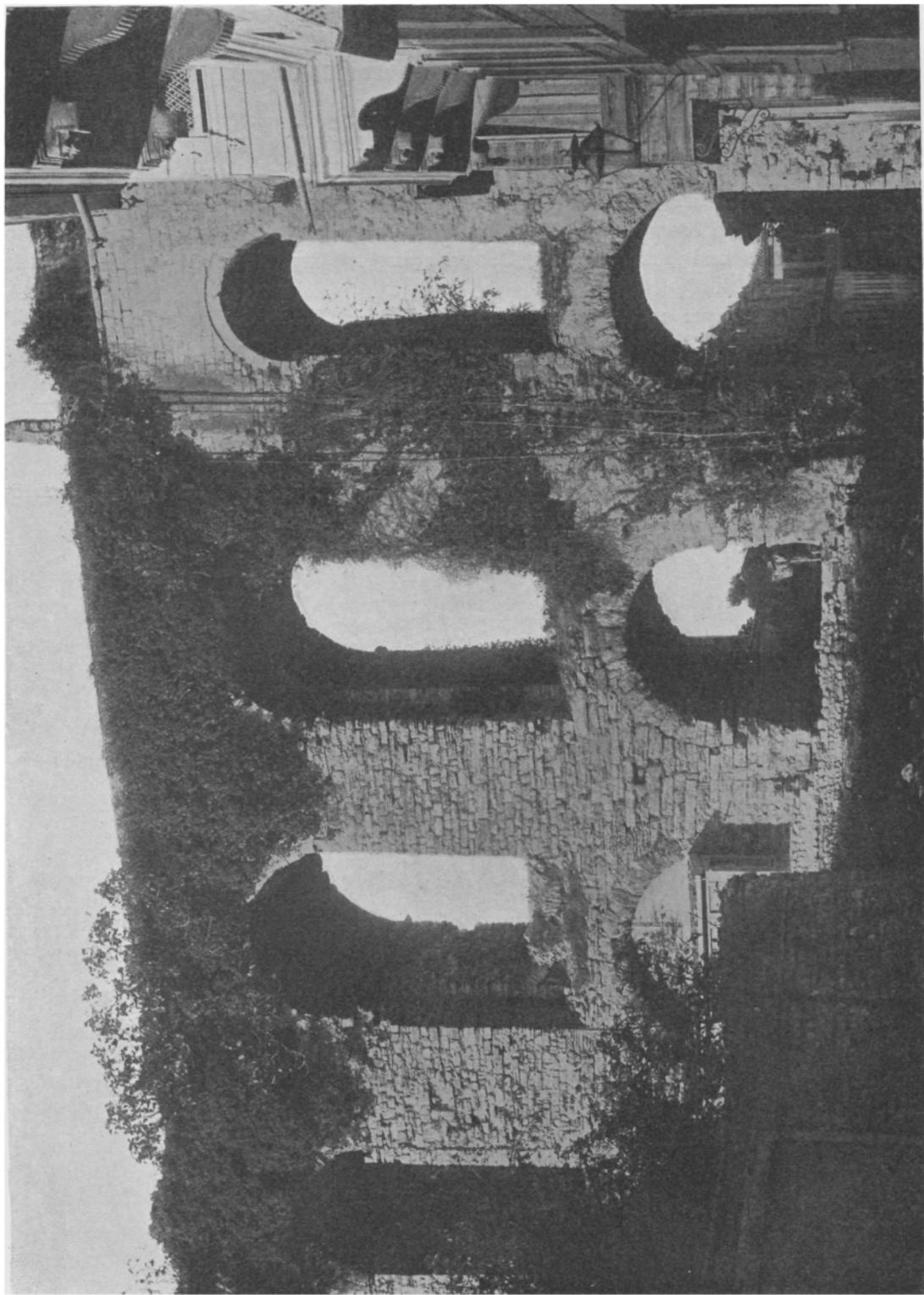

Рис. 14. Водопроводъ Валента.

ГЛАВА V.

ЦЕРКОВНАЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ВЪ КОНЦѢ IV В. ѲЕОДОСІЙ ВЕЛИКІЙ. ДѢЛО О ЖЕРТВЕННИКѢ ПОБѢДЫ. ИММИГРАЦІЯ ВАРВА- РОВЪ, ПРИНЯТІЕ ИХЪ НА СЛУЖБУ ИМПЕРІИ.

ратковременное царствованіе Юліана прошло какъ страшный ураганъ, мало затронувъ Западъ. Существеннаго вреда христіанской церкви и въ восточной половинѣ имперіи оно не могло нанести уже вслѣдствіе недостаточной обдуманности и малой послѣдовательности сдѣланныхъ Юліаномъ распоряженій, а равно и потому, что мѣстныя власти не имѣли времени примѣнить ихъ на практикѣ. Послѣ Юліана не было охотниковъ поддерживать его церковную политику.

Во второй половинѣ IV вѣка самымъ выразительнымъ явленіемъ въ области религіозной жизни было раздѣленіе христіанскаго міра на два враждебные лагеря: исповѣдниковъ Леонасіева ученія, т.-е. никейскаго символа и приверженцевъ ученія Арія. Особенно ревностнымъ защитникомъ аріанства на Востокѣ былъ императоръ Валентъ (364—378), о которомъ до сихъ поръ свидѣтельствуетъ водопроводъ его имени (рис. 14). Ко времени трагической смерти его всѣ епископскія кафедръ находились въ рукахъ аріанъ, даже кафедра константинопольская замѣщена была аріаниномъ Димофиломъ. Положеніе внушало серьезныя опасенія еще и потому, что кромѣ численно и офиціально преобладавшей аріанской партіи, на Востокѣ было еще значительное число разныхъ сектъ и ученій, образовавшихся на почвѣ философскихъ воззрѣній на существо тогдашняго христологическаго вопроса. Со смерти Константина занявшая господствующее въ имперіи положеніе христіанская церковь болѣе 40 лѣтъ была раздѣдаема внутренней враждой, что не могло не унижать ее въ

глазахъ приверженцевъ языческаго культа. Въ 379 г. западный императоръ Граціанъ назначилъ своего полководца Θεодосіа августомъ, т.-е. сопричислилъ его къ императорской власти и далъ ему въ управленіе восточную половину имперіи. Съ тѣхъ поръ судьбы Востока въ политическомъ и церковномъ отношеніи стали направляться къ одной цѣли, и произведенныя въ концѣ IV вѣка государственныя и церковныя реформы соединены съ именемъ Θεодосіа, получившаго прозваніе Великаго (рис. 15).

Въ церковномъ отношеніи дѣятельность Θεодосіа можетъ быть разсматриваема съ двоякой точки зрѣнія: а) по отношенію къ старой римской религіи, б) къ разнообразнымъ сектамъ и ученіямъ среди христіанъ. Въ томъ и другомъ смыслѣ Θεодосій держался идеи религіознаго единства и во всѣхъ отношеніяхъ давалъ преимущества христіанству предъ язычествомъ и никейскому символу предъ аріанствомъ и другими ученіями. Въ этомъ отношеніи законодательные его акты отличаются рѣдкой ясностью и опредѣленностью. Съ прибытіемъ въ Константинополь въ 380 г. онъ прежде всего озаботился устройствомъ церковныхъ дѣлъ. Господствующее положеніе занимали, какъ выше сказано, аріане, которымъ принадлежали всѣ церкви въ столицѣ и высшая церковная власть въ лицѣ епископа Димофила. Между тѣмъ, христіанская община, стоявшая на сторонѣ никейскаго символа, хотя и значительная по числу, находилась въ приниженномъ состояніи. Знаменитый Григорій Назіанзинъ, управлявшій православною общиной, собиралъ для богослуженія свою паству въ скромномъ частномъ домѣ, гдѣ была устроена домашняя церковь во имя Воскресенія Христова—извѣстная Св. Анастасія. Θεодосій немедленно и радикально по прибытіи въ Константинополь измѣнилъ положеніе дѣлъ. Въ 381 г. изданъ имъ знаменитый эдиктъ по церковнымъ дѣламъ, которымъ было наложено запрещеніе на всѣ религіозныя собранія публичнаго характера, за исключеніемъ собраній приверженцевъ никейскаго символа. Признавъ есѣ прочія вѣроученія еретическими, Θεодосій по отношенію къ аріанству выразился въ упомянутомъ эдиктѣ очень сильно: „объ ядовитомъ аріанскомъ кощунствѣ да не будетъ и слуха“. Не желавшіе подчиняться этому закону объявлены были внѣ церкви и потеряли право имѣть свои собранія. Всѣ христіанскія церкви въ столицѣ и по всей имперіи переданы епископамъ, придерживавшимся никейскаго испо-

вѣданія. Этимъ закономъ положенъ былъ конецъ господству аріанъ въ церкви ¹⁾).

Въ связи съ этими распоряженіями, весьма рѣшительно разсѣкшими настоятельные и давно уже назрѣвшіе вопросы, Θεοδοσίη предпринялъ мѣры къ немедленному созванію собора для обсужденія церковныхъ дѣлъ. Второй вселенскій соборъ (рис. 16) состоялся въ Константинополѣ, въ маѣ 381 года. На немъ были представлены главнѣйшіе восточные епископы, изъ нихъ извѣстнѣйшіе были: Мелетій антиохійскій, Тимоѳей александрійскій и Кириллъ іерусалимскій. Предсѣдательство имѣлъ Мелетій, а по смерти его Григорій Назіанзинъ и затѣмъ Нектарій. Первый вопросъ, предстоявшій обсужденію собора, касался замѣщенія епископской каѳедры въ Константинополѣ послѣ удаленія аріанскаго епископа. По желанію императора и большинства членовъ собора епископская каѳедра была предоставлена Гри-

Рис. 15. Статуя Θεοδοσίου въ Барлеттѣ.

¹⁾ Cod. Theod. XVI, 5, 6, а 381 Jan. 10 (ed. Mommsen-Meyer, I, 856).

горю Назіанзину, но не надолго, такъ какъ Григорій отказался и предложилъ вмѣсто себя Нектарія. Въ догматическомъ отношеніи этому собору принадлежитъ окончательное рѣшеніе вопроса о третьемъ лицѣ св. Троицы и окончательная редакція второй части символа, начиная съ восьмого члена вѣры. Дѣянія собора утверждены императоромъ въ іюль мѣсяцѣ 381 г. Кромѣ того, второму вселенскому собору принадлежитъ составленіе нѣсколькихъ церковныхъ каноновъ, изъ коихъ особенное значеніе получилъ третій канонъ, усвоившій константинопольскому епископу право чести вслѣдъ за римскимъ епископомъ. Этотъ канонъ читается такъ: „константинопольскій епископъ долженъ имѣть преимущество чести вслѣдъ за римскимъ епископомъ, такъ какъ Константинополь есть новый Рим“¹⁾.

Не менѣе настойчиво и неуклонно шель императоръ Θεодосій въ борьбѣ со старыми языческими вѣрованіями. Хотя языческой культъ уже распоряженіями Констанція былъ лишень государственной поддержки, будучи признанъ притомъ неразумнымъ суевѣріемъ²⁾, тѣмъ не менѣе, онъ держался еще между консервативными элементами населенія какъ въ большихъ городахъ, такъ въ особенности въ отдаленныхъ и глухихъ провинціяхъ. Конечно, нельзя думать, что старая вѣра безъ борьбы уступала мѣсто христіанству. Хотя попытка Юліана оживить язычество потерпѣла полное пораженіе, но съ переходомъ къ христіанскому міровоззрѣнію соединялась такая ломка тысячелѣтней и гордой своими успѣхами культуры и вѣрованій, вошедшихъ въ плоть и кровь классическаго міра, что было бы трудно допустить, чтобы язычество отказалось отъ всякихъ надеждъ на возвратъ къ старому.

Еще въ теченіе цѣлыхъ столѣтій можно будетъ тамъ и здѣсь встрѣтить остатки приверженцевъ языческаго культа, но для изучающаго исторію культурнаго перелома въ концѣ IV вѣка любопытно проникнуть въ настроеніе современниковъ, ознакомиться съ мотивами, руководившими приверженцами старой вѣры. Въ этомъ отношеніи трудно найти болѣе выразительный литературный фактъ, чѣмъ дѣло о жертвенникѣ Побѣды, возникшее въ римскомъ сенатѣ по случаю предъявленнаго къ нему правительствомъ требованія — удалить изъ куріи этотъ символъ языческаго культа. Вопросъ воз-

1) Hefele-Leclercq, „Histoire des Conciles“, II, p. 24—25.

2) Superstitio, insania [Cod. Theod., XVI, 10, 2; 10, 3 (a. 341, 346)].

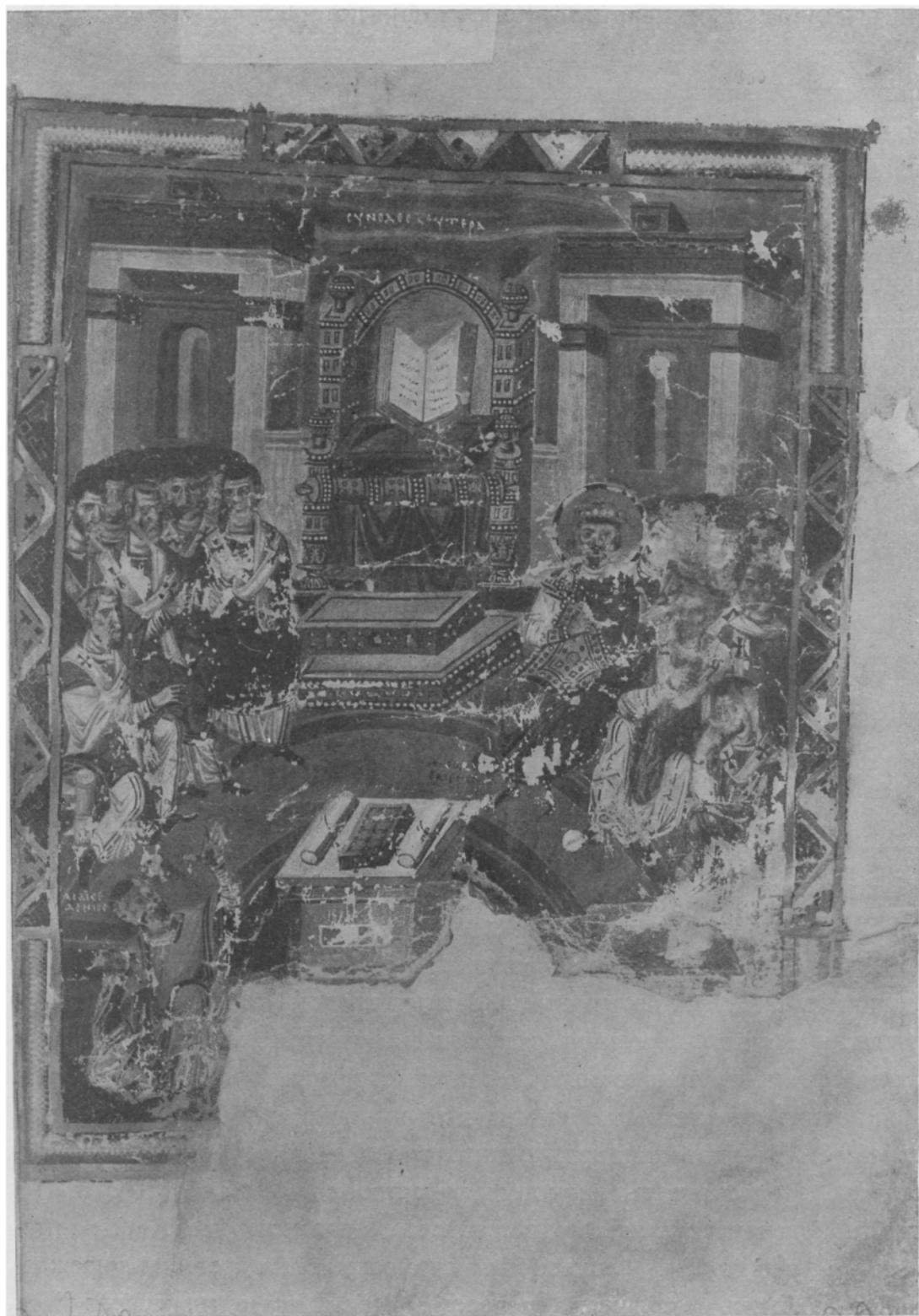

Рис. 16. Второй вселенский соборъ.
(миниатюра cod. Paris. gr. 510, fol. 355).

никъ еще при императорѣ Констанціи, который потребовалъ удаленія изъ сената статуи Побѣды и прекращенія языческаго обычая приносить передъ засѣданіями жертву. При Юліанѣ распоряженіе Констанція было отмѣнено, такъ что до 383 года римскій сенатъ, можетъ-быть, на половину состоявшій изъ язычниковъ, удерживалъ въ залѣ засѣданій символы языческой религіи. Императоръ Граціанъ приказалъ возстановить повелѣніе Констанція относительно жертвенника Побѣды, но сенатъ отправилъ къ императору легата въ лицѣ сенатора Аврелія Симмаха съ просьбой отмѣнить повелѣніе. Граціанъ не принялъ миссіи, чѣмъ нанесъ сенату сильное оскорбленіе. Въ 384 г. сенатъ во второй разъ рѣшился ходатайствовать о жертвен-

Рис. 17. Статуя Побѣды въ Сенатѣ (Cohen, II, 181).

никъ, и на этотъ разъ предъ преемникомъ Граціана, четырнадцатилѣтнимъ Валентиніаномъ. Истолкователемъ желаній сената былъ сенаторъ и префектъ Аврелій Симмахъ, записка котораго представляетъ громаднй интересъ какъ памятникъ, бросающій живой свѣтъ на умонастроеніе языческой партіи въ занимающую насъ эпоху. Дѣйствительно, нельзя безъ волненія слушать эту послѣднюю пѣсню умирающаго языкачества, которое робко и жалобно проситъ милости у юнаго императора въ пользу религіи,

которой его предки обязаны славой и Римъ своимъ величіемъ¹⁾. Послѣ краткаго вступленія въ этой запискѣ читается: „Я являюсь передъ вашими величествами въ двоякомъ качествѣ: какъ вашъ префектъ, ходатайствую о дѣлахъ гоударственного порядка, а какъ легатъ сената защищаю гражданскіе интересы. Между тѣми и другими нѣтъ разногласія, ибо люди перестали уже вѣрять, что можно довѣриться благорасположенію придворныхъ, если между ними нѣтъ единодушія. Можно ли допустить, чтобы частные раздоры наносили вредъ государству? По справедливости, сенатъ преслѣдуетъ тѣхъ, кто славѣ государей предпочитаетъ личное могущество, а наша забота—быть на стражѣ благополучія вашего величества. Въ самомъ дѣлѣ, чьи интересы мы защищаемъ, если заботимся о сохраненіи древнихъ учрежденій, о законахъ и обычаяхъ отечества, о славѣ временъ, которая тѣмъ

1) Monum. Germ. Historica Auctor. antiquiss. VI pars I, p. 280.

выше, если и сами императоры остерегаются нарушать обычаи предковъ. И такъ, мы ходатайствуемъ о сохраненіи религіознаго строя, въ которомъ благоденствовало государство. Разсуждая о государяхъ того и другого исповѣданія вѣры, мы находимъ, что одна часть чтитъ отечественные обряды, другая, болѣе къ намъ близкая, не отмѣняла ихъ. Если вѣра, которой слѣдовали древніе, не можетъ служить примѣромъ, то да послужитъ таковымъ попущеніе ближайшихъ императоровъ!

„Найдется ли такой малообразованный человѣкъ, который былъ бы равнодушенъ къ алтарю Побѣды! Въ немъ наша безопасность на будущее время и наше спасеніе противъ всего необычнаго. Воздадимъ, по крайней мѣрѣ, символу ту честь, въ которой отказываемъ божеству. Ваша вѣчность многимъ обязана Побѣдѣ и многимъ будетъ одолжена впереди. Пусть пренебрегаютъ ею тѣ, кому она не принесла пользы; вы же не можете отвернуться отъ дружественнаго существа, даровавшаго вамъ триумфы. Могущество ея для всѣхъ составляетъ предметъ желанія, и никто не можетъ отказать въ поклоненіи тому, что признаетъ для себя желаннымъ. Если бы было какое оправданіе для удаленія религіознаго символа, то слѣдовало бы не касаться того, что служитъ украшеніемъ куріи. Умоляю васъ, представьте намъ передать въ зрѣломъ возрастѣ потомкамъ ту святыню, которую восприняли въ дѣтствѣ. Обычай имѣетъ громадную власть, поэтому и не могло долго оставаться въ силѣ распоряженіе божественнаго Констанція объ удаленіи алтаря Побѣды. Божественная и славная вѣчность ваша должна позаботиться и о томъ, чтобы въ будущемъ не пришлось исправлять ваши распоряженія. Гдѣ мы будемъ давать присягу на соблюденіе вашихъ законовъ и повелѣній, какой религіозный обрядъ устрашитъ злую волю отъ дачи ложнаго свидѣтельства? Конечно, божество все наполняетъ, и для вѣроломнаго не найдется безопаснаго убѣжища, но присутствіе священнаго предмета всего больше сдерживаетъ отъ преступленія. На этомъ алтарѣ покоится согласіе всѣхъ, онъ знаменуетъ общую вѣрность, и ничто не придаетъ большаго авторитета нашимъ рѣшеніямъ, какъ всесильная клятва, данная въ собраніи сенаторскаго сословія. Тогда откроется свободное поле для клятвопреступленій, и объ этомъ слѣдуетъ внимательно вамъ подумать, такъ какъ въ публичной присягѣ кроется вся ваша безопасность.

„Но, скажутъ, такъ поступилъ и божественный Констанцій. Будемъ подражать лучше другимъ дѣяніямъ этого государя, который никогда не позволилъ себѣ повторить ошибки, сдѣланной предшественникомъ. Ибо послѣдующаго исправляетъ сдѣланная предыдущимъ ошибка, и изъ порицанія предшествующаго рождается критика примѣра. Итакъ, да будутъ приняты къ подражанію другія достойныя дѣянія того же государя. Онъ ни въ чемъ не нарушилъ привилегій священныхъ дѣвственницъ, щедро надѣлялъ жреческія коллегіи, не жалѣлъ издержекъ на римскія религиозныя торжества, и по всѣмъ улицамъ вѣчнаго города ходилъ съ членами сената, весело и радостно глядѣлъ на святилища, читалъ на фронтонахъ храмовъ имена боговъ, разспрашивалъ о строеніи, восхвалялъ строителей. Самъ слѣдуя другой религіи, нашу онъ сохранилъ для государства, ибо каждому свойственъ свой обычай, у cadaго свой обрядъ. Божественное провидѣніе дало различнымъ городамъ различныхъ приставниковъ; какъ при рожденіи распредѣляются души, такъ каждому народу даются опредѣленные судьбой геніи. Присоединимъ и пользу, которая особенно приближаетъ къ человѣку боговъ, ибо если весь смыслъ вещей сокрытъ, откуда же лучше исходитъ знаніе божественной воли, какъ не изъ памяти и документовъ о благопріятныхъ событіяхъ? Итакъ, если цѣлая вѣчность придавала авторитетъ религіи, то должна быть соблюдаема вѣрность столькимъ вѣкамъ и почитаема вѣра родителей, которые имѣли счастье воспринять ее отъ своихъ отцовъ.

„Вообразимъ, что здѣсь присутствуетъ самъ Римъ и обращается къ вамъ съ такими словами: высокіе государи, отцы отечества, благоволите принять въ уваженіе мои годы, до какихъ я дошелъ въ благочестивомъ обрядѣ, и разрѣшите мнѣ пользоваться отеческими священными обычаями. Сей культъ подчинилъ всю вселенную моимъ законамъ, эти священные обряды спасли меня отъ Аннибала и прогнали отъ Капитолія сеноновъ. Ужели для того сохранены мои дни, чтобы на старости подвергнуться мнѣ позору? Итакъ, просимъ, дайте миръ богамъ, отечественнымъ и національнымъ героямъ. Справедливо, чтобы мы были соединенными въ томъ, чему всѣ отдаютъ поклоненіе. Всѣ мы смотримъ на тѣ же звѣзды, всѣ живемъ подъ однимъ небомъ, тотъ же міръ обнимаетъ насъ; что за дѣло, какимъ путемъ кто ищетъ истины, и развѣ можно одной дорогой придти къ раскрытію этой величайшей тайны!

„Но это—безполезное словопреніе. Мы же обращаемся къ вамъ съ мольбой, а не споримъ. Какую выгоду получила священная казна, что весталки лишены своихъ прерогативъ? Ужели самые щедрые императоры рѣшатся наложить руку на то, что допускали наиболѣе скупые? Въ томъ какъ бы вознагражденіи за обѣтъ чистоты нужно видѣть одинъ лишь почетъ: какъ ленты на головѣ служатъ украшеніемъ весталки, такъ жреца отличаетъ свобода отъ государственныхъ повинностей. Рѣчь идетъ о пустомъ имени иммунитета, потому что отъ расходовъ они гарантированы своей бѣдностью. Итакъ, тѣ, которые отнимаютъ у нихъ что-либо, еще болѣе содѣйствуютъ къ похвалѣ ихъ, ибо по справедливости возрастаетъ цѣна дѣвства, посвященнаго государственному благу, если оно не имѣетъ вознагражденія. Не старайтесь дѣлать такой экономіи съ государственнымъ казначействомъ: у добрыхъ государей казна растетъ не на счетъ жрецовъ, а изъ военной добычи! И эта жалкая прибыль развѣ уравниваетъ причиняемую ею обиду, тѣмъ болѣе, что скупость чужда вашего обычая; но тѣмъ несчастнѣй участь тѣхъ, у кого отнято обычное содержаніе.

„Фискъ удерживаетъ имущества, завѣщанныя весталкамъ и жрецамъ послѣдней волей умирающихъ. Умоляю васъ какъ жрецовъ правосудія, возвратите святынямъ вашего города то, что идетъ имъ по частнымъ завѣщаніямъ. Да будетъ воля завѣщателя тверда и неизмѣнна, какъ вырубленная топоромъ, и да знаетъ завѣщатель, что при щедрыхъ императорахъ завѣщаніе его пребудетъ твердо, уже бывшіе примѣры доставляютъ безпокойство умирающимъ. Развѣ римская религія лишилась защиты римскаго закона? Какое имя дать присвоенію имущества, которыя никакой законъ и никакой случай не дѣлаютъ выморочными? Получаютъ вольноотпущенники, рабы не лишаются преимуществъ, доставляемыхъ завѣщаніями, только благородныя дѣвственницы и служители культа исключаются изъ правъ по наслѣдованію. Что за удовольствіе посвящать чистое тѣло на службу государству и небесной защитой поддерживать вѣчность имперіи, на ваше оружіе и на ваши знамена наводитъ благорасположенную доблесть и предпринимать за общее благо молитвы, если не пользоваться общими съ другими правами?

„Пусть не подумаетъ кто, что я защищаю только религіозный вопросъ. Нѣтъ, изъ нарушеній подобнаго рода произошли всѣ не-

счастія въ римскомъ государствѣ. Древній законъ почтилъ скромнымъ обезпеченіемъ и справедливыми привилегіями дѣвственныхъ весталокъ и служителей боговъ. Въ неприкосновенности это преимущество оставалось до тѣхъ поръ, пока жалкіе банкиры не обратили идущія на содержаніе священной чистоты средства въ плату низшимъ служителямъ. Слѣдствіемъ этого былъ общій голодъ, и скудная жатва обманула ожиданія провинціаловъ, но вина не въ землѣ, нельзя жаловаться и на вѣтеръ, не спорынья повредила посѣвамъ, и не сорныя травы убили хлѣба: святотатство изсушило почву! Ибо настояла необходимость погибнуть всему богоотступничеству. Жизнь поддерживается лѣсными произведеніями, и голодъ снова привелъ простой народъ къ плодамъ додонскаго дерева. Испытывали ли подобное несчастіе провинціалы, когда служители религіи окружены были почетомъ? Когда дубовыми желудями питались люди, когда коренья травъ шли въ пищу? Было ли время, когда при голодѣ, постигавшемъ ту или другую область, не выручалъ общій урожай, и когда у народа и священннхъ дѣвъ были одинаковыя средства пропитанія? Ибо даваемыя на содержаніе служителей религіи средства обезпечивали урожай, и сборъ хлѣба всегда превышалъ потребленіе.

„Но можетъ кто-нибудь сказать, что казеннаго содержанія лишена не государственная религія. Не могутъ раздѣлять добрые государи того мнѣнія, что разъ пожалованное изъ казны частному лицу можетъ быть почитаемо собственностью фиска. Государство состоитъ изъ отдѣльныхъ лицъ, что исходитъ изъ государства, то обращается въ достояніе отдѣльныхъ личностей. Хотя вы всѣмъ владычествуете, но за каждымъ сохраняете то, что ему принадлежитъ, и вами самими управляетъ правда, а не произволь. Итакъ, посоветуйтесь съ вашимъ великодушіемъ, можетъ ли оно считать государственнымъ достояніемъ то, что разъ дано частнымъ лицамъ. Доходныя статьи, разъ опредѣленныя въ честь города, перестаютъ принадлежать жертвующему, и что въ принципѣ было бенефиціей, обычаемъ и временемъ обращается въ обязательство.

„Ваше милосердіе должно оказывать покровительство всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, а наипаче тому, которое покровительствовало вашимъ предкамъ. Мы ходатайствуемъ за ту религію, которая сохранила имперію божественному родителю вашему и даровала ему

законныхъ наслѣдниковъ. Сей божественный старецъ смотритъ съ вершины звѣзднаго круга на слезы священниковъ и жалѣеть о нарушеніи обычая, который самъ онъ охотно соблюдалъ. Предоставьте же и божественному брату вашему исправить чрезъ васъ данный ему нехорошій совѣтъ, покройте тотъ фактъ, которымъ онъ по невѣдѣнію сдѣлалъ неприятность сенату ¹⁾“.

Амвросій Медиоланскій, узнавъ о содержаніи этого ходатайства сената, весьма встревожился и поспѣшилъ принять самую энергичную мѣру, чтобы ослабить дѣйствіе записки Симмаха. Онъ убѣдилъ императора не оказывать пощады язычеству и настоялъ на томъ, чтобы ходатайство сената оставалось безъ удовлетворенія. Приведенный памятникъ остается, тѣмъ не менѣе, весьма интереснымъ историческимъ документомъ, который выразительно рисуется настроеніе лучшихъ умовъ языческаго общества и безспорно преобладающее положеніе христіанства.

Эдикты Θεодосія первоначально назначались для восточной половины имперіи, но съ 388 года они получили приложеніе и на Западѣ. Въ 391 г. изданъ извѣстный Миланскій эдиктъ, которымъ всякія жертвоприношенія и всѣ религиозные обряды въ языческихъ храмахъ были объявлены преступленіями противъ императора, за которыя полагались денежные штрафы и конфискація имущества. Въ 393 г. въ послѣдній разъ были отпразднованы олимпійскія игры, и вскорѣ затѣмъ перевезена была въ Константинополь статуя Зевса олимпійскаго, знаменитое произведеніе Фидія. Мѣропріятіями Θεодосія нанесено было окончательное пораженіе языческой партіи, преемникамъ Θεодосія оставалось лишь примѣнить къ жизни изданные имъ законы.

Между всѣми восточными городами Александрія уже давно представляла собой центръ учености и религиозно-философскихъ системъ и умозрѣній. Хотя христіанскій элементъ былъ довольно распространенъ въ городѣ, и епископъ Александріи даже на Западѣ пользовался большимъ уваженіемъ, какъ столпъ правовѣрія, тѣмъ не менѣе, и язычество имѣло здѣсь много приверженцевъ. Это лежитъ частью въ существѣ восточнаго воззрѣнія на вѣру въ боговъ, которое никоимъ образомъ не удовлетворялось простымъ безсознательнымъ приня-

¹⁾ Намекъ на императора Валентиніана I и сыновей его Граціана и Валентиніана II.

тѣмъ и передачей старыхъ традицій, но стремилось переработать ихъ чрезъ религіозно-философскія доктрины и старую вѣру примирить съ требованіями новой на основаніи научнаго и логическаго мышленія. Языческая культура въ IV вѣкѣ съ успѣхомъ отстаивала себя противъ христіанскихъ вѣяній въ Египтѣ, и знаменитый храмъ Сераписа въ Александріи, Серапій, оставался центромъ языческаго культа. При храмѣ была большая бібліотека. Просвѣщенные язычники и тысячи пилигримовъ стекались сюда для обмѣна мыслями и по религіознымъ побужденіямъ. Христіанскій епископъ Александріи не могъ безразлично относиться къ этому языческому святилищу. Таковымъ былъ въ 391 г. извѣстный ревнитель православія Теофилъ. Этотъ воинственный князь церкви въ тѣсномъ союзѣ съ монахами, для которыхъ Серапій былъ бѣльмомъ въ глазу, получилъ отъ императора позволеніе на мѣстѣ разваливашагося храма Вакха построить христіанскую церковь и по этому случаю устроилъ по городу процессію со статуями боговъ. Начался бунтъ въ городѣ, язычники выступили противъ христіанъ. Порядокъ былъ возстановленъ съ большимъ трудомъ тогда, когда императоръ рескриптомъ, даннымъ въ Аквилеѣ, приказалъ разрушить Серапій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, запретилъ отправленіе языческаго культа. Любопытно, что на строительномъ матеріалѣ найдены были знаки креста, кои христіанами были истолкованы какъ предвѣщаніе о послѣдовавшей катастрофѣ Серапія ¹⁾. Уже безъ разрѣшенія императора христіане разрушили храмы въ Финикіи и также знаменитый храмъ въ Осроенѣ, который Теоодосій хотѣлъ-было пощадить какъ произведеніе искусства. Приказомъ 8 ноября 392 г. префекту преторія Руфину запрещено языческой культѣ отправлять какъ публично, такъ и частно.

Указанные сейчасъ знаки креста на строительномъ матеріалѣ при первоначальномъ знакомствѣ съ этимъ извѣстіемъ казались мнѣ фантазіей египетскихъ мистиковъ. Но, когда мнѣ лично удалось побывать въ Египтѣ и ознакомиться съ древними памятниками какъ на мѣстѣ ихъ находженія, такъ и въ музеяхъ, то передо мной выступила другая мысль. Христіанскихъ эмблемъ и разныхъ орнаментальныхъ изображеній, приближающихся къ кресту, равно какъ

¹⁾ Sozom. VII, 15. Athanasiades, „Die Begründung des orthodoxen Staates durch Kaiser Theodosius den Grossen“. Leipzig, 1902, S. 13—15.

весьма распространенныхъ въ мистической христіанской литературѣ образовъ, напримѣръ, крылатаго змѣя—такъ много и часто можно наблюдать на памятникахъ древняго Египта, что мало выясненная пока связь ихъ съ христіанствомъ можетъ возбуждать пытлиное любопытство и въ настоящее время.

Въ виду чрезвычайной важности церковной политики Θεодосія Великаго намъ слѣдуетъ выяснить ея ближайшіе результаты на развитіе церковныхъ отношеній въ Византійской имперіи. По основному характеру дѣятельность Θεодосія Великаго направляется къ установленію религіознаго единства въ имперіи и въ этомъ отношеніи онъ можетъ быть поставленъ рядомъ съ равноапостольнымъ Константиномъ. Въ частности Θεодосій не только продолжаетъ издавать законы противъ язычества, но послѣдовательнымъ рядомъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ приходитъ къ окончательному и абсолютному запрещенію языческаго культа какъ въ общественныхъ собраніяхъ и храмахъ, такъ и въ частныхъ домахъ. Закономъ, изданнымъ въ 392 г., предусматривалось, что если бы кто затѣмъ былъ обвиненъ или въ принесеніи жертвы, или въ совершеніи гаданій по внутренностямъ животныхъ, тому угрожалъ процессъ по закону объ оскорбленіи величества и конфискація имущества; небреженіе чиновниковъ по отношенію къ этому закону наказывалось большимъ денежнымъ штрафомъ. Гораздо серьезнѣй въ концѣ IV и въ началѣ V вѣка былъ другой вопросъ, препятствовавшій достиженію религіознаго единства, вопросъ объ отпавшихъ отъ единства съ церковью или объ еретикахъ. Здѣсь Θεодосіемъ установленъ принципъ, который послѣ него становится однимъ изъ устоевъ имперіи: „Всѣ должны вѣрить такъ, какъ заповѣдалъ это Петръ верховный апостоль и какъ соблюдали римскій епископъ Дамась и александрійскій Петръ. Только тѣ, кто исповѣдуетъ равночестную божественную Троицу, называются каѳоликами; тѣ же, кто исповѣдуетъ иначе, называются еретиками“¹⁾. Этотъ принципъ имѣлъ своимъ непосредственнымъ примѣненіемъ исключительное торжество и господство Никейскаго символа. Политическая важность выраженного положенія усматривается изъ того, что въ особенности на Востокѣ образовалось множество мнѣній и ученій, отступающихъ

1) Cod. Theod. XVI, 1, 2; Sozomeni VII, 4.

отъ богословскаго воззрѣнія, нашедшаго выраженіе въ Никейскомъ символѣ и, слѣдовательно, ставшихъ въ оппозицію и къ господствующему вѣроученію, и къ поддерживающему его свѣтскому правительству. Этимъ создавалось крайнее затрудненіе для проведенія идеи религіознаго единства. Въ самомъ Константинополѣ, чтобы удалить аріанскаго епископа Димофила и возстановить православнаго, потребовалось примѣненіе военной силы.

Такъ или иначе, подъ угрозой жестокихъ наказаній и конфискаціи имущества язычники и еретики принуждены были уступить, т.-е. присоединялись внѣшнимъ образомъ къ господствующей церкви. Но церковь далеко не выигрывала отъ такихъ случайныхъ присоединеній, напротивъ, чрезвычайно много теряла въ своей внутренней силѣ. Наконецъ, въ разсужденіи церковной политики Θεодосія нельзя не обратить вниманія на то, что онъ слишкомъ круто подчинилъ церковный строй требованіямъ государственнымъ. Если церковь обращена имъ въ орудіе для достиженія государственныхъ цѣлей, то этимъ принесено было въ жертву то, что составляетъ самое существенное и самое дорогое въ религіи—свобода совѣсти. Здѣсь идетъ рѣчь не только о томъ, что побѣдоносное и торжествующее христіанство отказалось отъ самыхъ высокихъ принциповъ, провозглашаемыхъ имъ во время угнетеннаго положенія (припоминается знаменитая фраза Тертуллиана: одной вѣрѣ не свойственно притѣснять другую—*religionis non est religionem cogere*), но также об опасности для самого государства поставить себя въ зависимость отъ религіознаго единства. Исторія представила слишкомъ явныя доказательства того, что такой тѣсный союзъ церкви и государства, какой установился въ Византіи, не былъ полезенъ ни той, ни другой сторонѣ. Особенно важно отмѣтить тѣ мѣропріятія, въ которыхъ усматривается начало обособленія Востока, и намѣчаются характеристическія черты развитія православно-восточной церкви. Само собой разумѣется, что съ перенесеніемъ столицы имперіи въ Константинополь Римъ не утратилъ своихъ старыхъ политическихъ и моральныхъ привилегій. Но, какъ столица имперіи и резиденція императора, Константинополь началъ обнаруживать притязанія на первенство между всѣми городами Востока и нѣкоторое соперничество съ Римомъ уже въ IV и V вѣкѣ, когда императоры должны были ради безопасности переносить столицу въ Миланъ, Равенну и другіе города Италіи.

Но высокій авторитетъ, которымъ пользовался римскій епископъ на Западѣ, не могъ быть поколебленъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Римъ временами былъ развѣнчанъ и даже подпадалъ подъ власть варваровъ, такъ что въ церковномъ отношеніи самостоятельность восточной церкви не была предрѣшена раздѣленіемъ имперій и основаніемъ Константинополя. Но и въ этомъ отношеніи первые шаги сдѣланы были Θεодосіемъ. Его намѣренія ясно выражались въ созваніи на соборъ въ Константинополь въ 381 г. только восточныхъ епископовъ и въ извѣстномъ правилѣ этого собора о привилегіи Константинополя на право чести вслѣдъ за Римомъ. Весьма любопытно, что на Западѣ въ слѣдующемъ же году созванъ былъ соборъ въ Аквилеѣ, на которомъ не присутствовали восточные епископы, хотя на этомъ соборѣ трактовались вопросы, относящіеся къ восточной церкви. Самый вліятельный тогдашній епископъ Амвросій медіоланскій не преминулъ обратиться къ Θεодосію съ письмомъ по поводу этого обстоятельства, указывая на установившійся обычай въ дѣлахъ церковныхъ спрашивать мнѣнія римской церкви, но письмо осталось безъ результата ¹⁾. Можно думать, что въ своихъ воззрѣніяхъ на церковный вопросъ Θεодосій руководился идеей самостоятельности восточной церкви. Во всякомъ случаѣ, его авторитету и настойчивости обязана восточная церковь своими первыми попытками управляться независимо отъ римскаго епископа.

Къ концу IV вѣка въ Римской имперіи обнаруживается другое явленіе, имѣющее въ дальнѣйшей исторической эволюціи величайшее значеніе послѣ христіанства. Имѣемъ въ виду иммиграцію новыхъ народовъ, которые то съ оружіемъ въ рукахъ, то мирными колонистами заселяли римскія провинціи. Наиболѣе сильными выразителями эпохи переселенія народовъ были готы—одно изъ даровитѣйшихъ нѣмецкихъ племенъ.

Готы—это норманны эпохи переселенія народовъ. Въ небольшой періодъ времени они искрестили всю Европу съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ, нигдѣ не дѣлая продолжительной остановки. Познакомившись съ южнымъ моремъ, они предпринимали морскіе набѣги на прибрежныя страны Европы и Азіи, переходили большими отрядами на малоазійскій материкъ и опустошали римскіе города.

¹⁾ Sozom. VII, 9.

Изъ первоначальныхъ мѣстъ своего обитанія у Балтійскаго моря они въ концѣ II вѣка (160—170 г.) двинулись къ югу и произвели здѣсь перемѣщеніе народовъ Восточной Европы. Передвиженіе готовъ съ сѣвера на югъ продолжалось, по крайней мѣрѣ, 30 лѣтъ: въ началѣ III вѣка они уже занимали юго-восточную Европу отъ Дуная до Дона; рѣка Днѣстръ раздѣляла готовъ на двѣ части: восточную и западную. Не извѣстно, вынесли ли они съ родины раздѣленіе на двѣ вѣтви, или уже на римской границѣ образовалось раздѣленіе; во всякомъ случаѣ, въ III в. готы раздѣляются на остготовъ и вестготовъ. Первые назывались на туземномъ языкѣ еще грейтунгами, ими владычествовалъ родъ Амаловъ; вторые именовались тервингами и были подъ управленіемъ рода Балтовъ. О наслѣдственной королевской власти и объединеніи всѣхъ готовъ не можетъ быть и рѣчи, хотя національный историкъ Юрнандъ уже до времени Константина Великаго насчитываетъ у готовъ четырехъ королей. Даже въ концѣ IV в. находимъ у нихъ двухъ самостоятельныхъ властителей Атанариха и Фритигерна и, кромѣ того, отдѣльное государство Германриха. Нужно думать, что это были начальники отдѣльныхъ колѣнъ, успѣвшіе личной храбростью возвыситься надъ старшинами другихъ колѣнъ. Теперь уже доказано, что историки Кассіодоръ и Юрнандъ придали Германриху обширную власть изъ политической тенденціи. Малая достовѣрность древнѣйшей исторіи готовъ прекрасно документируется письмомъ остготскаго короля Аталариха римскому сенату отъ 534 г. Король говоритъ здѣсь о заслугахъ готскаго историка Кассіодора слѣдующее: „Онъ погрузился въ древность нашего рода и вычиталъ тамъ то, что едва хранилось въ памяти нашихъ предковъ. Онъ вывелъ изъ мрака забвенія готскихъ королей, возстановивъ въ полномъ блескѣ славу рода Амаловъ, ясно показавъ, что мы составляемъ 17-ое поколѣніе королевской династіи. Первоначальную готскую исторію онъ связалъ съ римской, соединивъ какъ бы въ одинъ роскошный вѣнокъ то, что было разбросано по широкому полю книгъ. Подумайте, сколько любви показалъ онъ и къ вамъ, похваливъ насъ. Онъ разъяснилъ, что вы находитесь подъ властью народа, который искони отличался чудною славой“.

Несмотря на старанія Юрнанда и Кассіодора, древняя исторія готовъ остается весьма темна. Правда, отдаленнѣйшія страны испы-

тали несчастія отъ ихъ набѣговъ, самый Римъ не разъ находился въ крайней опасности, напрімѣръ, въ 251 г., когда въ войнѣ съ готами палъ императоръ Децій, но напрасны усилія доказать, что въ этихъ смѣлыхъ набѣгахъ и войнахъ съ имперіей готы дѣйствовали по опредѣленному плану, какъ организованный народъ—войско, а не какъ дружинники и пираты. Съ 238 г. римляне начали откупаться отъ нихъ деньгами, но и это не помогало, такъ какъ на мѣсто ушедшей дружины являлась новая и требовала подачки.

Важнѣйшимъ моментомъ въ отношеніяхъ между готами и римлянами было, безъ сомнѣнія, завоеваніе Крымскаго полуострова остготами около половины III вѣка. Сдѣлавшись владѣтелями этой прекрасной страны, готы воспользовались мѣстными условіями и утвердили свою власть на морѣ. Прибрежное крымское населеніе, пріученное къ мореплаванію, служило гребцами и проводниками и вело готовъ за добычей. Тогда самая укрѣпленная мѣста, какъ нынѣшняя Пицунда и Трапезунтъ, не были свободны отъ страха готскаго нашествія. Съ моря угрожали пираты-остготы, съ суши—дружины вестготовъ, которыя переправлялись черезъ Дунай, дѣлали опустошенія на Балканскомъ полуостровѣ, доходя до Босфора. На рыбачьихъ лодкахъ переправлялись они изъ Европы въ Азію и съ богатой добычей возвращались снова за Дунай. Императоръ Клавдій въ 269 г. нанесъ имъ пораженіе при Ниссѣ, при чемъ онъ доносилъ, что враговъ было до 300000. Но въ 274 г. императоръ Авреліанъ принужденъ былъ уступить готамъ Дакію для поселенія.

Древнѣйшіе германскіе литературные памятники готскаго происхожденія; такъ, переводъ Библии на нѣмецкій языкъ сдѣланъ готомъ Ульффилою въ первой половинѣ IV вѣка. Христіанство прежде всего распространилось среди крымскихъ готовъ, первыя объ этомъ извѣстія относятся къ 258 г. На первомъ вселенскомъ соборѣ въ 325 г. присутствовалъ готскій епископъ Θεοφιλъ. Изъ писемъ I. Златоуста (206 и 209) извѣстно, что онъ посвятилъ для готовъ епископа Унилу.

Роковымъ событіемъ въ исторіи готовъ было то, что они сдѣлались ревностными послѣдователями аріанства. По вопросу объ обстоятельствахъ распространенія у готовъ аріанскаго ученія существуютъ разнорѣчивыя мнѣнія. Слѣдуетъ думать, что въ III в. христіанство проникло лишь къ крымскимъ готамъ, а что въ IV в.

арианство распространилъ среди вестготовъ епископъ ихъ Ульфила ¹⁾. Онъ родился около 311 г., воспитаніе получилъ при дворѣ римскаго императора, куда попалъ въ качествѣ заложника. Въ 340 г. посвященъ Евсевіемъ въ епископы и отправленъ миссіонеромъ къ вестготамъ, обитавшимъ въ Дакии и смежной съ ней части Мизіи. Онъ дѣйствовалъ между готами до 381 или 388 г. Какъ сказано выше, ему принадлежитъ переводъ Библии на нѣмецкій языкъ.

При такихъ условіяхъ въ юго-восточной Европѣ, гдѣ господствовали далеко еще не объединенныя готскія колѣна и народы разнаго происхожденія, какъ герулы, языги, роксоланы и др., произошло движеніе гунновъ, вызвавшее новое громадное перемѣщеніе народовъ.

Гунны являются въ исторіи народомъ кочевымъ и хищническимъ. Жилищъ они не строили и боялись ихъ какъ могилы. Земледѣлія не знали и питались сырымъ мясомъ, разогрѣтымъ подъ ихъ сѣдлами. Носили льняныя одежды и кожи и не перемѣняли ихъ, пока онѣ не сваливались съ плечъ. Съ дѣтства привыкали къ верховой ѣздѣ, сидя на лошади занимались дѣлами, даже ѣли и спали. При передвиженіи орды, на телѣгахъ ѣхали за мужьями жены и дѣти. Нападеніе ихъ было быстро и неожиданно, но также поспѣшно и отступленіе. Городовъ и укрѣпленныхъ лагерей они не умѣли брать: тутъ нужна осада, приготовительныя работы, а гунны терпѣть и ждать не хотѣли. Долго считали гунновъ народомъ монгольскаго происхожденія и выводили ихъ исторію изъ китайскихъ писателей; справедливѣе теперь принимаютъ въ нихъ смѣшанное происхожденіе, въ которомъ чудская и финнская кровь составляла главное содержаніе. Равнины между Волгою и Ураломъ были заняты этими кочевниками со времени Р. Хр.; южная орда извѣстна подъ именемъ бѣлыхъ гунновъ и упоминается у персидскихъ историковъ, сѣверная орда или черные гунны господствовали на Уралѣ. Въ 372 г. подъ предводительствомъ Валамира, черные гунны двинулись къ юго-западу поискать новыхъ, болѣе обильныхъ пастбищъ. Между Дономъ и Волгой они встрѣтились съ аланами, побѣдили ихъ и заставили двинуться также на западъ ²⁾. Южно-русская равнина по сѣв. берегу

¹⁾ Waitz, „Leben und Lehre des Ulfila“, 1840; Bessel, „Leben des Ulfila“, 1860.

²⁾ Григорьевъ, „Журн. Мин. Нар. Просв.“, мартъ 1875.

ПУРПУРОВЫЙ КОДЕКСЪ ЕВАНГЕЛІЯ,

хран. въ Императорской Публичной Библиотекѣ.

167
7

СВАКОУ ЕИНА **Ε**ΠΙΕΝΔΕΤΡΟ.
 ΚΟΥΕΤΩ ^{Γ'Ζ} Ρ) ΓΟΥΣΓΗΝΠ
 ΚΑΙ ΚΕΓΙΤΙΖ ΡΑ ΒΟΛΗΝΤΑΥ
 ΓΕΣΧΥΙΦΤΓΑΝ ΤΗΝΔΕΓΦΗΤ.
 ΓΕСОΓТЕХΩНН ХНОС ЕЗУМФ
 ΚΑΙ ΟΙΑ ΜΑΡΓΩ ΕΧΩΝ ΕΚΑΤΟΗ
 ΝΟΙΑ ΚΟУЕГН ПРОВАТАКА-А
 ΑΥΤΟΥ ΚΑΙ ΝΙC ΠΟΛΕCΑΓΕΝΕ

Чернаго моря занята была остготами, которые тогда подъ властью Германриха образовали довольно обширное государство. Видя, что роксоланы и часть готовъ пристали къ гуннамъ, Германрихъ съ отчаянія лишилъ себя жизни. Сынъ его Гунимундъ вошелъ съ гуннами въ соглашеніе и усилилъ этимъ орду ихъ; нѣкоторая часть готовъ двинулась къ Дунаю искать защиты у римлянъ. Вестготы, жившіе на Дунаѣ, въ то время враждовали между собою, раздѣлившись на два враждебные лагеря подъ предводительствомъ Атанариха и Фритигерна; изъ нихъ послѣдній защищалъ христіанъ, а первый преслѣдовалъ ихъ. Храбрый Атанарихъ окруженъ былъ гуннами на Днѣстрѣ, отступилъ за Трояновъ валь между Прутомъ и Дунаемъ; наконецъ, чтобы спасти своихъ готовъ, удалился къ Карпатскимъ горамъ. Нѣмецкіе народы, не желавшіе примкнуть къ ордѣ гунновъ, силою обстоятельствъ приведены были къ римской границѣ и стояли на лѣвомъ берегу Дуная, готовые въ случаѣ неминуемой опасности переправиться въ имперскія области. Это были тайфалы, часть остготовъ и вестготы Фритигерна. Недостатокъ жизненныхъ средствъ, опустошеніе гуннами страны на сѣверъ отъ Дуная и опасность отъ этихъ дикихъ охотниковъ—все соединилось къ тому, чтобы заставить голодныхъ готовъ прочистить себѣ путь во Θракію.

Между тѣмъ, на противоположномъ берегу Дуная усилены были римскіе форпосты, и отданъ приказъ тщательно слѣдить за переправами. Готы—говоритъ Евнапій—падали на колѣни, испускали жалобные вопли и поднимали руки; вожди ихъ просили переговоровъ съ начальниками римской стражи. Когда имъ позволено было высказать свое желаніе, они умоляли дать имъ свободныя земли для поселенія, обѣщаясь быть вѣрными слугами императора и мирными поселенцами. Это было въ 376 г. Императоръ Валентъ ¹⁾, находившійся тогда въ азіатскихъ провинціяхъ по случаю войны съ персами, далъ согласіе на принятіе готовъ въ римскія области. Что касается условій, на которыхъ римляне рѣшились допустить къ себѣ готовъ,

¹⁾ По смерти Константина Великаго рядъ императоровъ идетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) отъ 337 до 353 г. сыновья Константинъ II (Галлія и Испанія), Константъ (Италія и Африка), Констанцій (Востокъ); 2) племянники: Далмацій (дунайскія провинціи), Ганнибаліанъ (Понтъ). Съ 353 г. по 361 имперія соединена подъ одною властью Констанція. Слѣдуютъ: Юліанъ (361—363), Іовіанъ (363—364), Валентиніанъ I (364—375) на Западѣ, Валентъ (364—378) на Востокѣ, Граціанъ и Валентиніанъ II (375—392) на Западѣ, Θεодосій (379—395) на Востокѣ.

весьма вѣроятно, что имъ дано право федеративнаго народа, т.-е. они дали заложниковъ и выставляли отъ себя контингентъ въ римскую военную службу. Поселеніе готовъ должно было произойти по определенной формѣ, при извѣстномъ порядкѣ. Но форма нарушена была еще до прибытія разрѣшенія, толпы варваровъ вплавь переправлялись на римскій берегъ, ихъ оружіемъ заставляли плыть назадъ: вотъ причина, изъ которой произошли недоразумѣнія, поведшія къ кровавымъ столкновеніямъ.

Число варваровъ, принятыхъ на римскую службу, должно быть не менѣе милліона, если вѣрить Евнапію, что вооруженныхъ было до 200000. Нужно было раздѣлить ихъ на мелкіе отряды и дать имъ средства къ пропитанію, пока они займутся обработкой выдѣленныхъ имъ участковъ. Но довѣренныя лица императора, Лупицинъ и Максимъ, захотѣли извлечь личную пользу изъ этого положенія. Не раздѣляя полчища готовъ, они не позаботились снабдить его припасами, продавали хлѣбъ по возвышенной цѣнѣ, вслѣдствіе чего готы стали продавать плѣнниковъ, а потомъ женъ и дѣтей. Поднялось общее неудовольствіе; чтобы потушить волненіе, отданъ былъ приказъ раздѣлить готовъ. Но для этого потребовались войска, которымъ ввѣрена была стража на Дунаѣ. Остготы и тайфалы, зорко слѣдившіе съ того берега за событіями, воспользовались этимъ и также переправились на римскую сторону. Римскіе полководцы поняли опасность, пригласили нѣмецкихъ вождей на угощеніе въ Маркіанополь и умертвили ихъ. Но Фритигерну удалось спастись и жестоко отомстить римлянамъ за вѣроломство. Разбивая римскіе отряды въ легкихъ стычкахъ, онъ успѣлъ вооружить готовъ римскимъ оружіемъ, смѣлѣе пошелъ впередъ по Фракіи и угрожалъ большимъ римскимъ городамъ. Въ 378 г. прибылъ на мѣсто дѣйствія съ военными легіонами императоръ Валентъ, но при Адрианополѣ готамъ удалось одержать блестящую побѣду, причемъ уничтожено было римское войско и убитъ самъ императоръ. Весь полуостровъ до самыхъ стѣнъ Царяграда открытъ былъ готамъ, и они грабежомъ и опустошеніями мстили римлянамъ. Западный императоръ Граціанъ, извѣщенный объ опасности на Балканскомъ полуостровѣ, послалъ на помощь Валенту флотъ и войско. Но послѣ несчастнаго дѣла при Адрианополѣ онъ уже не рѣшался выставлять открытой силы противъ готовъ. Вступивъ въ переговоры съ нѣкоторыми варварскими

вождями, Граціанъ убѣдилъ остготовъ поселиться въ южной Панноніи и потомъ поручилъ устройство военныхъ дѣлъ полководцу Θεодосію, назначивъ его августомъ.

Новый императоръ (379 – 395) съ рѣдкимъ умѣньемъ исполнилъ свою задачу: поднявъ дисциплину войска и избѣгая большихъ битвъ съ готами, онъ, однако, заставилъ варваровъ прекратить опустошенія; не мало помогло ему и то, что въ это время умеръ Фритигернъ. Результатомъ политики Θεодосія было то, что къ 382 г. вестготы успокоились, размѣстились по Θракіи на правахъ союзнаго народа. Чтобы предупредить возможность новыхъ движеній между ними, Θεодосій пригласилъ поселиться въ римской землѣ и Атанариха: этимъ создавался противовѣсъ готамъ-аріанамъ въ готяхъ-язычникахъ. Варвары поступали въ римскую службу, размѣщаемы были по разнымъ легіонамъ; большинство же ихъ оставалось на занятой землѣ и приучалось къ хлѣбопашеству. За ними обезпечивалась свобода внутренняго управленія, на извѣстный срокъ свобода отъ податей. Но они теряли право выбирать себѣ высшую военную власть, обязывались доставлять вспомогательныя войска въ римскую службу. Разселяясь по отведеннымъ имъ землямъ, германцы вступали въ мирныя сношенія съ римлянами, усваивали ихъ обычаи, но не менѣе передавали и свои. По крайней мѣрѣ, въ началѣ V в. уже раздаются обличенія противъ варварской моды въ одеждѣ, противъ окрашиванія волосъ и т. п. Нѣмецкіе отряды входятъ, какъ почетная часть, въ придворную стражу. Способнѣйшіе германцы усвояютъ римскіе военные обычаи и изучаютъ римскую политику; варварскій элементъ сильно даетъ себя чувствовать въ придворной и военной службѣ.

Дворъ Констанція въ Миланѣ и Θεодосія Великаго въ Константинополѣ былъ наполненъ германцами. Но имперія, повидимому, была далека отъ мысли, что германскій элементъ можетъ быть опаснымъ, и тѣмъ болѣе государственные римскіе люди не предвидѣли того, что германцамъ въ самомъ ближайшемъ времени предстоитъ распоряжаться судьбами Западной и Восточной имперіи. Такъ какъ переходъ вестготовъ за Дунай составляетъ первостепенный фактъ въ процессѣ преобразования Восточной имперіи въ Византійскую, то намъ слѣдуетъ оцѣнить его значеніе и рассмотреть его послѣдствія.

Постепенное вторженіе германскихъ народовъ въ предѣлы Римской имперіи сопровождалось громадными послѣдствіями какъ для

внѣшней политической исторіи, такъ и во внутреннемъ развитіи Западной и Восточной имперіи. Политика императоровъ, частью направляемая силою обстоятельствъ, противъ которыхъ невозможно было бороться, частью же сознательно вызывавшая и поощрявшая германскую иммиграцію, могла въ значительной степени имѣть себѣ оправданіе въ томъ для всѣхъ очевидномъ фактѣ, что вездѣ, въ особенности же на границахъ, замѣчалась убыль населенія, что чувствовалась потребность пополнить рѣдѣющіе ряды земледѣльцевъ, увеличить податные классы, съ которыхъ можно было бы собирать подати и вербовать легіоны. Германцы удовлетворяли всѣмъ указаннымъ потребностямъ, и массы ихъ въ III и IV вв. переходятъ въ имперію или въ качествѣ военноплѣнныхъ, или добровольно вступившихъ въ зависимыя отношенія.

Римская политическая система по отношенію къ германцамъ получаетъ особенно ясныя черты при Θεодосіи Великомъ въ концѣ IV вѣка. Правда и то, что къ этому времени германскій вопросъ, послѣ движенія за Дунай готовъ и утвержденія въ юго-восточной Европѣ гунновъ, получилъ въ имперіи уже важное политическое значеніе, тогда какъ до половины IV вѣка онъ не выходилъ изъ области явленій экономическихъ и соціальныхъ. Императоръ Θεодосій, принявъ рядъ мѣръ къ успокоенію готовъ и устранивъ острую опасность, вызванную неосторожнымъ допущеніемъ въ предѣлы Восточной имперіи нѣсколькихъ сотенъ тысячъ военного свободолюбиваго народа, твердо поставилъ и безповоротно рѣшилъ принципіальный вопросъ — объ отношеніи имперіи къ германцамъ. Въ мѣропріятіяхъ Θεодосія нужно искать объясненія той роли, которую германскій элементъ играетъ въ имперіи въ концѣ IV и въ V вѣкѣ. Θεодосій пришелъ къ окончательному заключенію, что для греко-романскаго міра не по силамъ борьба съ новыми и новыми волнами, выдвигаемыми сѣверо-восточной Европой, что безнадежно настаивать болѣе на упорномъ противоположеніи римскаго и варварскаго міра. Придя къ этому рѣшенію, Θεодосій задумалъ въ этихъ самыхъ варварахъ создать оплотъ въ предупрежденіе распаденія имперіи. Для этого нужно было вовлечь ихъ въ интересы римскаго государства, привязать ихъ къ законамъ, учрежденіямъ и культурнымъ благамъ Рима. Лучшимъ средствомъ для этого Θεодосій призналъ соединеніе браками германцевъ и римлянъ и широкое допущеніе первыхъ къ воен-

нымъ и гражданскимъ должностямъ. Въ этомъ отношеніи Θεодосій дѣлалъ значительныя уступки религіозному принципу, допуская на службу даже приверженцевъ языческаго культа. Дворъ его поэтому окруженъ былъ выдающимися людьми всѣхъ національностей и религій, которымъ онъ не стѣснялся давать высшіе титулы и должности ¹⁾. Таковы Рихомеръ, Саулъ, Стилихонъ, Арбогастъ, Гаина и другіе. Высокія мѣста, занимаемыя этими германцами, почетъ и расположеніе, которымъ они пользовались въ имперіи, были самымъ рѣшительнымъ стимуломъ для другихъ германцевъ за Дунаемъ и за Рейномъ, чтобы, оставляя родину, искать счастья и удачи въ Римской имперіи. Болѣе глубокія перемѣны вносили германцы въ армію, гдѣ они не только численно стали преобладать надъ туземцами, но и вызывать измѣненія въ самомъ военномъ строѣ и военной системѣ.

Въ высшей степени интересно подвергнуть изслѣдованію тѣ перемѣны, которыми сопровождалось проникновеніе варваровъ въ имперію. Еще никто, повидимому, не сомнѣвался въ превосходствѣ римскаго міра, никто не думалъ, что варварамъ принадлежитъ ближайшее будущее; напротивъ, большинство видѣло въ наводненіи германцами имперіи странное недоразумѣніе, которое можно еще устранить; большинство было того мнѣнія, что твердая политика сына Θεодосія могла бы бороться со зломъ,—между тѣмъ, въ дѣйствительности съ конца IV вѣка германскій элементъ утверждается въ имперіи весьма прочно и начинаетъ готовить тотъ переворотъ, который въ Западной имперіи завершился основаніемъ германскихъ государствъ и прекращеніемъ линіи римскихъ императоровъ.

По смерти Θεодосія въ Византіи можно видѣть три политическія партіи. Германская несомнѣнно была самая главная и наиболѣе вліятельная; во главѣ ея стоялъ Гаина, главнокомандующій восточными войсками, около него группировались не только служилые германцы, но и значительная часть ромэевъ, раздѣлявшихъ политическіе взгляды Θεодосія. Сила этой партіи заключалась въ томъ, что она имѣла поддержку въ полномочномъ министрѣ западнаго императора Стилихонѣ и въ супругѣ умершаго императора Евдоксіи—франкскаго происхожденія. Слабая сторона въ этой партіи было религіозное разъеди-

¹⁾ G ü l d e n p e n n i n g, „Geschichte des oströmischen Reiches unter den Kaisern Arcadius und Theodosius II“ (Halle, 1885, S. 91); K a u f m a n n, „Deutsche Geschichte“, I, 289 (Leipzig, 1880).

неніе: часть готовъ была аріане, часть исповѣдывала языческую вѣру, нѣкоторые принадлежали къ православнымъ. Религіозное разъединеніе сильно ослабляло германскую партію. Самой видной партіей, которая могла ставить германцамъ преграду, была партія Евтропія. Она не сосредоточивала, однако, людей патріотическаго направленія мыслей; около Евтропія группировались лишь его приверженцы, честолюбцы и искатели личныхъ выгодъ и обогащенія; греческая аристократія и народъ не любили выскочку Евтропія и не могли поддерживать его даже и въ томъ случаѣ, если бы онъ рѣзко выступилъ противъ германцевъ. Третью партію составляли мѣстные аристократы — сенаторы и патриціи, представители оппозиціи противъ варварскаго вліянія и могущества евнуха. Для этой партіи одинаково невыносимо было и то обстоятельство, что всѣ главные военные посты находились въ рукахъ германскихъ генераловъ (Стилихонъ въ Италіи, Аларихъ въ Иллирикѣ, Гаина на Востокѣ), такъ и то, что временщикъ Евтропій пожалованъ консуломъ на 399 годъ, а вслѣдъ затѣмъ возведенъ въ патриціи. Какъ значеніе упомянутыхъ партій, такъ и борьба ихъ составляетъ предметъ литературныхъ произведеній, современныхъ событіямъ.

Если германскій элементъ несомнѣнно игралъ выдающуюся роль въ судьбахъ Восточной имперіи съ конца IV вѣка, то ближайшее разсмотрѣніе военныхъ и гражданскихъ условій, въ которыхъ находились германцы, можетъ представлять собой достойный изученія предметъ. Несмотря на скудость данныхъ, почерпаемыхъ въ извѣстіяхъ греко-римскихъ писателей, мы не лишены до нѣкоторой степени возможности выяснить значеніе перемѣнъ, вызванныхъ германской иммиграціей въ имперію. Въ свою очередь, изученіе этихъ перемѣнъ можетъ доставить нѣсколько любопытныхъ данныхъ къ характеристикѣ тѣхъ особенностей, которыми новые народы поражали современныхъ имъ грековъ и римлянъ.

Участіе готовъ въ судьбахъ имперіи наиболѣе выразилось въ военномъ дѣлѣ, такъ какъ, въ свою очередь, и готскій народъ характеризуется по преимуществу военными чертами. Тенденціозная точка зрѣнія, нашедшая примѣненіе въ сочиненіи Юрнанда, выставляетъ дѣло такимъ образомъ, что политическія судьбы имперіи, ея военное могущество и слабость вполнѣ зависѣли отъ тѣхъ отношеній, въ которыхъ имперія находилась къ готамъ. Если имперія соблюдала

договоры съ готами, то она обезпечена была на счетъ своихъ границъ, ибо готы честно защищали ея интересы; если же нарушались договоры, имперія вездѣ испытывала пораженія и терпѣла потери. (орнандъ ¹⁾) категорически выражается объ этомъ: „безъ помощи готовъ римское войско не имѣло успѣха ни противъ кого изъ враговъ своихъ; такъ они помогали Константину въ войнѣ его съ Лициніемъ, и благодаря ихъ помощи послѣдній былъ запертъ въ Фессалоникѣ и убитъ; готы же оказали Константину содѣйствіе при основаніи знаменитаго города его имени; заключивъ съ нимъ союзъ (foedus inito cum imperatore), они доставили ему дружину изъ сорока тысячъ противъ враждебныхъ племенъ; готскій корпусъ и его военная служба донинѣ сохраняются въ имперіи въ имени федератовъ“.

Имя федераты извѣстно было въ Римской имперіи и ранѣе появленія готовъ. Съ основанія римскаго государства существовалъ обычай поручать защиту границъ сопредѣльнымъ съ Римомъ независимымъ народамъ, съ которыми для этого заключаемъ былъ foedus, обязывавшій иноземный народъ доставлять вспомогательный отрядъ для защиты имперіи. Такъ республика охраняла свои африканскія владѣнія чрезъ союзъ съ царемъ Нумидіи; такъ Августъ оберегалъ границы на Евфратѣ чрезъ царей каппадокійскихъ. Въ основаніи всѣхъ подобныхъ отношеній лежитъ foedus, т. е. договоръ братства по оружію ²⁾; въ политическомъ отношеніи всѣ варвары, вступившіе съ Римомъ въ подобный союзъ, обязывались къ военной службѣ въ формѣ доставки вспомогательнаго отряда, оставаясь или вполнѣ независимыми во внутреннемъ управленіи своимъ народомъ, или подвергаясь нѣкоторымъ ограниченіямъ, которыя зависѣли отъ формъ надѣленія ихъ римскими титулами ³⁾ или денежными выдачами. Существенное измѣненіе въ отношеніи къ федератамъ IV вѣка заключается въ томъ, что федератами стали называться не только варварскіе народы, жившіе за границами имперіи, но и такіе, которые получили для поселенія имперскія области, т.-е. надѣляемы были

¹⁾ „Getica“, p. 86—87, ed. Mommsen, „Mon. Germ. historica, auctor. antiquiss.“, tom. V, pars I. Berol. 1882.

²⁾ Mommsen, „Das römische Militärwesen seit Diocletian“ („Hermes“, XXIV, 1889, S. 195).

³⁾ Procopii, „De bello Persico“, II, 15, ἐμβόλα τῆς ἀρχῆς; Theoph. Chronogr., ed. Boor., p. 240, объ Ареѣ, филархѣ арабскомъ.

земельнымъ пожалованіемъ подъ условіемъ защиты имперскихъ границъ. По прежнимъ обычаямъ федеративный народъ вознаграждается былъ или освобожденіемъ, или уменьшеніемъ трибута; теперь же входитъ въ обычай, что прикрывающіе границы вожди варваровъ претендуютъ на опредѣленные денежныя выдачи, какими имперія содержала свои пограничныя войска. Установленіе нормы выдачи становится существеннымъ содержаніемъ договоровъ предводителей германскихъ племенъ или отдѣльныхъ военныхъ дружинъ съ имперіей. Соотвѣтственно нормѣ денежной выдачи предводитель обязывался содержать для службы имперіи опредѣленный вооруженный отрядъ: число военной дружины зависитъ отъ суммы, выдаваемой ежегодно правительствомъ имперіи предводителю федеративнаго колѣна или народа.

Чтобы не оставаться въ области общихъ положеній, возьмемъ нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ и посмотримъ, какъ рисуются въ нихъ отношенія германцевъ къ имперіи. У большинства писателей и именно такихъ, которые или сами хорошо знали событія, или пользовались хорошими источниками, отмѣчается особенная политическая тенденція предводителей варварскихъ дружинъ, заявляемая ими болѣе или менѣе открыто. Оказывается, что эта политическая тенденція замѣтна была уже при Θεодосіи и частью объяснялась предпочтеніемъ, оказываемымъ варварамъ этимъ императоромъ. У Евнапія находимъ слѣдующее мѣсто: „когда предводители скиѳскихъ дружинъ, знатные по чести и происхожденію, перешли къ ромѣямъ, то, будучи обласканы милостями царя и видя, что все передъ ними склоняется, они раздѣлились между собой на партіи: одна держалась того мнѣнія, что слѣдуетъ довольствоваться тѣмъ благопріятнымъ положеніемъ, которое выпало на ихъ долю въ имперіи, другая же, руководясь германскимъ патріотизмомъ и ссылаясь на секретную присягу и на тайное между германцами соглашеніе, стремилась всѣми средствами вредить грекамъ и пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы завладѣть ихъ страной“.—Здѣсь уже нѣтъ рѣчи о религіозномъ разъединеніи между готами—готы аріане и готы православные,—здѣсь прямо идетъ рѣчь о политическомъ принципѣ. Во главѣ грекофильской партіи стоялъ язычникъ Фравита, женатый съ согласія императора на гречанкѣ; германофильская партія группировалась около другого вождя по имени Еріульфа.—Та же самая черта поли-

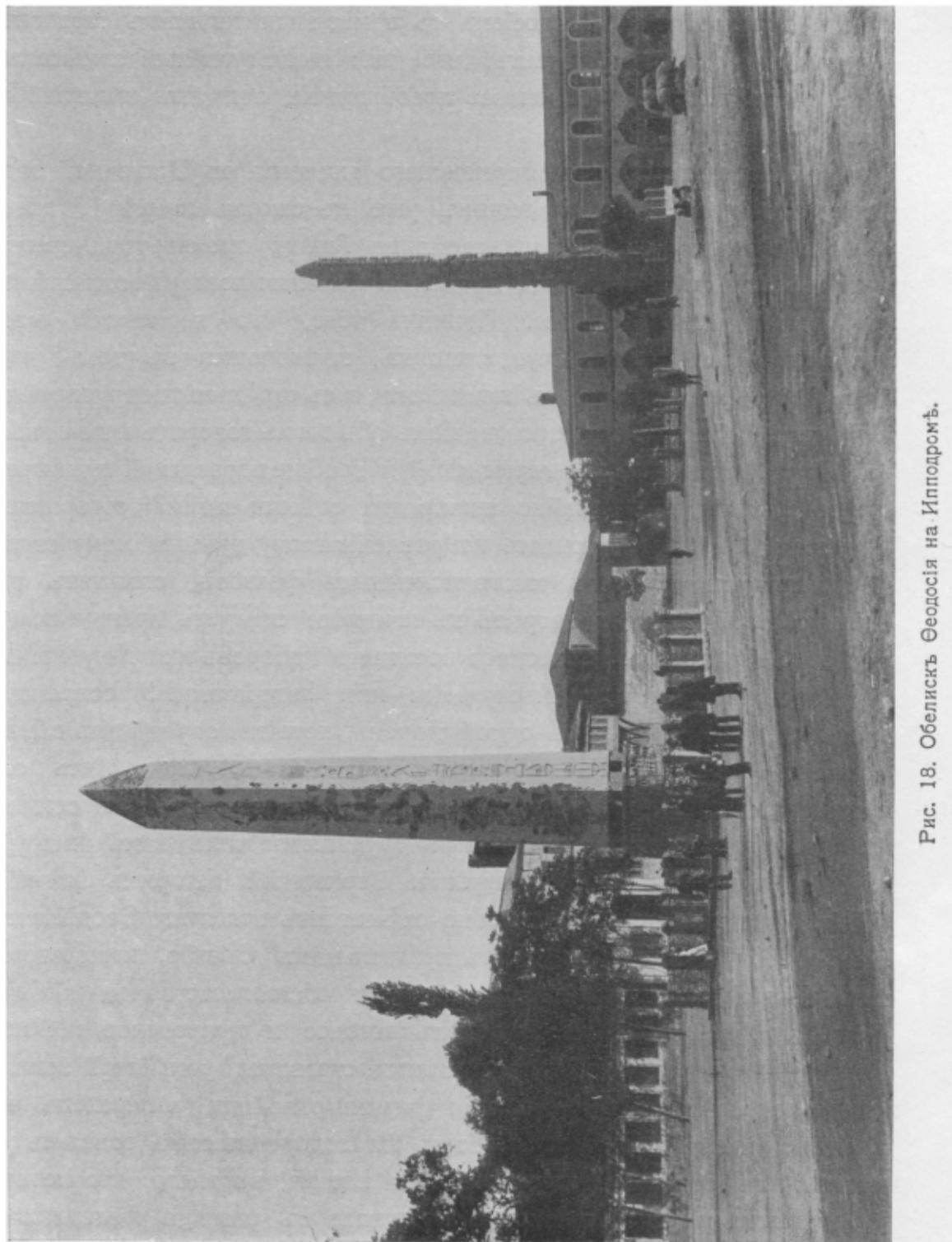

Рис. 18. Обелискъ Теодосія на Ипподромѣ.

тической измѣны германцевъ отмѣчена у другихъ писателей. Зосима, говоря о привлеченіи Θεодосіемъ въ армію значительныхъ отрядовъ германцевъ, также замѣчаетъ, что они имѣли тайный замыселъ, какъ скоро получатъ численное преобладаніе, овладѣть имперіей и устранить грековъ.

Знакомясь съ исторіей германскаго элемента въ Восточной имперіи, мы дѣйствительно видимъ уже въ самомъ концѣ IV вѣка смѣлую попытку со стороны германца Гаины произвести переворотъ въ пользу германцевъ. Подобныя попытки повторяются затѣмъ въ теченіе всего V вѣка. Причина того, что германскія притязанія не такъ скоро осуществились, заключается въ томъ, что Θεодосій имѣлъ дѣло не съ племенами, а съ отдѣльными дружинами и притомъ не такими численными, какъ объ этомъ говорятъ источники.

Опредѣлить значеніе германской и вообще варварской иммиграціи въ имперію чрезвычайно важно для оцѣнки явленій, совершающихся въ V вѣкѣ и дающихъ направленіе всему дальнѣйшему европейскому развитію. Изъ многочисленныхъ фактовъ, стоящихъ въ связи съ принятіемъ варваровъ въ имперію, слѣдуетъ прежде всего взвѣсить переворотъ въ системѣ военныхъ наборовъ и замѣну національнаго войска наемными отрядами или федератами. У современныхъ писателей ¹⁾ есть, съ одной стороны, попытка опредѣлить обыкновенный составъ арміи въ размѣрѣ 645 тысячъ, между тѣмъ составъ національнаго войска не превышалъ 150 тысячъ; все же остальное было заполнено иностранными дружинами, такъ какъ имперія не могла оставаться безъ прикрытія. Церковный историкъ Сократъ (IV, с. 34), повидимому, правильно оцѣниваетъ политику Θεодосія въ слѣдующихъ словахъ: „отдѣливъ пришельцамъ Фракію, императоръ считалъ это благопріятнымъ для имперіи обстоятельствомъ, ибо думалъ, что пріобрѣлъ въ варварахъ готовое и прекрасное войско. Надѣясь, что варвары будутъ лучшими стражами ромѣйской земли, онъ не заботился объ умноженіи римскаго войска, а перевелъ на деньги военную повинность“. Было бы затруднительно говорить о численномъ составѣ федератовъ, ибо весьма вѣроятно, что не вся масса германскихъ поселенцевъ поступала въ разрядъ федератовъ. Такъ, часть варваровъ получила военно-помѣстную организацію и

¹⁾ Agathiae, V, с. 13; Zosimi, p. 206, 12.

служила съ доходовъ отъ надѣльной земли, часть записывалась и распределялась по легионамъ и разсылалась по мѣстамъ расположе-

Рис. 19. Рельефы базы обелиска Θεοδοσία.

нія послѣднихъ. Наконецъ, сами федераты съ теченіемъ времени осѣдали на опредѣленномъ мѣстѣ, подчинялись условіямъ мѣстной

изни и переходили въ сельское сословіе. Наиболѣе выдающіеся эрманцы, предводители колѣнъ и начальники дружинъ, переселялись въ большіе города или въ столицу, усвоили себѣ образование и бычаи образованнаго общества, выучивались языку и скоро ассимилировались съ господствующимъ населеніемъ. Въ высшихъ рядахъ военной и гражданской администраціи сплошь-и-рядомъ встрѣчаемъ атѣмъ варварскія имена; предки знатныхъ генераловъ V вѣка за 2 лѣтъ были свободными германцами, начальниками дружинъ.

Германцы понимали свое положеніе въ имперіи и презрительно относились къ правительству и изнѣженнымъ представителямъ высшихъ классовъ. Предводители дружинъ, занимавшіе въ имперіи важные военные посты, не могли не придти къ мысли о легкости испроверженія существующаго порядка и о замѣнѣ туземнаго правительства германскимъ. Такой случай имѣлъ мѣсто вскорѣ по смерти Θεодосія, когда предводитель Гаина захватилъ Константинополь и произвелъ смуту въ восточныхъ войскахъ, „замышляя овладѣть—какъ говоритъ современникъ—самимъ царствомъ“¹⁾. Онъ мѣлъ къ тому всѣ средства, ибо въ качествѣ главнокомандующаго восточными войсками поставилъ во главѣ легионовъ преданныхъ ему людей изъ готской народности. Въ то же самое время германскій элементъ заявилъ притязанія и на религіозныя вольности и расширеніе церковныхъ правъ готской народности въ Константинополѣ. Бывшій тогда на кафедрѣ епископа І. Златоустъ выступилъ на защиту господствующей церкви съ авторитетомъ и достоинствомъ рѣшился отправиться въ лагерь бунтовщика, котораго и убѣдилъ мѣрить честолюбивыя домогательства²⁾.

Въ самомъ концѣ IV в., т. е. въ первые годы за смертью Θεодосія, случилось быть въ Константинополѣ епископу египетской Птолеаиды Синезію по дѣламъ своего кафедральнаго города. Онъ провель въ Константинополѣ три года и успѣлъ хорошо ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, которыя изобразилъ въ запискѣ, или поданной императору Аркадію, или даже лично прочитанной. Этотъ документъ замѣчательнъ и по своей темѣ, имѣющей первостепенное значеніе для того времени, и по благородству высказанныхъ въ немъ смѣ-

1) Іоаннъ Антіохійскій, р. 611.

2) Моя статья: „Константинополь въ послѣдніе годы IV вѣка“ („Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ“, IV, 159).

лыхъ мыслей, по горячему патріотизму и по литературному построению. Нѣтъ другого памятника, который такъ хорошо знакомилъ бы съ политическимъ состояніемъ дѣлъ въ имперіи въ 397—398 гг., и который такъ ясно и открыто выразилъ бы желанія антигерманской партіи въ Константинополѣ.

Приведемъ ту часть этого памятника, которая касается внѣшней политики ¹⁾. „Благорасположенный къ царю философъ—съ какими по происхожденію воинами посовѣтовалъ бы ему дѣлать воинскія упражненія и проводить совмѣстную жизнь въ палаткахъ? Не съ тѣми ли, которые являются естественными защитниками полей и городовъ и всей принадлежащей царству земли, и которые опредѣлены быть стражами государства и законовъ, давшихъ имъ воспитаніе и образованіе? Это тѣ, которыхъ Платонъ сравниваетъ со сторожевыми псами. Но какъ пастухъ не можетъ оставить вмѣстѣ съ собаками волковъ, которые, какъ только замѣтятъ въ собакахъ недостаточную внимательность, тотчасъ же нападутъ на нихъ, на стадо и на пастуховъ; подобнымъ образомъ и законодатель не разрѣшитъ снабдить оружіемъ тѣхъ, которые не родились и не воспитывались въ его законахъ, ибо у таковыхъ онъ не имѣетъ никакого ручательства на благорасположеніе. И нельзя не питать страха при видѣ отрядовъ молодыхъ воиновъ, воспитанныхъ въ чуждыхъ намъ нравахъ, живущихъ по своимъ обычаямъ и замышляющихъ враждебные намъ планы. Или слѣдуетъ всѣхъ ихъ признать философами, или, отказавшись отъ этой мысли, согласиться, что надъ государствомъ виситъ камень Тантала. Они сдѣлаютъ на насъ нападеніе тогда, когда признаютъ это удобнымъ. Уже нѣкоторые предвѣстники обнаруживаются, уже видны опухоли на тѣлѣ имперіи, отъ привзошедшихъ въ него чуждыхъ элементовъ оно не въ состояніи сохранить въ равновѣсіи свое здоровье.

„Прежде чѣмъ принимать на военную службу скиѳовъ, слѣдовало сдѣлать наборъ между тѣми, которые предаются земледѣлію, поручивъ имъ защиту его, а равно привлечь къ военной службѣ и философа изъ его кабинета, и ремесленника изъ его мастерской, и торговца съ рынка, и тѣхъ изъ празднаго дима, которые занятіямъ предпочитаютъ театр. Какъ въ частномъ домѣ, такъ равно и въ

¹⁾ Migne, t. LXVI, col. 1089, c. 14, 15.

государствѣ внѣшняя защита принадлежитъ мужскому полу, а забота о внутреннемъ порядкѣ—женщинѣ. Какъ же мы предоставляемъ чужеземцамъ занятія, свойственныя мужскому полу? По моему мнѣнію, если бы они выиграли для насъ многія побѣды, и тогда намъ было бы стыдно ими воспользоваться. И если упомянутые мужской и женскій полъ не находятся ни въ родствѣ, ни въ соплеменности, то достаточно малѣйшаго повода, чтобы они сдѣлались повелителями гражданъ, а эти послѣдніе, отвыкшіе отъ военного дѣла, поставлены будутъ въ необходимость сражаться съ людьми, привыкшими къ правильной войнѣ. Итакъ, пока не дошло до этого, мы должны развивать въ себѣ римскій военный духъ и привыкнуть распоряжаться побѣдами, и не только не допустить сближенія, но изъ всякаго учрежденія удалять варваровъ.

„И прежде всего нужно отъ нихъ очистить администрацію и сенатъ, для которыхъ они служатъ позоромъ и униженіемъ. При настоящемъ положеніи мудрая Фемида и богъ военного искусства закрыли бы лицо отъ стыда при видѣ того, какъ одѣтый въ шубу варваръ командуетъ ромеями, или какъ варваръ, снявъ съ себя овечью кожу и надѣвъ тогу, берется разсуждать съ римскими мужами о государственныхъ дѣлахъ, сядя выше консула и опытныхъ законовѣдовъ. Но въ тогѣ имъ неудобно сидѣть, и они немедленно по выходѣ изъ засѣданія снова надѣваютъ свою овечью кожу, въ которой имъ свободнѣй владѣть мечемъ. Удивительно, какъ мы неосторожны. Въ каждомъ мало-мальски зажиточномъ домѣ найдемъ раба скиѳа; они служатъ поварами, виночерпїями, скиѳы же и тѣ, что ходятъ съ небольшими стульями на плечахъ и предлагаютъ ихъ тѣмъ, кто желаетъ на улицѣ отдохнуть. Всюду скиѳы, какъ будто это искони обреченный и самой природой назначенный на службу римлянъ народъ! Достоинно удивленія, что эти бѣлокурые варвары, носящіе на евбейскій образецъ распущенные волосы, у однихъ и тѣхъ же людей въ частной жизни исполняютъ роль прислуги, а въ политической занимаютъ начальственныя мѣста. Мнѣ кажется, что по природѣ всякій рабъ есть врагъ своему господину, когда у него есть надежда осилить его. Вождей возстанія у насъ не двое и не рабскаго состоянія (выше идетъ рѣчь о возстаніи Крикса и Спартака), но, находясь во главѣ большихъ, жадныхъ до убійства огрядовъ, они состоятъ, кромѣ того, въ племенномъ родствѣ съ нашими

рабами. На несчастье римской державѣ они находятся среди насъ,

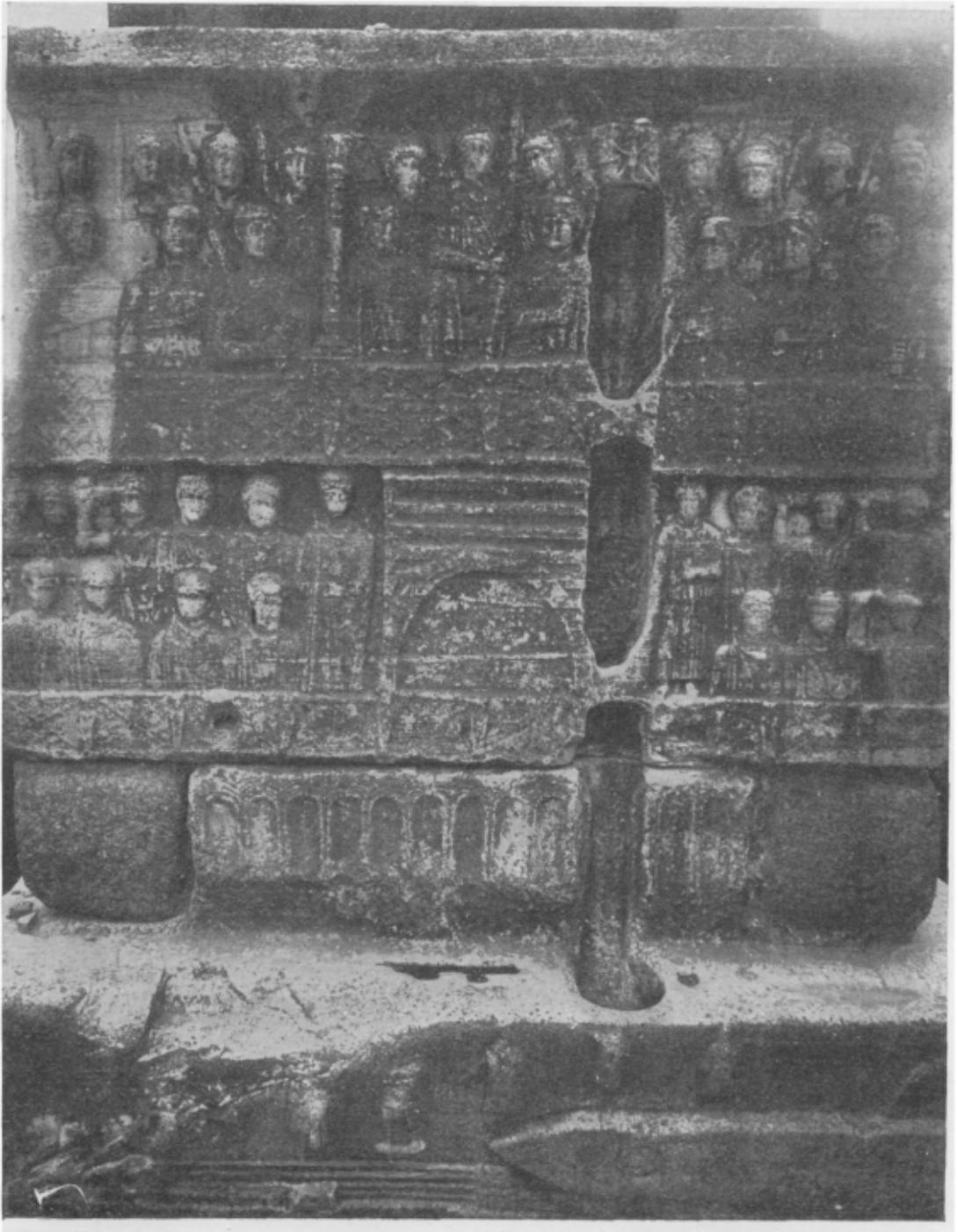

Рис. 20. Рельефы базы обелиска Θεодосіа.

имѣя во главѣ стратиговъ, занимающихъ важныя должности въ имперіи. Стоитъ имъ захотѣть, и къ нимъ немедленно присоеди-

нятся наши рабы, которые будутъ рѣшительными и смѣлыми воинами и охотно потѣшатся надъ своими господами.

„Итакъ, должно уничтожить эту защиту и устранить внѣшнюю причину болѣзни, прежде чѣмъ раскроется ядовитый нарывъ, прежде чѣмъ обнаружится враждебный духъ поселенцевъ. Если болѣзнь захвачена въ началѣ, то можно овладѣть ею процессомъ. Пусть будетъ очищенъ военный приказъ, какъ пшеничный ворохъ; надо отдѣлать въ немъ мякину и сорныя травы, что портятъ настоящее зерно. Если тебѣ, царь, покажутся мои совѣты не подходящими, вспомни, надъ какими людьми царствуешь, и о какомъ народѣ я ходатайствую. Римляне и на мѣстѣ своего происхожденія, и гдѣ только ни распространилась слава ихъ имени — вездѣ и всѣми повелѣвали оружіемъ и умомъ. Что же касается этихъ скиѳовъ, то, какъ свидѣтельствуешь Геродотъ и какъ мы сами видимъ, они одержимы болѣзнью трусости. И нынѣ къ намъ пришли не въ качествѣ завоевателей, а какъ просители, покинувъ занимаемая прежде мѣста. Ознакомившись же съ римлянами, которые оказались слабѣе ихъ не оружіемъ, а обычаями, этотъ грубый народъ возмечталъ о себѣ и заплатилъ неблагодарностью за благодѣяніе. Потерпѣвъ же за то наказаніе отъ твоего отца, они снова и со своими женами пришли какъ просители. Онъ же, будучи побѣдителемъ въ войнѣ, оказался побѣжденнымъ въ борьбѣ состраданія. Онъ поставилъ на ноги тѣхъ, которые склонились, далъ имъ званіе союзниковъ, наградилъ гражданскими правами, удостоилъ почестей и надѣлилъ этихъ кровожадныхъ людей участками римской земли. Но варвары не понимаютъ чувства милосердія. Съ тѣхъ поръ они издѣваются надъ нами и по сіе время, сознавая, что они были, и какъ мы ихъ возвысили. Молва объ этомъ чрезъ сосѣдей ихъ дошла и до насъ. И приходятъ чужеземные конные стрѣлки къ гостепріимнымъ людямъ и просятъ благорасположеннаго пріема, ссылаясь на предыдущіе примѣры.

„Если послушаешь меня, изъ этого труднаго положенія есть легкій выходъ. Ты можешь восполнить имперіи оказавшейся въ ней недостатокъ умноженіемъ у насъ полковъ, воспитаніемъ въ полкахъ военнаго духа и развитіемъ національнаго войска. Противъ этихъ людей нужна настойчивость. Или пусть воздѣлываютъ землю, или пусть уходятъ тѣмъ же путемъ, что пришли, и пусть заявятъ живу-

ИМПЕРАТОРЪ ГОНОРІЙ НА БЛЮДЪ ТЕОДОСІЯ.

щимъ на той сторонѣ рѣки, что у римлянъ нѣтъ болѣе прежней мягкости, и что надъ ними царствуетъ благородный юноша!“

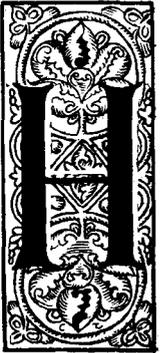
Эта дышащая глубокимъ патріотизмомъ рѣчь не могла быть принята къ практическому руководству. Она слишкомъ далека отъ реальности, и планъ Синесія трудно было осуществить. Именно потому императоръ Θεодосій и рѣшился создать изъ германцевъ военную силу имперіи, что собственныхъ средствъ въ ней не имѣлось, что негдѣ было почерпнуть того военного духа, о которомъ говоритъ египетскій епископъ. Наборъ войскъ у сосѣднихъ народовъ обратился уже въ систему, отъ которой не могло отступить правительство, а изгнать германцевъ и потому уже было невозможно, что въ эпоху произнесенія рѣчи Константинополь находился въ полной власти варварскихъ вождей. Будущія судьбы имперіи не могли направляться согласно теоретическимъ построениямъ, не принимавшимъ во вниманіе роковой дѣйствительности. Напротивъ, въ концѣ IV вѣка ходъ вещей всецѣло зависѣлъ отъ новыхъ народовъ, роль которыхъ въ судьбахъ имперіи была понята и безповоротно рѣшена распоряженіями Θεодосія Великаго.

Въ Константинополь на площади ат-Мейданъ или на Ипподромѣ находится египетскій обелискъ, поставленный въ 381 г. Θεодосіемъ Великимъ (рис. 18). Рельефы на пьедесталѣ этого обелиска, значительно пострадавшіе, относятся ко времени Θεодосія и изображаютъ различныя историческія событія. Между прочимъ здѣсь представлены игры на Ипподромѣ и вся царская семья: Θεодосій, императрица Флакцинила и сыновья Аркадій и Гонорій (рис. 19 и 20). На западной сторонѣ императоръ со всей семьей принимаетъ побѣжденныхъ готовъ ¹⁾, на другихъ сторонахъ—сцены придворной жизни.

1) Grosvenor, „Constantinople“, т. 1, 377—380.

глава VI.

ВЕЛИКОЕ ПЕРЕДВИЖЕНІЕ НАРОДОВЪ. ПАДЕНІЕ ЗАПАДНОЙ ИМПЕРІИ.

На площади Аркадія (авреть - базаръ) въ Константинополѣ стояла колонна съ серебряной статуей Аркадія на верху, сверху донизу покрытая барельефами, поднимающимся спиралью (рис. 21). Здѣсь были изображены событія изъ времени Θεодосія и Аркадія. Въ VIII столѣтіи вслѣдствіе землетрясенія статуя Аркадія была низвергнута. Въ настоящее время сохранился только постаментъ въ 6 метровъ вышины съ рельефами.

По смерти Θεодосія Великаго остались два сына, Аркадій и Гонорій. Восточная имперія передана Аркадію, которому было 18 лѣтъ, а Западная—Гонорію, которому было только 11 лѣтъ. Судьбы имперіи мало, впрочемъ, зависѣли отъ юныхъ императоровъ, которые не имѣли ни мужества, ни достаточно характера, ни охоты знакомиться съ государственными дѣлами; все вліяніе перешло въ руки временщиковъ варварскаго происхожденія: Руфина на Востокѣ, Стилихона на Западѣ. Съ этихъ поръ личные интересы и честолюбивые планы названныхъ все-сильныхъ министровъ получили преобладаніе при дворѣ и въ администраціи. При смерти императора присутствовалъ Стилихонъ, пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ Θεодосія и возвышенный имъ чуть не до царскаго могущества; онъ былъ женатъ на Серенѣ, племянницѣ императора, и имѣлъ въ виду сосватать дочь свою за Гонорія. Что касается Руфина, то по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ онъ былъ гораздо ниже Стилихона, но честолюбіемъ и жадностью къ богатству далеко превосходилъ его; у него была дочь, и онъ питалъ надежду быть тестемъ Аркадія. Уже тогда начавшая обнаруживаться противоположность между Востокомъ и Западомъ и разность политическихъ тенденцій нашли себѣ достаточную пищу въ

соперничествѣ двухъ министровъ, которые разсорили Аркадія и Гонорія и нашли средство противопоставить политическіе интересы обѣихъ половинъ имперіи.

На первый разъ былъ выставленъ вопросъ о восточномъ Иллирикѣ. Греція, какъ часть Иллирика, до времени Θεодосія была относима къ Италіи и причислялась къ западнымъ провинціямъ. Граціанъ, поручая Θεодосію устройство дѣлъ на Востокѣ, выдѣлилъ ему и Иллирикъ какъ провинцію, нуждавшуюся въ организаціи послѣ готскихъ набѣговъ и опустошеній. И нужно замѣтить, что по языку, традиціямъ и образу жизни населеніе Иллирика тянуло болѣе къ Востоку, чѣмъ къ Западу. При раздѣлѣ имперіи между сыновьями Θεодосій отдѣлилъ восточный Иллирикъ отъ Западной имперіи и подчинилъ его Аркадію. Западный императоръ Гонорій видѣлъ въ этомъ нарушеніе своихъ владѣній и считалъ себя обиженнымъ распоряженіемъ Θεодосія. Вопросъ объ обладаніи восточнымъ Иллирикомъ сталъ вопросомъ народной чести и предметомъ политическихъ недоразумѣній, Стилихонъ и Руфинъ съ рѣшеніемъ дѣла объ Иллирикѣ связали свои личные счеты. Изъ Константинополя отправлено было на Западъ довольно рѣзкое требованіе возвратить военные отряды, увведенные Θεодосіемъ для военныхъ предпріятій на Дунаѣ. Стилихонъ отвѣтилъ, что, когда позволятъ ему обстоятельства,

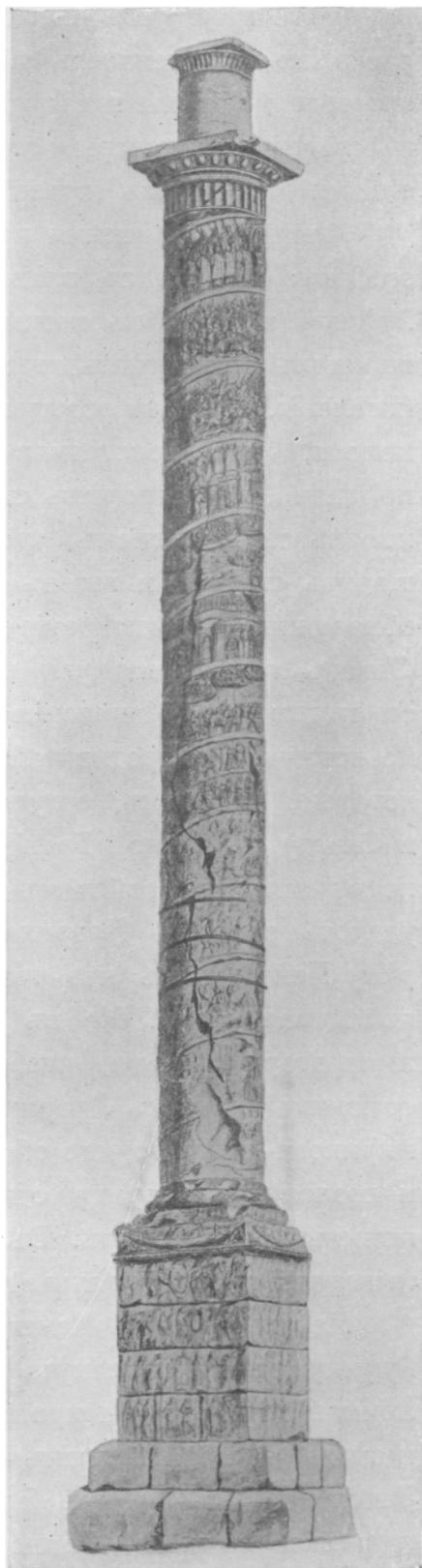

Рис. 21. Колонна Аркадія.

онъ самъ прибудетъ въ Константинополь и дастъ Аркадію отчетъ въ военныхъ и денежныхъ дѣлахъ, а также предъявить тѣ полномочія, которыя ему даны завѣщаніемъ Θεодосія. Тогда Руфинъ обратился къ средствамъ, которыя сопровождались крайне тягостными послѣдствіями для обѣихъ имперій.

Между варварскими вождями, поселенными въ Мизіи и Фракіи, особенно отличался вліяніемъ и мужествомъ вестготъ Аларихъ. Руфинъ вошелъ въ сношенія съ этимъ честолюбивымъ вождемъ и побудилъ его поднять готовъ на поиски болѣе удобныхъ земель для поселенія. Сначала разыграна была драма подъ стѣнами Константинополя, куда подступили готы. Руфинъ выступилъ въ лагерь непріятелей, переговорилъ съ Аларихомъ и возвратился въ Константинополь съ извѣстіемъ, что варваръ, подчиняясь авторитету Руфина, щадить столицу и готовъ очистить всю Фракію. Но скоро для всѣхъ обнаружилось намѣреніе Алариха. вмѣсто того, чтобы идти на Сѣверъ, готы повернули на Западъ, прошли, подвергая страшнымъ опустошеніямъ, Македонію и Фессалію и повернули въ Грецію. Здѣсь, не встрѣчая сопротивленія, Аларихъ прошелъ до самыхъ Аѳинъ, которыя, впрочемъ, откупились золотомъ, и взялъ Коринѣ, Аргось и Спарту въ южной Греціи. Стилихонъ, получивъ объ этомъ извѣстіе, поспѣшилъ съ войскомъ на защиту Греціи. Въ Пелопоннесѣ ему удалось запереть Алариха, отрѣзать доступъ припасовъ и отвести рѣку Пеней, такъ что готамъ не оставалось другого выбора, какъ постыдная сдача. Но въ это время получено было требованіе отъ императора Аркадія, чтобы Стилихонъ оставилъ въ покоѣ друга и союзника римлянъ Алариха, и что между Западной имперіей и Иллирикомъ нѣтъ ничего общаго. Стилихонъ подчинился необходимости и позволилъ Алариху сняться съ лагеря и отступить съ добычей и плѣнными въ Эпиръ. Въ 397 г. Аларихъ получилъ отъ восточнаго императора официальный титулъ герцога Иллирика.

Между тѣмъ въ Константинополѣ нашелся достойный соперникъ Руфину въ лицѣ евнуха Евтропія, который прежде всего обратилъ вниманіе Аркадія на красавицу Евдоксію, дочь франкскаго вождя, и тѣмъ разстроилъ планъ Руфина войти въ родство съ императоромъ. Вскорѣ затѣмъ Руфинъ былъ убитъ на глазахъ императора Аркадія готскимъ вождемъ Гаиной, который былъ главнокомандующимъ восточныхъ войскъ. Правленіе временщика Евтропія продолжалось

четыре года и характеризуется весьма натянутыми отношеніями къ Западной имперіи, крайнимъ деспотизмомъ въ Константинополѣ и въ высшей степени дурнымъ вліяніемъ на Аркадія и его супругу Евдоксію.

Начальные годы V столѣтія наполнены ужасомъ и опустошеніями, внесенными готами Алариха. Удачный походъ на Грецію, богатая добыча, захваченная варварами въ этомъ походѣ, и знакомство съ южными странами—всѣ эти обстоятельства были весьма достаточными мотивами, чтобы заохотить готовъ снова предпринять движеніе въ культурныя области имперіи. На этотъ разъ имѣлась, впрочемъ, въ виду другая страна. Аларихъ, не довольствуясь Иллирикомъ, достаточно уже истощеннымъ завоевателями, вступилъ въ переговоры со своими соплеменниками, оставшимися на Дунаѣ, и подговорилъ ихъ предпринять одновременное движеніе на Италію. Съ 400 года готы Алариха и паннонскіе остготы Ратигера начинаютъ продолжительную 13-тилѣтнюю войну за обладаніе Италіей, сдѣлавъ первую попытку совсѣмъ отнять у римлянъ эту страну. На встрѣчу варварамъ выступилъ Стилихонъ, достойный соперникъ Алариха, и заставилъ ихъ возвратиться. Но на слѣдующій годъ повторилось готское движеніе. Весь народъ съ женами и дѣтьми шель черезъ Альпы въ сѣверную Италію. Готы прошли по Иллиріи и венеціанскому побережью, осадили Аквилею и Верону и стали угрожать Милану. Робкій и изнѣженный Гонорій переѣзжалъ изъ Милана въ Равенну, изъ Равенны въ Асти, ища лишь личной безопасности. Стилихонъ преслѣдовалъ враговъ и далъ имъ два сраженія при Веронѣ и Полленціи, послѣ чего Аларихъ еще разъ принужденъ былъ отступить. Въ высшей степени любопытно отмѣтить, что восточный императоръ совершенно безучастно относился къ отчаянной борьбѣ Стилихона съ Аларихомъ.

Хотя Аларихъ удалился въ Иллирикъ, но не оставлялъ замысловъ на Италію. Не совсѣмъ удачный опытъ вторженія въ Италію убѣдилъ готовъ въ томъ, что если они придутъ съ большими силами и будутъ дѣйствовать съ разныхъ сторонъ, то задача можетъ быть достигнута. Поэтому ни Стилихонъ, ни Аларихъ не считали надежнымъ заключенный въ 403 г. миръ. Аларихъ держалъ сношенія съ Ратигеромъ, Стилихонъ спѣшилъ поставить на военное положеніе Равенну, которая съ тѣхъ поръ дѣлается вмѣсто Милана постоянной резиденціей

императора. Въ 404 г. паннонскіе остготы подъ начальствомъ Ратигера тремя колоннами вторглись въ Италію. Главный отрядъ остановился подъ Флоренціей, передовыя колонны ушли далѣе на югъ и были въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Рима. Въ Римѣ началось смятеніе, но христіанская и языческая партіи не одинаково относились къ угрожающей опасности, такъ какъ язычники ожидали отъ Ратигера возстановленія стараго культа и подняли голову. Но на этотъ разъ движенію варваровъ положило предѣлъ сопротивленіе, встрѣченное ими подъ Флоренціей. Стилихонъ воспользовался раздѣленіемъ врага и при Фіезоли нанесъ готамъ поражение; самъ Ратигеръ попался въ плѣнъ и былъ казненъ, большая часть захваченныхъ готовъ обращена въ рабство. Отборная дружина Ратигера изъ 12 000 воиновъ поступила въ римскую военную службу,—это была необдуманная и весьма бѣдственная мѣра, облегчившая для варваровъ доступъ въ Италію.

Пока Италія могла считаться могилой варваровъ, но не надолго. Движеніе готовъ на Италію, соединивъ здѣсь римскія военныя силы, ослабило средства обороны на рейнской границѣ, которая въ 406—407 гг. переходитъ во власть другихъ варваровъ, сдѣлавшихъ опытъ вторженія въ Галлію. Здѣсь участвуютъ три народа: вандалы, свевы и аланы. Въ зиму на 407 г. они по льду перешли Рейнъ и завладѣли почти всей Галліей, но, когда британскіе легіоны провозгласили своего императора и начали возстановлять римскую власть въ Галліи, германскіе завоеватели прошли черезъ Пиренеи въ Испанію. Въ 409 г. Испанія была раздѣлена между ними: свевы заняли сѣверо-западъ, вандалы—югъ, аланы—середину Испаніи.

Между тѣмъ въ придунайскихъ провинціяхъ, откуда шло движеніе, подготовлялись новыя грозныя событія. На югѣ Панноніи и Норика господствовалъ Атаульфъ, вождь готовъ и части гунновъ, еще южнѣе Аларихъ. Сестра Атаульфа была замужемъ за Аларихомъ, этотъ родственныи союзъ скрѣпленъ былъ договоромъ насчетъ новаго нападенія на Италію. Въ виду угрожающаго положенія Алариха и съ цѣлью сдѣлать его менѣе опаснымъ, Стилихонъ рѣшился предложить ему союзъ и уплатилъ ему 4000 ф. золота. Всмотриваясь въ тогдашнія событія, нельзя не оправдать Стилихона за его уступчивость. Но придворная партія взглянула на дѣло иначе и воспользовалась этимъ, чтобы заподозрить Стилихона въ глазахъ Гонорія. Противъ него говорило его варварское происхожденіе; на этой почвѣ Стилихонъ имѣлъ

противъ себя большую партію завистниковъ и недовольныхъ. Пущены были слухи, что онъ подкупилъ Алариха на войну противъ Восточной имперіи; другіе разглашали, что онъ прочитъ своего сына на римскій престолъ. Слабаго Гонорія легко было убѣдить въ правдоподобности интриги. Стилихонъ былъ убитъ 23 августа 408 г. Но этотъ крайне безтактный поступокъ лишь ускорилъ ходъ событій. Аларихъ, ссылаясь на договоръ и обѣщаніе Стилихона, потребовалъ у Гонорія денегъ и заложниковъ. Когда ему было отказано въ этомъ, онъ предпринялъ новый походъ въ Италію. Зимой 408 г. готы подступили къ Риму и начали осаждать его. Положеніе вѣчнаго города было отчаянное, такъ какъ не было никакой надежды на помощь извнѣ, а въ городѣ начались болѣзни и голодъ. Тогда сенатъ послалъ депутацію въ лагерь Алариха съ просьбой о мирѣ. Гордый варваръ потребовалъ страшно тяжелый выкупъ, на уплату котораго оказалось нужнымъ переплавить въ слитки всѣ драгоцѣнности, какія можно было собрать въ древнихъ храмахъ и въ казнѣ. Такой цѣной Римъ купилъ себѣ свободу отъ готскаго обложенія.

Войска Алариха усилились въ Италіи громадной толпой рабовъ и военноплѣнныхъ германскаго происхожденія, которые горѣли желаніемъ мстить своимъ бывшимъ господамъ. Кромѣ того, къ нему на соединеніе шель съ Сѣвера Атаульфъ съ остававшимися на Дунаѣ готами. При этихъ условіяхъ Аларихъ не желалъ оставить Италіи и предъявилъ гордыя требованія къ императору Гонорію, требуя титула главнокомандующаго имперскими войсками и земель для поселенія готовъ въ сѣверной Италіи. Императоръ соглашался на словахъ, но медлилъ исполненіемъ своихъ обѣщаній. Тогда Аларихъ снова подступилъ къ Риму и отрѣзалъ для него сношенія съ Остіей, откуда вѣчный городъ снабжаемъ былъ припасами. Тогда римскій сенатъ согласился на всѣ требованія Алариха и тѣмъ на нѣкоторое время купилъ себѣ свободу. Предводитель готовъ Аларихъ уже могъ бы въ это время поставить свою власть на мѣсто императорской, но онъ ограничился тѣмъ, что назначилъ новаго императора въ лицѣ Аттала и отъ него получилъ назначеніе на постъ главнокомандующаго римскихъ войскъ. Но Гонорію удалось получить поддержку со стороны одного изъ предводителей готскихъ дружинъ, Атталъ же не угодилъ Алариху и былъ низложенъ.

Въ 410 г. Римъ въ третій разъ подвергся тѣсной осадѣ. На

этотъ разъ городъ былъ взятъ (24 августа) и подвергся страшному опустошенію и разграбленію, память о которомъ долго жила въ населеніи. Обремененное богатой добычей, набранной въ храмахъ и богатыхъ домахъ, готское войско отступило въ Кампанію. Аларихъ питалъ суевѣрный страхъ къ Риму и его святынямъ и спѣшилъ удалиться на Югъ. Есть основанія предполагать, что онъ хотѣлъ вести своихъ готовъ въ Сицилію и Африку. Но онъ умеръ 34 лѣтъ отъ роду, оставивъ во главѣ готовъ Атаульфа.

Атаульфъ представляетъ собой типъ уже романизованнаго варвара. Онъ понялъ, что варварамъ нельзя прочно устроиться на римской почвѣ, не принявъ законовъ и учрежденій культурнаго общества. Поэтому главное стремленіе его было въ томъ, чтобы сблизиться съ римлянами. Онъ сватается за сестру императора Гонорія и получаетъ ея руку, добивается славы и чести быть „опорой“ римскаго государства и, наконецъ, по указанію императора ведетъ своихъ готовъ за Альпы, подчиняетъ имперіи отпавшую провинцію Галлію и восстанавливаетъ римское господство въ Испаніи. Въ награду за это готы въ 418 г. получили отъ императора Гонорія земли для поселенія въ южной Галліи между Гароной и Луарой. Тулуза сдѣлалась столицей вестготскаго королевства. Такъ съ дальняго востока пришли готы на крайній юго-западъ и, наконецъ, осѣлись въ началѣ V в. въ Аквитаніи. Въ Галліи въ то же время утвердились бургунды, въ Африку перешли изъ Испаніи вандалы. Имперія постепенно разлагается подъ вліяніемъ варварской иммиграціи. Окончательный актъ паденія ея задерживается волею тѣхъ же варварскихъ вождей, которые ставятъ и назначаютъ императоровъ. Одинаковыя явленія наблюдаются на Западѣ и на Востокѣ, но результаты дѣйствія разрушительныхъ элементовъ не были одинаковы въ Западной и Восточной имперіи.

Чрезвычайно большими потрясеніями сопровождалось появленіе въ Европѣ гунновъ. Они своимъ движеніемъ потѣснили къ Дунаю другіе народы. Мы видѣли, какъ императору Θεодосію Великому удалось на нѣкоторое время предотвратить грозную опасность и устроить дѣла на дунайской границѣ.

Гуннская орда съ подчиненными ей народами распространилась отъ Волги до Дуная и нѣкоторое время не угрожала римскимъ провинціямъ. Гунны раздѣлены были на племена, враждовавшія

между собой и находившіяся подъ властью отдѣльныхъ хановъ. Весьма вѣроятно, что часть ихъ, переходя за Дунай, принимала участіе вмѣстѣ съ готами въ набѣгахъ на римскія области. Но до конца первой половины V вѣка исторія гунновъ остается весьма мало извѣстной ¹⁾). Имя гунновъ пріобрѣтаетъ всемірно-историческое значеніе съ тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ хановъ, по имени Ругила, перешелъ за Дунай, занялъ Паннонію и вступилъ въ непосредственныя сношенія съ императорами Запада и Востока. Основателемъ могущества гунновъ былъ Аттила, принявшій власть послѣ Ругилы около 433 г. Это былъ исключительный человекъ какъ по своимъ природнымъ дарованіямъ, такъ и по страшнымъ слѣдамъ, оставленнымъ имъ въ исторіи. Онъ былъ малъ ростомъ, широкоплечій, съ большой головой. Имѣлъ маленькіе глаза, темный цвѣтъ лица, плоскій носъ, рѣдкую бороду. Въ его медленной походкѣ и важныхъ движеніяхъ выражалось сознаніе силы. Его жестокость съ побѣжденными не знала границъ, его называли „бичомъ божіимъ“ знавшіе его и сохранившіе о немъ память народы. Гунны вѣрили въ его божественное предназначеніе и шли за нимъ безъ разсужденій. Соединивъ подъ свою власть всѣ племена гунновъ, онъ подчинилъ себѣ многочисленныя народы германскаго, скиѣскаго и частью славянскаго происхожденія и образовалъ обширное царство, обнимавшее среднюю Европу отъ Волги до Рейна. Много римлянъ, грековъ, германцевъ и славянъ было на службѣ у Аттилы, который цѣнилъ умъ и знанія и умѣлъ привлекать къ себѣ нужныхъ людей. Первый большой походъ предпринялъ Аттила противъ Восточной имперіи. Съ одной стороны, въ 441 г. конные отряды его направились черезъ Арменію въ Месопотамію и Сирію и навели страхъ на персовъ и сирійцевъ; съ другой—онъ сдѣлалъ набѣгъ на Фракію, Македонію и Иллирію, разрушилъ множество городовъ, между прочимъ Сремъ, Нишъ, Сардику. Посланныя императоромъ Θεодосіемъ II войска были разбиты гуннами три раза; они не встрѣчали теперь сопротивленія до стѣнъ Константинополя и принудили императора купить у нихъ миръ весьма дорогой цѣной. Гуннамъ уступлена была для поселенія значительная область на югъ отъ Дуная, и дано обязательство вносить ежегодную обременительную дань въ 2100 ф. золота.

1) Какъ выражается Амміанъ Марцеллинъ, „monumentis veteribus leviter nota“.

Вслѣдствіе возникшихъ съ этихъ поръ сношеній между Восточной имперіей и гуннами получилась для грековъ возможность ближе ознакомиться съ этимъ народомъ и страшнымъ ихъ вождемъ. Въ 448 г. Θεодосій II отправилъ въ лагерь Аттилы, расположенный въ нынѣшней Венгріи на р. Тиссѣ, въ мѣстности близъ Токая, знатное посольство съ Максиминомъ и Прискомъ во главѣ. Официальная цѣль посольства заключалась въ томъ, чтобы объяснить Аттилѣ положеніе спорнаго вопроса о перебѣжчикахъ и просить его держаться установленныхъ мирныхъ договоровъ, а другая секретная сторона, даже неизвѣстная, повидимому, старшимъ членамъ посольства, состояла въ томъ, чтобы сдѣлать попытку умертвить Аттилу. Эта двойная цѣль, которая оказалась извѣстной Аттилѣ, поставила посольство въ чрезвычайно затруднительное положеніе, какъ скоро оно пришло во владѣнія Аттилы. Всѣ возникшія отсюда затрудненія и все, что послы увидѣли и испытали въ станѣ гунновъ, составило предметъ описанія Приска Панійскаго, участвовавшаго въ посольствѣ. Этотъ литературный памятникъ — добросовѣстное описаніе видѣннаго и слышаннаго — представляетъ собой чрезвычайно важный источникъ для исторіи половины V вѣка. Особенно важно въ немъ описаніе мѣстности, гдѣ расположены были становища гунновъ, равно какъ изображеніе нравовъ и обычаевъ народа и двора Аттилы.

Посольство держало путь на Сардику (нынѣ Софія), гдѣ былъ роздыхъ, потомъ на Нишъ, который былъ тогда въ развалинахъ отъ гуннскихъ набѣговъ. Истръ-Дунай переплыли на однопалубкахъ, перевозчиками были варвары. За Дунаемъ была уже неприятельская земля, гдѣ царилъ Аттила. Далѣе послы продолжали путь по Панноніи и Угріи. Аттила, находившійся тогда на пути къ Дунаю, выслалъ имъ навстрѣчу двухъ скивовъ, которые и были проводниками византійскаго посольства. Но когда они были уже близъ палатокъ Аттилы, произошло неожиданное затрудненіе. Прежде всего ихъ стали спрашивать о цѣли посольства, на что они отвѣчали, что имъ приказано объ этомъ лично передать Аттилѣ, а не черезъ посредство другихъ лицъ. Но оказалось, что Аттила знаетъ уже о цѣли посольства и не желаетъ лично принимать пословъ. Благодаря личнымъ знакомствамъ, Приску удалось, однако, добиться представленія Аттилѣ. Онъ сидѣлъ въ шатрѣ, охраняемомъ многочисленными во-

инами, на деревянной скамьѣ. Максиминъ подошелъ къ нему, вручилъ ему царскую грамоту и высказалъ благожеланія отъ имени царя ему и его домашнимъ, на что Аттила двусмысленно отвѣтилъ: „пусть съ римлянами будетъ то, чего они мнѣ желаютъ“. Затѣмъ онъ въ гнѣвѣ обратился къ переводчику посольства Вигилѣ и выразилъ ему сильное негодованіе. Посольству вообще пришлось вытерпѣть много непріятнаго, такъ какъ Аттила былъ противъ него предубѣжденъ, не вѣрилъ въ искренность Максимиана и Приска и въ непричастность ихъ къ заговору на его жизнь. Аттила двинулся дальше, не сдѣлавъ никакого распоряженія по поводу полученнаго черезъ посольство письма императора, а византійскіе послы послѣдовали за нимъ по Панноніи и Угріи. Они переправлялись черезъ многія рѣки на лодкахъ однодеревкахъ и на плотахъ, которые варвары возятъ съ собой на телѣгахъ. Въ селеніяхъ отпускали имъ въ продовольствіе просо и напитокъ, называемый у туземцевъ медъ (*μέδος*), служители же получали добываемый изъ ячменя напитокъ, называемый кумысъ или, можетъ-быть, квасъ, такъ какъ кумысъ готовится изъ кобыльяго молока. Послѣ продолжительнаго пути послы прибыли, наконецъ, въ столицу Аттилы, которая Прискомъ описана очень подробно. Дворецъ былъ построенъ изъ бревенъ и досокъ, искусно вытесанныхъ, и обнесенъ деревянною оградой, болѣе служащей къ украшенію, нежели къ защитѣ. Послѣ дома царскаго самый отличный былъ домъ Онигисіевъ, недалеко была большая баня... „При вѣздѣ въ селеніе Аттила былъ встрѣченъ дѣвицами, которыя шли рядами подъ тонкими бѣлыми покрывалами. Подъ каждымъ изъ этихъ длинныхъ покрываль, поддерживаемыхъ руками стоящихъ по обѣимъ сторонамъ женщинъ, было до семи или болѣе дѣвъ, а такихъ рядовъ было очень много. Сіи дѣвы, предшествуя Аттилѣ, пѣли скиескія пѣсни. Близъ дома Онигисія вышла навстрѣчу Аттилѣ супруга перваго со служителями, несшими кушанье и вино. Она привѣтствовала царя и просила его вкусить хлѣба и вина. Аттила, сидя на конѣ, въ угожденіе женѣ любимца своего, ѣлъ кушанье изъ серебрянаго блюда и отпилъ вина изъ чаши и поѣхалъ въ царскій дворецъ“.

Аттила нѣсколько разъ принималъ у себя византійское посольство и угощалъ его обѣдомъ. „Когда послы пришли въ назначенное время, виночерпій подалъ имъ чашу. Выпивъ изъ чаши, они сѣли

на скамьи, которыя стояли у стѣнъ комнаты по обѣ стороны. Аттила сидѣлъ на ложѣ въ серединѣ комнаты; позади находилась постель, закрытая пестрыми занавѣсками. Онигисій сидѣлъ на скамьѣ по правую сторону отъ Аттилы, послы по лѣвую. Противъ Онигисія сидѣли два сына Аттилы, а старшій его сынъ сидѣлъ рядомъ съ нимъ, на краю ложа съ опущенными внизъ глазами. Когда всѣ разсѣлись, виночерпій подошелъ къ Аттилѣ и поднесъ ему чашу съ виномъ. Аттила, взявъ чашу, привѣтствовалъ того, кто сидѣлъ первымъ въ ряду. Тотъ, кому была оказана честь привѣтствіемъ, вставалъ и сядился не прежде, какъ Аттила передавалъ виночерпію чашу. Послѣ того, какъ всѣмъ была оказана честь, виночерпіи вышли. Затѣмъ подавались яства. Подлѣ Аттилы поставлены были столы на нѣсколько человекъ съ кушаньями, такъ что ближайшіе къ нему гости могли брать кушанья прямо со своихъ мѣстъ. Для каждого гостя особый служитель вносилъ блюдо и ставилъ передъ нимъ. Вообще замѣчалось, что роскошныя блюда подавались гостямъ, а самъ Аттила довольствовался весьма простыми. Съ наступленіемъ вечера были зажжены факелы, и начались развлечения. Варвары пѣли пѣсни, въ которыхъ превозносились доблести Аттилы и побѣды его надъ врагами. Другіе тѣшили стихотвореніями и воспоминаніями о битвахъ. Наконецъ, выступилъ шутъ или юродивый, который говорилъ вздорныя вещи и всѣхъ насмѣшилъ“. Черезъ нѣсколько дней посольство получило разрѣшеніе возвратиться.

Въ описаніи Приска нѣкоторыя черты заслуживаютъ особеннаго вниманія. Прежде всего слѣдуетъ вспомнить, что занятая гуннами земля, по которой держало путь византійское посольство, вскорѣ затѣмъ становится славянскимъ достояніемъ. Но весьма можетъ быть, что гунны нашли уже здѣсь славянъ и покорили ихъ своей власти. Съ этой точки зрѣнія сообщенія Приска объ образѣ жизни населенія занятой гуннами страны пріобрѣтаютъ исключительный интересъ. Таково устройство домовъ, приготовленіе напитка изъ ячменя, въ которомъ нельзя не видѣть кваса, въ особенности хороводъ и пѣсни дѣвушекъ при встрѣчѣ Аттилы. Кромѣ того, нельзя не обратить вниманія на одно мѣсто у Приска, гдѣ характеризуется общее культурное состояніе гуннской державы по отношенію къ Византіи. Случайно Прискъ встрѣтилъ въ лагерѣ Аттилы одного, судя по платью и стрижкѣ волосъ на головѣ, скиѳа, который сказалъ ему обыкно-

венное между греками привѣтствіе на греческомъ языкѣ (*χαῖρε*). Приска заинтересовалъ этотъ варваръ, и онъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Оказалось, что это былъ чистый грекъ, попавшій по торговымъ дѣламъ въ городъ Виминакій (можетъ быть, Костолачь) и тамъ взятый въ плѣнъ гуннами; что онъ былъ зачисленъ въ военную службу, сражался съ римлянами, отличился въ войнѣ и получилъ свободу. Но когда затѣмъ, уже сверхъ всякаго ожиданія для Приска, этотъ собесѣдникъ сталъ выхвалять гуннскіе порядки сравнительно съ римскими и находилъ настоящее свое состояніе подъ властью Аттилы лучше и спокойнѣй, чѣмъ прежде въ римской имперіи, то этимъ признаніемъ Прискъ былъ крайне изумленъ и до извѣстной степени оскорбленъ въ своемъ патріотизмѣ и попытался вывѣдать отъ своего собесѣдника: чѣмъ именно такъ подкупаютъ его гуннскіе порядки? Изъ разговора выяснилось, что иностранцы пользуются въ гуннскомъ царствѣ полной свободой и неприкосновенностью, между тѣмъ какъ римскіе граждане подвергаются, съ одной стороны, постояннымъ набѣгамъ внѣшнихъ враговъ и потому вполнѣ беззащитны, а съ другой стороны, если нѣтъ войны, то положеніе ихъ чрезвычайно тяжело отъ непосильныхъ налоговъ, взимаемыхъ несправедливо и въ нарушение закона, а равно отъ подкупнаго и пристрастнаго суда, въ которомъ пострадавшій никогда не найдетъ правосудія, если не подкупить судью и его помощниковъ. Прискъ старался съ своей точки зрѣнія оправдать культурные порядки римскаго государства и указывалъ на римскій законъ, обезпечивающій права, свободу и имущественное положеніе гражданина. Но защита его оказалась слаба, такъ какъ онъ отстаивалъ идеальное культурное государство и принципъ законности, а его собесѣдникъ стоялъ на практической почвѣ примѣненія закона и защищалъ жизненные интересы обывателя. Онъ отвѣтилъ на страстную рѣчь Приска: „да, законы хороши и римское государство прекрасно устроено; но начальники вредятъ ему, такъ какъ они не похожи на древнихъ“.

Ясно, что въ половинѣ V вѣка на Балканскомъ полуостровѣ совершался живой обмѣнъ между варварами и культурной имперіей. Въ этомъ обмѣнѣ обѣ стороны настойчиво предъявляли требованія, которыя долго не могли быть взаимно поняты и примѣнены къ жизни. Рядомъ съ проявленіями полного упадка, дезинтеграціи и распадена изрѣдка обнаруживаются признаки созиданія и строенія

фундамента, на которомъ должно возникнуть новое зданіе Восточной римской или Византійской имперіи. Въ занимающую насъ эпоху преобладаютъ еще элементы разрушенія, за которыми и послѣдуемъ на нѣкоторое время.

Не можетъ быть сомнѣнія, что противъ разрушительныхъ элементовъ, внесенныхъ варварами, менѣе было противодѣйствія въ Западной имперіи, чѣмъ въ Восточной. Аттила получилъ наименованіе „бича Божія“ среди германскихъ народовъ. Его попытки распространить завоеванія на Востокъ встрѣтили упорное сопротивленіе, съ которымъ онъ не могъ не считаться. Съ подобнымъ же сопротивленіемъ должны были имѣть дѣло и другіе варвары и завоеватели, вслѣдствіе чего Восточная имперія продолжала существовать въ средніе вѣка, когда на мѣсто Западной явились уже новые народы, образовавшіе новыя государства.

Послѣднимъ императоромъ изъ дома Θεодосія на Западѣ былъ Валентиніанъ III, рожденный отъ дочери его Галлы Плацидіи и Констанція. Онъ получилъ императорскій престолъ вслѣдствіе сильной поддержки, оказанной ему изъ Константинополя, и въ его царствованіе (425—455) вліяніе восточнаго императора не ослабѣвало на Западѣ. Съ именемъ императрицы Галлы Плацидіи, которая управляла имперіей за малолѣтствомъ сына своего Валентиніана III и вообще имѣла большое вліяніе на современныя дѣла, соединяется память о прекрасныхъ художественныхъ сооруженіяхъ и памятникахъ искусства въ Равеннѣ. Мавзолей или усыпальница Галлы Плацидіи съ мозаичной росписью, исполненной по обѣту за спасеніе отъ бури на морѣ, представляетъ собой одинъ изъ лучшихъ памятниковъ Равенны (рис. 22). Сынъ ея Валентиніанъ оказался далеко ниже предлежавшихъ ему государственныхъ задачъ. Не онъ направлялъ дѣла имперіи, а военныя лица, стоявшія во главѣ войска. Несчастное соперничество двухъ наиболѣе способныхъ генераловъ, Аэція и Бонифація, было причиной неимовѣрныхъ бѣдствій и сопровождалось окончательной потерей провинціи Африки, завоеванной вандалами (431—432). Но самый сильный ударъ готовилъ имперіи Аттила. Въ 450 г. онъ предпринялъ походъ на Западъ съ войскомъ, которое равнялось полумилліону. Гунны двигались по средней Европѣ по направленію къ Рейну, опустошая все на пути и наводя всюду страхъ и ужасъ. Близъ Вормса они разбили бургундовъ и уничтожили бургундское коро-

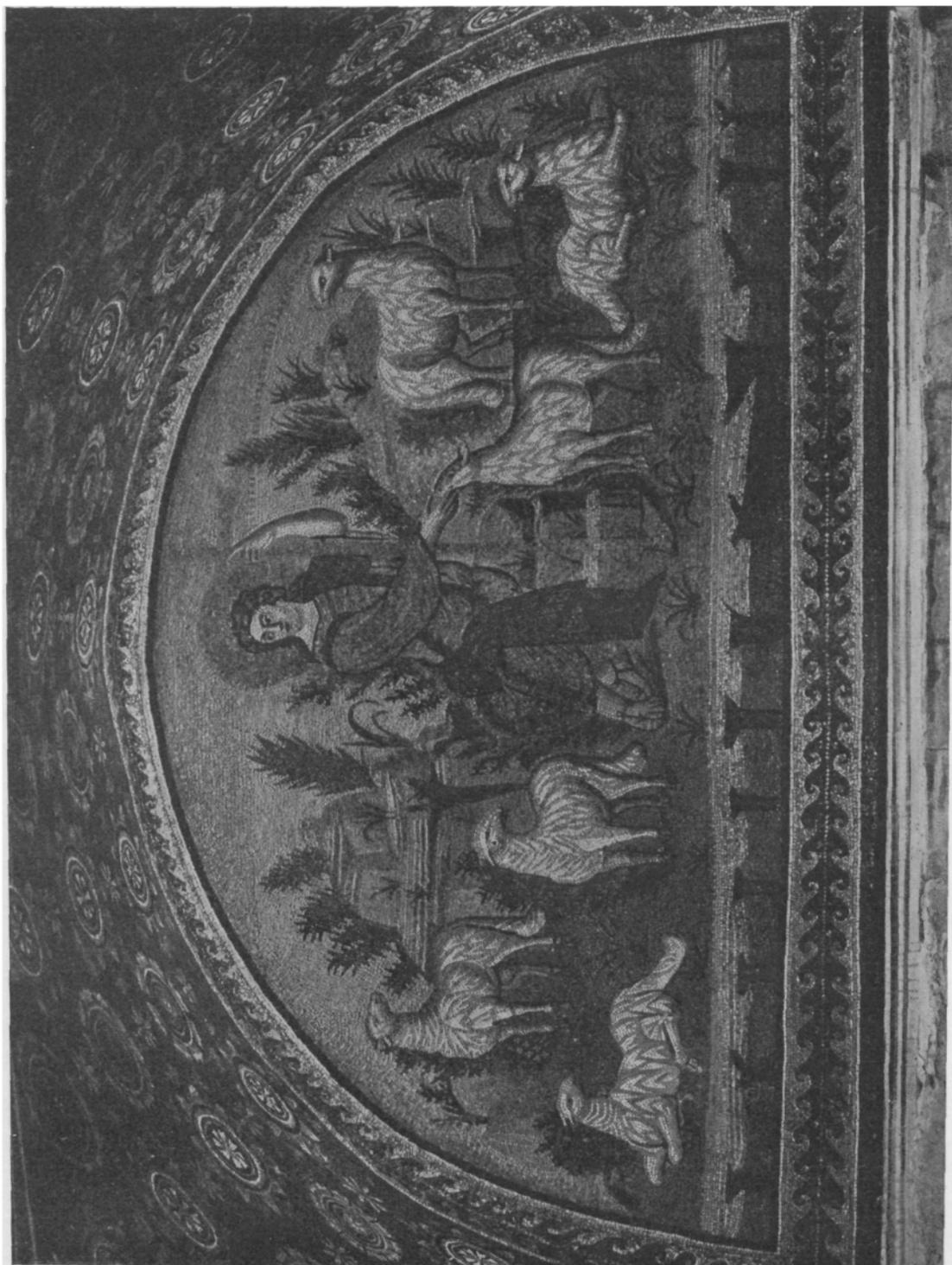

Рис. 22. Мозаика мавзолея Галлы Платидии.

левство, затѣмъ опустошили Галлію до Луары. Близъ Шалона на Марнѣ на Каталаунскихъ поляхъ сошлись гунны съ римскими войсками, предводимыми Аэціемъ (451 г.). Здѣсь произошла знаменитая битва народовъ, окончившаяся пораженіемъ Аттилы. Ослабленный потерей многочисленныхъ воиновъ, Аттила, однако, не считалъ проиграннымъ свое дѣло. Въ слѣдующемъ году онъ началъ походъ въ сѣверную Италію. Прежде всего подверглась осадѣ Аквилея, которая взята была приступомъ, безпощадно разграблена и разрушена; та же участь постигла многочисленные города по рѣкѣ По. Дальнѣйшей цѣлью Аттилы былъ городъ Римъ, и эта цѣль была, повидимому, легко достижима, такъ какъ въ Италіи не было для Аттилы соперника: Аэцій не имѣлъ достаточныхъ силъ для сопротивленія Аттилѣ, восточный же императоръ не присылалъ помощи. Въ лагерь Аттилы, расположенный близъ Гардскаго озера, явилось римское посольство съ папой Львомъ и сенаторомъ Авіеномъ во главѣ. Этому посольству удалось убѣдить Аттилу удовольствоваться громаднымъ, правда, выкупомъ и оставить намѣреніе идти на Римъ. Гунны дѣйствительно чувствовали себя въ Италіи не совсѣмъ удобно: въ непривычномъ климатѣ они часто болѣли, въ лагерѣ начались опасные симптомы, которые побудили Аттилу согласиться на сдѣланныя предложенія. Отступленіе гунновъ было счастіемъ для Италіи, которое народъ приписывалъ чудесному посредничеству апостола Петра. Вскорѣ по возвращеніи въ свой лагерь на Тиссѣ Аттила умеръ въ 453 г., и основанное имъ царство распалось. Завоеванные имъ и бывшіе подъ его властью народы получили свободу и стали организоваться въ самостоятельныя племенные группы.

Но это не измѣнило хода историческихъ событій, приближавшихъ Западную имперію къ роковому концу. Императорскій тронъ сдѣлался игрушкой военныхъ партій и переходилъ отъ одного лица къ другому по игрѣ случая и по капризу предводителей иноземныхъ отрядовъ. Если варварскіе вожди не присваивали себѣ титула императора, то это не потому, чтобы представлялись къ тому препятствія, а единственно изъ суевѣрнаго страха къ императорскому имени. Изъ этихъ варварскихъ вождей, управлявшихъ имперіей посредствомъ ими же самими назначенныхъ императоровъ, отмѣтимъ послѣ Аэція свева Рицимера, Ореста, происходившаго изъ Панноніи, и, наконецъ, скира или ругійца Одоакра. Рицимеръ, опираясь на германскіе от-

ряды, распорядился въ имперіи вполнѣ самостоятельно, ставилъ и низвергалъ императоровъ; при немъ было таковыхъ пять: Авитъ, Майоріанъ, Северъ, Анѳемій и Олибрій. Женившись на дочери Анѳемія, Рицимеръ, повидимому, замышлялъ для своего потомства очистить дорогу къ престолу, но это не удалось. Слѣдуетъ замѣтить, что до смерти Рицимера въ 472 г. константинопольскій императоръ утверждалъ своимъ согласіемъ каждое избраніе на престолъ Западной имперіи, а что касается Анѳемія, то онъ былъ прямо назначенъ восточнымъ императоромъ Львомъ I. Въ послѣдніе годы жалкаго существованія Западной имперіи возвышается Орестъ, бывшій прежде секретаремъ у Аттилы. Онъ прекрасно зналъ военное дѣло и хорошо изучилъ характеръ варваровъ, поэтому былъ весьма полезнымъ въ совѣтѣ императоровъ и пользовался большимъ ихъ довѣріемъ. Имѣя званіе начальника отряда доместиковъ, онъ завѣдывалъ наборомъ военныхъ людей въ императорское войско и достигъ неограниченнаго вліянія. Не одинъ разъ онъ могъ бы возложить на себя корону, и, въ концѣ концовъ, послѣднимъ римскимъ императоромъ былъ Ромуль, сынъ Ореста. Въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ отъ смерти Валентиніана III (455—475) девять императоровъ занимали престолъ.

Между тѣмъ, варварскіе отряды изъ разныхъ племенъ, стоявшіе въ укрѣпленныхъ лагеряхъ въ Лигуріи, заявили требованіе трети итальянскихъ земель для поселенія. Орестъ отказалъ исполнить это требованіе, чѣмъ вызвалъ послѣдній актъ давно подготовлявшейся драмы. Тогда 23 августа 476 г. выступает Одоакръ изъ племени скировъ, принявшій начальство надъ недовольными варварами. Орестъ былъ взятъ въ плѣнъ и умерщвленъ. Союзное ополченіе варваровъ провозгласило Одоакра своимъ королемъ и затѣмъ захватило въ Равеннѣ послѣдняго императора, малолѣтняго Ромула-Августула, которому назначена была пенсія, и опредѣлено жить на частномъ положеніи въ одномъ изъ замковъ въ Кампаніи. Такъ совершился переворотъ, называемый обыкновенно „падениемъ Западной римской имперіи“—въ свое время въ самой Италіи никого не поразившій неожиданностью, но по своимъ ближайшимъ послѣдствіямъ получившій всемірно-историческое значеніе.

Можно, впрочемъ, видѣть, что переворотъ 476 г. существенно отличался отъ обыкновенной смѣны лицъ на престолѣ западнаго

императора. Прежде шла рѣчь больше о личномъ вліяніи, въ настоящее время существенно затронуть былъ соціальный и политическій принципъ, на которомъ основывалось римское государство. Германскія военныя дружины перестаютъ быть наемными войсками на службѣ имперіи, становятся собственниками части итальянской территории и приобрѣтаютъ изъ подчиненнаго господствующее въ странѣ положеніе, стремясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, организовать по своимъ законамъ и обычаямъ на земляхъ, отнятыхъ отъ римскихъ гражданъ. Наступившій здѣсь съ конца V столѣтія политическій и соціальный порядокъ перестаетъ быть древне-римскимъ, и разсмотрѣніемъ его мы займемся въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Теперь же намъ слѣдуетъ хотя слегка затронуть вопросъ о томъ, почему переворотъ, происшедшій на Западѣ, не обнаружился также и на Востокѣ, хотя соціальный кризисъ и нашествіе варваровъ въ одинаковой степени отмѣчается въ Восточной и Западной имперіи,—однимъ словомъ, почему не весь древній міръ постигла одинаковая судьба?

Нужно здѣсь отдать себѣ отчетъ въ причинахъ, которыя предохранили отъ паденія еще на тысячу лѣтъ Восточную имперію; слѣдуетъ выяснитъ, какія преграды могла противопоставить Восточная имперія разрушительнымъ элементамъ, вызвавшимъ паденіе Западной имперіи. Это тѣмъ важнѣй, что такимъ путемъ историкъ могъ бы намѣтитъ тѣ основы, на которыхъ утверждалась Византійская имперія, и которыя онъ долженъ тщательно выяснитъ при дальнѣйшемъ изложеніи своего предмета. Тѣ экономическія условія, которымъ въ послѣднее время стали придавать первостепенное значеніе въ процессѣ возвышенія и паденія народовъ, едва ли могутъ рѣшать возникающія здѣсь недоразумѣнія, потому что тѣ же экономическія условія были и въ Восточной имперіи, и, несмотря на то, она выдержала кризисъ, приведшій къ паденію Западную имперію. Отсюда естественный выводъ, что не въ однихъ экономическихъ условіяхъ лежитъ объясненіе стоящей предъ нами проблемы, хотя и хозяйственная эволюція, безъ всякаго сомнѣнія, играетъ важное значеніе въ исторіи. И что всего любопытнѣй—новые народы, поселившіеся на земляхъ занятыхъ и обрабатываемыхъ римскими подданными, не были въ состояніи перемѣнить систему обработки земли и продолжали ее въ томъ же видѣ, какъ нашли.

Причины паденія имперіи лежали въ ея истощеніи, а оно было

вызвано внѣшними и политическими причинами. Очень вредными послѣдствіями сопровождалось дѣленіе имперіи на двѣ половины, ибо Востокъ часто употреблялъ злыя козни, мало оказывалъ помощи, а его надменное вмѣшательство только усиливало смуту. И уже по винѣ Запада хозяйственная и соціальная болѣзнь дошла до смертельнаго исхода. Востоку было легче съ ней справиться, потому что онъ географически расположенъ благопріятнѣй, значительно богаче и болѣе населенъ, а главнымъ образомъ оттого, что болѣе способные императоры поддерживали государственный строй. Ничтожество Гонорія и Валентиніана, совершенно лишенныхъ военныхъ дарованій своихъ предшественниковъ, было ближайшей причиной паденія. Они допустили чрезмѣрное вліяніе предводителей германскихъ дружинъ, которые, заботясь лишь о собственныхъ интересахъ, не въ состояніи были замѣнить дѣйствительныхъ императоровъ, и ихъ насилія только умножали бѣдствія. Предстояли весьма важныя задачи къ разрѣшенію; уже къ началу V вѣка состояніе Італіи было критическимъ. Полуостровъ все менѣе давалъ солдатъ и былъ поставленъ въ необходимость, въ виду того, что лишенные защиты провинціи опустошаемы были варварами и занимаемы самозванными императорами, тратить свои силы на эти самыя провинціи вмѣсто того, чтобы изъ нихъ получать средства. Самымъ тяжкимъ ударомъ была утрата Африки, какъ слѣдствіе того, что имперія пренебрегала своими морскими силами. Теперь вандалскіе пираты воспользовались преимуществами морскихъ сношеній. Прекратилась торговля, а съ тѣмъ вмѣстѣ стали страдать доходы. На Западѣ и въ другихъ отношеніяхъ условія были хуже, чѣмъ на Востокѣ.

Новыя ошибки усилили до крайней степени дѣйствіе старыхъ. Страшно пришлось поплатиться за то, что прежніе императоры открыли германцамъ такой свободный доступъ въ войско и въ имперію. Изъ двухъ золъ нужно было выбирать меньшее: либо лишить землю рабочихъ черезъ сильныя наборы рекрутовъ, либо допустить сильную иммиграцію иностранцевъ, выбрано было второе. Слабость правительства дѣлала надменными наемниковъ, пока имъ не наскучивала служба. Туземное населеніе, отвыкнувъ отъ самостоятельности, не имѣло силъ подняться; только въ рѣдкихъ случаяхъ городское населеніе вставало на защиту отъ варваровъ. Во многихъ мѣстахъ низшій классъ даже былъ радъ, что германская колонизація умень-

шала или отмѣняла государственные налоги. Священный и почтительный страхъ передъ именемъ имперіи пропалъ, какъ скоро она не исполняла своей задачи, и всякая идея власти уничтожается, гдѣ нѣтъ для нея необходимости. Напротивъ, германцы защищали занятія ими области противъ новыхъ пришельцевъ и чрезъ это становились необходимыми.

Западная имперія пала изъ-за своего жалкаго правительства, которое не могло устранить недостатковъ, коренящихся въ учрежденіяхъ имперіи, напротивъ, увеличило ихъ до крайней степени. Оно было въ одно и то же время жертвой настоящаго и прошедшаго. Военныя событія много содѣйствовали паденію; однако, римская власть была разрушена не вслѣдствіе войны, но разложилась сама собой. Она утратила силу, потому что оказалась не въ состояніи переработать чужеземные отряды, вторгавшіеся въ имперію. Германцы не желали уничтоженія имперіи, но она сама разрушилась въ ихъ грубыхъ рукахъ и притомъ такъ, что сами варвары не сознавали того. Но римская имперія не погибла. Она только расчленилась, и тѣло ея не подавало надежды на оживленіе омертвѣвшихъ частей. На это могли быть употреблены тѣ же германцы, ибо не было ничего легче, какъ натравить ихъ одинъ народъ противъ другого. И теперь еще они были подъ волшебнымъ очарованіемъ Рима и питали убѣжденіе, что право на римскую землю имъ могла предоставить только императорская власть. Для насъ ихъ поведеніе представляется формой, для нихъ въ немъ было серьезное содержаніе. Какое значеніе имѣла въ средніе вѣка идея имперіи,—объ этомъ будемъ имѣть случай говорить позже.

Литература обширная, укажемъ наиболѣе важныя сочиненія: Dahn, „Die Könige der Germanen“,—продолжающійся трудъ, послѣдній томъ посвященъ лангобардамъ (Leipzig, 1909); Wietersheim-Dahn, „Geschichte der Völkerwanderung“ (1881); Hodkin, „Italy and her invaders“ (Oxford, 1880—1899); Pallmann, „Die Geschichte der Völkerwanderung“ (Gotha, 1863); вторая часть этого сочиненія специально посвящена паденію имперіи и имѣетъ особое оглавленіе, „Der Sturz des weströmischen Reiches durch die deutschen Söldner“ (Weimar, 1864); Bury, „A History of the later Roman Empire“ (London, 1889).

глава VII.

ИМПЕРАТОРЪ ТЕОДОСІЙ II. АВГУСТЫ ПУЛЬХЕРІЯ И АФИНАИДА-ЕВДОКІЯ. АВГУСТИНЪ О ГРАДѢ БОЖІЕМЪ. ЕФЕССКІЙ СОБОРЪ. МОНОФИЗИТЫ.

Послѣ паденія Западной имперіи носителемъ императорскаго титула оставался малолѣтній Теодосій II, стоявшій во главѣ Византійской имперіи почти всю первую половину V вѣка (408—450). Ни Теодосій II, ни его ближайшіе преемники не относятся къ числу такихъ дѣятелей, которые были бы въ состояніи направлять историческія событія или готовить другихъ къ исполненію важныхъ предначертаній. Нѣтъ, V столѣтіе не располагаетъ такими людьми на тронѣ, вслѣдствіе чего событія, не завися отъ воли отдѣльныхъ личностей, идутъ тѣмъ нормальнымъ теченіемъ, которое опредѣлялось какъ неизбѣжною самихъ событій, такъ и логическимъ ихъ развитіемъ.

Вступивъ 7 лѣтъ на престолъ, Теодосій уже по малолѣтству не могъ управлять дѣлами огромной имперіи, переживавшей притомъ необычайно тревожную и критическую эпоху. Впрочемъ, Теодосій и въ юномъ возрастѣ, и въ зрѣлыхъ годахъ не выходилъ изъ-подъ вліянія окружавшихъ его и приближенныхъ къ нему лицъ. То обстоятельство, что судьбы Восточной имперіи, попавъ въ руки человѣка, который всего больше прилежалъ къ искусству каллиграфіи, то есть къ красивой перепискѣ древнихъ рукописей и къ уединенной, почти монастырской жизни, несмотря на это, не испытали сильныхъ потрясеній, имѣетъ себѣ объясненіе въ томъ, что вблизи Теодосія оказались лица, способныя руководить имъ ко благу. Первые годы царствованія во главѣ управленія стоялъ префектъ Востока Анѳемій, удерживавшій вліяніе, повидимому, до 414 г. Это былъ человѣкъ, на

сколько можно судить по скуднымъ свѣдѣніямъ о немъ, стоявшій на высотѣ занятаго имъ положенія. Ему ставятъ въ упрекъ—едва ли, впрочемъ, основательно—недостатокъ твердости въ дѣлѣ константинопольскаго архіепископа І. Златоуста и супруги Аркадія, говорятъ, что онъ могъ бы при добромъ желаніи оказать ему должную защиту.

Съ 414 г. можно считать уже опредѣлившимся вліяніе Пульхеріи, сестры Θεодосія, которая была старше его только двумя годами и, между тѣмъ, пріобрѣла почти безграничное вліяніе на своего брата. Будучи объявлена августой и состоя въ государствѣ первымъ лицомъ послѣ императора, а во дворцѣ будучи законодательницей и образцомъ, съ которымъ всѣ соображались, Пульхерія стала давать тонъ придворной жизни и разнообразно обнаруживать вліяніе на государственныя дѣла. Весь продолжительный періодъ царствованія Θεодосія отмѣчается, по справедливости, весьма характернымъ женскимъ вліяніемъ августы Пульхеріи.

Долговременное господство Пульхеріи, сначала при Θεодосіи II, а затѣмъ при Маркіанѣ, должно было наложить особенную печать на Большой дворецъ въ Константинополѣ и отразиться на многихъ сторонахъ государственной жизни. Наиболѣе характерной чертой нужно признать своеобразно понятое благочестіе и монашескій родъ жизни, усвоенный Пульхеріей и введенный въ придворный обиходъ. Она не только себя обрекла на безбрачіе, но къ тому же побудила и своихъ двухъ сестеръ, Аркадію и Марину. Три сестры Θεодосія составили при дворѣ родъ религіозной общины, проводя жизнь „въ подобіи монашескихъ трудовъ“, ограничили доступъ мужчинъ въ покои принцессъ, приняли для себя за образецъ простой родъ жизни, скромный столъ и частое упражненіе въ молитвѣ и пѣніи псалмовъ. Дѣла благотворительности, постройка церквей и монастырей, забота о чистотѣ церковнаго ученія и объ уничтоженіи неправыхъ и еретическихъ мнѣній, попеченіе о подвижникахъ, столпникахъ и анахоретахъ и тщательное разслѣдованіе мощей святыхъ мучениковъ—такими чертами характеризуется у церковныхъ историковъ дѣятельность Пульхеріи. Нужно отдать ей и ту справедливость, что помыслы о благочестіи не закрывали для нея важности политическихъ обязанностей правительницы. Она была выше своего брата не только въ нравственномъ смыслѣ, но и по уму и способности разобраться въ сложныхъ дѣлахъ и окружить себя даровитыми исполнителями

ея воли. Она прекрасно владѣла греческимъ и латинскимъ языками, вела обширную переписку и сосредоточила въ своихъ рукахъ нити правленія.

Характеръ Ѳеодосія развивался подѣ вліяніемъ его сестры. Она организовала для него учебную программу, пригласила для него лучшихъ учителей, себѣ же предоставила заботу объ образованіи правительственныхъ способностей и внѣшняго поведенія, приличнаго носителю короны восточнаго императора. Въ этомъ отношеніи нельзя не видѣть, что Пульхерія не достигла блестящихъ успѣховъ, ибо изъ Ѳеодосія она не сдѣлала способнаго политическаго дѣятеля. Точно также современники упрекаютъ ее за то, что она допустила непоумѣрное развитіе подкупности и продажи должностей. При ней никто не могъ считать себя неспособнымъ занимать какія угодно начальственныя и административныя должности.

При оцѣнкѣ дѣятельности Пульхеріи и Ѳеодосія нужно, впрочемъ, твердо держаться границъ времени, въ которое они жили, и настроенія тогдашняго поколѣнія. Чрезвычайно характерными для V вѣка фактами нужно признать чрезмѣрное развитіе отшельничества, пустынножителства и всякаго рода подвижничества. Вспомнимъ, что въ это время получаютъ свое начало египетское, палестинское и сирійское монашества; въ эту эпоху жили знаменитые столпники, десятки лѣтъ проводившіе на высокомъ столпѣ, какъ Симеонъ, Даниилъ и др.; въ это время, наконецъ, положено начало почитанію мощей св. мучениковъ. Слишкомъ сильное напряженіе фантазіи, отвлеченіе отъ интересовъ реальной жизни и направленіе ума и сердца къ надземному, сверхчувственному и идеальному — эти и подобныя черты отличаютъ критическія эпохи въ исторіи; въ занимающее насъ время они захватили, повидимому, большинство образованныхъ людей. Характеръ историческихъ дѣятелей изучаемой нами эпохи можетъ быть понятъ въ связи съ главными умственными и религіозными теченіями V вѣка, которыми мы и займемся ниже.

Очень важнымъ обстоятельствомъ для царевны Пульхеріи былъ вопросъ о бракѣ Ѳеодосія. Выборъ невѣсты былъ сдѣланъ самой Пульхеріей и произошелъ при довольно необыкновенныхъ обстоятельствахъ. Будущая супруга императора Ѳеодосія, Леинаида, родилась и воспитывалась въ Леинахъ въ образованной и состоятельной семьѣ. Отецъ ея, Леонтій, былъ представитель неоплатоновской школы,

преподававшей философію въ Аѳинахъ. Онъ далъ своей дочери прекрасное воспитаніе и сообщилъ ей основательныя познанія въ греческой литературѣ и искусствѣ. По всей вѣроятности, онъ имѣлъ значительныя связи, даже въ Константинополѣ имѣлъ родственниковъ, у которыхъ нашель пріютъ во время нашествія Алариха. Аѳинаида по смерти отца оказалась безъ средствъ къ жизни, такъ какъ всѣмъ имуществомъ завладѣли братья ея. Находясь въ печальномъ матеріальномъ положеніи, Аѳинаида съ удовольствіемъ приняла предложеніе своей тетки, жившей въ Константинополѣ, и отправилась къ ней. Это произошло въ 421 г., когда ей уже было около 28 лѣтъ. Скоро затѣмъ бѣдная и скромная провинціалка была представлена августѣ Пульхеріи, понравилась ей своей красотой и образованіемъ и такъ очаровала ее, что выборъ невѣсты для Θεодосія былъ окончательно рѣшенъ. Императору предоставленъ былъ случай тайно посмотреть на аѳинскую красавицу, которая произвела на него сильное впечатлѣніе своими большими глазами, стройнымъ станомъ и изящными чертами лица. Аѳинаида безъ труда отказалась отъ языческихъ вѣрованій, приняла святое крещеніе и любимое при дворѣ того времени имя Евдокіи, и послѣ брачнаго торжества вступила въ Большой дворецъ въ качествѣ супруги византійскаго императора.

- Императрица Евдокія на первыхъ порахъ, повидимому, успѣшно примѣнилась къ чрезвычайно церемонному и строгому тону двора. Когда у нея родилась дочь, также названная Евдокіей, она въ 423 г. получила титулъ августы и стала пользоваться такимъ же почетомъ въ торжественныхъ выходахъ и придворныхъ церемоніяхъ, какъ и августа Пульхерія. Но никакъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что придворная жизнь того времени мало подходила ко вкусамъ и привычкамъ образованной въ языческой средѣ Евдокіи. Изъ скудныхъ извѣстій, рисующихъ придворныя отношенія той эпохи, можно видѣть, что надлежащаго согласія между двумя августами не было, и что при дворѣ составились партіи, которыя посредствомъ злыхъ интригъ, тайныхъ наговоровъ и внушеній старались вооружить слабохарактернаго Θεодосія противъ царицы и раздуть неудовольствіе между августами. Все это создавало для Евдокіи не мало серьезныхъ затрудненій, изъ которыхъ она выходила, впрочемъ, съ большимъ достоинствомъ. Въ высшей степени важно, что царица Евдокія осталась незамѣшанной ни въ одну политическую или придворную интригу и

ни разу не позволила себѣ рѣзкихъ мѣръ противъ преобладающаго вліянія августи Пульхеріи. Чтобы судить объ ея склонностяхъ и направленіи ея ума, мы имѣемъ для этого прекрасный матеріаль въ ея литературныхъ произведеніяхъ, въ которыхъ запечатлѣлись любопытныя черты эпохи и личнаго характера Аѳинаиды-Евдокіи. Прежде всего она отозвалась на современныя политическія событія и посвятила сочиненіе въ героическихъ стихахъ одержаннымъ надъ персами побѣдамъ. Но главный ея трудъ былъ вполнѣ религіознаго значенія ¹⁾. Она переложила въ стихи героическаго размѣра избранныя мѣста изъ Восьмикнижія Моисеева,—произведеніе, которому отдаетъ честь и похвалу патріархъ Фотій. Въ томъ же духѣ она сдѣлала переложеніе изъ пророческихъ книгъ Захарія и Даніила; въ стихахъ гомерическаго размѣра изобразила нѣкоторые эпизоды изъ жизни І. Христа. Независимо отъ того, какъ оцѣнивать по ихъ достоинству эти произведенія, мы можемъ здѣсь отмѣтить, что они были во вкусѣ средневѣковаго византизма и повторяются у множества писателей, черпавшихъ вдохновеніе изъ общаго съ царицей Евдокіей источника. Особенными достоинствами отличалась поэма о св. Кипріанѣ антиохійскомъ, въ которой, между прочимъ, выражена идея борьбы христіанства и язычества, и рассказываются чудесныя мотивы обращенія къ христіанству Кипріана, бывшаго извѣстнымъ магомъ и вызывателемъ демоновъ. Новая критика усматриваетъ въ этомъ произведеніи высокія качества таланта и вдохновенія, нѣкоторые характеры и описанія даютъ предчувствовать прекрасныя образы Мильтона въ его поэмѣ „Потерянный Рай“ и даже нѣкоторыя черты Фауста. Во всякомъ случаѣ, своими литературными трудами Евдокія вполнѣ подходитъ къ типу царственныхъ писателей, которыхъ десятками можетъ считать византійскія исторія и литература.

Можно догадываться, что вокругъ царицы Евдокіи образовалась партія просвѣщенныхъ людей, чуждыхъ того исключительнаго религіознаго направленія, котораго придерживалась августи Пульхерія. Изъ нихъ знаемъ о Павлинѣ, занимавшемъ при дворѣ высшую должность оберъ-гофмаршала, и о Кирѣ, бывшемъ префектомъ города и въ то же время префектомъ преторія; оба эти лица стояли въ близкихъ сноше-

1) Ludwig, „Eudociae augustae carmina graeca“ („Bibl. Teubneriana“, Lipsiae, 1897); Diehl, „Figures byzantines“ (Paris, 1906).

ніяхъ съ Евдокіей и до извѣстной степени раздѣляли ея вліяніе на дѣла. Весьма вѣроятно, что Пульхерія находила опаснымъ для своего положенія, нельзя не признаться, довольно искусственнаго и зависѣвшаго исключительно отъ воли императора, значеніе красивой и умной Евдокіи, которая пользовалась любовью Θεодосія и расположеніемъ въ высшихъ кругахъ столицы. Объ интригѣ, созрѣвшей въ Константинополѣ и сопровождавшейся удаленіемъ отъ двора царицы Евдокіи, имѣются очень скудныя свѣдѣнія, которыя можно объяснить себѣ лишь по окончательнымъ результатамъ. Въ 437 г. Константинополь имѣлъ рѣдкое торжество. Дочь Θεодосія и Евдокіи, царица Евдокія сосватана была за Валентиніана III, императора Западной имперіи. Это было исполненіе горячихъ желаній царицы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма важное политическое событіе, сулившее для Восточной имперіи расширение ея политическаго вліянія на Западѣ. Послѣ этого счастливаго событія царица Евдокія предприняла путешествіе ко святымъ мѣстамъ. По пути въ Іерусалимъ она посѣтила Антіохію. Этотъ городъ произвелъ на нее сильное впечатлѣніе и возбудилъ въ ней живыя чувства эллинизма, которыя она и изложила въ рѣчи своей къ антіохійскому сенату. Указавъ на древнія заслуги эллинизма, распространившаго культуру до отдаленныхъ мѣстъ Сиріи, она затронула патриотизмъ антіохійцевъ, намекнувъ стихомъ Гомера, что она гордится происхожденіемъ отъ одной и той же съ ними расы; кромѣ того, она оказала поистинѣ царскую щедрость по отношенію къ Антіохіи, назначивъ 200 ф. золота на исправленіе бань и приказавъ расширить городскія стѣны на казенныя средства. Въ благодарность за эти царскія милости сенатъ постановилъ воздвигнуть ей золотую статую. Въ Іерусалимѣ она пробыла цѣлый годъ, посвятивъ это время на путешествія по святымъ мѣстамъ, на дѣла благотворительности и на устройство церквей. Мѣстное духовенство, въ благодарность за цѣнныя приношенія, пожертвовало царицѣ драгоцѣнныя палестинскія святыни: часть мощей св. Стефана, часть цѣпей апостола Петра. Послѣдняя святыня изъ Константинополя была препровождена въ Римъ къ западной императрицѣ Евдокіи и положена въ знаменитой базиликѣ S. Pietro in Vincoli. Но начиная съ 439 г., когда она возвратилась изъ своего паломничества, при Константинопольскомъ дворѣ соперничество между двумя августами дѣлается крайне замѣтнымъ и отражается на судьбѣ приверженцевъ той и другой партіи. Сначала Евдокіи удалось пересилить

вліяніе Пульхеріи, которая должна была покинуть дворець, утративъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, всю власть; въ то же самое время приверженцы августы Евдокіи заняли высшія мѣста въ администраціи и пріобрѣли вліяніе на императора. Но вскорѣ произошелъ переворотъ, совершенно измѣнившій положеніе дѣлъ: Ѳеодосію сдѣланъ былъ доносъ, что императрица Евдокія находится въ преступныхъ сношеніяхъ съ царедворцемъ Павлиномъ, слѣдствіемъ чего было отрѣшеніе отъ должности этого могущественнаго лица, пользовавшагося долгіе годы личной дружбой и расположеніемъ царя, послѣ чего онъ былъ сосланъ въ заточеніе и лишенъ жизни. Царскій гнѣвъ постигъ и другого приверженца Евдокіи, епарха города Кира. Это былъ далеко не обыкновенный человекъ, насколько можно заключить по нѣсколькимъ чертамъ, сохраннымъ о немъ лѣтописью. Какъ епархъ города, онъ имѣлъ громадное значеніе въ Константинополѣ по своему вліянію на самые существенные интересы населенія столицы. Самыя выразительныя черты, приписываемыя ему лѣтописью, касаются его управленія городомъ и строительной дѣятельности. Онъ украсилъ Константинополь новыми общественными зданіями и—что чрезвычайно возвышаетъ его авторитетъ и въ нашихъ глазахъ—ввелъ въ ремесленныхъ заведеніяхъ города искусственное ночное освѣщеніе, а равно сталъ освѣщать по ночамъ городскія улицы. Это такъ возвысило его авторитетъ въ городѣ, что народъ въ циркѣ не переставалъ привѣтствовать его слѣдующими словами: „Константинъ строитель, а Киръ возобновитель“, что казалось оскорбительнымъ для царя, присутствовавшаго въ ипподромѣ. Другая черта, усвояемая Киру источниками, это его приверженность къ эллинской философіи и литературѣ, а слѣдовательно, и къ эллинскимъ языческимъ вѣрованіямъ. „По-эллински“ мыслить или „эллинизировать“ по византійскому словупотребленію значить хромать въ православіи, не быть чистымъ христіаниномъ. Наконецъ, за нимъ признается довольно рѣдкое качество—честность и неподкупность.

Въ глазахъ правительства, уже настроеннаго противъ Кира его популярностью въ народѣ, поводомъ къ отставкѣ его и лишенію имущества послужило его неправославіе. Но какъ мало фактической правды въ этомъ предлогѣ, лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что Киръ былъ посвященъ въ духовный санъ, возведенъ въ епископы и получилъ въ управленіе отдѣльную епархію. Весьма характернымъ

обстоятельствомъ, рисующимъ Кира на епископской кафедрѣ, служить слѣдующій анекдотъ. Его паства, заинтересованная направлениемъ и образомъ мыслей своего епископа, потребовала отъ него, чтобы онъ сказалъ церковную проповѣдь въ праздникъ Рождества Христова. Епископъ, вступивъ на амвонъ, сказалъ слѣдующее: „Братіе! Рождество Господа и Спаса нашего І. Христа въ молчаніи должно быть чтимо, ибо однимъ только слухомъ было зачатіе въ Святой Дѣвѣ Слова Божія, Ему же слава во вѣки, аминь“.—Нѣтъ сомнѣнія, что въ ораторскомъ смыслѣ и примѣнительно къ обстоятельствамъ, вызвавшимъ его происхождение, это слово представляетъ верхъ церковнаго словеснаго искусства; таковымъ нашли его и слушатели Кира, наградивъ его рукоплесканіями и больше не поднимая вопроса о правотѣрїи своего епископа.

Паденіе Павлина и Кира доставило полное торжество августѣ Пульхерїи, которая снова возвратилась въ Большой дворецъ и окончательно утвердила свое вліяніе и господство своей партїи. Между императоромъ Θεодосіемъ и Евдокіей наступило полное охлажденіе. Царицѣ предоставлена была свобода удалиться отъ двора, и она отправилась въ 442 г. въ Іерусалимъ, гдѣ провела 18 лѣтъ въ дѣлахъ благочестія и благотворенія, принявъ участіе въ религиозной борьбѣ и ставъ на сторону монофизитскаго ученія. Она умерла въ 460 г. и погребена въ построенной ею церкви св. Стефана.

Что касается политическихъ событій, то обыкновенно выставляется на видъ миролюбіе Θεодосія, его любовь къ церкви и благочестіе, вслѣдствіе чего Богъ хранилъ его имперію отъ бѣдствій, какимъ подвергался Западъ. Самымъ крупнымъ событіемъ времени было движеніе германцевъ, о которомъ никто съ точностью не могъ сказать, куда оно направляется и гдѣ окончится. Хотя Восточная имперія съ начала V вѣка находилась въ постоянной опасности быть легкой добычей варварскаго нашествія, но правительству императора Θεодосія удалось рядомъ разнообразныхъ мѣропрїятій войти въ соглашеніе съ предводителями отдѣльныхъ германскихъ дружинъ и частью принять ихъ на службу имперіи въ качествѣ федератовъ, частью предоставить имъ для заселенія мало заселенныя провинціи. Въ особенности тогда было опасно движеніе германцевъ по Балканскому полуострову въ Грецію и въ Италію. Изъ всѣхъ германскихъ вождей Алариху первому удалось въ 410 г. взять на щитъ вѣчный городъ

и разграбить его сокровища. Для тогдашняго человѣчества это былъ фактъ громаднаго значенія, который взволновалъ вѣрующихъ и мыслящихъ людей и поднялъ въ общественномъ сознаніи множество принципиальныхъ вопросовъ. Паденіе Рима въ сознаніи современниковъ было равносильно разрушенію всего существующаго строя. Брошена была въ обращеніе мысль о томъ, что причина испытываемыхъ бѣдствій лежитъ въ новой вѣрѣ и въ пренебреженіи къ старымъ языческимъ богамъ. Никогда, говорили приверженцы стараго культа, міръ не испытывалъ такихъ потрясеній, пока совершались обычныя жертвы, и пока боги заботились объ имперіи. Правда, это была не новая мысль, она и прежде не разъ была выдвигается противъ христіанства, но въ настоящее время христіане могли на нее отвѣтить съ полнымъ достоинствомъ и съ философскимъ обоснованіемъ защищаемой идеи. Въ IV в. христіанство усвоило себѣ основы древней культуры, во главѣ христіанской церкви стояли лица съ высшимъ литературнымъ и богословскимъ образованіемъ. Дать отвѣтъ на поднятый вопросъ—о міровомъ значеніи христіанской культуры—пришлось величайшему учителю церкви всѣхъ временъ—блаженному Августину, жившему въ V вѣкѣ.

Принадлежащее Августину сочиненіе „О градѣ Божіемъ“ написано въ ближайшій періодъ за взятіемъ готами вѣчнаго города и было окончено къ 426 г. въ 22 главахъ ¹⁾. Цѣль сочиненія указана самимъ Августиномъ: „почитатели ложныхъ боговъ начали съ необычною яростью нападать на христіанство, приписывая ему паденіе Рима, и хулить истиннаго Бога, посему я рѣшился заняться сочиненіемъ „О градѣ Божіемъ“. Содержаніе сочиненія Августина, этого популярнѣйшаго произведенія, уступающаго по авторитету и распространенности развѣ только псалмамъ Давида, въ краткихъ чертахъ состоитъ въ слѣдующемъ. Чтобы опровергнуть мысль о томъ, будто христіанство виновно въ несчастіяхъ, постигшихъ тогдашнее человѣчество, Августинъ обращается къ разсмотрѣнію историческихъ событій и доказываетъ, что бывали въ жизни древняго Рима громадныя бѣдствія, не разъ терпѣли римляне большія пораженія при господствѣ языческаго культа; слѣдовательно, нѣтъ основанія относить на счетъ христіанства и нынѣшнія бѣдственные событія. Такъ, во время Анто-

1) Teuffel, „Gesch. der Röm. Lit.“. S., 1134.

ниновъ имперія процвѣтала, а извѣстно, что они покровительствовали христіанамъ, отчего же тогда боги не обнаружили своего гнѣва? Разсматривая даже самый фактъ взятія Рима Аларихомъ, Августинъ и въ немъ находитъ черты въ опроверженіе своихъ противниковъ. При нападеніи готовъ уцѣлѣли христіанскія церкви, и въ нихъ нашли спасеніе всѣ христіане. Итакъ, христіанство не повредило, а спасло многихъ во время готскаго нашествія. И, кромѣ того, бѣдствія увеличились бы несравненно, если бы самъ Аларихъ не былъ христіаниномъ. И притомъ счастье не можетъ быть полагаемо только въ военномъ дѣлѣ. Августинъ припоминаетъ мѣсто Марка Аврелія, гдѣ римскій полководецъ, напавшій на пареянъ, сравнивается съ подстерегающимъ добычу паукомъ, и спрашиваетъ: „ужели боги могли поощрять грабежи и насилія и участвовать въ несправедливыхъ военныхъ дѣлахъ“? На самомъ дѣлѣ, несчастія начали постигать римлянъ съ того времени, когда къ вѣрѣ стали относиться лицемѣрно, когда начали обращаться къ христіанству изъ-за выгоды, потому что внѣ христіанской церкви стало хуже въ практическомъ отношеніи, потому что христіане обнаруживали вліяніе на администрацію и судъ, и принадлежностью къ церкви стало опредѣляться общественное положеніе человѣка. Вотъ когда понизился уровень счастья, когда начались несогласія среди самихъ христіанъ, и люди, оставаясь по убѣжденіямъ и любви къ наслажденіямъ язычниками, переходили въ христіанство лишь по отсутствію опредѣленныхъ вѣрованій.—Вся первая часть сочиненія носитъ характеръ фрагментарный, это рядъ отдѣльных замѣтокъ по поводу историческихъ фактовъ. Гораздо систематичнѣй и положителнѣй вторая часть, гдѣ разсматривается капитальный вопросъ, занимавшій не только современниковъ автора, но не перестающій занимать мыслящихъ людей всѣхъ временъ; какъ относиться человѣку-христіанину къ современному общественному строю. Но чтобы—говоритъ Августинъ—не подвергнуться порицанію, что я могу только обличать чужое, а не полагать твердые устои для своего собственнаго, я покажу во второй части разность между градомъ Божіимъ и градомъ мірскимъ. Въ греко-римскомъ мірѣ градъ, *civitas*, означаетъ согражданъ-жителей одного и того же города. Если кто переселился въ другой городъ, тотъ утратилъ свои гражданскія права. Христосъ уничтожилъ это различіе, такъ какъ градъ Божій не ограниченъ стѣнами города или границами государства,—онъ обнимаетъ

всю вселенную, живыхъ и мертвыхъ, равно умершихъ съ вѣрой и безъ надежды на спасеніе. И жизнь въ градѣ Божіемъ совершенно не та, что въ градѣ языческомъ. Въ мірѣ нѣтъ ничего случайнаго, повсюду дѣйствуетъ перстъ Божій. Особеннымъ значеніемъ, конечно, отличается эта часть, разрѣшающая весьма крупный вопросъ времени: все ли потеряно въ настоящемъ, или есть надежда на лучшей порядокъ вещей. Для шатающагося сознанія и безграничнаго пессимизма, вызваннаго громадными потрясеніями времени, Августинъ давалъ успокоительное разрѣшеніе проблемы. Онъ общается въ мірѣ, руководимомъ божественнымъ промысломъ, неизмѣнное и полное торжество добра и истины. Онъ даетъ увѣренія, что будущій міръ имѣетъ полную реальность и дѣйствительную жизненность, что мы будемъ снова жить, не утративъ ни одного волоса, ни одного зуба. За всѣ тяжести настоящаго въ будущемъ воздастся вполнѣ. Сочиненіе Августина давало успокоеніе обремененному страданіями человѣку указаніемъ на то, что испытываемыя имъ бѣдствія не конечный удѣлъ его. Идея града Божія ставитъ предѣлы тягостямъ жизни и сообщаетъ новую силу угнетенному духу человѣка: ноша не такъ давитъ плечи, когда видна цѣль, гдѣ можно сложить ее.—По всѣмъ этимъ качествамъ сочиненіе *de civitate Dei* имѣло и имѣетъ важное значеніе въ исторіи человѣческаго самосознанія среднихъ вѣковъ и новаго времени.

По отношенію къ внѣшнимъ событіямъ время Ѳеодосія отличалось сравнительно благоприятными условіями. На восточной границѣ не разъ возникали споры съ Персіей. Походъ въ Месопотамію, предпринятый въ 421 г. подъ предводительствомъ Ардавурія, имѣлъ цѣлью, повидимому, тѣ пять провинцій, которыя послѣ несчастнаго похода Юліана (363 г.) были уступлены персамъ. Благоприятныя для Византіи событія этого похода были воспѣты царицей Евдокіей и отпразднованы въ Константинополѣ 6 сентября 421 года. На западной границѣ положеніе было гораздо опаснѣе вслѣдствіе движенія гунновъ. Но византійскимъ государственнымъ людямъ удалось рядомъ благо-разумныхъ и своевременно принятыхъ мѣръ предотвратить угрожающую отъ гунновъ опасность. Такъ, въ 412 г. Анѳемій счастливо отразилъ нападеніе этихъ варваровъ и побудилъ гунновъ довольствоваться полученіемъ дани. Но въ 441 году Аттила расположилъ свой лагерь въ Панноніи и началъ опустошать византійскіе города на Балканскомъ полуостровѣ, такъ что самому Константинополю

грозила опасность. Но и на этот раз Атиллы согласился дать миръ имперіи, за который, впрочемъ, заплачено было 6000 ф. золота, и, кромѣ того, дано обязательство ежегодно платить 700 ф. (443 г.). Выше мы видѣли, что въ 448 г. правительство Θεодосія II посылало въ лагерь Атиллы посольство, въ которомъ принималъ участіе Прискъ. Скоро затѣмъ страшный завоеватель поднялъ подвластные ему народы на завоеваніе Западной имперіи (450 г.). Такимъ образомъ, во все продолжительное царствованіе императора Θεодосія Византія выходила съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ изъ всѣхъ политическихъ затрудненій. Сравнивая событія, происходившія на Западѣ съ тѣмъ, что представлялъ собой Востокъ съ центромъ въ Константинополѣ, мы должны признать, что и въ это время первоначальной организациі элементовъ византизма сказываются уже тѣ основы, на которыхъ будетъ строиться новая жизнь послѣ паденія Западной имперіи.

Церковныя событія, имѣвшія мѣсто во время Θεодосія II, занимаютъ безспорно центральное положеніе въ исторіи развитія христіанской церкви вообще, поэтому необходимо дать имъ наиболѣе полное освѣщеніе какъ по ихъ значенію для своего времени, такъ и по ближайшимъ послѣдствіямъ.

Но прежде всего нельзя не отмѣтить въ исторіи восточной церкви исключительнаго явленія, относящагося къ самымъ послѣднимъ годамъ IV и началу V вѣка. Іоаннъ Златоустъ занималъ епископскую кафедру Константинополя отъ 398 по 404 годъ при сынѣ Θεодосія Великаго, императорѣ Аркадіи. Кратковременная епископская дѣятельность Златоуста въ Константинополѣ должна быть отмѣчена здѣсь въ двоякомъ отношеніи. Онъ прибылъ на епископскую кафедру въ то время, когда въ Константинополѣ рѣшался очень горячій частью религіознаго характера вопросъ, именно о жившихъ въ столицѣ многочисленныхъ германцахъ аріанскаго вѣроисповѣданія. Въ политическомъ отношеніи германскій элементъ былъ воспринятъ въ государственный организмъ распоряженіями Θεодосія Великаго, въ церковномъ отношеніи вопросъ о богослужебномъ языкѣ для германцевъ радикальнымъ образомъ разрѣшенъ Іоанномъ Златоустомъ. Константинопольскій епископъ далъ разрѣшеніе жившимъ въ столицѣ германцамъ аріанскаго толка отправлять богослуженіе въ собственной ихъ церкви, которая была выстроена за стѣнами города, за колон-

нами, почему всѣ приверженцы аріанства въ Константинополѣ назывались эксакіонитами. Въ высшей степени либеральнымъ нужно признать его распоряженіе о назначеніи въ аріанскую церковь священниковъ и діаконовъ изъ природныхъ германцевъ, дабы они совершали богослуженіе и объясняли священное писаніе на нѣмецкомъ языкѣ. Бывали случаи, когда и самъ Златоустъ посѣщаль эту церковь и говорилъ здѣсь проповѣди, при чемъ переводчики объясняли его слова тѣмъ, кто не понималъ греческаго языка. Миссіонерская дѣятельность Златоуста простиралась на южную Россію и на придунайскія области, куда онъ посылалъ проповѣдниковъ. Обширная переписка Златоуста весьма краснорѣчиво говоритъ о его пастырскихъ заботахъ о просвѣщеніи язычниковъ. Мы съ особенной энергіей должны отмѣтить, что константинопольскій епископъ разрѣшилъ въ свое время жгучій вопросъ, неоднократно волновавшій христіанскій міръ, именно вопросъ о національномъ языкѣ въ богослуженіи. Какъ этой либеральной мѣрой, такъ и христіанской миссіей между народами, жившими на Балканскомъ полуостровѣ и въ южной Россіи, Іоаннъ Златоустъ создалъ для константинопольской кафедрѣ совершенно исключительное положеніе, поставивъ для нея самостоятельныя задачи и вполнѣ независимо разрѣшивъ капитальный въ исторіи христіанской церкви вопросъ о національныхъ языкахъ въ богослуженіи.

Въ разсужденіи церковныхъ дѣлъ въ пятомъ вѣкѣ прежде всего обращаютъ на себя вниманіе христологическій вопросъ и вызванные имъ вселенскіе соборы Ефесскій и Халкидонскій. Въ связи съ названными соборами мы займемся изложеніемъ христологическихъ споровъ. Лишь только прекращенъ былъ острый фазисъ споровъ о божественной природѣ Христа, и православное ученіе утверждено было на I и II вселенскихъ соборахъ, возникли въ церкви сомнѣнія и начали высказываться разнорѣчивыя мнѣнія о томъ, какъ, какимъ образомъ соединились во Христѣ божественная и человѣческая природа? Это въ такой же степени капитальный догматъ въ христіанскомъ вѣроученіи, какъ и догматъ о божественности Христа, подъ который подкапывались аріане. Значеніе его видно, между прочимъ, и изъ того, что въ той же самой постановкѣ, какая ему была дана въ V вѣкѣ Кирилломъ Александрійскимъ и Несторіемъ, онъ появляется снова въ XI и XII в. и производитъ вмѣстѣ съ дѣломъ фило-

софа Іоанна Итала большую смуту въ церкви. Прежде чѣмъ окончательно была выработана формула, утвержденная соборами, что два естества въ единой божественной ипостаси Христа соединились нераздѣльно и несліянно, неизмѣнно и непреложно, на Востокъ происходили продолжительныя и весьма ожесточенныя по этому вопросу пренія. По тѣсной связи ученія о Богочеловѣкѣ съ родившей Его Матерью, одновременно съ христологическимъ вопросомъ поднялся богословскій споръ о св. Дѣвѣ Маріи. Уже извѣстный Ѳеодоръ Мопсуестскій, занимающій важное мѣсто въ литературѣ объ этомъ вопросѣ, высказался противъ усвоенія Дѣвѣ Маріи имени Богородицы *Θεοτόκος*, ибо Марія, по его мнѣнію, родила Іисуса, а не Бога, и родившійся отъ нея Христосъ не былъ еще соединенъ съ Логосъ и потому не могъ называться Сыномъ Божіимъ. Слѣдовательно, Марія есть собственно Христородица, а не Богородица. „Безуміе утверждать, говоритъ онъ, что Богъ родился отъ Дѣвы. — Не Богъ, но храмъ, въ которомъ обитаетъ Богъ, родился отъ Дѣвы“ ¹⁾.

Третій вселенскій соборъ въ Ефесѣ въ 431 г. собранъ былъ противъ Несторія, посвященнаго въ епископы Константинополя въ 428 г. Это былъ очень краснорѣчивый ораторъ, уже пріобрѣтшій въ Антіохіи славу подвижника и ревностнаго защитника православія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма честолюбивый и упорный въ своихъ мнѣніяхъ. Въ первой своей проповѣди, сказанной въ Константинополѣ, онъ обратился къ императору со слѣдующими словами: „дай мнѣ землю, очищенную отъ еретиковъ, и я за то заплачу тебѣ небомъ; помоги мнѣ сокрушить еретиковъ, и я помогу тебѣ въ войнѣ съ персами“. Не менѣе характеризуетъ его нетерпимость въ религіозныхъ вопросахъ и то, какъ жестоко онъ поступилъ съ оставшимися въ столицѣ аріанами, допустивъ сожженіе ихъ храма.

Изъ переписки Несторія съ Іоанномъ, епископомъ антїохійскимъ, видно, что уже по прибытіи въ Константинополь онъ долженъ былъ вмѣшаться въ борьбу мнѣній, волновавшихъ церковь по вопросу о наименованіи Дѣвы Маріи Богородицей, такъ какъ это наименованіе возбуждало сомнѣнія у тѣхъ, которые думали, что св. Дѣва была чело­вѣкъ и могла родить только чело­вѣка. Ученіе Несторія въ существенныхъ чертахъ состояло въ слѣдующемъ. Какъ и Ѳеодоръ Мо-

¹⁾ Hefele, II, S. 149.

псуестскій, онъ училъ, что св. Дѣва родила не Бога, а человѣка, „ибо твореніе не можетъ родить творца, но человѣка, который есть орудіе божества“. Потому Маріи приличествуетъ наименованіе Христородицы. Богъ Слово не родился отъ Маріи, но жилъ въ томъ, кто отъ Нея родился. Отрицая, такимъ образомъ, правильность выраженія Богородица—*Θεοτόκος*, онъ даетъ, вмѣсто выраженія „Богъ родился отъ Маріи“, другое: „Богъ прошелъ черезъ Марію“.

Какъ Аѳанасій Великій въ борьбѣ съ Аріемъ явился самымъ ревностнымъ защитникомъ ученія о божественной природѣ Христа, такъ Кириллъ Александрійскій въ вопросѣ, возбужденномъ Несторіемъ, выступилъ защитникомъ ученія о томъ, что божественная природа во Христѣ не можетъ быть отдѣляема отъ человѣческой и что Христосъ, какъ Богъ, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и человѣкъ, и какъ человѣкъ, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и Богъ. Поэтому и по отношенію къ Дѣвѣ Маріи онъ принимаетъ терминъ Богородица, вопреки Несторію и его приверженцамъ въ Константинополь и Антіохіи, откуда онъ происходилъ. Началась довольно жаркая полемика между Несторіемъ и Кирилломъ, въ которой приняло участіе духовенство, въ особенности египетскіе монахи, и которою интересовались свѣтскіе люди. Скоро въ этотъ религіозный споръ были замѣшаны благочестивый Ѳеодосій II, его супруга царица Евдокія и августа Пульхерія, которыхъ освѣдомилъ о положеніи религіознаго вопроса александрійскій епископъ. Независимо отъ того императоръ не могъ остаться равнодушнымъ къ церковному спору и потому, что противъ Несторія высказался римскій епископъ, а помѣстный соборъ, созванный въ Александріи, произнесъ противъ него отлученіе. Уже въ ноябрѣ 430 г. императоръ издалъ указъ, которымъ приглашалъ отъ своего, а равно отъ имени западнаго императора, всѣхъ епископовъ явиться на вселенскій соборъ въ Ефесъ на Троицынъ день слѣдующаго 431 года. Мѣсто созванія собора частью указывало на сущность предстоящихъ разсужденій: въ Ефесѣ св. Дѣва провела послѣдніе годы жизни, а ревность къ чести Богородицы и необыкновенная популярность христологическаго вопроса объясняется особеннымъ ея отношеніемъ къ Константинополю, какъ высокой покровительницы царственнаго города. Въ частномъ письмѣ къ Кириллу императоръ ставитъ ему въ упрекъ его поведеніе въ церковномъ спорѣ и относитъ на его отвѣтственность, что дѣло получило неже-

лательное направлєніе, и дѣлаетъ ему замѣчаніе на счетъ неумѣстности его непосредственнаго обращенія къ императрицѣ и августѣ Пульхеріи. Участіе Целестина, епископа римскаго, на Ефесскомъ соборѣ выразилось въ посылкѣ имъ на соборъ депутатовъ, которымъ поручено было, однако, не вмѣшиваться въ пренія. Императоръ, со своей стороны, послалъ представителемъ своимъ комита Кандидіана, который также не долженъ былъ вмѣшиваться въ религіозные споры. Онъ долженъ блюсти, чтобы монахи и мірскіе люди, прибывшіе въ Ефесъ ради любопытства, не нарушали порядка и не производили смуты, иначе подлежали изгнанію изъ города; точно такъ же ему поручалось слѣдить за порядкомъ преній на соборѣ, чтобы каждый могъ свободно высказать свое мнѣніе, а равно, чтобы дана была возможность безъ стѣсненія дѣлать возраженія на выслушанныя рѣчи. На его же обязанности было слѣдить, чтобы члены собора, не окончивъ догматическаго вопроса, не разъѣзжались по домамъ. Второе придворное лицо, явившееся на соборъ въ качествѣ спутника Несторія, комитъ Ириней, не имѣлъ никакихъ официальныхъ полномочій.

Первымъ между членами собора прибылъ въ Ефесъ Несторій съ 16 епископами своего патріархата; вскорѣ за нимъ, за 5 дней до Троицы, явился Кириллъ съ 50 епископами и въ сопровожденіи множества чернаго духовенства. Послѣ праздниковъ прибыли Ювеналь іерусалимскій и Флавіанъ солунскій. Нѣсколько заставилъ себя ожидать Іоаннъ антиохійскій, что и потому обращало на себя вниманіе, что антиохійская церковь принимала особенно близкое участіе въ дѣлѣ Несторія, такъ какъ онъ происходилъ изъ антиохійскаго духовенства. Такъ какъ время проходило, а прибытіе антиохійскаго епископа день за днемъ откладывалось, то Кириллъ александрійскій рѣшился открыть засѣданіе собора 22 іюня 431 г., т.-е. двѣ недѣли спустя послѣ праздника Троицы, бывшаго 7 іюня. За день до засѣданія Несторій былъ увѣдомленъ объ имѣющемъ состояться засѣданіи, а въ самый день открытія собора къ нему являлись депутаціи съ приглашеніемъ явиться, но Несторій объявилъ, что онъ приметъ участіе тогда, когда придутъ другіе епископы. Можно догадываться, что Несторій не считалъ компетентнымъ то собраніе епископовъ, которое держалось Кирилла. Для александрійскаго епископа и его партіи и въ этомъ обстоятельствѣ могло бы быть нѣкоторое предостереженіе, но еще

важнѣй было то, что партія въ 68 епископовъ отдѣлилась отъ большинства и просила Кирилла не спѣшить съ открытіемъ собора, до прибытія запоздавшихъ. Уже въ самый день открытія собора комитъ Кандидіанъ, на которомъ лежала прямая обязанность предупредить нарушеніе порядка и справедливости, явился въ засѣданіе, чтобы выразить протестъ противъ дѣйствій Кирилла; но когда онъ прочелъ императорскій указъ о соборѣ, правахъ и обязанностяхъ членовъ его и выразилъ желаніе обождать еще четыре дня до открытія дѣятельности собора, его заявленіе было оставлено безъ вниманія. Когда Кириллъ открылъ засѣданіе, съ нимъ было всего 160 членовъ-епископовъ; но при подписи протокола вечеромъ оказалось уже 198 членовъ. Сначала прочитаны были акты, касающіеся созванія собора; затѣмъ документы, относящіеся до предмета, подлежащаго обсужденію: символъ никейскій, письмо Кирилла къ Несторію объ ипостасномъ соединеніи божества и человѣчества во Христѣ, отвѣтъ Несторія на это письмо; наконецъ, письмо папы Целестина и письмо Кирилла вмѣстѣ съ опредѣленіями александрійскаго собора. На основаніи прочитанныхъ актовъ и мѣстъ священнаго писанія и отцовъ церкви, соборъ пришелъ къ выводу, что ученіе Несторія о раздѣленіи божества и человѣчества во Христѣ не соотвѣтствуетъ церковному мнѣнію, которое утверждаетъ истинное человѣчество Бога-Слова и признаетъ, что божеское и человѣческое естество соединены во Христѣ нераздѣльно и неслиянно. Церковное опредѣленіе состоялось въ тотъ же день вечеромъ и выражено такъ: Господь нашъ Іисусъ Христосъ, на котораго Несторій изрыгалъ хулы, устами сего святѣйшаго собора опредѣляетъ лишить его епископскаго сана и отлучить отъ церковнаго общенія. Правда, соборъ имѣлъ еще шесть засѣданій, но главное значеніе Ефесскаго собора выразилось въ опредѣленіи перваго засѣданія, которое предстояло защитить и оправдать противъ разнообразныхъ нападокъ. Прежде всего Несторій заявилъ протестъ противъ законности собора, ссылаясь на то, что Кириллъ дѣйствовалъ самовольно вопреки требованію комита Кандидіана. Затѣмъ прибывшій вскорѣ послѣ того Іоаннъ, епископъ Антіохіи, съ подчиненными епископами, съ цѣлью поправить дѣло и въ желаніи помочь Несторію, рѣшился составить отдѣльное засѣданіе собора, въ которомъ было 43 епископа. Само собой разумѣется, этотъ соборъ былъ направленъ противъ Кирилла и постановленій его собора. Епископъ александрій-

скій лишень епископскаго сана, а всѣ члены-приспѣшники его отлучены отъ церкви. Вслѣдствіе изложенныхъ событій положеніе дѣлъ получило весьма неожиданный и въ высшей степени соблазнительный оборотъ: въ Ефесѣ составились два собора, и оба считали себя православными и имѣвшими право изрекать запрещенія и отлученія отъ церкви.

О событіяхъ въ Ефесѣ доносили въ Константинополь какъ императорскій представитель комитъ Кандидіанъ, такъ и епископы. Есть всѣ основанія думать, что вначалѣ, на основаніи полученныхъ извѣстій, дворъ былъ настроенъ противъ Кирилла и его приверженцевъ. Это видно особенно изъ посланія, отправленнаго въ Константинополь 1 іюля 431 г. и имѣющаго цѣлью оправдать дѣйствія Кирилла. „Комитъ Кандидіанъ—говорится въ посланіи,—руководясь больше дружбой къ Несторію, а не благочестіемъ, сообщилъ неправильныя извѣстія о ходѣ дѣлъ. Изъ синодальныхъ актовъ можно убѣдиться, что дѣло Несторія разбиралось безпристрастно, и все о немъ точно выяснено. Царю не слѣдуетъ склонять слухъ къ тому, что доносить епископъ Іоаннъ, который болѣе заботится о своемъ другѣ, чѣмъ о вѣрѣ, и заставилъ себя ждать 21 день. По своемъ прибытіи онъ сейчасъ же принялъ сторону Несторія или изъ дружбы, или раздѣляя его заблужденія. Такъ какъ Кандидіанъ препятствуетъ собору сообщить императору достовѣрныя извѣстія о происшедшемъ, то да будетъ благоволено пригласить его вмѣстѣ съ пятью членами собора для устныхъ объясненій“. О сравнительной авторитетности того и другого собора въ письмѣ излагается, что на сторонѣ Несторія и Іоанна теперь не больше 37 епископовъ, между тѣмъ какъ на сторонѣ Кирилла и за правильность дѣяній его собора стоятъ епископъ римскій Целестинъ и вся африканская церковь и болѣе 200 епископовъ. Такъ какъ обѣ партіи взаимно обвиняли одна другую и обращались къ рѣшенію императора, то, въ концѣ концовъ, Θεодосій рѣшилъ пригласить въ Халкидонъ представителей отъ обоихъ соборовъ. Но такъ какъ при дворѣ составились два теченія—одно съ августой Пульхеріей во главѣ держалось Кирилла, другое, поддерживаемое сильной партіей въ Константинополь, было за Несторія и Іоанна, то для императора было весьма нелегко рѣшительно высказаться за ту или другую партію. Послѣ долгихъ колебаній, наконецъ, Θεодосій принялъ сторону Кирилла

александрійскаго и утвердилъ опредѣленіе состоявшагося подъ его предсѣдательствомъ собора. Весьма вѣроятно, что на рѣшенія императора вліяли демонстраціи и шумныя сходки и процессіи, устраиваемыя на улицахъ Константинополя толпами народа, подстрекаемыми монашествующими съ архимандритомъ Далматомъ во главѣ. Ефесскій соборъ былъ распущенъ спеціальнымъ указомъ, обращеннымъ на этотъ разъ не ко всѣмъ собравшимся епископамъ и не къ обѣимъ партіямъ, а къ собору Кирилла. Между прочимъ въ этомъ документѣ говорится: „Такъ какъ вы не можете придти къ соглашенію съ антiохійцами и вступить съ ними въ переговоры относительно раздѣляющихъ васъ мнѣній, то мы повелѣваемъ восточнымъ епископамъ возвратиться въ свои церкви и закрыть Ефесскій соборъ. Кириллу приказываемъ отправиться въ Александрію, Мемнону оставаться въ Ефесѣ“. Кириллъ возвратился въ Александрію 30 октября 431 г., гдѣ былъ принятъ съ большимъ почетомъ. Что касается Несторія, то онъ подвергся всѣмъ послѣдствіямъ осужденія и отлученія отъ церкви. Сначала его заточили въ монастырь близъ Антіохіи, потомъ онъ былъ присужденъ къ изгнанію въ отдаленную Петру аравійскую, отсюда переведенъ въ пустыню, въ Большой оазисъ, гдѣ попался въ плѣнъ къ кочующимъ племенамъ. Будучи выпущенъ ими на свободу, онъ умеръ затѣмъ въ предѣлахъ имперіи, всѣми забытый и оставленный.

Другіе участники собора, сторонники Іоанна антiохійскаго, прибывъ въ Антіохію, составили мѣстный соборъ, протестуя противъ низложенія Несторія и сдѣлавъ опредѣленіе о лишеніи сана Кирилла. Въ такомъ положеніи не могло оставаться церковное дѣло; чтобы предупредить соблазнительныя толки и образованіе великаго раскола, императоръ долженъ былъ еще разъ воспользоваться авторитетомъ свѣтской власти и потребовать отъ Кирилла и Іоанна прекратить всякую распрю, дабы водворился миръ въ церкви Божіей. Вслѣдствіе энергичнаго вмѣшательства императора, достигнуто было, наконецъ, соглашеніе между сторонами на почвѣ Никейскаго символа вѣры. Знаменитый ученый того времени, епископъ Кирры Ѳеодоритъ, сторонникъ антiохійской партіи, сильно порицалъ Кирилла за его образъ дѣйствій на соборѣ и за низверженіе Несторія. Какъ увидимъ ниже, на пятомъ вселенскомъ соборѣ онъ подвергся за то осужденію, а Кириллъ александрійскій причисленъ къ сонму свя-

тыхъ. Но Ефесскій соборъ далеко не принесъ покоя и церковнаго мира и даже не положилъ конца христологическимъ спорамъ.

Основное положеніе въ христіанскомъ ученіи о второмъ лицѣ св. Троицы можетъ быть выражено такъ. Христось, Спаситель міра, есть вмѣстѣ Богъ и человѣкъ. Разногласія возникали по частному вопросу объ отношеніи двухъ естествъ, божескаго и человѣческаго. На этой почвѣ родилось нѣсколько крайнихъ мнѣній. Одно мнѣніе выражено было Несторіемъ и его приверженцами. Сущность его заключается въ томъ, что два естества во Христѣ находятся въ полнѣйшемъ обособленіи или разграниченіи и имѣютъ лишь относительное соединеніе или обитаніе одного естества въ другомъ. Несторій разсуждалъ такъ, что Христось въ рожденіи былъ человѣкомъ, и что божество соединилось съ человѣчествомъ впослѣдствіи. Другое, также крайнее, мнѣніе, выражено было ученіемъ монофизитовъ, появившимся вскорѣ послѣ Ефесскаго собора. Оно можетъ быть разсматриваемо какъ противоположная крайность несторіанства по отношенію къ природѣ Бога-Слова. Монофизитство характеризуется признаніемъ исключительнаго единства божественнаго естества во Христѣ, такъ какъ человѣческая природа несовмѣстима съ божественною. Человѣчество неизбѣжно должно было поглотиться божествомъ, какъ капля воды естественно поглощается въ океанѣ. Между этими крайностями православіе заняло среднее положеніе, характеризуясь притомъ культомъ св. Дѣвы какъ Богородицы. Сообразно съ этимъ культомъ Христось почитается вмѣстѣ Богомъ и человѣкомъ съ самаго момента непорочнаго зачатія.

Ученіе монофизитовъ возникло при слѣдующихъ обстоятельствахъ, которыя здѣсь тѣмъ умѣстнѣй выяснить, что онѣ весьма характерны для современнаго излагаемымъ событіямъ общества. Основатель ереси, константинопольскій монахъ Евтихій, по своему недостаточному образованію едва ли былъ въ состояніи точно формулировать теорію монофизитизма. Но весьма любопытно, что ученіе, вышедшее изъ монастырскихъ стѣнъ и идущее отъ весьма популярнаго въ монашеской средѣ имени, распространилось, главнымъ образомъ, среди монастырскихъ общинъ и келій и поддерживалось, какъ увидимъ ниже, даже послѣ Халкидонскаго собора, главнымъ образомъ, монашествующимъ духовенствомъ. Изъ этого прежде всего нужно вывести заключеніе, что въ V вѣкѣ монашество составляло уже немаловажную обще-

ственную силу, которая начинает играть роль не только въ церковныхъ дѣлахъ и въ вопросахъ вѣроученія, но также въ общественной жизни. Какъ новой общественной силѣ, монашеству мы посвятимъ въ дальнѣйшемъ особенное вниманіе.

Архимандритъ одного изъ пригородныхъ монастырей, Евтихій, находясь уже въ преклонныхъ лѣтахъ, привлеченъ былъ церковнымъ судомъ по обвиненію въ ереси. Въ 448 г. въ Константинополѣ былъ собранъ архіепископомъ Флавіаномъ помѣстный соборъ, на которомъ присутствовалъ, между прочимъ, Евсевій, епископъ дорилейскій. Когда закончены были текущія дѣла, Евсевій подалъ собору жалобу на Евтихія, въ которой значилось, что этотъ послѣдній хулитъ православныхъ учителей и самого Евсевія, обвиняя въ принадлежности къ несторіанству. „Я—прибавлялъ Евсевій—готовъ доказать, что онъ неправильно называется православнымъ“. Когда Флавіанъ замѣтилъ, что было бы лучше, если бы Евсевій сначала переговорилъ частнымъ образомъ съ архимандритомъ Евтихіемъ и потомъ уже, когда бы оказалось, что онъ дѣйствительно впалъ въ ересь, звать его на судъ передъ соборомъ, Евсевій объяснилъ, что онъ издавна состоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Евтихіемъ и не разъ уговаривалъ его даже при свидѣтеляхъ оставить свои заблужденія, но не имѣлъ успѣха. Соборъ рѣшилъ отправить къ Евтихію депутатовъ въ лицѣ священника и діакона и пригласить его явиться для оправданія. На второмъ засѣданіи Евсевій дорилейскій къ прежде сказанному присоединилъ, что Евтихій распространяетъ свои заблужденія и многихъ совратилъ. По его же предложенію приступлено было къ прочтенію актовъ, касающихся дѣла по осужденію Несторія, и затѣмъ архіепископомъ Флавіаномъ изложена формула исповѣданія вѣры, которую подписали всѣ присутствующіе.

Между тѣмъ посланные къ Евтихію депутаты доложили собору, что онъ отказывается явиться на соборное засѣданіе, такъ какъ далъ обѣщаніе никогда не оставлять своего монастыря, что собору должно быть извѣстно давнишнее къ нему нерасположеніе Евсевія дорилейскаго, желающаго и теперь оклеветать его, что, наконецъ, Евтихій готовъ присоединиться къ постановленіямъ Никейскаго и Ефесскаго собора и подписать ихъ. По требованію Евсевія соборъ снова отправилъ двухъ депутатовъ къ Евтихію съ новымъ предложеніемъ явиться на соборъ. Но депутаты по возвращеніи доложили,

что они съ большимъ трудомъ были допущены къ Евтихію, который повторилъ имъ свое первое заявленіе, что онъ по объту не можетъ оставить стѣны монастыря, и что онъ уже старъ и дряхль, и что пусть священный соборъ поступаетъ по своему усмотрѣнію и не принимаетъ на себя труда посылать къ нему третье приглашеніе. Выслушавъ это, соборъ отправилъ третью депутацію къ Евтихію съ письменнымъ приглашеніемъ явиться на 17 ноября въ соборное засѣданіе подъ угрозой каноновъ, карающихъ ослушниковъ. Константинопольскій архіепископъ употреблялъ всѣ мѣры, чтобы не придавать дѣлу слишкомъ громкаго значенія, но Евтихій имѣлъ противъ себя очень настойчиваго и горячаго противника, о которомъ Флавіанъ разъ сказалъ: „мнѣ извѣстна ревность обличителя, самый огонь ему кажется еще холодень по причинѣ его ревности о благочестіи. Богу извѣстно, сколько разъ я просилъ его—не быть настойчивымъ!“¹⁾ Съ другой стороны, и упорный отказъ Евтихія подчиниться желанію собора лично явиться въ засѣданіе и дать объясненіе въ приписываемыхъ ему мнѣніяхъ ставило Флавіана въ очень затруднительное положеніе передъ Евсевіемъ. На новый отказъ Евтихія, что онъ не можетъ явиться по случаю болѣзни, ему дана была еще отсрочка до 22 ноября.

Послѣднее засѣданіе этого собора, происходившее въ понедѣльникъ 22 ноября, имѣетъ самое существенное значеніе въ дѣлѣ Евтихія. На немъ присутствовалъ самъ обвиняемый, который такъ упорно отказывался представить собору личныя объясненія. Когда отцы собора были уже въ составѣ, предсѣдатель приказалъ дьяконамъ Криспину и Іовіану идти справиться, не пришелъ ли архимандритъ Евтихій, и если его найдутъ около церкви или въ другомъ мѣстѣ, то чтобы пригласили его въ засѣданіе. Означенные дьяконы по возвращеніи доложили, что хотя самого Евтихія они не нашли, но узнали, что онъ идетъ съ большимъ отрядомъ воиновъ, и съ монахами, и съ полицейской стражей. Вслѣдъ за этими словами экдикъ пресвитеръ Іоаннъ доложилъ, что Евтихій прибылъ съ большимъ отрядомъ воиновъ, и монаховъ, и полицейскихъ чиновъ епарха преторіи, но что сопровождающіе не согласны отпустить его въ засѣданіе, пока соборъ не дастъ ручательства за его личную безопасность, и что Магнъ силенціарій находится вмѣстѣ съ ними у воротъ и желаетъ присутство-

¹⁾ Mansi, „Concilia“, VI, 716.

вать на соборѣ какъ представитель благочестивѣйшаго и христоролюбиваго царя. Когда Флавіанъ далъ разрѣшеніе впустить, силенціарій Магнъ прочелъ собору указъ слѣдующаго содержанія. „Въ заботахъ о мирѣ, и о святой церкви, и о православной вѣрѣ, и въ желаніи сохранить вѣру, боговдохновенно изложенную отцами на Никейскомъ и Ефесскомъ соборахъ, и для предупрежденія соблазна въ православіи, мы постановили назначить для присутствованія въ соборѣ превосходительнаго патрикія Флоренція, мужа вѣрнаго и засвидѣтельствованнаго въ православіи“.

Какъ ни было необычно подобное распоряженіе, ставившее соборныя мнѣнія и рѣшенія по дѣламъ вѣры подъ контроль свѣтскаго лица, облеченнаго высокимъ авторитетомъ царскаго делегата, тѣмъ не менѣе, соборъ привѣтствовалъ этотъ указъ многолѣтіемъ и изъявилъ согласіе на участіе въ соборѣ царскаго делегата Флоренція. Когда спрошенный по этому поводу Евтихій тоже не высказалъ возраженій, соборъ сталъ продолжать разслѣдованіе дѣла, начавъ съ прочтенія всѣхъ предыдущихъ актовъ, касающихся Евсевія и Евтихія. Когда дошли до той части второго письма Кирилла, гдѣ читается: „исповѣдуемъ Господа нашего Іисуса Христа Сына Божія единороднаго, Бога совершеннаго и человѣка совершеннаго изъ души разумной (*λογικῆς*) и тѣла; прежде вѣкъ отъ Отца рожденнаго по Божеству, въ послѣдніе же дни ради насъ и нашего спасенія отъ Маріи Дѣвы по человѣчеству, единосущнаго Отцу по божеству, единосущнаго намъ по человѣчеству, ибо было соединеніе двухъ естествъ, почему исповѣдуемъ одного Христа, одного Господа, и по смыслу сего неслитнаго соединенія исповѣдуемъ св. Дѣву Богородицей чрезъ воплощеніе и вочеловѣченіе Бога Слова и въ самомъ зачатіи соединеніе съ Собою воспринятаго отъ нея храма“¹⁾. При этихъ словахъ Евсевій дорилейскій сказалъ: „Могу увѣрить, этого онъ не признаетъ и никогда не былъ согласенъ съ этимъ исповѣданіемъ, но говорилъ и училъ противоположное“. Тогда патрикій Флорентій предложилъ спросить Евтихія: „согласенъ ли онъ съ только-что прочитанными словами“? Но на это возразилъ епископъ Евсевій: „позвольте продолжать чтеніе документовъ, ибо мнѣ это важно для обличенія. Если бы онъ сейчасъ выразилъ свое согласіе, то я могъ бы показаться

¹⁾ Mansi, VI, col. 736: διὰ τὸ τὸν Θεὸν λόγον σαρκωθῆναι καὶ ἐνανθρωπήσαι καὶ ἐξ αὐτῆς τῆς συλλήψεως ἐνωσαὶ ἑαυτῷ τὸν ἐξ αὐτῆς ληφθέντα ναόν.

въ подозрѣнїи, что сдѣлалъ ложное обвиненіе. Между тѣмъ я доказалъ его виновность и свидѣтельствами тѣхъ лицъ, которыя были къ нему посылаемы отъ собора, и вновь могу это подтвердить словами преосвященныхъ епископовъ. Я боюсь его коварства — продолжалъ Евсевій, — я бѣденъ, не имѣю средствъ, онъ угрожаетъ мнѣ изгнаніемъ. У него есть деньги, и онъ пугаетъ меня ссылкой въ оазисъ“. Предсѣдатель замѣчаетъ ему: „хотя бы ты тысячу разъ повторялъ это, мы ни за что не пожертвуемъ истиной“. Евсевій, однако, не унимался: „вѣдь меня лишатъ сана, если я окажусь клеветникомъ“. Тогда патрикій Флорентій возвращается къ прежнему предложенію съ маленькой поправкой: „Пусть будетъ сдѣланъ вопросъ Евтихію: какъ онъ вѣруетъ, и, судя по тому, что онъ скажетъ, предложить потомъ другой вопросъ: почему нынѣ говоритъ такъ, а прежде мыслилъ иначе?“ Когда, наконецъ, удалось успокоить Евсевія, что отъ нынѣшняго отвѣта Евтихія не будетъ для него никакого нареканія, предложенъ былъ обвиняемому слѣдующій вопросъ: „согласенъ ли съ прочтенными сейчасъ словами блаженнаго Кирилла и признаетъ ли соединеніе двухъ естествъ въ одномъ лицѣ и въ одной ипостаси, или же нѣтъ?“—Евтихій отвѣтилъ: „да, изъ двухъ естествъ“. Евсевій поставилъ еще тотъ же вопросъ: „исповѣдуешь ли два естества послѣ воплощенія и признаешь ли Христа единосущнымъ намъ по плоти, или нѣтъ?“—Евтихій отвѣчалъ на это: „я препоручилъ себя святѣйшему вашему и сказалъ, какъ мыслю объ Отцѣ, и Сынѣ, и Святомъ Духѣ, больше меня нечего спрашивать“. Архіепископъ спросилъ: „нынѣ исповѣдуешь изъ двухъ естествъ?“ Евтихій отвѣчалъ: „поелику исповѣдую Бога моего и Господа неба и земли, то доселѣ не позволялъ заниматься вопросомъ объ естествахъ; признаю, что донынѣ я не исповѣдывалъ Его единосущнымъ намъ“. Архіепископъ спросилъ: „не признаешь Его единосущнымъ Отцу по Божеству и единосущнымъ намъ по человѣчеству?“—Евтихій отвѣтилъ: „доселѣ я не сказалъ, что тѣло Господа и Бога нашего единосущно намъ, Святую же Дѣву признаю единосущною намъ, и что изъ Нея воплотился Богъ нашъ“. Послѣдовало еще нѣсколько вопросовъ, на которые Евтихій отвѣтилъ: „я согласенъ на все, что говорите“. Патрикій Флорентій спросилъ: „если Мать единосущна намъ, то, конечно, и Сынъ единосущенъ?“ Евтихій отвѣтилъ: „донынѣ я этого не утверждалъ. Поелику же исповѣдую Его тѣломъ Божіимъ, понимаешь, я

не сказалъ, что тѣло человѣка есть тѣло Божіе, но человѣческое тѣло, я не сказалъ, что отъ Дѣвы воплотился Господь. Если же требуется сказать, что воплотился отъ Дѣвы, и что единосущенъ намъ, то скажу и это, господинъ мой... прежде я этого не говорилъ, нынѣ же признаю это, поелику ваша святость утверждаетъ такъ“. Послѣднія слова могли казаться неискренними и вынужденными настойчивостью вопросовъ, поэтому архіепископъ спросилъ: „что же, ты исповѣдуешь истинную вѣру по принужденію, а не по убѣжденію“? Евтихій отвѣчалъ: „нынѣ, господинъ, такъ думаю, до сей поры боялся говорить. Знаю Господа Бога нашего и не позволялъ себѣ изслѣдовать Его природу, поелику же ваша святость допускаетъ это и учитъ, то я рѣшаюсь говорить“.

Затѣмъ соборъ предложилъ Евтихію анаеѣматствовать всякое ученіе, противное изложеннымъ догматамъ. Здѣсь обвиненный вышелъ изъ предѣловъ доселѣ тщательно наблюдаемой осторожности и сказалъ: „я заявилъ, что прежде этого не утверждалъ, нынѣ же, поелику такъ учить святость ваша, говорю и слѣдую ученію отцовъ, но ни въ писаніяхъ я не нашелъ это ясно изложеннымъ, ни отцы не утверждали того единогласно. Теперь, если я анаеѣматствую, горе мнѣ, потому что предамъ анаеѣмѣ отцовъ“. При этихъ словахъ все собраніе поднялось съ мѣстъ съ криками: анаеѣма ему! Патрикій Флорентій направляетъ мнѣніе собора на основную тему, предложивъ Евтихію вопросъ: „признаешь ли два естества и единосущность съ нами“? Евтихій отвѣтилъ: „я читалъ у блаженнаго Кирилла и Аѳанасія и другихъ отцовъ, что до соединенія—изъ двухъ естествъ, а что послѣ соединенія и воплощенія уже не два естества, а одно“. Въ доказательство своихъ словъ предлагалъ прочесть мѣсто изъ св. Аѳанасія. Наконецъ, патрикій Флорентій выразилъ заключеніе въ слѣдующихъ словахъ: „кто не говоритъ изъ двухъ естествъ и два естества, тотъ не вѣруетъ правильно“. Соборъ присоединилъ: „съ понужденіемъ нѣтъ вѣры“. На послѣдокъ соборъ вынесъ слѣдующее опредѣленіе: „Евтихій, бывшій пресвитеръ и архимандритъ, оказался изобличеннымъ въ нечестіи Валентина и Аполлинарія и въ приверженности къ ихъ ученію. Такъ какъ онъ не устыдился нашихъ увѣщаній и поученій и не принялъ правыхъ догматовъ, то мы, оплакивая и соболѣзнуя объ его всеконечной гибели, опредѣлили во имя Господа нашего Іисуса Христа, имъ пору-

ганнаго, лишить его всякаго священнаго чина и общенія съ нами и начальствованія монастыремъ. Да знаютъ всѣ, кто будетъ вести съ нимъ разговоры и имѣть общеніе, что и они будутъ повинны отлученію отъ церкви". — Это постановленіе подписано членами собора, каковыхъ было отъ 28 до 31, и 23 архимандритами.

Намъ остается еще въ нѣсколькихъ словахъ изложить ближайшія обстоятельства, послѣдовавшія за этимъ соборомъ. Евтихій имѣлъ въ Константинополѣ высокихъ покровителей и пользовался популярностью въ монашесствующемъ духовенствѣ и въ народѣ, поэтому онъ не считалъ своего дѣла проиграннымъ и началъ борьбу. Онъ старался заинтересовать въ возникшей борьбѣ папу, императора Θεодосія и, наконецъ, александрійскаго епископа, посылая всюду жалобы на несправедливость и прося помощи. Несомнѣнно, важнѣй всего были попытки Евтихія вызвать вмѣшательство знаменитаго папы Льва I, которому онъ описалъ дѣянія собора и молитвамъ котораго приписывалъ то обстоятельство, что жизнь его не подверглась опасности отъ волновавшейся черни. Въ началѣ 449 года папа писалъ по этому вопросу, упрекая Константинопольскаго архіепископа, что онъ не поставилъ его въ извѣстность о состоявшемся осужденіи Евтихія, который жалуется нынѣ на незаконный приговоръ. Въ заключеніе письма высказывается та мысль, что лучше было бы не придавать этому дѣлу такой огласки и, защищая истину, въ то же время соблюсти любовь. Въ письмѣ къ императору папа также упоминаетъ о дѣлѣ Евтихія и замѣчаетъ, что онъ ждетъ дальнѣйшихъ объясненій по этому вопросу отъ Флавіана. Но между ближайшими къ императору лицами оказались защитники Евтихія. Такими были могущественный и вліятельный евнухъ Хрисафій и александрійскій архіепископъ Діоскуръ, подъ вліяніемъ которыхъ Θεодосій II рѣшился созвать соборъ въ Ефесѣ для пересмотра этого дѣла. Прибытіе членовъ на соборъ назначено было къ августу 449 года.

Ефесскій соборъ поставленъ былъ подъ руководство архіепископа александрійскаго Діоскора, который назначенъ въ немъ предсѣдательствующимъ. Діоскоръ, какъ человекъ горячаго нрава, довольно грубый и неблаговоспитанный, мало былъ пригоденъ для роли примирителя разномыслій на религиозной почвѣ; кромѣ того, онъ далъ мѣсто своимъ личнымъ неудовольствіямъ на константинопольскаго

архієпископа, въ виду давнихъ счетовъ между Александріей и Константинополемъ изъ-за чести и первенства. Можно было заранѣе предполагать, что соборъ не приведетъ къ благопріятному разрѣшенію церковнаго спора. Императоръ Ѳеодосій, слѣдуя уже принятому имъ обычаю, назначилъ отъ себя двухъ представителей на соборъ: комита священной консисторіи Елпидія и трибуна и нотарія преторіи Евлогія, которымъ преподанъ былъ спеціальныи наказъ. Имъ поручалось наблюдать общій порядокъ въ засѣданіяхъ и предупреждать всякія смуты, не останавливаясь передъ лишеніемъ свободы тѣхъ, кто угрожалъ бы порядку во вредъ святой вѣры. На нихъ, кромѣ того, возлагалась отвѣтственность за порядокъ внѣшняго дѣлопроизводства въ подлежащемъ обсужденію вопросѣ, для чего они должны присутствовать на судоговореніи и облегчать собору его задачу. Независимо отъ сего имъ поручено наблюдать, чтобы прежніе судьи Евтихія присутствовали на соборѣ безъ права голоса и спокойно ожидали рѣшенія дѣла; чтобы не предлагался никакой другой вопросъ прежде рѣшенія главнаго вѣроисповѣднаго. Дабы поставить ихъ въ возможность исполнить порученіе, имъ предоставлена была въ распоряженіе военная и полицейская помощь.

Состоявшійся въ августѣ 449 г. соборъ въ Ефесѣ получилъ печальную извѣстность. Его по нарушенію всѣхъ правилъ и по при-мѣненію грубой силы и всяческихъ принужденій къ членамъ, чтобы заставить ихъ подавать голосъ противъ совѣсти и желанія, принято называть разбойническимъ соборомъ. И это имя удержалось за Ефесскимъ соборомъ вполне заслуженно. Хотя на соборѣ были представители папы Льва I и архієпископы Константинополя, Антиохіи и Іерусалима, но фактически все дѣлопроизводство находилось въ рукахъ Діоскора и зависѣвшихъ отъ него агентовъ. Уже въ первомъ засѣданіи, когда нужно было ставить вопросъ о порядкѣ веденія дѣла, и когда нѣкоторые члены заявили, что слѣдуетъ поставить на первую очередь вѣроисповѣдныи вопросъ, Діоскоръ обратился къ нимъ съ заявленіемъ: „О вѣрѣ уже сдѣланы постановленія на прежнихъ соборахъ, развѣ вы желаете измѣнить вѣру св. отцовъ?“ Соборъ заявляетъ: „Анаѳема тѣмъ, кто желаетъ спорить о вѣрѣ“. По предложенію комита Елпидія былъ введенъ въ засѣданіе Евтихій, и такимъ образомъ весь вопросъ былъ сведенъ къ сужденію о не-правильности и незаконности сдѣланнаго противъ него постановленія

Константинопольскаго собора и архіепископа Флавіана, предсѣдательствовавшаго на немъ. Евтихій настаивалъ, что Флавіанъ и Евсевій обвинили его по злобѣ, что не приняли представленнаго имъ письменнаго исповѣданія вѣры, и, наконецъ, что акты Константинопольскаго собора составлены неправильно по приказанію Флавіана и Евсевія. Когда была заявлена мысль, что слѣдуетъ выслушать и тѣхъ, кого Евтихій обвиняетъ, предсѣдатель собора и царскій делегатъ объявили, что это незаконно, ибо Флавіанъ и Евсевій не имѣютъ здѣсь права голоса. При такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о свободѣ преній, тѣмъ болѣе, что большинство членовъ были сторонники Діоскора. Поставленный предсѣдателемъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли считать Евтихія правомыслящимъ, былъ рѣшенъ утвердительно, и такимъ образомъ соборъ возстановилъ его въ священномъ санѣ и въ правѣ на управленіе монастыремъ. Затѣмъ сдѣланъ былъ прямой ударъ на Флавіана. Послѣ прочтенія нѣкоторыхъ мѣстъ изъ дѣяній Ефесскаго собора противъ Несторія, Діоскоръ сказалъ: „Вы слышали, что соборъ угрожаетъ всякому, кто не согласенъ съ Никейскимъ символомъ или измѣняетъ его; теперь слѣдуетъ высказаться, нужно ли считать виновными тѣхъ, кто выходитъ за предѣлы Никейскаго символа въ своемъ богословствованіи. Такъ какъ Флавіанъ и Евсевій въ ученіи о двухъ естествахъ уклонились отъ символа, то ихъ слѣдуетъ признать лишенными сана“. Таково было предложеніе Діоскора, которое, несмотря на протесты Флавіана и папскихъ легатовъ, было принято почти всѣми членами (135 голосовъ). Чтобы довести до конца совершенно незаконное дѣло, Діоскоръ приказалъ сейчасъ же собрать подписи, и когда нѣкоторые отказывали въ согласіи, то онъ кричалъ и угрожалъ мщеніемъ и военной командой: „Что? вы хотите бунтовать, вотъ я позову комита!“— Уже папа въ одномъ изъ своихъ писемъ въ 451 г. назвалъ этотъ соборъ его настоящимъ именемъ (*latrocinium*), и онъ же оказался самымъ настойчивымъ выразителемъ идеи—созыва новаго собора для разсмотрѣнія церковныхъ нестроеній на Востокѣ. Смерть Θεодосія II, случившаяся 28 іюля 450 г., открыла въ этомъ отношеніи новыя перспективы, лишивъ Діоскора главной поддержки.

глава VIII.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ. МИРОВОЕ ЗНАЧЕНІЕ СТОЛИЦЫ ВОСТОЧНОЙ ИМПЕРІИ. ЕПАРХЪ ГОРОДА. РЕМЕСЛЕННЫЯ СОСЛОВІЯ. ДИМЫ. ОБРАЗОВА- ТЕЛЬНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ.

Вимъ не имѣлъ такого значенія для Западной имперіи, какъ Константинополь для Восточной. Столица Западной имперіи могла быть и въ Миланѣ, и въ Равеннѣ, и въ Павіи; это не сопровождалось особенно важнымъ значеніемъ ни въ политическомъ, ни въ административномъ отношеніяхъ; между тѣмъ, Константинополь такъ же не можетъ быть отдѣленъ отъ Восточной имперіи, какъ, на примѣръ, Римъ отъ католической церкви. Константинополь сталъ весьма опредѣленнымъ и, можно сказать, всецѣлымъ выразителемъ византизма, такъ что Восточная имперія, съ основаніемъ Константинополя постепенно превращающаяся въ Византійскую, не можетъ быть представлена безъ своего средоточія и своего религіознаго, административнаго и культурнаго центра на берегахъ Босфора. Въ то время, какъ приготавлилась на Западѣ страшная катастрофа, на Востокѣ постепенно организовались начала, которыя сохранили отъ распада цѣлую половину имперіи. Перенесенная Константиномъ столица въ Византію и основанный на мѣстѣ стараго новый городъ его имени долженъ быть признанъ однимъ изъ главныхъ устоевъ тысячелѣтней жизни Византійской имперіи. Вотъ почему древнѣйшей исторіи Константинополя должна быть посвящена отдѣльная глава въ исторіи Византіи.

Выше мы говорили о построеніи Константинополя и о первоначальныхъ границахъ, данныхъ ему основателемъ. Но городъ быстро

сталъ развиваться, такъ что уже къ концу IV в. массы новыхъ поселенцевъ не находили мѣста внутри городскихъ стѣнъ, и за чертой города стали возникать новыя постройки и поселенія. Тамъ указано было императоромъ Θεодосіемъ расположеніе для готскихъ военныхъ отрядовъ или федератовъ, по коимъ загородныя части долго были извѣстны подъ нумерами: второй, третій, четвертый, пятый и седьмой. Когда въ 412 г. стѣны Константиновскаго города значительно пострадали вслѣдствіе землетрясенія, то императоръ Θεодосій, въ соотвѣтствіе съ быстрымъ возрастаніемъ населенія, раздвинулъ его границы, включивъ въ черту города и прежній загородный кварталъ, называемый Эксокіоній (*ἔξοχιόνιον*), и окруживъ новой стѣной, которая въ существенныхъ частяхъ сохранилась до сихъ поръ. Два епарха города, Анѳемій въ 413 г. и Киръ въ 439—441 прославили свое имя сооруженіями, служившими къ украшенію и защитѣ города. Только кварталъ близъ Золотого Рога у Влахернскаго дворца оставался открытымъ и защищенъ стѣной при императорѣ Иракліи въ 625 г. Такимъ образомъ, можно сказать, что собственный городъ Константинополь, т.-е. нынѣшній Стамбуль, выросъ до его естественныхъ границъ въ теченіе IV и V вѣковъ. Дальнѣйшій его приростъ былъ, главнымъ образомъ, въ предмѣстьяхъ: Космидій (въ концѣ Золотого Рога), Галата, Пера, Бешикъ-ташъ, Скутари и т. д.

Нужно думать, что быстрому росту города способствовали исключительно благопріятныя условія, въ которыя онъ былъ поставленъ. Здѣсь разумѣемъ не только естественную защиту и безопасность отъ внѣшнихъ враговъ, но и особенныя привилегіи, предоставленныя городу въ гражданскомъ и торговомъ отношеніяхъ. Какъ было сказано, Константинополю даровано было устройство города Рима съ его сенатомъ и муниципальнымъ строемъ. Городской округъ изъять былъ отъ земельного налога, и гражданамъ предоставлены были обширныя привилегіи: торговыя права промышленнымъ людямъ, пособія отъ правительства, безденежная раздача хлѣба и даровое помѣщеніе для бѣдныхъ. Преимущества государственной и придворной службы, почетное званіе сенатора и различныя служебныя, дѣловые и практическіе интересы потянули въ Константинополь знатныхъ и богатыхъ людей изъ Рима, Александріи, Антиохіи и другихъ городовъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Константинополь притянулъ къ себѣ огромныя матеріальныя средства и сдѣлался

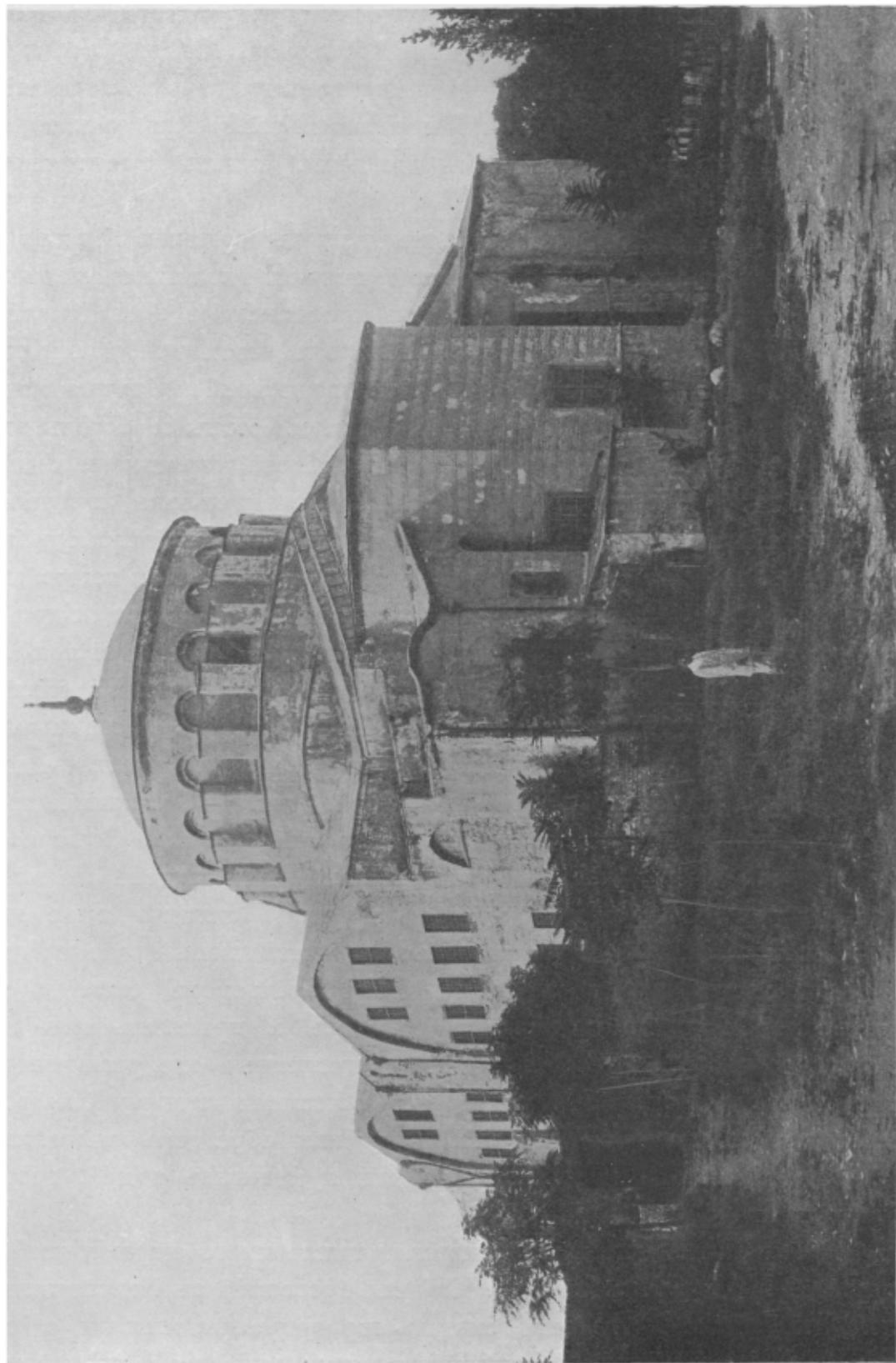

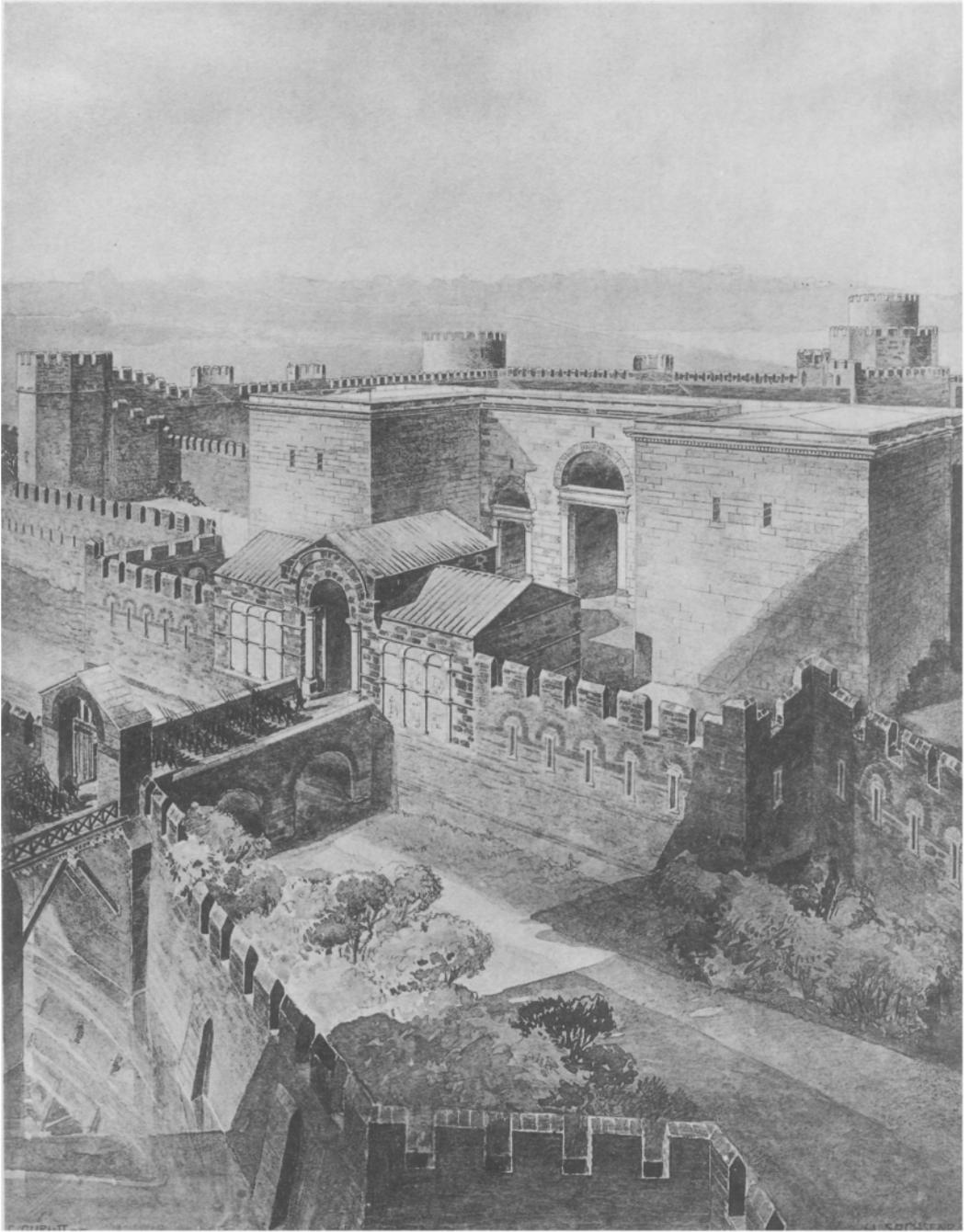
Рис. 23. Храмъ св. Ирины.

важнымъ рынкомъ для сбыта товаровъ со всей имперіи, въ особенности же рѣдкихъ и дорогихъ товаровъ изъ Индіи, Персіи и Египта. Константинъ и его ближайшіе преемники прибѣгали къ самымъ крайнимъ средствамъ, чтобы украсить свою столицу и сдѣлать пребываніе въ ней пріятнымъ для иностранцевъ и для мѣстныхъ жителей.

Нѣтъ сомнѣнія, что Константинъ нашелъ древнюю Византію вполне языческимъ городомъ, но преобразованія Византіи въ столицу имперіи сопровождались реформами въ христіанскомъ духѣ. Древнія святилища на акрополѣ были частью закрыты, частью обращены въ общественныя зданія для иныхъ цѣлей, храмовыя имущества конфискованы или переданы христіанамъ. Статуи боговъ и богинь посредствомъ легкихъ передѣлокъ и приспособленій примѣнены были къ христіанскому культу. Матерь боговъ, правящая львами, измѣнена въ оранту съ воздѣтыми руками (см. стр. 63, рис. 2). Статуя судьбы города и Аполлона получила христіанскій характеръ. При постройкѣ христіанскихъ церквей пользовались прежними храмовыми постройками или употребляли матеріаль древнихъ храмовъ на постройку новыхъ зданій. Славная церковь св. Мокія построена на мѣстѣ храма Зевса; точно также церковь св. Мины на мѣстѣ храма Посидона, и св. Ирины на акрополѣ; послѣдняя сохранилась доселѣ, хотя обращена въ военный музей (рис. 23). Большинство христіанскихъ благотворительныхъ учрежденій столицы Восточной имперіи, вѣроятно, такого же происхожденія. Константинъ желалъ, однако, придать чрезвычайный блескъ своей столицѣ и не задумался, въ пользу ея, лишить древнихъ памятниковъ другіе города. Для этого онъ приказалъ искать статуй, рельефовъ, колоннъ и проч. въ ближнихъ и дальнихъ городахъ и привозить ихъ въ Константинополь. Такимъ образомъ, доставленныя изъ различныхъ городовъ скульптурныя произведенія обогатили столицу имперіи памятниками древняго искусства, послужили образцомъ для мѣстныхъ художниковъ и украшеніемъ для публичныхъ зданій, дворцовъ, площадей и улицъ.

Преемники Константина прилагали также много старанія, чтобы украсить и расширить столицу. Юліанъ, проведеншій въ Константинополь не больше 6 мѣсяцевъ, оказалъ городу разныя милости, о которыхъ самъ упоминаетъ въ сохранившемся письмѣ (ер. II), гдѣ, между

„ЗОЛОТЫЯ ВОРОТА“ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

прочимъ, есть рѣчь и о приверженцахъ галилейской секты, допущенныхъ имъ въ сенатъ; онъ же устроилъ новую гавань, теперь засыпанную, близъ церкви Сергія и Вакха и приказалъ привести изъ Египта обелискъ для украшенія восточной части города. Время Θεодосія и затѣмъ Юстиніана въ исторіи Константинополя отмѣчается громадными сооруже́ніями дворцовъ, церквей, портиковъ общественныхъ зданій, какъ сенатъ, ипподромъ, театръ, бани, рынки и т. п.

Чтобы дать хотя нѣкоторое представленіе о древнѣйшемъ Константинополѣ и составить себѣ идею объ его ростѣ, мы можемъ пользоваться описаніемъ его, относящимся къ царствованію Θεодосія II. Пользуясь этимъ описаніемъ, а равно извѣстіями писателей о событіяхъ и памятникахъ Константинополя, попытаемся ознакомиться съ наиболѣе примѣчательными частями древней столицы византійскихъ императоровъ.

Громадное населеніе города въ особенности скоплялось большими массами на площадяхъ и на главныхъ улицахъ, которыя украшены были портиками и колоннадами, общественными зданіями и художественными произведеніями искусства. Главная улица Константинополя, прорѣзывавшая городъ отъ внѣшнихъ стѣнъ до площади Августея, св. Софіи и императорскихъ дворцовъ, шла въ двухъ, повидимому, направленіяхъ. Развѣтвленіе начиналось близъ площади Тавра, при чемъ одна улица направлялась на храмъ св. апостоловъ и цистерну Аспара къ нынѣшнимъ Адрианопольскимъ воротамъ, получивъ совершенно соотвѣтствующее ея положенію въ городѣ наименованіе Средней улицы (Меса); другая часть улицы того же названія проходила по близости отъ Мраморнаго моря и направлялась къ Золотымъ воротамъ (см. табл.). По ней направлялись церковныя процессіи и торжественные церемоніальные выходы императоровъ, на ней или по близости отъ нея находились главнѣйшіе памятники и важнѣйшія церковныя и общественныя зданія. Исходные пункты Средней улицы сохранились и по настоящее время: Золотыя ворота и св. Софія.

Однимъ изъ первыхъ памятниковъ, который встрѣчался по Средней улицѣ съ запада на востокъ, былъ Эксокіоній. Нужно полагать, что эта мѣстность была по близости отъ пересѣченія улицы стѣной Константина, такъ какъ въ IV и V в. весь этотъ обширный участокъ, находившійся между стѣной Константина и Θεодосія, назывался „за колоннами“ (эксокіоній), гдѣ жили готскіе военные отряды,

и гдѣ была выстроена для нихъ церковь, въ которой совершалось аріанское богослуженіе на нѣмецкомъ языкѣ. Въ этомъ направленіи, ближе къ Золотымъ воротамъ, былъ построенъ въ 463 г. знаменитый Студійскій монастырь съ церковью св. Іоанна Предтечи, въ послѣдствіи получившій громадное вліяніе въ церковной жизни Византійской имперіи. Переходя въ предѣлы, ограниченные старой стѣной Константина, мы встрѣчаемъ уже болѣе ясные признаки направленія Средней улицы. Здѣсь прежде всего былъ холмъ, называемый Ксиролофъ, на которомъ находилось нѣсколько памятниковъ. На мѣстѣ нынѣшняго авреть-базаръ находилась площадь Аркадія, *forum Arcadii*, съ колонной въ честь императора Аркадія и со статуей его, поставленной Θεодосіемъ II въ 421 г.

Колонна Аркадія, украшенная рельефами, стояла на своемъ мѣстѣ до 1719 г., когда вслѣдствіе землетрясенія была повержена на землю. Основаніе, на которомъ она была утверждена, сохранилось и доселѣ остается на своемъ мѣстѣ. Ближайшая къ Аркадіевой площади по Средней улицѣ была площадь Быка—*Bovis agora*. Площадь называлась также просто Быкомъ и получила это названіе отъ громаднаго бронзоваго быка, который иногда служилъ печью для сожженія преступниковъ. Нынѣ эта мѣстность извѣстна подъ именемъ Акъ-серай. Близъ площади Θεодосія или Тавра было развѣтвленіе улицъ, именно одна, какъ сказано, продолжалась къ св. Софії, а другая тоже изъ болѣе замѣчательныхъ, направлялась прямо на западъ, мимо храма св. Апостоловъ, къ адрианопольскимъ воротамъ. Находившіяся здѣсь мѣстности: Амастрійская площадь, Капитолій и Филадельфій отождествить въ настоящее время весьма трудно, не производя раскопокъ.

Что же касается *forum Theodosii*, то эта площадь вполне сохранилась и составляетъ одно изъ центральныхъ мѣстъ нынѣшняго Константинополя. Въ серединѣ площади находилась колонна, поставленная Θεодосіемъ I въ память побѣдъ его надъ готами и скиѣами и украшенная рельефными изображеніями, поднимавшимися спиралью кругомъ колонны. При султанѣ Баязидѣ II (1481—1512) на мѣстѣ этой колонны построены бани, и самая колонна уничтожена. Нынѣ здѣсь находятся мечеть Баязита и зданіе сераскирата. Далѣе Средняя улица ведетъ къ центральнымъ мѣстностямъ Константинополя. За форумомъ Θεодосія слѣдовалъ Хлѣбный рынокъ—*ἀροτὸν*

Рис. 24. Колонна Константина Вел. или „Обожженная“.

λειον, украшенный историческими памятниками. Здѣсь былъ водруженъ Константиномъ на мраморной колоннѣ крестъ, сдѣланный имъ на подобіе того, который видѣлъ онъ на небѣ; здѣсь же была арка, у которой происходила смѣна партій, участвовавшихъ въ торжественныхъ процессіяхъ. Далѣе Меса приводила на площадь Константина.

Это была центральная площадь древняго Константинова города, украшенная портиками, колоннами и триумфальными арками, а по срединѣ имѣвшая порфировую колонну, привезенную изъ Рима изъ храма Аполлона. На этой площади въ разныхъ мѣстахъ стояли мраморныя статуи, произведенія лучшихъ древнихъ мастеровъ, привезенныя изъ многихъ городовъ, а также публичныя зданія, на примѣръ, второй сенатъ. Нынѣшняя, такъ называемая „Обожженная“ колонна, стоящая на своемъ первоначальномъ мѣстѣ (рис. 24), уже въ древнее время получила важное, частью мистическое, частью религіозное и археологическое значеніе и соединила на себѣ многообразныя народныя преданія, связанныя съ судьбой города и имперіи. Эта колонна пострадала отъ сильной бури и молніи въ царствованіе Алексѣя Комнина въ 1105 г., при чемъ вѣнчавшая колонну статуя Константина была разбита и сброшена на землю. Царь поправилъ поврежденія на колоннѣ, но вмѣсто статуи приказалъ поставить крестъ, приписываемый преданіемъ времени Константина.

Наконецъ, Средняя улица приводила къ Милію и площади Августея или Августеонъ, въ сосѣдство съ самыми священными и драгоценными памятниками древняго Константинополя: св. Софія, св. Ирина, Большой дворецъ и Ипподромъ. На указанномъ пространствѣ Меса блистала богатыми и красивыми украшеніями и роскошно отдѣланными портиками: на примѣръ, дворцы Лавса, Антіоха, Филоксена; здѣсь былъ самый оживленный пунктъ города. Здѣсь на площади Августеона были роскошные дворцы и публичныя зданія: палаты патріарха, бібліотека, бани Зевксиппа, сенатъ и другія зданія.

Въ срединѣ площади стояла статуя св. Елены или Августы, откуда происходитъ и названіе площади; тамъ же была серебряная статуя Евдоксіи, супруги Аркадія; впослѣдствіи здѣсь же была поставлена колоссальная статуя Юстиніана I. Близъ этой площади былъ Милій, имѣвшій цѣлью обозначить исходную точку для измѣненія военнаго пути, идущаго отъ Константинополя. Это было осно-

ПЛАНЪ КОНСТАНТИНОПОЛЯ У-VI ВѢКА.

0 200 400 600 800 1000 1200 1400 1600 1800 2000

Условные знаки.

- Вышеупомянутые постройки
- Пурпуровые постройки
- Упраздненные
- Монашескія дворцы
- Г. — водопроводъ
- Дв. — дворца (сестры)
- Д. — дворца
- Д. — дому (ворота)
- М. — монастырь
- П. — площадь
- К. — церкви, мавзолеи, папскія палаты, и прочія зданія, пурпуромъ выделаны.
- Кресты — площадь мавзольнаго квартала, восточн. — площадь мавзольнаго квартала.

1. Соли
2. Константинополь
3. Плата Исаидиана
4. Олвасия
5. Ст. Ферина в. Дарфа
6. Ст. Ферина в. Пассата
7. Ст. Ферина в. Порфирородная
8. Дефекційні пороховні
9. (Область) Фандан
10. Траки. Зодкостя
11. Марти
12. Прохолоднаго мавзольнаго особой стѣны. Восточнаго квартала в. Губен.

Сѣнь (Ноттианта)

МРАМОРНОЕ МОРЕ

Линя Константина
Кресты Константина
и храмъ Соломона

ванное на 4 колоннахъ купольное зданіе, украшенное скульптурнымъ искусствомъ, представлявшее собой воспроизведеніе римскаго *miliarium aureum*. Самыми важными постройками, находившимися близъ площади Августеона и болѣе или менѣе къ ней примыкающими, была церковь св. Софіи, Большой дворецъ и ипподромъ, которымъ мы должны здѣсь посвятить вниманіе.

Большой дворецъ, называемый обыкновенно *τὸ παλάτιον* или *τὸ μέγα παλάτιον*, какъ резиденція Константина, по первоначальному плану принадлежитъ къ IV вѣку. Расширенный и много разъ перестроенный византійскими царями, начиная съ Юстиніана I до XII вѣка, Большой дворецъ составилъ собой съ теченіемъ времени значительный комплексъ зданій, занимавшихъ громадное пространство на первомъ холмѣ и его спускахъ къ Мраморному морю. Въ первый періодъ имперіи до царей Комниновъ, которые перенесли свою резиденцію во Влахерны, Большой дворецъ съ прилегавшими къ нему зданіями былъ центромъ городской и политической жизни, отсюда направлялась церковная и гражданская политика и вся администрація Византійской имперіи. Онъ сосредоточивалъ въ себѣ не только дворцы для помѣщенія императора и его семьи, но также огромныя залы для пріемовъ и придворныхъ празднествъ, обширныя парки и сады и галереи, а равно помѣщенія для обширнаго служебнаго персонала, для царской гвардіи и гарнизона, кромѣ того, церкви и церковныя зданія. Въ понятіе Большого дворца входитъ скорѣй представленіе о значительной части города, чѣмъ дворца въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова (см. планъ на прилож. таблицѣ). Сюда относятся: 1) знаменитая палата Хрисотриклинь съ тронной залой; 2) Триконхъ; 3) Зала XIX-ти аккумулятовъ; 4) дворцы Дафна и Халка; 5) дворецъ Магнавра; 6) порфиновый дворецъ; 7) военный складъ и темницы, наконецъ, постройки Василія Македонянина Новая церковь и Богородицы Фара. Съ XIII в. всѣ эти зданія начали приходить въ упадокъ, такъ какъ императоры, не нашедши болѣе удобнымъ пребываніе на этомъ мѣстѣ, предпочитали жить у стѣнъ города во Влахернахъ ¹⁾.

¹⁾ Пожаръ 1912 г. обнажилъ верхнія террасы Большого дворца, восходящія безспорно ко временамъ первыхъ его строителей. Подъ верхней террасой обнаруженъ крытый портикъ на столбахъ и съ круглыми сводами; снаружи вплотную къ террасѣ пристроены византійскія четырехугольныя башни, построенныя навѣрное импера-

Но вполне общественнымъ учрежденіемъ и въ то же время любимѣйшимъ для жителей Константинополя развлеченіемъ были ипподромъ и дававшіяся на немъ игры (стр. 161, рис. 18). Онъ соединенъ былъ внутренними ходами и крытыми галлереями съ императорскимъ дворцомъ, что доставляло возможность царю быть зрителемъ цирковыхъ игръ, не показываясь народу. Первые основанія для ипподрома (*τὸ ἵπποδρόμιον*) положены были Септиміемъ Северомъ, окончательно отстроены этотъ памятникъ Константиномъ. Несомнѣнно ипподромъ имѣлъ назначеніемъ дать въ Константинополѣ для народа такую же сумму развлеченій, что давалъ Circus maximus въ Римѣ. Цѣль эта была не только достигнута, но, можно сказать, была превзойдена, ибо константинопольское учрежденіе централизовало въ себѣ не только удовольствія, но привлекло къ себѣ политическіе и даже церковные интересы населенія и получило не мѣстное только, но и общеимперское значеніе. Въ ипподромѣ нерѣдко рѣшались политическіе и церковные вопросы первостепенной важности, въ особенности когда правительство стало принимать строгія мѣры къ ограниченію муниципальных правъ городского населенія, и когда цирковыя партіи приняли политическую окраску. Разрушеніе ипподрома послѣдовало въ 1204 г., при взятіи Константинополя крестоносцами, и закончено въ XVI в. турками. Въ настоящее время отъ зданія ипподрома не осталось никакихъ слѣдовъ, но сохранились очень опредѣленныя указанія, по которымъ опредѣляется какъ мѣсто ипподрома, такъ и его отношеніе къ Большому дворцу и другимъ древнимъ постройкамъ. На мѣстѣ ипподрома въ настоящее время находится большая площадь къ юго-западу отъ св. Софіи, называемая ат-мейданъ.

Ближайшія къ этой площади зданія находятся на мѣстѣ ипподрома и частью построены изъ прежняго матеріала, таковы мечеть Ахмедіэ, архивъ и тюрьмы. Первые представленія на ипподромѣ даны были въ день открытія Константиномъ столицы. Длина ипподрома была отъ 1200 до 1300 футовъ, ширина около половины этого измѣренія. Сохранившіеся памятники отмѣчаютъ среднюю линію по

торомъ Никифоромъ Фокой, укрѣпившимъ „верхній дворецъ“. Мѣстами даже уцѣлѣли на поверхности земли остатки византійскихъ построекъ, несомнѣнно на территоріи дворца. Террасы ориентированы сообразно съ расположеніемъ Августеона, а не ипподрома, и слѣдуетъ думать, что въ томъ же направленіи тянулись и главнѣйшія дворцовыя зданія. Эти данныя даютъ новѣйшій матеріалъ для топографіи Большого дворца.

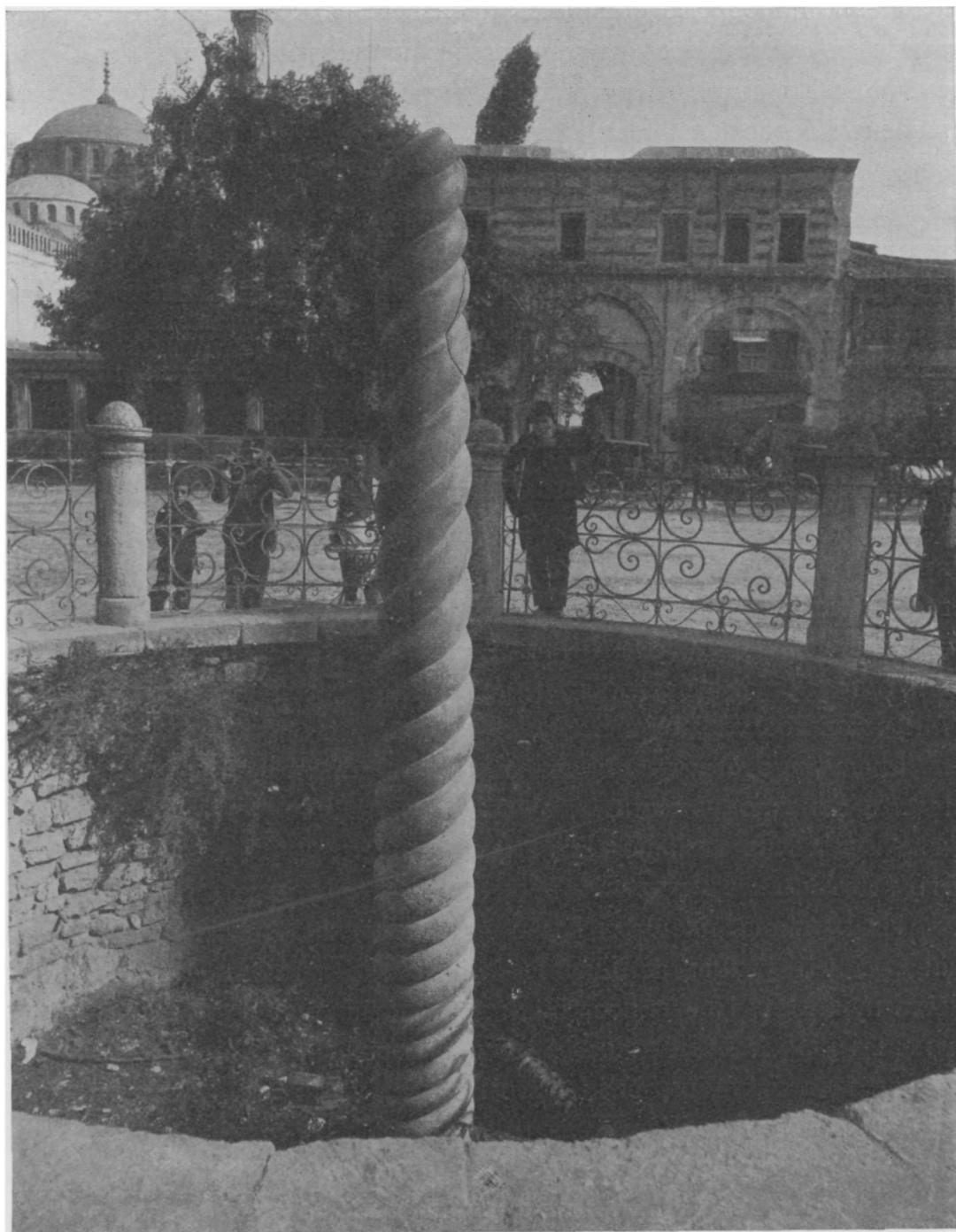

Рис. 25. Змѣная колонна.

линѣ ипподрома, вдоль которой происходили состязанія на колесахъ; это *spina*—родъ платформы, на которой обыкновенно для крашенія ипподрома ставились произведения искусства. Такихъ памятниковъ сохранилось до настоящаго времени на мѣстѣ ихъ первоначальнаго нахождения три. Египетскій обелискъ Тутмосиса III поставленъ Θεодосіемъ Великимъ въ 381 году. На мраморномъ основаніи представленъ въ рельефѣ Θεодосій съ своей семьей и свитой мотрящимъ на цирковое представленіе изъ своей ложи. Далѣе бронзовая змѣиная колонна (рис. 25), представляющая фрагментъ приношенія всей Греціи Дельфійскому Аполлону въ память побѣды при Платеѣ. Наконецъ, столбъ изъ большихъ квадратныхъ тесаныхъ камней, обложенный прежде бронзовыми позолоченными плитами. Уже въ X вѣкѣ онъ былъ въ состояніи разрушенія, такъ что императоръ Константинъ Порфирородный подновилъ этотъ памятникъ, сравниваемый древними византіяцами съ колоссомъ Родосскимъ. Мѣстно здѣсь замѣтить, что 4 бронзовые коня работы Лизиппа, крашающіе нынѣ фасадъ св. Марка въ Венеціи, составляли въ свое время принадлежность ипподрома. Эти кони поставлены были на ипподромѣ Θεодосіемъ II и увезены изъ Константинополя въ 204 году, послѣ завоеванія и разграбленія города крестоносцами V крестоваго похода (рис. 26).

Средняя улица прорѣзывала городъ въ прямомъ направленіи. Нельзя, конечно, думать, что всѣ главнѣйшіе памятники можно было видѣть на этой улицѣ или въ прилегающихъ къ ней частяхъ. Отъ Меса шли въ разныхъ направленіяхъ другія улицы.

На пути отъ площади Быка до площади Θεодосія въ направленіи Средней улицы встрѣчается нѣсколько темныхъ и невыясненныхъ пунктовъ. Новыя постройки здѣсь появились на прежней улицѣ, и новыя улицы прошли въ другомъ направленіи. Такимъ образомъ, остаются до будущихъ раскопокъ неопредѣленными положеніе Аматрійской площади, Капитолія и Филадельфія. Мѣстность, гдѣ находится нынѣ мечеть Шахъ-заде, составляетъ одинъ изъ узловыхъ пунктовъ, откуда идутъ большія улицы въ разныхъ направленіяхъ, и прежде всего большая улица, идущая прямо на западъ, къ знаменитому храму св. Апостоловъ и къ адрианопольскимъ воротамъ. По всей вѣроятности, здѣсь должно полагать древній Филадельфій, откуда Меса вела прямо къ площади Θεодосія.

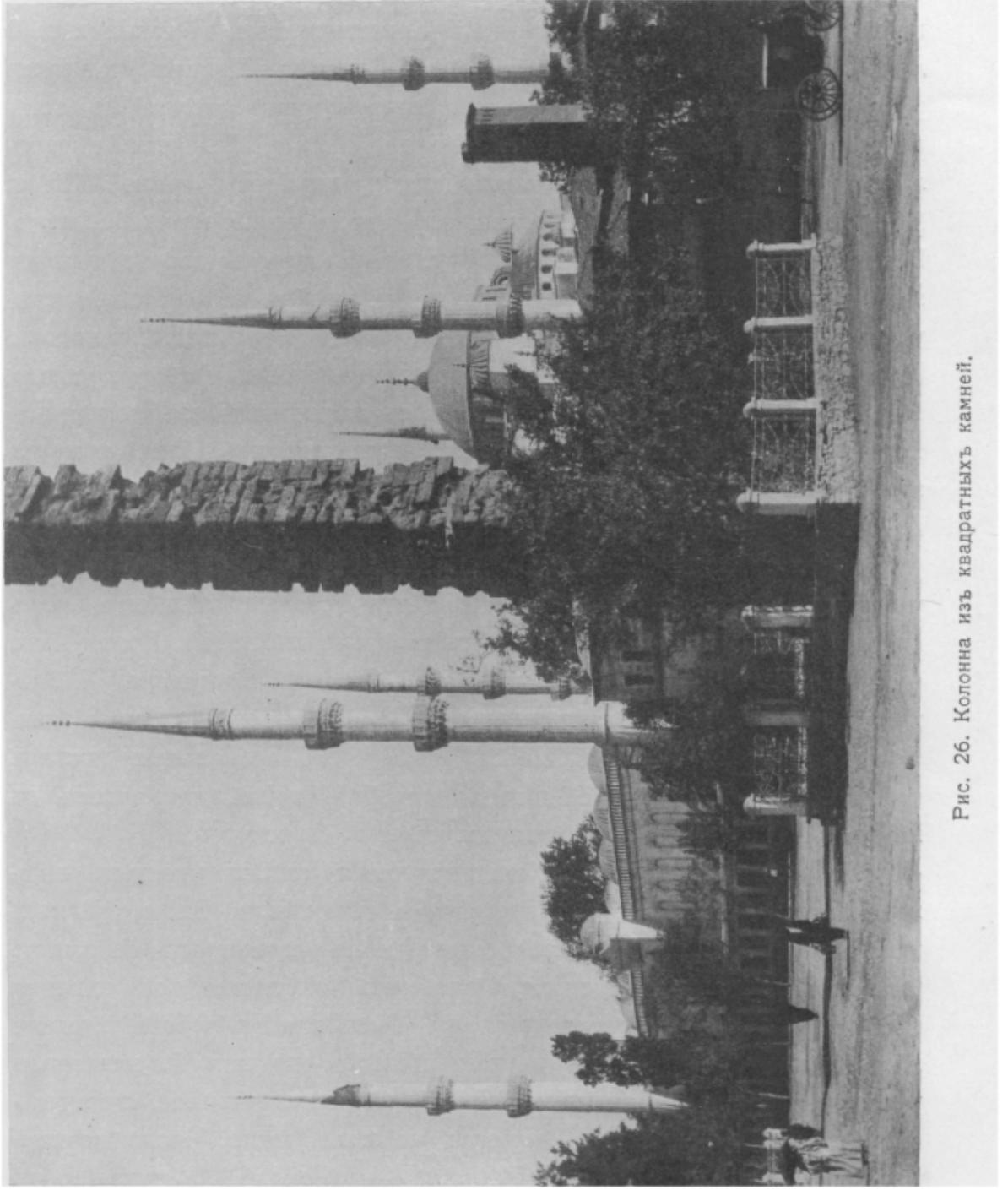

Рис. 26. Колонна изъ квадратныхъ камней.

Въ ближайшемъ сосѣдствѣ проходилъ громаднѣйшій водопроводъ Валента, сохранившійся и доннынѣ и составляющій незамѣнимый для внутренняго города способъ водоснабженія. Поблизости находится храмъ св. Апостоловъ, построенный Константиномъ и назначенный для погребенія императорской семьи. Впослѣдствіи онъ сдѣлался усыпальницей всѣхъ византійскихъ императоровъ, каковой и оставался до завоеванія Константинополя въ 1453 г. Въ теченіе двухъ лѣтъ турецкой эпохи здѣсь нашла пріютъ патріархія, а въ 1455 г. Магометъ II построилъ на мѣстѣ храма мечеть, называемую Мехмедіе. Въ исторіи Византіи храмъ св. Апостоловъ игралъ весьма важное значеніе и съ точки зрѣнія роскоши постройки и искусства считался однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ Константинополя. По архитектурной формѣ храмъ Апостоловъ имѣлъ форму креста и былъ окруженъ обширнымъ дворомъ съ галереями изъ колоннъ и памятниками искусства. Близъ храма были дворецъ, бани и другія зданія, предназначенныя для духовенства и военной стражи, охранявшей гробницу царей. Уже при Юстиніанѣ этотъ храмъ былъ расширенъ и перестроенъ, при чемъ съ особеннымъ вниманіемъ были украшены тѣ придѣлы, арки и портики, которые предназначались для постановки гробницъ прежнихъ и будущихъ царей. Древнѣйшіе епископы и патріархи Константинополя, Григорій Богословъ и І. Златоустъ, погребены при этомъ же храмѣ, точно такъ же патріархи Никифоръ и Меѳодій, прославившіеся борьбой за православіе противъ иконоборцевъ. Было ли обычаемъ погребать всѣхъ патріарховъ въ храмѣ св. Апостоловъ, это остается не вполне яснымъ.

При описаніи древняго Константинополя нельзя касаться мимоходомъ такого вопроса, какъ церкви и монастыри. Въ самой идеѣ византизма коренное мѣсто принадлежитъ церковности въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. А такъ какъ Константинополь со всѣми его учрежденіями и нравами жителей былъ яркимъ представителемъ византизма, то уже въ первыя столѣтія его исторіи церковныя учрежденія занимали въ немъ видное мѣсто. Церковное строительство въ Константинополѣ никогда не ослабѣвало. Число церквей можно полагать отъ 400 до 450, между ними около 100 церквей было монастырскихъ. Не все это были монументальныя постройки, но уже на основаніи того, что до настоящаго времени сохранились почти исключительно церковныя зданія, а дворцовъ и другихъ обществен-

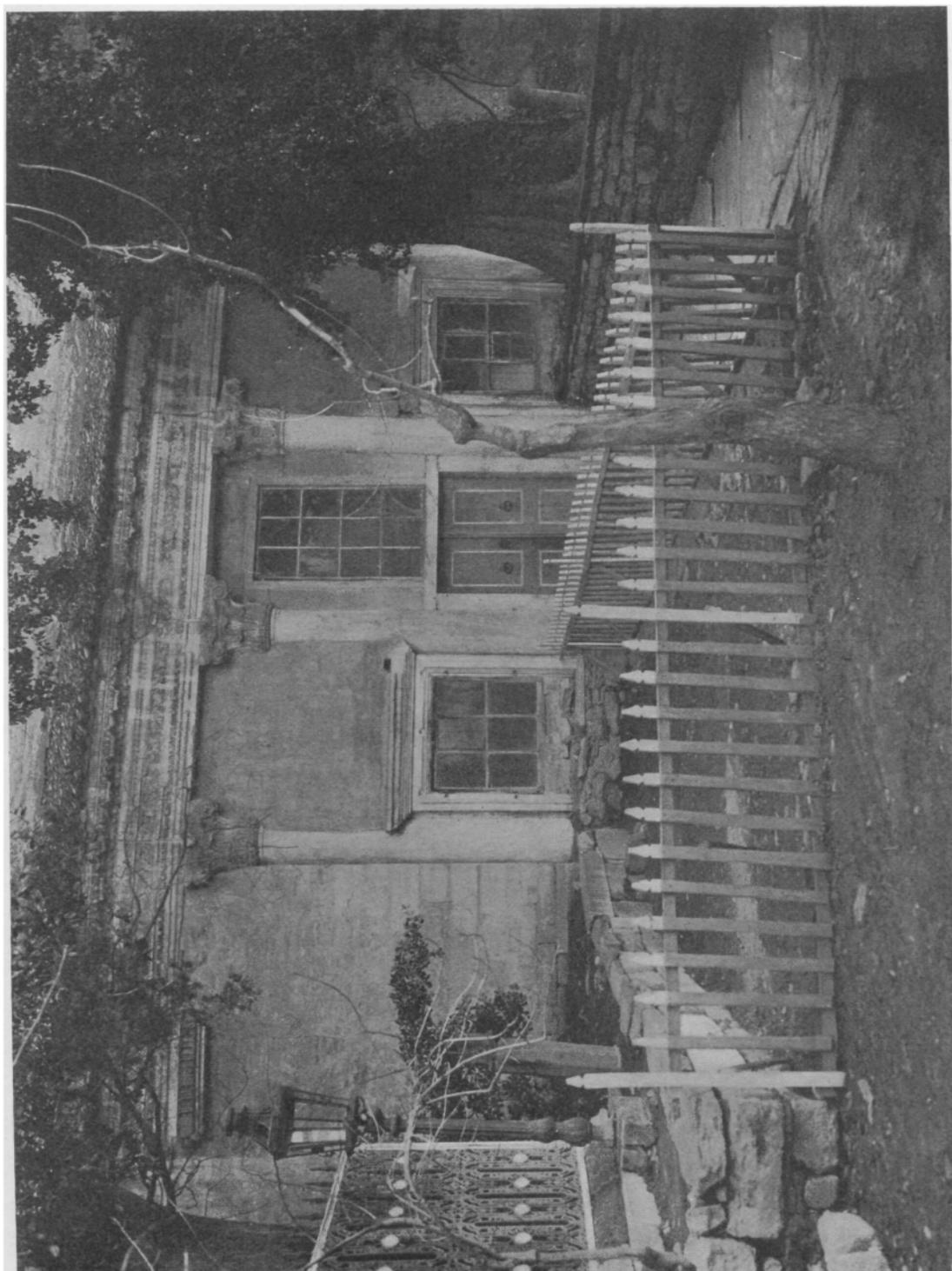

Рис. 27. Видъ базилики Студія съ запада.

ныхъ построекъ почти совсѣмъ не уцѣлѣло, можно судить, что церковное строительство велось правильно, съ соблюденіемъ архитектурныхъ законовъ и съ употребленіемъ на постройки хорошаго матеріала. Слѣдуетъ здѣсь особенно обратить вниманіе, что нѣкоторыя церкви IV и V вѣковъ сохранились до нынѣшняго времени. Такова церковь, посвященная Божественному миру, или церковь св. Ирины, церковь св. Анастасіи, церковь Іоанна Богослова, основанная патриціемъ Студіемъ въ 463 г. (рис. 27). Древнѣйшее описаніе Константинополя указываетъ для начала V вѣка 14 церквей, 5 дворцовъ; августамъ принадлежало 6 домовъ, частныхъ домовъ 4388 (рис. 28).

Константинъ и его преемники создали всѣ благопріятныя условія къ тому, чтобы столица Восточной имперіи привлекала къ себѣ туземцевъ и иностранцевъ. Многія знатныя фамиліи изъ провинцій и изъ Западной имперіи переселились въ Константинополь и положили здѣсь основаніе служилой аристократіи. Въ константинопольскій сенатъ зачислялись не только знатныя лица греко-римскаго происхожденія, но иностранцы и даже варвары, поступившіе на военную службу имперіи. Пользуясь муниципальнымъ устройствомъ, Константинополь привлекалъ къ себѣ и окрестное населеніе въ качествѣ ремесленниковъ и чернорабочихъ.

Императоръ оказывалъ особенное расположеніе къ населенію Константинополя: какъ и въ Римѣ, здѣсь была введена безденежная раздача хлѣба, даровыя помѣщенія для чернорабочихъ и цирковыя представленія, въ которыхъ скоро приняли участіе политическія партіи. Уже въ V в. писатели говорятъ о многочисленномъ и безпокойномъ димѣ Константинополя, доставлявшемъ много хлопотъ полиціи и епарху города.

Особенно характернымъ признакомъ, отличающимъ населеніе столицы, нужно признать его разнородность по происхожденію и языку. Въ IV и V вв., когда происходилъ процессъ перехода отъ древнихъ вѣковъ къ средневѣковью, Константинополь находился въ опасности обратиться въ международный германскій городъ, о чемъ заявлялъ въ самомъ концѣ IV в. епископъ Синесій. Современные писатели Евнапій и Зосима весьма яркими чертами описываютъ этотъ процессъ и наблюдавшіяся въ Константинополѣ сцены. Такъ, у Евнапія разсказывается слѣдующее. „Когда предводители скиѣскихъ дружинъ, т.-е. германскихъ, знатные по чести и происхожденію, перешли къ ромэямъ, то, будучи обласканы милостями царя и вида,

Рис. 28. Внутренний вид базилики. Западная стена.

то все передъ ними склоняется, раздѣлились на партіи. Одна держалась того мнѣнія, что слѣдуетъ довольствоваться выпавшимъ на долю готовъ счастьемъ, другая же, повинуваясь чувствамъ германскаго патріотизма и секретному клятвенному соглашенію, стремилась всѣми мѣрами вредить ромѣямъ, чтобы при благопріятномъ случаѣ завладѣть ихъ страной. Во главѣ грекофильской партіи стоялъ язычникъ Фравита, женатый съ согласія императора на гречанкѣ; противоположная германофильская партія группировалась около Еріульфа. Царь держалъ готскихъ вождей въ особой чести, дѣля съ ними тратезу, походный шатеръ и раздавая имъ щедрые подарки. Разъ онъ предложилъ имъ роскошное угощеніе, и, когда по смыслу посланицы „истина въ винѣ“, Діонись за чашей вина разоблачилъ таившееся между ними разногласіе, произошелъ шумный беспорядокъ, вслѣдствіе котораго пиръ былъ прерванъ, и смущенные гости поспѣшили къ дверямъ.—Здѣсь, на пиру, въ присутствіи царя, Фравита убилъ Еріульфа.

Наступаютъ новыя обстоятельства, когда германское вліяніе уступить другимъ иноземнымъ вліяніямъ: славянскому, армянскому, итальянскому, наконецъ, турецкому; всѣ эти вліянія, за исключеніемъ послѣдняго, византійское правительство нашло возможнымъ направить согласно пользѣ и интересамъ имперіи, но остается, тѣмъ не менѣе, весьма любопытнымъ тотъ періодъ, когда Константинополю угрожало германское вліяніе.

Что касается численности этого пестраго населенія, то точныхъ цифръ нельзя дать. Вопросъ о численности населенія въ Константинополѣ остается весьма труднымъ для разрѣшенія не только для древнѣйшаго періода, но даже и для новаго времени. Уже въ IV в. Евнапій говоритъ о „пьяномъ димѣ“ Константинополя, которымъ населилъ Константинъ свою столицу, лишивъ населенія другіе города. Въ самомъ концѣ IV в. при I. Златоустѣ считалось до 100 тысячъ христіанъ и множество язычниковъ и іудеевъ. На все число населенія было до 50 тысячъ бѣдныхъ. При Θεодосіи II въ началѣ V вѣка населеніе Константинополя можно полагать до 500 тысячъ. Никакъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ то время, какъ всѣ другіе города въ Западной имперіи, не исключая самого Рима, теряли мало-по-малу свое значеніе, столица Восточной имперіи, гдѣ не прерывается преемственный рядъ императоровъ, и гдѣ потрясенія, привнесенныя эпохой пере-

селенія народовъ, не сопровождались такими разрушительными послѣдствіями, какъ на западѣ, Константинополь продолжалъ увеличиваться населеніемъ, укрѣпляться твердыми стѣнами и прочными государственными учрежденіями, которыя постепенно приготовили въ немъ убѣжище для знанія и культуры. Было бы, конечно, въ высшей степени интересно возстановить во всѣхъ подробностяхъ исторію города, такъ какъ самъ Константинополь является вполне вѣрнымъ выразителемъ характера Византіи, но подобная исторія далеко еще не разработана и находится въ зависимости отъ общей исторіи Византіи. Попытаемся ознакомиться хотя съ нѣкоторыми чертами административной и соціальной жизни Константинополя.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ учрежденій, охранявшихъ общественный строй и порядокъ въ столицѣ Византійской имперіи, былъ приказъ епарха города. Со времени перенесенія столицы имперіи въ Константинополь и до самаго турецкаго завоеванія, епархъ города съ подчиненнымъ ему приказомъ оставался чуть ли не единственнымъ учрежденіемъ, пережившимъ всѣ потрясенія и пощаженнымъ царскими реформами. Само собой разумѣется, что такое устойчивое учрежденіе, бывшее свидѣтелемъ многовѣковой исторіи и стоявшее на стражѣ внутренняго порядка, благоустройства, политическаго и соціального положенія всего населенія столицы, заслуживало бы особаго вниманія и всесторонняго изученія. Къ сожалѣнію, по исторіи византійскаго устройства не имѣется даже предварительныхъ работъ, и ни объ одномъ учрежденіи, кромѣ развѣ церкви, наука не владѣетъ хотя сколько-нибудь удовлетворительными свѣдѣніями¹⁾.

Епарху столицы (*ἐπαρχος τῆς πόλεως*) принадлежали совершенно ясно опредѣленныя права и обязанности, которыя тѣмъ болѣе доступны изученію, что должность епарха столицы, ведя свое начало отъ Римской имперіи, просуществовала до поздне-византійской эпохи. Не можетъ быть сомнѣнія, что константинопольскій епархъ есть прямой преемникъ и замѣститель римскаго *praefectus urbi*. Если притомъ поставить въ связь извѣстія древнихъ о значеніи въ Римѣ власти префекта преторіи²⁾, что она практически немногимъ была

¹⁾ Епарху посвящены двѣ страницы въ сочиненіи Zachariae v. Lingenthal, „Geschichte des griechisch-römischen Rechts“, S. 365—367, 3-e Auflage. Berlin, 1892. Спеціальная работа напечатана въ „Извѣстіяхъ Археологич. Института“, т. IV, вып. 2, и принадлежитъ автору этой книги.

²⁾ Mommsen, „Römisches Staatsrecht“, II, S. 1117 (3. Aufl.).

ниже императорской — съ не менѣе категорическими заявленіями византійскихъ писателей насчетъ величія власти городского епарха ¹⁾, то нельзя не приходиться къ заключенію, что константинопольскій епархъ съ теченіемъ времени соединилъ въ себѣ права и привилегіи префекта преторія и префекта города. Префектура города Рима учреждена была съ цѣлью охраны Рима и его ближайшихъ окрестностей, для чего префекту были предоставлены уголовная юрисдикція и обширная полицейская власть. Во II и III вв. къ нему постепенно перешла и судебная власть на сто миль отъ стѣнъ города ²⁾. Особенно важнымъ характеромъ отличалась полицейская власть префекта. На его обязанности лежало блюсти порядокъ на многочисленныхъ собраніяхъ, на зрѣлищахъ, въ баняхъ, равно какъ собирать свѣдѣнія о томъ, что происходитъ въ разныхъ частяхъ города. Кромѣ того, ему подчинены были торговые рынки, мѣра, вѣсъ и мѣняльныя лавки ³⁾. Для достиженія всѣхъ подобныхъ задачъ префектъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи отряды военныхъ людей. Но что еще тѣснѣй сближаетъ римскаго префекта съ византійскимъ епархомъ, это одинаково тамъ и здѣсь отнесенныя къ ихъ компетенціи дѣла о рабахъ, дѣла по опека надъ сиротами и дѣла по политическимъ преступленіямъ ⁴⁾.

Общее положеніе византійскаго государственнаго права усвояло за епархомъ значеніе первой особы послѣ царя ⁵⁾. Практически это положеніе осуществлялось всякій разъ, когда царю нужно было выѣхать изъ столицы; въ этомъ случаѣ верховная власть временно переходила на коллегію изъ трехъ сановниковъ: на препосита, магистра и епарха, которые становились временными царями ⁶⁾. Въ разное

¹⁾ ὁ τῆς πόλεως ἑπαρχος ἐν τῇ πόλει μείζων πάντων ἐστὶ μετὰ τὸν βασιλέα, „*Eclologiae Leonis et Constantini*“, IV, 11, ap. Migne, „*Patrol. Gr.*“, t. CXIII, col. 468; ср. Σάθα, *Μεσαιωνικὴ βιβλιοθήκη*, IV, p. 28: τὸ τοῦ ἐπαρχοῦ ἀξίωμα . . . βασιλεὺς δὲ αὐτῆ ἀρχὴ εἰ μὴ ὅσον ἀπόρροπος.

²⁾ Ulpianus (*Mosaicarum et rom. legum*, coll. 14, 3, 2): iam eo perventum est constitutionibus, ut Romae quidem praefectus urbis solus super ea re (лишеніе свободы) cognoscat, si intra milliarium centesimum sit in via commissa, ap. Mommsen, o. c., II. S. 969.

³⁾ Mommsen, S. 1059, 1063, 1067.

⁴⁾ Въ Византіи часть этихъ дѣлъ была отнесена вполнѣдствіи къ компетенціи квестора.

⁵⁾ Какъ видно изъ приведеннаго выше мѣста *Ἐκλογία τῶν νόμων*, ap. Migne, t. CXIII, col. 468.

⁶⁾ Constantini de Cerimoniis, p. 503.₁₀: καθὼς τὸ παλαιὸν ἐκράτει τοῖς βασιλεῦσιν ἕθως ἐξερχομένου τοῦ βασιλέως ἐπὶ φορσάτου τὸν πραιπόσιτον παρεῖν τὴν αὐτοῦ ἀρχῆς ἐπικράτειαν, καὶ τῷ μαγίστρῳ καὶ τῷ ἐπαρχῷ τὴν τῆς πολιτείας καὶ τοῦ κοινοῦ τὴν διοίκησιν. — Приведенное

время права константинопольскаго епарха то ограничивались, то расширялись; въ періоды смуть и общественныхъ движеній онъ облакаемъ былъ неограниченными полномочіями ¹⁾). Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что епархъ игралъ весьма важную роль въ исторіи Константинополя, и что онъ былъ то популярнѣйшимъ, то ненавистнѣйшимъ органомъ правительственной власти, и въ томъ и другомъ случаѣ былъ особой хорошо извѣстной всему населенію, которое или превозносило его похвалами, или беспощадно осмѣивало и порицало. Какъ особа высшаго ранга и какъ блюститель благочинія, епархъ принималъ обязательное участіе во всѣхъ придворныхъ церемоніяхъ и торжествахъ, при чемъ онъ не былъ здѣсь пассивнымъ лицомъ, какъ большинство присутствовавшихъ, но исполнялъ служебную роль.

Когда освобождалось мѣсто епарха, самъ царь искалъ замѣстителя изъ числа наиболѣе извѣстныхъ и вѣрныхъ лицъ. Въ большинствѣ случаевъ намѣченный кандидатъ происходилъ изъ важныхъ чиновниковъ и состоялъ въ санѣ патрикія, или же получалъ этотъ санъ по утвержденіи въ должности епарха ²⁾). Производство въ чины и назначеніе въ высшія должности сопровождалось особой церемоніей частью гражданскаго, частью церковнаго характера. Обрядовая сторона этой церемоніи сохраняла до извѣстной степени символическій характеръ и служила указаніемъ круга обязанностей, соединенныхъ съ должностью епарха ³⁾). Обрядъ избранія происходилъ въ Золотой палатѣ дворца въ присутствіи царя и штата придворныхъ чиновъ. За избраніемъ происходило представленіе епарха городскимъ сословіямъ, къ которымъ онъ держалъ рѣчь о гражданскомъ долгѣ, лежащемъ на сословіяхъ города ⁴⁾).

Облачившись въ парадное облаченіе (*καμήσιον, πελώριον, λῶρον*),

мѣсто служить превосходнымъ комментариемъ извѣстія Начальной Русской лѣтописи подъ 6374 годомъ. „Цесарю же отшедшу на Огаряны (Орифонта въ Константинь градъ остави) . . . вѣсть епархъ посла къ нему, яко Русь идетъ на Царь-городъ“. Тогдашній епархъ Никита Орифа, хорошо извѣстный въ Византійской лѣтописи, былъ временнымъ замѣстителемъ царя по случаю похода на агарянь, въ которомъ царь принялъ личное участіе.

1) „Eclōga“, lib. I—X Basil. VII, 5: ὁ ἑπαρχος τοῖς συγκλητικοῖς ἀπρόσφορος δικαστῆς ἄνευ διορισμοῦ βασιλέως.

2) De Cerimoniis, p. 246, 6.

3) De Cerimoniis, p. 263.

4) Ibid., p. 264.

новый епархъ въ сопровожденіи городскихъ сословіи и штата преторія проходитъ къ храму св. Софіи, чтобы здѣсь исполнить церковныя церемоніи. На пути происходятъ славословія димовъ. Въ этихъ актологіяхъ выражаются привѣтствія и благожеланія епарху, высказываются похвалы и признательность царю, что онъ назначилъ епархомъ такого чистаго и достойнаго человѣка, вѣрнаго слугу царскаго, благороднаго по своему происхожденію и по заслугамъ возведеннаго въ высшія почести.—Между тѣмъ процессія доходитъ до Халки и св. Кладезя. Здѣсь епархъ возжигаетъ свѣчу и входитъ въ св. Софію, гдѣ патріархъ совершаетъ молитву. Выходя изъ храма, епархъ садится на приготовленнаго бѣлаго коня или въ парадную колесницу и торжественной процессіей, въ преднесеніи каламарія, отправляется въ свой приказъ, сопровождаемый и отрядомъ полицейскихъ чиновъ. Здѣсь, сидя на своемъ тронѣ, онъ принималъ поздравленія отъ чиновъ подчиненнаго ему приказа и отъ городскихъ представителей и затѣмъ тѣмъ же порядкомъ, какъ прибылъ, отправлялся въ свой домъ.

Не всегда, однако, епарху удавалось благополучно провести свой первый день. Если населеніе не сочувствовало новому назначенію, и если епархъ не принадлежалъ къ популярнымъ чиновникамъ, то на улицахъ начинали происходить шумные протесты противъ новаго епарха, раздавались ругань и порицаніе. Такъ, при Юстиніанѣ I, когда вновь назначенный епархъ Андрей совершалъ обычный путь изъ дворца въ преторію, возсѣдая на парадной колесницѣ, народъ встрѣтилъ его ругательствами, насмѣшками и бросаніемъ камней, вслѣдствіе чего произошло въ городѣ движеніе, не утихавшее нѣсколько дней ¹⁾.

Попытаемся теперь взглянуть на константинопольскаго епарха при исполненіи имъ обязанностей. Византійскіе императоры, внеся нѣкоторыя реформы въ устройство городской префектуры, по существу стремились къ усиленію власти городского епарха. Одной изъ важнѣйшихъ реформъ было въ этомъ отношеніи то, что епарху константинопольскому подчинено было самостоятельное, какъ прежде въ Римѣ, такъ и въ Константинополѣ, вѣдомство префекта преторія.

¹⁾ Theophanis chronogr. (ed. De Boor), p. 239, 8: ἐξερχομένου αὐτοῦ . . . καθημένου ἐν τῷ ὀχηματι ἤρξαντο αὐτὸν ὑβρίζειν καὶ λιθανίζειν . . .

Замѣчено спеціально о патрикіи Кирѣ, современникѣ Θεодосіа Великаго, что онъ былъ избранъ сразу на двѣ должности — префекта города и префекта преторія — и оставался въ этомъ званіи четыре года ¹⁾. Такъ какъ въ вѣдомствѣ префекта преторія находились городскія тюрьмы, то легко понять, какъ увеличилось значеніе константинопольскаго епарха со времени подчиненія ему префектуры преторія.

Главные обязанности епарха города, какъ и римскаго префекта, состояли въ охраненіи общественной безопасности и тишины въ столицѣ имперіи. Ему предоставлены были широкія полномочія; онъ имѣлъ право суда и ограниченія личной свободы гражданъ, могъ заключать въ темницу и высылать изъ города подозрительныхъ лицъ. Въ его непосредственномъ завѣдываніи находились торговля и промышленныя заведенія, ремесленныя корпораціи, мѣста общественныхъ собраній; отъ него же зависѣла городская полиція; отъ него исходили распоряженія по благоустройству города, содержанию его въ чистотѣ и украшенію его по случаю торжествъ и парадныхъ царскихъ выходовъ. Для исполненія лежащихъ на немъ обширныхъ обязанностей онъ нуждался въ сотrudникахъ и помощникахъ и въ штатѣ полицейскихъ служителей. Онъ имѣлъ для этого свою канцелярію или приказъ съ опредѣленнымъ штатомъ чиновниковъ; этотъ приказъ съ утра до ночи осаждаемъ былъ просителями. Въ зависимости отъ приказа епарха была городская тюрьма или преторій, въ которой содержались государственные преступники и подозрительные для правительства люди. Не всѣ сферы дѣятельности епарха одинаково раскрыты въ источникахъ, но зато общій характеръ учрежденія можетъ быть представленъ въ ясныхъ чертахъ. Всего опредѣленнѣй въ сохранившихся памятникахъ выставляется судебная власть епарха. Тѣмъ любопытнѣй воспользоваться здѣсь всѣми имѣющимися данными, что въ общемъ мы весьма мало знаемъ о судебной организаціи и судебной процедурѣ, хотя именно въ этой области византійское правительство наиболѣе проявляло свою гуманную дѣятельность. Въ законѣ судебная роль епарха опре-

¹⁾ Chron. paschale I, p. 588. Κῆρος προεβλήθη ἑπαρχος πραιτωρίων καὶ ἑπαρχος πόλεως, καὶ προήει μὲν ὡς ἑπαρχος πραιτωρίων εἰς τὴν καροῦχαν τῶν ἐπαρχῶν· ἀνεχώρει δὲ καθήμενος εἰς τὴν καροῦχαν τοῦ ἐπαρχοῦ τῆς πόλεως· ἐκράτησεν γὰρ τὰς δύο ἀρχὰς ἐπὶ χρόνους τέσσαρας, διότι καθαρὸς ἦν πάντω; ср. p. 571, 5; Theoph. p. 239.

дѣлена весьма ясно. Епарху города подлежатъ всѣ дѣла по преступленіямъ, онъ разслѣдуетъ обо всемъ, что случается въ столицѣ. Епархъ города имѣетъ право лишать жительства въ столицѣ и ограничивать извѣстнымъ мѣстомъ право жительства. Эти два пункта уже ясно показываютъ почти абсолютную судебную власть епарха въ городѣ. Но слѣдуетъ присоединить, что къ его компетенціи принадлежали еще нѣкоторыя спеціальныя дѣла, которыя мы укажемъ ниже. Само собой разумѣется, лицо, обладавшее такой обширной властью, не могло пройти безслѣдно въ исторіи, и такъ или иначе въ лѣтописи должны были сохраниться свѣдѣнія о чиновникѣ, отъ котораго зависѣла судьба каждаго жителя Константинополя.

О судебной власти епарха имѣются дѣйствительно довольно обильныя свѣдѣнія у писателей. Сопоставляя эти свѣдѣнія, нельзя не видѣть, какъ высоко стояло въ Византіи судебное дѣло, и какъ идеально смотрѣли на правосудіе во все время. Вотъ нѣсколько примѣровъ этого рода.

Царь Іустинъ I (518—527) выражаетъ предъ сенатомъ жалобу на то, что всѣ его усилія поднять въ странѣ правосудіе встрѣчаютъ преграду въ алчности и подкупности чиновниковъ, и что онъ усталъ принимать карательныя мѣры и желаетъ отказаться отъ власти. Тогда одинъ изъ присутствующихъ сановниковъ говоритъ ему: „Государь! избери меня въ епархи города, разрѣши никому не давать пощады и, наконецъ, позволь безпрепятственно входить къ тебѣ для докладовъ по дѣламъ, и я завѣряю, что не пройдетъ и тридцати дней, какъ не будетъ болѣе ни обижающаго, ни обиженнаго. Если же кто донесетъ о какомъ-либо дѣлѣ, что оно было у меня, и я его не рѣшилъ, то я отвѣчаю головой“. — Іустинъ согласился на его предложеніе и назначилъ его епархомъ. Показавъ на одномъ случаѣ съ высокопоставленнымъ лицомъ, что у новаго епарха слово съ дѣломъ не расходится, онъ дѣйствительно скоро успѣлъ поселить уваженіе къ закону и сдержалъ свое слово передъ царемъ. Въ награду царь возвелъ его въ санъ патрикія и назначилъ пожизненнымъ епархомъ ¹⁾.

Есть еще прекрасный рассказъ о квесторѣ Исокасіи, точно также рисующей весьма блестящими красками судебную систему.

¹⁾ Cedreni 1, p. 681—682.

ВХОДЪ ГОСПОДЕНЬ ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ.

Рельефъ Студійскаго монастыря.

Царю Льву I (457—474) донесено было, что квесторъ Исокасій придерживается языческихъ мнѣній. Лишивъ его сана, царь сдѣлалъ распоряженіе о преданіи его суду у провинціального судьи, хотя по своему сану и занимаемой должности Исокасій долженъ былъ судиться предъ епархомъ съ депутатами отъ сената. Въ Константинополѣ начали хлопотать за Исокасія и побудили царя, отмѣнивъ первое распоряженіе, предоставить обвиняемому право судиться согласно его сану. Когда онъ явился на судъ со связанными назадъ руками, то епархъ Пусей сказалъ ему: „въ какомъ видѣ ты предсталъ сюда, Исокасій!“!— „Не удивляюсь, — отвѣтилъ подсудимый;— я чловѣкъ, и меня постигло людское горе, но ты суди меня такъ, какъ бы произносилъ приговоръ въ моемъ сообществѣ“¹⁾.

Участіе суда епарха засвидѣтельствовано въ слѣдующихъ судебныхъ случаяхъ:

Во-первыхъ, въ дѣлахъ политическаго характера: заговоры на жизнь государя, попытки произвести государственный переворотъ, бунты, политическіе доносы и т. п.

Во-вторыхъ, въ дѣлахъ по нарушенію общественнаго порядка въ Константинополѣ. Имѣя въ виду, что отъ епарха зависѣли всѣ распоряженія по городскимъ дѣламъ, недовольныхъ имъ было много, и часто раздраженіе противъ него обнаруживалось въ формѣ уличнаго бунта. Такъ какъ во всѣхъ дѣлахъ этого рода судъ принадлежалъ епарху, то со времени Анастасія (491—518) вошло въ обычай, чтобы епархъ обязательно присутствовалъ на всѣхъ выходахъ царя, гдѣ собирается толпа²⁾. Извѣстное возстаніе „Ника“ при Юстиніанѣ I послѣднимъ поводомъ имѣетъ казнь трехъ чловѣкъ, замѣшанныхъ въ безпорядкахъ³⁾. Разъ при томъ же царѣ, во время цирковаго представленія по случаю прибытія персидскихъ пословъ, народъ сталъ требовать пониженія цѣнъ на жизненные припасы, приказано было епарху перехватать крикуновъ и наказать⁴⁾. При царѣ Анастасіи, также во время цирковаго представленія, Прасины обратились къ царю съ просьбой выпустить изъ тюрьмы

1) „Chron. paschale“, p. 595—596; Theoph., p. 115, 10.

2) Theoph., p. 150, 2: τὸν ἑπαρχὸν ἐν ταῖς συνάξεσι καὶ ἐν ταῖς λιταῖς τότε ἐπενόησεν ἀκολουθεῖν ὁ βασιλεὺς . . . καὶ ἐγένετο εἰς ἔθος.

3) Ibid., 184.

4) Ibid., 230, 20: καὶ ἀγανακτήσας ὁ βασιλεὺς κελεύει Μουσαωνίῳ τῷ ἐπαρχῷ κρατῆσαι τοὺς τοῦτο ποιήσαντας, καὶ ἐκολάσθησαν.

уличныхъ бунтовщиковъ, схваченныхъ епархомъ ¹⁾. Когда же требованіе не было уважено, то поднялся бунтъ, при чемъ народъ сталъ бросать камни въ царя и поджигать въ разныхъ мѣстахъ городъ.

Въ-третьихъ, всякое нарушеніе права, вздорожаніе хлѣба, увеличеніе налоговъ и проч. сопровождалось народными движеніями, которыя приходилось усмирять епарху города ²⁾.

Не говоримъ здѣсь о спеціальныхъ дѣлахъ, отнесенныхъ къ компетенціи епарха, и приведеннаго достаточно, чтобы судить о широтѣ и важности судебной роли епарха. Чтобы достигать исполненія возложенныхъ на него задачъ, епарху необходимо было имѣть значительный штатъ подвѣдомственныхъ ему чиновъ. У него былъ свой приказъ, называемый то секретъ, то преторія, въ которомъ состояло 14 названій различныхъ чиновъ. Кромѣ того, у него въ подчиненіи были полицейская стража и военный отрядъ.

Какъ осуществлялъ епархъ предоставленную ему судебную власть? Въ этомъ отношеніи свѣдѣнія наши весьма скудны. Можно думать, что органы судебной власти въ столицѣ были поставлены въ зависимыя къ епарху отношенія. Въ обрядникѣ Константина Порфиророднаго въ числѣ чиновъ, подвѣдомственныхъ епарху, поставлены *κριταὶ τῶν ῥεγγώνων*, откуда можно заключить, что 14 городскихъ судебныхъ учреждений въ Константинополѣ исполняли роль нашихъ участковыхъ мировыхъ судей; но какъ организованы были отношенія епарха къ судебнымъ учрежденіямъ, объ этомъ трудно составить понятіе. Административная власть епарха простиралась на все городское населеніе, включала въ себѣ наблюденіе за общественной безопасностью, за чистотой города, украшеніемъ его общественными постройками, освѣщеніемъ и украшеніемъ его по случаю торжествъ, царскихъ выходовъ и праздниковъ. Разсмотрѣніе указанныхъ административныхъ обязанностей епарха, въ настоящее время значительно облегчено появленіемъ любопытнаго памятника — переписи константинопольскихъ корпорацій или цеховъ. Этотъ памятникъ даетъ громадную массу новаго и свѣжаго матеріала, какъ для ознакомленія съ административными полномочіями епарха, такъ и для

1) „Chronic. paschale“, p. 608, 3: ἀπολυθῆναι τινὰς συσχεθέντας ἀπὸ τοῦ ἐπάρχου τῆς πόλεως λιθοβόλους.

2) Ibid., p. 571, 5: ἐκάη τὸ πραιτώριον Μοναξίου ἐπάρχου πόλεως ἀπὸ τοῦ δήμου—διὰ τὴν ἔνδειαν τοῦ ἄρτου καὶ ἐσύρη ἢ καρῦχα αὐτοῦ . . .

исторіи городского промышленнаго и торговаго сословія. Имѣемъ въ виду найденный въ женевской библіотекѣ и изданный въ 1893 году уставъ 22 городскихъ корпорацій или цеховъ, который знакомить насъ съ правами и обязанностями этихъ корпорацій и отношеніями какъ къ государству вообще, такъ и къ ближайшей власти, т.-е. къ епарху города ¹⁾). Этотъ въ высшей степени важный памятникъ хотя происходитъ отъ X вѣка, представляетъ, однако, драгоцѣнныя черты и для исторіи Константинополя въ переходный періодъ отъ греко-римскаго періода къ византійскому. Въмѣстѣ съ тѣмъ, онъ доказываетъ устойчивость древнихъ учрежденій и постепенность перехода ихъ въ новыя формы подъ вліяніемъ измѣнившихся обстоятельствъ. Законодательные памятники Феодосія II и Юстиніана I въ сопоставленіи съ позднѣйшимъ законодательствомъ исаврійской и македонской династіи показываютъ, что въ этотъ періодъ не произошло никакихъ измѣненій въ положеніи коллегій или цеховъ ²⁾). Хотя о константинопольскихъ цехахъ за періодъ послѣ VI в. нѣтъ прямыхъ извѣстій, но новыя данныя, почерпаемыя въ египетскихъ папирусахъ, равно какъ свѣдѣнія о цехахъ Александріи даютъ полную картину городскихъ коллегій и товариществъ въ средніе вѣка и показываютъ соотвѣтствіе въ устройствѣ ихъ въ X вѣкѣ съ тѣмъ положеніемъ, какое занимаютъ они по папирусамъ.

Занимающій насъ памятникъ сохранился въ видѣ эдикта, относящагося ко второй половинѣ X вѣка и принадлежащаго по всей вѣроятности царю Никофору Фокѣ. Этимъ эдиктомъ преслѣдовалась не организація цеховъ, такъ какъ учрежденіе это существовало уже съ древнихъ временъ, а имѣлась цѣль опредѣлить отношеніе цеховъ къ государству и установить обязательства ихъ по отношенію къ населенію столицы, въ особенности по снабженію города жизненными средствами. И до сихъ поръ занимаетъ ученыхъ вопросъ о томъ, говоритъ ли эдиктъ обо всѣхъ цехахъ, и вполнѣ ли онъ дошелъ до насъ? Нужно принять въ соображеніе то обстоятельство,

¹⁾ Nicole, „Le Livre du préfet ou l'édit de l'empereur Léon le Sage sur les corporations de Constantinople“. Genève, 1900 („Mémoires de l'Institut Genevois“, t. XVIII); Gehrig, „Das Zunftwesen Constantinopels im zehnten Jahrhundert“ (Hilderbrands „Jahrbücher für Nationalökonomie“, Band 38. 1909); Stöckle, „Spätromische und byzantinische Zünfte“. Leipzig, 1911.

²⁾ Этому вопросу посвящена глава въ книгѣ Stöckle. S. 135 („Zusammenhang der spätromischen und byzantinischen Zünfte“).

что въ столицѣ были и такія ремесла, которыя не были организованы въ цехи, и что, слѣдовательно, въ эдиктѣ идетъ рѣчь лишь о важнѣйшихъ ремесленныхъ и промышленныхъ организаціяхъ, которыя имѣли важное политическое или экономическое значеніе. Государство не только обезпечивало цехамъ достиженіе ихъ промышленныхъ и торговыхъ цѣлей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ хозяинъ и работодатель, требовало отъ нихъ опредѣленныхъ услугъ и повинностей. Въ особенности это видно на устройствѣ цеховъ, занимавшихся доставкой хлѣба и другихъ средствъ пропитанія.

Въ виду важности эдикта для внутренней исторіи Константинополя находимъ полезнымъ ознакомиться здѣсь съ его содержаніемъ. Первое мѣсто отведено въ эдиктѣ коллегіи или цеху тавуларіевъ. Обязанности тавуларіевъ заключались въ составленіи и скрѣпленіи официальныхъ актовъ: продажныхъ и купчихъ, брачныхъ, завѣщаній, договоровъ и т. п. Ясно, что тавуларіи вполнѣ соотвѣтствуютъ нашимъ стряпчимъ или нотариусамъ. За составленіе бумагъ для частныхъ лицъ они брали плату, точно установленную государствомъ, имѣли свои конторы въ опредѣленныхъ мѣстахъ. Коллегія тавуларіевъ была организована какъ самостоятельное учрежденіе, вѣдала свои внутреннія дѣла черезъ спеціальныхъ чиновниковъ, во главѣ коихъ находится примикирій.

Эдиктъ даетъ подробныя и весьма любопытныя указанія, которыми тѣмъ болѣе необходимо здѣсь воспользоваться, что онѣ вообще характеризуютъ римскія коллегіи и византійскіе цехи и корпораціи. Требуемая отъ кандидата на должность тавуларія качества установлены весьма опредѣленно. Онъ долженъ имѣть достаточную подготовку въ законовѣдѣніи, отличатся хорошимъ почеркомъ и быть въ состояніи отличать подлинныя бумаги отъ поддѣльныхъ. Эти качества, а равно свидѣтельство объ окончаніи средней школы и спеціальныя знанія по законовѣдѣнію оцѣниваются примикиріемъ и совѣтомъ тавуларіевъ, отъ которыхъ зависитъ представленіе кандидата на утвержденіе епарху. Можно думать, что кандидатъ долженъ былъ обнаружить требуемая отъ него спеціальныя знанія посредствомъ экзамена, на которомъ ему предлагались вопросы изъ практическаго руководства по законовѣдѣнію и изъ Василикъ. Одобренный совѣтомъ тавуларіевъ кандидатъ представляемъ былъ епарху, при чемъ клятвенно подтверждалось, что представленіе кандидата

въ должность дѣлается не по чьей-либо просьбѣ, ни по дружбѣ или родству, а взирая на способности и заслуги лица. Тогда епархъ утверждаетъ представленіе своей печатью; и представляемый зачисляется въ коллегію тавуларіевъ. Изъ приказа епарха новый нотаріусъ въ сопровожденіи примикирія и корпораціи идетъ въ ближайшую церковь, гдѣ священникъ читаетъ положенную молитву, а отсюда направляется въ канцелярію, въ которой ему назначено служить, и тамъ принимаетъ поздравленія отъ сослуживцевъ, а затѣмъ идетъ въ свой домъ, гдѣ дается угощеніе товарищамъ. Права и обязанности тавуларіевъ или нотаріевъ изложены въ Эдиктѣ весьма обстоятельно: они обязаны являться на всѣ царскіе выходы, на зрѣлища въ ипподромѣ, на засѣданія совѣта тавуларіевъ, иначе подвергаются штрафу; обязаны исполнять порученія епарха, иначе подлежатъ штрафу, а при увеличивающихъ вину обстоятельствахъ дисциплинарному взысканію. Далѣе, точно опредѣляются условія платы за составленіе актовъ, договоровъ и проч., и опредѣляются права тавуларія, когда ему случится быть въ канцеляріи другого нотарія. Въ случаѣ сомнѣній относительно платы за акты, дѣло переходитъ на рѣшеніе примикирія, а если рѣчь идетъ о большой цѣнѣ, рѣшается епархомъ. Въ случаѣ ссоръ между собою тавуларіей жалуется примикирію, въ дѣлахъ большой важности — епарху.

При составленіи акта нотарій долженъ при свидѣтеляхъ и понятыхъ дѣлать надлежащую скрѣпу. Въ случаѣ нарушенія этого правила онъ подвергается тѣлесному наказанію по суду епарха. Писцы (*γραφεῖς*) нотаріевъ не имѣютъ права составлять актовъ безъ разрѣшенія патроновъ. Въ случаѣ болѣзни примикирія обязанности его исполняетъ старшій изъ тавуларіевъ. Избраніе примикирія принадлежитъ епарху. Епархъ не долженъ назначать больше 24 нотаріевъ. Цѣна за составленіе актовъ: 21 кератій за актъ на 100 номисмъ, одна номисма за актъ свыше этой суммы. Въ случаѣ смерти тавуларія вся коллегія должна почтить своимъ присутствіемъ его погребеніе. Нарушитель платитъ 6 кератіевъ.

Въ уставѣ коллегіи тавуларіевъ, состоящемъ изъ 26 §§, есть нѣсколько статей, касающихся преподавателей юридическихъ наукъ: *παιδοδιδάσκαλος νομικός καὶ ὁ διδάσκαλος*, это §§ 13, 15 и 16¹⁾). Любо-

1) Отмѣтимъ здѣсь ради курьеза совершенно нелѣпый латинскій переводъ греческаго текста: *ὁ παιδοδιδάσκαλος νομικός* переведено *Ludimagister pragmaticus!*

пытно здѣсь то, что преподаватели юридическихъ наукъ, подъ которыми слѣдуетъ, конечно, разумѣть учителей, подготовляющихъ кандидатовъ на должность тавуларія, также находятся въ вѣдомствѣ епарха города и состоятъ въ извѣстной связи съ коллегіей тавуларіевъ, которая оцѣниваетъ правоспособность кандидата на преподаваніе подготовительнаго курса юридическихъ наукъ. Учителямъ запрещается брать такихъ учениковъ, которые захотѣли бы вступить къ нимъ изъ другой школы, не заплативъ прежнему учителю за преподаваніе; пріемъ новыхъ учениковъ вообще поставленъ въ зависимость отъ усмотрѣнія примикирія.

Второй § Устава занимается корпораціей серебрянниковъ (*οἱ ἀργυρολοῖται*). Уже то обстоятельство, что между нотаріусами и стряпчими, съ одной стороны, и продавцами серебряныхъ вещей, съ другой, существуетъ большое различіе въ социальномъ и общественномъ положеніи, должно наводить на мысль, что Уставъ сохранился не въ цѣльномъ видѣ, и что въ § 1 мы имѣемъ отрывокъ первой части, которая занималась корпораціями свободныхъ профессій, напримѣръ: адвокаты, учителя. Всматриваясь въ редакцію § 1 и слѣдующихъ, нельзя не замѣтить и въ этомъ отношеніи большихъ различій. Въ то время, какъ въ первомъ подробно трактуется объ устройствѣ корпораціи, о правахъ членовъ и проч., въ послѣдующихъ все вниманіе обращается на предупрежденіе и пресѣченіе злоупотребленій, соединенныхъ съ занятіями промысломъ и ремесломъ. Серебрянники имѣютъ право торговать золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями; имъ запрещается вести торговлю мѣдными издѣліями и льняными матеріями. Они обязаны слѣдить, чтобы никто изъ не принадлежащихъ къ ихъ корпораціи не занимался торговлей золотомъ, серебромъ и драгоценностями и въ случаѣ появленія на базарѣ такихъ предметовъ доводитъ о томъ до свѣдѣнія епарха, или представляетъ продавца старшинѣ своего цеха (*τῷ προεστῶτι*). Наконецъ, Уставъ требуетъ, чтобы мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ имѣли свои мастерскія на Месѣ, а не въ частныхъ домахъ. Въ терминѣ *ἀργυροποιότης* есть два значенія: 1) золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеръ или ювелиръ, 2) мѣновщикъ, провѣряющій вѣсъ и вѣрность монеты. Имѣя право купить золото и серебро и драгоценные камни въ опредѣленномъ количествѣ, они были ограничены префектомъ въ покупкѣ церковныхъ драгоценныхъ предметовъ.

3. Банкиры, или собственно мѣняльщики, обязаны не скоблить монеты, не портить на ней изображенія, предъявлять по требованію епарха свои ящики съ монетой и заявлять ему о фальшивой монетѣ.

Дальнѣйшіе шесть параграфовъ посвящены цехамъ, занимающимся продажей и обработкой шелковыхъ и полотняныхъ издѣлій. Торговля шелкомъ получила въ Византіи особенное развитіе со времени Юстиніана I и, несмотря на продолжительный періодъ, протекшій съ тѣхъ поръ, и во время происхожденія эдикта обставлена была чрезвычайно строгими предписаніями, которыя преслѣдовали ту цѣль, чтобы этотъ драгоцѣнный товаръ не попадалъ въ другія страны, и чтобы въ самой столицѣ былъ на виду у правительства. Поэтому здѣсь строго проведено раздѣленіе между отдѣльными коллегіями, занимающимися торговлей разными видами этого товара. Разсмотримъ эти цехи по порядку перечисленія ихъ въ эдиктѣ.

4. Продавцы драгоцѣнной шелковой одежды (*οἱ βεστιολοῦται*). Это была довольно важная корпорація, занимавшаяся торговлей парадной одеждой изъ шелка, окрашеннаго въ разные цвѣта. Члены ея обязывались наблюдать, чтобы этотъ дорогой товаръ продавался только извѣстнымъ лицамъ и не попадалъ въ руки иностранцевъ. Правительство такъ заботилось объ удержаніи въ столицѣ этого товара, что требовало отъ продавцовъ представленія епарху наиболѣе дорогихъ одеждъ (цѣной свыше 10 номисмъ); назначенный въ продажу за границу товаръ долженъ имѣть клеймо епарха. Въ первый разъ объ этомъ цехѣ упоминается въ „Обрядникѣ“ Константина Порфиророднаго, который говоритъ объ украшеніи трибунала матеріями, доставленными этимъ цехомъ. Весьма любопытно отмѣтить, что и въ римскій періодъ на коллегіи вестіаріевъ лежала подобная же обязанность.

5. Торговцы сирійскими шелковыми тканями (*οἱ πρανδιολοῦται*). Терминологія слова указываетъ заимствованіе изъ восточныхъ языковъ. Лѣтопись говоритъ, что авары поражали при своемъ появленіи въ Европѣ прандіями, которыми завязывали свои волосы ¹⁾. Коллегія прандіопратовъ находится въ подчиненіи у ексарха, назначаемаго епархомъ города. Привозимыя изъ Сиріи одежды, равно какъ сарацинскія и багдадскія ткани, должны храниться въ одномъ

¹⁾ Theoph. Chronogr. ed. de Boor, 232: ἕθνος Ἀβάρων εἶχον τὰς χίμας ὑπισθεν μακρὰς πάντο δεδεμέναις πρανδίοις.

складѣ. Сирійскіе купцы имѣютъ право оставаться въ Константинополѣ только три мѣсяца, по истеченіи коихъ непроданный товаръ предъявляется епарху, который принимаетъ для сбыта его зависящія мѣры. Есть еще любопытная статья въ уставѣ этой корпораціи, которая, если мы не ошибаемся, говоритъ объ артельной продажѣ товаровъ всѣми членами корпораціи и о разверсткѣ вырученной суммы между всѣми участниками согласно внесенной каждымъ долѣ ¹⁾).

6. Торговцы шелкомъ-сырцомъ (*οἱ μεταξοπρῶται*). Этотъ цехъ занимался покупкой шелка отъ мѣстныхъ производителей и продажей его для обработки и изготовленія тканей. Запрещеніе обработки опредѣленно выражено въ особой статьѣ устава (§ 14). Привилегіей цеха было торговать чистымъ шелкомъ высшаго качества, низшіе же сорта принадлежали другой коллегіи *μελαθρόριοι*. Уставъ предусматриваетъ главнымъ образомъ, чтобы шелковыя матеріи продавались явно и въ опредѣленныхъ складахъ и не попадали въ постороннія руки. Запрещается продавать этотъ товаръ евреямъ (§§ 13 и 16).

7. Цехъ прядильный (*οἱ καταρτάριοι*). Первоначальная обработка сырца должна была состоять въ приготовленіи изъ него пряжи или шелковыхъ нитокъ—этимъ и занимались *καταρτάριοι*. Нѣсколько затрудненій представляется въ выясненіи различія между этимъ цехомъ и предыдущимъ, такъ какъ оба имѣютъ право покупать шелкъ-сырецъ ²⁾). Весьма вѣроятно, что предыдущій цехъ — *μεταξοπρῶται*—опредѣлялъ количество необходимаго для продажи шелка, ибо, какъ видно будетъ ниже, цехъ *σηρικάριοι* получалъ отъ него все необходимое количество шелковой пряжи.

8. Красильщики и ткачи шелка (*οἱ σηρικάριοι*). Хотя о краскѣ шелковой пряжи нѣтъ рѣчи въ эдиктѣ, но, судя по тому, что въ Римѣ этимъ занималась особая коллегія, и что о красильщикахъ (*βαφεῖς*) есть упоминаніе изъ позднѣйшаго времени, слѣдуетъ допустить въ этомъ цехѣ и выдѣлку пурпуровой краски, по крайней мѣрѣ, въ переходную эпоху. Впослѣдствіи выдѣлка пурпуровой краски была мо-

¹⁾ Р. 30, § 3: *πᾶσα ἡ κοινότης τοῦ συστήματος ἐν καιρῷ ἀγορᾶς καταβαλλέσθω, καθὼς εὐπορεῖ τις, καὶ οὕτως ἀναλόγως τῇ ἐκάστου καταβολῇ καὶ ἡ διανομὴ παρὰ τοῦ ἐξάρχου γινέσθω.* Эта же статья встрѣчается въ уставахъ другихъ двухъ корпорацій (VI, § 8, и IX, § 3). Дословный переводъ этой статьи: „вся община въ ярмарочное время облагается сборомъ согласно имуществу cadaго, и сообразно съ внесенной каждымъ долей производится екзархомъ раздѣлъ“—не даетъ яснаго смысла.

²⁾ Stöckle. S. 27—28.

нополіей правительства и производилась обыкновенно на императорскихъ фабрикахъ. Производство этой корпораціи обставлено весьма строгими предписаніями и предупредительными мѣрами. Сирикаріямъ запрещается ткать матеріи неустановленныхъ образцовъ и цвѣтовъ, обыкновенный типъ тканей долженъ подражать персидскимъ пестрымъ матеріямъ, позволяется также выдѣлывать матеріи для славянскаго головного убора (славянскія факіоліи). Пурпуровыя же матеріи и ткани шириной въ двѣ четверти должны предъявляться епарху, равно какъ и всѣ одежды цѣной свыше 10 номисмъ, хотя бы онѣ были и пестрыхъ цвѣтовъ. Преслѣдуется открытіе частныхъ мастерскихъ для производства пурпуровыхъ тканей; угрожаетъ строгое наказаніе тому хозяину мастерской, который воспрепятствовалъ бы входъ въ его заведеніе чиновнику для наложенія клейма и для ревизіи тканей; требуется, чтобы шелкъ покупался исключительно въ опредѣленныхъ заведеніяхъ, а не у частныхъ лицъ; запрещается безъ вѣдома епарха продавать матеріи иностранцамъ.

9. Торговцы полотномъ (*οἱ ὀδοιποροῦνται ἤρουν μεδανεῖς*). Полотняный товаръ шелъ въ Константинополь изъ Фракіи и Македоніи и изъ Болгаріи и былъ статьей покровительствуемой. Въ особенности производствомъ льна славились Колхида и Керасунтъ, вообще области на востокъ и югъ отъ Черноморья. Ткачи полотна имѣли обязательство продавать свой товаръ въ разноску на базарахъ. Слѣдуетъ обратить вниманіе на одну статью въ уставѣ этой корпораціи (§ 6). Можетъ случиться, что кто изъ иностранцевъ, изъ болгаръ или изъ иныхъ народовъ, привезетъ ленъ или медъ и пожелаетъ обмѣнять на другіе товары. Тогда корпорація, занимающаяся торговлей полотномъ, имѣетъ право войти въ товарищество съ членами другихъ корпорацій, торгующими требуемымъ товаромъ, и съ разрѣшенія епарха сообщая вести торгъ съ иностранцами, при чемъ члены другихъ корпорацій удерживаютъ для себя столько иностраннаго товара, сколько имъ требуется, остальное же все остается въ пользу корпораціи, занимающей полотномъ, при чемъ эта послѣдняя выплачиваетъ членамъ другихъ корпорацій по одному кератію на номисму (т.-е. около 4 проц.).

10. Продавцы благовонныхъ товаровъ (*οἱ μυρεφοί*). Лари и столы этой корпораціи располагаются по порядку отъ Халки, гдѣ икона Христа, до Милія. Имъ вмѣняется въ обязанность покупать товаръ

въ опредѣленное время, когда онъ приходитъ изъ Халдіи, Трапезунта или другихъ мѣстъ, не задерживать иностранныхъ купцовъ болѣе трехмѣсячнаго срока, которымъ они пользуются для пребыванія въ Константинополѣ. Товаръ, составлявшій привилегію цеха *μυρρεῖοι*, состоялъ изъ слѣдующихъ произведеній Индіи и Китая: перецъ, нарды (*στάχος*), кинамомъ (*κινάμομος*), алой, амбра (*ἄμβρα*), мускусъ, ладанъ, мирра, бальзамъ и др.

11. Торговцы воскомъ (*οἱ κηρολάοι*). Они обязываются вести торговлю въ своихъ лавкахъ, а отнюдь не на ларяхъ, поставленныхъ гдѣ попало. Мастерскія ихъ должны стоять на разстояніи 30 сажень одна отъ другой. Вѣсовые знаки (*ὁ καιπανός*) должны имѣть печать епарха.

12. Торговцы мыломъ (*οἱ σαπωνοπρῶται*). Цехъ занимался какъ приготовленіемъ, такъ и продажей мыла. Строго было запрещено употребленіе вредныхъ составовъ въ изготовленіи мыла. Кто безъ вѣдома епарха и старшины приметъ въ свое заведеніе лицо, не принадлежащее къ корпораціи, платитъ штрафъ въ 24 номисмы ¹⁾. Запрещается открывать мастерскія въ близкомъ разстояніи одна отъ другой, новая отъ старой должна отстоять на 7 локтей и 12 стопъ; воспрещается торговать французскимъ мыломъ. Смертная казнь угрожаетъ тому, кто уличенъ будетъ въ тайной торговлѣ запрещеннымъ лѣкарствомъ (*ὄργα κατασταλλακτῆ*, р. 46, § 7), на примѣръ, французское мыло.

13. Поставщики съѣстныхъ припасовъ (*οἱ σαρδαμῶοι*) имѣютъ право открывать лавочки по всему городу, на площадяхъ и въ переулкахъ для удобства жителей. Вѣсы и мѣры должны имѣть печать епарха, торговый барышъ ихъ опредѣляется въ двѣ миліарисіи на номисму.

14. Кожевники, занимающіеся собственно выдѣлкой ремней (*οἱ λωροτόμοι*), изъ готовой кожи. Уставъ различаетъ три отдѣла между кожевниками. Таковы собственно кожевники *βυρσοποιοί*, затѣмъ слѣдуютъ *μαλακατάοι*, приготовлявшіе кожу для издѣлій. Мастера ремней зависятъ отъ епарха лишь частью, по принадлежности ихъ къ кожевенной корпораціи, и имѣютъ во главѣ своей старшину по назначенію епарха. Съ другой стороны, они подчинены протостратору,

¹⁾ Золотой имперіалъ, иначе номисма или иперпиръ (иначе перперъ), стоилъ около 4 руб. на наши деньги.

т.-е. начальнику царской конюшни, отъ котораго и получаютъ заказы на поставку сбруи для лошадей.

15. Мясники (*οἱ μακελάριοι*). Въ римскую эпоху различались три коллегіи: *boarii*, *resuarii* и *suarii*, занимавшіяся торговлей быками, мелкимъ скотомъ и свиньями. Въ эдиктѣ макеларіи торгуютъ скотомъ и вмѣстѣ занимаются убоемъ скота. Покупка товара производится на скотопригонномъ рынкѣ въ Стратигіи¹⁾ и по цѣнѣ, установленной епархомъ. Продажа мяса должна производиться согласно покупной цѣнѣ за голову; въ пользу мясника идутъ голова, ноги и внутренности животнаго. Мясникамъ возбраняется входить въ сдѣлку съ гуртовщиками, пригоняющими стада въ Никомидію и въ другіе города; константинопольскіе мясники должны покупать барановъ въ Сангаріи.

16. Свиноторговцы (*οἱ χοιρέμποροι*). Торговля производится на Таврѣ, внѣ этого мѣста запрещается входить въ сношенія съ хозяевами свинныхъ гуртовъ; старшина корпораціи обязанъ всякій разъ при покупкѣ товара предъявлять его епарху и не имѣетъ права продавать свиней въ розницу перекупщикамъ.

17. Рыботорговцы (*οἱ ἰχθυοπράται*). Рыботорговцы составляютъ отдѣльный цехъ и не смѣшиваются съ рыбаками. Мѣстомъ рыбной торговли опредѣляются большіе городскіе подвалы (*αἱ λεγόμεναι μέγιστα κάμαραι τῆς πόλεως*). Въ каждой лавкѣ рыбнаго рынка есть свой смотритель, на обязанности котораго лежитъ наблюдать, чтобы продажа рыбы производилась соотвѣтственно съ покупной ея цѣной на морѣ. Покупка рыботорговцами товара производится на берегу моря, на пристаняхъ, съ подходящихъ къ пристани лодокъ; никоимъ образомъ рыботорговецъ не можетъ идти для покупки на мѣста рыбныхъ ловель, но ожидать прибывающихъ къ берегу лодокъ съ рыбой. Старшины рыботорговцевъ каждое утро являются къ епарху и сообщаютъ ему свѣдѣнія на счетъ улова рыбы въ минувшую ночь; согласно съ этимъ епархъ устанавливаетъ продажную цѣну рыбы для городскихъ жителей.

18. Хлѣбопеки (*οἱ ἀροποιοί*). Они покупаютъ жито по установленной епархомъ цѣнѣ и, смоловъ жито, готовятъ хлѣбъ, про-

1) Такъ называлась большая площадь въ городѣ. Strategium in quo est forum Theodosiacum (ap. Seesk, „Notitia urbis Constantinopolitanae“).

давая его съ такимъ расчетомъ, чтобы на каждую номисму оставалась имъ прибыль въ одинъ кератій и двѣ милиарисіи ¹⁾; кератій составляетъ чистую прибыль хлѣбопека, а двѣ милиарисіи идутъ на содержаніе рабочихъ, на расходы по топкѣ печей и прокормленіе лошади, смоловшей жито. Дабы предоставить этой корпораціи полный досугъ въ исполненіи столь важной общественной службы, она освобождена была отъ всякихъ другихъ общественныхъ повинностей. Хлѣбопекарни должны строиться въ удаленныхъ отъ жилыхъ помѣщеній мѣстахъ. Хлѣбопекарни называются въ эдиктѣ словомъ *μαυκίλια*, о которомъ опредѣленное заключеніе можно составить на основаніи свидѣтельства Іоанна Лида ²⁾, „манкипами называются тѣ, которые пекутъ общественный, раздаваемый народу, хлѣбъ“. О древности цеха можно судить потому, что раздача печенаго хлѣба вмѣсто зернового началась въ Римѣ съ половины III вѣка, она производилась въ Константинополѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ до времени Ираклія.

19. Содержатели мелочныхъ лавокъ и питейныхъ заведеній (*οἱ κίπηλοι*). Старшина корпораціи обязанъ дать знать епарху, когда поступаетъ въ заведеніе новая партія вина, дабы онъ установилъ правила для продажи и указалъ законную мѣрку. Запрещается содержателямъ питейныхъ заведеній открывать кабаки въ большіе праздники и по воскресеньямъ ранѣе двухъ часовъ дня, по ночамъ же предписывается закрывать кабаки и тушить плошки съ наступленіемъ второго часа (т.-е. послѣ захода солнца), дабы не подать повода тѣмъ, которые привыкли проводить въ кабакахъ цѣлые дни, заходить туда и ночью въ опьяненіи затѣвать шумъ и драки.

20. Легатарій или уполномоченный. Епархъ назначаетъ съ вѣдома царя легатарія, обязанность котораго состоитъ въ томъ, чтобы слѣдить за прибывающими въ Константинополь изъ разныхъ странъ купцами и доводить о нихъ до свѣдѣнія епарха, который долженъ осмотрѣть привезенные ими товары и указать способъ распродажи ихъ. По истеченіи опредѣленнаго срока и по окончаніи дѣла, легатарій снова доводитъ о нихъ до свѣдѣнія епарха и представляетъ

1) Кератій — мелкая серебряная монета, на номисму полагалось 24 кератія, слѣдовательно, цѣна кератія ок. 15 коп. Милиарисій — тоже серебряная монета, вдвое большей стоимости, чѣмъ кератій (ок. 35 коп.).

2) Ioannis Lydi, de magistratib. p. 200. *μαυκίλιες οἱ τοῦ δημότου καὶ ἀνδραποδώτους ἄρτου δημιουργοί.*

списокъ закупленныхъ ими въ Константинополѣ предметовъ, дабы не было вывезено изъ столицы запрещеннаго къ выпуску товара. На обязанности епарха лежитъ наблюдение за тѣмъ, чтобы прибывающіе изъ-за границы съ товарами купцы не оставались въ столицѣ больше трехъ мѣсяцевъ, но чтобы въ теченіе этого срока успѣли какъ продать привезенные товары, такъ и купить, что имъ нужно, и выбыть изъ столицы.

21. Посредники (маклера) при покупкѣ лошадей и рогатаго скота (*οἱ βόδροι*). Названные здѣсь маклера покупали тѣхъ животныхъ, которыя, будучи пригнаны крестьянами въ Константинополь, не нашли покупателя. Здѣсь нельзя не видѣть заботы правительства о снабженіи населенія города дешевымъ мясомъ. Главная обязанность *βόδροι* состоитъ въ томъ, чтобы свидѣтельствовать при покупкѣ скота о доброкачественности животныхъ, при чемъ съ каждой головы шель въ пользу ихъ 1 кератій. Скотопригонный рынокъ долженъ быть въ опредѣленномъ мѣстѣ на площади Тавра (*Ἀμαστριανός*), и торговля должна производиться публично, дабы предупредить покупку и продажу заблудившихся или ворованныхъ животныхъ. Въ случаѣ, если покупатель нашель порокъ, онъ можетъ отказаться отъ покупки въ теченіе шести мѣсяцевъ; по прошествіи же шести мѣсяцевъ это право удерживаетъ только покупатель военного сословія.

22. Ремесленники разнаго рода: столяры, маляры, мраморщики, слесаря, живописцы и др. Ремесленникъ, принявшій заказъ на какую-нибудь работу, не имѣетъ права отказаться отъ нея, за исключеніемъ того случая, когда заказчикъ не доставить нужнаго матеріала для окончанія работы, или когда онъ не исполняетъ справедливыхъ требованій ремесленника. Въ этомъ случаѣ съ вѣдома и согласія епарха договоръ можетъ быть нарушенъ. Но если ремесленникъ уклоняется отъ исполненія заказа по жадности или капризу, тогда заказчикъ имѣетъ право прогнать его, ничего не заплативъ за сдѣланный трудъ, и доводитъ объ этомъ до свѣдѣнія епарха, который подвергаетъ рабочаго тѣлесному наказанію. Особенно интересна четвертая статья устава о ремесленникахъ. Кто приняль заказъ вывести стѣны или устроить цементированное зданіе со сводами (*θόλους ἐγχωρήτους*) или арки, тотъ долженъ принять всѣ мѣры предосторожности, чтобы фундаментъ былъ сдѣланъ крѣпкій, и постройка выведена по правиламъ строительнаго искусства. И если въ теченіе де-

сяти лѣтъ постройка рухнетъ не по причинѣ воли Божіей, то строитель обязанъ возстановить ее на собственные средства. Въ томъ, однако, случаѣ, если бы расходы на возобновленіе превышали цѣнность золотой литры, подрядчикъ принимаетъ на себя работу безвозмездно, а хозяинъ-заказчикъ доставляетъ нужный для постройки матеріаль. Постройки на глинѣ обязательно должны держаться шесть лѣтъ; если же до истеченія этого срока постройка развалится, то подрядчикъ обязанъ возстановить ее на собственные средства.

Разсмотрѣнныя здѣсь главы Устава константинопольскихъ двадцати двухъ корпорацій бросаютъ совершенно новый свѣтъ на внутренній строй столицы и позволяютъ намѣтить въ этомъ громадномъ, но такъ мало изученномъ организмѣ тѣ живыя силы, которыя одухотворяли его и приводили въ движеніе. Приказъ епарха города представляется могущественнымъ рычагомъ, дававшимъ направленіе дѣятельности промышленнаго и ремесленнаго населенія. Епархъ посредствомъ зависящихъ отъ него органовъ не только проникаетъ во всѣ подробности городской трудовой жизни, но является еще отвѣтственнымъ предъ правительствомъ лицомъ за порядокъ и спокойствіе въ городѣ, даже за мысли и убѣжденія высшихъ классовъ столичнаго населенія.

Законодательные памятники категорически ставятъ въ зависимость отъ епарха все городское населеніе ¹⁾. *Ἐκλογὴ τῶν νόμων*, памятникъ VIII вѣка, выражаетъ въ одиннадцати пунктахъ компетенцію епарха города ²⁾. Соединивъ однородные пункты, можемъ представить полноту власти епарха въ слѣдующихъ чертахъ:

1. Онъ судитъ всѣ дѣла по проступкамъ въ городѣ и на сто миль за чертой города; а) вѣдаетъ дѣла о рабахъ, выкупающихся на свободу, и дѣла патроновъ съ вольноотпущенными; б) дѣла по опекаѣ и о неправильномъ управленіи имуществомъ опекаемыхъ, и в) дѣла о проституціи.

2. Вѣдаетъ дѣла банковскія, устанавливаетъ цѣны на мясо.

3. Слѣдитъ за порядкомъ въ городѣ и общественнымъ спокойствіемъ въ публичныхъ мѣстахъ.

1) Basil. I. VI. tit. 4, 13: πάντα τὰ ἐν Κωνσταντινουπόλει σωματεῖα καὶ οἱ πολῖται καὶ οἱ ἀπὸ τοῦ δήμου παντὸς τῷ ἐπάρχῳ τῆς πόλεως ὑποκείσθωσαν.

2) Leonis et Constantini, „Delectus legum“, ap. Migne „Patrol. gr.“, t. CXIII, col. 465—468.

4. Имѣть въ своемъ распоряженіи отрядъ военныхъ людей для содержанія порядка и полученія свѣдѣній о томъ, что гдѣ происходитъ.

5. Имѣть право выселять изъ столицы, запретить временно или навсегда занятіе торговлей и ремесломъ, ограничить доступъ въ театры, лишить права адвокатской практики.

6. Его вѣдомству подлежатъ ремесленные корпораціи.

Итакъ, въ памятникахъ мы нашли достаточно свидѣтельствъ о важной роли въ жизни столицы епарха. Какъ правительственный органъ, находящійся въ ежедневномъ и непосредственномъ соприкосновеніи съ рабочимъ и ремесленнымъ населеніемъ столицы, епархъ долженъ былъ тѣсно связать свое имя съ Константинополемъ. Къ сожалѣнію, сохранилось мало свѣдѣній для общей характеристики его, какъ хозяина города. Одно изъ лучшихъ извѣстій въ этомъ отношеніи связано съ именемъ епарха Кира, современника Θεодосія Великаго. Правда, это былъ исключительный человекъ, обладавшій рѣдкими качествами образованія и ума; писатели придаютъ ему почетное прозваніе *ὁ φιλόσοφος, ἀνὴρ σοφώτατος*. Стоить указать здѣсь одну черту къ его характеристикѣ. Сдѣлавшись весьма популярнымъ въ городѣ, Киръ лишенъ былъ царемъ всѣхъ почестей подъ предлогомъ эллиномыслія, постриженъ въ монахи и назначенъ епископомъ въ городъ Смирну. Жители Смирны, желая испытать новаго епископа насчетъ его возрѣній, настоятельно просили его сказать проповѣдь въ день Рождества Христова. Епископъ уступилъ ихъ настояніямъ и сказалъ слѣдующее: „Братіе, Рождество Бога и Спаса нашего Іисуса Христа молчаніемъ должно быть чтимо, ибо слухомъ только зачала во чревѣ Святая Дѣва Слово Божіе, Ему же слава во вѣки аминь“ ¹⁾. Это, конечно, нужно признать искуснымъ ораторскимъ приемомъ, напоминающимъ знаменитое слово Иннокентія передъ плащаницей: „братіе, Господь и Спаситель нашъ во гробѣ, начнемъ же молиться и плакать“. Большинство писателей, упоминающихъ о дѣятельности Кира ²⁾, восхваляетъ, главнымъ образомъ, строительную его дѣятельность (постройка стѣнъ и возобновленіе всего города) и изобрѣтеніе особаго рода вечерняго и ночного освѣщенія для мастерскихъ.

¹⁾ Chron. pasch. 589, 3; Theoph. Chronogr. p. 97, 13 (ed. de Boor).

²⁾ Malalas, p. 361, 15; Chron. pasch., Theophanes, Cedrenus 1, 598, 22.

Въ извѣстїи Пасхальной хроники слѣдуетъ обратить вниманіе на выраженіе *ἐπενόησε*, которымъ указывается дѣйствительно на открытіе или изобрѣтеніе чего-либо новаго и доселѣ неизвѣстнаго. Здѣсь не можетъ быть рѣчи объ обыкновенномъ вечернемъ освѣщеніи мастерскихъ, такъ какъ способы ночного освѣщенія улицъ и публичныхъ мѣстъ были извѣстны и не составляли въ Константинополѣ необычнаго явленія. Въ статьѣ 3 устава питейныхъ заведеній, на которую выше обращено было вниманіе, говорится, что съ наступленіемъ ночного времени кабаки закрываются, и плошки тушатся. Никакъ нельзя сомнѣваться и въ томъ, что освѣтительное масло и горѣніе его въ площадкахъ было употребительно въ Константинополѣ и въ эпоху епарха Кира. Амміанъ Марцеллинъ ¹⁾ хвалитъ ночное освѣщеніе въ Антіохїи, которое будто спорило съ дневнымъ свѣтомъ. Историкъ Кедринъ, рассказывая о пожарѣ во время бунта, извѣстнаго подъ названіемъ Ники, истребившемъ множество зданій, упоминаетъ о гибели дома, называемаго фонарнымъ, потому что по вечерамъ онъ горѣлъ огнями ²⁾. Этотъ такъ называемый домъ *λαμπτήρων*, имѣющій склады шелковыхъ товаровъ, которые по всей вѣроятности въ немъ и изготовлялись, до извѣстной степени можетъ быть сближенъ съ изобрѣтеніемъ епарха Кира для ночного освѣщенія мастерскихъ. Но въ чемъ заключается секретъ и новость изобрѣтенія, объ этомъ судить очень трудно. Что византійцамъ были извѣстны нѣкоторые искусственные способы освѣщенія и обогрѣванія, объ этомъ можно догадываться на основаніи извѣстія Кодина ³⁾ о баняхъ Зевксиппа, освѣщаемыхъ и въ то же время обогрѣваемыхъ посредствомъ особаго стекляннаго аппарата.

Въ качествѣ хозяина города епархъ имѣлъ попеченіе объ украшеніи его красивыми зданіями, объ устройствѣ театральныя представленій. Одной изъ важнѣйшихъ его заботъ было иллюминировать и украшать городъ по случаю праздниковъ, парадныхъ процессій царей и встрѣчъ важныхъ иностранцевъ. Любопытное извѣстіе объ

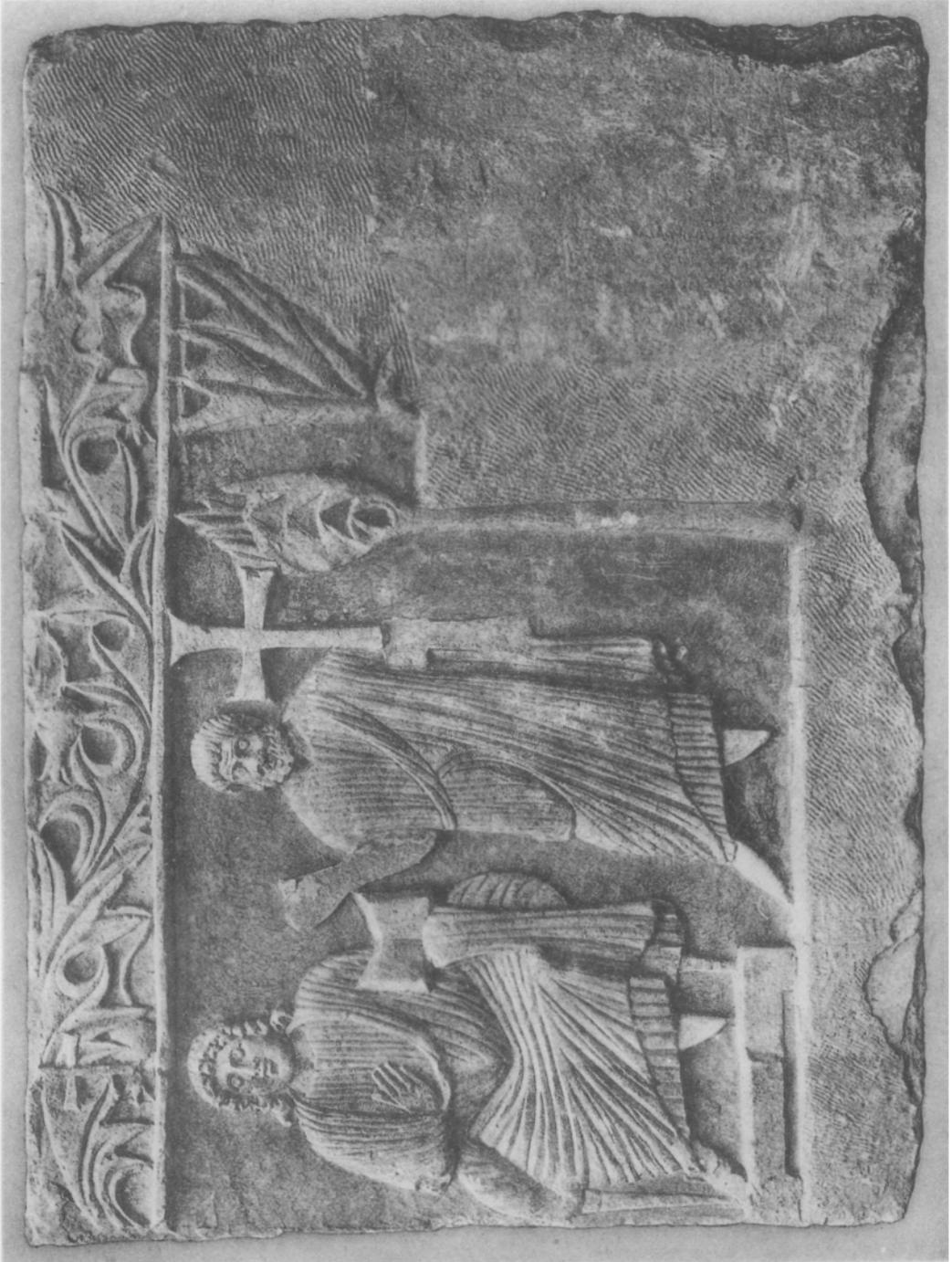
1) A. Marcellini lib. XIV (1, 9), ed. Teubneriana.

2) Cedreni 1. p. 648, 16: ᾠχετο τοίνων σὺν τούτοις καὶ ὁ ἐκ τῶν φωτῶν τῶν κατὰ τὰς ἑσπέρας λαμπτήρων ἐπικαλούμενος οἶκος, ἐν ᾧ αἱ περιουσίαι τῶν ἐμπορευομένων τὰ τε σιρικὰ καὶ πολυτελεῖ καὶ χρυσόπαστα.

3) Codinus, de Signis p. 36, 16: Ὁ δὲ Ζεύξιππος τὸ λουτρόν ὑπὸ Σελήρου κατεσκευάσθη καὶ ἐστοιχείωθη μετὰ κανδήλας ἄπτεισθαι ὑαλίνης, τὸ δὲ ὕδωρ ζέειν σφοδρῶς καὶ τὸν ἀέρα τοῦ λουτροῦ ἀλόγιστοι δὲ τινες ἐλλόντες τοῦτο κατέστρεψαν.

ХРИСТОСЪ И АПОСТОЛЪ ПЕТРЪ.

Рельефъ Студійскаго монастыря.

иллюминаціи Константинополя сохранилъ Кедринъ. Однажды въ городѣ распространился слухъ, что царь Юстиніанъ заболѣлъ и никого къ себѣ не принимаетъ. Начались мятежъ и грабежи. Тогда епархъ приказалъ зажечь иллюминацію въ ознаменованіе того, что царь выздоровѣлъ, и своеволія прекратились.

Только епархъ могъ располагать такими обширными средствами, чтобы въ короткое время привести городъ въ праздничный видъ по случаю торжественныхъ встрѣчъ и царскихъ выходовъ. Для этого у него были въ распоряженіи всѣ торговцы золотыми и серебряными вещами, всѣ фабрики и мастерскія, гдѣ изготовлялись шелковыя матеріи, и, наконецъ, торгующіе этими предметами. Къ торжественнымъ случаямъ улицы Константинополя чистились и украшались зеленью и цвѣтами, парадные залы дворца также украшались восточными тканями и драгоценными предметами, взятыми или отъ поставщиковъ, или изъ церквей и разныхъ богоугодныхъ заведеній. Такъ, по поводу торжественнаго приѣма сарацинскихъ пословъ, дворцовыя помѣщенія епархъ украсилъ пурпуровыми и шелковыми тканями, золотыми и серебряными предметами, эмалями и проч., особенно подробно описано украшеніе города по случаю возвращенія Василія Македонянина изъ похода ¹⁾. Епархъ города украсилъ городъ отъ Золотыхъ воротъ до Халки лавромъ, розмариномъ, миртомъ, розами и другими цвѣтами и, кромѣ того, разноцвѣтными скарамангіями и тканями и паникадилами, весь путь устьянъ былъ цвѣтами, а на долинѣ за Золотыми воротами были раскинуты шатры, гдѣ были плѣнники, и разставлена военная добыча. Все подобное убранство города называлось изящнымъ уборомъ, и украшенный такъ городъ сравнивался съ покоемъ новобрачныхъ ²⁾.

Политическія права населенія Константинополя выражались, кратко говоря, въ муниципальномъ правѣ итальянскихъ городовъ, что въ Византіи подразумѣвалось въ терминѣ *τὸ δίκαιον τῆς πόλεως*. Подъ суровымъ гнетомъ царей политическія права городовъ, однако, скоро ограничены были тѣсными предѣлами цирка и представленій, въ немъ даваемыхъ. Вслѣдствіе этого главнѣйшія свѣдѣнія о политическихъ правахъ городскихъ жителей почерпаются изъ извѣстій писателей о цирковыхъ партіяхъ. Исторія этихъ партій представляетъ,

¹⁾ De Cerimoniis 499, 10.

²⁾ De Cerim. 505, 5: *δίχην νομφικῶν παστάδων*.

однако, нѣкоторыя неясности и трудности. Историки предъявляютъ къ нимъ рѣзкія и суровыя обвиненія, хотя недостаточно опредѣляютъ происхожденіе этихъ партій и руководившіе бурными движеніями ихъ мотивы. Но такъ какъ подъ цирковыми партіями византійскихъ писателей слѣдуетъ подразумѣвать городской народъ, раздѣленный по димамъ—*οἱ δήμοι*, то въ „неистовствахъ“ и „безразсудствѣ“ этихъ партій (*τὰ μέρη*) можно видѣть послѣдніе взрывы борьбы городовъ за политическія права. Въ этомъ смыслѣ вопросъ о цирковыхъ партіяхъ имѣетъ большой историческій интересъ. Въ виду крайней скудости матеріаловъ, касающихся димовъ и партій цирка, стоитъ обратить вниманіе на мало извѣстный памятникъ, находящійся нынѣ во дворѣ св. Ирины (рис. 29) и воздвигнутый въ честь цирковаго наѣздника Порфирія ¹⁾.

Городскіе димы наполняютъ своими бурными волненіями исторію V и VI вѣковъ. Затѣмъ упоминанія о нихъ становятся все рѣже и рѣже,—признакъ, что правительствомъ нанесенъ былъ городамъ рѣшительный ударъ. Въ Константинополѣ было четыре дима: Венеты, Прасины, Левки и Русіи. Въ политическомъ и административномъ отношеніяхъ они находятся въ зависимости отъ димарха и димократа, высшихъ чиновъ въ византійской служебной табели, которые не имѣли отношенія къ дѣламъ ипподрома.

Чтобы понять значеніе городскихъ димовъ, нужно оцѣнить тѣ извѣстія писателей, въ которыхъ эти димы ставятся въ опредѣленное отношеніе къ власти полномасштабнаго хозяина Константинополя, городского епарха. Нельзя, прежде всего, не отмѣтить, что движенія и смуты такъ называемыхъ партій кроются въ неудовольствіи противъ правительства и въ частности противъ городского епарха, при чемъ дороговизна хлѣба, военный постой, притѣсненія и взятки и т. п. почти всегда выставляются какъ главныя причины волненій. Изъ этого можно заключить, что въ городскихъ димахъ имѣемъ бытовое явленіе, коренящееся въ организаціи восточныхъ городовъ. Писатели, указывая демократическія тенденціи въ большихъ городахъ на Востокѣ, называютъ Антіохію очагомъ такихъ тенденцій. Правительство вело борьбу съ городскими димами какъ законода-

¹⁾ О немъ Mordtmann, „Esquisse topographique“, p. 68; Woodward, „Some notes on the Monument of Porphyrios“ („The annual of the British School at Athenes“, № XVII, Session 1910—1911).

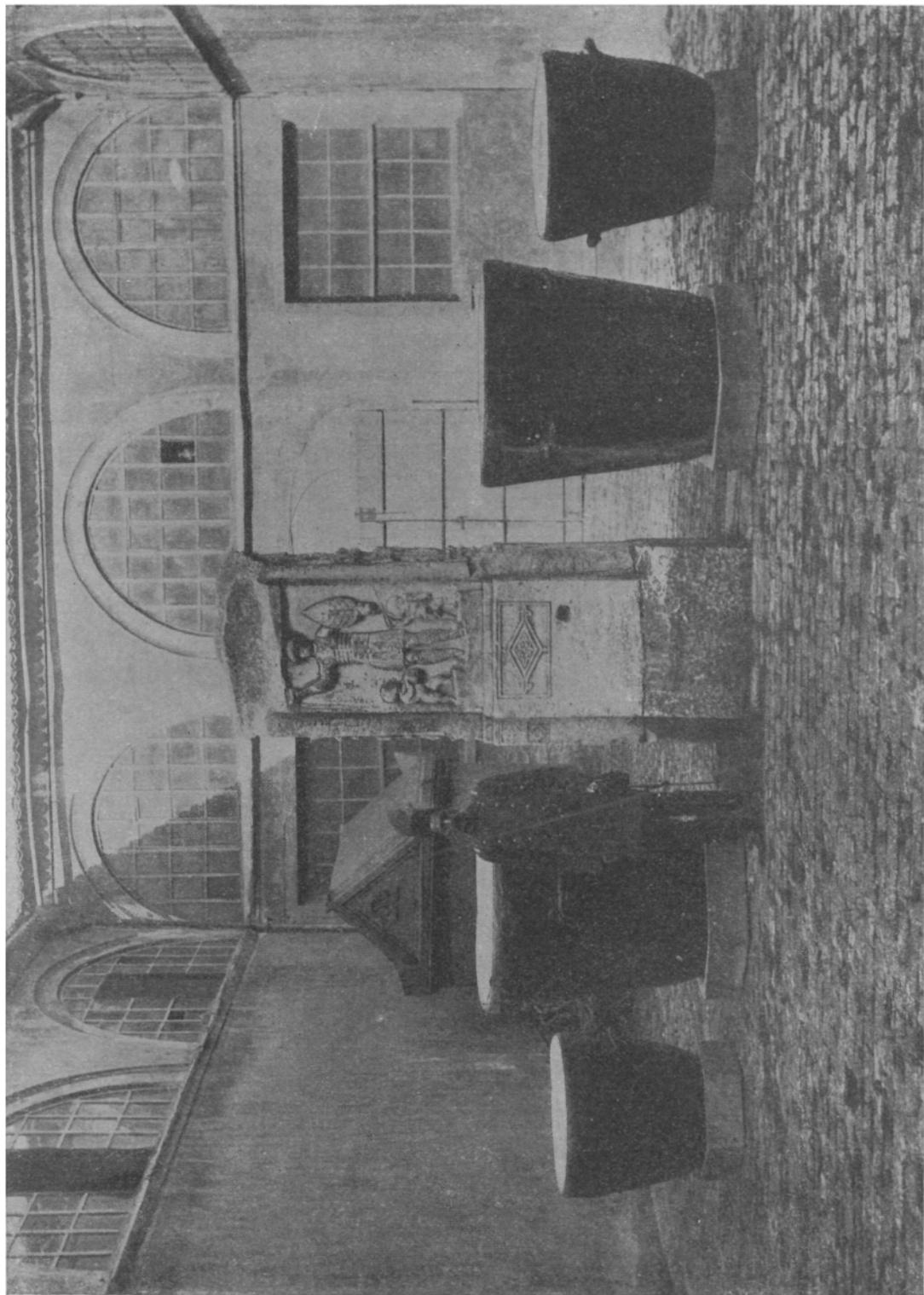

Рис. 29. Памятникъ Порфирія.

ельнымъ, такъ и административнымъ путемъ, ограничивая права горожанъ и расширяя полномочія епарха. Для Константинополя кульминаціоннымъ періодомъ въ этомъ отношеніи было время епарха Эеодота при царѣ Іустинѣ I, въ началѣ VI в., для Антіохіи періодъ Константина Тарсея при Анастасіи, т.-е. конецъ V в. Особенно суровой мѣрой, возбуждавшей населеніе, было назначеніе городскихъ димовъ на военную службу. Первый случай такого рода отмѣченъ во время Юстиніана I и заключается въ слѣдующемъ. По случаю нападенія аваровъ и славянъ, которые прорвались черезъ Анастасіеву стѣну и угрожали самой столицѣ, масса крестьянскаго населенія изъ ближайшихъ деревень искала спасенія въ Константинополѣ. Юстиніанъ зачислилъ этихъ пришлыхъ людей въ городскіе димы и назначилъ ихъ на службу на Длинныя стѣны, построенныя Анастасіемъ. Военная повинность, къ которой привлекаются потомъ чаще и чаще городскіе димы, встрѣтила среди нихъ сильную оппозицію, но она послѣдовательно была потушена правительствомъ. Въ дальнѣйшемъ городскіе димы вполнѣ теряютъ свое политическое значеніе, о которомъ слабые намеки сохранились въ Придворномъ уставѣ Константина Порфиророднаго X вѣка, и всецѣло подчиняются вѣдомству епарха города.

Константинополь, какъ столица Византійской имперіи, будучи яркимъ выразителемъ Византизма, характеризующаго религіозную, политическую и культурную жизнь народовъ, входившихъ въ составъ имперіи, въ своей исторіи и во внутреннемъ развитіи настолько тѣсно связанъ съ судьбами имперіи, что послѣдняя не можетъ быть изучаема безъ исторіи Константинополя. Можетъ-быть, ни одна столица не была такимъ полнымъ выразителемъ идей византійскаго государства, православія и оригинальной морали, какъ столица Византіи.

Въ настоящей главѣ будетъ поэтому умѣстно указать наиболѣе опредѣленныя черты, коими совмѣстно характеризуется какъ имперія, такъ и столица. Господствующимъ въ Византіи языкомъ былъ греческій; это былъ и церковный, и литературный языкъ. Имперія мало-по-малу освобождалась изъ-подъ вліянія латинскаго языка въ правѣ и въ администраціи, что было болѣе или менѣе достигнуто въ VI и VII вв. Можетъ-быть, слишкомъ искусственная связь, образовавшаяся между церковнымъ и литературнымъ языкомъ, съ одной

стороны, и идей православія, съ другой, ослабляли центробѣжную силу Византинизма и приготовили ему серьезныя преграды и оппозиціонныя стремленія на окраинахъ. Именно противъ деспотизма латинскаго языка и римскаго права на Востокѣ уже въ V в. является стремленіе приспособлять законники къ мѣстнымъ потребностямъ, передѣлывая ихъ на основаніи туземныхъ обычаевъ и мѣстнаго права на народный языкъ. То же можно сказать о восточномъ православіи, противъ котораго образовались разнообразныя вѣроученія и секты, опиравшіяся частью на національныя особенности, сросшіяся съ опредѣленными народными группами. Наиболее рѣзко выраженными этнографическими группами на Востокѣ нужно признать, кромѣ грековъ, которые, будучи весьма незначительными по числу какъ племенной элементъ, весьма импонировали языкомъ и культурой, были арабы, сирійцы и египтяне, которые оказали громадное вліяніе на организацію Византинизма въ первыя столѣтія его исторіи, придавъ ему и жившимъ подъ дѣйствіемъ его народностямъ отличительный культурный и психологическій типъ.

Весьма важнымъ обстоятельствомъ было то, что центръ тяжести Византинизма былъ на Востокѣ. Съ паденіемъ Западной имперіи на Константинополь перешла славная традиція Римской имперіи, которая во все время тысячелѣтняго существованія Византіи придавала ей особенный авторитетъ и значеніе въ глазахъ новыхъ народовъ. Въ то время, какъ Римъ и весь Западъ сдѣлались добычей варваровъ, Византія могла гордиться сознаніемъ, что одна она осталась очагомъ идеи имперіи и міровой культуры. И, дѣйствительно, византійскіе греки не переставали считать себя законными наслѣдниками Римской имперіи и пользовались всякимъ случаемъ, чтобы осуществить свои права. Они восприняли во всей совокупности литературу, искусство, право, административныя формы отъ Рима и продолжали развивать и приспособлять ихъ согласно новымъ потребностямъ. Такимъ образомъ въ Византіи продолжали развиваться всѣ тѣ культурныя формы, которыми жило человечество до конца V вѣка. На западѣ появляются новые народы, въ Византіи главный и господствующій этнографическій элементъ остался одинъ и тотъ же, и культурныя традиціи сохранились въ немъ безъ перерыва и перемѣнъ. Вслѣдствіе этого Византія могла пользоваться неисчерпаемымъ источникомъ готовой древней культуры, между тѣмъ какъ

на Западѣ новые народы должны были постепенно создавать свои собственныя условія жизни. Этотъ твердый и не подвергшійся разрушенію фундаментъ древнихъ вѣковъ и создалъ для Византіи ту удивительную устойчивость, которая такъ характеризуетъ ее. Съ одной стороны, постоянно идущая традиція, съ другой—чувство превосходства передъ другими націями придали Византіи извѣстный характеръ упрямства или упругости, которымъ отличаются древнія культуры. Это упорство въ защитѣ своихъ особенностей ограждало Византію отъ чужеземныхъ вліяній, но, съ другой стороны, уменьшило способность примѣняемости или искусства немедленно разобратъся въ новой обстановкѣ и составить полный отчетъ о происходящихъ внутри и внѣ событіяхъ.

Исключительное положеніе столицы, безъ сомнѣнія, было однимъ изъ главныхъ устоевъ имперіи. Константинополь въ одно и то же время былъ прекраснымъ укрѣпленнымъ мѣстомъ, годнымъ для защиты отъ внѣшнихъ враговъ, и въ то же время весьма пригоднымъ для вооруженныхъ нападений во всѣ стороны, приспособленъ для входа и выхода, для торговыхъ сношеній и прилива населенія. Государство, снабженное достаточнымъ флотомъ, могло господствовать надъ Средиземнымъ моремъ и быть недоступнымъ въ своемъ центральномъ укрѣпленіи; но и безъ морской силы Византія легко могла со своими сухопутными силами поддерживать связь съ противоположнымъ азіатскимъ берегомъ, откуда она черпала главныя свои лучшія силы во весь продолжительный періодъ своей исторіи. Константинополь давалъ тонъ другимъ городамъ имперіи. Его отличіе и преимущество отъ Антиохіи, Александріи, Солуни и Херсонеса заключалось въ томъ, что здѣсь жили императоръ и его дворъ. Вмѣстѣ съ высшимъ духовенствомъ, военными и гражданскими чинами и крупными землевладѣльцами, придворные образовали высшій вліятельный классъ въ Константинополѣ, служилую аристократію, которая отличалась консерватизмомъ въ дѣлахъ вѣры и политики и нерѣдко вмѣстѣ съ сенатомъ становилась на защиту традицій и устоевъ Византинизма. Сенатъ, какъ учрежденіе, современное основанію Константинополя, долго пользовался большимъ политическимъ значеніемъ и при вакантности трона, случавшейся весьма нерѣдко, становился во главѣ государства. При Юстиніанѣ I значеніе его понизилось, но все же это учрежденіе въ самыя трудныя эпохи имперіи являлось на

Рис. 30. Внутренній видъ базилики. Алтарь.

ажѣ національныхъ интересовъ. Просматривая длинный списокъ антийскихъ царей, мы должны признать, что, за исключеніемъ негихъ ничтожностей, носившихъ корону, на первомъ планѣ стоятъ пные и импозантные государи, умѣвшіе и командовать войсками, и мудро направлять гражданское управленіе.

Между византійскими голководцами и государственными дѣятелями также можно указать не мало весьма умныхъ и энергичныхъ телей, съ сознаниемъ долга исполнявшихъ важныя порученія. Вообще было бы ошибочно думать, что въ Византіи приходится дѣло лишь съ негодяями и жалкими евнухами.

Во всѣ времена византійскіе патріоты считали существеннымъ имъ преимуществомъ передъ другими народами высокую образованность. Свою культуру и блага образованности превозносили они и тогда, когда на Западѣ начали оживать у новыхъ народовъ историческія преданія, но въ V и VI в. Константинополь безспорно былъ единственнымъ культурнымъ центромъ, гдѣ наука и искусство имели своихъ почитателей, и гдѣ было распространено среднее и высшее образованіе. Весьма извѣстно положеніе, что христіанскимъ свѣщеніемъ и законодательствомъ Византія побѣждала некультурные народы, съ которыми ей приходилось имѣть дѣло; въ этомъ состояло политическое орудіе ея системы.

Въ Константинополѣ не умирали хорошія научныя традиціи, которыя немислимы безъ средней и высшей школы. Правительство ценило образованіе и всѣми мѣрами старалось поддержать просвѣщеніе въ столицѣ Византійской имперіи. Такъ, въ 333 г. освобождены отъ муниципальныхъ должностей медики и профессора къ вмѣстѣ съ ихъ женами и дѣтьми, „дабы предоставить означеннымъ лицамъ всю необходимую свободу для занятій науками и искусствами и для преподаванія другимъ“. Въ 376 г. преподаватели къ приняты на казенное жалованье, при чемъ большимъ городомъ предоставлено право самимъ избирать своихъ профессоровъ, магистровъ и магистровъ. Уже приведенные факты достаточно свидѣтельствуютъ о заботахъ правительства къ сохраненію и развитію образованія, воспринятаго отъ древнихъ временъ.

Къ 425 г. относятся два акта, имѣющіе особенный интересъ для исторіи высшаго образованія въ самомъ Константинополѣ. Императоръ Феодосій II однимъ закономъ установилъ штаты ученой кол-

А П О С Т О Л Ы.

Рельеф Студийского монастыря.

легіи, которая поставлена въ особое положеніе и выдѣлена изъ состава обыкновеннаго учительскаго сословія, занимавшагося преподаваніемъ въ общественныхъ школахъ и въ частныхъ домахъ. Эта новая коллегія, которую можно назвать университетомъ, составляетъ специальное императорское учебное заведеніе, въ составъ коего входятъ 31 профессоръ. Оно раздѣляется на слѣдующія группы по специальностямъ:

- 1) три оратора для римскаго краснорѣчія;
- 2) десять грамматиковъ для римской словесности;
- 3) пять софистовъ для греческаго краснорѣчія;
- 4) десять грамматиковъ для греческой словесности;
- 5) одинъ философъ;
- 6) два профессора для преподаванія юридическихъ наукъ.

Этотъ законъ есть не что иное, какъ уставъ константинопольскаго университета, для котораго назначены особое зданіе и особый штатъ служащихъ. Законъ предусматриваетъ даже ту подробность, чтобы профессора преподавали каждый въ предоставленной ему аудиторіи, дабы не было помѣхи преподаванію отъ шума учениковъ и отъ смѣшенія разныхъ языковъ.

Другимъ законодательнымъ актомъ опредѣляются права этого ученаго учрежденія. Коллегія служащихъ въ немъ профессоровъ числится на государственной службѣ, имѣетъ особыя преимущества по табели о рангахъ и получаетъ одно изъ существенныхъ правъ коллегіальнаго учрежденія—оцѣнивать заслуги своихъ сочленовъ. При введеніи этого устава императоръ Θεодосій II возвелъ часть профессоровъ въ чинъ графства первой степени, уравнивавшій ихъ съ губернаторами провинцій; для другихъ профессоровъ открыты дороги къ почестямъ подъ условіемъ доброй нравственности, преподавательскихъ способностей, ораторскаго таланта и успѣшныхъ занятій наукой, если таковыя качества будутъ засвидѣтельствованы высокимъ совѣтомъ профессоровъ. По выслугѣ 20 лѣтъ и всѣ профессора имѣютъ право на этотъ чинъ графства первой степени. Въ уставѣ отмѣчаются нѣкоторыя черты организациі жизни студентовъ въ большихъ городахъ. Каждый молодой человѣкъ, по прибытіи въ университетскій городъ, долженъ былъ заявиться у магистра ценза и представить ему документъ, свидѣтельствующій объ его происхожденіи и состояніи родителей. Кромѣ того, отъ него требовалось, чтобы онъ

указалъ разрядъ наукъ, которыми намѣренъ заниматься, и адресъ квартиры въ городѣ. Мѣстная полиція должна была слѣдить за поведеніемъ молодыхъ людей; въ случаѣ нарушенія дисциплины они подвергались наказанію и теряли право на пребываніе въ университетскомъ городѣ. Императоры, давая пріютъ наукѣ, заботились также объ образованіи библіотеки и о сохраненіи старыхъ рукописей, равно какъ о составленіи списковъ съ нихъ. Съ этой цѣлью была учреждена въ Константинополѣ комиссія изъ семи каллиграфовъ, въ коей было четыре спеціалиста для греческаго и три для латинскаго письма. Назначеніе комиссіи было дѣлать копіи со старыхъ кодексовъ и исправлять обветшалые. Такимъ путемъ могли сохраниться древнія рукописи, а равно развиваться въ Константинополѣ школа спеціалистовъ-каллиграфовъ. Извѣстно, что самъ Θεодосій II любилъ заниматься перепиской древнихъ кодексовъ и поощрялъ занятія каллиграфіей.

Нужно думать, что занимающее насъ ученое и учебное учрежденіе основано было поблизости отъ Большаго дворца на древнемъ акрополѣ, почему и названо было школой профессоровъ Капитолія. Въ V в. эта мѣстность пострадала отъ пожара, уничтожившаго много публичныхъ зданій и, между прочимъ, царскую библіотеку. Если бы предполагать, что этимъ пожаромъ уничтожено было и зданіе университета, то самое учрежденіе могло сохраниться въ послѣдующіе вѣка. Никакъ нельзя думать, чтобы Юстиніанъ I, наложившій руку на аѳинскій университетъ по политическимъ соображеніямъ, могъ закрыть константинопольскую высшую школу, ибо извѣстно, что онъ покровительствовалъ изученію права и открылъ для этого предмета кафедры въ существовавшихъ при немъ университетахъ: бейрутскомъ, римскомъ и константинопольскомъ. Историкъ Юстиніана Прокопій не говоритъ о закрытіи при немъ школъ, а о сокращеніи выдачи жалованья профессорамъ. Въ дальнѣйшемъ мы, впрочемъ, будемъ не разъ встрѣчаться съ высшей школой въ Константинополѣ. Вообще наука и искусство нигдѣ не пользовались въ средніе вѣка такимъ вниманіемъ, какъ въ Константинополѣ. И большинство литературныхъ и художественныхъ памятниковъ, сохранившихся по настоящее время отъ Византіи, или происходятъ изъ Константинополя, или имѣютъ къ нему отношеніе. Такимъ образомъ, не обинуясь, слѣдуетъ признать, что Константинополь былъ яркимъ

выразителемъ Византизма, и что исторія Византійской имперіи не можетъ быть ни изложена, ни понята безъ параллельной исторіи Константинополя.

Есть прекрасное мѣсто, рисующее міровое значеніе Константинополя; оно читается у историка Юрнанда ¹⁾). Императоръ Θεодосій Великій пригласилъ къ себѣ въ столицу остготскаго короля Атанариха. Вотъ какъ историкъ описываетъ произведенное столицей имперіи впечатлѣніе на варварскаго короля. „Атанарихъ, совершенно охотно принявъ приглашеніе, вступилъ въ царственный городъ и въ удивленіи сказалъ: теперь я вижу собственными глазами этотъ знаменитый городъ, о которомъ часто слышалъ съ недоувѣріемъ. И, озираясь туда и сюда, онъ то восхищался положеніемъ города, то удивлялся каравану кораблей, то, смотря на знаменитыя стѣны и на множество народа изъ различныхъ племенъ, обильной волной стекающагося сюда, какъ войско въ боевомъ порядкѣ, въ одну рѣку съ разныхъ сторонъ, произнесъ: безъ сомнѣнія, императоръ есть земной богъ, и кто осмѣливается на него подняться, самъ будетъ виновенъ въ пролитіи собственной крови“.

Въ заключеніе настоящей главы укажемъ на замѣчательный памятникъ ранняго византійскаго искусства, открытый при работахъ Русскаго Археологическаго Института въ мечети Имрахоръ, т.-е. въ древнемъ Студійскомъ монастырѣ. Всѣ сообщаемые рельефы найдены внутри базилики и служатъ драгоцѣннымъ, какъ съ точки зрѣнія исторіи искусства вообще, такъ и въ частности Студійскаго монастыря, памятникомъ важной роли, какая выпала на долю Константинополя въ культурномъ отношеніи (рис. 30). Три фототипіи, приложенныя къ этой главѣ, представляютъ фрагменты евангельской исторіи ²⁾).

¹⁾ *Getica*, ed. Mommsen, *Monumenta Germaniae V.* 1, p. 95 (с. СХХVIII).

²⁾ Изслѣдованіе объ этихъ памятникахъ готовится къ печати ученымъ секретаремъ Института, Б. А. Панченко.

глава IX.

МАРКІАНЪ И ПУЛЬХЕРІЯ. ХАЛКИДОНСКІЙ СОБОРЪ. ОБЩЕИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ 28-ГО КАНОНА. ЛЕВЪ I. ФЕДЕРАТЫ. АСПАРЪ И МРДЯВУРІЙ. ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ АФРИКУ.

Неожиданная смерть Θεодосія въ 450 г. открывала вопросъ о престолонаслѣдїи, такъ какъ у него не было прямого мужского потомства. Послѣ него осталась дочь Евдоксія, находившаяся въ замужествѣ за западнымъ императоромъ Валентиніаномъ III; кромѣ того, оставалась въ живыхъ, хотя едва ли могла имѣть притязанія на власть, императрица Евдокія, проводившая жизнь въ Іерусалимѣ; но всѣхъ ближе къ престолу была августа Пульхерія, по всѣмъ сохранившимся даннымъ, имѣвшая сильное вліяніе на политику. Въ смутное время религиозныхъ споровъ къ ней обращается съ письмами папа, равно она ведетъ переписку съ вліятельными лицами по дѣламъ церковнымъ. Вопросъ о вакантности престола она разрѣшила весьма своеобразно, но въ то же время и практично, пригласивъ къ соучастію въ правленіи стараго и опытнаго въ дѣлахъ Маркіана и утвердивъ его права бракомъ съ нимъ. Патріархъ Анатолій, избранный на мѣсто умершаго отъ горя и потрясеній Флавіана, совершилъ надъ новымъ императоромъ церковный обрядъ коронаціи, который съ тѣхъ поръ постепенно входитъ въ обычай во всѣхъ европейскихъ государствахъ.

Время было чрезвычайно тревожное, оно какъ-разъ совпадало съ походомъ Аттилы на Галлію. Но для Византійской имперіи на первомъ планѣ стояли религиозные вопросы. Любопытно, что мысль, впервые высказанная въ письмахъ папы Льва, согласно которой отъ правильной вѣры въ единую Троицу зависятъ единство и прочность

государства, вполне была усвоена на Востокъ и сдѣлалась руководящей въ церковной политикѣ. Ни для кого не оставалось сомнѣнія, что со смертью Θεодосія и устраненіемъ отъ дѣлъ евнуха Хрисаѳа долженъ наступить полный переворотъ въ церковныхъ дѣлахъ. Слишкомъ ставшій въ послѣднее время замѣтнымъ склонъ на сторону египетскихъ притязаній, чрезвычайно рѣзкіе и деспотическіе приемы Діоскора александрійскаго, напомнившіе его предшественника на престолѣ Теофила, подготовляли перемѣну въ настроеніи высшаго духовенства. Въ весьма оживленной перепискѣ папы съ императоромъ Маркіаномъ и Пульхеріей начинается уже обсуждаться вопросъ о вселенскомъ соборѣ, на которомъ и самъ папа хотѣлъ бы быть лично, но только политическія и военныя событія могутъ, говорилъ онъ, ему помѣшать осуществить это желаніе. Какимъ важнымъ значеніемъ пользовалась царица Пульхерія, свидѣтельствуется преимущественно 79 письмо, въ которомъ ставится ей въ заслугу побѣда надъ Несторіемъ и Евтихіемъ, воздаются похвалы за поддержку, оказанную папскимъ легатамъ и притѣсняемымъ православнымъ епископамъ, равно какъ за честь, оказанную умершему въ ссылкѣ архіепископу Флавіану перенесеніемъ его тѣла въ Константинополь и погребеніемъ въ храмѣ Св. апостоловъ. И въ особенности нельзя не остановиться вниманіемъ на тѣхъ совѣтахъ, какіе даетъ папа по отношенію къ устройству церковныхъ дѣлъ, потрясенныхъ ученіемъ Евтихіа и разбойническимъ соборомъ. Можно видѣть, что подготовлялась радикальная реформа въ Константинополѣ. Почти годъ спустя по смерти Θεодосія, эдиктомъ отъ 17 мая 451 г. Маркіанъ назначилъ открытіе собора на 1 сентября того же года въ Никеѣ. Но по случаю неспокойнаго положенія дѣлъ и въ желаніи имѣть личное наблюденіе за дѣлами собора, императоръ, уступая также жалобамъ на неудобства жизни въ Никеѣ, перенесъ мѣсто собраній въ Халкидонъ. Это знаменитый въ исторіи церкви IV вселенскій соборъ, положившій основаніе для многихъ существенныхъ во всемирной исторіи теченій и обусловившій развитіе дальнѣйшаго строя православной церкви на Востокѣ и отношеній западной церкви къ восточнымъ. Имѣя въ виду, что и по настоящее время по многимъ вопросамъ церковной жизни ученые канонисты должны обращаться къ канонамъ Халкидонскаго собора, и что восточная церковь въ своихъ отношеніяхъ къ западной, а равно и во всѣхъ спорахъ и притязаніяхъ восточныхъ національностей на церковную

и политическую самостоятельность имѣеть самыя положительныя точки опоры въ постановленіяхъ и практикѣ эпохи Халкидонскаго собора, историкъ Византіи обязательно долженъ дать значительное мѣсто въ своемъ изложеніи дѣяній этого собора.

Въ указѣ императоръ такъ выражаетъ цѣль созванія собора. Польза истинной вѣры и православія предпочтительнѣй всего въ мірѣ, ибо если Богъ къ намъ милостивъ, то и царство наше будетъ благоустроено. Такъ какъ возникли разногласія объ истинной вѣрѣ, то мы рѣшили собрать священный соборъ въ Никеѣ, дабы истина была изслѣдована въ единогласномъ мнѣніи всѣхъ и безъ пристрастія была выяснена истинная вѣра и дабы на будущее время никакихъ сомнѣній и никакихъ разномысліи объ этомъ не имѣло мѣста. Когда было получено въ Римѣ приглашеніе принять участіе въ соборѣ, папа назначилъ своими представителями епископа Пасхасина и пресвитера Бонифація, приказавъ имъ дѣйствовать въ согласіи съ бывшими уже въ Константинополѣ легатами, епископомъ Люценціемъ и пресвитеромъ Василиемъ, прямое представительство и предсѣдательство на соборѣ папа поручилъ епископу Пасхасину.

Императорскіе делегаты на соборѣ были слѣдующія лица, отмѣченныя въ протоколѣ засѣданія¹⁾, состоявшагося 8 октября 451 г. въ церкви св. мученицы Евфиміи: стратилать и бывший консуль, патрикій Анатолий, епархъ преторіи Палладій, епархъ города Татіанъ, магистръ оффицій Винкомаль, комить доместиковъ Спаракій, комить частныхъ дѣлъ Генеолій; сенаторы: бывший консуль и патрикій Флорентій, Сенапоръ, Моннъ, Протогенъ, Зоиль, Θεодоръ, Аполлоній, Романъ, Константинъ и Евлогій, т.-е. 16 высшихъ придворныхъ и административныхъ чиновъ. Въ какое отношеніе поставлены они были къ папскимъ легатамъ, занимавшимъ предсѣдательское мѣсто, это можно вывести лишь изъ дѣлопроизводства и практики собора, такъ какъ права уполномоченныхъ со стороны императора представителей нигдѣ точно не опредѣлены. По аналогіи съ тѣмъ, какъ обозначены обязанности царскихъ делегатовъ на предыдущемъ Ефескомъ соборѣ, можно думать, что имъ принадлежало наблюденіе за внѣшнимъ порядкомъ засѣданій и за правильностью хода въ дѣлопроизводствѣ: какой вопросъ ставить ранѣе, какой позже, когда за-

1) Mansi, „Concilia“, VI, col. 563.

крывать засѣданіе, какъ голосовать вопросъ и т. п. По всей вѣроятности имъ рекомендовано было не вмѣшиваться въ обсужденіе религиозныхъ вопросовъ, ограничиваясь здѣсь лишь наблюденіемъ за формой и предоставивъ весь авторитетъ папскому уполномоченному, который являлся на соборѣ не только первымъ членомъ, но отъ котораго зависѣла самая постановка вопросовъ на голосованіе. Вообще нельзя скрывать, что на Халкидонскомъ соборѣ было три латинскихъ епископа, и что главенство римской церкви въ дѣлахъ вѣры неоднократно выставлялось на видъ какъ самимъ папой и его уполномоченными, такъ и членами Халкидонскаго собора¹⁾). На соборѣ присутствовали затѣмъ архіепископы Константинополя, Антиохіи, Александріи и Іерусалима и представители почти всѣхъ восточныхъ, за исключеніемъ Египта, церквей, числомъ свыше 600 епископовъ. По своему составу этотъ вселенскій соборъ былъ хотя многочисленнѣе всѣхъ предыдущихъ, но состоялъ почти исключительно изъ грековъ и сирійцевъ, такъ какъ египетскій элементъ представленъ былъ весьма мало вслѣдствіе нашествія вандаловъ на Африку.

Первая задача собора была чисто-вѣроисповѣдная, предстояло разрѣшить вопросъ, возбужденный ученіемъ Евтихія и осложненный разбойническимъ соборомъ. Легатъ папы прямо и поставилъ этотъ вопросъ своимъ заявленіемъ: „Мы имѣемъ приказанія блаженнѣйшаго и апостолическаго епископа Рима, главы всѣхъ церквей, которыми воспрещается Діоскору засѣдать съ членами собора. Если онъ позволитъ себѣ это, то долженъ быть изгнанъ. Мы должны настоять на исполненіи этого приказанія и имѣемъ честь вамъ заявить: или онъ пусть оставитъ мѣсто, или мы“. Этотъ вопросъ имѣлъ очень рѣзкую постановку и встрѣтилъ замѣчаніе: какая провинность ставится на счетъ Діоскору? На это получился отвѣтъ со стороны второго легата: „Мы не можемъ допустить такого оскорбленія ни себѣ, ни вамъ, чтобы засѣдалъ съ нами тотъ, котораго будемъ судить. Онъ позволилъ себѣ безъ разрѣшенія папы составить соборъ, чего никогда не бывало и не должно быть“. Вслѣдствіе протеста папскихъ представителей Діоскору было приказано оставить свое мѣсто и занять другое не съ членами собора. Этотъ инцидентъ можетъ служить характеристикой того вліятельнаго положенія, какое занимали

1) Mansi, „Concilia“, VI, col. 147; Hefele, II, 421—3.

папскіе легаты. Затѣмъ непосредственно было предоставлено слово Евсеію дорилейскому, главному дѣятелю на Константинопольскомъ соборѣ противъ Евтихія. Онъ представилъ записку съ подробнымъ изложеніемъ несправедливостей и насильственныхъ дѣйствій, допущенныхъ Діоскоромъ какъ по отношенію къ Евсеію, такъ и къ другимъ лицамъ на разбойническомъ соборѣ. Кромѣ того, на Діоскора поступила жалоба со стороны нѣкоторыхъ египетскихъ епископовъ, въ которой были изложены разнообразныя вины Діоскора: безнравственное поведеніе, жестокости и несправедливыя дѣйствія, насилія и попраніе всяческихъ правъ. Судъ надъ Діоскоромъ сопровождался прочтеніемъ соборныхъ дѣяній и разныхъ актовъ и окончился осужденіемъ его и постановленіемъ собора, на которомъ онъ предсѣдательствовалъ, а равно лишеніемъ его сана. По отношенію къ членамъ разбойническаго собора, подписавшимъ его дѣянія, Халкидонскій соборъ оказался болѣе милостивымъ. Какъ раскаявшіеся и какъ дѣйствовавшіе подъ угрозами Діоскора, они были прощены и оставлены въ своихъ званіяхъ. Въ концѣ перваго засѣданія прочитано было слѣдующее опредѣленіе. „Изъ прочтенія актовъ и изъ признанія многихъ епископовъ, бывшихъ на Ефесскомъ соборѣ и сознавшихъ въ заблужденіи, ясно, что Флавіанъ и другіе осуждены неправильно. Посему было бы справедливо, если будетъ на то воля императора, присудить къ тому же наказанію руководителей прежняго собора: Діоскора александрійскаго, Ювенала іерусалимскаго, Фалассія кесарійскаго, Евсеіа анкирскаго, Евстаѳія бейрутскаго и Василія селевкійскаго—и объявить ихъ лишенными епископскаго сана“. Но часть епископовъ просила о снисхожденіи, ссылаясь на то, что и они всѣ согрѣшили. Къ нимъ присоединилось большинство, подавая голосъ за лишеніе сана одного Діоскора и за прощеніе остальныхъ.

Второй вопросъ, предстоявшій обсужденію Халкидонскаго собора, касался вѣроученія. Нужно было найти такое изложеніе ученія о двухъ естествахъ во Христѣ, которое было бы далеко отъ крайностей несторіанства и монофизитства. Папа Левъ I изложилъ это ученіе въ знаменитомъ посланіи, *Epistola dogmatica*, отправленномъ къ архіепископу Флавіану въ 449 году, но оно не получило на Востокѣ значенія до Халкидонскаго собора. Теперь оно было прочитано на соборѣ и послужило вмѣстѣ съ ученіемъ Кирилла Александрій-

скаго матеріаломъ для опредѣленія, состоявшагося на пятомъ его засѣданіи 22 октября 451 г. Чрезвычайно важное въ догматическомъ отношеніи мѣсто опредѣленія собора, направленнаго противъ неправильныхъ ученій по христологическому вопросу, заключается въ слѣдующемъ¹⁾: „Послѣдуя св. отцамъ, всѣ согласно научаемъ исповѣдывать одного и того же Сына, Господа нашего Іисуса Христа, совершеннаго въ божествѣ, совершеннаго въ человѣчествѣ, истинно Бога, истинно человѣка, того же изъ разумной души и тѣла, единосущнаго Отцу по Божеству и того же единосущнаго намъ по человечеству, во всемъ подобнаго намъ, кромѣ грѣха, рожденнаго прежде вѣковъ отъ Отца по Божеству, а въ послѣдніе дни ради насъ и ради нашего спасенія отъ Маріи Дѣвы Богородицы по человечеству, одного и того же Христа Сына Господа едиnorodнаго въ двухъ естествахъ неслитно, неизмѣнно, нераздѣльно, неразлучно познаваемаго (*ἐκ δύο φύσεων ἀσυγχύτως, ἀτρέπτως ἀδιαίρετως, ἀχωρίστως γνωριζόμενον*), не въ два лица разсѣкаемаго или раздѣляемаго, но одного и того же Сына, Единороднаго, Бога Слова, Господа Іисуса Христа, какъ въ древности пророки о Немъ и какъ Самъ Господь Іисусъ Христосъ научилъ насъ, и какъ передалъ намъ символъ отцовъ“.

Самымъ торжественнымъ было шестое засѣданіе, 25 октября, на которое прибыли царь и царица съ многочисленной свитой, и на которомъ происходило официальное утверженіе вѣроопредѣленія. Такимъ образомъ рѣшены были два вопроса, для которыхъ собственно и собирался IV вселенскій соборъ: разобрано дѣло о разбойничьемъ соборѣ и о самовольныхъ дѣйствіяхъ Діоскора, и составлено опредѣленіе вѣры по христологическому вопросу, надѣлавшему много смуть въ церкви. По связи съ этими двумя главными слѣдствіями дѣятельности собора нужно разсматривать опредѣленія по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ. Таково опредѣленіе по отношенію къ блаженному Теодориту, осужденному соборомъ Діоскора и возстановленному въ санѣ Халкидонскимъ соборомъ; таково же опредѣленіе относительно Ивы епископа эдесскаго. Нѣкоторымъ нарушеніемъ строя представлялось на соборѣ положеніе египетскихъ епископовъ, по случаю низложенія Діоскора оставшихся какъ бы безъ руководителя.

1) Mansi, „Sacrorum conciliorum nova collectio“, VII, col. 116.

Но имъ было предоставлено дать свои подписи впоследствии, когда будетъ поставленъ на александрійскую кафедру новый архіепископъ.

Халкидонскій соборъ продолжался до 1 ноября включительно, когда происходило послѣднее и заключительное его засѣданіе. На этомъ засѣданіи произошелъ довольно непріятный инцидентъ, вызванный протестомъ папскихъ легатовъ противъ нѣкоторыхъ соборныхъ постановленій, касающихся каноническихъ правилъ. Именно епископъ Пасхасинъ сказалъ, что „вчера, послѣ удаленія съ собора царскихъ уполномоченныхъ и папскихъ легатовъ, составлены, повидимому, какіе-то акты, которые мы находимъ происшедшими вопреки канонамъ и церковной дисциплинѣ. Слѣдуетъ прочесть ихъ, чтобы все собраніе могло судить, правильны они, или нѣтъ“. Тогда, съ разрѣшенія царскихъ уполномоченныхъ, архидіаконъ Аэцій объяснилъ, что были приведены въ порядокъ акты, касающіеся вѣры. „Вошло въ обычай—продолжалъ онъ,—что послѣ рѣшенія главныхъ вопросовъ обсуждаются и утверждаются и нѣкоторыя другія необходимыя дѣла. Такія дѣла есть и въ церкви Константинопольской, и мы предлагали епископамъ Рима принять участіе въ обсужденіи оныхъ, но они уклонились, ссылаясь на то, что не получили на то полномочій. Объ этомъ было доложено царскимъ уполномоченнымъ, которые разрѣшили предложить на обсужденіе собора, что окажется потребнымъ. Такъ какъ соборъ единогласно постановилъ заняться этими дѣлами, то, ясно, что дѣянія его не составляютъ тайны и не сдѣланы украдкой, но происходили въ полномъ и каноническомъ порядкѣ“. Послѣ этого заявленія было прочитано извѣстное 28-е правило Халкидонскаго собора, состоящее въ слѣдующемъ: „Во всемъ согласуясь съ постановленіями святыхъ отцовъ и принимая во вниманіе только что прочитанный канонъ 150 боголюбезнѣйшихъ епископовъ, то же самое и мы опредѣляемъ по отношенію къ преимуществамъ святѣйшей церкви Константинополя, новаго Рима. Святые отцы по справедливости надѣлили преимуществами кафедру древняго Рима какъ императорской столицы, подобными же основаніями руководимые 150 боголюбезнѣйшихъ епископовъ таковыя же преимущества удѣлили святѣйшему трону новаго Рима, съ полнымъ основаніемъ разсуждая, что городъ, удостоившійся чести имѣть у себя царство и сенатъ и пользующійся одинаковыми преимуществами съ Римомъ, древнимъ столичнымъ городомъ, долженъ и въ церковномъ отно-

шеніи быть поставленъ на ту же высоту, какъ Римъ, и быть вторымъ послѣ него. Посему опредѣляемъ, чтобы вышепоименованный святѣйшій престоль Константинопольской святѣйшей церкви имѣлъ право посвящать митрополитовъ діоцезъ Понта, Азіи и Фракіи, а въ тѣхъ областяхъ этихъ епархій, которыя заняты варварами, и епископовъ. Каждый митрополитъ названныхъ діоцезъ посвящаетъ епархіальныхъ епископовъ въ соучастіи епископовъ епархій, согласно божественнымъ канонамъ; что же касается митрополитовъ выше-сказанныхъ діоцезъ, то они, какъ объяснено, принимаютъ хиротонію отъ архіепископа Константинополя, послѣ того какъ получаютъ по обычаю законное избраніе, и когда представлено будетъ объ этомъ увѣдомленіе“.

Прежде чѣмъ излагать послѣдовавшія на соборѣ пререканія по поводу 28-го канона и связанную съ нимъ переписку между папой и императоромъ, остановимся вниманіемъ на содержаніи этого акта, безспорно составляющаго эпоху въ исторіи Византіи по его разнообразнымъ послѣдствіямъ и приложеніямъ, частью въ ближайшія столѣтія, а частью и весьма отдаленныя отъ V вѣка. Значеніе этого канона важно по политическимъ изъ него выводамъ. Собственно канонъ редактированъ примѣнительно къ случаямъ, уже имѣвшимъ мѣсто въ практикѣ и соотвѣтственно историческимъ притязаніямъ Константинополя. Нельзя, кромѣ того, не указать на весьма выгодную именно для Константинополя постановку вопроса объ усвояемыхъ ему церковныхъ преимуществахъ ради его гражданскихъ и политическихъ правъ. Идетъ рѣчь не объ уравненіи его въ правахъ съ старымъ Римомъ, хотя и онъ также сталъ столицей имперіи, а лишь о возвышеніи его въ чести и о назначеніи ему мѣста прямо послѣ Рима. Составитель окончательной редакціи этого канона какъ-будто предвидѣлъ, что скоро наступитъ пора, когда древній Римъ не будетъ болѣе пользоваться тѣми политическими преимуществами, ради которыхъ ему усвоятся преимущественная честь и преобладаніе, и что тогда новый Римъ будетъ имѣть всѣ основанія претендовать на его положеніе въ христіанскомъ мірѣ. Извѣстно, что эту точку зрѣнія приводилъ въ IX в. патріархъ Фотій въ своемъ спорѣ съ Римомъ. Не менѣе важныя послѣдствія могли быть выведены изъ той части разсматриваемаго канона, которая предоставляетъ константинопольскому архіепископу право посвященія епископовъ въ тѣхъ областяхъ

Понта, Азіи и Оракіи, которыя заселены варварами. Достаточно припомнить, что сюда могли относиться всѣ христіанскія миссіи на Востокѣ, въ южной Россіи и на Балканскомъ полуостровѣ, и всѣ тѣ пріобрѣтенія восточнаго духовенства, которыя съ теченіемъ времени могли быть сдѣланы въ указанныхъ областяхъ. Во всякомъ случаѣ на этой точкѣ зрѣнія стоятъ послѣдующіе греческіе канонисты, отстаивающіе права Константинопольскаго патріархата. Вотъ въ краткихъ словахъ всемірно-историческое значеніе 28-го канона, который былъ заслушанъ въ Халкидонѣ 1 ноября 451 года. Когда прочитано было 28-е правило, римскіе легаты заявили, что оно незаконно и стоитъ въ противорѣчій съ постановленіемъ Никейскаго собора, что отцы собора введены въ обманъ, подписавшись подъ этимъ правиломъ. Но оказалось, что подъ протоколомъ засѣданія находится до 200 подписей, при чемъ многіе подписались за нѣсколькихъ членовъ. Императорскіе уполномоченные пригласили обѣ партіи представить подлинныя акты, на которыхъ основываются ихъ положенія. Прочитаны 6-е правило Никейскаго и 1—3 правила Константинопольскаго собора. Такъ какъ въ пользу притязаній константинопольской каеедры опредѣленно говорило только 3-е правило Константинопольскаго собора, то папскіе легаты утверждали, что Римъ не зналъ и не утверждалъ подобнаго правила. „Если бы—говорили они—эти преимущества были за Константинополемъ, то не настояло бы необходимости вновь подтверждать ихъ, а если ихъ не было, то ихъ слѣдуетъ отвергнуть какъ неканоническое нововведеніе. Въ концѣ концовъ, оказывалось, что обѣ партіи основывались на канонахъ, только римская на 6-омъ правилѣ никейскомъ, а греческая на 3-емъ правилѣ константинопольскомъ. Примирить партій не было возможно; ссылка на то, что подписи подъ 28-ымъ правиломъ были вынужденныя, также не подтвердилась. Тогда царскіе уполномоченные предложили слѣдующій проектъ опредѣленія. На основаніи вышеизложеннаго и принимая во вниманіе показанія обѣихъ сторонъ, „мы признаемъ, что первенство передъ всѣми и преимущество чести по канонамъ сохраняется за боголюбезнѣйшимъ архіепископомъ стараго Рима, но что и честнѣйшій архіепископъ Константинополя, новаго Рима, долженъ пользоваться тѣми же преимуществами чести, и что ему принадлежитъ самостоятельная власть въ правѣ рукоположенія митрополитовъ провинцій Азіи, Понта и Оракіи при томъ условіи, чтобы назначеніе

происходило между клириками каждой митрополіи, ктиторами и лучшими гражданами, а равно благочестивѣйшими епископами каждой епархіи, и чтобы по избраніи достойнаго для занятія митрополичьей кафедры увѣдомить объ этомъ архіепископа Константинополя, отъ котораго будетъ зависѣть, пригласить ли его въ Константинополь для посвященія, или предоставить посвященіе епископамъ епархіи“... Соборъ единогласно принялъ это опредѣленіе, сопровождая его многолѣтіемъ императору. Папскій легатъ епископъ Люценцій сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: „апостольскій престоль препоручилъ намъ присутствовать на всѣхъ засѣданіяхъ. Такимъ образомъ, если что во вчерашнемъ засѣданіи, въ нашемъ отсутствіи, принято было вопреки канонѣ, то просимъ считать это какъ бы несостоявшимся. Въ противномъ случаѣ нашъ протестъ просимъ внести въ соборные акты, дабы намъ знать, какой сдѣлать докладъ апостольскому и всей церкви начальствующему епископу, дабы онъ самъ принялъ рѣшеніе какъ объ оскорбленіи, нанесенномъ его престолу, такъ и о нарушеніи канонѣ“.—Этимъ протестомъ закончился Халкидонскій соборъ.

Ближайшими послѣдствіями Халкидонскаго собора было благоприятное рѣшеніе церковной смуты. Два важные вопроса—о соборѣ Діоскора и ученіе о двухъ естествахъ во Христѣ—рѣшены соборомъ окончательно и подтверждены авторитетомъ папскихъ легатовъ; это считалось безспорно важнымъ результатомъ, и на эту сторону обращаетъ главное вниманіе императорскій эдиктъ отъ 7 февраля 452 г., которымъ утверждены постановленія собора. „Исполнилось—говорится въ эдиктѣ—всеобщее ожиданіе, борьба о правой вѣрѣ прекратилась, и наступило единеніе въ народахъ. Теперь нѣтъ болѣе мѣста для вражды, ибо только безбожникъ можетъ думать, что послѣ приговора столь многихъ епископовъ осталось еще что-нибудь для рѣшенія собственнаго ума. Никто, какого бы званія и состоянія ни былъ, не смѣетъ заводить о вѣрѣ публичные споры. Если клирикъ будетъ обвиненъ въ публичныхъ спорахъ о вѣрѣ, то извергается изъ духовнаго сана, если военный—лишается званія, всѣмъ частнымъ людямъ угрожаетъ изгнаніе изъ столицы и преданіе суду“. Еще суровѣй были мѣры противъ монофизитовъ, придерживавшихся ученія Евтихіа. Имъ запрещены собранія, устройство общежитій и монастырей; собственники домовъ, давшіе имъ помѣщеніе, подвергаются тѣлесному наказанію и конфискаціи имущества. Еретикамъ запрещается

наслѣдовать по завѣщаніямъ и самимъ дѣлать завѣщанія. Книги еретическія осуждены на сожженіе, и всѣмъ сочинителямъ и распространителямъ ихъ угрожаетъ конфискація имущества и ссылка.

Но чрезвычайно важны были сношенія съ Римомъ, вызванныя 28-мъ канонемъ и протестомъ противъ него легатовъ папы. По окончаніи собора къ папѣ было отправлено посланіе, въ которомъ дѣлался ретроспективный взглядъ на постановленія Халкидонскаго собора, и которымъ испрашивалось утвержденіе оныхъ. Это посланіе было рассчитано на то, чтобы побѣдить упорство папы ласкательствомъ и внѣшнимъ раболѣпиемъ и побудить его не дѣлать разрыва изъ-за второстепенныхъ вещей. Здѣсь его восхваляли какъ истолкователя мнѣній апостола Петра, какъ искуснаго руководителя для членовъ Халкидонскаго собора въ показаніи истины. Черезъ своихъ легатовъ онъ владѣлъ гегемоніей надъ всѣмъ собраніемъ. Переходя затѣмъ къ дѣяніямъ собора, посланіе характеризуетъ „дикаго звѣря“, бывшаго александрійскаго архіепископа, и его нечестивые поступки, какъ онъ дерзнулъ проявить свое бѣшенство относительно того, кто самимъ Спасителемъ поставленъ пастыремъ божественнаго винограда, и кто старается объединить тѣло церкви. Наложивъ на Діоскора справедливое наказаніе, соборъ устроилъ и другія дѣла при помощи Божіей и св. Евфиміи. Затѣмъ посланіе переходитъ къ самой главной части, возбудившей протестъ римскихъ легатовъ. „И другое нѣчто опредѣлено нами ради упорядоченія и утвержденія церковныхъ уставовъ въ убѣжденіи, что, ваше святѣйшество благоволите принять и утвердить наши постановленія. По установившемся съ давнихъ лѣтъ обычаю святая константинопольская церковь посвящала митрополитовъ провинцій Азіи, Понта и Фракіи; нынѣ мы утвердили этотъ обычай соборнымъ опредѣленіемъ, не столько имѣя въ виду преимущества константинопольской кафедрѣ, сколько заботясь о добромъ порядкѣ въ означенныхъ митрополіяхъ, ибо по случаю смерти епископовъ тамъ часто возникаютъ смуты, и клирики и міряне, находясь безъ власти, возмущаютъ церковный порядокъ, что не безызвѣстно и вашему святѣйшеству, такъ какъ безпорядки, особенно въ Ефесской церкви, нерѣдко доставляли вамъ безпокойство. Точно также мы утвердили канонъ св. отцовъ Константинопольскаго собора, которымъ усвояются Константинополю преимущества второго города послѣ вашего святѣйшаго и апостольскаго трона въ томъ убѣжде-

ни, что такъ какъ свойственный вамъ апостольскій лучъ уже часто попечительно обнималъ константинопольскую церковь и обильно изливалъ на нее присуція вамъ блага, то и нынѣ ваше святѣйшество благоволите одобрить тѣ рѣшенія, кои нами приняты къ уничтоженію смуты и къ утверженію церковнаго строя, какъ близкія вамъ, дорогія и способствующія прекрасному порядку мѣропріятія. Представители вашего святѣйшества пытались сильно возражать противъ означенныхъ постановленій, въ той вѣроятнo мысли, чтобы какъ въ дѣлахъ вѣроученія, такъ и въ вопросахъ благочинія, починъ зависѣлъ отъ васъ и заслуга вмѣнялась вамъ. Мы же въ уваженіе къ тому, что таково было желаніе благочестивѣйшихъ и христіюбивыхъ царей, сената и всего царственнаго города, нашли благовременнымъ утвержденіе чести этой каѳедры на вселенскомъ соборѣ, и какъ бы дѣло, начатое твоей святостью и всегда согрѣваемое твоимъ участіемъ, мы рѣшились его принять на утвержденіе. Зная, какъ всякое событіе, случающееся съ дѣтьми, восходитъ къ родителямъ, просимъ почтить наше рѣшеніе своимъ согласіемъ, и подобно тому, какъ мы своей главѣ засвидѣтельствовали полное согласіе, такъ и глава да исполнить должное по отношенію къ своимъ дѣтямъ. Такъ доставлено будетъ удовольствіе и благочестивымъ царямъ, которые къ рѣшенію твоей святости относятся какъ къ закону, такъ будетъ оказано воздаяніе и трону константинопольскому, который въ дѣлѣ вѣры идетъ съ вами въ полномъ согласіи и ревностно соединился съ вами въ единомысліи. Дабы вы убѣдились, что мы ничего не сдѣлали изъ ласкательства, или изъ нерасположенія къ кому, а лишь повинуюсь внушеніямъ Божіимъ, мы довели до вашего свѣдѣнія все содержаніе нашихъ дѣяній въ наше оправданіе и въ доказательство и въ утвержденіе нашихъ постановленій¹⁾.

Точка зрѣнія этого посланія повторяется въ письмахъ императора и епископа Константинополя Анатолія, отправленныхъ къ папѣ. Въ письмѣ послѣдняго въ особенности сказано много лестнаго для римскаго престола. „Подтверждая на соборѣ канонъ собора 150, мы думали, что честь этого престола папа приметъ за свою собственную честь, такъ какъ онъ столько оказывалъ заботы и попеченія о константинопольской каѳедрѣ“. Желая, далѣе, побудить папу дать

¹⁾ Mansi, VII, 148—155.

свое согласіе на утверждение 28-го канона, патріархъ Анатолій говоритъ, что даруемая его престолу преимущества онъ будетъ разсматривать какъ особенную милость, идущую отъ римской каедрѣ, и что постановленія, касающіяся посвященія митрополитовъ въ трехъ провинціяхъ, скорѣй могутъ быть разсматриваемы какъ умаленіе тѣхъ правъ, какими Константинополь пользовался уже 60—70 лѣтъ, посвящая и большую часть епископовъ тѣхъ провинцій.—Но папа Левъ не менѣе хорошо понималъ значеніе проведеннаго на Халкидонскомъ соборѣ канона, какъ и константинопольское свѣтское и духовное правительство. Поэтому всѣ представленія и ходатайства передъ нимъ остались тщетны. Отвѣтъ изъ Рима послѣдовалъ отъ 22 мая 452 года и по своему содержанию былъ вполне отрицателенъ по отношенію къ 28-му канону.

Основанія къ несогласію приведены слѣдующія: 1) Константинополь не имѣетъ никакого права на такое увеличеніе правъ. Хотя въ немъ находится царская резиденція, но константинопольская каедрѣ не апостольскаго происхожденія. Гражданское преимущество города не имѣетъ вліянія на его церковное положеніе. 2) Канонъ 28-ой находится въ противорѣчій съ привилегіями Александріи и Антіохіи и съ правами провинціальныхъ митрополитовъ, не согласенъ съ 6-мъ правиломъ Никейскаго собора и постановленіями отцовъ. 3) Это постановленіе есть слѣдствіе честолюбивыхъ домогательствъ и угрожаетъ опасной смутой для церкви. Такимъ образомъ, одобряя постановленія собора по отношенію къ Діоскору и утверждая вѣрученіе, папа авторитетомъ св. Петра призналъ недѣйствительнымъ 28-й канонъ Халкидонскаго собора.

Тѣмъ не менѣе, постановленія Халкидонскаго собора по отношенію къ константинопольской каедрѣ получили капитальное значеніе въ исторіи Византіи и легли въ основаніе дальнѣйшихъ церковныхъ отношеній между Римомъ и Константинополемъ. Легко понять, что здѣсь мы не исчерпали всѣхъ послѣдствій занимающаго насъ всемірно-историческаго факта, и будемъ имѣть случай неоднократно къ нему возвращаться. Ближайшія слѣдствія Халкидонскаго собора обнаружались въ томъ, что послѣдовалъ рядъ строгихъ законовъ противъ еретиковъ и главнымъ образомъ противъ монофизитовъ. Ихъ стали наказывать ссылкой и заточеніемъ, еретическія сочиненія подверглись уничтоженію. Виновники церковнаго нестроенія, Діоскоръ и Евтихій,

сосланы въ отдаленныя области страны.—Но оказался сильный протестъ противъ халкидонскихъ постановленій въ самой Византіи. Египеть, Сирія и Палестина, а также Арменія отдѣлились отъ церковнаго единенія и усвоили себѣ монофизитство, которое частью остается въ указанныхъ странахъ и до сихъ поръ. Постановленія Халкидонскаго собора дали поводъ къ обнаруженію этнографическихъ особенностей въ составѣ Византійской имперіи. Чрезвычайно важнымъ обстоятельствомъ для дальнѣйшей эволюціи нужно признать то, что слѣдствія халкидонскихъ постановленій обнаружались въ эпоху самаго процесса организациі Византизма. Сильное преобладаніе эллинскихъ элементовъ на самомъ соборѣ имѣло слѣдствіемъ то, что важные національные элементы—египетскій и сирійскій,—игравшіе первостепенное значеніе въ первые четыре вѣка христіанской эры, отдѣляются во второй половинѣ V вѣка отъ господствующей церкви и лишаютъ ее, а равно и созданное по церковнымъ началамъ Византійское государство, творческой созидающей силы.—Одинъ эпизодъ, послѣдовавшій за Халкидонскимъ соборомъ, чрезвычайно ярко характеризуетъ положеніе дѣла. Монахъ Θεодосій, египетскаго происхожденія, бывшій въ соборѣ, поднялъ въ Палестинѣ народное возстаніе, во главѣ котораго стояло до 10000 палестинскихъ монаховъ. Θεодосій говорилъ, что соборъ измѣнилъ вѣрѣ и принялъ несторіанство. Итакъ, утверждая во Христѣ одно естество, Θεодосій и его приверженцы начали возстаніе въ пользу осужденнаго на соборѣ ученія. Имъ подала руку жившая въ Іерусалимѣ супруга императора Θεодосія II, Евдокія, можетъ-быть, выразившая тѣмъ свое нерасположеніе къ царицѣ Пульхеріи. Изгнавъ изъ Іерусалима епископа Ювенала, повстанцы избрали на его мѣсто Θεодосія и начали гоненіе на діофизитовъ. Движеніе распространилось на Египеть, гдѣ противъ собора были даже нѣкоторые епископы. Хотя принятыми правительствомъ мѣрами политическій характеръ движенія былъ уничтоженъ, но религіозная рознь нашла себѣ выраженіе въ національныхъ особенностяхъ восточныхъ народностей, такъ что монофизитство удержалось здѣсь во весь періодъ существованія Византійской имперіи и насчитываетъ даже нынѣ не менѣе 5 милліоновъ.

Переходя къ внѣшнимъ событіямъ кратковременнаго царствованія Маркіана (450—457), можемъ замѣтить, что онѣ не имѣютъ ни той напряженности въ преслѣдованіи разъ поставленной цѣли, ни того

значенія, какъ церковная политика. Важнѣйшимъ событіемъ въ это время было движеніе Атиллы на западъ, освободившее Константинополь отъ грозной опасности гуннскаго нашествія и давшее царю Маркіану возможность провести и защитить халкидонскія постановленія. Мирная политика вполнѣ отвѣчала и наклонностямъ царицы Пульхеріи, которая умерла, впрочемъ, скоро послѣ собора, именно въ 453 году, и самого Маркіана. Но можно догадываться, что внѣшняя политика была направляема въ это время весьма искусной рукой, что сказалось въ обстоятельствахъ, при которыхъ вступилъ на престолъ преемникъ Маркіана, Левъ I.

Возведеніе на престолъ Льва, какъ и его предшественника, было дѣломъ военнаго сословія. Со времени Θεодосія Великаго военная система въ имперіи подверглась радикальной перемѣнѣ, которая состояла въ томъ, что правительство стало приглашать на службу имперіи или цѣлыя варварскія, по преимуществу германскаго происхожденія, племена, или отдѣльныхъ военныхъ людей съ дружинами, находящимися подъ ихъ командой. Эта новая система имѣла ближайшимъ послѣдствіемъ то, что какъ столица, такъ и отдаленныя провинціи имперіи получили значительный наплывъ иностранныхъ военныхъ людей, которые начали играть роль даже во внутреннихъ дѣлахъ имперіи. Уже въ концѣ IV вѣка раздаются жалобы на этотъ порядокъ вещей и на опасность, угрожающую государству отъ чрезмѣрнаго усиленія варваровъ. Въ теченіе V вѣка, однако, новая система продолжала оставаться въ полной силѣ, не сопровождаясь тѣми вредными послѣдствіями, на которыя намекали патріоты въ IV в., и которыя въ Западной имперіи неминуемо привели имперію къ паденію. До послѣдней четверти V вѣка наиболѣе обычными были отряды германскаго и чаще готскаго происхожденія, нанимаемые изъ племенъ, населявшихъ Балканскій полуостровъ. Здѣсь насъ по преимуществу занимаетъ та часть германскихъ и другихъ варварскихъ племенъ или просто военныхъ дружинъ, которая долго была извѣстна въ Византіи подъ именемъ федератовъ. Какъ показываетъ самое имя, это были племена или отряды, стоявшіе въ опредѣленнаго рода договорныхъ отношеніяхъ къ правительству и служба которыхъ обусловливалась статьями договора. Большею частью федераты служили за жалованье, выдаваемое предводителю или князю племени, на обязанности котораго было содержать въ порядкѣ дружину и предоста-

влять ее въ распоряженіе имперіи, судя по обстоятельствамъ и потребностямъ времени.

Болѣе выдающіеся германцы, въ особенности предводители колѣнъ и начальники дружинъ, переселялись въ большіе города и столицу, усвоили языкъ и обычаи имперіи, получали вкусъ къ образованію, такъ что черезъ два-три поколѣнія вполне ассимилировались съ господствующимъ населеніемъ. Въ V вѣкѣ находимъ въ военной и гражданской администраціи варварскія имена консуловъ, предводителей войска и сенаторовъ, ближайшіе предки коихъ были свободными сынами германскихъ лѣсовъ. Федераты оказали громадное вліяніе на военную организацію имперіи и произвели въ ней крупныя измѣненія. Въ царствованіе Льва I особенной извѣстностью пользуется могущественный родъ готскаго происхожденія, который въ теченіе трехъ поколѣній послѣдовательно отъ отца къ сыну владѣлъ высшими гражданскими и военными должностями и который поставилъ имперіи не одного императора. Въ этомъ знатномъ родѣ, идущемъ отъ Аспара, въ трехъ поколѣніяхъ повторялись имена Аспара и Ардавурія. Судьба фамиліи Аспара на византійской службѣ въ высшей степени ярко характеризуетъ описываемую эпоху, и потому мы должны остановить на ней вниманіе. Первое упоминаніе объ этой фамиліи имѣется при Θεодосіи II, подъ 421 годомъ. Тогда стратигъ Ардавурій былъ во главѣ отряда, посланнаго противъ персовъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя Ардавурій и сынъ его Аспаръ командовали войсками въ Италіи противъ бунтовщика Іоанна, при чемъ отецъ стоялъ во главѣ пѣхоты, а сынъ во главѣ конницы. Въ 427 г. Ардавурій назначенъ консуломъ. Сынъ его Аспаръ въ 431 г. стоялъ во главѣ флота и войска, отправленнаго въ Африку противъ Гензериха, короля вандаловъ, при чемъ позднѣйшій греческій писатель Теофанъ приписываетъ неуспѣхъ экспедиціи измѣнѣ Аспара и его арианству. Въ 434 г. Аспаръ былъ патриціемъ и консуломъ; въ 441 г. онъ упоминается въ званіи главнокомандующаго войсками Востока, въ каковомъ званіи участвуетъ въ 447 г. въ походѣ противъ Атиллы; въ томъ же году былъ консуломъ сынъ Аспара, Ардавурій. Въ 450 г., по смерти Θεодосія, фамилія Аспара выдвигаетъ Маркіана на императорскій престолъ. Съ тѣхъ поръ званіе главнокомандующаго восточными войсками остается за представителемъ этой фамиліи при Маркіанѣ и Левѣ I. Особеннымъ авторитетомъ пользуются представи-

тели этого рода при восшествіи на престоль Льва. Было мнѣніе, что они дали отраву Маркіану. Во всякомъ случаѣ, единственнымъ препятствіемъ къ занятію императорскаго трона для этой могущественной фамиліи былъ религіозный вопросъ: Аспаръ и Ардавурій и ихъ приверженцы исповѣдывали аріанское ученіе. Говорятъ, что Левъ состоялъ въ личной службѣ у Аспара, и что послѣдній, возводя на престоль свою креатуру, надѣялся посредствомъ Льва достигнуть высшей власти и вліянія. Однимъ изъ условій было дарованіе сана кесаря сыну Аспара. Но это чрезмѣрное возвышеніе недавнихъ варваровъ встрѣтило недовольство въ сенатѣ и народѣ. Аспаръ принималъ серьезныя мѣры, чтобы заявить себя благодѣтелемъ народа и патриотомъ. Въ 459 г. имъ построена въ Константинополѣ цистерна, сохранившая его имя; въ 465 г., по случаю бывшаго въ столицѣ пожара, истребившаго 8 кварталовъ, Аспаръ подавалъ примѣръ челоуѣколюбія, самъ нося воду и поощряя другихъ денежными выдачами тушить пожаръ. Но императору нерѣдко приходилось ограничивать притязанія Аспара, вслѣдствіе чего между ними происходили иногда горячія объясненія. Такъ, разъ Левъ не исполнилъ желанія Аспара относительно назначенія префекта, тогда Аспаръ, касаясь царской одежды, сказалъ: „кто ее носить, тотъ не долженъ лгать“! По всѣмъ вѣроятіямъ эта фамилія пользовалась еще всѣмъ вліяніемъ въ 468 году, когда состоялась экспедиція въ Африку противъ вандаловъ, имѣвшая чрезвычайно печальныя послѣдствія. За неудачный исходъ этой экспедиціи и за назначеніе во главѣ ея Василиска современники обвиняли, главнымъ образомъ, Аспара. На сколько справедливы эти обвиненія, мы увидимъ это ниже. Несомнѣннымъ слѣдуетъ признать то, что въ V вѣкѣ была въ Византіи серьезная попытка захватить политическую власть и сдѣлать царскій престоль игрушкой въ рукахъ предводителей варварскихъ военныхъ отрядовъ, состоявшихъ на службѣ имперіи. Германскіе предводители дружинъ, достигавшіе высшихъ военныхъ мѣстъ въ имперіи, каковы Аспаръ и Ардавурій, соединенные племенными и родственными узами съ другими вождями, на примѣръ, Аріобиндъ и Θεодорикъ, сынъ Триарія, ставили на императорскій престоль своихъ приверженцевъ и сами не рѣшались возложить на себя корону лишь изъ-за религіозныхъ причинъ.

Въ высшей степени любопытно, что въ Византіи противъ этого

порядка вещей оказалась оппозиція. Императоръ Левъ I, понимая опасность въ усиливающемся германскомъ вліянніи, подготовилъ ему противовѣсь въ національныхъ военныхъ элементахъ. Будущій императоръ Зинонъ, происходящій изъ горнаго и воинственнаго племени исавровъ, постепенно приближается ко двору и оттѣсняетъ германскій элементъ. За него была выдана дочь Льва Аркадія, на 469 г. онъ состоялъ консуломъ. Въ 471 г. окончательно сломлено могущество германцевъ въ арміи, при чемъ въ кровавой катастрофѣ погибли Аспаръ, Ардавурій и Патрикій. Это было роковымъ обстоятельствомъ для германскаго преобладанія, которое никогда уже не достигало болѣе въ Византіи такой силы, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поворотнымъ пунктомъ въ системѣ организаціи военныхъ силъ имперіи. Византійское правительство должно было, однако, считаться съ приверженцами Аспара и Ардавурія какъ въ самомъ Константинополѣ, такъ и на границѣ имперіи. Прежде всего въ городѣ поднялась смута, одинъ изъ дружинниковъ Аспара, по имени Острый, пытался завязать бой съ дворцовой стражей, при чемъ были убиты многіе. Когда германское движеніе было усмирено, Острый успѣлъ спастись изъ города вмѣстѣ съ наложницей Аспара и подвергъ грабежу нѣкоторыя мѣстности во Фракіи. Болѣе серьезнымъ защитникомъ германскихъ привилегій и вмѣстѣ претендентомъ на имущество Аспара явился вождь Θεодорихъ, сынъ Тріарія, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ соименнымъ основателемъ готскаго королевства въ Италіи, и который открыто говорилъ, что германцы, одни безъ греческихъ войскъ, въ состояніи удовлетворить потребностямъ имперіи. Упомянутый Θεодорихъ, состоявшій на службѣ имперіи въ качествѣ федерата, выступилъ съ притязаніями на наслѣдство Аспара. Византійское правительство, соглашаясь дать ему удовлетвореніе, вступаетъ съ нимъ въ договоръ, о которомъ сохранились весьма подробныя извѣстія, рисующія институтъ федератовъ. Имперское казначейство обязывалось выдавать федератамъ жалованье и содержаніе, а предводителя федератовъ облакало военнымъ титуломъ. Эти выдачи были довольно обременительны и не всегда исправно производились. При возникшихъ недоразумѣніяхъ съ правительствомъ вождь федератовъ угрожалъ движеніемъ на столицу и вообще бунтомъ.

Узнавъ, что Θεодорихъ, сынъ Тріарія, собираетъ дружину и готовитъ нападеніе, правительство обращается къ нему съ предложе-

ніемъ оставить враждебные замыслы, дать сына въ заложники и жить спокойно, довольствуясь прежними денежными выдачами. Этотъ же указывалъ, что онъ не можетъ жить скромно на свои средства, что пока онъ былъ частнымъ лицомъ и не имѣлъ у себя такой дружины, еще могъ бы по нуждѣ удовлетворяться скромнымъ состояніемъ; нынѣ же, когда его поставили въ необходимость собрать народъ, онъ вынужденъ или давать пропитаніе своей дружинѣ, или воевать съ имперіей. Когда всѣ мѣры къ замиренію съ Θεодорихомъ на болѣе выгодныхъ для имперіи условіяхъ оказались безуспѣшными, императоръ рѣшился исполнить предъявленныя къ нему требованія. Именно, выдавать жалованье 13-ти тысячамъ военныхъ людей, подвластныхъ Θεодориху, назначить его командиромъ двухъ частей, записать на него тѣ владѣнія, которыя прежде были ему пожалованы, и, наконецъ, дать ему титулъ стратига. Окончательныя распоряженія въ этомъ отношеніи сдѣланы были уже при Зинонѣ, который находился по отношенію къ германскимъ вождямъ въ болѣе независимомъ положеніи, чѣмъ его предшественникъ. вмѣстѣ съ низверженіемъ Аспара и Ардавурія лишились своего самостоятельнаго положенія въ Константинополѣ аріанская церковь и богослуженіе.

Во Флоренціи, во дворцѣ dei Uffici хранится серебряное блюдо, изображающее семью Аспара-Ардавурія во всемъ ихъ официальном блескѣ. Въ серединѣ на креслѣ сидитъ одѣтымъ въ тогу консулъ Аспаръ (рис. 31). Правая его рука поднята и держитъ маппу—знакъ его власти на публичныхъ собраніяхъ и праздникахъ; въ лѣвой—жезль съ изображеніями двухъ тогдашнихъ императоровъ, восточнаго и западнаго, т.-е. Θεодосія II и Валентиніана. По правую его сторону юноша, одѣтый въ тогу, съ маппой въ лѣвой рукѣ; подпись обозначаетъ, что это *Argabur iunior pretor*. По ту и другую сторону отъ этихъ фигуръ два изображенія: въ мужскомъ съ шаромъ въ одной рукѣ и съ аллебардой въ другой—можно бы видѣть воина, въ женской же, у которой въ лѣвой рукѣ вѣтка растенія, въ правой—такое же, какъ у мужской фигуры, оружіе, никакъ нельзя усматривать символъ вооруженной охраны, тѣмъ болѣе, что головное убранство этой фигуры состоитъ изъ колосьевъ и цвѣтовъ, символизирующихъ плодородіе и обиліе. До сихъ поръ даваемое объясненіе этимъ фигурамъ не вполне установилось. По однимъ, это—Римъ и Константинополь, по другимъ—Сила и Обиліе; нѣкоторые, наконецъ, объясняютъ эти фигуры въ смыслѣ Рима и Ра-

венны ¹⁾). Но указанными объясненіями не исчерпывается сюжетъ, очевидно слѣдуетъ ждать дальнѣйшихъ изысканій по объясненію нашего памятника. Надъ центральными фигурами находятся еще два медальона съ бюстами, представляющими лицъ изъ той же фамилии. Одинъ бюстъ имѣетъ надписаніе Ardabur, другой Plinta. Ардавуръ и

Рис. 31. Серебряное блюдо съ изображеніемъ Аспара и его семьи.

Планта также въ консульскихъ облаченіяхъ и съ императорскими изображеніями на жезлахъ, находящихся у каждого изъ нихъ въ лѣвой рукѣ. Такимъ образомъ здѣсь представлены четыре члена семьи, державшей въ своихъ рукахъ высшую власть въ Константинополѣ въ V в.

¹⁾ Odobesco, „Le tresor de Petrossa“, I, p. 160, 493 (Paris, 1900).

до катастрофы 471 года. Кругомъ блюда надпись, посвященная главному лицу: † Flavius Ardaburius Aspar vir inlustris comes et magister militum et consul ordinarius. Нельзя, конечно, не обратить вниманія на praenomen Flavius, которымъ украсили себя Аспары-Ардавуріи; это—царскій praenomen династїи, которая доставила имъ могущество и власть. Внизу, подъ главными фигурами, находятся нѣсколько предметовъ, въ которыхъ нужно видѣть или символы консульской власти—таковы три наконечника копья, или символы щедрыхъ даровъ, раздаваемыхъ консуломъ, или, наконецъ, эмблемы занятій.

Весьма важнымъ политическимъ событіемъ времени Льва I была морская экспедиція въ Африку, предпринятая совокупными силами обѣихъ половинъ имперіи. Вандалы, какъ и ближайшее къ нимъ племя готы, играли въ судьбахъ имперіи крупную роль, первые, впрочемъ, болѣе разрушительную, чѣмъ созидательную. Это именно наиболѣе даровитые и близко родственные между собой германскіе народы, принявшіе аріанство и принесенные въ жертву идеѣ религіознаго единства въ VI в. Вандалы погибли безслѣдно какъ народъ, память о нихъ хранится въ звучномъ словѣ вандализмъ, имѣющемъ всемірную извѣстность. Въ V вѣкѣ, увлекаемые теченіемъ, созданнымъ гуннскимъ движеніемъ, вандалы, въ союзѣ съ свевами и аланами, перешли изъ Галліи въ Испанію и, подѣливъ между собой эту цвѣтущую страну, вытѣснили изъ нея римское правительство. Вождь вандальскаго племени Астинговъ успѣлъ въ 418 г. соединить подъ своей властью аланъ и вандаловъ и образовалъ въ Испаніи германское королевство. Въ 427 г. вандалы были приглашены въ Африку возмутившимся противъ своего правительства римскимъ намѣстникомъ Бонифаціемъ. Вслѣдствіе этого произошло движеніе всего народа вандаловъ въ провинцію Африку и завоеваніе ея королемъ Гейзарихомъ (онъ же Гензерихъ). Правительница Западной имперіи, вдовая императрица Платидія и Валентиніанъ III должны были признать актъ завоеванія Африки, уступивъ эту провинцію вандаламъ по договору 435 года. Карфагенъ сталъ столицей германскаго королевства. Богатая по плодородію и по высокой культурѣ страна не измѣнила, однако, національнаго духа вандаловъ и не пріучила ихъ къ мирнымъ занятіямъ. Вандалы обратились къ морскимъ набѣгамъ на Сицилію и Италію и на острова и сдѣлались извѣстными морскими разбойниками. Въ 450 г., пользуясь смутными событіями въ

Римъ, Гейзарихъ захватилъ этотъ городъ и подвергъ его страшному разграбленію. Въ числѣ отмѣнной добычи была императрица Евдоксія, дочь Θεодосія II, бывшая за императоромъ Валентиніаномъ III, съ двумя дочерьми, Евдокіей и Плацидіей. Онѣ оставались у вандаловъ до 462 года, когда, наконецъ, были выпущены на свободу и препровождены въ Константинополь, за исключеніемъ принцессы Плацидіи, вышедшей замужъ за Гунериха, сына Гейзариха. Это было крайне тяжелымъ фактомъ, взволновавшимъ общественное мнѣніе на Западѣ и Востокѣ и въ особенности оскорбительнымъ для авторитета императорской семьи въ Константинополь. Вандалы не обнаруживали никакого желанія удовлетвориться сдѣланными завоеваніями и распространяли свои набѣги далѣе и далѣе, угрожая границамъ Восточной имперіи. Африка, бывшая житницей для имперіи, была теперь отрѣзана отъ Рима и Константинополя и угрожала страшными морскими разбойниками прибрежнымъ областямъ Средиземнаго моря.

Легкій успѣхъ, съ какимъ вандалы утвердились въ Африкѣ, странѣ весьма густо населенной и хорошо организованной въ административномъ отношеніи, объясняется, главнымъ образомъ, религіозными смутами и суровыми законами противъ еретиковъ. Донатисты, часть аріанъ и другіе несогласные съ господствующимъ вѣроученіемъ видѣли въ германскихъ завоевателяхъ аріанскаго исповѣданія освободителей отъ религіозной нетерпимости и оказывали имъ всяческое содѣйствіе въ надеждѣ подъ господствомъ вандаловъ свести счеты съ православными.

Между тѣмъ царь Левъ I не могъ оставаться равнодушнымъ къ потерѣ Африки и къ систематическимъ притѣсненіямъ Гейзарихомъ православнаго населенія и православной церкви. Хотя онъ имѣлъ миръ съ вандалами, и его владѣнія были пощажены отъ корсаровъ, но тѣмъ печальнѣй было положеніе Италіи и Сициліи. Рицимеръ, который два года распоряжался судьбами Западной имперіи, ограниченной, впрочемъ, одной только Италіей, не назначая императора послѣ Л. Севера, нашелся, наконецъ, вынужденнымъ обратиться къ авторитету императора въ Константинополь и просить его дать Западу императора. Выборъ Льва палъ въ 467 г. на патрикія Аннемія, котораго приближали къ царской семьѣ какъ личныя заслуги, такъ и то обстоятельство, что онъ былъ женатъ на дочери Маркіана, Евфиміи. Со времени воцаренія Аннемія восточный и западный импе-

раторы стали готовить планъ общаго похода въ Африку съ цѣлью ослабленія Гейзариха. Все, повидимому, обѣщало благопріятный исходъ широко задуманному предпріятію. Изъ полунезависимой Далмаціи вышелъ флотъ подъ командой Марцеллина; освободивъ отъ вандаловъ Сардинію, онъ успѣлъ соединиться съ главными силами у береговъ Африки. Сухопутныя войска набраны были въ Египтѣ и шли подъ предводительствомъ Ираклія къ Триполи, гдѣ одержали надъ вандалами побѣду и направились къ столицѣ вандальской, Кареагену. Такимъ образомъ, и морской и сухопутный отряды успѣшно начали дѣло и должны были затѣмъ продолжать войну въ согласіи съ главными силами, двинутыми царемъ Львомъ. Къ сожалѣнію, въ Константинополѣ оказался недостатокъ въ организаціи и особенно въ достойномъ исполнителѣ широкаго плана. Что касается матеріальныхъ средствъ, они были собраны въ громадномъ количествѣ. Можно изумляться богатству источника, изъ котораго правительство могло черпать такія большія средства. Правда, затронуты были и частныя средства императорской казны, и тѣ сбереженія, которыя оказались въ казначействѣ, но, во всякомъ случаѣ, византійское правительство въ состояніи было собрать на морскую экспедицію противъ вандаловъ громадную сумму до 40 милліоновъ рублей золотомъ. Изготовленъ былъ громадный флотъ изъ тысячи слишкомъ большихъ судовъ, на которыя посажено было войско и распределены военные запасы и продовольствіе. Нужно догадываться, что пользовавшійся еще въ это время всѣмъ авторитетомъ Аспаръ-Ардавурий оказалъ на подготовляемое предпріятіе вредное вліяніе. Говорили, что онъ втайнѣ придерживался партіи Гейзариха, къ которому его влекли и германское происхожденіе, и аріанское исповѣданіе, и что онъ былъ противъ подготовляемой экспедиціи. Когда зашла рѣчь о назначеніи главнокомандующаго, будто бы онъ указалъ на Василиска, брата царицы Вирины, т.-е. шурина царя. Этотъ молодой человекъ, ничѣмъ себя не заявившій, гордый своимъ родствомъ и связями, оказался злымъ геніемъ Византіи. Василискъ сталъ во главѣ громаднаго флота и благополучно дошелъ до Африки, остановившись въ 4 верстахъ отъ Кареагена и начавъ переговоры съ Гейзарихомъ. Послѣдній, очутившись въ отчаянномъ положеніи, притворился готовымъ на всѣ требованія византійскаго главнокомандующаго и попросилъ лишь 5 дней перемирія, чтобы затѣмъ начать переговоры. Не извѣстно, былъ ли

Василискъ подкупленъ, или исполнялъ совѣтъ Аспара, такъ или иначе, онъ согласился на пятидневное перемиріе и тѣмъ испортилъ свое положеніе. Гейзарихъ воспользовался измѣнившимся вѣтромъ, подогналъ къ византійскимъ судамъ нѣсколько своихъ лодокъ, наполненныхъ горючими веществами, и произвелъ пожаръ въ громадномъ флотѣ, стоявшемъ близко къ берегу. Трудно сказать, сколько кораблей погибло и сколько уцѣлѣло, но окончательный результатъ былъ непоправимъ: флотъ погибъ, и все предпріятіе рухнуло. Началось безпорядочное бѣгство, спасались, кто могъ, на оставшихся судахъ. Въ Константинополь не могли не почувствовать всю тяжесть потери, съ гибелью флота пропала надежда обезпечить приморскія области отъ морскихъ пиратовъ, нужно было окончательно и надолго отказаться отъ прекрасной густо населенной и плодородной провинціи, которая доставляла имперіи запасы хлѣба. Прямой виновникъ постигшей имперію катастрофы, Василискъ, возвратившись въ Константинополь, искалъ спасенія въ церкви св. Софіи, откуда вышелъ только тогда, когда императрица испросила ему у Льва прощеніе ¹⁾).

¹⁾ Специальная монографія Mortroye, „Genséric. La conquête vandale en Afrique“. Paris, 1907; Diehl, „L'Afrique Byzantine“, Paris, 1896.

глава X.

ХРИСТИАНСКАЯ КУЛЬТУРА И ЭЛЛИНИЗМЪ. КОН- СТАНТИНОПОЛЬСКИЙ ПАТРИАРХАТЪ. МОНАШЕСТВО. МѢСТНЫЯ СВЯТЫНИ.

Подходя къ той эпохѣ, когда основныя теченія византизма начинаютъ себя проявлять въ практической жизни, и когда Константинополь, какъ столица имперіи, выступаетъ съ притязаніями преобладанія и съ стремленіемъ къ міровой политикѣ, историкъ Византіи долженъ остановиться на выясненіи подразумеваемыхъ здѣсь теченій и дать имъ надлежащую оцѣнку. Это тѣмъ болѣе представляется умѣстнымъ, что здѣсь въ теченіе вѣковъ накопилось не мало предвзятыхъ теорій и одностороннихъ, на вѣру принятыхъ положеній, съ которыми слѣдуетъ бороться. И прежде всего пора отрѣшиться отъ глубоко укоренившейся въ сознаніи большинства мысли, что христіанская культура, имѣвшая въ Византійской имперіи для себя защиту и благопріятныя условія для своего развитія, столько обязана эллинизму, что однимъ понятіемъ чуть ли не покрывается другое. Намъ всегда казалось, что эллинофильскія тенденціи въ исторіи христіанства и въ изложеніи исторіи Византіи принесли не мало вреда, наложивъ густое покрывало на разнообразныя факторы, постепенно создававшіе византизмъ. Чтобы ввести читателя въ существо предмета, остановимся на нѣкоторыхъ взглядахъ, высказываемыхъ наиболѣе крупнымъ выразителемъ этого односторонняго направленія, греческимъ историкомъ Папарригопуло ¹⁾. Такъ, между прочимъ, онъ утверждаетъ, что димократическое устройство Греціи создало рамки для подобной же организаціи въ церкви. Нечего и говорить, что эта

¹⁾ Папарρηγοπουλου, „Ιστορία του Ἑλληνικοῦ ἔθνους“, II. 483, 484.

мысль неправильная, ибо христіанская церковь строится на основахъ римскаго права: извѣстно, что формы римскаго административнаго устройства дали основанія для административнаго церковнаго устройства. Безъ римскаго права было бы трудно объяснить какъ соборное начало, такъ и епископскую и митрополичью власть. Точно также на ложныхъ основахъ построено утверждение ¹⁾, будто бы эллинскій элементъ составлялъ главенствующее этнографическое начало въ имперіи, и будто бы всѣ императоры, предпринимавшіе какое-либо преобразование или желавшіе дать своей волѣ наибольшее распространение, употребляли для этого греческій языкъ, считая его болѣе важнымъ и распространеннымъ, чѣмъ римскій. Опроверженіемъ этого наивнаго мнѣнія можетъ служить хотя бы и то, что всѣ законодательные памятники ранняго періода византійской исторіи написаны на латинскомъ языкѣ, а самый смѣлый между императорами-реформаторами Юліанъ потому, можетъ-быть, и достигъ весьма незначительнаго успѣха, что думалъ опереться исключительно на эллинизмъ и не пользовался латинскимъ языкомъ для популяризаціи своихъ идей и для законовъ противъ христіанской церкви.

Съ точки зрѣнія Папарригопуло, новые этнографическіе элементы, постепенно входившіе въ имперію для заполнения образовавшейся въ ней убыли населенія и для несенія военной службы, приносили лишь вредъ эллинизму, „извращая основные элементы эллинской культуры ²⁾. Хуже всего — продолжаетъ онъ — было то, что вмѣшательство иноплеменниковъ во всѣ политическія и соціальныя отношенія Востока было одной изъ главнѣйшихъ причинъ, которыя способствовали постепенному измѣненію христіанскаго эллинизма. Подразумѣваемая измѣненія хотя и не воспрепятствовали ему совершить многое и великое, но и привнесли въ него нѣкоторыя несимпатичныя качества“... Неправильность высказанной здѣсь мысли видна изъ того, что иммиграція въ имперію новыхъ народовъ (разумѣются германцы и славяне) началась тогда, когда имперія оказалась не въ состояніи защищать своихъ предѣловъ, и когда наиболѣе умные императоры сочли нужнымъ колонизовать новыми народами лишенные населенія провинціи. И, несмотря на роковой для Папарригопуло вопросъ о чуждыхъ эллинизму этнографическихъ элементахъ, навод-

1) Ibid. II. 579.

2) Ibid. II. 607.

нившихъ имперію и проникшихъ всюду въ столицу и въ провинціи, въ сенатъ и въ войско, въ среду земледѣльцевъ и въ аристократію, эллинистующій историкъ все же претендуетъ отбросить въ исторіи Византіи терминъ „ромэи“ и держаться „эллинизма“¹⁾. По его мнѣнію, ромэйская имперія оканчивается со смертью Льва I въ 474 г.; съ конца же V вѣка начинается борьба эллинизма съ чуждыми элементами, причемъ полная эллинизация имперіи совершается лишь въ IX вѣкѣ.— Ошибка здѣсь заключается въ томъ, что съ конца V вѣка слѣдуетъ изучать не эллинизацию имперіи, а выработку началъ византизма и образованіе Византійской имперіи.

Въ особенности необходимо бороться съ тѣми идеями, которыя выражены у Папарригопуло въ предисловіи къ III тому его исторіи, и которыя составляютъ существо господствующихъ между эллинофильствующими направленьями воззрѣній на христіанство. Въ этомъ предисловіи авторъ говоритъ о классическомъ эллинизмѣ и Константиновой монархіи на Босфорѣ. Чтобы дать идею того, какія притязанія заявляетъ нынѣшній эллинизмъ, приведемъ нѣсколько строкъ изъ этого предисловія. „Христіанская церковь, основанная въ Азіи восточнымъ эллинизмомъ, нуждалась въ защитѣ отъ многихъ опасностей, внутреннихъ и внѣшнихъ; съ этой цѣлью великій Константинъ и окружилъ ее своей императорской порфирой, и въ этомъ заключалась первая и величайшая историческая задача, исполненная средневѣковымъ эллинизмомъ. Если бы ереси не были низвержены, христіанская вѣра разложилась бы на свои составные элементы, и не извѣстно, что бы произошло. Вѣрно, однако, то, что лучшія страницы исторіи челоуѣчества среднихъ и новыхъ вѣковъ сосредоточиваются на религіозномъ и нравственномъ догматѣ, котораго глашатаемъ, законодателемъ и служителемъ былъ средневѣковой эллинизмъ. Догматъ же этотъ не восторжествовалъ бы, если бы онъ не имѣлъ защиты противъ разрушительнаго вліянія философскаго духа, а эта защита могла быть осуществлена лишь вселенскими соборами; послѣдніе же могли состояться и получить обязательную силу лишь подъ защитой Константинопольской монархіи“²⁾. Вся эта страница представляетъ большую ересь и крупное заблужденіе, близкое къ кощунству. Какъ-будто не Христось и апостолы основали церковь

1) Ibid. II. 703.

2) Предисловіе къ III т. сел. д.

на Востокъ, а земляки и сородичи аѳинскаго профессора!—Какъ-будто эллинизмъ былъ облеченъ спеціальной миссіей и имѣлъ привилегію бороться съ еретическими воззрѣніями, и какъ-будто самыя опасныя для христіанства ереси зарождались не въ средѣ того же столь восхваляемаго эллинизма! Словомъ, въ оцѣнку христіанскаго элемента въ имперіи и въ выясненіе роли эллинизма привнесено много пристрастнаго и фальшиваго со стороны того направленія, которое идетъ отъ эллиновъ или пропитано эллинофильской тенденціей.

Нуждалась ли христіанская церковь въ той опеку, которая сдѣлала ее такой неразрывной и часто невольной союзницей имперіи, принужденной покрывать своимъ авторитетомъ притязанія и ошибки свѣтскаго правительства, объ этомъ можно думать совершенно иначе, и многія вредныя для церкви явленія, появившіяся вслѣдствіе этого союза, обнаружались въ первые же вѣка Византійской имперіи. Что касается появленія ересей и вліянія свѣтскаго авторитета на образованіе церковнаго единства, въ этомъ отношеніи едва ли, напротивъ, не слѣдуетъ пожалѣть о тѣхъ жертвахъ, которыя были принесены для достиженія этого мнимаго единства, которымъ въ сущности куплено весьма мало, и ради котораго отторгнуты отъ имперіи, а частью и совершенно уничтожены цѣлыя народности и многія вѣроученія, несогласныя съ господствующимъ.

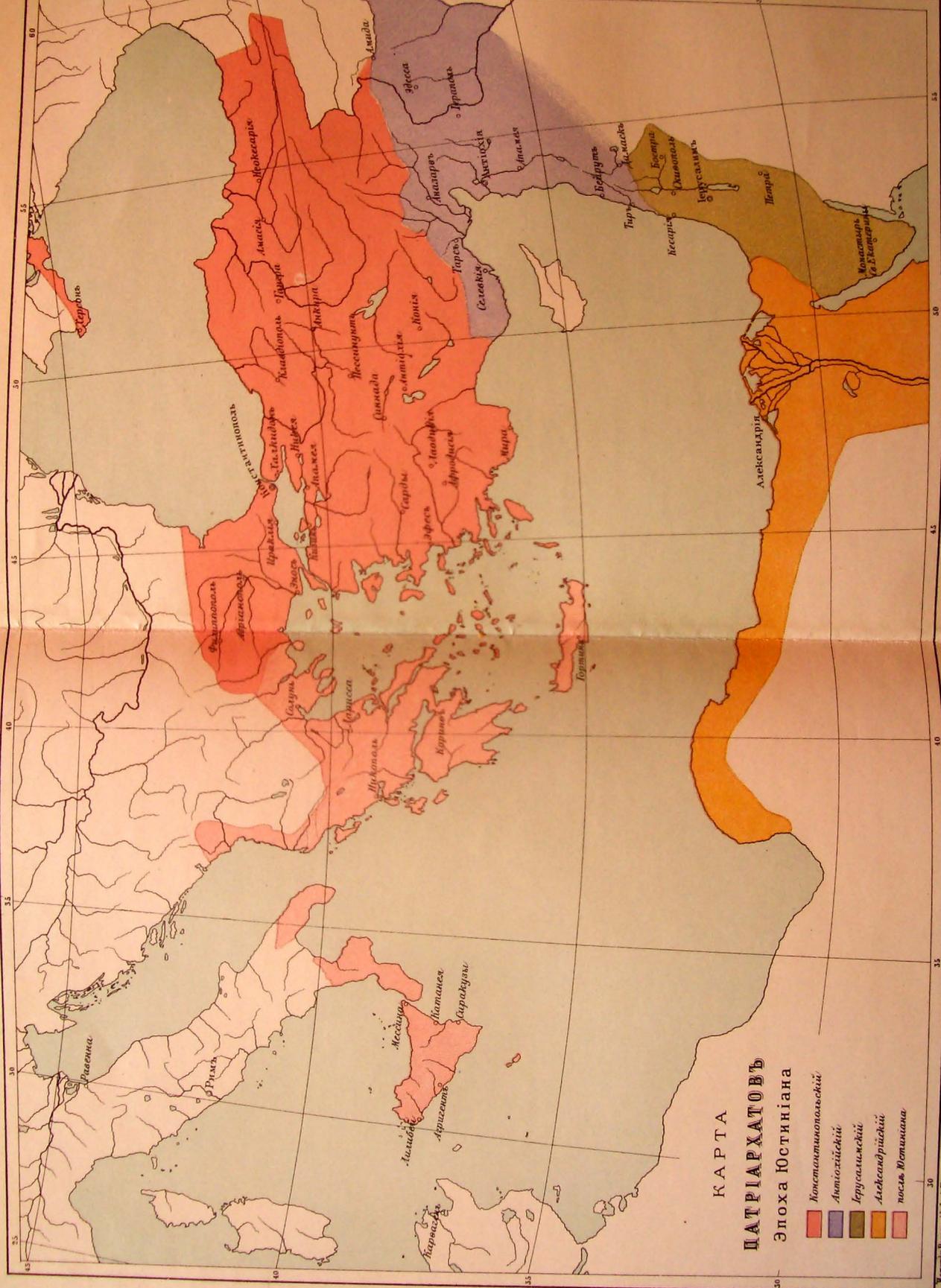
На почвѣ національнаго увлеченія создались въ греческой литературѣ ложныя представленія о роли греческаго элемента въ средне-вѣковой исторіи, получившія отраженіе и въ практикѣ константинопольскаго патріархата, который въ пренебреженіе къ высокой роли усвоеннаго имъ себѣ званія „вселенскій“ обратился въ орудіе жалкихъ счетовъ и политической борьбы. Когда вслѣдствіе постановленій Халкидонскаго собора константинопольскій епископъ возвысился надъ всѣми епископами имперіи и восточной церкви, этимъ создавалось для него совершенно опредѣленное положеніе принять на себя осуществленіе политическихъ задачъ римской имперіи, содѣйствовать образованію политическаго единства и выступить подъ эгидой имперіи на пути широкихъ мірскихъ притязаній.

Намъ предстоитъ въ настоящее время оцѣнить тѣ средства, которыя даны были церкви свѣтской властью, и выяснить, какими обладала она органами для воздѣйствія на религіозныя убѣжденія обще-

ства. Халкидонскія постановленія, несмотря на доставленную ими громадную побѣду константинопольскому епископу, съ общеисторической точки зрѣнія должны быть признаны большимъ бѣдствіемъ. Видимые и непосредственные результаты дѣяній этого собора, направленные къ ослабленію александрійскаго епископа, куплены были слишкомъ дорогою цѣной, подготовивъ нравственный и церковный разрывъ въ нѣдрахъ имперіи. Здѣсь съ особенной силой сказалась опасность эллинистическаго направленія въ церковной политикѣ, ибо противъ халкидонскихъ постановленій выступили народные элементы—сирійскій и египетскій,—при чемъ свѣтское правительство, чтобы поддержать притязанія константинопольскаго епископа, должно было пожертвовать своимъ политическимъ положеніемъ на Востокѣ¹⁾. Со второй половины V вѣка въ имперіи наблюдается продолжительный періодъ внутреннихъ смуть, вызванныхъ примѣненіемъ въ дѣйствительной жизни постановленій Халкидонскаго собора. Образовались двѣ политическія и религіозныя партіи, которыя произвели расколъ въ государствѣ и церкви, сопровождавшійся неисчислимыми пагубными послѣдствіями. Прежде, чѣмъ вводить читателя въ исторію религіозной смуты, мы находимъ умѣстнымъ обрисовать здѣсь хотя въ краткихъ чертахъ общественную среду, изъ которой набирались дѣятельные элементы борьбы.

Для характеристики эпохи въ смыслѣ религіозной нетерпимости и по отношенію къ притязательности, какую обнаруживали стоящіе во главѣ церковной политики люди, едва ли найдется болѣе выразительная черта, какъ та, которая отмѣчена у Несторія, только-что избраннаго въ епископы Константинополя. Въ 428 г., 10 апрѣля, въ пылу религіознаго увлеченія онъ говорилъ императору Θεодосію II: „дай мнѣ землю, очищенную отъ еретиковъ, а я дамъ тебѣ за это небо; помоги мнѣ истребить еретиковъ, а я помогу тебѣ истребить персовъ“!—Эта нелѣпая претензія располагать всемогуществомъ Божиимъ для достиженія безчеловѣчныхъ цѣлей могла зародиться и найти себѣ поддержку въ той средѣ, которая въ настоящее время привлекаетъ къ себѣ наше вниманіе, и которую мы желаемъ понять и объяснить. Какъ далеко христіанская церковь, по достиженіи господства, отступила отъ принциповъ вѣротерпимости, провозглашенныхъ первыми

¹⁾ Krumbacher, „Geschichte der byzantin. Literatur“, S. 919.

КАРТА
ПАТРИАРХАТОВЪ
 Эпоха Юстиніана

- Константинопольскій
- Антиохійскій
- Иерусалимскій
- Александрійскій
- восточная

апологетами! Торжествующая церковь забыла торжественно провозглашенный принципъ „non est religionis cogere religionem“ (Тертуллианъ) и потребовала отъ свѣтской власти насильственныхъ мѣръ противъ инако мыслящихъ. Ранѣе примѣнялся къ язычникамъ принципъ возмездія—взявшіе мечъ мечемъ погибнуть; нынѣ христіанская свѣтская власть подѣ влияніемъ ложно направленной религіозной политики поднимаетъ мечъ противъ инако мыслящихъ въ дѣлѣ вѣроученія и жестоко преслѣдуетъ ихъ.

Прежде всего на путь религіозной нетерпимости и преслѣдованія увлечено было свѣтское правительство, которое издаетъ рядъ законовъ противъ инако мыслящихъ. Теперь идетъ рѣчь не объ языческихъ храмахъ и не о жертвоприношеніяхъ, а о недозволенныхъ христіанскихъ общинахъ, иначе говоря—объ еретикахъ, которые лишаются покровительства закона, и которымъ запрещается собираться на общественную молитву. Въ первый разъ эта мысль проведена въ законодательствѣ въ 380 году. „Всѣ народы—говоритъ законъ—обязаны держаться той вѣры, которую апостоль Петръ проповѣдывалъ римлянамъ, и которой слѣдуютъ епископъ Дамась и Петръ, епископъ александрійскій. Только тѣ, кто исповѣдуетъ такое ученіе, могутъ именоваться христіанами каѳолическими; прочіе же почитаются еретиками, а ихъ собранія не носятъ имени церквей“¹⁾.—Такъ какъ никейскій символъ принятъ показателемъ принадлежности къ христіанской церкви, то лишь послѣдователямъ этого символа усвоится наименованіе истиннаго члена каѳолической вѣры. „Ядовитое же аріанское ученіе“ да не оскверняетъ болѣе уши, недозволеннымъ собраніямъ еретиковъ нѣтъ мѣста въ городскихъ стѣнахъ, и всѣ церкви передаются православнымъ епископамъ, придерживающимся никейскаго символа.

Суровые законы противъ еретиковъ, изданные въ концѣ IV вѣка, увѣнчаны закономъ Θεодосія и Валентиніана отъ 428 года. Этотъ знаменитый законъ заключается въ слѣдующемъ²⁾. „Не разумію еретиковъ должны быть поставлены ограниченія. Прежде всего они должны возвратить католической церкви всѣ отнятые у православныхъ и находящіяся въ ихъ владѣніи храмы, ибо

1) Mommsen et Meyer, „Theodosiani Libri XVI. Cum constitutionibus Sirmondianis“. Berolini, 1905. 1—2, 5—6.

2) Cod. Theod. XVI (p. 878—9).

нельзя допустить, чтобы тѣ, которымъ запрещено имѣть свои церкви, дерзали удерживать въ своѣй власти православными построенные и насиліемъ у нихъ захваченные храмы. Если кто изъ еретиковъ будетъ изобличенъ въ принятіи къ себѣ клирика или пресвитера, то подвергается пени въ 10 фунтовъ золота. Аріанамъ, приверженцамъ Македонія и Аполлинарія, воспрещается имѣть въ городахъ свои церкви, другимъ еретикамъ воспрещается дѣлать собранія для общественной молитвы, а манихеи лишаются права жить въ городахъ. Еретики исключаются изъ военной службы, за исключеніемъ службы въ провинціальныхъ когортахъ и въ гарнизонахъ. Точно также они лишаются права дѣлать дарственные записи на свое имущество, составлять завѣщанія и вообще дѣлать какія-либо распоряженія передъ смертью остающимся послѣ нихъ имѣніемъ. Воспрещается еретикамъ совращать въ свое ученіе тѣхъ, кто исповѣдуетъ христіанскую вѣру“.

Слишкомъ тѣсная связь, установившаяся между государствомъ и церковью со времени объявленія христіанства господствующей въ имперіи религіей, вызвала въ дальнѣйшемъ развитіи церковной жизни особыя явленія и сопровождалась такими умонастроеніями, которыя коренятся въ мірскихъ условіяхъ жизни. Чтобы хотя нѣсколько выяснить нашу мысль, остановимся здѣсь на организаціи высшей церковной власти въ церкви и на постепенномъ возвышеніи власти епископа города Константинополя ¹⁾. Въ этомъ отношеніи можетъ считаться прочно установленнымъ то, что исторія церковнаго устройства развивается соотвѣтственно съ политическимъ стремемъ и административнымъ дѣленіемъ имперіи. Извѣстно, что со времени Діоклитіана и Константина имперія раздѣлена была на четыре префектуры: Востокъ, Иллирикъ, Италія, Галлія (Oriens, Illyricum, Italia, Gallia), при чемъ каждая префектура распадалась на діоцезы, а послѣдніе на провинціи или епархіи. Такимъ образомъ, префектура преторіи Востока, находившаяся подъ управленіемъ префекта Востока, заключала въ себѣ діоцезы: Востокъ, Азію, Понтъ и Фракію съ главными городами: Антиохіей, Ефесомъ, Кесаріей каппадокійской и Иракліей. Не говоря объ исключительномъ положеніи Рима, гдѣ выросла власть римскаго епископа гораздо раньше,

¹⁾ Гидуляновъ, „Митрополиты въ первые три вѣка христіанства“, Москва, 1905, стр. 200 и сл.; его же, „Восточные патріархи въ періодъ четырехъ первыхъ вселенскихъ соборовъ“, стр. 360 и сл.

чѣмъ въ другихъ главныхъ городахъ имперіи, образование митрополичьей власти въ городахъ Востока шло обычнымъ порядкомъ въ соотвѣтствіи съ гражданскимъ ростомъ города. Такъ какъ въ административномъ отношеніи наблюдаются колебаніе и перемѣщеніе центра съ одного пункта на другой, то и въ церковномъ смыслѣ не сразу обозначалось преобладаніе одного города надъ другимъ, и нѣкоторыя изъ патріаршихъ кафедръ, напр.: антиохійская, іерусалимская и константинопольская, въ болѣе ранній періодъ находились подъ церковной властью ближайшихъ или сосѣднихъ съ ними епископскихъ городовъ.

Прежде всего на Востокѣ вырастаетъ и, постепенно распространяя свою власть на другіе города, дѣлается первымъ авторитетомъ въ церковномъ отношеніи александрійскій епископъ. Независимо отъ своего важнаго административнаго и торговаго значенія, Александрія рано сдѣлалась первымъ городомъ на Востокѣ по важности и силѣ основанной здѣсь, по преданію, евангелистомъ Маркомъ христіанской общины и по нравственному авторитету многихъ изъ епископовъ Александріи. Въ глазахъ всей христіанской церкви Александрія возвышалась и своей богословской школой, и научнымъ авторитетомъ многихъ представителей александрійскаго клира. Александрійскій епископъ къ началу IV вѣка уже распространилъ свою духовную власть надъ всѣми епископами Египта, такъ что Никейскій соборъ знаменитымъ 6-мъ правиломъ далеко не создавалъ новаго принципа въ церковномъ управленіи, а лишь призналъ и утвердилъ своимъ авторитетомъ постепенно создавшееся въ Египтѣ положеніе вещей. „Да хранятся—говорится въ этомъ правилѣ—древніе обычаи, существующіе въ Египтѣ, Ливіи и Пентаполѣ, согласно которымъ александрійскій епископъ имѣетъ (митрополичью) власть надъ всѣми провинціями этихъ странъ, какъ и римскому епископу сіе обычно. Подобнымъ образомъ да хранятся преимущества церковей въ Антиохіи и въ другихъ провинціяхъ“.

Изъ исторіи образованія высшихъ церковно-административныхъ центровъ съ несомнѣнной точностью устанавливается, что въ выраженіяхъ указаннаго правила относительно власти и преимуществъ слѣдуетъ видѣть митрополичью власть или власть нѣкоторыхъ епископовъ по отношенію къ другимъ епископамъ. Подразумѣваемая власть, къ которой стремились епископы наиболѣе важныхъ горо-

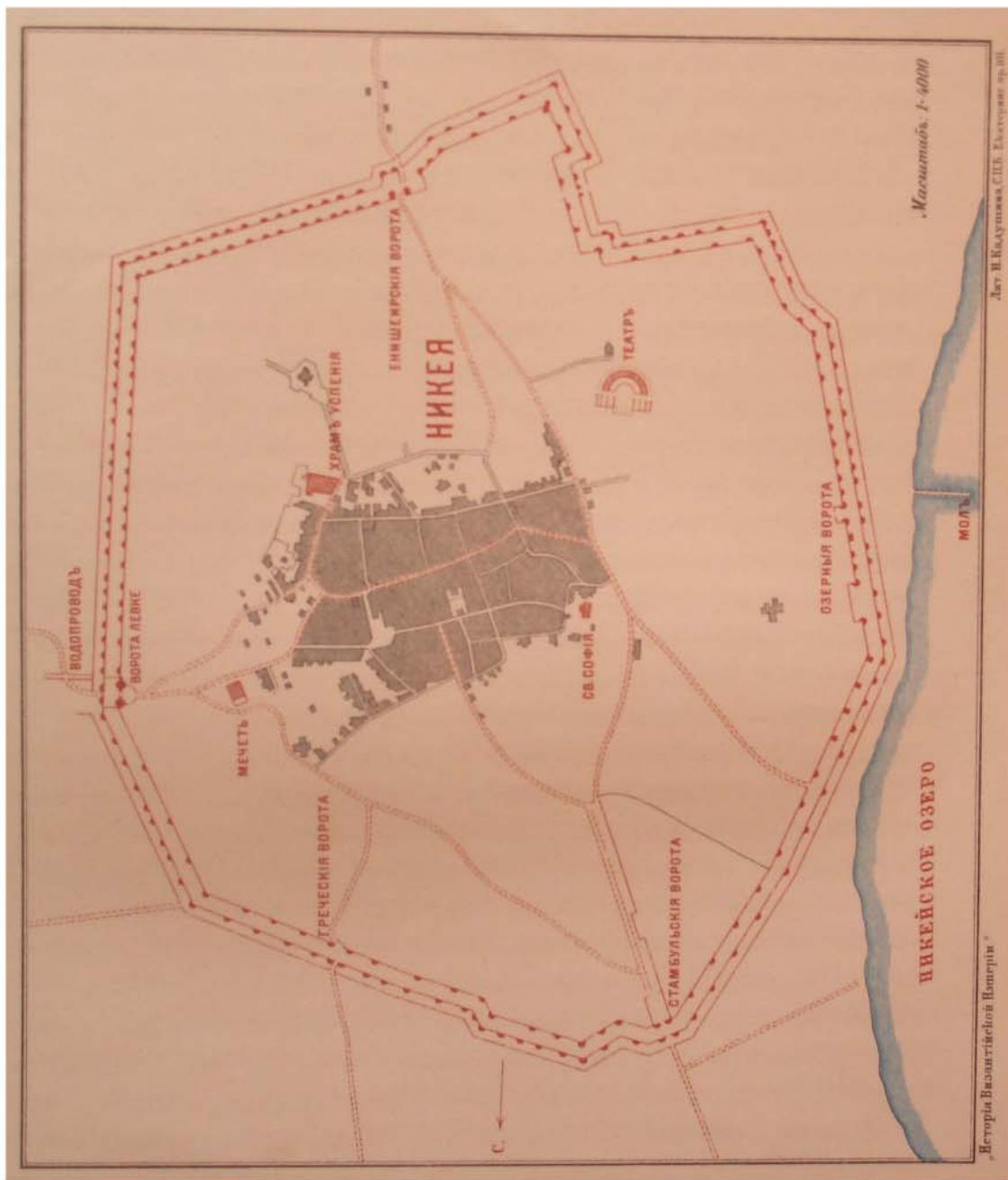
довъ, кратко говоря, заключалась: 1) въ правѣ созывать провинціальныхъ епископовъ на соборъ и предсѣдательствовать на соборѣ; 2) въ правѣ посвящать и рукополагать епископовъ и отрѣшати ихъ отъ должности и, наконецъ, 3) въ правѣ высшаго надзора и суда надъ епископами всей провинціи. Вотъ тѣ права, которыя утверждены за александрійскимъ епископомъ б правиломъ Никейскаго собора. Епископъ, имѣющій подобныя права по отношенію къ сосѣднимъ епископскимъ каеэдрамъ, получаетъ отличительное наименованіе митрополита. Митрополичьими правами пользуются въ теченіе IV и V вв. многіе епископы; поэтому между самими митрополитами обнаруживаются соревнованіе и борьба изъ-за власти или „изъ-за любоначалія и честолюбія“, по выраженію Василія Великаго ¹⁾; на почвѣ этого движенія происходятъ собраніе самихъ митрополій и постепенное ихъ подчиненіе нѣкоторымъ исключительно возвысившимся митрополитамъ. Такъ, кромѣ Александріи на Востокѣ постепенно пріобрѣтаютъ первостепенное значеніе епископы городовъ или митрополиты Антіохіи, Іерусалима и Константинополя, которые въ отличіе отъ подчиненныхъ имъ митрополитовъ въ послѣдствіи получаютъ наименованіе патріарховъ.

Процессъ происхожденія восточныхъ патріархатовъ представляетъ весьма любопытную страничку церковной исторіи. Официально укрѣпляется титулъ патріарха за митрополитами Константинополя, Александріи, Антіохіи и Іерусалима въ концѣ VII в. ²⁾; до указаннаго же времени происходила ожесточенная борьба изъ-за преобладанія между главнѣйшими городами и каеэдрами. Вторая половина IV в. была временемъ самой горячей борьбы честолюбія ³⁾. Каждый сколько-нибудь выдающійся митрополитъ старался занять на Востокѣ такое положеніе, какое принадлежало на Западѣ римскому епископу. Подобно тому, какъ въ первой половинѣ IV в. шла борьба изъ-за подчиненія отдѣльныхъ епископовъ власти митрополита, такъ нынѣ составлялись изъ-за подчиненія простые митрополиты и епископы съ высшими митрополитами. Отсюда выступленіе на сцену церковной исторіи рядомъ съ епископами Рима, Александріи и Антіохіи также іерарховъ Кесаріи каппадокійской, Ефеса, Анкиры, Иконіи, Константино-

1) Письмо 92 (русск. пер. VI, 198—9).

2) Письмо Юстиніана II къ папѣ Іоанну, отъ 687 г. ар. Mansi XI, ccl. 737.

3) Ги дулян овъ, „Вост. патріархи“, 481.

поля, Солуни и др. Былъ моментъ, когда александрійскій епископъ Петръ, воспользовавшись наслѣдствомъ Аѳанасія Великаго, стоялъ во главѣ всей восточной церкви, занималъ здѣсь такое мѣсто, какое принадлежало римскому епископу въ западной церкви. Властвуя неограниченно въ Египтѣ, онъ простеръ свою власть до Константинополя. Съ цѣлью ограниченія подобныхъ попытокъ, угрожавшихъ весьма серьезными послѣдствіями, возникаютъ соборныя постановленія, регулирующія права митрополитовъ. Таково 2-е правило II Вселенскаго собора въ Константинополь въ 381 году ¹⁾, касающееся главныхъ митрополичьихъ кафедръ и имѣющее значеніе первостепеннаго документа въ вопросѣ о происхожденіи высшихъ митрополій или патриархатовъ. Оно заключается въ слѣдующемъ: „Областные епископы не должны простирать своей власти на другія церкви внѣ своихъ областей и (не) смѣшивать церквей, но по правиламъ александрійскій епископъ долженъ управлять церковными дѣлами только въ Египтѣ, а епископы Востока начальствовать только въ восточной церкви, съ сохраненіемъ преимуществъ церкви антиохійской, утвержденныхъ никейскими правилами; также епископы азійской области да управляютъ церковью только въ Азіи, понтійскіе только въ понтійской области, а еракійскіе только во Еракіи“.

На Константинопольскомъ соборѣ впервые также выступаютъ притязанія константинопольскаго епископа. Третьимъ правиломъ II вселенскаго собора признаны были за константинопольской кафедрой обширныя права, о какихъ она и мечтать не могла до перенесенія столицы имперіи въ Константинополь. „Константинопольскій епископъ—говоритъ правило 3-е—да имѣетъ преимущество чести послѣ римскаго епископа, такъ какъ Константинополь есть новый Римъ“.—Громадное преимущество, оказанное Константинополю приведеннымъ правиломъ, хотя не является въ исторіи Константинополя совершенно неожиданнымъ, нуждается, тѣмъ не менѣе, въ предварительныхъ объясненіяхъ. Собственно говоря, въ теченіе IV вѣка остается твердо установленнымъ авторитетъ лишь александрійскаго епископа, которому принадлежало первое мѣсто вслѣдъ за римскимъ. Вторымъ по значенію митрополичьимъ городомъ была Антиохія, высшее положеніе которой хотя утверждено уже Никейскимъ соборомъ и подтверждено констан-

1) „Дѣянія вселенскихъ соборовъ“, изд. Казанской Духовнѣй Акад. I, 265.

тинопольскимъ, возбуждало, однако, нѣкоторыя сомнѣнія и подвергалось колебаніямъ какъ въ самой Сиріи и Палестинѣ, такъ и въ провинціи Азіи. Уже въ III в. епископъ Антіохіи стоялъ во главѣ обширной церковной области и имѣлъ подъ собой рядъ подчиненныхъ епископовъ, которымъ дѣлалъ рукоположеніе, созывалъ на соборы и надъ которыми имѣлъ высшую власть. Съ теченіемъ времени, въ IV и V в. митрополитамъ Антіохіи подчиняются епархіи Сирія, Киликія, Евфратская и Осроэна, Исаврія, Финикія и Аравія. Антіохійскій митрополитъ имѣлъ притязанія распространить свою духовную власть на Палестину, Понтъ и Азію, и въ этомъ отношеніи достигалъ иногда значительныхъ успѣховъ, пока не встрѣтилъ соперничества, съ одной стороны, въ постепенно выраставшемъ въ глазахъ христіанскаго міра значеніи Іерусалима, съ другой—въ возвышавшемся положеніи константинопольскаго епископа. Въ связи съ значеніемъ Палестины и Іерусалима, іерусалимскому епископу къ началу V в. придано положеніе апостольской кафедры въ слѣдъ за Римомъ, Александріей и Антіохіей; что же касается константинопольской кафедры, то на возвышеніе ея среди другихъ епископій вліяли различныя обстоятельства, которыя считаемъ необходимымъ здѣсь вкратцѣ указать.

Возвышеніе Константинополя является наиболѣе для насъ любопытнымъ фактомъ. Ростъ Константинополя долженъ быть изучаемъ съ двоякой точки зрѣнія: со стороны постепеннаго процесса выдѣленія Константинополя изъ другихъ городовъ восточной префектуры и со стороны попытки завоеванія всемірнаго значенія, каковая вызвала соперничество въ политическомъ и церковномъ могуществѣ Рима. Въ 6-омъ правилѣ никейскомъ мы видѣли упоминаніе о другихъ епископахъ, обладающихъ такими же привилегіями, какъ alexandрійскій и антіохійскій епископы, т.-е. о такихъ епископіяхъ, которыя стремились сравняться по церковно-административнымъ правамъ съ Александріей и Антіохіей. Здѣсь, конечно, разумѣлись епископы трехъ главныхъ городовъ Азіи: Ефесъ, Кесарія и Ираклія, которые прямо уже названы въ 3 правилѣ II вселенскаго собора въ 381 году какъ епископы діоцезовъ Азія, Понтъ и Фракія. Но на томъ же самомъ соборѣ въ первый разъ упомянуть новый церковно-административный центръ въ Константинополѣ: константинопольскій епископъ да имѣетъ право чести по римскомъ епископѣ, потому что градъ оный есть новый Римъ.

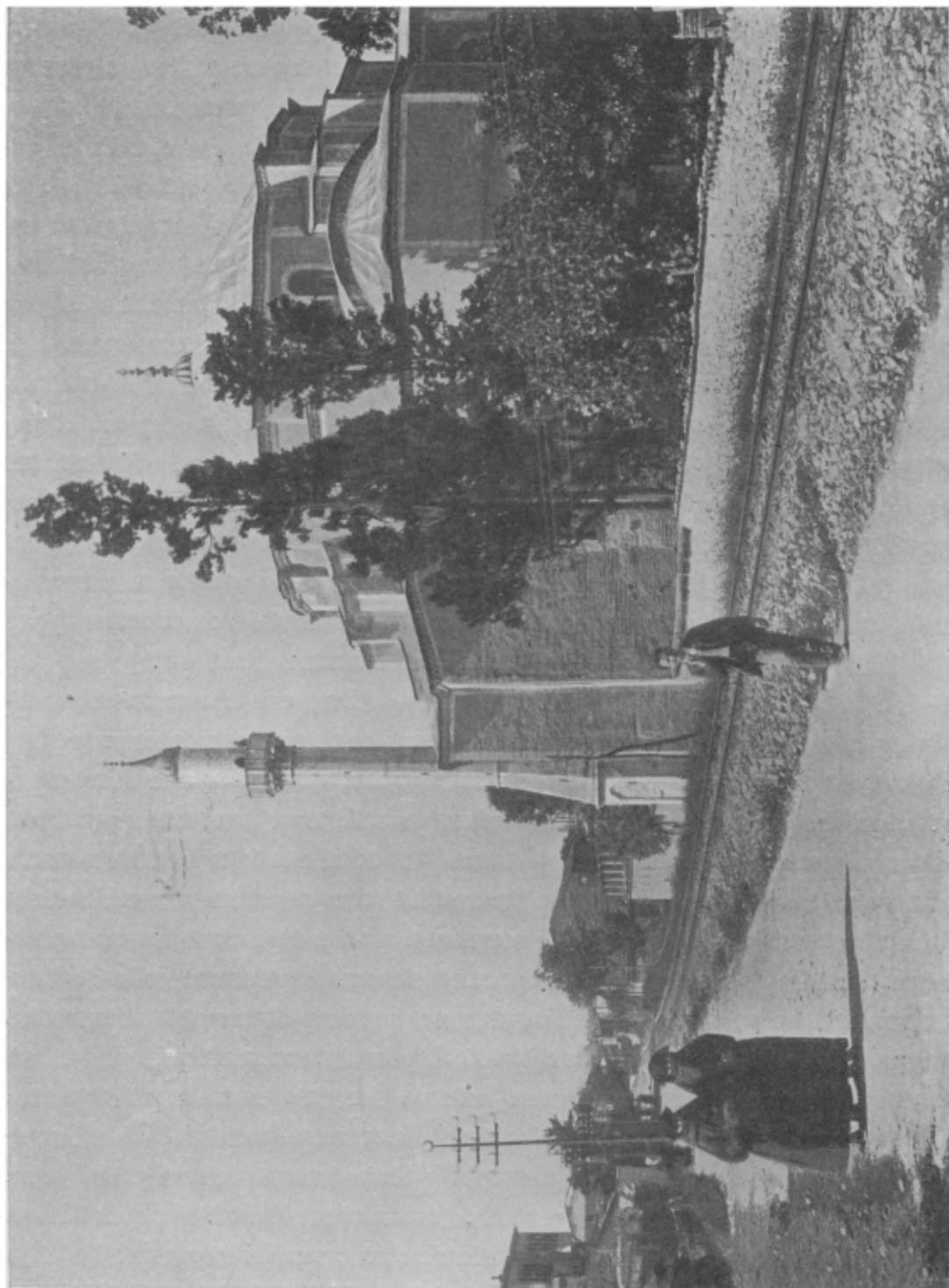

Рис. 32. Монастырь Сергія и Вакха.

Ставъ вторымъ Римомъ вмѣстѣ съ перенесеніемъ столицы имперіи, константинопольскій епископъ всѣмъ своимъ авторитетомъ въ восточной церкви обязанъ былъ близости къ императору. Именно, въ сферѣ церковнаго управленія императоръ естественно нуждался въ такомъ же помощникѣ, какого онъ имѣлъ по гражданской администраціи въ лицѣ префекта преторіи. Таковъ былъ для него Евсевій никомидійскій, который стоялъ въ курсѣ церковныхъ дѣлъ и заправлялъ церковной политикой при Константинѣ. Совершенно въ порядкѣ вещей было и то, что епископы ближайшихъ къ Константинополю областей, помимо своего областного митрополита, стали обращаться по церковнымъ дѣламъ прямо въ Константинополь и находили здѣсь благопріятный пріемъ и вниманіе къ своимъ нуждамъ. Кромѣ судебныхъ дѣлъ, въ особенности въ случаѣ недоумѣній между епископами и митрополитомъ цѣлаго діоцеза, къ непосредственному императорскому суду провинціальныя епископы прибѣгали въ разныхъ другихъ случаяхъ, при чемъ они не могли не искать посредничества у константинопольскаго епископа и ходатайства его передъ императоромъ ¹⁾. Все это выдвигало епископа города Константинополя изъ среды другихъ епископовъ Востока.

Дальнѣйшій ходъ дѣла состоялъ въ томъ, что константинопольскому епископу стало неудобнымъ оставаться въ подчиненіи у первенствующаго епископа еракійскаго діоцеза, которому онъ былъ подчиненъ по смыслу правилъ Никейскаго собора и отъ котораго принималъ посвященіе. Въ памятникахъ не осталось и слѣдовъ протеста епископа еракійской Иракліи противъ этого порядка вещей, низводившаго его епископію въ зависимое положеніе отъ Константинополя. Такъ же настойчиво распространялось церковное вліяніе Константинополя въ Азіи и въ Понтѣ, несмотря на огромный авторитетъ епископовъ Кесаріи каппадокійской, Ефеса, Ниссы, Иконіи и др., которые иногда простирали свое вліяніе на всю восточную церковь. Со времени II вселенскаго собора въ Константинополь (381 г.), придавшаго столичному городу имперіи преимущественное право чести передъ всѣми другими городами, епископы Малой Азіи и Понта общими усиліями содѣйствуютъ обоснованію теоріи церковной власти Константинополя надъ всѣмъ Востокомъ. Стоитъ ознакомиться съ

¹⁾ Гидуляновъ, „Восточные патріархи“, 551.

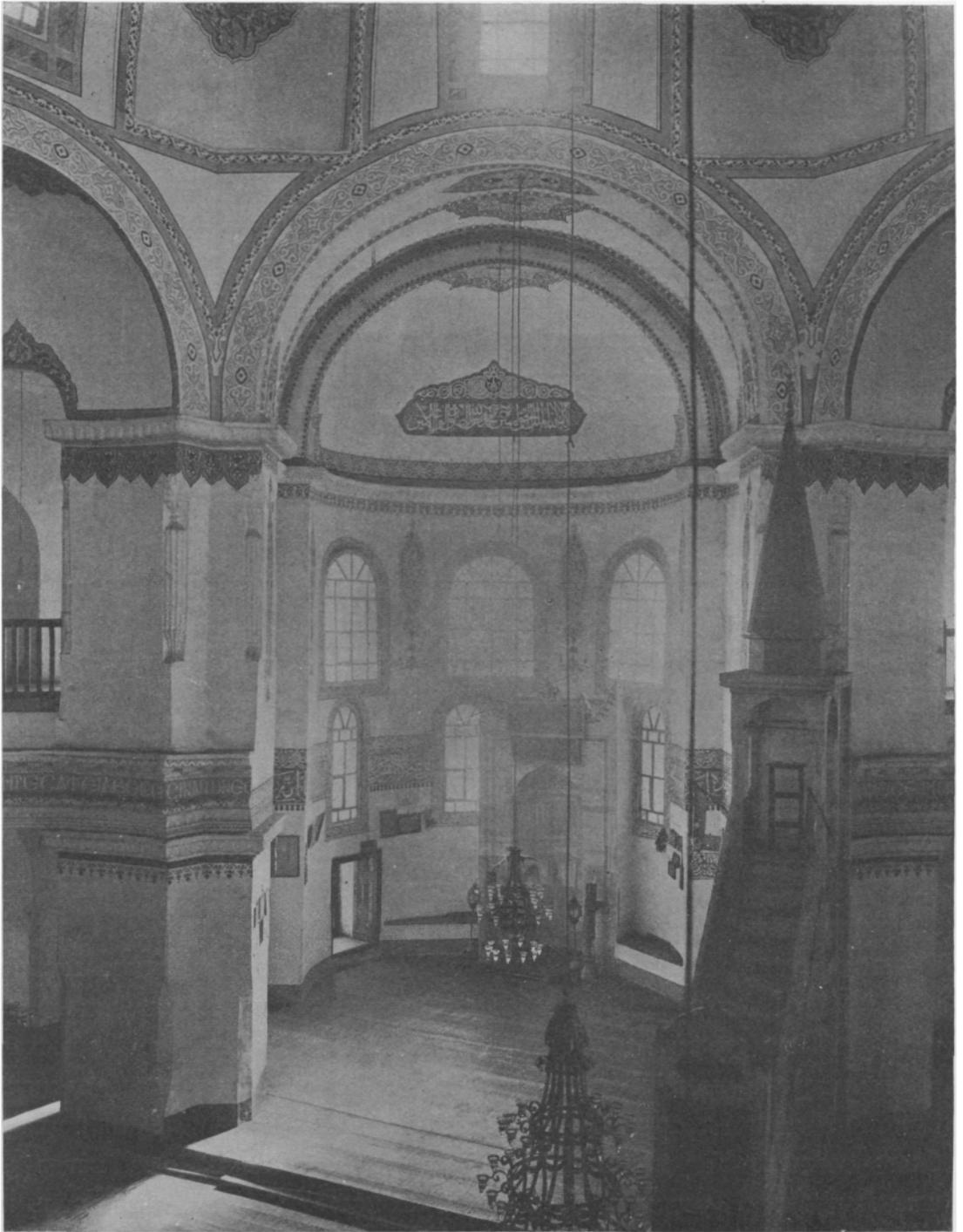

Рис. 33. Внутренній видъ церкви.

перепиской Григорія Назіанзина, изъ которой ясно видно, какъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ провинціальный епископъ, обходя своего кесарійскаго митрополита-епископа, обращается непосредственно въ Константинополь и ожидаетъ отъ патріарха Нектарія уврачеванія всѣхъ недуговъ своей церкви ¹⁾. Въ періодъ отъ конца IV в. до половины V, т.-е. до Халкидонскаго собора, занимающая насъ историческая эволюція можетъ считаться вполне завершившейся, ибо къ тому времени первенство константинопольскаго епископа на всемъ Востокѣ уже фактически было признано, и знаменитое 28-е правило Халкидонскаго собора не нашло противодѣйствія на Востокѣ. Такимъ образомъ, слѣдуетъ принять, что къ половинѣ V вѣка въ подготовившейся на Востокѣ строй вошелъ новый элементъ, вступившій въ тѣсный союзъ съ имперіей; это былъ константинопольскій патріархъ. Никакъ нельзя терять изъ вниманія, что созданіе константинопольскаго патріархата есть дѣло царской власти, и что въ дальнѣйшей исторіи патріархъ Константинополя испытываетъ на себѣ слѣдствія исключительныхъ условій, при которыхъ происходили его образование и ростъ.

Изъ церковныхъ учрежденій наибольшимъ значеніемъ въ жизни пользовались монастыри.

Самымъ могущественнымъ элементомъ, возобладавшимъ въ христіанскомъ обществѣ, въ особенности съ V вѣка, и давшимъ особенный отпечатокъ церковной и гражданской жизни того времени, были монастыри и наполнявшее ихъ мужское и женское населеніе. Не предполагая говорить о происхожденіи монашества и общемъ его значеніи въ исторіи христіанской церкви, мы не можемъ не коснуться монашества какъ учрежденія, оказавшаго громадное вліяніе на исторію Византійской имперіи. Константинополь, со времени обращенія его въ столицу христіанской имперіи, сталъ быстро украшаться многочисленными и часто богатой постройки монастырями ²⁾; самимъ Константиномъ построено 15 монастырей. Въ V вѣкѣ, по почину благочестивой августи Пульхеріи и вслѣдствіе ея вліянія, когда и самый дворецъ усвоилъ себѣ видъ монастыря, Константинополь и его ближайшія окрестности покрылись еще новыми монастырскими постройками. Отмѣтить въ числѣ древнихъ монастырей, хотя бы

1) Gregorii Theologi ep. 147, 202; Patrologia Graeca, t. XXXVII.

2) Marin, „Les moines de Constantinople“. Paris, 1897.

болѣе извѣстное, представлялось бы не легкой задачей. Въ 536 г. происходилъ въ Константинополѣ помѣстный соборъ противъ монофизитовъ, на которомъ присутствовали и игумены столичныхъ монастырей. Они подали патріарху Минѣ прошеніе, подписанное всѣми присутствовавшими, въ которомъ ходатайствовали о принятіи строгихъ мѣръ противъ еретиковъ; прошеніе подписано 68 игуменами. Какъ по этимъ подписямъ, которыми, однако, не исчерпывается число монастырей константинопольскихъ при Юстиніанѣ, такъ и по факти-

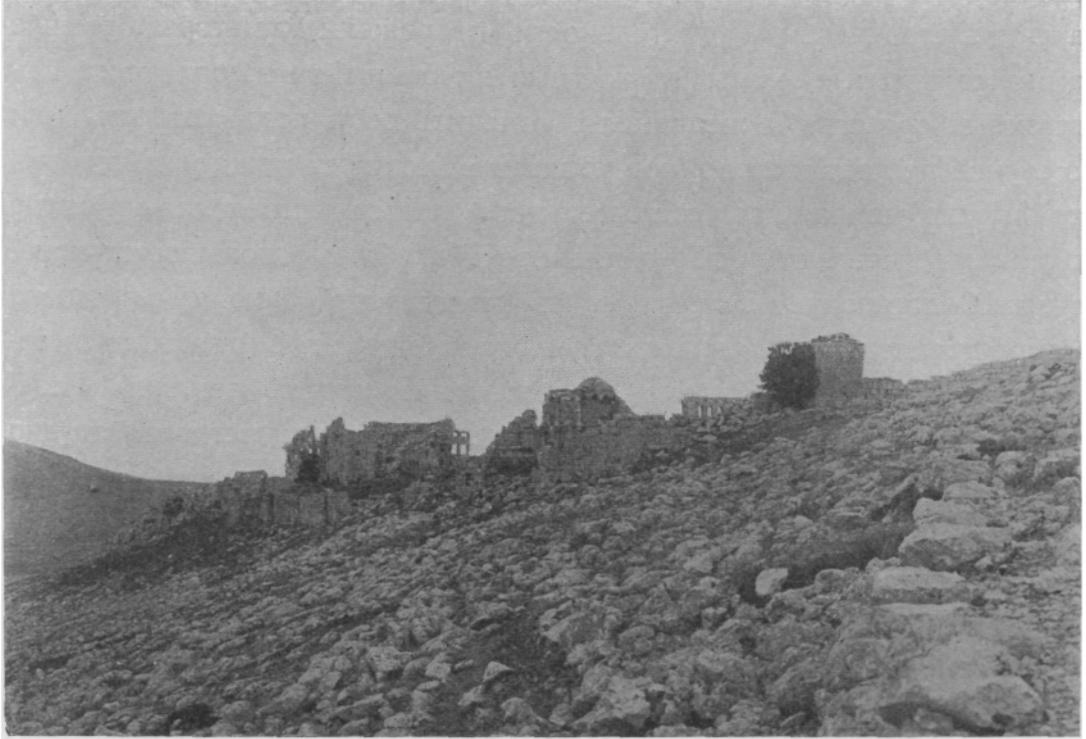

Рис. 34. Общій видъ монастыря Симеона Столпника.

ческому вліянію столичнаго монашества въ жизни Константинополя въ самыя важныя эпохи его жизни, можно судить о томъ настроеніи, которымъ создавались монастыри и вызывались безпримѣрные подвиги столпниковъ, пустынножителей и постниковъ, ставившихъ выше всего побѣду духа надъ грѣшнымъ тѣломъ. Многіе изъ константинопольскихъ монастырей имѣли за собой славную исторію въ теченіе всего періода исторіи Византійской имперіи; нѣкоторые изъ нихъ пользовались такимъ значеніемъ, что принимали въ лицѣ своихъ игуменовъ дѣятельное участіе въ политической жизни. Таковы наиболѣе извѣстные, построенные до вступленія на престолъ Македон-

ской династии: Студийской св. Иоанна, св. Маманта, Хора, Сергия и Вакха, Феодора Тирона, Космы и Даміана (Анаргиры), св. Ирины, Богородицы Одигитрии, Панагии въ кварталѣ Влахернѣ, Богородицы у Источника. Все это монастыри, относящіеся къ V—VI вв. Для образца въ рис. 32 и 33 даемъ внѣшній и внутренній видъ монастыря Сергия и Вакха. Мы не предлагаемъ здѣсь перечня позднѣйшихъ сооруженій; одинъ Василій македонянинъ въ своей ревности къ строительству богоугодныхъ заведеній дошелъ до того, что ему приписывается болѣе сотни подобныхъ построекъ. Царямъ и патриархамъ въ строительной дѣятельности подражали сенаторы, высшіе административные чины и частныя лица, имѣвшія для этого достаточныя средства и желавшія обезпечить себѣ подъ старость или на случай несчастія спокойное убѣжище. Нерѣдко можно наблюдать, что цѣлыя семьи изъ состоятельнаго класса оставляютъ мірскую жизнь и переселяются въ уединенное мѣсто, гдѣ основывается монастырскій поселокъ. Стремленіе къ монашеской жизни одинаково распространяется въ столицѣ и въ провинціи, гдѣ денежная и земельная аристократія строитъ монастыри на своихъ земляхъ. Казалось бы, при такомъ направленіи общественныхъ умонастроеній трудно было ожидать особенно полезной для государства созидательной работы, тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ отмѣтить и въ этой области весьма замѣчательныя явленія.

Египетское пустынножителство, во главѣ коего въ IV в. стояли Антоній и Пахомій Великіе, Павелъ Оивейскій, Макарій и др., нашло себѣ подражаніе и перенесено было въ Сирію, Палестину, въ Константинополь и на Западъ Европы. Высокіе подвиги пустынниковъ возбуждали удивленіе и привлекали вниманіе свѣтскаго общества и правителей. Съ ними входили въ письменныя сношенія императоры и спрашивали ихъ совѣта по государственнымъ и церковнымъ дѣламъ. Съ теченіемъ времени монашество, будучи первоначально свободнымъ состояніемъ, зависѣвшимъ отъ личнаго избранія, вошло въ составъ церковнаго клира и заняло въ немъ важное и вліятельное положеніе. Халкидонскій соборъ въ 4-мъ правилѣ опредѣлилъ положеніе монашества слѣдующимъ образомъ. „Истинно и искренно проходящіе монашескую жизнь да удостоиваются приличной чести. Но поелику нѣкоторые, пользуясь монашеской одеждой, разстраиваютъ церковныя и гражданскія дѣла, безразсудно ходя по городамъ и даже

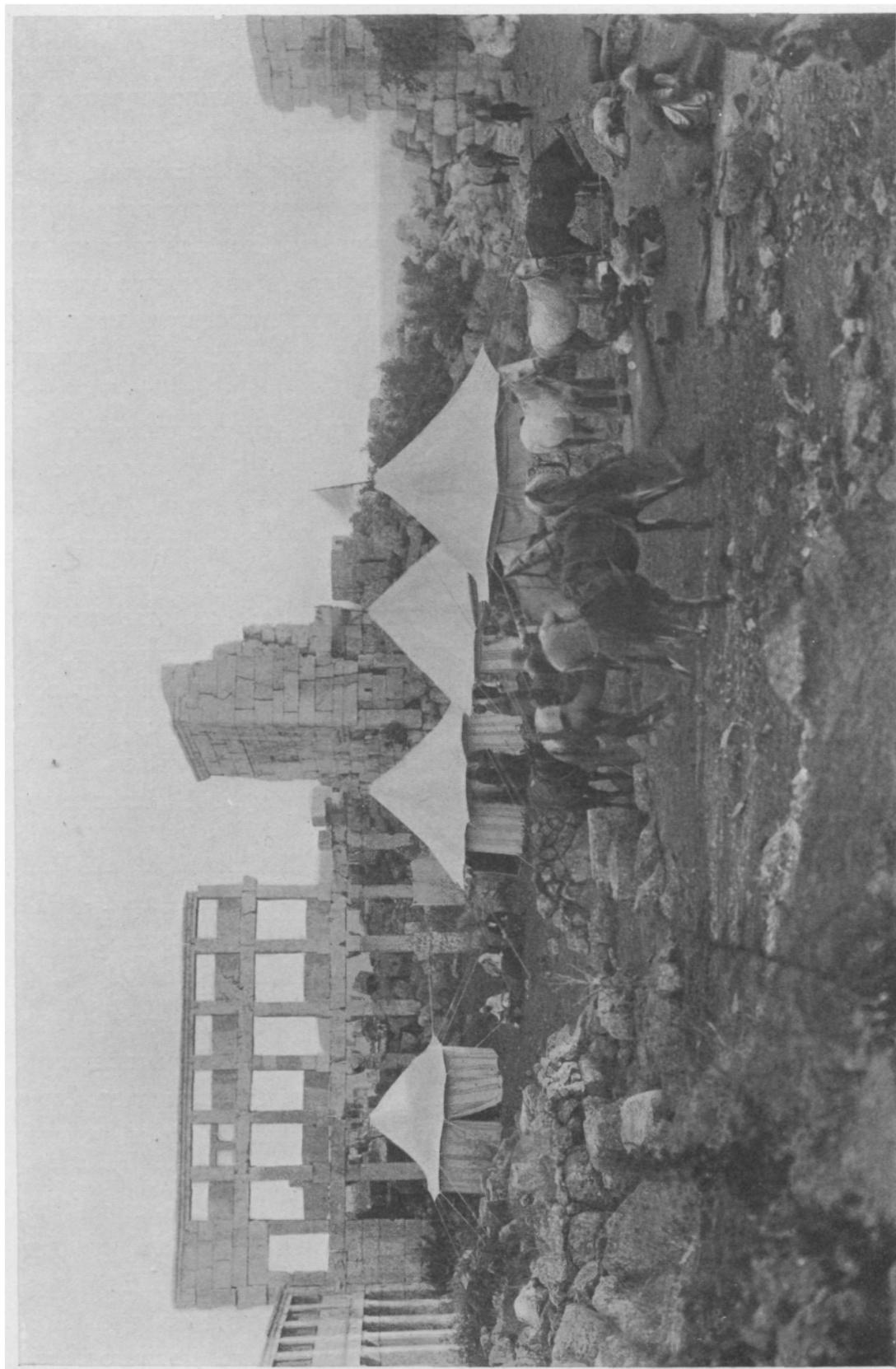

Рис. 35. Стоянка экспедиции Русского Археологического Института.

стараются составлять сами для себя монастыри, то разсуждено, чтобы никто нигдѣ не составлялъ и не созидалъ монастыря или молитвеннаго дома безъ позволенія епископа города, а монашествующіе въ каждомъ городѣ и странѣ да подчиняются епископу“. Такимъ образомъ, съ 451 года монашество, какъ опредѣленное и признанное закономъ состояніе, вошло въ составъ привилегированнаго церковнаго клира и воспользовалось всѣми преимуществами, какими государство надѣлило церковь и духовное сословіе. Чрезвычайно быстрое размноженіе монашества на Востокѣ составляло исключительное явленіе. Неподалеку отъ Александріи, на разстояніи 35 миль влѣво отъ западнаго рукава Нила, въ извѣстной Нитрійской долинѣ жило до 5000 пустынниковъ; въ верхней Оивайдѣ, около св. Пахомія, собралось до 1500 монаховъ. Египтяне имѣли основаніе полагать, что число монаховъ въ пустыняхъ равняется числу жителей въ городахъ. Не менѣе многочисленны были монашескія общины въ Сиріи и Палестинѣ, гдѣ возникали обширныя лавры (Саввы Освященнаго, Фарранская и др.) и монастыри при гробѣ того или иного извѣстнаго отшельника или уважаемаго окрестнымъ населеніемъ старца. Каждая страна въ обширной имперіи дала въ смыслѣ религіознаго увлеченія свои особенныя проявленія въ зависимости отъ мѣстныхъ народныхъ отличій. Несомнѣнно, что арабы и сирійцы составляютъ въ этомъ отношеніи особый этнографическій типъ, выразившій религіозную идею въ болѣе напряженной степени.

Чтобы хотя до нѣкоторой степени составить наглядное представленіе о томъ, какое значеніе въ практической жизни занимающей насъ эпохи имѣли нѣкоторые монастыри, войдемъ здѣсь въ нѣкоторыя подробности. Для образца возьмемъ одинъ монастырь въ Сиріи, другой въ южной Македоніи, бывшіе предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ.

Таковъ, между прочимъ, монастырь Симеона Столпника въ Сиріи (рис. 34), величественные остатки котораго, сохранившіеся и донинѣ, сами по себѣ могутъ служить прекраснымъ показателемъ культурнаго и религіознаго состоянія Сиріи въ V и VI вв. Монастырь построенъ въ концѣ V в. и находится въ разстояніи 35—40 в. отъ Антіохіи и приблизительно на такомъ разстояніи отъ Алеппо. Если принять во вниманіе, что Симеонъ умеръ приблизительно въ 460 г. (родился ок. 390 г.), и что монастырь на мѣстѣ его подвиговъ по-

строенъ въ концѣ того же вѣка, то легко заключить отсюда о той извѣстности, какою нашъ подвижникъ пользовался еще при жизни, и о томъ уваженіи, какое онъ снискалъ себѣ среди высшихъ и состоятель-

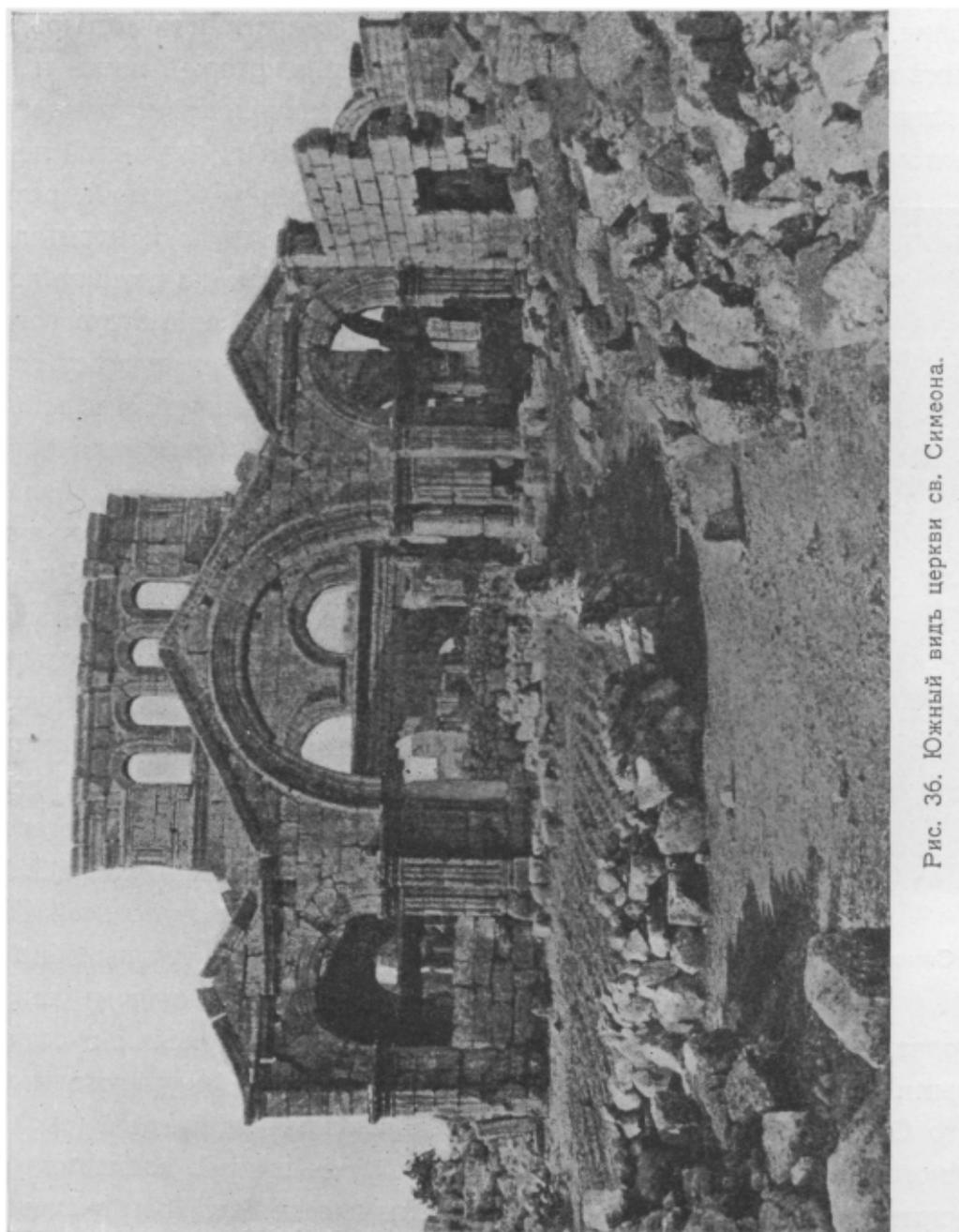

Рис. 36. Южный видъ церкви св. Симеона.

ныхъ классовъ общества. Какъ будетъ видно, монастырь былъ громаднымъ сооруженіемъ, требовавшимъ большихъ средствъ (рис. 35).

Въ Сиріи нѣтъ ничего величественнѣй этой святыни, которая и

теперь еще, когда къ ней заросла народная тропа, и кругомъ на десятки верстъ видна лишь необозримая каменистая пустыня, производитъ чарующее и глубокое впечатлѣніе (рис. 36). О быломъ общественномъ значеніи монастыря можно судить по тому, что у подошвы холма, на которомъ красовались великолѣпный храмъ и монастырь, возникъ цѣлый городъ Симеона (Деиръ Семанъ), который жилъ и процвѣталъ на счетъ богомольцевъ, отовсюду стекавшихся на поклоненіе святому чудотворцу. Этотъ городъ, построенный на скалистой почвѣ,

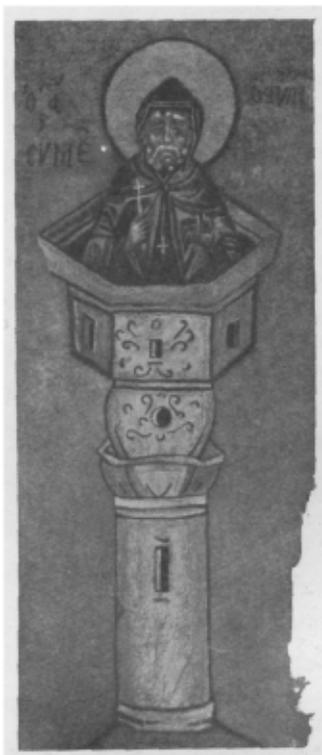

Рис. 37.

Симеонъ Столпникъ.
Икона.

представляетъ изумительно блестящій результатъ приложенія большого труда и капитала съ цѣлью обезпеченія удобствами, а главное достаточной водой, большое населеніе этого города. Слѣдуетъ также взвѣсить и то, что возведеніе громаднхъ монастырскихъ построекъ на скалистомъ и неровномъ холмѣ требовало примѣненія искусства и большихъ техническихъ знаній.

Раскрыть исторію такого импозантнаго археологическаго памятника, какъ монастырь Симеона Стилита (рис. 37), значило бы поднять завѣсу съ весьма темнаго въ исторіи вопроса о роли Сиріи въ византійской культурѣ и искусствѣ V—VI вв. Къ сожалѣнію, наука обладаетъ пока весьма скудными свѣдѣніями, которыя даютъ лишь основанія для предположеній и догадокъ, не разрѣшая, однако, предстоящихъ любопытныхъ проблемъ. Встрѣчающіеся по всей Сиріи остатки мертвыхъ городовъ съ чрезвычайно выразительнымъ религіознымъ складомъ жизни,

доказываемымъ какъ обиліемъ церквей, такъ надписями и священными изображеніями на стѣнахъ частныхъ домовъ, внушаютъ мысль, что Сирія была глубоко проникнута вѣроисповѣдной идеей (рис. 38). Многочисленнымъ сирійскимъ монастырямъ вполне соответствуютъ остатки церквей въ мертвыхъ городахъ и селеніяхъ, встрѣчающихся довольно часто въ нынѣшней пустынной и бесплодной странѣ¹⁾.

Въ Сиріи было громадное число монастырей какъ православ-

¹⁾ Моя статья: „Археологическіе памятники Сиріи“ („Извѣстія“, VII).

ныхъ, такъ и еретическихъ. Въ Антіохіи, Селевкіи, Эдессѣ, Амидѣ и другихъ городахъ сосредоточивались большія монашескія общины, многія изъ которыхъ достигли 1000 человѣкъ. Таковы монастырь

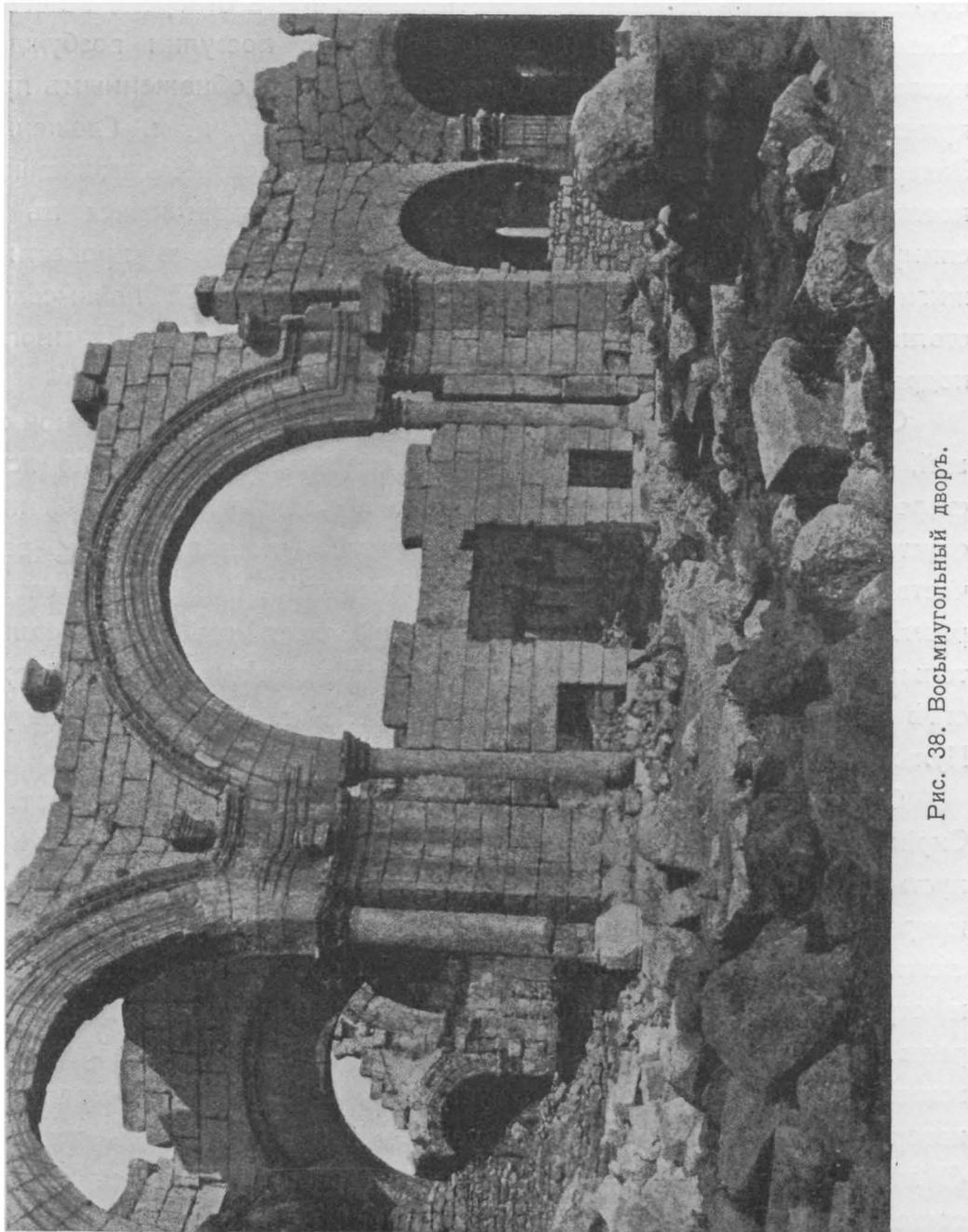

Рис. 38. Восьмиугольный дворъ.

св. Ѳомы въ Селевкіи, монастырь Цукнинъ и св. Іоанна въ Амидѣ, Симеона Столпника близъ Антіохіи. Подвиги аскетизма и пустынно-ческой жизни были здѣсь обычнымъ явленіемъ и возбуждали общее

уваженіе. Никого не удивлялъ видъ людей, живущихъ какъ дикіе звѣри въ уединенныхъ горахъ и въ пещерахъ, или долгіе годы подвизавшихся въ тѣсномъ пространствѣ между высокими стѣнами и сообщавшихся съ внѣшнимъ міромъ только чрезъ отверстіе въ стѣнѣ. Самые странные обычаи и необыкновенные поступки возбуждали похвалу и соревнованіе: какъ блаженный Маркъ обнаженнымъ предпринималъ продолжительныя прогулки по снѣгу, какъ блаженный Захарія имѣлъ камень во рту, чтобы приучить себя къ молчанію, и носилъ на тѣлѣ веревку съ тремя узлами, впивавшимися въ его спину. Мѣстному герою и подвижнику Симеону удалось провести въ жизнь новый способъ самоистязанія—подвигъ стоянія на высокомъ столпѣ (рис. 37). И этотъ подвигъ съ V вѣка нашелъ себѣ многихъ подражателей на Востокѣ.

Симеонъ Столпникъ еще при жизни пользовался громадной славой, такъ что множество почитателей стекалось къ нему со всѣхъ сторонъ для испрошенія благословенія и молитвы. И уже немного спустя по его смерти на мѣстѣ его подвиговъ построень былъ величественный памятникъ, и до нынѣ поражающій воображеніе своими размѣрами, богатствомъ и архитектурой, хотя отъ него остались только стѣны съ грудой обломковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ устройствѣ монастыря принимали главное участіе правительство и августа Пульхерія.

Симеонъ происходилъ изъ крестьянской среды и родился въ Сиріи. Въ юныхъ лѣтахъ онъ оставилъ родителей и удалился въ пустыню, гдѣ подвизался подъ руководствомъ блаженнаго Иліодора и превзошелъ всѣхъ жившихъ вмѣстѣ съ нимъ пустынниковъ постомъ и подвигами самоистязанія. Чтобы обезпечить себѣ уединеніе и оградить себя отъ толпы посѣтителей, приходившихъ къ нему ради покаянія и молитвы, Симеонъ придумалъ способъ порвать всѣ земныя связи; для этого онъ устроилъ себѣ высокій столпъ, на который удалился ради поста и уединенія и на которомъ оставался 40 лѣтъ. Съ тѣхъ поръ въ особенности распространилась слава о святомъ подвижникѣ не только по Сиріи, но и по сосѣднимъ странамъ. Язычники и христіане стекались къ столпу Симеона со всѣхъ сторонъ; первые крестились, удивленные его подвигами, вторые получали исцѣленія отъ многообразныхъ болѣзней. Когда Симеонъ пользовался уже широкой извѣстностью, къ нему пришла разъ

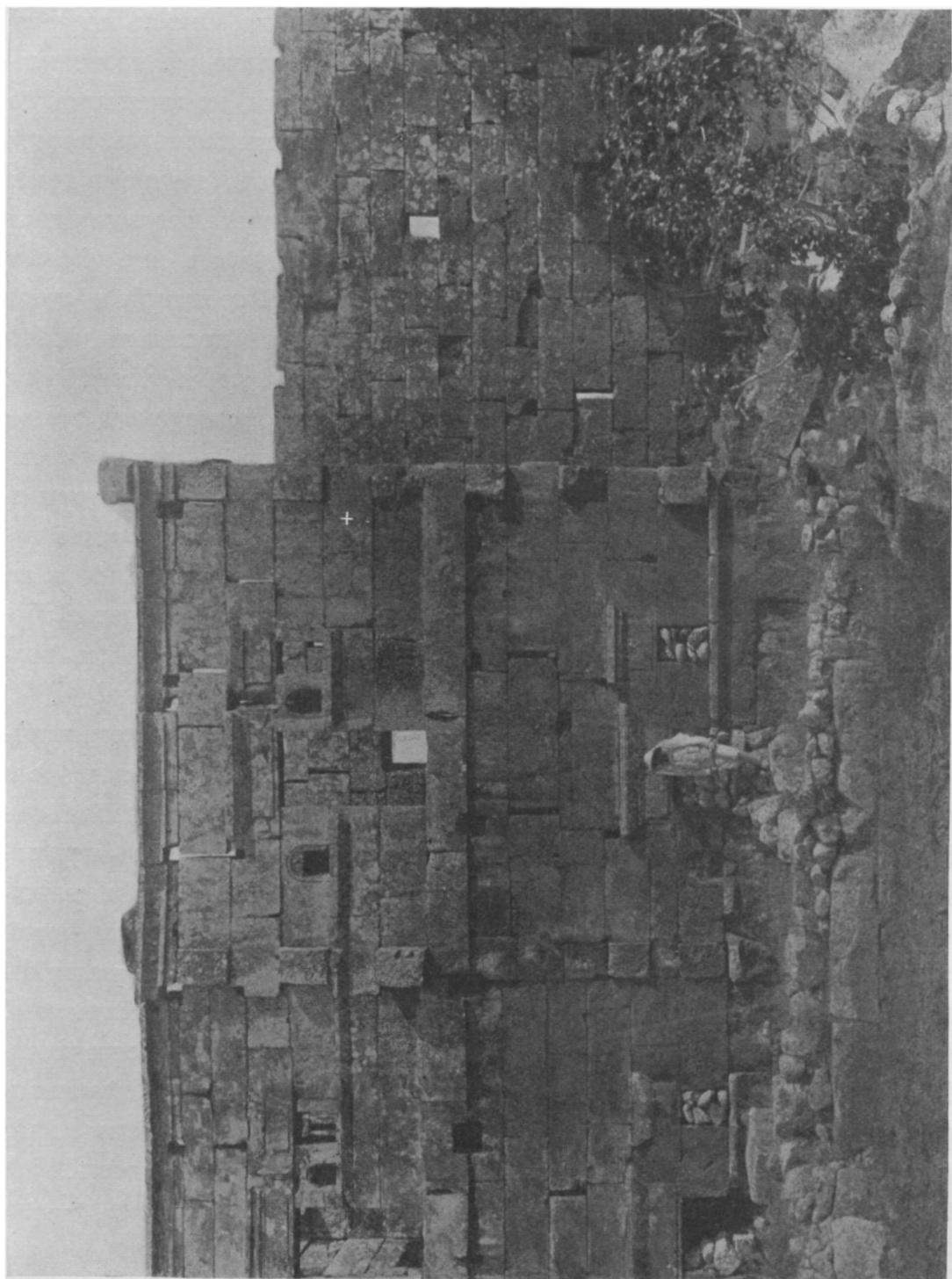

Рис. 39. Домъ съ изображеніемъ агнца на стѣнѣ (+).

его мать, желая увидѣть своего сына. Вотъ какъ въ житіи Симеона описано это. „Выслушай удивительную тайну. Мать его, узнавъ, гдѣ онъ находится, пришла и пожелала видѣть его. Она съ плачемъ умоляла объ этомъ въ притворѣ монастыря, но Симеонъ не позволилъ ей придти къ нему; приставила лѣстницу къ стѣнѣ, но свалилась на землю. Сынъ велитъ передать ей: оставь меня спокойнымъ въ сей жизни, матушка; если будемъ достойны, увидимся въ будущемъ вѣкѣ. Старушка, услышавъ это, воспылала еще большимъ желаніемъ видѣться съ сыномъ. Но Симеонъ велѣлъ сказать ей: побудь тамъ еще немного и успокойся, мы скоро свидимся.—Она осталась въ притворѣ и скоро умерла. Тогда сынъ приказалъ принести мать и положить возлѣ своего столпа и сказалъ: Господи! прими духъ рабы твоя. При этихъ словахъ тѣло обнаружило признаки жизни, и на лицѣ появилась улыбка“.—Благочестивый императоръ Θεодосій II и сестра его царица Пульхерія переписывались съ Симеономъ по церковнымъ дѣламъ и спрашивали его мнѣнія по волнующимъ государство вопросамъ. Можно думать, что Симеонъ подавалъ свое мнѣніе и по дѣламъ Халкидонскаго собора. Значеніе Симеона было общегосударственное, такъ что возникшій на мѣстѣ его подвиговъ храмъ долженъ быть разсматриваемъ какъ государственный памятникъ.

Говоря о св. Симеонѣ Столпникѣ, необходимо прежде всего замѣтить, что онъ не относится къ числу извѣстныхъ политическихъ или литературныхъ дѣятелей и не обязанъ своей знаменитостью какимъ-нибудь исключительнымъ внѣшнимъ подвигомъ. И между тѣмъ церковная исторія едва ли можетъ указать болѣе популярное и болѣе извѣстное имя въ первые вѣка христіанства, чѣмъ имя Симеона Столпника.

Должно думать, что нашъ святой есть продуктъ того религіознаго настроенія и глубокаго воодушевленія аскетическими подвигами, какое замѣчается не только въ Сиріи, но и на всемъ Востокѣ въ V и VI вѣкахъ. Всесвѣтной славой своей онъ обязанъ, главнымъ образомъ, тому способу самоусовершенствованія и аскетическаго подвига, который онъ избралъ и освятилъ своимъ примѣромъ. Это было стояніе на столпѣ. „Эта новость—говоритъ Тилльмонъ ¹⁾— въ

¹⁾ Tillemont, „Mémoires pour servir à l'histoire eccles.“, XV, p. 347: „il n'y a guere de saints dans l'église dont le nom soit aussi célèbre qu'est celui de S. Symeon Stylite. Cependant l'honneur que nous luy rendons aujourd'hui n'est qu'un reste de celui que les Fidèles luy ont rendu de son vivant mesme“; см. еще p. 462.

самомъ дѣлѣ сначала всѣхъ поразила, одни осмѣивали ее, другіе осуждали: противъ Симеона выставили обвиненіе, что онъ изъ тще-славія ведетъ такой родъ жизни“. Тѣмъ не менѣе, извѣстность св. Си-

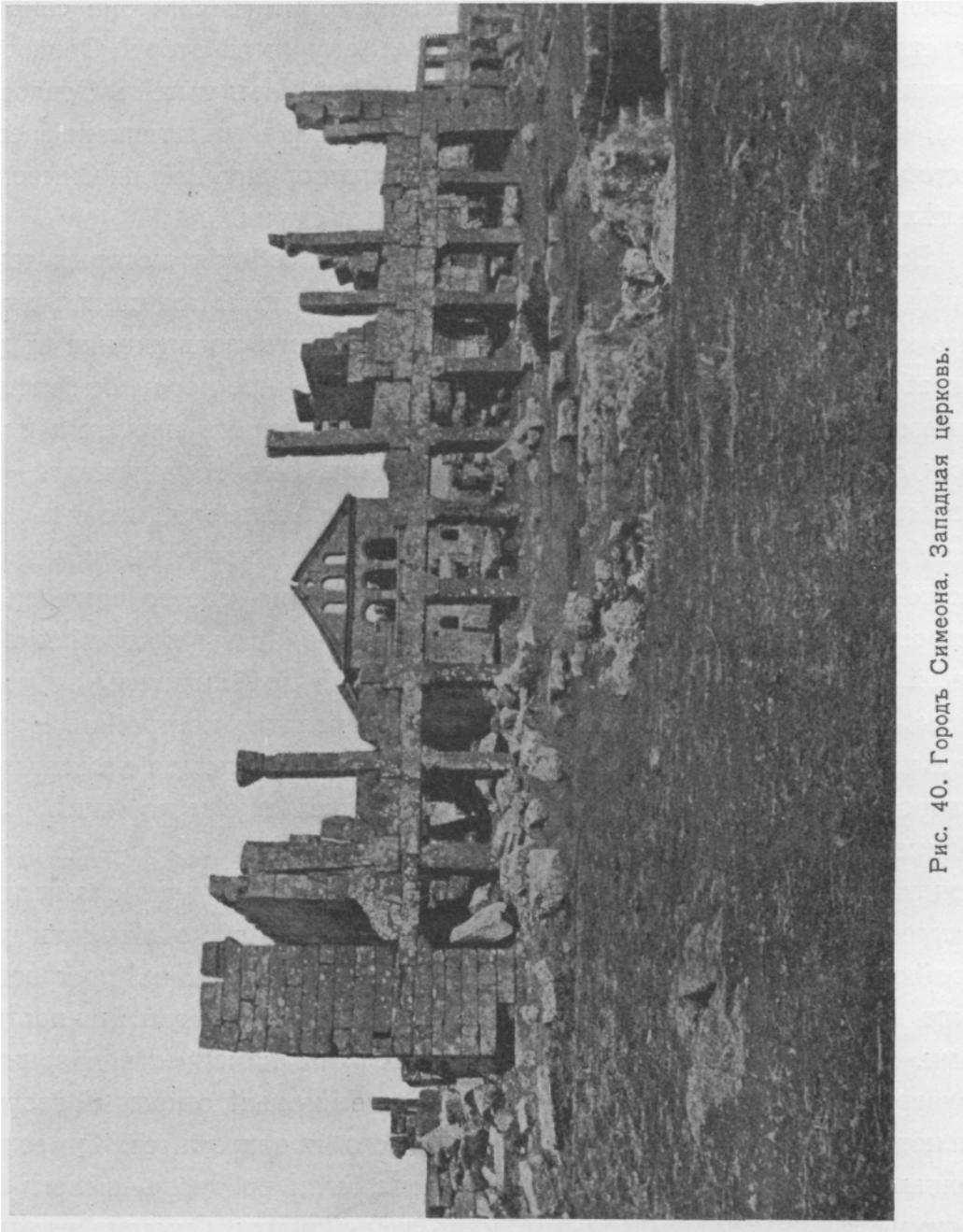

Рис. 40. Городъ Симеона. Западная церковь.

меона распространялась быстро. Къ нему приходили не только изъ ближайшихъ селеній, но и издалека; одни приводили ослаблен-ныхъ, другіе просили у него исцѣленія отъ различныхъ болѣзней, всѣ по вѣрѣ ихъ получали просимое и распространяли славу о чудо-

дѣйственной силѣ св. Симеона на далекія страны (рис. 40). Стали приходять въ Сирію изъ отдаленнѣйшихъ странъ: изъ Испаніи, Англіи и Галліи, а въ Римѣ изображенія святого ставились въ притворахъ ремесленныхъ заведеній. О громадномъ авторитетѣ Симеона свидѣтельствуется то значеніе, какое придавалъ ему императоръ Θεодосій младшій въ вопросѣ о церковныхъ волненіяхъ. Изъ писемъ Θεодосія ясно, что императоръ приписываетъ его молитвамъ уничтоженіе ереси Несторія и ожидаетъ мира церкви отъ благотворнаго вліянія Симеона на тѣхъ, которые поддерживаютъ церковныя смуты.

Вслѣдъ за смертью Симеона послѣдовали событія, которыя свидѣлствуютъ о громадномъ его вліяніи. Въ Антіохіи поднялся бунтъ, такъ какъ жители требовали, чтобы тѣло святого подвижника было погребено въ ихъ городѣ; при этомъ торжественное перенесеніе тѣла Симеона въ Антіохію состоялось подъ наблюденіемъ префекта преторіи Ардавурія и готскаго отряда, которымъ онъ командовалъ.—О современномъ императорѣ Львѣ I также разсказывается, что онъ желалъ перенести тѣло Симеона въ столицу и только подъ вліяніемъ настойчивыхъ просьбъ антіохійцевъ отказался отъ своего намѣренія. Исторія не даетъ, говоритъ Де Вогюэ ¹⁾, точной даты постройки великой церкви, но она указываетъ довольно приблизительныя границы, въ которыхъ слѣдуетъ поставить хронологію постройки. Историкъ Евагрій, посѣтившій этотъ храмъ, даетъ описаніе памятника, которое вполне подходит къ сохранившимся еще и по нынѣ развалинамъ. Евагрій сдѣлалъ свое путешествіе около 560 г.,—значить, между этой эпохой и временемъ смерти св. Симеона нужно полагать постройку храма, т.е. ко второй половинѣ V в. нужно относить постройку памятника въ честь Симеона Стилита. „Церковь построена была въ видѣ креста, котораго четыре конечности украшены портиками. Къ этимъ портикамъ примыкаютъ ряды каменныхъ колоннъ, поддерживающихъ крышу. Въ серединѣ обширный открытый дворъ, на которомъ находилась и колонна—мѣсто подвиговъ св. Симеона. Толпы окрестныхъ крестьянъ допускаемы были во дворъ вмѣстѣ со своими вьючными животными и въ день памяти Симеона водили хороводы вокругъ столпа. Женщинамъ былъ запрещенъ входъ не

¹⁾ De Vogüé, „Syrie Centrale“, I, p. 142; ср. Θ. Успенскій, „Памятники Сиріи“ („Извѣстія“ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, VII).

только въ храмъ, но и во дворъ“. Монастырь раздѣлялъ судьбы христіанства въ Сиріи. Арабское завоеваніе не лишило его значенія и вліянія. Хотя арабы нѣсколько разъ разоряли его, но можно думать, что онъ скоро оживалъ вновь и обогащался вслѣдствіе благотвореній окрестнаго населенія. Можно прослѣдить судьбу его черезъ всѣ средніе вѣка. Въ то время, какъ окрестныя области постепенно лишались населенія, въ то время какъ сирійскіе города и поселки приходили въ обнищаніе и запустѣніе (рис. 41), монастырь Симеона

Рис. 41. Апсида церкви въ Гауринѣ.

Стилита долго еще собиралъ въ свои стѣны вѣрныхъ почитателей подвижника.

Въ то же самое время, какъ въ Сиріи создавался культъ Симеона Столпника, на западной границѣ имперіи, въ европейскихъ провинціяхъ ея, постепенно образовался громаднѣйшій авторитетъ великомученика Димитрія, культъ котораго хотя и централизовался въ Солуни, но обнималъ весь Балканскій полуостровъ. О происхожденіи и первоначальномъ видѣ повѣствованій о св. Димитріи можно сказать мало опредѣленнаго, но уже въ началѣ V вѣка былъ построенъ

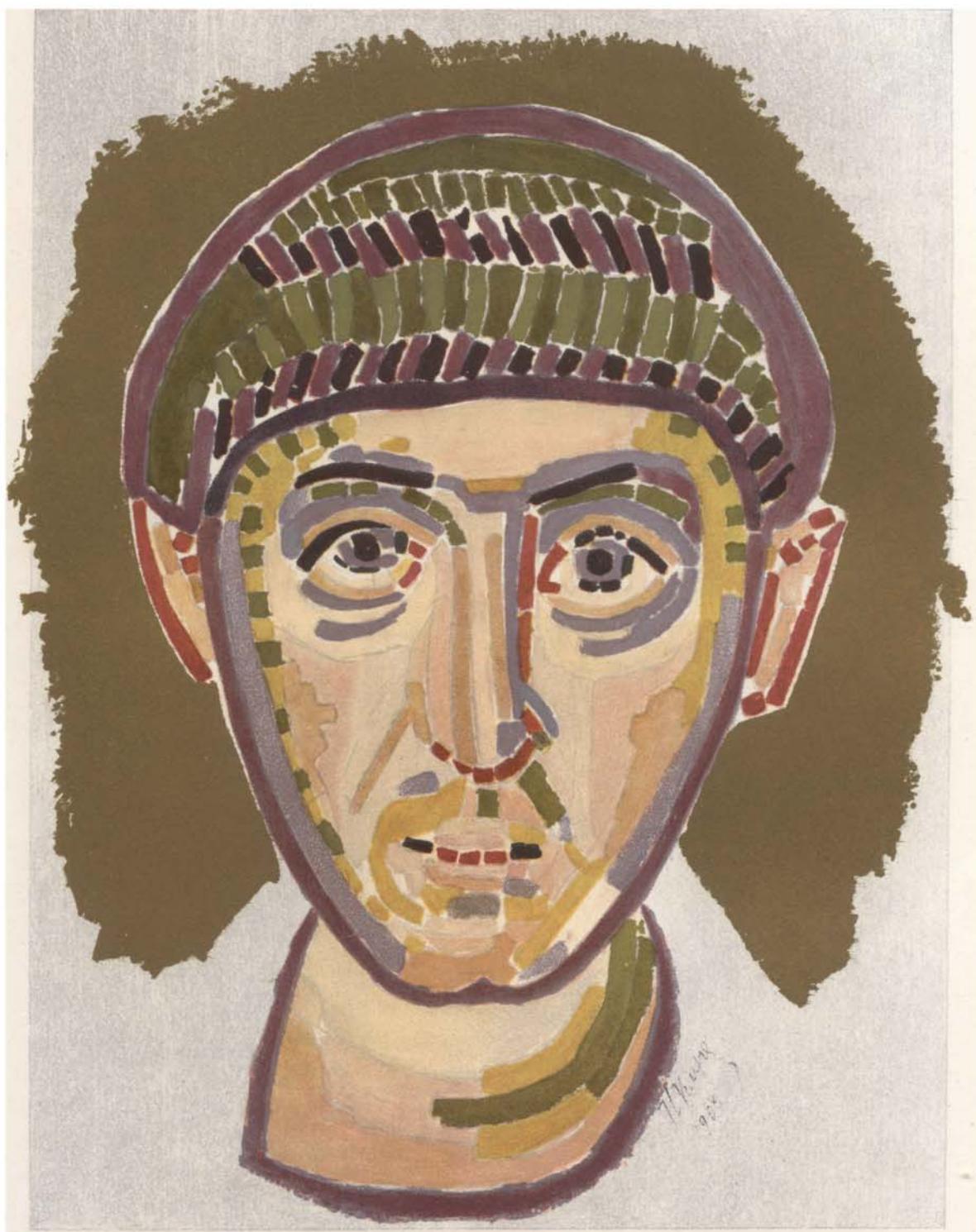
великолѣпный храмъ и на день памяти его, 26 октября, въ Солунь стекалась громадная масса богомольцевъ и торговыхъ людей съ Балканскаго полуострова и съ побережій Средиземнаго моря. Великомученикъ Димитрій по своему вліянію и обширному театру дѣятельности далеко оставляетъ за собой сирійскаго подвижника. Роль его въ исторіи средневѣковаго византизма также гораздо глубже и шире. Это легко понять уже изъ того, что св. Димитрій имѣетъ театромъ своей дѣятельности богатый и торговый городъ, занимавшій первое мѣсто послѣ Константинополя, и что главнѣйшей частью своей покровительственной городу роли онъ входитъ непосредственно въ исторію славянъ, бывшихъ сосѣдями и врагами этого греческаго города. Въ виду указанныхъ обстоятельствъ находимъ умѣстнымъ остановиться вниманіемъ на выясненіи культа св. Димитрія. Въ самое послѣднее время при передѣлкахъ въ древнемъ храмѣ св. Димитрія (рис. 42) открыты мозаики, почти современныя происхожденію храма и бросающія новый свѣтъ какъ на исторію распространенія культа св. Димитрія, такъ и на историческое значеніе житія его и сказаній о чудесахъ ¹⁾.

Изображеніе св. Димитрія на открытыхъ въ церкви мозаикахъ повторяется болѣе 10 разъ. Существеннымъ и неизмѣннымъ характеромъ изображенія является фигура во весь ростъ съ лицомъ, обращеннымъ прямо къ зрителю (*en face*), ясный и блестящій взоръ, молодое безбородое лицо, длинная и широкая одежда съ нашитымъ широкимъ клавомъ и съ фибулой того же цвѣта, что верхняя одежда (см. таблицу въ краскахъ). Этотъ образъ св. великомученика вполне соответствуетъ тому литературному воззрѣнію, которое выразилось въ самыхъ древнихъ, до насъ дошедшихъ сказаніяхъ. Обнаруженныя въ храмѣ св. Димитрія мозаики какъ по своему сюжету, такъ и по высокимъ качествамъ исполненія заслуживаютъ особеннаго вниманія. Сопоставленныя съ текстами житій, изъ коихъ впрочемъ, ни одно не восходитъ далѣе VIII вѣка, эти мозаики, въ свою очередь, могутъ служить подтвержденіемъ для текстовъ.

Укажемъ наилучше сохранившіяся и болѣе древнія мозаики съ изображеніемъ св. Димитрія. Рис. 43 представляетъ три изобра-

¹⁾ Моя статья „О вновь открытыхъ мозаикахъ въ церкви св. Димитрія“ („Извѣстія“, т. XIV).

СВ. ДИМИТРИЙ СОЛУНСКИЙ.

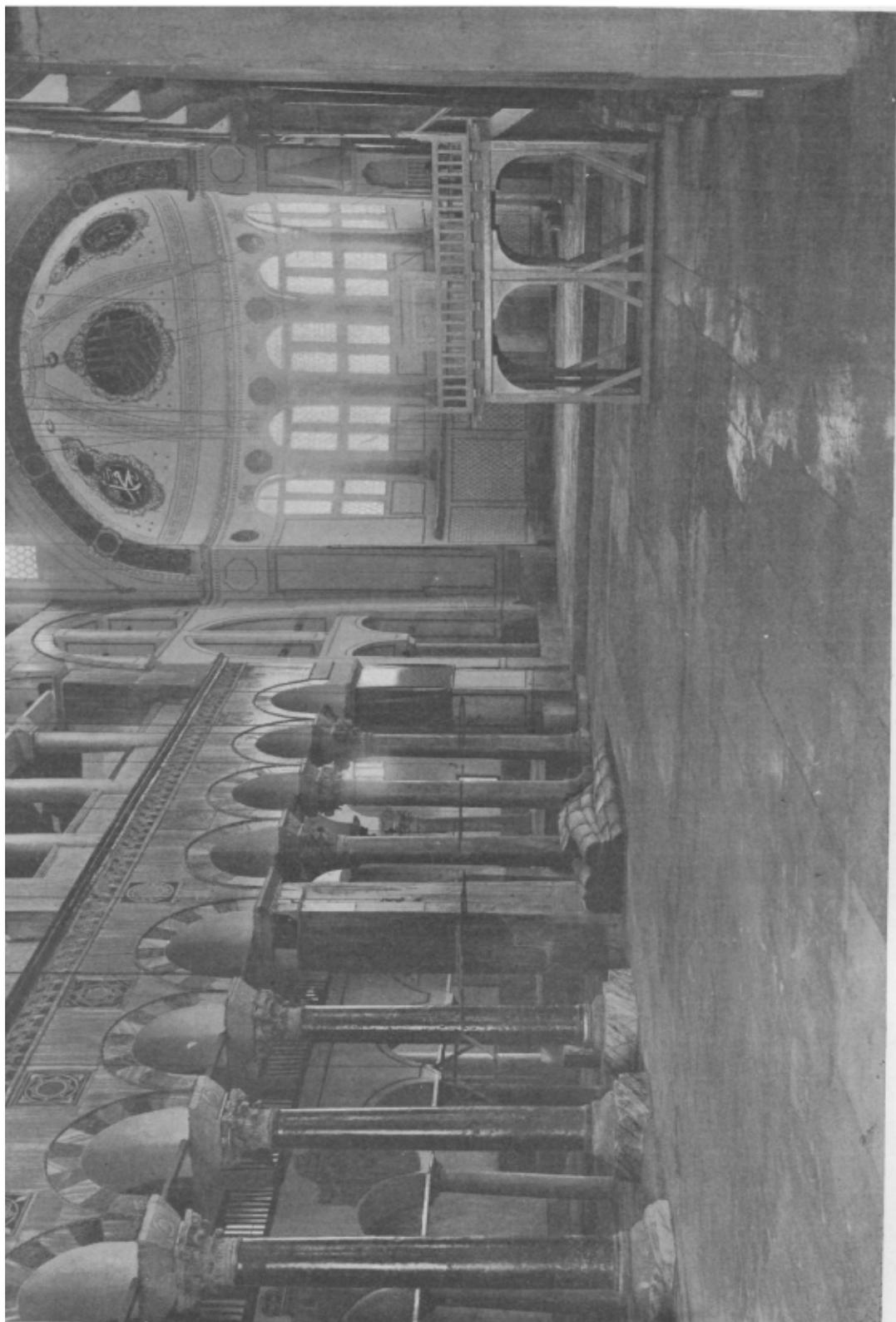

Рис. 42. Внутренній видъ базилики св. Димитрія.

женія во весь ростъ. Это не только лучшая мозаика по сохранности, но также важнѣйшая по своему сюжету, и по мастерству исполненія стоящая рядомъ съ самыми высокими образцами переходной эпохи отъ классическаго къ византійскому искусству. Если средняя фигура съ нимбомъ въ общемъ даетъ типическія черты патрона Солуни, не прибавляя ничего ни въ орнаментѣ, ни въ деталяхъ воспроизведенія, то стоящія около съ правой и лѣвой стороны фигуры даютъ индивидуальныя черты, отличаясь тщательностью отдѣлки въ лицѣ и въ одеждѣ и передавая портретныя особенности. Значеніе этой мозаики, независимо отъ всего прочаго, указывается въ подписи, которая читается въ переводѣ слѣдующимъ образомъ: „Ты видишь строителей всеславнаго храма (стоящихъ) по ту и другую сторону мученика Димитрія, (который) отвращаетъ варварскій напоръ варварскаго флота и освобождаетъ городъ“.

Какъ можно понять, художникъ представилъ здѣсь композицію, въ которую вложилъ довольно разнообразное содержаніе. Прежде всего мы имѣемъ двухъ строителей храма, изъ коихъ одинъ въ свѣтскомъ одѣяніи съ атрибутами высшей гражданской и военной власти, другой въ церковномъ облаченіи съ евангелиемъ на груди. Святой Димитрій держитъ свои руки на плечахъ предстоящихъ, чѣмъ едва ли выражается только близость и благоволеніе его къ строителямъ. Если принять въ соображеніе, что въ подписи обращается вниманіе и на то, что св. Димитрій есть защитникъ города отъ варваровъ, угрожающихъ городу съ моря, то для художника предстояла задача выразить въ своей композиціи и эту мысль. Независимо отъ того, занимающая насъ композиція можетъ заслуживать вниманія и съ другой стороны. Строитель храма св. Димитрія собственно былъ одинъ, это префектъ Иллирика Леонтій, которому вообще и принадлежитъ главная заслуга въ распространеніи культа мученика. Мѣстные епископы принимали участіе въ возобновленіи храма и въ украшеніи его, но въ ктиторской дѣятельности рядомъ съ префектомъ Леонтиемъ не упоминается объ епископѣ солунскомъ ¹⁾. Переходя къ реальному комментарию мозаики, считаемъ умѣстнымъ замѣтить, что она весьма интересна по многимъ подробностямъ своей техники. По правую сторону св. Димитрія имѣемъ изображеніе епископа. Это или

1) Подробности въ указанной выше статьѣ („Извѣстія“, т. XIV).

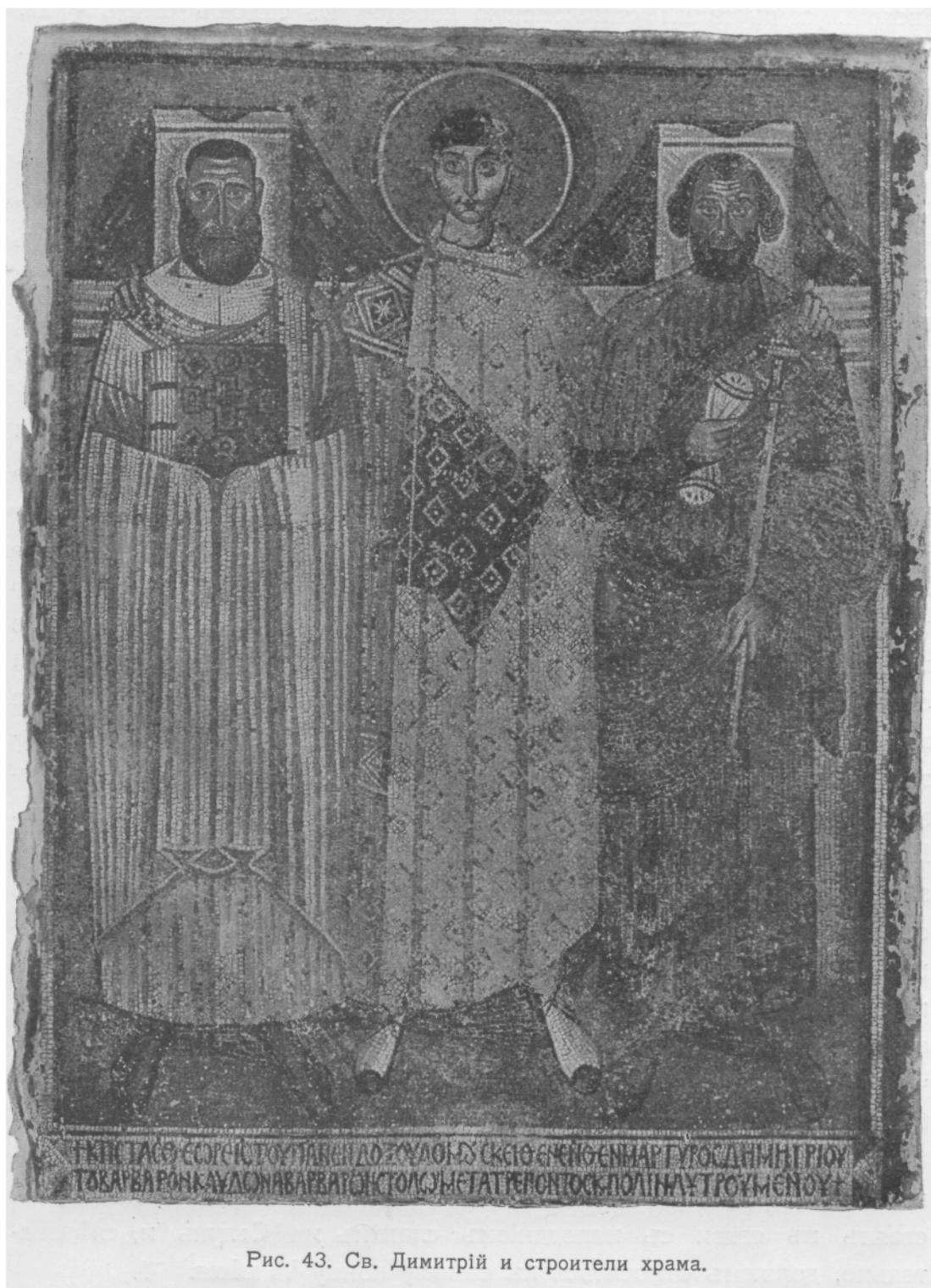

Рис. 43. Св. Димитрий и строители храма.

Евсевій, занимавшій епископскую кафедру въ самомъ концѣ VI в., или Іоаннъ, составитель первой книги чудесъ и жившій въ первой половинѣ VII в. По лѣвую руку св. Димитрія изображенъ префектъ Иллирика Леонтій, получившій исцѣленіе отъ тяжелой болѣзни при гробницѣ великомученика Димитрія въ начальный періодъ распространія славы его по Балканскому полуострову. Въ сказаніи о страданіяхъ св. Димитрія повѣствуется о Леонтіи, что, исцѣлившись отъ своей болѣзни, онъ построилъ на мѣстѣ небольшой часовни, гдѣ покоилось тѣло великомученика, великолѣпный храмъ, который существовалъ во время составителя сказанія, и который, какъ можно думать, въ основныхъ частяхъ сохранился и по настоящее время.

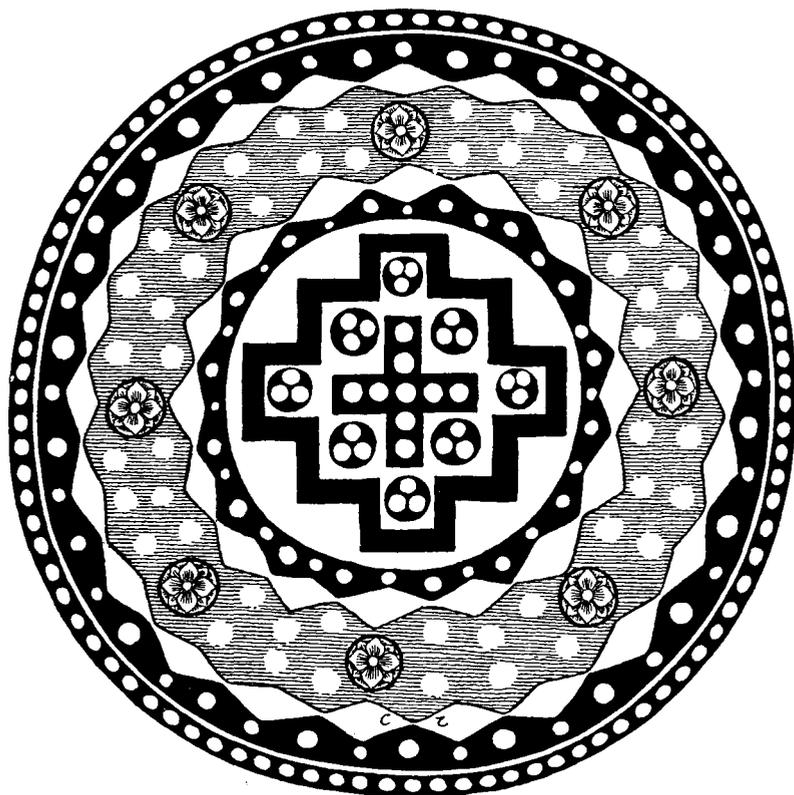
Слѣдую древнѣйшему житію, первоначальная небольшая часовня или церковь надъ гробомъ святого Димитрія была замѣнена уже въ началѣ V вѣка большимъ храмомъ, построеннымъ однимъ изъ усердныхъ почитателей великомученика, упомянутымъ префектомъ Иллирика Леонтіемъ. Итакъ, тотъ храмъ, который соотвѣтствовалъ широкой извѣстности и славы св. Димитрія, былъ построенъ уже въ началѣ V в., когда, повидимому, начинали создаваться сказанія объ его чудесахъ. Къ сожалѣнію, не сохранилось такого описанія этого храма, по которому можно было бы опредѣленно характеризовать его и отождествить. Точно также и въ первоначальныхъ сказаніяхъ о чудесахъ не находимъ никакихъ хронологическихъ данныхъ. Лишь одно важное для храма св. Димитрія обстоятельство можно заимствовать изъ древнѣйшихъ житій, что этотъ храмъ имѣлъ въ себѣ особенную святыню: серебряную раку подъ сѣною, или такъ называемый киворій, находившійся, по преданію, надъ мѣстомъ, гдѣ было погребено тѣло великомученика. Киворій считался самой главной святыней храма, сюда обыкновенно обращались вѣрующіе съ горячими молитвами и здѣсь сосредоточивались дорогія приношенія, близъ киворія получались исцѣленія отъ различныхъ болѣзней.

Въ исторіи храма былъ случай, который сопровождался большимъ пожаромъ, растопившимъ означенный киворій. Этотъ случай стоялъ въ связи съ нападеніемъ славянъ на Солунь и, слѣдовательно, долженъ относиться къ самому концу VI вѣка.

Послѣ пожара, имѣвшаго мѣсто въ концѣ VII вѣка, храмъ св. Димитрія былъ исправленъ и возобновленъ путемъ пожертвованій и частной благотворительности, какъ это опредѣленно объяснено въ

чудесахъ, и какъ легко замѣтить при нѣкоторомъ вниманіи къ архитектурнымъ особенностямъ нынѣшняго храма.

Но самымъ высокимъ значеніемъ пользовался палладій самой столицы, Богоматерь, которая своимъ всегдашнимъ предстательствомъ и заступленіемъ неоднократно спасала городъ отъ крайней опасности. Участіе Панагіи въ судьбахъ столицы засвидѣтельствовано многочисленными литературными памятниками и, между прочимъ, знаменитымъ Акаѣистомъ „Взбранной воеводѣ“, въ которомъ нашли выраженія самыя тревожныя историческія эпохи Константинополя и самыя высокіе порывы религіознаго воодушевленія и духовнаго подъема. Къ этому памятнику мы будемъ имѣть случай не одинъ разъ возвращаться.

глава XI.

ЛЕВЪ I И ЗИНОНЪ. СЛѢДСТВІЯ ХАЛКИДОНСКАГО СОБОРА. ОСНОВАНІЕ ОСТЪ-ГОТСКАГО ГОСПОДСТВА ВЪ ИТАЛІИ.

Переходя къ изложенію ближайшихъ послѣ Халкидонскаго собора событій, замѣтимъ вмѣстѣ съ покойнымъ Гельцеромъ, что разсматриваемыя съ политической точки зрѣнія постановленія Халкидонскаго собора составляли большое бѣдствіе для Византійской имперіи. Въ тотъ періодъ, когда великая политическая идея восходила къ церковному сознанию, анти-эллинское національное чувство сирійцевъ и египтянъ нашло себѣ спайку въ протестъ противъ Халкидонскаго собора ¹⁾. Здѣсь разумѣется не только ближайшій результатъ—отдѣленіе Сиріи и Египта и части Малой Азіи отъ общенія съ господствующей церковью и широкое развитіе на Востокѣ монофизитства, но и болѣе отдаленныя слѣдствія, обнаружившіяся въ политическомъ разобщеніи египтянъ и сирійцевъ съ имперіей, въ успѣхѣ арабскаго завоеванія и даже въ послѣдующихъ затѣмъ событіяхъ.

Въ 457 г. со смертію Маркіана выступилъ династическій вопросъ, такъ какъ изъ поколѣнія Θεодосія Великаго не оставалось представителей. Чаще всего какъ въ предыдущее, такъ и въ послѣдующее время въ подобномъ случаѣ практиковался обычай кооптаціи или назначенія преемника еше при жизни царствующаго лица, но правовой порядокъ состоялъ въ избраніи императора сенатомъ и войскомъ или народомъ. Какъ извѣстно, отсутствіе точнаго закона престолонаслѣдія не разъ ставило имперію въ крайне опасное положеніе,

¹⁾ Krumbacher, „Geschichte der Byzantin. Literatur“, S. 919 (2-te Ausgabe).

но нельзя отрицать и того, что это же обстоятельство часто открывало дорогу къ власти самымъ способнымъ государственнымъ людямъ. Въ рассматриваемое время дѣло обошлось безъ потрясеній, не оказалось необходимости ни въ примѣненіи кооптаціи, ни въ народномъ избраніи. Въ гражданской и военной администраціи было громадное множество иностранцевъ по преимуществу германскаго происхожденія, цѣлые отряды войскъ состояли изъ германцевъ, предводители коихъ имѣли важное политическое значеніе въ имперіи. Готскій родъ, во главѣ котораго стояли Аспаръ и Ардавурій, цѣлыхъ три поколѣнія владѣлъ могущественнымъ вліяніемъ на дѣла, назначая правителей и раздавая гражданскія и военныя должности. Не разъ передъ представителями этой фамиліи открывался соблазнъ захватить императорскую власть, но они предпочитали править, а не царствовать. Есть мнѣніе, будто существеннымъ препятствіемъ къ этому было то, что Аспаръ и Ардавурій какъ аріане имѣли противъ себя духовенство. Такимъ образомъ, по смерти Маркіана Аспаръ вошелъ въ соглашеніе съ однимъ изъ подвластныхъ ему военныхъ чиновъ и, заручившись отъ него всякими гарантіями, употребилъ все свое вліяніе къ возведенію его на царство. Такъ вступилъ на престолъ Левъ I ѳракіецъ по происхожденію, стоявшій во главѣ имперіи отъ 457 по 474 годъ. Весьма любопытно отмѣтить здѣсь, что вступленіе Льва на престолъ ознаменовано въ первый разъ употребленнымъ въ имперіи актомъ — церковнымъ вѣнчаніемъ на царство и мвропомазаніемъ, совершеннымъ патріархомъ Анатоліемъ. Съ тѣхъ поръ это вѣнчаніе или коронованіе вошло въ обязательный обычай для всѣхъ византійскихъ царей, отъ которыхъ усвоено было и другими христіанскими владѣтелями. Левъ I оказался, однако, далеко не такимъ удобнымъ орудіемъ, какимъ желалъ имѣть его Аспаръ, вслѣдствіе чего между ними скоро возникли недоразумѣнія, подготовившія мало-по-малу паденіе временщика и всего его рода, какъ то мы видѣли выше.

Прежде всего Льву предстояло опредѣлить свои отношенія къ религіозному вопросу, волновавшему государство. Наиболѣе сильное движеніе въ пользу монофизитскаго ученія, формулированнаго Евтихіемъ и осужденнаго Халкидонскимъ соборомъ, обнаружилось въ Палестинѣ. Сюда прибылъ александрійскій монахъ Феодосій, присутствовавшій на соборѣ, и началъ волновать мѣстное монашество и

простой народъ извѣстіями о томъ, что постановленіями собора нарушена старая вѣра, и утверждено ученіе еретика Несторія. Такъ образовалось сильное движеніе въ Палестинѣ, поддержанное мѣстнымъ монашествомъ и имѣвшее цѣлью въ одно и то же время отвергнуть ученіе Евтихія о томъ, что человѣческое естество во Христѣ поглощено божескимъ, и протестовать противъ признанныхъ Халкидонскимъ соборомъ двухъ естествъ (діофизитизмъ). Вожди движенія выставили на своемъ знамени принципъ одного естества и положили начало монофизитскаго ученія въ тѣсномъ смыслѣ, въ отличіе отъ Евтихіева. Скоро это движеніе получило политическій характеръ и начало угрожать большими опасностями, когда его приняла подъ свою защиту проживавшая въ Іерусалимѣ вдова царя Θεодосія II, Евдокія. Когда епископъ іерусалимскій Ювеналій не рѣшился подчиниться народному требованію и анаѳематствовать халкидонскія постановленія, въ городѣ начался бунтъ противъ церковной власти, пожары и убійства, при чемъ виновникъ всего движенія, монахъ Θεодосій, возведенъ былъ въ епископы Іерусалима на мѣсто низвергнутаго Ювеналія. Отпаденіе отъ господствующей церкви и избраніе новыхъ епископовъ распространилось и на другіе города Палестины. Не менѣе сильное движеніе въ томъ же направленіи происходило въ Египтѣ. Уже на Халкидонскомъ соборѣ 13 египетскихъ епископовъ не согласились дать своей подписи къ соборнымъ дѣяніямъ. Единомышленники ихъ въ Александріи, которыхъ было большинство, подняли возстаніе противъ вновь избраннаго въ патріархи Протерія и нанесли полное пораженіе правительственной партіи тѣмъ, что измѣннически уничтожили александрійскій гарнизонъ. Независимо отъ того обнаружилась въ то же время церковная революція; во главѣ стали два клирика, Тимоѳей Элуръ и Петръ Монгъ, которые вмѣстѣ съ примкнувшими къ нимъ епископами и монахами и александрійской чернью захватили епископскую церковь. Тимоѳей, избранный въ александрійскіе епископы на мѣсто умерщвленнаго Протерія, сталъ замѣщать подвѣдомственныя ему епископіи своими приверженцами и на собранномъ имъ синодѣ произнесъ отлученіе на Халкидонскій соборъ, на царя и патріарха.—Не лучше было положеніе въ Антіохіи. И тамъ противъ господствующей церкви поднимается монахъ Петръ, по прозванію валяльщикъ, организовавшій многочисленную партію противъ православнаго епископа Мартирія и самъ занявшій

его кафедрѣ въ Антиохіи. Какъ и въ другихъ діоцезахъ, монофизитскій епископъ старался поставить на подвѣдомственныя Антиохіи кафедрѣ новыхъ епископовъ, изгнавъ послѣдователей Халкидонскаго собора. Составленный имъ соборъ произнесъ анаѹему противъ діофизитовъ или православныхъ. Такимъ образомъ, новому императору предстояло считаться съ организованнымъ бунтомъ въ Іерусалимѣ, Антиохіи и Александріи, возникшимъ на почвѣ церковной, но питаемымъ также и національными и политическими тенденціями. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ положеніе императора было въ высшей степени затруднительнымъ. Присланную ему жалобу на Тимоѹея Элура императоръ разослалъ по всѣмъ епископіямъ имперіи и спрашивалъ мнѣнія всѣхъ епископовъ по поводу событій въ Александріи. Хотя большинство высказалось противъ александрійскаго епископа, но императоръ не рѣшился принять строгихъ мѣръ противъ Элура, а позволилъ ему явиться въ Константинополь для объясненій и только по настояніямъ римскаго епископа Льва сослалъ его въ Херсонисъ. Осторожно и умѣренно отнесся императоръ и къ іерусалимскимъ волненіямъ и достигъ того, что монофизитскій епископъ бѣжалъ на Синай, послѣ чего снова получила господствующее положеніе православная партія. Точно также не безъ большихъ затрудненій удалось прекратить смуту въ Антиохіи послѣ того, какъ епископъ Петръ былъ изгнанъ, и восстановлены на мѣстахъ приверженцы Халкидонскаго собора. Несмотря, однако, на временный успѣхъ, положеніе церковныхъ дѣлъ не могло считаться упроченнымъ, такъ какъ на Востокѣ продолжало таиться глубокое раздраженіе противъ православной партіи, возобладавшей при помощи свѣтской власти и оружія.

Кромѣ церковной смуты, вниманіе Льва занимало исключительное положеніе, занятое въ имперіи, въ особенности въ войскѣ, варварами. Родъ могущественнаго вождя германскихъ дружинъ Аспара, члены и приверженцы коего занимали высшія мѣста въ войскѣ, представлялъ серьезную опасность въ имперіи. Уже было замѣчено, что Аспаръ былъ самымъ вліятельнымъ лицомъ въ имперіи; при вступленіи Льва онъ выговорилъ нѣкоторыя привилегіи въ пользу своего рода, именно, будто бы, вынудилъ согласіе Льва назначить сына Аспара кесаремъ. Легко видѣть, что на Востокѣ складывался тотъ же порядокъ вещей, который неминуемо привелъ Западную

имперію къ паденію. Левъ понималъ угрожавшую опасность и принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы ослабить преобладающее значеніе германскихъ дружинъ. О взаимныхъ отношеніяхъ между царемъ и Аспаромъ прекрасныя свѣдѣнія передаетъ житіе Св. Маркелла обители Акимитовъ. „Аспаръ былъ первый послѣ царя, родомъ и могуществомъ силенъ, изъ племени готскаго, подъ рукой его было все войско греческое. И противился царю Аспаръ во многомъ и со всею своею фамиліей былъ тайно враждебенъ царскому, и всей церкви Христовой тяжель весьма, ибо много помогаль аріанамъ и озлоблялъ православныхъ. Благочестивый же царь Левъ, будучи кротокъ и богобоязливъ, терпѣлъ Аспара до времени частью по незлобію, частью по тому, что все войско стояло на сторонѣ дома Аспара“.

При полномъ отсутствіи источниковъ трудно, конечно, войти въ оцѣнку обстоятельствъ, которыми воспользовался царь Левъ, чтобы предотвратить угрожавшую опасность отъ германо-готскаго элемента. Но не можетъ быть сомнѣнія, что въ это царствованіе приняты были мѣры къ организациі національнаго войска и къ ослабленію преобладанія варварскихъ дружинъ. Во всякомъ случаѣ, для Византіи въ царствованіе Льва и благодаря принятымъ имъ мѣрамъ отдалена была та опасность, которая угрожала ей тѣми же потрясеніями, что постигли Западную римскую имперію. Царь Левъ сдѣлалъ важный шагъ къ націонализациі войска, исполнивъ въ этомъ отношеніи совѣты египетскаго епископа императору Аркадію. Въ первый разъ при Львѣ I выступаетъ на сцену народъ исавры, которые жили полунезависимо въ горахъ Тавра и отличались воинственнымъ духомъ. Исаврамъ предоставлены были нѣкоторыя привилегіи за несеніе военной службы, старшины ихъ были приняты на жалованье и облечены въ разныя военныя званія; словомъ, въ этомъ военномъ и преданномъ интересамъ имперіи народѣ царь Левъ постепенно приготовилъ надежное средство для ослабленія вождей германскихъ отрядовъ. И, конечно, это національное дѣло можетъ оправдывать даваемое ему наименованіе великаго.

Весьма вѣроятно, что въ связи съ отношеніями Льва къ Аспару нужно разсматривать бѣдственный исходъ, постигшій хорошо задуманную и прекрасно подготовленную морскую экспедицію противъ вандаловъ. Извѣстно, что полная неудача постигла это предпріятіе изъ-за неспособности Василиска, шурина императора, назначеннаго

на отвѣтственное мѣсто главнокомандующаго преимущественно по настоянію Аспара. Когда походъ окончился полнымъ уничтоженіемъ флота, и Василискъ спасался отъ народнаго раздраженія въ церкви св. Софіи, авторитетъ Аспара значительно былъ ослабленъ. Но рѣшительная мѣра противъ временщика принята была при помощи тѣхъ исавровъ, о которыхъ говорено выше. Начальникъ племени исавровъ, по имени Зинонъ, былъ обласканъ царемъ и женатъ на его дочери Ариаднѣ въ 458—9 г.; съ этихъ поръ соплеменникамъ Зинова предоставлены были особенныя права военной службы, такъ что преобладанію германскаго элемента постепенно полагались ограниченія. Съ тѣхъ поръ, какъ Зинону препоручено было командованіе восточными войсками (около 464 г.), дальнѣйшій ходъ дѣлъ не трудно было предвидѣть. Начинаются враждебныя отношенія между германской и исаврійской партіей, сдѣлано было разъ покушеніе на жизнь Зинова. Тогда послѣдній, конечно, не безъ вѣдома императора, рѣшился на крайнее средство. Въ 471 году произведенъ былъ переворотъ, стоившій жизни Аспару и сыну его Ардавурію и окончательно лишившій значенія германскую партію. Хотя прозваніе „мясника“, оставшееся за Львомъ, можетъ имѣть свое объясненіе именно въ безпощадномъ избіеніи партіи Аспара и Ардавурія, но съ точки зрѣнія интересовъ организующейся имперіи на Востокѣ націонализація войска должна быть поставлена ему въ большую заслугу.

Левъ умеръ въ 474 году, назначивъ преемникомъ своего малолѣтняго внука, сына Зинова и Ариадны, по имени Льва, который, однако, неожиданно скончался, избравъ въ соимператоры своего отца и, такимъ образомъ, обезпечивъ за нимъ преемство власти. Довольно продолжительное царствованіе Зинова (474—491) отличалось большими внутренними потрясеніями, объясняемыми частью борьбою партій политическихъ и церковныхъ, частью честолюбивыми тенденціями членовъ царской семьи. Въ это время замѣтны вліянія: 1) вдовы умершаго царя Льва I Верины, женщины способной и честолюбивой, желавшей держать въ своихъ рукахъ вліяніе на дѣла и пользовавшейся для этого какъ орудіемъ братомъ своимъ Василискомъ; 2) царицы Ариадны, которая естественно считала себя, какъ дочь и мать императоровъ, ближе всѣхъ къ высшей власти; 3) наконецъ, временщиковъ Василиска, Илла и др.

Уже черезъ годъ по вступленіи Зинова на престолъ въ Константинополь обнаруживается враждебное къ новому царю движеніе, такъ что онъ долженъ былъ спастись бѣгствомъ въ Исаврію. Можно догадываться, что во главѣ враждебной Зинову партіи стояла Верина, но ей не удалось захватить власть; національная партія, руководимая духовенствомъ, выдвинула Василиска, который послѣ злосчастной экспедиціи противъ вандаловъ долгое время оставался не у дѣлъ, и котораго только крайняя непопулярность Зинова могла снова выдвинуть на первыя мѣста.

Послѣ бѣгства Зинова Василискъ въ началѣ 476 г. захватилъ высшую власть и около двухъ лѣтъ стоялъ во главѣ имперіи; противъ приверженцевъ Зинова началось гоненіе; соплеменники его, исаврійцы, были преслѣдуемы и убиваемы. Реакція обнаружилась и со стороны церковной: при Василискѣ православная партія утратила свое вліяніе, и монофизиты, т.-е. противники халкидонскихъ постановленій, снова подняли голову въ Сиріи и Египтѣ. Константинопольскій епископъ Акакій пытался удержать Василиска въ церковномъ подчиненіи, простой народъ и монахи начали волноваться. Въ Константинополь произошелъ большой пожаръ, истребившій много домовъ и, между прочимъ, часть библіотеки, при чемъ погибли весьма цѣнныя рукописи и художественные памятники. Указанныя обстоятельства въ соединеніи съ личными качествами Василиска, лишеннаго и политическаго такта, и самыхъ элементарныхъ правилъ честности, произвели къ нему общее охлажденіе, не исключая даже ближайшихъ къ нему лицъ. Этимъ воспользовался Зиновъ въ цѣляхъ возстановленія своей власти и авторитета въ столицѣ. Посланный противъ него Василискомъ полководецъ Иллъ предпочелъ предаться на сторону Зинова; точно такъ же поступилъ и предводитель еракійскихъ войскъ Арматій. Лишенный всѣхъ средствъ защиты, Василискъ рѣшился-было опереться на православную партію въ Константинополь, обѣщая ей отмѣну прежнихъ постановленій въ пользу еретиковъ и опубликованія отлученія на Несторія и Евтихія. Но ему не повѣрили и охотно впустили въ Константинополь Зинова, не оказавъ ему сопротивления. Василискъ искалъ спасенія въ храмѣ св. Ирины и не прежде оставилъ его, какъ получивъ обѣщаніе Зинова не посягать на его жизнь. Заточенный послѣ того въ Арменіи въ Кукузь, онъ умеръ въ 477 году.

Зинонъ обязанъ былъ возвращеніемъ власти столько же православнои партіи, сколько прямой и непосредственной помощи царицы Верины и вождей Илла и Арматія. Само собой разумѣется, онъ долженъ былъ надавать много обѣщаній своимъ сторонникамъ, которыя исполнить было не совсѣмъ легко. Не говоря о престарѣлой царицѣ Веринѣ, которая скоро лишена была вліянія на дѣла и выслана изъ Константинополя, трудно было удовлетворить притязанія военныхъ людей Арматія и Илла. По отношенію къ первому Зинонъ исполнилъ все, что могъ, назначивъ самого Арматія главнокомандующимъ войскъ, а сыну его Василиску давъ титулъ кесаря. Что касается Илла, онъ долго оставался дѣйствительной поддержкой для Зинона. Ему императоръ былъ обязанъ устраненіемъ опасности, грозившей ему отъ Маркіана, сына римскаго императора Анемія въ 479 г. Но, можетъ-быть, это обстоятельство и было причиной большихъ притязаній Илла. Прежде всего по его кознямъ былъ убитъ Арматій, затѣмъ, находясь въ Малой Азіи во главѣ военнаго отряда, онъ началъ возстаніе противъ императора, имѣя намѣреніе лишить Зинона власти и выставивъ самозванца въ лицѣ Леонтія (484). Это движеніе противъ Зинона было, наконецъ, сломлено Феодорикомъ, сыномъ Тріарія, состоявшимъ на службѣ имперіи и командовавшимъ отдѣльнымъ готскимъ отрядомъ. Изъ этого можно до извѣстной степени понять, съ какими затрудненіями связано было царствованіе Зинона и какъ трудно было ему удовлетворить притязанія своихъ приверженцевъ ¹⁾.

Но самымъ важнымъ вопросомъ, предстоявшимъ предъ Зинономъ, былъ церковный вопросъ. Внутреннія смуты въ имперіи поддерживались вслѣдствіе церковнаго раздѣленія. Василискъ и Зинонъ лично не стояли на сторонѣ приверженцевъ халкидонскихъ постановленій о соединеніи двухъ естествъ во Христѣ и, смотря по обстоятельствамъ, держались то православнои, то еретическаго, т.-е. монофизитскаго воззрѣнія. Теперь, когда возстановленіемъ своимъ на престолѣ Зинонъ обязанъ былъ главнѣйше православнои партіи, онъ считалъ себя вынужденнымъ въ своихъ правительственныхъ дѣйствіяхъ высказаться опредѣленно по церковному вопросу. Въ Малой Азіи происходили колебанія даже въ средѣ епископовъ между правосла-

¹⁾ Для внутреннихъ отношеній см. Sievers, „Studien zur Geschichte der römischen Kaiser“, S. 489.

віемъ и ересью. Но въ Сиріи и Палестинѣ, въ особенности же въ Египтѣ, монофизитское ученіе одерживало верхъ, и ожесточенная борьба религиозныхъ партій доходила до открытаго мятежа противъ правительства. Въ Антиохіи вождемъ враждебной православію партіи былъ епископъ Петръ Кнафей или валяльщикъ, въ Александріи Петръ Монгъ; тамъ и здѣсь угнетаемая и приниженная православная партія обращалась въ Константинополь съ надеждой на поддержку и взывала о правительственномъ вмѣшательствѣ. Константинопольскій епископъ Акакій внушилъ императору мысль сдѣлать попытку примиренія церковныхъ партій. Съ этой цѣлью въ 482 г. изданъ былъ Зиномомъ знаменитый актъ единенія или Энотикъ (*ἐνωτικόν*), такъ назывался эдиктъ, адресованный епископамъ, клирикамъ и монахамъ и всѣмъ христіанамъ Александріи, Египта, Ливіи и Пентаполя и имѣвшій цѣлью сближеніе монофизитовъ съ православными, для чего допустившій нѣкоторыя уступки въ способѣ изложенія спорнаго ученія. Какъ извѣстно, яблокомъ раздора между партіями было ученіе о соединеніи во Христѣ двухъ природъ—божеской и человѣческой нераздѣльно, несліянно, неизмѣнно, непреложно (діофизиты въ противоположность къ монофизитамъ). Составленный Зиномомъ актъ долженъ былъ такъ изложить ученіе о Сынѣ Божіемъ, чтобы не затронуть ни православныхъ, ни монофизитовъ. Энотикъ, съ одной стороны, утверждая истинное человѣчество и истинное божество Христа, какъ это было утверждено тремя первыми вселенскими соборами, предаетъ проклятію ересь Несторія и Евтихія, но, съ другой стороны, выразительно упоминая о символѣ первыхъ соборовъ и избѣгая выраженій „одна природа“, „двѣ природы“, какъ-будто намѣренно замалчиваетъ Халкидонскій соборъ, составившій опредѣленіе о двухъ естествахъ. Внесенное же въ актъ упоминаніе объ этомъ соборѣ въ такихъ выраженіяхъ; „кто иначе думаетъ или думалъ, въ Халкидонѣ или на какомъ другомъ соборѣ, да будетъ анаѰема“—могло наводить на сомнѣнія о томъ, какое значеніе приписывается этому собору рядомъ съ другими.

Упомянутый актъ имѣлъ цѣлью, какъ сказано, примирить враждующія церковныя партіи, но намѣренія Зинона и патріарха Акакія не оправдались. Причина этого частью лежала въ національныхъ различіяхъ, составлявшихъ существенный поводъ къ раздорамъ въ имперіи, въ противоположности эллинизма къ восточнымъ національностямъ

Сирии и Египта, частью въ жаркой полемикѣ противъ этого акта со стороны римскаго папы,—полемикѣ, сопровождавшейся отдѣленіемъ восточной церкви отъ западной на 35 лѣтъ; наконецъ, неудача Энотика лежала и въ самомъ существѣ этого акта—въ его двойственности и неопредѣленности. Монофизиты остались имъ недовольны за то, что онъ прямо не высказывается противъ Халкидонскаго собора; православные ставили Зинону въ вину то, что онъ принялъ на себя смѣлость рѣшать вопросы вѣры безъ собора, и что своимъ актомъ бросилъ тѣнь на авторитетъ Халкидонскаго собора. Такимъ образомъ, слѣдствіемъ этого акта внутри имперіи получилось еще большее раздѣленіе: вмѣсто двухъ партій явилось три, двѣ крайнихъ и одна средняя. Что же касается римской церкви, то послѣдовавшее изъ-за Энотика отлученіе отъ церкви патріарха Акакія и отвѣтъ константинопольскаго епископа изъятіемъ имени римскаго папы изъ диптиховъ восточной церкви является иллюстраціей политическаго отдѣленія Восточной и Западной имперіи, которая къ тому времени совершенно подпадаетъ господству варварскихъ народовъ.

Въ царствованіе Зинона произошли, однако, событія, снова выдвинувшія вопросъ объ единой нераздѣльной имперіи. Послѣ того, какъ миромъ съ вандалами въ 475 г. предотвращена была опасность отъ морскихъ пиратовъ, появляются новые враги въ лицѣ германскаго племени готовъ.

Переходимъ къ изложенію важнѣйшаго политическаго событія времени Зинона—образованію германскаго королевства въ Италіи. Движеніе остъ-готовъ въ Италію до сихъ поръ представляетъ много непонятнаго ¹⁾. И, прежде всего, какими побужденіями руководился императоръ Зинонъ, посылая Θεодориха въ Италію? Очень авторитетное мнѣніе высказано Моммсеномъ, что образованіе остъ-готскаго королевства въ Италіи есть въ существѣ дѣло Одоакра, такъ какъ появленіе въ Италіи Θεодориха было лишь личной перемѣной стоявшаго во главѣ вождя. Одоакръ первый порвалъ съ традиціей о Западной римской имперіи и, объявивъ себя королемъ, далъ выраженіе варварскимъ притязаніямъ на земельные участки въ Италіи и право поселенія. Когда онъ провозглашенъ былъ 23 августа 476 г. своимъ войскомъ королемъ, уже однимъ этимъ нарушенъ былъ

¹⁾ M o m m s e n, „Ostgothische Studien“, S. 245 („Neue Archiv der Gesellsch.“, 14 B.) (1889).

прежній порядокъ, такъ какъ Одоакра мало теперь занималъ носитель императорской власти, изъ коихъ одинъ (Непотъ) былъ въ Далмаціи, а другой, съ согласія Одоакра, спокойно доживалъ свои дни въ Кампаніи (Ромуль-Августуль). На мѣсто западнаго императора, котораго больше не было, должны были осуществляться въ Италіи имперскія права восточнаго императора, но по существу въ Италіи остались неизмѣнны соціальныя и политическія, и этнографическія отношенія. Въ 478 г. римскій сенатъ по порученію Одоакра послалъ въ Константинополь посольство, которое должно было передать знаки императорской власти упраздненной Западной имперіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, просить о признаніи совершившагося факта. Послы должны были объяснить, что Италія не нуждается въ отдѣльномъ императорѣ, и что достаточно для Запада и Востока одного общаго императора. Сенатъ предложилъ назначить Одоакра для управленія дѣлами Запада, дать ему достоинство патриція и поручить ему управленіе Италіей. И Зинонъ, несмотря на то, что въ то же самое время западный императоръ Непотъ просилъ у него помощи и войска, нашелъ возможнымъ продолжать переговоры съ Одоакромъ и обѣщаль дать ему званіе патриція. При всемъ трудномъ положеніи дѣла Одоакръ остался у власти въ продолженіе 13 лѣтъ; по смерти Непота, весьма вѣроятно, Зинонъ уступилъ ему званіе патриція и призналъ его въ правахъ на обладаніе Италіей.

Нужно думать, что итальянскія дѣла, однако, не могли оставаться безразличны для восточнаго императора, что новый порядокъ вещей, установленный Одоакромъ, не имѣлъ исключительно мѣстнаго значенія. Какъ ни скудны сохранившіяся извѣстія, но изъ нихъ можно видѣть, что новое королевство не совсѣмъ укладывалось рядомъ съ имперіей. Первый случай къ тому представился въ смерти Непота (480 г.), которою Одоакръ воспользовался для того, чтобы подчинить Далмацію своей власти, хотя всего естественнѣе было бы ожидать вмѣшательства восточнаго императора въ наслѣдство, оставшееся послѣ западнаго императора. Трудно сказать, принималъ ли Одоакръ прямое участіе во внутреннихъ смутахъ, производимыхъ въ имперіи Василискомъ, Илломи и Феодорихомъ, сыномъ Триарія, но есть извѣстія, что византійскіе бунтовщики и повстанцы находили поддержку въ Италіи. Независимо отъ всего прочаго, уже давно примѣняема была въ имперіи политика ослаблять одного варварскаго

предводителя, противопоставивъ ему другого. Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ разсматривать вопросъ о движеніи остготовъ въ Италію.

Со времени распадѣнія державы гунновъ въ придунайскихъ областяхъ Норикъ и Панноніи наступаетъ полное безначаліе. Римская власть не доходила до этихъ отдаленныхъ провинцій, и защита ихъ предоставлена была мѣстнымъ силамъ. Хотя Одоакръ сдѣлалъ попытку заявить о своихъ притязаніяхъ на имперскія области на Дунаѣ, но эта попытка вызвала появленіе новой политической и военной силы, которая была причиной гибели Одоакра. Распадѣніе имперіи гунновъ имѣло громадное значеніе въ исторіи народностей сѣверо-восточной Европы, и потому необходимо здѣсь нѣсколько остановиться на этнографіи этихъ областей.

Наибольшая заслуга въ дѣлѣ окончательнаго ослабленія гунновъ принадлежитъ гепидамъ, которые послѣ того заняли Дакію. Панноніа занята готами. Дальнѣйшая исторія сосредоточивается около готскаго племени. Но никакъ нельзя думать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ цѣлыми народами, напротивъ, чаще всего это племена и военные дружины. Въ исторіи тѣхъ готовъ, которые приняли главное участіе въ образованіи королевства въ Италіи, преимущественное значеніе принадлежитъ тремъ братьямъ изъ рода Амаловъ—Валаміру, Тіудеміру и Видиміру. Они стоятъ во главѣ военныхъ отрядовъ, съ ними переговаривается византійское правительство, они же получаютъ отъ императора денежныя средства на жалованье дружинѣ. Рядомъ съ старшинами изъ рода Амаловъ, другой отрядъ готскаго племени упоминается на нижнемъ Дунаѣ близъ Никополя; есть отрядъ готовъ въ Далмаціи близъ Драча. Наконецъ, была еще значительная готская дружина подъ предводительствомъ Θεодориха, сына Тріарія, которая даже стояла въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ имперіи, чѣмъ другіе готы, и которая играла роль еще при жизни Ардавурія. Паннонскіе остготы находились въ постоянномъ движеніи, такъ какъ вожди ихъ недовольны получаемымъ отъ имперіи жалованьемъ, дружина ищетъ болѣе обширныхъ и плодородныхъ земель для поселенія. Чтобы заручиться вѣрностью въ исполненіи принятыхъ обязательствъ со стороны готовъ, правительство потребовало отъ нихъ заложника (ок. 461 г.). Такимъ образомъ малолѣтній Θεодорихъ, сынъ Тіудеміра, былъ воспитанъ въ Константинополѣ и сдѣлался полуогреченнымъ германскимъ княземъ. Между тѣмъ катастрофа, постигшая въ Кон-

стантинополь германцевъ, и появленіе новыхъ военныхъ отрядовъ изъ исаврійцевъ не могли не отразиться на отношеніяхъ между готами и правительствомъ. Прежде всего это вызвало враждебное движеніе среди готскаго отряда во Фракіи, во главѣ котораго стоялъ Θεодорихъ, сынъ Триарія, вслѣдствіе родственныхъ отношеній къ Аспару и Ардавурію принявшій слишкомъ близко къ сердцу постигшую ихъ катастрофу. Вождь фракійскихъ готовъ требовалъ отъ императора не только наслѣдства, оставшагося послѣ Аспара, но и претендовалъ на то политическое и военное положеніе, которое его родственнику принадлежало въ имперіи. Весьма вѣроятно, что въ цѣляхъ ослабить вождя фракійскихъ готовъ, Зинонъ выпустилъ на свободу заложника паннонскихъ готовъ Θεодориха, воспитаннаго въ греческихъ нравахъ и около 10 лѣтъ проведеннаго въ столицѣ. Но расчеты Зинона не оправдались.

По возвращеніи къ своимъ соплеменникамъ, Θεодорихъ становится во главѣ движенія паннонскихъ готовъ, имѣющаго цѣлью, съ одной стороны, расширеніе занятой ими территоріи на счетъ сосѣднихъ народовъ, съ другой—пріобрѣтеніе военной добычи и средствъ пропитанія. Что всего важнѣй для византійскаго правительства было въ этомъ движеніи—это новое направленіе, данное набѣгамъ подъ предводительствомъ молодого Θεодориха: готы появляются въ Македоніи, доходятъ до Фессаліи и угрожаютъ осадой Фессалоникѣ. Это былъ важнѣйшій моментъ въ отношеніяхъ имперіи къ готамъ.

Вѣроятно, тогда уже Зинонъ вступилъ въ новыя соглашенія съ Θεодорихомъ, который по смерти отца своего Тиудеміра сдѣлался представителемъ рода Амаловъ, предоставивъ готамъ нѣкоторыя области въ Македоніи и надѣливъ Θεодориха титуломъ *magister militum*, т.-е. введя его въ тѣсную связь съ имперіей. Во время возмущенія Василиска, которое заставило Зинона бѣжать изъ Константинополя и искать спасенія въ горахъ Исавріи, оба Θεодориха, какъ предводитель фракійскаго отряда, такъ и вождь паннонско-македонскихъ готовъ, носившіе одинаковый имперскій титулъ и состоявшіе на службѣ, питали честолюбивые замыслы получить первенствующее положеніе и заручиться наибольшимъ вліяніемъ. Василиска поддерживалъ Θεодорихъ сынъ Триарія, Зинонъ опирался на силы и вліяніе другого Θεодориха. Возвращеніе Зинона къ власти было въ то же время триумфомъ для союзника его, Θεодориха паннонскаго, который

не только пожалованъ саномъ патриція, но усыновленъ Зиномомъ. Для характеристики отношенія имперіи къ германскимъ вождямъ, имѣвшимъ званіе федератовъ, прекрасныя мѣста имѣются у писателя Малха ¹⁾. Правительство Зинона ведетъ переговоры съ Θεодорихомъ, сыномъ Тріарія, который заявляетъ недовольство идущимъ отъ имперіи жалованьемъ и выставляетъ слѣдующія причины для своихъ притязаній. „Въ прежнее время онъ могъ бы удовлетвориться и скромнымъ содержаніемъ; нынѣ же, когда его поставили въ необходимость собрать дружину, онъ долженъ или давать достаточное содержаніе своимъ людямъ, или воевать съ имперіей“. Правительство, находясь въ затруднительномъ положеніи, согласилось выдавать Θεодориху жалованье на дружину въ 13000 военныхъ людей, которыхъ отъ будто бы содержалъ у себя. Само собой разумѣется, Зинонъ искалъ возможности ослабить слишкомъ притязательнаго федерата, выставивъ противъ него другого варварскаго дружинника. Царствованіе Зинона представляетъ неоднократные примѣры искуснаго примененія этой системы, которая помогала устранять серьезную опасность безъ особенныхъ потрясеній.

Военная и политическая карьера Θεодориха, сына Тиудеміра, не можетъ имѣть достаточнаго объясненія, если не взвѣситъ всѣ обстоятельства его воспитанія и ознакомленія со взаимными отношеніями римскаго міра къ варварскому. Θεодорихъ долженъ считаться однимъ изъ даровитѣйшихъ представителей остготскаго племени, который прекрасно понялъ положеніе политическихъ дѣлъ на Востокѣ и Западѣ. Видя, что нѣкоторымъ германскимъ племенамъ выпала уже счастливая роль основать національныя королевства на территоріи имперіи, Θεодорихъ не хотѣлъ болѣе ограничиваться скромной ролью федерата, хотя бы и отличеннаго высшими имперскими титулами: онъ начинаетъ заявлять притязанія на болѣе важныя полномочія. Съ этой точки зрѣнія и слѣдуетъ оцѣнивать его безпокойную дѣятельность, пока она не увѣнчалась исполненіемъ его завѣтной мечты. Находившійся подъ его властью народъ-войско, оставивъ паннонскія долины, бродилъ по Македоніи, ища мѣста для осѣдлости. Нужда и голодъ заставляли готовъ искать населенныхъ и обработанныхъ мѣстъ, ибо идеаль варваровъ — владѣть плодородными землями,

1) Malchi Fragm. II ed. Dindorf., p. 397.

обрабатываемыми трудом мѣстнаго населенія, властвуя надъ которымъ, можно бы было проводить праздную жизнь господина и воина. Уже находясь въ Македоніи, Θεодорихъ бросалъ взоры на Италію и предлагалъ императору Зинову принять на себя возстановленіе въ Италіи нарушеннаго Одоакромъ порядка и снова призвать жившаго въ Салонѣ Непота на престолъ западныхъ императоровъ ¹⁾). Наблюдавшій за движеніемъ готовъ Θεодориха полководецъ Зинова, Сабиніанъ, нанесъ имъ значительное пораженіе въ 479 году; но въ то же самое время еракійскіе готы Θεодориха, сына Триарія, стали угрожать самому Константинополю, поставивъ Зинова въ необходимость искать новыхъ союзниковъ на сѣверѣ, чтобы отвлечь отъ Константинополя опасность. Неожиданная смерть вождя еракійскихъ готовъ устранила на этотъ разъ опасность; часть его дружины перешла, повидимому, къ представителю рода Амаловъ, принявъ участіе въ его дальнѣйшихъ приключеніяхъ. Тѣмъ не менѣе, Зиновъ нашелся вынужденнымъ вновь вступить въ соглашеніе съ Θεодорихомъ, которому снова были предоставлены титулъ главнокомандующаго и, кромѣ того, почетное званіе консула на 484 годъ. Въ ближайшее затѣмъ время онъ находится въ близкихъ и дружественныхъ отношеніяхъ къ императору, пользуясь его довѣріемъ. Въ высшей степени любопытно отмѣтить, что Θεодорихъ стоялъ во главѣ имперскихъ войскъ, назначенныхъ противъ бунтовщика Илла, находившагося въ сношеніяхъ съ Одоакромъ; что онъ же участвовалъ въ отраженіи болгаръ, тогда въ первый разъ упоминаемыхъ въ исторіи. Тѣмъ не менѣе, довѣріе къ нему со стороны Зинова не было продолжительно. Еще не было окончено дѣло съ Иллою въ Малой Азіи, какъ Θεодорихъ былъ отозванъ отъ командованія войсками. Въ 486 г. мы находимъ его въ открытой войнѣ съ имперіей, онъ опустошаетъ Фракію, и до самыхъ стѣнъ Константинополя для него не было преграды, такъ какъ имперское войско было на азіатской сторонѣ и занято усмиреніемъ Илла. Тогда императоръ послалъ въ готскій лагерь сестру Θεодориха, бывшую придворной дамой при императрицѣ, которая и уговорила Θεодориха отступить отъ Константинополя (487). Нужно думать, что въ это время уже начались переговоры на счетъ переселенія остготовъ въ Италію.

1) Malchi Fragm., 18; Comes Marcell. a. 479.

Мысль объ Италіи для Θεодориха не была неожиданностью; уже и ранѣе онъ дѣлалъ императору предложеніе возстановить Непота на престолѣ западнаго императора, прогнавъ изъ Италіи Одоакра. Что касается Зинона, для него близость Θεодориха начала представлять значительныя затрудненія, такъ какъ вождя остготовъ не удовлетворяли болѣе ни титулы и достоинства, ни денежныя выдачи; народъ же, стоявшій подъ его властью, требовалъ отъ него новыхъ земель, которыя обезпечивали бы ему спокойную жизнь и пропитаніе. И какъ-разъ въ это время такъ складывались обстоятельства, что проектъ войны въ Италіи казался весьма своевременнымъ и умѣстнымъ. Съ одной стороны, на Одоакрѣ лежало подозрѣніе, что онъ поддерживаетъ Илла, чѣмъ затронуты были интересы Зинона; съ другой же—у Θεодориха просилъ защиты ругійскій князь Фридрихъ, прогнанный Одоакромъ. Во всякомъ случаѣ, не безъ согласія императора его *magister militum* сталъ собирать войско для движенія въ Италію. Конечно, не весь народъ готскій пошелъ съ Θεодорихомъ, многіе остались на прежнихъ мѣстахъ, но зато къ нему могли примкнуть и часть роговъ князя Фридриха, и часть охотниковъ изъ другихъ германскихъ племенъ, и, можетъ-быть, нѣкоторые римскіе колонисты. Это была разнообразная по своему составу масса людей, соединенная общимъ военнымъ начальствомъ ¹⁾.

Зимой 488—489 г. началось народное движеніе среди готовъ. Военные люди пѣшкомъ и на коняхъ; дѣти, женщины и старики со всѣми пожитками на возахъ—всѣ эти толпы составляли громадную движущуюся массу народа. Путь шель черезъ нынѣшнюю Болгарію къ Срѣму. Здѣсь пытались загородить дорогу гепиды, вѣроятно по внушенію Одоакра, но Θεодорихъ нанесъ имъ страшное пораженіе, захвативъ ихъ лагерь съ большими запасами продовольствія. Дальнѣйшій путь шель на Любляны и Аквилею. Одоакръ, очень хорошо понимая, что Θεодорихъ идетъ въ Италію именемъ императора, отвѣтилъ на открытый вызовъ тѣмъ, что провозгласилъ цесаремъ своего сына ²⁾.

О ходѣ военныхъ столкновеній между Θεодорихомъ и Одоакромъ источники даютъ мало извѣстій. Первое дѣло было 28 августа 489 г. въ

1) О числѣ шедшаго въ Италію войска см. соображеніе D a h n, „Die Könige“, II. S. 78.

2) Hartmann, „Gesch. Italiens“, I. 73.

сѣверной Италіи, оно окончилось въ пользу Θεодориха; черезъ мѣсяць готы стояли подъ Вероной, гдѣ Одоакръ собралъ свои силы, но и здѣсь перевѣсъ былъ на сторонѣ Θεодориха. Въ то время, какъ Одоакръ заперся въ тогдашней столицѣ Равеннѣ, вся сѣверная и средняя Италія постепенно перешла на сторону Θεодориха, которому итальянцы оказывали довѣріе, какъ императорскому посланцу. Большимъ ударомъ для Одоакра, окончательно подорвавшимъ его положеніе, было то, что его главнокомандующій Туфа съ частью войскъ перешелъ на сторону побѣдителя. Былъ, однако, еще моментъ, когда измѣна Туфы Θεодориху и переходъ его на сторону Одоакра вновь подняли значеніе Одоакра въ сѣверной Италіи, но въ теченіе 490 года Θεодориху пришло подкрѣпленіе отъ вестготовъ, съ которыми онъ нанесъ Одоакру новое пораженіе при Аддѣ и окружилъ его вновь въ Равеннѣ. Три года продолжалась осада этого важнаго и укрѣпленнаго города; лишь съ помощью флота, отрѣзавшаго Равенну отъ морскихъ сношеній и отъ подвоза сѣстныхъ припасовъ, удалось, наконецъ, Θεодориху принудить своего противника къ сдачѣ. Равеннскій епископъ Іоаннъ вышелъ изъ осажденнаго города въ лагерь готскій и началъ переговоры о сдачѣ города. На счетъ условій сдачи имѣются противорѣчивыя извѣстія: по однимъ—Одоакръ выговорилъ себѣ право на одинаковую власть въ Италіи съ Θεодорихомъ, по другимъ—побѣжденному предоставлено было право жизни. Сынъ Одоакра Тела остался заложникомъ у Θεодориха. 5 марта 493 г. готы вступили во владѣніе Равенной, черезъ 10 дней Одоакръ былъ убитъ.

Хотя не можетъ возникать сомнѣнія въ томъ, что Θεодорихъ шелъ въ Италію съ согласія императора, и что сопровождавшее его войско-народъ имѣло опредѣленную цѣль поселенія въ Италіи на болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ это было въ придунайскихъ провинціяхъ, тѣмъ не менѣе, ни Зинонъ, ни Θεодорихъ не могли предвидѣть всѣхъ подробностей этого важнаго предпріятія. Еще прежде, чѣмъ занята была Равенна, т. е. прежде рѣшительнаго дѣла, опредѣлившаго судьбу Одоакра, Θεодорихъ послалъ въ Константинополь посольство, во главѣ котораго стоялъ сенаторъ Фестъ. И ранѣе, когда Одоакръ захватилъ власть, онъ чрезъ посольство испрашивалъ у императора милости—признанія его въ достоинствѣ патриція, каковое и давало ему право на управление Италіей. Θεодорихъ давно

уже былъ пожалованъ въ это званіе, и, слѣдовательно, его посольство имѣло другое значеніе. Но въ это время произошли именно тѣ событія, которыхъ не могли предвидѣть договаривавшіяся стороны: въ апрѣлѣ 491 г. умеръ императоръ Зинонъ, и на его мѣсто вступилъ Анастасій, а въ Италіи готы-побѣдители подняли своего предводителя на щитъ и провозгласили его королемъ. Нѣсколько лѣтъ итальянскія дѣла оставались въ неопредѣленномъ положеніи, такъ какъ въ Константинополѣ не хотѣли санкціонировать совершившихся событій, хотя, въ концѣ концовъ, Анастасій долженъ былъ вступить въ соглашеніе съ королемъ Италіи.

Оставляя изложеніе дальнѣйшихъ событій въ Италіи до другой главы, приведемъ здѣсь нѣсколько свѣдѣній изъ рѣдкаго по своей цѣнности и непосредственности памятника—житія св. Северина, который подвизался во второй половинѣ V вѣка въ мѣстности, имѣющей для насъ глубокой исторической интересъ. Въ жизни св. Северина упоминаются мѣстности Asturis, Comagenis, Favianis, лежавшія на Дунаѣ, на границѣ провинцій Норика и верхней Панноніи, неподалеку отъ нынѣшней Вѣны ¹⁾. Слава святого широко распространилась на оба берега Дуная, и не мало языческихъ германцевъ было имъ обращено къ христіанству. Это одинъ изъ важнѣйшихъ миссіонеровъ, дѣятельность котораго оставила глубокіе слѣды въ мѣстахъ, гдѣ черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ будутъ господствовать славянскія племена. Для второй половины V в. чрезвычайно важны свѣдѣнія житія св. Северина для характеристики взаимнаго отношенія римскаго и романизованнаго населенія и варваровъ. Вся незащищенная городами и крѣпостями мѣстность находится уже въ рукахъ варваровъ, въ городахъ живутъ остатки римлянъ съ слабымъ гарнизономъ, который боится выходить за стѣны и не въ состояніи защищать горожанъ, имѣющихъ надобность по дѣламъ выходить изъ города. Жалкій римскій трибунъ говоритъ святому: „у меня мало воиновъ, но если ты повелишь, я выйду противъ враговъ въ надеждѣ на твои молитвы“! Политическое положеніе рисуется въ томъ видѣ, какъ оно было послѣ паденія державы гунновъ, чѣмъ и начинается жизнеописаніе, накануне движенія остготовъ въ Италію, первый

1) „Monumenta Germ. Histor. Auctorum antiquissimorum“ 1—2; Eugippii, „Vita s. Severini“, с. I, IV—VI; X, XXVIII, XLIV. Эти мѣста сохранились и понынѣ подъ названіемъ: Klosterneuburg, Tulln, Mauer.

толчокъ котораго уже сказывается на Дунаѣ въ угрозахъ королю руговъ. Роль св. Северина хорошо рисуется его сношеніями съ Одоакромъ, которому онъ предсказаль 13-лѣтнее царствованіе, и тѣмъ вліяніемъ, которое онъ имѣлъ въ королевскомъ домѣ руговъ. Очень любопытны извѣстія о постепенномъ передвиженіи романизованнаго осѣдлаго населенія сначала въ большой городъ Лавреакъ, а потомъ въ Италію, куда было торжественно перенесено тѣло св. Северина при папѣ Геласіи (492—496). Авторъ жизнеописанія весьма освѣдомленъ въ политическихъ событіяхъ своего времени и сообщаетъ такіе факты, случившіеся при жизни святого, которые имѣютъ глубокой исторической интересъ. Таково, на примѣръ, сообщеніе о причинахъ, вызвавшихъ войну Одоакра съ ругами, т.-е. о томъ событіи, которое дало Зинону и Теодориху поводъ разсматривать Одоакра какъ бунтовщика и ослушника императорской воли. Таково же сообщеніе о роли Онульфа, брата Одоакра, который вербоваль на Дунаѣ охотниковъ для перехода на службу къ Одоакру и вызваль обширное переселеніе въ Италію романскаго населенія. Въ виду исключительной важности свѣдѣній, сообщаемыхъ нашимъ житиемъ, оно имѣетъ большое значеніе для исторіи V и VI вѣка и вполне можетъ служить введеніемъ къ исторіи иммиграціи славянъ въ придунайскія провинціи.

глава XII.

АНАСТАСІЙ (491-518). ПОЛОЖЕНІЕ ДѢЛЪ НА ДУНАЙСКОЙ ГРАНИЦѢ. ВИТАМІАНЪ. ПЕРСИДСКАЯ ВОЙНА.

арствование Анастасія можетъ быть съ большимъ основаніемъ, чѣмъ какое-либо предыдущее, причислено къ такимъ, которыя вводятъ въ существо и содержаніе Византійской исторіи. Не столько самъ Анастасій, сколько выдвинутые его временемъ вопросы и характеръ внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній имперіи въ самомъ концѣ V и въ началѣ VI вѣковъ характеризуютъ уже новую эпоху, созданную вліяніемъ тѣхъ историческихъ дѣятелей, которые мы пытались выяснитъ въ предыдущихъ главахъ. Въ виду этого намъ слѣдуетъ нѣсколько подробнѣй разсмотрѣть это царствование со стороны внѣшней политики, а равно и внутреннихъ отношеній.

Анастасій не связанъ былъ никакими родственными узами ни съ императрицей Ариадной, ни съ Зиномомъ. Онъ происходилъ изъ Дирахія въ нынѣшней Албаніи отъ мало извѣстныхъ родителей, о которыхъ сохранилось извѣстіе, что они не принадлежали къ господствующей церкви, а исповѣдывали или арианство, или манихейство. О службѣ Анастасія и о положеніи его въ Константинополѣ, въ придворномъ званіи силенціарія, также почти не имѣется извѣстій. Онъ былъ обязанъ возведенію на престолъ благорасположенію царицы Ариадны, которая вышла за него замужъ, предварительно предложивъ сенату и народу провозгласить его царемъ.

Для положенія церковной политики въ это время важно отмѣтить, что тогдашній константинопольскій епископъ Евѣимій, изъ опасенія не вполнѣ православныхъ убѣжденій Анастасія потребовалъ отъ него передъ вѣнчаніемъ на царство письменнаго акта исповѣ-

данія вѣры вмѣстѣ съ обязательствомъ оставаться вѣрнымъ церковному ученію. Этотъ актъ переданъ былъ на храненіе скевофилику св. Софіи и имѣлъ извѣстное значеніе въ послѣдующихъ отношеніяхъ Анастасія къ церкви. Объ отношеніяхъ новаго императора къ народу и объ его популярности въ Константинополѣ говоритъ извѣстное благожеланіе, выраженное императору въ первый разъ, какъ онъ явился передъ народомъ: „Будь на царствѣ такимъ, какимъ ты былъ въ частной жизни“. Что это вполнѣ соотвѣтствовало характеру Анастасія, видно изъ переписки папы Геласія, гдѣ выражена та же мысль о безупречной жизни его ¹⁾.

Прежде всего Анастасію предстояло обезопасить себя противъ притязаній брата умершаго императора Лонгина, который былъ во главѣ сената и опирался на стоявшее въ Константинополѣ войско. Лонгинъ образовалъ движеніе противъ императора и началъ бунтъ, подобно тому, какъ Василискъ противъ Зинона; въ Константинополѣ происходили уличныя схватки между бунтовщиками и приверженцами Анастасія, пожаръ истребилъ наиболѣе населенную и лучше застроенную часть города, при чемъ сгорѣлъ ипподромъ. Анастасій лично руководилъ борьбой съ бунтовщиками и не разъ находился въ весьма затруднительномъ положеніи. Современники называли это движеніе гражданской войной, въ которой городское населеніе держало сторону бунтовщиковъ, „статуи царя и царицы таскаемы были на веревкахъ по улицамъ города“. Пять лѣтъ продолжалось такое положеніе, наконецъ Анастасію удалось положить предѣлъ войнѣ и привлечь на свою сторону войско щедрыми раздачами жалованья. Изгнанные изъ Константинополя исавры продолжали нѣкоторое время вести партизанскую войну во Фригіи, вслѣдствіе которой родина исавровъ, гористая мѣстность близъ Тавра, подверглась опустошенію и разоренію. Часть населенія переведена во Фракію, особенныя привилегіи и денежное жалованье въ пользу исаврійцевъ отмѣнены. Такъ какъ съ народнымъ движеніемъ, исходившимъ изъ Исавріи, соединилось движеніе константинопольскаго городского населенія противъ власти императора, то усмиреніе исаврійскаго бунта потребовало чрезвычайно большихъ жертвъ и подвергло серьезному испытанію вопросъ о національномъ войскѣ, который никогда не полу-

1) Rose, „Kaiser Anastasius“, S. 16 (Halle 1882).

чиль разрѣшенія въ Византійской имперіи. Характернымъ отличіемъ времени Анастасія нужно признать непрерывныя веденныя имперіей войны и притомъ не на одномъ фронтѣ. Хотя нельзя сказать, чтобы эти войны выдвинули въ особенномъ свѣтѣ слабость или силу имперіи, но важность ихъ заключается въ томъ, что онѣ обнаружили все реальное значеніе тѣхъ элементовъ, на которыхъ основывались существованіе и дальнѣйшее развитіе Византійской имперіи. Выдвигая въ этомъ отношеніи внѣшнія и внутреннія событія времени Анастасія и желая разсмотрѣть ихъ въ надлежащей и свойственной имъ перспективѣ, мы находимъ полезнымъ начать съ внѣшнихъ дѣлъ на дунайской границѣ.

Хотя до конца V вѣка провинціи Паннонія и Норикъ номинально считались еще въ предѣлахъ имперіи, но фактически римскій элементъ былъ здѣсь тогда уже весьма ослабленъ и держался развѣ въ городахъ, между тѣмъ какъ всѣ незащищенныя мѣста оставались во власти номадовъ германскаго и скиѣскаго происхожденія. Передвиженіе остготовъ подъ предводительствомъ Θεодориха значительно ослабило населеніе въ дунайскихъ провинціяхъ и освободило ихъ для новыхъ и запоздалыхъ народныхъ движеній изъ восточной Европы.

Въ жизни св. Северина, который подвизался въ концѣ V в. на границѣ Норика и Панноніи, приводятся чрезвычайно живыя наблюденія о фактической слабости римской власти въ этихъ областяхъ и о постепенномъ отступленіи осѣдлаго населенія или на югъ отъ Дуная, или на западъ по слѣдамъ готскихъ передвиженій. Съ Θεодорихомъ, а равно и послѣ утвержденія его въ Италіи, двигались новыя и новыя волны народныя изъ придунайскихъ областей, гдѣ снова, въ концѣ V и въ началѣ VI вѣка, незамѣтно утвержденія прочнаго порядка вещей, а напротивъ, начинается какъ-разъ послѣ ухода готовъ подготавливаться новый и гораздо болѣе прежняго радикальный этнографическій, а вмѣстѣ и политическій переворотъ. Въ виду этого, для насъ представляются весьма важными тѣ факты, которые наблюдаются на сѣверной дунайской границѣ во время Анастасія.

Уже въ 493 году начали обращать на себя вниманіе Анастасія дунайскія событія. Здѣсь послѣ отлива готовъ, а съ ними и другихъ народностей въ Италію, начинаютъ появляться новыя народы, вступая то во враждебныя, то въ мирныя отношенія съ имперіей. Упоминаемые въ современныхъ сухихъ хроникахъ то подъ именемъ болгаръ и го-

товъ, то подъ своимъ собственнымъ именемъ, славяне съ конца V вѣка, несомнѣнно, приближаются къ Дунаю и нерѣдко переходятъ на южную его сторону съ цѣлями грабежа и набѣга. Въ 493 г. по свидѣтельству комита Марцеллина полководецъ Юліанъ „въ ночномъ сраженіи пораженъ былъ скиѣскимъ желѣзомъ“¹⁾. Такъ какъ дѣло было во Фракіи, то ясно, что славянское движеніе за Дунаемъ безпрепятственно шло по нынѣшней Болгаріи и Румеліи. Рядомъ со славянскими набѣгами начинаются болгарскіе. Уже въ 499 году тотъ же Марцеллинъ сообщаетъ о серьезной опасности со стороны болгаръ, сдѣлавшихъ набѣгъ на Фракію. Противъ нихъ былъ отправленъ съ 15-тысячнымъ войскомъ и съ громаднымъ обозомъ военныхъ орудій командовавшій иллирійскими войсками Аристъ, которому болгаре нанесли, однако, сильное пораженіе во Фракіи; въ этомъ сраженіи, говоритъ писатель, погибла „иллирская военная доблесть“. Весьма любопытно замѣтить, что, повидимому, послѣ этого пораженія Фракія оставалась безъ защиты нѣсколько лѣтъ сряду: когда въ 502 г. тѣ же болгаре снова сдѣлали въ эту страну набѣгъ, то не нашли въ ней „никакого сопротивленія“. Въ 517 г. опустошенія распространяются на Македонію и Эпиръ, конные варвары доходятъ до Фессаліи и Фермопилъ, имперія снова не въ состояніи оказать имъ сопротивленія. Императоръ былъ вынужденъ, чтобы побудить враговъ къ отступленію и выкупить у нихъ плѣнниковъ, поручить префекту Иллирика Іоанну выплатить славянамъ 1000 ф. золота. Надѣясь еще возвратиться къ вопросу о славянахъ, замѣтимъ здѣсь въ заключеніе, что при Анастасіи частью понято было не только значеніе славянской иммиграціи, но даже и невозможность бороться съ постоянно возобновляющимся напоромъ изъ-за Дуная. Памятникомъ такого положенія дѣлъ служить построенная Анастасіемъ такъ называемая Длинная стѣна, которая шла въ разстояніи 40 в. отъ Константинополя въ направленіи отъ Мраморнаго моря близъ Силивріи и до Чернаго моря близъ Деркона и имѣла цѣлью защиту Константинополя отъ неожиданныхъ нападений сѣверныхъ варваровъ, иначе—противъ болгаръ и славянъ. Это громадное сооруженіе дѣлало изъ Константинополя родъ острова, защищеннаго моремъ и стѣной²⁾.

1) „Comes Marcellinus“, p. 94 (M. G. Histor. Chron. minora, vol. XI).

2) Ζωναρας, XIV, 4, прямо говоритъ: διὰ τὰς ἐφόδους Βουλγάρων καὶ τῶν Σκυθῶν.

Весьма вѣроятно, что въ связи съ рассказанными событіями на дунайской границѣ нужно объяснять громадное напряженіе и силу, обнаруженную въ возстаніи Виталіана. О происхожденіи этого лица трудно сказать что-либо опредѣленное, но несомнѣнно, что онъ имѣлъ близкія сношенія съ болгарами и славянами и выступилъ противъ Анастасія съ войсками, собранными изъ разныхъ народовъ. Весьма любопытно также отмѣтить, что онъ является защитникомъ православной идеи противъ якобы еретичествующаго Анастасія. Виталіанъ и потому долженъ привлекать къ себѣ вниманіе, что онъ выступаетъ далеко не въ качествѣ предводителя партизанскаго отряда, стремящагося сдѣлать быстрый набѣгъ и удалиться снова на безопасное разстояніе: у него, напротивъ, замѣчаются организаторскій талантъ и хорошо обдуманнй планъ военныхъ дѣйствій; онъ преслѣдуетъ опредѣленную цѣль, для достиженія которой умѣлъ пустить въ оборотъ громадныя средства. Оказывается, что Виталіанъ былъ сыномъ предводителя федератовъ въ придунайскихъ областяхъ. Главное начальство надъ имперскими войсками принадлежало тогда племяннику императора Ипатію, который позволилъ себѣ убавить или прекратить выдачу идущаго отъ казны федератамъ содержанія. Виталіанъ, принявъ на себя защиту интересовъ расположенныхъ въ Мизіи и Фракіи федератовъ¹⁾, сталъ во главѣ недовольныхъ, собравъ изъ нихъ армію въ 50000 и предъявивъ къ императору требованіе объ уплатѣ федератскаго жалованья. Въ то же время онъ старался обезпечить себѣ свободу дѣйствій тѣмъ, что убилъ подчиненныхъ Ипатію предводителей отдѣльныхъ отрядовъ: Константина Целерина и Максенція. Распуская слухъ, что онъ идетъ на защиту православія и желаетъ возстановить лишенныхъ мѣстъ епископовъ, Виталіанъ направлялся къ Константинополю, для защиты котораго у императора, повидимому, не было никакихъ средствъ. Уже непріятельскіе отряды были близь города, уже ближайшія окрестности подвергались опустошенію; ясно, что Длинная стѣна не остановила враговъ. Въ это время Анастасій принялъ рядъ энергичныхъ мѣръ, чтобы ослабить бунтовщика. Съ цѣлью противодѣйствовать слухамъ объ еретическомъ правительствѣ императоръ приказалъ развѣсить по стѣ-

1) Лучшія извѣстія у Іоанна Антиохійскаго. „Fragmenta. Hist. Graecorum“, V, ap. Müller Landolfi Sagacis Additamenta, p. 365, 366 (Auctor. antiquissim. 1—11).

намъ города кресты и объявленія о дѣйствительно честолюбивыхъ планахъ Виталіана, а чтобы защищать стѣны города, онъ назначилъ на военную службу чиновниковъ и привлекъ на свою сторону населеніе Малой Азіи, „освободивъ его отъ четвертой части подати со скота“. Независимо оттого онъ послалъ для личныхъ переговоровъ съ Виталіаномъ стратига Патрикія, который старался подѣйствовать на бунтовщика убѣжденіемъ, но получилъ отъ него въ отвѣтъ повтореніе извѣстныхъ требованій—удовлетворить притязанія еракійскихъ федератовъ, обиженныхъ Ипатіемъ, и возстановить въ имперіи православіе. Не успѣвъ ничего въ этомъ направленіи, на слѣдующій день Анастасій вступилъ въ переговоры съ подчиненными Виталіану предводителями и нашелъ ихъ болѣе сговорчивыми. Частью давъ вѣру обѣщаніямъ Анастасія на счетъ православія, что всѣ спорные вопросы онъ предоставитъ на судъ папѣ, частью убѣжденные и подкупленные дарами, нѣкоторые предводители начали колебаться и склоняться на сторону Анастасія, вслѣдствіе чего Виталіанъ рѣшился отступить отъ столицы (514 г.). Но на этомъ не окончилось движеніе федератовъ. Анастасій назначилъ главнокомандующимъ войскъ во Фракіи опытнаго полководца Кирилла, которому въ первое время посчастливилось и удалось лишить бунтовщика нѣкоторыхъ занятыхъ имъ позицій, но затѣмъ Виталіанъ убилъ его ночью, подкупивъ его стражу. Тогда Анастасій назначилъ своего племянника Ипатія вновь во Фракію, давъ ему войско въ 80000. Но событія скоро показали, что въ Мизіи и Фракіи имперскимъ войскамъ нужно было дѣйствовать какъ въ непріятельской странѣ. Одинъ за другимъ попадаютъ въ плѣнъ къ непріятелю византійскіе вожди, подчиненные Ипатію. Наконецъ, когда византійскій полководецъ раскинулъ станъ близъ нынѣшней Варны и укрѣпился въ немъ, непріятели напали на этотъ лагерь, прорвали окружавшія его укрѣпленія и нанесли грекамъ полное пораженіе. Говорятъ, что погибло болѣе 60000; самъ Ипатій и множество важныхъ предводителей попались въ плѣнъ. Это былъ чрезвычайно важный успѣхъ для Виталіана, который окончательно рѣшилъ борьбу въ его пользу. Анастасій принужденъ былъ дать ему большой выкупъ за Ипатія и попавшихъ съ нимъ въ плѣнъ другихъ вождей. Но и это не помогло. Посланные съ выкупомъ чиновники были въ пути ограблены и взяты въ плѣнъ. Виталіанъ подчинилъ себѣ Созополь и другіе города, остававшіеся еще вѣрными императору, принялъ

титулъ императора и началъ новый походъ противъ Константинополя, болѣе опасный и серьезный, чѣмъ то было раньше, такъ какъ теперь въ его распоряженіи былъ и флотъ, имѣвшій запереть городъ со стороны моря. Морскія суда вошли въ Босфоръ и дошли до Сооееніи (нынѣ Стенія); тамъ же расположился Виталианъ съ пѣшимъ войскомъ. Находясь въ крайне трудныхъ обстоятельствахъ, Анастасій согласился на всѣ требованія Виталиана. Ему дана была громадная сумма въ 5 т. ф. золота за Ипатія, лично же самому Виталиану предоставлено званіе главнокомандующаго во Фракіи со всѣми связанными съ этимъ титуломъ преимуществами и денежными выдачами. Въ высшей степени также любопытно, что императоръ и бунтовщикъ договариваются здѣсь какъ двѣ стороны и даютъ взаимную клятву вѣрности, при чемъ Анастасій давалъ слово возстановить на мѣстахъ изгнанныхъ имъ епископовъ.

Но и это не удовлетворило Виталиана. Въ 515 г. вновь мы видимъ его передъ Константинополемъ, и тѣмъ серьезнѣй была опасность, что въ то же самое время варварскіе отряды появлялись въ Македоніи и Фессаліи, съ одной стороны, и въ Малой Азіи—съ другой. Ближайшимъ поводомъ къ новому походу было то обстоятельство, что Анастасій передалъ командованіе фракійскими войсками другому стратигу, по имени Руфину, очевидно, лишивъ Виталиана своего расположенія и всѣхъ привилегій. Виталианъ снова подошелъ къ столицѣ и расположился на Босфорѣ отъ Стеніи до нынѣшней Галаты; со стороны моря онъ заперъ столицу морскими судами, пришедшими изъ Чернаго моря. На этотъ разъ рѣшеніе дѣла зависѣло отъ флота. Императорскими судами командовалъ адмиралъ Маринъ, на одномъ изъ быстроходныхъ судовъ командиромъ былъ Юстинъ, будущій императоръ и основатель новой династіи. Искуснымъ ударомъ Юстинъ привелъ въ разстройство непріятельскія суда, между тѣмъ какъ Маринъ, стоя со своими судами противъ Константинополя, воспользовался этимъ обстоятельствомъ и одержалъ полную и блестящую побѣду надъ флотомъ Виталиана. Преслѣдуя по одиночкѣ непріятельскія суда, Маринъ заставилъ ихъ пристать къ берегу и почти уничтожилъ всѣ силы Виталиана. Съ тѣхъ поръ падаетъ военное и политическое значеніе этого опаснаго соперника Анастасія. Замѣнившій его во Фракіи Руфинъ постепенно возстановляетъ здѣсь нарушенный порядокъ. Двое изъ ближайшихъ сотрудниковъ его, Анастасій и

Доминикъ, были захвачены въ плѣнъ и доставлены въ Константинополь, гдѣ они были преданы суду и обезглавлены.

Бунтъ Виталиана, хотя не имѣлъ лично для него непосредственныхъ практическихъ послѣдствій, сопровождался важными результатами въ исторіи. Приводя три раза подъ Константинополь отряды, собранные изъ племенъ разнаго происхожденія, и истребовавъ отъ правительства огромныя денежныя выдачи, Виталианъ обнажилъ передъ варварами слабость имперіи и громадныя богатства Константинополя и приучилъ ихъ къ комбинированнымъ движеніямъ съ суши и съ моря.

Не менѣе сильное напряженіе предстояло сдѣлать Анастасію на восточной границѣ его имперіи. Пограничныя недоразумѣнія съ Персіей въ сущности никогда не прекращались, хотя со времени неудачнаго похода Юліана открытой войны не объявлялось ни съ той, ни съ другой стороны. Нужно сказать, что веденіе войны съ Персіей представляло чрезвычайныя затрудненія какъ вслѣдствіе отдаленности театра военныхъ дѣйствій, такъ и по недостатку опорныхъ пунктовъ, откуда можно было бы пополнять убыль въ людяхъ и въ провіантѣ, что весьма чувствительно отразилось и на судьбѣ той войны, которую намъ предстоитъ разсмотрѣть.

По миру съ персами въ 363 г. императоръ Іовіанъ долженъ былъ уступить персамъ пять провинцій на границѣ Арменіи и Месопотаміи и сильно укрѣпленный городъ Нисибисъ, владѣніе которымъ впрочемъ особенной статьей было обусловлено срокомъ въ 120 лѣтъ¹⁾. Кромѣ того, обѣ имперіи взаимно обязывались посылать вспомогательныя отряды одна на помощь другой; въ особенности это условіе касалось тѣхъ враговъ, которые угрожали набѣгами со стороны Кавказа. Въ виду того, что съ этой стороны въ V в. весьма сильно угрожали нападеніями гунны, персидскіе цари постоянно предъявляли требованія къ Византіи на счетъ вспомогательныхъ отрядовъ, хотя охотно удовлетворялись и денежными выдачами вмѣсто военной помощи. Въ одной изъ войнъ съ гуннами погибъ персидскій царь Перозъ. Сынъ его и преемникъ Кобадъ или Кавадъ, вступившій на персидскій престолъ почти въ то же время, что и Анастасій, послалъ въ Константинополь посольство съ требованіемъ невыданныхъ за

1) Главный источникъ—Иисусъ Стилитъ, „Chronique de Josué le Stylite écrite vers l'an 515,—par P. Martin“. Leipzig, 1876.—Важно изслѣдованіе Merten, „De bello Persico ab Anastasio gesto“. Jena, 1905.

прежніе годы субсидій. Между тѣмъ въ Византіи давно уже относились съ недовѣріемъ къ политикѣ персовъ. Въ особенности поводы къ неудовольствіямъ подавала религіозная политика персовъ въ сосѣдней и частью подвластной имъ Арменіи, гдѣ подъ вліяніемъ новой нравственной и соціальной системы, извѣстной по имени основателя ея Маздака, началось гоненіе на христіанство. Армяне просили у Анастасія помощи и предлагали ему принять ихъ въ свое подданство, начавъ въ то же время движеніе противъ персовъ и разрушивъ выстроенные ими храмы. Персидская война началась въ 502 году походомъ царя Кобада въ Арменію, когда со стороны Византіи не принято еще было никакихъ военныхъ дѣйствій. Первый ударъ сдѣланъ былъ на городъ Феодосіополь (Эрзерумъ), который сдался персамъ безъ сопротивленія вслѣдствіе измѣны префекта города Константина. Кобадъ, разрушивъ городъ до основанія и забравъ въ плѣнъ его жителей, переселилъ ихъ въ Персію. Прошедши всю Арменію съ сѣвера, Кобадъ къ осени того же года расположился лагеремъ подъ городомъ Амидой, находившимся на границѣ Арменіи и Месопотаміи. Здѣсь персидскій станъ стоялъ три мѣсяца, такъ какъ осада города потребовала примѣненія инженернаго искусства и встрѣтила серьезное сопротивленіе со стороны гарнизона.

Чтобы взять городъ, персы стали насыпать высокій валъ, съ котораго можно было бы завязать дѣло съ защитниками города. Но гарнизонъ осажденной Амиды, сдѣлавъ подкопъ подъ стѣну и подъ насыпанный персами валъ, старался тайно выносить землю и портить валъ. Дѣйствіе стѣнобитныхъ машинъ осажденные ослабляли кожами убитыхъ быковъ, а приближавшихся къ стѣнамъ непріятелей отражали горячей водой и горючими веществами, которыя уничтожали деревянныя военныя машины. Кромѣ того, въ распоряженіи осажденныхъ были метательные снаряды, которыми они бросали огромные камни въ осаждающихъ, нанося большой вредъ людямъ и снарядамъ. Говорятъ, что въ теченіе осады погибло громадное число персидскихъ воиновъ столько же отъ суровой стужи, какъ и отъ неудачныхъ приступовъ къ стѣнамъ. Кобадъ былъ уже готовъ снять осаду и предлагалъ осажденнымъ уплатить ему небольшую сумму за отступленіе, какъ въ пользу персовъ неожиданно сложились благоприятныя обстоятельства, передавшія имъ городъ. Собственно точныхъ свѣдѣній объ этомъ не даютъ даже и очень освѣдомлен-

ные о событіяхъ писатели и притомъ современники, какъ Исусъ Стилитъ и риторъ Захарія. Будто бы одно изъ главныхъ укрѣпленій стѣны ввѣрено было защитѣ монаховъ, которые недостаточно внимательно относились къ порученному имъ дѣлу и разъ ночью не доглядели, какъ персы приблизились къ стѣнѣ и подставили лѣстницы. По другимъ слухамъ персы пробрались въ городъ черезъ подземный ходъ, воспользовавшись темной ночью. Такъ или иначе, городъ былъ взятъ неожиданно, и защитники оказались не въ состояніи принять мѣръ къ спасенію. Три дня продолжалась, однако, въ городѣ неравная борьба между персами и побѣжденными горожанами. Сокровища церквей и богатства жителей достались побѣдителямъ. Огромная добыча изъ золота, серебра и драгоценныхъ одеждъ, равно какъ мраморныя статуи и всякія драгоценности снесены были на рѣку Тигръ и отправлены на судахъ въ Персію. Когда по приказанію Кобада стали очищать городъ отъ труповъ защитниковъ, погибшихъ во время битвы послѣднихъ дней, то насчитали, говорятъ, до 78000. Персы не желали окончательно разрушать этого города; напротивъ, имѣя въ виду его укрѣпленія и географическое положеніе на границѣ между двумя имперіями, они предполагали сохранить его какъ крѣпость, на которую можно бы было опираться въ войнѣ съ Византіей, для чего Кобадъ, отступая съ войскомъ отъ Амиды, оставилъ въ ней гарнизонъ изъ 3000 человекъ.

Между тѣмъ какъ самъ Кобадъ три мѣсяца провелъ подъ Амидой, отдѣльные персидскіе отряды дѣлали опустошительныя набѣги по сѣверной Месопотаміи, доходя до Едессы, при чемъ персамъ помогали арабскіе хищники, наводившіе ужасъ на мѣстное населеніе и заставлявшіе его искать спасенія въ Сиріи. По всему замѣтно, что осенью и зимой 502 года Анастасій не имѣлъ на границѣ достаточныхъ военныхъ силъ для противодѣйствія персамъ, и что онъ не терялъ надежды на мирное разрѣшеніе недоразумѣній. Но когда была взята Амиды, и персы стали угрожать другимъ городамъ, императоръ собралъ войско и послалъ его лѣтомъ 503 г. на восточную границу. Можетъ-быть, слѣдуетъ пожалѣть, что войско было раздѣлено на три отряда, во главѣ коихъ стояли отдѣльные стратеги: Аріобиндъ, Патрицій и Ипатій. Первый происходилъ отъ знаменитыхъ германцевъ на службѣ Византіи, Аспара и Ардавурія, и занималъ должность главнокомандующаго восточными войсками; Ипатій принадлежалъ къ

высшему классу въ обществѣ какъ племянникъ Анастасія; Патрицій также былъ изъ числа извѣстныхъ тогда полководцевъ. Кромѣ названныхъ вождей, въ персидскомъ походѣ участвовали еще комить Іустинъ, преемникъ Анастасія на престолѣ, и получившій вскорѣ за тѣмъ большую извѣстность Виталианъ, о которомъ была уже рѣчь, и который принималъ участіе вмѣстѣ съ своимъ отцомъ Патриціоломъ. Во главѣ войска стояли большею частью не греческія племена, и самое войско состояло изъ разныхъ по этнографическому составу элементовъ: тутъ были аракійцы, готы, бессы, т.-е. разныя племена, состоявшія въ качествѣ федератовъ на службѣ имперіи. Но прежде, чѣмъ византійское войско встрѣтилось съ неприятелями, между вождями обнаружилось несогласіе, имѣвшее чрезвычайно вредныя послѣдствія для хода военныхъ дѣлъ.

Прежде всего всѣ три вождя дѣйствуютъ раздѣльно, каждый на собственный страхъ. Аріобиндъ расположился лагеремъ въ окрестностяхъ города Нисибисъ въ провинціи Мигдоніи, остальные два вождя остановились близъ Амиды. Хотя Аріобиндъ приглашалъ своихъ товарищей поспѣшить на югъ, чтобы принять участіе въ осадѣ Нисибиса, но они отклонили предложеніе и тѣмъ дали Кобаду возможность отгѣснить Аріобинда къ Едессѣ. Между тѣмъ Патрицій и Ипатій начали осаду Амиды, которая легко бы имъ и сдалась, если бы у нихъ хватило смѣлости и настойчивости, и если бы они не сняли преждевременно осады изъ страха передъ Кобадомъ. Хотя затѣмъ Патрицій пытался нанести вредъ персамъ, но самъ былъ окруженъ ими и едва спасся бѣгствомъ въ Самосать. Товарищъ его Ипатій былъ отозванъ въ Константинополь и въ дальнѣйшемъ веденіи войны не принималъ участія. Теперь, когда для персовъ устранена была опасность вторженія въ ихъ область, они сами могли начать наступательныя дѣйствія—по направленію къ Константинѣ и Едессѣ, гдѣ стоялъ Аріобиндъ.

Осенью 503 г. военныя дѣла сосредоточивались около Едессы, которую Кобадъ желалъ взять приступомъ. Аріобиндъ нашелъ въ Едессѣ достаточно укрѣпленный опорный пунктъ и успѣлъ отстоять городъ противъ персовъ. Наконецъ, Анастасій назначилъ для войны съ персами новаго вождя въ лицѣ Целера, которому и удалось измѣнить ходъ дѣлъ въ пользу имперіи. Целеръ былъ землякъ Анастасія и пользовался его довѣріемъ. Онъ былъ назначенъ съ большими

правами, чѣмъ другіе вожди, и потому могъ придать войнѣ нѣкоторый планъ и единство, чего прежде не доставало. Прежде всего обращено было вниманіе на Амиду, въ которой содержался персидскій гарнизонъ, и которая мѣшала операціямъ въ Месопотаміи, такъ какъ персы распоряжались здѣсь со всею свободою, не боясь соперниковъ. Сюда былъ направленъ Патрицій, стоявшій въ бездѣйствіи въ Мелитенѣ въ южной Каппадокіи, который отрѣзалъ Амиду отъ внѣшнихъ сношеній и нанесъ пораженіе присланному Кобадомъ отряду персовъ. Затѣмъ началась осада Амиды, которая потребовала продолжительныхъ земляныхъ работъ, имѣвшихъ цѣлью подкопаться подъ стѣну и окружить ее валомъ. Осада велась медленно, такъ какъ Патрицій имѣлъ въ виду вынудить сдачу города голодомъ. Въ то же время другіе вожди, Целеръ и Аріобиндъ, начали наступательный походъ—одинъ въ Персію, другой въ персидскую Арменію. Все это значительно подняло авторитетъ Византійской имперіи въ этихъ мѣстахъ, такъ что мѣстные армяне и арабы стали измѣнять персамъ и переходить на сторону византійской партіи.

Въ особенности же персамъ повредило то обстоятельство, что сѣвернымъ границамъ Персіи стали угрожать гунны, противъ которыхъ долженъ былъ идти самъ Кобадъ. Итакъ, принявъ во вниманіе, что военное счастье совершенно перешло къ грекамъ, и что Амиды далѣе не можетъ сопротивляться, Кобадъ началъ съ Целеромъ переговоры о мирѣ, освободивъ изъ плѣна значительное число военныхъ и гражданскихъ чиновъ, захваченныхъ въ первый годъ войны, и пославъ ихъ къ Целеру съ предложеніемъ принять ихъ въ обмѣнъ на тѣхъ персовъ, которые заперты въ Амидѣ. Между тѣмъ, какъ шли переговоры объ условіяхъ мира, которыя нуждались еще въ утверженіи Анастасія, состоялась сдача Амиды въ концѣ 504 г., т.-е. спустя два года послѣ занятія ея персами. Такъ какъ персы въ этомъ отношеніи перехитрили Целера, потребовавъ у него выкупа за городъ и свободаго выхода всѣхъ персовъ съ такимъ количествомъ имущества, какое каждый могъ на себѣ вынести, то греки были весьма раздосадованы, когда оказалось, что въ Амидѣ продовольствія оставалось не больше, какъ на семь дней. Желая вознаградить городъ за всѣ потери, испытанныя имъ во время войны, императоръ приказалъ снабдить Амиду съѣстными припасами, освободилъ на семь лѣтъ отъ торговыхъ пошлинъ, приказалъ возобно-

вить на казенный счет стѣны и публичныя зданія въ городѣ, ода-рилъ жертвами и пожалованьями соборный храмъ Амиды. Вообще нужно отмѣтить, какъ характерную черту времени, то обстоятельство, что Анастасій принялъ самыя энергичныя мѣры къ уврачеванію бѣдствій, нанесенныхъ войной. Такъ, по всей Месопотаміи проведено облегченіе податной системы, отдѣльнымъ городамъ пожалованы разныя милости и большія суммы на возведеніе стѣнъ, на устройство водопроводовъ и бань. Миръ заключенъ былъ въ 506 году въ мѣстности близъ города Нисибиса и мѣстечка Дары на семь лѣтъ. Та и другая сторона обязывались сохранять пограничную черту владѣній, какъ это было до войны. Анастасій послалъ Кобаду богатыя дары, но какъ показали ближайшія событія, это было сдѣлано съ цѣлью отвлечь вниманіе Кобада отъ задуманнаго имъ важнаго предпріятія на самой границѣ греко-персидскихъ владѣній.

Сейчасъ же послѣ заключенія мира византійское правительство приступило къ постройкѣ крѣпости въ той именно мѣстности, гдѣ происходили военныя дѣйствія между персами и греками. Здѣсь, на мѣстѣ незначительнаго мѣстечка, представлявшаго, однако, важныя военныя преимущества, по имени Дара, построенъ былъ, по приказанію Анастасія, укрѣпленный важными стратегическими сооруженіями городъ, названный Анастасіополемъ; этому городу суждена была въ будущемъ крупная роль.

По словамъ ритора Захаріи, историка этой войны, Анастасій обратилъ должное вниманіе на объясненія, данныя возвратившимся съ войны вождями по поводу причинъ мало успѣшныхъ дѣйствій византійскаго войска. Они указывали, что, не располагая осадными машинами и матеріаломъ, они не могли взять города Нисибиса, и что, кромѣ того, на мѣстѣ военныхъ операцій византійцы не имѣли ни достаточныхъ укрѣпленій, ни продовольствія, ни воды для питья. Какъ скоро, говорили вожди, мы удалялись отъ Амиды и Константины, мы не имѣли для себя прочной опоры и находились въ постоянной опасности подвергнуться неожиданному нападенію со стороны непріятеля. Возникла поэтому настоятельная потребность, чтобы на границѣ, близъ горъ, отдѣляющихъ Месопотамію отъ Арменіи, былъ построенъ византійскій городъ, который служилъ бы военнымъ лагеремъ, и гдѣ была бы устроена фабрика для военныхъ снарядовъ и оружія—въ защиту этой области противъ персидскихъ и арабскихъ

разбойниковъ. Признавъ важность сдѣланныхъ представлений, Анастасій поручилъ Ѡомѣ, епископу Амиды, доставить ему планъ мѣстности и, разсмотрѣвъ положеніе территоріи, намѣтилъ мѣстечко Дару для сооруженія города. Императоръ не пожалѣлъ средствъ на предстояшіе громадныя расходы. Епископу Амиды предоставлены были значительныя денежныя и земельныя пожалованія для устройства церковныхъ дѣлъ въ Дарѣ, антиохійскому патрицію Калліопію поручено было высшее наблюденіе за постройками, множество мастеровъ и разнаго рода ремесленниковъ снаряжено было изъ приморскихъ областей, чтобы съ необходимой поспѣшностью начать и вести постройку стѣнъ и публичныхъ зданій. Такъ какъ правительство не щадило средствъ, то въ короткое время собралось здѣсь громадное число населенія; кто хотѣлъ работать, наживалъ большія деньги, по свидѣтельству писателя - современника. Работа велась съ большой скоростью, такъ какъ опасались, чтобы персы не сдѣлали затрудненій, вслѣдствіе чего постройки не были достаточно прочны, какъ оказалось впослѣдствіи. Выстроены были большой дворецъ, публичныя бани, церкви, портикъ, водопроводъ и громадная цистерна, въ которой собиралась проведенная съ окружающихъ горъ вода. Городу дано имя Анастасіополя, въ немъ поставлена статуя царя, и перенесены въ него мощи св. Вареоломея. Крѣпкія стѣны шли кругомъ города, на окружающихъ холмахъ сооружены укрѣпленія, между ними башня Геркулесова обращена прямо на персидскій городъ Нисибисъ. Чтобы привлечь въ городъ населеніе, ему предоставлены различныя привилегіи, освобожденіе отъ повинностей и торговыя преимущества. Городъ Анастасіополь игралъ важное значеніе въ отношеніяхъ съ Персіей. При Юстиніанѣ онъ былъ вновь укрѣпленъ и снабженъ средствами защиты. — Развалины Анастасіополя сохранились и по настоящее время. Новѣйшій путешественникъ, профессоръ Сахау ¹⁾, описавъ эти развалины, замѣчаетъ: „по нашимъ понятіямъ положеніе города, какъ военной крѣпости, чрезвычайно неблагоприятное, ибо съ запада и востока городомъ командуютъ вблизи отъ него расположенные скалистые холмы“.

Вступивъ на престолъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, Анастасій не былъ склоненъ рѣзко измѣнять церковную политику, которая

¹⁾ Sachau, *Reise in Syrien und Mesopotamien*“, S. 396—8 (Leipzig, 1883).

тогда составляла самое существенное въ жизни государства. Примирительная роль Зинона, выразившаяся въ изданіи акта, извѣстнаго подъ именемъ „Энотикъ“, далеко не увѣнчалась успѣхомъ, хотя и преемникъ его Анастасій не могъ вступить на другой путь между двумя слишкомъ рѣзко обозначившимися религіозными воззрѣніями. Онъ извѣстенъ былъ и ранѣе склонностью къ религіозной терпимости, почему константинопольскій епископъ Евѣимій и взялъ съ него письменное обязательство на счетъ его правовѣрія. Современное положеніе церковныхъ партій въ имперіи не могло, однако, быть удовлетворено политикой невмѣшательства свѣтскаго правительства, какой, повидимому, желалъ бы предпочтительно слѣдовать Анастасій. Уже въ его борьбѣ съ повстанцами и въ усмиреніи внутреннихъ смуть можно было замѣтить значительное вліяніе религіозныхъ настроеній. Высшее константинопольское духовенство и въ особенности монашество относилось къ нему подозрительно и нерѣдко ставило его въ затруднительное положеніе. Еще хуже было состояніе церковныхъ дѣлъ на Востокѣ—въ Сиріи и Египтѣ. Анастасію нельзя было остаться нейтральнымъ въ этомъ столь важномъ вопросѣ, и конфликтъ съ церковной партіей былъ неизбеженъ.

Въ Константинополѣ онъ обнаружился въ первые же годы Анастасія, когда противъ него поднялись исавры, и когда братъ умершаго императора Зинона сталъ оспаривать у него власть. Есть полное основаніе предполагать, что константинопольскій епископъ если не явно, то тайно былъ на сторонѣ враговъ Анастасія; извѣстно, что разъ императоръ приказалъ съ злой ироніей объявить Евѣимію: „твои молитвы не помогли твоимъ друзьямъ“! Въ продолженіе своего царствованія императоръ смѣнилъ не одного своего епископа: въ 496 г. на мѣсто Евѣимія возвелъ Македонія, послѣдняго низложилъ въ 511 году, назначивъ вмѣсто него Тимоѳея. Церковная партія въ Константинополѣ вообще никогда не могла примириться съ отношеніями императора къ самому тревожному вопросу этого времени, въ особенности черное духовенство столицы въ лицѣ ревностныхъ Акимитовъ возбуждало народъ противъ его индифферентизма.

Всего лучше настроенія той эпохи рисуются дѣломъ, относящимся къ прибавкѣ въ пѣсни „Трисвятое“ (святыи Боже, святыи крѣпкій, святыи безсмертныи, помилуй насъ), которая породила церковную ересь еоопасхитовъ и которая волновала умы при Анастасіи и Юстиніанѣ.

Подразумѣваемая прибавка получила значеніе чуть ли не догмата съ тѣхъ поръ, какъ антиохійскій епископъ Петръ Валяльщикъ, въ желаніи придать символическое выраженіе монофизитскому ученію, ввелъ въ пѣснь „Трисвятое“ слѣдующія дополняющія слова, дающія смыслъ, что Христось страдалъ на крестѣ по божеству: „святой Боже, святой крѣпкій, святой безсмертный, распныйся за ны, помилуй насъ“¹⁾). Преемникъ Петра на антиохійской каедрѣ, Каландіонъ, нѣсколько отгѣнилъ, съ цѣлью смягчить его, выраженіе „распныйся за ны“, поставивъ передъ нимъ слова „Христе царю“. Хотя вышеуказанныя выраженія могутъ быть сопоставлены съ воззрѣніями, выраженными въ „Энотикѣ“, тѣмъ не менѣе, они были встрѣчены съ большимъ подозрѣніемъ въ средѣ православія и вызвали много споровъ и волненій. Впослѣдствіи отсюда возникла новая вѣтвь монофизитства подъ названіемъ еѳопасхитовъ. Болѣе просвѣщенная и богословски образованная часть христіанскихъ пастырей оберегала вѣрующихъ отъ изслѣдованія недоступныхъ пониманію тайнъ домо-строительства. Василій Великій говорилъ, что „надобно чтить благоговѣйнымъ молчаніемъ тайну о томъ, какъ Отець родилъ Единороднаго“. Но въ Византіи догматы христіанской вѣры становились предметомъ публичныхъ диспутовъ и разговоровъ на площадяхъ и на базарахъ. Городское населеніе принимало живое участіе въ этихъ диспутахъ и переносило ихъ въ циркъ; политика правительства стояла въ зависимости отъ церковныхъ партій, и, наоборотъ, религіозныя воззрѣнія иногда предписывались свѣтской властью. Такъ и Анастасій, по внушенію нѣкоторыхъ приближенныхъ, склонныхъ къ монофизитскимъ воззрѣніямъ, сдѣлалъ попытку провести и въ Константинополѣ то измѣненіе въ пѣсни, которое было введено въ Антиохіи. Но это встрѣтило большое недовольство среди клира и народа и возбудило волненіе, о которыхъ мы приведемъ нѣсколько строкъ изъ хроники І. Малалы. „По поводу попытки ввести прибавку въ пѣснь трисвятую, народъ сталъ сильно волноваться, заявляя, что замышляется порча христіанской вѣры. Городской епархъ Платонъ скрылся бѣгствомъ отъ народной ярости. Бунтовщики кричали: „надо избрать другого царя“ и начали грабить дома тѣхъ, кого считали виновниками церковныхъ новшествъ. Анастасій явился въ циркъ и

1) ἅγιος ὁ θεός, ἅγιος ἰσχυρός, ἅγιος ἀθάνατος, ὁ σταυρωθεὶς δι' ἡμᾶς, ἐλέησον ἡμᾶς.

самъ выступилъ съ рѣчью къ народу, объяснивъ всю неосновательность опасеній за вѣру.“ Сущность требованій недовольной толпы выражается въ слѣдующемъ обращеніи къ императору: „ужели ты думаешь заставить земныхъ людей дѣлать больше, чѣмъ ангелы, которые славословятъ Троицу только этими словами: святъ, святъ, святъ Господь“!—Усмиривъ возстаніе личной энергіей, Анастасій старался ограничить участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ суровыми мѣрами противъ городскихъ димовъ, которые съ началомъ VI вѣка начинаютъ терять свои привилегіи. Всматриваясь въ мѣропріятія правительства противъ димовъ или противъ извѣстныхъ партій цирка: прасины, венеты, левки и русіи, подъ которыми слѣдуетъ разумѣть политическія организаціи городскихъ сословій, слѣдуетъ придти къ выводу, что съ началомъ VI вѣка идетъ рѣчь объ ограниченіи городскихъ муниципальных правъ и политическихъ привилегій городовъ. Въ особенности движенія въ большихъ восточныхъ городахъ Антіохіи, Александріи и Іерусалимѣ имѣли угрожающій для правительства характеръ. Въ жизнеописаніяхъ св. Саввы и преподобнаго Θεодосія сохранились живыя черты этого ненормального порядка вещей. Въ Антіохіи борьба партій достигла наибольшаго ожесточенія при епископѣ Севирѣ, когда на защиту православія выступаютъ знаменитые архимандриты Савва и Θεодосій и епископъ іерусалимскій Ілія. Анаематствованія расточаются щедрой рукой съ той и другой стороны. Церковное общеніе прекращается между Антіохіей и Іерусалимомъ. Тогда свѣтская власть вмѣшивается въ споръ и приказываетъ свергнуть съ іерусалимской кафедры Ілію, но десятки тысячъ палестинскихъ монаховъ вступились за низложеннаго епископа Іоанна: „прокляни еретиковъ, а Халкидонскій соборъ утверди“. Бывали моменты, когда представители свѣтской власти оказывались не въ состояніи бороться съ народно-монашескимъ движеніемъ и искали спасенія въ бѣгствѣ. Въ заботахъ отнять у религиозныхъ партій острый характеръ и найти болѣе или менѣе удовлетворительную примирительную формулу, Анастасій также не имѣлъ успѣха, какъ и его предшественникъ Зинонъ. Въ самыхъ крупныхъ внутреннихъ смутахъ, въ дѣлѣ съ исаврами и съ Виталианомъ, Анастасію по необходимости приходилось платиться за то, что не былъ горячимъ приверженцемъ ортодоксіи Халкидонскаго собора. Весьма

несочувственными чертами изображена и память этого императора въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ, оставленныхъ враждебно къ нему настроенными писателями.

Между тѣмъ нельзя не принимать въ соображеніе чрезвычайно трудныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ проходило царствованіе Анастасія. Въ высшей степени сильный напоръ варваровъ на сѣверныя границы, серьезныя замѣшательства на персидской границѣ, наконецъ, не прекращавшійся въ имперіи религіозный раздоръ, выражавшійся въ вооруженныхъ возстаніяхъ одной партіи на другую, казалось бы, не оставляли мѣста для большой созидательной работы и для такихъ предпріятій, которыя имѣли бы цѣлью не удовлетвореніе лишь настоящихъ нуждъ и потребностей, а исходя изъ общихъ государственныхъ соображеній, были бы рассчитаны на общее благо будущихъ поколѣній. Въ этомъ отношеніи стоить вспомнить о государственныхъ мѣропріятіяхъ Анастасія въ Арменіи и Месопотаміи, имѣвшихъ цѣлью поднятіе городовъ, облегченіе повинностей и устройство новой базы военныхъ дѣйствій противъ персовъ въ новомъ городѣ Анастасіополѣ. Но въ особенности заслуживаетъ вниманія одна финансовая мѣра, которая дѣлаетъ честь императору Анастасію. При Константинѣ Великомъ введена была особенная подать на торговыя занятія, распространенная не только на разнообразныя промыслы и ремесла, но подчинявшая своему тягостному гнету даже прислугу и нищихъ. Подать налагалась какъ бы на капиталъ, находящійся въ торговомъ обращеніи, но практически капитализировались такіе необходимые для жизни предметы и орудія для добыванія необходимаго куска хлѣба, какъ осель, собака и т. п. Хотя эта подать должна была собираться черезъ каждыя пять лѣтъ, но фактически она взималась въ неопредѣленные сроки и примѣнялась на практикѣ при каждой перемѣнѣ царствованія и при особенныхъ юбилейныхъ торжествахъ. Обременительность и непопулярность этой подати главнымъ образомъ и объясняется тѣмъ, что она была неожиданна и произвольна. Всякій новый императоръ, имѣвшій надобность въ большихъ суммахъ при вступленіи на престолъ для раздачъ народу, а главное для подарковъ войску, прибѣгалъ къ этому источнику и черпалъ изъ него полной рукой. Можно судить о громадныхъ расходахъ на этотъ предметъ по слѣдующему примѣру. Юліанъ при вступленіи на престолъ выдалъ каждому воину около 60 р. на наши

деньги. Считаю число постоянной арміи около 400.000, получимъ сумму около 25 милліоновъ рублей, которую Юліанъ долженъ былъ издержать на выдачу войску въ качествѣ подарка. Подать эта называлась χρυσάργυρον или подать золотомъ и серебромъ. Для обложенія налогомъ всѣ почти платежные классы общества вносились въ особые списки—промышленные списки,—и всѣ внесенныя въ эти списки лица платили отъ малой серебряной монеты съ мелкихъ предпріятій и орудій добыванія средствъ къ жизни до большихъ суммъ съ крупныхъ предпріятій. Въ 497—498 г. Анастасій приказалъ предать сожженію эти списки, чѣмъ положилъ конецъ вредной системѣ, дѣйствовавшей больше 150 лѣтъ и подававшей поводъ къ несправедливымъ притѣсненіямъ и горькимъ жалобамъ¹⁾).

Отъ времени Анастасія сохранилось нѣсколько законодательныхъ актовъ, имѣющихъ отношеніе къ земельному хозяйству и къ наслѣдственному праву. Прежде всего имѣемъ въ виду эдиктъ префекта преторіи Зотика, которымъ возложена тяжесть отвѣтственности за неплатежъ податей на частную земельную собственность. Этимъ закономъ (ἐπιβολή), который прилагался съ особенной силой при Юстиніанѣ, соблюдались интересы казны, и нарушалось право частныхъ собственниковъ, подлежащихъ дополнительнымъ сборамъ²⁾). Не менѣе того важны постановленія о колонатѣ, о принудительной закупкѣ хлѣба (συνωνή), которыя вошли въ кодексъ Юстиніана и имѣли продолжительное дѣйствіе въ имперіи.

Въ царствованіе Анастасія окончательно разрѣшился вопросъ объ основаніи въ Италіи германскаго королевства.

Послѣ насильственной смерти Одоакра Θεодорихъ остался единственнымъ властителемъ Италіи. Послѣдовавшія затѣмъ событія показываютъ, что Θεодорихъ весьма обдуманно шелъ въ Италію и зналъ, какая роль выпадала остготамъ въ завоеванной ими странѣ. По германскому обычаю готы провозгласили Θεодориха своимъ королемъ. Отъ политическаго такта новаго короля зависѣли ближайшія мѣропріятія въ Италіи. Будучи королемъ остготовъ, по отношенію къ итальянскому населенію онъ являлся носителемъ римскаго военнаго званія magister militum и дѣйствовалъ въ качествѣ представи-

¹⁾ Herzog, „Real-Encyclopädie“ sub v. χρυσάργυρον.

²⁾ Подробности Б. А. Панченко, „О тайной исторіи Прокопія“ („Визант. Временникъ“, III, стр. 496—501, 486—7).

теля императора. Какъ осуществится въ практической жизни это двойное положеніе—объ этомъ, конечно, нельзя было гадать въ то время. Но Θεодорихъ спѣшилъ успокоить итальянское населеніе прекращеніемъ военныхъ дѣйствій, давъ ему понять, что для итальянцевъ нѣтъ опасности въ готскомъ завоеваніи, что, напротивъ, готское войско будетъ оберегать миръ въ странѣ. При посредствѣ мѣстнаго католическаго духовенства арианскій король объявилъ амнистію по всѣмъ политическимъ дѣламъ и далъ обѣщаніе жителямъ Италіи сохранить для нихъ римскіе законы, подъ которыми они жили, и оберегать ихъ готской военной силой.

Посмотримъ, однако, какъ Θεодорихъ относился къ своимъ обязанностямъ по отношенію къ имперіи, какъ онъ смотрѣлъ на свою роль намѣстника, имѣвшаго опредѣленные порученія отъ императора. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ отношеніи не все было предусмотрѣно заранѣе, а многое произошло въ силу естественной законности въ ходѣ дѣлъ. Еще прежде окончательнаго подчиненія Италіи, когда въ Равеннѣ держался еще Одоакръ, Θεодорихъ отправилъ въ Константинополь посольство, во главѣ котораго находился сенаторъ Фестъ. Хотя это посольство не достигло опредѣленнаго результата, такъ какъ императоръ Зинонъ умеръ какъ-разъ въ это время, тѣмъ не менѣе, можно думать, что цѣль посольства заключалась въ опредѣленіи отношеній къ имперіи какъ самого патриція и главнокомандующаго войсками, такъ и завоеванной имъ страны. Независимо отъ того, что перемѣна въ престолонаслѣдіи могла вызвать новые взгляды въ константинопольскомъ правительствѣ на совершившіеся въ Италіи факты, произошелъ уже совсѣмъ непредвидѣнный актъ провозглашенія Θεодориха королемъ. Это совершенно измѣняло отношенія и открывало новыя историческія перспективы: готы провозгласили Θεодориха королемъ, не выждавъ распоряженій новаго принцепса, т.-е. Анастасія ¹⁾, какъ сказано въ современной хроникѣ. Новый императоръ былъ далеко не склоненъ примириться съ порядкомъ вещей, создавшимся въ Италіи, и не спѣшилъ дать согласіе на притязанія Θεодориха. Переговоры и пересылка посольствами продолжались нѣсколько лѣтъ, и только въ 497 г. Анастасій послалъ въ Италію императорскія одежды и другія эмблемы власти, находившіяся

¹⁾ Anon. Valesii 12, 57. Ap. Mommsen, „Chronica Minora“, vol. I, p. 322.

въ Константинополѣ со времени прекращенія на Западѣ преемства императорской власти. Въѣстъ съ этимъ актомъ передачи Θεодориху знаковъ императорской власти императоромъ Анастасіемъ былъ утверждёнъ порядокъ вещей, созданный вторженіемъ остготовъ въ Италію, и развито то соглашеніе, которое состоялось прежде между Зиномомъ и патриціемъ Θεодорихомъ.

Господство въ Италіи остготовъ представляетъ не лишенную историческаго значенія попытку продолжить римско-императорскія формы управленія подъ господствомъ варваровъ. Возникшее на почвѣ Италіи новое государственное право есть попытка соединенія римлянъ и варваровъ при строгомъ разграниченіи правъ и обязанностей побѣдителей и побѣжденныхъ. Носителями этой идеи справедливаго и планомѣрнаго распредѣленія правъ и обязанностей между римлянами и варварами былъ какъ самъ Θεодорихъ, такъ и его канцлеръ и полномочный министръ, сенаторъ Кассіодоръ, письма котораго составляютъ драгоцѣнный источникъ для исторіи готовъ въ Италіи ¹⁾. Θεодорихъ вынесъ изъ сношеній съ Византіей глубокое убѣжденіе, что римскія формы жизни, законы и учрежденія римской имперіи, представляютъ въ себѣ достойный подражанія образецъ, который обязательно усвоить себѣ всякому народу, претендующему на культурную историческую жизнь. Поэтому, занявъ Италію, онъ стремился не къ преобразованію административной и экономической системы, а къ наиболѣе удобному способу приспособленія приведенныхъ въ Италію готовъ къ найденнымъ ими въ странѣ социальнымъ и экономическимъ условіямъ. Прежде всего, онъ ни разу не обнаружилъ покушенія подчинить итальянское населеніе военной дружинѣ, во главѣ которой стоялъ онъ: остготы какъ были, такъ и остались военнымъ сословіемъ, размѣщеннымъ по городамъ и селеніямъ подъ начальствомъ своихъ вождей. За нихъ были записаны военные участки (треть земель), съ которыхъ они получали содержаніе и несли военную службу. Уже было замѣчено въ исторической литературѣ, что преклоненіе Θεодориха предъ формами римской жизни и идеальный взглядъ на будущее сліяніе готовъ и римлянъ въ одинъ народъ — частью является воспроизведеніемъ мыслей другого готскаго вождя, преемника Алариха, Атаульфа, который тоже

¹⁾ Cassiodori Variarum, „Monumenta Germaniae Historica. Auctorum antiquissimorum“, XII.

полагалъ свою славу и честь въ возстановленіи и умноженіи римскаго имени силами готскаго народа ¹⁾). Увлеченіе Θεодориха высокой идеей Рима прекрасно выражено въ одномъ его письмѣ на имя императора Анастасія ²⁾): „Всемиловѣйшій императоръ! Намъ слѣдуетъ стремиться къ охраненію мира, тѣмъ болѣе, что у насъ нѣтъ и поводовъ къ враждѣ. Миръ—вождедѣльное благо для всякаго государства, въ немъ преуспѣваютъ народы, ими охраняются интересы государствъ. Миръ воспитываетъ изящныя искусства, умножаетъ родъ людской, даетъ обиліе средствъ, улучшаетъ нравы. Кто не цѣнитъ мира, тотъ выдаетъ себя не понимающимъ такихъ прекрасныхъ вещей. Поэтому вашему могуществу и чести вполне соответствуетъ, чтобы я искалъ единенія съ вами, пользуясь доселѣ вашей любовью. Ибо вы составляете собой лучшее украшеніе всѣхъ царствъ, спасительную охрану всего міра, на васъ по справедливости съ благоговѣніемъ взираютъ прочіе государи, признавая въ вашей власти нѣчто чрезвычайное, въ особенности же я, Божіей помощью воспріявшій уроки въ вашей имперіи относительно способовъ справедливаго управленія римлянами. Наше королевство есть ваше подобіе, форма прекраснаго образца, экземпляръ единственной имперіи: насколько мы подражаемъ вамъ, настолько превосходимъ другіе народы. Часто вы увѣщевали меня любить сенатъ, соблюдать законы императоровъ, соединить разрозненные члены Италіи. Какъ же вы допустите не участвовать въ священномъ мирѣ того, кого желаете соблюсти въ вашихъ обычаяхъ. И уваженіе къ достопочтенному Риму не можетъ быть совмѣстимо съ мыслью о раздѣленіи того, что соединено общностью имени. Вѣримъ, что вы не допустите, чтобы существовалъ какой-либо поводъ къ несогласію между двумя республиками, которыя всегда составляли одно цѣлое при древнихъ царяхъ. Онѣ не только должны быть соединены между собой возвышенной любовью, но и взаимно оказывать одна другой поддержку. Да будетъ всегда одна мысль объ единой римской имперіи“.

Выше было сказано, что готы явились въ Италію какъ народъ-войско, и что они по естественному ходу вещей должны были остаться на итальянской землѣ и между римскими гражданами какъ обосо-

1) Orosii VII, c. 43.

2) Cassiodori Variarum I. 1. (написано ок. 508 г.).

бленный народъ. Итальянцы были земледѣльцы, администраторы, ремесленники и промышленники, а готы—военные люди, обязанные защищать первыхъ и пользоваться средствами къ жизни съ выдѣленныхъ имъ земельныхъ участковъ. Двѣ національности объединились въ одномъ правителѣ, оффиціальнѣйшій титулъ коего былъ Flavius Theodoricus rex. Какъ римскій гражданинъ и еще до выступленія въ Италію будучи усыновленъ императоромъ, Теодорихъ съ полнымъ правомъ усвоилъ себѣ имя Флавія; титулъ же короля, данный ему по германскому обычаю, признанъ былъ за нимъ, въ концѣ концовъ, и императоромъ. Самымъ важнымъ дѣломъ для Теодориха было распредѣленіе земель и расквартированіе остготовъ. Здѣсь, впрочемъ, не предстояло изобрѣтать новой системы, такъ какъ Римъ давно зналъ опредѣленный порядокъ колонизаціи варварами свободныхъ земель и систему содержанія федератовъ. За нѣсколько лѣтъ до того въ обширныхъ размѣрахъ система военной колонизаціи была примѣнена въ самой Италіи для воиновъ Одоакра; съ перемѣной имени властителя тотъ же порядокъ расквартированія примѣненъ былъ для готовъ Теодориха. Тамъ и здѣсь дѣло шло о третяхъ участковъ. Въ пользу готскаго воина должна быть уступлена треть земли каждымъ землевладѣльцемъ въ его участкѣ со всѣми въ немъ находящимися угодьями, съ инвентаремъ и рабами. Проведеніе этого дѣла поручено было Теодорихомъ префекту преторіи Либерію, который долженъ считаться однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ государственныхъ людей эпохи готскаго владычества. Подъ его наблюденіемъ проведена была вся сложная операція размежеванія участковъ, выдѣленія третьей въ пользу готской народности и капитализаціи земли въ тѣхъ случаяхъ, когда въ пользу готовъ отчислялась треть доходовъ вмѣсто трети земли въ натурѣ. Все заставляетъ предполагать, что распредѣленіе третей не вызвало особенныхъ потрясеній, потому что значительная часть земельной собственности уже ранѣе была выдѣлена воинамъ Одоакра, которые съ новымъ политическимъ переворотомъ или погибли, или лишились своихъ третей. Такъ какъ столицей остготскаго короля осталась Равенна, то готскіе гарнизоны естественнымъ образомъ болѣе централизовались въ сѣверной и восточной Италіи, чѣмъ на югѣ; Сицилія и южная Италія были почти свободны отъ готскихъ колонистовъ. Число всѣхъ готовъ, поселившихся въ Италію подъ господствомъ Теодориха, можетъ быть опредѣляемо въ 200000.

По мысли Θεодориха и ближайшихъ его сотрудниковъ Италія должна была представить собой образецъ мирнаго сожителства готвъ и римлянъ. Мѣры къ практическому осуществленію этого идеала продиктованы были искреннимъ и благороднымъ чувствомъ, о которомъ можемъ судить по дѣловой перепискѣ и по мѣропріятіямъ, сохранившимся въ письмахъ и въ дѣятельности Кассіодора. Двадцать книгъ „писемъ“, собранныхъ и изданныхъ самимъ же Кассіодоромъ, составляютъ важнѣйшій и незамѣнимый источникъ для исторіи готвъ въ Италіи. Другой и собственно историческій его трудъ, не сохранившійся до насъ, въ существенныхъ чертахъ воспроизведенъ готскимъ историкомъ Јорнандомъ. Нижеслѣдующее обстоятельство живо характеризуетъ извѣстнаго рода тенденціозное направленіе исторіи Кассіодора. Преемникъ Θεодориха, король Аталарихъ, въ 534 году, желая почтить заслуги Кассіодора, возводитъ его въ званіе префекта преторіи и въ такихъ словахъ оцѣниваетъ передъ сенатомъ его заслуги ¹⁾. „Правда, что мы увѣнчали всѣми высшими наградами доблестнаго сенатора, но если взвѣсить его заслуги, то окажется, что мы все же у него въ долгу. Онъ посвятилъ себя изслѣдованію нашей древней исторіи, изучая то, что едва удержала въ памяти сѣдина предковъ. Онъ оживилъ передъ нами готскихъ королей, которые оставались забытыми во мракѣ древности, возстановилъ во всемъ блескѣ родъ Амаловъ, ясно показавъ, что мы уже семнадцатое поколѣніе владѣемъ королевскимъ достоинствомъ. Онъ доказалъ единство готскаго и римскаго происхожденія, собравъ въ одинъ блистательный вѣнокъ разбросанные по книжнымъ полямъ цвѣтки. Подумайте, сколько онъ возлюбилъ васъ, похваляя насъ, когда доказалъ, что властвующій надъ вами народъ отъ самой колыбели имѣетъ дивную исторію“.

Болѣе вводятъ въ реальныя отношенія и характеризуютъ жизнь законодательныя памятники этой эпохи—два эдикта, извѣстные по имени королей Θεодориха и Атанариха. Это, впрочемъ, не суть акты германскаго права, это собственно римское право, приспособленное къ потребностямъ Италіи и ея новыхъ обитателей, германцевъ готской вѣтви, и регулирующее ихъ отношеніе къ туземному населенію. Въ частности, на подобіе древнихъ „правдъ“, здѣсь видимъ попытку

¹⁾ *Variae* IX. 25.

установить норму наказаній для проступковъ гражданскаго и уголовнаго характера. Цѣль закона характеризуется благородной задачей—охранить *civilitas*, т.-е. дать защиту римской гражданственности или, чтобы ближе выразить мысль, римской культуры. Законъ принимаетъ на себя предупредить насильственные дѣйствія готовъ противъ римлянъ, богатыхъ противъ бѣдныхъ, крупныхъ землевладѣльцевъ противъ мелкихъ; именно этого рода проступки всего чаще встрѣчались на практикѣ, отъ нихъ происходили жалобы и вопли, „доходящіе до ушей короля“. Кромѣ обычая варварскаго народа съ оружіемъ въ рукахъ добывать свое право, для грубыхъ инстинктовъ завоевателя представляли большой соблазнъ сосѣднія римскія виллы и красивыя женщины. Законъ и старается поставить границы своей воли готовъ, устрашая наказаніями тѣхъ, „которые привыкли попираеть законы“. *Civilitas* же, охраняемая законами, опредѣляется какъ такое поведеніе или настроеніе, когда каждый членъ общества проникся убѣжденіемъ, что примѣнимы лишь справедливыя средства въ отысканіи своего права, а не грубое насиліе. Такимъ образомъ, въ тѣхъ своевольныхъ дѣйствіяхъ, которыя законъ всего суровѣе преслѣдуетъ—нападеніе скопомъ на сосѣда и разграбленіе его имущества—слѣдуетъ видѣть какъ не дошедшую до насъ картину жизни въ концѣ V и началѣ VI в., такъ равно и характеристику быта остготовъ. Король находилъ старые порядки несовмѣстными съ идеей государственности, отсюда его законъ какъ первое проявленіе римской государственной идеи между германцами ¹⁾).

Мы лишены возможности ознакомиться съ чувствами итальянскаго населенія по отношенію къ готамъ, но, по взглядамъ Θεодориха, выдѣленіе третьей земли была мѣра въ высшей степени мудрая, въ ней былъ залогъ будущаго слиянія двухъ націй. „Намъ пріятно, говоритъ онъ римскому сенату,—что соединились и владѣнія, и сердца римлянъ и готовъ; такъ произойдетъ то, что обѣ націи, живя вмѣстѣ, будутъ единомысленны. Миръ произошелъ отъ раздѣленія полей, отъ вреда родилась дружба народовъ, пріобрѣтенъ и защитникъ помѣстья, обезпечено и безопасное пользованіе имуществомъ“. Правда, нельзя не замѣтить, что во взглядахъ Θεодориха было много мечтательнаго и чуждаго реальной жизни, но, по крайней мѣрѣ, въ

¹⁾ Dahn, „Die Könige der Germanen“, III (die Edicte der Könige... und das goth. Recht).

первую половину своего правления онъ вполне вѣрилъ въ осуществленіе своего идеала. Въ 508 г. онъ писалъ: „намъ доставляетъ удовольствіе оставлять жить по римскому закону тѣхъ, кого мы желаемъ подчинить военной силой, и не менѣе въ нашихъ глазахъ имѣетъ значеніе моральная побѣда, чѣмъ насильственное подчиненіе оружіемъ. Ибо что и пользы въ побѣдѣ надъ варварами, если не та, чтобы распространить на нихъ законы? Пусть другіе короли стремятся къ побѣдамъ, къ военной добычѣ и оставляютъ за собой развалины, мы же предполагаемъ при помощи Божіей такъ побѣждать, чтобы наши подданные скорбѣли о томъ, что позже другихъ подчинились нашей власти“¹⁾).

Къ характеристикѣ правительственныхъ взглядовъ Θεодориха въ высшей степени важны тѣ его распоряженія, которыя касались религиозныхъ вопросовъ. Извѣстно, что готы были аріане, а итальянцы отличались нетерпимостью въ вопросахъ вѣры; извѣстно также, что вездѣ, гдѣ близко соприкасались аріане съ католиками, напри- мѣръ, въ Галліи и въ Африкѣ, почти неизбежно возникали суровыя преслѣдованія. Здѣсь, въ Италіи, наблюдалась самая широкая вѣротерпимость, о которой можно судить по слѣдующему мѣсту изъ одного распоряженія по поводу ремонта іудейской синагоги: „Я не могу приказывать въ дѣлѣ религіи, ибо насиліемъ никого нельзя принудить вѣровать“²⁾).

Θеодорихъ избралъ своей столицей Равенну, гдѣ имѣли резиденцію послѣдніе императоры. Онъ окружилъ себя пышнымъ дворомъ и украсилъ Равенну новыми дворцами и церквами (рис. 44). Придворные и административные чины, перечисляемые у Кассіодора, указываютъ, что придворная и провинціальная администрація остготскаго короля была полнымъ подражаніемъ римско-императорской. Провинціальное устройство и городское муниципальное управление осталось безъ измѣненій, какъ было найдено въ эпоху завоеванія. Префектъ преторіи былъ высшій административный чинъ, у котораго сосредоточивались всѣ нити гражданскаго управленія Италіей.

Сами готы составляли государство въ государствѣ, сохранивъ военное устройство и неся обязательство военной службы. Они были

1) Cassiod. II, ep. 16; III, 43.

2) *Variae* II, 27.

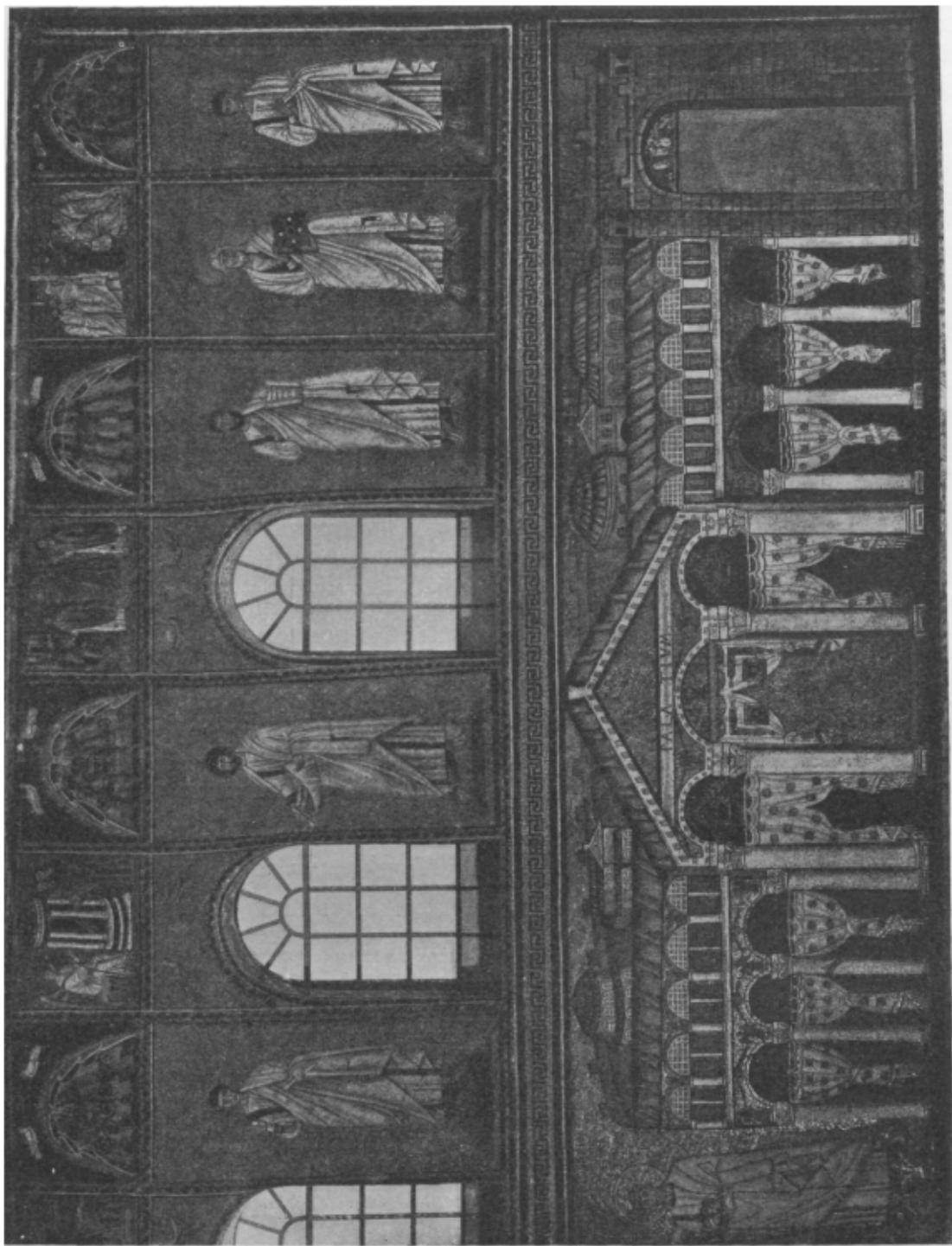

Рис. 44. Мозаика церкви св. Аполлинария, изображающая Равенну и дворец Теодориха.

подчинены особымъ военнымъ чинамъ, сидѣвшимъ въ городахъ и имѣвшимъ подъ своей властью какъ городскіе гарнизоны, такъ и раскинутыя въ ближайшей области готскія поселенія. Для высшаго суда и для рѣшенія спорныхъ дѣлъ между римляниномъ и готомъ назначались особые королевскіе чиновники, *comites Gothorum*.

Отличаясь въ высшей степени терпимостью въ дѣлахъ вѣры и предоставивъ римской церкви многія привилегіи, Θεодорихъ одушевленъ былъ горячими желаніями общественнаго блага и мира.

Продолжительное мирное правленіе Θεодориха было для Италіи истиннымъ благодѣяніемъ. Въ желаніи блага своимъ подданнымъ король не ограничивался лишь возвышенными планами и мечтами, но глубоко затрагивалъ реальные интересы. Такъ, онъ возстановилъ полуразрушенную дорогу *Via Appia*, заботился объ осушеніи Помптинскихъ болотъ и возобновилъ стѣны Рима. Онъ поставилъ готское королевство въ Италіи на высокое положеніе между современными государствами, завязавъ политическія и родственныя связи съ цѣлой системой германскихъ государствъ: съ вандалами, вестготами, бургундами, тюрингами и франками¹⁾. Высокой терпимостью въ дѣлахъ вѣры и гуманностью онъ содѣйствовалъ процессу сближенія побѣдителей и побѣжденныхъ, и если не послѣдовало сліянія націй, то, во всякомъ случаѣ, итальянцы достигли извѣстной степени благосостоянія и спокойствія, котораго давно не имѣли. Памятникомъ высокаго художественнаго вкуса и религіознаго настроенія Θεодориха служатъ прекрасныя равеннскія церкви, пользующіяся всемірной извѣстностью по своимъ мозаикамъ. Такова церковь св. Аполлинарія Новаго, сооруженная въ честь св. Мартина и получившая нынѣшнее названіе въ IX в. Большинство сохранившихся въ ней мозаикъ принадлежитъ времени Θεодориха (рис. 45). По нѣкоторымъ мозаикамъ можно составить себѣ идею о прежней Равеннѣ (рис. 46). Такова же церковь св. Виталія, построенная, во всякомъ случаѣ, въ первой половинѣ VI в. (рис. 47 и 48), и церковь св. Апполинарія во флотѣ (*in Classe*) съ мозаиками, имѣющими высокое художественное и историческое значеніе (рис. 49).

Чѣмъ далѣе отъ Равенны, тѣмъ, конечно, слабѣй чувствовалась связь съ готскимъ королемъ. Въ высшей степени любопытно, что

1) Bury, „A History of the later Roman Empire“, I, 382.

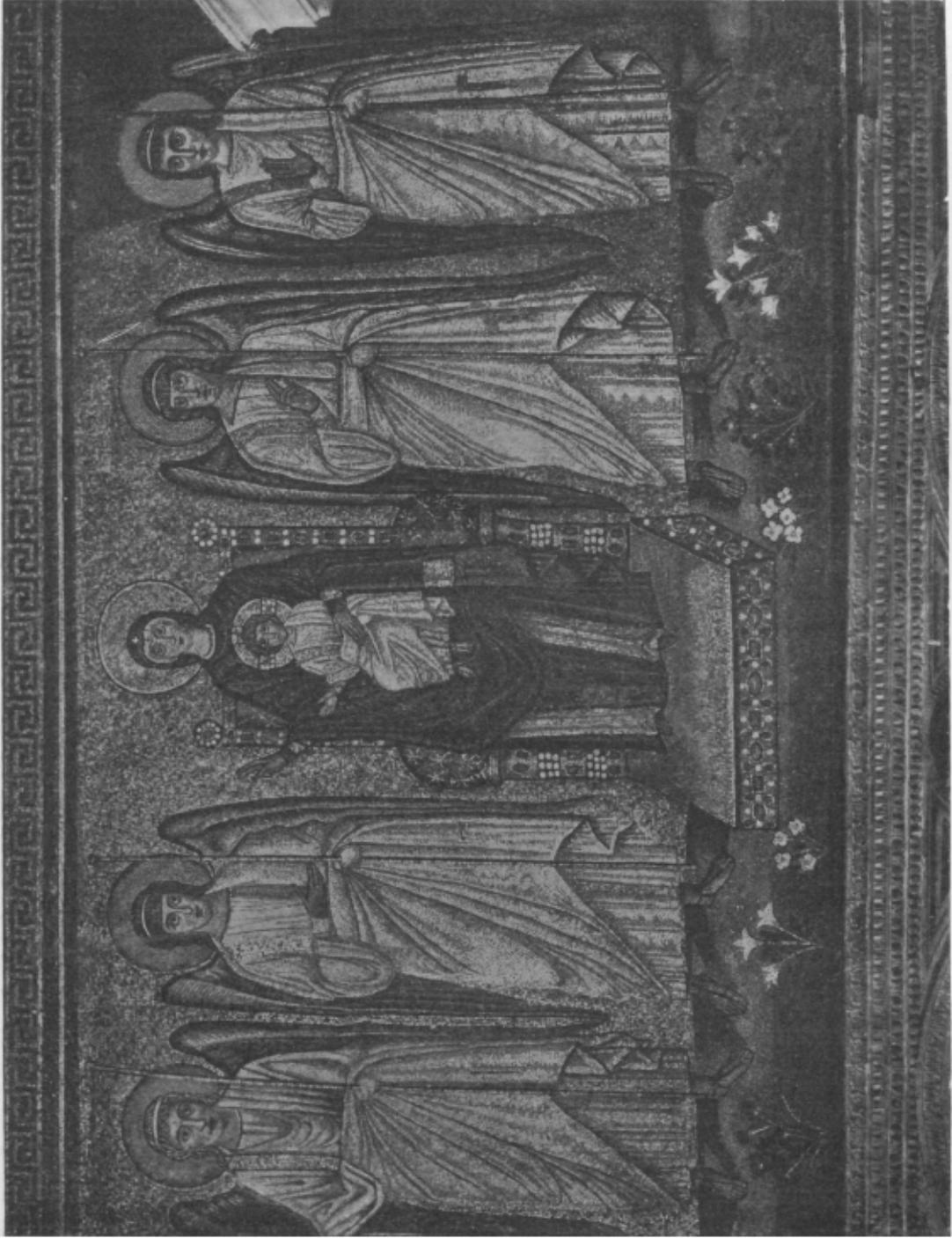

Рис. 45. Богородица между ангелами в церкви св. Аполлинария.

Римъ, столица прежнихъ императоровъ, гдѣ всего сильнѣй—вблизи цирка и сената—должны были корениться идеи о національной свободѣ и память о недавнемъ міровластительствѣ, что этотъ Римъ мало обращалъ на себя вниманія Θεодориха. Лишь въ самые послѣдніе годы жизни онъ замѣтилъ въ Римѣ рожденіе политической партіи, имѣвшей цѣлью измѣнить ему и искать покровительства Византіи, но тогда уже было поздно принимать мѣры къ обузданію римскаго патріотизма.

Переставъ быть столицей государства, Римъ не терялъ, однако, своихъ привилегій, какъ первый городъ Италіи. Эти привилегіи выражались и въ особомъ административномъ чинѣ для управленія городомъ и округомъ Рима (*praefectus urbi*), и въ высшемъ первенствующемъ для всей Италіи церковномъ положеніи римскаго епископа. Θεодорихъ былъ весьма внимателенъ къ римскому сенату, который если и не имѣлъ участія въ общегосударственныхъ дѣлахъ, сохранялъ, однако, нѣкоторыя изъ древнихъ преимуществъ и, между прочимъ, сносился непосредственно съ императорами и имѣлъ голосъ въ выборѣ епископа города Рима.

Отношенія къ римскому епископу тѣмъ труднѣй было урегулировать, что Римъ находился въ церковной враждѣ съ Константинополемъ. При епископахъ римскихъ Геласіи и Анастасіи II (492—498), пока императоръ еще не настаивалъ на примѣненіи „Энотика“, поддерживались мирныя отношенія, но въ 498 г. въ Римѣ произошли раздоры по случаю выбора новаго папы, и обнаружилась борьба политическихъ партій. На этотъ разъ выдвигались два воззрѣнія: партія Анастасія, склонявшаяся къ уступкамъ по отношенію къ халкидонскимъ постановленіямъ, и партія его противниковъ, не желавшая никакихъ уступокъ и подвергавшая анаѣмѣ имя Акакія. Со смертью папы Анастасія въ 498 г. въ самой римской церкви произошла схизма, выразившаяся въ избраніи двухъ кандидатовъ на вакантный тронъ: одна партія избрала въ Латеранѣ Симмаха, другая въ церкви св. Маріи Лаврентія; оба кандидата въ одинъ и тотъ же день приняли посвященіе. На этотъ разъ Θεодориху, при всей его терпимости въ дѣлахъ вѣры, нельзя было оставаться холоднымъ зрителемъ римскихъ событій. Рядомъ съ приписываемымъ ему убѣжденіемъ, что въ дѣлѣ вѣры нельзя никого принуждать, сохранился о немъ слѣдующій анекдотъ. У Θεодориха былъ близкій человекъ, православ-

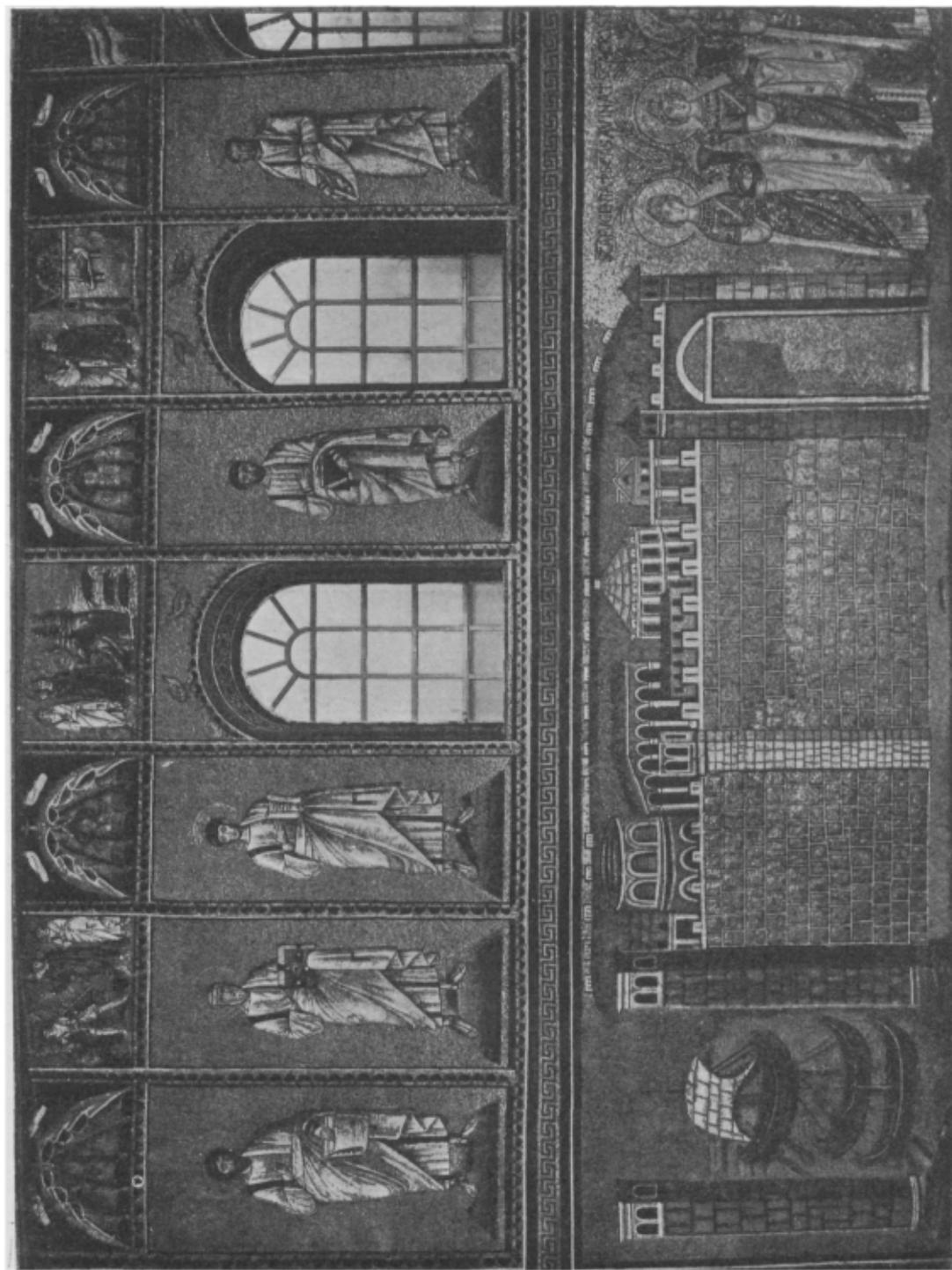

Рис. 46. Мозаика нефа въ церкви св. Аполлинарія, представляющая море и гавань.

ный дьяконъ, который ради угожденія своему королю и въ надеждѣ на возвышеніе перешель въ арианство. Но Θεодорихъ, узнавъ объ его отступничествѣ, приказаль казнить его ¹⁾). Такимъ образомъ, хотя онъ предоставлялъ полную свободу римскому католицизму въ своемъ государствѣ, но только до тѣхъ поръ, пока религіозная борьба не угрожала спокойствію въ странѣ. Партія Симмаха обратилась къ Θεодориху за разрѣшеніемъ спора, признавая въ немъ верховнаго судью и защитника интересовъ церкви. Другая партія, къ которой принадлежали сенатъ и знатные римляне, не одобряла этого шага и видѣла законнаго судью по церковнымъ дѣламъ въ императорѣ. Для Θεодориха вопросъ осложнялся еще и тѣмъ, что какъ-разъ въ это же время сенаторъ Фестъ велъ въ Константинополь переговоры объ установленіи на будущее время взаимныхъ отношеній между Италіей и имперіей. Возвратившись изъ Константинополя, Фестъ представилъ императорскій эдиктъ, въ которомъ излагались халкидонскія постановленія, и который предстояло принять вновь избранному епископу. Хотя Симмахъ отказался принять и подписать эдиктъ, а соперникъ его Лаврентій изъявилъ на него согласіе, но въ Римѣ возгорѣлись страсти, начались вооруженныя схватки на улицахъ, и Θεодориху нельзя было болѣе оставаться въ сторонѣ отъ этого движенія. Онъ призвалъ къ себѣ въ Равенну вождей партіи, разобралъ дѣло и присудилъ оставить власть епископа въ Римѣ за тѣмъ лицомъ, которое было избрано ранѣе и которое имѣло за себя большее число голосовъ. Такъ утвержденъ былъ на престолѣ св. Петра Симмахъ. Хотя соперникъ его Лаврентій и его приверженцы распускали слухъ, что Симмахъ купилъ золотомъ рѣшеніе дѣла въ свою пользу, но первое рѣшительное вмѣшательство Θεодориха въ церковныя дѣла окончилось вполнѣ благопріятно. Уже въ началѣ 499 г. Симмахъ могъ собрать въ Римѣ соборъ для утвержденія церковнаго мира и для успокоенія приверженцевъ Лаврентія. Весьма любопытно, что однимъ изъ постановленій этого собора обезпечивалась свобода избранія папы и подрывалось вліяніе свѣтской власти въ Римѣ: ни королевскій чиновникъ, ни сенатъ не участвуютъ въ избраніи римскаго епископа, все дѣло зависитъ отъ клира и народа.

Въ 500 г. Θεодорихъ посѣтилъ Римъ по случаю происшедшихъ

1) Theod. Lector, II, 18; Dahn, III, S. 199, n. 4.

МОЗАИКА ЦЕРКВИ S. MARIA MAGGIORE ВЪ РИМЪ.

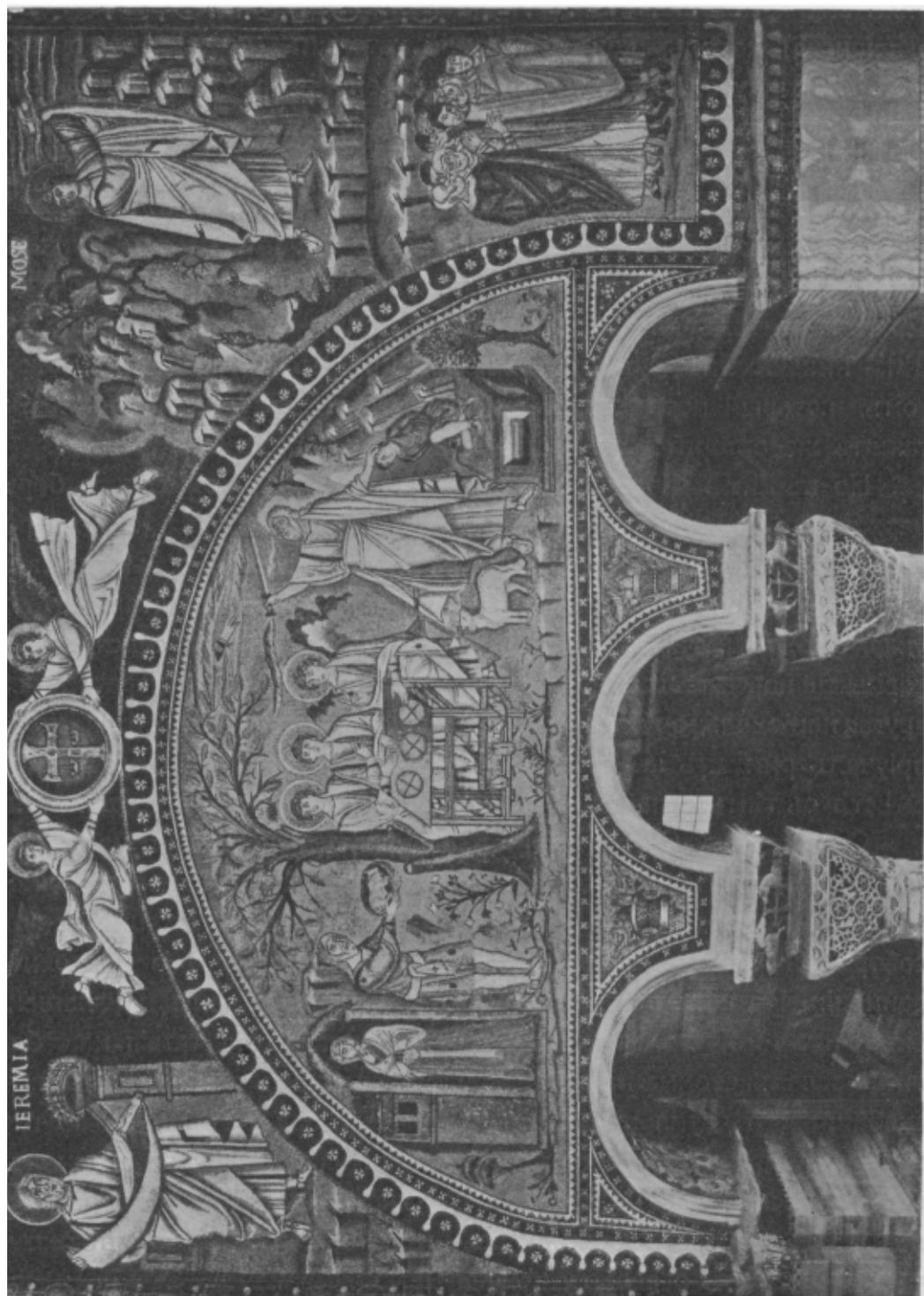

Рис. 47. Церковь св. Виталия.

тамъ раздоровъ при избраніи новаго епископа. Сенатъ и народъ оказали ему торжественную встрѣчу за стѣнами города, льстецы говорили ему привѣтственные рѣчи, восхваляя его какъ второго Траяна, а арианскій король, какъ вѣрующій католикъ, прежде всего посѣтилъ базилику св. Петра и отдалъ поклоненіе гробу верховнаго апостола. Въ сенатѣ держалъ передъ нимъ рѣчь отъ имени сената Боэцій, самъ король въ торжественной рѣчи говорилъ народу, что свято сохранить законы императоровъ, и позволилъ изсѣчь эти слова на мѣдной доскѣ „въ вѣчное воспоминаніе“. Давъ народу цирковыя игры, король назначилъ въ ежегодную выдачу бѣднымъ города по 120 тысячъ мѣръ хлѣба. Все, повидимому, свидѣтельствовало, что нѣтъ никакихъ недоразумѣній между Римомъ и королемъ Θεодорихомъ, который повелѣвалъ въ древней императорской столицѣ съ такимъ же авторитетомъ, какъ и у себя въ Равеннѣ.

Но въ Римѣ снова послѣ удаленія Θεодориха разразилась борьба церковныхъ партій, въ которой, даже помимо желанія, ему не разъ пришлось выступить со своимъ авторитетомъ. Въ событіяхъ этого времени съ особенной силой проявляется политическій тактъ Θεодориха: онъ, можетъ-быть, потому такъ осторожно относился къ церковнымъ партіямъ въ Римѣ, что одна изъ нихъ была императорская, а другая національно-римская, и, поддерживая послѣднюю, онъ не только пріучалъ римлянъ къ своей власти даже въ церковныхъ дѣлахъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ослаблялъ императорскихъ приверженцевъ въ Римѣ.

Со смертью Симмаха и съ избраніемъ Гормизда на кафедру св. Петра открылись въ 514 г. болѣе искреннія сношенія между Римомъ и Константинополемъ. Императоръ Анастасій пригласилъ папу на соборъ въ Константинополь для обсужденія вопроса о церковномъ единеніи. Но какъ осторожно относился новый папа къ приглашенію, видно изъ того, что, уклонившись отъ личнаго присутствія на соборѣ, онъ послалъ своимъ представителемъ епископа тичинскаго Еннодія, снабдивъ его двумя письмами—къ императору и къ Виталиану и рекомендуя не вступать ни въ какія сношенія ни съ константинопольскимъ епископомъ, ни съ другими схизматическими духовными лицами. Отъ императора ожидалось—и это было обозначено въ письмѣ, что онъ заявитъ о своемъ признаніи Халкидонскаго собора и догматическихъ опредѣленій папы Льва, изложенныхъ въ его письмѣ, и что таковое же официальное заявленіе будетъ истребовано отъ епи-

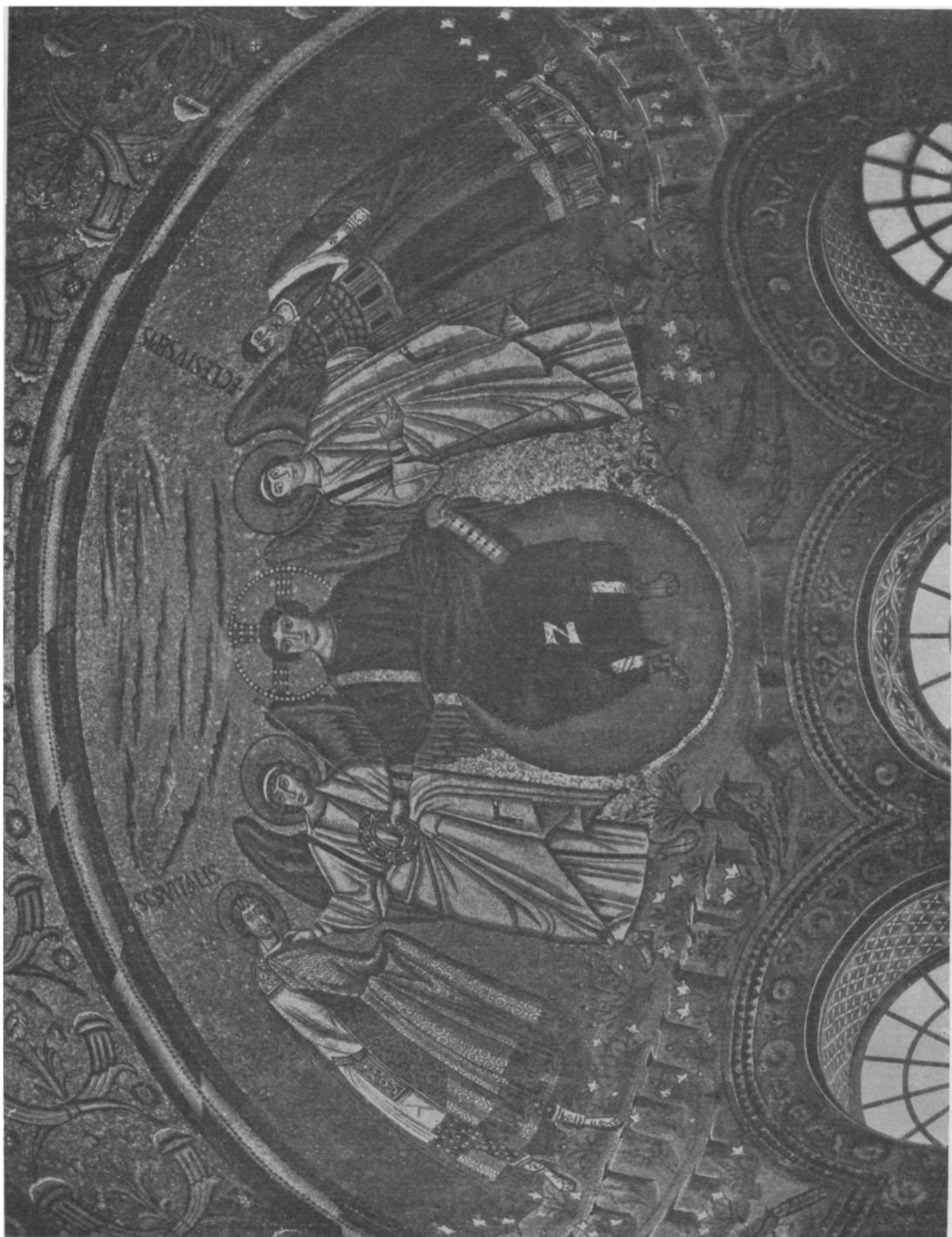

Рис. 48. Мозаика въ абсидѣ.

скоповъ восточной церкви. Какъ прямое заключеніе изъ предыдущаго акта, предполагалось новое осужденіе и анаѳематствованіе Акакія. Но въ Константинополѣ не пошли на такія рѣшительныя уступки, тѣмъ болѣе, что къ тому времени прошелъ острый періодъ борьбы съ монофизитствующимъ правительствомъ, и главный представитель оппозиціи Виталианъ не угрожалъ болѣе Анастасію. Такимъ образомъ, полученный изъ Константинополя въ Римѣ въ 516 г. отвѣтъ оказался далеко не въ такомъ тонѣ, какъ тамъ ожидали. Анастасій писалъ римскому сенату, что ему слѣдовало бы присоединиться къ желаніямъ императора и содѣйствовать всѣми мѣрами передъ королемъ и передъ папой къ восстановленію церковнаго мира. На новое предложеніе папы оказать поддержку православнымъ и начать преслѣдованіе еретиковъ императоръ выразилъ крайнее неудовольствіе и рѣзко отвѣчалъ папѣ, что онъ прекращаетъ дальнѣйшіе переговоры, ибо не привыкъ подчиняться постороннимъ внушеніямъ.

Новыя отношенія между Италіей и Константинополемъ открываются съ началомъ новаго царствованія. Вмѣстѣ съ вступленіемъ на престолъ Юстина (518 г.), новое направленіе церковной политики выразилось прежде всего въ томъ, что Виталианъ получилъ назначеніе главнокомандующаго сухопутными силами и на 520 г. консульское званіе. Вся внѣшняя и внутренняя политика имперіи теперь направляется племянникомъ императора Юстиніаномъ, который въ 521 г. получилъ званіе консула и праздновалъ свое вступленіе на политическое поприще роскошными играми и щедрыми подарками. Перемѣна политики сказывается особенно рѣзко въ отношеніяхъ къ римскому епископу и къ монофизитамъ внутри имперіи. Съ королемъ Θεодорихомъ также завязаны были болѣе тѣсныя и благожелательныя отношенія посредствомъ усыновленія императоромъ Евтариха, на котораго должно было по смерти Θεодориха перейти королевское достоинство по браку его съ Амаласунтой. Извѣщая папу о своемъ вступленіи на престолъ, Юстинъ просилъ его послать въ Константинополь уполномоченныхъ для восстановленія церковнаго мира, о томъ же поручено было лично переговорить съ Θεодорихомъ. Предложенія Юстина, очевидно, отвѣчали желаніямъ папы, такъ какъ изъ Рима отвѣчено было согласіемъ вступить въ переговоры и, кромѣ того, отправлено было нѣсколько любезныхъ посланій къ высшимъ государственнымъ лицамъ и вліятельнымъ дамамъ съ просьбой под-

держать при дворѣ папскихъ пословъ. Въ Константинополѣ, впрочемъ, и безъ того ждали римскихъ уполномоченныхъ съ распростертыми

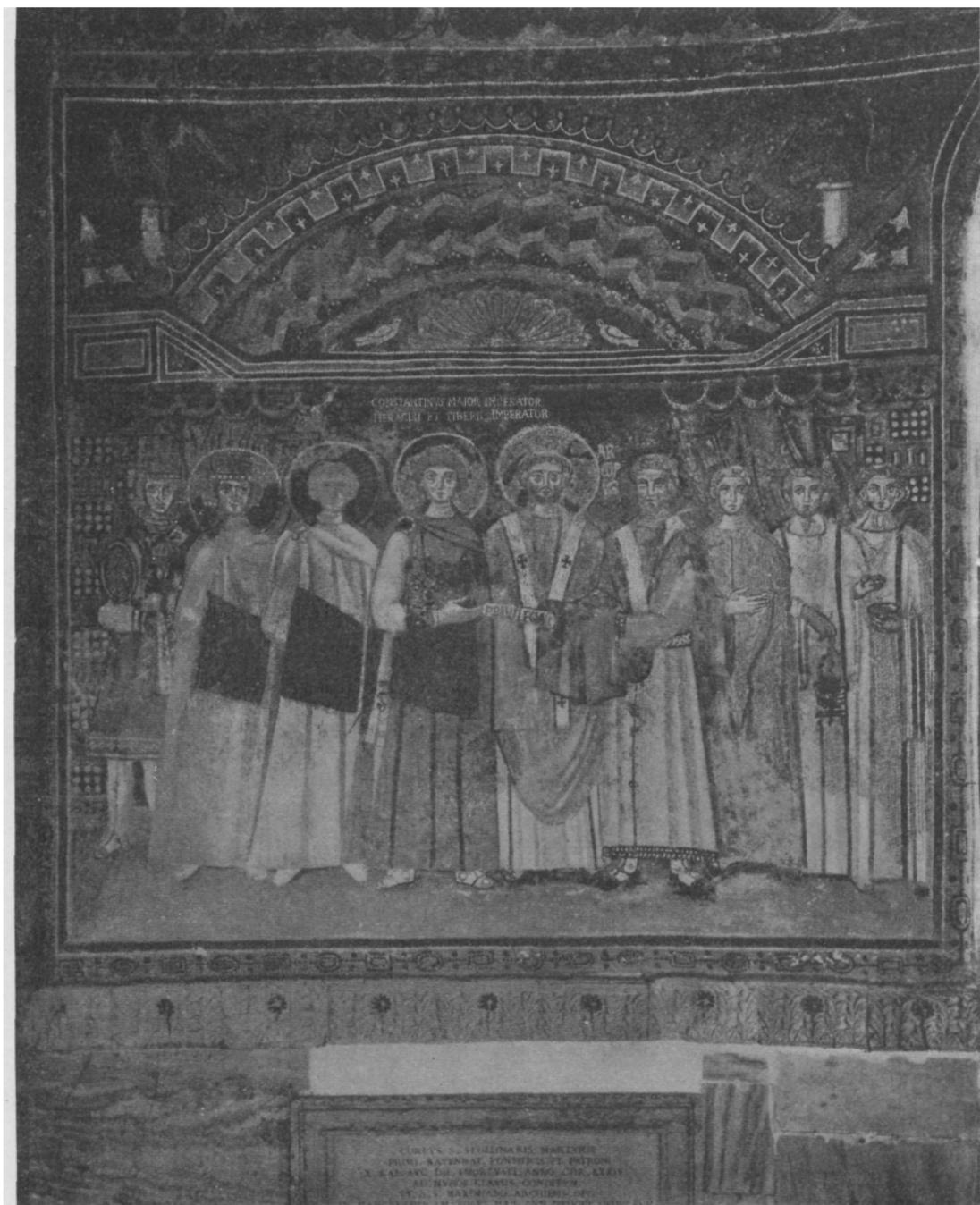

Рис. 49. Мозаика церкви св. Аполлинарія in Classe.

объятіями; за воротами столицы ихъ встрѣтилъ Юстиніанъ, Виталианъ и высшіе чины двора. На другой день послы представились Юстину и вручили письмо папы, въ которомъ съ настойчивостью выставлено

было не разъ уже выраженное папой положеніе, что миръ можетъ быть купленъ лишь торжественнымъ согласіемъ съ вѣроученіемъ папы и осужденіемъ Акакія.

При царѣ Анастасіи на эти требованія отвѣчали категорическимъ отказомъ, теперь же взглядъ на дѣло измѣнился. Спустя нѣсколько дней, константинопольскій епископъ подписалъ требуемое отъ него исповѣданіе вѣры согласно халкидонскому вѣроопредѣленію. вмѣстѣ съ тѣмъ, восточная церковь вычеркнула изъ церковныхъ диптиховъ имена Акакія и другихъ еретическихъ епископовъ, не пощадивъ даже имена Зинона и Анастасія. Не все, однако, подчинилось немедленно приказаніямъ свѣтской власти; чтобы очистить церковь отъ еретичествующихъ, нужно было изгнать сотни епископовъ и поставить на мѣсто ихъ новыхъ, нужно было сломить противодѣйствіе чернаго духовенства,—все это требовало времени и настойчивости; но главное было сдѣлано: римская церковь одержала большую побѣду, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, рушилось препятствіе, доселѣ раздѣлявшее римскій сенатъ и высшее сословіе отъ Константинополя и отъ имперской политики. Скоро выяснится, что всѣ эти благопріятныя для возстановленія церковнаго мира слѣдствія сношеній Рима съ Константинополемъ сопровождались серьезными и опасными осложненіями для короля Θεодориха, хотя, несомнѣнно, онъ сочувствовалъ и содѣйствовалъ новому курсу политики.

Θеодорихъ могъ разсматривать какъ большое для себя приобрѣтеніе то обстоятельство, что его планы на утвержденіе династіи встрѣтили признаніе и одобреніе со стороны Юстина. На 519 г. консульское достоинство предоставлено было готскому престолонаслѣднику Евтариху, въ чемъ нельзя не видѣть молчаливаго согласія императора утвердить династическій планъ Θεодориха. Еще яснѣй полное согласіе взглядовъ въ назначеніи на 522 г. консулами двухъ римлянъ, именно сыновей Боэція: Симмаха и Боэція.

Недостаточно было взвѣшено одно обстоятельство—политическій пульсъ бился не въ Равеннѣ, а въ Римѣ. При живыхъ сношеніяхъ съ Константинополемъ и при свободѣ выборовъ епископа въ Римѣ могло образоваться опасное для готскаго господства національное движеніе. Первые признаки неблагопріятнаго для готовъ настроенія обнаружилились въ 520—521 г. по случаю еврейскаго погрома въ Равеннѣ, во время котораго сдѣлалась жертвой поджога еврейская си-

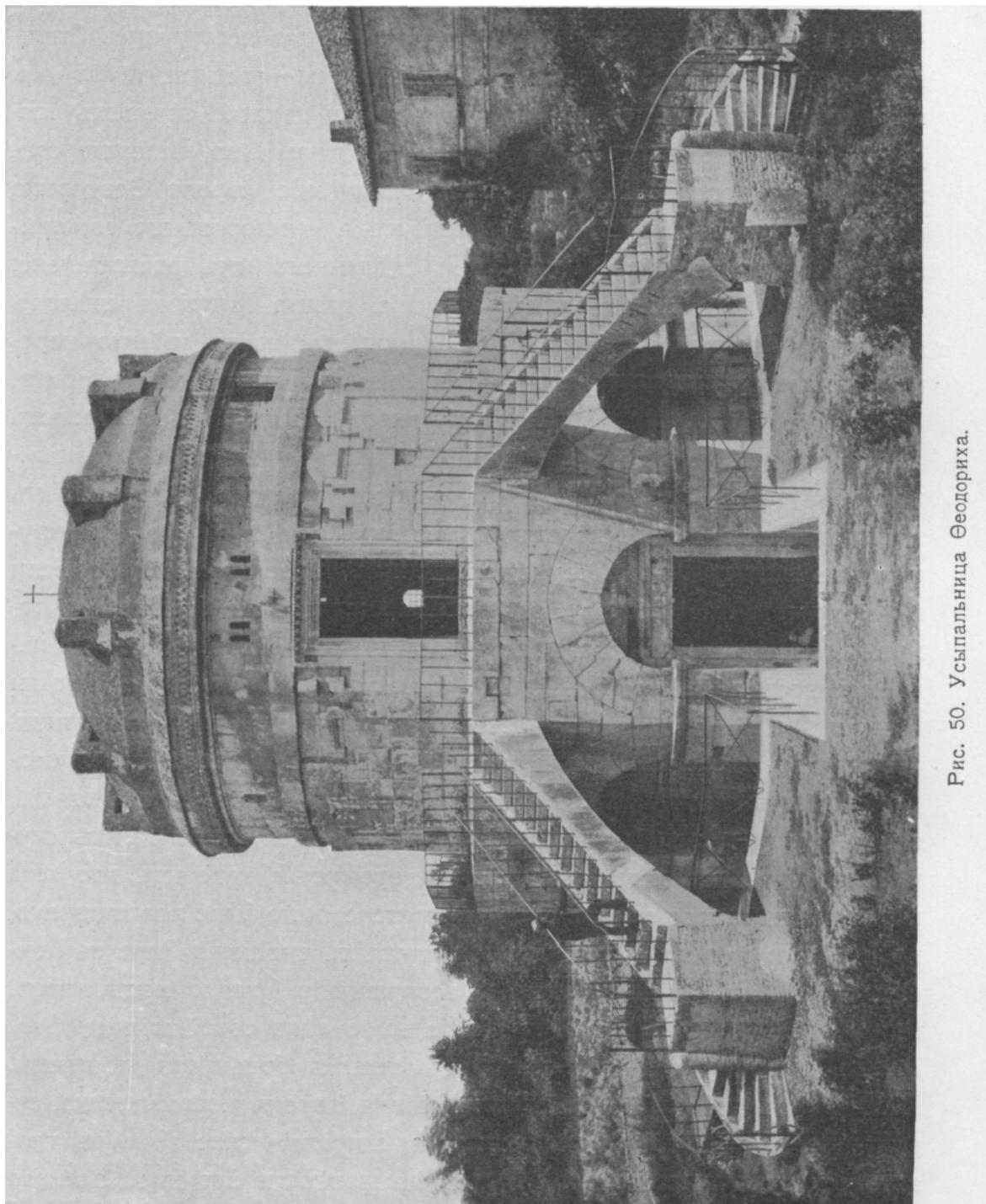

Рис. 50. Усыпальница Феодориха.

нагога; въ то же время подобное же движеніе произошло и въ Римѣ. Θεодорихъ рѣшилъ дать хорошій урокъ виновникамъ погрома, приказавъ православному населенію Равенны вознаградить причиненные евреямъ убытки. Это распоряженіе вызвало бурю негодованія. Стали громко говорить, что король и его министры—еретики, и что для нихъ православіе пустой звукъ; сопоставляли слухи о суровыхъ мѣрахъ противъ аріанъ и другихъ еретиковъ, принятыхъ императоромъ въ Константинополь. Въ особенности положеніе короля Θεодориха подверглось большому колебанію вслѣдствіе неосторожнаго его приговора по политическому процессу и сдѣланнаго имъ распоряженія о запрещеніи римлянамъ носить оружіе. Нѣкто Кипріанъ сдѣлалъ доносъ на патриція Альбина, что онъ поддерживаетъ тайную переписку съ императоромъ и замышляетъ измѣну противъ Θεодориха. Современные событіямъ писатели Прокопій и Јорнандъ обвиняютъ Θεодориха, что онъ придалъ значеніе доносу и, не разобравъ внимательно дѣла, осудилъ на казнь лучшихъ гражданъ Рима и тѣмъ запятналъ свою память передъ потомствомъ. На судѣ Боэціи выступилъ въ защиту Альбина и, между прочимъ, говорятъ, сказалъ: „Если вы обвиняете Альбина въ томъ, что онъ желалъ свободы, то въ такомъ случаѣ мы всѣ преступники, и я и весь сенатъ—мы всѣ надѣемся достигнуть свободы!“ Эти неосторожныя слова послужили поводомъ привлечь къ обвиненію и Боэція; онъ посаженъ подъ стражу, гдѣ и составилъ извѣстное сочиненіе „Утѣшеніе въ философіи“. Слѣдствіе закончилось обвиненіемъ Боэція и его тестя Симмаха, виновные присуждены къ смертной казни съ конфискаціей ихъ имущества. Новѣйшій историкъ Рима Грегоровіусъ ¹⁾ находитъ, что хотя подлинныхъ актовъ сношеній съ императоромъ не было представлено, но весьма вѣроятно, что тогда уже начались сношенія Рима съ Константинополемъ, имѣвшія цѣлью возвращеніе Италіи подъ власть императора. Видя въ этомъ крушеніе всего дѣла своей жизни, Θεодорихъ не могъ остановиться передъ самыми большими жертвами. А такъ какъ то, что было преступленіемъ передъ королевскимъ судомъ, разсматривалось какъ высокое и патріотическое дѣло въ глазахъ римскихъ писателей, то вопросъ о виновности Боэція и Симмаха и доселѣ служитъ предметомъ разнорѣчивыхъ сужденій.

1) Gregorovius, „Gesch. d. Stadt Rom“, I, 310 (1869).

Между тѣмъ, рѣзкія мѣры, принятыя въ Константинополь противъ всяческихъ еретиковъ и, между прочимъ, противъ аріанъ, не могли остаться безъ болѣзненнаго отклика въ Италіи. Θεодорихъ не могъ не усматривать въ эдиктъ противъ аріанъ, которыхъ въ Византіи оставалось мало, прямой вызовъ со стороны императора и какъ бы желаніе затронуть національныя чувства итальянцевъ и религіозный фанатизмъ духовенства и возбудить вражду къ еретическому королю. Король отвѣтилъ, въ свою очередь, преслѣдованіемъ православныхъ или католиковъ и, не теряя надежды на разъясненіе недоразумѣній, пригласилъ къ себѣ въ Равенну папу Іоанна и далъ ему порученіе идти въ Константинополь съ требованіемъ отмѣны эдикта противъ аріанъ. Если бы исполненіе этого желанія встрѣтило затрудненія, то посольству было поручено настаивать и даже угрожать войной.

Итальянское посольство встрѣчено было императоромъ и высшими классами населенія съ исключительнымъ почетомъ, папу привѣтствовали какъ намѣстника св. Петра и оказали ему высшія почести. Хотя предметъ посольства не былъ выполненъ и законъ противъ аріанъ не былъ отмѣненъ, но слухи объ особенно почетномъ приѣмѣ и о тайныхъ переговорахъ, будто бы веденныхъ папой Іоанномъ въ Константинополь, вселили въ Θεодориха подозрѣніе, что посольство ему измѣнило. Когда послы возвратились, онъ заключилъ ихъ въ темницу, гдѣ папа чрезъ нѣсколько дней и умеръ. Казни и темничныя заключенія, къ которымъ сталъ прибѣгать Θεодорихъ въ послѣднее время, значительно охладили отношенія между готами и римлянами. Принимая подъ вліяніемъ страха и раздражительности не совсѣмъ согласныя съ его характеромъ исключительныя мѣры, онъ налагалъ руку на все дѣло своей жизни. Онъ умеръ въ 526 г., въ августѣ, въ весьма натянутыхъ отношеніяхъ съ Римомъ и Константинополемъ. Въ Равеннѣ сохранился монументальный надгробный памятникъ Θεодориха (рис. 50).

глава XIII.

ПОЯВЛЕНІЕ СЛAVЯНЪ ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ ИМПЕРІИ.

Въ послѣднихъ и ближайшихъ главахъ мы пытались выдвинуть тѣ факты и явленія, которыя составляютъ существенное содержаніе и характеристику византизма. Но нѣтъ, можетъ-быть, одинаковаго по важности вопроса въ составѣ исторіи Византіи, какъ вопросъ славянскій. И по своему безотносительному значенію, и по продолжительности воздѣйствія на всѣ стороны жизни византійскаго государства, и, наконецъ, по взаимодѣйствію государственныхъ, правовыхъ и культурныхъ началъ—славяне занимали большое мѣсто въ исторіи Византіи, и соотвѣтственно тому имъ посвящено будетъ много вниманія въ послѣдующемъ изложеніи. Находясь теперь въ началѣ VI вѣка, наканунѣ царствованія Юстиніана, мы находимъ умѣстнымъ дать особую главу начальному періоду исторіи славянъ.

Одна изъ наиболѣе трудныхъ и далеко еще не разрѣшенныхъ задачъ въ исторіи славянъ есть опредѣленіе времени ихъ поселенія въ Европѣ и географическое обозначеніе занимаемыхъ ими мѣстъ въ первые вѣка христіанской эры. Отсутствіе болѣе или менѣе прочно установленныхъ хронологическихъ и географическихъ данныхъ въ связи съ колебаніемъ этнографическихъ терминовъ, подъ которыми подразумѣвались славяне въ то отдаленное время, когда ихъ собственное имя не было еще въ употребленіи,—всѣ эти обстоятельства, далеко не безразличныя для успѣха славянскихъ изученій, служатъ объясненіемъ той сравнительной блѣдности и малозначительности фактовъ, какими характеризуется древняя славянская исторія. Правда, обращаясь здѣсь къ славянамъ, какъ къ одному изъ важныхъ дѣятелей въ исторіи Византіи, мы легко могли бы обойти

молчаніемъ темный періодъ славянской исторіи и прямо начать съ VI в., когда присутствіе славянъ на Балканскомъ полуостровѣ подъ ихъ собственнымъ, хотя и не общимъ для всѣхъ, именемъ становится уже безспорнымъ и твердо установленнымъ фактомъ; но громадное значеніе для русскаго національнаго самосознанія положительныхъ и проверенныхъ изученіемъ, а не субъективныхъ и фантастическихъ построеній въ этой области, которыя принесли уже намъ много вреда, побуждаетъ насъ остановиться на вопросѣ о древности славянъ и свести къ немногимъ реальнымъ фактамъ то, что въ настоящее время можетъ считаться наиболѣе не подлежащимъ спорамъ. Ни съ точки зрѣнія національнаго самолюбія, ни со стороны политическихъ интересовъ всего славянскаго племени нѣтъ большой разницы въ томъ, начинать ли славянскую исторію со II и III вѣка и даже ранѣе, или же съ V и VI, но методологическіе приемы, которыми достигается та или иная постановка этихъ вопросовъ, несомнѣнно обнаруживаютъ большое значеніе и характеризуютъ состояніе нашей научной зрѣлости ¹⁾.

Самое древнее упоминаніе о славянахъ слѣдуетъ видѣть въ имени венеды у Балтійскаго моря. Но обозначаетъ ли первоначальную колыбель славянскаго племени это сопоставленіе двухъ терминовъ, или же только говоритъ о колонизаціи венедями побережьевъ Балтійскаго моря, на этотъ счетъ можно держаться разныхъ мнѣній. Въ смыслѣ первоначальной колыбели, откуда стало распространяться славянское племя на сѣверъ, востокъ и юго-западъ Европы, болѣе вѣроятія остается за прикарпатской областью. Это можно заключать на основаніи самаго важнаго географическаго матеріала, какимъ только владѣла древность. Разумѣемъ матеріаль географическихъ таблицъ или дорожныхъ записей, происходящій отъ ближайшей къ христіанской эрѣ эпохи, изданный Певтингеромъ и извѣстный по имени своего издателя—Певтингеровы таблицы ²⁾. На этихъ таблицахъ венеды упоминаются не одинъ разъ въ сосѣдствѣ съ бастарнами, занимавшими сѣверо-восточные склоны средне-карпатскаго хребта и принадлежавшими къ германскому племени. Слѣдовательно, около I вѣка нашей эры славяне обозначились подъ именемъ венедовъ въ

1) Новое научное сочиненіе Niederle, „Slovanské Starožitnosti“ (Praha, 1903).

2) „La table de Peutinger, d'après l'original conservé à Vienne“—par Desjardins (Paris, 1879—84).

прикарпатской Руси и у истоковъ Вислы на сѣверъ до Балтійскаго моря. Тацитъ, писавшій о народахъ восточной Европы въ 98 году нашей эры, знаетъ о славянахъ-венедахъ очень мало и затрудняется—причислить ли ихъ къ германцамъ, или къ сарматамъ. Вообще послѣдняя глава его знаменитаго сочиненія „Германія“, въ которой дается небольшое мѣсто венедамъ и финнамъ, далеко не отличается точными свѣдѣнiями.

Географъ Птолемей во второй половинѣ II вѣка, благодаря значительно увеличившимся къ тому времени географическимъ знанiямъ, даетъ не только новыя и провѣренныя собственными изслѣдованiями по древнимъ картамъ данныя, но и располагаетъ свой матеріаль по градусамъ долготы и широты. На его картѣ средняя Европа занята Германiей, восточная Сарматiей, границей между ними служитъ Висла. Венеды населяютъ Сарматiю по Балтійскому морю; бастарны живутъ на сѣверъ отъ Карпатскихъ горъ. Такимъ образомъ, нужно принять какъ фактъ, не подлежащій сомнѣнiю, что въ первые вѣка христіанской эры славяне были извѣстны подъ общимъ именемъ „венеды“, и что жили они по Балтійскому морю отъ Одера до Вислы. Весьма вѣроятно, что подъ отдѣльными племенами, показанными у Птолемея въ Сарматiи¹⁾, нѣкоторыя племенные названiя должны быть отнесены къ славянской вѣтви. Затѣмъ, что касается участiя славянъ въ исторической жизни въ III—IV вѣкахъ, на этотъ счетъ слѣдуетъ ограничиться самыми общими указанiями, не входя въ оцѣнку положенiй образовавшихся у насъ школъ²⁾. Одинъ изъ горячихъ защитниковъ теорiи древности поселенiя славянъ на Дунаѣ, профессоръ Дриновъ пытается доказать участiе славянъ въ Маркоманнскихъ войнахъ и опредѣляетъ періодъ ихъ передвиженiй отъ III по VII столѣтіе. Но сколько вѣрно второе положенiе, столько мало имѣетъ доказательности первое, такъ какъ славянство тѣхъ именъ и терминовъ, на которые ссылался Дриновъ, не можетъ быть утверждено,

1) Claudii Ptolemaei, Geographiae edid. Wilberg, p. 200. Карта Птолемея у Niederle I, 11, стр. 376; его выводъ о славянскихъ именахъ на картѣ I, II, стр. 431.

2) М. С. Дриновъ, „Заселеніе Балканскаго полуострова славянами“ (Москва, 1873). Д. И. Иловайскій, 1) „Разысканiя о началѣ Руси“ (Москва, 1876); 2) „Дополнительная полемика по вопросамъ Варяго-Русскому и Болгаро-Гуннскому“ (Москва, 1886); 3) „Вторая дополнительная полемика по вопросамъ Варяго-Русскому и Болгаро-Гуннскому“ (Москва, 1902).

и такъ какъ славянское происхожденіе костобоковъ, карповъ и борановъ остается сомнительнымъ. Еще менѣе можно стать на сторону Д. И. Иловайскаго, который съ юношеской энергіей и доселѣ продолжаетъ выпады противъ несогласныхъ съ его теоріей славянства скиѳовъ, гунновъ и болгаръ и не дальше какъ въ 1906 г. посвятилъ первый томъ своей „Исторіи Россіи“ (изд. 2-е) 2000-лѣтнему существованію русскаго народа! Съ методологической точки зрѣнія слѣдуетъ съ рѣшительностью стать противъ этой теоріи, несмотря на ея привлекательность и нѣкоторую внѣшнюю правдоподобность. Все, что можно допустить съ значительнымъ вѣроятіемъ, это то, что вмѣстѣ съ готами и гуннами, находившимися въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Византіей въ IV—V вѣкѣ, могли переходить съ сѣвера и востока за Дунай и небольшія славянскія дружины. Но онѣ были на службѣ готовъ или гунновъ, не имѣли самостоятельнаго значенія и должны были совершенно раствориться въ средѣ чуждыхъ народностей. Дружинный порядокъ, наблюдаемый въ военной организаціи готовъ и гунновъ, а можетъ-быть, и другихъ народовъ эпохи великаго передвиженія народовъ, облегчалъ военное братство между народами различнаго происхожденія и способствовалъ распространенію на большія пространства обычаевъ кочевого и военного быта. Такимъ образомъ, нѣтъ нисколько удивительнаго, если въ числѣ германскихъ дружинъ на службѣ имперіи въ IV—V в. встрѣчались и лица славянскаго происхожденія; таковъ Острый въ дружинѣ Аспара, извѣстный въ исторіи катастрофы, окончившейся погибелью рода Аспаръ-Ардавурій; въ лагерь Аттилы также могли быть славяне. Но подобные отдѣльные случаи проникновенія славянъ за Дунай въ качествѣ членовъ военныхъ дружинъ, поступавшихъ на службу къ готамъ или гуннамъ, не могли имѣть значенія въ исторіи колонизаціи славянами Балканскаго полуострова, которая и должна служить для насъ дѣйствительнымъ предметомъ историческаго разсмотрѣнія.

Наиболѣе значенія слѣдуетъ приписывать литературному преданію объ именахъ, подъ которыми выступаютъ славяне вслѣдъ за распаденіемъ державы гунновъ во второй половинѣ V вѣка. Прежде всего сюда относится извѣстіе о славянахъ Юрнанда, помѣщенное въ его исторіи готовъ, составленной въ 551 г.¹⁾ Въ его „Скиѳіи“

1) Jordanis „Getica“, c. V (ed. Mommsen, „Auctor. antiquiss.“, V, 1, p. 62—63).

славяне занимають обширныя мѣста въ восточной Европѣ отъ Карпатовъ и истоковъ Вислы. Полагая на Дунаѣ и Тиссѣ поселенія гепидовъ, Йорнандъ на востокъ отъ нихъ указываетъ жилища славянъ. „Отъ верховьевъ Вислы—говоритъ онъ,—раскинувшись на огромныя пространства, живетъ многочисленный народъ венеты“. Это значитъ, что то обширное племя, которое у Птолемея называется венетами и которое жило у Балтійскаго моря, во время великаго передвиженія народовъ расселилось на югъ и востокъ, придвинувшись къ провинціи Дакіи. Но самое существенное въ извѣстіи Йорнанда заключается въ дальнѣйшихъ словахъ: „Хотя они имѣють различныя имена по колѣнамъ и мѣстамъ обитанія, но, главнымъ образомъ, извѣстны подъ двумя наименованіями: славяне и анты“¹⁾. Болѣе западная вѣтвь, занимающая области до Днѣстра, это—славяне, для которыхъ рѣки и болота замѣняютъ города; болѣе восточная вѣтвь между Днѣстромъ и Днѣпромъ это—анты, сильнѣйшее изъ двухъ племенъ. Когда началось это дѣленіе славянъ на двѣ вѣтви, нельзя опредѣлить, но это несомнѣнный и очень реальный фактъ, засвидѣтельствованный и византійскими писателями и удерживаемый исторіографіей VI и VII в. Легко понять, что это раздѣленіе, намѣченное уже въ VI вѣкѣ, могло бы служить исторической основой для отдѣленія славянъ сѣверо-восточныхъ отъ юго-западныхъ, что должно быть признано однимъ изъ прочно установленныхъ положеній въ этнографіи современнаго славянства.

Говоря объ этомъ различіи въ этнографіи славянъ, мы отнюдь не думаемъ здѣсь объ особенностяхъ языка и другихъ внѣшнихъ отличіяхъ, напримѣръ, между русскими и сербо-хорватами, которыя могли раскрыться лишь постепенно въ теченіе длиннаго періода вѣковъ; напротивъ, древнія извѣстія настойчиво указываютъ сходство въ обычаяхъ и въ бытѣ всѣхъ славянъ. „Всѣ эти народы, славяне и анты,—говоритъ Прокопій—не повинуются одному повелителю, но изъ древности живутъ въ димократіи; поэтому у нихъ общественныя дѣла всегда обсуждаются на сеймахъ“. У Маврикія, писателя тоже VI в., отмѣчается та же черта. „У славянъ и антовъ господствуютъ одинаковые нравы и обычаи, они любятъ свободу и не поддаются порабощенію и господству“. Далѣе, у того же писателя находимъ любо-

¹⁾ „... quorum (Venetharum) nomina licet nunc per varias familias et loca mutantur, principaliter tamen Sclaveni et Antes nominantur“.

пытное сообщеніе о политическомъ устройствѣ славянъ: „Не признавая надъ собой чуждой власти, они не живутъ въ согласіи и другъ съ другомъ. Такъ какъ у нихъ много старшинъ, не ладящихъ между собой, то не бесполезно нѣкоторыхъ изъ нихъ привлечь на нашу сторону убѣжденіями или подарками, дабы возбудить и поддерживать между ними взаимную распрю и препятствовать соединенію ихъ подъ однимъ вождемъ“. Нельзя сомнѣваться, что вышеприведенныя наблюденія сдѣланы надъ тѣми славянами, которые были уже на границѣ имперіи, или даже въ ея предѣлахъ. Сожалѣніе писателя-патріота о томъ, что демократія мѣшаетъ славянамъ соединяться въ значительные союзы подъ верховной властью одного князя, было бы для насъ не совсѣмъ понятно, если бы здѣсь не шла рѣчь о славянахъ, близко знакомыхъ Византіи, бывшихъ или сосѣдями, или колонистами имперскихъ областей, которые трудно мирились съ имперскими порядками и не подчинялись законамъ Византіи. Такимъ образомъ, подходя къ тому періоду, въ который славяне оказываются однимъ изъ составныхъ элементовъ исторіи Византіи, мы находимъ возможнымъ свести къ слѣдующимъ выводамъ наше предыдущее изложеніе. Во время великаго передвиженія народовъ славяне расселились по средней и восточной Европѣ до Вислы и Днѣпра и Чернаго моря. Въ это время выдѣлились изъ первоначальнаго общаго имени венеда или венеты двѣ большія вѣтви: западная—славянъ и восточная и сильнѣйшая—антовъ. Хотя уже въ V и VI в. славяне были многочисленны и занимали обширныя пространства въ Европѣ, но политическій и культурный ихъ бытъ былъ на довольно низкой ступени. Большинство ихъ жило въ родовомъ быту, въ каковомъ состояніи они не могли образовать политическихъ союзовъ для успѣшной борьбы съ сосѣдями.

Приблизившись къ Дунаю, славяне впервые столкнулись съ культурными условіями жизни. Южные славяне, именно славянская вѣтвь венетовъ, по болѣе древней терминологіи, первая—начала въ лицѣ отдѣльныхъ и небольшихъ дружинъ на службѣ готовъ, гунновъ и византійцевъ, а затѣмъ въ качествѣ передовыхъ колѣнъ, увлеченныхъ общимъ народнымъ движеніемъ—приблизилась къ Дунаю и вступила въ непосредственныя сношенія съ имперіей. Это соприкосновеніе славянъ съ народами старой культуры должно было произвести на нихъ сильное впечатлѣніе и отразиться въ ихъ

политическомъ и социальномъ быту разнообразными, какъ хорошими, такъ и дурными, вліяніями.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію фактовъ, касающихся славянскихъ набѣговъ и вторженій въ придунайскія области, мы находимъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній въ приложеніи къ этому моменту славянской исторіи. Процессъ постепеннаго утвержденія ихъ въ придунайскихъ провинціяхъ, а также въ Иллирикѣ и Греціи, недостаточно отмѣченъ и оцѣненъ византійской лѣтописью. Весьма лишь недавно и съ большимъ трудомъ удалось въ наукѣ установить то наблюденіе, что въ славянскихъ вторженіяхъ V и VI в. нужно различать двоякій порядокъ фактовъ. Сначала, именно съ половины V в., наблюдаемъ набѣги и вторженія изъ-за Дуная съ цѣлью грабежа и добычи и такія же поспѣшныя отступленія въ прежнія становища за Дунаемъ. Затѣмъ въ VI в., при продолжающейся иммиграціи изъ-за Дуная, въ Мизіи, Фракіи, Македоніи и Панноніи уже образуется довольно значительный пластъ населенія изъ славянъ, которые прочно осѣлись на свободныхъ земляхъ, и изъ которыхъ набираются новые отряды, доходящіе, съ одной стороны, до Константинополя, съ другой—до Солуни и Эгейскаго моря. По странному недоразумѣнію, этотъ послѣдній фактъ остался мало выясненнымъ и даже слабо отмѣченнымъ въ лѣтописи, почему прежніе слависты, начиная съ Шафарика и Палацкаго, выразили мнѣніе, долго державшееся между учеными, что славяне мирнымъ путемъ захватили Балканскій полуостровъ, и что византійское правительство, дорожа такими подданными, которые, главнымъ образомъ, занимались обработкой земли, спокойно уступало имъ для колонизаціи свои опустошенныя войной и слабо населенныя провинціи. Такое мнѣніе не соотвѣтствуетъ ни дѣйствительному характеру славянъ, дѣлавшихъ набѣги на имперію, ни существу взаимныхъ отношеній между славянами и имперіей на Балканскомъ полуостровѣ. Фактически происходили опустошительные набѣги славянъ изъ-за Дуная и частичныя попытки занять свободныя земли въ придунайскихъ провинціяхъ, и отношенія Византіи къ новымъ неизвѣстнымъ доселѣ врагамъ складывались не соотвѣтственно пресловутой формулѣ мирнаго заселенія, а на основаніи обычаевъ и нормъ, выработанныхъ въ имперіи продолжительнымъ опытомъ. Причина, препятствовавшая установленію правильныхъ взглядовъ на характеръ отношеній между славянами и

имперіей, не заключается только въ идеализаціи и даже нѣкоторой тенденціозности, допущенной славистами первой половины прошедшаго столѣтія, но частью объясняется самими источниками и путаницей въ этнографической терминологіи. Народныя и племенные имена весьма часто перемѣшиваются даже у лучшихъ и болѣе осѣдомленныхъ писателей. Въ эпоху великаго передвиженія народовъ имперія была свидѣтельницей появленія на ея границахъ и даже вступленія на службу многихъ и разнообразнаго происхожденія племенъ, которыя на нѣкоторое время становились даже подданными императора. Происходилъ постоянный приливъ и отливъ народностей, одна волна смѣнялась другой, при чемъ новый валъ не всегда смывалъ осадокъ, образовавшійся раньше. Можно думать, что поблизости къ границѣ и въ самыхъ границахъ происходили помѣси и наслоенія племенъ разныхъ типовъ. Между тѣмъ, для современниковъ не было особыхъ побужденій къ тщательному изученію смѣнявшихся народностей. Одна и та же жадность къ добычѣ, почти одинаковый способъ веденія войны, сходство въ обычаяхъ и нравахъ—часто предрасполагали видѣть въ новыхъ варварахъ старыхъ. Оттого такъ долго держится имя скиѳовъ и сарматовъ, оттого имя гунновъ перешло на аваровъ и потомъ на славянъ. Такимъ образомъ, оказалось, что самый процессъ иммиграціи славянъ на Балканскій полуостровъ остался слабо отмѣченнымъ, и писатели VI вѣка прямо уже отмѣчаютъ совершившійся фактъ заселенія славянами огромныхъ пространствъ въ предѣлахъ имперіи.

Принимая въ соображеніе, что древній періодъ славянской исторіи открывается на Балканскомъ полуостровѣ, и что первыя свѣдѣнія о славянахъ почерпаются изъ изученія сѣверо-западныхъ окраинъ Византійской имперіи, находимъ вполне основательнымъ назвать первый историческій періодъ славянства византійскимъ подобно тому, какъ первый періодъ германской исторіи, изучаемый на окраинахъ Западной римской имперіи, могъ бы назваться романскимъ. Какъ въ основу средневѣковой западно-европейской исторіи должны быть положены разнообразныя вліянія Рима, которыя въ совокупности принято называть романизаціей, такъ въ первоначальной славянской исторіи главная зиждущая сила принадлежитъ византизму. Но византійское вліяніе на славянахъ выразилось иначе, чѣмъ римское на германцахъ, равно какъ и историческія послѣдствія частью

мирныхъ, частью враждебныхъ отношеній германцевъ и славянъ къ имперіи—были весьма различны. Въ то время какъ германскіе народы, выступая въ исторіи съ болѣе развитыми формами гражданственности, чѣмъ славяне, и съ рѣзко выраженными чертами индивидуализма, успѣли образовать на завоеванныхъ территоріяхъ римской имперіи собственныя національныя государства подъ воздѣйствіемъ римскихъ культурныхъ началъ и христіанства, славяне оказались не въ состояніи стереть Византійскую имперію и образовать на ея земляхъ національныя княженія; напротивъ, подчиняясь чарамъ высшей культуры и становясь послушнымъ орудіемъ изошренной въ искусствѣ обращенія съ варварами византійской дипломатіи, частью слились съ имперіей въ одинъ политическій организмъ, частью приняли на себя порученіе оберегать ее отъ новыхъ варварскихъ нападений. Вслѣдствіе намѣченнаго порядка отношеній въ Византійской имперіи, пережившей на 1000 лѣтъ Западную, греко-римскія и славянскія народныя начала, пришедши въ тѣсное соприкосновеніе и общеніе, дали въ результатѣ особый родъ политическихъ и правовыхъ нормъ, наблюдаемыхъ въ оригинальномъ сочетаніи и взаимоотношеніи. Независимо оттого Востокъ со всѣми его этнографическими религіозными и правовыми особенностями долженъ былъ наложить еще свою печать на Восточную имперію и ея учрежденія. Такимъ образомъ, вслѣдствіе указанныхъ отношеній тѣснаго общенія и подъ вліяніемъ разнообразныхъ культурныхъ воздѣйствій, древняя славянская исторія вплоть до періода образованія славянскихъ государствъ въ VIII—IX вв. не имѣетъ самостоятельнаго характера и не только проникнута византизмомъ, но и получаетъ нѣкоторый свѣтъ почти исключительно изъ исторіи Византіи. Принимая во вниманіе низкую степень соціального и культурнаго развитія, на которой находились славяне при соприкосновеніи съ Византіей, а также упадокъ живого творческаго духа въ правящихъ слояхъ византійскаго общества, эгоизмъ и продажность администраціи, нельзя думать, что славянскіе вожди и лучшіе передовые люди изъ славянскихъ старшинъ воспринимали только хорошее, а не дурное. Относясь къ давно прошедшимъ событіямъ безъ „гнѣва и раздраженія“, можемъ утверждать, что южные и юго-западные славяне, будучи передовымъ постомъ у границъ тогдашняго культурнаго міра, не только мало выиграли сравнительно со своими сѣверо-восточными сородичами, но

едва ли не проиграли, рано вкусивъ запрещеннаго плода византійской культуры. Историкѣ предстоитъ деликатная задача выяснитъ причины этого печальнаго явленія и показать на историческихъ событіяхъ его жизненное значеніе.

Итакъ, начало славянской исторіи не тамъ, гдѣ находимъ первыхъ князей-собирателей славянскихъ государствъ: моравскаго, чешскаго, болгарскаго, польскаго и др. Начало славянской исторіи скрывается въ исторіи Византіи. Если видѣть первые признаки гражданственности въ политической организаціи, то слѣдуетъ признать, что самыя раннія попытки соединенія нѣсколькихъ колѣнъ подъ одною властью встрѣчаемъ далеко за чертой непосредственнаго вліянія Византіи, т.-е. у славянъ за предѣлами имперіи (см. приложенную карту). Ближайшіе къ византійскимъ границамъ славяне долго оставались въ первичной стадіи жупнаго устройства, характеризующаго также и тѣ племена, которыя поселились въ областяхъ имперіи и приняли византійское подданство. Византія не видѣла выгоды для себя поощрять образованіе крупныхъ племенныхъ группъ среди славянства; напротивъ, всѣ политическіе расчеты заставляли ее питать рознь и вражду между отдѣльными колѣнами-жупами, поддерживая и лаская одного жупана и ослабляя другого. Весьма выразительно отмѣченныя наблюденія надъ той особенностью политическаго устройства славянъ, которое Прокопій и Маврикій опредѣлили именемъ димократіи, знакомятъ насъ съ самой существенной и общераспространенной чертой быта древнихъ славянъ. И никакъ нельзя забывать, что эта черта наблюдаема была всего вѣроятнѣе между славянами, бывшими въ предѣлахъ имперіи. Жупное устройство, отсутствіе княжеской власти, которая объединяла бы малыя жупы, борьба колѣнъ и проч.—все это служило для Византіи удобнымъ средствомъ держать славянъ въ подчиненіи. Нижеслѣдующее наблюденіе, конечно, рисуется бытъ тѣхъ славянъ, которые могли быть наблюдаемы вблизи: „они не охотно исполняютъ приказанія чужого лица, но послушны своимъ вождямъ; гораздо легче сносятъ они несправедливости и обиды собственныхъ старшинъ, лишь бы не слѣдовать ромэйскимъ обычаямъ и законамъ“.

Изъ предыдущаго можно заключить, что славяне въ предѣлахъ имперіи составляютъ любопытный предметъ изученія славянской исторіи въ той стадіи, которая предшествуетъ образованію государствъ.

Такъ какъ этотъ періодъ весьма мало затронуть въ наукѣ, то его можно коснуться здѣсь лишь въ общихъ чертахъ.

Въ отношеніяхъ имперіи къ новымъ народамъ можно отличать двѣ системы въ занимающую насъ эпоху. Или между имперіей и вождями варваровъ имѣли мѣсто разнаго рода договоры и соглашенія, въ силу которыхъ послѣдніе располагались съ согласія имперіи на временное или постоянное жительство въ ея областяхъ, или завоевательный народъ насильственно вривался въ имперскія области и диктовалъ ей свои условія. Поселенія на договорныхъ началахъ были осуществляемы въ весьма разнообразныхъ формахъ. Наиболѣе обычная и чаще практиковавшаяся была форма военныхъ поселеній, состоявшая въ томъ, что племя или дружина поселяема была на имперской территоріи съ обязательствомъ военной службы и на условіяхъ денежнаго вознагражденія со стороны правительства;—такіе поселенцы назывались федератами. Со времени Θεодосія Великаго эта система получила весьма широкое распространеніе и, несмотря на протесты со стороны патріотовъ, угрожавшихъ вредными отъ нея послѣдствіями, такъ какъ при ней средства обороны переходили въ руки иностранцевъ, держалась въ теченіе V и VI вв. Съ точки зрѣнія потребностей того времени, это, конечно, была единственно разумная мѣра, позволявшая использовать варварскія военныя силы и посредствомъ чужеземцевъ держать въ нѣкоторой безопасности пограничныя области. Эта система принесла имперіи значительныя выгоды, такъ какъ большинство иноземныхъ дружинъ и въ особенности ихъ вождей постепенно подчинялось византійской культурѣ, усвоило языкъ и образованность страны и вошло въ составъ военной или гражданской администраціи. Въ частности, по отношенію къ славянамъ, отношенія имперіи основывались столько же на обычной практикѣ, сколько на характерныхъ особенностяхъ славянскаго племени.

Нельзя терять изъ виду того обстоятельства, что во второй половинѣ V и въ VI вв., имперія была болѣе ослаблена, чѣмъ раньше; что населеніе ея, въ особенности на окраинахъ, сильно порѣдѣло, и что для правительства назрѣвалъ весьма серьезный вопросъ о пусто-порожнихъ областяхъ, лишенныхъ населенія и не дающихъ ни денегъ, ни военныхъ людей. Знакомство византійскихъ государственныхъ людей съ новымъ народнымъ элементомъ въ лицѣ славянъ

могло внушить мысль объ утилизаціи этого народа даже въ болѣе крупныхъ размѣрахъ, чѣмъ это было допускаемо по отношенію къ германцамъ. На сколько можно судить по указаніямъ скудныхъ извѣстій, славяне съ первыхъ же встрѣчъ съ византіяцами и послѣ первоначальнаго ознакомленія съ плодородными и мало заселенными провинціями имперіи отъ Дуная до Эгейскаго моря задались цѣлью занять эти провинціи съ оружіемъ въ рукахъ, если бы имперія не согласилась предоставить ихъ славянамъ по доброй волѣ. Такъ какъ военныя средства имперіи не были достаточны, чтобы съ успѣхомъ вести войну со славянами, то допущена была по отношенію къ нимъ еще на болѣе широкихъ основаніяхъ, чѣмъ прежде выработанная, система колонизаціи и, кромѣ того, примѣненъ къ нимъ давно уже практиковавшійся по отношенію къ варварамъ обычай вербованія охочихъ людей на военную службу.

Но прежде, чѣмъ вошла въ норму извѣстная система отношеній, взгляды правительства на новыхъ и весьма жестокихъ сосѣдей на Дунаѣ не разъ подвергались перемѣнамъ, и можно безъ колебаній утверждать, что твердая система принята была тогда, когда не оставалось иного выбора для Византіи, т.-е. когда славяне завладѣли уже въ концѣ VI в. значительной частью Балканскаго полуострова. Прежде всего, въ разсужденіи этого вопроса нужно отличать два періода: сначала въ описаніи славянскихъ набѣговъ отмѣчается весьма опредѣленно, что набѣги предпринимаются изъ-за Дуная, и что грабежъ и добыча составляютъ существенную цѣль набѣга,—такъ можно характеризовать отношенія со второй четверти VI вѣка. Затѣмъ, съ конца VI в. и въ самомъ началѣ VII в., замѣчается другой характеръ отношеній: уже на Балканскомъ полуостровѣ образовался значительный пластъ славянскаго населенія, уже новыя волны расселенія, доходящія до Константинополя и Солуни и переливавшіяся въ Эпиръ, Фессалію, Грецію и на острова, не питаются изъ-за дунайскихъ областей, а берутъ свое начало во Фракіи, Македоніи и Панноніи.

Намѣтивъ въ общихъ чертахъ вышеуказанный порядокъ славянской иммиграціи, мы встрѣчаемъ почти непреодолимыя трудности, когда захотимъ эту картину иллюстрировать конкретными фактами. Хотя не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что византійское правительство вполне сознательно шло на встрѣчу совершавшагося на его

глазахъ этнографическаго обновленія Балканскаго полуострова, но въ источникахъ не сохранилось указаній, по которымъ можно было бы возсоздать проводимую по отношенію къ славянамъ систему. Есть лишь слабыя намеки, которые тѣмъ болѣе считаемъ здѣсь необходимымъ выдвинуть, что они оказываются мало изслѣдованными и непримѣненными къ занимающему насъ вопросу.

По отношенію къ Балканскому полуострову самое выразительное мѣсто читается въ житіи св. Димитрія солунскаго, именно въ повѣствованіи о Куверѣ ¹⁾. Вся эта легенда, въ концѣ концовъ, сводится къ освѣщенію принятой имперіей системы отношеній къ славянамъ. Оказывается, что въ Солуни организована была система вербовки охотниковъ переходить въ подданство имперіи. Органами и посредниками въ сношеніяхъ между славянами и византійской администраціей были принявшіе греческую культуру и частью воспитанные въ Константинополѣ славянскіе колѣнные старшины, изъ которыхъ выбирались правительствомъ и устроители колоній, получившіе наименованіе старшинъ, жупановъ или князей. Въ сказаніи о Куверѣ сохранился слѣдъ образованія славянской колоніи во Фракіи. Условія, на которыхъ происходило поселеніе славянъ на свободныхъ мѣстахъ, не затронуты въ легендѣ, но о нихъ можно дѣлать догадки на основаніи историческихъ извѣстій объ основаніи правительственныхъ колоній въ Малой Азіи. Замѣтимъ лишь, что тѣ лица, которыя служатъ посредниками между правительствомъ и славянами, оказываются въ большинствѣ слишкомъ затронутыми византійской культурой, и симпатіи ихъ болѣе лежатъ на сторонѣ имперіи, чѣмъ славянства.

Выведенныя византійскимъ правительствомъ славянскія колоніи на Востокъ засвидѣтельствованы неоднократно лѣтописью. Такъ, подъ 664 г. говорится о партіи славянъ въ 5000 человекъ, которая пристала къ арабамъ, опустошившимъ малоазійскія области, и ушла съ ними въ Сирію, гдѣ и основалась на постоянное жительство близъ Апаimei ²⁾. Подъ 687 годомъ упоминается объ обширной колоніи славянъ, выведенныхъ изъ Македоніи и поселенныхъ въ Виѳиніи въ области Опсикій. О судьбахъ этой колоніи сохранились дальнѣйшія

¹⁾ „Acta SS.“, oct. c. V (§§ 194—207); Tougard, § 110—123.

²⁾ Theoph. „Chronogr.“ ed. Boor I, 348, 364, 365, 432; „Извѣстія Русскаго Археологическаго Института“, т. VIII, 32 и сл.

извѣстія. Черезъ четыре года изъ этой колоніи составленъ былъ опричный отрядъ въ числѣ 30 тысячъ воиновъ подъ начальствомъ собственнаго старшины славянъ по имени Невула. Любопытно также и то, что 20 тысячъ изъ этого отряда предпочли потомъ перейти на службу къ арабамъ, которые вообще не разъ пользовались услугами славянъ въ своихъ успѣшныхъ походахъ на Византію. Около половины VIII в. выведена была въ Малую Азію еще многочисленная колонія, опредѣляемая въ 208 тысячъ, которой были даны земли въ Виѳиніи близъ рѣки Сангарія. Не входя здѣсь въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, какая была судьба славянскихъ поселеній въ Виѳиніи, ограничимся замѣчаніемъ, что поселенные въ Малой Азіи славяне надѣлены были земельными владѣніями и поставлены въ такое состояніе, чтобы имѣть средства къ отбыванію военной службы, которой требовало отъ нихъ правительство. Какъ можно догадываться на основаніи отрывочныхъ замѣчаній писателей, даваемая славянамъ организація напоминаетъ военное устройство нашихъ казацкихъ войскъ. Такія обширныя колоніи, какъ отмѣченныя въ извѣстіяхъ Теофана, должны были играть значительную военную и политическую роль въ судьбахъ имперіи. По новымъ наблюденіямъ, та часть Малой Азіи, куда поселяемы были славяне, и въ настоящее время имѣетъ не больше 1½ милл. населенія ¹⁾. Принимая же во вниманіе, что въ VIII в. не могло быть такой плотности населенія, какъ нынѣ, мы должны допустить, что славяне почти сплошь занимали территорию провинціи Виѳинія, гдѣ, повидимому, сосредоточивались славянскія поселенія. Быть-можетъ, въ настоящее время изгладились уже окончательно слѣды пребыванія славянъ въ Малой Азіи, хотя попытка тщательныхъ научныхъ изслѣдователей мѣстной топографіи и этнографіи, языка и народныхъ преданій могла бы и въ настоящее время представлять интересъ.

Можетъ-быть, единственнымъ памятникомъ жизни славянъ въ Малой Азіи нужно считать византійскую свинцовую печать, находящуюся въ коллекціяхъ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. Эта печать принадлежала славянамъ Виѳиніи и своей надписью утверждаетъ на незыблемыхъ основаніяхъ тотъ фактъ, что военная организація была существеннымъ отличіемъ этой колоніи,

¹⁾ Humann, „Ueber die Ethnologie Kleinasiens“ („Verhandl. der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin“. B. VII, 240—254).

и что организація русских казаковъ можетъ быть принимаема какъ типъ военныхъ поселеній славянъ. О ней будетъ рѣчь ниже.

Теперь, возвращаясь къ славянамъ Балканскаго полуострова, мы можемъ представить себѣ нѣсколько яснѣй политику имперіи по отношенію къ нимъ. Обыкновенно употребляемыя выраженія у писателей относительно славянскихъ поселеній: „насильственныя“ или „по договору“ не даютъ еще основаній къ опредѣленію реальныхъ отношеній къ имперіи тѣхъ славянъ, которые располагались во Фракіи, Македоніи и другихъ провинціяхъ Балканскаго полуострова. Намъ нужно для этого прибѣгать къ обобщеніямъ и дѣлать выводы на основаніи весьма скудныхъ и случайно оброненныхъ конкретныхъ указаній. Прежде всего выдвигается съ особенной силой фактъ насильственныхъ вторженій славянъ, при которомъ не оставалось мѣста ни для договорныхъ отношеній, ни для военного принужденія. У писателей VIII и IX вв., бросающихъ ретроспективный взглядъ на событія или характеризующихъ давнопрошедшія событія по современнымъ, недостаетъ надлежащей точки зрѣнія на то, что происходило на Балканскомъ полуостровѣ въ VI столѣтіи. До настоящаго времени всего ближе къ дѣйствительности и хронологически, и по существу сообщаемыхъ подробностей, нужно признать упомянутые акты св. Димитрія, патрона Солуни, въ которыхъ изрѣдка попадаются и нужныя для насъ черты. Въ сущности здѣсь мы имѣемъ чуть не лѣтописныя записи о фактахъ, происходившихъ на опредѣленной территоріи, и о предпріятіяхъ славянскихъ вождей, совершаемыхъ въ опредѣленное время и съ опредѣленной сознательно поставленной цѣлью. О военномъ подчиненіи, т.-е. о насильственной колонизаціи здѣсь нѣтъ и помина; событія происходятъ совершенно иначе, чѣмъ это желательно для имперіи; она не руководитъ ими, а лишь пытается открыть для враждебнаго движенія славянъ такое русло, по которому оно могло бы направляться безъ особеннаго вреда для самаго существованія имперіи. Конецъ VI и первая половина VII вѣка полны въ этомъ отношеніи драматическаго интереса. Шла рѣчь о большой ставкѣ съ той и другой стороны. Всматриваясь въ событія съ точки зрѣнія взаимныхъ силъ, какими располагала Византія, и какія выставляли славяне, можно было бы думать, что славянамъ удастся ихъ мечта на счетъ завоеванія Солуни и обладанія имперіей, но по одинаковымъ причинамъ подобные планы не осуществлены были древними

славянскими вождями: Куверомъ, Мавромъ, Хацономъ, Первундомъ и многими другими, какъ и болѣе поздними: Крумомъ, Симеономъ, Стефаномъ Душаномъ и др.

„Было во дни благочестивой памяти епископа Іоанна, поднялся народъ славянскій, безчисленное множество изъ дрогувитовъ, сагудатовъ, велегезитовъ, взунитовъ, верзитовъ и прочихъ народовъ. Научившись дѣлать лодки изъ одного дерева и снарядивъ ихъ для плаванія по морю, они опустошили всю Фессалию и расположенныя кругомъ нея и Еллады острова, еще же и Кикладскія острова и всю Ахю, Епиръ и большую часть Иллирика и часть Азіи и сдѣлали необитаемыми многіе города и области. Составивъ общее рѣшеніе идти на христілюбивый сей городъ, чтобы и его разорить, какъ и другіе города, они пригнали въ приморское мѣсто выдолбленныя изъ цѣльнаго дерева лодки, которыхъ было безчисленное количество, прочіе же въ неизмѣримомъ числѣ окружили богохранимый сей городъ съ востока, съ сѣвера и запада и со всѣхъ сторонъ, имѣя при себѣ свои семьи съ хозяйствомъ, въ томъ намѣреніи, чтобы, по взятіи города, поселиться въ немъ.—Тогда слезы лились рѣкой и были воздыханія по всему городу, до смерти напуганному однимъ только слухомъ о чрезвычайныхъ опустошеніяхъ городовъ, о безчисленныхъ убійствахъ и плѣненіяхъ и о томъ, что варвары уже вездѣ хвастаются погибелью города. Кромѣ всего прочаго, не оставалось и своихъ судовъ, не было ихъ и въ ближайшихъ мѣстахъ для защиты входа въ городскую гавань. Особенное уныніе возбуждали въ гражданахъ христіанскіе бѣглецы, сдѣлавшіеся плѣнниками отъ такого беспощаднаго осаднаго положенія. И была тогда одна душа и у робкихъ, и у мужественныхъ, каждый имѣлъ передъ глазами или горечь плѣна, или смерть, не имѣя возможности никуда спастись, ибо, какъ смертоносный вѣнецъ, варвары славяне держали въ тискахъ городъ.

„Всѣмъ славянскимъ народомъ условлено было сразу и неожиданно напасть на стѣны. Находившіеся на судахъ славяне озаботились защитить ихъ сверху досками и покрыть такъ называемыми вирсами (кожами), дабы, когда лодки подойдутъ къ стѣнѣ, сдѣлать неязвимыми гребцовъ со стороны тѣхъ, которые будутъ со стѣнъ бросать камни или пускать стрѣлы. И небесный промыслъ молитвами мученика внушилъ имъ эту первую трусость—не прямо подойти къ городу, а остановиться въ той части залива, которая называется

Келларій. Между тѣмъ, какъ варвары оставались тамъ, чтобы исполнить задуманную ими хитрость, городскіе жители немного запаслись мужествомъ и приготовили въ гавани нѣсколько деревянныхъ плотовъ, съ которыхъ протянули цѣпь... Черезъ три дня, когда славяне начали приступъ, городъ спасенъ былъ заступничествомъ св. Димитрія, при чемъ непріятельскій флотъ былъ разсѣянъ и увлеченъ теченіемъ, большая часть его погибла въ волнахъ. Предводитель славянъ по имени Хацонъ попался въ плѣнъ и былъ побитъ камнями.

„Вскорѣ послѣ рассказаннаго пораженія славяне имѣли серьезное обсужденіе случившагося и, собравъ большіе дары, послали апокрисіаріевъ къ аварскому кагану, давая ему обѣщаніе выдать большую сумму денегъ и обезпечивая огромную военную добычу при взятіи нашего города подъ тѣмъ условіемъ, если онъ вступитъ съ ними въ союзъ. Было признано, что городъ легко можетъ быть взятъ, потому что онъ находится въ занятой ими области, въ которой зависимые отъ него города и епархіи сдѣланы ими необитаемыми, и оставаясь, какъ сказано, вполнѣ одинокимъ среди чуждаго населенія, онъ вмѣщаетъ въ себѣ всѣхъ бѣглецовъ изъ придунайскихъ странъ: Панноніи, Дакіи, Дарданіи и другихъ епархій и городовъ, которые въ немъ находятъ пріютъ.

„Названный аварскій каганъ охотно согласился исполнить ихъ просьбу и, собравъ всѣ подчиненныя ему варварскія племена, вмѣстѣ со всѣми славянами и болгарами и безчисленными народами, черезъ два года съ многочисленнымъ войскомъ пошелъ къ нашему городу. И, вооруживъ избранныхъ всадниковъ, онъ послалъ ихъ впередъ самымъ краткимъ путемъ, приказавъ неожиданно напасть на городъ и, выведя или перебивъ его гарнизонъ, ждать хана съ собраннымъ имъ войскомъ и съ различными видами военныхъ орудій, назначенныхъ для гибели нашего отечества“.

По отношенію къ организациі славянъ и способа ихъ введенія въ составъ имперіи, византійское правительство должно было считаться съ совершившимся фактомъ. Оно должно было или принять новыхъ поселенцевъ, или отказаться отъ занятыхъ славянами провинцій. Въ этомъ и нужно видѣть практической умъ и вѣрную оцѣнку положенія со стороны государственныхъ людей Византіи, что они, примирившись съ фактомъ громаднаго историческаго значенія, нашли

способы и средства не только на долгое время обезопасить имперію отъ славянскихъ враждебныхъ набѣговъ, но частью лишить ихъ племенныхъ тенденцій, частью совсѣмъ поглотить тѣхъ славянъ, которые постепенно расселяемы уже были правительственной инициативой въ различныя области Малой Азіи и Сиріи.

Не подлежитъ сомнѣнію то обстоятельство, что имперія представляла славянамъ въ извѣстной степени внутреннюю самостоятельность, какъ это давно уже было обычнымъ по отношенію къ федератамъ, и какъ это стало необходимымъ допускать по отношенію къ славянамъ. Всмотриваясь въ политическую организацію славянъ, насколько пониманіе внутреннихъ отношеній дается по актамъ св. Димитрія, мы должны признать, что самая характерная черта была славянъ состояла въ ихъ племенной расчлененности, которая всегда дѣлала ихъ слабыми въ соприкосновеніи съ централизованной и опытной византійской администраціей. Славяне приходятъ въ соотношеніе съ имперіей прежде всего чрезъ своихъ племенныхъ старшинъ, которыхъ подкупаютъ византійская показная культурность, блескъ двора и роскошь столицы, и которыхъ благорасположеніе легко пріобрѣтается денежными выдачами и пышными титулами. Почти всегда императоръ желаетъ воспитать въ Константинополѣ будущаго славянскаго племенного старшину, которому внушаютъ уваженіе къ культурной имперіи, пріучаютъ къ греческому языку и нравамъ, и почти всегда онъ становится преданнымъ и послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства. Византія прилагала всѣ старанія къ тому, чтобы племенные тенденции болѣе и болѣе замирали, и чтобы старшины славянскіе не развивались до сознанія національныхъ идей. По всей вѣроятности въ томъ же направленіи дѣйствовали и условія, при которыхъ происходило постепенное занятіе славянами провинцій имперіи. Нельзя думать, что эпоха переселенія народовъ смела до послѣднихъ остатковъ все старое населеніе въ этихъ провинціяхъ. Въ житіи св. Северина, повѣствующемъ о фактахъ современныхъ движенію остготовъ въ Италію, имѣются весьма любопытныя подробности о смѣнѣ стараго и новаго населенія. Въ городахъ при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ удерживается и старое населеніе, и византійская администрація; точно также старое населеніе удержалось въ горахъ, а въ незащищенныхъ мѣстахъ осѣдаетъ новый слой; такъ, конечно, происходитъ дѣло и въ VI вѣкѣ.

Намѣченныя выше черты политической организаціи славянъ и характеръ ихъ поселеній на Балканскомъ полуостровѣ хорошо иллюстрируются нѣкоторыми конкретными фактами, которые заимствуемъ изъ житія св. Димитрія. Ближайше къ Солуни расположившіяся племена, какъ сагудаты, дреговичи, ринхины, велесичи и др., которымъ принадлежала окрестная страна, состояли съ Константинополемъ въ формальныхъ мирныхъ отношеніяхъ. О представителѣ племени ринхиновъ Первундѣ сообщаются живыя подробности: онъ уже полуцивилизованный грекъ, носитъ византійское платье и говоритъ на греческомъ языкѣ. Но племя стоитъ совершенно отдѣльно отъ другихъ сосѣднихъ славянскихъ же колѣнъ, всецѣло подчиняясь политикѣ Византіи, которая изъ Солуни внимательно слѣдила за славянами, пользуясь ихъ сравнительной слабостью и разобщенностью, и по мѣрѣ надобности вызывала къ себѣ охотниковъ изъ нихъ для переселенія въ мало заселенныя области. Въ такомъ же, конечно, положеніи было племя дреговичей, съ которыхъ собирали дань болгаре по переселеніи ихъ за Дунай, и которые были едва ли не первыми, подчинившимися господству болгаръ. Сюда же слѣдуетъ отнести извѣстіе о племени велесичей въ Фессалии на Пагасейскомъ заливѣ, куда солунскіе греки, осажденные славянами и терпящіе отъ недостатка продовольствія, посылаютъ свои корабли за съѣстными припасами и за сушеными фруктами.

Въ то время, какъ славяне осаждаютъ Солунь, граждане осажденнаго города находятъ помощь у другихъ славянъ, состоящихъ съ ними въ мирѣ!—Эти извѣстія бросаютъ яркій свѣтъ на политическія отношенія того времени и на занятое славянами положеніе: они устроились совсѣмъ по-домашнему и естественно обречены были на постепенное поглощеніе высшей культурой. Префектъ провинціи Иллирика, имѣвшій въ то время пребываніе въ Солуни, пользовался славянскими колѣнными старшинами какъ средствомъ, чтобы держать въ границахъ подчиненности славянскія племена. Прекрасная иллюстрація къ этому дана въ сказаніяхъ о Куверѣ. Подобно другимъ варварскимъ вождямъ, Куверъ стремился захватить Солунь и Константинополь. Этотъ предводитель соединенныхъ болгарскихъ и славянскихъ дружинъ находится въ тѣсномъ сближеніи съ константинопольскимъ дворомъ, носитъ титулъ патрикія, какъ Θεодорихъ остготскій, и собираетъ дань съ дреговичей. Недовольный, однако, при-

обрѣтенными отъ имперіи уступками, онъ составилъ обширный планъ захватить Солунь и сдѣлать ее базой для дальнѣйшихъ предпріятій противъ имперіи. Дабы держать въ тайнѣ этотъ планъ, Куверъ избираетъ для его выполненія своего подручника въ лицѣ нѣкоего Мавра, также полуобразованнаго варвара, знающаго греческій, славянскій и болгарскій языки. — Предпріятіе, однако, не удалось, такъ какъ къ Солуни подошелъ небольшой отрядъ флота, который возстановилъ въ городѣ авторитетъ правительства. Но Мавръ, тѣмъ не менѣе, остается внѣ всякаго подозрѣнія, онъ становится во главѣ здѣсь же набрванной изъ охочихъ людей славянской колоніи и, поставленный во главѣ славянъ въ качествѣ ихъ князя и пожалованный титуломъ ипата, поселяется во Фракии. О судьбѣ Мавра и выведенной имъ славянской колоніи мы имѣемъ лишь случайно брошенное замѣчаніе, что впослѣдствіи отъ сына этого Мавра поступилъ доносъ о замыслахъ отца на захватъ Солуни ¹⁾).

Сдѣланными здѣсь общими замѣчаніями о славянахъ въ предѣлахъ имперіи въ VI в. мы имѣли цѣлью дать руководящія основанія для сужденія о роли славянъ въ исторіи Византіи. Все несчастье славянъ было въ томъ, что при встрѣчѣ съ Византіей они оказались слишкомъ слабыми въ политическомъ отношеніи и мало подготовленными въ культурномъ смыслѣ. Ихъ увлекли роскошь и богатство городовъ; они склонны были желать захватить ихъ силой, но они были весьма далеки отъ идеи культурныхъ заимствованій, которыми обусловливается духовное и матеріальное преуспѣваніе. — Въ слѣдующихъ главахъ, вводя исторію славянъ въ изложеніе событій византійской исторіи, мы будемъ имѣть случай подробно ознакомиться съ исторіей вторженій славянъ въ предѣлы имперіи. Несмотря на повышенный тонъ византійской хроники, мы всякій разъ должны представлять себѣ дѣйствительность въ болѣе скромномъ видѣ. Славяне двигались не такими стройными отрядами, какъ германцы, а небольшими партіями, часто съ семьями и скотомъ, и захватъ свободныхъ земель былъ, повидимому, главной цѣлью передвиженій. Для всего послѣдующаго развитія роковой смыслъ имѣло то обстоятельство, что въ VI в. славяне въ соприкосновеніи съ Византіей не успѣли достигнуть ни политической организаціи, ни

¹⁾ Подробности въ моей статьѣ, помѣщенной въ „Извѣстіяхъ Русскаго Археологическаго Института“, т. XIV, стр. 48, 57.

материальнаго усовершенствованія и въ своихъ отношеніяхъ съ имперіей были руководимы лишь случайными капризами и личными выгодами стоявшихъ во главѣ ихъ подкупленныхъ Византіей колѣнныхъ старшинъ.

Оттого въ ихъ исторіи VI вѣка много шума, а мало дѣла. Моментъ, которымъ такъ удачно и счастливо воспользовались въ V в. германцы, основавъ свои государства на развалинахъ Западной имперіи, былъ упущенъ славянами, а время ихъ наибольшаго напора на Византію совпадало какъ-разъ съ эпохой наивысшаго подъема всѣхъ силъ сложившагося Византизма при Юстиніанѣ I. Такъ прошелъ почти безслѣднымъ въ культурномъ отношеніи первый періодъ вступленія славянъ въ соприкосновеніе съ Византіей; въ политическомъ же смыслѣ VI вѣкъ имѣлъ роковыя послѣдствія, наложивъ печать на все послѣдующее развитіе славянскаго племени.

ПЕРІОДЪ П.

ОТЪ ЮСТИНІАНА І ДО ИРЯКЛІЯ
(518 - 610).

глава I.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРІОДА. ЮСТИНІАНЪ И ѠЕОДОРА. ИСТОРИКЪ ПРОКОРІЙ.

Со смертю Анастасія въ 518 г. начинается радикальная перемена во внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ имперіи. Появляются новые люди на исторической сценѣ, выдвигаются новыя задачи, которыя могутъ быть разсматриваемы какъ выводъ изъ предыдущаго періода. Потребовались обширныя матеріальныя средства и талантливые люди для осуществленія вновь выдвинутыхъ событіями задачъ—и имперія доставила средства и людей, способныхъ привести въ исполненіе такія сложныя и трудныя предпріятія, которыя напоминали лучшія эпохи угасшей Римской имперіи. Въ смыслѣ политической и этнографической обстановки на границахъ въ VI вѣкѣ все остается по-старому, но взаимныя отношенія находившихся въ борьбѣ силъ значительно измѣнились. Ранѣе имперія принуждена была мириться съ отторженіемъ ея областей и съ появленіемъ германскихъ племенъ на ея земляхъ; въ VI в. процессъ расчлененія имперіи закончился, и имперія начинаетъ наступательное движеніе на германцевъ съ цѣлью возвращенія завоеванныхъ ими областей. Продолжительный періодъ горькаго опыта, вынесеннаго изъ борьбы съ новыми народами, былъ полезенъ для византійскихъ государственныхъ людей въ томъ отношеніи, что пріучилъ ихъ къ искусству пользоваться силами варваровъ для защиты границъ противъ набѣговъ новыхъ враговъ. Такъ, переселившіеся въ провинціи имперіи славяне были постепенно или подчинены, или даже поглощены въ особенности въ тѣхъ областяхъ, гдѣ оказались въ меньшинствѣ. Характернымъ выразителемъ эпохи, часто обозначаемой его именемъ, служитъ императоръ Юстиніанъ Великій.

Преемникъ Анастасія, Юстинъ I (518—527), ни по своему происхожденію, ни по служебному положенію не могъ имѣть правъ на престолъ; своимъ возвышеніемъ онъ обязанъ случаю и неопредѣленности престолонаслѣдія, всегда при вакантности престола открывавшей путь для интригъ и насильственныхъ дѣйствій съ помощью войска.

Происхожденіе новой династіи служило предметомъ многихъ разысканій, особенно со стороны изслѣдователей славянской древности. Вмѣстѣ съ двумя товарищами Юстинъ явился въ столицу попытать счастья на военной службѣ во время Льва I. Отечественный городъ Юстина и Юстиніана до сихъ поръ составляетъ предметъ спора между изслѣдователями, полагаютъ на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ родиною ихъ или сѣверную Македонію близъ теперешняго Битоли, или окрестности Ускюба. Славянское происхожденіе ихъ утверждать или отрицать нѣтъ достаточныхъ основаній, — такъ какъ страна эта въ V—VI вв. была уже занята славянскимъ элементомъ, и славянское происхожденіе выходцевъ изъ сѣверной Македоніи вполне возможно; но, съ другой стороны, въ дѣятельности Юстина и Юстиніана не замѣтно ничего, что обличало бы ихъ славянское происхожденіе, и не проглядываетъ никакихъ славянскихъ тенденцій. Нужно, однако, помнить, что тогдашнее славянство представляло одинъ этнографическій матеріаль, не развившій еще никакихъ особенныхъ національныхъ чертъ, кромѣ языка. Въ ту эпоху у славянъ не замѣтно ни государственной, ни племенной идеи, которая начинаетъ обнаруживаться гораздо позже. Такъ какъ Юстиніанъ всецѣло принадлежитъ по культурѣ и по идеаламъ проводимымъ въ государственной дѣятельности къ римскому міру, то находимъ во всѣхъ отношеніяхъ празднымъ вопросъ о томъ, текла ли въ его жилахъ славянская кровь.

Хотя Юстинъ рисуется современнымъ ему историкомъ какъ челоуѣкъ, совершенно чуждый греческой образованности и даже безграмотный, но эти слова нужно принимать съ ограниченіями. Въ царствованіе Анастасія встрѣчаются указанія на политическую роль и на отвѣтственныя порученія, возлагаемыя на Юстина; такъ, онъ принималъ участіе въ усмиреніи исаврскаго движенія; въ персидской же войнѣ онъ вмѣстѣ со своимъ племянникомъ командовалъ отдѣльной частью. Эти данныя вполне отвѣчаютъ занимаемому имъ въ придворной службѣ положенію въ послѣдніе годы Анастасія, именно

онъ служилъ въ гвардейскомъ полку экскуваторовъ и занималъ въ немъ офицерскую должность. Кромѣ того, слѣдуетъ принять во вниманіе и то обстоятельство, что въ 518 г. Юстинъ достигаетъ императорской власти не безъ борьбы, онъ имѣлъ могущественнаго соперника въ лицѣ евнуха Аманція, опиравшагося на преданную ему партію, и могъ одержать надъ нимъ верхъ благодаря своему вліянію въ гвардейскихъ полкахъ и своей извѣстности.

Такимъ образомъ, въ Юстинѣ слѣдуетъ видѣть человѣка вполне подготовленнаго для политической дѣятельности, который вносилъ въ управленіе опредѣленный опытъ и хорошо обдуманнѣй планъ. Трудно, конечно, выдѣлить здѣсь то, что принадлежало непосредственно Юстину и то другое, въ чемъ можно было бы усматривать вліяніе племянника его, который былъ его дѣятельнымъ помощникомъ въ управленіи, но слѣдуетъ отмѣтить, что съ началомъ времени Юстина открывается совершенно новое направленіе, имѣвшее цѣлью осуществить глубоко обдуманныя и широкія задачи. Предыдущее царствованіе возбуждало много недовольства со стороны церковной политики, которая держала въ постоянномъ напряженіи имперію и вызвала оппозиціонное движеніе и на Балканскомъ полуостровѣ, и на Востокѣ. Виталианъ находилъ себѣ сильную опору въ церковныхъ партіяхъ и явно выдавалъ себя защитникомъ православія противъ монофизитствовавшаго Анастасія. Нельзя не видѣть, что Юстинъ также принялъ на себя роль представителя православной партіи; лучшимъ доказательствомъ того было назначеніе Виталиана консуломъ и начальникомъ имперскихъ войскъ. Этимъ достигалось успокоеніе Балканскаго полуострова.

Главный фактъ дѣятельности Юстина — это окончаніе продолжительнаго церковнаго спора съ Западомъ, длившагося около 35 лѣтъ со времени Энотика (*Еνωτικόν*) и являющагося однимъ изъ первыхъ моментовъ въ раздѣленіи церковей восточной и западной, когда Римъ и Константинополь находились въ открытой церковной ссорѣ, и римскіе папы были „изъяты изъ диптиховъ“. Юстинъ уладилъ этотъ долгій споръ, но цѣною его соглашенія съ папой оказались ужасныя жертвы на алтарь церковнаго единства: до пятидесяти сирійскихъ епископовъ-монофизитовъ было свергнуто и отправлено въ заточеніе, и церкви Сиріи понесли ужасныя потери.

Для Юстиниана, уже тогда управлявшаго фактически, было важно

прекратить церковную распрю, потому что уже тогда его уму представлялось универсальное единство, идея возстановленія Римской имперіи въ ея прежней полнотѣ, воссоединеніе отторгнутыхъ варварами западныхъ провинцій. Юстиніанъ имѣлъ въ виду объединеніе всего міра, и въ своихъ политическихъ тенденціяхъ разсчитывалъ на содѣйствіе со стороны римскаго папы.

Съ 527 года Юстиніанъ (рис. 51) стоитъ во главѣ Византійской Имперіи до 565 года: почти 40 лѣтъ единоличнаго правленія, къ которымъ нужно еще прибавить нѣсколько лѣтъ фактическаго правленія при жизни Юстина. Получается около полустолѣтія, а если считать непосредственныя послѣдствія его политики, то онъ наложилъ свою печать на цѣлое столѣтіе Византійской исторіи.

Его главной цѣлью было возстановленіе Римской имперіи. Это слишкомъ фиктивная задача, запоздалая и не увѣнчавшаяся прочнымъ успѣхомъ. Постараемся свести ее къ основнымъ элементамъ и выяснить ея значеніе. Идея возстановленной имперіи не есть одно слово, но цѣлая система, политическая и научная. Идея Римской имперіи есть наслѣдство, доставшееся отъ древности. Трудно теперь понять, только по нѣкоторымъ частнымъ признакамъ возможно догадываться, какъ вліяла на умы эта идея. Хотя Римъ палъ послѣ нѣсколькихъ тяжелыхъ ударовъ со стороны варваровъ, хотя и Византія временами стояла на краю гибели, тѣмъ не менѣе, для всѣхъ мыслящихъ современниковъ трудно было себѣ представить, какъ могъ міръ обойтись безъ Римской имперіи. Самъ блаженный Августинъ опирался на идею Римскаго государства и высказывалъ, что имперія осуществляетъ собою идею порядка и культуры; за предѣлами ея нѣтъ ничего, на чемъ можно было бы остановиться.

Сверженіе послѣдняго римскаго императора въ 476 г. не оставило глубокаго впечатлѣнія, имперію и послѣ этого событія не разсматривали какъ павшую. Идея имперіи не умирала и на Западѣ, продолжая находить свое осуществленіе на Востокѣ, и восточный императоръ Зинонъ послѣ 476 г. явился выразителемъ единства имперіи,—ему были отосланы изъ Рима знаки императорскаго достоинства, отъ которыхъ воздержался Одоакръ. Идея перенесенія власти въ Константинополь слишкомъ глубоко укоренилась въ сознаніи людей, и варварскій вождь не осмѣлился посягнуть на эту идею.

Ни для кого не странно, что хотя въ Италіи нѣтъ императора,

Рис. 51. Портретъ Юстиніана I. Равенна, церковь св. Аполлинарія Новаго.

хотя часть имперіи находится подъ рукою варварскихъ вождей, идея естественнаго и необходимаго порядка вещей все-таки связывается съ имперіей. Насколько это отождествленіе законнаго порядка вещей съ имперіей укоренилось въ умахъ политически мыслящихъ людей на всемъ протяженіи среднихъ вѣковъ, указываютъ крупнѣйшіе факты средневѣковой западной исторіи,—усиленіе франкскаго государства при Пипинѣ и Карлѣ Мартеллѣ сопровождается постоянной, неуклонной тенденціей пріобрѣсти титулъ римскаго императора, и эта великая и глубокая идея франкскихъ королей нашла себѣ осуществленіе при Карлѣ Великомъ въ 800 г. Политическое устройство средней Европы было основано на идеѣ Священной римской имперіи германской націи. Въ московскомъ государствѣ та же идея получила признаніе и литературное выраженіе въ теоріи о Москвѣ—третьемъ Римѣ. Эта отвлеченная идея объ императорской державѣ доходитъ до новаго времени. Такимъ образомъ, воспринятая Юстиніаномъ теорія возстановленія Римской имперіи соотвѣтствовала настроеніямъ эпохи и была поддержана всѣми средствами византійскаго государства. Для выполненія этой идеи онъ велъ продолжительныя войны, преслѣдовалъ исключительную церковную политику и издавалъ свои законы. Эти три существенныя задачи его исторической дѣятельности: войны, церковная политика и законодательство, исходили и направлялись къ достиженію одной главной мысли—возстановленію Римской имперіи въ ея прежнемъ единствѣ и величіи. Осуществленіе его внѣшней политики поставило Юстиніана въ конфликтъ съ германскими народностями, которыя къ тому времени основались въ древнихъ римскихъ областяхъ. Для достиженія своихъ цѣлей Юстиніанъ проявилъ удивительную страшную настойчивость и энергію и, дѣйствительно, смель съ лица земли два наиболѣе даровитыхъ и передовыхъ германскихъ народа—остготовъ въ Италіи и вандаловъ въ Африкѣ. Почти бепримѣрный случай въ исторіи, когда отъ истребленныхъ народовъ не сохранилось на ихъ земляхъ даже ихъ именъ!—съ такою беспощадностью велись эти кровавыя войны (рис. 52).

По широтѣ своихъ политическихъ замысловъ, ясно сознанныхъ и строго приведенныхъ въ исполненіе, по умѣнью пользоваться обстоятельствами, а главное по искусству опредѣлять дарованія окружающихъ и каждому давать соотвѣтствующее его способностямъ

дѣло, Юстиніанъ былъ рѣдкимъ и замѣчательнымъ государемъ. Съ нимъ можно сопоставить развѣ Людовика XIV, съ которымъ онъ дѣй-

Рис. 52. Юстиніанъ съ приношеніемъ для церкви. Равенна. Церковь св. Виталія.

ствительно не разъ былъ сравниваемъ. Окружающіе и близкіе видѣли въ Юстиніанѣ сверхъестественное существо, какого-то демона во плоти,

по словамъ его историка. Въ своихъ привычкахъ онъ былъ простъ, воздерженъ и умѣренъ, мало спалъ и много думалъ надъ своими предпріятіями, самъ входилъ во всѣ дѣла, прочитывалъ всѣ бумаги и давалъ имъ направленіе. Въ высшей степени энергичный и честолюбивый, Юстиніанъ не зналъ преградъ при достиженіи своихъ цѣлей, съ рѣдкой настойчивостью издавалъ указы за указами, не взирая ни на какія представленія своихъ министровъ, объявлялъ войны безъ всякихъ средствъ на ихъ веденіе и подыскивалъ ихъ по пути. Много изъ его начинаній не было доведено имъ до конца, много послужило на вредъ государству,—но самъ Юстиніанъ никогда не сомнѣвался въ ихъ успѣшности.

Въ оцѣнкѣ его политической и административно-законодательной дѣятельности нужно опираться и на тотъ фактъ, что Юстиніанъ вступилъ на престолъ уже пожилымъ человѣкомъ, около 45 лѣтъ, и окончилъ свое царствованіе болѣе чѣмъ 80-лѣтнимъ дряхлымъ старикомъ, а при оцѣнкѣ противорѣчивыхъ воззрѣній относительно личности и дѣятельности Юстиніана нужно разбирать, имѣемъ ли мы дѣло съ началомъ, или съ концомъ его правленія, когда рядомъ съ нимъ уже не стояла его совѣтница и помощница, императрица Θεодора.

Императрица Θεодора, независимо отъ своей обстановки и исторической роли, приковываетъ къ себѣ всеобщее вниманіе какъ характеръ и еще болѣе—какъ литературный типъ. Свѣдѣнія о ея личности, въ настоящее время наиболѣе распространенныя и пропитанныя пристрастіемъ, почерпаются, главнымъ образомъ, изъ обнародованнаго около 200 лѣтъ тому назадъ сочиненія Прокопія, извѣстнаго подъ именемъ *Ἀνέκδοτα* или „Тайной Исторіи“. Между тѣмъ по другимъ источникамъ Θεодора рисуется личностью выдающейся, гордой, честолюбивой и властной, требовавшей, чтобы чужестранные послы являлись къ ней первой на аудіенцію, игравшей въ государствѣ весьма самостоятельную роль и издававшей даже указы отъ своего имени. Въ современной литературѣ житій святыхъ „боголюбезнѣйшая“ царица Θεодора выставляется образцомъ благочестія и приверженности къ церковнымъ людямъ (рис. 53). О ея прошломъ узнаемъ изъ „Тайной Исторіи“, что она была низкаго происхожденія, чуть-ли не родилась въ циркѣ, гдѣ ея отецъ былъ служителемъ, что ея дѣтство и юность были проведены среди развращающей закулисной обстановки, что она

рано сдѣлалась извѣстной своими излишествами. Когда она уже достаточно пожила и достигла 25 лѣтъ, она попалась на глаза Юстиніану,

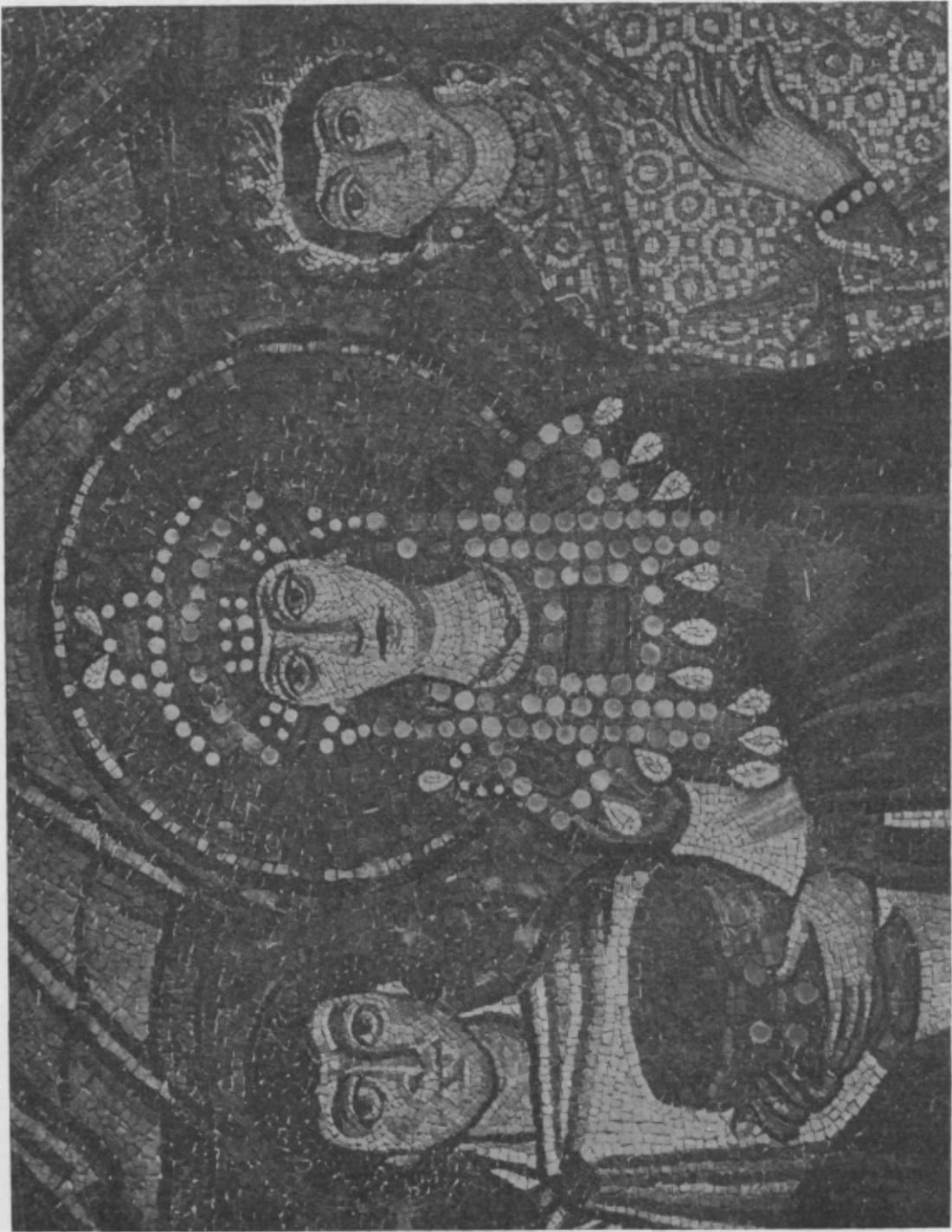

Рис. 53. Царица Феодора съ приношеіемъ для церкви. Равенна. Церковь св. Виталія.

который такъ привязался къ ней, что, не смотря на всѣ препятствія, добился разрѣшенія на бракъ съ нею. По этому поводу даже былъ изданъ

законъ, разрѣшавшій лицамъ сенаторскаго сословія вступать въ бракъ съ актрисами. Вотъ какія свѣдѣнія сообщаются о Θεодорѣ въ „Тайной Исторіи“! Объ обоихъ супругахъ собраны въ этомъ источникѣ извѣстія, изумляющія своею злостной, беспощадной окраской почти всѣхъ сторонъ ихъ домашней жизни, характера и внѣшней дѣятельности. Юстиніанъ представляется въ конечномъ выводѣ демономъ, посланнымъ для гибели рода человѣческаго.

Страстная раздражительность, съ которой въ этомъ сочиненіи подвергаются осмѣянію слабыя стороны историческихъ лицъ, беспощадное обнаженіе безчестныхъ мотивовъ, обыкновенно прикрываемыхъ въ жизни, безнадежный пессимизмъ, старающійся подглядѣть во всемъ дурную сторону, злая критика политики Юстиніана, выбирающая съ холоднымъ ригоризмомъ всѣ дурныя стороны его политической системы,—все это заставляло сомнѣваться, дѣйствительно ли принадлежитъ „Тайная Исторія“ тому же писателю, который сохранилъ намъ объ Юстиніанѣ почти все, что о немъ извѣстно, былъ историкомъ его времени и его славныхъ дѣлъ. Въ настоящее время, послѣ продолжительныхъ колебаній и обстоятельнаго изученія вопроса, ученые пришли къ убѣжденію, что принадлежность „Тайной Исторіи“ Прокопію долѣе оспариваема быть не можетъ. Но хотя двухсотлѣтній споръ, тяготѣвшій надъ всей исторіей Юстиніана, получилъ разрѣшеніе, теперь возникъ дальнѣйшій вопросъ: какъ примирить „Тайную Исторію“ съ другими сочиненіями Прокопія? Какъ согласовать противоположныя точки зрѣнія на одни и тѣ же факты? Что можно, наконецъ, думать объ ихъ авторѣ, о его достовѣрности, какъ психологически разъяснить его двойственное отношеніе къ своему предмету, его самопротиворѣчіе? Критика достовѣрности показаній „Тайной Исторіи“¹⁾ установила, что во многомъ Юстиніанъ и Θεодора оклеветаны жестоко и несправедливо.

Относительно Θεодоры указываютъ, что врядъ ли представитель новой, еще не укоренившейся династіи, притомъ человѣкъ уже не молодой, рѣшился бы наперекоръ общественному мнѣнію возвести на престолъ порочную женщину съ театральныхъ подмостковъ; едва ли Юстиніанъ рискнулъ бы своею популярностью ради нея. Конечно, возвышеніе незнатной Θεодоры способствовало

¹⁾ Dahn, „Pröcopius v. Caesarea“, Berlin, 1865; Diehl, „Justinien et la civilisation Byzantine au VI siècle“. Paris, 1901; Б. А. Панченко, „О Тайной исторіи Прокопія“, СПб., 1897; Holmes, „The age of Justinian and Theodora“, II, p. 605.

зарожденію легендъ, къ которымъ слѣдуетъ, однако, относиться скептически. Царица Теодора представляется намъ личностью вполне подготовленною къ высокой роли, которая ей досталась, характеризуется какъ умная женщина съ большимъ тактомъ и самостоятельными взглядами въ государственныхъ дѣлахъ. Она вела, между прочимъ, свою церковную политику, независимо отъ Юстиніана: когда въ Сиріи начались ужасающія преслѣдованія монофизитовъ, Теодора въ столицѣ открываетъ для нихъ страннопріимницу и приглашаетъ Юстиніана посѣщать ее; въ „Житіяхъ святыхъ“ монофизитской церкви не разъ упоминается, что гонимые монахи находили въ Теодорѣ свою заступницу противъ немилости царя. Если бы Теодора не скончалась такъ рано (за 17 лѣтъ до смерти Юстиніана), то имперія не испытала бы многихъ несчастій, и, можетъ-быть, было бы менѣе поводовъ чернить Юстиніана. Когда въ 532 г. разразился бунтъ „Ника“, направленный противъ правительства Юстиніана, императоръ былъ спасенъ, по свидѣтельству источниковъ, присутствіемъ духа Теодоры, возбудившей Юстиніана къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. „Если вы желаете спасти свою жизнь, бѣгите,—говорила она;—по моему царскія одежды хорошия покровъ для гроба“. И нужно замѣтить, что та самая толпа, которая осыпала Юстиніана и его приближенныхъ всевозможными оскорбленіями, не рѣшалась оскорбить, или не нашла ни одного дурного слова противъ Теодоры. Между тѣмъ, какой богатый матеріалъ представляло бы для возмущенной черни прошлое Теодоры, будь извѣстія „Тайной Исторіи“ согласны съ дѣйствительностью. Слѣдуетъ также взвѣсить слѣдующее обстоятельство: въ законодательствѣ Юстиніана есть много новаго, необъяснимаго съ точки зрѣнія римскаго права. Новыя идеи относятся преимущественно къ области семейныхъ отношеній и правъ женщины въ семьѣ и внѣ ея. Покровительство павшимъ женщинамъ, заботы объ имущественныхъ и личныхъ правахъ замужней женщины съ большою вѣроятностью объясняются личнымъ вліяніемъ императрицы Теодоры на законодательство. Властная личность Теодоры имѣла часто высокое значеніе въ государственныхъ дѣлахъ, которое не должно колебать свѣдѣнія, даваемая „Тайной Исторіей.“

Приступая къ характеристикѣ историка той эпохи Прокопія кесарійскаго, находимъ нужнымъ сдѣлать слѣдующую оговорку. Часто высказываемая мысль, что личность есть результатъ совокупныхъ

течений своего времени, и что поэтому путем анализа отдѣльных характеровъ можно приходиться къ пониманію общества, имѣть въ себѣ много справедливаго и доказательнаго, и едва ли въ такой же степени слѣдуетъ придавать значеніе противоположному взгляду, выдвигающему общіе законы исторической эволюціи въ ущербъ отдѣльныхъ личностей въ исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, трудно помириться съ мнѣніемъ, что отдѣльная личность есть не болѣе какъ равнодѣйствующая изъ сложнаго комплекса общественныхъ теченій, которыя неизбѣжно и всецѣло подчиняютъ себѣ отдѣльнаго человека. На самомъ дѣлѣ исторія не имѣетъ прямолинейности въ своемъ движеніи, не представляетъ закономернаго теченія впередъ, а напротивъ, часто дѣлаетъ скачки и останавливается въ своемъ движеніи. Нѣтъ личности, которая была бы вполне равна другой; есть личности, трудно объяснимыя изъ окружающей ихъ обстановки. Если устранить изъ исторіи вліяніе личности, то останутся неразгаданными самыя крупныя въ ней событія.

Прокопій почти единственный свидѣтель, описавшій эпоху Юстиніана и вѣденыя имъ войны. Но его извѣстія сдѣлались предметомъ большихъ недоразумѣній въ наукѣ. Возникла цѣлая литература изъ разнообразныхъ сочиненій, пытавшихся объяснить двойственный характеръ извѣстій Прокопія и примирить его совершенно противорѣчивыя сужденія объ одномъ и томъ же предметѣ. Онъ родился въ Кесаріи Палестинской въ самомъ концѣ V или началѣ VI в. Въ послѣдніе годы царя Юстина Прокопій назначенъ былъ секретаремъ къ Велисарію, отправлявшемуся въ персидскій походъ. Съ тѣхъ поръ тѣсная дружба соединяла его съ великимъ полководцемъ, который давалъ ему разнообразныя важныя и отвѣтственныя порученія и оказывалъ ему большое довѣріе. Во время войны съ остготами въ Италіи Прокопій поддерживалъ сношенія Рима съ южной Италіей, посылалъ Велисарію съ юга подкрѣпленія и запасы и давалъ иногда ему полезныя совѣты въ теченіе этой войны. Послѣднее извѣстіе о Прокопійи относится къ 562 г. Литературныя произведенія Прокопія представляютъ громадную важность для исторіи VI вѣка. Ему принадлежитъ, во-первыхъ, „Исторія войнъ“ въ 8 книгахъ: двѣ о персидской войнѣ, двѣ о войнѣ съ вандалами и три о готской войнѣ. Восьмая книга „Исторіи войнъ“ обнимаетъ общія событія и доведена до 554 г. Исторія о войнахъ обнародована еще

при жизни писателя и скоро сдѣлалась извѣстной по всей имперіи, она пользовалась во всѣ времена вполне заслуженнымъ авторитетомъ. Въ предисловіи къ персидской войнѣ писатель смѣло заявляетъ, что онъ болѣе всѣхъ въ состояніи исполнить это предпріятіе и единственно потому, что, бывъ избранъ въ совѣтники полководца Велисарія, находился при всѣхъ тогдашнихъ предпріятіяхъ. Кромѣ упомянутаго сочиненія, Прокопію принадлежитъ неоконченная „Тайная исторія“ (*Аνέκδοτα* или *Historia arcana*). Цѣль этого сочиненія указана въ предисловіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Я рассказалъ, гдѣ, когда и какія войны вели ромѣи; въ предлагаемомъ же теперь сочиненіи руковожусь другимъ планомъ, именно думаю (снова) коснуться всего, что происходило въ разныхъ областяхъ ромѣйской имперіи. Мнѣ нельзя было писать правдивую исторію, пока живы были тѣ, дѣла которыхъ я описывалъ. Тогда невозможно было укрыться отъ множества донощиковъ, а если бы они накрыли, не избѣжать бы самой мучительной смерти; нельзя было полагаться даже на самыхъ близкихъ родственниковъ. Вслѣдствіе этого я былъ принужденъ скрыть дѣйствительныя причины многихъ описанныхъ въ предыдущихъ книгахъ событій. Приступая къ выполненію этой задачи, я сознаю, что описать жизнь Юстиніана и Феодоры есть дѣло въ высшей степени трудное. Потомкамъ, пожалуй, покажется эта исторія невѣрной и несправедливой, и боюсь, чтобы съ теченіемъ времени не сочли меня сказочникомъ. Поддерживаетъ же меня мысль, что настоящее повѣствованіе могутъ завѣрить еще живые очевидцы событій, которые своимъ свидѣтельствомъ придадутъ ему авторитетъ правдивости“. Какъ видно изъ приведенныхъ словъ, этотъ трудъ написанъ послѣ другихъ и относится къ послѣднимъ годамъ жизни писателя.

Середину между названными сочиненіями составляетъ произведеніе о „постройкахъ“. Есть мнѣніе, будто бы Юстиніанъ остался недоволенъ исторіей о войнахъ, въ которой Прокопій восхваляетъ подвиги полководцевъ и ничего не говоритъ для возвеличенія самого царя, и будто бы сочиненіемъ о постройкахъ Прокопій спѣшилъ засвидѣтельствовать свои вѣрноподданническія чувства и благонадежность. Поэтому нерѣдко этому сочиненію усвояютъ имя панигирика, какъ „Тайной исторіи“—имя памфлета. Для характеристики содержанія и направленія этого сочиненія приводимъ слѣдующее мѣсто. „Какъ я рассказалъ въ сочиненіи о войнахъ, Юстиніанъ возвеличилъ и

прославилъ колебавшуюся имперію; онъ отовсюду прогналъ варваровъ, которые издавна творили насилія въ ромэйскихъ областяхъ. Нѣкогда обожали Θεμισтокла за то, что онъ расширилъ городъ, а Юстиніанъ пріобрѣталъ цѣлыя государства. Расширивъ имперію новыми владѣніями, онъ построилъ безчисленное множество новыхъ городовъ. Нашедши въ имперіи разныя вѣроученія и мнѣнія, онъ уничтожилъ всѣ пути, ведущіе къ блужданію, и утвердилъ вѣру на твердомъ основаніи. Давъ новые законы, онъ былъ снисходителенъ къ преступникамъ, благотворилъ бѣднымъ, благодѣтельствовавалъ несчастнымъ и всѣмъ этимъ создалъ въ государствѣ счастье и блаженство. Имперію, открытую со всѣхъ сторонъ набѣгамъ варваровъ, обезопасилъ постройкой крѣпостей и сильными гарнизонами на окраинахъ. Мы слышали, будто Киръ обладалъ высокими преимуществами и былъ основателемъ царства: если бы кто тщательно изучилъ царствованіе Юстиніана, исторія Кира показалась бы игрушкой“. Сочиненіе о постройкахъ, въ которомъ, между прочимъ, упоминается о возстановленіи „Длинной стѣны“ Анастасія, послѣдовавшемъ въ 558 г., должно относиться ко времени послѣ упомянутого срока.

Значеніе Прокопія въ исторіографіи VI в. обусловливается, съ одной стороны, шириной захватываемой его трудомъ области, съ другой—въ высокой степени умными, подробными и основательными его сообщеніями. Большая часть тогдашнихъ германскихъ племенъ имѣетъ въ немъ лучшаго знатока ихъ исторіи. Славянская исторія и древность черпаютъ у Прокопія единственныя по своей важности извѣстія о бытѣ и вѣрованіяхъ славянъ. За Прокопіемъ остается громадное, непоколебимое и несравненное преимущество: онъ относился къ современному ему варварскому міру если не съ любовью, то безъ обычнаго свойственнаго византійцамъ пренебреженія. Иногда у Прокопія нѣтъ предшественниковъ и руководителей въ изученіи предметовъ, о которыхъ онъ пишетъ; тутъ ему помогали личныя сношенія, разспросы и наблюденія,—таковы многія прекрасныя главы о внутреннемъ бытѣ варваровъ.

Авторитетъ Прокопія не только въ смыслѣ правдивости, но и по отношенію къ искусству изложенія, критикъ и выбору матеріала всецѣло признанъ ученой литературой въ приложеніи къ „Исторіи войнъ“. Но что сказать о явномъ пристрастіи, прозрачной лжи и вытекающей отсюда нравственной несостоятельности, въ которой не

можетъ не заподозрить Прокопія и самый усердный его почитатель, когда онъ сравнить отзывъ объ Юстиніанѣ и Теодорѣ по сочиненію о „Войнахъ“, „Постройкахъ“ и по „Тайной исторіи“? Если не можетъ подлежать сомнѣнію противорѣчіе во взглядахъ и въ сужденіяхъ объ историческихъ лицахъ, то не подрывается ли этимъ авторитетность Прокопія и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ явныхъ противорѣчій; долженъ ли Прокопій заслуживать довѣрія какъ историкъ?

Ключъ къ уразумѣнію характера Прокопія нужно искать въ духовномъ и нравственномъ состояніи тогдашняго византизма. Только извѣстная эпоха могла дать подобный продуктъ. Тонъ его произведеній полный трагизма, рѣзкій, основанный на глубокомъ убѣжденіи, что современный ему порядокъ вещей не есть нормальный, что слава римская безвозвратно миновала, и современники не походятъ на героевъ прошлаго. Печаль о гибели римскаго могущества и славы—основной тонъ произведеній Прокопія. Чтобы бороться противъ этого настроенія, нужны были устои нравственные и религіозные. Нравственныхъ принциповъ съ трудомъ возможно искать въ писателѣ, который слишкомъ на-двое высказывается по поводу принципиальныхъ вопросовъ; чаще онъ колеблется, не находя въ себѣ достаточно твердыхъ критеріевъ. Другого рода устои—это тѣ, которые указаны блаженнымъ Августиномъ,—въ религіи. Хотя Прокопій писатель VI в. и лицо близкое къ правительственнымъ кругамъ, но онъ остался чистѣйшимъ язычникомъ, христіанство его не коснулось. Онъ говоритъ о религіозномъ спорѣ въ такомъ тонѣ: „признаться, я не берусь судить объ этомъ, ибо считаю сумасброднымъ изслѣдовать природу Божию, какова бы она ни была. Человѣку трудно съ точностью понять и человѣческое, какъ же ему разсуждать о божественномъ? Поэтому мнѣ представляется лучше молчать о предметахъ благоговѣйнаго почитанія“. Холодное отношеніе къ вопросамъ, волновавшимъ ему современное человѣчество, для Прокопія характерно. Религіи у него не было—онъ скептикъ. Во многихъ случаяхъ, когда онъ говорилъ о превратностяхъ судьбы, о несчастіяхъ людей высоко стоящихъ, онъ смахиваетъ на фаталиста, онъ раздѣляетъ мысль древнихъ о зависти боговъ къ людямъ, къ человѣческому счастью. Онъ какъ бы говоритъ любимцамъ судьбы: „остановись, скоро конецъ! боги завидуютъ счастью людей!“ Тяжело отозвалось на немъ отсутствіе нравственныхъ устоевъ, двойственность воззрѣній—въ одномъ мѣстѣ онъ со-

общааетъ о великихъ дѣлахъ Юстиніана и Θεодоры, въ другомъ смѣшиваетъ ихъ же съ грязью.

„Существуетъ неумолимый законъ взаимодѣйствія между государствомъ и его отдѣльными членами. При недостаткѣ свободы внутренней трудно ожидать умственной свободы, честныхъ и непоколебимыхъ убѣжденій. Трусые и ничтожности образуютъ рабское безотвѣтное общество. Только въ самообольщеніи можно думать, что въ дурномъ обществѣ индивидуумъ можетъ спокойно наслаждаться своею духовно-нравственною жизнью. Общество, стѣсненное внутри, униженное, производитъ робкихъ и слабыхъ членовъ; сильныя дарованія задыхаются, увѣчатся и портятся, какъ бы неся на себѣ проклятіе рабства, безчестія и угнетенія своего отечества“. Эти слова принадлежатъ извѣстному историку Дану ¹⁾. Было бы весьма тяжело согласиться съ этой сильной критикою эпохи. Вѣдь время Юстиніана далеко не бѣдно личностями, выдающимися по энергіи и способностямъ. Вспомнимъ Велисарія и Нарсеса, Θεодору и Антонину и многихъ другихъ — это большіе характеры! И такимъ образомъ эпоха Юстиніана не оправдываетъ общаго положенія, будто въ рабскомъ обществѣ вырастаютъ однѣ ничтожности.

¹⁾ Dahn, „Procopius v. Caesarea“. Einleitung, S. 10.

глава II.

ВОЙНЫ СЪ ГЕРМАНЦАМИ: ВАНДАЛЫ И ОСТГОТЫ. ПОХОДЪ ВЪ ИСПАНІЮ.

Война въ Африкѣ и Италиі, окончившаяся полнымъ покореніемъ двухъ германскихъ народовъ и подчиненіемъ провинці Африки и итальянскаго полуострова, наиболѣе поразила современниковъ и полнѣе всего характеризуетъ внѣшнюю политику Юстиніана. Внѣшнихъ поводовъ къ войнѣ не подавали ни вандалы, ни остготы; напротивъ, и Хильдерикъ, и королева Амаласунта признавали въ императорѣ друга и союзника и старались сохранять съ Византіей добрыя отношенія. Но Византинизмъ въ VI в. стремится къ универсальной имперіи и задается цѣлью возстановить римскую имперію въ ея прежнихъ границахъ. Готы и вандалы стояли на дорогѣ, препятствуя осуществленію этой честолюбивой мысли, воспринятой Юстиніаномъ, душа котораго не могла выносить, „чтобы православные христіане подъ игомъ аріанскихъ властителей продолжали терпѣть притѣсненія за вѣру“ ¹⁾. Участь того и другого аріанскаго королевства рѣшена была въ умѣ Юстиніана уже давно, и онъ лишь выжидалъ удобнаго случая, чтобы начать противъ нихъ наступательныя дѣйствія.

Хотя далеко не одинаковы были отношенія вандаловъ и остготовъ къ имперіи, такъ какъ первые были часто страшными и всегда опасными сосѣдями, постоянно высылавшими въ море корсаровъ, между тѣмъ какъ послѣдніе всѣ мѣры употребляли къ тому, чтобы не возбуждать противъ себя итальянскаго населенія и жить въ добромъ согласіи съ Византіей, тѣмъ не менѣе, въ первые годы Юстиніана какъ въ Италиі, такъ и въ Африкѣ наступилъ кризисъ,

¹⁾ Cod. Just. 1, 27, I. I.

подававшій поводъ къ броженію и недовольству и къ образованію партій. Намъ слѣдуетъ прежде всего ознакомиться съ положеніемъ остготовъ, которые по смерти короля Θεодориха въ 526 г. пережили весьма критическую эпоху своей исторіи.

Выше мы видѣли (стр. 382), что въ послѣдніе годы жизни Θεодорихъ долженъ былъ убѣдиться, какъ мало успѣха онъ достигъ въ своей политикѣ братскаго единенія между готами и итальянцами. И тѣмъ болѣе должны были получить значенія внутреннія недоразумѣнія, происходившія изъ-за религіозныхъ и національных разногласій, что Θεодорихъ сошелъ со сцены, не успѣвъ возстановить довѣрчивыхъ отношеній съ царемъ.

Между тѣмъ и самый вопросъ о престолонаслѣдіи не былъ обезпеченъ въ той степени, какъ того хотѣлъ Θεодорихъ. Съ преждевременной смертью зятя его Евтариха вопросъ о престолонаслѣдіи оставался открытымъ. Призвавъ въ Равенну лучшихъ людей готскаго племени, король рекомендовалъ имъ избрать въ короли своего десятилѣтняго внука Аталариха, сына Евтариха и Амаласунѣы, и принести ему присягу на вѣрность. До совершеннолѣтія сына Амаласунѣы назначена была регентшей — и это вопреки германскимъ обычаямъ. Съ точки зрѣнія германскаго права, на престолъ имѣлъ вступить племянникъ Θεодориха Θεодать, который потомъ дѣйствительно и достигъ престола, какъ видно будетъ далѣе.

Новое правительство отправило въ Константинополь въ 526 г. посольство съ извѣщеніемъ о послѣдовавшей перемѣнѣ и съ просьбой утвердить Аталариха. Такъ какъ вступившій на престолъ въ слѣдующемъ году Юстиніанъ въ характерѣ обращенія въ Константинополь Аталариха усматривалъ мотивы для своего вмѣшательства въ итальянскія дѣла, то любопытно разсмотрѣть здѣсь нѣкоторыя мѣста изъ письма къ императору Юстину, отправленнаго вслѣдъ за смертію Θεодориха ¹⁾.

Письмо принадлежитъ перу Кассіодора, и тѣмъ важнѣй остановитъ вниманіе на тѣхъ мѣстахъ, которые можно находить неосторожными. „Всемиловивѣйшій государь! По справедливости я заслуживалъ бы порицанія, если бы менѣе горячо желалъ вашего мира, чѣмъ мои родители. Не столько насъ возвышаетъ рядъ пред-

¹⁾ Cassiodori Variarum VIII, I (Auctorum antiquissimorum. XII, 231).

ковъ, носившихъ пурпуръ и сидѣвшихъ на королевскомъ престолѣ, сколько возвеличиваетъ ваше расположеніе, изливающееся на насъ давно и въ широкихъ размѣрахъ... Моего дѣда вы въ вашей столицѣ почтили высокими курульными должностями, а моего родителя въ Италіи наградили консульскими пальмами. Въ цѣляхъ соблюсти его въ согласіи вы пожаловали его военнымъ усыновленіемъ, хотя по возрасту онъ былъ почти вамъ сверстникъ. Было бы согласнѣй съ обстоятельствами это имя, какимъ вы почтили моего родителя, пожаловать юношѣ; вмѣстѣ съ родствомъ тогда перешло бы на него и ваше чувство, ибо рожденный вашимъ сыномъ, по законамъ природы, я не могу быть вамъ чуждымъ. Я прошу у васъ самаго искренняго мира на томъ основаніи, что пользуюсь счастіемъ быть вашимъ внукомъ съ того времени, какъ моему родителю вы представили радость усыновленія. Позволяя себѣ обратить ваше вниманіе на переходъ къ намъ королевскаго достоинства, я считалъ бы выше этой власти увѣренность имѣть въ васъ высокаго и благорасположеннаго руководителя. Вступая въ управленіе, мы нуждаемся въ поддержкѣ умудреннаго лѣтами государя: отрочеству свойственна опека, и, опираясь на такую защиту, мы не вполнѣ лишаемся родительской помощи. Пусть будетъ наше царство соединено съ вами узами расположенія; любовно распоряжаясь, вы будете здѣсь властнымъ господиномъ. Почему отправляемъ къ вамъ нашихъ пословъ на тотъ конецъ, чтобы вы дали намъ вашу дружбу на тѣхъ условіяхъ, на какихъ ваши предшественники имѣли договоръ съ блаженной памяти дѣдомъ нашимъ“.

Мы будемъ имѣть случай снова вспомнить объ этомъ письмѣ, а теперь лишь обратимъ вниманіе на заключительныя слова, которыя ясно показываютъ, что Аталарихъ не желалъ давать императору никакихъ особенныхъ основаній къ вмѣшательству въ дѣла Италіи, а ссылался на старыя договорныя отношенія Зинона и Анастасія и просилъ примѣнить ихъ къ его престолонаслѣдію. Но какъ мало фактически приписывалось цѣны этому формальному акту, видно изъ того, что новое правительство истребовало присягу отъ сената и отъ всѣхъ итальянцевъ на вѣрность Аталариху еще до полученія отвѣта изъ Константинополя, и что перемѣна царствованія прошла въ Италіи безъ всякаго потрясенія. Кассіодоръ продолжалъ запрашивать всѣми дѣлами именемъ Аталариха и обѣщалъ римлянамъ со-

блюденіе ихъ правъ и вольностей. Чтобы загладить память о тяжелыхъ казняхъ послѣднихъ лѣтъ Θεодориха, возвращены были права и имущества дѣтямъ казненныхъ сенаторовъ Боэція и Симмаха. Вообще господству готовъ въ Италіи, повидимому, не угрожали опасности; напротивъ, весьма умная и образованная Амаласунта, оказывая почетъ и вниманіе сенату, старалась дѣлать все возможное для соблюденія мира и согласія. Съ этой цѣлью римлянину Либерію данъ былъ военный титулъ, а готу Тулуину пожаловано патриціанское достоинство.

Теперь слѣдуетъ обратиться къ событіямъ въ столицѣ Византійской имперіи, послѣдовавшимъ за вступленіемъ на престолъ Юстиніана (527 г.). Мы уже видѣли, что онъ былъ полновластнымъ распорядителемъ судебъ имперіи въ царствованіе Юстина; не можетъ быть сомнѣнія, что онъ вступилъ на престолъ уже съ опредѣленнымъ планомъ по отношенію къ германскимъ государствамъ вандалскому и остготскому. Объ этомъ планѣ читаемъ въ законѣ, изданномъ въ 533 г. ¹⁾ „Объ одномъ мы умоляемъ святую и славную Дѣву Марію, чтобы по ходатайству ея удостоилъ Господь меня, Своего послѣдняго раба, воссоединить съ римской имперіей то, что отъ нея отторгнуто, и довести до конца высочайшій долгъ нашъ“. — Этотъ долгъ понималъ Юстиніанъ гораздо шире, чѣмъ дано было ему осуществить, онъ мечталъ объ единствѣ политическомъ и религіозномъ, въ его планы входила римская имперія во всемъ ея величій и безпредѣльности.

Первый шагъ къ осуществленію широкихъ плановъ міровластительства сдѣланъ былъ въ Африкѣ. Отношенія завоевателей къ побѣжденнымъ здѣсь сложились болѣе неблагопріятно, чѣмъ въ другихъ земляхъ, завоеванныхъ германцами: вестготы въ Испаніи заняли $\frac{2}{3}$ земель, остготы $\frac{1}{3}$, а вандалы объявили себя господами всей земельной собственности. Легко отсюда понять, что мѣстное населеніе не могло примириться съ завоевателями; религіозная вражда между мѣстными христіанами-католиками и вандалами аріанскаго исповѣданія никогда не утихала. Такимъ образомъ поводы къ вмѣшательству въ африканскія дѣла могли быть всегда на лицо — во внутреннихъ отношеніяхъ побѣдителей и побѣжденных и въ рели-

¹⁾ Cod. Justin. I, tit. 27.

гіозномъ вопросѣ. Съ формальной стороны отношенія къ Африкѣ были весьма благопріятны въ первые годы царствованія Юстиніана. Во главѣ вандальскаго королевства стоялъ Хильдерикъ, по вѣрѣ католикъ и по симпатіямъ и образованію полуримлянинъ, въ жилахъ его текла царская кровь. Онъ происходилъ отъ сына Гензерика, основателя вандальскаго королевства, Гунерика и дочери Валентиніана III и вступилъ на престолъ по смерти Тразимунда (523 г.), женатаго на дочери готскаго короля Амалафридѣ. Трудно представить правителя, такъ мало понимавшаго политическія отношенія: вандаловъ онъ оскорблялъ своей изнѣженностью, холодностью къ военнымъ дѣламъ и слабостью по отношенію къ католикамъ, послѣдніе не могли имъ быть довольны изъ-за старыхъ обидъ и притѣсненій со стороны аріанъ. Въ 531 году въ Карѳагенѣ произошелъ переворотъ въ пользу Гелимера, захватившаго власть и заключившаго въ темницу Хильдерика. Это было большимъ ударомъ для византійской политики, которая подготовляла себѣ сторонниковъ въ Африкѣ и имѣла уже сильную партію во всѣхъ классахъ. Сторонники сверженнаго короля и его родственники, представители католической церкви и мѣстные нобили употребили всѣ старанія, чтобы вызвать вмѣшательство Юстиніана въ африканскія дѣла. Императоръ обратился съ требованіемъ къ Гелимеру возстановить Хильдерика или, по крайней мѣрѣ, отпустить его на свободу, но Гелимеръ отвѣтилъ суровыми преслѣдованіями приверженцевъ императора. Въ виду такихъ обстоятельствъ въ Константинополѣ рѣшено было идти войной противъ Гелимера.

Хотя имперія была тогда въ войнѣ съ Персіей, и войско съ лучшими вождями было на Востокѣ, но императоръ поспѣшилъ заключить съ персами миръ и вызвалъ изъ Сиріи Велисарія, командовавшаго восточными войсками. Несмотря на твердое намѣреніе Юстиніана начать морской походъ, онъ не находилъ въ окружавшихъ лицахъ защитниковъ этого рискованнаго предпріятія. Еще была жива память о большой экспедиціи 468 года при Зинонѣ, которая окончилась страшной катастрофой и подорвала на долгіе годы средства имперіи. Тогдашній префектъ преторіи Іоаннъ каппадокіецъ энергично возставалъ противъ этого предпріятія, указывая почти вѣрный неуспѣхъ и соединенныя съ нимъ тяжелыя послѣдствія и, съ другой стороны, весьма сомнительную пользу въ случаѣ маловѣроятнаго успѣха. Но для Юстиніана вопросъ предсталъ болѣе въ его рели-

гіозномъ, чѣмъ въ политическомъ и экономическомъ освѣщеніи; для него на первомъ планѣ было воспользоваться благопріятнымъ моментомъ смуты въ Карѳаганѣ и однажды на всегда покончить съ аріанскимъ вопросомъ въ Африкѣ.

И нужно признать, что обстоятельства складывались въ пользу предпріятія Юстиніана въ высшей степени благопріятно. Собственно вандаловъ въ Африкѣ было весьма немного, едва ли больше 30—40 тысячъ способныхъ носить оружіе на 200 тысячъ всего германскаго населенія. Притомъ же вандалы теперь были далеко не тѣ, что въ эпоху завоеванія: климатъ Африки, роскошная жизнь и удобства изнѣжили ихъ и приучили къ праздности ¹⁾). Къ невыгодѣ вандаловъ измѣнились и отношенія къ нимъ туземнаго населенія, которое сначала участвовало въ войнахъ и набѣгахъ вмѣстѣ съ вандалами и вообще служило опорой германскому элементу, а въ послѣднее время старалось отъ него отдѣлиться и стремилось къ независимости. Горныя дикія племена не разъ дѣлали уже опустошительные набѣги на мирныхъ жителей долинъ; кромѣ того, въ открытомъ возстаніи были провинціи Триполь и Бизацій. Такимъ образомъ серьезнаго сопротивленія въ вандальской Африкѣ едва ли можно было ожидать. Что касается флота, которымъ прежде такъ страшны были вандалы, то въ настоящей войнѣ онъ не игралъ никакой роли ни на морѣ, ни въ защитѣ береговъ.

Избранный начальникомъ экспедиціи, Велисарій уже заявилъ свои военныя способности въ персидской войнѣ. Его быстрота, рѣшительность и умѣнье пользоваться обстоятельствами нашли себѣ блестящее примѣненіе въ войнѣ африканской. Съ небольшими силами, едва ли превышающими 10 тысячъ пѣхоты и 5 тысячъ конницы, онъ въ іюнѣ 533 г. вышелъ изъ Константинополя, имѣя цѣлью сдѣлать остановку въ Сициліи. Здѣсь въ области, принадлежащей итальянской регентшѣ Амаласунѣ, Велисарій могъ заpastись провіантомъ и лошадьми и собрать свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Африкѣ. Нужно изумляться легкомыслію и бездѣятельности Гелимера, который позволилъ безъ всякихъ затрудненій высадиться Велисарію на африканскомъ берегу въ половинѣ сентября того же года и не приготовилъ никакихъ средствъ къ оборонѣ. Противъ

1) Diehl, „L'Afrique Byzantine“, 10—11.

всякаго ожиданія война окончилась весьма скоро: двумя сраженіями, въ которыхъ вандалы не обнаружили ни искусства, ни военной дисциплины, рѣшена была судьба королевства. Карѳагенъ, окруженный съ суши и съ моря, не могъ оказать сопротивленія, тѣмъ болѣе, что горожане видѣли въ Велисаріи освободителя отъ чуждаго ига. Прокопій замѣчаетъ по поводу вступленія въ Карѳагенъ: „Велисарій держалъ своихъ воиновъ въ такомъ строгомъ послушаніи, что не было ни одного случая насилія, и что въ завоеванномъ городѣ жизнь шла обычнымъ теченіемъ, торговыя заведенія не закрывались, и солдаты спокойно покупали на базарѣ необходимые предметы“. Занявъ столицу, Велисарій могъ не приписывать большого значенія тому обстоятельству, что Гелимеръ съ остатками войска приготовился дать ему еще сраженіе подъ Карѳагеномъ. Въ этомъ тѣмъ болѣе не было опасности, что большинство горныхъ мавританскихъ племенъ, узнавъ о побѣдахъ Велисарія, послало къ нему пословъ и просило принять ихъ въ дружбу и расположеніе императора. Обезпечивъ себя переговорами, Велисарій рѣшился нанести послѣдній ударъ Гелимеру, который занималъ защищенную позицію въ 30 верстахъ отъ Карѳагена. Въ декабрѣ были разсѣяны остатки вандальскаго войска, и самъ король, лишенный послѣднихъ средствъ защиты, долженъ былъ сдаться на милость Велисарія (мартъ 534 г.).

Велисарій возвратился въ Константинополь съ огромной добычей и множествомъ плѣнныхъ. Устроенное для него триумфальное шествіе произвело сильное впечатлѣніе на современниковъ. Императоръ, въ упоеніи побѣдой, выразился: „Господь наградилъ меня своей милостью, дозволивъ мнѣ возвратить одну изъ римскихъ провинцій и уничтожить народъ вандаловъ. Теперь тамъ будетъ господствовать единство вѣры“. Результаты войны были ужасны. Цѣлый народъ былъ уничтоженъ безъ остатка, ибо часть вандаловъ, пережившая эпоху византійскаго завоеванія, скоро смѣшалась съ мѣстнымъ населеніемъ. Но и вся провинція подверглась страшному опустошенію и обнищанію; „сколько народа погибло въ Африкѣ,—говоритъ Прокопій,—я не умѣю сказать, но думаю, что погибли мириады мириадъ“.

Походомъ въ Африку открывалась завоевательная политика Юстиніана. Удача въ исполненіи смѣлаго предпріятія, потребовавшего въ сущности мало средствъ и людей и обогатившаго казну большой добычей, могла лишь заохотить его къ новымъ завоевательнымъ

планамъ. На очереди стояла итальянская война, которая хотя была уже рѣшена ранѣе, но началась по окончаніи похода въ Африку. Въ новеллѣ, изданной послѣ покоренія Африки, Юстиніанъ выражаетъ пожеланіе, чтобы Богъ далъ ему силы освободить и другую страну отъ господства аріанъ. Здѣсь мы должны возвратиться къ Амаласунѣ, правившей въ Италіи за малолѣтствомъ Аталариха.

Хотя изложенныя событія не могли не затронуть интересовъ остготскаго королевства, но правительница Италіи оказала Велисарію все содѣйствіе къ успѣху его похода, съ одной стороны, изъ вражды къ Гелимеру ¹⁾, съ другой—въ виду затруднительнаго положенія, въ которомъ находилась она сама. Ни въ чемъ не отступая отъ политики Θεодориха и продолжая пользоваться совѣтами Кассіодора, молодая и прекрасно образованная регентша не могла примирить противоположныхъ интересовъ готовъ и римлянъ; въ особенности готская народность, казалось, забывшая пережитую эпоху первоначальнаго поселенія въ Италіи, начала заявлять широкія притязанія на главенствующую роль въ странѣ. Ближайшимъ образомъ притязанія готскихъ вождей касались воспитанія молодого короля и устраненія женскаго вліянія опекунши. „Зачѣмъ—говорили они ²⁾—приставляютъ къ мальчику учителей и мучить его занятіемъ науками? Несправедливо, да и не нужно учиться королю, ибо науки никого не научили мужеству; напротивъ, по большей части дѣлали людей робкими и ничтожными. И король Θεодорихъ никогда не совѣтовалъ учиться дѣтямъ готовъ“. Боясь общаго недовольства, Амаласунѣ уступила по отношенію къ воспитанію сына, но къ ней предъявлены были дальнѣйшія требованія. Тогда она рѣшилась сослать въ отдаленныя области вождей оппозиціи, но они продолжали и изъ ссылки сноситься со своими приверженцами и угрожать правительницѣ. Что положеніе ея было опасное, видно, между прочимъ, изъ того, что она спрашивала Юстиніана черезъ тайное посольство: можетъ ли дочь Θεодориха рассчитывать на покровительство его, и оказанъ ли ей будетъ пріемъ въ Константинополь? Юстиніанъ обѣщаль ей исполнить всѣ ея желанія и предоставилъ въ ея распоря-

1) Амалафрида, дочь Θεодориха и сестра Амаласунѣ, была замужемъ за вандалскимъ королемъ Тразимундомъ, котораго низвергъ Хильдерикъ. Амалафрида была убита во время переворота.

2) „De bello Goth.“, 2, p. 13.

женіе дворець въ Драчѣ (Dyrrhachium), куда она могла бы прибыть во всякое время. До этого, однако, не дошло, такъ какъ Амаласунѳа убійствомъ освободилась отъ наиболѣе опасныхъ вождей оппозиціи. Развязка, однако, не заставила себя долго ждать. Въ 534 г. умеръ Аталарихъ, и вмѣстѣ съ этимъ прекращались права Амаласунѳы на регентство. Нѣсколько раньше прибылъ изъ Константинополя посоль, который имѣлъ порученіе окончательно опредѣлить условія, на которыхъ Амаласунѳа соглашалась передать Юстиніану Италію. Это былъ отчаянный шагъ регентши, на который она могла рѣшиться лишь изъ крайней опасности.

Оставался еще въ живыхъ представитель королевскаго рода амаловъ въ лицѣ Θεодата, сына сестры Θεодориха Амалафриды, королевы вандаловъ, приходившагося такимъ образомъ двоюроднымъ братомъ правительницы. Чтобы сохранить власть, она приняла въ соправители этого принца и продолжала царствовать его именемъ. Но Θεодатъ, вѣроятно по внушеніямъ враждебной ей партіи, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (весной 535 г.) заключилъ ее подъ стражу. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Юстиніанъ рѣшился открыто заявить свои намѣренія относительно Италіи. Формальный поводъ къ войнѣ заключался въ томъ, что императоръ уже нѣсколько разъ обѣщаль защиту и покровительство дочери Θεодориха, а теперь какъ-разъ она нуждалась въ такой защитѣ.

Происходитъ живой обмѣнъ посольствами; Юстиніанъ внимательно слѣдитъ за событіями и настроеніями общественнаго мнѣнія въ Италіи. Ему дѣлали подробныя донесенія его послы о всемъ происходившемъ въ Равеннѣ и въ Римѣ и, между прочимъ, о неудовольствіяхъ между Θεодатомъ и правительницей, съ одной стороны, и о непопулярности соправителя съ другой. Эти извѣстія, по словамъ Прокопія, были весьма пріятны для царя, и онъ спѣшитъ отправить въ Италію спеціального посла въ лицѣ ритора Петра. Во время пребыванія его въ Италіи произошла новая катастрофа—смерть правительницы. Ходили тогда слухи, что посоль Юстиніана, имѣвшій секретныя порученія, своими внушеніями и совѣтами ускорилъ печальную развязку. Еще Петръ не возвратился изъ Италіи, какъ объявленъ былъ походъ. Юстиніанъ на этотъ разъ лучше обдумалъ все предпріятіе, чѣмъ тогда, когда подготавливался походъ въ Африку.

Главнокомандующій въ Иллирикѣ стратигъ Мундъ долженъ былъ

начать военныя дѣйствія въ Далмаціи, гдѣ были слабыя готскіе гарнизоны, не представившіе упорнаго сопротивленія. Точно также легко сдалась Сицилія, гдѣ византійскимъ отрядомъ предводительствовалъ Велисарій, нашедшій почти вездѣ приверженцевъ императора. Небольшое сопротивленіе встрѣчено лишь въ Палермо, но и оно сломлено въ томъ же 535 г. Сицилія обращена въ византійскую провинцію и преобразована въ административномъ и судебномъ отношеніяхъ. Легкій переходъ Сициліи подъ власть императора былъ тяжкимъ ударомъ для готскаго правительства, потому что съ потерей этого острова Римъ сталъ чувствовать стѣсненіе въ доставкѣ продовольствія, а императоръ получилъ надежный опорный пунктъ для своихъ дальнѣйшихъ противъ Италіи предпріятій. Черезъ годъ Сицилія обращена въ провинцію имперіи, и во главѣ ея поставленъ praetor съ подчиненными duces.

Успѣхъ Велисарія въ Сициліи, который въ скорости завоевалъ весь островъ и готовъ уже былъ высадиться въ Италію, заставилъ Θεодата согласиться на самыя тяжкія жертвы. Онъ обѣщаль послу Юстиніана, ритору Петру, отказаться отъ притязаній на Сицилію, платить подать, доставлять имперіи вспомогательный отрядъ въ 3000 готовъ, словомъ, онъ готовъ былъ поставить себя въ положеніе самага обыкновеннаго предводителя федератовъ, отказавшись отъ королевской власти; тайно отъ готовъ онъ согласился даже жить частнымъ человѣкомъ, уступивъ Юстиніану всю Италію, если ему дана будетъ пожизненная пенсія въ 1200 ф. золота. Римское населеніе и сенатъ далеко не были расположены къ Θεодату; желая сохранить въ городѣ вліяніе, Θεодатъ поставилъ въ немъ гарнизонъ и посылалъ въ Римъ укорительныя письма. Какъ велъ себя Римъ въ это время, можно видѣть, между прочимъ, изъ слѣдующаго. Римскій епископъ Агапиль, вѣроятно побуждаемый Θεодатомъ, потому что источники называютъ его посломъ короля, также отправился въ Византію. Не видно, однако, чтобы онъ велъ переговоры въ пользу сохраненія остготскаго владычества. Его дѣло было повтореніемъ миссіи епископа Іоанна въ 524 г., т.-е. увѣрить византійскаго императора въ благорасположеніи къ нему римскаго населенія, и выговорить нѣкоторыя привилегіи въ пользу духовенства. Можно ли иначе думать о посольствѣ этого епископа, когда Юстиніанъ, весьма ласковый къ нему, по словамъ бібліотекаря Анастасія, нисколько не измѣнилъ

своихъ намѣреній относительно Италіи и соглашался лишь на самое унижительное предложеніе Θεодата — отказаться отъ власти и жить частнымъ человѣкомъ? Во всемъ дѣлѣ завоеванія Италіи Византія нашла самое сильное сочувствіе въ духовенствѣ. Римскій епископъ именно въ это время пріобрѣтаетъ еще болѣе значительное вліяніе, благодаря своему содѣйствію планамъ Юстиніана.

Петръ возвратился въ Италію съ порученіемъ оформить соглашеніе съ королемъ и указать ему удѣлъ, гдѣ онъ могъ бы проводить жизнь, но нашелъ его весьма несговорчивымъ и совершенно перемѣнившимъ свой взглядъ на дѣло. Это объяснялось тѣмъ, что имперія потерпѣла тогда двѣ неожиданныя непріятности: въ Далмаціи со смертью императорскаго полководца Мунда почти растаяли войска; въ Африкѣ обнаружилось возстаніе, которое побудило Велисарія оставить Сицилію и поспѣшить въ африканскія владѣнія. Это внушило Θεодату несбыточныя надежды, и онъ позволилъ себѣ не только свысока обращаться съ посольствомъ, но и заключить его подъ стражу. Такимъ неосторожнымъ поступкомъ онъ совершенно испортилъ свое положеніе. Еще въ зиму 536 г. возстановлена была власть имперіи въ Далмаціи; тогда же Велисарій съ небольшимъ войскомъ въ 7500 воиновъ и со значительной личной дружиной, можетъ-быть, такого же состава, высадился въ Сициліи. Военныя средства, бывшія въ распоряженіи Велисарія, весьма не соотвѣтствовали предстоявшей предъ нимъ задачѣ. Но въ лицѣ Велисарія императоръ Юстиніанъ имѣлъ лучшаго полководца своего времени, котораго притомъ снабдилъ самыми обширными полномочіями. Съ тѣми силами, какія у него были, Велисарій долженъ былъ завоевать для имперіи страну съ громаднымъ населеніемъ, которая могла выставить сотню тысячъ войска. Но была громадная разница въ военной техникѣ, въ дисциплинѣ и въ искусствѣ между имперскими войсками и народными ополченіями, выставляемыми варварами. Что касается сопротивленія, оказаннаго Велисарію готскими войсками, оно было крайне слабо подготовлено и согласовано въ частяхъ и не имѣло обдуманнаго и правильно исполненнаго плана. При появленіи византійскаго главнокомандующаго въ южной Италіи лѣтомъ 536 г. оказалось тамъ мало готскихъ гарнизоновъ ¹⁾, такъ что населеніе встрѣчало съ распро-

1) „De bello Gothico“, 1, с. 8, р. 39.

стертыми объятіями начавшій здѣсь свои дѣйствія византійскій корпусъ. Первымъ перешель на сторону Велисарія Евримуеъ, родственникъ Θεодата, стоявшій во главѣ войска готовъ.

Центромъ господства готовъ въ Кампаніи былъ Неаполь; здѣсь были прекрасная морская гавань и обширный торговый центръ съ громаднымъ и богатымъ населеніемъ. Въ Неаполѣ заперся готскій гарнизонъ, который 20 дней выдерживалъ тѣсную осаду съ суши и съ моря. Уже Велисарій, отчаявшись въ успѣхѣ затянувшейся осады, думалъ отступить отъ города, но тутъ ему помогъ случай. Ему было донесено, что есть возможность проникнуть въ городъ чрезъ заброшенный водопроводъ, который никѣмъ не охраняется. Дѣйствительно, сотнѣ храбрецовъ удалось ночью пробраться въ городъ и овладѣть двумя башнями, съ которыхъ они дали знать своимъ. Осаждающіе бросились на стѣны, ворвались въ городъ и предали его грабежу и опустошенію, не щадя ни возраста, ни пола. Оставивъ въ Неаполѣ небольшой гарнизонъ и принявъ подъ власть кампанскій городъ Кумы, Велисарій двинулся на Римъ. Между тѣмъ Θεодатъ въ бездѣйствіи оставался въ Римѣ, теряя болѣе и болѣе свой авторитетъ и довѣріе итальянскаго населенія. Правда, онъ завязалъ переговоры съ франками, чтобы побудить ихъ за уступку нѣкоторыхъ областей помочь ему противъ Велисарія. Но когда готскій вождь южной арміи Евримуеъ перешель на сторону враговъ, и когда Неаполь, предоставленный собственной участи, не получилъ никакой помощи отъ короля, тогда готы стали приходить къ сознанию національной опасности и прибѣгли къ революціоннымъ мѣрамъ. Часть войска, расположенная близъ Террачины, подняла на щитъ своего вождя Витигеса, который „умѣлъ владѣть мечомъ и не пачкалъ рукъ стилемъ“, провозгласивъ его королемъ. Θεодатъ, презираемый итальянцами и готами, думалъ найти спасеніе въ Равеннѣ, но на пути былъ убитъ подосланнымъ отъ Витигеса воиномъ. Хотя Витигесу предстояла весьма трудная задача въ виду полной дезорганизации военныхъ средствъ, тѣмъ не менѣе, теперь только началась настоящая народная война готскаго народа съ имперскими войсками. Витигесъ представляетъ собой героическій типъ національнаго готскаго короля, который сознавалъ всю опасность тогдашняго положенія и, тѣмъ не менѣе, старался сдѣлать все, что внушали ему долгъ и сознаніе своихъ обязанностей къ соотечественникамъ. Оставивъ въ Римѣ гарнизонъ въ 4000 человекъ,

самъ онъ отступилъ къ Равеннѣ въ намѣреніи подготовить военныя операциі на будущій годъ и укрѣпить собственное положеніе среди итальянцевъ и готовъ. Нужно признать весьма важнымъ въ политическомъ смыслѣ шагомъ его бракъ на дочери королевы Амаласуней, т.-е. на внучкѣ Θεодорика, Матасуней, ибо этимъ бракомъ онъ сближалъ себя съ королевскимъ родомъ Амаловъ и получалъ законное право на королевскую власть. Но первымъ и крупнымъ несчастьемъ для Витигеса было то, что онъ не удержалъ въ своей власти Рима, иначе говоря, обманулся въ расположеніяхъ римскаго населенія. Епископъ Рима Сильверій послалъ на встрѣчу приближавшемуся Велисарію пословъ, обѣщая сдать городъ. Гарнизонъ былъ не въ состояніи защитить Римъ противъ внутренняго и внѣшняго врага, такъ что съ 9 на 10 декабря 536 г. въ одни ворота входили въ Римъ войска Велисарія, а въ другія выходилъ готскій гарнизонъ. Это случилось 60 лѣтъ спустя послѣ паденія Западной римской имперіи.

По ближайшимъ распоряженіямъ Велисарія въ зиму 536—537 г. можно было заключать, что онъ разсматриваетъ Римъ и Италію какъ составную часть имперіи. Считаая себя обезпеченнымъ со стороны юга, Велисарій началъ готовить въ Римѣ центральный пунктъ для будущихъ военныхъ предпріятій въ Италіи и съ этой цѣлью озаботился укрѣпленіемъ городскихъ стѣнъ и подвозомъ съѣстныхъ припасовъ изъ Сициліи и изъ окрестностей. Но и Витигесъ, съ своей стороны, занятъ былъ дѣятельными приготовленіями къ походу. Прежде всего онъ принялъ мѣры къ тому, чтобы поставить на военное положеніе готскій народъ и снабдить способныхъ носить оружіе военнымъ снаряженіемъ и конями. Передъ Витигесомъ была сложная задача: съ одной стороны, предстояло выставить наблюдательный отрядъ на сѣверѣ, чтобы не допускать враждебнаго вторженія имперскаго отряда изъ Далмаціи; съ другой стороны, необходимо было озаботиться мѣрами, чтобы франки не воспользовались затруднительнымъ положеніемъ готскаго королевства и не ворвались въ Италію съ сѣверо-запада. Это тѣмъ болѣе необходимо было имѣть въ виду, что императоръ Юстиніанъ уже вступилъ въ сношенія съ франками и желалъ привлечь ихъ къ союзу противъ готовъ. Витигесъ могъ считать себя весьма счастливымъ, что ему удалось достигнуть соглашенія съ франками, которые отступили изъ Прованса и дали слово не принимать враждебныхъ дѣйствій въ сѣверной Италіи.

Къ началу весны Витигесъ могъ располагать громаднѣмъ ополченіемъ въ 150 тысячъ, въ которомъ значительная часть составляла кавалерію.

Велисарію съ весьма небольшими силами нельзя было вступить противъ непріятеля въ открытое поле; его надежда заключалась въ городскихъ укрѣпленіяхъ и въ той мысли, что Витигесъ едва ли въ состояніи предпринять правильную осаду хорошо защищеннаго города. Кромѣ того, Велисарій, оцѣнивая то громадное впечатлѣніе, которое произвело въ Италіи занятіе имъ Рима, понималъ, что онъ ни подъ какимъ видомъ не можетъ очистить занятаго имъ города, и поэтому распространялъ мысль, что онъ не выйдетъ изъ Рима живымъ и будетъ его защищать до послѣдней крайности. Въ ожиданіи вспомогательныхъ отрядовъ, которые должны были придти изъ Константинополя, онъ требовалъ отъ городскихъ жителей участія въ защитѣ городскихъ стѣнъ и самъ былъ вездѣ на первомъ мѣстѣ. Желая нѣсколько задержать Витигеса, прежде чѣмъ онъ окружитъ Римъ своимъ громаднѣмъ войскомъ, Велисарій выставилъ противъ него небольшой кавалерійскій отрядъ на *mons Salarius*, гдѣ и произошла первая военная стычка, въ которой греки и готы показывали изумительную отвагу, и Велисарій не разъ подвергался крайней опасности. Готы ударили съ тылу и съ боковъ на византійскій отрядъ, неосторожно погнавшійся за непріателемъ, и прижали его къ стѣнамъ города у Саларіевыхъ воротъ. Уже разнесся слухъ, что Велисарій убитъ, и римляне не хотѣли открыть воротъ, имѣя опасеніе, чтобы вмѣстѣ со своими не ворвались въ городъ и непріатели. Съ большимъ трудомъ удалось Велисарію возстановить порядокъ въ своемъ отрядѣ и найти защиту за стѣнами города, куда, наконецъ, при наступленіи ночи впущены были греческіе воины. Съ конца февраля городъ былъ окруженъ готами, которые раскинули шесть военныхъ лагерей и считали судьбу Рима совершенно предрѣшенной, такъ какъ имъ были извѣстны слабыя средства, какими располагалъ Велисарій. Витигесъ предложилъ Велисарію вступить въ переговоры и обѣщалъ дать свободу гарнизону, если ему будетъ сданъ городъ, но Велисарій отклонилъ предлагаемыя условія. Мы не будемъ слѣдить за подробностями осады Рима, въ которой преимущества техники, дисциплины и военного искусства вообще были на сторонѣ осажденныхъ. Пользуясь оплошностью врага, Велисарій

въ началѣ апрѣля ввелъ въ Римъ вспомогательный отрядъ изъ 1600 воиновъ славянскаго и гуннскаго происхожденія, послѣ чего онъ началъ дѣлать неожиданныя вылазки тамъ, гдѣ непріятель былъ наименѣе подготовленъ, и наносилъ ему значительный уронъ. По словамъ Прокопія, всего было 69 сраженій между осаждающими и осажденными. Въ началѣ лѣта прислано было изъ Константинополя жалованье войску, но вспомогательныхъ отрядовъ, которыхъ такъ ждали и Велисарій и населеніе Рима, все-таки не было. А между тѣмъ въ городѣ чувствовался недостатокъ въ припасахъ и въ водѣ, и населеніе высказывало горячія жалобы на императора, который безъ нужды заставляетъ страдать жителей Рима. Чтобы поддержать духъ населенія, Велисарій распустилъ слухъ, что войска высадились въ Кампаніи, и что помощь приближается. Не лучше, однако, было и положеніе осаждающихъ. Сосредоточеніе громаднаго войска подъ Римомъ вызывало необходимость вполнѣ обдуманной и правильно выполняемой системы подвоза припасовъ. Но Кампанія была опустошена, а изъ Тосканы уже взяты были запасы. Велисарій вывелъ часть гарнизона изъ Рима и занялъ Террачину и Тибуръ; этимъ онъ уменьшилъ количество населенія въ Римѣ, нуждавшееся въ прокормленіи, и, кромѣ того, получилъ возможность ограничивать непріятелямъ свободу движенія и стѣснять ихъ въ подвозѣ съѣстныхъ припасовъ. Между тѣмъ секретарь Велисарія, историкъ Прокопій, которому мы обязаны главнѣйшими свѣдѣніями о времени Юстиніана, организовалъ вмѣстѣ съ супругой Велисарія Антониной закупку хлѣба въ Кампаніи и собралъ до 500 человекъ изъ мѣстныхъ гарнизоновъ, чтобы доставить въ Римъ заготовленные запасы. Въ то же время, къ величайшему удовольствію Велисарія, въ Неаполь доставленъ значительный военный отрядъ въ 4800 человекъ, который нашелъ возможность добраться до Остіи и соединиться съ римскимъ ослабѣвшимъ гарнизономъ. Тогда Витигесъ понялъ, что продолжать осаду было бы безразсудствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, во время осады погибло болѣе 30 тысячъ готскаго войска и столько же выбыло изъ строя по случаю ранъ и болѣзней. Витигесъ послалъ къ Велисарію уполномоченныхъ договариваться о мирѣ. Онъ обѣщалъ уступку Сициліи и даже Кампаніи и уплату дани. Велисарій подалъ мысль довести до свѣдѣнія императора о предложеніяхъ готскаго короля, и на это время было заключено перемиріе. Описывая происходившіе между

готами и византійцами переговоры, Прокопій ¹⁾ въ такихъ выраженіяхъ передаетъ взглядъ на историческое право готскаго народа по отношенію къ Италіи. „Вы тяжко оскорбили насъ, Ромэи, несправедливо поднявъ оружіе на союзниковъ и друзей. Готы не силою отняли у ромэевъ Италію. Когда Одоакръ, свергнувъ императора, овладѣлъ этимъ государствомъ, восточный императоръ Зинонъ, желая наказать его и освободить эту страну, но находя себя безсильнымъ, убѣдилъ Θεодориха, нашего короля, который хотѣлъ уже осаждать Византію, примириться съ нимъ и отомстить Одоакру за всѣ его неправды, за что обѣщаль готамъ спокойное владѣніе Италіей. Согласно этому условію, овладѣвъ Италіей, мы сохранили законы и форму правленія, какъ это было при древнихъ императорахъ, и ни Θεодорихъ, ни его преемники не издавали никакихъ новыхъ законовъ. Что же касается богослуженія и вѣры, то мы такъ тщательно обезпечили римлянъ, что до сего дня ни одинъ итальянецъ, ни добровольно, ни принужденно не измѣнилъ своей вѣры, равно и готы, переходившіе въ другую вѣру, не подвергались преслѣдованію. Римскіе храмы пользовались отъ насъ высокимъ почетомъ, ибо никто изъ тѣхъ, которые искали въ нихъ убѣжища, не подвергался насилію. Всѣ государственныя должности находились въ рукахъ римлянъ, готы же не принимали участія въ управленіи. Можетъ ли кто сказать, что мы говоримъ неправду? Прибавимъ еще, готы позволили римлянамъ ежегодно имѣть консула по назначенію восточнаго императора. И что же? Вы враждуете теперь со своими защитниками! Оставьте же насъ въ покоѣ и унесите съ собою что захватили вы во время войны“. Велисарій отвѣтилъ, что императоръ Зинонъ никогда не уступалъ готамъ Италіи, что она должна быть возвращена прежнему господину. Послы просили, по крайней мѣрѣ, позволить имъ поселиться въ Сициліи, но Велисарій сдѣлалъ на это весьма любопытное замѣчаніе: „Мы, пожалуй, согласны уступить готамъ Британнію—страна большая, гораздо обширнѣе Сициліи: прежде она тоже была подчинена римлянамъ“ ²⁾. Велисарій не хотѣлъ даже слушать о ежегодной дани, требовалъ только одно—безусловнаго очищенія Италіи.

1) „De bello Goth.“, 11, 6, p. 168.

2) „De bello Goth.“, 11, 6, p. 171: Ἡμεῖς δὲ Γότθοις Βρεταννίαν ὅλην συγχωροῦμεν ἔχειν, μείζω τὸ παρὰ πολὺ Σικελίας οὖσαν καὶ Ῥωμαίων κατήκοον τὸ ἀνέκαθεν γεγενημένην.

Сошлись, наконецъ, на томъ, чтобы заключить перемиріе, пока можно будетъ войти въ переговоры съ самимъ императоромъ.

Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, пока шли сношенія съ Константинополемъ, Велисарій успѣлъ во многихъ отношеніяхъ измѣнить положеніе осажденнаго города. Прежде всего онъ нашелъ возможнымъ снабдить Римъ съѣстными припасами, затѣмъ моремъ доставлены были въ Остію вспомогательные отряды изъ Африки; словомъ, онъ воспользовался перемиріемъ для исправленія тѣхъ бѣдствій, какія нанесены были осадой. Между тѣмъ осаждавшее войско оставалось въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ въ смыслѣ доставки продовольствія, такъ какъ Велисарій командовалъ моремъ и постепенно отрѣзалъ готовъ отъ сношеній съ южной и сѣверной Италіей. Витигесъ заявлялъ неудовольствіе на предпріятія Велисарія, но послѣдній не обращалъ на это вниманія и искалъ лишь случая заставить готовъ нарушить весьма для нихъ невыгодное перемиріе. Наконецъ, весной 588 г. дѣйствительно произошло столкновеніе между готами и императорскимъ отрядомъ на пути отъ Рима къ Равеннѣ, гдѣ Іоаннъ, племянникъ знаменитаго Виталіана, нанесъ готамъ пораженіе и занялъ важные города Осимо и Римини. Это ставило короля Витигеса въ весьма опасное положеніе; черезъ нѣсколько времени до него дошли слухи, что королева Матасунѳа, находившаяся тогда въ Равеннѣ, вступила въ сношенія съ предводителемъ греческаго отряда. Тогда Витигесъ, послѣ стоянки подъ Римомъ одинъ годъ и девять мѣсяцевъ, принужденъ былъ въ мартѣ 538 г. снять осаду и идти на сѣверъ, чтобы попытаться отстоять, по крайней мѣрѣ, сѣверную Италію, гдѣ господство готовъ оставалось еще довольно прочнымъ.

Освободившись отъ осады, Велисарій получилъ возможность продолжать составленный имъ планъ освобожденія Италіи отъ готскаго господства. Какъ-разъ къ тому времени получено было извѣстіе изъ Милана, что достаточно будетъ отправить небольшой отрядъ, чтобы присоединить Лигурію къ имперскимъ владѣніямъ. Это открывало для Велисарія перспективу двинуться съ сѣвера и юга на центральныя области, занятая готами, и отнять у нихъ Равенну. Планъ казался тѣмъ болѣе легко осуществимымъ, что имперія владѣла морскими сношеніями, и что на помощь уже прибылъ съ вспомогательнымъ отрядомъ внухъ Нарсесъ и главнокомандующій Иллирикомъ (*magister militum*) Юстинъ. Правда, прибытіе Нарсеса, который

по занимаемому имъ положенію былъ не ниже Велисарія, измѣняло роль этого послѣдняго и было поводомъ къ недоразумѣніямъ между вождями. Между прочимъ разногласія между Велисаріемъ и Нарсесомъ касались самого плана военныхъ дѣйствій. Въ то время какъ, по мнѣнію Велисарія, слѣдовало предпринять движеніе съ сѣвера, и для этого необходимо было очистить Лигурію, Нарсесъ и часть вождей стояли за немедленную осаду Равенны. Въ теченіе 538 года Велисарій дѣйствительно началъ военныя дѣйствія на сѣверѣ, перешель черезъ По и овладѣлъ Миланомъ. Но это и было причиной снятія осады съ Рима и движенія готскаго отряда въ Лигурію, куда въ помощь готамъ прибыли бургунды, присланные франкскимъ королемъ Теодебертомъ. Небольшой византійскій гарнизонъ, осажденный въ Миланѣ, не могъ долго держаться и сдался на условіи свободнаго выхода изъ города. Но зато городъ испыталъ страшное разореніе. Раздраженные греки перебили въ немъ мужское населеніе, женщинъ отдали бургундскимъ союзникамъ и разрушили городскія укрѣпленія. Это обстоятельство заставило Юстиніана сознать свою ошибку въ назначеніи Нарсеса и возвратить главное командованіе Велисарію. Въ теченіе 539 г., когда Велисарію были развязаны руки вслѣдствіе отозванія Нарсеса, онъ занятъ былъ приготовленіями къ осадѣ Равенны, для чего предпринялъ походъ по адриатическому побережью съ цѣлью очистить отъ готовъ расположенные здѣсь города. Семь мѣсяцевъ осаждалъ онъ укрѣпленный городъ Осимо (Auximum), составлявшій ключъ къ Равеннѣ, и послѣ взятія этого города зачислилъ готскій гарнизонъ въ имперское войско. Въ концѣ этого года онъ могъ соединить свои силы подъ Равенной, гдѣ находился въ полномъ и непонятномъ бездѣйствіи король Витигесъ. Между тѣмъ король Теодебертъ не ограничился посылкой бургундскаго отряда, а предпринялъ лично походъ въ Италію съ стотысячнымъ войскомъ. Никто не зналъ намѣреній франкскаго короля: идетъ ли онъ въ качествѣ завоевателя, или союзника. Франки прежде всего напали по переправѣ черезъ По на готскій лагерь и заставили готовъ въ страхѣ бѣжать къ Равеннѣ. Византійскіе мелкіе отряды не могли оказать сопротивленія этимъ полудикимъ полчищамъ, отличавшимся необычнымъ вооруженіемъ и отчаянной храбростью. Но франкское войско не имѣло дисциплины и не въ состояніи было исполнить до конца предпринятаго королемъ дѣла. Насытившись военной добычей и сдѣлавшись

жертвой повальной болѣзни, которая истребила громадное число войска, франки скоро возвратились на родину, не измѣнивъ хода военныхъ дѣйствій и не оказавъ вліянія на судьбу готскаго народа.

Постепенно окружаемый имперскими войсками и потерявъ надежду на прибытіе новыхъ готскихъ отрядовъ на выручку Равенны, король Витигесъ рассчитывалъ еще на иноземное вмѣшательство. Такъ, онъ завязалъ сношенія съ лангобардами, занимавшими нынѣшнюю Венгрію, и просилъ у нихъ союза противъ имперіи, но на этотъ разъ безуспѣшно; настоящіе планы франкскаго короля пока еще не были извѣстны Витигесу, и онъ могъ ожидать отъ него вмѣшательства въ дѣла Италіи въ качествѣ друга и союзника готскаго народа. Но послы франкскаго короля, прибывшіе въ Равенну, предлагали союзъ подъ условіемъ уступки имъ половины Италіи; это была слишкомъ дорогая цѣна, притомъ за эту цѣну можно было получить миръ непосредственно отъ самого императора. Была и еще у готскаго короля одна, правда, довольно туманная, но широкая и обольстительная перспектива. Готы имѣли понятіе о взаимныхъ отношеніяхъ двухъ имперій на Востокѣ: византійской и персидской, и хорошо понимали, что Византія могла развивать военную дѣятельность на сѣверной и западной границѣхъ подъ условіемъ мира и спокойствія на персидской границѣ. Такимъ образомъ начавшіеся между Витигесомъ и царемъ Хозроемъ переговоры сильно безпокоили Юстиніана, который не могъ не отдавать себѣ отчета въ крайнихъ затрудненіяхъ, угрожавшихъ имперіи въ томъ случаѣ, если бы Хозрой нарушилъ миръ въ соглашеніи съ готами ¹⁾). Поэтому императоръ Юстиніанъ снизошелъ къ тому, чтобы милостиво выслушать готскихъ пословъ, уже два года томившихся ожиданіями въ Константинополѣ, и обѣщаль начать въ Италіи мирные переговоры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, уполномоченные императора сенаторы Домникъ и Максиминъ прибыли къ Равеннѣ съ порученіемъ заключить миръ. Витигесу предлагалось со стороны императора: 1) выдать половину королевскихъ сокровищъ въ вознагражденіе за военныя издержки, 2) уступить имперіи всю страну на югъ отъ рѣки По. Такимъ образомъ Витигесъ изъ самостоятельнаго государя обширной и богатой страны обращался въ скром-

1) Главный источникъ Procopius, „De bello Goth.“, 11, 28. Hartmann, „Gesch. Italiens im Mittelalter“. Gotha. 1897. I. S. 286, въ примѣчаніяхъ къ тексту подробныя указанія литературы.

наго владѣтеля небольшой области между франкской державой и имперіей и утрачивалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, право имѣть собственную внѣшнюю политику. Хотя эти условія были отяготительны, но Витигесъ долженъ былъ принять во вниманіе отчаянныя условія, въ какихъ онъ находился, и взвѣсить то обстоятельство, что по заключеніи мира онъ можетъ дать готамъ покой и свободу въ сѣверной Италіи и обдумать дальнѣйшія рѣшенія, — въ виду этихъ соображеній онъ долженъ былъ принять эти условія. Но дальнѣйшій ходъ событій зависѣлъ отъ неожиданно сложившихся совершенно непредвидѣнныхъ условій. Оказалось прежде всего необходимымъ, чтобы главнокомандующій подтвердилъ своей подписью мирныя условія; между тѣмъ Велисарій, питая увѣренность, что Италію можно обратить въ византійскую провинцію и принудить готовъ къ безусловной покорности, не захотѣлъ дать своего на это согласія ¹⁾. Въ свою очередь, изъ этого обстоятельства, когда оно огласилось между готами, возникли новыя осложненія. Между вождями готскими, бывшими въ Равеннѣ, уже было недовольство противъ короля Витигеса, который не оправдалъ надеждъ народа и велъ столь неудачно войну съ греками. Принятая на себя Велисаріемъ роль, въ которой онъ обнаружилъ несогласіе съ волей и желаніями императора, казалась готскимъ вождямъ и народу достаточной порукой за то, что онъ сумѣетъ гораздо лучше, чѣмъ ихъ король, повести ихъ къ побѣдамъ и къ славѣ. Словомъ, между готами созрѣла мысль предложить Велисарію корону и избрать его въ свои короли; эта мысль не встрѣчала возраженій и со стороны Витигеса, который готовъ былъ сложить съ себя власть. Нужно помнить, что Велисарій тогда осаждалъ Равенну, которая была доведена до крайней степени истощенія. По всей вѣроятности, Велисарій обѣщалъ свое согласіе на предложеніе готовъ ²⁾, которые предлагали ему титулъ „короля западнаго“. На такихъ условіяхъ была сдана Равенна въ 540 г. Но Велизарій не воспользовался сдѣланными ему предложеніями, а началъ приводить въ исполненіе статьи договора между имперіей и готами. При этомъ на первыхъ же порахъ оказались недоразумѣнія, которыя ставили подъ сомнѣніемъ приведеніе въ исполненіе мирныхъ условій. Велизарій былъ вызванъ

¹⁾ „De bello Goth.“, 11, 29 (p. 266): ἐπειδή τε οἱ πρέσβεις ἐκ Ῥαβέννης πρὸς αὐτὸν ἴκοντο, γράμμασιν οἰκείαις ἐπιρρῶσαι τὰς ξυνηθήκας ἤχιστα ἤθελεν.

²⁾ „De bello Goth.“, 11, 29 (p. 268): βασιλέα τῆς ἐσπερίας Βελισάριον ἀνειπεῖν ἔγνωσαν.

въ Константинополь, и готы считали себя обманутыми въ возлагаемыхъ на него надеждахъ. Между ними въ послѣднее время наибольшимъ значеніемъ пользовался Урайя, занимавшій Павію; къ нему обратились готскіе вожди съ предложеніемъ короны, но онъ отказался въ пользу Ильдивада, племянника Фейда, короля вестготовъ. Между тѣмъ Велизарій съ королемъ Витигесомъ и королевой и съ плѣнными знатными готами, имѣя съ собой королевскія сокровища, собирався съѣсть на суда, чтобы поднести императору вновь приобрѣтенную страну, плѣннаго короля и громадныя богатства. Со времени взятія Равенны Византія считала уже поконченнымъ вопросъ о готскомъ королевствѣ, но готскій народъ продолжалъ еще отчаянную борьбу за свою свободу и существованіе.

Прежде чѣмъ продолжать исторію войны съ готами, которая послѣ взятія Равенны получила совершенно новое направленіе и затянулась еще на 15 лѣтъ, бросимъ взглядъ на условія, въ какихъ эта война продолжалась цѣлое двадцатилѣтіе. Императоръ Юстиніанъ несомнѣнно не ожидалъ того упорнаго сопротивленія, которое встрѣтили въ Италіи его полководцы. Были періоды, когда онъ готовъ былъ совсѣмъ оставить дорого стоившее предпріятіе. Колебаніе военного счастья и упорная продолжительность готской войны объясняются двумя обстоятельствами: во-первыхъ, слабыми военными силами, которыя дѣйствовали противъ готовъ; во-вторыхъ, дурной администраціей тѣхъ городовъ, которые подпадали власти Византіи, почему римляне скоро начали раскаиваться въ сочувствіи къ византійцамъ. Въ какомъ положеніи былъ Велизарій, главнокомандующій всѣми войсками, видно изъ переписки его съ императоромъ. Когда, напри- мѣръ, Витигесъ осадилъ его въ Римѣ, у Велизарія было не болѣе 5000 войска; уже тогда римляне жаловались, что на такое громадное предпріятіе византійскій императоръ жалѣетъ войска. Извѣщая Юстиніана объ успѣхахъ готовъ, Велизарій писалъ ¹⁾: „я долженъ былъ оставить гарнизонъ въ Сициліи и Италіи, и со мной теперь всего осталось 5000. Непрiятелей же стоитъ противъ насъ 150000. Они обложили городъ, придвинули стѣнобитныя машины, и едва не взяли города штурмомъ, только счастье спасло насъ, и я не могу скрыть, что многое предстоитъ еще сдѣлать: мы

¹⁾ „De bello Goth.“, 1, 24, p. 114.

нуждаемся въ оружїи и въ войскѣ, безъ чего не можемъ вести дѣла съ такимъ непрїателемъ. Нельзя же всего довѣрять счастью, которое иногда и измѣняетъ. Мы потеряемъ и довѣріе римлянъ, которые могутъ усумниться въ надеждѣ на ваше величество. И того нельзя оставлять безъ вниманія, что Римъ не удержишь на долгое время однѣми военными силами, его еще нужно снабжать запасами. Я не ручаюсь за благорасположеніе римлянъ, если мы не предотвратимъ голода“. Велизарію пришлось еще много разъ писать такія письма, но императоръ какъ-будто совсѣмъ забылъ о немъ. Толпы сборщиковъ податей являлись изъ Византіи въ тѣ провинціи, которыя подпадали власти императора, и истощали населеніе непомерными поборами; шайки варваровъ, которыми не могъ пренебрегать Велизарій, немилосердно грабили друзей и враговъ императора. Между тѣмъ готы, подъ предводительствомъ народныхъ героевъ, выказывали болѣе снисходительности къ самимъ врагамъ; затянувшаяся надолго война поколебала, наконецъ, увѣренность римлянъ—останутся ли побѣдителями императорскіе полководцы, или готы. Римъ пять разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Въ 536—взятъ Велизаріемъ; въ 546—Тотилой; въ 547—Велизаріемъ; въ 549—Тотилой; въ 552—Нарсесомъ. Черезъ 10 лѣтъ Велизарій¹⁾ писалъ: „У насъ нѣтъ людей, лошадей, оружїя и денегъ, безъ чего, конечно, нельзя продолжать войны. Итальянскія войска состоятъ изъ неспособныхъ и трусовъ, которые боятся непрїателя, потому что много разъ были имъ разбиты. При видѣ врага они оставляютъ лошадей и бросаютъ на землю оружїе. Въ Италїи мнѣ не откуда доставать денегъ, она вся находится во власти враговъ. Задолжавъ войскамъ, я не могу поддерживать военнаго порядка: отсутствіе средствъ отнимаетъ у меня энергію и рѣшительность. Да будетъ извѣстно и то, что многіе изъ нашихъ перешли на сторону непрїателя. Если, государь, ты желалъ только отдѣлаться отъ Велизарія, то вотъ я дѣйствительно нахожусь теперь въ Италїи; если же ты желаешь покончить съ этой войной, то нужно бы позаботиться и еще кое о чемъ. Какой же я стратигъ, когда у меня нѣтъ военныхъ средствъ“!

Мы сказали, что во второй періодъ войны роли перемѣнились.

¹⁾ Procopii, „De bello Goth.“, III, 12, p. 325.

Теперь готы стали наступающей стороной, а греки должны были защищаться въ занятыхъ ими областяхъ къ югу отъ рѣки По. За отозваніемъ Велизарія, котораго предположено было отправить на востокъ противъ персовъ, въ Италіи военная и гражданская власть раздѣлена была между разными вождями: Бессой, Іоанномъ и Константіаномъ, при чемъ послѣдній получилъ въ свою власть Равенну и ея гарнизонъ. Отдѣльные вожди расположились съ подчиненными имъ дружинами по разнымъ областямъ и въ мирное время наводили страхъ на сельское населеніе грубыми насиліями, вымогательствами и грабежами. Частію на югъ отъ рѣки По, а главнымъ образомъ на сѣверъ, сосредоточивались небольшіе отряды готовъ; между прочимъ, около короля Ильдивада составилъ значительный корпусъ въ городѣ Тичино, къ нему стали скоро присоединяться и перебѣжчики изъ имперскихъ войскъ. Ильдивадъ сдѣлался народнымъ героемъ послѣ одержанной имъ побѣды надъ Виталиемъ, носившимъ званіе главнокомандующаго Иллирикомъ. Но его политическая роль была весьма кратковременна: онъ былъ убитъ во время пира своимъ оруженосцемъ. Положеніе вещей измѣнилось въ пользу готовъ тогда, когда въ королѣ былъ избранъ Тотила, родственникъ Ильдивада, который далъ обѣщаніе продолжать военный планъ погибшаго короля и чрезвычайно искусно воспользовался отсутствіемъ организациі и единства команды въ имперскихъ отрядахъ. Юстиніанъ, далеко не одобрявшій бездѣйствія своихъ генераловъ, послалъ имъ въ подкрѣпленіе отрядъ персидскихъ военноплѣнныхъ, присланныхъ Велизаріемъ, и требовалъ открытія военныхъ дѣйствій. Послѣ того какъ не удалась попытка овладѣть Вероной и императорское войско постыдно должно было снова возвратиться къ Равеннѣ, Тотила со всѣми силами, какія только онъ могъ собрать (5 тысячъ), сдѣлалъ нападеніе на главную часть греческаго войска и нанесъ ей такое пораженіе, что разбитый отрядъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ и за стѣнами укрѣпленныхъ городовъ. Скоро затѣмъ Тотила одержалъ еще новую побѣду близъ Флоренціи, и тогда съ очевидностью обнаружилось, что готскій король владѣетъ военнымъ искусствомъ, котораго недоставало императорскимъ полководцамъ. Военный планъ Тотилы, совершенно непонятый греками и смутившій ихъ, состоялъ въ томъ, чтобы, не предпринимая осады крѣпостей, овладѣть всѣми открытыми областями, изолировать греческіе гарнизоны, сидѣвшіе въ го-

родахъ, и лишить ихъ внѣшнихъ сношеній. Если случай или военная хитрость давала ему во владѣніе крѣпость, то онъ разрушалъ ея стѣны и сравнивалъ ее съ землей, дабы впослѣдствіи непріятель не нашелъ въ ней укрытія. Такъ, онъ перешелъ Апеннины, оставилъ въ сторонѣ Римъ и смѣло двинулся въ Кампанію. Взявъ Беневентъ и разрушивъ его, онъ подошелъ къ Неаполю и овладѣлъ имъ, несмотря на посланную изъ Константинополя помощь осажденному городу. Вся южная Италія перешла вновь подъ власть готскаго короля, который сталъ распоряжаться экономическими средствами страны въ пользу готскаго народа и возстановилъ его духъ, давъ ему надежды на лучшую судьбу въ ближайшемъ будущемъ. Въ высшей степени любопытно отмѣтить тотъ фактъ, что на сторону Тотилы стало большинство сельскаго населенія, и что его военныя средства постоянно увеличивались приливомъ добровольныхъ перебѣжчиковъ изъ имперскихъ отрядовъ. Отмѣчено изслѣдователями, кромѣ того, что Тотила весьма искусно использовалъ соціальное положеніе Италіи, подавъ руку рабамъ, крѣпостнымъ крестьянамъ и поддержавъ ихъ движеніе противъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые и въ политическомъ отношеніи болѣе склонялись къ императорской партіи, чѣмъ къ поддержанію готской власти. Такимъ образомъ, привлеченіемъ на свою сторону сельскаго крестьянскаго населенія и усиленіемъ военныхъ силъ бѣжавшими отъ господъ рабами Тотила могъ создать въ Италіи такой соціальный и политическій переворотъ, съ какимъ трудно было бы справиться спрятавшимся въ защищенные города имперскимъ отрядамъ ¹⁾).

Весной 543 г. сдался Тотилѣ Неаполь, хотя Юстиніанъ, вполне оцѣнивая громадное значеніе этого морскаго города, послалъ на помощь ему вспомогательный отрядъ и съѣстные припасы, которые, однако, достались побѣдителю. Съ этихъ поръ Тотила могъ считать себя господиномъ въ южной Италіи. Его планы и настроеніе того времени хорошо поясняютъ письма къ сенату и прокламаціи къ римскому населенію. Онъ обѣщаетъ сенату забвеніе его антиготской политики, если онъ соединить на будущее время національные интересы Италіи съ готско-королевскими. Прокламаціи его въ Римѣ разбрасывались неизвѣстными людьми и производили большое впе-

¹⁾ Procop. III, 6, 9—13 (p. 301, 312, 327).

чатлѣніе. Когда императоръ получилъ донесеніе о ходѣ дѣлъ въ Италіи, онъ рѣшилъ послать сюда снова того полководца, который уже ранѣе прославилъ себя военными успѣхами въ Италіи и который въ настоящее время, будучи вызванъ съ Востока, находился не у дѣлъ. Хотя Юстиніанъ не вполне довѣрялъ Велисарію, но такъ какъ положеніе въ Италіи было въ высшей степени серьезное, то онъ назначилъ его снова главнокомандующимъ для войны съ готами. Выше мы привели часть письма, отправленнаго Велисаріемъ къ императору, въ которомъ рисуется чрезвычайно яркими чертами странная небрежность императора по отношенію къ знаменитому полководцу. Къ 545 г. опасность угрожала Риму, куда Тотила стягивалъ свои силы, и гдѣ находилось для защиты огромнаго города не больше 3000 воиновъ подъ предводительствомъ Бесса. Велисарію предстояло, во что бы то ни стало, выручить осажденный городъ, въ которомъ скоро обнаружился недостатокъ продовольствія. Съ крайними затрудненіями ему удалось собрать небольшую дружину въ Далмаціи и доставить ее на корабляхъ въ Остію, но его смѣлый планъ пробраться въ Римъ по Тибру и доставить въ городъ съѣстные припасы не удался вслѣдствіе ошибокъ подчиненныхъ ему вождей. Велисарій долженъ былъ предоставить Римъ его собственной судьбѣ, а 17 декабря 546 г. Тотила вошелъ въ Римъ почти безъ сопротивленія. Хотя Тотила предложилъ императору приступить къ переговорамъ о мирѣ, но въ Византіи были далеки отъ этой мысли, относясь къ Тотилѣ какъ къ бунтовщику и требуя безусловнаго подчиненія. Тотила не могъ долго оставаться въ Римѣ, такъ какъ греки начали въ это время брать перевѣсъ въ южной Италіи; онъ принялъ-было рѣшеніе срыть стѣны города Рима и опустошить его, чтобы лишить Велисарія возможности найти въ немъ защиту, но его остановила мысль о почтенной древности города и національномъ его значеніи. Взявъ съ собой въ заложники нѣкоторыхъ сенаторовъ и городскихъ нобилей, Тотила оставилъ Римъ почти опустѣлымъ и отправился въ южную Италію. Велисарій воспользовался этимъ и, занявъ Римъ, успѣшилъ частью исправить, частью возстановить его укрѣпленія; чтобы упрочить свое положеніе и побудить Юстиніана дать больше средствъ на итальянскую войну, онъ послалъ ему ключи отъ города и привѣтствовалъ съ достигнутымъ безъ большихъ жертвъ важнымъ успѣхомъ. Несомнѣнно, что владѣніе Римомъ обезпечивало за Велисаріемъ и даль-

нѣйшіе успѣхи, но подозрительный Юстиніанъ не давалъ ему денегъ и не посылалъ ему его собственной, преданной ему храброй дружины, которая оставалась въ Константинополѣ. При такихъ обстоятельствахъ Велисарій заявилъ желаніе возвратиться въ столицу, и ему дано было разрѣшеніе вновь покинуть Италію. Несмотря на значительные успѣхи, какіе были достигнуты Тотилою по удаленіи Велисарія на всемъ театрѣ военныхъ дѣйствій, все же слѣдуетъ сказать, что исходъ войны явно склонялся не въ пользу готовъ. Въ 549—550 г. Тотила, овладѣвъ снова Римомъ, пытался возстановить въ немъ обычную городскую жизнь: снабдилъ его хлѣбомъ, сталъ давать представленія въ циркѣ, призвалъ въ городъ разбѣжавшихся сенаторовъ и торговыхъ людей. Въ то же время, имѣя въ своемъ распоряженіи достаточно судовъ, онъ направилъ въ южную Италію военные отряды и вытѣснилъ грековъ изъ Тарента и Регіума. Не ограничиваясь этимъ, онъ простиралъ морскія экспедиціи на острова Сицилію, Сардинію и Корсику.

Наконецъ, Юстиніану наскучила безнадежно затянувшаяся итальянская война. Онъ рѣшился послать въ Италію и новыхъ военачальниковъ и новыя войска. Выборъ его остановился на патрикии Германѣ. Это былъ чрезвычайно популярный въ имперіи человекъ, не говоря уже о томъ, что, какъ племянникъ царицы Теодоры, онъ могъ пользоваться большимъ вліяніемъ при дворѣ. Поручить ему окончаніе готской войны, можетъ-быть, побуждало Юстиніана и то соображеніе, что за Германомъ была въ замужествѣ Матасунѳа, внучка короля Теодориха, и что съ этимъ именемъ для готовъ соединялись дорогія національныя воспоминанія. Но Германа постигла неожиданная смерть, прежде чѣмъ онъ принялъ новое назначеніе. Въ 551 г. назначенъ былъ въ Италію внучъ Нарсесъ, который выговорилъ отъ императора обѣщаніе, что ему не будетъ отказано въ необходимыхъ на веденіе войны средствахъ. Хотя король Тотила и, по его смерти (552 г.), полководецъ его Тейя оказывали геройское сопротивленіе и пользовались всѣми средствами, чтобы отстоять свободу оставшейся отъ продолжительной войны горсти готскаго народа, но Юстиніанъ не хотѣлъ вступить съ ними ни въ какія соглашенія. По словамъ Прокопія, разъ послы Тотилы говорили Юстиніану: „Италія опустошена войной и лишена мирнаго населенія и частью завоевана франками. Только двѣ провинціи—Сицилія и Далмація—еще могутъ

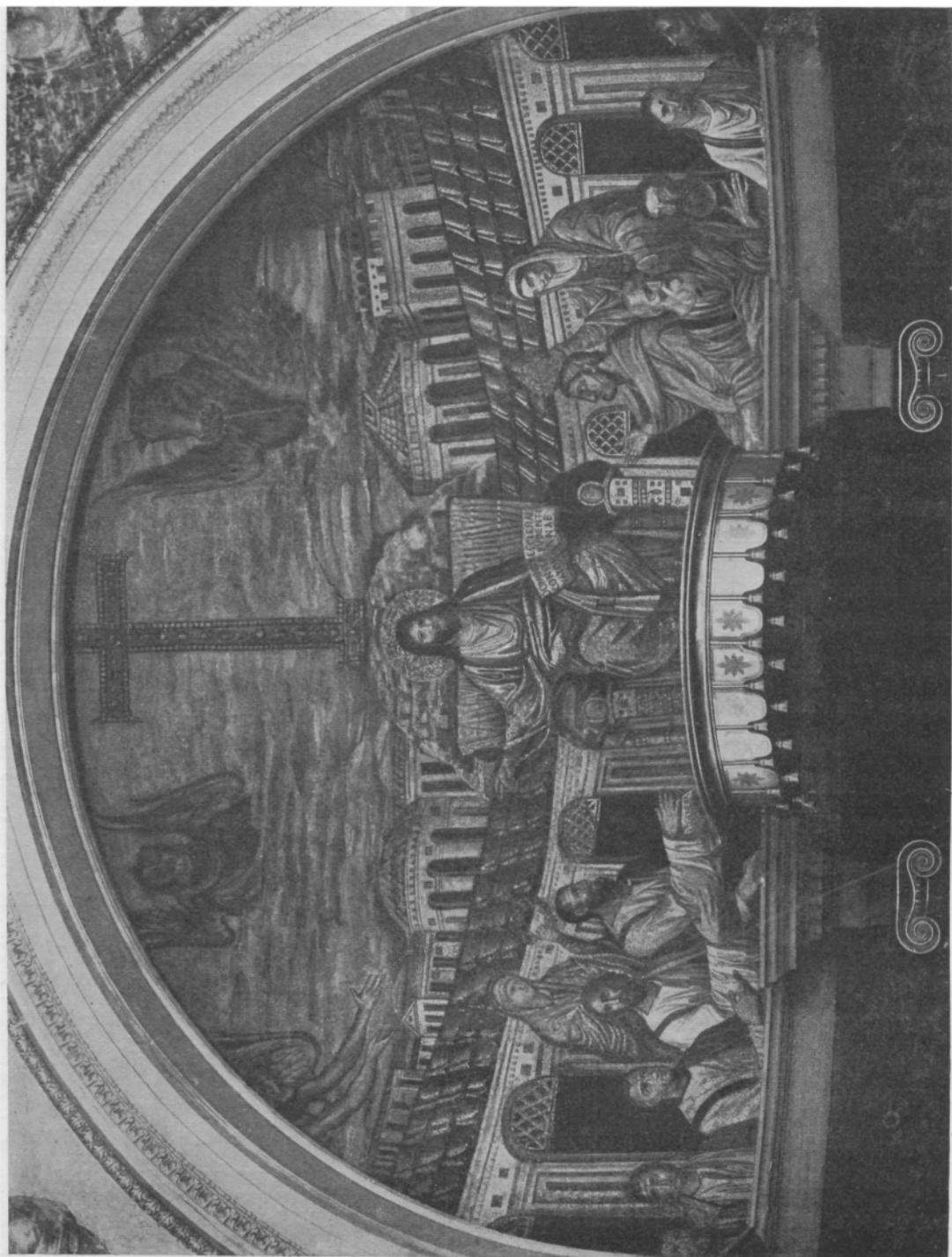

Рис. 54. Христосъ съ апостолами и мученицами. Церковь св. Пуленцианы въ Римѣ.

быть предметомъ спора, возьмите ихъ себѣ и оставьте намъ опустошенную страну. Мы обѣщаемъ платить дань и доставлять вспомогательный отрядъ на всякую войну императора“.—Но императоръ не хотѣлъ и слушать пословъ, ему было ненавистно самое имя готскаго народа. Снабженный достаточными военными средствами, Нарсесъ окончилъ подчиненіе Италіи въ 555 году.

По окончаніи войны Италія представляла весьма жалкій видъ опустошенія и одичалости. Частная собственность погибла во время осадъ городовъ, отъ военныхъ набѣговъ и поборовъ, вымогательства и грабежей военной вольницы. Страна была покрыта трупами и развалинами. Голодъ и моровая язва цѣлая области обратили въ пустыню. Современный лѣтописецъ выражается: „отъ времени консула Василія до Нарсеса римскіе провинціалы совсѣмъ уничтожены“, а папа Пелагій писалъ: „итальянскія помѣстья такъ опустошены, что нѣтъ возможности возстановить ихъ“¹⁾.

Прокопій пытался-было опредѣлить число жертвъ войны, но нашель, что легче перечислить песокъ морской, чѣмъ число смертей отъ „этого демона, принявшаго челоуѣковидный образъ“²⁾. Знатные роды въ провинціальныхъ городахъ, въ особенности въ Римѣ, были, за немногими исключеніями, уничтожены. Временный побѣдитель, былъ ли это готь, или византіецъ, бралъ въ заложники младшихъ членовъ лучшихъ родовъ и, когда военное счастье переходило на сторону врага, немилосердно убиваль заложниковъ. Оттого послѣ готской войны на мѣсто прежней разоренной и погубленной аристократіи, во главѣ городского населенія организуется новая, не имѣвшая тѣхъ родовыхъ историческихъ преданій, какія еще были сильны, напр., у Бозція и Симмаха. Среди новообразующейся аристократіи римскій епископъ занялъ по праву почетнѣйшее мѣсто какъ хранитель преданій и блюститель народныхъ интересовъ (рис. 54).

На первыхъ же порахъ послѣ подчиненія итальянцы почувствовали всѣ невыгоды политической перемѣны. Уже евнухъ Нарсесъ, первый намѣстникъ Италіи, подаль поводъ къ жалобамъ³⁾: „римлянамъ гораздо лучше было при готахъ, чѣмъ подъ господствомъ грековъ; евнухъ Нарсесъ держитъ насъ въ самомъ гнетущемъ

1) Hartmann, I. S. 405. Anm. 4; ср. Прокопій „De bello Gothico“, II, с. 20.

2) Hist. Arc., 18 (p. 106).

3) Pauli Diaconi, II, с. 5; жалоба обращена къ имп. Юстину II и его супругѣ Софіи.

рабствѣ; освободи насъ отъ его руки, либо въ противномъ случаѣ мы передадимся чужеземному народу“. Въ 554 г. Юстиніанъ издалъ для Италіи законъ¹⁾, подъ именемъ *Pragmatica sanctio*, которымъ формулировалъ политическія и гражданскія отношенія новыхъ подданныхъ. Изъ этого законодательства видно, что Юстиніанъ смотрѣлъ на Италію какъ на провинцію, которая ничѣмъ не должна отличаться въ своемъ устройствѣ отъ другихъ византійскихъ провинцій; поэтому общее законодательство имперіи и впредь имѣвшія выходить новеллы признавались обязательными также и въ Италіи²⁾. Существенныя черты Прагматической санкціи заключаются въ слѣдующемъ: въ ней проведено полное отдѣленіе гражданской и военной власти. Византійское войско имѣло гарнизоны по городамъ и подчинено особымъ *tribuni* и *duces*, римское городовое и сельское населеніе осталось подъ управленіемъ гражданскихъ чиновниковъ, *praesides* или *iudices*. Любопытное отступленіе отъ порядковъ, существовавшихъ въ имперіи, состояло въ томъ, что итальянцы сами выбирали себѣ чиновниковъ и непременно изъ той же провинціи и изъ жителей того же города. Далѣе, прагматическая санкція возстановила нарушенныя войной личныя и имущественныя права, при чемъ съ особенной выразительностью приняты Юстиніаномъ всѣ акты Аталариха, Амаласуней и Θεодата, и лишены силы распоряженія тирана Тотилы. Готскія *sortes*, вѣроятно, снова отошли къ прежнимъ владѣльцамъ и потомкамъ ихъ, а можетъ-быть, сдѣлались фискальнымъ имуществомъ. Важнѣйшая же для насъ сторона этого закона—о городовомъ устройствѣ и о правахъ римскаго епископа и духовенства. Муниципальное устройство признано господствующимъ и въ Италіи. Юстиніанъ пытался даже возстановить жалкій видъ куріи; но его новеллы, какъ и законоположенія императоровъ V вѣка, не достигали цѣли и могутъ лишь служить матеріаломъ для ознакомленія съ безпомощнымъ состояніемъ куріи, потому что муниципальные чины и члены куріи были подавлены ограниченіями и отвѣтственностью³⁾. Изъ новеллъ Юсти-

¹⁾ Zachariae a Lingenthal, „Iustiniani novellae Constitutiones“ („Bibl. Teubneriana“), CLXIV, p. 354 (a. 554).

²⁾ Pragmat. c. XI: „Iura vel leges Codicibus nostris insertas, quas in Italiam dudum misimus, obtinere sancimus... ut una deo volente facta republica legum etiam nostrarum ubique prolatetur auctoritas“.

³⁾ Hartmann, „Untersuchungen zur Gesch. der byzantin. Verwaltung“, Leipzig, 1889, S. 46, 150.

ніана видимъ, что курія сдѣлалась предметомъ ненависти, куріалы охотно спускаютъ за безцѣнокъ имущества, чтобы не оставлять куріи законной четверти изъ своего состоянія, избѣгаютъ законныхъ браковъ, чтобы не оставить потомства въ куріи. Правительство видѣло одно средство поддержать это учрежденіе — въ принудительныхъ мѣрахъ. Только лица, занимавшія высшія государственныя должности, освобождаемы были отъ службы въ куріи; прежде владѣлецъ могъ самовольно распоряжаться тремя четвертями своего имущества, Юстиніанъ ограничилъ это право одной четвертью, все же остальное переходило въ куріальную собственность. Нѣкоторые роды проступковъ карались зачисленіемъ виновнаго въ курію. Муниципальный магистратъ, конечно, долженъ былъ отступить на задній планъ, его замѣняютъ въ судебныхъ дѣлахъ *defensores*, въ дѣлахъ городского хозяйства *Pater civitatis* (можетъ-быть, то же, что *Curator*), тотъ и другой утверждались въ своихъ званіяхъ императоромъ.

Но важнѣйшимъ лицомъ въ городѣ, вліяніе котораго простиралось на управление, судъ и полицію, былъ городской епископъ. Святѣйшій епископъ города, говоритъ одна новелла ¹⁾, избираетъ городскихъ правителей (*patrem civitatis... administratores*); по истеченіи каждаго года св. епископъ съ пятью почетнѣйшими гражданами требуетъ отчета отъ этихъ администраторовъ, т.-е. подъ ближайшій надзоръ мѣстнаго епископа постановлены были администрація и доходы городовъ; ему же подлежить надзоръ и за нравственностью населенія. Излишне было бы говорить, что Юстиніанъ далъ епископамъ небывалыя полномочія, что его законъ пролагалъ епископамъ широкую дорогу къ свѣтской власти. Влія на выборы мѣстныхъ чиновниковъ, располагая правомъ во всякое время обвинить ихъ въ преступленіи, епископъ, конечно, скоро долженъ былъ сдѣлаться полнымъ хозяиномъ въ городѣ, въ особенности въ удаленной отъ центральной власти Италіи, въ особенности, когда нѣкоторые города въ теченіе долгихъ лѣтъ лишены были возможности сносятся съ центральнымъ правительствомъ.

Хотя война въ Италіи была закончена и готы не представляли уже даже на сѣверъ отъ рѣки По такой матеріальной силы, съ которой византійское правительство считало бы нужнымъ про-

¹⁾ Nov. 128, с. 16.

должать борьбу, тѣмъ не менѣе, предстояла еще серьезная организаціонная работа по устройству новой провинціи. Въ особенности въ сѣверной Италіи нужно было считаться съ притязаніями франкскихъ королей, которые во время военнаго періода не разъ дѣлали походы въ Италію и постепенно распространяли свою власть на принадлежавшія готамъ области. Установить на сѣверѣ государственную границу имперіи представлялось затруднительнымъ и въ томъ отношеніи, что по замиреніи Италіи здѣсь продолжались нѣкоторое время военныя дѣйствія близъ Вероны и Брешии, послѣ занятія которыхъ императорскими войсками граница доходила здѣсь до Альповъ. Назначенный съ обширными полномочіями для покоренія готовъ Нарсесъ оставался въ Италіи приблизительно до 568 г., и ему принадлежать всѣ мѣропріятія по устройенію новой провинціи. Хотя у нѣкоторыхъ писателей ему усвоится наименованіе эксарха, но фактически при немъ Италія не получила еще окончательнаго устройства и не подведена подъ рангъ провинцій съ именемъ эксархіи.

Въ первый разъ титулъ эксарха упоминается въ письмѣ папы Пелагія II отъ 584 г. и прилагается къ патрицію Децію, имѣвшему свое пребываніе въ Равеннѣ. Нарсесъ въ системѣ устройенія Италіи руководился обычными приѣмами римской политики. Первая и важнѣйшая задача сосредоточивалась на охранѣ границъ, для чего предстояло организовать пограничныя отряды—*limitanei*, съ необходимымъ числомъ военныхъ укрѣпленій, подчиненныхъ дукамъ и трибунамъ. Эти пограничныя отряды составлялись изъ мѣстнаго населенія или изъ военныхъ людей, принимавшихъ участіе въ завоеваніи данной области, и были надѣлены земельными участками, съ которыхъ они и несли военную службу. Эта система перешла отъ Рима къ Византіи и держалась въ имперіи почти до турецкаго завоеванія. Хотя границы провинціи Италіи по окончаніи готской войны недолго оставались въ тѣхъ предѣлахъ, которые установлены были Нарсесомъ, будучи нарушены лангобардскимъ вторженіемъ, тѣмъ не менѣе, намъ необходимо теперь же остановиться на нѣкоторыхъ географическихъ подробностяхъ съ цѣлью выясненія границъ эксархата. Византійская провинція на сѣверо-западѣ обнимала часть древней Лигуріи, ея граница направлялась отъ Генуэзскаго залива къ франкскому королевству. Во владѣннй имперіи здѣсь были города: Вентимилья, Албенга (въ Провансѣ), Генуя. На сѣверѣ границы им-

періи шли по Альпамъ, Миланъ былъ здѣсь главнымъ городомъ имперіи. На сѣверо-востокѣ пограничная линія была организована устройствомъ Фріульской марки, гдѣ укрѣпленіе *castrum Julium* или Фріуль составляло центръ военнаго господства надъ областями, населенными беспокойными и частью варварскими племенами. Защита этой области была ввѣрена предводителю геруловъ Сандалу, его власть простиралась на сѣверо-востокѣ до Дравы. Военная власть въ пограничныхъ областяхъ была значительно усилена еще Нарсесомъ и вручена не дукамъ, а генераламъ съ титуломъ *magister militum*. По Адриатикѣ отдѣльныя управленія сосредоточивались въ дукагѣ Венеціи и въ Истріи. Здѣсь при началѣ лангобардскаго завоеванія былъ построенъ городъ Юстинополь или Капо д'Истрія. Большая или меньшая устойчивость византійскаго господства въ Венеціи и Истріи зависѣла отъ того, на сколько твердо было положеніе имперіи въ Далмаціи, гдѣ была стоянка флота, и откуда можно было во всякое время послать вспоможеніе въ угрожаемая непріателемъ мѣста Венеціи и Истріи¹⁾. Такъ какъ лангобардское движеніе въ Италію снова приведетъ насъ на сѣверо-восточныя границы провинціи Италіи, то, не останавливаясь далѣе на затронутыхъ вопросахъ, ограничимся въ заключеніе этой главы выясненіемъ новой роли, которая выпала вмѣстѣ съ завершеніемъ разсмотрѣннаго политическаго переворота на долю Равенны. Этому городу суждено было на долгое время перенести на себя центръ политическаго и административнаго строя Италіи и стать соперникомъ старой столицы римской имперіи, гордаго своими старыми традиціями Рима. И прежде всего скромный епископъ Равенны послѣ того, какъ въ этомъ городѣ назначено было пребываніе императорскаго намѣстника, патрикія и эксарха, со всѣми подчиненными ему военными и гражданскими чинами и управленіями, постепенно выросъ въ своемъ значеніи и авторитетѣ совершенно по тѣмъ же мотивамъ, которые обусловили возвышеніе епископа Константинополя послѣ перенесенія сюда столицы имперіи. Епископъ Равенны по необходимости сдѣлался духовнымъ совѣтникомъ императорскаго намѣстника и воспользовался своимъ вліяніемъ въ интересахъ своей церкви. Въ то же время онъ сталъ вѣрнымъ слугою императора и являлся проводникомъ византійскихъ церков-

¹⁾ Diehl, „Études sur l'administr. byzantine dans l'Exarchat de Ravenne“, p. 43—46.

Рис. 55. Каедрa епископа Максиміана въ церкви св. Виталія.

ныхъ взглядовъ въ Италіи. За свои заслуги епископъ Равенны пользовался милостями царя и увеличилъ доходы своей церкви до громаднхъ размѣровъ. Ему принадлежали обширныя земельныя пожалованія въ разныхъ частяхъ Италіи и въ Сициліи. Сохранившіеся фрагменты имущественныхъ актовъ равеннской архіепископіи¹⁾ могутъ свидѣтельствовать, до какихъ большихъ суммъ доходили земельная подать и арендная плата въ пользу этой церкви особенно со времени окончанія войны съ готами. Равеннскіе архіепископы начинаютъ съ этихъ поръ украшать свой каедральный городъ великолѣпными и съ большими издержками соединенными церковными постройками (рис. 55). Лучшіе мастера были приглашаемы изъ Константинополя и другихъ восточныхъ городовъ, чтобы придать этимъ постройкамъ блескъ тогдашняго искусства. Великолѣпныя мозаичныя работы, съ точки зрѣнія исторіи искусства составляющія драгоцѣнный памятникъ, относятся именно къ этому времени политическаго и матеріальнаго возвышенія города Равенны. Таковы обѣ всемірной извѣстности базилики: Санъ Витале и Санъ Аполлинаре in Classe, начало постройки которыхъ относится еще къ готскому періоду. Богатые банкиры города состязались съ епископами въ благородной ревности къ художественнымъ произведеніямъ и къ поощренію мастеровъ. Изображенія Юстиніана и Феодоры въ царскихъ облаченіяхъ въ сопровожденіи придворныхъ чиновъ обоого пола въ базиликѣ Санъ Витале и другія художественныя произведенія Равенны, сохранившіяся по настоящее время, составляютъ лучшее изъ того, что древность сберегла отъ переходной эпохи изъ классическаго искусства къ византійскому. Рядомъ съ равеннскими мозаиками могутъ стоять лишь тѣ, которыя недавно открыты въ Солуни, въ древней базиликѣ св. Димитрія, нынѣ мечети Кассиміэ.

Итальянская война приходила уже къ концу, всколыхнувъ своими роковыми для остготскаго народа послѣдствіями весь тогдашній европейскій міръ. Хотя прямыхъ сношеній съ вестготами, занимавшими тогда береговую полосу между Роной и Пиренеями (Септимація), Испанію и нѣкоторыя мѣстности за Гибралтарскимъ проливомъ, у имперіи не могло быть, но безграничныя притязанія Юстиніана простирались на всѣ области, бывшія когда-либо подъ властью рим-

¹⁾ Hartmann, „Untersuchungen zur Gesch. der byzantin. Verwaltung in Italien“. S. 86, 87, 169.

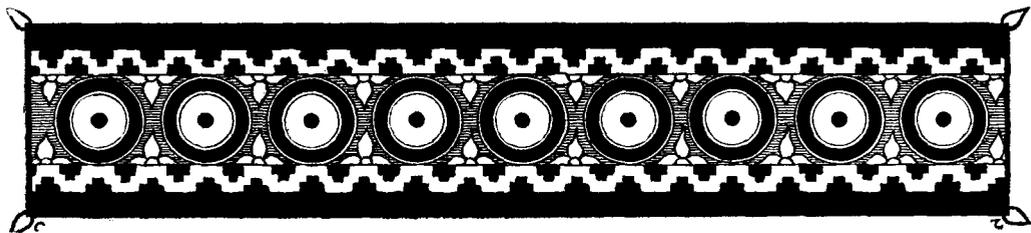
скихъ императоровъ. Съ точки зрѣнія императора всѣ владѣтели народовъ въ предѣлахъ прежней имперіи должны признавать въ немъ своего верховнаго господина. Какъ защитникъ христіанской церкви и единственный блюститель истины, онъ признавалъ за собой обязанности по отношенію къ невѣрнымъ и иновѣрнымъ. Онъ обладаетъ миссіей вездѣ распространять знаніе истинной вѣры, а какъ весь міръ долженъ принадлежать царству Божію, то по божественному праву вся земля подчинена императору. У Евсевія находимъ слѣдующую формулу для идеи универсальной имперіи ¹⁾. „Было время, когда міръ былъ раздѣленъ по народамъ и областямъ на огромное множество владѣній, тиранній и княженій: отсюда постоянныя войны съ грабежами и хищеніями. Это раздѣленіе основывалось и на различіи божествъ, почитаемыхъ въ разныхъ странахъ. Нынѣ же, когда крестъ, орудіе спасенія и трофей побѣды, явился на землѣ, дѣло демоновъ, т. е. ложные боги, распалось прахомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, окончилась пора тиранній, княженій и республикъ. Одинъ Богъ владычествуетъ всѣми, одна имперія для обладанія всѣми народами. Въ одно и то же время по небесному изволенію появились два ростка, которые поднялись надъ землею и покрыли своей тѣнью весь міръ— это римская имперія и христіанская вѣра, предназначенныя соединить въ своихъ нѣдрахъ весь родъ человѣческій въ вѣчномъ единеніи. Уже греки, варвары и народы, обитающіе въ самыхъ отдаленныхъ странахъ, услышали голосъ истины, но этимъ не оканчивается область завоеваній. Область распространенія ея господства идетъ до предѣловъ земли. Весь міръ составитъ одну націю, всѣ люди соединятся въ одну семью подъ общимъ скипетромъ“. Соединить цѣлый міръ въ императорскомъ и христіанскомъ единствѣ— такова безграничная перспектива, открывавшаяся передъ императорскимъ честолюбіемъ и находившаяся въ согласіи съ вѣрованіями и настроеніями современниковъ Юстиніана ²⁾.

Еще въ 534 г. Велисарій вытѣснилъ вестготовъ изъ Африки, отнявъ у нихъ крѣпость Септъ или Сеитъ. Во время итальянской войны вестготы пытались подать помощь своимъ сородичамъ въ Италіи, чѣмъ, конечно, должны были вызвать къ себѣ нерасположе-

1) „Vita Constant.“ 1. 8, II. 19; „De laud. Const.“, с. 16.

2) Diehl, „Iustinien et la civilisation Byzantine“, p. 131.

ніе императора. Ко времени окончательнаго подчиненія Италіи у вестготовъ возникли раздоры, обострившіеся, между прочимъ, на религиозной почвѣ. Мѣстное католическое духовенство и туземное населеніе романскаго происхожденія не могли мириться съ аріанами-вестготами, вслѣдствіе чего между тѣми и другими происходила упорная борьба, не допускавшая, на примѣръ, общенія браками. Со времени короля Тейда столица была перенесена въ Испанію, и Толедо сдѣлался главнымъ городомъ королевства. При немъ же предпринята была военная экспедиція въ Африку съ цѣлью облегчить готамъ борьбу съ имперіей въ Италіи, но подъ Септомъ вестготы потерпѣли поражение. Въ періодъ завершенія итальянской войны въ Испаніи происходила смѣна лицъ, носившихъ королевскій титулъ, и внутренніе раздоры. Противъ короля Агилы возсталъ вождь Аэанагильдъ, послѣдній выставилъ мотивомъ борьбы религиозную политику, привлекъ на свою сторону мѣстныхъ католиковъ и просилъ помощи у Юстиніана. Такъ какъ вмѣшательство въ испанскія дѣла соотвѣтствовало притязаніямъ императора на мірообладаніе, то онъ приказалъ патрикію Либерію, командовавшему морскими судами, идти въ Испанію и оказать содѣйствіе Аэанагильду. Агилъ было нанесено поражение, и онъ былъ убитъ. Либерій успѣлъ захватить нѣсколько городовъ въ южной Испаніи и утвердить здѣсь византійское господство. Хотя Аэанагильдъ, избранный королемъ (554—567), скоро понялъ угрожающую опасность отъ вмѣшательства имперіи въ испанскія дѣла и оказалъ греческому отряду сопротивление, тѣмъ не менѣе Малага, Кордова и др. города остались подъ властью Византіи. Такимъ образомъ, вслѣдствіе этихъ походовъ на отдаленный юго-западъ, имперія расширилась новыми завоеваніями. Кромѣ острововъ Сардиніи, Корсики и Балеарскихъ, къ имперіи была присоединена часть Испаніи и западной Африки. Но это были послѣднія завоевательныя предпріятія Юстиніана.

глава III.

СЪВЕРО-ЗАПАДНАЯ ГРАНИЦА ИМПЕРИИ. ПОЯВЛЕНИЕ СЛАВЯНЪ НА ДУНАѢ. УТВЕРЖДЕНИЕ АВАРЪ ВЪ ПАННОНИИ И ВЕНГРИИ.

Во времени вступленія на престоль Юстиніана еще не закончился процессъ великаго передвиженія народовъ, сѣверная и сѣверо-западная границы Византійской имперіи продолжали еще внушать серіозныя опасенія въ виду появленія новыхъ варварскихъ народовъ различнаго происхожденія, которые, не поддаваясь никакимъ мѣрамъ византійской политики, неудержимо напирали на границу и дѣлали постоянныя вторженія въ предѣлы имперіи. Въ самомъ началѣ VI в. Анастасій принужденъ былъ защитить ближайшія окрестности Константинополя, проведя громадное сооруженіе между Чернымъ и Мраморнымъ морями на разстояніи приблизительно 40 верстъ отъ Константинополя (линія Дерконъ-Силиврія). Но это сооруженіе, извѣстное подъ названіемъ Длинныхъ стѣнъ и изумительное по примѣненію къ нему громадныхъ силъ и средствъ, не достигало цѣли и не всегда останавливало смѣлаго и отважнаго врага, который прорывался черезъ стѣны и нерѣдко опустошалъ предмѣстья столицы. Имперія нуждалась для своей защиты и благополучія въ живомъ и разумномъ инвентарѣ, котораго недоставало при громадныхъ по протяженію границахъ и при неимовѣрныхъ притязаніяхъ императора. Съ теченіемъ времени найдено было возможнымъ привлекать на военную службу или цѣлые народы, уступая имъ земли для поселенія, или отдѣльныя дружины военныхъ людей, платя жалованье предводителямъ ихъ. Эта система, при всѣхъ ея хорошо сознаваемыхъ правительствомъ невыгодахъ и часто опасностяхъ, господствовала въ имперіи въ занимающій насъ періодъ какъ наименьшее изъ золъ и создавала на границахъ цѣлую сѣть

чуждыхъ народностей, которыя стояли съ ней въ разнообразныхъ отношеніяхъ и имѣли уже въ границахъ Византійскаго государства своихъ сородичей или въ качествѣ федератовъ, или колонистовъ, вступившихъ въ подданство императора. Давно уже дознано, что Византійская имперія безсознательно исполняла роль культурнаго посредника между новыми народами и противъ своего желанія втягивала ихъ не только въ сферу культурныхъ условій жизни, но и въ культурныя провинціи имперіи.

Однимъ изъ болѣе рѣзкихъ наблюденій, выведенныхъ изъ фактовъ предыдущей главы, несомнѣнно нужно признать поразительную слабость военныхъ силъ, какими располагали полководцы Юстиніана на западныхъ окраинахъ имперіи. И при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ вниманія, что африканская война ведена была при участіи наемныхъ дружинъ, а въ итальянской туземныя византійскія войска были въ меньшинствѣ, главные же контингенты получались съ сѣверо-западной границы отъ франковъ, лангобардовъ, геруловъ и славянъ. Эта граница при Юстиніанѣ представляла весьма серьезную опасность, которая и была имъ вполне оцѣнена, если принимать въ соображеніе громадныя денежныя средства, употребленныя имъ на возобновленіе старыхъ и постройку новыхъ крѣпостей на сѣверной границѣ и въ частности на Дунаѣ. Но, имѣя въ виду громадную важности событія, которыя подготовлялись въ царствованіе Юстиніана, и которыя къ концу VI вѣка, несмотря на построенныя имъ укрѣпленія, стали безповоротно совершившимся фактомъ, мы должны заключить, что его политика въ этомъ отношеніи не соотвѣтствовала реальнымъ потребностямъ того времени.

Нижнее и среднее теченіе Дуная приблизительно до устьевъ Тиссы или нынѣшняго Бѣлграда продолжало служить номинальной сѣверной границей имперіи, хотя фактически власть императора на Дунаѣ была уже значительно поколеблена, и небольшіе византійскіе гарнизоны держались лишь въ немногихъ городахъ. Фактически на Дунаѣ власть принадлежала тогда народамъ германскаго и славянскаго происхожденія, можно даже сказать, что защита сѣверной границы болѣе зависѣла отъ варваровъ, чѣмъ отъ имперскаго войска. Принимая положеніе Бѣлграда какъ конечный предѣлъ владѣній Византіи на сѣверо-западѣ, мы легко отмѣтимъ западную границу, проведя линію до Котора или по раздѣльной линіи нынѣшней Сербіи

и Черногоріи и Босніи. Вся Далмація потеряна была въ концѣ V вѣка и принадлежала тогда къ остъ-готскому королевству, а сѣверныя земли выше Бѣлграда принадлежали варварамъ. Въ концѣ V в. Θεодорихъ на своемъ пути въ Италію столкнулся здѣсь съ герулами, которые послѣ отступленія готовъ остались въ странѣ между Зальцбургомъ и Бѣлградомъ, вполнѣ подчинившись византійской политикѣ и принявъ участіе въ итальянской войнѣ въ качествѣ союзниковъ Юстиніана. Но самымъ сильнымъ племенемъ на сѣверѣ отъ Дуная, занимавшимъ области по Тиссѣ и Марошу въ нынѣшней Венгріи ¹⁾, были гепиды, которымъ могла бы предстоять большая политическая роль на Дунаѣ, но которые почти безъ слѣда растворились между другими народами, когда сила ихъ была сломлена въ борьбѣ съ лангобардами, привлеченными Юстиніаномъ къ союзу денежными выдачами и обѣщаніями лучшихъ мѣсть для поселенія. Къ востоку отъ гепидовъ, въ областяхъ нижняго теченія Днѣстра и Днѣпра съ конца V вѣка и въ началѣ VI в. сидѣли славянскія племена, раздѣлявшіяся на двѣ вѣтви: на западѣ славяне, на востокѣ анты. Мы уже ранѣе высказывались въ томъ смыслѣ, что было бы ошибочно начинать исторію славянъ съ конца V или начала VI вѣка, и что отдѣльныя славянскія дружины могли заходить въ Византію гораздо раньше. Какъ опредѣленный этнографическій терминъ, начинающій обнаруживать вліяніе въ исторіи Византіи, славяне, однако, должны идти въ счетъ именно съ этой эпохи. Гдѣ была граница между гепидами и славянами, т.-е. далеко ли на западъ по Дунаю распространялись славянскія поселенія, объ этомъ съ увѣренностью трудно высказаться, равно какъ и о *Lacus Mursianus*, который писатель Іорнандъ полагаетъ границей между германцами и славянами ²⁾.

Нападенія славянъ и антовъ на римско-византійскія провинціи на югъ отъ Дуная, а слѣдовательно, и непосредственное знакомство съ ними писателей начинается съ первой половины VI вѣка. Почти

¹⁾ О нѣмецкихъ народностяхъ на Дунаѣ *Zeuss*, „Die Deutschen und die Nachbarstämme“; *Müllenhof*, „Deutsche Altertumskunde“, 2-er Band, S. 101—103 (Berlin, 1887). Сочиненіе снабжено древними картами.

²⁾ *Jordanis*, „Getica,“ ed. Mommsen, „Monum. Germaniae“ V, p. 63: „Sclaveni a civitate Novictunense et laco qui appellatur Mursiano usque ad Danastrum et in boream Viscla tenus commorantur;—Antes vero— a Danastro extenduntur usque ad Danaprum“. *Zeuss*, „Die Deutschen“, S. 594; *Müllenhof*, 11, 94.

каждый годъ въ послѣдовательномъ порядкѣ отмѣчается переходъ славянъ за Дунай то небольшими легкими отрядами, то значительными массами съ цѣлью добычи и захвата плѣнниковъ. Какъ русская лѣтопись соединяетъ съ началомъ царствованія Михаила III (842)¹⁾ основаніе русскаго государства, такъ съ царствованіемъ Юстина (518—527) южные славяне имѣютъ основаніе начинать свою національную исторію. Какъ ни мало даютъ для характеристики славянъ краткія извѣстія о нападеніяхъ ихъ на Византію, но мы попытаемся разобраться въ нихъ съ той внимательностью, какой заслуживаютъ первые и подлинныя факты славянской исторіи въ связи съ византійской. Ради исторической точности здѣсь нужно замѣтить, что большинствомъ изслѣдователей считается возможнымъ усматривать подлинныя факты славянской исторіи и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ и случайныхъ упоминаніяхъ о славянахъ, переходившихъ за Дунай въ дружинахъ готовъ и гетовъ съ конца V вѣка. Таковъ, на примѣръ, приверженецъ Аспара Острый (въ 471 г.). Кромѣ того, принято считать вполне доказаннымъ, что въ имени гетовъ у Марцеллина нужно видѣть совокупность этнографическихъ элементовъ — славянскаго и болгарскаго. Такимъ образомъ, и такія выраженія, какъ „гетскій ножъ“ (*culter geticus*), упоминаемый Марцеллиномъ, могли бы приниматься за указаніе на славянскій элементъ²⁾.

Первое упоминаніе о славянахъ подъ ихъ собственнымъ именемъ стоитъ въ связи съ описаніемъ дѣятельности Германа. „Когда Юстинъ, дядя Германа, получилъ царство, то анты, жившіе очень близко къ славянамъ, перешедши рѣку Истръ, большимъ войскомъ вторглись въ ромэйскую землю. Незадолго передъ тѣмъ царь назначилъ Германа стратигомъ всей Фракіи. Схватившись съ войскомъ непріятелей и разбивъ его на голову, Германъ почти всѣхъ ихъ перебилъ, и этимъ дѣломъ онъ стяжалъ себѣ великую славу между всѣми людьми и въ особенности между упомянутыми варварами“³⁾. Упоминаемый здѣсь Германъ — весьма извѣстное лицо въ исторіи времени Юстиніана, и, дѣйствительно, слава его не ограничивается побѣдой надъ славянами. Принадлежа къ императорской семьѣ по

1) Niederle, „Slovanské Starožitnosti“, I, 192—3 (Praha, 1903).

2) Müllenhof, „Deutsche Altertumskunde“, II, S. 379—384; Radonič, „Гласъ“, стр. 204 (1901 г.).

3) „De B. G.“, III, 40 (p. 450).

своему рожденію, и какъ одинъ изъ самыхъ даровитыхъ племянниковъ Юстиніана, по браку съ Θεодорой, Германъ пользовался громадной популярностью въ войскѣ и среди столичнаго населенія и считался прямымъ наслѣдникомъ бездѣтнаго императора. Его нравственныя качества и гражданскія доблести нашли себѣ краснорѣчивую оцѣнку у Прокопія, какъ извѣстно, далеко не расточительнаго на похвалы ¹⁾. Къ сожалѣнію, приведенное выше мѣсто о побѣдѣ Германа надъ славянами само по себѣ не даетъ основаній для точныхъ выводовъ къ хронологіи перваго организованнаго нападенія славянъ. Прежде всего это извѣстіе имѣетъ у Прокопія характеръ вводнаго и изложено, между прочимъ, по поводу описанія событій 551 г. и именно съ цѣлью объяснить, почему славяне такъ сильно боялись Германа. Кромѣ того, можетъ возбуждать сомнѣнія самое имя Юстиніана, употребленное Прокопіемъ. Весьма вѣроятно, что дѣло происходило не въ царствованіе Юстиніана, а при дядѣ его Юстинѣ, т. е. около 519 г. ²⁾. Стратигомъ Фракіи Германъ могъ быть назначенъ именно Юстиномъ, при вступленіи его на престолъ, съ цѣлью установленія порядка въ этой области, находившейся въ состояніи анархіи при Анастасіи. Сравнительное спокойствіе на дунайской границѣ при Юстинѣ можетъ быть объясняемо тѣмъ пораженіемъ, которое было нанесено славянамъ Германомъ; что же касается царствованія Юстиніана, то оно не имѣло такого періода роздыха, который можно было бы противопоставить опредѣленнымъ указаніямъ Прокопія: гунны, славяне и анты своими почти ежегодными набѣгами со времени вступленія на ромѣйскій престолъ Юстиніана причинили невыразимыя бѣдствія населенію ³⁾.

При Юстиніанѣ, въ первые годы его царствованія, фракійскими войсками командовалъ Хильвудъ или Хвилибудъ, съ именемъ котораго связаны дунайскія событія. Хвилибуду поручена была защита дунайской границы; въ теченіе трехъ лѣтъ онъ успѣшно слѣдилъ за переправами черезъ Дунай и не позволялъ новымъ славянскимъ отрядамъ переходить въ византійскія области. Нѣсколько разъ онъ самъ переходилъ за Дунай и тревожилъ славянъ въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ, но въ 534 г., когда онъ неосторожно предпринялъ

1) „De B. G.“, III, 40 (p. 451).

2) Niederle, III, 192—193.

3) „Hist. arc.“, с. 18.

движеніе противъ славянъ, на лѣвой сторонѣ Дуная былъ окруженъ врагами и палъ въ битвѣ, окончившейся сильнымъ пораженіемъ византійскаго войска. Съ тѣхъ поръ, замѣчаетъ Прокопій, эта рѣка стала вполнѣ доступна варварамъ, и ромэйскія области обратились въ легкую ихъ добычу. Успѣхамъ славянскихъ вторженій содѣйствовало и то, что въ это время имперія начала свою безпощадную войну въ Италіи, въ которой варварамъ разнаго происхожденія пришлось играть важную роль. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что по всѣмъ даннымъ, приводимымъ у Прокопія, Хильвудъ былъ славянинъ по происхожденію. Въ пятидесятые годы VI вѣка извѣстія о славянахъ становятся болѣе опредѣленными, и самыя ихъ движенія въ предѣлахъ имперіи получаютъ ясно обозначенную цѣль и направленіе. Начиная съ 547—548 г., отмѣчаются первые набѣги ихъ въ Иллирію и Далмацію до Драча, при чемъ ихъ не останавливали уже и укрѣпленія, и они внушали такой страхъ византійскому отряду въ 15 т. человекъ, что онъ не осмѣливался вступить съ ними въ дѣло. При описаніи событій этого времени отмѣченъ исключительный по своему значенію фактъ о движеніи 6000 славянъ въ сѣверную Италію на помощь готамъ, которые вели отчаянную борьбу съ воеводами Юстиніана ¹⁾. Въ смыслѣ оцѣнки этихъ движеній высокимъ интересомъ отличаются извѣстія отъ 550—551 г., которыя находимъ умѣстнымъ привести вполнѣ ²⁾. Славяне въ числѣ не больше 3000 человекъ перешли Истръ, не встрѣчая никакого сопротивленія, и безъ малѣйшаго труда переправились за Марицу и тамъ раздѣлились на-двое. Тотъ отрядъ, который двинулся на востокъ, встрѣтился съ Асвадомъ. Это былъ оруженосецъ Юстиніана, носившій чинъ кандидата и командовавшій гарнизономъ въ Чорлу, что на дорогѣ между Адрианополемъ и Константинополемъ. Одержавъ верхъ надъ Асвадомъ, славяне совершили надъ нимъ жестокою казнь, бросивъ его живымъ въ огонь, а затѣмъ подвергли опустошенію Фракію и Иллирію. По этому поводу нашъ историкъ дѣлаетъ замѣчаніе, что тогда славяне въ первый разъ стали осаждаютъ крѣпости, и что, имѣя свое пребываніе на той сторонѣ Дуная, начали переходить эту рѣку съ недавняго времени.— Въ этотъ же походъ славяне впервые приблизились къ морю и овла-

1) Procopii „De B. Gothico“, III, с. 35 (р. 430, 15).

2) Ibid., III, 38 (р. 441).

дѣли городомъ Топерь ¹⁾, лежавшимъ на р. Местѣ въ южной Македоніи. Напоръ славянъ чувствовался не только на востокѣ, но и въ западныхъ провинціяхъ имперіи. Въ первый разъ славянскіе отряды заявляютъ опредѣленный планъ—движеніе на Солунь и захватъ приморскихъ мѣстностей. Это обнаружилось изъ разспросовъ плѣнныхъ славянъ, захваченныхъ близъ Ниша, и поставило императора въ такое положеніе, что онъ долженъ былъ отмѣнить предполагавшееся движеніе войска въ Италію и приказать полководцу Герману озаботиться защитой южной Македоніи и города Солуни. Одинъ отрядъ, стоявшій уже подъ Адрианоподемъ, нанесъ пораженіе дѣйствовавшему противъ него евнуху Схоластику и безъ всякой помѣхи опустошилъ еракійскую равнину до Длинныхъ стѣнъ, построенныхъ Анастасіемъ и возобновленныхъ Юстиніаномъ. Подводя итогъ сказанному, мы можемъ отмѣтить для характеристики славянъ къ половинѣ VI вѣка слѣдующія наблюденія. Отдѣльныя лица изъ племенныхъ старшинъ и изъ предводителей дружинъ знакомятся съ византійскими нравами и усвояютъ греческій языкъ. Становясь полуобразованными греками, они вступаютъ на византійскую службу и достигаютъ извѣстности, какъ военные люди (Хильвудъ). Частые переходы славянъ за Дунай, сначала имѣвшіе цѣлью грабежъ и добычу, становятся съ половины VI вѣка болѣе цѣлесообразными и концентрированными, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что это не были движенія народа, а лишь отдѣльныхъ дружинъ небольшихъ племенъ. Какъ ни низокъ культурный уровень славянскихъ колѣнъ, находившихся на границѣ съ Византіей, но неоднократные походы во Фракію и Македонію, вліяніе мѣстнаго населенія и особенно плѣнныхъ грековъ и т. п., несомнѣнно должно было способствовать образованію среди славянъ политическаго развитія. Уже къ этому времени славяне могли оцѣнить сравнительныя выгоды обладанія приморскими мѣстами и понять морское и военное значеніе Солуни. Съ своей стороны, правительство Юстиніана пользуется обыкновенными средствами византійской дипломатіи, привлекая на свою сторону денежными выдачами и пожалованіями почетныхъ званій племенныхъ и колѣнныхъ старшинъ славянъ. Никакъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что славяне тогда были еще далеки отъ образованія княжеской

¹⁾ „De Bello Goth.“, III, 38 (p. 442): ἡ πρώτη μὲν Φρακῶν τῶν παραλίῳν ἐστὶ, τοῦ δὲ Βυζαντίου διέχει ὁδὸν ἡμερῶν δυοκαίδεκα.

власти. Въ значительной степени политической и военной организаціей они обязаны были народу тюркскаго племени, съ которымъ во второй половинѣ VI в. пришлось имъ вступить въ близкія сношенія—разумѣемъ аваровъ.

Первыя извѣстія объ аварахъ имѣются отъ 558 г. ¹⁾. Родственные гуннамъ, болгарамъ и позднѣйшимъ тюркамъ авары въ половинѣ VI в. двинулись изъ прикаспійскихъ странъ въ восточную Европу, гдѣ покорили уть-ургуровъ и куть-ургуровъ на Азовскомъ морѣ и вошли во враждебныя столкновенія со славянами на Днѣпрѣ и Днѣстрѣ. Когда въ 568 г. лангобарды покинули придунайскія области и начали движеніе въ сѣверную Италію, аварамъ открылась легкая возможность завладѣть Панноніей и основать между Дунаемъ и Тиссой центръ обширнаго государства, въ которомъ славяне были главнымъ осѣдлымъ и земледѣльческимъ элементомъ.

Авары пришли въ Европу и устроились въ ней, какъ завоевательное чуждое племя, укрѣпленнымъ военнымъ станомъ. Мѣста своего расположенія они окружали на большомъ протяженіи рвами, окопами и изгородями, и укрѣпляемая такимъ способомъ мѣстность носила наименованіе хринга. Центръ хринга, гдѣ было жилище кагана, и гдѣ находились правительственныя учрежденія, окружень былъ особой стѣной изъ дубовыхъ и буковыхъ деревьевъ. Система аварскаго и болгарскаго укрѣпленнаго лагеря можетъ быть наблюдаема нынѣ въ Болгаріи, близъ Преславы, гдѣ обнаружены раскопками Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ древнія болгарскія военныя поселенія ²⁾. Аварскіе хринги располагались одинъ отъ другаго на небольшомъ разстояніи, чтобы въ случаѣ опасности легко было подать вѣсть отъ одного къ другому. Въ главномъ хрингѣ между Дунаемъ и Тиссой хранились военная добыча и казна. Хотя авары не имѣли культуры и не вышли изъ первичныхъ стадій родового быта, но имъ нельзя отказать въ значительномъ развитіи военнаго сословія и военнаго дѣла; благодаря этимъ преимуществамъ они безъ труда получили преобладаніе надъ славянами, которые сдѣлались ихъ данниками и военными союзниками. Военная власть принадлежала кагану, который успѣлъ соединить аваровъ и направить ихъ силы на славянъ и византійцевъ. Въ сознаніи своего военнаго

¹⁾ Между прочимъ моя книга „Первыя славянскія монархіи“, стр. 8—9.

²⁾ „Извѣстія“, т. X, стр. 558.

могущества онъ съ пренебреженіемъ относился къ сосѣднимъ народамъ. Иноземные послы по нѣскольку дней стаивали предъ его палаткой въ ожиданіи, когда ему заблагоразсудится принять ихъ. Если предметъ посольства ему не нравился, онъ осыпалъ посла и его повелителя презрительной бранью и приказывалъ разграбить его имущество. Но иногда онъ бывалъ великодушенъ: такъ, нѣскольکو тысячъ византійцевъ, освобожденныхъ имъ изъ славянскаго плѣна, онъ выпускаетъ безъ всякаго выкупа на свободу, но въ другомъ случаѣ торгуется въ цѣнѣ за каждаго плѣннаго и, не получая требуемаго выкупа, хладнокровно убиваетъ тысячи плѣнныхъ. Разъ въ припадкѣ добродушія предлагаетъ жителямъ осажденнаго византійскаго города съѣстные припасы по случаю христіанскаго праздника пасхи и щадить городъ Анхіаль, цѣлебныя воды котораго помогли его женѣ. Въ другое время былъ безъ мѣры требователенъ и капризенъ. Узнавъ, что при императорскомъ дворѣ содержатся рѣдкіе звѣри, заявляетъ желаніе получить слона. Когда просьбу его удовлетворили, пославъ ему самага красиваго изъ царскихъ слоновъ, каганъ капризно отказывается отъ этого подарка и требуетъ золотого престола. Въ 582 году, находясь въ мирѣ съ имперіей, соединяетъ мостомъ изъ судовъ города Срѣмъ и Бѣлградъ. Когда у него спросили, ради какой причины предпринимается это, онъ произноситъ слѣдующую торжественную клятву: „пустъ я съ народомъ моимъ погибну отъ меча, пусть небо обрушится на насъ, поразить громъ, покроютъ горы и лѣса, пусть воды Савы потопятъ насъ, если мы сдѣлаемъ какое зло императору“. Но какъ скоро мостъ былъ готовъ, онъ приказалъ объявить: „нечего императору заботиться о городѣ, пусть онъ отзоветъ войско и выведетъ жителей, городъ для него уже потерянь“.

Вмѣстѣ съ появленіемъ аваровъ на томъ театрѣ военныхъ дѣйствій, гдѣ прежде показывались отдѣльными и мало организованными отрядами славяне, совершенно измѣняется и цѣль военныхъ дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ, и самая тактика. Нельзя не видѣть, что авары принесли съ собой въ военное дѣло особую, доселѣ неизвѣстную, систему, и что они придали славянамъ военную организацію, какой имъ недоставало. Юстиніану пришлось познакомиться съ аварами уже въ преклонныхъ годахъ, незадолго до смерти. Къ нему явились въ Константинополь въ 558 г. аварскіе послы и просили

мѣсть для поселенія. Императоръ принялъ пословъ съ большою честью, обѣщаль платить кагану ежегодную условленную сумму и одарилъ ихъ подарками. До самой смерти Юстиніана въ 565 г. каганъ не нарушалъ съ имперіей дружественныхъ сосѣдскихъ отношеній и не переходилъ границы.

Совершенно измѣняются дѣла на дунайской границѣ съ вступленіемъ на престолъ Юстиніана II (565—578) и при его ближайшихъ преемникахъ. Аварскій каганъ заявилъ притязанія на городъ Срѣмъ (Sirmium) на Савѣ, считавшійся ключемъ на сѣверо-западной границѣ и довольно сильно укрѣпленный. Хотя въ VI в. Срѣмъ не былъ уже главнымъ городомъ Иллирика и центромъ военной и административной власти, но все же имперія не отказывалась отъ своихъ исконныхъ правъ на эту область, оспариваемую сначала остготами, а затѣмъ гепидами и лангобардами. Ко времени Юстиніана II на этой границѣ произошли важныя перемѣны, вслѣдствіе которыхъ политическое вліяніе перешло къ аварамъ и славянамъ. Та область, которую заняли и на которой твердо осѣли авары, принадлежала гепидамъ, владѣвшимъ частью нынѣшней Венгріи и нижними теченіями Дравы и Савы. Ближайшими сосѣдями гепидовъ на сѣверо-западѣ были лангобарды, занимавшіе провинцію Паннонію. Въ 567 г. гепиды потерпѣли сильное пораженіе отъ лангобардовъ, лишившее ихъ на будущее время всякаго политическаго значенія; съ другой же стороны, побѣдители ихъ, не воспользовавшись одержанной побѣдой, начали свое извѣстное передвиженіе въ Италію. Все это было весьма благопріятнымъ для аварскаго кагана сочетаніемъ ряда обстоятельствъ, которыя выдвинули аваровъ на передовую роль и побудили ихъ передвинуться отъ нижняго теченія Дуная на оставшіяся свободными мѣста послѣ гепидовъ и лангобардовъ. Притязанія на Срѣмъ обозначали опредѣленную цѣль кагана утвердиться на южной сторонѣ Дуная и господствовать въ области, освободившейся послѣ гепидовъ и лангобардовъ. Съ 568 г. они овладѣли Панноніей и болѣе полустолѣтія тревожили имперію почти непрерывными набѣгами и грабежами.

Прежде чѣмъ продолжать довольно однообразную исторію набѣговъ на имперію со стороны новаго завоевательнаго народа, который притомъ же дѣлаетъ походы на Балканскій полуостровъ вмѣстѣ со славянами, находимъ необходимымъ сдѣлать нѣсколько

власть аваровъ не простиралась такъ далеко на сѣверъ и востокъ, какъ это было принято думать.

Переходя къ исторіи славянъ въ концѣ VI в., мы встрѣчаемся съ двумя фактами, свидѣтельствующими о томъ, что въ послѣдніе годы Юстиніана и при его преемникахъ отношенія славянъ къ имперіи существенно измѣнились въ двоякомъ отношеніи: а) точкой отправленія для славянскихъ нападений на имперскія области не служитъ болѣе правый берегъ Дуная, а самый Балканскій полуостровъ, въ значительной части уже занятый славянами; б) цѣль славянскихъ домогательствъ къ имперіи становится ясно и опредѣленно совершенно новая, именно завоеваніе Солуни, захватъ острововъ и Греціи и угрозы овладѣть Константинополемъ, къ которому они приближались и съ суши, и съ моря.

Эта сторона дѣла выясняется, главнымъ образомъ, на основаніи актовъ великомученика Димитрія и патрона города Солуни, которые только въ послѣднее время стали предметомъ вниманія историковъ, хотя въ общемъ далеко еще не исчерпаны для исторіи славянскаго движенія въ VI и VII вв. ¹⁾ Въ VI и VII вв., къ которымъ относятся славянскіе набѣги, Солунь занимала на Балканскомъ полуостровѣ исключительное положеніе. Она считалась по своему политическому, военному и торговому состоянію важнѣйшимъ изъ провинціальныхъ городовъ имперіи и несомнѣнно оправдывала свою славу перваго города послѣ Константинополя. Занимая прекрасное положеніе на морѣ и владѣя лучшею гаванью Эгейскаго моря, Солунь въ то же время имѣла всѣ выгоды хорошо расположеннаго сухопутнаго мѣста, такъ какъ стояла на большой римской дорогѣ Via Egnatia, соединявшей Константинополь съ Драчемъ. Независимо отъ того географическое образованіе западной части Балканскаго полуострова способствовало тому, чтобы соединить Солунь съ остальной Европой посредствомъ Вардара, Дрина и Моравы. Всѣ эти условія обезпечивали Солуни первостепенное положеніе на Балканскомъ полуостровѣ уже въ древнее время. Изъ римской эпохи Солунь перешла въ византійскую, не утративъ своихъ преимуществъ: въ Солуни былъ центръ гражданскаго и церковнаго управленія Иллирикомъ, здѣсь сосредоточивались общеимперскія таможенныя учрежденія. Будучи административнымъ центромъ для об-

1) Обзоръ источниковъ и литературы въ моей статьѣ: „О вновь открытыхъ мозаикахъ въ церкви св. Димитрія въ Солуни“ („Извѣстія“, XIV).

ширной области, Солунъ владѣла весьма оживленными торговыми сношеніями почти со всѣмъ тогда извѣстнымъ міромъ. Здѣсь происходилъ обмѣнъ товаровъ, шедшихъ съ сѣвера, изъ Италіи и Франціи, изъ Александріи и Египта; сюда свозились европейскіе сырые товары и южные и восточные: золото, драгоценные камни, шелковыя ткани и восточныя пряности. Хорошо воздѣланныя земли въ окрестности доставляли городу необходимые для жизни продукты, а на корабляхъ подвозились предметы роскоши. Населеніе города было весьма значительное и весьма вѣроятно, что въ лучшее время достигало 200.000.

Безъ сомнѣнія, былъ въ городѣ большой торговый и промышленный классъ, который доставлялъ средства на устройство многочисленныхъ храмовъ и монастырей и на украшеніе ихъ произведеніями искусства. Нужно замѣтить, что и по настоящее время въ Солуни болѣе сохранилось блестящихъ памятниковъ искусства, чѣмъ въ самомъ Константинополѣ, а что эти памятники возникали и поддерживались на благотворительныя средства, объ этомъ опредѣленно говорятъ Акты св. Димитрія.

Умственная жизнь въ городѣ отличалась подъемомъ, не уступая столицѣ: много просвѣщенныхъ дѣятелей и писателей вышло изъ Солуни.

Составляя собой важный административный и военный пунктъ, Солунъ своими военными сооруженіями доставляла безопасное убѣжище и охрану многочисленному населенію окрестныхъ мѣстъ, когда опасность угрожала имъ отъ сѣверныхъ враговъ. Городскія стѣны, сохранившіяся до настоящаго времени, во многихъ частяхъ представляютъ постройку XIV в., но по своимъ основамъ и по системѣ построения относятся къ древнѣйшимъ временамъ. Въ эпоху движенія славянъ городъ уже былъ окруженъ съ суши и съ моря. Въ на-

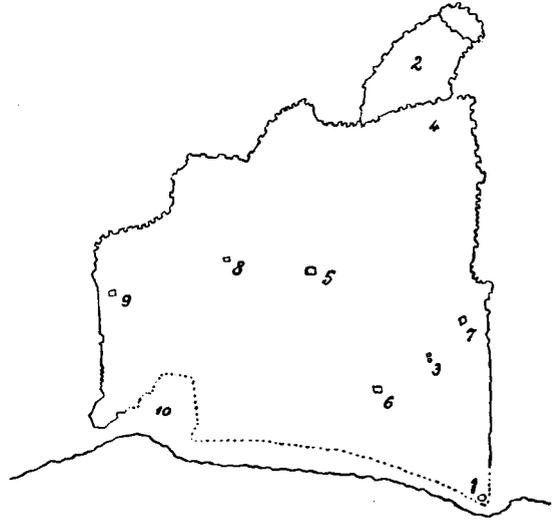

Рис. 56. Схематическій планъ г. Солуни.
1—Биазъ-Куле. 2—Еди-Куле. 3—арка Константина.
4—ворота въ Еди-Куле. 5—базилика св. Димитрія.
6—церковь св. Софіи. 7—церковь св. Георгія.
8—церковь св. Иліи. 9—церковь св. Апостоловъ.
10—древняя гавань.

стоящее время стѣны уничтожены со стороны моря и въ ближайшемъ отъ него разстояніи. На небольшихъ разстояніяхъ стѣна укрѣплена башнями. Большія башни, составлявшія, очевидно, ключъ позиціи, сохранились только у моря; такова же угловая башня у кремля. Всѣ стѣны увѣнчаны зубцами, кладка въ большинствѣ мелкій дикій камень на хурусанѣ съ прокладкой рядами кирпича — характерная особенность построекъ съ XIV в. Близъ главныхъ воротъ кремля лежитъ большой блокъ старой стѣны, вѣроятно упавшей отъ землетрясенія. Кремль окруженъ отдѣльной стѣной, и такъ какъ въ настоящее время въ немъ находится государственная тюрьма, то осмотръ его не представляется возможнымъ. При поворотѣ стѣны на югъ къ морю на башнѣ сохранилась надпись изъ кирпичной прокладки, свидѣтельствующая о постройкѣ ея деспотомъ Мануиломъ (рис. 56).

Имѣя исключительно благопріятное положеніе на полуостровѣ и господствуя въ административномъ и экономическомъ отношеніи надъ обширнымъ пространствомъ, Солунь, съ наступленіемъ смутной эпохи передвиженія народовъ, которая слишкомъ сильно и не разъ затрагивала и Балканскій полуостровъ, стала предметомъ особенныхъ домогательствъ разныхъ варварскихъ народовъ, стремившихся овладѣть этимъ богатымъ городомъ. Но что всего любопытнѣй, и что особенно нужно здѣсь отмѣтить, славянскіе набѣги на Солунь имѣли цѣлью не только хищеніе и грабежъ, но конечное завоеваніе города съ опредѣленно выражаемымъ планомъ поселиться въ немъ навсегда. Ясное дѣло, что подобнымъ образомъ формулированный планъ предполагаетъ уже хорошо созрѣвшее дѣло колонизаціи полуострова и извѣстнаго рода подготовленность среди славянскихъ вождей къ завоеванію у имперіи важнаго морского города, принадлежавшаго ей. Въ этомъ отношеніи, для выясненія взаимнаго положенія Византійской имперіи и славянъ въ половинѣ VI вѣка, необходимо войти въ детальное разсмотрѣніе всего доселѣ ставшаго извѣстнымъ матеріала.

На первомъ мѣстѣ стоитъ вопросъ объ Актахъ св. Димитрія, — разумѣемъ весь тотъ матеріаль, который сообщенъ въ Acta SS. подъ 8 октября ¹⁾, и которому предпосланъ прекрасный критическій аппаратъ. Хотя этотъ матеріаль достаточно уже былъ исчерпанъ Тафе-

¹⁾ Acta SS., t. LII, octobris IV, p. 50—209.

лемъ въ его работахъ о Солуни¹⁾, но, какъ оказалось потомъ, находящееся у болландистовъ изданіе сказаній о чудесахъ св. Димитрія не можетъ быть признано удовлетворительнымъ. Уже дополненія, сдѣланныя въ этомъ отношеніи аббатомъ Тугаромъ²⁾, показали, какъ сказанія о св. Димитріи, изданныя болландистами, недостаточны въ смыслѣ неполноты въ передачѣ рукописнаго текста. На основаніи дополнительныхъ текстовъ ученому Гельцеру³⁾ удалось бросить совершенно новый свѣтъ на чудеса св. Димитрія, какъ историческій матеріалъ для исторіи славянъ, а въ самое послѣднее время вопросъ о славянскомъ движеніи на Балканскомъ полуостровѣ вновь тщательно разсмотрѣнъ и оцѣненъ въ двухъ прекрасныхъ трудахъ на сербскомъ и чешскомъ языкахъ⁴⁾.

Первая часть чудесъ св. Димитрія, принадлежащая архіепископу Іоанну, жившему въ началѣ VII вѣка, раздѣлена на 15 главъ и содержитъ повѣствованіе о чудесной помощи, оказанной св. Димитріемъ или отдѣльнымъ лицамъ, или вообще городу Солуни. Никакъ нельзя думать, что порядокъ, въ какомъ слѣдуютъ одно за другимъ чудеса, соотвѣтствуетъ хронологической ихъ постепенности; въ особенности это можно съ значительнымъ вѣроятіемъ утверждать о чудесахъ, относящихся къ городу. Именно, въ легендѣ повѣствуется, между прочимъ, о трехъ набѣгахъ на Солунь со стороны страшныхъ варваровъ, которые въ гл. VIII точно не обозначены, а въ гл. XII прямо названы славянами, и число ихъ даже опредѣлено въ 5000 человѣкъ. Не останавливаясь пока на установленіи хронологіи для первыхъ набѣговъ на Солунь, сосредоточимъ вниманіе на томъ дѣлѣ, которое описывается въ XIII главѣ и которое имѣло наиболѣе важное значеніе. Въ этомъ дѣлѣ, повидимому, организованномъ аварскимъ каганомъ, рельефно выступаютъ пріобрѣтенное къ тому времени славянами значеніе и ихъ политическія притязанія.

„Говорятъ, что по какому-то случаю тогдашній аварскій ханъ послалъ пословъ къ блаженной памяти царю Маврикію. Не достигнувъ желаемого, онъ возгорѣлъ неудержимымъ гнѣвомъ, и какъ не могъ ничего сдѣлать тому, кто его не послушалъ, придумалъ

1) Tafel, „De Thessalonica eiusque agro“. Berolini, 1839.

2) Tougard, „De l'histoire profane dans les actes des Bollandistes“. Paris, 1874.

3) Gelzer, „Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung“, Leipzig, 1899.

4) Станојевић, „Византија и Срби“. Кн. прва 1903. Кн. друга 1906; Niederle „Slovanské starožitnosti“. II, svaz. 1, Praha 1906.

способъ, какимъ, по его предположенію, онъ всего болѣе могъ досадить ему, что и оказалось вполнѣ вѣрно. Разсудивъ, что богохраняемая митрополія Фессалоника между всѣми городами Оракіи и Иллирика по преимуществу отличается разнообразными богатствами и людьми почтенными и разумными и истинными христіанами, однимъ словомъ, имѣя полную увѣренность, что названная митрополія лежитъ на сердцѣ царя, такъ какъ она во всѣхъ отношеніяхъ блистаетъ преимуществами, и что, если бы съ ней случилось неожиданное несчастіе, то ромэйскій вѣнценосецъ испыталъ бы не меньше горя, какъ отъ убійства собственныхъ дѣтей, призываетъ къ себѣ все славянское языческое и грубое племя, ибо весь этотъ народъ былъ ему подчиненъ, и, присоединивъ къ нимъ нѣкоторыхъ варваровъ другого происхожденія, онъ отдалъ приказъ всѣмъ имъ идти на богоспасаемую Фессалонику.

„И эта громадная толпа съ такой быстротой исполнила походъ, что мы не узнали объ ихъ приближеніи какъ только за одинъ день: мы получили объ этомъ извѣстіе въ воскресенье 22 сентября. Городскіе жители не думали, чтобы они могли достигнуть сюда раньше четырехъ или пяти дней, и потому совсѣмъ не озаботились мѣрами защиты; между тѣмъ какъ они въ самую ночь на понедѣльникъ раннимъ утромъ безъ шума подошли къ стѣнамъ города. Первая защита всеславнаго мученика Димитрія состояла въ томъ, что онъ помрачилъ ихъ зрѣніе въ эту ночь, и что они простояли нѣсколько часовъ у башни святой мученицы Матроны, принявъ ее за городъ. Когда же явилась утренняя заря, и они поняли, что городъ близко, то единодушно устремились на него, какъ левъ хищный и рыкающій. Затѣмъ, приставивъ къ стѣнѣ лѣстницы, которыя заранѣе приготовили и несли съ собой, они пытались подняться по нимъ; но вотъ тогда-то и случилось невѣроятное и великое чудо святого подвижника“. (Именно повѣствуется, что святой въ видѣ пѣхотинца сбрасывалъ со стѣны всякаго, кто хотѣлъ подняться).

Эта семидневная осада, окончившаяся постыднымъ бѣгствомъ варваровъ, составляла для Солуни явное доказательство чудеснаго заступничества св. Димитрія. Варварамъ казалось, что городъ защищаютъ громадныя силы (а ихъ совсѣмъ не было), которыми предводительствуетъ мужъ съ огненнымъ цвѣтомъ лица, сидящій на бѣломъ конѣ и одѣтый въ бѣлую хламиду (см. прилож. таблицу).

Давно уже поднятый и окончательно не рѣшенный вопросъ о значеніи славянской иммиграціи на югъ Балканскаго полуострова, въ Фессалію, Грецію и на острова, несомнѣнно, долженъ получить окончательное свое разрѣшеніе по связи со сказаніями о чудесахъ св. Димитрія. Ограничиваясь пока первой легендой, которая не выходитъ, по сообщаемымъ въ ней даннымъ, за конецъ VI вѣка, мы должны признать насущность опредѣленнаго плана у славянъ—захватить морской берегъ и завладѣть, съ цѣлью окончательнаго въ немъ поселенія, важнымъ приморскимъ городомъ, которымъ имперія не могла не дорожить.

Могли ли славяне въ VI вѣкѣ осуществить подобныя притязанія?

Въ періодъ съ 580 г. и до конца столѣтія происходили наиболѣе важныя попытки со стороны славянъ занять господствующее положеніе на территорияхъ, подчиненныхъ Византійской имперіи. Отъ этой эпохи сохранилось нѣсколько важныхъ извѣстій, которыя частью были уже извѣстны, но нѣсколько заподозрѣны въ періодъ жаркихъ споровъ по поводу высказанной Фальмераьеромъ теоріи объ окончательномъ уничтоженіи славянами эллинскаго населенія въ Греціи и Фессаліи.

На первомъ мѣстѣ стоитъ извѣстіе Іоанна Ефесскаго ¹⁾. „На третій годъ по смерти царя Іустина и въ царствованіе побѣдоноснаго Тиверія ²⁾ выступилъ проклятый народъ славяне, которые прошли всю Елладу, фессалійскія и еракійскія провинціи, взяли многіе города и крѣпости, опустошили, сожгли, разграбили и завладѣли страной и поселились въ ней совершенно свободно и безъ страха, какъ бы въ своей собственной. Это продолжалось четыре года, пока царь занятъ былъ войной съ персами и всѣ войска послалъ на Востокъ. Въ это время славяне по Божьему попущенію распоряжались въ странѣ совершенно свободно, опустошали, жгли и грабили даже до Внѣшной стѣны, такъ что захватили всѣ царскія стада—многія тысячи—и стада частныхъ лицъ. И вотъ до нынѣшняго дня—а теперь идетъ 895 годъ (т.-е. 584)—они спокойно живутъ въ ромэйскихъ провинціяхъ, безъ заботы и страха, занимаясь грабежомъ, убійствами и поджогами, отчего разбогатѣли, нажили золота и серебра и владѣютъ стадами

1) Schönfelder, „Die Kirchengeschichte des Johannes von Ephesus“. München, 1862.

2) Іустинъ II царствовалъ отъ 565 до 578 г.; Тиверій II—отъ 578 до 582 г.

коней и оружіемъ, научившись военному дѣлу лучше самихъ ромэевъ. А между тѣмъ это были простые люди, которые не смѣли выходить изъ своихъ лѣсовъ и не умѣли пользоваться оружіемъ“¹⁾.

Это извѣстіе, равно какъ и нѣкоторыя другія, напрасно старались ослабить противники Фальмераiera. Съ появленіемъ новыхъ источниковъ, идущихъ съ разныхъ сторонъ, становится неопровержимымъ фактъ, что большія вторженія славянъ усиливаются въ послѣдней четверти VI вѣка, направляясь то до Константинополя, то до Эгейскаго моря. Подразумѣваемые извѣстія хронологически совпадаютъ съ тѣми датами, которыя даны въ приведенномъ текстѣ Іоанна Ефесскаго. Въ четвертый годъ, читается у Менандра, царствованія Тиверія Константина кесаря (578—582) во Фракію сдѣлалъ вторженіе славянскій народъ до ста тысячъ числомъ и опустошилъ Фракію и многія другія области²⁾.

Новый свѣтъ на занимающія насъ отношенія брошенъ какъ новыми западными, такъ двумя восточными хрониками, недавно сдѣлавшимися доступными въ прекрасныхъ французскихъ переводахъ. Это, во-первыхъ, лѣтопись Іоанна епископа Никіу, жившаго во второй половинѣ VII вѣка и игравшаго важную роль въ исторіи церкви верхняго Египта³⁾; во-вторыхъ, хроника Михаила Сирійца, патріарха антїохійскаго, жившаго въ XII в., но пользовавшагося хорошими источниками, которые частью нынѣ утрачены⁴⁾.

Объ эти хроники сообщаютъ драгоцѣнныя данныя для освѣщенія событій, слабо намѣченныхъ греческими писателями, въ особенности по отношенію къ славянской исторіи. Ограничиваясь здѣсь ближайше лишь движеніемъ славянъ на Солунь, мы отмѣтимъ для послѣднихъ годовъ VI вѣка слѣдующее мѣсто изъ хроники Іоанна изъ Никіу⁵⁾. „По отношенію къ Римской имперіи есть извѣстія, что

1) Есть нѣмецкій переводъ Іоанна Ефесскаго, принадлежащій Schönfelder, и англійскій: Smith, „The third Parth of the Ecclesiastical History of John Bishop of Ephesus“. Oxford, 1860.

2) Dindorfius, „Historici graeci minores“, II: Menandri fragm. 47 (p. 98): κατὰ δὲ τὸ τέταρτον ἔτος Τιβερίου Κωνσταντίνου Καίσαρος βασιλείας ἐν τῇ Θράκῃ ξυνεγένθη τὸ Σκλαβηγῶν ἔθνος μέχρι πού χιλιάδων ἑκατὸν Θράκην καὶ ἄλλα πολλὰ ληΐσασθαι.

3) „Chronique de Jean évêque de Nikiou“, texte éthiopien trad. par Zotenberg, Paris, 1883 (первоначально въ „Notices et Extraits“, vol. XXIV).

4) „Chronique de Michel le Syrien, patriarche Jacobite d'Antioche (1166—1199)“, par Chabot, t. I, Paris 1899; сравн. мѣста у Нидерле, II, 1, стр. 204—205.

5) „Chronique de Jean“, p. 430: „on rapporte, au sujet de l'empire romain, que les

короли того времени съ варварами, чуждыми народами и жителями Иллирика, опустошали христіанскіе города и уводили въ плѣнъ жителей. Была пощажена только Солунь, благодаря крѣпости своихъ стѣнъ и Божіему покровительству; варварскимъ народамъ не удалось овладѣть этимъ городомъ, хотя вся (окрестная) область была опустошена. — По отношенію къ тѣмъ же годамъ въ хроникѣ Михаила Сирійца можно найти чрезвычайно важныя извѣстія, характеризующія положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ. „Жестокая вражда—говорится здѣсь¹⁾—между римлянами и персами продолжалась 20 лѣтъ. Римляне снова были стѣснены проклятыми варварами съ нечесанными волосами, которыхъ называютъ аварами, и которые двинулись съ отдаленнаго востока, а также славянскимъ народомъ, жившимъ на западѣ, и другими народами, называемыми лангобарды. Они осаждали римскіе города и крѣпости и говорили жителямъ: выходите, сѣйте и собирайте жатву, мы возьмемъ у васъ въ дань только половину. Если бы императоръ не сдѣлалъ защиты по близости Адріанополя, они уже стали бы домогаться самой столицы. Императоръ и его войска дрожали отъ страха предъ этими варварами. Цѣлая армія была послана къ Внѣшной стѣнѣ, отстоящей отъ столицы на 60 миль. Въ войско принуждены были записывать даже лицъ, принадлежащихъ къ клиру. Переписчики были разосланы по разнымъ мѣстамъ набирать людей въ военную службу. Они сдѣлали много зла и причинили большія бѣдствія: отнимали у родителей дѣтей и разоряли страну, отбирая лошадей, быковъ и даже куръ“.

Рядомъ съ приведенными извѣстіями восточныхъ писателей, которые въ живыхъ краскахъ описываютъ отчаянное положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ и не оставляютъ никакихъ сомнѣній о томъ, что въ концѣ VI вѣка славяне уже осѣли на полуостровѣ и дѣйствительно распоряжались на немъ какъ хозяева, мы не мо-

rois de ce temps, avec des barbares, des peuples étrangers et des Illyriens, ravageaient les villes des chrétiens et emmenaient les habitants captifs. Seule la ville de Thessalonique fut épargnée, car ses murs étaient solides et, grâce à la protection de Dieu, les peuples étrangers ne réussirent pas à s'en emparer; mais toute la province fut dépeuplée“.

¹⁾ Chabot, „Chronique de Michel le Syrien“, I, 361 (l. X, ch. XXI): „La cruelle inimitié entre les Romains et les Perses s'était prolongée pendant vingt ans. Les Romains furent attaqués de nouveau par les peuples des maudits barbares à chevelure inculte, qu'on appelle Avars, qui s'ébranlèrent et s'avancèrent des extrémités de l'Orient et aussi par le peuple occidental des Esclavons“ ...

жемъ болѣе считать преувеличенными или мало достовѣрными тѣ свѣдѣнія византійскихъ писателей относительно характера славянской иммиграціи, которыя касаются Греціи, Фессаліи и острововъ. И прежде всего слѣдуетъ здѣсь напомнить превосходное мѣсто схоластика Евагрія, который въ своей церковной исторіи говоритъ о событіяхъ занимающей насъ эпохи (588—589 годовъ). „Авары, дважды прошедши до такъ называемой Длинной стѣны, завладѣли Сингидономъ (нынѣ Бѣлградъ) и Анхіаломъ, захватили и поработили всю Елладу и другіе города и крѣпости, все предавая убійству и огню, такъ какъ войска были отведены на востокъ“¹⁾.

Сказаніе о чудесахъ св. Димитрія (вторая легенда) раздѣлено на VI главъ. Кромѣ новыхъ данныхъ о нападеніяхъ на Солунь, вторая легенда въ особенности отличается любопытными фактами бытового и культурнаго характера, сообщая интересный матеріаль о культурныхъ отношеніяхъ, создавшихся послѣ иммиграціи славянъ. Относительно хронологіи каждаго отдѣльнаго событія возможны еще споры, но въ общемъ не подлежитъ сомнѣнію, что во второй легендѣ идетъ рѣчь о фактахъ славянской оккупаци, относящейся къ первой половинѣ VII в.—изъ эпохи Ираклія.

Здѣсь мы остановимся въ изложеніи фактовъ славянской исторіи. До первой четверти VII в. она представляетъ нѣкоторую послѣдовательность и до извѣстной степени систематичность и закономѣрное поступаніе впередъ. Какъ самостоятельные походы славянъ, такъ и послѣдующія ихъ вторженія въ союзѣ съ аварами направлены къ двумъ ясно выраженнымъ цѣлямъ—къ завладѣнію Балканскимъ полуостровомъ и къ господству на Эгейскомъ морѣ и островахъ. Въ самомъ концѣ VI вѣка обѣ эти цѣли были осуществлены, славяне владѣли уже флотомъ, дѣлали набѣги на приморскіе города и на острова и затрудняли сношенія столицы на Мраморномъ морѣ и Эллиспонтѣ, имѣли прочную осѣдлость въ Фессаліи и Греціи, нѣсколько разъ пытались овладѣть Солунью. Все это реальные факты, засвидѣтельствованные независимыми одинъ отъ другого писателями, жившими и писавшими въ разныхъ мѣстахъ. Естественно возбу-

¹⁾ Erben, „Regesta“ N. 1; сравн. мѣсто изъ письма папы Григорія I. Migne, „Patrol. Lat.“, LXXVII, col. 1092: „de Sclavorum gente, quæ vobis valde imminet, affligor vehementer et conturbor; affligor in his, quæ iam in vobis patior, conturbor quia per Istriæ aditum iam Italiam intrare coeperunt“.

ждается вопросъ, почему же славяне не удержали такъ успѣшно занятаго чрезвычайно выгоднаго положенія; почему первая четверть VII вѣка полагаеть рѣзкую границу между предыдущими и послѣдующими фактами въ славянской исторіи? Къ разъясненію этого рокового вопроса мы возвратимся при изложеніи событій царствованія Ираклія.

глава IV.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ И ЮЖНАЯ ГРАНИЦА ИМПЕРІИ. ПЕРСИДСКІЯ ВОЙНЫ. СФЕРЫ ВЛІЯНІЯ ВЪ АРАВІИ. ЕГИПЕТЪ И ХРИСТИАНСКАЯ МИССІЯ НА ГРАНИЦАХЪ АБИССИНИИ.

въ обширнѣйшія монархіи въ тогдашнемъ мірѣ—Персія и Византія—имѣли всегдашніе поводы къ сношеніямъ между собой, не только вслѣдствіе сосѣдства на громадномъ протяженіи отъ кавказскихъ горъ до Евфрата, но и по многимъ другимъ причинамъ, коренящимся въ этнографическихъ и экономическихъ условіяхъ того и другого государства. Уже то обстоятельство, что на восточной границѣ такъ же, какъ и на сѣверо-западной, не было твердыхъ и неизмѣнныхъ границъ, и что разные незначительные и мало культурные народы, подвергаясь то византійскому, то персидскому вліянію, мѣняли, смотря по обстоятельствамъ, свою политику и переходили то на сторону православнаго царя, то персидскаго,—уже это не могло не возбуждать постоянныхъ недоразумѣній между двумя имперіями. Кромѣ того, отдаленность восточной границы и сопряженныя съ этимъ трудности въ содержаніи на Евфратѣ и у подошвы Кавказа значительнаго войска и провіанта побуждали имперію искать союзниковъ или наемниковъ между мелкими князьями и начальниками кочевыхъ племенъ и довѣрять имъ защиту своихъ отдаленныхъ границъ. Главной опорой византійской власти на востокѣ была Арменія, раздѣленная впрочемъ на персидскую и византійскую половины и имѣвшая въ Малой Арменіи укрѣпленный городъ Θεодосіополь близъ нынѣшняго Эрзерума. На югѣ въ Месопотаміи болѣе значительный гарнизонъ содержался въ крѣпости Дара, или Анастасіополь, построенной на самой границѣ

съ Персіей, близъ Нисибѣ. Далѣе на югъ спокойствіе Сиріи зависѣло отъ положенія, въ какомъ находились къ имперіи полудикія племена, бродившія въ пустынѣ между Пальмирой и Дамаскомъ. Кавказскія горы составляли естественную защиту имперіи противъ неожиданныхъ вторженій. Наблюденіе за кавказскими проходами лежало на Персіи, которая за это пользовалась отъ имперіи ежегодными денежными взносами.

Современникомъ Юстиніана на персидскомъ престолѣ былъ не менѣе перваго извѣстный въ исторіи сынъ Кабада, Хосрой Нуширванъ, царствовавшій 48 лѣтъ ¹⁾). Хотя заключенный между Персіей и Византіей 30-лѣтній миръ былъ неоднократно нарушаемъ, но до конца царствованія Юстина формальнаго разрыва не наступало. Юстиніанъ въ началѣ 528 года отдалъ приказаніе тогдашнему начальнику гарнизона въ Дарѣ Велисарію приступить къ построенію на персидской границѣ другой крѣпости поблизости отъ Нисибѣ, въ мѣстности Миндонъ. Такъ какъ военное значеніе Дары подвергается сомнѣнію съ точки зрѣнія военного искусства (см. выше, стр. 357), то легко понять безпокойство со стороны персовъ, которые увидѣли въ этомъ явно враждебныя намѣренія. Престарѣлый Кобадъ послалъ въ Месопотамію большой отрядъ съ порученіемъ воспрепятствовать строенію крѣпости. Въ происшедшей битвѣ персы нанесли Велисарію сильное пораженіе и почти уничтожили бывшій подъ его командой отрядъ, постройка крѣпости была оставлена, и выбранное для крѣпости мѣсто перешло въ руки персовъ. Юстиніанъ, очевидно составившій уже опредѣленный планъ для веденія войны на Востокѣ, поручилъ командованіе восточными войсками Велисарію и далъ ему значительныя военныя силы, собранныя въ европейскихъ провинціяхъ и состоявшія большею частью изъ иноземныхъ дружинъ. Въ 530 г. подъ Дарой снова встрѣтились персидскія и византійскія войска. Мы имѣемъ прекрасное описаніе происшедшаго здѣсь сраженія, принадлежащее очевидцу, историку Прокопію, который при этомъ упоминается въ первый разъ въ качествѣ секретаря и довѣреннаго лица Велисарія ²⁾). „Персы состояли подъ начальствомъ Пероза, достоинствомъ миррана.

¹⁾ Bury, „History of the later Roman Empire“, I, p. 372, 418; Nöldeke, „Geschichte der Perser und Araber“, S. 455; Diehl, „Justinien et la civilisation Byzantine“, p. 209—218; Holmes, „The age of Justinian and Theodora“, II, p. 367, 585.

²⁾ Дестунисъ, „Прокопія Исторія войны съ персами“, I. XIII (стр. 161).

Онъ послалъ сказать Велисарію, чтобъ была готова баня, потому что на другой день онъ намѣренъ въ ней мыться. Съ восходомъ солнца римляне увидѣли идущаго на нихъ непріятеля и построились слѣдующимъ образомъ: Вузъ съ многочисленною конницею и Фара, родомъ геруль, съ 300 своихъ единоплеменниковъ заняли край лѣваго прямого рва, состоящаго подъ валомъ и простиравшагося до холма, который тутъ возвышается. Влѣво отъ нихъ внѣ рва... стояли Суника и Эгакъ, родомъ массагеты, съ 600 конными. Края прямого рва заняты многочисленною конницею, состоявшею подъ начальствомъ Іоанна, сына Никиты, также Кирилла и Маркелла, съ ними были Германъ и Дороеей... По всему рву стояли конница и пѣхота; за ними, въ самой серединѣ, стали Велисарій и Гермогенъ. Такъ ромѣи построили свое войско, состоявшее изъ 25 тысячъ чеповѣкъ. У персовъ было 40 тысячъ конницы и пѣхоты, они стояли въ строю, сдѣлавъ фронтъ фаланги самый глубокій".—Оба войска долго стояли въ боевомъ порядкѣ, не рѣшаясь начать сраженіе. Одинъ персъ сталъ вызывать на единоборство съ нимъ; противъ него выступилъ грекъ Андрей, обладавшій большимъ искусствомъ въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, и одержалъ надъ персомъ побѣду. На слѣдующій день произошло большое сраженіе, въ которомъ не такъ легко, однако, разобрать подробности. Нужно полагать, что успѣхъ сраженія зависѣлъ отъ конницы, которая была прикрыта горами, и которая въ нужное время была введена въ дѣло. Персы были разбиты на правомъ и лѣвомъ крылѣ и обратились въ бѣгство, но Велисарій удержалъ своихъ отъ продолжительнаго преслѣдованія побѣжденнаго непріятеля, опасаясь засады.

Хотя непосредственная опасность въ Месопотаміи устранена была этой побѣдой, и хотя со стороны персовъ сдѣланы были предложенія о мирѣ, но неожиданно обстоятельства снова приняли неблагоприятный оборотъ вслѣдствіе перехода на службу персовъ одного начальника бедуиновъ по имени Аламундара и сдѣланной имъ диверсіи въ Сиріи. Прокопій такъ рисуетъ планъ этого союзника персовъ, внушая ему слѣдующую рѣчь къ Кабаду¹⁾. „Въ областяхъ Месопотаміи есть весьма хорошо укрѣпленные города, а въ нихъ нынѣ военныхъ людей такое множество, какого прежде никогда не бывало. Напротивъ, за

¹⁾ „De B. P.“, I. XVII (русскій пер. стр. 225).

Ефратомъ и въ Сиріи нѣтъ ни укрѣпленнаго города, ни значительной силы непріятельской. Я это слыхалъ отъ сарациновъ, которые туда были посылаемы лазутчиками. Въ той странѣ, говорятъ, и Антиохія, городъ превосходящій богатствомъ, обширностью и многочисленностью всѣхъ городовъ восточнаго ромэйскаго края; этотъ городъ безъ охраны и безъ войска. Жители его ни о чемъ не думаютъ, кромѣ праздниковъ и увеселеній, и только спорятъ между собой о театральныя представленія. Итакъ, если подойдемъ къ этому городу неожиданно, то вѣроятно возьмемъ его при первомъ нападеніи и, не встрѣчая никакого непріятельскаго войска, возвратимся въ Персію прежде, нежели месопотамское войско узнаетъ о нашемъ движеніи. О недостаткѣ въ водѣ и припасахъ не безпокойся, я самъ поведу войско самымъ лучшимъ путемъ“.

На восточной границѣ, гдѣ въ пустынѣ кочевали свободныя племена бедуиновъ, и куда не достигало ни византійское, ни персидское непосредственное вліяніе, по временамъ чрезвычайно важное значеніе играли шейхи и эмиры, состоявшіе на жалованьѣ у той или другой имперіи. Прекрасно зная страну и пути сообщенія по безводнымъ пустынямъ и располагая вѣрными людьми, которые держали ихъ въ извѣстности на счетъ движенія отрядовъ и состоянія гарнизоновъ въ крѣпостяхъ, начальники бедуинскихъ конныхъ отрядовъ могли служить страшнымъ орудіемъ въ борьбѣ между персами и византійцами, почему и та и другая сторона не жалѣла средствъ на подкупъ подобныхъ друзей и союзниковъ. Таковъ, конечно, былъ и Аламундаръ¹⁾; это былъ человекъ прозорливый, опытный въ военныхъ дѣлахъ, котораго Прокопій характеризуетъ такъ: „сильно преданный персамъ и чрезвычайно дѣятельный, онъ въ продолженіе 50 лѣтъ обезсиливалъ ромэевъ. Отъ самыхъ предѣловъ Египта до Месопотаміи грабилъ и опустошалъ ромэйскія области: жегъ зданія, бралъ людей въ неволю тысячами, однихъ убивалъ, другихъ продавалъ за большія деньги. Никто не могъ ему противиться, онъ никогда не нападалъ безъ соблюденія осторожности, но такъ неожиданно и такъ примѣняясь къ положенію дѣлъ, что былъ уже далеко съ захваченной добычей, когда военачальники, узнавъ объ его набѣгѣ, начинали собирать противъ него силы. Если когда и случалось на-

1) „Персидская война“ въ русск. переводѣ, стр. 226.

гнать его, то онъ же нападалъ на нихъ, еще не готовыхъ и не устроенныхъ къ бою, разбивалъ и истреблялъ ихъ безъ малѣйшаго труда“. Царь Юстиніанъ, очень хорошо понимая значеніе конныхъ бедуинскихъ отрядовъ, съ своей стороны, не пренебрегалъ ихъ службой и привлекъ на свою сторону начальника другого племени по имени Арею, наградивъ его византійскими титулами и достоинствами; но Арея былъ менѣе полезный союзникъ, чѣмъ Аламундаръ.

Персидскій царь одобрилъ вышеизложенный планъ движенія въ Сирію, и въ 531 г. персидское войско начало враждебныя дѣйствія на югъ отъ Месопотаміи и по теченію Евфрата двинулось въ Сирію. Сюда же поспѣшилъ съ небольшимъ отрядомъ Велисарій и встрѣтилъ персидское войско близъ города Каллиника. На этотъ разъ персидскіе планы на счетъ перенесенія войны въ Сирію не были осуществлены, хотя, съ другой стороны, необезпеченность Византіи на этомъ театрѣ хорошо доказана была уже и тѣмъ, что Велисарій принужденъ былъ спѣшить изъ Месопотаміи на защиту Сиріи съ небольшимъ отрядомъ. Въ дѣлѣ подъ Каллиникомъ, происходившемъ въ апрѣлѣ 531 года, перевѣсъ оказался на сторонѣ персовъ. Такъ какъ послѣ этого Велисарій былъ отозванъ съ Востока и замѣненъ стратигомъ Мундомъ, то можно думать, что пораженіе, понесенное византійцами, приписывалось правительствомъ винѣ Велисарія; но изъ описанія сраженія у Прокопія и Малалы трудно вывести заключеніе о подробностяхъ. По всей вѣроятности, исходъ сраженія зависѣлъ отъ нанятой варварской конницы, которая не была достаточна противъ превосходныхъ по числу персидскихъ силъ. Въ сентябрѣ того же года умеръ персидскій царь Кобадъ, и его преемникъ Хосрой предложилъ вступить въ переговоры о мирѣ. Такъ заключенъ былъ такъ называемый „вѣчный“ миръ, по которому граница между имперіями была признана прежняя, но съ опредѣленно выставленнымъ условіемъ, чтобы главное пребываніе начальника месопотамскихъ войскъ было не въ Дарѣ, а въ Константинѣ, т.-е. нѣсколько далѣе отъ персидской границы. Кромѣ того, особой статьей обусловлены были отношенія на Кавказѣ и охрана кавказскихъ проходовъ. Юстиніанъ обязался выплатить персамъ 110 кентинаріевъ золота, а персы приняли на себя защиту проходовъ.

Но этотъ миръ далеко не принесъ успокоенія на восточной границѣ. Для Юстиніана весьма важно было освободиться отъ необхо-

димости держать большія арміи на Востокъ, такъ какъ его предпріятія на Западѣ, въ Африкѣ и Италіи, требовали напряженія всѣхъ силъ имперіи. Поэтому онъ готовъ былъ сдѣлать важныя уступки персамъ, чтобы обезпечить себѣ спокойствіе на восточной границѣ. Выше мы видѣли, какъ Юстиніанъ воспользовался миромъ съ персами для осуществленія своихъ міровластительныхъ плановъ на Западѣ, какъ успѣшно выполнилъ заморскія предпріятія въ Африкѣ и Италіи. Весьма любопытно отмѣтить, что блистательные подвиги полководцевъ Юстиніана въ Африкѣ и Италіи имѣли громкій откликъ на отдаленномъ Востокѣ, вслѣдствіе чего „вѣчный“ миръ съ персами оказался далеко не прочнымъ, а захватъ сферъ политическаго вліянія Византіи, не имѣя, повидимому, предѣловъ, сталъ непосредственно затрагивать интересы персидскаго царя. Именно въ періодъ отъ 532 до 539 г. уполномоченные Юстиніана успѣли утвердить его вліяніе на Кавказѣ и въ Крыму и, кромѣ того, привлечь на его сторону полунезависимыхъ шейховъ въ южной Аравіи и тѣмъ приготовить для Персіи весьма чувствительный ударъ. Прокопій передаетъ эту мысль по случаю сношеній готскаго героя Витигеса съ Хозроемъ, которому готскіе послы говорятъ между прочимъ: „если кто скажетъ, что ты, царь, предаешь свое царство и весь родъ человѣческой Юстиніану, тотъ скажетъ совершенную правду. Юстиніанъ, какъ человѣкъ отъ природы безпокойный и жаждующій того, что никоимъ образомъ ему не принадлежитъ, употребитъ всѣ средства, чтобы покорить себѣ всѣ царства и захватить всю вселенную. Не бывъ въ состояніи напасть на персовъ съ однѣми своими силами, ни обратиться на другихъ въ такое время, когда персы ему противятся, онъ принялъ намѣреніе обманывать тебя подъ завѣсой мира. Нѣтъ сомнѣнія, что если ему удастся совершенно сокрушить силу готовъ, то онъ вмѣстѣ съ ними и другими поработченными народами обратитъ оружіе на персовъ. Итакъ, пока у тебя есть надежда на спасеніе, не дѣлай намъ болѣе зла своимъ бездѣйствіемъ, дабы ты самъ не претерпѣлъ того же. Въ нашихъ бѣдствіяхъ предусматривай тѣ, которыя вскорѣ постигнутъ Персію. Помни, что римляне никогда не будутъ доброжелательны твоей державѣ“¹⁾).

Еще опредѣленнѣй и систематичнѣй Прокопій характеризуетъ,

1) „Procopii de B. P.“, II, 2 (русскій перев. II, стр. 14—15).

съ точки зрѣнія сосѣднихъ съ Византіей народовъ, иностранную политику Юстиніана въ слѣдующихъ словахъ армянъ, обращающихся съ жалобой къ Хосрою ¹⁾). Указавъ царю на завоевательную политику Юстиніана, армянскіе послы предупреждаютъ его объ угрожающей ему опасности непосредственно для самой Персіи, если будутъ продолжаться вредныя послѣдствія заключеннаго съ Византіей договора. „Юстиніанъ наложилъ на насъ подати, какихъ мы прежде не знали; покорилъ сосѣднихъ съ нами цановъ, доселѣ независимыхъ; поставилъ византійскаго начальника надъ царемъ несчастныхъ лавовъ... послалъ въ Воспорское царство своихъ военачальниковъ и покорилъ его своей власти, заключилъ союзъ съ царствами эѳіопскими, охватываетъ уже землю омиритовъ и Черное море, присоединяетъ и страну финиковъ къ ромэйскимъ владѣніямъ,—о бѣдствіяхъ ливійцевъ и италійцевъ не будемъ упоминать. Цѣлая земля уже не вмѣщаетъ этого человѣка.—Не онъ ли посреди мира употребилъ всѣ средства къ обольщенію раба твоего Аламундара и къ отторженію его отъ твоего царства; не онъ ли ко вреду твоему старался недавно привязать къ себѣ гунновъ, съ которыми прежде не имѣлъ никакихъ сношеній“?

Все это едва ли можетъ быть принято за реальные и дѣйствительно уже достигнутые во внѣшней политикѣ результаты; многое тутъ преувеличено и сообщается въ ложномъ освѣщеніи, но по существу здѣсь вѣрно характеризованъ Юстиніанъ съ его завоевательными планами. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ по состоянію источниковъ удалось провѣрить извѣстія Прокопія, получается не подлежащій сомнѣніямъ выводъ о широкой сѣти тайныхъ сношеній византійскаго правительства съ сосѣдними мелкими властителями въ особенности въ Крыму, на Кавказѣ, въ Арменіи, а равно съ полунезависимыми шейхами на границѣ Византіи и Персіи и въ Аравіи. Первый поводъ къ открытой враждѣ подали именно мелкія распри между двумя сарацинскими или лучше бедуинскими шейхами близъ Пальмиры. Одинъ изъ нихъ былъ на службѣ Византіи, т.-е. пользовался званіемъ патрикія и денежными выдачами и обязывался защищать Сирію и Палестину со стороны пустыни. Это былъ перешедшій въ христіанство шейхъ изъ племени гассанидовъ, извѣстный подъ именемъ

¹⁾ „De B. P.“, II, 3 (русскій перев. II, стр. 22—23).

Ареы. Соперникомъ его, бывшимъ на жалованьѣ у персовъ, былъ уже нѣсколько разъ упоминавшійся Аламундаръ. Чтобы разрѣшить между ними споръ изъ-за владѣній, Юстиніанъ послалъ двухъ уполномоченныхъ, а персидскій царь принялъ это за вмѣшательство въ дѣла его вассала и выставилъ обвиненіе противъ Юстиніана, что онъ пытался подкупить Аламундара и побудить его къ измѣнѣ. Это послужило основаніемъ для Хосроя нарушить заключенный въ 532 г. миръ и начать вновь войну весной 540 года.

Походъ открылся движеніемъ персидскаго войска въ провинцію Сирію, которая была недостаточно защищена, и въ которой Хосрой имѣлъ основанія надѣяться на успѣхъ. Первое серьезное дѣло было подъ городомъ Сура на Евфратѣ. Такъ какъ жители этого города оказали ему сопротивленіе, то Хосрой рѣшился поступить съ нимъ со всей строгостью. Коварной хитростью завладѣвъ городскими воротами, Хосрой поспѣшно ввелъ въ Суру отрядъ персовъ и, вопреки даннымъ ранѣ обѣщаніямъ, подвергъ городъ опустошенію и истребленію огнемъ. Множество жителей взято было въ плѣнъ и отправлено въ Персію. Отсюда побѣдоносное шествіе Хосроя направлялось къ главному городу Сиріи, царицѣ восточныхъ городовъ Антіохіи, которая хотя много потеряла съ переходомъ въ средніе вѣка, но все же продолжала пользоваться славой богатаго, просвѣщеннаго и многонаселеннаго города. Весьма важно отмѣтить, что со стороны Византіи принято было мало средствъ къ защитѣ Сиріи; какъ-будто походъ Хосроя былъ совершенной неожиданностью. Главнокомандовавшей восточными войсками Вуза находился въ то время въ Іераполѣ, въ сѣверной Сиріи, и не только не выступилъ противъ персовъ, но даже не въ состояніи былъ оказать помощи самому городу Іераполю. Правда, Юстиніанъ отправилъ въ Антіохію своего племянника, патрикія Германа, съ небольшимъ отрядомъ, но и онъ не былъ въ состояніи приготовить городъ къ серьезному сопротивленію. Оказалось, что стѣны Антіохіи были далеко не надежны, и что даже съ той стороны, съ которой городъ считался недоступнымъ, именно со стороны окружающихъ Антіохію горъ, находившіеся близъ стѣнъ утесы могли дать непріятелю важныя преимущества. Технической недостатокъ въ укрѣпленіи былъ замѣченъ слишкомъ поздно и исправлять его не было времени. Такъ какъ Хосрой, повидимому, всему предпочиталъ въ этомъ походѣ добычу и обогащеніе драгоценными предметами,

хранившимися въ большихъ городахъ, то Германъ сдѣлалъ попытку задержать приближеніе персидскаго войска, открывъ переговоры о денежномъ выкупѣ. Уже богатые города Сиріи, лежавшіе на пути къ Антиохіи, должны были поплатиться громадными суммами въ пользу персовъ и, кромѣ того, испытали невообразимыя страданія отъ непріятельскаго плѣненія и убійства. Когда Хосрой находился уже подъ Алеппо (древняя Веррія), Герману было объявлено чрезъ епископа Веррії, что Антиохіи можетъ быть данъ миръ, если она уплатитъ царю 10 кентинаріевъ золота или около 250000 рублей. Хотя эта сумма не можетъ представляться чрезмѣрной для большого города, но для антиохійцевъ она казалась обременительной, и потому городъ рѣшился вѣрнуться своимъ естественнымъ твердынямъ, которыя, однако, не были вполнѣ надежны. Многіе заблаговременно оставили городъ, захвативъ съ собой имущество, но прибытіе 6000 воиновъ изъ Ливана на подкрѣпленіе гарнизона поселило увѣренность, что можно бороться противъ персовъ съ надеждой на успѣхъ. Въ этой увѣренности подкрѣплялъ антиохійцевъ и Юліанъ, довѣренное лицо Юстиніана, присланное въ Антиохію съ цѣлью поддержанія въ гражданахъ энергіи. Отказавшись отъ выдачи требуемой Хосроемъ суммы, антиохійцы ухудшили положеніе уже совершенно излишней жестокостью, убивъ посланца персидскаго царя, договаривавшагося о суммѣ денежнаго выкупа. Между тѣмъ для защиты стѣнъ не оказалось достаточно военныхъ людей. Хотя и призваны были къ сторожевой службѣ торговые люди и ремесленники, но они, издѣваясь надъ Хосроемъ съ городскихъ стѣнъ и посылая ему брань и проклятія, еще больше раздражали его, возбуждая въ немъ желаніе взять городъ и жестоко наказать его жителей. Антиохія взята была персами именно съ той стороны, гдѣ городскія стѣны были мало защищены, и гдѣ онѣ приближаются къ господствующимъ надъ кремлемъ вершинамъ. Какъ скоро незначительный гарнизонъ Антиохіи испыталъ неудачу при отраженіи приступа персовъ, въ городѣ начались паника и беспорядочное бѣгство. Персы овладѣли Антиохіей, разграбили церкви и общественныя зданія и взяли множество плѣнныхъ. Впечатлѣніе, произведенное сдачей Антиохіи, было громадное. Подъ его влияніемъ начавшіеся вновь переговоры о мирѣ пошли болѣе успѣшно, чѣмъ прежде. Хосрой воспользовался пріобрѣтенными выгодами и возвысилъ требуемую отъ Византіи сумму, объясняя притомъ, „что

не надлежало почитать миръ утвержденнымъ на вѣки потому только, что теперъ уплачивается ему требуемая сумма, ибо дружба, заключенная между народами за деньги, которыя издерживаются, обыкновенно вмѣстѣ съ деньгами уменьшается и истощается“. Этимъ ораторскимъ приѣмомъ мотивировалось требованіе ежегодной дани. Послѣ долгихъ переговоровъ миръ былъ заключенъ на томъ условіи, что Византія уплатитъ единовременно 50 кентинаріевъ, т.-е. около милліона рублей, и обяжется къ ежегодной платѣ по 5 кентинаріевъ за охрану каспійскихъ проходовъ. Прежде чѣмъ указанная условія были приняты Юстиніаномъ, персы причинили не мало бѣдъ и другимъ городамъ при обратномъ движеніи черезъ Месопотамію. Особенной для себя честью Хосрой полагалъ взятіе Эдессы, такъ какъ у христіанъ было вѣрованіе, что этотъ городъ не можетъ быть взятъ ни однимъ врагомъ. Подступивъ, однако, къ городу и получивъ согласіе жителей уплатить два кентинарія золота, Хосрой удовлетворился этимъ откупомъ и направился къ крѣпости Дара, лежащей на границѣ Персіи и Византіи, которая была выстроена Анастасіемъ и составляла предметъ постоянныхъ недоразумѣній между двумя имперіями. Начавъ осаду и этой крѣпости, Хосрой не считалъ, однако, полезнымъ доводить дѣло до разрыва и скоро отошелъ въ свои владѣнія. Вблизи Ктесифона, въ сознаніи блестящаго успѣха оконченнаго предпріятія, персидскій царь приказалъ построить новый городъ, который онъ украсилъ памятниками искусства, привезенными изъ Антіохіи, и который населилъ взятыми изъ византійскихъ городовъ плѣнниками. Этотъ городъ получилъ имя Хосроевой Антіохіи.

Въ дальнѣйшихъ отношеніяхъ между Персіей и Византіей важную роль играли древняя Колхида и вопросъ о кавказскихъ и каспійскихъ воротахъ. Въ современныхъ описываемымъ событіямъ памятникахъ страна эта называется Лазикой, а жители ея—лазами. Она граничила съ персидской Арменіей и съ полунезависимыми племенами и подвергалась попеременно то персидскому, то византійскому вліянію. Не представляя сама по себѣ значенія, какъ страна бѣдная и не производящая необходимыхъ для жизни продуктовъ, Лазика, тѣмъ не менѣе, была предметомъ особенныхъ попеченій со стороны Персіи и особенно Византіи и нѣсколько лѣтъ служила театромъ ожесточенныхъ войнъ. Можно догадываться, что обладаніе этой страной разсматривалось какъ средство политическаго и эконо-

мического вліянія на Кавказъ и по Черноморскому побережью. Кромѣ того, какъ лазы, такъ и сосѣдніе съ ними ивиры были естественными стражами проходовъ чрезъ Кавказскій хребетъ и съ этой точки зрѣнія цѣнными союзниками для той имперіи, политическое вліяніе которой въ данное время имѣло перевѣсъ. Случилось такъ, что сейчасъ же по окончаніи побѣдоноснаго похода въ Месопотамію и заключеніи мира персидскій царь вновь началъ войну съ Византіей изъ-за Лазики. Наслѣдственный князь въ этой странѣ Губазъ состоялъ въ зависимости отъ Византіи, носилъ имперскія почетныя званія и обязывался оберегать интересы Юстиніана. Хотя свобода лазовъ ничѣмъ не была ограничена, но вліяніе Византіи сказывалось во многихъ фактахъ. Между прочимъ, было признано необходимымъ держать въ Лазикѣ военный византійскій отрядъ—съ цѣлью противодѣйствовать персидскому вліянію, имѣвшему преобладаніе въ сосѣдней Ивирии. Къ сожалѣнію, назначаемые изъ Константинополя начальники не были на высотѣ своего положенія и возбуждали населеніе всевозможными притѣсненіями. Таковъ былъ Іоаннъ Цивъ, который довелъ до крайнихъ предѣловъ недовольство въ Лазикѣ византійскимъ патронатомъ. Можно, конечно, думать, что въ характерѣ дѣятельности Цива выражалась цѣлая система. Въ самомъ дѣлѣ, выстроенная при немъ въ Лазикѣ крѣпость по имени Петра, на морскомъ берегу неподалеку отъ Ріона (древній Фазисъ), выражаетъ государственную тенденцію. Здѣсь былъ устроенъ не только оплотъ византійскаго вліянія съ военными запасами и провіантомъ, но также и таможенное вѣдомство, доводившее лазовъ до крайней степени нужды и возмущавшее ихъ чувства. По словамъ Прокопія, византійскій начальникъ гарнизона Петры грабилъ лазовъ; уже не было болѣе позволено купцамъ привозить въ Колхиду соль и другіе товары, необходимые для лазовъ, или у нихъ что покупать. Іоаннъ завелъ въ Петрѣ монополію, сдѣлался торгашемъ, завѣдующимъ всѣмъ торгомъ, самъ все покупалъ и продавалъ колхамъ и не по обыкновеннымъ цѣнамъ, а по тѣмъ, какія самъ назначалъ. Если взвѣсить всѣ эти данныя, то нужно будетъ признать, что постройкой Петры византійское правительство не только достигало поработченія Лазики, но и заводило здѣсь морскую стоянку и устанавливало прямыя морскія сношенія съ этой частью своихъ черноморскихъ владѣній. Въ виду указанныхъ обстоятельствъ лазы рѣшились искать покровительства

персовъ, въ которомъ Хосрой не отказалъ имъ. Пустивъ слухъ, что ивирамъ угрожаетъ опасность со стороны сѣверныхъ враговъ, Хосрой въ 541 г. пошелъ якобы на защиту ихъ; на самомъ же дѣлѣ лазы провели его имъ извѣстными и заранѣе приготовленными дорогами въ свою страну, гдѣ Гобазъ встрѣтилъ персидскаго царя и выразилъ ему свою преданность. Предстояло отнять у византійцевъ крѣпость Петру и освободить Лазу отъ власти Юстиніана. Это предпріятіе представляло значительныя трудности въ виду почти неприступнаго положенія Петры, защищенной моремъ и скалами. Тѣмъ не менѣе, крѣпость подверглась осадѣ и взята была посредствомъ подкопа подъ одну башню, съ паденіемъ которой гарнизонъ долженъ былъ сдаться. Хосрой захватилъ здѣсь большія богатства, собранныя посредствомъ вымогательствъ Цива, поставилъ въ Петрѣ персидскій гарнизонъ и могъ считать свою задачу оконченной, тѣмъ болѣе, что до него стали доходить слухи объ угрожающемъ движеніи Велисарія. Успѣшное взятіе Петры имѣло еще и тотъ результатъ, что два другія укрѣпленія, находившіяся на сѣверъ отъ Петры, Севастополь (Діоскоріада) и Пицунда, были покинуты византійскимъ гарнизономъ и перешли подъ власть персовъ. Принимая въ соображеніе то обстоятельство, что Хосрой замышлялъ строить корабли на Черномъ морѣ и для этой цѣли заготовилъ строительный матеріалъ, который, однако, былъ истребленъ пожаромъ, можно думать, что Петра не лишена была и морского значенія и могла быть пристанищемъ для судовъ ¹⁾).

Южнѣй сирійской пустыни, по направленію къ Черному морю и Аравіи, Византія пыталась удержать свое вліяніе посредствомъ дипломатическихъ сношеній. Выяснить хотя бы въ немногихъ чертахъ роль Византіи въ этихъ областяхъ тѣмъ болѣе важно, что здѣсь уже не было имперскихъ гарнизоновъ, и что Юстиніану не было прямыхъ интересовъ къ захвату этихъ отдаленныхъ провинцій.—Вслѣдствіе продолжительныхъ войнъ съ Персіей для Византіи стала недоступна обычная дорога, по которой прежде доставлялись въ Сирію и Египетъ индійскіе товары, являлась поэтому необходимостью искать новыхъ торговыхъ путей. Начинаетъ поэтому пріобрѣтать значеніе Красное море или Аравійскій заливъ, по которому стали направляться тор-

¹⁾ Diehl, „Justinien“, p. 380, 390.

говья суда на востокъ въ обходъ Персіи. Это имѣло громадное значеніе какъ для исторіи Аравіи, которая пробудилась къ новой жизни вслѣдъ за обширнымъ торговымъ движеніемъ, внесшимъ новыя идеи и понятія въ жизнь арабовъ, такъ и для направленія политики Юстиніана въ эту сторону. Заливъ, оканчивающій Красное море на сѣверо-востокъ, получилъ тогда обширную извѣстность благодаря острову Ютаба и торговому порту Лиль, въ которыхъ сосредоточивалось торговое сухопутное и морское движеніе. Имперія давно уже имѣла здѣсь своихъ приверженцевъ, и торговые люди заводили разнообразныя сношенія на томъ и другомъ берегу Краснаго моря, покупая драгоцѣнныя произведенія Аравіи и Эіопіи и перевоза ихъ на сѣверъ. Въ особенности важны по своимъ послѣдствіямъ были торговыя связи съ западнымъ берегомъ черезъ торговый портъ Адудлисъ, открывавшій путь въ царство аксумское или нынѣшнюю Абиссинію, откуда получались рабы, слоновая кость и разныя благовонія и пряности. Здѣсь же, чрезъ посредство абиссинцевъ и арабовъ Іемена намѣчался караванный путь въ Индію въ обходъ персидскаго царства, что разрѣшало до извѣстной степени весьма важную проблему, вызванную политическими осложненіями на персидской границѣ. Юстиніанъ принялъ рядъ экстренныхъ мѣръ, чтобы завязать здѣсь прочныя отношенія. Онъ обратилъ вниманіе на арабскія племена, кочевавшія на югѣ отъ византійскихъ владѣній, именно племена финиковъ, кинда и маадъ. За разнообразныя денежныя выдачи и привилегіи одинъ изъ начальниковъ этихъ племенъ согласился поступить на службу имперіи и держать въ извѣстномъ подчиненіи сосѣднихъ шейховъ въ качествѣ византійскаго филарха. Императоръ вступилъ съ нимъ въ дружественныя сношенія, заставилъ дать въ заложники сына его и воспитать его въ Константинополѣ. Такимъ образомъ постепенно распространялись въ Аравіи византійская образованность и христіанство, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пресѣкались для Персіи средства распространять здѣсь свое политическое вліяніе. Не менѣе успѣшна была политика Юстиніана въ Іеменѣ и Абиссиніи ¹⁾. Здѣсь прежде всего, обращало на себя вниманіе царство омиритовъ или Гимайръ, гдѣ христіанство пустило корни еще раньше Юстиніана, и гдѣ церковная организація подвергалась опасности со стороны языч-

¹⁾ Duchesne, „Les missions chrétiennes au sud de l'empire“ („Mélanges d'Archéologie et d'histoire“, 1896); Diehl, „Justinien“, p. 393 squ.

никовъ, находившихъ поддержку въ Персіи. Византія оказала покровительство христіанской партіи въ землѣ омиритовъ и поощрила притязанія абиссинскаго царя на эту область. Абиссинскій царь Эладцбега, или Елесваанъ византійскихъ писателей, вступилъ въ Аравію, низвергъ династію мѣстныхъ царей и посадилъ на престолъ омиритовъ своего намѣстника и, какъ убѣжденный христіанинъ, послалъ въ Аравію проповѣдниковъ. Такимъ образомъ Аравія была открыта христіанскому вліянію монофизитской церкви при посредствѣ Абиссиніи и политическому преобладанію имперіи. Открывая Красное море для торговли шелкомъ и другими восточными товарами, Юстиніанъ въ то же самое время сдѣлалъ попытку вовлечь Абиссинію въ свою борьбу съ персами. Посредствомъ абиссинскаго намѣстника въ Аравіи Юстиніанъ имѣлъ возможность поддерживать своихъ партизановъ въ сѣверной Аравіи и дать значительный авторитетъ Филарху, распространявшему византійское вліяніе между шейхами мелкихъ колѣнъ. Съ этой цѣлью Византія поддерживала посольствами свои отношенія съ Абиссиніей, и у писателя I. Малалы сохранилось весьма живое описаніе приема греческаго посла въ Аксумѣ.

Продолжая знакомиться съ южной границей имперіи, мы доходимъ до Египта. Южная граница имперіи здѣсь доходила почти до первыхъ пороговъ Нила, за которыми начинались области независимыхъ и хищныхъ племенъ—блеммиды и нобады. Хотя экономическое положеніе Египта сильно упало со времени Августа, такъ что съ Египта при Юстиніанѣ собиралась только половина того количества хлѣбной подати, какая доставлялась въ первомъ столѣтіи (до 6 милл. модіевъ вмѣсто прежнихъ 12 милл. ¹⁾), тѣмъ не менѣе, отъ египетскихъ хлѣбныхъ урожаевъ зависѣло продовольствіе столицы, почему императоръ озабоченъ былъ состояніемъ этой провинціи и принималъ энергичныя мѣры къ тому, чтобы она не была тревожима южными независимыми племенами. Главными мѣрами воздѣйствія здѣсь также была христіанская миссія. Въ 540 г. одинъ монофизитскій священникъ, по имени Юліанъ, поощряемый и поддержанный царицей Θεодорой, отправился съ богатыми дарами въ Нубію и представился царю Сіако, который крестился со всѣмъ народомъ и предоставилъ себя на службу имперіи. Тогда послѣ побѣды надъ блеммидами былъ

¹⁾ Justiniani Novellae (ed. Zachariae a Lingenthal, const. XCVI a. 538).

разрушенъ языческой храмъ въ Филе (541—542 г.), и поставленный здѣсь епископъ Θεодоръ былъ первымъ христіанскимъ миссіонеромъ въ Верхнемъ Египтѣ.

Намѣченныя здѣсь событія, касающіяся Абиссиніи и Египта, весьма важны съ точки зрѣнія исторіи христіанской культуры и заслуживаютъ того, чтобы поставить ихъ въ надлежащемъ освѣщеніи. Въ особенности христіанская миссія въ Египтѣ при императорѣ Юстиніанѣ оставила слѣды на сохранившихся еще на мѣстѣ памятникахъ и можетъ быть изучаема и по настоящее время. У писателя Прокопія имѣемъ объ этомъ слѣдующее извѣстіе ¹⁾. „Отъ города Аксумы до предѣловъ ромэйской державы въ Египтѣ, гдѣ городъ Элефантина, 30 дней пути. Здѣсь живутъ многія племена, сильнѣйшія между ними блеммиды и нобады... Послѣдніе жили по берегамъ Нила, начиная отъ города Элефантины, съ согласія Діоклитіана, который опредѣлилъ выдавать имъ и блеммидамъ опредѣленное количество золота... Они и въ мое время получаютъ эти деньги, но тѣмъ не менѣе дѣлаютъ набѣги на тамошнія селенія. Тотъ же государь... построилъ на островѣ рѣки Нила близъ Элефантины сильную крѣпость, соорудилъ общіе для ромэевъ и варваровъ храмы и жертвенники и опредѣлилъ въ этой крѣпости жрецовъ“. Здѣсь Прокопій говоритъ о знаменитомъ храмѣ, посвященномъ культу Изиды и Озириса въ Филахъ, близъ нынѣшняго Ассуана, у первыхъ пороговъ Нила. Этотъ храмъ до времени Прокопія принадлежалъ мѣстному населенію, и къ нему стекалось множество поклонниковъ Изиды со всѣхъ окрестныхъ странъ. По приказанію Юстиніана, командовавшей мѣстнымъ гарнизономъ Нарсъ положилъ конецъ языческому культу въ Филахъ, а при епископѣ Θεодорѣ языческіе храмы стали приспособляться къ христіанскому богослуженію (рис. 57).

Въ настоящее время, по требованіямъ экономическихъ соображеній, англичане устроили загражденія для водъ рѣки Нила, вслѣдствіе чего уровень воды поднялся до такой степени, что громадныя сооруженія Филе на половину затоплены, и къ нимъ возможенъ доступъ только на лодкѣ. Тѣмъ могущественнѣй вліяютъ на посѣтителя полуразрушенныя и едва ли долго могуція противостоятъ разрушительному дѣйствию воды развалины храма Изиды и Озириса. Внутри

¹⁾ „De B. P.“, I, 19 (русскій перев. стр. 254, 260 и сл.).

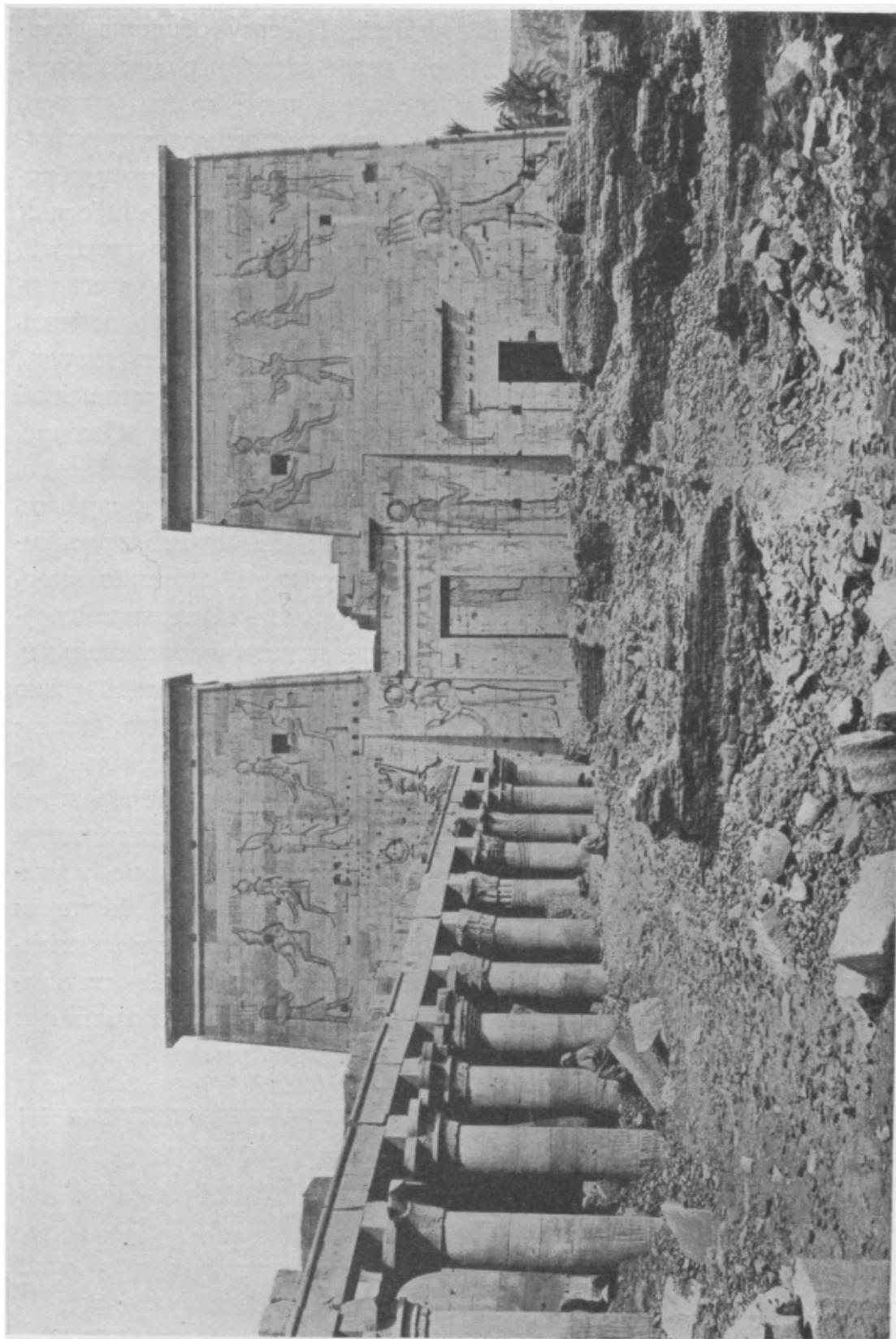

Рис. 57. Храмъ Изиды и Озириса въ Филе.

построекъ нѣсколько греческихъ надписей. Наверху обширная терраса, съ которой открывается видъ на всѣ постройки и окрестности.

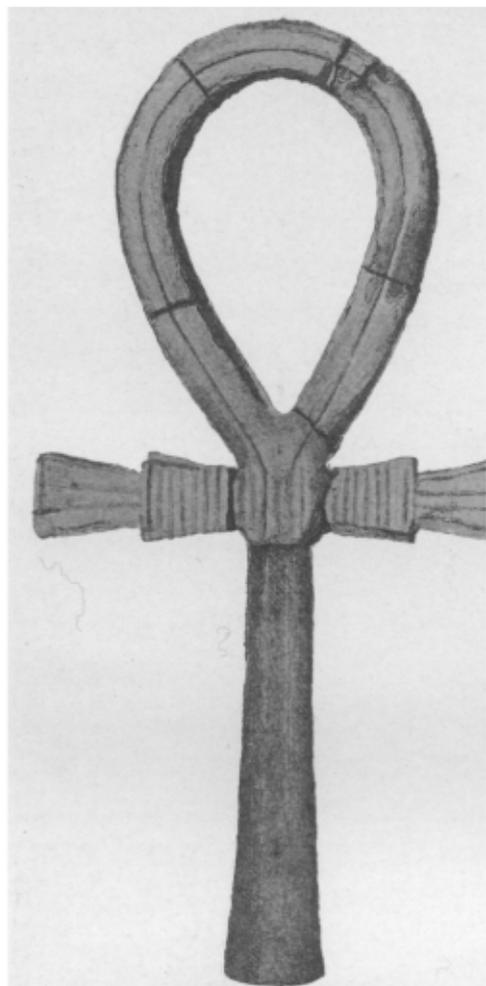

Рис. 58. Египетскій анхъ.

Отдѣльныя части храма были въ VI в. приспособлены для христіанскаго богослуженія. Между изображеніями нильскаго лотоса и богини Которъ съ рогами надъ головой, читаются надписи на греческомъ языкѣ съ крестомъ. На одной изъ колоннъ болѣе подробная надпись, свидѣтельствующая о строительной дѣятельности епископа Теодора, которому, какъ объяснено выше, принадлежитъ главная заслуга въ утвержденіи въ странѣ христіанскаго исповѣданія¹⁾. Какъ въ этомъ храмѣ, такъ и въ большинствѣ другихъ египетскихъ памятниковъ и, въ особенности, въ музеяхъ нужно отмѣтить знакъ креста (анхъ; рис. 58) въ разнообразныхъ формахъ и сочетаніяхъ, изображеніе крылатаго змѣя съ тремя головами и съ надписями, какъ на картинахъ Страшнаго суда. Съ точки зрѣнія вліянія Египта на христіан-

скую культуру и въ разсужденіи источниковъ заимствованія аскетическихъ идей и сказаній въ древней христіанской литературѣ памятники Египта представляютъ громадной важности матеріаль.

¹⁾ Надписи, между прочимъ, изданы въ „Corpus Inscr. Graecarum“, 8647—49.

глава V.

ВНУТРЕННЯЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ЮСТИНИАНА. БУНТЪ „НИКЯ“ РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА ВЪ СИРИИ. СИМЕОНЪ СТОЛПНИКЪ И ЕГО МОНАСТЫРЬ.

При обзорѣ фактовъ, относящихся къ внутренней дѣятельности Юстиніана, мы должны прежде всего выдѣлить и подвергнуть оцѣнкѣ цѣлый рядъ государственныхъ актовъ, законодательныхъ и административныхъ распоряженій, коими Юстиніанъ сводилъ счеты съ старымъ строемъ, съ тѣми воззрѣніями и настроеніями, которыя имѣли свои корни въ античной культурѣ, въ свободной философской и риторской школѣ и, наконецъ, въ муниципальных городскихъ вольностяхъ. Этою, такъ сказать, отрицательной стороной внутренней дѣятельности лучше характеризуются воззрѣнія Юстиніана на задачи управленія подчиненной ему имперіей, чѣмъ тѣми положительными актами государственной дѣятельности, которые представляли лишь попытку къ признанію новыхъ формъ государственной жизни, уже заявившихъ себя реальными фактами, но въ общемъ не совсѣмъ ясно опредѣлившуюся систему. Въ самомъ дѣлѣ, намъ легче понять настроеніе Юстиніана и руководившій его распоряженіями планъ, когда онъ издавалъ законъ о закрытіи философской языческой школы въ Аѳинахъ. Точно также можно усматривать извѣстную систему въ его суровыхъ мѣрахъ противъ еретиковъ. Но не такъ ясна идея его громаднхъ и дорого обошедшихся построекъ, равно какъ основная мысль его реформъ по гражданской и военной администраціи. Кромѣ того, теперь уже не можетъ подлежать сомнѣнію, что отрицательныя и, если употребить нынѣшнее выраженіе, реакціонныя мѣры Юстиніана достигали цѣли, сопровождаясь опредѣлен-

ными реальными, хотя и весьма тяжкими послѣдствіями, между тѣмъ какъ положительныя его распоряженія рѣдко достигали тѣхъ результатовъ, на которые были рассчитаны, часто нуждались въ перемѣнахъ и поправкахъ, а иногда оказывались прямо бесполезными или недостижавшими цѣли, какъ многія постройки съ военной цѣлью, или административныя преобразованія. Система мѣропріятій противъ древнихъ либеральныхъ учрежденій съ особенной выразительностью отмѣчена въ исторіи городскихъ димовъ (*δημοι*), въ ограниченіи политическихъ правъ цирковыхъ партій, въ усиленіи власти городского епарха, въ извѣстномъ движеніи городского населенія противъ Юстиніана, выразившемся въ дѣлѣ „Ника“, и, наконецъ, въ церковной политикѣ. Указанными фактами займемся въ настоящей главѣ.

Много путаницы въ исторію Византіи привнесло недоразумѣніе по поводу термина *ὁ δῆμος*. Въ классическомъ языкѣ и въ древней исторіи подъ этимъ терминомъ разумѣются административный округъ, община и, наконецъ, народъ. Въ средневѣковомъ языкѣ димы стали быть понимаемы въ значеніи партій цирка, *factiones*. Это повліяло на все построеніе идеи о городскомъ населеніи и совершенно въ превратномъ видѣ представило процессъ средневѣковой городской жизни. Хотя у писателей терминъ димъ и димы употребляется въ смыслѣ городского населенія, а не въ тѣсномъ значеніи партій цирка, какъ это встрѣчаемъ у Константина Порфиророднаго, тѣмъ не менѣе, общая исторія димовъ получила въ литературѣ одностороннюю постановку и неправильное освѣщеніе.

Происхожденіе партій цирка скрывается въ глубокой древности, какъ и происхожденіе самаго цирка или ипподрома. Господствовавшая въ византійской литературѣ традиція относила ко времени Рогула и устройство цирка, и начало цирковыхъ партій. Названія партій цирка, игравшихъ весьма важную роль въ большихъ городахъ Византійской имперіи, гдѣ были устроены ипподромы, перенесены также изъ римскаго цирка, такъ какъ тѣ же самыя названія встрѣчаемъ тамъ со времени Цесаря и Августа. Хотя прасины, венеты, левки и русіи извѣстны были во всѣхъ городахъ, имѣвшихъ ипподромы, тѣмъ не менѣе, происхожденіе и значеніе этихъ названій забыто было весьма рано. Уже въ VI столѣтіи нужно было прибѣгать къ разнымъ и довольно замысловатымъ комбинаціямъ по объясненію приведенныхъ названій цирковыхъ партій. Согласно данному визан-

тійскими писателями объясненію, части цирка воспроизводятъ солнечную систему и соотвѣтствуютъ четыремъ стихіямъ: землѣ, водѣ, огню и воздуху, а наименованіе четырехъ партій цирка или соотвѣтствуетъ означеннымъ четыремъ стихіямъ, или метафорически выражаетъ ихъ.

Гдѣ циркъ — тамъ и партіи въ томъ же числѣ и съ тѣми же именами. Гдѣ партіи — тамъ борьба димовъ, политическая интрига, бунтъ и опасныя для правительства притязанія. Партіи возникаютъ сами собой въ старыхъ и новыхъ городахъ, гдѣ правительство находитъ нужнымъ пожаловать населенію право имѣть свой ипподромъ. Весьма вѣроятно, что это право имѣетъ связь съ надѣленіемъ нѣкоторыхъ городовъ опредѣленнымъ городовымъ правомъ, подразумѣвающимся въ византійскихъ памятникахъ подъ выраженіемъ *τὸ δίκαιον τῆς πόλεως*.

Исторія этихъ партій обращала на себя вниманіе многихъ изслѣдователей. По поводу цирковыхъ партій въ Римѣ и Константинополѣ противъ Рима и Византіи предъявлены рѣзкія и суровыя обвиненія. У Гиббона, Фридендера и Рамбо въ одинаковой степени выдержанъ порицательный тонъ по отношенію къ партіямъ цирка. И дѣйствительно, трудно было бы защищать эти партіи, если бы не оставалось никакихъ сомнѣній въ томъ, изъ какихъ элементовъ онѣ слагались, и какое отношеніе имѣли къ политическому и административному строю городовъ. Но эти послѣдніе вопросы остались не вполне выясненными, хотя можно думать, что въ организаціи цирковыхъ партій принимали участіе городскія сословія, такъ какъ выраженіе *τὰ μέρη* равносильно выраженію *οἱ δήμοι* и обозначаетъ вообще населеніе города, организованное по димамъ. По многимъ сторонамъ изученія Византіи до сихъ поръ остаются руководящими воззрѣнія, высказанныя еще Гиббономъ. По занимающему насъ вопросу онъ говоритъ слѣдующее ¹⁾. Константинополь усвоилъ не добродѣтели древняго Рима, а его безразсудства, и тѣ же самыя партіи, которыя волновали циркъ, стали съ удвоенной яростью свирѣпствовать на ипподромѣ. Въ царствованіе Анастасія это народное неистовство усилилось отъ религіознаго рвенія... Изъ столицы эта зараза распространилась по провинціямъ и городамъ Востока и изъ созданнаго для забавы раз-

¹⁾ Гиббонъ, „Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи“ (русскій переводъ), IV, стр. 321 и сл.

личія двухъ цвѣтовъ возникли двѣ сильныя и непримиримыя партіи, потрясавшія слабую правительственную власть въ самомъ основаніи. Народныя распри, возникающія изъ-за самыхъ серіозныхъ интересовъ или изъ-за религіозныхъ убѣжденій, едва ли бывають болѣе упорны, чѣмъ эти пустые раздоры, нарушавшіе семейное согласіе, ссорившіе братьевъ и друзей... Всѣ законы божескіе и человѣческіе попирались ногами... Въ Антіохіи и Константинополѣ снова выступила на сцену демократія съ свойственной ей разнузданностью, но безъ свойственной ей свободы, и поддержка которой-либо партіи сдѣлалась необходимой для всякаго кандидата, искавшаго гражданской или церковной должности. Зеленымъ приписывали тайную привязанность къ семейству или къ сектѣ Анастасія; голубые были преданы интересамъ православія ¹⁾). Все это разсужденіе, по меньшей мѣрѣ, неосновательно. Если партіи имѣли такое значеніе, что потрясали правительственную власть, если цирковыя партіи были носителями демократическихъ принциповъ и были въ состояніи давать преобладаніе той религіозной системѣ, за которую онѣ высказывались, то ясно, что здѣсь историку предстоитъ имѣть дѣло не просто съ безразсудствами и съ народнымъ неистовствомъ, а съ какимъ-то болѣе важнымъ факторомъ, который не случайно усвоенъ Константинополемъ изъ Рима и распространился затѣмъ по провинціямъ и городамъ Востока.

Внѣшняя исторія константинопольскихъ цирковыхъ партій или— что будетъ ближе къ терминологіи источниковъ — константинопольскихъ димовъ очень не сложна. Димы наполняютъ своими бурными дѣянiami исторію V и VI вв. Съ VII в. извѣстія становятся рѣже, это служитъ указателемъ того, что димамъ нанесенъ былъ правительствомъ сильный ударъ, послѣ котораго они не могли никогда оправиться. Для выясненія значенія димовъ въ исторіи Константинополя, равно какъ для рѣшенія вопроса объ отношеніи партій цирка къ городскому населенію вообще—наибольшій интересъ представляютъ тѣ извѣстія, которыя рисуютъ димы во время ихъ упадка, и которыя знакомятъ съ мѣрами, принятыми къ обузданію ихъ правительствомъ.

Лучшій и обильнѣйшій матеріалъ заключается въ сочиненіи, при-

¹⁾ Ср. Friedländer, II, p. 64.

писываемомъ императору Константину Порфирородному, De „segi-
niis aulae Byzantinae“ ¹⁾). Здѣсь димы являются уже въ весьма
обветшаломъ видѣ, утратившими политическое значеніе. Но прежняя
ихъ роль, какъ пережитокъ, обнаруживается въ символическихъ
дѣйствіяхъ на парадныхъ выходахъ и торжественныхъ пріемахъ
византійскихъ царей. Безъ участія димовъ не происходитъ ни одной
важной церемоніи при византійскомъ дворѣ, почему составитель
Придворнаго устава, опредѣляя занимаемое димами мѣсто между
придворными, военными и духовными чинами и описывая тѣ дѣй-
ствія, какія по уставу принадлежали димами, сообщаетъ о нихъ
множество драгоцѣнныхъ свѣдѣній.

Всматриваясь въ роль димовъ по придворному уставу, нельзя не
замѣтить, что хотя они и лишены политической силы, тѣмъ не менѣе,
являются дѣйствительными представителями и выразителями обще-
ственного мнѣнія. По уставу положено говорить имъ славословія
царю, и въ X вѣкѣ, кромѣ славословій, дѣйствительно, ни въ чемъ
не выражается ихъ роль, но ранѣе того димы могли гласно выра-
жать и оппозиціонное правительству настроеніе. Кромѣ того, въ
уставѣ сохранились весьма любопытныя черты по отношенію къ
организации димовъ и болѣе или менѣе ясныя намеки на такіе
факты и отношенія, которые касаются прежней ихъ исторіи и кото-
рые для самого составителя устава были уже забытою стариной ²⁾).

Уже изъ извѣстій Прокопія о возмущеніи „Ника“ можно видѣть,
что онъ имѣетъ въ виду, говоря о димѣ, вообще населеніе столицы,
находящееся въ извѣстной организациі и подчиненное епарху го-
рода ³⁾). И почти обычное явленіе, что „партіи“ затѣваютъ движенія
и смуты не по поводу частныхъ дѣлъ, касающихся цирка, а по во-
просамъ общественнаго или политическаго характера. Почти каждый
разъ въ движеніяхъ дима кроется недовольство противъ правитель-
ства или въ частности противъ епарха города.

Такимъ образомъ ясно, что въ димахъ мы имѣемъ явленіе бы-
товое, коренящееся въ условіяхъ организациі восточныхъ городовъ,

¹⁾ Прекрасный комментарий къ этому сочиненію даетъ Д. О. Бѣляевъ, „Byzanti-
na. Очерки, матеріалы и замѣтки по визант. древностямъ“. Книги I и II.

²⁾ Источники, литература и подробности въ моей статьѣ: „Партіи цирка и димы
въ Константинополѣ“ („Визант. Временникъ“, т. I).

³⁾ „De V. Pers.“, I, 119—120.

а потому вопросъ о прасинахъ и венетахъ не можетъ быть разсматриваемъ съ той точки зрѣнія, на которой стоитъ Гиббонъ: „Константинополь усвоилъ не добродѣтели древняго Рима, а его безразсудства, и тѣ же самыя партіи, которыя волновали циркъ, стали съ удвоенной яростью свирѣпствовать въ ипподромѣ“. Византійскіе писатели указываютъ демократическія тенденціи въ большихъ городахъ на Востокѣ, называютъ Антиохію очагомъ этихъ тенденцій и прямо даютъ понять, что нападки дима направлены противъ органовъ правительственной власти въ городахъ¹⁾. Съ другой стороны, правительство ведетъ борьбу съ городскими димами какъ законодательнымъ, такъ и административнымъ путемъ, ограничивая права населенія и расширяя полномочія епарха. Для Константинополя составляетъ эпоху въ этомъ отношеніи періодъ епарха Θεодота при царѣ Іустинѣ, „который обуздалъ константинопольскую димократію“. Для Антиохіи такое же значеніе имѣетъ періодъ Константина Тарсея при царѣ Анастасіи, который далъ Тарсею право казнить всякаго, ибо димократическая партія прасиновъ въ Антиохіи возмутилась противъ власти²⁾.

Для выясненія роли димовъ послѣ Юстиніана весьма важны извѣстія, по которымъ димоты, какъ гражданскій элементъ, назначаются въ исключительныхъ случаяхъ на военную службу, на подобіе ратниковъ. Такъ, Маврикій, находясь въ затрудненіи по случаю нападенія аваровъ, назначилъ димы на службу при Длинныхъ стѣнахъ; въ другой разъ тотъ же царь назначилъ бывшія у него въ распоряженіи войска для защиты Длинныхъ стѣнъ, между тѣмъ какъ димы охраняли городъ; наконецъ, по случаю возмущенія въ войскахъ, поручаетъ охрану города димамъ³⁾.

Первый случай подобнаго зачисленія городскихъ обывателей въ военную службу отмѣченъ во время Юстиніана и записанъ у писателя Θεοφана. Извѣстіе Θεοφана имѣетъ особенный интересъ⁴⁾. По случаю нападенія аваровъ и славянъ, которые прорвались чрезъ Анастасіеву стѣну и угрожали самой столицѣ, масса крестьянскаго на-

1) ἐπὶ ἤρχοντο γὰρ καὶ τοῖς κατὰ πόλιν ἄρχουσι, ἀρξάμενοι ἀπὸ τοῦ Βυζαντίου (Malal., 416, 5; Theoph., 166, 28).

2) Malal., 416, 10; 393, 5.

3) Theoph., 254, 7; 279, 20; 287, 23.

4) Ibid. 233, 11: ὁ βασιλεὺς ἐδημότασε πολλοὺς καὶ ἔπειψεν εἰς τὸ Μακρὸν τεῖχος.

селенія ближайшихъ деревень, забравъ свое имущество, искала спасенія въ Константинополѣ. Юстиніанъ, по всей вѣроятности, зачислилъ этихъ пришлыхъ людей въ димы или приписалъ къ димамъ и назначилъ ихъ въ службу на Длинные стѣны. Послѣ Юстиніана подобные случаи повторяются чаще, и Маврикій встрѣтилъ въ димахъ сильную оппозицію, которая обошлась ему весьма дорого.

Рядомъ съ возложеніемъ на димы воинской повинности правительство постепенно стремилось къ ограниченію димовъ, какъ гражданскаго элемента населенія столицы, посредствомъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ. Въ этомъ отношеніи димы подчиняются вѣдомству епарха города, власть котораго столько же расширяется, сколько уменьшается авторитетъ димарха.

На основаніи представленныхъ здѣсь наблюденій по исторіи константинопольскихъ димовъ, мы приходимъ къ заключенію, что отождествленіемъ дима съ партіей цирка допускается нѣкоторая неправильность въ толкованіи текстовъ. Эта неправильность, не бросающаяся въ глаза при разборѣ одного или небольшого числа мѣстъ, становится слишкомъ замѣтной, если подвергнуть анализу извѣстія о димахъ писателей, раздѣленныхъ одинъ отъ другого значительнымъ пространствомъ времени. Дѣло не ограничивается здѣсь неточностями филологическаго характера, но вліяетъ на постановку вопроса объ исторіи городскаго сословія, объ отношеніи правительственной власти къ городскимъ учрежденіямъ, о военномъ устройствѣ и т. п. Если мы сведемъ исторію димовъ къ исторіи цирковыхъ партій, то, по меньшей мѣрѣ, должны будемъ оставить безъ объясненія гражданскіе димы и съ недоумѣніемъ читать о димократахъ и димархахъ, обязательно участвующихъ въ придворныхъ церемоніяхъ. Мы думаемъ, что постановка вопроса о цирковыхъ партіяхъ заслонила исторію городскихъ населеній.

Борьба правительства съ городскими вольностями выразилась въ Константинополѣ въ извѣстномъ дѣлѣ „Ника“, которое разыгралось на городскомъ ипподромѣ. Константинопольскій ипподромъ, начатый постройкой при Септиміи Северѣ, оконченъ при Константинѣ Великомъ, которому принадлежитъ вообще украшеніе новой столицы художественными памятниками и дорогими постройками. Ипподромъ, мѣсто котораго и донинѣ можетъ быть наблюдаемо по близости св. Софіи на площади Атъ-мейданъ, составлялъ четырехуголь-

никъ въ 75 метровъ ширины и 300 метровъ длины, украшенный скульптурными произведениями лучшихъ греческихъ мастеровъ, собранными со всей Греціи. Но главная притягательная сила ипподрома была, впрочемъ, не въ художественныхъ его памятникахъ, а въ зрѣлищахъ, которыми правительство увеселяло гражданъ столичнаго города, и въ свободѣ, какая установилась въ ипподромѣ для выраженія мыслей по поводу политическихъ событій и столичныхъ новостей. Ипподромъ представлялъ единственную арену, за отсутствіемъ печатнаго станка, для громкаго выраженія общественнаго мнѣнія, которое иногда имѣло обязательную силу для правительства. Здѣсь обсуждались общественныя дѣла, здѣсь константинопольское населеніе выражало до извѣстной степени свое участіе въ политическихъ дѣлахъ.

Въ то время, какъ древнія политическія учрежденія, посредствомъ которыхъ народъ выражалъ свои державныя права, постепенно приходили въ упадокъ, не будучи въ состояніи уживаться съ монархическими принципами римскихъ императоровъ, городской ипподромъ продолжалъ еще оставаться ареной, гдѣ свободное мнѣніе могло высказываться безнаказанно. Въ этомъ отношеніи весьма любопытно и то, что обычное словоупотребленіе удержало за партіями цирка (*τὰ μέρη*) старый терминъ, которымъ обозначался народъ, или община, или административный округъ (*οἱ δήμοι*). Очень важны также указанія на представительство димовъ въ официальной жизни государства и въ придворномъ этикетѣ. На первомъ мѣстѣ стояли димократы, коихъ было два: димократъ венетовъ и прасиновъ, оба они назначались царемъ изъ высшихъ военныхъ чиновъ съ чиномъ протоспаѳарія. Рядомъ съ димократомъ въ представительствѣ димовъ участвуетъ димархъ. Димарховъ также было два: прасиновъ и венетовъ, тотъ и другой соединяли съ представительствомъ своего дима также димъ левковъ или русіевъ. Итакъ, въ циркѣ и цирковыхъ партіяхъ намѣчаются слѣды представительства общественныхъ классовъ, и въ движеніяхъ и смутахъ, обнаруживающихся на ипподромѣ, по большей части, таятся причины не частнаго характера партій цирка, а общаго политическаго свойства, объясняющіяся недовольствомъ народа и счетами его съ правительствомъ. Отъ времени Маврикія сохранилось указаніе, что цирковая партія прасиновъ считала въ своемъ составѣ 1500 членовъ, венеты же—только 900. Между тѣмъ въ движеніяхъ партій принимаютъ участіе десятки тысячъ человѣкъ.

Весьма любопытно, однако, замѣтить, что политическая борьба на ипподромѣ не развилась въ занимающее насъ время въ строгую и послѣдовательно проводимую политическую систему; византійское государство не представляетъ намъ политическихъ партій ни древняго, ни новаго времени. Народъ политиканствовалъ на ипподромѣ, высказывалъ порицаніе и царю и министрамъ, иногда издѣвался надъ неудачной политикой, но не организовался въ политическія партіи въ собственномъ смыслѣ и не содѣйствовалъ къ утвержденію опредѣленнаго направленія или программы въ смыслѣ національной политики, религіозныхъ мнѣній, отношеній къ иностранцамъ и т. п. Можно бы отсюда сдѣлать заключеніе, что въ VI в. политическій геній отлетѣлъ уже отъ эллинской націи, которая по намѣреніямъ правительства становилась болѣе и болѣе господствующимъ элементомъ въ имперіи.

Императоръ Юстиніанъ любилъ цирковыя представленія и много содѣйствовалъ къ роскошной обстановкѣ даваемыхъ народу зрѣлищъ. Кромѣ того, никто изъ его предшественниковъ не становился въ такой степени приверженцемъ одной партіи и не выражалъ такъ явно къ ней своего расположенія, какъ Юстиніанъ по отношенію къ партіи венетовъ. Это не могло не затронуть соперниковъ венетовъ, прасиновъ, и не возбудить между ними вражды, которая не ограничилась стѣнами цирка, но обнаружилась на городскихъ улицахъ въ ночныхъ побоищахъ и грабежахъ. Общественный интересъ борьба партій возбудила потому, что въ обществѣ были серьезныя причины къ недовольству правительствомъ. Новая династія, вступившая на престолъ весьма недавно, весьма рѣзко выступила въ церковномъ вопросѣ и вооружила противъ себя громадное число подданныхъ суровыми мѣрами противъ монофизитовъ. Независимо отъ того, въ высшемъ классѣ служилаго сословія было значительное число приверженцевъ старой династіи, которые возлагали свои надежды на племянниковъ Анастасія, Ипатія и Помпея. Юстиніанъ сознательно поддерживалъ партію венетовъ, надѣясь держать такимъ образомъ равновѣсіе между политическими организаціями въ городѣ. Пока венеты и прасины взаимно ослабляли себя борьбой, непопулярные министры Юстиніана и наиболѣе между ними жестокой Іоаннъ каппадокіецъ могли спокойно оставаться на своихъ мѣстахъ.

Знаменитый константинопольскій бунтъ „Ника“ происходилъ въ

началъ 532 г., т.-е. черезъ три года по вступленіи Юстиніана на престоль. Это народное возмущеніе служитъ весьма рѣзкимъ показателемъ характера Юстиніана и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ ключъ къ пониманію его административной и финансовой системы. Юстиніанъ, утверждая господство новой династіи, опирался, главнымъ образомъ, на національное духовенство и наемное войско. Цирковая партія венетовъ, думаютъ, была ему близка потому, что царица Теодора въ юные годы принадлежала къ ней и не порывала съ ней сношеній на тронѣ; но такъ какъ въ возмущеніи „Ника“ приняли участіе и венеты, и прасины, то слѣдуетъ полагать, что коренная причина возмущенія лежала собственно не въ партіяхъ. Хотя не легко намѣтить эти причины, такъ какъ событія слѣдовали съ удивительной быстротой, но о нихъ можно догадываться по слѣдующимъ фактамъ, отмѣченнымъ у Прокопія, современника событій.

13-го января прасины выражали въ ипподромѣ жалобу на притѣсненія, испытываемыя отъ правительства, и называли царскаго спаарія и кувикуларія Калоподія какъ наиболѣе жестокаго человѣка. Тогда между царскимъ вѣстникомъ и представителемъ партіи прасиновъ начался живой обмѣнъ упрековъ и рѣзкихъ обвиненій, въ которомъ приняли участіе венеты. Споръ продолжался и внѣ ипподрома выразился въ уличныхъ беспорядкахъ и враждебныхъ схваткахъ между приверженцами венетовъ и прасиновъ. Во главѣ правительства стояли тогда префектъ преторіи Іоаннъ каппадокіецъ, наиболѣе вліятельный министръ и правая рука Юстиніана, изобрѣтатель новыхъ налоговъ и беспощадный вымогатель податныхъ сборовъ, человѣкъ безъ образованія и чести. За нимъ стоялъ квесторъ священнаго дворца и министръ юстиціи, знаменитый Трибоніанъ, который поставленъ былъ во главѣ законодательныхъ работъ времени Юстиніана; это былъ по образованію самый крупный человѣкъ времени, но ради наживы онъ жертвовалъ всѣмъ, не затрудняясь толковать законъ вкривь и вкось и примѣнять статьи не въ пользу правой стороны, а въ пользу той, которая предложила взятку. Полицейская власть находилась въ рукахъ префекта города Евдемія, который своими строгими мѣрами противъ виновниковъ уличныхъ беспорядковъ еще сильнѣй возбудилъ народныя страсти. Именно, семеро изъ захваченныхъ полиціей были присуждены къ смертной казни, четверо—къ обезглавленію, трое—къ висѣлицѣ. По неискусству палача

веревка дважды обрывалась, и повѣшенные падали въ приготовленный ровъ еще живыми. На толпу это произвело большое впечатлѣніе, многіе увидѣли въ этомъ знаменіе въ пользу осужденныхъ. Монахи изъ монастыря св. Конона взяли подъ свою защиту двухъ осужденныхъ, чудеснымъ случаемъ спасшихся отъ висѣлицы, и отправили ихъ въ церковь св. Лаврентія, пользовавшуюся правомъ убѣжища. Тогда же венецы и прасины, соединенные общимъ чувствомъ вражды къ префекту города, дали клятву идти открыто противъ правительства и силой добывать нарушенныя ихъ права; при этомъ произнесено было слово „ника“ (побѣждай), сдѣлавшееся паролемъ для всего послѣдующаго движенія. Отъ 14 до 18 января Константинополь былъ театромъ страшныхъ сценъ насилія и грабежа. Правительство совершенно растерялось и, повидимому, не имѣло средствъ къ усмиренію мятежа. Бунтовщики сдѣлались хозяевами положенія, провозгласили другого императора и, выпустивъ изъ темницъ содержавшихся тамъ преступниковъ, начали возбуждать мирное населеніе насильственными дѣйствіями. Въ городѣ начались пожары, истребившіе лучшія зданія. Такъ, тогда сгорѣли: храмъ св. Софіи, бани Зевксиппа и царскіе дворцы, находившіеся поблизости, равно портики и роскошные дома богатыхъ гражданъ отъ ипподрома до площади Константина (см. планъ города). Юстиніанъ находился въ отчаянномъ положеніи и не зналъ, гдѣ искать спасенія. На пятый день мятежа былъ избранъ новый царь въ лицѣ Ипатія, племянника Анастасія; среди мятежниковъ сталъ обсуждаться вопросъ о томъ, какъ удобнѣй захватить Юстиніана.

Но скоро наступилъ поворотъ въ положеніи дѣлъ. У Прокопія, сохранившаго весьма живыя черты изъ этого критическаго для Юстиніана и Θεодоры времени, приводится, между прочимъ, слѣдующая сцена ¹⁾. У царя происходило совѣщаніе: что лучше дѣлать, оставаться ли тутъ, или бѣжать на судахъ. Много говорено было въ пользу того и другого мнѣнія. Наконецъ, царица Θεодора сказала: „Лишнимъ было бы теперь, кажется, разсуждать о томъ, что женщины неприлично быть отважною между мужчинами, когда другіе находятся въ нерѣшимости, что имъ дѣлать, или чего не дѣлать. По моему мнѣнію, бѣгство теперь больше чѣмъ когда-нибудь для насъ не выгодно,

1) Procopii „De B. Persico“, 1, 24, p. 125; русскій переводъ Дестуниса, 1, 324.

хотя бы оно и вело къ спасенію. Тому, кто пришелъ на свѣтъ, нельзя не умереть; но тому, кто однажды царствовалъ, скитаться изгнанникомъ невыносимо. Не дай Богъ мнѣ лишиться этой багряницы и дожить до того дня, въ который встрѣчающіеся со мной не будутъ привѣтствовать меня царицею. Итакъ, государь, если хочешь спасти себя бѣгствомъ, это не трудно. У насъ много денегъ, вотъ море, вотъ суда. Но смотри, чтобы послѣ, когда ты будешь спасенъ, не пришлось тебѣ когда-нибудь предпочитать смерть такому спасенію. Нравится мнѣ старинное слово, что царская власть прекрасный саванъ“.

Взвѣсивъ всѣ обстоятельства и принявъ въ соображеніе матеріальныя средства, какими можно было въ данное время располагать, царь пришелъ къ заключенію, что если нельзя положиться на константинопольскій гарнизонъ и на царскую гвардію, которая въ настоящее время находилась въ выжидательномъ положеніи и могла перейти на ту сторону, гдѣ окажется побѣда, то, съ другой стороны, можно было воспользоваться значительной военной дружиной Велисарія, который недавно возвратился изъ Персіи и имѣлъ при себѣ испытанный и вѣрный отрядъ, не причастный къ борьбѣ константинопольскихъ партій, и, кромѣ того, какъ-разъ въ это время находился въ столицѣ Мундъ, вождь варварскаго происхожденія, командовавший германскимъ наемнымъ отрядомъ и преданный императору. По словамъ историка Малалы¹⁾, это былъ гроза варваровъ, уничтожившій ихъ въ громадномъ числѣ на Балканскомъ полуостровѣ. Этимъ двумъ лицамъ было поручено, не стѣсняясь средствами, усмирить возстаніе и положить конецъ ненормальному положенію дѣлъ.

Между тѣмъ въ городѣ событія шли своимъ чередомъ. Ипатій былъ приведенъ въ циркъ, занялъ царское мѣсто и принималъ привѣтствія и восхваленія отъ громадной толпы, собравшейся на это зрѣлище. Никому не приходило въ голову принять мѣры предосторожности; напротивъ, распространяемы были слухи о томъ, что дѣло приверженцевъ новаго царя выиграно, и что Юстиніанъ бѣжалъ въ Азію. Въ это время къ бунтовщикамъ былъ подосланъ евнухъ Нарсесъ съ цѣлью завязать переговоры съ венетами, а Велисарій и Мундъ съ небольшими, но преданными и хорошо вооруженными и дисциплинированными отрядами подошли къ ипподрому и захва-

¹⁾ Malal., LXVIII, p. 451.

тили врасплохъ толпу безоружныхъ и не ожидавшихъ нападенія бунтовщиковъ. У Прокопія картина передана въ слѣдующемъ освѣщеніи. „Съ великими усиліями и не безъ большихъ опасностей, пробираясь по развалинамъ и полусгорѣвшимъ мѣстамъ, Велисарій вступилъ въ ристалище и, ставъ у портика венецкаго, что на правой сторонѣ отъ царскаго сѣдалища, сперва хотѣлъ устремиться на самого Ипатія; но какъ тутъ есть малыя ворота, которыя тогда были заперты и охраняемы снутри воинами Ипатія... то онъ разсудилъ лучше напасть на народъ, на это безчисленное множество стоявшихъ въ ипподромѣ людей, въ большомъ безпорядкѣ толкавшихся. Онъ обнажилъ мечъ, велѣлъ воинамъ своимъ слѣдовать его примѣру и съ крикомъ ринулся въ середину смѣшаннаго скопища. Народъ, не составлявшій строя, видя, что покрытые латами воины, заслужившіе великую славу храбростью и опытностью, поражали всѣхъ безъ пощады, предался бѣгству. Поднялся громкій крикъ. Находившійся недалеко оттуда Мундъ, человѣкъ смѣлый и предприимчивый, хотѣлъ принять участіе въ дѣлѣ, но въ настоящемъ положеніи не зналъ, что ему дѣлать. Догадавшись, наконецъ, что Велисарій уже дѣйствуетъ, онъ вторгся въ ипподромъ тѣмъ входомъ, который называется „мертвымъ“. Тогда Ипатіевы мятежники, поражаемые съ двухъ сторонъ, были истребляемы. Побѣда была полная, убито великое множество народа. Полагаютъ, что тогда погибло болѣе 30 тысячъ человѣкъ. Ипатій и Помпей были схвачены и убиты, имущество ихъ, а равно и другихъ сенаторовъ, къ нимъ приставшихъ, отписано въ казну“.—Результаты такъ рѣшительно потушеннаго возстанія были разнообразны и отразились какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни. Не говоря уже о томъ, что 19 января 532 г. въ циркѣ погибли многіе члены служилой аристократіи, которые, принадлежа къ сенаторскому сословію, могли представлять оппозицію правительству Юстиніана, нужно принять, что побѣдой надъ бунтовщиками Юстиніанъ положилъ предѣлъ притязаніямъ городскихъ сословій и рѣзко обозначилъ начало новой эры въ исторіи средневѣковой имперіи, начало императорскаго абсолютизма. Съ этой точки зрѣнія возстаніе „Ника“ съ безпримѣрнымъ числомъ погибшихъ въ ипподромѣ составляетъ безспорно знаменательное историческое событіе ¹⁾).

¹⁾ Procopii „De Bello Persico“, I, 24, 25.

Въ связи съ изложенными фактами слѣдуетъ разсматривать распоряженіе Юстиніана противъ философскихъ школъ, относящееся ко второму году его царствованія (529). Въ консульство Декія, говорится въ исторіи Малалы¹⁾, царь отправилъ въ Аѳины эдиктъ, „которымъ запрещалось преподаваніе философіи и толкованіе римскаго права“. Это весьма краткое сообщеніе должно быть сопоставлено съ извѣстіемъ Теофана, относящимся къ тому же году, по которому „Юстиніанъ началъ большое преслѣдованіе еллиновъ и всяческой ереси“²⁾. Такъ какъ политика этого царя съ первыхъ же лѣтъ по вступленіи на престолъ пропитана была религіозной нетерпимостью и борьбой съ остатками язычества, которое начинало въ обычномъ представленіи сливаться съ еллинствомъ, то мы имѣемъ полное основаніе разсматривать эдиктъ 529 года именно съ точки зрѣнія культурной исторіи времени. Аѳинская катастрофа была отголоскомъ общей внутренней политики, начавшей преслѣдованія противъ религіозныхъ и нравственныхъ убѣжденій и подвергавшей описи въ казну имуществъ обвиненныхъ въ неправовѣрїи лицъ. „И было сильное смущеніе,—говоритъ Теофанъ;—и изданъ былъ эдиктъ, которымъ лишались политическихъ правъ тѣ, кто придерживался еллинскихъ воззрѣній и еретическихъ вѣрованій. Снисхожденіе давалось лишь такимъ, которые въ трехмѣсячный срокъ заявляли о своемъ правовѣрїи“. Эти суровые законы вызвали эмиграцію изъ имперіи знатныхъ лицъ,—бѣгство въ недоступныя мѣста тѣхъ, кто не могъ бѣжать за границу, казни и отнятіе имуществъ.

Такъ какъ строго-консервативная политика Юстиніана въ общемъ должна быть оцѣниваема съ точки зрѣнія религіозной, то здѣсь будетъ умѣстно разсмотрѣть вопросъ объ остаткахъ язычества. Дѣйствительно, несмотря на энергичныя мѣры, принятыя преемниками Константина противъ приверженцевъ стараго культа, онъ держался еще во многихъ мѣстахъ, хотя уже Θεодосій II высказывалъ мнѣніе, что язычниковъ въ имперіи больше нѣтъ. Въ особенности въ восточныхъ областяхъ имперіи языческія вѣрованія продолжали держаться и въ VI вѣкѣ. Даже въ Египтѣ, гдѣ было такое множе-

1) Malalae, Lib. XLIII, p. 451: κελεύσας μηδένα διδάσκειν φιλοσοφίαν μήτε νόμους ἐξηγεῖσθαι.

2) Theophanis, I, p. 276: ἐποίησεν ὁ βασιλεὺς διωγμὸν μέγαν κατὰ τῶν Ἑλλήνων καὶ πάσης αἰρέσεως.

ство монастырей, и гдѣ язычники испытывали слишкомъ много притѣсненій отъ ревностныхъ христіанъ, среди многолюдной и просвѣщенной Александріи, въ школахъ знаменитыхъ учителей философіи и риторики, держалось еще неоплатоновское ученіе, которымъ была подогрѣта языческая религія. Въ Верхнемъ Египтѣ, на островѣ Элефантинѣ, былъ знаменитый храмъ Изиды въ Филе, святилище которой пользовалось широкой извѣстностью среди обитателей пустыни. Уже въ 543 г. сюда была направлена военная экспедиція, подъ предводительствомъ Нарсеса, которая имѣла цѣлью разорить святилище Изиды и уничтожить храмъ Филе. Колоссальная постройка выдержала, однако, военный натискъ и до сихъ поръ продолжаетъ изумлять путешественниковъ своими художественными подробностями, рельефами и колоннами. Филе затопленъ въ настоящее время нильскими водами, и ему нанесенъ конечный ударъ не греками, а англичанами, нынѣшними хозяевами страны. Этотъ замѣчательный памятникъ, къ которому теперь подходятъ на лодкѣ, любопытенъ по весьма рѣзко выступающимъ въ немъ слѣдамъ христіанскаго культа. Такова ниша съ византійскимъ орнаментомъ и крестомъ VI вѣка съ расширяющимися на концѣ лопастями и съ лапками, такъ характерными для Сирии того же времени. Очевидно, была здѣсь устроена послѣ экспедиціи Нарсеса церковь, и на колоннѣ сохранилась надпись, увѣковѣчившая имя христіанскаго ревнителя. Это былъ епископъ Θεодоръ, которому принадлежитъ значительная заслуга въ дѣлѣ распространенія христіанства у первыхъ пороговъ Нила (ср. выше, стр. 496).

Но нигдѣ древнія культурныя и вмѣстѣ антихристіанскія преданія не держались такъ настойчиво, какъ въ столицѣ эллинизма, въ Аѳинахъ. Хотя къ VI вѣку Аѳины лишились наиболѣе блестящихъ своихъ памятниковъ, частью уничтоженныхъ, частью перевезенныхъ въ Константинополь, но древній Акрополь со своими храмами продолжалъ еще будить старыя воспоминанія, и философскія школы привлекали еще въ Аѳины слушателей со всѣхъ концовъ имперіи. Само византійское правительство какъ-будто остерегалось принимать въ Аѳинахъ такія же рѣшительныя мѣры, какъ въ другихъ городахъ. Но время дѣлало свое, и въ VI в. даже на Акрополѣ появляются христіанскіе храмы, Богородица смѣняетъ Аѳину въ Парѳенонѣ и святилищѣ Ерехея. Что касается философскихъ школъ, то послѣ смерти

Прокла въ 485 г. не видимъ болѣе въ Аѳинахъ крупнаго представителя въ этой области. Преемники его въ преподаваніи философіи были большею частью иностранцы изъ Сиріи, Лидіи и Финикіи, и самое философское мышленіе ихъ ограничивалось формальной стороною и не шло далѣе толкованій на мѣста старыхъ философовъ. Изящная легенда сообщаетъ объ этомъ слѣдующее. Послѣднему извѣстному неоплатонику Проклу разъ явилась во снѣ Аѳина и объявила, что ей болѣе нѣтъ мѣста на Акрополѣ, и что она избираетъ для своего обитанія его жилище. Сказаніе любопытно и въ томъ отношеніи, что устанавливаетъ тѣсную связь между языческимъ культомъ и древней философіей; низверженная съ престола Аѳина продолжаетъ пользоваться уваженіемъ въ домѣ философа. Такимъ образомъ эдиктъ Юстиніана, запрещающій преподаваніе философіи въ Аѳинахъ въ 529 г., былъ естественнымъ примѣненіемъ его системы, направленной къ установленію религіознаго единства. Точно также и рядъ мѣропріятій, направленныхъ къ конфискаціи имущества, приписанныхъ къ философской каедрѣ, и лишеніе философовъ права оставаться въ Аѳинахъ—долженъ быть разсматриваемъ какъ логическое послѣдствіе политики Юстиніана. Этотъ актъ отмѣчаетъ собой поворотный пунктъ въ занимающей насъ исторіи, здѣсь несомнѣнна смѣна идей и настроеній, здѣсь классическія и греко-римскія возрѣнія уступаютъ мѣсто византійскому складу идей ¹⁾). „Съ этого времени Аѳины переходятъ въ рангъ маленькаго провинціальнаго города, который въ теченіе многихъ вѣковъ будетъ прозябать въ неизвѣстности, и которымъ не будетъ болѣе интересоваться Юстиніанъ, развѣ только ограничить занимаемую имъ площадь и дастъ ему нѣсколько укрѣпленій. Въ Греціи, обѣднѣвшей вслѣдствіе землетрясеній и наводненій, истощенной поборами, разграбленной варварскими нападеніями, еллинизмъ погибъ быстро... слово еллинъ дѣлается синонимомъ язычника, слово грекъ становится выраженіемъ оскорбительнымъ или презрительнымъ. Христіанскій Константинополь становится центромъ христіанской культуры“ ²⁾).

На Востокѣ самымъ многочисленнымъ, богатымъ и просвѣщеннымъ городомъ была Антиохія. Выстроенный на берегу Оронта, онъ имѣлъ

1) Diehl, „Justinien“, p. 564.

2) Diehl, p. 564—65.

важное торговое и военное значеніе, вслѣдствіе близости отъ моря; этотъ городъ пользовался вниманіемъ римскихъ императоровъ и ши-

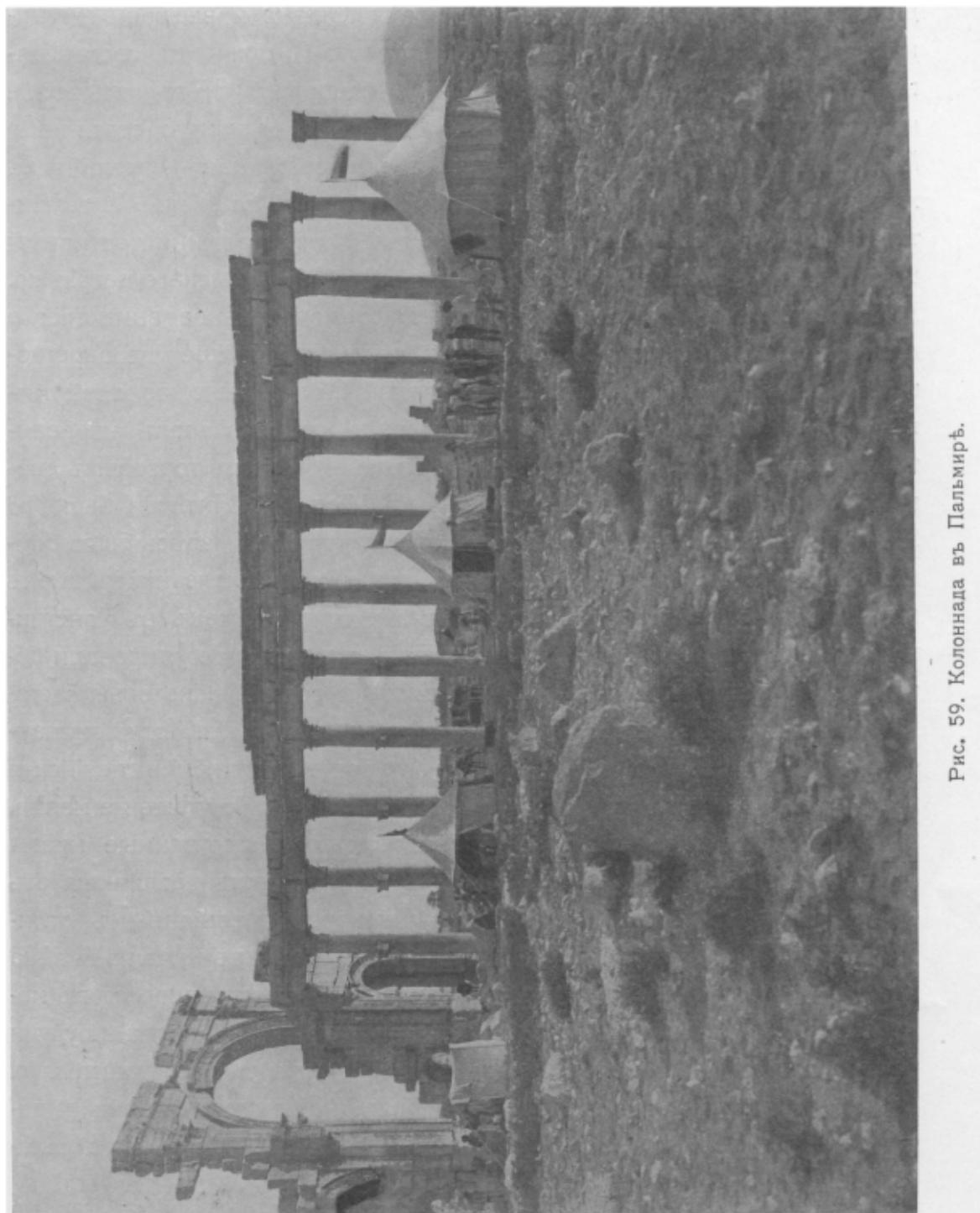

Рис. 59. Колоннада въ Пальмирѣ.

роко распространялъ свои улицы и предмѣстья по склонамъ горы и по долинѣ. По населенности онъ былъ вторымъ городомъ импе-

ри, а по богатству, роскоши городских обитателей и по красоте городских зданій не уступалъ самой столицѣ. Сенатъ и городскіе димы отстояли свои привилегіи во время Юліана и вызвали его ѣдкую и насмѣшливую критику надъ нравами Антіохіи, въ составленномъ самимъ Юліаномъ произведеніи „Мисопогонъ“¹⁾; хотя языческіе нравы уступили мѣсто христіанству, но около древняго святилища Аполлона въ предмѣстьѣ Дафна долго еще собирались для тайныхъ жертвоприношеній приверженцы стараго культа. Въ V и VI в. Антіохія пользовалась еще прежней славой какъ административный центръ для губернатора Сиріи и какъ кафедрa антiохійскаго патріарха. Христіанскіе императоры оказывали ей исключительное вниманіе; о построенной Константиномъ великой церкви, сгорѣвшей въ царствованіе Юстина, рассказывается, что равной ей не было во всей имперіи²⁾. Торговля Антіохіи была обширная, отъ нея шель караванный путь въ Персію и Индію, и она посредничала въ торговыхъ сношеніяхъ Европы съ Азіей. Въ началѣ VI в. въ Антіохіи было до 300 тысячъ населенія. Какъ и въ Константинополѣ, здѣсь была бойкая общественная жизнь, народъ любилъ игры и состязанія въ циркѣ и зрѣлища. Цирковыя партіи въ Антіохіи такъ же, какъ въ Константинополѣ, привлекали къ себѣ вниманіе димовъ и регулировали общественную жизнь. Нерѣдко были смуты и волненія, которыя заставили правительство запретить цирковыя представленія. Хотя христіанство пустило въ Антіохіи наиболѣе глубокіе корни, и антiохійская патріархія считалась апостольскою по происхожденію, тѣмъ не менѣе, въ этомъ городѣ смѣшаннаго происхожденія общественные нравы измѣнялись весьма медленно, и жизнь носила черты, отличныя отъ константинопольскаго византизма. Самымъ существеннымъ отличіемъ Антіохіи было то, что съ конца V и особенно въ началѣ VI вѣка она стала центромъ религіознаго разногласія, выразившагося въ монофизитствѣ. Духовные вожди антiохійскаго духовенства, будучи осуждены константинопольскою церковью, сдѣлались представителями не только національной сирійской церкви, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и политическими вождями сирійскаго народа въ его стремленіи къ сепаратизму.

1) См. выше, стр. 126 и слѣд.

2) Ioannis ep. Ephesii „Commentarii de beatis orientalibus“, p. 225 (ed. van Douwen et Land).

Въ борьбѣ съ Антіохіей Юстиніану помогли стихіи. Въ 526 г. страшное землетрясеніе нанесло Антіохіи непоправимыя бѣдствія, въ то же время пожаръ истребилъ оставшіяся неразрушенными

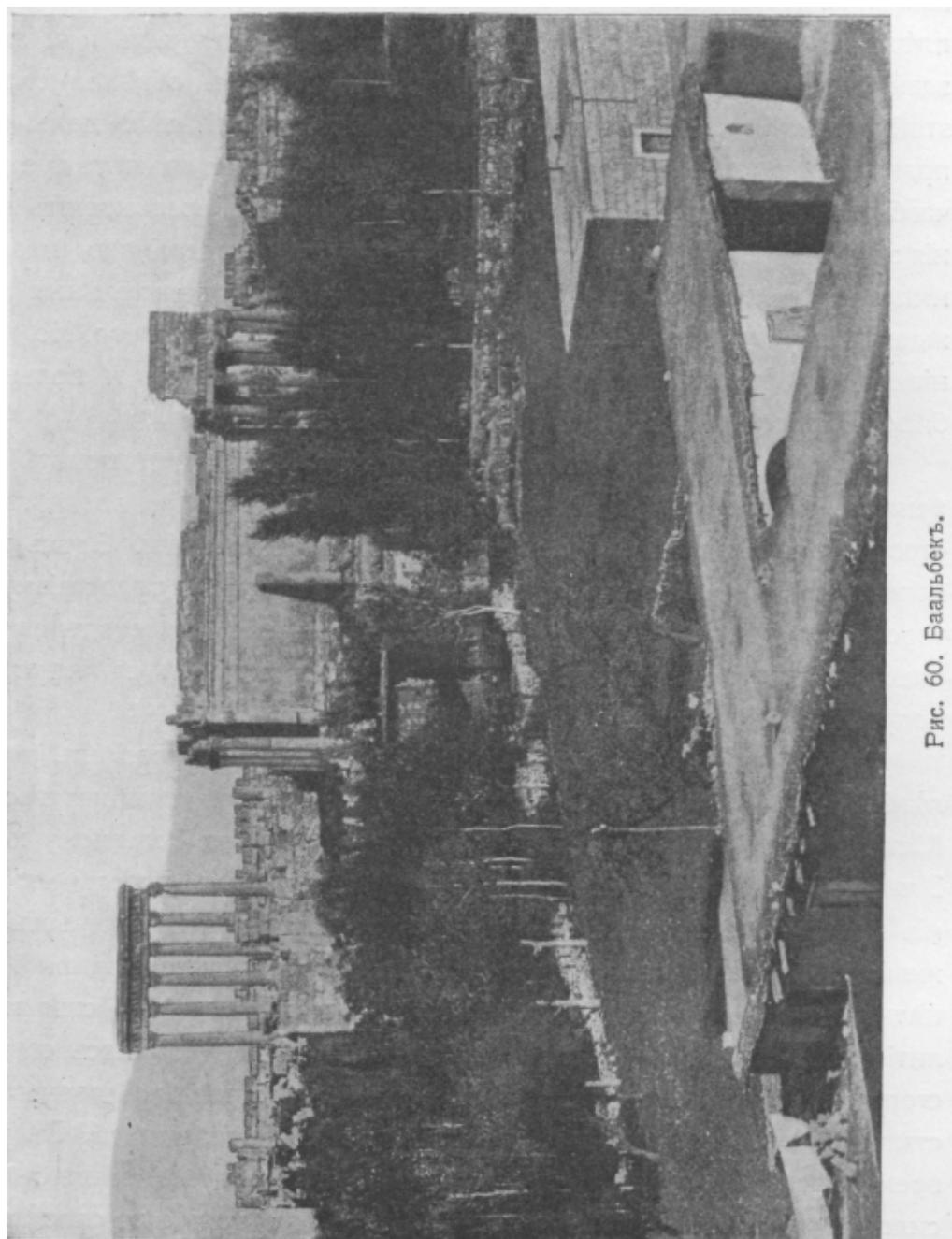

Рис. 60. Баальбекъ.

зданія. Черезъ два года новое землетрясеніе посѣтило Антіохію. Хотя правительство не щадило средствъ на возстановленіе общественныхъ зданій и на помощь пострадавшимъ, но эти бѣдствія были для Ан-

тіохіи роковими. Новое несчастье разразилось надъ городомъ въ 540 г., когда Хозрой взялъ ее приступомъ и предалъ опустошенію и грабежу. Послѣ персидскаго погрома самое имя города, казалось, предается забвенію. Персидскій царь вывелъ въ Персію громадное множество плѣнныхъ, забралъ съ собой сокровища изъ публичныхъ и частныхъ зданій и задумалъ поселить плѣнныхъ въ особомъ, отдѣленномъ для этой цѣли, мѣстѣ близъ Ктесифона. Новому населенію даны были права города и имя Антиохіи. Правда, Юстиніанъ не щадилъ средствъ, чтобы возобновить сирійскую столицу. Онъ частью возобновилъ прежнія зданія, частью построилъ новыя; въ особенности, однако, щедрость императора имѣла цѣлью новыя церкви и благотворительныя учрежденія, въ устройствѣ коихъ ему помогала царица Θεодора. Но Юстиніановская Антиохія далеко уже не была либеральной и вольнолюбивой Антиохіей IV и V вѣковъ.

Ничто, однако, не можетъ выразительнѣй характеризовать внутреннюю политику Юстиніана, какъ провинція Сирія, подвергшаяся страшнымъ преслѣдованіямъ изъ-за религіозной идеи. Здѣсь и понынѣ еще можно наблюдать слѣды этой политики, слѣдствиемъ которой были ослабленіе Сиріи и довольно легкой переходъ ея подъ власть арабовъ. Поэтому находимъ умѣстнымъ войти въ нѣкоторыя подробности.

Вотъ какъ современный событіямъ писатель передаетъ впечатлѣніе отъ переживаемыхъ имъ событій. „Въ началѣ царствованія Юстиніана на Востокѣ явилась звѣзда, подобная большому копыю. Это видѣніе всѣхъ привело въ страшное смущеніе, потому что явленіе подобной звѣзды съ такимъ блескомъ и такимъ быстрымъ движеніемъ предвѣщало грозныя событія, которыя не замедлили исполниться, ибо скоро люди испытали многія бѣдствія и убійства и пролитіе крови. Въ 525—6 г. Антиохія неожиданно загорѣлась со всѣхъ сторонъ, пожаръ свирѣпствовалъ почти 6 мѣсяцевъ въ разныхъ частяхъ города, при чемъ погибло въ пламени много людей. Въ то же время послѣдовало сильное землетрясеніе. Небесный гнѣвъ съ такой силой и суровостью преслѣдовалъ людей, что того, кто спасался отъ землетрясенія, пожирало пламя, и летящія искры производили новый пожаръ тамъ, гдѣ падали. Съ неба падалъ огненный дождь, такъ что весь городъ, разными способами разрушенный, поверженный, уничтоженный и сдѣлавшійся добычей огня, горѣлъ, какъ пылающая

печь, за исключеніемъ нѣсколькихъ домовъ на вершинѣ ближайшей горы. Долго держалась великая церковь, построенная Константиномъ, но и она на седьмой день сгорѣла до основанія; то же произошло и съ другими церквами, и онѣ, выдержавъ землетрясеніе, уничтожены были пожаромъ".—Это было пятое землетрясеніе, испытанное Антиохіей; но въ 539—40 она подверглась новому бѣдствію землетрясенія, вслѣдствіе котораго выстроенныя вновь зданія снова были разрушены, пострадали также стѣны, ворота и многія церкви.

Отъ описанія бѣдствій, разразившихся надъ Антиохіей и другими

Рис. 61. Гробница въ Гассѣ.

городами, какъ Помпейполь въ Киликіи, Лаодикея, Кизикъ и др., переходимъ къ гоненіямъ, постигшимъ Сирію на почвѣ религиозныхъ разногласій. „Во многихъ частяхъ Антиохіи,—говоритъ Іоаннъ Ефесскій ¹⁾,—во всей Аравіи и Палестинѣ, во многихъ южныхъ и сѣверныхъ городахъ и въ пустынѣ анахоретовъ и даже до границъ Персіи и въ прочихъ городахъ Востока населеніе изгнано съ мѣстъ жительства и разсѣяно; тѣхъ, кого удавалось захватить, сажали въ кан-

¹⁾ Ioannis episc. Ephesii „Commentarii“, p. 217.

дали и запирали въ темницы и подвергали всяческимъ наказаніямъ и мученіямъ. Многіе послѣ отобранія у нихъ имущества умирали подъ нещадными ударами, на иныхъ насылаемы были военные отряды и разнаго рода притѣснители, которые гнали ихъ съ одного мѣста въ другое страшными притѣсненіями... и тѣхъ вѣрныхъ, которые принимали изгнанныхъ въ свои селенія и дома, подвергали грабежамъ, ударамъ и истязаніямъ. Одновременная и стремительная буря преслѣдованія жестоко и неудержимо разразилась надъ всѣми землями, всѣми городами и надъ всѣми деревнями. У всѣхъ церквей и монастырей, у городовъ и деревень, съ жадностью и жестокостью расхищены имущества не только церковныя, монашескія и монастырскія, но и тѣ, что принадлежали свѣтскимъ лицамъ, женщинамъ и дѣтямъ. Всячески притѣсняемые, мучимые, оскорбляемые, изгоняемые въ различныя земли и въ мѣста поселенія, они терпѣли всякія мученія и всѣ бѣдствія и испытали всѣ несчастія ради истинной, правой и непорочной вѣры. То, что мы намѣрены здѣсь описать, превышаетъ всякое разумѣніе и не можетъ быть изложено даже во множествѣ сочиненій, въ особенности событія времени Павла, Евфрасія и Ефрема ¹⁾, когда мужскіе и женскіе монастыри Сиріи, западные и восточные, какъ большіе, такъ и малые, вынесли съ величайшимъ терпѣніемъ всяческія преслѣдованія, всякую тягость, мученія, голодъ, жажду, холодъ и жестокую наготу. Изъ нихъ нѣкоторые, нашедши на нынѣшній день пристанище, если не къ вечеру, то завтра уже подвергаются изгнанію и не могутъ найти себѣ на ночь ночлега. Итакъ, на подобіе звѣрей они проводятъ ночи подъ открытымъ небомъ, бродя по полямъ и горамъ, а случись суровая зима, ночуютъ подъ дождемъ, на снѣгу и на морозѣ, сидя на скалахъ, подверженные стужѣ и холоду и сильнымъ вѣтрамъ, не имѣя ничего подложить подъ себя и немного прилечь и растянуться на землѣ. Случалось, что преслѣдователи выселяли вѣрныхъ изъ ихъ обителей, стаскивали со столбовъ и изгоняли изъ келій. Таковыя мученія и бѣдствія и тяжелыя испытанія постигли монашескій чинъ во время жизни Павла.

По отношенію ко времени патріарха Ефрема у нашего писателя сообщается ²⁾ слѣдующее. „Ефремъ, сынъ Аппіана изъ Амиды, про-

1) Разумѣются православные патріархи Антіохіи.

2) Ibid., p. 221.

извелъ сильное возмущеніе въ церкви Божіей на Востокѣ и во всей Сиріи. Ибо, обходя всѣ земли и города, онъ опустошилъ большіе и малые монастыри, повергъ на землю и самыя столпы, съ которыхъ согналъ подвижниковъ, другихъ, выгнанныхъ варварскою силою изъ ихъ затворовъ, мечомъ и бичами принуждалъ принять причащеніе. Военною силою разогналъ монаховъ изъ монастырей, какъ находящихся близъ Амиды, такъ и разсѣянныхъ по всей странѣ. Изгнанники въ громадномъ числѣ пошли въ древній монастырь, прежде

Рис. 62. Фрагменты каменныхъ дверей.

цвѣтущій и многонаселенный, по имени Телла. Когда они здѣсь немного отдохнули, посланы были многочисленныя ромѣйскія войска и хорепископы и дозорщики, чтобы выгнать ихъ отсюда. Но когда войска вошли и увидали длинныя и густыя ряды, выстроенныя для церковной службы, то испугались, принявъ ихъ за исполиновъ. И такъ, оставивъ въ покоѣ монаховъ, они захватили ближайшія деревни и начали ихъ опустошать и захватывать скотъ. Крестьяне съ плачемъ просили монаховъ или пожалѣть ихъ и уйти, или помочь имъ сразиться съ войсками. Видя скорбь и плачь всей страны, изгнанники отправились въ страну пустынниковъ, гдѣ въ монастырѣ Рорuloгum жило до 1000 монаховъ. Поставивъ здѣсь палатки подъ открытымъ небомъ, они привлекли сюда жителей окрестныхъ селеній,

которые сходились толпами столько же для принятія благословенія, какъ изъ любопытства. Тогда патріархъ Ефремъ приказалъ своему брату Іоанну, командовавшему отрядомъ въ Едессѣ, отправиться къ монахамъ и предложить имъ выбрать уполномоченныхъ отъ cadaго монастыря, чтобы переговорить съ нимъ о спорныхъ предметахъ. Когда же монахи отказались принять это предложеніе, то Іоаннъ, распалившись гнѣвомъ какъ вавилонская печь, приказалъ явиться сюда военнымъ людямъ, находившимся въ Амидѣ. Тогда старцы монастырей, повинуваясь писанію, которое не одобряетъ употребленія оружія, сдѣлали постановленіе, чтобы монахи cadaго монастыря, раздѣлившись на отдѣленія по числу священниковъ, направились туда, куда заблагоразсудитъ повести ихъ начальникъ cadaго отдѣленія. Что касается стариковъ, то они должны были, переправившись за Евфратъ, ожидать хода событій. Такъ оставленъ былъ монастырь, снабженный всѣми необходимыми для жизни предметами. Какъ сказано было раньше, никто не смѣлъ дать имъ пріюта въ своемъ домѣ, иначе домъ подлежалъ конфискаціи, и хозяинъ дома подвергался уголовной карѣ, вслѣдствіе чего многіе были принуждены какъ звѣри скрываться въ пещерахъ и недоступныхъ мѣстахъ, прилежащихъ къ Евфрату, между ними случилось быть и мнѣ смиренному, замѣчаетъ авторъ. Когда слухъ объ этомъ распространился въ сосѣдніе города, многіе по внушенію Божію доставляли имъ ночью хлѣбъ, вино, овощи и другіе необходимые предметы. Многіе, подчиняясь необходимости, заходили въ недоступныя горы, покрытыя снѣгомъ, и скрывались въ загонахъ козихъ и овечьихъ. Такъ всѣ угнетаемы были стужей и холодомъ и тѣснотой и другими бѣдствіями!“

Едва ли еще гдѣ можно найти болѣе живой и трогательный рассказъ о ходѣ религіозной борьбы въ Сиріи въ VI вѣкѣ. Приведенныя страницы изъ исторіи Іоанна Ефесскаго служатъ лучшимъ комментариемъ къ политикѣ Юстиніана. И нынѣ даже, посѣщая пустынные города и селенія Сиріи, осматривая сохранившіяся стѣны домовъ, водопроводы и полуразрушенныя церкви, необходимо держать въ памяти эти главы, говорящія о церковныхъ преслѣдованіяхъ VI вѣка (рис. 59).

Большинство сирійскихъ городовъ въ настоящее время или въ развалинахъ, или покрыто толстымъ слоемъ наносной земли. Для современнаго наблюдателя Сирія—это мертвая страна, лишенная на-

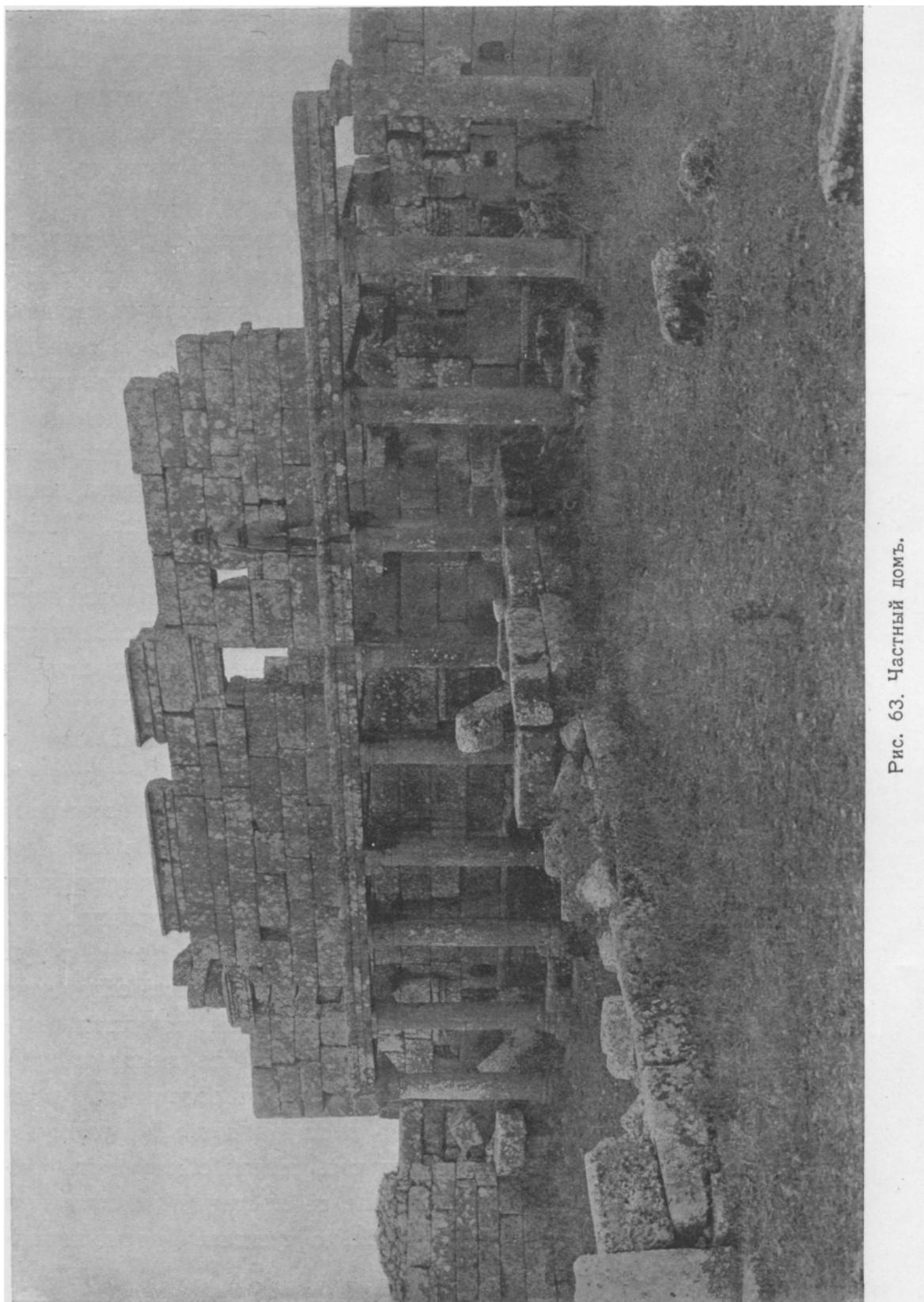

Рис. 63. Частный домъ.

селенія и всякой культуры, за исключеніемъ прибрежныхъ городовъ; между тѣмъ въ V—VI в. христіанской эры здѣсь кипѣла бойкая жизнь. Въ особенности сѣверная Сирія отъ древней Апамеи (нынѣ Калатъ-Мудикъ) къ Антіохіи представляетъ въ этомъ отношеніи исключительный интересъ (рис. 60). Приводимъ нѣсколько мѣстъ изъ новѣйшаго описанія памятниковъ Сиріи ¹⁾.

„Путей сообщенія нѣтъ, за исключеніемъ едва замѣтной тропинки, сдѣланной животными; вся страна представляетъ каменистую мѣстность, лишенную растительности. И между тѣмъ здѣсь путешественникъ вступаетъ въ поясъ покинутыхъ людьми городовъ и селеній, въ область обширныхъ развалинъ и подземныхъ кладбищъ, высѣченныхъ въ скалѣ,—что все вмѣстѣ свидѣтельствуется не только о большомъ населеніи этой страны въ давно прошедшее время, но и о высокой степени культуры, о роскоши и удобствахъ жизни, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго. Близъ деревни Гассъ (Khirbet Hâss) въ небольшомъ разстояніи отъ Эль-Бары встрѣчаемъ въ необитаемой мѣстности остатки прекраснаго мавзолея, облицованнаго тесанымъ камнемъ и построеннаго въ формѣ квадрата. Особенность этого памятника состоитъ въ томъ, что въ немъ находится нѣсколько саркофаговъ; всѣ они разбиты, за исключеніемъ одного, который носить христіанскую эмблему и придаетъ особый характеръ самому мавзолею. Можно принять какъ общее правило, что поблизости отъ башенъ, большею частью полуразрушенныхъ, находятся огромные блоки, покрывающіе спускъ въ пещеры, изсѣченные для цѣлей погребенія (рис. 61). Вообще по всему этому пустынному и каменистому плато путешественникъ встрѣчаетъ огромные города мертвыхъ.

„Близъ Гасса сохранилось не мало монументальныхъ памятниковъ. По пропорціональности частей и по изяществу въ цѣломъ обращаетъ на себя вниманіе христіанское зданіе, состоящее изъ сочетанія четырехъ арокъ. Маленькая дверь вела въ этотъ пріютъ мертвыхъ, гдѣ оказался еще на мѣстѣ обширный саркофагъ. Въ сѣверномъ направленіи отъ Гасса находится обширная площадь этого мертваго города съ пещерами въ скалахъ. Въ одномъ мѣстѣ обнаруженъ прекрасно устроенный спускъ въ подземелье съ лѣстницей и остатками каменныхъ дверей, разбитыхъ на нѣсколько кусковъ. При разсмотрѣ-

¹⁾ Моя статья въ „Извѣстіяхъ Института“, VII, стр. 93—212.

ніи этихъ кусковъ можно видѣть, что дверь имѣла назначеніемъ христіанскій памятникъ (рис. 62).

„Наиболѣе интереса въ занимающей насъ мѣстности предста-

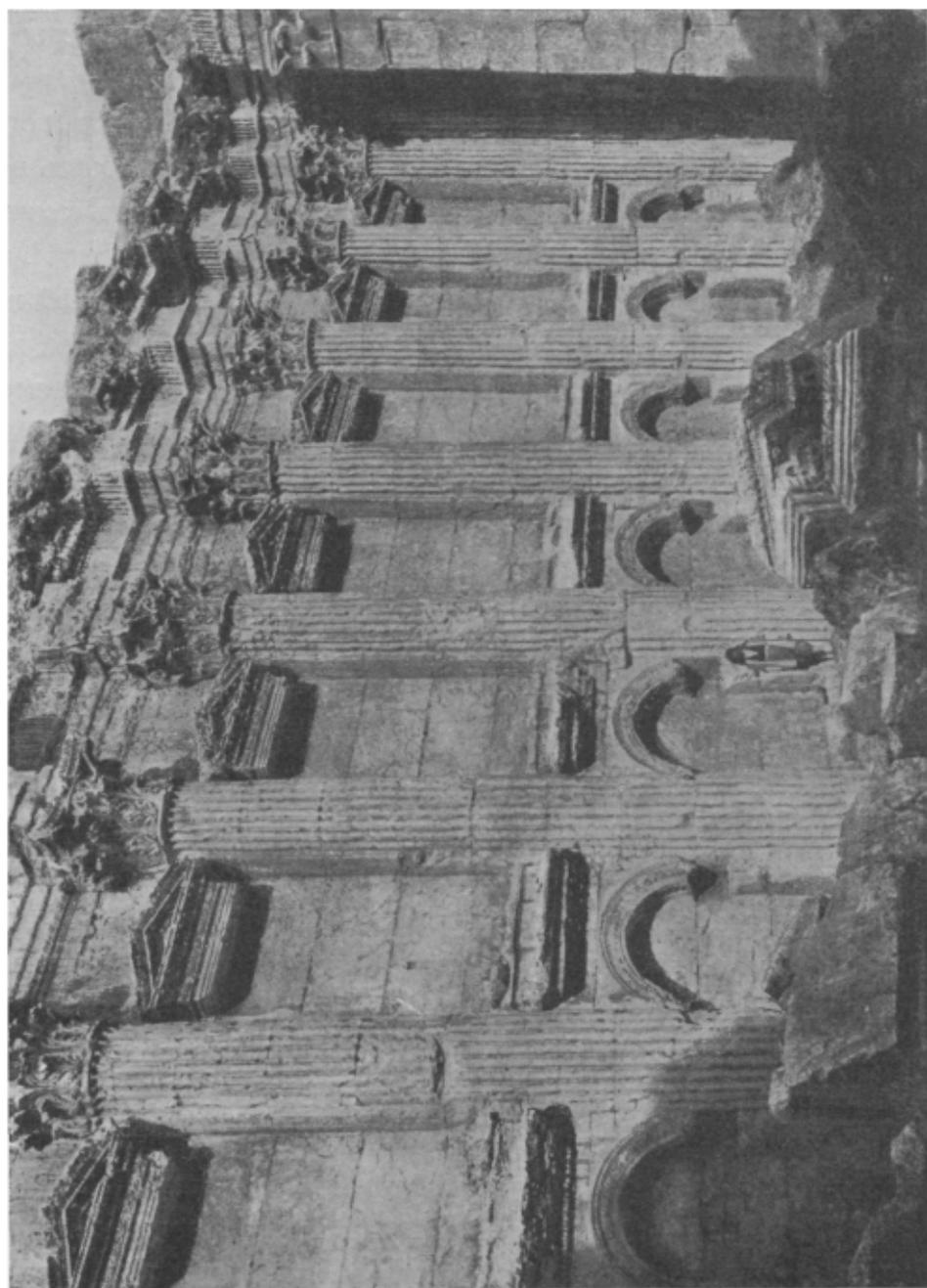

Рис. 64. Храмъ Зевса въ Баальбекѣ.

вляютъ именно частные дома со всѣми особенностями и оригинальностью ихъ внутренняго устройства. Часто въ нихъ недостаетъ только кровли и мебели, какъ-будто хозяева оставили ихъ лишь нѣсколько

лѣтъ назадъ. Всѣ почти дома отличаются выразительнымъ христіанскимъ характеромъ: или надписью надъ входомъ, заимствованной изъ священнаго писанія, или христіанскими эмблемами. Типъ частныхъ построекъ почти одинъ и тотъ же. Между христіанскими эмблемами всего чаще, конечно, встрѣчаемъ крестъ надъ входными дверьми, но, кромѣ того, и христіанскую монограмму (рис. 63).

„Наиболѣе типичнымъ представителемъ мертвыхъ городовъ въ Сиріи нужно признать Баальбекъ и Эль-Бару. Послѣдній былъ весьма значительный и укрѣпленный городъ, какъ показываютъ сохранившіяся части развалинъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, это весьма краснорѣчивый памятникъ неожиданно пріостановленной здѣсь общественной жизни вслѣдствіе какой-то катастрофы. Эль-Бара, съ другой стороны, весьма хорошо знакомитъ съ культурной жизнью общества. Попытаемся характеризовать эту жизнь по остаткамъ, и донинѣ наблюдаемымъ въ Эль-Барѣ. Улицы селеній или городовъ, по большей части, узки и вымощены булыжникомъ. Дома всѣ имѣютъ доступъ со стороны улицы черезъ небольшую дверь, ведущую во дворъ. Почти всѣ дома въ два этажа, иногда оба этажа украшены колоннами; часто вокругъ дома идетъ галлерей. Первый этажъ отдѣляется отъ второго полуаркой, на которую настилагся полъ верхняго этажа. Стѣны и главнѣйшіе ворота и наличники украшены или орнаментомъ растительнаго характера (листья винограда и аканѣ), или христіанскими эмблемами, а также надписями. Изъ христіанскихъ эмблемъ чаще всего встрѣчается монограмма въ кругѣ, буквы *A O* въ соединеніи съ крестомъ, изрѣдка рыба или агнецъ съ крестомъ на спинѣ. Общій и отличительный характеръ эмблемъ и надписей церковный и христіанскій. Всѣ постройки изъ камня, стѣны почти вездѣ сохранились, иногда стоятъ на мѣстахъ лѣстницы и галлерей (рис. 64). Надписи на воротахъ домовъ чрезвычайно разнообразны, хотя исключительно заимствованы изъ священнаго писанія. Вотъ два блока, служившіе архитектуромъ надъ воротами; на одномъ изъ нихъ надпись: „Господи силъ съ нами буди“. Вотъ надпись на карнизѣ окна: „Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ“. Такова надпись надъ входными дверьми: „Господь сохранить входъ твой и исходъ твой отнынѣ и до вѣка; аминь“.

„Словомъ, церковность даетъ такую печать постройкамъ этой эпохи, что можно думать, что находишься не въ городѣ, не среди домовъ свѣтскихъ людей, а въ какомъ-либо монастырѣ! Укажемъ

еще надписи: „Если Богъ за насъ, кто противъ насъ. Слава Ему во вѣки“. — „Господи, помоги дому сему и живущимъ въ немъ“. Или просто: „Христе, помоги“. А вотъ надпись съ указаніемъ владѣльца дома: „Великая сила Святой Троицы. Комитъ Прискъ симъ побѣждай“. — Трудно, конечно, сказать, о какомъ Прискѣ здѣсь идетъ рѣчь, но не будетъ слишкомъ смѣлымъ думать здѣсь о Прискѣ, ко-

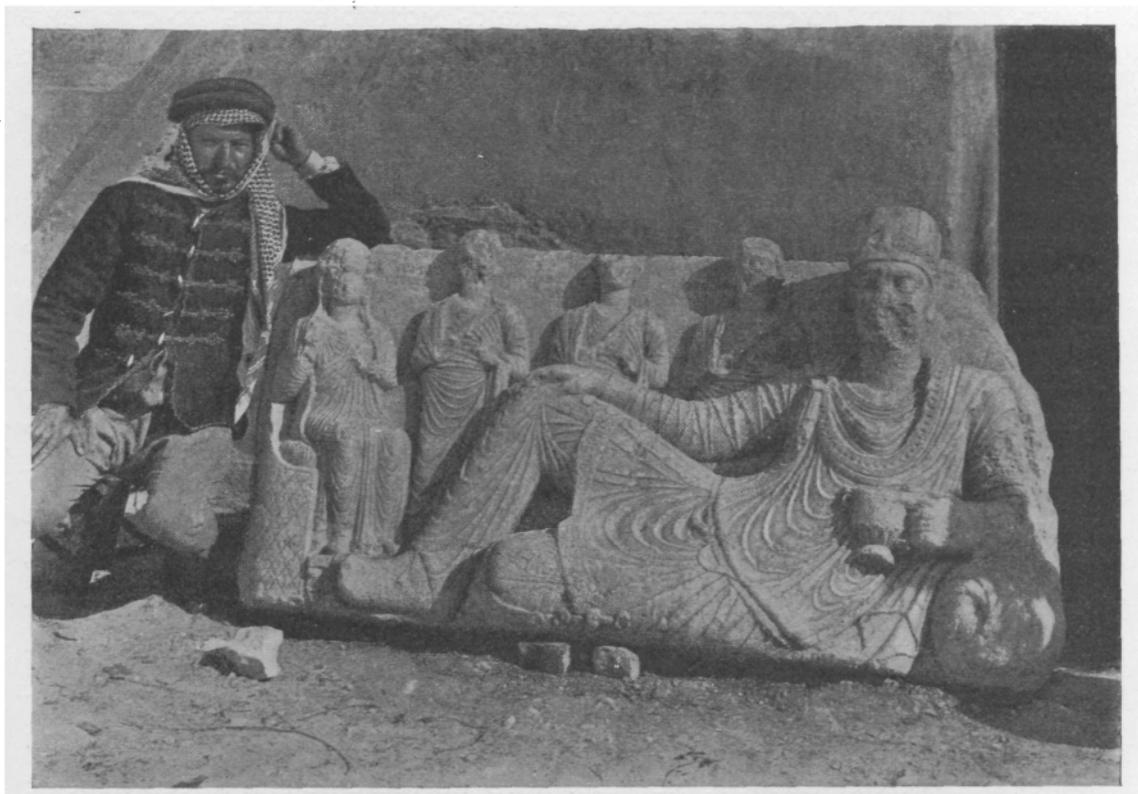

Рис. 65. Пальмирскій саркофагъ.

митъ экскуваторовъ, жившемъ въ VI в. и кончившемъ жизнь свою монахомъ въ послѣдніе годы VI вѣка (рис. 65).

„Разсматривая древности Эль-Бары во всей совокупности, нельзя не вывести заключенія, что здѣсь представлена не столько показная и, такъ сказать, оффиціальная жизнь большого города, сколько интимная сторона жизни христіанскаго общества. Здѣсь мы не находимъ ни громаднхъ колоннадъ и обширныхъ дворцовъ, ни большихъ храмовъ, а наблюдаемъ частные дома средняго класса населенія. Объ этомъ говорятъ и надписи надъ входами въ домъ; это же подтверждаетъ и самая постройка домовъ, небольшіе размѣры ихъ и отсутствіе дорогихъ украшеній. Самымъ большимъ памятникомъ въ Эль-

Барѣ слѣдуетъ считать громадную базилику, въ которой сохранилась апсида и часть западной стѣны. Вся площадь бывшаго величественнаго зданія покрыта стволами колоннъ, карнизами, частями плафона, — всѣ эти лежащія на землѣ обломки покрыты роскошнымъ орнаментомъ съ мотивами растительнаго и животнаго царства. Главная апсида громадныхъ размѣровъ образована двумя рядами колоннъ, идущихъ до самаго нарѣика, какъ можно видѣть по стволамъ колоннъ и по капителямъ, поваленнымъ, вѣроятно, вслѣдствіе землетрясенія. Описаніемъ развалинъ храма мы занимались въ другомъ мѣстѣ ¹⁾.

„Между памятниками Сиріи особеннаго вниманія заслуживаетъ монастырь св. Симеона Столпника (см. выше, стр. 310). Это есть безспорно наиболѣе величественный памятникъ въ сѣверной Сиріи, который одинъ и самъ по себѣ можетъ служить прекраснымъ показателемъ религіознаго и культурнаго состоянія Сиріи въ V вѣкѣ.

„Сходя съ холма, на которомъ стоитъ монастырь, вступаемъ въ городъ Симеона (Деиръ Семанъ). По всѣмъ вѣроятіямъ этотъ городъ возникъ въ ту же эпоху, что и монастырь; но въ немъ не имѣетъ первоначальнаго значенія то, что стоитъ на первомъ планѣ въ монастырѣ. Городъ Симеона возникъ для потребностей богомольцевъ; здѣсь поэтому нашли себѣ выраженіе обыкновенныя и ежедневныя людскія потребности. Здѣсь мы знакомимся съ системой постройки большихъ домовъ для пріема путешественниковъ; здѣсь мы видимъ широкія террасы, могущія дать помѣщеніе для массъ народа; наконецъ, здѣсь мы находимъ обширныя постройки для обезпеченія водой громаднаго населенія. Само собой разумѣется, и религіозные интересы представлены въ Деиръ Семанъ не менѣе значительно: здѣсь сохранились остатки трехъ церквей и множество усыпальницъ для погребенія мертвыхъ. Попытаемся разсмотрѣть по порядку памятники Деиръ Семана.

„Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе одно громадное зданіе или лучше цѣлый корпусъ зданій, окруженный колоннадой или галлереей въ три этажа. Оно совершенно ясно характеризуется тѣмъ, что не походитъ на обыкновенныя частныя зданія и должно было имѣть общественный характеръ. Въ серединѣ его имѣется весьма

¹⁾ „Извѣстія Института въ Константинополѣ“, VII, стр. 178.

обширная зала, снаружи идутъ галереи, съ которыхъ открывается прекрасный видъ на окрестности. Съ этимъ зданіемъ соединено было другое съ крытой галлереей въ два этажа. По всей вѣроятности весь этотъ комплексъ зданій и составлялъ гостиницу или странно-

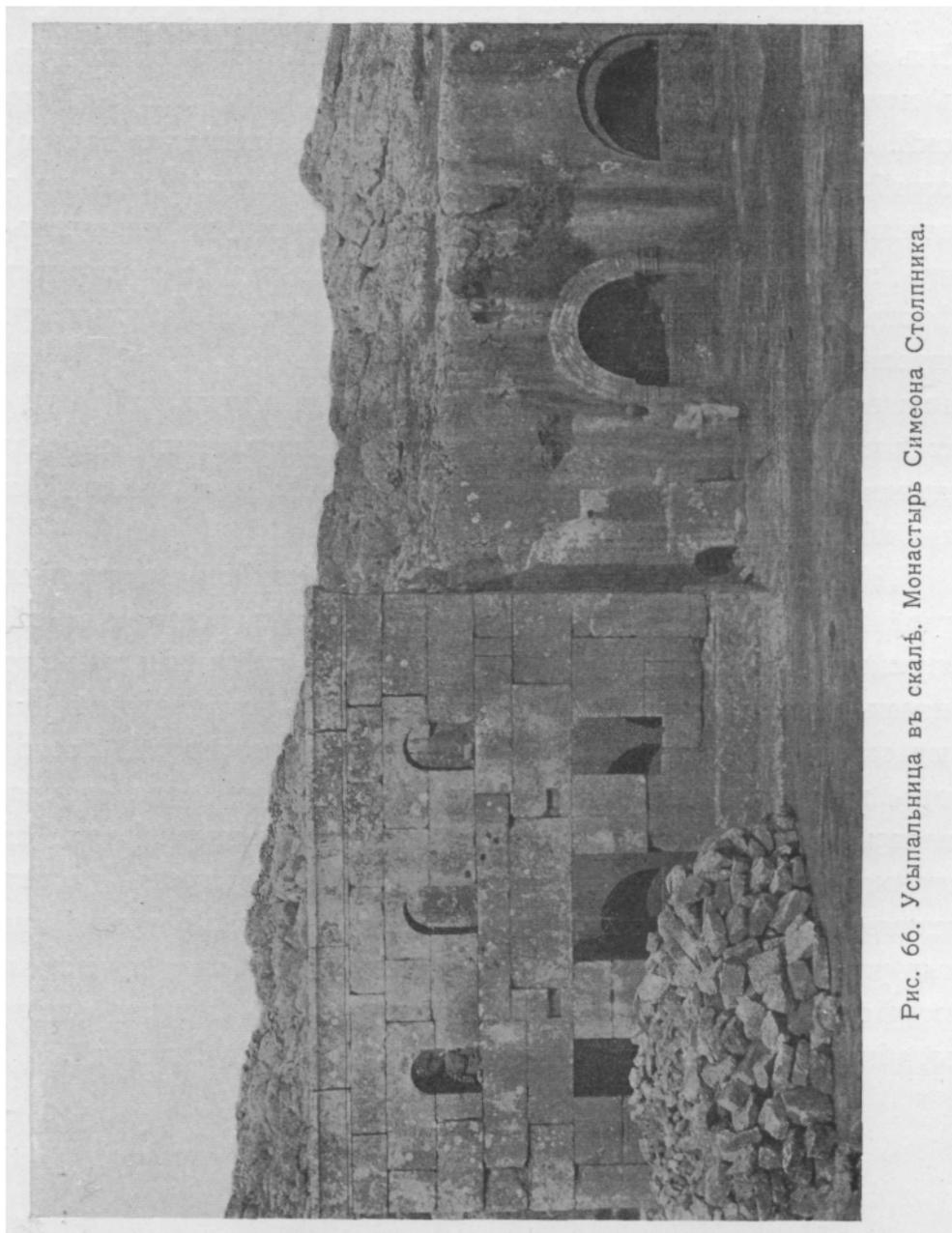

Рис. 66. Усыпальница въ скалѣ. Монастырь Симсона Столпника.

пріимницу, о которой свидѣтельствуесть надпись, удостовѣряющая, что гостиница построена была въ іюль 479 года. Передъ этимъ зданіемъ терраса, отъ которой сохранилась настилка изъ плитъ.

„Но между постройками Деиръ Семана важное значеніе имѣли

и церкви. Въ высшей степени интересно было бы рѣшить вопросъ о томъ, какія постройки относятся къ болѣе ранней эпохѣ—тѣ, которыя на горѣ, или тѣ, что подъ горой. По нашему мнѣнію, храмъ Симеона на горѣ возникъ позднѣе, чѣмъ монастырскія постройки, подъ горой; все заставляетъ, кромѣ того, принять, что св. Симеонъ, прежде чѣмъ избралъ столпъ для своихъ подвиговъ, жилъ нѣкоторое время въ монастырѣ при подошвѣ холма, т.-е. въ нынѣшнемъ Деиръ Семанѣ. Имѣя въ виду, что въ Деиръ Семанѣ оказывается весьма много погребальницъ, слѣдуетъ думать, что здѣсь погребались не только постоянные жители этого священнаго убѣжища, но, главнымъ образомъ, пришлые изъ разныхъ мѣстъ богомольцы. По обширности размѣровъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе мѣсто погребенія, устроенное въ скалѣ при спускѣ съ холма (рис. 66). Эта усыпальница въ два этажа высѣчена въ скалѣ, такъ что въ ней были погребенія надъ землей, въ верхнемъ этажѣ, и ниже земли, въ скалѣ. Въ нижнемъ этажѣ высѣчены ниши въ скалѣ, и въ каждой отдѣльной мѣста погребеній.

„Наконецъ, слѣдуетъ остановиться вниманіемъ на огромныхъ постройкахъ и приспособленіяхъ для обезпеченія населенія водой. Сюда относится громаднхъ размѣровъ цистерна, сдѣланная по всѣмъ правиламъ римской техники. Она состоитъ изъ ряда колоннъ, на которыя опирается архитравъ. Разстояніе между колоннами около 2 метровъ, въ рядѣ идетъ три колонны. Повидимому, вода отсюда сообщалась посредствомъ подъемнаго снаряда по всему городу. Для этого служила система каменныхъ столбовъ или пилястровъ, на которыхъ лежали, а частью и теперь еще лежатъ, каменные плиты, снабженныя углубленіями, по которымъ текла вода въ разныя части города, имѣя отдѣльные проводы и въ частные дома. Систему водопровода подобнаго рода мы замѣтили только въ городѣ Симеона“.

глава VI.

ПОСТРОЙКА СВ. СОФІИ И ДРУГИХЪ ЗДАНІЙ ВЪ СТОЛИЦѢ. ЛИНІЯ ПОГРЯНИЧНЫХЪ УКРѢПЛЕНІЙ.

Пожаромъ во время извѣстнаго возмущенія „Ника“ уничтожены были многія общественныя и частныя зданія въ самой богатой и населенной части города. Именно сгорѣли тогда богатые сооруженія: храмъ св. Софіи, бани Зевксиппа близъ ипподрома, часть дворца, наконецъ, торговыя помѣщенія и портики по Большой улицѢ до площади Константина ¹⁾, гдѣ жило самое богатое и вліятельное население города. Спустя 40 дней послѣ усмиренія мятежа, Юстиніанъ рѣшилъ на мѣстѣ сгорѣвшаго храма св. Софіи построить новую церковь того же имени, которая стала бы украшеніемъ его столицы и служила выраженіемъ идеи имперіи. Такъ какъ кругомъ мѣста были застроены, а императоръ желалъ строить обширное зданіе, то пришлось прежде всего съ громадными издержками выкупить у частныхъ владѣльцевъ ближайшіе участки земли и снести находившіяся на нихъ постройки. Разработка плана предполагаемаго храма была поручена двумъ извѣстнымъ тогда архитекторамъ: Исидору изъ Милета и Анѳемію изъ Траллъ, которые, какъ можно заключить изъ современныхъ о нихъ извѣстій, дѣйствительно отличались большими знаніями въ физикѢ и строительной teknikѢ ²⁾. Юстиніановская св. Софія и до сихъ поръ остается безпримѣрнымъ и непревзойденнымъ памятникомъ христіанскаго зодчества, поражая наблюдателя своими размѣрами, висящимъ надъ зрителями куполомъ и обиліемъ падающаго сверху свѣта. Этотъ памятникъ прекрасно характеризуетъ эпоху Юстиніана и занимаетъ совершенно особенное мѣсто въ

¹⁾ Procopii „De B. P.“, 1, 24 (p. 121).

²⁾ Agathiae „Hist.“, V, 7 (p. 291).

истории христианского искусства. Значительнейшие города империи, в которых оставались еще памятники древнего искусства, участвовали добровольными и подневольными жертвами в украшении св. Софии константинопольской. Изъ Рима были доставлены восемь порфировых колонн, взятых изъ храма Солнца; Ефесъ пожертвовалъ восемь колонн изъ зеленого мрамора. Изъ Кизика, Трояды и Афинъ привезены были в столицу другія украшения. Строительный матеріалъ употреблялся самый лучший, какой только можно было достать по всей империи: изъ Проконниса, изъ Нумидіи, Кариста и Иераполя. Но драгоценные мраморы не удовлетворяли Юстиніана, онъ употреблялъ в дѣло золото, серебро, слоновую кость, съ цѣлью придать возводимому зданію небывалый блескъ и царскую роскошь. Постройка вызывала громадныя расходы, но Юстиніанъ не останавливался передъ жертвами на дѣло, которое считалъ вопросомъ своей чести и религіознаго долга. Подъ начальствомъ двухъ главныхъ архитекторовъ и подчиненныхъ имъ мастеровъ работало надъ постройкой св. Софии 10.000 человекъ. Освященіе храма происходило в концѣ 537 г., такъ что постройка продолжалась съ небольшимъ четыре года, и в это время было израсходовано около 130 милліоновъ рублей.

Св. Софія была окружена множествомъ построекъ, назначенныхъ для потребностей культа и для духовенства. На мѣстѣ нынѣшней площади, открывающейся по направленію къ ипподрому, была знаменитая площадь Августеонъ, отдѣлявшая храмъ отъ Большого дворца. На эту площадь выходила часть дворца Халки съ часто упоминаемыми в исторіи Мѣдными воротами Халки. Къ западу, тамъ, гдѣ на эту площадь выходила главная улица города—Меса, возвышалась знаменитая колонна Милій. Меса соединяла Августеонъ съ форумомъ Константина. Св. Софія открывала собой достопримѣчательности Константинополя, и всякій торжественный выходъ царей в праздничные дни или начинался, или оканчивался св. Софіей. Передъ главнымъ входомъ былъ большой открытый дворъ, атриумъ, окруженный портиками и колоннадой, в серединѣ мраморный фонтанъ.

Святая Софія представляетъ собой обширный четырехугольникъ съ двумя нарѣиками, длиной 77, шириной 71,70 метра безъ нарѣиковъ. Архитектурное чудо храма—это центральный куполь в 31 м. в діаметрѣ, господствующій надъ среднимъ кораблемъ и опираю-

щійся на четыре арки, въ свою очередь утвержденныхъ на четырехъ большихъ колоннахъ (рис. 68). Чтобы дать нѣкоторое представленіе объ

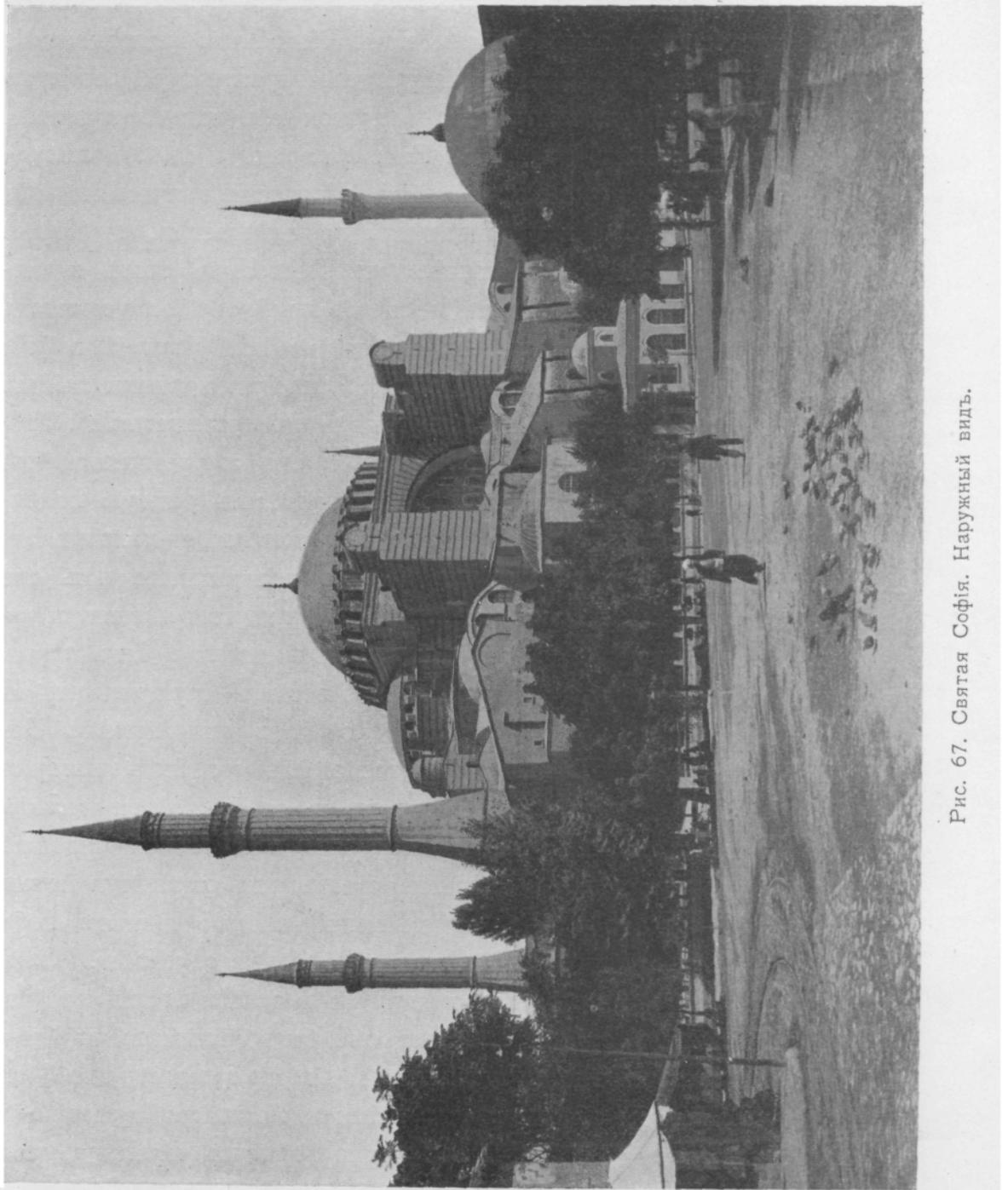

Рис. 67. Святая Софія. Наружный видъ.

архитектурныхъ особенностяхъ св. Софіи, воспользуемся небольшою выдержкой изъ книги Дилл ¹⁾. „Не входя здѣсь въ подробности тех-

¹⁾ Diehl, „Justinien“, p. 478—479.

ническаго свойства, обратимъ вниманіе на то, что составляетъ въ собственномъ смыслѣ новинку и достопримѣчательность зданія, на колоссальный куполь. Въ настоящее время принято думать, что юстиніановскіе архитектора заимствовали идею подобнаго расположенія изъ восточной и въ частности изъ персидской архитектуры, и можно думать, что эта система постройки, расположеніе частей и новые методы распространились въ Малой Азіи и перешли въ Константинополь. Но, пользуясь распространенными образцами и примѣняя ихъ съ необычной смѣлостью и удивительной плодовитостью, строители св. Софіи не были только подражателями. Построивъ этотъ памятникъ, чудо устойчивости, смѣлости, чистоты линій и блеска красокъ, они по справедливости могутъ быть названы изобрѣтателями. По словамъ Шуази ¹⁾, „никогда геній Рима и Востока не давали въ ихъ соединеніи болѣе поразительнаго и гармоничнаго произведенія“. Слѣдуетъ признать большой заслугой Анемія и его сотрудниковъ, что они въ совершенствѣ выполнили предстоявшую имъ рѣдкую комбинацію. Константинополь, перемѣнивъ и соединивъ въ единственномъ зданіи плодотворные архитектурные приемы, воспринятые имъ отъ Востока, вполне усвоилъ ихъ византійскому искусству. Нельзя думать, что эти удивительные результаты были добыты безъ труда. Это была далеко не легкая строительная задача—осуществлять тѣ громадныя пропорціи, какія предположено было дать куполу. Ему даны были устои въ видѣ четырехъ массивныхъ столбовъ, которые были сложены изъ камней, подобранныхъ съ особенной тщательностью, залитыхъ цементомъ и скрѣпленныхъ желѣзными скобами. Чтобы предупредить разрывъ колоннъ, стволы ихъ скрѣпили металлическими обручами, а чтобы уравновѣсить давленіе тяжести, подъ каждый камень подкладывали листы прокатаннаго свинца. И, несмотря на всѣ эти предосторожности, не разъ точки опоры подавались подъ тяжестью арокъ, которыя онѣ поддерживали, и была опасность, что все повалится. Что касается самого купола, дѣло было еще серьезнѣй. Чтобы облегчить его тяжесть, на постройку его употреблены были особенные матеріалы: бѣлая пористая черепица, чрезвычайно легковѣсная, специально приготовленная на островѣ Родосѣ. Во все время, пока продолжалась постройка, ежедневно соверша-

¹⁾ Choisy, „Histoire de l'architecture“, Paris, 1899, II, p. 51.

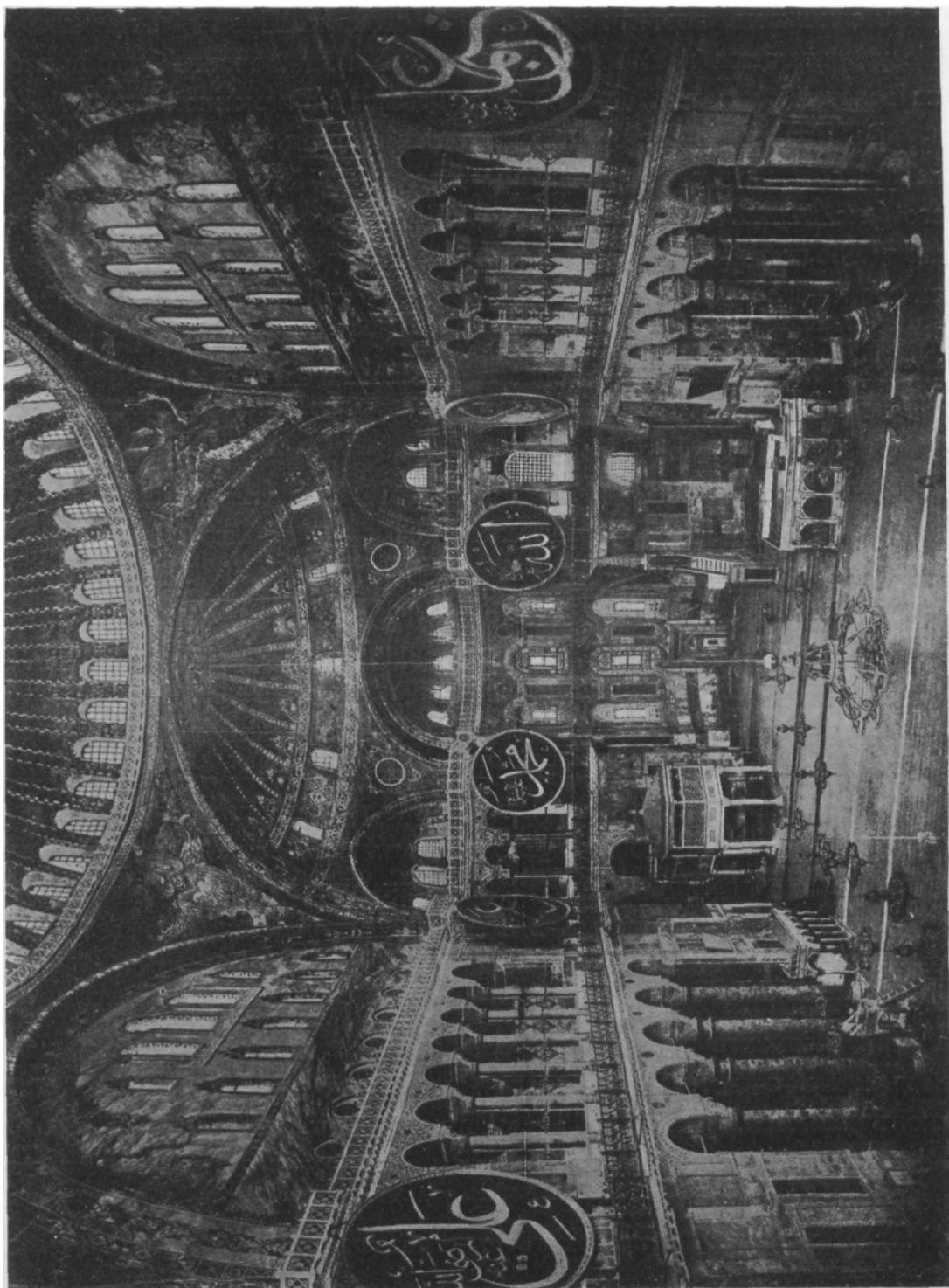

Рис. 68. Святая Софія. Внутренній видъ.

лись богослуженіе и молитвы за успѣхъ предпріятія; въ самый корпусъ зданія вкладывали частицы мощей. Наконецъ, на высотѣ 55 метровъ слишкомъ, возвели куполь— по словамъ Прокопія, произведеніе удивительное и вмѣстѣ устрашающее, которое какъ-будто виситъ на золотой цѣпи съ неба, а не утверждается на каменной постройкѣ“.

Въ настоящее время, при взглядѣ на храмъ св. Софіи снаружи, нельзя составить себѣ надлежащаго понятія объ архитектурномъ типѣ его (рис. 67). Это, между прочимъ, потому, что съ теченіемъ времени это зданіе потребовалось укрѣпить четырьмя громадными сооружениями съ юга и сѣвера, которыя значительно портятъ впечатлѣніе и лишаютъ самый куполь его доминирующаго надъ зданіемъ значенія. Въ первый внѣшній нарѣикъ ведутъ три двери, изъ коихъ среднιά выше боковыхъ и находятся противъ царскихъ дверей, коими входили въ храмъ византійскіе императоры. Попробуемъ дать описаніе внутренняго вида св. Софіи примѣнительно къ тому времени, когда она блистала своими украшеніями и различными предметами христіанскаго культа въ ракахъ, ковчежцахъ и изображеніяхъ, и когда въ ней совершалось богослуженіе. Дабы слѣдовать опредѣленному порядку въ описаніи, войдемъ въ храмъ черезъ царскія двери. Главный корабль храма, надъ которымъ находится куполь, и который ведетъ къ алтарю, представлялъ самую первую достопримѣчательность св. Софіи, поражающую посѣтителя обиліемъ свѣта—днемъ являющагося сверху изъ купола и оконъ, вечеромъ изъ множества большихъ паникадилъ, устроенныхъ въ разныхъ мѣстахъ и въ небольшихъ разстояніяхъ одно отъ другого. Въ центрѣ зданія надъ главнымъ куполомъ стоялъ амвонъ, на который вели двѣ лѣстницы съ восточной и западной стороны. Передъ алтаремъ была солея, на которой стояла рѣшетка, отдѣлявшая алтарь отъ церкви или мѣста для всѣхъ доступнаго. Въ алтарь главнымъ предметомъ былъ святой престоль съ драгоцѣнной надъ нимъ сѣнью. Нашъ соотечественникъ, новгородскій архіепископъ Антоній, посѣтившій Константинополь въ самомъ концѣ XII вѣка, когда еще онъ не былъ сожженъ и разграбленъ крестоносцами IV крестоваго похода, вотъ что пишетъ объ алтарѣ св. Софіи ¹⁾: „Во олтари же великомъ надъ святою трапезою великою, подъ

¹⁾ Савваитовъ, „Путешествіе новг. архіепископа Антонія въ Царьградъ“, СПб., 1872, стр. 73 и слѣд.

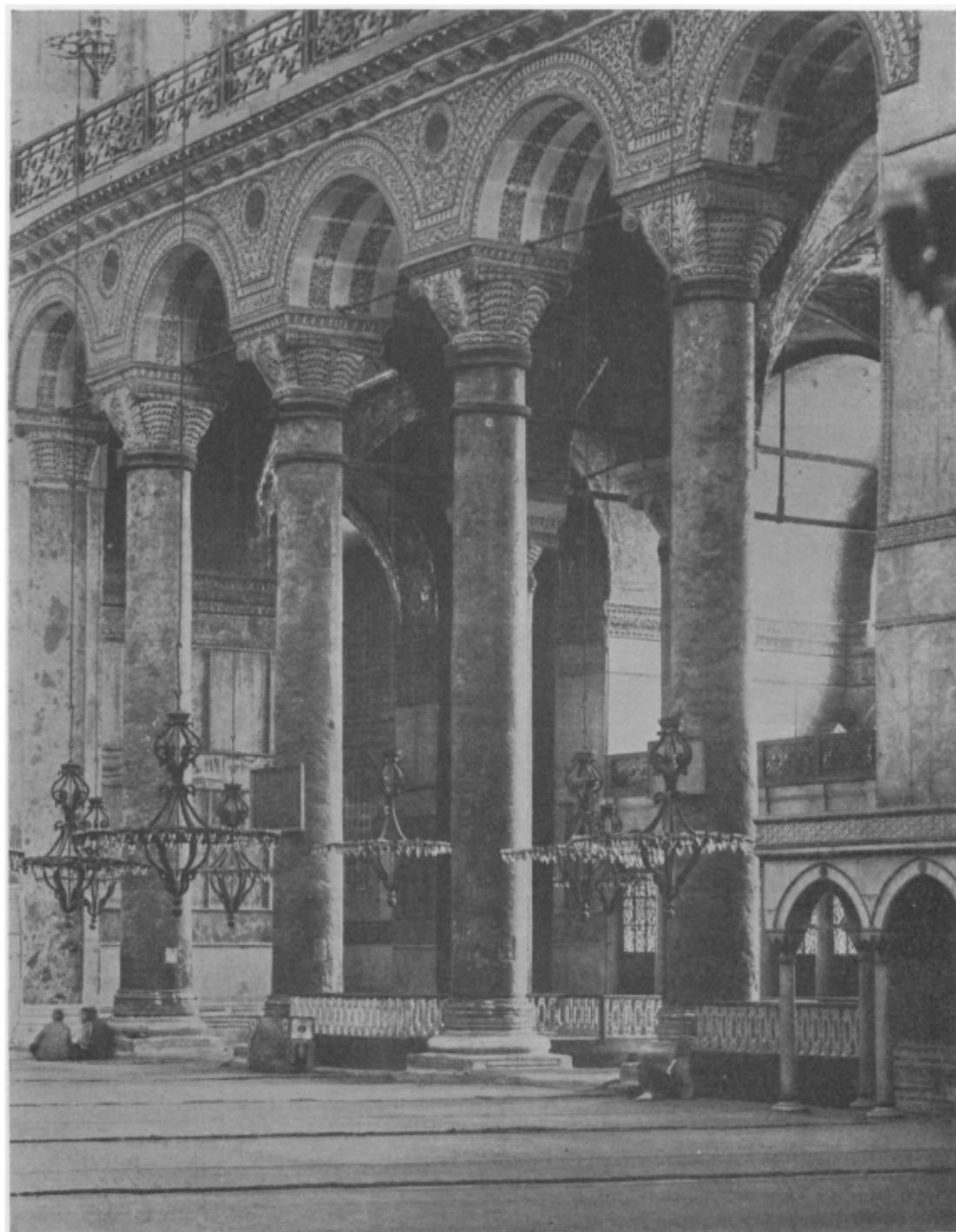

Рис. 69. Часть южного корабля въ св. Софїи.

катапетазмоу ¹⁾, повѣшенъ Коньстянтиновъ вѣнецъ, и у него же повѣшенъ крестъ, подъ крестомъ голубъ златъ; и иныхъ царей вѣнцы висять окрестъ катапетазмы. Тажъ катапетазма вся сотворена отъ злата и сребра, а столпія олтарьныя и амбонъ все сребряно... И се же чудо и страшно и святое явленіе: во святѣй Софѣи во олтари великомъ за святымъ престоломъ стоитъ крестъ златъ, выше двою чловѣкъ отъ земля съ каменіемъ драгимъ и жемчугомъ учиненъ, а предъ нимъ висить крестъ златъ полутора локтій... передъ нимъ три золотыхъ лампы, въ которыхъ горить масло, эти лампы и крестъ соорудилъ царь Юстиніанъ, строитель церкви".—Описывая святыни и достопримѣчательности храма, архіепископъ Антоній упоминаетъ между прочимъ: „двѣ доски Гроба Господня, печати гробныя, икону Богородицы, держащей Христа, кровь и млеко св. Пантелеймона, и глава его и глава апостола Кондрата и иныхъ святыхъ мощи, и Германова рука, ею же ставятся патріарси, и трапеза, на ней же Христосъ вечерялъ со ученики своими, и пелены Христовы“. Между этими религіозными драгоценностями архіепископъ новгородскій упоминаетъ чуть ли не единственный реальный предметъ изъ многообразныхъ и продолжительныхъ сношеній Россіи съ Византіей. Именно, между хранящимися въ алтарѣ святынями онъ видѣлъ „и блюдо велико злато служебное Ольги Русской, когда взяла дань, ходивши ко Царюграду“ ²⁾.

Русскій паломникъ даетъ весьма подробное описаніе и другихъ частей св. Софѣи, останавливая свое вниманіе, главнымъ образомъ, на святыняхъ. „Его описаніе, какъ говоритъ академикъ Н. П. Кондаковъ ³⁾, не только обильно фактами, которые чрезъ него могутъ быть провѣрены, но представляетъ извѣстную послѣдовательность, т.-е. приблизительно по порядку описываетъ то, что въ алтарѣ, потомъ по лѣвую сторону отъ алтаря, затѣмъ по правую, т.-е. по лѣвую отъ входа“. Хотя намъ не удалось убѣдиться, что у Антонія можетъ быть найдено послѣдовательное и планомѣрное описаніе св. Софѣи, тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ согласиться съ тѣмъ, что онъ обратилъ вниманіе на самыя замѣчательныя для христіанскаго паломника святыни, почему его путешествіе представляетъ собой весьма цѣнный и неза-

1) Сѣнь надъ престоломъ или киворій.

2) Тамъ же, стр. 57—58.

3) „Византійскія церкви“, стр. 113 („Труды VI археол. съѣзда“ въ Одессѣ, III).

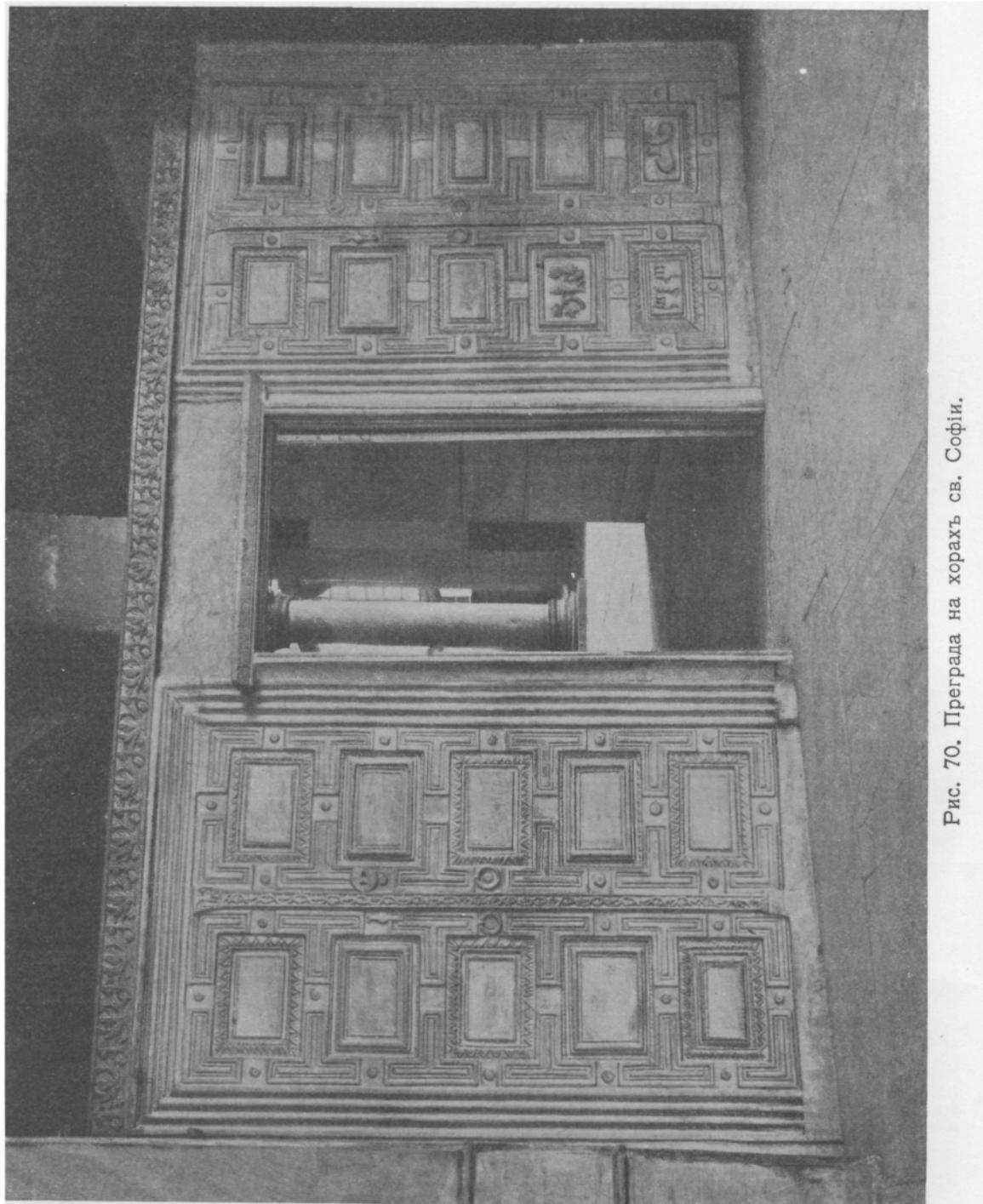

Рис. 70. Преграда на хорахъ св. Софii.

мѣнимый литературный памятникъ. Описание Антонія оставляетъ нѣкоторыя сомнѣнія на счетъ того, какъ широко представлена была въ св. Софіи мозаика. Такъ, онъ упоминаетъ мозаичный образъ надъ главной дверью: „Спасовъ образъ великъ мусіею“. Это, конечно, извѣстное изображеніе Спаса съ колѣнопреклоненнымъ предъ нимъ императоромъ. Относительно другихъ мозаичныхъ изображеній возможны сомнѣнія ¹⁾).

Декоративнымъ цѣлямъ храма служили громадныя колонны разноцвѣтнаго мрамора. Капители ихъ по тонкой работѣ рѣзца представляютъ изящное кружевное произведеніе (рис. 69). Церковный помостъ, равно какъ нижнія части стѣнъ покрыты мраморами разныхъ цвѣтовъ въ такой группировкѣ, которая обличаетъ большой вкусъ. Нѣкоторыя композиціи напоминаютъ орнаментацию въ апсидѣ гор. Паренцо ²⁾. Вверху по стѣнамъ и на сводахъ куполовъ и апсидъ развѣтывались обширныя мозаичныя композиціи на золотомъ или голубомъ фонѣ. Человѣческая фигура занимала, повидимому, мало мѣста въ этихъ декораціяхъ; въ сущности можно указать лишь на архангела въ южной части церкви и на изображеніе Богородицы между Юстиніаномъ и Константиномъ, замѣченное еще Фоссати на южномъ порталѣ. Но, по замѣчанію почти всѣхъ изслѣдователей, большія фигуры святыхъ и пророковъ, равно какъ прекрасная мозаика надъ царскими дверями принадлежатъ къ позднѣйшему времени ³⁾. И по настоящее время самый лучшій видъ на церковь представляется съ галлерей, или хоръ, идущихъ кругомъ всего зданія (рис. 70). Это такъ называемыя катихуменіи Великой церкви (*κατηχουμῆνια*). Къ нимъ вели особыя ходы, которые также соединяли св. Софію съ дворцовыми зданіями. Въ этихъ галлерейхъ устроено было особенное помѣщеніе для царицы, гдѣ она могла слушать богослуженіе и откуда могла наблюдать торжественныя церемоніи. Катихуменіи сообщались и съ другими зданіями, примыкавшими къ церкви; такъ, извѣстно, что изъ патриаршихъ палатъ можно было прямо пройти въ св. Софію черезъ катихуменіи. На загражденіи сѣверной галлерей открыта была надпись съ именемъ Θεодоры ⁴⁾. Здѣсь было

1) Н. П. Кондаковъ, „Византійскія церкви“, стр. 116—117.

2) Lethaby et Swainson, „Sancta Sophia“, p. 244—245.

3) Болѣе подробныя данныя въ книгѣ Lethaby et Swainson, p. 273, 287.

4) Ebersolt, „Sainte-Sophie de Constantinople“, Paris, 1910, p. 25.

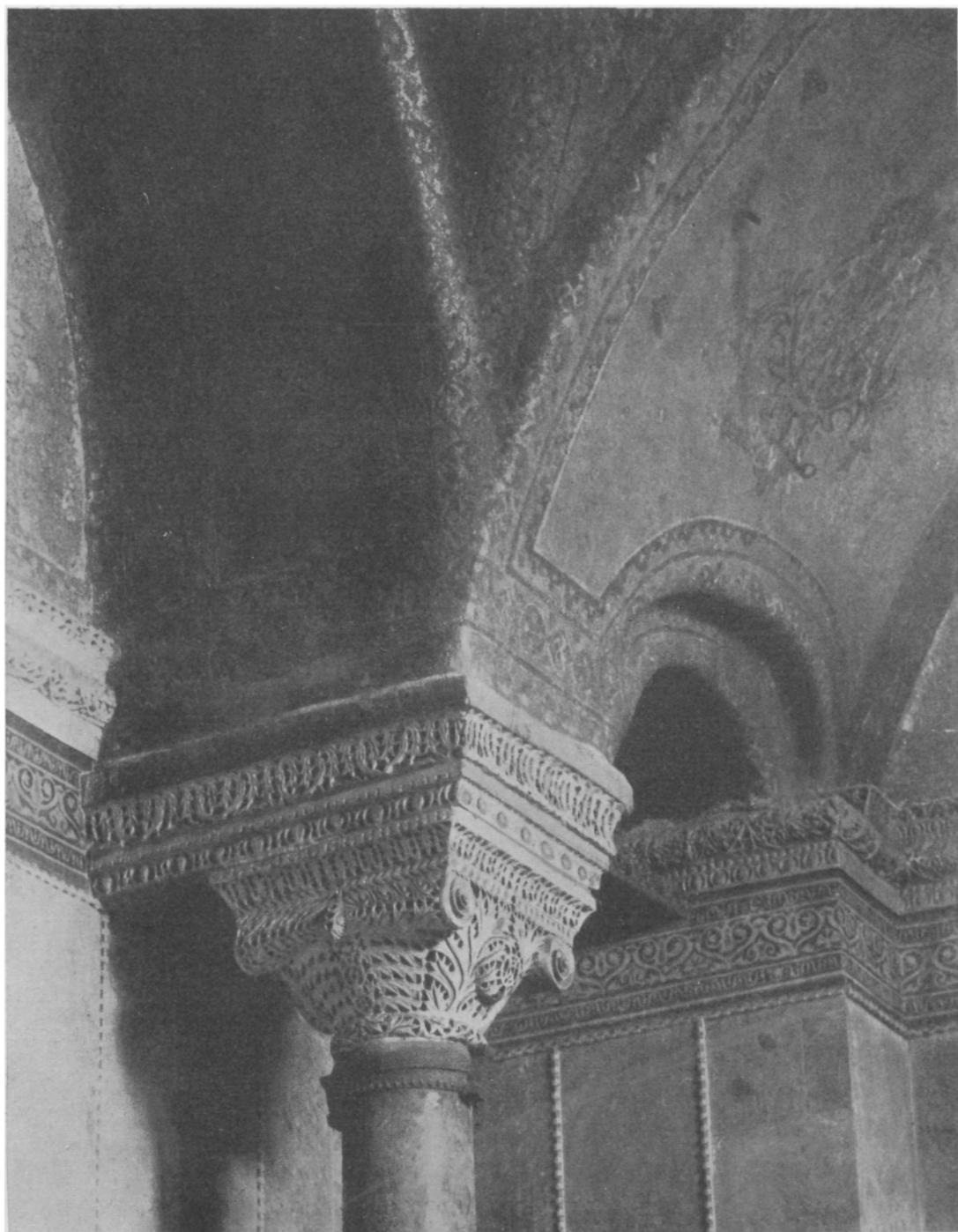

Рис. 71. Капитель колонны въ храмѣ Сергія и Вакха.

также особое помѣщеніе для царя, обыкновенно называемое мутаторій, который находился на южной галлерей на западномъ концѣ.

Совершавшееся въ храмѣ св. Софіи, освященной 27 дек. 537 года, богослуженіе обставлено было всей роскошью служебныхъ принадлежностей и громаднымъ числомъ священно- и церковно-служительскаго состава. При Юстиніанѣ штатъ служащихъ при храмѣ былъ рассчитанъ на 555 человекъ¹⁾; при Иракліи этотъ штатъ доходилъ до 600. На содержаніе церкви пожалованы были царемъ громадныя средства, на каждый день шли доходы съ отдѣльнаго имѣнья, и всего будто бы было записано за церковь 365 доходныхъ статей. Что касается достопримѣчательностей и святынь, стоитъ прочесть описаніе новгородскаго архіепископа Антонія, чтобы понять, съ какимъ стараніемъ Юстиніанъ сосредоточилъ здѣсь почти все наиболѣе драгоцѣнное для христіанина. И слѣдуетъ признать, что для распространенія идеи византизма и для успѣха христіанской миссіи на Востокъ и преимущественно среди славянъ, святая Софія константинопольская оказала громадное содѣйствіе широко образованнымъ и гуманно настроеннымъ царямъ и патріархамъ.

Юстиніановскія постройки: церкви, дворцы, общественныя и благотворительныя зданія въ Константинополѣ и другихъ городахъ имперіи—выражаютъ собой систему и должны быть разсматриваемы во всей ихъ совокупности. Въ одномъ Константинополѣ съ предмѣстьями онъ построилъ 24 церкви. Наиболѣе важными и значительными сооруженіями въ самой столицѣ были храмы св. Апостоловъ, Сергія и Вакха (рис. 71), св. Ирины; дворецъ близъ Халкидона и громадная по замыслу и замѣчательная по искусству выполненія цистерна бинъ-биръ дерекъ или „тысяча одна“ колонна. Еще не была окончена постройкой св. Софія, какъ царица Теодора приступила къ возведенію храма св. Апостоловъ. Онъ былъ начатъ въ 536 и оконченъ въ 550 г. Хотя планъ былъ приготовленъ тѣми же архитекторами, Анѳеміемъ и Исидоромъ, которые строили св. Софію, но архитектурная особенность св. Апостоловъ состояла въ томъ, что она представила собой типъ крестовой церкви и пятикупольное прикрытие. Это было также нововведеніе въ строительномъ искусствѣ, которому было суждено большое распространеніе и разнообразное

1) Const. a. 535, XIV, p. 71.

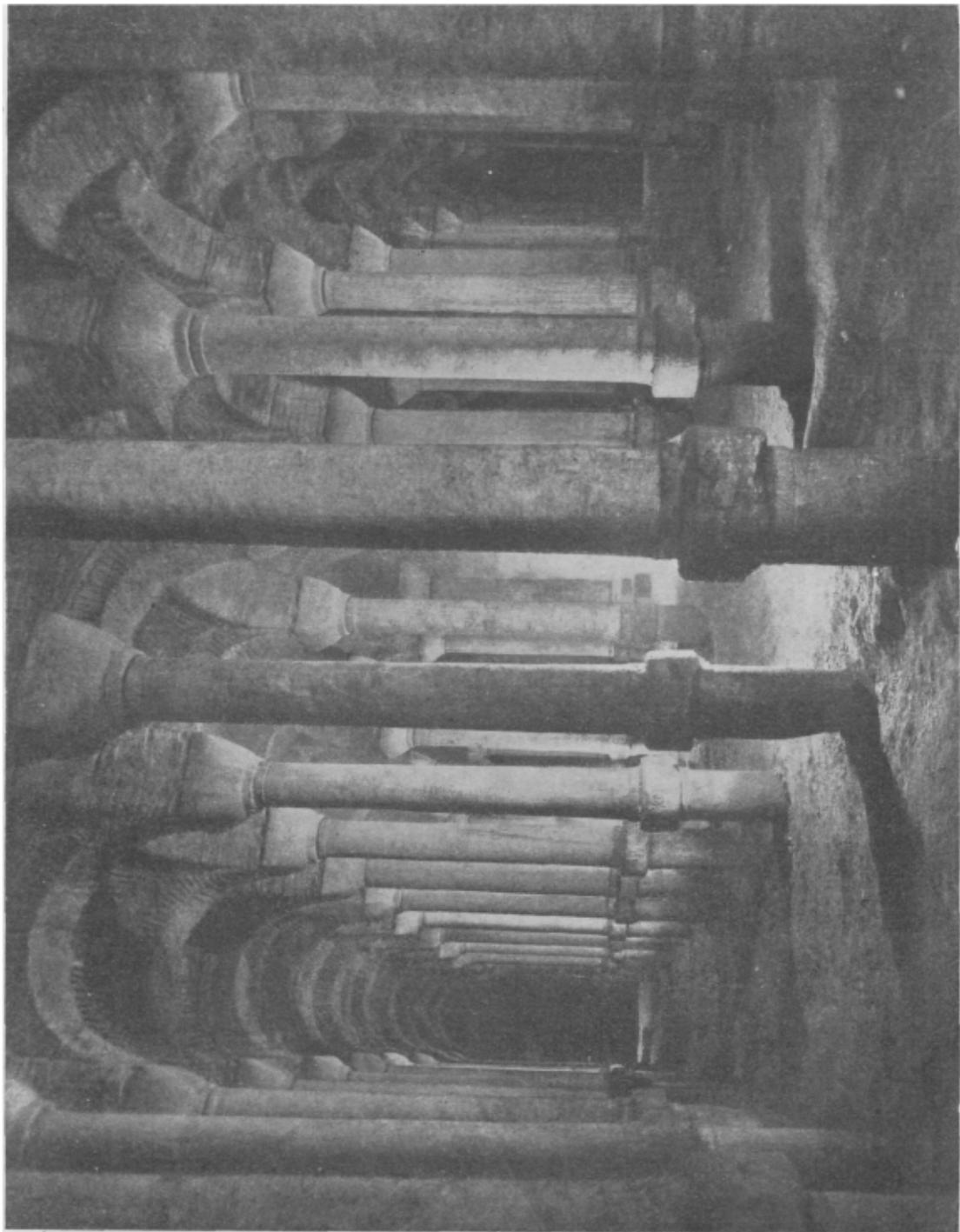

Рис. 72. Цистерна бинъ-биръ дерекъ въ Константинополѣ.

примѣненіе въ христіанскихъ странахъ. Святая Софія была трудна для подражанія, между тѣмъ архитектурный планъ крестовой церкви распространился съ большой легкостью въ Константинополь, Греціи и на Востокъ. На западѣ церковь св. Марка въ Венеціи является воспроизведеніемъ того же стилия. Въ свое время этотъ храмъ принадлежалъ къ замѣчательнѣйшимъ въ Константинополь и служилъ усыпальницей для царей и патріарховъ. Въ X вѣкѣ храмъ св. Апостоловъ былъ описанъ въ поэмѣ Константина Родія, какъ чудесный памятникъ того времени ¹⁾. При завоеваніи Константинополя турками этотъ храмъ былъ срытъ до основанія, и на его мѣстѣ построена была завоевателемъ мечеть, извѣстная подъ именемъ Мехмедіэ или джами султана Мехмеда.

Въ центрѣ города устроенная цистерна—бинъ-биръ дерекъ—относится по времени происхожденія къ 528 г. По мнѣнію новѣйшаго изслѣдователя ²⁾ планъ этой цистерны есть гениальное развитіе многоэтажныхъ цистернъ Александріи. Въ настоящее время эта цистерна не имѣетъ воды, 16 рядовъ мраморныхъ колоннъ, числомъ болѣе 200, на половину покрыты землей. Эта цистерна, какъ говоритъ профессоръ Стржиговскій, въ своемъ родѣ подобна св. Софіи, сходство между ними заключается въ смѣлости конструкціи, которая ни разу болѣе не повторялась. Техника постройки говоритъ за то, что архитекторъ былъ александріецъ (рис. 72).

Независимо отъ громаднѣхъ сооружений, подобнѣхъ вышеуказаннымъ, Юстиніану принадлежитъ строеніе стѣнъ, крѣпостей и сторожевыхъ укрѣпленій противъ персовъ, армянъ, арабовъ и болгаръ, построенныхъ на окраинахъ имперіи въ защиту отъ неожиданныхъ нападений непріятели. Эти послѣднія постройки, составлявшія въ собственномъ смыслѣ выполненіе системы военной защиты имперіи непрерывной линіей пограничныхъ крѣпостей, выражая характерную особенность политики Юстиніана, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Этимъ громаднѣмъ предпріятіемъ, описанію котораго во всѣхъ подробностяхъ Прокопій посвятилъ шесть книгъ сочиненія „О постройкахъ“, Юстиніанъ имѣлъ въ виду возобновить пришедшую въ упадокъ систему римскихъ укрѣпленій. Такъ, по Дунаю отъ Чернаго

¹⁾ Вульфъ, „Семь чудесъ Византіи и храмъ свв. апостоловъ“, „Извѣстія Института“, I, стр. 35.

²⁾ Strzygowski, „Die byzantinische Wasserbehälter von K-pel“, S. 215.

моря до Бѣлграда воздвигнуто было до 80 крѣпостей, въ которыхъ поселены были гарнизоны или колонисты съ обязательствомъ несенія военной службы. Вообще же на Балканскомъ полуостровѣ возникло при Юстиніанѣ до 600 укрѣплений. Со стороны Персіи, для защиты Месопотаміи усилено укрѣпленье Дара, которая обведена двумя стѣнами и рвомъ, возобновлены стѣны Амиды и Эдессы. Сѣверная граница до Трапезунта была защищена башнями и небольшими укрѣпленіями, кавказскіе проходы ограждены длинными стѣнами и валами. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о военныхъ постройкахъ Юстиніана, приводимъ прекрасную страничку изъ сочиненія Диля ¹⁾. „На пограничной полосѣ прежде всего видимъ рядъ укрѣпленныхъ виллъ, связанныхъ между собой послѣдовательнымъ рядомъ военныхъ постовъ (castella), находящихся въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другого, снабженныхъ водой и припасами и занятыхъ небольшими гарнизонами. Цѣль этихъ укрѣплений двоякая: запереть границу и стеречь приближеніе врага; съ другой стороны, служить точкой опоры для отрядовъ, назначенныхъ идти въ непріятельскую страну. Но эта первая линія не казалась достаточной защитой. Поэтому въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея шла вторая линія защиты, состоявшая изъ болѣе важныхъ укрѣплений, снабженныхъ значительными гарнизонами. Эта вторая линія поддерживаетъ пограничные посты, служить заслономъ противъ набѣговъ врага и вмѣстѣ защитой для мирнаго населенія окрестной страны. Въ этомъ заключалась главная забота военныхъ инженеровъ и генераловъ Византіи—обезпечить безопасность жителямъ провинціи и по возможности ослабить вредъ отъ непріятельскаго нашествія. Эта мысль хорошо выражена въ слѣдующихъ словахъ Прокопія ²⁾. „Желая прикрыть дунайскую границу, Юстиніанъ построилъ на рѣкѣ многочисленныя укрѣпленія и помѣстилъ вдоль рѣки гарнизоны, съ цѣлью воспрепятствовать варварамъ переправу. Но затѣмъ, зная всю тщетность челоѣческихъ надеждъ, онъ подумалъ, что если бы непріятелямъ удалось преодолѣть это препятствіе, то они нашли бы сельское населеніе беззащитнымъ и легко могли бы брать людей въ плѣнъ и грабить ихъ имущества. Поэтому онъ не довольствовался тѣмъ, что посредствомъ рѣчныхъ

¹⁾ Diehl, „Justinien“, p. 234—5; его же, „L’Afrique Byzant.“, 139.

²⁾ „De aedificiis“, p. 268.

укрѣплений обезпечилъ общую безопасность, но умножилъ укрѣпленія во всей странѣ, такъ что каждое земельное владѣніе было обращено въ крѣпкій замокъ, или близъ него расположенъ военный постъ“. Изъ болѣе значительныхъ сооружений этого рода можно указать стѣны вокругъ Антіохіи, крѣпость Дара на границѣ съ Персіей, Никею, Аназарбъ, Пальмиру и др. Какъ бы ни судить о реальномъ значеніи этой системы укрѣплений, нельзя сомнѣваться въ томъ, что для своего времени она была наилучшей, и что преслѣдуемая императоромъ цѣль до извѣстной степени была достигаема.

глава VII.

ТОРГОВЛЯ. ШЕЛКОВЫЯ ИЗДѢЛІЯ. ТАМОЖЕННОЕ ВѢДОМСТВО. КОСЬМЯ ИНДИКОПЛОВЪ¹⁾.

Время Юстиніана составляетъ высшій періодъ процвѣтанія византійской торговли. Въ виду важности прямыхъ сношеній со странами, гдѣ было шелковое производство, Юстиніанъ оказывалъ всяческое вниманіе торговымъ людямъ и поощрялъ новыя въ этомъ смыслѣ предпріятія. Пока Византія не имѣла еще соперниковъ въ торговлѣ съ отдаленнымъ Востокомъ, откуда шли драгоцѣнные товары въ Европу, она прилагала большое стараніе, чтобы извлечь всѣ выгоды изъ этого исключительнаго положенія. Древнѣйшимъ памятникомъ торговыхъ сношеній съ Востокомъ можетъ быть названъ Пальмирскій таможенный тарифъ отъ 137 г. христіанской эры. Этотъ актъ изданъ сенатомъ города Пальмиры въ предупрежденіе споровъ, возникавшихъ между купцами и таможеннымъ вѣдомствомъ по вопросу о пошлинѣ съ товаровъ, облагаемыхъ иногда не по закону, а по старому обычаю. Тарифъ изложенъ на двухъ языкахъ, греческомъ и арамейскомъ. Въ настоящее время онъ перевезенъ въ Россію и находится въ Императорскомъ эрмитажѣ²⁾. Пальмира находилась на

1) Главныя пособія: Heyd, „Histoire du commerce du Levant au Moyen-Age“, édition française par Turcy Raynaud. I, II. Leipzig, 1885—1886; Zachariae von Lingenthal, „Eine Verordnung Justinian's über den Seidenhandel aus den Jahren 540—547“ („Mémoires de l'Académie Impériale de St.-Petersbourg“, VII série, t. IX, n. VI, 1865); Gelzer, „Byzantinische Kulturgeschichte“, Tübingen, 1909.

2) Въ первый разъ Пальмирскій тарифъ открытъ и изданъ княземъ Абамелекъ-Лазаревымъ („Пальмира, археологическое изслѣдованіе“. С.-Петербургъ, 1884). Въ Россію тарифъ перевезенъ съ разрѣшенія султана Абдуль-Гамида, по ходатайству Императорскаго Россійскаго посла въ Константинополь и при участіи Института. См. въ моей статьѣ „Археологическіе памятники Сиріи“, стр. 123 („Извѣстія“, т. VII).

главной дорогѣ изъ Византіи въ Персію, именно въ Дамаскъ. Здѣсь верблюжьи караваны разгружались, и съ товаровъ, ввозимыхъ въ имперію, взималась пошлина. Между статьями ввоза упоминаются шелковыя ткани, окрашенныя въ пурпуровую краску, рабы, благовонныя масла въ сосудахъ и въ мѣхахъ, вино, хлѣбъ и др. Но и сама Персія по многимъ статьямъ торговли была собственно передаточнымъ мѣстомъ. Самая богатая страна по особенно дорогимъ товарамъ была, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самая отдаленная. Отъ Китая, съ отдаленныхъ временъ знаменитаго по секрету производства шелка, до Средиземнаго моря торговые караваны употребляли до 8 мѣсяцевъ въ пути. Это такъ поднимало цѣну восточнаго товара въ Европѣ, что онъ становился доступнымъ лишь владѣтельнымъ лицамъ и изъ частныхъ только большимъ богачамъ. Во время Діоклитіана за 1 фунтъ неокрашеннаго шелка платилось 10 000 динаріевъ или около 3 тысячъ рублей. Въ самомъ началѣ V в. (410 г.) императоръ Феодосій II издалъ законъ, относящійся до торговли шелкомъ, указавъ три города на персидской границѣ, гдѣ должна взиматься пошлина съ шелка ¹⁾. Обыкновенно пошлина была въ 10%; во главѣ вѣдомства стоялъ чинъ *comes sacragum largitionum* и подчиненные ему коммерціаріи. Счастливыи случай разрѣшилъ вопросъ о шелковомъ товарѣ при Юстиніанѣ. Именно, одинъ монахъ несторіанскаго исповѣданія принесъ въ имперію въ бамбуковомъ посохѣ коконы шелковичнаго червя и сообщилъ грекамъ искусство разведенія шелковичныхъ куколокъ. Тогда въ Византіи образовались плантаціи шелковицы, и завелись фабрики для производства матерій, занимавшія громадное число людей. Дорогія шелковыя ткани, будучи казенной монополіей, составляли исключительно выгодную статью внѣшней торговли, доставлявшую имперіи громадныя денежныя средства. Византія снабжала этимъ товаромъ дворы европейскихъ государей и богатыхъ купцовъ торговыхъ городовъ Европы.

Часть драгоцѣнныхъ товаровъ добывалась изъ Индіи. Большинство индійскихъ товаровъ шло морскимъ путемъ и доставляемо было

¹⁾ *Amm. Marcellini, XIV, 3; XXIII, 3; Cod. Justinianus IV. 63, de commerciis. „Mercatores tam imperio nostro quam persarum regi subjectos ultra ea loca, in quibus foederis tempore cum memorata natione nobis convenit, nundinas exercere minime oportet, ne alieni regni scrutentur arcana. Nullus igitur imperio nostro subiectus ultra Nisibin, Callinicum et Artaxata emendi sive vendendi species causa proficisci audeat“...*

въ Персидскій заливъ или къ устьямъ Тигра и Евфрата. Такъ какъ и здѣсь Персія была посредницей, а между тѣмъ Юстиніанъ вель съ персидскимъ царемъ продолжительныя войны, то понятно его горячее желаніе освободиться отъ зависимости Персіи. Съ этой цѣлью, между прочимъ, онъ вступалъ въ сношеніи съ Абиссиніей, хотя эта попытка осталась безъ успѣха. Но у имперіи было и другое средство получать товары морскимъ путемъ, именно на сѣверѣ Краснаго моря была гавань близъ нынѣшняго Суэца (Clisma). Здѣсь было таможенное вѣдомство близъ острова Ютаба (нынѣ Тиранъ), и содержался византійскій сборщикъ податей. При Юстиніанѣ и при его преемникѣ Юстинѣ II имперія поддерживала сношенія съ турецкимъ ханствомъ, образовавшимся между Китаемъ и Персіей, между прочимъ, съ цѣлью освободиться отъ тяжелаго торговаго посредничества Персіи. Рѣдкія китайскія и индійскія произведенія и дорогія шелковыя издѣлія разсматривались какъ орудіе политическаго вліянія и какъ средство импортировать на варварскихъ вождей и европейскихъ князей, приходившихъ въ Константинополь. Подарки шелковыми одеждами, тканями, драгоценными камнями и благовоніями были исключительной привилегіей византійскаго двора и весьма высоко цѣнились тѣми счастливыми, кому они были предлагаемы. Кромѣ столицы, шелковыя фабрики развились въ Бейрутѣ, Тирѣ и Антіохіи.

Для характеристики торговаго дѣла при Юстиніанѣ предлагаемъ отрывокъ изъ „Тайной исторіи“ Прокопія ¹⁾.

„Есть два пролива съ той и другой стороны Византіи: одинъ на Еллиспонтѣ между Систомъ и Авидомъ, другой же при устьѣ Евксинскаго понта (Черное море), гдѣ находится извѣстное святилище (*ιερόν*). Въ заливѣ Еллиспонта совсѣмъ нѣтъ казеннаго таможеннаго вѣдомства, но назначенный царемъ чинъ имѣетъ пребываніе въ Авидѣ, съ цѣлью наблюденія за тѣмъ, чтобы въ царствующій городъ не ввозилось на корабляхъ оружіе безъ вѣдома и разрѣшенія царя, и чтобы изъ столицы не прошло какое судно безъ пропуска и печати тѣхъ чиновъ, на коихъ лежитъ эта обязанность, ибо не позволялось выходить въ море изъ Константинополя кораблю безъ разрѣшенія чиновъ подчиненныхъ вѣдомству магистра; кромѣ того, онъ собиралъ съ проходящихъ судовъ небольшую дань. Отправляемый же царемъ

¹⁾ Procopii „Historia Arcana“, с. 25 (р. 138).

надсмотрщикъ въ другой заливъ всегда получалъ жалованье изъ царской казны и имѣлъ задачей смотрѣть за тѣмъ, какъ мною сказано выше, чтобы не ввозилъ кто запрещенныхъ товаровъ къ варварамъ, которые живутъ по берегамъ Евксинскаго Понта, и которыми не позволено снабжать ихъ какъ нашихъ враговъ. Ему не разрѣшалось брать съ судовъ никакой пошлины. Но съ тѣхъ поръ, какъ Юстиніанъ принялъ царство, учреждены были таможенные вѣдомства въ томъ и другомъ заливѣ, и назначены два архонта съ цѣлью взиманія пошлинъ, которымъ опредѣлено было содержаніе, и которымъ поручено собирать пошлины со всей строгостью. Они же, желая всѣми мѣрами сдѣлать пріятное царю, брали съ проходящихъ кораблей за находившіеся на нихъ товары большія пошлины. Принявъ указанныя мѣры къ отношенію къ тому и другому проливу, для Константинополя онъ придумалъ слѣдующее. Поставивъ надъ здѣшнимъ портомъ одного изъ своихъ приближенныхъ, сирійца по происхожденію, именемъ Аддея, поручилъ ему собирать пошлину съ пристающихъ сюда судовъ. Онъ же всѣмъ судамъ, прибывавшимъ въ Константинополь, не допускалъ разгружаться въ гавани, но или принуждалъ корабельщиковъ платить пеню за свои корабли, или везти товары въ Африку или Италію. Изъ нихъ нѣкоторые, не желая ни идти съ обратнымъ грузомъ, ни заниматься морской торговлей, предпочитали предавать огню свои корабли. А тѣ, для которыхъ торговое дѣло было единственнымъ средствомъ къ жизни, принуждены были вносить тройную пошлину за свои товары, и имъ предстояла неизбежная необходимость возмѣщать понесенные убытки поднятіемъ цѣны товаровъ при ихъ продажѣ, такъ что всячески угрожало обнищаніе ромэйскому государству.

„Большинство предметовъ было обращено въ царскую монополію, и необходимыя въ ежедневномъ потребленіи вещи обложены были тяжелыми накладными расходами; оставались еще свободными отъ обложенія торговыя заведенія для одежды, но и по отношенію къ этимъ послѣднимъ было придумано слѣдующее. По исконному обычаю шелковыя одежды приготавливались на фабрикахъ въ Бейрутѣ и Тирѣ, финикійскихъ городахъ. Въ этихъ же мѣстахъ жили какъ торговцы шелковыми издѣліями, такъ художники и ремесленники, и отсюда шелковыя одежды имѣли распространеніе по всему свѣту. Въ царствованіе же Юстиніана занимающіеся этой статьей промышлен-

ности въ Византіи и въ другихъ городахъ повысили цѣну на свое производство, ссылаясь на то, что въ то время и въ Персіи возросла цѣна на шелкъ, и что въ ромѣйской имперіи увеличены таможенныя пошлины ¹⁾). Царь же, будучи этимъ недоволенъ, издалъ законъ, которымъ установилъ, чтобы за фунтъ шелка не платилось больше 8 золотыхъ номисмъ, присоединивъ угрозу наказывать преступившихъ этотъ законъ лишеніемъ имущества. Это поставило торговыхъ людей въ крайнее смущеніе и недоразумѣніе. Ибо не могли они, уплативъ за товаръ дорогую сумму, продавать его по пониженной цѣнѣ, поэтому должны были отказаться отъ продолженія торговыхъ сдѣлокъ, предпочтя тайную распродажу оставшихся у нихъ товаровъ по преимуществу въ средѣ знакомыхъ. Царица, получивъ свѣдѣніе о ходившихъ объ этомъ тайныхъ слухахъ, не провѣривъ основательность ихъ, наложила запрещеніе на эти товары и оштрафовала торговцевъ на кентинарій золота. Во главѣ шелковаго производства и торговли шелковыми издѣліями въ имперіи стоитъ начальникъ царской казны Петръ Варсима, котораго допустили до безчестныхъ поступковъ. Настаивая на точномъ исполненіи закона о шелковыхъ издѣліяхъ по отношенію къ другимъ, онъ требовалъ, чтобы мастера готовили этотъ товаръ исключительно для него, и не тайно, но открыто, на базарѣ, унцію шелка обыкновенной окраски приказалъ оцѣнивать въ шесть номисмъ, а то же количество царской окраски шло по цѣнѣ двадцати-четырехъ и болѣе номисмъ. Этимъ путемъ онъ доставилъ въ царскую казну большія средства, а еще больше присвоилъ себѣ, и этотъ порядокъ, при немъ получившій начало, остался навсегда. Ибо въ это время онъ былъ единственнымъ установителемъ цѣнъ и продавцомъ шелковаго товара. Торговые люди, прежде занимавшіеся этой статьей производства въ столицѣ и другихъ городахъ, испытали, какъ и слѣдовало ожидать, бѣдствія этой системы на морѣ и на сушѣ. Городской димъ въ Бейрутѣ и Тирѣ неожиданно дошелъ до нищенскаго состоянія, мелкіе торговцы и ремесленники принуждены были бороться съ голодомъ, многіе же бѣгствомъ спасались въ персидскія области. Такимъ-то образомъ, будучи единственнымъ начальникомъ доходовъ съ казенной продажи шелковыхъ издѣлій и введя въ этой

1) Procopii, „Hist. arcana“, с. 25, р. 141: αἰτιώμενοι μείζον μὲν ἢ πρότερον ἐν χρόνῳ τῶ παρόντι ὑπὲρ αὐτῆς καταβάλλεσθαι τὸ τίμημα Πέρσαις, πλείω δὲ νῦν τὰ δεκατευτήρια εἶναι ἐν τῇ τῆ Ῥωμαίων (подчеркнутое слово означаетъ десятипроцентный сборъ).

статьѣ монополію, доставлялъ онъ часть доходовъ царю, а больше присвоиваль себѣ и обогащался на счетъ общественныхъ бѣдствій. Такъ-то шли дѣла“.

Ко времени Юстиніана относится исключительный по своему культурному значенію географическій трудъ, подобнаго которому не знаютъ средніе вѣка. Мы говоримъ о знаменитомъ плавателѣ въ Индію, Косьмѣ Индикопловѣ (*ὁ Ἰνδικοπλεύστης*) и составленномъ имъ литературномъ произведеніи, названномъ „Христіанская топографія“. Объ этомъ замѣчательномъ для своего времени географѣ мы имѣемъ, однако, скудныя свѣдѣнія, даваемыя имъ самимъ въ его названномъ произведеніи. Онъ былъ грекъ по происхожденію и жилъ въ Александріи, „по слабости здоровья и по причинѣ плохого зрѣнія не могъ получить широкаго образованія, ораторскаго искусства не проходилъ и болѣе предавался житейскимъ дѣламъ“. Можно, впрочемъ, думать, что эти выраженія характеризуютъ болѣе скромность автора, писавшаго свое произведеніе въ монастырѣ, и потому ихъ нужно принимать съ ограниченіемъ¹⁾. Главнымъ его занятіемъ была торговля; ради торговыхъ дѣлъ онъ предпринималъ отдаленныя путешествія. Былъ въ Абиссиніи и между прочимъ описываетъ дворець царя аксумскаго и пороги Нила. Плавалъ въ трехъ моряхъ: въ Средиземномъ, Красномъ и Персидскомъ заливѣ. Былъ ли Косьма въ Индіи, прямо не говорится въ его сочиненіи, но объ этомъ слѣдуетъ заключать изъ нагляднаго и подробнаго описанія острова Цейлона²⁾, равно какъ на основаніи преданія, усвояющаго ему прозвание индиклопова въ самыхъ древнихъ спискахъ³⁾.

Послѣ полной разнообразныхъ приключеній жизни, Косьма постригся въ монахи и занялся составленіемъ своего литературнаго произведенія. Главная цѣль труда состояла въ томъ, чтобы доказать соотвѣтствіе физической географіи съ библейскимъ ученіемъ о сотвореніи міра, почему патріархъ Фотій называетъ „Топографію“ Косьмы толкованіемъ на „Октатевхъ“. Благочестивая цѣль автора сказывается въ самомъ началѣ произведенія, такъ какъ первая его глава обозначена такъ: „противъ тѣхъ, которые хотятъ казаться христіанами, но при-

1) Migne, „Patrologia Graeca“, t. LXXXVIII, col. 72.

2) Migne, col. 445, 449 и др.

3) Cosimo Stornajolo, „Le miniature della topografia christiana di Cosma Indico pleuste“. Milano, 1908, p. 6.

нимають мнѣніе, чуждое христіанскому ученію, что небо имѣеть сферовидную форму“. Согласно основной своей цѣли, Косьма вооружается противъ системы Птолемея и доказываетъ, что земля имѣеть не шаровидную форму, а уподобляется продолговатому четырехугольному ящику, по образцу Ноева ковчега. Обширное произведеніе Косьмы отняло у него много времени и не могло быть составлено одновременно. Изъ нѣсколькихъ указаній, имъ самимъ сдѣланныхъ, можно заключить, что главная часть составлена между 545—547 г., а конецъ въ позднѣйшее время. Значеніе географическаго сочиненія Косьмы заключается въ его описаніяхъ и сообщеніяхъ о томъ, что онъ видѣлъ, и что слышалъ отъ бывалыхъ людей; въ этомъ смыслѣ онъ сообщаетъ весьма важныя и любопытныя свѣдѣнія, которыхъ напрасно было бы искать у другихъ писателей. Таковы сообщаемыя имъ данныя объ отношеніяхъ имперіи къ Египту, Индіи и Китаю.

Косьма отличается необыкновенной правдивостью и добросовѣстностью въ своихъ описаніяхъ; въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ говоритъ о предметахъ и фактахъ, заимствованныхъ отъ другихъ, онъ опирается на достовѣрные источники. Прежде всего онъ пользуется сообщеніями лично ему знакомыхъ купцовъ и путешественниковъ, изъ коихъ называетъ, между прочимъ, Сопатра и персидскаго посла¹⁾. Библейскій и церковно-историческій отдѣлъ „Топографіи“ почерпнуть изъ устныхъ бесѣдъ съ Патрикіемъ, т.-е. Маръ-Аба, который долго жилъ въ Александріи²⁾ и принадлежалъ къ несторіанскому исповѣданію; слѣды несторіанскихъ воззрѣній, почерпнутыхъ изъ сочиненій Θεодора Мопсуестскаго, можно отмѣтить во многихъ мѣстахъ Косьмы Индикоплова³⁾. Названный выше Патрикіи долженъ быть признанъ не только авторомъ всей системы мірозданія, но и рисунковъ, внесенныхъ Косьмой въ „Топографію“⁴⁾. Въ историческомъ отношеніи, въ жизнеописаніи патріарховъ, любопытно отмѣтить параллелизмъ пасхальной хроники и данныхъ Косьмы. Ватиканская рукопись Косьмы, снабженная миниатюрами, относится къ IX в.

Чтобы ознакомить съ богатымъ содержаніемъ сочиненія Косьмы,

1) Migne, col. 448.

2) Ibid., col. 73: διὰ τῆς ζώσης φωνῆς παραλαβὼν ὑπὸ τοῦ θειοτάτου ἀνδρός καὶ μεγάλου διδασκάλου Πατρικίου...

3) Stornajolo, „Le miniature della topografia cristiana“, p. 10—11.

4) Migne, col. 397.

мы приведемъ изъ него нѣсколько мѣстъ ¹⁾). Описывая караванную торговлю абиссинцевъ съ богатою золотомъ страной Сасу въ сосѣдствѣ съ Занзибаромъ, Косьма говоритъ: „Каждые два года царь Аксума отправляетъ караванъ своихъ торговыхъ людей за золотомъ. Къ нимъ присоединяются и другіе купцы, такъ что всего бываетъ до 500 человекъ. Они отправляютъ туда быковъ, соль и желѣзо. Приблизившись къ странѣ, они дѣлаютъ остановку. Собравъ множество терновника, дѣлаютъ загородку и располагаются подъ защитой ея, убиваютъ и разрѣзываютъ на части скотъ и куски его нанизываютъ на кольца. Приходятъ туземцы и приносятъ слитки золота и кладутъ одинъ, два или болѣе слитковъ подлѣ куска мяса, соли или желѣза, что имъ нравится, и стоятъ въ ожиданіи. Тогда подходитъ хозяинъ мяса и беретъ золото, если доволенъ предложенной за товаръ суммой, а туземецъ, сдѣлавшій предложеніе, беретъ мясо, соль или желѣзо. Но если купецъ недоволенъ суммой, предложенной за его товаръ, то онъ не трогаетъ золота, а туземецъ, видя, что его золото не взято, либо присоединяетъ еще слитокъ, или уходитъ. Такъ происходитъ нѣмая мѣновая торговля, ибо они говорятъ на разныхъ языкахъ и безъ переводчиковъ не могутъ понимать другъ друга. Они остаются на мѣстѣ пять или болѣе дней, смотря по тому, медленно или оживленно идетъ мѣна товара на золото, пока не продадутъ весь товаръ. Возвращаются назадъ всѣ вмѣстѣ и вооруженные, ибо ихъ высматриваютъ враждебныя племена, желающія поживиться ихъ богатствомъ. Вся поѣздка требуетъ не менѣе шести мѣсяцевъ, такъ какъ первый путь они дѣлаютъ весьма медленно, щадя силы своихъ коней, обратный же путь совершаютъ быстро, дабы не быть захваченными въ дорогѣ зимой и дождями. Ибо здѣсь находятся источники Нила, воды котораго, поднявшись вслѣдствіе зимнихъ дождей, дѣлаютъ непроходимыми караванныя дороги. Ихъ зима падаетъ на наши лѣтніе мѣсяцы—отъ 25 іюня по 30 сентября; во время этихъ трехъ мѣсяцевъ падаютъ сильныя дожди“.

Описаніе Цейлона составляетъ лучшую часть произведенія Косьмы. Извѣстія заимствоваль онъ отъ знакомаго купца Сопатра, одновременно съ которымъ прибыло на Цейлонъ персидское судно, съ персидскимъ посланникомъ ²⁾). „По обычаю, начальники города и тамо-

1) Gelzer, „Byzantinische Kulturgesch.“, S. 109 (Tübingen, 1909).

2) Migne, t. 88, col. 448—449. Это описаніе знаменитаго острова Тапрована, который у Косьмы названъ ἡ Σιελήβρα.

женные повели ихъ для представленія царю, который послѣ установленнаго привѣтствія приказываетъ имъ сѣсть и спрашиваетъ: „благополучно ли въ вашей странѣ, и какъ идутъ ваши дѣла“?—„Хорошо“, сказали они. Потомъ спросилъ царь: „который изъ вашихъ царей больше и сильнѣй“?—Персы быстро отвѣтили: „нашъ царь и сильнѣй, и больше, и богаче другихъ, называется царь царей и можетъ дѣ-

Рис. 73. Монеты Юстина II.

лать все, что захочетъ“.—Сопатръ ничего не говорилъ, тогда царь говоритъ ему: что же ты, ромэй, ничего не скажешь?—Сопатръ отвѣтилъ: „что мнѣ сказать послѣ того, что мы слышали. Если, однако, желаешь узнать истину, ты имѣешь передъ собой того и другого царя,

Рис. 74. Тиверій.

разсуди самъ, который изъ нихъ величественнѣй и могущественнѣй“.—Эти слова привели царя въ изумленіе.—„Какъ,—сказалъ онъ;—здѣсь находятся оба царя?“ Сопатръ же отвѣтилъ: „здѣсь есть монеты того и другого: золотая номисма—византійская, и драхма или серебряный миліарисій—персидскій; всмотришь въ изображенія на той и дру-

гой и ты познаешь истину“ (рис. 73—74). Цейлонскій властитель, согласившись съ этимъ, приказалъ принести обѣ монеты. Византійская монета была изъ чистаго золота, свѣтлая и хорошаго чекана, ибо сюда привозятся лучшіе экземпляры; что же касается персидскаго миліарисія, то достаточно сказать, что онъ былъ изъ серебра и не могъ идти въ сравненіе съ номисмой. Царь повертѣлъ въ рукахъ ту и другую монету и, похваливъ золотую номисму, сказалъ: „конечно, ромѣи и славнѣй, и сильнѣй, и умнѣй“. Тогда Сопатру оказаны были особенныя почести: его посадили на слона и съ барабаннымъ боемъ водили по городу. Это разсказалъ намъ, присоединяетъ авторъ, самъ Сопатръ и бывшіе съ нимъ на этомъ островѣ жители Адулы. Это, говорили они, очень пристыдило персидскаго посла“.

На основаніи сообщеній Космы можно судить, что Цейлонъ въ серединѣ VI в. былъ центромъ міровой торговли между восточной Африкой и Китаемъ. Тапрована—говоритъ онъ—есть величайшій островъ въ Океанѣ, тамъ добывается драгоцѣнный камень іакинѣъ, сюда стекаются отовсюду разные товары, и отсюда посылаются мѣстные произведенія во всѣ торговыя пристани. На островѣ царствуютъ два государя, которые находятся между собой въ борьбѣ. Одинъ обладаетъ горной страной, гдѣ добывается іакинѣъ, другой—равнинной, гдѣ находится гавань, и производится торговля. Есть тамъ и христіанская община изъ персидскихъ колонистовъ. Превосходными качествами достовѣрности и наблюдательности отличается описаніе индійскихъ звѣрей. Таково описаніе риноцероса ¹⁾. „Это животное получило свое имя оттого, что у него растутъ рога изъ носа. Когда онъ идетъ, его рога качаются, когда же онъ раздраженъ, даетъ имъ сильное напряженіе, такъ что они становятся такъ твердыми, что могутъ вырывать съ корнемъ деревья, въ особенности передній рогъ. Глаза у него лежатъ низко у челюстей, это весьма страшный звѣрь и естественный врагъ слона. Его ноги и кожа подобны слоновьимъ. Толщина высушенной его кожи равняется четыремъ пальцамъ, нѣкоторые употребляютъ ее вмѣсто желѣза въ плуги и пашутъ землю. Я видѣлъ издали живымъ этого звѣря въ Эіопіи, а мертваго въ царскомъ дворцѣ, гдѣ и описалъ его“.

За описаніемъ Цейлона слѣдуетъ описаніе Индіи. „Кромѣ упомя-

¹⁾ Migne, col. 441.

нутыхъ уже цвѣтущихъ торговыхъ пристаней, есть и другіе многіе торговые города, приморскіе и сухопутные, и обширная страна. Выше, т.-е. сѣвернѣй Индіи, живутъ бѣлые гунны, предводитель которыхъ Голла, выходя на войну, ведетъ съ собой, какъ говорятъ, не менѣе 2 тысячъ слоновъ и многочисленную конницу. Онъ господствуетъ надъ индійской страной и собираетъ подати. Говорятъ, что однажды онъ желалъ завоевать одинъ сухопутный городъ Индіи, но городъ оказался окруженъ водой. Простоявъ подъ городомъ нѣсколько дней и использовавъ всю воду на слоновъ, коней и военныхъ людей, наконецъ, онъ приблизился къ городу сухимъ путемъ и взялъ его. У нихъ особенно цѣнится драгоцѣнный камень смарагдъ, который употребляется для украшенія царской короны. Все это я рассказалъ и описалъ частью по личному опыту, частью узналъ черезъ другихъ, путешествуя по близости отъ этихъ мѣстъ. И мѣстные владѣтели Индіи ¹⁾ имѣютъ слоновъ, одинъ 500, другой 600, то болѣе, то менѣе. А цейлонскій владѣтель покупаетъ на сторонѣ и слоновъ, и коней, первыхъ расцѣниваетъ по измѣренію: слона мѣряютъ отъ пятокъ до верхушки и, смотря по количеству локтей, платятъ отъ 50 до 100 и болѣе номизмъ. Кони привозятся изъ Персіи и продаются безпошлинно. Внутренніе владѣтели страны приручаютъ слоновъ и пользуются ими для военной службы. Для удовольствія царей часто устраиваютъ бой слоновъ. Съ этой цѣлью между двумя имѣющими состязаться слонами устраивается деревянная преграда изъ двухъ вертикальныхъ и одного горизонтальнаго бруса, которая достигаетъ слону до груди. По ту и другую сторону стоятъ люди, которые не допускаютъ слоновъ близко подходить одного къ другому, но возбуждаютъ ихъ, и они начинаютъ бить одинъ другого хоботами, пока одинъ изъ нихъ не будетъ побѣжденъ. Индійскіе слоны не имѣютъ клыковъ, а если и имѣютъ, то эти зубы срѣзываютъ, дабы они не составляли излишней тяжести во время похода. Абиссинцы не умѣютъ приручать слоновъ, но если царь захотѣлъ бы имѣть для звѣринца одного или двухъ слоновъ, то ихъ ловятъ молодыми и воспитываютъ въ неволѣ. Страна ихъ имѣетъ много слоновъ съ большими зубами. Слоновая кость вывозится изъ Абиссиніи въ Индію, въ Персію, въ Аравію и въ Византію“.

¹⁾ Migne, col. 449: οἱ δὲ κατὰ τόπον βασιλεῖς τῆς Ἰνδικῆς.

Весьма любопытны также сообщаемыя Косьмой свѣдѣнія о Синаѣ. Съ этой страной онъ ознакомился посредствомъ нѣсколькихъ путешествій; здѣсь же нашель убѣжище другъ его Мина, съ которымъ онъ совершалъ вмѣстѣ отдаленныя путешествія. Съ какимъ вниманіемъ онъ относился къ Синайскому полуострову, показываютъ его любопытныя извѣстія о синайскихъ надписяхъ. „Когда іудеи получили отъ Бога писанный законъ, они узнали и искусство письма, такъ что пустыня обратилась для нихъ въ училище, ибо въ теченіе 40 лѣтъ они изсѣкали на камнѣ письма. Поэтому въ пустыняхъ Синайскаго полуострова можно находить на всѣхъ тамошнихъ скалахъ надписи съ еврейскими письменами, какъ я самъ это видѣлъ, путешествуя по этимъ мѣстамъ. Нѣкоторые іудеи читали эти надписи и объясняли намъ, что тамъ написано было. Такія надписи сохранились и донынѣ, какъ я думаю, ради невѣрующихъ, ибо каждый можетъ самолично убѣдиться, видѣть собственными глазами, что мы говоримъ правду. Сначала евреи получили отъ Бога письмо на тѣхъ двухъ каменныхъ доскахъ, которыя они изучали въ пустынѣ 40 лѣтъ; это письмо они передали своимъ сосѣдямъ финикіянамъ, отъ послѣднихъ получили греки и другіе народы“. Приведенныя слова относятся къ такъ называемымъ синайскимъ (собственно арабскимъ или набатейскимъ) надписямъ Вади Мокаттебъ и Джебель-ель-Мокаттебъ, которыя потомъ были списаны и изданы англиканскимъ епископомъ Робертомъ Клейтоломъ. Надписи эти позднѣйшаго происхожденія и не имѣютъ ничего общаго съ эпохой странствованія евреевъ по пустынѣ ¹⁾).

„Христіанская топографія“ Косьмы, раздѣленная на отдѣльныя книги, по основному содержанію и цѣли преслѣдуетъ спеціальныя задачи. Если отправляться изъ оглавленія его сочиненія, то трудно подозрѣвать въ немъ тотъ громадный культурный матеріалъ, какой разсѣянъ по разнымъ отдѣламъ, трактующимъ о схемѣ міра, о скиніи, о величинѣ солнца, о теченіи звѣздъ. Въ предисловіи ²⁾ онъ обращается къ своимъ читателямъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ. „Прежде всего прошу тѣхъ, кому случится имѣть у себя эту книгу, читать ее со всѣмъ вниманіемъ и прилежаніемъ, а не пробѣгать поспѣшно, со всѣмъ тщаніемъ и трудолюбіемъ запечатлѣть въ своемъ умѣ упоминаемыя въ ней мѣста, присоединенныя къ ней изображенія и отдѣль-

¹⁾ Gelzer, „Bysant. Kulturgeschichte“. S. 120.

²⁾ Πρόλογος α', col. 53.

ные рассказы. И по прочтении книги пусть обратятъ вниманіе на составленную нами записку къ христоролюбивому Константину, въ которой подробно описана вся земля, какъ лежащая за океаномъ, такъ по сю сторону океана... и всѣ города, и страны, и племена, съ цѣлью доказать истину того, что мы говоримъ, и лживость противоположныхъ мнѣній. На основаніи приложенной схемы и системы мірозданія и самой природы вещей доказывается истинность Священнаго Писанія и христіанскаго вѣроученія“.

Но не главная цѣль, предположенная авторомъ, придаетъ цѣну его сочиненію, а второстепенныя и какъ бы мимоходомъ и случайно сдѣланныя замѣчанія и попутныя объясненія, въ которыхъ наука и признаетъ высокое культурное значеніе „Христіанской топографіи“. Кромѣ литературнаго и бытового значенія, трудъ Косьмы представляетъ еще важный художественный матеріалъ во множествѣ рисунковъ или иллюстрацій, которыми снабженъ его текстъ. Какія мініатюры были въ первоначальномъ оригинальномъ текстѣ Косьмы, и какія присоединены послѣ, равно какъ самъ ли авторъ дѣлалъ рисунки, или другой художникъ—объ этомъ высказываются различныя мнѣнія ¹⁾. Многія выраженія, употребленныя имъ относительно различныхъ фигуръ въ текстѣ, ясно показываютъ, что онъ самъ исполнялъ эти рисунки: фигуру носорога, котораго онъ видѣлъ въ Абиссиніи, статуи во дворцѣ царя аксумскаго ²⁾ и т. п. Относительно другихъ миниатюръ нужно думать, что онѣ заимствованы. Это въ особенности слѣдуетъ сказать о рисункахъ, касающихся мірозданія, такъ какъ въ этомъ отдѣлѣ онъ имѣлъ руководителя въ лицѣ Патрикія ³⁾, который сообщилъ ему и другія изображенія библейскихъ предметовъ, напр., скінію. Что касается рисунковъ, несомнѣнно сдѣланныхъ самимъ Косьмой, о нихъ слѣдуетъ сказать, что въ обработкѣ ихъ нашъ художникъ слѣдовалъ хорошимъ современнымъ образцамъ и традиціи. Такъ, о Даніилѣ и трехъ отрокахъ замѣчено имъ, что по преданію ихъ слѣдуетъ изображать безбородыми ⁴⁾. Ясно, что онъ пользовался мозаиками и фресками и статуями въ катакомбахъ и базиликахъ Александріи. Это обстоятельство придаетъ миниатюрамъ

1) Cosimo Stornajolo, „Le miniature“, p. 16—17.

2) ὄθεν ἀκριβῶς κατέγραψα (Migne, col. 441, 444).

3) Migne, col. 88: ταῦτα δὲ παραλαβὼν ἐκ τοῦ θείου ἀνδρός, ἦτοι καὶ αὐτῆς τῆς πείρας, ἐσήμενα.

4) Migne, col. 400.

Индикоплова высокое значеніе въ исторіи христіанскаго искусства. Съ одной стороны, онъ стоитъ въ зависимости отъ современнаго ему искусства, съ другой—въ позднѣйшихъ памятникахъ, въ особенности въ иллюстрированныхъ октатевхахъ, ясно видно заимствованіе отъ Космы. Вслѣдствіе этого миниатюрамъ Космы приписывается въ исторіи искусства весьма высокое значеніе ¹⁾.

¹⁾ Kondacoff, „Histoire de l'art byzantin“, p. 139—40.

глава VIII.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ЮСТИНИАНА. ЦЕРКОВНАЯ ПОЛИТИКА.

Юстиніанъ можетъ считаться первымъ европейскимъ государемъ, проведеннымъ до крайнихъ предѣловъ централизацію въ своей обширной имперіи. Теорія единой имперіи, какъ она преподносилась Юстиніану, требовала для своего осуществленія одинаковаго примѣненія законовъ и одинаковости судебной практики. Эта сторона дѣятельности Юстиніана имѣетъ большое культурное значеніе для всего европейскаго человѣчества. По сравненію съ блестящими по внѣшности, но по существу эфемерными внѣшними дѣлами, законодательная дѣятельность представляетъ собой памятникъ необыкновенной прочности и живучести и высоко ставитъ имя Юстиніана между всѣми законодателями. Заслуга Юстиніана состоитъ, впрочемъ, не въ творествѣ, не въ составленіи новыхъ законовъ, а въ кодификаціи дошедшаго до него римскаго права. При немъ и при его содѣйствіи памятники римскаго права были собраны, провѣрены и сопоставлены между собой, и результаты юридической работы времени Юстиніана составили уже сами по себѣ драгоцѣнный и незамѣнимый источникъ, изъ котораго полной рукой черпали и средневѣковые ученые, и новѣйшіе юристы. Римское право въ кодексѣ Юстиніана стало универсальнымъ правомъ всѣхъ культурныхъ европейскихъ народовъ,—въ этомъ историческое и культурное значеніе вопроса о законодательной дѣятельности Юстиніана.

Хотя занятія древнимъ римскимъ правомъ были обычны, и уже со времени Адріана существовала спеціальная консисторія, задача коей заключалась, между прочимъ, въ истолкованіи законовъ, но при Юстиніанѣ дѣятельность этого учрежденія получила новое и

болѣе широкое направленіе. Съ первыхъ же лѣтъ своего правленія, вмѣстѣ съ громадными внѣшними предпріятіями, Юстиніанъ обратилъ свое вниманіе на законодательство. Въ 528 г. имъ организована была комиссія изъ десяти правовѣдovъ, выбранныхъ изъ лучшихъ и ученѣйшихъ людей того времени, во главѣ которой поставлены знаменитый Трибоніанъ и Теофилъ. Комиссіи предстояло собрать и распредѣлить по содержанію и хронологіи императорскіе указы (*leges, constitutiones*) со времени эпохи Адріана, какъ въ свое время внесенные въ кодексы Григоріанскій, Гермогеніанскій и Теоодосіевскій¹⁾, такъ и тѣ, кои изданы были позднѣй. Предстояла большая и сложная работа, такъ какъ тогдашніе архивы или библіотеки не имѣли тѣхъ удобствъ, какіе имѣются въ нашихъ библіотекахъ въ видѣ каталоговъ и указателей, и такъ какъ, съ другой стороны, приходилось изучать неупорядоченный рукописный матеріалъ. Несмотря на громадныя трудности, комиссія блистательно и скоро исполнила возложенное на нее порученіе, и уже въ апрѣлѣ 529 г. собранные и провѣренныя тексты императорскихъ указовъ были опубликованы въ XII книгахъ подъ именемъ кодекса. Это знаменитый *Codex Justiniani*, который въ 234 году подвергся новой переработкѣ и вышелъ, такъ сказать, новымъ изданіемъ, отмѣнившимъ старое. Эта послѣдняя редакція или сборникъ, заключающій въ себѣ отъ 4600 до 4700 постановленій, отъ Адріана до 534 года, и составляетъ тотъ Юстиніановскій кодексъ, которымъ наука пользуется и донинѣ²⁾. Гораздо болѣе значенія имѣетъ другое предпріятіе того же рода. Пандекты представляютъ собой совершенно оригинальный и вполне научный юридическій трудъ, исполненный особой комиссіей изъ 16 лицъ подъ руководствомъ того же Трибоніана. Здѣсь предстояло осуществить еще болѣе сложную задачу, именно собрать въ одно руководство всѣ прежнія объясненія или толкованія законовъ, данныя и записанныя въ свое время римскими юрисконсультами. Обширный матеріалъ нужно было разыскивать въ рукописныхъ кодексахъ и подвергать изслѣдованію, при чемъ привлечено было къ изученію до 2000 кодексовъ. Въ этомъ предпріятіи особенно замѣтна научная подготовка Трибоніана и серьезная постановка всего предпринятаго дѣла. Добытый при изученіи рукописей матеріалъ былъ распредѣленъ по отдѣламъ и раздѣленъ на

1) *Codex Gregorianus, Hermogenianus, Theodosianus.*

2) Krueger, „*Hist. des sources du droit romain*“, p. 448; Diehl, „*Justinien*“, p. 248—267.

7 частей въ 50 книгахъ. Такимъ образомъ выведенъ былъ, по выраженію Юстиніана, какъ бы священный храмъ или цитадель въ защиту древняго права, которое оставалось неупорядоченнымъ въ теченіе 1400 лѣтъ.

Послѣ изданія Дигестъ, иначе Пандектъ, въ 533 году, Юстиніанъ озаботился составленіемъ руководства для начинающихъ юристовъ. Таково происхожденіе и значеніе Институцій въ 4 книгахъ, составленныхъ законовѣдами Теофиломъ и Дороееемъ. Пандекты вмѣстѣ съ Кодексомъ извѣстны подъ наименованіемъ *Corpus iuris*, на которомъ и основывалась юридическая практика VI и VII вв. Дальнѣйшее развитіе римскаго права выражалось въ Новеллахъ, т.-е. законахъ, изданныхъ послѣ опубликованія *Corpus iuris*, къ которымъ и нужно обращаться при изученіи примѣненія къ жизни юридическихъ нормъ.

Безспорно, что законодательная дѣятельность Юстиніана имѣетъ громадное значеніе въ исторіи европейской культуры. Но нельзя скрывать и того, что слишкомъ поспѣшная работа выразилась въ послѣдней редакціи этого замѣчательнаго памятника нѣкоторыми недостатками. Такъ, не устранены нѣкоторыя противорѣчія въ статьяхъ древнихъ юристовъ, встрѣчаются повторенія, нѣтъ единства и нерѣдки неточности въ обозначеніи содержанія приводимыхъ отрывковъ. Практическое значеніе его усматривается изъ того, что онъ въ качествѣ руководства для судебныхъ учреждений былъ разосланъ во всѣ провинціи и города и до извѣстной степени обезпечивалъ единство судебной практики. Всѣ согласны, что онъ составленъ съ величайшимъ умѣньемъ и знаніемъ дѣла: законы подведены подъ извѣстные отдѣлы и распределены въ хронологическомъ и предметномъ порядкѣ, каждая статья носитъ имя императора и мѣсто и время изданія. Но это, впрочемъ, дѣло спеціальной критики. Для историка важнѣй отмѣтить въ законодательствѣ Юстиніана тѣ черты, которыми выражается характеръ и намѣренія законодателя, а равно черты времени. Очень любопытно, прежде всего, что законы изданы на латинскомъ языкѣ. Въ этомъ отношеніи Юстиніанъ отдавалъ дань своей теоріи возстановленія Римской имперіи, которой границы совпадали съ границами извѣстнаго міра. Уже одинъ изъ его предшественниковъ, именно Юліанъ (361—3), издалъ на греческомъ языкѣ распоряженія свои по отношенію къ возстановленію въ имперіи язычества, осно-

вываясь, конечно, на распространенности и культурномъ значеніи греческаго языка; но, какъ извѣстно, эти распоряженія имѣли успѣхъ, далеко не соотвѣтствовавшій ожиданіямъ императора. Юстиніанъ, обращаясь со своими законами къ различнымъ народамъ, жившимъ въ его обширной имперіи, имѣлъ, конечно, больше основаній избрать латинскій языкъ, какъ языкъ права, имѣвшій притомъ широкое распространеніе въ административной практикѣ и въ дѣловыхъ отношеніяхъ. Кстати здѣсь замѣтить, что греческій языкъ получаетъ постепенное утвержденіе въ имперіи вмѣстѣ съ политическимъ оживленіемъ и религіознымъ преобладаніемъ эллинскаго элемента, выразившимся въ особенности съ тѣхъ поръ, когда Востокъ отдѣлился отъ имперіи вслѣдствіе персидскихъ и арабскихъ завоеваній. Итакъ, употребляя латинскій языкъ, Юстиніанъ представляетъ собой идеалы древняго Рима; точно также онъ является представителемъ древности и въ своихъ воззрѣніяхъ на абсолютную власть императора и на организацію имперіи и сочетаніе различныхъ ея частей подъ водительствомъ божественнаго избранника. Но рядомъ съ этимъ проглядываютъ и черты новаго времени, объясняющіяся частью желаніемъ приспособить законы къ новымъ формамъ жизни и вновь назрѣвшимъ потребностямъ, частью же подъ вліяніемъ христіанства. Въ вопросахъ о личномъ правѣ привносится смягчающій принципъ гуманности (*humanitas*), а ригоризмъ въ древнемъ вещномъ правѣ уступаетъ требованіямъ общественной пользы и примѣненіемъ *naturalis ratio*. Приспосабливаясь къ требованіямъ общественной морали и соціальной справедливости, законодательство измѣнило понятіе о семьѣ. Женщина приравнивается въ правахъ къ мужчинѣ, прежняя безграничная власть мужа уступаетъ мѣсто христіанскому взгляду на взаимныя обязательства между супругами. Точно также измѣняется идея отеческой власти и по отношенію къ дѣтямъ, которыя эмансипируются въ смыслѣ свободы брака и въ имущественномъ отношеніи. Гуманныя идеи простираются на положеніе рабства, смягчая суровые законы и облегчая способы освобожденія на волю. Въ законѣ о наслѣдствѣ, опредѣлившемъ права на наслѣдованіе имуществомъ для жены, а равно для дочерей и сестеръ, изслѣдователи усматриваютъ революціонный противъ древнихъ воззрѣній принципъ. И слѣдуетъ признать, что законодательная дѣятельность даетъ Юстиніану весьма почетное мѣсто во всеобщей исторіи, которое и оста-

нется за нимъ, несмотря на многія отрицательныя стороны его дѣятельности въ другихъ отношеніяхъ. Нѣсколько разъ и самъ онъ выражалъ мысль о важномъ государственномъ и культурномъ значеніи своихъ законодательныхъ предпріятій и приказалъ, чтобы его законы имѣли обязательную силу по всей имперіи, вытѣснивъ изъ употребленія всѣ предшествовавшія правовыя нормы. Три высшія школы права: въ Константинополѣ, Римѣ и Бейрутѣ получили, между прочимъ, обязанность слѣдить за чистотой права и заниматься научной разработкой юридическихъ памятниковъ.

Законодательная дѣятельность не ограничилась упомянутыми выше сборниками. Всѣ текущіе вопросы—административные, судебные и финансовыя—вызывали рядъ особенныхъ императорскихъ указовъ, которые подъ именемъ новеллъ частью измѣняли, частью дополняли постановленія, заключавшіяся въ Дигестахъ и въ Кодексъ. Такихъ новеллъ въ періодъ времени отъ 534 до 565 года издано до 154. Онѣ касаются, главнымъ образомъ, администраціи гражданской и церковной, суда, финансовой системы и имѣютъ громадное значеніе для исторіи выработки Византизма и эволюціи римскаго права и учрежденій. Очень любопытно, между прочимъ, отмѣтить, что новеллы издавались уже на греческомъ языкѣ, а Пандекты и Кодексъ изданы были на латинскомъ. Ясное дѣло, что римская имперія реформировалась уже въ ромэйско-византійскую.

При обзорѣ административной дѣятельности Юстиніана намъ весьма важно будетъ прослѣдить по его новелламъ новыя начала, которыя войдутъ въ основаніе того порядка вещей, что имѣетъ обнаружиться въ VII и въ особенности въ половинѣ VIII вѣка. Но прежде всего бросимъ общій взглядъ на административныя мѣропріятія Юстиніана. Въ короткое время, на разстояніи 12—15 мѣсяцевъ (535—536 гг.), онъ издалъ цѣлый рядъ новеллъ, которыми были затронуты разнообразныя и живыя стороны государственной и общественной жизни. Найдя разстройство въ управленіи, освѣдомившись о жестокихъ бѣдствіяхъ населенія, страдавшаго отъ вымогательства чиновниковъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, императоръ рѣшился примѣнить весь авторитетъ своей неограниченной власти противъ всѣми сознаваемого зла. Въ заботахъ объ улучшеніи администраціи онъ идетъ къ расширенію учрежденій и круга служилыхъ лицъ созданіемъ новыхъ органовъ для контроля, надѣленіемъ епископовъ правомъ наблюденія

за гражданскими чинами въ епархіи и, наконецъ, устройствомъ новыхъ инстанцій, въ которыя можно было обращаться съ жалобами на низшихъ чиновниковъ. Разсуждая какъ кабинетный мыслитель и полагая, что всѣ его мѣропріятія будутъ исполнены въ точности, лишь только указы придуть по назначенію, онъ плодитъ канцелярскія распоряженія, въ которыхъ до самыхъ мелкихъ подробностей разъясняетъ образъ дѣйствій провинціальныхъ судей, сборщиковъ податей и другихъ чиновниковъ. Выставляя главнѣйшее къ нимъ требованіе, чтобы они были „чисты на руку“ и не высасывали соки изъ населенія, вмѣстѣ съ тѣмъ, Юстиніанъ постоянно предъявлялъ къ нимъ требованіе, чтобы они заботились объ исправномъ поступленіи податей, и что ихъ служебное положеніе зависитъ отъ исполненія этого требованія. Чтобы понять весь трагизмъ этой проповѣди о неподкупности и честности, достаточно указать, что въ то время, какъ составлялись подобныя новеллы, въ самомъ дворцѣ продавались за деньги судебныя и административныя должности, и отдавался въ аренду сборъ податей въ провинціяхъ. Хотя въ теченіе своего продолжительнаго царствованія онъ много разъ долженъ былъ возвращаться къ своимъ предписаніямъ, повторять и подтверждать тѣ же самые указы, и хотя уже изъ этого можно бы вывести заключеніе, что рекомендуемые имъ уставы и правила не примѣняются къ жизни, тѣмъ не менѣе, онъ глубоко вѣрилъ въ практическое осуществленіе своей системы и не видѣлъ того, что, казалось бы, такъ легко понять. Многія его новеллы носятъ въ своихъ начальныхъ строкахъ самоувѣренныя выраженія: „намъ удалось при помощи Божіей достигнуть (такихъ-то) успѣховъ“, но эти успѣхи были только въ его воображеніи, Юстиніанъ въ этомъ смыслѣ былъ жертвой созданной имъ фикціи. Его громадныя военныя и строительныя предпріятія требовали большихъ денежныхъ средствъ и такихъ тратъ, которыя не покрывались обыкновенными доходами. Чтобы пополнить казну и продолжать несоразмѣрные съ доходами расходы, онъ рѣшался прибѣгать ко всяческимъ средствамъ и вступать въ противорѣчіе съ принципами, имъ же самимъ одобряемыми и рекомендуемыми. Прежде чѣмъ переходить къ конкретнымъ фактамъ, находимъ умѣстнымъ дать здѣсь образецъ законодательныхъ актовъ Юстиніана въ той мысли, что инымъ способомъ нельзя дать понятіе о настроеніи и психикѣ законодателя.

Для образца беремъ новеллу, излагающую вредныя послѣдствія

системы продажи должностей ¹⁾). „Случается, что цѣлыя ночи и дни мы проводимъ безъ сна и въ заботахъ о томъ, чтобы доставить полезное нашимъ подданнымъ и вмѣстѣ угодное Богу. И не напрасно это бодрствованіе, ибо оно ведетъ къ планамъ дать счастливую жизнь, свободную отъ всякихъ попеченій нашимъ подданнымъ и принять на себя заботу обо всѣхъ. Прилагая всяческое изысканіе и тщательное разслѣдованіе, мы придумываемъ способъ, какимъ бы можно было освободить ихъ отъ всякой тяготы и обремененія, исключая тѣ обязанности, какія налагаетъ казенная перепись и справедливое обложеніе. Ибо находимъ въ дѣлахъ большую несправедливость, которая съ недавнихъ поръ стала тѣснить людей и приводитъ ихъ въ бѣдственное положеніе, такъ что они подвергаются опасности впасть въ крайнюю нищету и не быть въ состояніи уплачивать обычныя и установленныя по казеннымъ описямъ подати. Ибо въ то время, какъ бывшіе прежде насъ цари, а въ подражаніе имъ и епархи, стали пользоваться производствомъ въ должности и чины какъ доходными статьями, какъ могли плательщики, вмѣстѣ съ возникшими отсюда поборами и излишнимъ обремененіемъ, находятъ средства къ уплатѣ законныхъ и справедливыхъ взносовъ? Итакъ, мы стали обдумывать, какъ бы намъ измѣнить къ лучшему то вредное, что замѣчается въ нашихъ провинціяхъ, и нашли рѣшеніе вопроса въ томъ, чтобы имѣть въ лицѣ администраторовъ, носящихъ гражданскія должности въ епархіяхъ, людей съ чистыми руками, уклоняющихся отъ всякихъ взятокъ и довольствующихся казеннымъ содержаніемъ. Этого не иначе можно достигнуть, какъ если сами они будутъ получать свои мѣста бесплатно. Принявъ во вниманіе, что хотя царство наше лишается не малаго дохода, но что, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріобрѣтается большая польза для нашихъ подданныхъ, если они не будутъ подвергаться поборамъ со стороны своихъ ближайшихъ начальниковъ, мы нашли, что и царство, и казна выиграютъ отъ того, если будутъ состоятельными наши подданные, и что если будетъ принята одна и та же система, то произойдетъ великая и невыразимая польза. Развѣ не ясно для всякаго, что получившій должность за деньги даетъ не только то, что называется правомъ на должность ²⁾, но долженъ приложить и другое, что вхо-

1) „Iustiniani Novellae“ ed. Zachariae a Lingenthal („Bibl. Teubner.“), nov. XVI, p. 93.

2) οὐκ αὐτὸ δίδωσι μόνον ἕσον προφάσει τῶν καλουμένων ἐπενόηθη σουφφραγίων. Const., XVI, p. 95.

дить въ многообразное соприкосновеніе какъ съ дающимъ, такъ и съ получающимъ должность... Деньги даются не свои, а полученные заимообразно, а то, что получается въ долгъ, соединено съ ростомъ; итакъ, слѣдуетъ расчесть, что получившій за деньги должность долженъ возвратить поборами съ провинціи все, что онъ издержалъ на заемъ, на капиталъ и на проценты, равно какъ на всѣ издержки, соединенныя съ этимъ займомъ, присчитать и ту сумму, какую онъ заплатилъ начальнику и его окружающимъ, и что онъ долженъ оставить про запасъ себѣ на будущее время, когда онъ уже не будетъ у власти. Такъ что ему необходимо будетъ собрать съ подчиненныхъ не втрое противъ того, что онъ самъ далъ, а въ десять разъ больше. Вслѣдствіе этого терпитъ ущербъ казна, ибо что должно было бы поступить въ казну, если бы чиновникъ имѣлъ чистыя руки, онъ употребляетъ это въ собственную пользу, дѣлая плательщика нищимъ и относя на нашу отвѣтственность его скудость, хотя самъ виноватъ въ ней. Сколько и другихъ нелѣпостей происходитъ отъ этихъ взятокъ?—Ибо занимающіе провинціальныя должности, если они берутъ взятки, освобождаютъ виновныхъ въ подобномъ же преступленіи, а невиновныхъ присуждаютъ къ наказанію, чтобы сдѣлать угодное виновнымъ. Отъ этого идетъ повальное обращеніе изъ провинціи въ столицу, бѣгутъ сюда съ плачемъ іереи, члены городскихъ курій, военные, ктиторы, димоты и землемѣры, жалуясь на взятки и притѣсненія властей, но этимъ зло не ограничивается, отъ этого происходятъ смуты въ городахъ и движеніе димовъ... (§ 1). Все это обсудивъ и посоветовавшись съ данной намъ Богомъ благочестивѣйшей супругой и сообщивъ свое мнѣніе тебѣ ¹⁾, мы издаемъ настоящій законъ, которымъ опредѣляемъ: ни за проконсульство, ни викаріатство, ни за должность комита востока, ни за другую какую власть консульскую ли или игемонскую, которыя обыкновенно называются консуларными и корректорскими, не допускается никакого права голоса и не позволяется давать за должность какое-либо приношеніе, но даромъ возлагать должность и вносить умѣренную плату за знаки власти и письменные акты. Къ настоящему нашему закону присоединяется табель взносовъ, какіе нужно платить за каждую должность какъ въ наше божественное казначейство, такъ и въ приказъ твоего превосхо-

¹⁾ Новелла дана на имя Іоанна, епарха преторіи и патрикія.

дительства за грамоты, или знаки, или акты (§ 2). Опредѣляемъ, чтобы викарій Азіи и архонтъ Фригіи Пакатіаны не носилъ болѣе этого титула, а именовался просто комитомъ Фригіи Пакатіаны, и чтобы получалъ изъ казны въ счетъ (анноны и капитаціи) хлѣбной и поголовной подати то же, что шло ему съ той и другой должности, такъ что вмѣсто двухъ должностей учреждается одна комитива.—Подобное же узаконеніе дѣлается относительно викарія Понта и архонта первой Галатіи, вмѣсто двухъ учреждается комитъ первой Галатіи. Точно также соединеніе властей распространяется на провинцію Анатолику (§ 5). Провинціальнымъ административнымъ чинамъ (архонты) подчиняется въ провинціи безъ исключенія все населеніе: простой народъ во всѣхъ дѣлахъ денежныхъ и судебныхъ, служащій классъ, хотя бы онъ находился въ подчиненіи у непосредственныхъ начальниковъ, подлежить вѣдомству правителя провинціи по дѣламъ гражданскимъ и судебнымъ (§ 6). Административные чины обязываются подъ присягой не давать взятокъ и не обѣщать таковыхъ, въ противномъ случаѣ платятъ вчетверо и лишаются имущества и должности (§ 7). Изглагая въ слѣдующей статьѣ обязанности правителя по отношенію къ населенію, законодатель переходитъ въ роль учителя нравственности и проповѣдника и рисуетъ идеальную картину семьи, въ которой губернатору принадлежитъ роль отца, а подчиненнымъ— послушныхъ дѣтей ¹⁾. По сложеніи съ себя должности, чиновникъ обязывается въ теченіе 50 дней не оставлять провинціи, чтобы дать возможность населенію предъявлять къ нему иски и требовать съ него, если бы онъ чѣмъ несправедливо отъ нихъ попользовался. Мѣстному епископу предоставлялось при этомъ производить словесное дознаніе“ (§ 9).

Ставя каждому въ обязанность тщательное наблюденіе за тѣмъ, чтобы подати вносились въ казну безъ недоимокъ, законодатель ²⁾ говорить: „Вы должны знать, что военные расходы и преслѣдованіе непріятелей требуютъ большой внимательности и не могутъ быть производимы безъ денежныхъ средствъ и не выносятъ ни малѣйшаго промедленія времени, притомъ же и я не изъ тѣхъ, который бы хладнокровно смотрѣлъ на сокращеніе предѣловъ ромэйской имперіи. Напротивъ,

¹⁾ Ibid., p. 102: καὶ οὕτως ἄρχοντας τῶν ὑπάρχων ὡς ἂν πατέρες τῶν υἱῶν, ἀγαπῶντες μὲν αὐτοὺς ἀνευθύνους ὄντας...

²⁾ Ibid., p. 106.

завоевавъ всю Ливію и поработивъ вандаловъ и съ помощію Божіей надѣясь исполнить и многое другое больше этого, я требую, чтобы казенныя подати поступали безнедоимочно, справедливо и въ опредѣленные сроки“ (§ 10). „Великому Богу и Спасу нашему Іисусу Христу всѣ пусть воздадутъ благодарственные гимны за этотъ законъ, который создаетъ для нихъ великія преимущества: жить спокойно въ своихъ отечественныхъ мѣстахъ, съ увѣренностью въ завтрашнемъ днѣ пользоваться своими имуществами и имѣть справедливыхъ начальниковъ. Ибо и мы съ той цѣлью издали настоящее распоряженіе, чтобы, почерпая силу въ праведномъ законѣ, войти въ тѣсное общеніе съ Господомъ Богомъ и препоручить Ему наше царство, и чтобы намъ не казаться невнимательными къ людямъ, которыхъ Господь подчинилъ намъ на тотъ конецъ, дабы мы всемѣрно берегли ихъ, подражая Его благодости. Да будетъ же исполненъ нашъ долгъ передъ Богомъ, ибо мы не преминули исполнить по отношенію къ нашимъ подданнымъ все доброе, что только приходило на умъ. Ибо желая уничтожить эти презрѣнныя и рабскія хищенія и предоставить нашимъ подданнымъ возможность жить въ благополучіи подъ мѣстными властями, мы озаботились тѣмъ, чтобы давать имъ должности безвозмездно, дабы и имъ не повадно было дѣлать преступленія и грабить народъ, ради счастья котораго мы подъяли всякій трудъ, не рѣшаясь брать за образецъ нашихъ предшественниковъ, которые за деньги давали должности, отнимая у самихъ себя возможность требовать справедливости отъ несправедливыхъ властей“ (§ 11).

Мы привели почти цѣликомъ содержаніе новеллы. Можно бы задаться вопросомъ, почему законодатель такъ много говоритъ о нравственномъ значеніи своихъ мѣропріятій, и почему къ основной темѣ—запрещеніе давать должности за деньги—привлечено столь много не относящагося къ дѣлу? Если изъ свидѣтельствъ современниковъ намъ доподлинно извѣстно, что продажа должностей продолжалась при Юстиніанѣ со всей свободой и публичностью, то какъ грустно становится при чтеніи прекрасныхъ мыслей и нравственныхъ правилъ, бросаемыхъ на вѣтеръ и ничѣмъ не связывающихъ самого законодателя? Но въ новеллѣ, кромѣ сентенцій, есть реальные факты, которые вводятъ въ дѣйствительную жизнь, и съ которыми слѣдуетъ считаться.

Въ смыслѣ конкретныхъ фактовъ, въ новеллахъ довольно по-

слѣдовательно проведена система административныхъ преобразованій, вмѣстѣ съ которыми введены новыя начала въ управленіе провинціями. Эта сторона дѣятельности Юстиніана тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что въ ней можно видѣть подготовительную стадію къ позднѣйшимъ реформамъ, осуществленнымъ императорами иконоборческаго періода. Именно, отказавшись отъ старой системы дробленія административныхъ округовъ на незначительныя по протяженію территоріи, на которыхъ притомъ же гражданская и военная власть дѣлилась между двумя начальниками, независимыми одинъ отъ другого, Юстиніанъ расширилъ административные округа, сплотивъ ихъ въ сильныя территоріальныя единицы посредствомъ подчиненія двухъ провинцій власти одного генераль-губернатора съ предоставленіемъ ему военной, гражданской и судебной власти. Этимъ преобразованиемъ, съ одной стороны, усиленъ былъ авторитетъ провинціальныхъ чиновъ посредствомъ поднятія служебнаго ранга и получаемого губернаторомъ отъ казны содержанія, съ другой—самыя провинціи вслѣдствіе этой мѣры получили болѣе устойчивое положеніе и до извѣстной степени стали дѣятельнѣй въ борьбѣ съ внѣшними и внутренними бѣдствіями, развѣдавшими имперію. Подразумѣваемыя реформы касались по преимуществу восточныхъ провинцій: Писидіи, Ликаоніи, Исавріи, Еленопонта, Пафлагоніи, Арменіи, Азіи, Фригіи, Галатіи, Анатолики, Египта и нѣкоторыхъ европейскихъ, какъ Фракія. Относящіяся сюда новеллы, сообщая нѣкоторыя спеціальныя свѣдѣнія о провинціяхъ, позволяютъ вникнуть въ цѣли и намѣренія законодателя, руководившагося, между прочимъ, соображеніями о племенныхъ группахъ населенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даютъ живое представленіе о томъ типѣ власти, какой рисовался въ умѣ Юстиніана. Позволяемъ себѣ привести новеллу, касающуюся преобразованія Писидіи, съ которой начинаются преобразовательные опыты императора ¹⁾).

„Никогда бы, думаю, и старые римляне не были въ состояніи составить свою обширную имперію при посредствѣ малыхъ и незначительныхъ административныхъ органовъ, и чрезъ нихъ всю, такъ сказать, вселенную захватить и привести въ порядокъ, если бы они, системой снаряженія въ провинціи высшихъ сановниковъ, не приобрѣли авторитетнаго и почетнаго положенія и не предоставили

¹⁾ Novella XXIII (24), p. 152.

гражданской и военной власти такимъ людямъ, которые оказались способны пользоваться той и другою. Такіе начальники носили имя преторовъ, имъ предоставлялась и административная и законодательная власть ¹⁾, почему и судебныя учрежденія стали называться преторіями. Размышляя объ этомъ, снова вводя въ управленіе древніе обычаи, воздавая почтеніе ромэйскому имени и усматривая, что въ необширныхъ провинціи назначаются нынѣ двѣ власти, и ни которая изъ нихъ не отвѣчаетъ своему назначенію, почему въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ есть гражданскій и военный начальникъ, всегда происходятъ между тѣмъ и другимъ раздоры и распри изъ-за широты власти, мы пришли къ рѣшенію соединить ту и другую власть, т.-е. военную и гражданскую, въ одну схему и дать получившему такое назначеніе снова наименованіе претора, такъ что онъ и предводительствуетъ военными отрядами, расположенными въ этой области, и пользуется вышеупомянутымъ званіемъ, и издаетъ законы, что было издавна привилегіей преторовъ, и пользуется содержаніемъ, присвоеннымъ той и другой должности, и полицейскимъ отрядомъ въ 100 человекъ ²⁾. Такъ онъ поддержитъ свой авторитетъ и будетъ внушать страхъ разбойникамъ и обидчикамъ. Что онъ долженъ имѣть чистыя руки, объ этомъ говорено въ недавно изданномъ законѣ. Почему мы прилагаемъ этотъ законъ прежде всего для Писидіи, это потому, что у прежнихъ хронографовъ мы нашли извѣстіе, что во всей странѣ господствовало писидское племя, и нынѣ, по нашему мнѣнію, эта страна нуждается въ большей и сильнѣйшей власти, поелику въ ней находятся большія и многонаселенныя деревни, которыя часто между собой находятся въ борьбѣ, и поставить твердую власть въ этихъ разбойническихъ мѣстахъ, гдѣ на одной вершинѣ Лика находится убѣжище ликокранитовъ. Въ эту область нужно являться не мирнымъ порядкомъ, а военнымъ.

Назначенный на такую должность чиновникъ (мѣсто жалуется всегда даромъ, дабы и онъ всегда былъ непричастенъ взятокъ и довольствовался казеннымъ содержаніемъ) долженъ относиться къ своимъ подвластнымъ справедливо, нелицеприятно и рѣшительность растворять человеклоубіемъ. Онъ заботится объ изгнаніи изъ обла-

1) Nov. 24, p. 153: ἐπιτρέψαντές τε αὐτοῖς καὶ τὰ πολιτικά διοικεῖν καὶ τὰ περὶ τῶν νόμων γράφειν.

2) Ibid., p. 153: τάξει δὲ γρηγοραὶ μᾶ τάξεωτων ἑκατόν.

сти проступковъ челоѣкоубійства, блуда, похищенія дѣвъ и объ уничтоженіи всяческой неправды, и долженъ наказывать по нашему закону тѣхъ, кто окажется виновнымъ въ этихъ преступленіяхъ, и никому не дѣлать поблажки, но по отношенію ко всѣмъ соблюдать одинаковую справедливость, согласно нашимъ законамъ, и приучать нашихъ подданныхъ жить и управляться по законамъ. Такъ что не позволяется жителямъ провинціи приходить сюда изъ-за неважныхъ дѣлъ и утруждать насъ, но прежде долженъ выслушать и разобрать дѣло самъ правитель (§ 2). Обязанности его не ограничиваются вышеизложеннымъ, на его попеченіе возлагается благосостояніе городовъ. Онъ долженъ наблюдать за дѣлами городовъ и не допускать, чтобы они терпѣли въ чемъ ущербъ: исправлять каналы для воды, наблюдать за исправностью мостовъ, стѣнъ и дорогъ; принимать мѣры, чтобы бывающіе въ области сборщики не обременяли въ чемъ нашихъ подданныхъ и не усвоивать себѣ недавно укоренившася дурного обычая издавать распоряженія на счетъ стѣностроительства и исправленія путей и другихъ безчисленныхъ поводовъ... Съ цѣлью снова видѣть провинціи густо населенными и въ видахъ достиженія того, чтобы стекающаяся сюда масса народа не опасалась возвратиться въ мѣста своего обитанія изъ-за злобы мѣстныхъ властей, мы постановили закономъ, чтобы твое превосходительство пользовалось соединенной властью надъ Писидіей, военной и гражданской и одинаково имѣло заботу о гражданскомъ и военномъ управленіи (§ 3).

„Титулъ назначаемого въ Писидію администратора будетъ преторъ Юстиніанъ Писидіи. Ему подчиняется преторіанская стража или полицейскій отрядъ въ сто челоѣкъ. Отличія власти его ¹⁾: серебряное кресло, сѣкира и связка прутьевъ и военная власть. Для того пожалована ему власть надъ военными людьми, чтобы онъ училъ ихъ и упражнялъ, и приготавлилъ къ дѣйствіямъ противъ разбойниковъ, и укрощалъ нравы нашихъ подданныхъ, и не позволялъ городамъ производить смуту и жителямъ деревень слишкомъ вольничать по отношенію къ казеннымъ интересамъ ²⁾. Власть претора Писидіи вносится въ рангъ сіятельныхъ архонтовъ, такъ что всѣ привилегіи, свойственныя прежнимъ викаріямъ, а нынѣшнимъ комитамъ юстиніановскимъ

1) Ibid., p. 157: *καὶ πάντα ἔξει τὰ τῆς ἀρχῆς παράσημα.*

2) P. 158: *καὶ μήτε τὰς πόλεις στασιάζεσθαι συγχωρεῖν, μήτε τοὺς χωρῆτας ἀπαυθαδιάζεσθαι πρὸς τὸ δημόσιον.*

Фригии, Пакатіаны и первой Галатіи и комиту Востока, усвоятся и ему. Онъ носитъ титулъ сіятельнаго архонта, и возбуждаемыя имъ апелляціонныя дѣла разбираются здѣсь, будучи вносимы въ судъ епарха и заслушаны въ присутствіи квестора нашего божественнаго двора (§ 4). Содержаніе претору Писидіи съ поголовнаго и хлѣбнаго обложенія солидовъ 300“.

Приведенное содержаніе новеллы о назначеніи и правахъ претора Писидіи можетъ быть разсматриваемо въ смыслѣ гораздо болѣе широко, такъ какъ оно легко прилагается къ губернаторамъ всѣхъ провинцій, которыя подверглись преобразованію въ этотъ періодъ. Такимъ образомъ, съ тѣми же самыми цѣлями усилены были сосѣднія съ Писидіей провинціи: на востокъ Ликаонія, на югъ Памфілія (см. карту имперіи). Приобрѣтаютъ интересъ лишь нѣкоторыя подробности, какія законодатель находилъ нужнымъ вставить въ издаваемые имъ акты. Такъ, въ новеллѣ, трактующей о правахъ и обязанностяхъ модератора Еленопонта ¹⁾, Юстиніанъ даетъ свѣдѣнія о сдѣланныхъ имъ приобрѣтеніяхъ у Кавказскихъ горъ. Двѣ провинціи, Понтъ Полемона и Еленопонтъ, расположены были по южному побережью Чернаго моря, отъ Синопа на востокъ. Признавая, что объ эти провинціи, заключавшія въ себѣ 13 городовъ, не были значительны, и что соединеніемъ ихъ въ одно управленіе можетъ быть достигнута польза для обѣихъ областей, Юстиніанъ присоединяетъ, что за границей византійской провинціи приобрѣтены имъ Лазика съ городомъ Петрой, равно какъ у персовъ отнятыя города ²⁾, находившіеся, по всей вѣроятности, въ такъ называемой персидской Арменіи. Затѣмъ слѣдовала земля Цановъ и независимыя племена: сванеты, скимны, апсилы и авазги. При организаціи провинціи Арменіи законодатель упоминаетъ о варварскомъ законѣ, въ Арменіи дѣйствующемъ, по которому женщины исключаются изъ права наслѣдованія. Вводя обязательно дѣйствовавшія въ имперіи по этому вопросу законоположенія, Юстиніанъ прибавляетъ: „для того и послали мы къ нимъ наши законы, чтобы согласно съ ними они устраивали свою жизнь“ ³⁾. Но въ организаціи Арменіи былъ нарушенъ принципъ централизаціи, какъ это видно изъ устройства

¹⁾ Nov. XXXI (28), p. 191.

²⁾ Ibid. 192.

³⁾ Nov. XXXIII, p. 206.

четырехъ провинцій этого имени ¹⁾). Лежащія ближе къ Константинополю черноморскія провинціи Гоноріада и Пафлагонія также подверглись преобразованію и подчинены одной гражданской и военной власти въ лицѣ претора Пафлагоніи. Эта провинція находилась въ сосѣдствѣ съ Виѳиніей, и уже при Юстиніанѣ границы ихъ не имѣли строгаго раздѣленія ²⁾).

Какъ въ самой редакціи новеллы нельзя не видѣть нѣкоторой неупорядоченности, выражающейся въ многословіи и въ частыхъ повтореніяхъ уже сказаннаго, такъ и въ практическомъ ихъ примѣненіи замѣчается неустойчивость. Императоръ не разъ прибѣгалъ къ отмѣнѣ ранѣе принятыхъ распоряженій, хотя бы, на примѣръ, въ организаціи Еленопонта и Арменіи, то соединяя, то снова раздробляя разъ установленныя провинціи. Между разсматриваемыми законодательными памятниками наиболѣе выражаетъ характеръ Юстиніана его эдиктъ объ управленіи Египта и Александріи ³⁾). Реформы управленія въ Африкѣ введены были съ 1 сентября 534 года.

Во главѣ гражданскаго управленія провинціи поставленъ префектъ преторіи, которому подчинены всѣ области гражданской жизни: администрація, законодательство, правосудіе и финансы. Огромный штатъ чиновниковъ и семь административныхъ округовъ служили внѣшнимъ выраженіемъ вновь созданнаго порядка вещей. Стоитъ остановиться здѣсь вниманіемъ на томъ, что въ Африкѣ проведено было Юстиніаномъ полное раздѣленіе гражданской и военной власти, между тѣмъ какъ въ то же самое время въ Азіи и частью въ Европѣ рядомъ новеллъ устанавливаются абсолютная пригодность и неизбѣжность для блага имперіи централизаціи провинціальныхъ административныхъ округовъ и соединеніе военной и гражданской власти въ однѣхъ рукахъ,—таковъ основной мотивъ разсмотрѣнныхъ выше законовъ, изданныхъ въ 535 и въ ближайшіе годы. И тѣмъ любопытнѣй это явленіе, что Африка была недавно завоевана и нуждалась въ сильной военной охранѣ. Фактически, однако, теоретическая постановка дѣла скоро была замѣнена входившимъ по всей имперіи въ обычай соединеніемъ гражданской и военной власти. И дѣйствительно, начиная уже съ 535 года, какъ префектъ Соломонъ былъ

1) Nov. XLV (31), p. 277.

2) Ibid., p. 200.

3) Nov. XCVI, a. 538, p. 529.

главнокомандующимъ всей африканской арміи, такъ и смѣнившій его въ 536 г. патрикій Германъ, племянникъ Юстиніана, совмѣщаль въ себѣ всю полноту гражданской и военной власти.

Можно такимъ образомъ полагать, что, несмотря на внѣшнія формы, въ существѣ та же эволюція совершается и въ Африкѣ, что и въ другихъ частяхъ имперіи. Здѣсь ходъ вещей привелъ къ образованію особой степени централизаціи гражданской и военной власти въ лицѣ экзарха ¹⁾.

Упомянутый выше эдиктъ касается одной части африканской діоцезы, именно Египта, и обращаетъ на себя вниманіе по спеціальному значенію Египта и Александріи для Константинополя. Имѣемъ въ виду то обстоятельство, что Египетъ игралъ важную роль въ хозяйствѣ имперіи, такъ какъ хлѣбное продовольствіе Константинополя зависѣло, главнымъ образомъ, отъ своевременнаго и правильнаго подвоза хлѣба изъ египетскихъ портовъ и преимущественно изъ Александріи. Понятна поэтому забота правительства хорошо поставить эту столь важную статью египетской администраціи. И дѣйствительно, въ приводимомъ ниже законѣ встрѣчаемъ весьма любопытныя подробности какъ вообще о генераль-губернаторѣ двухъ провинцій подъ именемъ Египта I и II и вмѣстѣ города Александріи, такъ и объ организаціи поставки хлѣбныхъ грузовъ, которая вводитъ насъ въ существо этого первостепеннаго въ жизни столицы имперіи вопроса. „Если отъ нашего вниманія не ускользаютъ и самыя незначительныя дѣла, то тѣмъ больше вниманія мы должны удѣлять важнымъ вопросамъ, имѣющимъ государственное значеніе, и не оставляемъ ихъ безъ должнаго разсмотрѣнія и упорядоченія. Итакъ, принимая во вниманіе, что въ прежнее время казенные сборы пришли въ такое замѣшательство въ египетскомъ округѣ, что здѣсь положительно не имѣли представленія о состояніи этого дѣла въ странѣ, мы удивлялись безпорядочному веденію ея, пока Господь не благоволилъ предоставить его нашему попеченію. Доставка хлѣба изъ Египта совсѣмъ пріостановилась; плательщики утверждаютъ, что съ нихъ все требовано, деревенскіе старосты ²⁾, обыватели, сборщики и, въ особенности, мѣстные власти такъ запутывали это дѣло, что оно никому не могло быть извѣстнымъ, оставаясь выгоднымъ для всѣхъ непосредственно къ нему при-

1) Diehl, „L'Afrique byzantine“, p. 117, 453.

2) Nov. XCVI (p. 529): *οἱ παῖρροι*.

косновенныхъ. Итакъ, въ убѣжденіи, что намъ никогда бы не удалось освѣтить и надлежащимъ образомъ поставить это дѣло, если бы оставили его не выдѣленнымъ изъ состава другихъ дѣлъ, мы рѣшились августалія, завѣдующаго управленіемъ Египта, ограничить въ области его вѣдѣнія и направить его вниманіе на скромныя заботы. Вслѣдствіе того повелѣваемъ, чтобы августалій властвовалъ какъ Александріей, такъ и обѣими провинціями Египта, за исключеніемъ городовъ Менелайта и Марейота. Такъ какъ Александрія есть большой и много населенный городъ, то августалію принадлежитъ въ немъ и военная власть, дабы не было раздѣленія на двѣ власти, и дабы одинъ мужъ владѣлъ этимъ постомъ, имѣя подъ своей командой и всѣхъ стратіотовъ, какъ расположенныхъ въ Александріи, такъ и въ обоихъ Египтахъ (§ 1). Онъ долженъ имѣть попеченіе о благосостояніи города и предупреждать могущіе быть въ немъ безпорядки. Въ его личномъ подчиненіи находится отрядъ военныхъ людей въ составѣ 600 человекъ (§ 2). Повелѣваемъ, чтобы главной заботой чиновника, имѣющаго титулъ августалія, была правильная организація дѣла перевозки хлѣбныхъ грузовъ, такъ что какъ самъ сіятельный августалій, такъ и подчиненный ему военный отрядъ, подъ личной отвѣтственностью и подъ гарантіей имущественной, всю заботу полагаетъ на то, чтобы собрать указанный хлѣбный грузъ и послать его въ установленное время. Онъ обязанъ какъ требовать хлѣбные взносы съ Египта, такъ неукоснительно принять хлѣбъ и погрузить на суда и своевременно отправить его въ столицу въ томъ количествѣ, какое установлено хлѣбнымъ закономъ. Точно также и тотъ продовольственный запасъ, который мы жалуемъ городу Александріи, онъ долженъ собирать съ Египта и съ другихъ мѣстъ и употреблять его на содержаніе города (§ 4). Что касается хлѣба, доставляемаго изъ мѣстъ, ему не подчиненныхъ, онъ безъ промедленія долженъ принимать его и направлять въ столицу, принимая самыя строгія мѣры, чтобы не производилось вывоза изъ подчиненныхъ ему городовъ и епархій, ни изъ мѣстъ и пристаней и устьевъ рѣкъ, прежде чѣмъ хлѣбный караванъ не отойдетъ отъ города Александріи, развѣ только по особенному разрѣшенію нашего величества или по распоряженію твоего приказа (§ 5). Если же, однако, египетскій хлѣбъ не будетъ отправленъ изъ Александріи въ столицу до истеченія августа мѣсяца, и если Александрія не будетъ снабжена продовольствіемъ въ

сентябрь мѣсяцѣ, да будетъ извѣстно, что твое управленіе подвергается штрафу по расчету въ одну номисму на каждыя недостающія три артавы—одинаково чиновникъ и простой обыватель и его наслѣдники и замѣстители, пока не взыскана будетъ вся недостающая сумма—на три артавы одна номисма (§ 6). Поелику же забота о поставкѣ хлѣбнаго каравана нераздѣльно связана съ статьей о корабельной подати, необходимо и объ этомъ поставить рѣшеніе, чтобы всему предпріятію удѣлить должное вниманіе. И прежде всего лицо, приставленное для сбора пошлины съ кораблей, не имѣетъ права вмѣшиваться во всѣ роды казенныхъ пошлинъ и нѣкоторымъ плательщикамъ дѣлать поблажки за уплату взятки, и вслѣдствіе этого наносить ущербъ казнѣ, а съ другихъ брать пошлину свыше мѣры и, такимъ образомъ, вносить въ это дѣло безпорядокъ (§ 7). Такъ какъ твоя неусыпная заботливость поставила насъ въ извѣстность, что всего въ александрійской гавани собирается съ кораблей восемь мириадъ номисмъ (80.000), и что хлѣбный караванъ составляетъ восемьсотъ мириадъ ¹⁾ (т.-е. восемь милліоновъ), постановляемъ, чтобы сборщику корабельнаго выдавалась сумма въ 80.000 номисмъ съ подчиненныхъ провинцій, городовъ и мѣстъ. Такимъ образомъ, сіятельный августалій и подчиненный ему полицейскій отрядъ произведутъ сборы съ городовъ, мѣстъ и лицъ корабельной пошлины, назначенной съ Александріи и двухъ Египтовъ. Эта сумма собирается подъ личной отвѣтственностью августалія и сборщика корабельной пошлины, который распоряжается съ ней по установленному обычаю и выдаетъ плату корабельщикамъ за поставку хлѣбнаго каравана“ (§ 8).

Пропуская затѣмъ нѣсколько статей, касающихся общихъ мѣръ по отношенію къ сбору податей съ Египта, назначенныхъ въ государственное и частно царское казначейство, остановимся еще на нѣкоторыхъ специальныхъ постановленіяхъ, знакомящихъ съ хозяйствомъ города Александріи.

„Считаемъ необходимымъ внести въ настоящій законъ и нижеслѣдующее. Твоя свѣтлость, производя тщательное изслѣдованіе о городѣ Александріи, сдѣлала открытіе акта изъ времени царя Анастасія, когда Маріанъ, стоявшій во главѣ провинціи, составилъ окладной листъ города, въ которомъ обозначилъ въ отдѣлѣ расходовъ на

¹⁾ Нужно понимать хлѣбныхъ мѣръ.

различныя статьи расходъ въ тысячу четыреста шестьдесятъ девять золотыхъ ¹⁾, то-есть, 492 золотыхъ на общественныя бани, 419 на такъ называемый антиканеаръ, 558^{1/2} сборщику корабельной пошлины, всего 1469 золотыхъ. По этой статьѣ есть сбереженіе въ пользу города 100 номисмъ, да за 36 жеребятъ, по обычаю жертвуемыхъ августалиемъ городскому ипподрому, 320 золотыхъ. Но съ теченіемъ времени, лѣтъ 15 назадъ, по нерадѣнію однихъ, по преступности другихъ и по мошенничеству большинства, денежные взносы начали падать, такъ что и общественныя бани лишились указанной выше суммы, и корабельная пошлина своей доли въ 558^{1/2} номисмъ. Поводомъ для этого были разныя изъятія, сдѣланныя ими нашимъ дворомъ, или твоимъ приказомъ, вслѣдствіе чего начался безпошлинный вывозъ посуды и другихъ товаровъ, подлежащихъ вывозной пошлинѣ, ради чего стали уменьшаться доходы (§ 15).

„Повелѣваемъ не дѣлать никакихъ нововведеній противъ прежнихъ установленій и держаться порядка, бывшаго до времени Стратигія ²⁾... Но изъ всей суммы 1889 номисмъ сложить въ пользу города 369 золотыхъ и вносить по этой статьѣ лишь 1520 золотыхъ, изъ коихъ 320 золотыхъ отсчитывается въ пользу августалія за тѣхъ 36 жеребятъ, которыхъ онъ по старому обычаю долженъ выдавать управленію александрійскаго ипподрома, остающіяся же 1200 номисмъ засчитываются ему же въ содержаніе (§ 16)“. — Далѣе законодатель переходитъ къ дукату Ливіи, центръ управленія коего находился въ городѣ Паратоній ³⁾. Такъ какъ дукатъ этотъ не могъ своими средствами покрывать всѣхъ расходовъ по управленію, то къ нему были присоединены два города изъ провинціи 1-й Египетъ: Мареотъ и Менелаитъ. Относящаяся сюда статья новеллы пріобрѣтаетъ особенный интересъ въ виду данныхъ, изложенныхъ въ (§ 19). „Дабы не подать повода къ изворотамъ, и дабы не говорили, что издержки не соотвѣтствуютъ количеству доходовъ, мы обозначимъ дѣйствительный канонъ идущихъ въ твой приказъ взносовъ съ указанныхъ провинцій и мѣстъ, т.-е. съ Ливіи и городовъ Мареота и Менелаита, и какія пред-

1) Nov. XCVI, p. 545: ἐν ἡ πικτῆ ἀπεγράψατο τὸν τοῦ ἐξαγωγίου τίτλον ἐκφέροντα διαφόροις αἰτίαις χιλίους χρυσούς ὁῦτως. Точная цифра возстановляется на основаніи дальнѣйшаго текста.

2) Это былъ комитъ Sacrarum largitionum въ 535 г.

3) На Западъ отъ Александріи, на берегу моря.

стоитъ дѣлать издержки на содержаніе дуки и подчиненнаго ему полицейскаго отряда и на выдачи лицамъ и учрежденіямъ (*τὰ σολέμνια*) и на содержаніе военныхъ людей. Такъ какъ августалій не имѣетъ власти надъ упомянутымъ дукой и подчиненными послѣднему мѣстами, то дука и гражданскій правитель Ливіи имѣетъ всю власть въ этой области и по судебнымъ дѣламъ, и по сбору податей, такъ что Ливія подчинена власти дуки, и всѣ жители страны, и землевладѣльцы, и живущіе на ихъ участкахъ, хобя бы жили они въ другихъ провинціяхъ, и только владѣнія ихъ находились въ областяхъ, подвластныхъ дукѣ“. Къ сожалѣнію, въ дальнѣйшемъ изложеніи статьи оказались пропуски.

По отношенію къ доставкѣ хлѣбнаго каравана дополнительныя данныя имѣются въ 22-й статьѣ, трактующей о еивайдскомъ дукатѣ, которому такъ же, какъ и Ливіи, усвоено наименованіе *limes*, пограничная область (по-гречески *λιμίον*), и который имѣетъ въ своей области всю широту власти, какъ августалій. Мѣсто о хлѣбномъ караванѣ читается такъ: „На немъ лежитъ забота и отвѣтственность всемѣрно и прежде всего собирать хлѣбъ для хлѣбнаго каравана и высылать его для передачи августалію Александріи и неукоснительно содѣйствовать тому, чтобы въ указанные сроки... весь хлѣбъ, идущій съ его провинцій, мѣстъ и городовъ и назначенный для хлѣбнаго каравана, посылаемаго въ столицу, безъ задержки былъ препровожаемъ къ мѣсту своего назначенія. Предназначенный для отсылки хлѣбъ долженъ быть мѣрою нагруженъ на рѣчныя суда въ срокъ по 9-е число августа и доставленъ въ Александрію не позже 10-го сентября и сданъ августалію или уполномоченнымъ на то отъ него лицамъ, а часть хлѣба, получаемая на продовольствіе Александріи, должна быть доставлена не позже 15 октября. Въ случаѣ же, если къ назначенному сроку не доставленъ будетъ хлѣбъ, то на каждыя три артавы недоставленнаго хлѣба будетъ требована 1 номисма. Таковая отвѣтственность лежитъ на немъ не пожизненно только и не на время нахождения у власти, но остается на немъ и тогда, когда онъ будетъ частнымъ лицомъ и по смерти переходитъ на его наслѣдниковъ“ (§ 22).

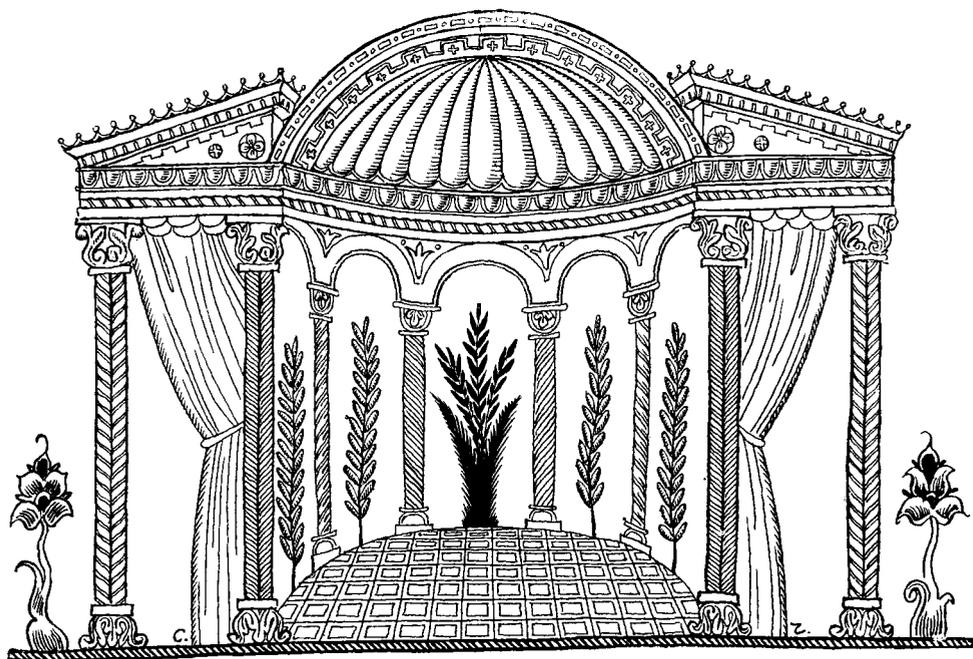
Новеллы составляютъ весьма благодарный и не вполне еще использованный матеріалъ для администраціи и вообще внутренняго состоянія Византіи въ изучаемый періодъ. Разсмотрѣніе преобразова-

тельныхъ опытовъ Юстиніана по администраціи приводитъ насъ къ заключенію, что строго проведенной системы и плана въ этой области едва ли можно замѣтить; императоръ, правда, высказываетъ мысль, что власть должна быть импозантна, обладать авторитетомъ, что раздѣленіе провинцій на мелкіе административные округа вредить дѣлу, но не замѣтно у него послѣдовательности въ примѣненіи къ дѣлу этого принципа. Такъ, появляются четыре Арменіи и притомъ на восточной окраинѣ, въ сосѣдствѣ съ Персіей и кавказскими полувисимыми племенами; прибавимъ, что и въ администраціи Египта строго проведена лишь та мысль, чтобы была обезпечена правильность подвозки въ столицу хлѣбныхъ запасовъ и ни разу не указана необходимость перехода къ той формѣ управленія, которая выразилась въ созданіи экзархата въ концѣ VI вѣка. Что касается цифровыхъ данныхъ относительно корабельныхъ пошлинъ, собираемыхъ въ Александріи, и количества хлѣба, доставляемаго въ столицу, равно какъ другихъ расходныхъ статей, обозначенныхъ въ номисмахъ или золотыхъ, то слѣдуетъ принять въ соображеніе, что фунтъ золота имѣлъ 72 номисмы или золотыя монеты, и каждая номисма представляла цѣнность отъ 4 до 5 рублей. Чтобы дать себѣ, далѣе, приблизительную идею объ относительной, примѣнительно къ тогдашнему времени, цѣнности металла, нужно увеличить стоимость монетной единицы въ четыре раза.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о церковной политикѣ Юстиніана. Стоя на стражѣ церковнаго единства, онъ долженъ былъ вести борьбу съ двумя главными еретическими теченіями своего времени: монофизитствомъ и аріанствомъ. Аріанство было представлено двумя націями германскаго корня—и оба народа были стерты, сметены съ лица земли: въ Африкѣ и на нѣкоторое время въ Италіи церковь вернула себѣ прежнее единство. Нѣтъ ничего пріятнѣе Богу, высказывалъ Юстиніанъ, какъ соединеніе всѣхъ христіанъ въ одно стадо. Средоточіемъ монофизитскаго движенія является Сирія, Палестина и Египетъ. На эти цвѣтушія провинціи направлена была церковная политика Юстиніана. Въ отношеніи къ еретикамъ свѣтское законодательство дѣйствовало по правилу: справедливо лишать благъ земныхъ того, кто не почитаетъ истиннаго Бога. Правительство употребляло противъ еретиковъ мѣропріятія матеріальнаго воздѣйствія—ограниченіе въ имущественныхъ правахъ и конфискацію. Без-

пощадное примѣненіе такого рода системы разорило и обезлюдило Сирію. Въ началѣ царствованія Юстиніана пострадало въ одной Сиріи до 50 монофизитскихъ епископскихъ церквей. Епископы были лишены кафедръ, ихъ церкви понесли страшный матеріальный уронъ. Послѣдовательное примѣненіе системы безпощаднаго преслѣдованія монофизитовъ въ теченіе долговременнаго правленія Юстиніана въ концѣ погубило цвѣтущую и важную провинцію. Лишь Θεодора давала гонимымъ монофизитамъ нѣкоторый отдыхъ. Для характеристики того, какъ понималъ Юстиніанъ вѣроисповѣдную свободу въ отношеніи еретиковъ, припомнимъ, что всѣ дѣла о религіи и о всемъ съ нею связанномъ подлежали церковному суду, монофизиты судились православными епископами и монахами. Особенно монашество заняло въ V и VI ст. руководящее положеніе въ области церковной политики, и его вліяніе было направлено въ сторону крайнихъ мѣръ противъ еретиковъ. Съ мнѣніемъ монаховъ считались государи. Симеонъ Стилить, подвизавшійся 40 лѣтъ на столпѣ, принималъ пословъ отъ Θεодосія и Пульхеріи, привозившихъ ему царскія грамоты, и давалъ правительству свои совѣты по церковнымъ дѣламъ. Между тѣмъ всѣ вопросы церковной политики имѣли для имперіи въ VI ст. крайне важное и деликатное значеніе. Съ ними были связаны жизненные интересы всего Востока, особенно Сиріи. Правительство само упоминало въ похвалу себѣ, что до 70—80000 еретиковъ было изгнано изъ Сиріи. Страна должна была запустѣть. Насильственное, вызванное религіозными гоненіями опустошеніе Сиріи, и до сихъ поръ можетъ быть засвидѣтельствовано состояніемъ опустѣвшихъ городовъ и селеній. Въ безлюдныхъ и безводныхъ пустыняхъ Сиріи попадаются селенія и помѣщичьи виллы, съ окнами и галереями кругомъ домовъ, съ террасами и лѣстницами и съ различными службами, производящія на путешественника такое впечатлѣніе, что какъ-будто жившее въ нихъ населеніе лишь недавно покинуло эту мѣстность, оставивъ свои дома подъ угрозой какой-то опасности. Но Сирію обезлюдило не персидское или арабское нашествіе, но религіозное преслѣдованіе. Религіозная политика Юстиніана подготовила поработеніе этой страны арабами. Въ то время, какъ гонимые православными, монофизиты массами покидали Сирію и искали пріюта въ Персіи и Египтѣ, до 500 монофизитствующихъ монаховъ пришли въ столицу, гдѣ императрица Θεодора дала имъ покровительство и

пріютъ. Она обратила въ монастырь дворецъ Ормизды, гдѣ гонимые монофизиты нашли себѣ пристанище. Источники повѣствуютъ (Іоаннъ Ефесскій), какъ императоръ иногда посѣщаль эту новую обитель, основанную въ его же дворцѣ для гонимыхъ имъ еретиковъ. Такова неискренность политики императора, особенно рельефно проявившаяся въ церковныхъ дѣлахъ.

глава IX.

ОБЛОЖЕНІЕ ЗЕМЛИ ПОДАТЯМИ. ЗЕМЕЛЬНЫЙ КАДАСТРЪ ПРИ ЮСТИНІАНѢ. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ.

Въяснить тѣ условія, въ которыхъ находилось провинціальное населеніе имперіи, и оцѣнить экономическія средства управляемаго чиновниками Юстиніана государства, покрывавшія громадныя расходы на его военныя и строительныя предпріятія, представляется хотя и весьма любопытной, но недостижимой по состоянію источниковъ задачей. Въ новеллахъ мы видѣли примѣненіе всяческихъ карательныхъ средствъ и угрозъ, которымъ подвергается не только самъ нечистый на руку правитель, но и его наслѣдники—съ цѣлью не допустить ни малѣйшаго ущерба казеннаго добра, но фактически эти суровыя мѣры не измѣняли нравовъ и входили въ обычный административный обиходъ того времени. Такъ какъ помимо таможенныхъ пошлинъ, взимаемыхъ съ торговыхъ людей и корабельныхъ взносовъ, о значеніи коихъ можно судить по количеству суммъ, собираемыхъ съ хлѣбнаго каравана въ Александріи, главныя матеріальныя средства государство заимствовало изъ земельного налога, то понятно, что Юстиніанъ въ своихъ заботахъ о финансовыхъ средствахъ имперіи долженъ былъ серьезно считаться съ системой принятаго въ имперіи обложенія земель и способами практическаго осуществленія этой системы. Дѣйствительно, въ новеллахъ Юстиніана неоднократно находимъ требованіе, чтобы сборщики податей соображались съ мѣстной писцовой книгой и съ описями крестьянскихъ имуществъ и обязательно выдавали расписки или квитанціи въ полученіи земельного налога съ точнымъ обозначеніемъ участка и суммы, идущей съ него въ казну.

Это приводит насъ къ вопросу о провинціальномъ цензѣ и къ системѣ римскаго земельного обложенія. Въ общихъ чертахъ цѣль провинціального ценза состояла, во-первыхъ, въ исчисленіи населенія и въ раздѣленіи его на классы по возрастамъ—въ цѣляхъ раскладки податей и рекрутской повинности; во-вторыхъ, въ приведеніи въ извѣстность количества земли и хозяйственныхъ статей, подлежащихъ обложенію. Оба эти понятія и заключаются въ выраженіи *ἀπογραφή* и *descriptio*. Но существенная и болѣе важная задача ценза заключалась въ установленіи нормы обложенія земли налогомъ. Для этого требовалось опредѣлить, такъ сказать, правовую качественность отдѣльныхъ участковъ, т.-е. отдѣлить государственныя земли отъ общинныхъ и частновладѣльческихъ и затѣмъ произвести измѣреніе и обмежеваніе каждаго участка. Наконецъ, предстояло выяснить общую квалификацію земли по ея качественности, производительности и доходности, дабы югеръ виноградной плантаціи ¹⁾ и югеръ плохой пахотной земли не обложить одинаковымъ налогомъ. Это обширное предпріятіе осуществлено было Августомъ и его преемниками.

Болѣе раннія извѣстія о римской писцовой книгѣ почерпаются изъ сочиненій ученыхъ юристовъ II и III вѣка. Въ сочиненіи Домиція Ульпіана ²⁾ дана слѣдующая формула переписи. Отмѣтивъ наименованіе участка, округъ, селеніе и два сосѣднія имѣнія, перепись должна была заключать: 1) обозначеніе югеровъ пахотной земли и средней урожайности за 10 лѣтъ; 2) количество земли подъ виноградникомъ; 3) масличныя насажденія; 4) луга и сѣнокосы; 5) пастбища; 6) лѣсъ; наконецъ, 7) рыбныя ловли и соляныя варницы. На основаніи этихъ данныхъ производилась раскладка земельной подати.

При императорѣ Діоклетіанѣ (284—305 гг.) произошли важныя измѣненія въ податной системѣ, коснувшіяся и формы писцовыхъ книгъ. Къ этому времени уже не было правового различія между римскимъ народомъ и подчиненными ему провинціалами, которые при Каракаллѣ (211—217 гг.) получили право римскаго гражданства. Діоклетіанъ докончилъ уравненіе Италіи съ провинціями, распространивъ поземельную подать, собираемую прежде только съ про-

¹⁾ Югеръ почти съ точностью соотвѣтствуетъ нѣмецкому моргену. Та и другая мѣра почти равняются четверти нашей десятины.

²⁾ Voessing, „Dom. Ulpiani Fragmenta“. Lipsiae, 1855.

винцій, и на Италію. Извѣстная намъ изъ Ульпіана программа для составленія писцовыхъ книгъ получила тогда же нѣкоторыя измѣненія, отъ способа объясненія которыхъ зависитъ весьма многое въ занимающемъ насъ вопросѣ.

Затрудненія возбуждаетъ здѣсь терминъ *iugum* и его отношеніе къ господствовавшей единицѣ измѣренія, югеру. Именно Діоклетіанъ принялъ за основаніе, при раскладкѣ поземельной подати, условную мѣру земли, которая при всѣхъ различіяхъ качества, производительности, доходности и объема, должна была оставаться, однакоже, нормой въ обложеніи земли податью. Принятая за норму единица земли называлась *iugum* или *caput*, а идущая съ нея податьъ— *iugatio* или *capitatio*. Но смыслъ термина, который не имѣетъ ничего общаго съ принятыми тогда мѣрами поверхностей—*iugerum*, *actus* и *centuria*, нуждается въ особыхъ объясненіяхъ и служитъ предметомъ разныхъ толкованій.

Нужно ли видѣть въ терминѣ *iugum* фиктивную величину, подлежащій обложенію хозяйственный и земельный капиталъ въ 1000 солидовъ, какъ утверждаютъ одни, или же дѣйствительную и реальную величину, т.-е., опредѣленной мѣры земельный участокъ, какъ думаютъ другіе? Отвлеченное или реальное понятіе заключается въ *iugum*?

Самыми важными представителями первой теоріи служатъ весьма авторитетныя имена Савиньи и Моммсена ¹⁾. Савиньи высказывается по этому поводу слѣдующимъ образомъ: податная гуфа (*die Steuerhufe*—*iugum*) можетъ быть представляема въ двоякомъ смыслѣ: или какъ реальная величина, или какъ идеальная. Въ первомъ случаѣ нужно предполагать участки съ опредѣленными границами и одинаковой цѣны (по римскому праву въ 1000 солидовъ), слѣдовательно, то большей, то меньшей мѣры, смотря по производительности. Эти реальныя податныя гуфы и будутъ непосредственнымъ объектомъ земельной подати, такъ что каждая облагалась бы одинаковою суммой; участки отдѣльныхъ собственниковъ или образовали бы часть такой гуфы (*iugum*), или заключали бы въ себѣ многія гуфы. Во второмъ случаѣ нѣтъ никакихъ видимыхъ гуфъ, а есть

¹⁾ S a v i g n y, „Vermischte Schriften“, II, 205 и слѣд.; M o m m s e n, „Syrisches Provinzialmass und Römischer Reichskadaster“, въ журналѣ „Hermes“, III, 429, Berlin, 1869.

только опредѣленные податныя цѣнности земли (въ размѣрѣ 1000 солидовъ), и каждый отдѣльный участокъ облагался бы земельною податью пропорціонально цѣнѣ его по отношенію къ гуфѣ, т.-е., соотвѣтственно трети или четверти гуфы или 2, 3, 10 полнымъ гуфамъ. Таково вообще было бы единственное значеніе податной гуфы. Савиньи предпочтительно останавливается на теоріи идеальной податной гуфы, въ противоположность къ реальной, и видитъ подтвержденіе своего взгляда между прочимъ въ слѣдующихъ словахъ Аполлинарія Сидонія¹⁾: *capita tu mihi tolle tria*, т.-е., запиши за мною въ писцовыхъ книгахъ тремя гуфами меньше. Очевидно, еслибъ императоръ отнялъ у просителя три реальныхъ *capita*, послѣдній проигралъ бы. Точно также, произведенная въ XVIII вѣкѣ въ Мекленбургъ-Шверинскомъ герцогствѣ податная реформа, при чемъ принята была за норму идеальная гуфа въ 300 шеффелей посѣва, которая и обложена податью въ 9 талеровъ, служитъ для Савиньи подтвержденіемъ и объясненіемъ римскаго учрежденія²⁾.

Противъ Савиньи, однако, выставлены были возраженія, направлявшіяся къ утвержденію теоріи, противъ которой онъ ратовалъ. Эти возраженія основываются на новыхъ данныхъ о терминѣ *iugum*, заимствуемыхъ изъ такъ называемаго Сирійскаго законника, изданнаго въ первый разъ въ послѣдней четверти прошедшаго вѣка³⁾. О времени и обстоятельствахъ происхожденія этого во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго памятника можно сказать слѣдующее. Первое изданіе сирійскаго законника, сдѣланное по единственной рукописи, найденной въ Британскомъ музеѣ, выяснило, что сирійскій переводъ первоначальнаго греческаго оригинала сдѣланъ былъ въ первой четверти VI вѣка въ сирійскомъ Іераполѣ; что же касается греческаго оригинала, то составленіе его нужно относить къ гораздо болѣе раннему времени. По отношенію къ составителю и преслѣ-

1) „Vermischte Schriften“, 70. Обращеніе Сидонія къ Майоріану: „Geryones nos esse puta, monstruumque tributum. Nunc capita, ut vivam, tu mihi tolle tria“.

2) Ibid., 212—213. Моммсенъ, въ „Hermes“, III, 431, со всею рѣшительностью стоитъ за идеальную гуфу: „Das iugum ist kein Flächenmass, sondern — die für die Grundsteuer verwendete Einheit einer zu 1000 Goldstücken abgeschätzten Bodenfläche, auf welche je nach den verschiedenen Bonitirungsclassen 5, 20, 40, 60 Jugera an Flächenraum entfielen“.

3) Bruns und Sachau, „Syrisch-Römisches Rechtsbuch“. Leipzig, 1880; Sachau, „Syrische Rechtsbücher“, I, 11. Berlin, 1907—1908.

двумь имъ цѣлямъ высказывается мнѣніе, что онъ служилъ практическимъ руководствомъ для потребностей церковнаго суда и администраціи и употреблялся какъ въ канцеляріяхъ патріарха и епископовъ, такъ и въ деревенскихъ церковныхъ общинахъ. Первоначальная его редакція, распространяясь по различнымъ общинамъ, испытывала постепенныя измѣненія и прибавки, имѣвшія мѣстное значеніе. То обстоятельство, что сирійскій законникъ имѣлъ одинаковый авторитетъ на западѣ и востокѣ, въ имперіи и персидскомъ царствѣ, у яковитовъ и несторіанъ—служить доказательствомъ, что онъ происходитъ изъ того времени, когда споры о природѣ Христа не раздѣлили еще на два лагеря христіанскій восточный міръ. Съ теченіемъ времени къ лондонской присоединились еще три ватиканскія рукописи, значительно расширившія интересъ, связанный съ изученіемъ этого памятника. Но независимо отъ всего прочаго сирійскій законникъ долженъ быть оцѣниваемъ съ точки зрѣнія его практическаго примѣненія и распространенія на всемъ Востокѣ подъ магометанскимъ господствомъ. Въ этомъ памятникѣ есть одно весьма важное мѣсто о римской податной системѣ, дающее новыя данныя къ опредѣленію смысла податной единицы (*iugum*). Оно такъ важно въ исторіи вопроса о земельномъ обложеніи, что каждый дальнѣйшій шагъ въ этомъ отношеніи будетъ зависѣть отъ пониманія данныхъ, заключающихся въ сирійскомъ законникѣ¹⁾.

Мы узнаемъ, что Діоклетіанъ предпринялъ новое измѣреніе земель и распредѣленіе ихъ на классы въ видахъ обложенія податями. Была ли эта мѣра проведена во всемъ государствѣ, или только въ восточныхъ провинціяхъ,—объ этомъ нельзя сказать положительно на основаніи неопредѣленнаго выраженія: измѣрилъ земли; точно также не ясно—было ли это первое подобное измѣреніе, или же ему предшествовали другія, сдѣланныя по распоряженію Августа или послѣдующихъ императоровъ.

Важнѣе всего—понятіе „*iugum*“ въ смыслѣ податной гуфы: видѣтъ ли въ ней реальную или только идеальную величину согласно воззрѣнію Савиньи. Ясно, что *iugum* не есть мѣра плоскостей, какъ *iugerum*, но что *iugum* есть для поземельной подати образованная еди-

¹⁾ Первоначальный переводъ и толкованіе этого мѣста въ изданіи Brunns und Sachau § 121, S. 37, подверглись нѣкоторымъ дополнительнымъ объясненіямъ въ новомъ изданіи Sachau, „Syrische Rechtsbücher“, S. 135.

ница, въ которую входило то большее, то меньшее количество югеровъ, смотря по качеству земли. Различаются участки виноградные, масличныя, пахотныя и пастбищныя; притомъ масличныя насажденія распадаются по качеству на два, а пахотныя земли на три класса. Получаются слѣдующія категоріи: 1) относительно виноградниковъ принято считать 5 югеровъ или 1 плетръ за 1 iugum; 2) относительно пахотной земли: а) перваго качества—20 югеровъ или 40 плетровъ (за 1 iugum); б) втораго качества—40 югеровъ; в) третьяго качества—60 югеровъ; 3) относительно масличныхъ плантацій: а) перваго качества—225 руть (за 1 iugum); б) втораго качества 450 руть; 4) относительно пастбищъ не дано никакой системы измѣренія. Пастбищная земля вносится въ писцовыя книги и облагается опредѣленной податью (*συντέλεια*) въ 1, 2 или 3 денарія ежегодно. Слово *συντέλεια* можетъ указывать здѣсь на понятіе „compascua“ или общинный выгонъ.

Относительно значенія iugum, указавъ на различіе мнѣній Моммсена-Савиньи и Марквардта, Брунсъ высказывается такимъ образомъ: нѣтъ никакихъ основаній заключать, что iugum образуется посредствомъ реального сложенія югеровъ. Если утверждается, что 5 югеровъ виноградника принимаются за 1 iugum, 20 югеровъ пахотной земли даютъ анноны съ 1 iugum, 225 руть масличныхъ деревьевъ даютъ анноны съ 1 iugum, 40 (или 60) югеровъ земли худшаго качества даютъ 1 iugum, изъ этого можно выводить лишь то, что подать всегда опредѣляется по iuga, что каждый iugum облагается одинаковою суммой; но какое количество югеровъ земли входило въ податную сумму, идущую съ iugum, это зависѣло отъ качества земли, отъ распредѣленія на классы: 5 югеровъ виноградной плантаціи, равно какъ $1\frac{1}{8}$ югера подъ маслиной, платятъ подать за одинъ iugum, подобно тому, какъ 20 югеровъ пахотной земли, слѣдовательно, первыя и послѣднія принимаются за 1 iugum. Изъ этого слѣдуетъ, что имѣющій, напримѣръ, 10 югеровъ пахотной земли платитъ только половину той суммы, которою обложенъ iugum. Но чтобъ его 10 югеровъ сопричислялись къ другимъ 10 для составленія реального iugum, объ этомъ нѣтъ указаній въ приведенныхъ словахъ.

Не ясно, притомъ же, къ чему могло бы служить сочетаніе югеровъ одного или различныхъ собственниковъ въ одинъ реальный iugum. Каждый владѣлецъ платитъ съ своей земли такую долю, которая получалась изъ пропорціональнаго отношенія его собствен-

ности къ *iugum*; соотвѣтственно тому сборщики податей должны были организовать систему взиманія съ cadaго отдѣльнаго собственника. Но высшее управленіе, конечно, рассчитывало сумму обложенія и взиманія съ цѣлыхъ округовъ или провинцій только по совокупности принятыхъ для нихъ *iuga*, вся же сумма югеровъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ поземельнымъ собственникамъ округа, составлялась по системѣ классификаціи земель, подведенныхъ подъ соотвѣтствующее число *iuga*, которыя и опредѣляли податной итогъ. Такимъ образомъ, представляется ненужнымъ и вполнѣ безцѣльнымъ дѣломъ—назначать реальную межу для cadaго *iugum* и устанавливать въ каждомъ рядѣ опредѣленныхъ отдѣльныхъ и дѣйствительныхъ югеровъ. Представимъ себѣ такой случай, когда различные роды участковъ и земли различной качественности перемѣшаны—случай часто повторяющійся,—что они принадлежатъ разнымъ собственникамъ, и что число югеровъ одного лица не составляетъ цѣлаго *iugum*, или наоборотъ больше *iugum*; тогда пришлось бы или пополнять недостающее число югеровъ въ одномъ владѣніи позаимствованіями изъ другого, или относить его въ *iugum* сосѣдняго владѣнія. Это повело бы къ необходимости предпринимать множество новыхъ обмежеваній, и въ дѣйствительности часто являлись бы такія реальныя *iuga*, которыя не имѣли бы никакой реальной связи между собою, а представляли бы части и доли, въ безпорядкѣ перемѣшанныя среди другихъ *iuga*.

Итакъ, Брунсъ въ воззрѣніи на *iugum* склоняется къ теоріи Савиньи и Моммсена. Но было бы преждевременно утверждать, что этой теоріи суждено на будущее время получить господство, или что извѣстное мѣсто сирійскаго законника заключаетъ въ себѣ такія ясныя и безспорныя данныя, которыя вполнѣ обеспечиваютъ теорію идеальной податной гуфы противъ новыхъ нападеній. Уже то обстоятельство, что не далѣе какъ въ 1876 году Марквардтъ истолковалъ свидѣтельство сирійскаго законника какъ-разъ въ противоположномъ къ теоріи Савиньи смыслѣ и въ 1879 г. русскій византиnistъ В. Г. Васильевскій, на основаніи того же самаго свидѣтельства, утверждалъ за *iugum* реальное значеніе единицы измѣренія полей и земель ¹⁾; уже это показываетъ, что само по себѣ мѣсто изъ сирійскаго закон-

1) Marquardt, „Römische Staatsverwaltung“, II. S. 237.

ника не содержитъ въ себѣ рѣшительныхъ данныхъ къ безповоротному рѣшенію вопроса объ *iugum*. Лишь на основаніи развитія писцовыхъ книгъ въ позднѣйшее время и на изученіи употребленія замѣняющихъ *iugum* терминовъ можно приходитъ къ убѣжденію, что теорія Савиньи и его сторонниковъ не менѣе вѣрна, сколько и остроумна.

Сирійскій законникъ даетъ возможность принять слѣдующія заключенія въ приложеніи къ писцовымъ книгамъ. При Діоклетіанѣ произведено было измѣреніе недвижимыхъ имуществъ въ имперіи, при чемъ *iugum* принятъ былъ за единицу при обложеніи земель податями, а югеръ за единицу измѣренія поверхностей. Подать назначалась не по количеству югеровъ въ участкѣ, а по качествамъ земли и по доходности, такъ что 5 югеровъ подъ виноградникомъ считались за податное тягло, которое уравнивалось 60-ю югерами пахотной земли третьяго класса, или 450-ю стволами оливковыхъ деревьевъ. Идея податного тягла дана въ терминѣ *iugum*.

Изъ измѣренія земель и описанія ихъ согласно съ находимою у Ульпіана *forma sensualis* произошелъ кадастръ. Отъ римскаго кадастра ведетъ начало лѣтосчисленія по индикціонамъ. Именно съ 312 года установился обычай черезъ каждыя 15 лѣтъ подвергать пересмотру писцовыя книги и дѣлать вызываемыя временемъ и обстоятельствами переменны въ нормахъ обложенія. Пятнадцатилѣтній индикціонный періодъ, то-есть, періодъ отъ одной податной ревизіи до другой, становится общераспространеннымъ способомъ лѣтосчисленія. Начало податнаго года падаетъ на 1-е сентября. Перваго индикта первый годъ 312, перваго индикта пятый годъ 316, втораго индикта первый годъ 327, пятаго индикта десятый годъ 381 и т. д.

Что касается типа писцовыхъ книгъ IV и V столѣтій, то онъ можетъ быть представляемъ въ слѣдующихъ видахъ: центральное податное управленіе могло удовлетвориться общимъ обозначеніемъ числа тяголъ въ цѣломъ округѣ, каковое число давало уже сумму податей, ожидаемыхъ къ поступленію въ казну. Для центральнаго управленія не было необходимости въ детальномъ исполненіи всѣхъ графъ формулы писцовыхъ книгъ. Нужно отличать поэтому общій и суммарный типъ, въ которомъ не отмѣчались отдѣльныя статьи каждаго хозяйства, а показывалась общая сумма подати, вносимая цѣлыми группами владѣльцевъ, на примѣръ, цѣлою областью или

городскимъ округомъ. Образецъ такого типа писцовыхъ книгъ мы находимъ въ окладномъ листѣ города Лампсака. Но такъ какъ распределение подати между отдѣльными плательщиками зависѣло отъ особенныхъ и весьма разнообразныхъ условій, и именно отъ того, отмѣнены ли были какими цифрами въ каждомъ участкѣ, или же оставались бѣлыми графы о числѣ югеровъ пахотной земли, о количествѣ виноградныхъ лозъ, о масличныхъ деревьяхъ, о лугахъ, рыбныхъ ловляхъ, соляныхъ варницахъ и др., то натурально, что каждый плательщикъ или каждый участокъ былъ представленъ въ мѣстной писцовой книгѣ, хранившейся въ городскомъ архивѣ, со всѣми статьями хозяйства, подлежащими обложенію. Въ этой мѣстной писцовой книгѣ каждый плательщикъ значился подъ отдѣльнымъ столбцомъ или въ отдѣльной статьѣ, копію съ которой онъ хранилъ у себя, какъ оправдательный документъ противъ произвольныхъ требованій сборщика. Этотъ второй типъ, который собственно и заслуживаетъ наименованія писцовой книги, представляетъ собой драгоцѣнный матеріалъ для выводовъ экономической науки ¹⁾.

Въ новеллахъ Юстиніана часто имѣется упоминаніе о большихъ деревняхъ (комы), населенныхъ земледѣльцами, и о порядкахъ крестьянскаго землевладѣнія, но по этимъ случайнымъ упоминаніямъ нельзя составить идеи о положеніи сельскаго населенія. Но въ двухъ новеллахъ встрѣчаемъ драгоцѣнныя подробности, которыми и воспользуемся здѣсь. „Заботясь о пользѣ нашихъ подданныхъ, издаемъ настоящій законъ ²⁾, которымъ повелѣваемъ, чтобы въ іюлѣ или августѣ (въ концѣ) cadaго индикта составляемы были подробныя расписанія податныхъ взносовъ на предстоящій индиктъ въ судебномъ учрежденіи cadaго округа нашихъ префектовъ. Въ этихъ расписаніяхъ или окладныхъ листахъ должно быть обозначено количество предстоящей къ поступленію въ казну подати съ cadaго (iugum) ярма ³⁾, что приходится казеннаго налога въ видѣ ли натуральной или денежной повинности; кромѣ того, въ нихъ должна быть показана расцѣнка мѣстныхъ натуральныхъ произведеній по торговой

¹⁾ Подробности въ моей статьѣ „Слѣды писцовыхъ книгъ въ Византіи“. Въ „Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія“, январь 1884 г.

²⁾ Novella CLII (128), p. 276.

³⁾ ὑπὲρ ἑκάστου ἰούγου, ἢ ἰουλίων ἢ χεντουρίων—чтеніе второго термина весьма сомнительно.

ихъ стоимости и по мѣстнымъ цѣнамъ и обозначено то, что вносить въ склады или оставлять на потребности каждой провинціи. Составленные, такимъ образомъ, окладные листы непосредственно передъ началомъ cadastra индикта пересылаются начальникамъ провинцій, дабы они распорядились выставить ихъ для общаго свѣдѣнія въ теченіе сентября и октября мѣсяца въ зависящихъ отъ нихъ городахъ. Если бы кто пожелалъ получить копію съ означенныхъ окладныхъ листовъ, то приказъ префекта выдаетъ такую безъ замедленія, дабы плательщики знали, какъ они будутъ вносить подати. Въ случаѣ, если прежде объявленія этихъ листовъ плательщики внесутъ причитающееся казнѣ по другимъ статьямъ обложенія, кромѣ перечисленныхъ въ подробномъ расписаніи окладовъ того года, или если употребятъ ихъ на нужды провинціи, то слѣдуетъ зачесть эти взносы въ уплату податей за текущій индиктъ, дабы они не потерпѣли никакого ущерба. Если въ установленный нами срокъ означенныя подробныя росписи податей не будутъ разосланы по мѣстамъ, то стоящіе во главѣ префектуръ чины подвергаются пенѣ въ 30 золотыхъ литръ¹⁾, начальники провинцій въ 20 литръ. Если бы мѣстный начальникъ не позаботился о своевременномъ оглашеніи полученныхъ имъ окладныхъ росписей, то платитъ пеню въ 10 литръ золота и, кромѣ того, лишается власти“.

Изъ приведенныхъ мѣстъ уже можно видѣть, какую важность правительство приписывало этимъ окладнымъ росписямъ, составляемымъ въ каждой префектурѣ на предстоящій индиктъ. Такъ какъ отъ строгаго примѣненія ихъ на мѣстахъ зависѣло финансовое положеніе имперіи, то Юстиніанъ принималъ самыя суровыя мѣры противъ нарушителей его распоряженій. Возвращаясь еще разъ въ той же новеллѣ къ вопросу о писцовыхъ книгахъ (§ 3), онъ дѣлаетъ слѣдующее распоряженіе. „Повелѣваемъ, чтобы сборщики казенныхъ податей никоимъ образомъ не уклонялись отъ выдачи квитанцій или росписокъ, частичныхъ или полныхъ, въ полученіи казенныхъ взносовъ. Въ этихъ актахъ должно быть обозначено количество денежныхъ и натуральныхъ взносовъ, равно какъ количество надѣловъ (*iugum*) и имена владѣній, съ которыхъ вносятся подати. Если же таковыхъ росписокъ не будетъ выдано, то податные чины

1) Около 10 тысячъ рублей.

подвергаются штрафу въ 10 литръ золота и тѣлесному наказанію. Если бы кто изъ плательщиковъ выразилъ сомнѣніе или по отношенію къ земельному участку, за который вносится подать, или по отношенію къ количеству взноса, то начальникъ провинціи, или въ случаѣ небреженія его мѣстный епископъ всячески побуждаютъ лицъ, завѣдывающихъ писцовыми книгами, предъявлять таковыя и показывать сумму требуемыхъ платежей согласно даннымъ писцовой книги и по этимъ даннымъ производить сборъ“.

Рядъ другихъ мѣръ, относящихся къ тому же вопросу, изложенъ въ новеллѣ XXI¹⁾, изъ которой заимствуемъ нѣсколько мѣстъ. „Относительно сборовъ казенныхъ податей слѣдуетъ принять мѣры, чтобы они производились и въ церковныхъ владѣніяхъ, ибо казенный доходъ одинаково полезенъ и необходимъ и воинамъ, и простымъ обывателямъ, и самымъ священнымъ учрежденіямъ, и всему государству, въ этомъ придуть тебѣ²⁾ на помощь экдики и экономы церквей, не дѣлая препятствія никому изъ мѣстныхъ сборщиковъ казенныхъ податей въ дѣлѣ сбора, но и не позволяя допускать насилія и производить смуту. Прими побудительныя мѣры, чтобы сборщики податей въ выдаваемыхъ ими роспискахъ подробно объясняли всѣ статьи, по коимъ выдаются расписки: количество хозяйственныхъ надѣловъ, какъ бы они ни назывались на мѣстныхъ языкахъ, за какіе участки собирается подать, количество полученнаго взноса—въ натурѣ или въ монетѣ, предупреждая ихъ угрозой большого штрафа и отнятіемъ руки, если они всячески не исполняютъ того, къ чему постоянно обязываются и до нынѣ не могутъ исполнить. Если же бы они стали дѣлать отговорку, что не могутъ выставить требуемаго числа надѣловъ, то этому не слѣдуетъ придавать вѣры, и, кромѣ того, это не должно наносить ущерба ни казнѣ, ни плательщикамъ. Ибо казна должна получить свое безусловно, а обычныя расписки должны имѣть тѣ, кто сдѣлалъ взносъ, чтобы болѣе не подвергаться требованію взноса. Такимъ образомъ соплательщики должны внести въ казну причитающуюся съ нихъ долю, при чемъ завѣдывающіе цензовыми списками понуждаются представлять тщательно составленныя вѣдомости, дабы была возможность выясненія податныхъ недоразумѣній; сборщики же податей, провѣривъ основательность податныхъ

1) Nov. XXI (17), p. 137.

2) Новелла дана на имя квестора священнаго двора Трибоніана.

списковъ и выяснивъ по нимъ количество надѣловъ, согласно сдѣланнымъ нами узаконеніямъ, отмѣчаютъ эти свѣдѣнія въ выдаваемыхъ ими квитанціяхъ“.—За этими данными, имѣющими большое значеніе для исторіи писцовой книги въ имперіи, слѣдуютъ распоряженія, касающіяся купли и продажи мелкихъ земельныхъ участковъ.

„Нельзя допускать, чтобы лица, принадлежащія къ городскимъ куріямъ, или завѣдывающіе цензомъ чиновники позволяли себѣ, когда происходитъ продажа участковъ или раздача или вообще переходъ владѣній отъ одного лица къ другому, пользоваться какими-либо ухищреніями, чтобы участки не переходили отъ продавца къ покупателю, но слѣдуетъ ихъ понуждать къ дѣйствительной передачѣ безъ всякаго лукавства. Если скажутъ, что участки не продаются потому, что покупатели несостоятельны, то слѣдуетъ произвести дознаніе; если же покупатели окажутся состоятельными, то нужно принять всѣ мѣры, чтобы передача состоялась безъ всякаго промедленія, а если они дѣйствительно окажутся не очень состоятельными, то слѣдуетъ побудить продавцовъ отмѣтить это въ актахъ, что подъ ихъ отвѣтственностью дѣлается переложеніе казенныхъ податей на проданные участки. Такимъ образомъ и казна не потерпитъ ущерба, и казенныя подати будутъ вноситься съ дѣйствительныхъ владѣльцевъ (§ 8). Тѣхъ, кто принимаетъ на свои земли чужихъ крестьянъ, слѣдуетъ понуждать, чтобы они возвращали незаконно принятыхъ. Если же они будутъ упорствовать, то имѣешь возложить на ихъ владѣнія всѣ недоимки по твоей провинціи¹⁾. Если же по слухамъ окажутся въ другихъ провинціяхъ крестьяне (изъ твоей области), то переписишь съ начальниками этихъ областей, чтобы они выдали ихъ владѣльцамъ твоей провинціи, упорствующимъ же слѣдуетъ пригрозить обязательствомъ платить за несостоятельныхъ. Ибо пусть допускающій таковое извѣдаетъ на себѣ самомъ весь вредъ, дабы, потерпѣвъ ущербъ, убѣдился, что значитъ наносить вредъ другимъ“.

Кромѣ общихъ распоряженій относительно писцовыхъ книгъ и возложенія строгой отвѣтственности на провинціальныхъ чиновниковъ за фактическое примѣненіе на мѣстахъ государственной земельной переписи, на основаніи законодательства Юстиніана является

¹⁾ Nov. XXI a. 535, p. 145: ἅπαν ὅσον ἄπορον τῆς ἐπαρχίας ἐστί, τοῦτο ταῖς ἐκείνων κτήσεσιν ἐπιθήσειс—это мѣсто допускаетъ разныя толкованія. Очевидно, рѣчь идетъ объ ἐπιβολῆι.

возможность ознакомиться съ нѣкоторыми спеціальными явленіями въ системѣ землевладѣнія. Прежде всего сюда относится родъ круговой поруки состоятельныхъ владѣльцевъ за неимущихъ, имѣющей техническое обозначеніе *ἐπιβολή*, или надбавка. Происхожденіе этого учрежденія чисто-фискальное. Въ томъ случаѣ, если крестьянинъ, состоящій уже въ опредѣленномъ соотношеніи къ обществу своихъ сосѣдей-крестьянъ по отбыванію повинностей за общественные выпасы и поля, умереть или сдѣлается неспособнымъ исполнять лежащія на немъ хозяйственныя и платежныя обязанности, то остальное общество должно взять на себя освободившійся крестьянскій участокъ съ лежащими на немъ казенными платежами. Это и есть *ἐπιβολή*, надбавка доли бѣднаго на болѣе состоятельныхъ, необработаннаго участка на подвергающійся хозяйственной культурѣ надѣль и т. п. ¹⁾). Законодатель старался поставить этотъ законъ въ извѣстныя границы и посвятилъ ему нѣсколько отдѣльныхъ разъясненій.

„Если когда случится произвести „надбавку“ какого-либо участка на принадлежащихъ къ одному цензовому столбцу или подчиненныхъ одному владѣльцу ²⁾), то повелѣваемъ требовать казенную подать съ того, кто принялъ „надбавку“, начиная со времени передачи ему надбавляемаго владѣнія. Надбавка должна производиться не иначе, какъ по письменному акту начальника провинціи, въ которомъ поименно указывается лицо, на которое падаетъ надбавка. Если окажется, что владѣлецъ какого-либо участка не въ состояніи вносить причитающейся съ него подати, и потому настоятъ необходимость возложить на другихъ лежащія на участкѣ повинности, повелѣваемъ немедленно передать его имѣющимъ одноцензовыя или одновладѣльческія имѣнія со всѣми находящимися въ немъ земледѣльцами и имуществомъ ихъ, съ запасами и плодами, и скотомъ и со всѣмъ находящимся тамъ инструментомъ. Если же бы не оказалось на лицо того крестьянина, который долженъ по закону принять на себя надбавку, или вслѣдствіе другихъ обстоятельствъ замедлилось бы дѣло о передачѣ, повелѣваемъ начальнику области составить опись этого имущества съ показаніемъ его качества, хозяйственнаго

¹⁾ Zachariae a Lingenthal, „Geschichte des griechisch-römischen Rechts“, III. Aufl. S. 229 sq.

²⁾ Выраженія *ὁμόκηρα* и *ὁμόουλα* не могутъ считаться разъясненными. Nov. CLII, p. 279.

состоянія и съ обозначеніемъ всего въ немъ найденнаго и передать его сборщикамъ податей, или виндикамъ, или полицейскимъ чинамъ. Въ случаѣ, если бы послѣ того оказались лица, которыя по закону должны принять на себя это владѣніе, то имъ и отдается оно подъ условіемъ возмѣщенія всѣхъ убытковъ, причиненныхъ участку по винѣ означенныхъ сборщиковъ или городскихъ куріаловъ, виндиковъ или полицейскихъ чиновъ“.

Законъ о надбавкѣ въ первый разъ изданъ въ началѣ VI в. префектомъ преторіи Зотикомъ (512 г.). Всею тяжестью онъ ложился на землевладѣніе, потому что отъ него были освобождены дома, и хлѣбныя произведенія, и ему не подлежали церковныя имущества и имѣнія императора. Примѣненіе закона встрѣчало разнообразныя толкованія: одни толковали въ смыслѣ привлеченія ближайшихъ сосѣдей того же имѣнія, другіе распространяли толкованіе на тѣ участки, которые составляли одно цѣлое съ поступавшимъ въ надбавку. Законъ Юстиніана, пытающійся установить опредѣленный порядокъ по отношенію къ *ἐπιβολή*, показываетъ, что защищаемый имъ порядокъ имѣлъ важное практическое значеніе. Остается далеко не рѣшеннымъ вопросъ о той землевладѣльческой средѣ, на которую, главнымъ образомъ, простирался этотъ законъ, равно какъ о значеніи терминовъ *δμόδοουλα* и *δμόκηρσα*. Такъ какъ для осуществленія *ἐπιβολή* необходима наличность опредѣленнаго лица, на которое возлагается забота о запущенномъ участкѣ, то, казалось бы, не настояло надобности разсматривать *δμόκηρσα* въ смыслѣ членовъ общины свободныхъ земледѣльцевъ ¹⁾). Для крестьянскаго землевладѣнія при Юстиніанѣ примѣненіе закона объ *ἐπιβολή*, несмотря на мѣры къ смягченію, было бѣдствіемъ, отнимавшимъ всякую надежду на жизнь, по словамъ автора Тайной исторіи. Кратко сказать, законъ примѣнялся при соблюденіи слѣдующихъ условій: 1) когда владѣлецъ участка становился неспособенъ отбывать лежавшія на немъ повинности; 2) участокъ передавался со всѣми бывшими въ то время на немъ рабочими и со всѣмъ инвентаремъ; 3) въ случаѣ не нахождения лица, которое обязалось бы платить лежащія на участкѣ повинности, временно онъ передается сборщикамъ податей или полицейскимъ чинамъ; 4) актъ *ἐπιβολή* осуществляется посредствомъ письменнаго распоря-

1) Б. А. Панченко, „О тайной исторіи Прокопія“, стр. 140—143.

женія провинціального начальника; 5) лицо, которому присуждено принять на себя участокъ, можетъ въ теченіе года обжаловать это рѣшеніе въ приказъ префекта преторіи; 6) уплата податей за надбавленный участокъ начинается со времени его фактической передачи новому владѣльцу, и такимъ образомъ *ἐπιβολή* не сопровождается обязательствомъ платить недоимки за прежніе годы ¹⁾). Законъ этотъ на столько имѣлъ значенія въ системѣ византійскаго земельного хозяйства, что мы будемъ съ нимъ встрѣчаться въ дальнѣйшей исторіи крестьянскаго землевладѣнія.

Еще больше значенія, повидимому, имѣла другая форма земельного хозяйства какъ въ эпоху Юстиніана, такъ и во все послѣдующее время имперіи—форма долгосрочной наслѣдственной аренды на три лица. Эта форма владѣнія, приближающаяся къ наслѣдственной собственности, имѣла на Востокѣ весьма широкое распространеніе. Она имѣетъ техническое наименованіе *ἐμφίτευσις* и выражается въ томъ, что эмфитевтъ—какъ называется въ актахъ лицо, снимающее участокъ земли въ аренду—получалъ на свой вѣкъ и съ правомъ передачи, послѣдовательно, двумъ прямымъ наслѣдникамъ, т.-е. сыну и внуку, пользованіе и распоряженіе земельнымъ владѣніемъ такое же полное и широкое, какъ бы оно было его собственностью. Ему принадлежала свобода хозяйственной эксплуатаціи участка, право дѣлать насажденія и всяческія улучшенія, право даренія, залога и передачи по завѣщанію съ нѣкоторыми лишь ограниченіями. Обязанность эмфитевта заключалась въ уплатѣ ежегоднаго взноса, обусловленнаго въ арендномъ контрактѣ и въ несеніи лежащихъ на землѣ повинностей. На сколько можно судить по законодательнымъ актамъ того времени, плата за этотъ родъ долгосрочной аренды вообще была ниже, чѣмъ за краткосрочный наемъ земли для обработки. Въ случаѣ, если эмфитевтъ оказывался нерадивымъ или неисправнымъ и не платилъ аренды въ теченіе трехъ лѣтъ, отъ него отнимался участокъ безъ всякаго вознагражденія за сдѣланныя на немъ улучшенія.

Система наслѣдственной аренды на три лица, какъ будемъ называть *ἐμφίτευσις*, въ послѣднее время сдѣлалась предметомъ особеннаго вниманія, благодаря новымъ матеріаламъ, привнесеннымъ въ

¹⁾ Zachariae. Ibid. S. 232.

этотъ вопросъ надписями и египетскими папирусами ¹⁾. Но и съ точки зрѣнія средневѣковаго земельнаго хозяйства эта система имѣеть, можетъ-быть, больше права на вниманіе, чѣмъ сколько ей удѣляется ²⁾. Приведемъ законы Юстиніана, касающіеся занимающаго насъ вопроса. „Допускаемъ ³⁾ долгосрочную наслѣдственную аренду (*ἐμφύτευσις*) въ имѣніяхъ какъ святѣйшей церкви, такъ и всѣхъ прочихъ религіозныхъ учрежденій—на лицо, принимающее аренду и послѣдовательно на двухъ наслѣдователей того же лица: именно дѣтей мужескаго и женскаго пола или внуковъ съ той и другой стороны—мужа и жены—съ точнымъ обозначеніемъ того, отъ жены или отъ мужа происходитъ наслѣдователь. Долгосрочная аренда не переходитъ на другихъ наслѣдниковъ, но продолжается лишь въ теченіе жизни принимающаго, если у него не окажется ни дѣтей, ни внуковъ. Договора о долгосрочной арендѣ совершеннаго на другихъ основаніяхъ—въ церковномъ ли, или въ крестьянскомъ имуществѣ, въ зависимомъ, или свободномъ—ни подъ какимъ видомъ не разрѣшаемъ, а если онъ будетъ заключенъ, не признаемъ за нимъ никакой силы. Закономъ блаженной памяти царя Льва постановлено, чтобы церковное имущество сдавалось въ долгосрочную аренду безо всякаго уменьшенія канона; мы же въ одной изъ предшествующихъ новеллъ постановили при договорѣ на *ἐμφύτευσις* уменьшать на одну шестую норму установленной платы. Такимъ образомъ, устанавливая это правило, повелѣваемъ, чтобы прежде всего тщательно собирались свѣдѣнія о канонѣ, и чтобы долгосрочная аренда сдавалась показаннымъ выше лицамъ; при этихъ условіяхъ уменьшается плата на шестую долю. Если въ долгосрочную аренду сдается хорошо содержимое церковное имѣніе, то цѣна аренды устанавливается не согласно съ доходностью одного года, а по оцѣнкѣ производительности за двадцатилѣтній періодъ и по этой оцѣнкѣ сдавать аренду. Должно знать, что если эфитевтъ въ теченіе двухъ лѣтъ подрядъ не внесетъ арендной суммы (для церковныхъ имуществъ узаконяемъ этотъ срокъ вмѣсто трехлѣ-

1) Общее значеніе вопроса оцѣнено, между прочимъ, въ статьѣ г. Бороздина, помѣщенной въ журналѣ „Гермесъ“, №№ 4 и 5 за 1909 г.

2) Самое капитальное сочиненіе Mitteis, „Zur Geschichte der Erb-Pacht im Alterthum“ („Abhandl. Sächs. Ges. der Wissensch.“, XX. Leipzig 1901; Pauly, „Real-Ekscyclop.“, V, 2. S. 2514; „Энциклопедич. Словарь“ Брокгаузъ-Ефронъ, т. 80, ст. 785.

3) Novella XV (7) p. 75.

тія), то лишается права на аренду, и начальники религиозныхъ учреждений вольны взять отъ нихъ имущества и дома безъ всякаго вознагражденія за улучшеніе. Но если бы снявшій имущество въ долгосрочную аренду причинилъ ему ущербъ, то онъ обязуется возстановить имѣніе въ прежній видъ, и этому обязательству подлежить и самъ онъ, и его наслѣдники, и преемники, и, кромѣ того, немедленно возмѣстить всѣ убытки“. Въ дальнѣйшемъ законодатель опредѣляетъ условія, при которыхъ устанавливается норма платы за долгосрочную аренду. На мѣсто отправляется комиссія изъ архитектора и понятыхъ отъ духовенства, и тамъ предъ святымъ евангеліемъ комиссія опредѣляетъ норму платы за аренду даннаго участка, и на основаніи этого составляется письменный актъ на долгосрочную аренду или *ἐμφύτευσις*¹⁾. Эмфитевтъ имѣетъ право производить постройки и пользоваться строительнымъ матеріаломъ, если таковой есть, передавая арендное право послѣдовательно двумъ преемникамъ, такъ что имѣніе по смерти трехъ держателей снова переходитъ къ святѣйшей церкви или къ богоугодному заведенію, которымъ выдана аренда. Не допускаемъ того, что имѣло до нынѣ мѣсто въ подобныхъ договорахъ, именно того, чтобы по смерти двухъ наслѣдниковъ перваго эмфитевта получали долгосрочную аренду наслѣдники ихъ, и чтобы они предпочитались другимъ. Такъ какъ этотъ порядокъ измѣняетъ арендованіе въ наслѣдственное владѣніе и наноситъ ущербъ церкви, то нѣтъ надобности послѣ двухъ наслѣдниковъ передавать аренду преемникамъ ихъ“.

Нѣсколько дополнительныхъ статей касательно того же учрежденія находимъ въ позднѣйшей новеллѣ, изданной въ 544 г. ²⁾. „Управители имуществами церкви или разныхъ благотворительныхъ учреждений сего царственнаго города и епархіи не имѣютъ права продавать или дарить, или мѣнять, или инымъ образомъ отчуждать недвижимое имущество... развѣ только мѣна совершается съ царскимъ имуществомъ. Но разрѣшаемъ заключать долгосрочныя аренды (*τὰς δὲ ἐμφυτεύσεις*) отъ великой церкви царственнаго города и благотворительныхъ домовъ на имя лица, принимающаго аренду и послѣдовательно двухъ другихъ наслѣдниковъ, при чемъ уступается снявшему имущество въ долгосрочную аренду не больше шестой доли законной платы (канонъ). По отношенію къ пригороднымъ имѣніямъ

1) Nov. XV (7), p. 85: ἐπὶ τοῦτοις ἐμφυτευτικῆν συγγραφὴν εἰς αὐτὸν γίνεσθαι κατὰ τὸ σχῆμα...

2) Nov. CXLVIII (120), p. 246.

великой церкви и благотворительных заведений повелѣваемъ брать при отдачѣ ихъ въ долгосрочную аренду всю законную плату безъ скидки, если имущество приноситъ доходъ, даже съ возвышеніемъ платы противъ нормы; въ противномъ же случаѣ разрѣшаемъ сдавать ихъ за такую цѣну, какая будетъ предложена ¹⁾. Если случится, что имущество, сданное однимъ изъ церковныхъ учреждений по праву долгосрочной аренды, перейдетъ или къ царскому дому, или въ священное императорское казначейство, или къ какому городу, или въ городскую курію, то управленіе благотворительныхъ учреждений, выдавшее первоначальный актъ на аренду, имѣетъ права въ двухлѣтній срокъ заявить о своихъ намѣреніяхъ или оставить аренду за тѣми, у кого она въ то время окажется, съ условіемъ уплачивать ежегодную плату по договору объ арендѣ, или, если это окажется желательнымъ, нарушить контрактъ и имущество взять снова себѣ. Въ томъ случаѣ, если въ имѣніяхъ, сдаваемыхъ въ долгосрочную аренду, окажутся старыя полуразрушенныя зданія, не приносящія уже дохода, то управители этихъ имѣній имѣютъ право сдавать ихъ за треть наемной платы, получаемой съ дающихъ еще доходъ зданій въ то время, когда имѣніе стало сдаваться въ аренду. Въ случаѣ же, если принимающій аренду предпочитаетъ ее снять на томъ условіи, чтобы сначала сдѣлать постройки и платить богоугодному учрежденію, отъ котораго получаетъ аренду, половину той суммы, какая получалась отъ наемной платы за сдаваемое имѣніе, то разрѣшаемъ и подобную сдѣлку и, кромѣ того, позволяемъ эмфитевту пользоваться матеріаломъ отъ разрушенныхъ жилищъ (§ 1).

„Постановляемъ, чтобы долгосрочныя аренды и ипотеки и наемъ на срокъ свыше пяти лѣтъ заключаемы были съ вѣдома и согласія патриарха, подъ присягой присутствующихъ при составленіи акта экономовъ и хартуларіевъ великой церкви, которые свидѣтельствуютъ, что соглашеніе состоялось не съ нарушеніемъ права церкви. Экономамъ, сиропитателямъ и управителямъ богоугодныхъ домовъ, равно какъ хартуларіямъ съ ихъ родителями и дѣтьми и со всѣми ихъ родственниками и свойственниками запрещаемъ принимать долгосрочныя аренды, или ипотеки, или наймы отъ тѣхъ же благотворительныхъ домовъ какъ на свое имя, такъ и на подставное лицо“ (§ 5).

¹⁾ Р. 247: ἐπί τῆν ποσότητα ταύτην εἰς ἐμφύτευσιν διδοῦναι.

Наслѣдственная аренда на три лица, получившая въ Византіи весьма широкое распространеніе и разнообразное примѣненіе по мѣстнымъ потребностямъ, имѣла своимъ первоначальнымъ основаніемъ обиліе свободныхъ незанятыхъ земель и недостатокъ населенія. Это явленіе въ V и VI столѣтіяхъ, вслѣдствіе исключительныхъ условій времени, увеличивалось на Балканскомъ полуостровѣ и въ азіатскихъ провинціяхъ и вызывало предложеніе исключительно благоприятныхъ условій съемщикамъ земельныхъ участковъ для обработки и приведенія ихъ въ культурное состояніе. Законодательство Юстиніана, какъ видно изъ приведенныхъ выше мѣстъ, стремилось ввести въ право наслѣдственной аренды такую поправку, чтобы удержать земли за первоначальнымъ собственникомъ и не позволить наслѣдственной аренды переходить въ право собственности. Къ этому вели изданныя имъ законоположенія какъ объ условіяхъ составленія контракта въ присутствіи понятыхъ и подъ присягой на евангеліи, такъ и о поводахъ, которые могутъ повести къ изгнанію эмфитевта и къ соглашенію его права пользоваться арендуемымъ участкомъ.

Въ исторіи византійскаго землевладѣнія занимающая насъ форма эксплуатаціи земельныхъ участковъ переживала, какъ сказано, разнообразныя примѣненія. Одна изъ такихъ любопытныхъ формъ переживанія системы эмфитевса наблюдается и въ настоящее время на Аѳонѣ. Каждый изъ суверенныхъ аѳонскихъ монастырей владѣетъ земельной собственностью въ такихъ размѣрахъ, что собственными средствами не можетъ подвергать ее обработкѣ и извлекать изъ нея доходъ. Самая обыкновенная отдача земли въ аренду—и, главнымъ образомъ, нашимъ соотечественникамъ—выражается въ формѣ наслѣдственной аренды на три лица по акту омологіи. Это несомнѣнно есть старая система эмфитевса. Съемщикъ беретъ землю съ обязательствомъ дѣлать въ ней насажденіе и съ правомъ производить постройки подъ условіемъ уплаты монастырю опредѣленнаго канона. Въ актѣ омологіи онъ записываетъ двухъ лицъ, какъ своихъ наслѣдниковъ, къ которымъ послѣдовательно и переходитъ за смертію его право на арендуемый участокъ. Въ случаѣ смерти одного изъ обозначенныхъ въ омологіи лицъ старшій изъ оставшихся въ живыхъ имѣетъ право съ согласія монастыря вписать новое лицо, и такъ при всякомъ новомъ случаѣ смерти омологія можетъ возобновляться и становится актомъ на трехъ лицъ. Въ современномъ

состояніи разсматриваемый видъ наслѣдственной аренды носить на себѣ слѣды политической и экономической борьбы греческаго элемента съ пришлымъ русскимъ. Сдающій въ аренду свои земельные участки монастырь старается обезпечить за собой право слѣдить за съемщикомъ, чтобы онъ не возводилъ на участкѣ обширныхъ хормъ, чтобы не принималъ къ себѣ больше послушниковъ, чѣмъ указано въ омологіи, чтобы не звонилъ въ колокола, платилъ узаконенный канонъ и не обезцѣнивалъ участка. Несоблюденіе одного изъ этихъ условій можетъ лишить съемщика права на аренду земли. Но такъ какъ на основаніи подобныхъ актовъ выросла на церковныхъ аеонскихъ земляхъ почти сотня монастырей—они называются просто кельями,—то понятно какое важное значеніе не только экономическое, но и въ широкомъ смыслѣ политическое, имѣетъ система эмфитевса на Аеонѣ, и какъ было бы любопытно исчерпывающее изученіе намѣченнаго вопроса въ его историко-литературномъ и современномъ соціально-экономическомъ отношеніяхъ. Ожидающія на Аеонѣ современную науку научныя предпріятія могли бы направиться и въ сторону изученія формъ землевладѣнія, обычаевъ при наймѣ рабочихъ, терминовъ сельскаго хозяйства; все это носить признаки глубокой древности, какъ застывшій пережитокъ византійской эпохи. И самыя организаціи отношеній сюзеренныхъ монастырей къ подчиненнымъ имъ вассальнымъ—скитамъ и кельямъ, способъ устройства взаимныхъ отношеній между сюзеренными монастырями въ ихъ палатѣ уполномоченныхъ—все это остатки сѣдой старины, которые ждуть своего изслѣдователя.

Общая оцѣнка царствованія Юстиніана и характеристика этой замѣчательной личности представляетъ и доселѣ нѣкоторыя трудности. Имперія Юстиніана прежде всего основывается на греко-римскихъ началахъ: Юстиніанъ проникнуть идеалами Рима и стремится возстановить римскую имперію не только въ территоріальныхъ границахъ, но и по единству вѣры и закона. Но, съ другой стороны, онъ, какъ представитель новаго христіанскаго государства, испытывалъ на себѣ вліяніе новыхъ условій жизни, зависѣвшихъ отъ появленія новыхъ народовъ, отъ естественной міровой эволюціи и отъ христіанской культуры. Съ одной стороны, предъ нимъ высоко стоялъ идеаль, отвлекавшій его отъ реальной жизни и приводившій

его къ отвлеченнымъ построениямъ; съ другой, какъ представитель переходной эпохи, какъ участникъ, скажемъ болѣе, какъ творецъ новой жизни на Востокѣ, онъ не могъ не отдавать себѣ отчета въ происходящемъ въ его время великомъ процессѣ смѣны идей и настроеній. Борьба противоположныхъ элементовъ окрашиваетъ и личный характеръ Юстиніана, какъ и его историка Прокопія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вліяетъ на его дѣятельность. Очень послѣдовательно проводились и достигали цѣли тѣ мѣропріятія, которыми поддерживалась основная идея Юстиніана: войны съ сосѣдями, церковная политика и законодательная дѣятельность. Но менѣе отчетливо были имъ признаны реальные факты живой дѣйствительности, вслѣдствіе чего онъ не оцѣнилъ истинныхъ потребностей имперіи и матеріальныхъ средствъ подчиненныхъ ему народовъ.

И прежде всего слѣдуетъ очень пожалѣть, что Юстиніанъ не понималъ средневѣковой Византіи и не проникся жизненными интересами своихъ ближайшихъ подданныхъ. Если бы призракъ римской имперіи менѣе овладѣлъ его воображеніемъ, то онъ не употребилъ бы столько настойчивости и не потратилъ бы такъ много средствъ на далекія предпріятія, каковы итальянскія войны, но позаботился бы прежде всего о защитѣ сердцевины имперіи и о скрѣпленіи Сиріи и Палестины. Пожертвовавъ реальными интересами на Востокѣ для фиктивныхъ выгодъ на западѣ, Юстиніанъ не взвѣсилъ и тѣхъ этнографическихъ перемѣнъ, какія происходили на Балканскомъ полуостровѣ. Большимъ несчастіемъ, которое, впрочемъ, было слѣдствіемъ перемѣщенія политики Юстиніана на западъ, было и то, что онъ идеѣ религіознаго единства принесъ въ жертву благосостояніе Сиріи и тѣмъ подготовилъ успѣхи арабовъ въ Сиріи, Палестинѣ и Египтѣ.

Не въ лучшемъ свѣтѣ представляется время Юстиніана и со стороны внутренняго состоянія имперіи. Послѣ него осталось ужасное наслѣдство: казна опустошена, податныя средства народа исчерпаны до конца, армія въ полной дезорганизаціи, непріятель угрожалъ съ сѣвера и востока, и—что самое важное—никого не вдохновляли болѣе высокіе идеалы.

Но когда ставится вопросъ въ томъ смыслѣ, какъ поставилъ его первоначально Прокопій въ своихъ *Ἀνέκδοτα* или въ „Тайной исторіи“, т.-е. въ смыслѣ негодности и даже положительной вредности поли-

тики Юстиниана, то современный исследователь едва ли может стать на такую точку зрѣнія. Юстинианъ умѣлъ пробудить силы государства и далъ неимоверное напряженіе всѣмъ умѣло сосредоточеннымъ въ его рукахъ матеріальнымъ и духовнымъ средствамъ имперіи. Юстинианъ показалъ, что могъ сдѣлать въ VI вѣкѣ настойчивый и талантливый государь, руководясь идеалами греко-римскаго міра. Многіе послѣдующіе императоры пытались повторить Юстиниана, но никто не достигалъ намѣченныхъ имъ задачъ. Давъ могу-

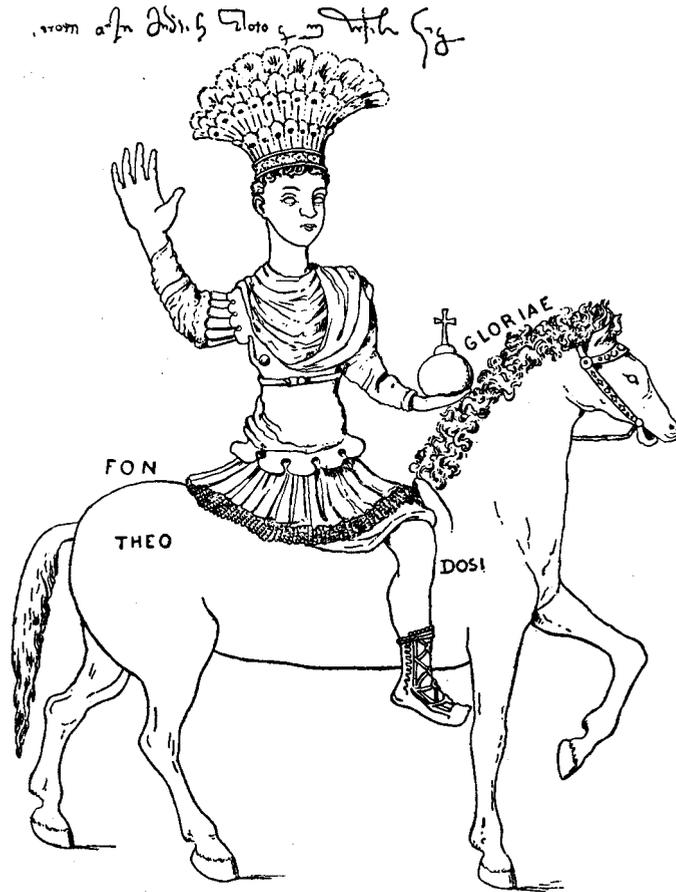

Рис. 75. Конная статуя Юстиниана, бывшая на ипподромѣ.

чій подъемъ силамъ имперіи и направивъ ихъ къ достиженію гигантскихъ предпріятій, Юстинианъ какъ-будто не принялъ въ соображеніе того, что обширныя земельныя пространства не создавали еще силы римской имперіи, что необходимо было поднять духъ населенія и сдѣлать такъ же внушительнымъ между подчиненными народами ромѣйское имя, какъ грозно и почетно было римское имя. Но финансовая и религіозная система Юстиниана вносила вездѣ истощеніе,

преслѣдованіе и отвращеніе побѣжденныхъ къ побѣдителямъ. По смерти Юстиніана долго не видимъ талантливыхъ людей, аристократія почти вся вымерла или погибла, и византійская администрація стала пополняться людьми безъ образованія, безъ подготовки и, наконецъ, безъ понятій о долгѣ и чести. Даже на престолъ вступаютъ люди ничѣмъ до того неизвѣстные и не приносившіе съ собой никакихъ традицій. Умственная, литературная и художественная производительность замираетъ почти на полтора столѣтія. Нужно было пройти долгому періоду, пока народились новые люди, и пока образовалась новая историческая обстановка, въ которой можно было изучаемому нами византизму снова вступить на путь правильного развитія.

Въ 1317 году отъ сильнаго сѣвернаго вѣтра упалъ крестъ съ руки конной статуи Юстиніана, стоявшей на ипподромѣ (рис. 75). Эта статуя, уцѣлѣвшая послѣ хищеній во время взятія Константинополя латинянами въ 1204 г., долго потомъ оставалась на своемъ мѣстѣ и уничтожена уже въ турецкую эпоху. Она подробно описана, между прочимъ, у Никифора Григоры и всегда поражала причудливымъ уборомъ. Воспроизведена здѣсь по рисунку въ сборникѣ XIV в. ¹⁾.

¹⁾ Nicephori Gregorae, „Hist. Bysant.“, VII, 12, p. 275—276; Mordtmann, „Esquisse topographique de Constantinople“, p. 65.

глава X.

БЛИЖАЙШІЕ ПРЕЕМНИКИ ЮСТИНИАНА. СЛAVЯНСКАЯ ИММИГРАЦІЯ ВЪ ПРЕДѢЛЫ ИМПЕРІИ. ВОЙНА СЪ ПЕРСІЕЙ.

Ближайшія за временемъ Юстиніана царствованія, при всей вялости, безцвѣтности ихъ и недостаточности сознанія потребностей времени у самихъ правителей, случайно достигавшихъ высшей власти, представляютъ, тѣмъ не менѣе, большой историческій интересъ и должны поэтому останавливать на себѣ наше вниманіе. Въ концѣ VI и въ началѣ VII вв. происходилъ въ имперіи кризисъ, вслѣдствіе котораго выступили на сцену новыя этнографическіе элементы, сообщавшіе новое содержаніе занимающей насъ исторіи. Съ одной стороны, въ это время происходило громадное аваро-славянское движеніе на Балканскомъ полуостровѣ, сопровождавшееся безконечными войнами между имперіей и славянами и имѣвшее результатомъ этнографическій переворотъ на Балканскомъ полуостровѣ и разнообразныя административныя реформы. Независимо оттого, на восточной границѣ имперіи, Персія сдѣлала въ то же время послѣдній и рѣшительный ударъ на ромѣйское государство. Такъ какъ между обоими государствами рѣчь шла о господствѣ не только въ Месопотаміи, но и въ Арменіи и значительной части Азіи, то борьба пріобрѣтала отчаянный, иногда героическій характеръ и требовала крайняго напряженія матеріальныхъ силъ обѣихъ имперій. Результаты этой войны также были чрезвычайно важны, такъ какъ соперничество имперій ослабило населеніе Малой Азіи, Сиріи и Месопотаміи, приготовивъ и въ этихъ областяхъ политическій переворотъ въ пользу новаго этнографическаго элемента, каковымъ были арабы.

Въ ноябрѣ 565 г., не сдѣлавъ никакихъ распоряженій о наследствѣ, Юстиніанъ умеръ въ глубокой старости. Византійское государство, для расширенія и возвеличенія коего онъ употребилъ столько стараній, и цѣлость котораго онъ пытался закрѣпить громадными жертвами, духовными и матеріальными, находилось при смерти Юстиніана въ отчаянномъ положеніи, близкомъ къ разрушенію и банкротству. Самая слабая сторона системы Юстиніана были финансы. Огромные налоги, ужасное вымогательство ихъ сборщиками, расточительность двора и хроническій недостатокъ въ деньгахъ, для добыванія коихъ всяческія средства казались допустимыми; подкупъ варваровъ денежными выдачами и уступка имъ имперскихъ земель; жестокая эксплуатація народнаго имущества, конфискація частныхъ земель за проступки по дѣламъ вѣры и по доносамъ многочисленной арміи шпионовъ—вся эта система держала въ оцѣпенѣннѣи населеніе имперіи и, казалось, готова была задушить всяческое проявленіе свободныхъ идей. Безотрадный взглядъ на финансовую политику Юстиніана, оставленный современнымъ ему историкомъ, раздѣляютъ и новые писатели. Если бы потребовалась—говоритъ Гфрёреръ ¹⁾—болѣе краткая характеристика системы Юстиніана, я бы сказалъ, что онъ придерживался слѣдующей программы: „мнѣ принадлежитъ доходъ со всѣхъ земельныхъ владѣній, я господинъ земельной собственности. Мои города и дома, мнѣ принадлежитъ трудъ, исполняемый моими подданными, и мои деньги, которыя находятся въ ихъ карманахъ. Мнѣ одному принадлежитъ право, всѣ другіе люди имѣютъ по отношенію ко мнѣ обязанности и должны безпрекословно исполнять мои приказанія“.

У Юстиніана и Теодоры, какъ извѣстно, не было дѣтей. Императорская семья состояла изъ многочисленныхъ племянниковъ царя, происходившихъ отъ брата его Германа и сестры Вигиланціи, между которыми наибольшимъ расположеніемъ царя пользовался Юстинъ, возведенный въ санъ куропалата и находившійся въ Константинополѣ въ послѣдніе годы жизни Юстиніана; на него и перешло наследство власти. Юстинъ II былъ уже въ зрѣлыхъ годахъ при вступленіи на престолъ, но его личныя качества правителя отступаютъ на второй планъ передъ энергичной и честолюбивой супругой его

¹⁾ Gfrörer, „Byzantinische Geschichten“, II. S. 361—362.

Софіей, которая унаслѣдовала до извѣстной степени черты властнаго характера тетки своей, царицы Θεодоры. Прежде всего Юстину нужно было считаться съ опустошеннымъ казначействомъ и съ разстроенной до крайней степени арміей, которая была недостаточна для обереганія границъ, угрожаемыхъ варварскимъ вторженіемъ.

Внутреннее спокойствіе тревожимо было заговорами и интригами членовъ императорскаго дома, пытавшихся реагировать противъ новаго порядка вещей. Двоюродный братъ царя, сынъ племянника Юстиніана Германа, по имени также Юстинъ, казавшійся опаснымъ по своему вліянію въ войскѣ, былъ лишенъ военной команды и сосланъ въ Александрію, гдѣ умерщвленъ по приказанію царя. Управление Юстина отличается полнымъ разрывомъ съ прежней политикой Византійской имперіи. На сѣверѣ и востокѣ назрѣла серьезная опасность, которую необходимо было предупредить; славяне и авары въ Европѣ, персы въ Азіи сосредоточивали на себѣ вниманіе и требовали напряженія силъ имперіи. По вступленіи на престолъ онъ торжественно обѣщаль сенату и народу правый и скорый судъ и личной бережливостью, равно какъ щедрыми выдачами на общественныя нужды изъ собственной казны сдѣлаль популярнымъ свое имя. Но несчастіе Юстина было въ томъ, что онъ страдалъ умопомѣшательствомъ, которое съ теченіемъ времени становилось все замѣтнѣй и которое побудило царицу Софію поддержать идею о назначеніи преемника. Согласно обычаямъ римской имперіи Юстинъ усыновилъ въ 574 г. комита экскувитовъ Тиверія и назначилъ его кесаремъ; такимъ образомъ съ этого времени и до смерти царя въ 578 г. Тиверій управляль вмѣстѣ съ Софіей, а затѣмъ сдѣлался на короткое время (578—582) единовластнымъ распорядителемъ имперіи. Въ его царствованіе наиболѣе вниманія было посвящено событіямъ на персидской границѣ вслѣдствіе начавшейся еще въ предыдущее царствованіе войны съ персами. Въ заслугу Тиверія можно поставить то, что онъ избралъ для персидской войны способнаго генерала въ лицѣ комита экскувитовъ Маврикія, котораго незадолго до своей смерти женилъ на своей дочери Констанціи и объявилъ своимъ наслѣдникомъ.

Хотя двадцатилѣтнее правленіе Маврикія (582—602) мало отличается отъ безцвѣтнаго періода ближайшихъ преемниковъ Юстиніана, но несомнѣннымъ слѣдуетъ признать, что этимъ царствованіемъ на-

мѣчается полный разрывъ со старыми римскими вліяніями и преданіями, и обнаруживается приливъ новыхъ элементовъ въ жизнь Византійской имперіи. Несмотря на добрыя намѣренія и на военныя способности, которыя могли бы высоко поставить имя Маврикія во всякое другое болѣе спокойное время, онъ не достигъ положительныхъ результатовъ ни во внутреннемъ управленіи, ни въ войнахъ съ персами и славянами. Въ Константинополѣ были имъ недовольны за бережливость въ расходованіи государственныхъ средствъ, во внѣшнихъ войнахъ онъ не всегда былъ счастливъ и потому не пользовался широкой популярностью. Наступившая въ 602 г. катастрофа погубила Маврикія и сопровождалась жестокимъ истребленіемъ всей царской семьи и многочисленныхъ ея приверженцевъ въ служиломъ и состоятельномъ классѣ. Послѣ восьмилѣтняго правленія Фоки (602—610), съ которымъ по жестокости и грубости не можетъ сравниться никакое царствованіе, мы вступаемъ въ новый періодъ. У Амартола помѣщенъ анекдотъ, что, когда Фока появился въ св. Софіи, раздался голосъ одного монаха: „Господи!, какого ты намъ послалъ царя“!—На это послѣдовалъ невидимый голосъ: „Худшаго, который бы вполнѣ подошелъ вамъ по грѣхамъ вашимъ, я не могъ найти!“

Недавно, даже въ наши времена, повторялось сужденіе, впервые высказанное въ XVIII столѣтіи: „Славяне занимаютъ больше мѣста на землѣ, чѣмъ въ исторіи“. Этотъ афоризмъ имѣетъ цѣлью показать недостатокъ культурныхъ элементовъ въ исторіи славянъ; въ немъ есть также намекъ на политическое положеніе славянскаго міра, сложившееся далеко не такъ благопріятно, какъ этого можно было бы желать.

Въ теченіе всего VI столѣтія на берегахъ Дуная сосредоточиваются и передвигаются громадныя массы славянъ. Съ половины V вѣка славяне высылаютъ изъ-за Дуная значительныя вооруженныя отряды въ византійскія области и опустошаютъ южныя части Балканскаго полуострова. Въ VI в. мы встрѣчаемся уже съ совершившимся фактомъ, съ преобладаніемъ славянъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Не вдаваясь здѣсь въ археологическія изслѣдованія, переходимъ прямо къ изложенію отношеній между славянами и имперіей въ царствованіе Ираклія ¹⁾.

1) „Acta Sanctorum“, octobris, t. IV. Miracula.

„Было во дни благочестивой памяти епископа Іоанна, поднялся народъ славянскій, безчисленное множество изъ дрогувитовъ, сагудатовъ, велегезитовъ, взунитовъ, верзитовъ и прочихъ народовъ. Научившись дѣлать лодки изъ одного дерева и снарядивъ ихъ для плаванія по морю, они опустошили всю Тессалію и расположенные кругомъ нея и Еллады острова, еще же и Кикладскіе острова и всю Ахю, Епиръ и большую часть Иллирика и часть Азіи и сдѣлали необитаемыми многіе города и области. Составивъ общее рѣшеніе идти на христілюбивый сей городъ, чтобы и его разорить, какъ и другіе города, они пригнали въ приморское мѣсто выдолбленныя изъ цѣльнаго дерева лодки, которыхъ было безчисленное количество, прочіе же въ неизмѣримомъ числѣ окружили богохранимый сей городъ съ востока, съвера и запада и со всѣхъ сторонъ, имѣя при себѣ свои семьи съ хозяйствомъ, въ томъ намѣреніи, чтобы по взятіи города поселиться въ немъ.—Тогда слезы лились рѣкой и были воздыханія по всему городу, до смерти напуганному однимъ только слухомъ о чрезвычайныхъ опустошеніяхъ городовъ, о безчисленныхъ убійствахъ и плѣненіяхъ и о томъ, что варвары уже вездѣ хвастаются погибелью города. Кромѣ всего прочаго, не оставалось, и своихъ судовъ, не было ихъ и въ ближайшихъ мѣстахъ для защиты входа въ городскую гавань ¹⁾). Особенное уныніе возбуждали въ гражданахъ христіанскіе бѣглецы, сдѣлавшіеся плѣнниками отъ такого беспощаднаго осаднаго положенія. И была тогда одна душа и у робкихъ, и у мужественныхъ, каждый имѣлъ передъ глазами или горечь плѣна, или смерть, не имѣя возможности никуда спастись, ибо какъ смертоносный вѣнецъ варвары-славяне держали въ тискахъ городъ.

„Всему славянскому народу условлено было сразу и неожиданно напасть на стѣны. Находившіеся на судахъ славяне озаботились защитить ихъ сверху досками и покрыть такъ называемыми вирсами (кожами), дабы, когда лодки подойдутъ къ стѣнѣ, сдѣлать неузвимиыми гребцовъ со стороны: тѣхъ, которые будутъ со стѣнъ бросать камни или пускать стрѣлы. И небесный промысль молитвами мученика внушилъ имъ эту первую трусость—не прямо подойти къ городу, а остановиться въ той части залива, которая называется Кел-

1) См. на планѣ № 10 (рис. 56, стр. 473).

ларій. Между тѣмъ, какъ варвары оставались тамъ, чтобы исполнить задуманную ими хитрость, городскіе жители немного запаслись мужествомъ и приготовили въ гавани нѣсколько деревянныхъ плотинъ, съ которыхъ протянули цѣпь... (далѣе описываются приготовления для защиты стѣнъ со стороны моря). Черезъ три дня, когда славяне начали приступъ, городъ спасенъ былъ заступничествомъ св. Димитрія, при чемъ непріятельскій флотъ былъ разсѣянъ и увлеченъ теченіемъ, большая часть его погибла въ волнахъ. Предводитель славянъ по имени Хацонъ ¹⁾ попался въ плѣнъ и былъ побитъ камнями.

„Вскорѣ послѣ рассказаннаго пораженія славяне имѣли серіозное обсужденіе случившагося и, собравъ большіе дары, послали апокрисіаріевъ къ аварскому кагану, давая ему обѣщаніе выдать большую сумму денегъ и обезпечивая огромную военную добычу при взятіи нашего города подъ тѣмъ условіемъ, если онъ вступитъ съ ними въ союзъ. Было признано, что городъ легко можетъ быть взятъ, потому что онъ находится въ занятой ими области, въ которой зависимые отъ него города и епархіи сдѣланы ими необитаемыми, и, оставаясь, какъ сказано, вполне одинокимъ среди чуждаго населенія, онъ вмѣщаетъ въ себѣ всѣхъ бѣглецовъ изъ придунайскихъ странъ: Панноніи, Дакии, Дарданіи и другихъ епархій и городовъ, которые въ немъ находятъ пріютъ ²⁾).

„Названный аварскій каганъ охотно согласился исполнить ихъ просьбу и, собравъ всѣ подчиненныя ему варварскія племена вмѣстѣ со всѣми славянами и болгарами и безчисленными народами, черезъ два года съ многочисленнымъ войскомъ пошелъ къ нашему городу. И, вооруживъ избранныхъ всадниковъ, онъ послалъ ихъ впередъ самымъ краткимъ путемъ, приказавъ неожиданно напасть на городъ и, выведя или перебивъ его гарнизонъ, ждаты хана съ собраннымъ имъ войскомъ и съ различными видами военныхъ орудій, назначенныхъ для гибели нашего отечества. Съ этимъ планомъ и въ такомъ порядкѣ устремились вооруженные варвары. Неожиданно въ пятомъ часу закованные въ желѣзо всадники набросились со всѣхъ сторонъ, а городскіе жители, не подозрѣвая опасности и занимаясь на посѣвахъ уборкой хлѣба, одни были убиты, другіе захвачены

¹⁾ § 166: ὁ τῶν αὐτῶν Σκλαβίνων ἑξαρχος, τοῦνομα Χατζων.

²⁾ „Acta SS.“, § 169; Tougaard, § 46.

въ плѣнъ вмѣстѣ со стадами скота и инструментами для обработки полей.

„Жители города оказались въ крайне затруднительномъ положеніи, такъ какъ не имѣли средствъ къ защитѣ. Бѣглецы изъ Ниша и Сардики, знавшіе по опыту объ искусствѣ враговъ брать стѣны, говорили со слезами, что они, убѣжавъ оттуда, пришли сюда на свою погибель: одинъ хорошо брошенный камень разрушитъ вашу стѣну. Однако, тогдашній епископъ Іоаннъ увѣщевалъ не падать духомъ, но принять нужныя мѣры къ защитѣ и возложить надежду на Бога и его мученика.—И, дѣйствительно, жители Солуни смѣло стали отражать нападенія варваровъ, а недостатокъ припасовъ пополнялся чудеснымъ образомъ. Во все время осады лодки съ хлѣбомъ и съ другими припасами ежедневно и непрерывно входили въ гавань, такъ что и гавань, и все побережье наполнено было этими судами¹⁾. Послѣ безуспѣшной осады, продолжавшейся 33 дня, варвары должны были со стыдомъ оставить городъ, ограничившись сожженіемъ храмовъ, расположенныхъ внѣ города, и разрушеніемъ домовъ въ предмѣстьяхъ“²⁾.

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ о новомъ нападеніи и о новой осадѣ города славянскимъ княземъ Первундомъ, безыменный авторъ сообщаетъ интересныя подробности о занятomъ славянами положеніи:

„Ибо часто упомянутые славяне³⁾, расположившіеся близъ богоспасаемаго сего города, лишь по внѣшности соблюдали миръ, почему тогдашній правитель области довелъ до богомудраго слуха царя нашего, что князь племени ринхиновъ, именемъ Первундъ, замышляетъ коварныя и злыя намѣренія противъ нашего города“.—Далѣе слѣдуетъ полный живыхъ подробностей разсказъ, рисующій политическія отношенія славянъ къ имперіи и знакомящій съ самимъ княземъ, полуцивилизованнымъ грекомъ, носящимъ греческое платье и говорящимъ на греческомъ языкѣ. Кромѣ того, сообщаются интересныя данныя о двухлѣтной осадѣ города соединенными силами славянъ, при чемъ часть ихъ была въ состояніи выставить противъ Солуни флотъ⁴⁾. Но всѣ ухищренія враговъ были безсильны противъ

1) „Acta SS.“, § 177; Tougard, § 52.

2) „Acta SS.“, § 180; Tougard, § 35.

3) „Acta SS.“, oct., IV, p. 173, § 185; Tougard, § 65, p. 148.

4) Tougard, § 76.

Солуни, которой, въ концѣ концовъ, дана была помощь со стороны императора.

Наконецъ, слѣдуетъ разсказъ о войнѣ противъ Солуни, веденной болгарами подъ предводительствомъ Кувера.

„Какъ знаете, христороубцы, въ предыдущихъ сказаніяхъ мы изложили о славянахъ, какъ они, опустошивъ весь почти Иллирикъ или его области: обѣ Панноніи и обѣ Дакіи и всѣ епархіи съ присоединеніемъ Фракіи и до Длинныхъ стѣнъ Византіи и прочіе города и государства, все найденное тамъ населеніе увели въ ту часть Панноніи, которая находится у Дуная, и въ которой главнымъ городомъ былъ прежде Срѣмъ; названный каганъ въ этой области поселилъ всѣхъ плѣнныхъ, какъ подчиненный ему народъ. Это населеніе смѣшалось съ болгарами и аварами и другими народами, народило дѣтей и размножилось въ безчисленный народъ, и каждое новое поколѣніе воспринимало отъ предыдущаго идею родины и племенные стремленія къ ромэйскимъ обычаямъ ¹⁾). Какъ еврейскій народъ размножился въ Египтѣ, такъ и здѣсь подобнымъ же образомъ подъ дѣйствіемъ православной вѣры и святого и животворящаго крещенія размножалось христіанское племя, и черезъ передачу отъ одного другому о мѣстонахожденіи отечества разжигалось въ сердцахъ пламя тоски по родинѣ. Уже миновало около 60 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ на ихъ предковъ сдѣлали нападеніе варвары, и появился уже новый народъ, и многіе изъ нихъ со временемъ стали свободными, и каганъ аварскій, смотря на нихъ какъ на любимый народъ, согласно господствовавшему у нихъ обычаю, поставилъ надъ ними князя, называвшагося Куверомъ. Этотъ же, узнавъ отъ нѣкоторыхъ изъ близкихъ къ нему, что среди его народа распространено желаніе возвратиться въ отечественные города, замышляетъ планъ и поднимаетъ весь ромэйскій народъ вмѣстѣ съ другими племенами, т.-е. пришельцевъ вмѣстѣ съ ихъ запасами и оружіемъ, и начинаетъ возмущеніе противъ кагана. Послѣдній погнался за ними и, сразившись съ ними пять или шесть разъ и каждый разъ потерпѣвъ пораженіе, спасается бѣгствомъ съ оставшимся войскомъ и уходитъ на сѣверъ въ безопасныя мѣста. Куверъ послѣ одержанной побѣды перешелъ рѣку Дунай, вошелъ въ наши мѣста, расположился въ

¹⁾ Tougard, § 110.

Керамисіевомъ лагерѣ и, тамъ утвердившись, заявилъ притязаніе на отечественные города — одни стремились взять хранимый великомученикомъ городъ Θεσσαλονικυ, другіе — царственный городъ, иные — остававшіеся за греками еракійскіе города“.

Приведенный отрывокъ даетъ понять, что здѣсь въ нашемъ распоряженіи находится далеко не обычный житійный матеріалъ, а нѣчто совсѣмъ новое и оригинальное; это — сообщеніе о реальныхъ фактахъ, имѣвшихъ мѣсто въ началѣ VII вѣка. Авторъ отдѣляетъ первую серію событій отъ второй, которую онъ начинаетъ здѣсь описывать, періодомъ около 60 лѣтъ и сближаетъ ее съ началомъ ослабленія власти аваръ на Балканскомъ полуостровѣ. Мы приведемъ далѣе изъ этого сказанія еще нѣсколько мѣстъ, ближе относящихся къ Солуни. Прежде всего придумано было средство овладѣть городомъ хитростью, для чего избранъ былъ изъ приближенныхъ къ Куверу лицъ нѣкто Мавръ, человекъ также полугреческаго образованія, говорившій на ромэйскомъ, славянскомъ и болгарскомъ языкѣ, который подъ видомъ перебѣжчика долженъ былъ войти въ Солунь и ввести съ собой своихъ воиновъ и такимъ образомъ овладѣть городомъ. Послѣ чего Куверу оставалось со всѣми запасами и съ другими архонтами вступить во владѣніе Солунью и, укрѣпившись въ ней, начать поработеніе окрестныхъ народовъ, овладѣть ими, завоевать острова и Азію и самую имперію. — Планъ былъ приведенъ въ исполненіе, и заговорщики предположили воспользоваться святой субботой, чтобы начать въ городѣ смуту, поджечь его и овладѣть имъ. Но императоръ приказалъ стратигу флота Сисиннію, стоявшему тогда въ Греціи, отправиться въ Солунь и предупредить несчастіе. Чудеснымъ образомъ Сисинній поспѣлъ въ Солунь въ нужное время и спасъ городъ отъ угрожавшей опасности.

Отмѣтимъ одно мѣсто въ этомъ разсказѣ, весьма важное для характеристики положенія дѣлъ на островахъ Архипелага. Стратигъ Сисинній, исполняя возложенное на него порученіе, вышелъ изъ Еллады и за день до вербнаго воскресенья остановился у острова Скіаѳа (на югъ отъ Магнисіи, на пути къ Θεσσαλονикѣ). Этотъ островъ оказался совсѣмъ необитаемымъ уже много лѣтъ; на немъ найденъ былъ заброшенный храмъ на мѣстѣ, поросшемъ кустарникомъ и запущенномъ. Адмиралъ приказалъ матросамъ очистить часть этого мѣста, и тамъ была совершена божественная литургія.

Приведенное сказаніе открывається сообщеніемъ уже совершившагося громадной важности факта, состоящаго въ распространеніи славянъ по Балканскому полуострову до Эгейскаго моря, въ изобрѣтеніи ими особаго рода судовъ, въ обладаніи моремъ, въ господствѣ надъ Фессаліей, Греціей и въ опустошительныхъ набѣгахъ на Эпиръ Иллирикъ, Киклады и Азію.

Не можетъ быть сомнѣнія, что авторъ имѣетъ въ виду событія, наступившія послѣ Фоки, т.-е. начало VII вѣка, ибо конецъ VI вѣка характеризуется движеніями славянъ по Балканскому полуострову, не переходившими за материкъ. Можетъ-быть, наиболѣе выразительнымъ извѣстіемъ по отношенію къ дальнимъ походамъ, распространившимся до Адриатики, нужно признать знаменитыя слова въ письмѣ папы Григорія Великаго къ епископу Салонскому Максиму отъ 600 года.

„Славянскій народъ, такъ сильно угрожающій вамъ, смущаетъ меня и огорчаетъ: огорчаюсь, ибо соболѣзную вамъ; смущаюсь, ибо славяне изъ Истріи стали уже проникать въ Италію ¹⁾. Но не совѣтую вамъ впадать въ отчаяніе, ибо тѣмъ, кто будетъ жить послѣ насъ, суждено увидѣть еще худшее“. Это движеніе славянъ къ Адриатическому морю закончилось тѣмъ, что къ половинѣ VIII в. вся Далмація, за исключеніемъ приморскихъ городовъ Дубровника, Сплѣта, Трогира и Задра, была уже во власти славянъ.

Къ первымъ годамъ правленія Ираклія (610—641) относятся наиболѣе важные успѣхи славянской иммиграціи, засвидѣтельствованные одинаково греческими и чужими источниками. „Ираклій—говоритъ Теофанъ ²⁾—нашелъ въ парализованномъ состояніи дѣла ромейскаго государства, ибо Европу опустошили авары, а Азію персы“. Не менѣе рѣшительно говорятъ о томъ же латинскіе и восточные писатели. Такъ, въ хроникѣ Павла Діакона сообщается извѣстіе отъ 611 г. объ опустошеніи Истріи ³⁾. Въ хроникѣ Исидора, епископа се-

¹⁾ Erben, „Regesta“, N. 1; Migne, „Patrol. Lat.“, LXXVII, col. 1092: de Sclavorum gente, quae vobis valde imminet, affligor vehementer et conturbor; affligor in his, quae iam in vobis patior, conturbor quia per Istriae aditum iam Italiam intrare coeperunt.

²⁾ Theophanes ed. de Boor, p. 300: Ἡράκλειος δὲ ὁ βασιλεὺς εὗρε παραλελυμένα τὰ τῆς πολιτείας Ῥωμαίων πράγματα· τὴν γὰρ Εὐρώπην οἱ Ἄβαρες ἠρήμωσαν καὶ τὴν Ἀσίαν οἱ Πέρσαι.—Общеизвѣстный фактъ, что авары воевали вмѣстѣ со славянами.

³⁾ Pauli Diac., IV, 40: hoc anno Sclavi Histriam interfectis militibus lacrimabiliter depraedati sunt.

вильскаго не менѣе ясно извѣстіе о томъ, что въ началѣ царствованія Ираклія славяне отняли Грецію, а Персы—Сирію и Египеть, т.-е. повторено вышеприведенное извѣстіе Теофана, хотя оба писателя независимы одинъ отъ другого ¹⁾.—Относительно систематическаго движенія славянъ по морямъ имѣется извѣстіе сирійскаго пресвитера Оомы, жившаго въ VII вѣкѣ, который говоритъ о нападеніи славянъ на Критъ около 623 г. и на другіе острова ²⁾, и историка Павла Діакона, который свидѣтельствуетъ о нападеніи славянъ на южную Италію въ 642 г. ³⁾. Славянскіе походы продолжаются въ 618—619, въ 622 и 626 гг.

Всѣ эти набѣги, продолжающіеся въ царствованіе Ираклія, происходили уже не изъ-за Дуная, а имѣли точкой отправленія Мизію, Фракію, Македонію, Фессалію и другія провинціи, находившіяся уже во власти славянъ. Слѣдовательно, мы можемъ принять за безспорный и вполне подтвержденный разнообразными извѣстіями фактъ обладанія славянами моремъ въ началѣ VII в. и съ этой точки зрѣнія оцѣнивать извѣстія въ чудесахъ св. Димитрія, характеризующія новый порядокъ вещей. Такъ, выше мы видѣли, что на греческомъ островѣ Скіаѳѣ не оказалось населенія; это, конечно, нужно объяснить какъ результатъ полной слабости имперіи и господства на морѣ не-греческаго вліянія. Вполнѣ параллельное значеніе слѣдуетъ приписывать извѣстію, что славяне крейсировали по Архипелагу, Эллиспонту и Мраморному морю и захватывали суда, перевозившія въ столицу плоды и фрукты. Не довольствуясь этимъ, они дѣлали нападенія на населенныя мѣста: на Парій, Проконнись и на самыя таможенныя учрежденія и, захвативъ большую добычу, успѣвали возвращаться домой ⁴⁾. Это уже чрезвычайно неожиданные и смѣлые

¹⁾ *Isidori Hispalensis episcopi Chronicon* (Migne, „*Patr. Lat.*“, LXXXIII, col. 1056): *Heraclius quintum agit imperii annum. Cuius initio Sclavi Graeciam Romanis tulerunt, Persae Syriam et Aegyptum.*

²⁾ Land, „*Anecdota Syriaca*, Thomas presbyter“, vol. I (Lugduni Bat. 1862), p. 115: *Slavi Cretam ceterasque insulas invasere.*

³⁾ *Pauli Diaconi*, „*Hist. Longobard.*“, IV, p. 44 („*Mon. Germ. Hist.*“, „*Scriptores rerum Langob. et Ital.*“, ed. Bethmann et Waitz, Hannov. 1878, p. 135): *venientes Sclavi cum multitudine navium non longe a civitate Seponto castra posuerunt.*

⁴⁾ Въ высшей степени пикантное мѣсто даютъ „*Acta SS.*“, § 190: *τοὺς θαλαττίους πλοτῆρας τοὺς ἐπὶ παρακομιδῇ καρπῶν ἐν τῇ βασιλευούσῃ ἀνιόντας πόλει παμπόλλους ἐκπορθήσαντες, ἀπὸ τε τῶν νήσων καὶ τῆς στενῆς θαλάττης καὶ τῶν ἐπὶ τὸ Πάριον καὶ Προκόννησον τόπους καὶ αὐτοὺς τοὺς εἰς τὸ τελωνεῖον ἅμα τῶν πλοείμων αἰχμαλωτίσαντες*

акты хозяйничанья почти у воротъ Константинополя. Проконнись находится на Мраморномъ морѣ, а Парій — морская гавань на азиатской сторонѣ Эллиспонта. Особенно интересно упоминаніе о таможенѣ. Само собой разумѣется, рѣчь идетъ объ императорской таможенѣ на Эллиспонтѣ; таможенные вѣдомства были именно въ Абидосѣ и Кизикѣ, въ нашемъ памятникѣ идетъ рѣчь о нападеніи на одинъ изъ этихъ пунктовъ ¹⁾).

Въ связи съ указанными фактами слѣдуетъ разсматривать тѣ извѣстія, которыя въ свое время были предметомъ горячихъ споровъ и недоразумѣній. Изучаемый нами памятникъ представляетъ нѣсколько мѣстъ, чрезвычайно опредѣленно и ясно говорящихъ не только о господствѣ славянъ на морѣ, но и объ утверженіи ихъ на греческомъ материкѣ. Нельзя не признать, что рисуемая нашимъ безыменнымъ авторомъ картина полного господства славянъ на морѣ, въ Елладѣ и на островахъ ²⁾), заставляетъ принять за безспорный и тотъ фактъ, что имъ принадлежали морскія мѣста и гавани для снаряженія и стоянки флота. Эта мысль и выражена въ сказаніи во вступительномъ объясненіи къ морской осадѣ Солуни ³⁾).

Здѣсь же находимъ весьма любопытный фактъ, бросающій свѣтъ на неожиданную этнографическую новость ⁴⁾). Находясь въ тѣсной осадѣ и имѣя недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, совѣтъ гражданъ рѣшилъ отправить имѣвшіяся въ распоряженіи города суда въ Тессалию, чтобы тамъ въ Фивахъ и Димитриадѣ, на Пагасейскомъ заливѣ, закупить у велесичей сушеныхъ плодовъ на нѣкоторое утѣшеніе города. Согласно этому рѣшенію, оставивъ въ городѣ только слабыхъ и безсильныхъ, наиболѣе сильные и здоровые люди отправились на корабляхъ къ сказаннымъ велесичамъ, „потому что, по видимому, они стояли въ мирѣ съ городомъ“.

Итакъ, въ Тессалии живетъ уже осѣдлое населеніе славянское изъ племени велесичей; оно не сегодня и не вчера завладѣло этой областью, усѣлось въ ней прочно и занялось сельскимъ хозяйствомъ.

¹⁾ Schlumberger, „Sigillographie de l'empire byzantin“, p. 197—198.

²⁾ „Miracula“, lib. II, § 158.

³⁾ Ibid.: ἀσπερ κατεσχεύασαν ἐκ μονοῦ δένδρων γλυπτὰς νῆας, ἀπείρους τὸν ἀριθμὸν ὑπαρχούσας, κατὰ τὸ πρὸς θάλατταν κατεστρατοπέδευσαν μέρος . . . Ясно, что упомянутымъ въ житіи славянскимъ племенамъ принадлежалъ морской берегъ въ Македоніи!

⁴⁾ Tougaard, § 86 (p. 166).

Приморскій византійскій городъ, жившій торговлей и имѣвшій обширныя сношенія, стоитъ съ этими новыми насельниками Тессалии въ мирномъ договорѣ, при чемъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на центральную власть въ Константинополѣ, какъ-будто все предоставлено процессу разложенія и дезорганизаціи въ этихъ исконныхъ греческихъ областяхъ!

Всѣ вышеизложенныя данныя даютъ полное освѣщеніе факту, заявленному въ XI в. въ синодальномъ посланіи патріарха Николая II (1084 — 1111) къ императору Алексѣю Комнину. Въ этомъ актѣ говорится, что авары 218 лѣтъ владѣли Пелопоннисомъ, такъ что въ это время (отъ конца VI до 810 г.) ромэйская власть не имѣла тамъ своихъ представителей¹⁾.

Такимъ образомъ въ половинѣ VII вѣка Балканскій полуостровъ, по окончаніи ряда славянскихъ вторженій съ сѣвера, представляетъ населеніе почти однородное, съ преобладаніемъ почти повсюду славянскаго элемента. Извѣстная фраза у Константина Багрянороднаго: „ославянилась вся Греція и сдѣлалась варварскою“ — ко времени Константина является уже анахронизмомъ, но безспорно VI и VII столѣтія характеризуются тѣмъ, что Балканскій полуостровъ ославянился, всѣ поселенцы, бывшіе до славянъ, подверглись ихъ большому или меньшему вліянію, хотя, конечно, уцѣлѣли до сихъ поръ (напр., албанцы, румыны).

Для интересовъ изученія славянской исторіи чрезвычайно важно отдать себѣ отчетъ въ томъ положеніи, что славянская первоначальная исторія должна быть изучаема не у свободныхъ славянъ, но у живущихъ въ предѣлахъ имперіи. Первые страницы славянской исторіи принадлежатъ славянству не самостоятельному.

Слѣдуетъ различать два типа славянскихъ поселеній въ областяхъ имперіи: или насильственное вторженіе, или добровольное поселеніе по договору, т.-е. родъ соглашенія въ видахъ колонизаціи запустѣвшихъ областей. Можно, однако, утверждать, что большинство славянскихъ поселеній возникло или помимо правительственной инициативы, или вопреки желанію правительства, почему о нихъ не упоминается въ источникахъ. Извѣстій о договорныхъ поселеніяхъ славянъ имѣется достаточное количество, хотя они идутъ и не отъ

1) Ραλλη-Ποτλη, Σύσταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων, V, p. 72.

древнѣйшихъ временъ. Добровольныя (и подневольныя) поселенія славянъ въ Малой Азіи начинаются, по всей вѣроятности, съ VI в. и могутъ быть засвидѣтельствованы лѣтописями VII столѣтія. Въ лѣтописи Теофана подъ 664 г. сообщается извѣстіе о переселеніи изъ Македоніи въ Сирію 5 тысячъ славянъ. Правда, трудно отыскать дальнѣйшія свидѣтельства о положеніи этой колоніи, о ея ростѣ, развитіи и дальнѣйшей судьбѣ, но можно выводить въ этомъ смыслѣ довольно благопріятныя заключенія изъ того, что въ томъ же столѣтіи съ Балканскаго полуострова въ Малую Азію были переселены и другія колоніи, которыя, конечно, не могли бы успѣшно селиться тамъ, если бы первыя попытки были неудачны, если бы первые колонисты устроились неблагопріятно. Подъ 687 г. у того же Теофана мы находимъ болѣе подробное извѣстіе: говоря о походѣ Юстиніана II въ Македонію съ цѣлью нападенія на славянъ, жившихъ близъ Солуни, онъ передаетъ, что императоръ нѣкоторыхъ изъ нихъ побѣдилъ и предписалъ имъ свои требованія, а другихъ договорами убѣдилъ переселиться изъ Македоніи въ Малую Азію, и такимъ образомъ въ это время было препровождено значительное число славянъ въ провинцію Опсикію. О судьбахъ этой колоніи мы имѣемъ и дальнѣйшія свѣдѣнія. Изъ колонистовъ, поселенныхъ въ Опсикіи, было устроено военное ополченіе въ числѣ 30 тысячъ человекъ, иначе говоря, колонія была поставлена на военное положеніе и обязывалась выставять въ византійскую армію 30 тыс. человекъ ополченія. Какъ можно догадываться, эта военная организація напоминаетъ нѣсколько военное устройство нашихъ казаковъ (донскихъ, малорусскихъ). Нѣтъ сомнѣнія, что не всѣ славяне привлекались въ военную службу, а 30 тыс. человекъ славянскаго ополченія должны указывать на довольно значительную численность славянскихъ колонистовъ, ибо, по всѣмъ предположеніямъ, не всѣ способные носить оружіе привлекались обязательно служить, а только извѣстный процентъ населенія. Не всѣ могли идти на службу — въ противномъ случаѣ все населеніе могло бы покинуть земли, оставивъ ихъ безъ обработки, и колонія не достигла бы цѣли, такъ какъ земля давалась колонистамъ, какъ средство имѣть возможность выставить готовыхъ воиновъ, да и самыя мѣста поселеній тогда были бы открыты для внѣшнихъ нападеній. Характеристика этого козацкаго положенія славянскаго элемента въ Малую Азію рисуется изъ нѣсколькихъ намековъ, именно: царь вы-

дѣлилъ изъ 30 тыс. народъ опричный, избранный (*λαὸν περιούσιον*), вооружилъ ихъ и далъ въ начальники славянина же, старѣйшину ихъ (Невула). Это замѣчаніе важно въ томъ отношеніи, что византійскіе императоры, переселивъ славянъ въ Малую Азію, не бросали ихъ на произволъ судьбы, но старались достигать опредѣленныхъ политическихъ цѣлей, предоставляя колонистамъ и средства для осуществленія ихъ: навѣрное давали имъ самоуправленіе, право самосуда, не лишали даже туземной власти. Эта колонія не оставалась, да и не могла остаться безъ замѣтнаго участія въ судьбахъ византійской имперіи въ VIII и IX вв. Прослѣдить во всей широтѣ ея вліяніе невозможно, но есть на этотъ счетъ очень любопытные намеки. Арабы пользуются услугами славянъ, нанимаютъ охотниковъ-проводниковъ изъ нихъ для похода въ Романію (Македонію и Фракію) и пр. „И пошелъ Магометъ на Романію, взявъ съ собой славянъ, какъ знакомыхъ съ Романіей“ ¹⁾. Но несомнѣнно, что политическая роль славянскихъ колоній продолжалась и позже, такъ какъ славяне составляли значительный элементъ въ населеніи Малой Азіи. Въ 754 г. въ Малую Азію была направлена еще болѣе обширная колонія въ 208.000 человѣкъ и была поселена у рѣки Артаны. Предполагая, что и эта колонія была поставлена на военное положеніе, мы допускаемъ, что она должна была выставлять въ византійскую армію отрядъ ополченія, по крайней мѣрѣ, въ 20 т. человѣкъ.

Такимъ образомъ, что касается сѣвера и до извѣстной степени Малой Азіи, то къ половинѣ VII в., въ теченіе ста лѣтъ, совершился переворотъ громаднейшей исторической важности: весь почти Балканскій полуостровъ сдѣлался достояніемъ славянства.

Около того же времени часть мелкихъ славянскихъ племенъ, поселившихся на сѣверо-востокѣ Балканскаго полуострова, подпала подъ власть пришлой азіатской орды болгаръ. Эти завоеватели сдѣлали для этой части славянства то, въ чемъ нуждалось западное славянство: они создали политическую организацію, даровали крѣпкое государственное единство. Какъ ее ни разсматривать — эту азіатскую орду, — но болгары являются сплоченнымъ народомъ, выступаютъ на историческое поприще грозной для Византіи силою. Славяне же, оставшіеся въ сторонѣ отъ власти этого пришлого элемента, именно

¹⁾ Theoph. „Chronogr.“, p. 561.

сербь, достигаютъ политической организаціи чуть ли не во времена Нѣманичей, къ началу XI столѣтія. Почти шесть вѣковъ они провели въ состояніи политической незрѣлости, и какъ эти сербскіе славяне, такъ и ихъ сѣверные соплеменники много потеряли въ теченіе своей исторіи въ силу неизбѣжнаго закона, что позиціи, значеніе которыхъ не понято одной стороною, и которыя остались беззащитными и свободными, не могутъ долго оставаться въ такомъ положеніи и занимаются другою стороною. Появленіе въ сѣверо-восточной части Балканскаго полуострова болгарской орды было, однако, чрезвычайно благопріятнымъ для славянской исторіи обстоятельствомъ.

Теперь обратимся къ другому важнѣйшему вопросу византійской политики: отношеніямъ имперіи къ ея восточному сосѣду. Этотъ вопросъ по единовременности своего возникновенія съ разсмотрѣннымъ и по своей существенной важности для судьбы имперіи составляетъ характерный признакъ VI—VII в.

На сѣверѣ противниками Византійской имперіи являлись неорганизованныя славянскія племена, на югѣ и востокѣ приходилось вести борьбу съ могущественной державой, съ централизованной государственной властью, обладавшею обширными матеріальными средствами. Войны Византіи съ персами продолжались цѣлыя столѣтія; со времени Юстиніана, задававшагося міровластительными цѣлями, прочнаго міра между двумя имперіями не могло установиться, несмотря на многократные договоры о „вѣчномъ мирѣ“. Можно думать, что и въ этомъ отношеніи религіозная исключительность и ревность о чистотѣ православія греческаго духовенства много способствовала взаимной враждѣ. Множество добрыхъ христіанъ переходило подъ власть персовъ, Византія постепенно теряла симпатіи среди населенія пограничныхъ областей, которое часто служило проводниками персамъ во время ихъ походовъ въ гористыхъ византійскихъ провинціяхъ. Исторія взаимныхъ отношеній между Персіей и Византіей въ концѣ VI и въ началѣ VII вв. и потому еще останавливаетъ на себѣ наше вниманіе, что въ это время на Востокѣ совершается не менѣе важный, чѣмъ на Балканскомъ полуостровѣ, процессъ выдѣленія новыхъ этнографическихъ элементовъ: происходитъ броженіе между арабами въ аравійской пустынѣ, начинаютъ доходить до культурныхъ странъ извѣстія о туркахъ. Это именно тѣ народы, которымъ принадлежитъ ближайшее будущее на востокѣ.

Хотя въ 562 г. между Юстиніаномъ и Хосроемъ былъ заключенъ 50-лѣтній миръ, но ни та, ни другая сторона не обманывалась на счетъ прочности этого мира. Прежде всего нужно помнить, что условіемъ мира была плата значительной дани со стороны византійской имперіи; Юстиніанъ согласился на эту унижительную жертву въ видахъ сохраненія мира, котораго онъ такъ желалъ въ преклонномъ возрастѣ, и который былъ такъ необходимъ при разстройствѣ арміи и истощеніи государственной казны. Но при Юстинѣ II, въ 572 году, когда предстояло выплатить долю взноса на второе десятилѣтіе, настроеніе правительства было другое, и оно отказало персамъ во взносѣ дани.

Разрывая миръ съ персами, Юстинъ II долженъ былъ понимать, что предстоитъ новая война. И, дѣйствительно, въ теченіе слѣдующихъ 20 лѣтъ идетъ рядъ военныхъ столкновеній частью на границѣ, вокругъ крѣпостей Нисибии и Дара, частью въ областяхъ имперіи. Такъ какъ почти во всѣхъ войнахъ двухъ сосѣднихъ государствъ военныя дѣйствія большей частью зависѣли отъ того или другого положенія пограничныхъ полунезависимыхъ арабскихъ племенъ и турецкихъ кочевыхъ ордъ, а также отъ того обстоятельства, на чьей сторонѣ станетъ пограничная горная Арменія, то нужно думать, что рѣшеніе императора Юстина II разорвать миръ съ Персіей основывалось на благопріятныхъ свѣдѣніяхъ, имѣвшихся въ Константинополѣ по отношенію къ упомянутымъ племенамъ и кочевымъ ордамъ. Болѣе любопытныя данныя представляютъ начавшіяся тогда сношенія Византіи съ народомъ, впервые выступившимъ въ то время въ исторіи подъ именемъ турокъ¹⁾.

Упоминаемые у китайскихъ писателей съ конца V вѣка, турки составляли въ это отдаленное время небольшое кочевое племя того же происхожденія, что гунны, авары, болгары, половцы и печенѣги, венгры и монголы. Вслѣдствіе удачныхъ наѣздовъ на своихъ сосѣдей турки приобрѣли извѣстность въ V в. и вступили въ сношенія съ Китаемъ. Въ VI в., овладѣвъ Бухарой, они сдѣлались сосѣдями Персіи и составили планъ принять на себя посредничество въ сношеніяхъ Византійской имперіи съ Китаемъ и открыть прямой путь для торговыхъ каравановъ изъ Индіи въ Европу. Такъ какъ сношенія съ

¹⁾ „Echos d'Orient“, № 77, Juillet 1909; Vailhé, „Projet d'alliance turcobyzantine au VI s.“.

Хосроемъ не привели къ желаемой цѣли, то турецкій ханъ задумалъ соединить свои интересы съ политическими видами Византійской имперіи. Съ этой цѣлью онъ отправилъ въ Константинополь торжественное посольство, которое явилось въ столицу греческой имперіи въ концѣ 568 года и заставило о себѣ говорить тогдашнихъ писателей¹⁾). Послы принесли Юстину II письмо отъ своего хана по имени Моканъ-хана или Дизабула и сообщили грекамъ новыя и любопытныя свѣдѣнія о турецкомъ народѣ. Между прочимъ они говорили, что авары, съ которыми византійскій царь находится въ непосредственныхъ сношеніяхъ, суть не что иное, какъ взбунтовавшіеся противъ турокъ подданные и рабы. Цѣль посольства, во главѣ котораго стоялъ Маніакъ, состояла въ заключеніи съ греками торговаго договора для свободнаго провоза на западъ шелка, въ установленіи вѣчнаго мира и союза противъ всѣхъ враговъ Византіи. Юстинъ II, понимая все значеніе раскрываемыхъ этими предложеніями торговыхъ и политическихъ выгодъ, не рѣшился, однако, пуститься въ авантюру, прежде чѣмъ не собраны будутъ болѣе точныя свѣдѣнія о турецкомъ народѣ. Съ этой цѣлью въ 569 г. снаряжено было торжественное посольство съ Зимархомъ, комитомъ Востока во главѣ, которое отправилось въ турецкую землю въ сопровожденіи упомянутаго выше Маніака. Цѣлью была Согдіана или нынѣшняя Бухара. Византійское посольство прибыло въ станъ великаго хана, когда онъ готовился на войну съ персами. Здѣсь Зимарху удалось заручиться подтвержденіемъ статей договора, заключеннаго въ Константинополь и затѣмъ съ богатыми подарками хана предпринять обратное путешествіе въ Константинополь. Съ этого времени начинается рядъ ежегодныхъ сношеній турокъ съ Византіей. Менандръ насчитываетъ семь посольствъ до 576 года. Эти сношенія не имѣли, однако, существенныхъ выгодъ ни для той, ни другой стороны и ограничивались восточными любезностями и обѣщаніями, исполненіе которыхъ никто не считалъ обязательнымъ. Разъ, когда византійскій посоль предсталъ передъ ханомъ Туркешемъ и, сообщивъ ему о возведеніи Тиверія въ санъ кесаря, просилъ сдѣлать диверсію противъ персовъ, ханъ сказалъ: „у васъ, у грековъ, десять языковъ и одно мошенничество. Вотъ мои десять пальцевъ я вложилъ въ свой ротъ, такъ и

1) Главнымъ образомъ, Менандръ.

вы своими разными языками обманываете то меня, то аваровъ, моихъ рабовъ! Мы, турки,—продолжалъ ханъ,—не лжемъ и никогда не обманываемъ, а императоръ посылаетъ ко мнѣ пословъ съ лестными обѣщаніями и въ то же время ведетъ дружбу съ аварами, а это рабы, взбунтовавшіеся противъ своихъ господъ. Авары возвратятся ко мнѣ, когда я захочу, мнѣ стоитъ только поднять бичъ, чтобы заставить ихъ провалиться подъ землю. Зачѣмъ вы всегда препровождаете моихъ пословъ, идущихъ къ вамъ, черезъ Кавказъ? Не думаете ли вы такимъ образомъ держать отъ меня втайнѣ ваши границы изъ опасенія, чтобы я не захватилъ ихъ? Я знаю очень хорошо, гдѣ текутъ ваши рѣки Днѣпръ, Дунай и Марица, я знаю пути, которыми шли авары, мои подданные, чтобы напасть на ваши владѣнія. Ужели вы думаете, что я не знаю прекрасно ваши силы“?

Приведенныя извлеченія изъ современнаго историка очень хорошо рисуютъ взглядъ на турецко-татарскіе народы, кольцомъ обхватившіе восточную имперію съ VI вѣка и поддерживавшіе между собой дѣятельныя сношенія. Давно уже была высказана мысль, что Византія часто сама знакомила европейскихъ и азіатскихъ турокъ между собой на собственную пагубу (особенно печенѣги и турки-сельджуки въ XI в.), теперь мы убѣждаемся, что и безъ посредства Византіи турецко-татарскіе народы Запада и Востока имѣли между собой сношенія, не забывали общность происхожденія и языка и не чужды были идеи общаго движенія противъ лживыхъ и клятвопреступныхъ грековъ.

Какъ бы то ни было, хотя на этотъ разъ продолжительные переговоры и сношенія не имѣли желательныхъ результатовъ, не слѣдуетъ терять изъ виду, что турецко-византійскіе переговоры направлены противъ естественной соперницы Византіи, персидской имперіи, и имѣли цѣлью ослабленіе аварскаго могущества. Весьма вѣроятно, что византійское правительство, принимая свое рѣшеніе относительно Персіи, ставило на одну чашку вѣсовъ возможный союзъ съ турками, но не имѣло смѣлости и настойчивости дать болѣе широкое мѣсто открываемымъ со стороны турокъ перспективамъ. Для византійской политики центръ тяжести въ концѣ VI в. переносится на западъ, славяно-аварскіе набѣги имѣли болѣе значенія для правительства, чѣмъ судьбы сирійскихъ и малоазійскихъ провинцій. Вялая политика на Востокъ сопровождалась вялыми

переговорами съ разными полунезависимыми племенами и нерѣшительными дѣйствіями противъ персовъ.

Кромѣ турецкаго посольства къ войнѣ съ персами предрасполагали тогдашнія событія въ южной Аравіи, гдѣ владѣтель Іемена, желая освободиться отъ власти христіанскаго абиссинскаго царя, искалъ покровительства Персіи и навлекъ на свою страну вмѣстѣ съ персидскимъ вліяніемъ гнетъ и вымогательства персидскаго наместника, противъ чего императоръ считалъ необходимымъ реагировать. Точно въ тѣхъ же условіяхъ находилась персидская Арменія, гдѣ угнетаемые персами христіане искали покровительства христіанскаго царя. Когда Хосрой указывалъ, что онъ не допускаетъ вмѣшательства въ дѣла Арменіи, изъ Византіи было получено въ отвѣтъ, что не въ обычаѣ христіанскаго царя оставлять безъ помощи своихъ единовѣрцевъ.

Персидская война можетъ быть раздѣлена на два періода, границей между которыми служитъ смерть Хосроя въ 579 г. Со стороны Юстина главнокомандующимъ былъ назначенъ сенаторъ и патрикій Маркіанъ, имѣвшій впрочемъ въ своемъ распоряженіи весьма незначительный отрядъ и ограничившій свои дѣйствія демонстраціей противъ пограничной крѣпости Нисиби. Между тѣмъ какъ византійскій полководецъ осаждалъ этотъ городъ, персы вторглись въ Сирію и нанесли много вреда незащищенной странѣ, уведя толпы плѣнныхъ и разоривъ города и селенія, а самъ Хосрой осадилъ византійскую крѣпость Дару и взялъ ее послѣ шестимѣсячной осады.

Въ виду неудачнаго хода военныхъ дѣйствій на Востокъ и опасности на Западѣ отъ аваръ, Юстинъ отозвалъ Маркіана и назначилъ на его мѣсто другого вождя. На нѣкоторое время затѣмъ военныя дѣйствія перенесены были въ Арменію, гдѣ персы разрушили два города Севастію и Мелитину, но потомъ, въ свою очередь, потерпѣли поражение отъ Юстиніана, племянника одноименнаго императора. Но до назначенія Маврикія, будущаго императора, на мѣсто главнокомандующаго на Востокъ (577—578) персидская война тянулась съ перемѣннымъ успѣхомъ. Маврикій, прошедшій хорошую военную школу и любившій военное дѣло, теоріей котораго онъ занимался специально ¹⁾, подготовилъ изъ своихъ земляковъ каппадокійцевъ

1) Съ его именемъ сохранились сочиненія о военномъ дѣлѣ въ Византіи.

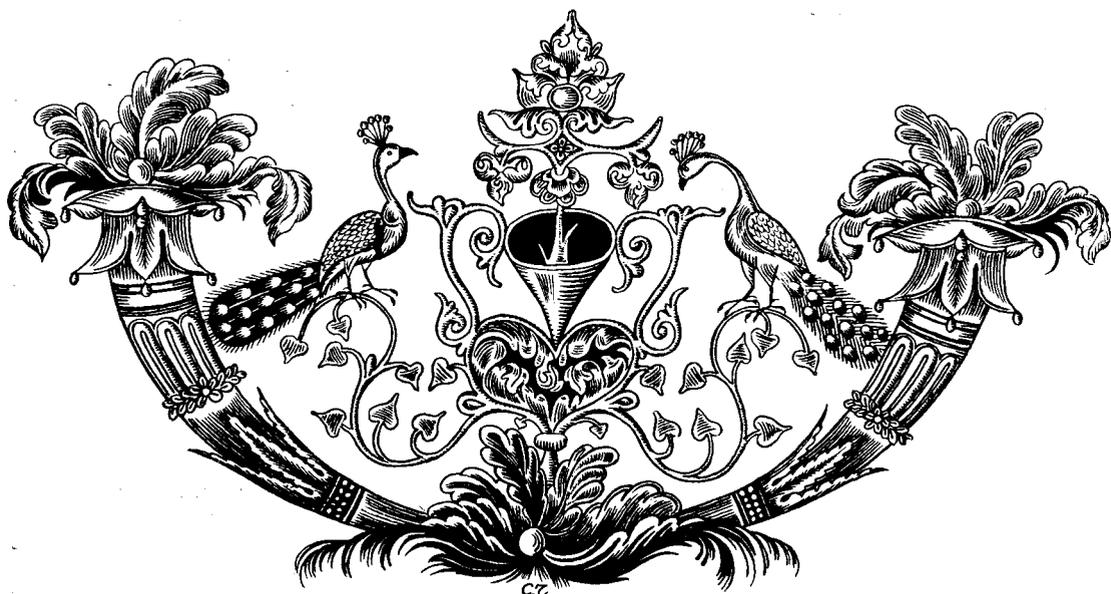
надежный военный отрядъ и воспользовался имъ для войны съ персами. Не ограничиваясь защитой пограничныхъ областей, Маврикій перенесъ поле сраженія на персидскую территорію и сталъ опустошать несчастную персидскую Арменію. Успѣхи его были такъ значительны, что совершенно измѣнили взаимное положеніе враждующихъ сторонъ. Уведя изъ Арменіи множество плѣнныхъ, Маврикій поселилъ ихъ на островѣ Кипрѣ. На исторію дальнѣйшей войны огромное вліяніе имѣли военныя реформы Маврикія и смерть Хосроя въ 579 г.

Преемникъ Хосроя, Ормисда IV, прервалъ переговоры о мирѣ, начатые Тиверіемъ, и рѣшилъ продолжать войну. Но византійскія войска продолжали имѣть перевѣсъ, благодаря съ одной стороны купленному дорогой цѣной миру съ аварами, позволившему сосредоточить на Востокѣ больше военныхъ силъ, а также благоразумнымъ военнымъ мѣрамъ Маврикія. Въ 581 г. онъ одержалъ надъ персами большую побѣду при Констанціи въ Месопотаміи, имѣя на своей сторонѣ сарацинскаго князя Мондира, который оказалъ ему важную услугу. Когда въ слѣдующемъ 582 г. Маврикій вступилъ на престолъ, командованіе на Востокѣ перешло къ стратигу Іоанну Мистаку, который не имѣлъ ни искусства, ни счастья своего предшественника и потерпѣлъ отъ персовъ нѣсколько пораженій. На смѣну ему посланъ былъ Филиппикъ, женатый на сестрѣ царя Гордіи. Въ 586 г. персидское и византійское войско встрѣтилось въ восточной Месопотаміи въ долинѣ Солахъ, гдѣ произошло рѣшительное сраженіе, окончившееся пораженіемъ персовъ. Достоинно замѣчанія, что здѣсь въ первый разъ упоминается знамя съ изображеніемъ Нерукотворнаго образа, съ которымъ Филиппикъ обходилъ византійскія войска. Въ этомъ дѣлѣ принималъ участіе въ качествѣ подчиненнаго Филиппику лица Ираклій, отецъ будущаго императора. Послѣ успѣшнаго дѣла при Солахъ высшее руководство военными дѣлами на персидской границѣ перешло къ Ираклію, который съ успѣхомъ дѣлалъ набѣги на города и селенія въ южной Арменіи, имѣя главный опорный пунктъ въ Амидѣ, такъ какъ съ утратой Дары граница на Востокѣ измѣнилась въ ущербъ Византіи. Когда весной 586 г. посланъ былъ на Востокъ новый военачальникъ въ лицѣ Приска, положеніе сторонъ еще болѣе измѣнилось не въ пользу имперіи. Въ византійскомъ войскѣ начался мятежъ, раздались жалобы на непра-

вильную выдачу продовольствія и уменьшеніе денежныхъ выдачъ. Хотя Маврикій поспѣшилъ замѣнить непопулярнаго военачальника любимымъ между восточными войсками Филиппикомъ, но и это мало содѣйствовало успокоенію войска. Въ 588 и 589 г. послѣдовали двѣ битвы при Мартирополѣ и Нисибѣ, окончившіяся пораженіемъ персидскаго войска. Но какъ, въ концѣ концовъ, успѣхъ войны мало зависѣлъ отъ случайной побѣды или пораженія одного отряда, и какъ персы умѣли хорошо пользоваться близостью къ своей территории и быстро пополняли запасы, видно изъ того, что вскорѣ послѣ пораженія, испытаннаго при Мартирополѣ, они осадили засѣвшій въ городѣ греческій гарнизонъ и снова овладѣли этимъ городомъ.

Затянувшаяся персидская война могла продолжаться и еще многіе годы. Ни персы, ни греки не употребляли въ дѣло большихъ военныхъ силъ, чтобы нанести рѣшительное пораженіе противнику. Собственно говоря, военныя дѣйствія сосредоточивались на пограничной полосѣ, и ни одна сторона не отваживалась проникать въ собственныя области противника. Рѣшительное вліяніе на дальнѣйшій ходъ дѣйствій оказали внѣшнія событія, частью вызванныя сношеніями Маврикія съ сосѣдними полунезависимыми арабскими и турецкими князьями. Какъ бы то ни было, Персія оказалась въ весьма затруднительныхъ обстоятельствахъ: арабы напали на Месопотамію, турки угрожали сѣвернымъ границамъ, хазары вторглись въ Арменію. Хотя персидскій военачальникъ Варарамъ одержалъ побѣду надъ турками, но въ Колхидѣ потерпѣлъ пораженіе въ дѣлѣ съ византійскимъ отрядомъ. Когда царь Ормисда, разгнѣванный за неудачу, хотѣлъ лишитъ его командованія, Варарамъ поднялъ возстаніе и началъ войну противъ непопулярнаго властителя. Въ 590 г. Ормисда былъ убитъ, и на его мѣсто провозглашенъ царемъ взбунтовавшійся военачальникъ. Но у Ормисда остался въ живыхъ сынъ Хосрой II, который обратился къ Маврикію съ просьбой о помощи и съ большими обѣщаніями, если царь приметъ на себя задачу возстановитъ его на царствѣ. Въ Константинополѣ хорошо взвѣсили внутреннее и внѣшнее положеніе Персіи и приняли сторону низверженной династіи. Двумя побѣдами надъ узурпаторомъ возстановлена была власть Хосроя II надъ Персіей, и въ 591 г. заключенъ былъ миръ, по которому персы уступили Византіи персидскую Арменію и восточную Месопотамію. Утраченныя во время 20-лѣтней войны крѣпости Дара

и Мартирополь возвращались Византіи. Неожиданно сложившіяся благопріятно для Византіи политическія событія дали ей весьма выгодный миръ и позволили Маврикію перевести часть войскъ съ Востока въ Европу, гдѣ дунайская граница угрожаема была аварами. Въ теченіе 10 лѣтъ на восточной границѣ былъ прочный миръ.

глава XI.

НИЗВЕРЖЕНІЕ МАВРИКІЯ И ПРОВОЗГЛАШЕНІЕ ФОКИ. ВОЗСТАНІЕ ЭКЗАРХА ИРЯКЛІЯ.

Восьмилѣтнее правленіе Фоки (602—610) представляет собой самый постыдный періодъ въ исторіи Византіи, которому было бы излишне посвящать особую главу, если бы не побуждали къ тому особыя соображенія. Мы уже неоднократно указывали, что въ концѣ VI и въ началѣ VII в. начинаютъ обнаруживаться новые элементы въ исторіи, которымъ свойственно особое наименованіе и которые въ своей совокупности дали восточно-римской имперіи характеръ византизма.

Въ исторіи смѣны царствованій до вступленія на престолъ дома Ираклія остается загадочнымъ вопросъ объ участіи въ политическихъ переворотахъ городскихъ димовъ и о реформахъ, задуманныхъ и проведенныхъ въ жизнь царемъ Маврикіемъ.

„Нѣтъ періода, говоритъ Финлей ¹⁾, въ который бы общество находилось въ такой универсальной деморализаціи, когда всѣ народы, извѣстные грекамъ и римлянамъ, оказались бы въ такой степени утратившими энергію и доблесть, какъ періодъ отъ смерти Юстиніана до появленія Магомета“. Но прослѣдить причины этой деморализаціи и сдѣлать анализъ явленій, въ которыхъ главнѣйше выразилось паденіе нравовъ и доблестей—составляетъ очень трудную задачу, которая не удавалась еще историкамъ. Можетъ-быть это чувствовали современники, но настроеніе ихъ осталось для насъ мало понятнымъ и извѣстнымъ. Между прочимъ въ чудесахъ св. Димитрія Солунскаго ²⁾ есть намекъ на тѣ реальные факты, которые много объясняютъ картину нравственной распущенности въ концѣ

¹⁾ Finlay, „History of Greece“, I, 298.

²⁾ „Acta Sanct.“ Octobris, IV, p. 132.

VI и началъ VII в. „Кто не знаетъ, говоритъ жизнеописатель, какую тучу пыли поднялъ діаволь при Маврикіи, благочестивой памяти царѣ, убивъ любовь и поселивъ взаимную вражду на всемъ Востокѣ, и въ Киликіи, и въ Азіи, и въ Палестинѣ и до такой степени взволновавъ всѣ сосѣднія области даже до самаго царственного города, что димы не только не удовлетворялись тѣмъ, что упивались на площадяхъ кровью соплеменниковъ, но и нападали взаимно на жилища другъ друга и безжалостно убивали тѣхъ, кого въ нихъ находили живыми, сбрасывали на землю съ верхнихъ этажей женщинъ и дѣтей, стариковъ и юношей, которые по слабости силъ не могли спастись бѣгствомъ, и подобно грубымъ варварамъ грабили своихъ односельчанъ и знакомыхъ и родственниковъ и сожигали ихъ жилища“. Другой современникъ, Теофилактъ Симокатта¹⁾, передаетъ общее настроеніе исключительно тревожнаго времени въ разсказѣ о видѣніи, бывшемъ царю Тиверію наканунѣ смерти (582 г.). Ему привидѣлось во снѣ, будто предсталъ предъ нимъ мужъ неизреченной божественной красоты и сказалъ: вотъ что говоритъ тебѣ, Тиверій, Трисвятое: „тиранническія и нечестивыя времена не постигнутъ твое царство“, т.-е. таковыя времена наступятъ при его преемникѣ.

Общее мнѣніе усваиваетъ Маврикію положительныя качества честнаго и благонастроеннаго правителя, который не щадилъ силъ и средствъ для того, чтобы поддержать расшатанный строй имперіи, но остановить процессъ распаденія не было въ его силахъ. „Имперія содержала могущественную армію, имѣла хорошо поставленную администрацію, финансовое управленіе не было въ упадкѣ, и всѣ мѣры принимались къ строгому соблюденію правосудія. Но со всѣми этими элементами хорошаго правительства, правительство Маврикія было плохо, непопулярно, отяготительно. Чувства патріотизма не было ни въ одномъ сословіи, не существовало узъ единства между государемъ и подданными, не было общихъ интересовъ между правительствомъ и народомъ, которые дѣлали бы ихъ отвѣтственными въ ихъ гражданскихъ поступкахъ передъ однимъ и тѣмъ же закономъ“²⁾.

Сводя къ конкретнымъ фактамъ наиболѣе опредѣленно выраженные неудовольствія противъ Маврикія, которыя дѣлали самыя полезныя его мѣропріятія непопулярными и возбуждали противъ него

¹⁾ Theophilacti Simocattae (ed. Bonnae), p. 36.

²⁾ Finlay, I, 298.

вражду, мы можемъ остановиться на слѣдующемъ. Маврикій не былъ популяренъ въ войскѣ, потому что желалъ ввести строгую дисциплину въ арміи, уменьшилъ жалованье служилымъ людямъ и, наконецъ, ради экономіи потребовалъ, чтобы дунайская армія проводила зиму за Дунаемъ въ мѣстахъ, гдѣ необходимо было ея постоянное присутствіе. Въ народѣ Маврикій не пользовался любовью за его скупость. Въ особенный упрекъ ставили ему то, что онъ пожалѣлъ выкупа за 12 тысячъ плѣнныхъ, которыхъ каганъ аварскій въ раздраженіи приказалъ безъ милосердія умертвить. Не менѣе того нерасположеніе къ Маврикію можетъ быть объяснено тѣмъ, что онъ былъ весьма лицепріятенъ къ своимъ родственникамъ, которымъ раздавалъ должности и почетные титулы и дарилъ земли и дворцы въ столицѣ. Но признать эти обстоятельства удовлетворительными для объясненія послѣдовавшаго въ 602 г. разгрома, постигшаго Маврикія и его семью, мы не рѣшаемся, потому что не видимъ въ нихъ такихъ мотивовъ, которые имѣли бы общій характеръ. Въ объясненіе событій, имѣвшихъ послѣдствіемъ устраненіе Маврикія, необходимо принять въ соображеніе и оцѣнить, съ одной стороны, тѣ указанія, которыя сдѣланы въ житіи св. Димитрія, съ другой, тѣ подлинныя факты, которые стоятъ въ связи съ военнымъ заговоромъ, выдвинувшимъ на первый планъ Фоку. Это тѣмъ болѣе можетъ имѣть значеніе, что, въ концѣ концовъ, приводитъ къ одному заключенію, что все несчастіе Маврикія было въ военномъ противъ него движеніи. Итакъ, попытаемся рассмотретьъ эту сторону дѣятельности Маврикія.

До какой степени разстроена была армія при смерти Юстиніана, объ этомъ трудно составить точное представленіе. И не въ томъ нужно видѣть паденіе арміи, что число военныхъ частей было уменьшено, и численность войска доведена была до 150 тысячъ. Самая существенная сторона вопроса заключалась въ системѣ набора военныхъ людей и въ рѣдкости населенія въ областяхъ имперіи. Тиверій и Маврикій были реформаторами военного дѣла, и спеціально первому приписывается новая и исключительная мѣра въ этомъ отношеніи. Чтобы усилить военныя средства имперіи, Тиверій, какъ извѣщаетъ объ этомъ Теофанъ, „организовалъ собственный военный отрядъ изъ 15 тысячъ человекъ, составивъ его изъ язычниковъ, купленныхъ имъ и принятыхъ на военную службу. Этому отряду дано было казенное вооруженіе и военная одежда, и во главѣ его поставленъ

комить федератовъ Маврикій, а помощникомъ ему данъ былъ Нарсесъ¹⁾). Это извѣстіе, отличающееся цифровыми показаніями и соединяющее новый военный отрядъ съ именемъ Маврикія, даетъ намъ любопытный матеріалъ къ освѣщенію нѣкоторыхъ сторонъ жизни въ эту эпоху. Такъ какъ съ именемъ Маврикія дошло до насъ военное сочиненіе, трактующее теорію расположенія лагеря и военного искусства, то можно съ полнымъ основаніемъ думать, что въ извѣстіи Теофана сохранился слѣдъ принятой Маврикіемъ обширной реформы въ этомъ отношеніи. Уже въ VII вѣкѣ мы встрѣчаемся съ господствующей въ Византіи системой привлеченія на военную службу цѣлыхъ племенъ и отрядовъ изъ славянъ, которымъ отводились участки на пусто-порожныхъ земляхъ и на которыхъ возлагалась военная повинность. Весьма можетъ быть, что у Теофана отмѣчена самая первоначальная форма этой системы, которая потомъ развита была въ византійскомъ государствѣ до широкихъ размѣровъ и продолжалась до самаго паденія имперіи. Для изучаемой эпохи конца VI вѣка весьма важно отмѣтить, что этотъ отрядъ нѣкоторое время играетъ видную роль въ военной исторіи, изъ чего можно выводить косвенное заключеніе объ общей слабости византійской арміи. То же самое заключеніе выводится изъ разсмотрѣнія средствъ военной обороны столицы имперіи, какъ видно будетъ ниже.

Вновь организованный отрядъ былъ направленъ въ Персію и здѣсь заявилъ себя значительными успѣхами, которые доставили Маврикію триумфъ въ Константинополѣ въ 582 г., тогда онъ приглашенъ былъ раздѣлить власть съ Тиверіемъ. Въ царствованіе Маврикія находящійся подъ командой Нарсеса отрядъ частью остается въ Арменіи, частью принимаетъ участіе въ персидской войнѣ, по окончаніи которой въ 591 году дѣйствовавшіе на Востокѣ отряды были переведены, вмѣстѣ съ Тиверіевскимъ корпусомъ въ Европу и направлены на Дунай на войну съ аварами и славянами²⁾.

Впослѣдствіи мы встрѣтимся съ упомянутымъ отрядомъ на Западѣ, а теперь посмотримъ, въ какомъ положеніи рисуется въ источникахъ

1) Theophanis „Chronogr.“, 251, 25: ἀγοράσας σώματα ἔθνικῶν κατέστησε στράτευμα εἰς ὄνομα ἴδιον, ἀμφιάσας καὶ καθοπλίσας αὐτοὺς χιλιάδας ιε'.

2) Theoph. p. 267, 32: εἰρήνης δὲ βαθείας τὴν ἀνατολὴν καταλαβούσης ἀβαρικός ἐπὶ τὴν Εὐρώπην ἐκύμαινε πόλεμος· διὰ τοῦτο ὁ Μαυρίκιος τὰς δυνάμεις ἀπὸ ἀνατολῆς ἐπὶ τὴν Θράκην μετήγαγεν.

оборона самой столицы. Константинополь находился въ постоянной опасности быть окруженнымъ съ суши. Хотя онъ защищенъ былъ стѣнами, и хотя ближайшія его окрестности находились подъ защитой Длинныхъ стѣнъ или Анастасіевыхъ укрѣпленій, которыми Константинополь отдѣлялся отъ адрианопольской долины, но эти послѣднія весьма трудно было защищать за дальностью ихъ и за обширностью протяженія стѣнъ, такъ что нерѣдко непріятель успѣвалъ прорваться черезъ эти стѣны и угрожать столицѣ. Таково именно было положеніе дѣлъ при Маврикіи.

Въ этомъ отношеніи имѣются превосходныя извѣстія въ лѣтописи Θεοφана. Еще при жизни Юстиніана, за годъ до смерти его, случилось разъ нападеніе аваръ и славянъ на Θρακίю, сопровождавшееся свободнымъ движеніемъ ихъ далѣе Анастасіевой стѣны, которая во многихъ мѣстахъ разрушена была землетрясеніемъ¹⁾. Такъ какъ непріятели напали на незащищенныя селенія, то сельскіе жители, забравъ свое имущество, искали спасенія въ Константинополѣ. По этому случаю писатель сообщаетъ любопытное извѣстіе по отношенію къ этимъ бѣглецамъ. Когда царю донесли объ этомъ, онъ „приказалъ зачислить въ димы многихъ изъ пришлыхъ людей и назначилъ ихъ на службу къ Длиннымъ стѣнамъ“²⁾. Что касается защиты городскихъ стѣнъ, то и эта сторона не была достаточно обезпечена. По случаю упомянутаго выше аварскаго нападенія стѣны города предоставлены были охранѣ собственно гвардейскимъ отрядамъ, стоявшимъ въ Константинополѣ: схолы, протикторы и пѣхотные полки. Кромѣ того, въ числѣ защитниковъ упоминаются сенаторы. Послѣ Юстиніана нерѣдко повторялись подобные же случаи зачисленія гражданскаго элемента въ военную службу. Такъ, въ первые годы Маврикія, аварскій каганъ выслалъ противъ имперіи славянъ, которые дошли до Длинныхъ стѣнъ³⁾. Очевидно, у правительства не было въ распоряженіи достаточныхъ военныхъ средствъ, и оно прибѣгло къ исключительной мѣрѣ. Гвардейскіе отряды, назначенные для охраны дворца и служившіе гарнизономъ въ Константинополѣ, были выведены къ Длиннымъ стѣнамъ, а охрана городскихъ стѣнъ ввѣрена

1) Theoph., 233: εὐρόντες δὲ τοῦ τείχους τοῦ Ἀναστασιακοῦ τόπους τινὰς πεπτωκότας ἐκ τῶν σεισμῶν, εἰσελθόντες ἤχημαλώτευσαν . . .

2) Ibid.: ὁ βασιλεὺς ἐδημότευσεν πολλοὺς καὶ ἔπεμψεν εἰς τὸ μακρὸν τεῖχος.

3) Theoph., 254, 5.

была димотамъ ¹⁾). На этотъ разъ поступлено было какъ-разъ наоборотъ, чѣмъ при Юстиніанѣ. Въ другой разъ, одержавъ полную побѣду надъ стратигомъ Коментіоломъ во Фракіи, авары навели такой страхъ на Константинополь, что жители собирались уже перебираться на азіатскую сторону ²⁾). Въ этомъ исключительномъ случаѣ императоръ сталъ во главѣ гвардейскаго отряда экскувитовъ и отправился на защиту Длинныхъ стѣнъ; городъ же предоставленъ былъ защитѣ димовъ ³⁾).

Военная повинность, возлагаемая Маврикіемъ на гражданское сословіе города, вызвала противъ него сильное недовольство, выразившееся въ неоднократныхъ заговорахъ и попыткахъ низложить его. Что касается собственно военныхъ отрядовъ, нелюбовь ихъ къ Маврикію проглядываетъ во многихъ случаяхъ. Между прочимъ въ войскѣ былъ слухъ, что царь желалъ выдать свое войско непріятелю головой, ради его неповиновенія ⁴⁾). Этотъ слухъ, повидимому, нашель себѣ оправданіе въ томъ обстоятельстве, что Маврикій не согласился выдать кагану назначенный имъ выкупъ за 12 тысячъ плѣнниковъ, вслѣдствіе чего аварскій властитель приказалъ убить всѣхъ находившихся у него въ плѣну ⁵⁾). По этому случаю, продолжаетъ писатель, противъ Маврикія царя началась сильная ненависть, и стали его осыпать ругательствами, и войско, находившееся во Фракіи, перешло на сторону его порицателей. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія Теофана нерасположеніе къ царю, постепенно разросшееся въ военный заговоръ, имѣло своимъ источникомъ смутный слухъ, что Маврикій желаетъ выдать войско головой врагамъ, или то обстоятельство, что онъ пожалѣлъ государственныхъ средствъ на выкупъ плѣнныхъ. То и другое объясненіе не можетъ быть достаточнымъ уже по тому, что интересы войска собственно затронуты были только слухами о томъ, что царь замышляетъ выдать войско врагамъ; что же касается плѣнныхъ, то большинство ихъ состояло, конечно, изъ сельскаго населенія, забраннаго въ плѣнъ при конныхъ наѣздахъ

¹⁾ Theoph. 254, 6: ὁ δὲ βασιλεὺς τὰ τοῦ παλατίου στρατεύματα ἐξαγαγὼν τῆς πόλεως καὶ τοὺς δῆμους φυλάττειν τὰ μακρὰ τεῖχη ἐκέλευσεν.

²⁾ Ibid., 279, 17.

³⁾ Ibid., 279., 18—19.

⁴⁾ Theoph., 278, 33: φασὶ δὲ τινες τὸν Μαυρίκιον ὑποθέσθαι τῷ Κομεντιόλῳ ὕψος τὸ Ῥωμαϊκὸν στρατεύμα παραδώσει πολέμοις διὰ τὰς ἀταξίας αὐτῶν.

⁵⁾ Theoph., 280, 7.

аварскихъ на беззащитную страну. Если правда, что Маврикій пожалѣлъ денегъ на выкупъ плѣнныхъ, то изъ этого скорѣй можно бы объяснить непопулярность царя въ Константинополѣ, среди населенія столицы, а не военный бунтъ, начавшійся среди дунайской арміи. О ближайшихъ поводахъ, вызвавшихъ бунтъ въ войскѣ, имѣются довольно обстоятельныя свѣдѣнія у Теофана ¹⁾; изъ нихъ военный бунтъ становится совершенно объяснимымъ.

Но почему у Маврикія не оказалось средствъ защиты въ городѣ, почему противъ него оказались народъ и стоявшіе въ Константинополѣ отряды? У писателя Теофилакта Симокатты находимъ весьма любопытное статистическое показаніе о той части населенія столицы, которая числилась въ димахъ ²⁾. Когда уже въ городѣ получены были извѣстія о волненіи въ военныхъ отрядахъ, стоявшихъ на Дунаѣ, императоръ старался отвлечь вниманіе народа часто даваемыми цирковыми представленіями и успокаивалъ димы объявленіями, что не слѣдуетъ придавать значенія безтолковымъ притязаніямъ военныхъ людей. Между тѣмъ, призвавъ къ себѣ тогдашнихъ димарховъ Сергія и Косьму, стоявшихъ во главѣ двухъ димовъ венетовъ и прасиновъ, потребовалъ у нихъ точныхъ данныхъ о числѣ записанныхъ у нихъ членовъ дима ³⁾. И вотъ оказалось, что въ спискѣ Сергія показано было число дима Зеленыхъ 1500 членовъ, у Косьмы же димъ Голубыхъ выраженъ былъ числомъ 900. Итакъ, въ большомъ городѣ, населеніе котораго считалось сотнями тысячъ, насчитывалось собственно 2400 членовъ боевыхъ цирковыхъ партій при значительномъ гарнизонѣ изъ гвардейскихъ частей, которыя всегда могли держать въ подчиненіи эту горсть димотовъ. И тѣмъ любопытнѣй замѣчаніе писателя, приводящаго эти цифры: „Ибо ромэйскій народъ раздѣлялся на партіи двухъ красокъ, отъ нихъ вошли въ жизнь величайшія бѣдствія; съ умноженіемъ этой неистовой страсти едва не погибла ромэйская имперія“. Само собой разумѣется, показанныя димархами числа далеко не обозначали настоящаго положенія дѣла и не могли внушить Маврикію дѣйствительной опасности, каковая могла ему угрожать въ самомъ Константинополѣ, ни дать ему, съ

1) Theoph. ed. De Boor., p. 282—288.

2) Theophyl. „Hist.“, VIII, 7 (p. 327, 15).

3) Theophyl., VIII, 7 (p. 327, 12): καὶ τοὺς δημάρχους εἰσκαλεσάμενος πρὸς τὰ βασιλεῖα ἐπυνθάνετο τῶν δημοτεύοντων ἐπὶ λεπτοῦ τὸν ἀριθμὸν.

другой стороны, идеи о матеріальной силѣ, на какую онъ могъ бы опереться въ случаѣ нужды. По всей вѣроятности данныя димархами показанія не соотвѣтствовали истинѣ.

Сохранились довольно подробныя свѣдѣнія объ обстоятельствахъ низверженія Маврикія и вступленія на престолъ Фоки.

На основаніи приведенныхъ, немногочисленныхъ, впрочемъ, данныхъ, далеко нельзя приписывать Маврикію тѣхъ чрезвычайныхъ мѣръ, клонившихся къ возстановленію древняго авторитета римской императорской власти, о какихъ говорятъ англійскіе историки Финлей и Бэри¹⁾. Съ нѣкоторымъ основаніемъ можно утверждать лишь, что общее недовольство Маврикіемъ имѣло причины въ его военныхъ мѣропріятіяхъ. Не прекращавшаяся война на Балканскомъ полуостровѣ побудила Маврикія сдѣлать распоряженіе, чтобы военныя части, защищавшія дунайскую границу, расположились на зимнія квартиры за Дунаемъ и добывали себѣ средства жизни въ непріятельской странѣ. Съ этого началось движеніе въ войскѣ. Но по извѣстію Теофана²⁾ и самое возстаніе, и передовая роль въ движеніи кентарха Фоки обнаружались нѣсколько раньше, когда онъ въ качествѣ выборнаго отъ войска явился въ столицу съ жалобой на стратига Коментіола, будто бы замышлявшаго военную измѣну, и довольно рѣзко говорилъ съ императоромъ. Такъ какъ Маврикій оставилъ жалобу безъ разслѣдованія, то это будто бы и было причиной заговора противъ него. Но дальнѣйшія извѣстія рисуютъ положеніе дѣла въ томъ смыслѣ, что заговоръ противъ Маврикія обнаружился въ одно и то же время и въ войскѣ, и въ населеніи столицы. Такъ, царь былъ предметомъ оскорбленій толпы народа въ то время, какъ онъ съ сыномъ своимъ Θεодосіемъ совершалъ религіозную процессію. Народное движеніе выразилось въ такой формѣ, что царь долженъ былъ укрыться во Влахернской церкви. По этому поводу сложилась въ Константинополѣ народная пѣсенка, сохранившаяся у Теофана, которую пѣли димы вокругъ шута, посаженнаго на осла и изображавшаго Маврикія, на котораго онъ похожъ лицомъ. Настойчивость Маврикія, не хотѣвшаго допустить никакихъ уступокъ, выразилась, между прочимъ, и въ томъ, что онъ оставилъ начальникомъ дунай-

¹⁾ Finlay, „History of Greece“ 1, 302; Bury, „A History of later roman empire“, 11, 86.

²⁾ Ed. De Boor, p. 280.

ской армии своего брата Петра, очевидно, не имѣвшего большаго авторитета въ войскѣ. Онъ не только не принялъ энергичныхъ мѣръ противъ Фоки, когда въ лагерь его подняли на щитъ и провозгласили предводителемъ¹⁾, но самъ постыдно бѣжалъ въ Константинополь. Но и здѣсь, какъ мы уже видѣли, началось выражаться общее недовольство. Маврикій хотѣлъ задобрить народъ цирковыми представленіями, но и въ самомъ ипподромѣ раздались шумныя жалобы. Чтобы занять недовольную и праздную толпу, царь приказалъ димархамъ принять на себя защиту городскихъ стѣнъ.

Пока бунтующее войско шло изъ Фракіи къ Константинополю, Маврикій имѣлъ достаточно времени принять мѣры къ собственной защитѣ. Оказалось, что главная опасность для него была не въ военномъ лагерѣ, а дома, въ столицѣ. Фока въ сущности не былъ избранъ императоромъ, и такимъ не считали его столичные заговорщики. Здѣсь, въ столицѣ, замышляли лишь низверженіе Маврикія и возведеніе на его мѣсто или его сына Θεодосія или тестя этого послѣдняго, Германа. Но крайняя нерѣшительность Маврикія ухудшала положеніе дѣлъ со дня на день. Онъ посылаетъ на встрѣчу Фоки пословъ, желая вступить съ бунтовщикомъ въ переговоры; онъ далѣе начинаетъ преслѣдованіе своихъ ближайшихъ родственниковъ, сына и тестя его, съ которыми заговорщики начали вести переговоры на счетъ низверженія стараго и избранія новаго царя. Общее раздраженіе дошло до крайней степени, когда Маврикій приказалъ схватить Германа, искавшаго убѣжища въ храмѣ св. Софіи. Въ городѣ начался открытый бунтъ; городскіе димы, на которые Маврикій возложилъ военную повинность на Длинныхъ стѣнахъ, покинули свои стоянки и усилили броженіе недовольныхъ въ городѣ. Начались пожары. Тогда Маврикій, потерявъ надежду на сохраненіе власти, въ одеждѣ частнаго лица и въ сопровожденіи самыхъ близкихъ и преданныхъ людей, вышелъ изъ Константинополя и моремъ отправился на азіатскую сторону. Высадившись въ Никомидіи, отправилъ сына своего Θεодосія къ Хосрою просить о помощи или пристанищѣ. Между тѣмъ Фока съ вѣрными ему фракійскими воинами подошелъ къ столицѣ и остановился въ предмѣстьѣ Евдомъ. Здѣсь съ нимъ вступили въ сношенія оставшіяся въ столицѣ сословія и

¹⁾ Theoph., 287. 7: καὶ ἐπὶ ἀσπίδος τοῦτου (т.-е. Фоку) ὑψίσταντες ἐνφύμωσαν ἔξαρχον.

бунтовавшія противъ Маврикія партіи. Войско потребовало, чтобы патріархъ и сенатъ явились въ Евдомъ и признали Фоку въ царскомъ достоинствѣ. Ноября 23 произошла коронація, а чрезъ два дня Фока держалъ торжественный въѣздъ въ столицу. Хотя Маврикій былъ уже не опасенъ для Фоки, но онъ приказалъ доставить его въ Халкидонъ, и тамъ на глазахъ несчастнаго отца были умерщвлены его дѣти, а затѣмъ и самъ онъ погибъ отъ руки палача. Жестокость Фоки не ограничилась этимъ; черезъ нѣсколько времени та же участь постигла оставшагося въ живыхъ старшаго сына Маврикія, Θεодосія, получившаго порученіе къ персидскому царю Хосрою, и трехъ его сестеръ.

Прежде чѣмъ переходить къ царствованію Фоки, укажемъ одинъ литературный фактъ изъ исторіи Θεофилакта, записанный и отнесенный ко времени Маврикія. Это извѣстіе о славянахъ. Во время похода во Θракію, гдѣ-то по близости Иракліи на Мраморномъ морѣ, произошло слѣдующее. Царскіе тѣлохранители захватили близъ лагеря трехъ мужей славянскаго происхожденія; на нихъ не было ни желѣзной кольчуги, ни вооруженія, а имѣли они при себѣ только киворы. Царь разспрашивалъ ихъ, какого они племени и гдѣ имѣютъ мѣстожителство, и по какой причинѣ оказались они въ ромэйскихъ мѣстахъ. Они объяснили: „мы приходимъ изъ племени славянскаго, а живемъ у границъ западнаго океана. Каганъ (аварскій) послалъ пословъ въ тѣ страны съ цѣлью найма военныхъ отрядовъ и большими дарами благорасполагалъ къ этому нашихъ князей. Они же, принявъ дары, отказали вступить съ нимъ въ союзъ, ссылаясь, что ихъ затрудняетъ дальность пути; что они сами, попавшіеся теперь въ плѣнъ, посланы къ кагану, чтобы дать объясненіе по этому поводу, въ пути они пробыли 15 мѣсяцевъ. Каганъ же, вопреки обычаю, наблюдаемому въ посольскихъ дѣлахъ, издалъ постановленіе, которымъ воспрещалось имъ возвращеніе на родину. Такъ какъ ромэйскій народъ извѣстенъ имъ своимъ могуществомъ и гуманностью, то они, улучивъ благопріятныя обстоятельства, отправились во Θракію. Носятъ съ собой киворы потому, что не привыкли обращаться съ оружіемъ, да и страна ихъ не знаетъ желѣза, такъ что они проводятъ жизнь въ мирѣ и безъ вражды. Пѣтъ въ сопровожденіи лиръ и трубить на трубахъ они не умѣютъ. Ибо для кого не извѣстно военное дѣло, для того—утверждали они—по справедливости пріят-

нымъ становится музыка. Царь же, по поводу сказаннаго, удивляясь этому народу, удостоилъ гостепріимства самихъ людей, къ нему приведенныхъ, и, выразивъ удивленіе къ ихъ высокому росту и могучему сложенію, послалъ ихъ въ Ираклію¹⁾).

Эта красивая картинка, идеализирующая образъ жизни и нравы славянъ, мало подходитъ ко всей дошедшей до насъ по другимъ источникамъ обстановкѣ славянской политической жизни. Въ высшей степени важно было бы прослѣдить происхождение этого рода сказаній о славянахъ, которыя оказали свое вліяніе на характеристику древней славянской исторіи и первыхъ историковъ чешскихъ XVIII вѣка и несомнѣнно вліяли на постановку славянскихъ воззрѣній у нашихъ славянофиловъ. На самомъ дѣлѣ сообщаемый у Теофилакта фактъ не можетъ имѣть реального значенія. Какъ можно въ VI в. путешествовать по восточной Европѣ съ киварами или цитрами въ рукахъ? Мыслимы ли такія условія общественной жизни, какія нарисованы у Теофилакта?—Но ясно, что существовали сказанія о блаженныхъ народахъ, живущихъ далеко на сѣверѣ, у миѳическаго западнаго океана, которыя прилагались къ разнымъ неизвѣстнымъ народамъ, и которыя здѣсь приложены къ славянамъ. Къ сожалѣнію, подобныя сказанія остаются еще до сихъ поръ не выясненными со стороны ихъ происхожденія и не поставленными въ кадръ тѣхъ народныхъ сказаній, которыя составляютъ продуктъ фантазіи, а не реальной исторіи. Въ византійской хроникѣ встрѣчается нѣсколько подобныхъ частью фантастическихъ, частью сентиментальныхъ мотивовъ, относящихся какъ къ славянской, такъ и къ русской исторіи! Въ дальнѣйшемъ намъ не разъ придется нападать на нихъ въ своемъ изложеніи.

По свидѣтельству всѣхъ почти историковъ, восьмилѣтнее правленіе Фоки (602—610) представляетъ собой самый худшій періодъ Византійской исторіи, когда жестокія казни и безчеловѣчное избіеніе всѣхъ подозрительныхъ для Фоки родовитыхъ людей, имѣвшихъ связи съ прежнимъ правительствомъ, составляли, повидимому, одну изъ главныхъ задачъ правительства. Если принять во вниманіе краткія погодныя записи въ главномъ источникѣ для этой эпохи, въ „Пасхальной хроникѣ“ и въ „Исторіи“ Теофана, нельзя не вынести впе-

¹⁾ Theoph., VI, 2 (р. 243—244).

чатлѣнія, что дѣйствительно въ лицѣ Фоки самыя грубыя инстинкты челоуѣчества нашли себѣ выраженіе. Царствованіе его, начавшееся истребленіемъ всего мужского поколѣнія Маврикія, продолжалось кровавой расправой со всѣми подозрительными лицами. О настроеніяхъ Фоки можно судить по слѣдующему случаю. Въ пятое лѣто своего царствованія онъ выдалъ свою дочь Доменцію за Приска, комита экскувиторовъ и патрикія. Брачное торжество сопровождалось цирковыми зрѣлищами и народными празднествами, на площадяхъ рядомъ съ изображеніями царя повѣшены были изображенія новобрачныхъ. Фокѣ показалось подозрительнымъ это, и онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы димархи Теофанъ и Памфилъ были публично казнены, хотя выставленіе царской семьи рядомъ съ изображеніемъ царя было въ обычаяхъ времени и не могло заключать въ себѣ ничего преступнаго.—Такъ какъ въ Константинополѣ скоро поняли, что при Фокѣ не можетъ быть ни внѣшней безопасности для имперіи, ни внутренняго спокойствія, ибо „извнѣ персы злодѣйствовали надъ ромѣями, а внутри еще хуже дѣлалъ своими убійствами и темничными заключеніями Фока“, то не было недостатка въ выраженіяхъ недовольства правительствомъ. Такъ, сдѣланъ былъ доносъ на царицу Константину, остававшуюся еще въ живыхъ, жену Маврикія, будто она находится въ тайныхъ сношеніяхъ съ Германомъ, и будто между ними созрѣлъ заговоръ о возведеніи на царство сына Маврикія Θεодосія, который случайно избѣгъ смерти. Фока подвергъ пытку бѣдную Константину, которая оговорила нѣсколькихъ слугъ, вслѣдствіе чего преданы были смерти и сама царица Константина съ тремя своими дочерьми, и множество важныхъ и сановныхъ лицъ, имѣвшихъ связи съ прежнимъ правительствомъ. При такихъ условіяхъ вновь начавшаяся на востокѣ война съ персами получила такое неожиданное направленіе, что непріатели, завладѣвъ пограничной крѣпостью Дарой, безъ сопротивленія прошли Месопотаміей и Сиріей и сдѣлались господами всей Малой Азіи до Халкидона. Точно также и положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ было далеко не благоприятно. Въ 604 г. Фока купилъ миръ у кагана, увеличивъ ежегодно платимую ему дань, но вся почти Македонія была уже во власти славянъ, и аварское господство утверждалось постепенно во Фракіи и Македоніи на смѣну византійскаго. Помимо военныхъ неудачъ и неспособности Фоки руководить военными предпріятіями,

весьма характерны для той эпохи его странныя административныя распоряженія. Таково отданное имъ приказаніе обратить въ христіанство всѣхъ сирійскихъ іудеевъ, имѣвшее слѣдствіемъ возстаніе въ Антиохіи и распространеніе недовольства въ Сиріи и Египтѣ.

Зять Фоки, патрикій Прискъ, возбуждившій противъ себя подозрѣніе тестя и находившійся въ удаленіи отъ дѣлъ, привелъ въ исполненіе хорошо задуманный имъ планъ освобожденія имперіи отъ этого злого и неспособнаго правителя. Надежды большинства остававшихся въ живыхъ греческихъ патриотовъ обратились на византійскаго правителя въ Египтѣ, Ираклія, носившаго титулъ экзарха. Египетскій экзархатъ, какъ и Равеннскій, представляетъ новую форму управленія, введенную въ имперіи въ концѣ VI вѣка. Не можетъ быть сомнѣнія, что экзархатъ приближается, до нѣкоторой степени, въ особенности по принципу соединенія гражданской и военной власти въ рукахъ одного лица, поставленнаго во главѣ большой области, къ характерному для средневѣковой Византіи еемному устройству. Подъ управленіемъ патрикія Геннадія и его преемника Ираклія, не разъ принимавшаго участіе въ персидскихъ войнахъ въ качествѣ начальника отдѣльныхъ отрядовъ, Африка достигла извѣстной степени мира и благоденствія. Экзархъ могъ располагать значительнымъ флотомъ и матеріальными средствами, которыя вслѣдствіе отдаленности Карѳагена отъ центра не подвергались безпощаднымъ вымогательствамъ. Сношенія Приска съ патрикіемъ Иракліемъ имѣли цѣлью приготовить высадку военнаго отряда, перевезеннаго на судахъ изъ Африки, и низверженіе Фоки съ помощью сторонниковъ этого переворота въ самомъ Константинополѣ. Вѣрность африканскаго экзарха важна была для императора, между прочимъ, и потому, что Константинополь зависѣлъ отъ египетскаго намѣстника въ смыслѣ своевременной доставки въ столицу хлѣба. Малѣйшая задержка или неточность въ доставкѣ хлѣба ставила столицу въ весьма затруднительное положеніе. Первые признаки невѣрности экзарха обнаружались въ 609 г., когда Ираклій не выслалъ кораблей съ хлѣбомъ въ Константинополь, но зато Фока заключилъ въ монастырь проживавшихъ тогда въ столицѣ жену Ираклія Епифанію и невѣсту сына его Евдокію. Это, повидимому, ускорило развязку дѣла, заставивъ экзарха рѣшиться на смѣлый шагъ. Онъ посадилъ отрядъ пѣхотинцевъ на суда и поручилъ начальство надъ ними сыну своему Ирак-

Рис. 76. Колонна Фоки въ Римѣ.

лію, которому вскорѣ предстояло въ качествѣ византійскаго царя начать новую эру въ исторіи Византіи, а кавалерійскій отрядъ направилъ сухимъ путемъ подъ предводительствомъ своего племян-

ника Никиты. Принятая экзархом мѣры обезпечивали за его предпріятіемъ успѣхъ, потому что Фока продолжалъ оставаться въ бездѣйствіи и не заботился о защитѣ столицы. Въ тотъ день, когда африканскія суда съ отрядомъ, предводимымъ Иракліемъ, показались въ виду Константинополя (3 окт. 610 г.), самъ Фока совершалъ торжественную процессію въ Евдомъ и мало заботился о томъ, что происходило въ городѣ. Весьма любопытно, что современный событіямъ писатель отмѣчаетъ ту особенность прибывшаго подъ Константинополь флота, что суда были снабжены „круглыми башнями“ ¹⁾, и что на мачтахъ вмѣсто знамени висѣли изображенія Богоматери. Дальнѣйшія событія произошли быстро и безъ особенныхъ замѣшательствъ. Фока не имѣлъ сторонниковъ, на которыхъ могъ бы положиться. Самое близкое къ нему лицо былъ его зять Прискъ, который находился въ сношеніяхъ съ Иракліемъ и подготовлялъ высадку африканскаго войска. Такимъ образомъ, черезъ день по прибытіи Ираклія, къ нему приведенъ былъ плѣнный Фока. „Такъ-то ты—сказалъ ему Ираклій—управлялъ имперіей!“—„Попробуй самъ править лучше“,—будто бы отвѣчалъ ему Фока.—Уступая народной ярости, Ираклій предоставилъ толпѣ распорядиться съ Фокой по ея желанію. Онъ подвергся самому жестокому поруганію и сожженъ на площади Быка. Октября 5 Ираклій провозглашенъ императоромъ и коронованъ на царство патріархомъ Сергіемъ.

Въ Римѣ сохранился памятникъ царствованія Фоки подъ именемъ колонны его имени (рис. 76).

1) „Chronicon paschale“, p. 699: ἀναφαίνοντάι πλοῖα ἰκανά κατὰ τὸ στρογγυλοῦν καστέλλιν.

ПЕРІОДЪ III (610-716).
ИРАКЪ И ЕГО ПРЕМНИКИ.

глава I.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА. ВОЕННЫЯ ПРИГОТОВЛЕНІЯ. ПРОИСХОЖДЕНІЕ ОБМЯГО УСТРОЙСТВА.

Съ началомъ VII в. въ исторіи Византіи можно намѣтить не только опредѣленные факты, служащіе показателемъ окончательнаго разрыва съ римскими традиціями и идеалами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ характерѣ и настроеніи государственныхъ дѣятелей и общества встрѣтить новыя черты, принесенныя новыми людьми и новыми взглядами. Царствованіе Ираклія открываетъ новую эпоху въ исторіи Византіи, полагающую границу между старымъ и вновь народившимся историческимъ движеніемъ.

Но представить въ надлежащемъ освѣщеніи характеръ дѣятельности Ираклія чрезвычайно затрудняетъ какъ скудость дошедшихъ до насъ свѣдѣній объ его внутренней дѣятельности, такъ и то обстоятельство, что новыя элементы государственности, постепенно входящія въ жизнь съ этого времени, не нашли себѣ ни надлежащей оцѣнки, ни опредѣленнаго мѣста въ историческихъ изложеніяхъ. Византія времени Ираклія не походитъ на имперію времени Юстиніана. Необычайное напряженіе силъ при Юстиніанѣ имѣло цѣлью воскресить идею римской имперіи и связать разнообразныя народности, входящія въ имперію, единствомъ вѣры и закона; эта мысль была практически осуществлена благодаря необычайной энергіи Юстиніана, равно какъ искусству его оцѣнивать людей и давать имъ соотвѣтствующія ихъ способностямъ порученія. Но въ самой идеѣ всемірной имперіи не было жизненности, и созданіе Юстиніана въ политическомъ отношеніи не было долговѣчнымъ. Напротивъ, задача Ираклія была опредѣленная и конкретная, рѣчь шла не о новыхъ завоеваніяхъ, а о средствахъ къ сохраненію того, что было можно спасти отъ разрушенія. Предыдущая

эпоха военных возмущений, вследствие которых на престолъ императоровъ часто были случайные люди, достигшіе высшей власти по капризу судьбы, сопровождалась крайнимъ разстройствомъ экономическихъ средствъ, паденіемъ благосостоянія, уменьшеніемъ арміи и истребленіемъ громаднаго числа людей, въ особенности изъ достаточныхъ и правящихъ классовъ. Есть извѣстіе, что Ираклій, дѣлая перепись составу своей арміи, нашель, что только двое изъ всего наличнаго числа служили при Фокѣ, а весь составъ принадлежалъ къ новому набору. Это наблюденіе приложимо и къ другимъ состояніямъ. Первое время по своемъ воцареніи Ираклій находится въ колебаніи. Рѣшительныхъ мѣръ правительство не принимаетъ, вступить въ рѣшительную борьбу съ врагами имперіи не рѣшается и ведетъ переговоры о мирѣ и союзѣ, не имѣвшіе впрочемъ успѣха. Только въ 622 г., когда Малая Азія, Сирія, Палестина и Египеть находились уже подъ властью персовъ, Ираклій выступаетъ съ опредѣленной внѣшней политикой и становится во главѣ вновь организованнаго и имъ самимъ подготовленнаго войска. Итакъ, для насъ остается мало понятымъ предварительный періодъ подготовки къ военной дѣятельности. О томъ, откуда Ираклій взялъ средства на войну и какимъ образомъ приготовилъ онъ войско, способное выносить неимоверныя тяжести службы въ войнѣ съ персами, лучшую страничку даетъ писатель Теофанъ ¹⁾. „Въ 622 г., апрѣля 4, отпраздновавъ Пасху, въ понедѣльникъ вечеромъ Ираклій выступилъ въ походъ противъ персовъ. Находясь въ крайней нуждѣ, онъ позаимствовалъ денежные средства изъ церквей и монастырей, изъ Великой церкви приказалъ отобрать паникадила и другіе церковные сосуды и начеканилъ изъ нихъ золотой и мелкой размѣнной монеты. Для управленія дѣлами за своимъ отсутствіемъ назначилъ регентство, въ которое вошли, кромѣ его сына, патриархъ Сергій и патрикій Вонъ, мужъ тонкаго ума и умудренный разумомъ и опытностью. Отправивъ письмо къ кагану аварскому, просилъ его оказать вниманіе къ ромэйскому царству, съ которымъ заключилъ союзъ дружбы, и назначилъ его опекуномъ своего сына. Изъ столицы Ираклій держалъ путь моремъ на мѣстность, называемую Пилы ²⁾, откуда пришедши въ области,

1) Theoph. „Chron.“, 302—3.

2) Вионскій городъ въ заливѣ Astakos близъ Никомидіи; см. Ramsay, „The Hist. Geography of the Asia Minor“, 1, 187 и др.

получившія еемное устройство ¹⁾), собралъ войско въ лагерь и сталъ учить его военной службѣ по новой системѣ, упражняя его въ гимнастикѣ и въ военномъ искусствѣ. Раздѣливъ отрядъ на двѣ части, приказалъ дѣлать имъ между собою примѣрныя безкровныя стычки и приучалъ ихъ къ военнымъ крикамъ, и пѣанамъ, и восклицаніямъ, и движеніямъ, имѣя цѣлью, чтобы они, когда наступитъ военное время, не казались новичками, но смѣло, какъ бы въ шутку, шли на непріятеля. Нашедши же войско доведеннымъ до состоянія большой распущенности и трусливости, упадка дисциплины и порядка и разсѣяннымъ по разнымъ мѣстамъ, онъ скоро соединилъ всѣхъ во едино“. Писатель еще разъ возвращается къ описанію военныхъ упражненій на два строя съ примѣрными сраженіями при звукахъ трубъ и при ударахъ щитами, изъ чего можно заключить, что у него въ распоряженіи былъ значительный матеріалъ для этой стороны дѣятельности Ираклія. Но въ приведенной выдержкѣ самое интересное есть мѣсто о еемахъ,—терминъ, въ первый разъ встрѣчающійся въ исторіографіи и обозначающій крупную реформу, относящуюся къ гражданской и военной администраціи. Раздѣленіе имперіи на еемы является при Иракліи уже фактомъ вполне опредѣлившимся и дѣйствующимъ на практикѣ. Очень любопытно и то обстоятельство, что реформы въ военной наукѣ, съ которыми знакомитъ насъ Теофанъ, поставлены въ соотношеніе съ еемами. Это совершенно правильный взглядъ, такъ какъ устройствомъ еемъ достигались прежде всего военныя цѣли, и реорганизація арміи обуславливалась особеннымъ устройствомъ гражданскаго населенія въ тѣхъ административно-военныхъ округахъ, которые назывались еемами. Итакъ, мы намѣчаемъ здѣсь одинъ изъ важныхъ моментовъ подготовительной дѣятельности Ираклія, которой посвящены были первыя десять лѣтъ его царствованія; это военная и гражданская реформа, выразившаяся въ устройствѣ еемъ.

Независимо оттого у Теофана есть намекъ на рядъ другихъ мѣропріятій, которыми Ираклій пытался обезпечить себѣ успѣхъ въ военныхъ предпріятіяхъ, составлявшихъ цѣль его жизни. Таковъ, между прочимъ, вопросъ о регентствѣ и въ особенности о престолонаслѣдіи. Не только естественное чувство привязанности къ родственникамъ

¹⁾ ἐντεῖθεν δὲ ἐπὶ τὰς τῶν θεμάτων χώρας ἀφικόμενος. До какой степени смутны представленія о томъ времени, доказываетъ латинскій переводъ этого мѣста. *Illinc vero per ceteras regiones sibi subiectas profectus.*

руководило Иракліемъ въ раздачѣ высшихъ титуловъ и должностей, но и недостатокъ въ людяхъ, такъ какъ большинство родовитыхъ и состоятельныхъ лицъ было или уничтожено, или ослаблено пытками, конфискаціями имущества, заточеніями и убійствами. Такъ, вокругъ трона мы видимъ родственниковъ Ираклія. Достоинство куропалата пожаловано брату его Θεодору, двоюродный братъ Никита былъ главной опорой царства. Только Прискъ, зять Фоки, остался въ милости при Иракліи изъ постороннихъ лицъ, да и то на короткое время. Съ особеннымъ вниманіемъ онъ озаботился устройствомъ судьбы своей семьи. Дочь свою Епифанію, рожденную отъ первой жены, онъ назначилъ „августой“, точно также вѣнчалъ на царство въ первые годы по воцареніи малолѣтняго сына своего Константина. Можетъ-быть, тѣмъ же мотивомъ укрѣпленія собственной династіи объясняется надѣлавшій большого шума бракъ его съ собственной племянницей Мариной, дочерью сестры Маріи. Царица Марина оказалась, однако, не на высотѣ положенія. Въ трудную минуту жизни Ираклія она далеко не поддержала его, какъ прежде Θεодора Юстиніана, а, напротивъ, по ея внушеніямъ Ираклій принялъ малодушное рѣшеніе перенести свою столицу въ Карѳагенъ въ 618 г., когда обстоятельства сложились въ Константинополѣ въ высшей степени неблагоприятно, и только настойчивость патріарха Сергія помѣшала исполненію этого рѣшенія.

При вступленіи Ираклія на престолъ политическое положеніе имперіи было отчаянное. Сѣверныя провинціи имперіи были наводнены славянами и аварами. Ираклій сразу оцѣнилъ здѣсь положеніе и принялъ рядъ мѣръ, имѣвшихъ капитальное значеніе для ближайшихъ столѣтій на Балканскомъ полуостровѣ. Онъ прежде всего понималъ, что имперіи не слѣдуетъ бесплодно тратить силъ на борьбу со славянской иммиграціей; отказавшись отъ областей, занятыхъ славянами, Ираклій нашелъ въ себѣ довольно государственной мудрости, чтобы оставить славянъ въ покоѣ до того времени, пока имперія не соберется съ силами и не сможетъ начать съ ними культурную и политическую борьбу.

Главное вниманіе обращено было на Востокъ, гдѣ подъ властью Хосроя II персидская имперія обнаружила громадное напряженіе и завоевательную силу, отнявъ у Византіи на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ Сирію, Палестину и Египетъ и нанеся христіанской имперіи

неимоверное нравственное поражение тѣмъ, что огнепоклонники овладѣли Животворящимъ Древомъ креста Христова. Въ періодъ отъ 622 по 628 годъ Ираклій въ нѣсколько походовъ на Востокъ достигъ такихъ успѣховъ, что персы отказались отъ своихъ завоеваній въ Египтѣ, Сиріи и Палестинѣ и получили такой ударъ, отъ котораго никогда не оправались. Среди преемниковъ Юстиніана Ираклій стоитъ выше всѣхъ.

Еще въ концѣ IV в., когда имперская армія была наводнена варварскими отрядами, и когда германо-готы угрожали заполнить самую столицу, начали подниматься голоса патріотовъ въ пользу націонализаціи войска. „Война для защиты государства—говорилъ въ своей рѣчи къ Аркадію епископъ Птолемаиды Синесій¹⁾—не можетъ съ успѣхомъ вестись иностранными войсками. Берите защитниковъ отечества съ собственныхъ полей и изъ подвластныхъ городовъ, ибо въ нихъ вы найдете настоящую охрану того государственнаго порядка и тѣхъ законовъ, въ которыхъ сами они родились и воспитались. Развѣ не усматривается крайней опасности въ томъ, что тѣ чуждые намъ военные люди, которымъ ввѣрена защита нашей страны, могутъ захотѣть наложить свою власть на безоружное населеніе? Постарайтесь же умножить собственные полки, вмѣстѣ съ этимъ поднимется и народный духъ, который съ успѣхомъ выдержитъ борьбу съ варварскимъ вторженіемъ“.

Перейти отъ системы найма иностранныхъ отрядовъ къ національному войску, однако, не удалось византійскому правительству ни въ V, ни въ VI вѣкѣ. При Юстиніанѣ, когда имперія развила до самыхъ крайнихъ предѣловъ свою военную силу, блестящія военныя дѣла выполнены были подъ предводительствомъ Велисарія, Нарсеса и другихъ полководцевъ не національнымъ войскомъ, а наемниками изъ разныхъ народовъ, вступавшихъ въ особый договоръ съ имперіей и носившихъ имя федератовъ. Почти у каждого предводителя юстиніановскаго времени была собственная дружина изъ нанятыхъ на службу иностранцевъ, которые, какъ личная свита, въ качествѣ оруженосцевъ, служила ядромъ войска. Послѣдній случай найма въ военную службу большого иноземнаго отряда относится къ царствованію Тиверія (578—582), составившаго особый корпусъ въ 15000 че-

¹⁾ Migne, „Patrologia graeca“, t. LXVI, col. 1050.

ловѣкъ, который былъ имъ порученъ Маврикію, комиту федератовъ, впослѣдствіи провозглашенному царемъ.

Сознаніе неудовлетворительности этой системы и громадная опасность для имперіи со стороны персовъ и славянъ побуждали правительство дѣлать попытки къ измѣненію военной системы. Разрѣшить этотъ вопросъ удалось, однако, не сразу. На томъ пути, по которому подготовлялась реформа военнаго дѣла, византійское правительство должно было считаться съ двумя обстоятельствами: съ недостаткомъ населенія въ особенности на границахъ, угрожаемыхъ непріятельскими вторженіями, и съ обиліемъ пустопорожныхъ незанятыхъ и необработанныхъ земель. Въ административномъ отношеніи центральному правительству предстояло отказаться отъ господствовавшей со времени реформъ Діоклетіана и Константина системы отдѣленія гражданской и военной власти и усилить свои органы въ провинціи соединеніемъ въ одномъ лицѣ военной команды надъ мѣстными военными людьми и гражданской власти надъ населеніемъ опредѣленной территоріи. Въ этомъ отношеніи весьма любопытно прослѣдить подготовительныя мѣропріятія къ новой системѣ, отмѣченныя еще до времени Ираклія.

Признаки новыхъ взглядовъ обнаруживаются частью въ единичныхъ попыткахъ Юстиніана I реформировать военное дѣло. Къ подобному заключенію приводитъ разсмотрѣніе его мѣропріятій по организаціи провинціи Арменіи, о которыхъ ¹⁾ сообщаютъ историки Малала, Теофанъ и Кедринъ. Сравнивая между собой три версіи названныхъ писателей на счетъ распоряженій Юстиніана въ Арменіи, мы можемъ себѣ представлять дѣло въ слѣдующемъ видѣ.

Въ провинціи Арменіи, которая имѣла особенную важность ради сосѣдства съ Персіей, Юстиніанъ сосредоточилъ военную власть въ одномъ лицѣ съ титуломъ стратилата. Но какъ осѣдлаго населенія въ провинціи, которое участвовало бы въ несеніи военной службы, было мало, ибо армяне „отличались бродяжничествомъ и непостоянствомъ“ ²⁾, то составъ военныхъ частей усиленъ былъ четырьмя полками, вызванными изъ Анатолика. Самымъ существеннымъ, однако, нужно признать тѣ мѣры, которыми предусматривалось привлеченіе къ военной службѣ мѣстныхъ элементовъ, важность которыхъ опре-

1) Malalas, 429, 16; Theoph., 175, 7; Cedreni, 1, 643, 20.

2) τὸ Ἰρμενίων ἄστατον καὶ πολυπλανές, ap. Zachariae a Lingenthal, Ius III, 290.

дѣлялась знаніемъ путей сообщенія въ Арменіи. Въ военную службу или въ военные списки занесены были, кромѣ того, гражданскіе чиновники области. Какъ ни сухо извѣстіе о военной организаціи Арменіи, изъ него можно вывести слѣдующія заключенія: Юстиніаномъ, или, можетъ-быть, его преемниками сдѣлана попытка сосредоточенія военной власти въ однѣхъ рукахъ, туземное населеніе привлекалось къ отбыванію воинской повинности, гражданская власть частью становилась въ подчиненіе военной, частью отдѣльные гражданскіе чины переименовывались въ военные. Та же цѣль усиленія провинціальной власти на случай исключительныхъ обстоятельствъ диктовала византійскому правительству другое мѣропріятіе, которымъ необычно усиливалась гражданская власть возложеніемъ на нее военныхъ полномочій. Эта мѣра проведена была въ Египтѣ усиленіемъ власти губернатора Александріи съ титуломъ августалія, которому предоставлена была военная власть „ради многочисленности населенія Александріи“ съ подчиненіемъ ему всѣхъ военныхъ силъ какъ въ городѣ Александріи, такъ и въ двухъ Египтахъ ¹⁾).

Въ самомъ концѣ VI в., именно при Маврикіи (582—602), отмѣченная тенденція въ отступленіе отъ римской системы распространяется въ иномъ направленіи съ большей послѣдовательностью, чѣмъ въ юстиніановскую эпоху. Именно въ двухъ провинціяхъ, отдаленныхъ отъ центра и поставленныхъ въ исключительное положеніе вслѣдствіе того, что населеніе этихъ провинцій было совершенно чуждо византійской культурѣ, организованы были намѣстничества съ наименованіемъ экзархатовъ. Такая административная реформа была произведена въ Италіи и Африкѣ. По случаю вторженія въ Италію лангобардовъ отъ имперіи отошли почти двѣ трети итальянской территоріи, и оставшіеся по большимъ городамъ гарнизоны едва могли держаться подъ защитой стѣнъ. Чтобы усилить и централизовать военную власть въ Италіи, созданъ былъ экзархатъ со столицей въ Равеннѣ въ замѣну прежняго *magister militum*. По такимъ же побужденіямъ и почти въ то же время образованъ экзархатъ въ Африкѣ съ центральнымъ управленіемъ въ Карѳагенѣ.

Военныя средства, какими располагалъ Ираклій въ 610 г. при походѣ своемъ въ Константинополь, достаточно объясняютъ, въ ка-

¹⁾ Edict. XIII, c. 1.

кой степени самостоятельна и независима была власть экзарха ¹⁾). Нельзя не признать, что въ учрежденіи экзархата сказалась большая практичность и административная опытность правительства, которое сумѣло поставить въ надлежащія границы гражданскую и военную власть въ экзархатѣ, предоставивъ рѣшающую роль военной власти, но не лишивъ надлежащей компетенціи и гражданскіе чины. Въ организаціи экзархата важно отмѣтить прекрасный опытъ создать самостоятельную и самодовлѣющую административную единицу, въ которой всѣ части находятся въ соподчиненіи, и которая исполняетъ военныя и гражданскія функціи на счетъ матеріальныхъ средствъ, извлекаемыхъ въ данной провинціи.—Прежде чѣмъ переходить съ указанными наблюденіями ко времени Ираклія, напомнимъ, что первоначальная роль Фоки въ военномъ лагерѣ на Дунаѣ имѣла цѣлью, повидимому, также образованіе экзархата, если только у Теофана ²⁾, говорящаго объ избраніи его войскомъ въ экзархи, не допущено ошибки.

Когда Ираклій въ 622 г. предпринялъ походъ въ Персію, онъ остановился на довольно продолжительное время въ областяхъ, получившихъ уже еемное устройство, и производилъ здѣсь обученіе новобранцевъ новой системѣ военного искусства. Здѣсь въ первый разъ мы встрѣчаемъ терминъ „еема“ съ совершенно особымъ техническимъ значеніемъ примѣнительно къ гражданской и военной администраціи византійскаго государства. Думаютъ, что еемное устройство начатками своими обязано реформамъ Юстиніана, и что въ организаціи экзархатовъ можно находить нѣкоторые элементы того же еемнаго строя, хотя едва ли можно отстоять это мнѣніе во всѣхъ подробностяхъ. Положительныхъ свидѣтельствъ писателей по отношенію къ еемному устройству, столь характерному для Византіи, къ сожалѣнію, не сохранилось. Когда императоръ Константинъ Порфирородный (911—947) сталъ собирать въ архивахъ имперіи свѣдѣнія по вопросу о еемномъ устройствѣ, онъ нашелъ весьма мало точнаго и достовѣрнаго и поэтому ограничился обозначеніемъ современнаго ему административнаго дѣленія имперіи на еемы. До какой степени недосточны были найденныя Константиномъ свѣдѣнія, видно изъ той неувѣренности и крайней осторожности, съ которой онъ предпо-

¹⁾ Лучшее объ экзархатѣ у Diehl, „Études sur l'administration byzant. dans l'exarchat de Ravenne“ (568—751).

²⁾ Theoph., 287, 7.

жительно возводить это учрежденіе къ имени Ираклія. Такъ, о ѳемѣ Арменіакъ онъ выражается слѣдующимъ образомъ ¹⁾: „кажется, можно думать, что она получила таковое наименованіе при царѣ Иракліи и въ ближайшее за нимъ время“. Точно также въ предисловіи къ сочиненію о ѳемахъ онъ съ большей увѣренностью сводитъ на время Ираклія и его преемниковъ новую систему ѳемнаго устройства ²⁾.

Хотя вопросъ о ѳемахъ съ точки зрѣнія ихъ происхожденія въ самое послѣднее время былъ тщательно изучаема профессорами Дилемъ и Гельцеромъ ³⁾, но въ немъ остается еще достаточно невыясненныхъ сторонъ. Исслѣдователи византійскаго ѳемнаго устройства исходили изъ той мысли, что подъ ѳемой разумѣется военный отрядъ—дивизія или корпусъ, расквартированный на извѣстной территоріи и состоящій въ опредѣленной военной организаціи и соподчиненіи частей подъ командой военачальника съ званіемъ стратига. Между тѣмъ, при болѣе внимательномъ изученіи источниковъ, нельзя не приходиться къ заключенію, что хотя ѳема обозначаетъ въ тѣсномъ смыслѣ корпусъ или дивизію, но, съ другой стороны, этотъ терминъ никогда не утрачивалъ своего первоначальнаго болѣе широкаго смысла. Первоначальный смыслъ ѳемы обозначаетъ гражданскій административный округъ, въ который входятъ жители городовъ и деревень, управляемые гражданскими чиновниками и отбывающіе разнообразныя государственныя повинности, въ числѣ коихъ и военноподатную. Отношеніе ѳемы какъ военнаго термина къ ѳемѣ—административному округу съ его административной, судебной и финансовой системой—оставалось мало затронутымъ, почему и само изслѣдованіе ѳемнаго устройства теряло значительную долю своего общеисторическаго интереса. Въ смыслѣ учрежденія, возникшаго въ VII в. и развившагося при Исаврахъ, ѳемное устройство обозначаетъ особенную организацію гражданскаго населенія провинціи, приспособленную спеціально для отбыванія военной повинности. Такимъ образомъ, раскрыть исторію ѳемнаго устройства значитъ выяснить мѣры правительства по отношенію къ землевладѣнію и къ земельному устройству крестьянскаго населенія, такъ какъ военнопод-

¹⁾ „De Thematibus“, I, p. 18.

²⁾ Ibid., p. 12.

³⁾ Diehl, „L'origine du régime des Thèmes“ („Extrait des Études d'hist. dédiées à Monod“); Gelzer, „Die Genesis der Byzantin. Themenverf.“, Leipzig, 1899.

датная система, въ концѣ концовъ, основывалась на организациі военноподатныхъ земельныхъ участковъ ¹⁾).

Не входя здѣсь въ изложеніе подробностей, ограничимся анализомъ одного мѣста Константина Порфиророднаго ²⁾, которое вводитъ въ самое существо еемнаго устройства. „Протоспаварій Θεодоръ Панкрати беретъ подрядъ на вербовать въ анатолійской еемѣ въ селеніи Платаніаты и въ ближайшихъ деревняхъ 500 ратниковъ, способныхъ къ стрѣльбѣ и годныхъ къ конной службѣ. Если ратники окажутся владѣющими полнымъ земельнымъ надѣломъ, то обязываются на собственный счетъ сдѣлать кавалерійское снаряженіе; если же надѣлъ ихъ недостаточенъ, то они имѣютъ право на получение коней съ казенныхъ конскихъ подставъ или взять ихъ съ одиночекъ—соплательщиковъ анатолійской еемы“.—Это мѣсто, въ которомъ есть нѣсколько техническихъ выраженій, вскрываетъ явленіе, до сихъ поръ остававшееся незамѣченнымъ, что существо еемнаго устройства заключается не въ военныхъ отрядахъ, имѣвшихъ расположеніе по городамъ и селеніямъ, а въ самомъ характерѣ экономическаго и земельного устройства сельскаго населенія. Итакъ, названному выше протоспаварію предстояло произвести имущественную перепись въ опредѣленной мѣстности и сдѣлать военный наборъ въ 500 ратниковъ. Если бы оказалось, что по своему имущественному положенію селеніе Платаніаты не въ состояніи выставить требуемое число новобранцевъ, то слѣдовало подвергнуть переписи другія селенія. Далѣе, такъ какъ предстояла задача нѣкоторыхъ ратниковъ зачислить въ пѣхотные, другихъ въ кавалерійскіе полки, то здѣсь возникали нѣкоторыя спеціальныя условія, съ которыми нужно было сообразоваться. Служба въ пѣхотѣ была дешевле; слѣдовательно, для пѣхотинца требовалось болѣе скромное имущественное положеніе; служба же въ кавалеріи была дороже, и потому въ кавалерію назначался тотъ, у кого земельный надѣлъ былъ больше.

Такимъ образомъ, если новобранецъ имѣлъ полный надѣлъ, соотвѣтственный конной службѣ, то былъ обязанъ на собственный счетъ приготовить кавалерійское снаряженіе; въ противномъ случаѣ

¹⁾ Этому вопросу посвящено нами изслѣдованіе въ „Извѣстіяхъ Русскаго Археологическаго Института“, т. VI: „Военное устройство Визант. имперіи“. Ниже о еемахъ будетъ особая глава.

²⁾ „De Cerim.“, 657—8.

конь выдавался ему съ конской казенной подставы или съ одиночекъ-соплательщиковъ, подъ которыми слѣдуетъ разумѣть одиночекъ по семейному положенію, отбывающихъ военную повинность по системѣ складчины—одинъ ратникъ съ нѣсколькихъ крестьянъ.

Главная заслуга византійскаго правительства заключалась въ томъ, что при введеніи еемной организаціи оно поставило военную службу въ зависимость отъ землевладѣнія, чѣмъ и обусловливались устойчивость и живучесть еемнаго устройства. Служба положена съ земли, и обыватель служилъ въ такомъ отдѣлѣ войска, какому соотвѣтствовалъ земельный участокъ, находившійся въ его пользованіи. Соотвѣтственно тому были участки для пѣхотной службы, для кавалерійской и морской. Таковы основныя черты еемнаго устройства, которое своими начатками относится ко времени Ираклія.

Судить о томъ, въ какой мѣстности прежде всего примѣнено было еемное устройство, мы лишены возможности. Несомнѣнно одно, что въ 622 г., при выступленіи въ первый персидскій походъ, Ираклій отъ Никомидіи направился въ области съ еемнымъ устройствомъ и здѣсь производилъ обученіе новобранцевъ. Впослѣдствіи здѣсь была еема Опсикій, служившая охраной столицы и прилегающихъ мѣстностей, и потому можно бы съ нѣкоторымъ основаніемъ первыя распоряженія по отношенію къ еемной организаціи приписывать ближайшей къ столицѣ области на азіатской сторонѣ. Но впослѣдствіи, при ближайшихъ преемникахъ Ираклія, особенное значеніе пріобрѣла еема Анатолика. Объ организаціи и происхожденіи этой еемы сохранились притомъ болѣе пространныя свѣдѣнія. Уже при Маврикіи здѣсь находимъ первыя мѣропріятія къ усиленію военной власти. Стратигу Анатолики, въ каковомъ званіи видимъ Филиппика, женатаго на сестрѣ Маврикія Гордіи, подчинены были провинціи Азія и Лидія и части Каріи, Фригіи, Ликаоніи, Писидіи, Каппадокіи и Исавріи. Это была самая главная еема, и ея стратигъ въ чинѣ патрикія занималъ одно изъ высшихъ мѣстъ по табели о рангахъ. Подчиненный ему военный корпусъ, по приблизительному расчету въ 10 тысячъ человекъ, часто игралъ роль въ политическихъ судьбахъ Константинополя.—Другая еема, образовавшаяся также еще до Ираклія, это еема Арменіакъ. Военная организація этихъ еемъ постепенно выросла въ VII в. подъ давленіемъ обстоятельствъ, такъ какъ Анатолика и Арменіакъ находились на постоянномъ военномъ

положеніи вслѣдствіе возрастанія могущества арабовъ и набѣговъ ихъ на Византію. Что касается европейскихъ провинцій, здѣсь прежде всего организовалась въ ѡему Тракія, въ которую вошли діоклетіановскія провинціи: Европа, Родопъ, Тракія, Эмимонтъ, Скиѡія и Мизія. Хотя при Иракліи на Балканскомъ полуостровѣ произошли большія перемѣны вслѣдствіе ослабленія аваровъ и установленія мирныхъ отношеній со славянами, которымъ были уступлены на извѣстныхъ условіяхъ занятая ими области, тѣмъ не менѣе, стратигъ ѡемы Тракіи съ подчиненными ему военными силами имѣлъ громадное значеніе, потому что на мѣсто аваровъ въ VII в. начинаетъ расти на Балканскомъ полуостровѣ сила и вліяніе болгарскаго хана. При полномъ развитіи ѡемнаго устройства въ имперіи насчитывалось 26 военныхъ округовъ съ одинаковымъ устройствомъ.

глава II.

ЗАВЕРШЕНІЕ СЛАВЯНСКОЙ ИММИГРАЦІИ. ЛЕГЕНДА О ПОСЕЛЕНІЯХЪ ХОРВАТОВЪ- СЕРБОВЪ. СЯМО. ОБЩАЯ СХЕМА ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ СЛАВЯНЪ.

Какъ мы видѣли въ одной изъ предыдущихъ главъ, къ царствованію Ираклія слѣдуетъ относить завершеніе иммиграціи славянъ въ имперію, окончательное утвержденіе ихъ на Балканскомъ полуостровѣ и первоначальныя формы политической и гражданской организаціи ихъ какъ въ предѣлахъ Византійской имперіи, такъ и въ ближайшемъ съ ней сосѣдствѣ. Самымъ выразительнымъ свидѣтельствомъ къ характеристикѣ политическаго положенія дѣлъ въ первой половинѣ VII в. служитъ извѣстіе Исидора Севильскаго отъ 615 г.: „славяне отняли у римлянъ Грецію, а персы Сирію, Египетъ и многія другія области“. Въ частности, что касается Балканскаго полуострова, здѣсь совершился рядъ событій первостепенной важности, которыми на долгое время обусловленъ былъ ходъ славянской исторіи, и которыя имѣютъ на столько важное значеніе для исторіи Византіи, что необходимо требуютъ себѣ виднаго мѣста въ изложеніи событій описываемой эпохи.

Оцѣнивая главные источники для первоначальной исторіи славянъ, слѣдуетъ приходить къ выводу, что извѣстія Прокопія, Маврикія и автора сказаній о чудесахъ св. Димитрія не могутъ относиться къ одному и тому же племени, т.-е. что анты и славяне древнихъ источниковъ имѣли между собой существенное различіе не только по мѣсту жительства, но и по чертамъ быта. Весьма вѣроятно, что

черты славянъ въ описаніи Маврикія, указывающія на привычку жить въ лѣсахъ и болотахъ, относятся къ тѣмъ славянамъ, которые жили на сѣверо-востокѣ; къ нимъ же слѣдуетъ отнести и сентиментальное описаніе трехъ гусяровъ, приведенныхъ въ станъ Маврикія, и того народа, изъ котораго они происходили. Здѣсь, конечно, мы имѣемъ передъ собой отголоски легенды и слѣды преданій, принесенныхъ въ Константинополь служилыми людьми славянскаго происхожденія, поступившими на службу или къ византійскимъ военнымъ людямъ, или къ правительству въ качествѣ наемной дружины или федератовъ. Это рассказы объ отдаленныхъ славянахъ, съ которыми Византія едва ли приходила въ непосредственныя сношенія. Независимо отъ подобныхъ легендъ, которыя потомъ найдутъ себѣ мѣсто въ сочиненіи Константина Порфиророднаго, византійская исторіографія сохранила свѣдѣнія, хотя и не такъ подробныя и проверенныя критикой, какъ бы то было желательно въ настоящее время, но достаточно реальныя и относящіяся именно къ тѣмъ славянскимъ племенамъ, съ которыми византійскому правительству чаще всего приходилось имѣть дѣло на Балканскомъ полуостровѣ. Наиболѣе удовлетворительными остаются наши свѣдѣнія о тѣхъ племенахъ, которыя образовали болгарскій народъ. Постановленный и географическими, и историческими условіями въ такое положеніе, которое влекло его къ югу и сѣверо-востоку, болгарскій народъ естественно подчинился культурному вліянію Византіи и съ помощью завоевателя-наго тюркскаго элемента развилъ въ себѣ тѣ начала, какихъ не доставало славянамъ: военное сословіе, центральную власть хана и національную церковь.

Выше (стр. 614 и слѣд.) мы привели сказаніе о Куверѣ, которому слѣдуетъ приписывать большое значеніе. Но кто былъ Куверъ и въ какихъ событіяхъ принималъ онъ участіе? — Такъ какъ въ сказаніи подразумѣвается первый ударъ, нанесенный аварскому могуществу славянами, то безъ колебанія можно признать, что здѣсь идетъ рѣчь о времени Ираклія и ближайшимъ образомъ о событіяхъ, послѣдовавшихъ за осадой Константинополя въ 626 году. Затѣмъ, хотя авторъ имѣетъ смутное представленіе о послѣдовательности событій и о центрѣ, изъ котораго исходило анти-аварское движеніе, тѣмъ не менѣе, онъ стоитъ на почвѣ вполнѣ реальныхъ отношеній, которыя выясняются изъ другихъ источниковъ.

Въ исторіи патріарха Никифора (IX в.) находимъ слѣдующее извѣстіе о тѣхъ же событіяхъ: „въ то же время поднялъ возстаніе противъ аварскаго кагана Кувратъ, двоюродный братъ Орхана, властителя уногундуровъ, и, стѣснивъ его народъ, изгналъ изъ своей страны. Онъ послалъ посольство къ Ираклію и заключилъ съ нимъ миръ, который соблюдается былъ съ той и другой стороны до конца ихъ жизни. Императоръ послалъ ему дары и почтилъ достоинствомъ патрикія“¹⁾).

Отмѣтимъ здѣсь три факта: 1) Кувратъ поднялъ возстаніе противъ кагана; 2) былъ въ союзѣ съ Иракліемъ; 3) получилъ отъ имперіи достоинство патрикія. Что касается страннаго термина уногундуры, то нѣсколько ниже у того же автора находимъ объясненіе, что здѣсь разумѣются болгаре²⁾. Слѣдуетъ думать, что Куверъ сказаній о чудесахъ св. Димитрія и Кувратъ или Ковратъ патріарха Никифора есть одно и то же лицо, потому что роль, имъ приписываемая, вполне совпадаетъ и по существу дѣла, и въ хронологическомъ отношеніи. Нѣкоторый свѣтъ на тѣ же отношенія и на то же лицо бросаетъ новый памятникъ, именно хроника Іоанна, епископа Никіу (въ нижнемъ Египтѣ), жившаго въ VII в. и пользовавшагося такъ же, какъ и авторъ занимающаго насъ сказанія, утраченными для насъ матеріалами³⁾. Говоря о событіяхъ, послѣдовавшихъ за смертью Ираклія, именно о внутреннихъ смутахъ, вызванныхъ вопросомъ о престолонаслѣдіи, епископъ Іоаннъ вводитъ въ изложеніе этихъ событий и Куврата, такъ какъ было мнѣніе, что этотъ послѣдній поддерживалъ партію вдовы Ираклія. „Кувратъ, князь гунновъ и племянникъ Орхана, въ юности былъ крещенъ и воспитанъ въ Константинополѣ въ нѣдрахъ христіанства и выросъ въ царскомъ дворцѣ. Онъ былъ соединенъ тѣсной дружбой съ Иракліемъ I и послѣ его смерти, какъ осыпанный его милостями, оказывалъ признательную преданность его дѣтямъ и его супругѣ Мартинѣ. Въ силу святого и животворящаго крещенія, имъ полученнаго, онъ побѣждалъ всѣхъ варваровъ и язычниковъ. Говорили, что онъ поддерживалъ права дѣтей Ираклія

1) Nicephori arch. Const. Opuscula hist. ed. De Boor, p. 24, 10: ἐπανέστη Κούβρατος ὁ ἀνεψιὸς Ὀρχανῆ ὁ τῶν Οὐνογουνδοῦρων χόριος τῷ τῶν Ἀβάρων χαγάνῳ . . .

2) Ibid., p. 33, при чемъ названъ Κούβρατος въ достоинствѣ хана.

3) „Chronique de Jean évêque de Nikiou, texte éthiopien“, trad. par Zotenberg. Paris, 1883.

и былъ противъ Константина. Вслѣдствіе этихъ слуховъ византійское войско и народъ подняли возстаніе“¹⁾).

Не приписывая особеннаго значенія мѣсту у писателя Теофана, гдѣ поминается это имя²⁾, такъ какъ здѣсь источникомъ служилъ патріархъ Никифоръ, мы должны придти къ заключенію, что сообщаемыя анонимнымъ писателемъ о чудесахъ св. Димитрія свѣдѣнія отличаются большей подробностью и именно въ такихъ существенныхъ сторонахъ дѣятельности Кувера, которыя не затронуты ни у греческаго, ни у эіопскаго историка, хотя, съ другой стороны, у этихъ послѣднихъ есть факты, оставшіеся неизвѣстными или почему-либо спутанными у перваго.

Въ смыслѣ характеристики дѣятельности Кувера въ нашемъ сказаніи есть достаточно яркій матеріалъ, но, какъ сказано выше, лишенный хронологической почвы и систематичности. Авторъ нѣсколько разъ указываетъ на то, что князья окружавшихъ Солунь славянскихъ племень приняли греческую культуру, усвоили себѣ греческую одежду и языкъ: таковъ былъ князь ринхиновъ Первундъ³⁾, таковъ Мавръ, лицо, приближенное къ Куверу и обладавшее знаніемъ какъ греческаго, такъ славянскаго и болгарскаго языковъ⁴⁾, но не сообщаетъ ничего подобнаго о Куверѣ, хотя этотъ послѣдній еще больше былъ проникнутъ греческимъ образованіемъ, чѣмъ первые. Есть лишь одна сторона, на которой сближается нашъ авторъ съ епископомъ Іоанномъ изъ Никіу, именно оба они одинаково объясняютъ успѣхи Кувера въ борьбѣ съ сосѣдями тѣмъ, что въ пользу ихъ были христіанская вѣра и святое крещеніе.

Переходимъ снова къ сказанію о чудесахъ. Наиболѣе оригинальнымъ и совсѣмъ незатронутымъ другими источниками извѣстіемъ слѣдуетъ признать то, что послѣ одержанныхъ надъ аварами побѣдъ Куверъ со своимъ народомъ перешелъ Дунай и завладѣлъ Керамисевымъ станомъ въ греческой странѣ, откуда началъ угрожать разнымъ городамъ имперіи, между прочимъ Солуни и царственному городу Константинополю. Какъ объяснить этотъ любопытный фактъ?—

1) Ibid., p. 400: „Koubratos chef des Huns, neveu d'Organâ“.

2) Theophanes, ed. De Boor, p. 357 12: Κροβάτου τοῦ κυροῦ τῆς λεχθείσης Βουλγαρίας τὸν βίον μεταλλάξαντες.

3) „Acta SS.“, § 185; Tougard, § 70.

4) „Acta SS.“, § 198; Tougard, § 113.

И прежде всего что разумѣть подъ топографическимъ терминомъ: Керамисіевъ лагерь?

Прежде всего нельзя не отмѣтить то наблюдение, что у писателя неодинаково пишется этотъ терминъ, что даетъ основаніе предполагать, что онъ и для самого писателя былъ не столь обычнымъ, т.-е. что это не греческій, а иностранный и, можетъ-быть, болгарскій терминъ. Что мѣсто военного расположенія, стоянка или лагерь древнихъ болгаръ, имѣло названіе *κάμπος* на официальномъ языкѣ, это прекрасно засвидѣтельствовано надписью Омортага ¹⁾, гдѣ такъ названо расположеніе болгарскаго стана въ Плискѣ со столицей хана и его дворомъ: *εἰς τῆς Πλοχᾶς τὸν κάμπου μένοντα*. Какъ до сихъ поръ не можетъ быть разъяснено, какому языку принадлежитъ слово *Πλοχα* или Плиска, такъ и по отношенію къ термину *Κεραμήσιος* намъ не слѣдуетъ крѣпко держаться за латинскій и греческій языкъ, для котораго терминъ вполнѣ чуждъ. Предположеніе, что выраженіе „Керамисіевъ станъ“ должно быть объясняемо не изъ греческаго языка, можетъ находить себѣ нѣкоторое подтвержденіе и въ томъ, что керамисіанами нашъ авторъ называетъ спутниковъ Кувера, поселенныхъ въ захваченномъ имъ мѣстѣ по переходѣ черезъ Дунай, и что этотъ терминъ иногда употребляется въ связи со славянами. Нельзя также не привести здѣсь себѣ на память имя болгарскаго хана Кормесій, жившаго въ началѣ VIII в. ²⁾. Признаемся, мы даемъ лишь соображенія и дѣлаемъ догадки къ объясненію довольно необычнаго термина. Въ дальнѣйшихъ выводахъ мы склоняемся къ тому заключенію, что Куверъ поселился со своими спутниками по близости отъ Дуная и имѣлъ цѣлью своихъ замысловъ восточную Болгарію, какъ это весьма опредѣленно указано и въ легендѣ. Теперь, что касается того пункта, который первоначально захватили болгаре, то здѣсь, не рискуя дѣлать новыя топографическія разслѣдованія, мы можемъ идти по слѣдамъ изучившихъ древнюю исторію болгаръ по переселеніи ихъ за Дунай. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ указать на такъ называемый Аспаруховъ Уголь, Переяславецъ на Дунаѣ и Николицельское укрѣпленіе.

¹⁾ „Извѣстія Русскаго Археологическаго Института“, т. X, стр. 545.

²⁾ Theophan., 433; 497, 19. Слѣдуетъ принять въ соображеніе и разночтеніе: *Κομέρσιος*, *Cormesus*. За указаніе развалинъ этого имени приносимъ благодарность г. К. Шкорпилю.

Вышеизложенными данными не ограничиваются свѣдѣнія о Куверѣ, находимыя у нашего автора. Такъ какъ онъ пользовался утраченными въ настоящее время источниками, то нельзя не придавать большаго значенія и дальнѣйшимъ его извѣстіямъ.

Основная мысль его состоитъ въ томъ, что поселенцы Керамисіева стана стали посягать на Солунь, Константинополь и города Оракіи, и что исполнителемъ этихъ замысловъ они избрали именно Кувера, назначивъ его своимъ княземъ и каганомъ.—Въ дальнѣйшемъ излагаются сношенія Кувера съ императоромъ, имѣвшія результатомъ два важныя для болгаръ условія: а) разрѣшеніе оставаться въ занятой землѣ и б) право собирать дань съ дреговичей.

Все это весьма правдоподобно и не встрѣчаетъ никакихъ опроверженій въ вышеуказанныхъ другихъ памятникахъ, согласно которымъ Куверъ находился въ весьма дружественныхъ отношеніяхъ съ Иракліемъ и получилъ отъ него санъ патрикія. Нашъ авторъ дополняетъ лишь свѣдѣнія о Куверѣ указаніемъ на самый капитальный фактъ, изъ котораго выросло могущество болгаръ, именно на постепенное поработеніе славянскихъ племенъ, раньше здѣсь поселившихся. Гдѣ собственно сидѣли дреговичи, этого нельзя опредѣлить изъ словъ нашего памятника, ибо выраженіе „не такъ далеко“ еще не можетъ быть доказательнымъ. Но нельзя не придавать цѣны тому сообщенію, что болгаре, ходя за данью къ славянамъ, спрашивали ихъ о Солуни и узнали, что она находится не такъ далеко, и многіе изъ лицъ ромэйскаго происхожденія начали переходить съ женами и дѣтьми въ Солунь, а отсюда епархомъ города препровождаемы были въ Константинополь.—Здѣсь снова авторъ обращается къ Куверу, которому не могли нравиться перелеты изъ его лагеря въ Солунь, и который принялъ вмѣстѣ со своими совѣтниками слѣдующее коварное рѣшеніе. „Оказалось важнымъ подыскать среди приближенныхъ къ Куверу архонтовъ такого, который, отличаясь и въ прочемъ превосходствомъ и искусствомъ, имѣлъ бы знаніе ромэйскаго, славянскаго и болгарскаго языка и изощренъ былъ во всякой демонической хитрости. Онъ долженъ притвориться повстанцемъ и подобно прочимъ искать прибѣжища въ богоспасаемомъ городѣ, притворно выдавъ себя за вѣрнаго слугу нашего царя, и ввести съ собой къ намъ много своихъ приверженцевъ и затѣмъ взять городъ, возбудивъ въ немъ внутреннюю войну. Все это пред-

полагалось сдѣлать съ той цѣлью, чтобы облегчить для названнаго Кувера способъ завладѣть городомъ вмѣстѣ со своими приближенными и прочими архонтами и, утвердившись въ немъ, вооружиться противъ окрестныхъ племенъ, подчинить ихъ своей власти, идти войной на острова и на Азію и на самого царя“.

Указанная писателемъ махинація, такъ хорошо придуманная, была возложена къ исполненію на нѣкоего Мавра, который въ точности исполнилъ все порученіе и обманулъ довѣріе какъ архонтовъ города, такъ и самого императора. Послѣдній пожаловалъ ему почетное званіе ипата и назначилъ стратигомъ всѣхъ тѣхъ пришлыхъ людей, которые убѣжали изъ стана Кувера ¹⁾.

Такимъ образомъ, съ передачей части военной власти наиболѣе опасному для спокойствія города лицу, которое было притомъ орудіемъ Кувера, для осуществленія плана болгаръ открылась полная возможность. Вновь назначенный стратигъ избралъ изъ своихъ единомышленниковъ кентарховъ, пентиконтарховъ и декарховъ ²⁾, и его оплиты держали въ городѣ стражу днемъ и ночью, получая содержаніе отъ казны. Предполагалось воспользоваться великимъ днемъ страстной субботы, когда все населеніе будетъ въ церквахъ, чтобы поджечь городъ и, пользуясь наступившей смутой, захватить его.— Прибытіе греческаго флота къ городу разстроило замыслы предводителя болгаръ, и самъ Мавръ впалъ въ тяжкую болѣзнь.

Наконецъ, вслѣдствіе приказанія императора Сисинній посадилъ на корабли часть упоминаемыхъ керамисіанцевъ, а самъ Мавръ съ перебѣжчиками представился императору и былъ назначенъ имъ княземъ ³⁾.

Въ приведенномъ сказаніи о Куверѣ есть еще одна черта, вскрывающая обычный приѣмъ Византіи по отношенію какъ къ славянамъ, такъ и къ другимъ варварамъ. Какая цѣль была прибытія Сисиннія съ флотомъ? По всему видно, что прибытіе морскихъ судовъ въ

1) Мѣсто имѣетъ значеніе съ точки зрѣнія византійскихъ древностей и представляетъ собой доказательства тому, что у автора были подъ руками официальные акты: ὁ πάντων εὐεργέτης—λόγον ἔγγραφον στέλλει τούτοις πρὸς τιμὴν πέμψας ὠρατίονα ὑπάτου τῷ αὐτῷ Μαύρῳ καὶ βάντον φιλοτιμίας χάριν, κελεύσας πάντας τοὺς ἐκ τῶν τοῦ λεχθέντος Κούβερ Κερμησιάνους ἀποφύγους ὑπ' αὐτὸν τὸν Μαῦρον γενέσθαι... καὶ αὐτὸς τούτων ὁ στρατηγὸς ὑπῆρχεν.

2) Начальники надъ 100, 50 и 10.

3) Tougaard, § 121: ὁ αὐτὸς Μαῦρος σὺν τῶν μετ' αὐτοῦ ἀποφύγων τὰ τοῦ θεοστέπτου βασιλέως κατέλαβεν ἴχνη, ἐκεῖσε δεχθεὶς καὶ ἄρχων χρηματίσας.

Солунь не стояло въ связи съ замыслами Кувера и Мавра, а имѣло другое значеніе. Флотъ имѣлъ цѣлью содѣйствовать переходу болгаръ и славянъ изъ Керамисіева стана въ Солунь, а отсюда въ Константинополь. И когда выяснилось число охотниковъ, желавшихъ перейти къ византіяцамъ изъ Константинополя, то были отправлены транспортныя суда въ Солунь съ цѣлью посадить на нихъ славянъ. Изъ дальнѣйшаго видимъ, что правительство назначило имъ своего князя и предоставило имъ земли для поселенія. Такимъ образомъ, мы должны принять, что въ Солуни происходила систематическая вербовка охотниковъ колонизовать свободныя земли. Органами и посредниками въ сношеніяхъ между правительствомъ и варварами были принявшіе греческую культуру старшины, изъ которыхъ назначались и устроители колоній. Ниже мы будемъ имѣть случай видѣть, что преемники Ираклія въ обширныхъ размѣрахъ примѣняли намѣченный здѣсь способъ поработать варваровъ и пользоваться ими какъ для заселенія свободныхъ земель, такъ и для усиленія военныхъ силъ государства. Рядомъ съ развитіемъ оемнаго устройства усиленно шла колонизація европейскихъ и азіатскихъ областей новыми народами.

Доселѣ мы обращали вниманіе исключительно на сѣверо-востокъ и югъ Балканскаго полуострова. До времени Ираклія въ область наблюденія тогдашней лѣтописи вступаютъ лишь тѣ славянскія племена, которыхъ поселенія и воинственные набѣги простираются на западъ по Дунаю до впаденія въ него Тиссы. Сингидунъ, нынѣ Бѣлградъ, есть крайній предѣлъ распространенія свѣдѣній о славянахъ въ доступныхъ намъ источникахъ. Фракія и Македонія, Эссалия и Греція и нѣкоторые острова стали доступны славянской иммиграціи. Подразумѣваемая часть славянъ въ культурномъ отношеніи стала въ тѣсную зависимость отъ Византіи и съ большей или меньшей готовностью въ лицѣ своихъ племенныхъ старшинъ начала служить политическимъ интересамъ византійскаго государства. Элементы образованія государственности и общественная организація исходили, однако, не отъ Византіи, но отъ тюркскаго племени, пришедшаго изъ-за Дуная и подчинившаго себѣ часть славянъ, занимавшихъ сѣверо-восточную половину Балканскаго полуострова.

Что касается западной части полуострова, то происходившее здѣсь передвиженіе народностей остается въ высшей степени малоизвѣст-

нымъ. Вообще о славянахъ за предѣлами сферы вліянія Византіи или почти нѣтъ извѣстій, или передаются легенды и сентиментальныя повѣствованія, не имѣющія историческаго значенія. Самымъ живымъ фактомъ по отношенію къ западной части полуострова нужно признать вырвавшійся у знаменитаго папы Григорія Великаго вопль въ письмѣ къ епископу Салоны. Максиму отъ 600 года. „Славянскій народъ смущаетъ меня и огорчаетъ: огорчаюсь, ибо соболѣзную вамъ, смущаюсь, ибо славяне изъ Иллиріи стали уже проникать въ Италію ¹⁾, но не совѣтую вамъ впадать въ отчаяніе, ибо тѣмъ, кто будетъ жить послѣ насъ, суждено увидѣть еще худшее“. Движеніе славянъ на западъ Балканскаго полуострова къ Адриатическому морю закончилось тѣмъ, что къ началу VII в. вся Далмація, за исключеніемъ приморскихъ городовъ съ римскимъ населеніемъ, оказалась во власти славянъ. О началѣ этого движенія, шедшаго по всей вѣроятности вмѣстѣ съ аварскими вторженіями, очень сухія извѣстія сохранились у латинскихъ и восточныхъ писателей ²⁾, которыми, однако, утверждается тотъ фактъ, что рассказъ Константина Порфиророднаго о движеніи сербовъ и хорватовъ въ Далмацію въ послѣдніе годы Ираклія носить на себѣ легендарный характеръ. Ибо не подлежитъ сомнѣнію, что славяне уже въ III в. были на Дравѣ и Савѣ, и что въ VI в. начали тѣ же славяне проникать и въ Далмацію, а къ началу VII в. угрожали уже Италіи ³⁾.

Исторія расселенія славянъ по побережью Далмаціи, конечно, предполагаетъ уже господство ихъ на Савѣ и Тиссѣ и должна быть рассматриваема какъ послѣдняя волна движенія ихъ на западъ по материку. Съ этимъ вопросомъ стоитъ въ связи весьма крупный и доселѣ еще неразъясненный историко-литературный фактъ, котораго нельзя здѣсь не коснуться. Это извѣстіе Константина Порфиророднаго о переселеніи сербовъ и хорватовъ въ земли, нынѣ обитаемыя этими народами. Съ упомянутымъ извѣстіемъ въ тѣсной связи находится также вопросъ о происхожденіи юго-славянской вѣтви славянскаго племени.

Четыре главы сочиненія Константина ⁴⁾ объ управленіи имперіей

1) Erben, „Regesta“, I; Migne, „Patr. lat.“, LXXVII, col. 1092.

2) Niederle, „Slovanské Starožitn.“, II, 1, p. 223—4.

3) Niederle, II, 1, 278.

4) „De admin. imperio“, с. 29—30, ed. Bonnae.

(гл. 29, 30, 31, 32) составляют до сихъ поръ не разрѣшенную еще загадку въ историографіи. Содержаніе этихъ главъ, кратко говоря, въ слѣдующемъ. Въ первой, между прочимъ, идетъ рѣчь о взятіи Салоны, важнаго города Далмаціи, варварами, которыхъ авторъ называетъ славянами и аварами ¹⁾. Захвативъ Салону, эти варвары утвердились затѣмъ въ Далмаціи, прогнавъ изъ нея старое римское или романизованное населеніе. Фактъ завоеванія Салоны Константиномъ ставитъ въ хронологическую связь съ переселеніемъ сербовъ и хорватовъ на Балканскій полуостровъ въ царствованіе Ираклія. Такъ какъ авары съ половины VI в. дѣйствительно господствовали на Дунаѣ и Тиссѣ, владѣли Панноніей и имѣли въ подчиненіи нѣкоторыя славянскія племена, то въ общемъ извѣстіе Константина, какъ имѣющее внѣшнюю вѣроятность, считалось основнымъ источникомъ для ранней исторіи сербовъ и хорватовъ. Можно бы задуматься развѣ надъ тѣмъ обстоятельствомъ, что такой основательный ученый, какъ императоръ Константинъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи государственный архивъ и многообразные способы освѣдомленія, позволилъ себѣ допустить смѣшеніе этнографическихъ терминовъ и безразлично употребить слова „аваре“ и „славяне“. Но, не останавливаясь на этомъ, выдѣлимъ изъ 29 главы самое существенное въ смыслѣ общаго историческаго факта: Далмація захвачена въ царствованіе Ираклія тѣми хорватами, которые переселились изъ ранѣе занимаемой имъ страны, называемой Бѣлохорватія.

Въ слѣдующихъ двухъ главахъ снова повторено повѣствованіе о захватѣ Салоны тѣми же варварами, затѣмъ помѣщенъ разсказъ о хорватахъ. Отъ хорватовъ, обитавшихъ за Баваріей, отдѣлился одинъ родъ и пришелъ съ народомъ своимъ въ Далмацію, которую освободилъ изъ-подъ власти аваровъ и подчинилъ себѣ. Въ довольно несвязномъ и спутанномъ повѣствованіи настойчиво проведена мысль, что хорваты заняли бывшую подъ властью аваровъ землю съ вѣдома и согласія императора Ираклія.

Въ 32 главѣ идетъ рѣчь о движеніи сербовъ изъ страны, называемой Бѣлосербія; точно такъ же, какъ и хорваты, эти послѣдніе, также съ согласія царя Ираклія, получили для обитанія свободныя

¹⁾ С. 29: εὐρον ἔθνη σκλαβενικά ἄπλα ὄντα, ἅτινα καὶ ἄβαροι ἐκαλοῦντο. И далѣе σκλάβοι οἱ καὶ Ἄβαροι.

земли, занимаемая ими до настоящаго времени: Сербію, Черногорію, Боснію и Герцеговину. Въ частности слѣдуетъ замѣтить, что по возрѣнію Константина сербы и хорваты были два пограничныхъ племени, занимавшія большое пространство за Дунаемъ и Карпатами, нынѣшнюю Чехію, Моравію и Галицію. Бѣлохорваты составляли восточную вѣтвь, бѣлосербы—западную.

Сообщеніе Константина, опредѣляющее какъ географическіе предѣлы распространенія хорватовъ и сербовъ, такъ и хронологію заселенія ими той территоріи на Балканскомъ полуостровѣ, которая донинѣ носитъ ихъ имя, составляетъ единственный источникъ, изъ котораго можно отправляться въ этомъ основномъ вопросѣ сербохорватской археологіи. Въ оцѣнкѣ этого сообщенія образовались въ наукѣ два направленія, изъ коихъ одно поддерживаетъ Константина, другое смотритъ на его извѣстіе какъ на легенду, составленную для объясненія реального факта, происхожденіе котораго въ X в. было забыто. Именно, въ X в. географически и этнографически образовалось отдѣльное политическое тѣло съ именемъ хорватовъ, которые на сѣверѣ распространялись до Истріи, на востокъ до теченія рѣки Вербасъ, на югѣ до Антивари. Это вообще была приморская страна, которая въ X в. имѣла уже за собой блестящую эпоху, такъ какъ Константинъ говоритъ, что Хорватія выставляетъ 60 тысячъ конницы и 100 тысячъ пѣхоты и владѣетъ значительнымъ флотомъ.

Чтобы до нѣкоторой степени осмыслить первичныя стадіи исторіи славянъ на Балканскомъ полуостровѣ, необходимо отрѣшиться отъ приведенныхъ въ извѣстіи Константина датъ и историческихъ сближеній и ограничиться скудными замѣтками, восходящими къ болѣе раннему времени. Это тѣмъ болѣе необходимо, что въ связи съ легендой о переселеніи хорватовъ и сербовъ при Иракліи получается невѣрное освѣщеніе и другихъ фактовъ славянской исторіи.

Выше мы видѣли, что занятіе славянами Далмаціи нужно относить къ половинѣ VI в. ¹⁾, и что тотъ громадный этнографическій переворотъ, который происходилъ въ теченіе VI в. на Балканскомъ полуостровѣ, не могъ не сопровождаться постепеннымъ занятіемъ славянами Панноніи и нынѣшней Сербіи, Босніи и Далмаціи. Въ удостовѣреніе этого приводятся и филологическія данныя, выдвину-

1) Въ первый разъ эта мысль проведена у Rački, см. Niederle, II, 1, str. 256, 261.

тыя, главнымъ образомъ, профессоромъ Ягичемъ¹⁾. Въ VII в., по его мнѣнію, не было еще этнографическаго и филологическаго разграниченія въ сербо-хорватской вѣтви славянъ, и, слѣдовательно, не можетъ быть рѣчи о томъ передвиженіи съ сѣвера, о которомъ говорится у Константина. Остается лишь невыясненнымъ, при отрицательномъ отношеніи къ извѣстію Константина, то обстоятельство, что мысль о первичномъ раздѣленіи славянъ на двѣ вѣтви, т.-е. на славянъ и антовъ, засвидѣтельствована какъ древними, независимыми отъ Константина, источниками (Прокопій и Юрнандъ), такъ и персидскими, происходящими также изъ болѣе ранняго времени²⁾, чѣмъ извѣстія Константина.

Изъ предыдущаго можно сдѣлать только отрицательный выводъ. Вошедшія въ сочиненіе Константина извѣстія о передвиженіи славянъ съ сѣвера и занятіи ими Далмаціи въ VII в. съ согласія императора Ираклія не оправдываются ни ходомъ событій, ни другими источниками и—что всего важнѣй—не объясняютъ юго-славянской исторіи. Въ VII в. въ исторіи славянъ обнаруживается дѣйствительно жизненное явленіе: славянами сдѣланъ былъ первый шагъ на пути образованія государственнаго союза. И весьма любопытно то обстоятельство, что Константинъ не нашелъ въ доступныхъ ему матеріалахъ никакихъ слѣдовъ этого движенія. Имѣемъ въ виду образованіе княжеской власти у славянъ и стремленіе къ основанію независимыхъ княженій. Одинъ и тотъ же фактъ намѣченъ въ двухъ направленіяхъ, но въ томъ и другомъ случаѣ основнымъ мотивомъ къ возвышенію военной или княжеской власти является освободительная борьба противъ аварскаго господства. Прежде всего разумѣемъ житіе Димитрія Солунскаго, гдѣ читается рассказъ о Куверѣ, котораго аварскій каганъ назначилъ княземъ надъ подчиненными ему славянами и болгарамъ³⁾. Куверъ поднялъ свой народъ противъ аварскаго хана, нанесъ ему нѣсколько пораженій и утвердилъ свое княженіе на югъ отъ Дуная, угрожая исконнымъ греческимъ городамъ: Константинополю, Солуни и др. По связи съ исторіей Кувера

1) „Archiv für Slavische Philol.“, XVII. S. 56, 85.

2) Бартольдъ, „Зап. Имп. Ак. Наукъ“, I, п. 4 (1897); Туманскій, „Записки Восточн. отдѣл. Императ. Русскаго Археол. Общества“, т. X (1897).

3) Этому вопросу посвящена моя статья въ „Извѣстіяхъ Русск. Археол. Института“, т. XIV, 1, стр. 44—58.

въ томъ же источникѣ находимъ указаніе на способъ колонизаціи славянами византійскихъ областей, съ предоставленіемъ имъ права внутренней племенной организаціи подъ управленіемъ своего князя. Такимъ образомъ, къ VII в. обнаруживаются начатки той организаціи, изъ которой должны были возникнуть славянскіе племенные союзы или отдѣльныя государства. Почему эти попытки VII вѣка не увѣнчались успѣхомъ и не сопровождались естественнымъ процессомъ образованія государствъ, это остается еще далеко не выясненнымъ.

Между тѣмъ въ тотъ же періодъ и для той же цѣли освободительнаго движенія противъ аварскаго поработенія образуется, повидимому, другое зерно. Это княженіе Само. О княжествѣ Само сохранились извѣстія только въ латинскихъ источникахъ ¹⁾, между тѣмъ какъ византійская лѣтопись совсѣмъ не знаетъ объ этомъ имени. Притомъ же оба названные источника не могутъ считаться хорошо освѣдомленными о славянскихъ событіяхъ; по одному центръ господства Само былъ въ Чехіи и Моравіи, по другому—въ Хорватіи, вслѣдствіе чего доселѣ не ясно, гдѣ было зерно, и куда простирались границы этой первой славянской государственной организаціи. Не можетъ быть сомнѣнія лишь въ томъ, что Само объединилъ славянъ подъ своей властью и началъ борьбу съ аварами въ царствованіе Ираклія, т.-е. приблизительно около 623 г. Но дѣятельность Само въ границахъ Византійской имперіи осталась совершенно не отмѣченной византійской лѣтописью, а случайно захвачена Фредегаромъ потому, что король франкскій Дагобертъ долженъ былъ, расширяя свои владѣнія на Востокъ, столкнуться со славянами.

Но извѣстія Фредегара о княженіи Само не выше по своему достоинству сообщеній Константина. Касающіяся Само главы Фредегара слишкомъ ясно выдають свой легендарный характеръ и не могутъ быть разсматриваемы какъ надежный матеріалъ ни по существу реальнаго ихъ содержанія, ни по хронологическимъ приуроченіямъ. Такимъ образомъ, останавливаясь на предположеніи, что въ рукахъ составителя относящихся до исторіи славянъ главъ хроники Фредегара было сказаніе о славянскомъ князѣ, который велъ успѣшную борьбу съ аварами и германцами ²⁾, мы не находимъ возможнымъ

¹⁾ Хроника Фредегара изд. въ „Mon. Germ. Hist.“, vol. II, и „Conversio Carantanorum“, *ibid.*, XIII.

²⁾ K r u s c h, „Neues Archiv der Cesellsch. für ältere deutsche Geschichtskunde“, VII (1882); Погодинъ, „Изъ исторіи слав. передвиженій“, стр. 152—154.

вводитъ разсказъ Фредегара въ свое изложеніе, какъ не могли воспользоваться и разсказомъ Константина.

Нужно придти къ заключенію, что оба наши источника основываются въ изложеніи исторіи героическаго періода славянской исторіи VII вѣка на сказаніяхъ, до насъ не дошедшихъ. Слѣды этихъ сказаній мы видимъ и въ лѣтописи, и у Константина Порфиророднаго. Сюда относится и сентиментальный разсказъ о трехъ славянскихъ гусярахъ, приведенныхъ въ станъ императора Маврикія и наивное повѣствованіе объ обитаемой этими славянами странѣ, въ которой нѣтъ желѣза, и гдѣ не употребляютъ оружія. Сюда же можно причислить отвѣтъ князя Лавриты на предъявленное къ нему аварами требованіе подчиненія и дани: „есть ли кто подъ солнцемъ, кто могъ бы сокрушить наше могущество, мы привыкли господствовать, а не повиноваться чужимъ властителямъ“. Такимъ же характеромъ легенды или народнаго сказанія отличаются многія мѣста въ повѣствованіи Константина (гл. 29, 30) и Маврикія. Нѣтъ сомнѣнія, что и нѣкоторая часть сказанія о Куверѣ, нашедшая себѣ мѣсто въ чудесахъ св. Дмитрія, также почерпнута изъ народныхъ сказаній. Такимъ образомъ, весь матеріаль, который относится къ освободительному движенію славянъ отъ аварской власти, носитъ нѣсколько легендарный и сентиментальный характеръ, какимъ могли быть окрашены преданія княжескихъ дружинъ, которымъ не суждено было, однако, достаточно развиться вслѣдствіе роковыхъ для славянъ событій VII—VIII вв.

Не отрицая за княжествомъ Само важнаго значенія въ смыслѣ утвержденія славянскаго элемента на западныхъ окраинахъ и продолжительнаго успѣшнаго соперничества съ германскимъ преобладаніемъ, историкъ все же не можетъ уклониться отъ постановки самаго естественнаго въ данномъ положеніи вопроса о томъ, что же въ сущности представляли собой отмѣченныя источниками VII в. попытки образованія у славянъ княжеской власти и начатки государственнаго ихъ объединенія? Здѣсь необходимо коснуться вопроса о культурномъ состояніи славянъ въ періодъ столкновенія ихъ съ греками византійскими на югѣ и съ итальянцами и германцами на юго-западѣ.

Много было говорено объ историческомъ возрастѣ славянъ сравнительно съ германцами, при чемъ, главнымъ образомъ, принималась въ соображеніе хронологическая разница образованія государствен-

ности у германцевъ и славянъ, т.-е. цѣлый періодъ въ 300 лѣтъ, если считаться съ германскими государствами V—VI вв. и славянскими IX в. Нельзя не признать нѣкоторой доли искусственности и произвольности въ этомъ сравненіи датъ образованія государствъ. Нужно бы доказывать, съ цѣлью оправдать разность возрастовъ, недопустимое положеніе, что славяне въ V и VI вв. являются въ исторіи на весьма низкой ступени культурнаго развитія. Но на этомъ нельзя настаивать, такъ какъ всѣ данныя говорятъ за то, что славяне были уже въ осѣдломъ быту и занимались земледѣліемъ. По отношенію къ внутреннему быту факты языка указываютъ на семейно-родовой бытъ какъ на исконную форму жизни славянъ. Тѣ изъ древнихъ писателей, которые имѣли случай лично ознакомиться со славянами, отмѣтили характерныя особенности ихъ жизни. „Всѣ эти народы, славяне и анты, не повинуются одному повелителю, но изъ древности живутъ въ демократіи, поэтому у нихъ общественныя дѣла всегда обсуждаются на сеймахъ (вѣчахъ)“¹⁾. То же замѣчаніе нѣсколько позднѣе сдѣлано Маврикіемъ. „Не признавая надъ собой чужой власти, они не находятся въ согласіи и другъ съ другомъ; всякій можетъ высказывать противорѣчивое другимъ мнѣніе; что положить одни, на то не соглашаются другіе, никто не хочетъ уступить. Такъ какъ у нихъ много старшинъ, не ладящихъ другъ съ другомъ, не бесполезно привлекать нѣкоторыхъ изъ нихъ на свою сторону увѣщаніями или подарками, дабы возбудить между ними распрю и препятствовать соединенію ихъ подъ однимъ вождемъ“.

Такой бытъ, конечно, долженъ составлять большое препятствіе для образованія значительныхъ племенныхъ союзовъ и государственной организаціи. Что славяне, дѣлавшіе нападенія на имперію и занявшіе Балканскій полуостровъ и частью Грецію, были именно въ такомъ семейномъ и общественномъ быту, какой отмѣченъ приведенными выше свидѣтельствами, это подтверждается всей ихъ бойкой, цвѣтистой, многообѣщавшей, но оказавшейся пустоцвѣтомъ, а потому и бесплодной до IX в. исторіей. Въ методологическомъ отношеніи противъ бѣдности красокъ и скудости источниковъ наука располагаетъ теперь сравнительно-историческимъ методомъ, посредствомъ коего достигается возстановленіе общаго типа развитія народовъ. Можно

¹⁾ Прокопій, „De B. Goth.“, IV.

понять, что при такомъ направленіи изученія славянской исторіи открытія въ исторіи одного народа обогащаютъ фактами исторію родственныхъ народовъ, такъ какъ оказывается весьма естественнымъ, что черты жизни, утратившіяся или оставшіяся не записанными для одного племени, во всей живости хранятся иногда у другого. Такъ, при помощи тщательнаго анализа фактовъ средневѣковой западной и восточно-европейской исторіи получилось наблюденіе, что, при всѣхъ сходствахъ въ развитіи общихъ явленій, между Востокомъ и Западомъ замѣчаются и характерныя отличія. Въ этомъ отношеніи прежде всего нужно указать, что древній періодъ славянской исторіи на Балканскомъ полуостровѣ, изучаемый на основаніи извѣстій, почерпнутыхъ изъ наблюденій надъ западными окраинами Византійской имперіи, не можетъ быть отдѣляемъ отъ своего естественнаго географическаго театра и потому долженъ удерживать наименованіе Византійскаго періода. Здѣсь рѣчь идетъ не о пустомъзвукѣ, не объ имени, въ которомъ въ сущности мало привлекательности, а о самомъ содержаніи періода, которому усвояемъ данное наименованіе. Какъ въ основѣ первоначальной исторіи западно-европейскихъ народовъ, основавшихся въ разное время на жительство въ предѣлахъ римской имперіи, заложены разнообразныя вліянія, исходившія отъ Рима, которыя въ совокупности принято называть романизаціей, такъ и основныя черты древней славянской исторіи въ предѣлахъ Восточной имперіи должны были развиваться подъ воздѣйствіемъ вліяній, исходившихъ изъ Царяграда, которыя подразумѣваются подъ именемъ Византизма. Правда, византійское вліяніе выразилось далеко иначе и въ другомъ порядкѣ, чѣмъ романское. Славянскія племена не стерли византійскаго государства, не уничтожили имперіи, какъ это сдѣлали западные народы съ Римомъ, и вмѣсто періода образованія государственности на развалинахъ имперіи ограничились въ теченіе 300-лѣтняго періода попытками сліянія съ имперіей, и этотъ процессъ сопровождался весьма вредными послѣдствіями въ особенности для тѣхъ племенъ, которыя наиболѣе проникли на югъ Балканскаго полуострова. Съ точки зрѣнія хронологіи фактамъ германо-романской исторіи, т.-е. образованію государства меровинговъ или лангобардовъ, на восточной половинѣ Европы слѣдовало бы противопоставить событія славянской исторіи, стоящія въ связи съ занятіемъ Балканскаго полуострова, съ осадой Солуни, съ освободительнымъ движеніемъ подъ

властью Кувера и Само. Но этимъ противоположеніемъ такъ умалывается реальное содержаніе славянской исторіи, что для спасенія его была необходима или теорія несоотвѣтствія историческихъ возрастовъ славянъ и германцевъ, или сентиментальная теорія о мирныхъ наклонностяхъ славянскаго племени. По отношенію къ германской исторіи періода образованія государственности, ограничиваясь наиболѣе жизненными и важными въ культурномъ отношеніи фактами, въ которыхъ выражаются органическое развитіе и смѣна идей и направленій, можно выдѣлить нѣкоторые основные элементы или первичныя стадіи, составляющія существенное содержаніе жизни историческихъ народовъ. Таковыми должны быть признаны: исконныя особенности германскаго быта, отмѣченныя, между прочимъ, Тацитомъ; измѣненія въ германскомъ быту подъ воздѣйствіемъ римскаго права (романизация); вліяніе христіанства и связанныхъ съ нимъ учрежденій. Подъ вліяніемъ указанныхъ взаимодействующихъ силъ складываются обширныя политическія группы, и вырастаетъ королевская власть, при чемъ римское духовенство служитъ проводникомъ римскаго права и романскихъ учрежденій во вновь возникшихъ королевствахъ. Германская дружина—совѣтники и соратники короля—обуславливаетъ соціальный, административный и экономическій строй государствъ.

Перенося эти наблюденія на славянъ VI—VII вв., мы должны придти къ слѣдующимъ выводамъ. Хотя славяне не церемонились съ Восточной имперіей, хотя ихъ дѣйствія на окраинахъ имперіи, нападенія на города и колонизация свободныхъ мѣстъ должны бы сопровождаться тѣмъ же результатомъ, сознательно подготовляемымъ и неоднократно выраженнымъ ихъ вождями, что и нападенія германцевъ на Западную имперію, но этотъ желанный результатъ оказался неосуществимымъ. Славяне оказались слабыми въ борьбѣ, не уничтожили Восточной имперіи и не замѣнили императора кѣмъ-либо изъ своихъ жупановъ, но значительной частью вошли въ составъ имперіи, придавъ новыя черты Византизму и сами испытавъ разнообразныя его вліянія. Ясно, что при значительныхъ сходствахъ внѣшней обстановки, славянская исторія пошла не тѣмъ путемъ развитія, что западная, вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенныхъ условій, которыя или укрылись отъ вниманія изслѣдователей, или находятся въ зависимости отъ расовыхъ особенностей славянскаго племени. Не нужно за-

бывают, что первые опыты объединенія нѣсколькихъ славянскихъ колѣнъ подъ одной властью осуществились, повидимому, далеко за чертой непосредственнаго вліянія Византіи, въ то время какъ ближайшія племена долго остаются въ первичной стадіи жупнаго устройства, наблюдаемаго одинаково и у тѣхъ колѣнъ, которыя поселились въ областяхъ имперіи и приняли подданство императора. Византіи не представлялось выгоднымъ способствовать образованію крупныхъ центровъ среди славянства; напротивъ, самыя элементарныя соображенія выгоды склоняли византійскихъ государственныхъ людей къ тому, чтобы поселить рознь и вражду между отдѣльными колѣнами—жупами, поддерживая одного славянскаго вождя противъ другого. Жупное устройство по колѣнамъ, отсутствіе сильной княжеской власти и постоянная борьба между отдѣльными колѣнами—вотъ тѣ черты, которыми характеризуется славянская жизнь въ періодъ заселенія Балканскаго полуострова. Старому государству съ организованной военной и административной системой не стоило большаго труда наложить свою руку и на такія племена, которыя съ оружіемъ въ рукахъ занимали области имперіи. То обстоятельство, что византійскія извѣстія отмѣчаютъ какъ наиболѣе отличительныя черты славянской жизни: отсутствіе сильной княжеской власти, демократическіе обычаи, выражающіеся въ перенесеніи политическихъ и общественныхъ вопросовъ на вѣче, рѣшенія котораго необязательны для меньшинства—служить указаніемъ, что эти формы быта наблюдались именно у тѣхъ славянъ, которые жили въ предѣлахъ имперіи и старались удержать ихъ „въ противность ромэйскимъ обычаямъ“. Показаніе Льва Мудраго, что славяне неохотно исполняютъ приказанія чужого лица, и что гораздо легче сносятъ несправедливости и обиды собственныхъ старшинъ, лишь бы не слѣдовать ромэйскимъ обычаямъ и законамъ, относится, конечно, къ тѣмъ славянамъ, которые жили въ предѣлахъ имперіи, составляя, однако, изъ себя привилегированное общество, на которое не простирались имперская администрація и судъ.

Такъ какъ имперія старалась не поступаться своими владѣніями въ пользу варваровъ, то съ теченіемъ времени всѣ захваты вооруженной рукой пріобрѣтали легальный характеръ, становясь фактомъ колонизаціи съ разрѣшенія правительства. Въ актахъ Димитрія Солунскаго отмѣчаются случаи вербовки славянскихъ отрядовъ для ко-

лонизаціи свободныхъ имперскихъ земель, для VII в. имѣется рядъ лѣтописныхъ извѣстій, знакомящихъ съ обычной системой правительства пересылать большіе славянскіе отряды изъ Европы въ Азію и давать имъ такое устройство, которое было бы совмѣстно съ интересами государства (стр. 620 и слѣд.). Вслѣдствіе подобнаго приобщенія славянъ къ жизни Византіи образовались между греками и славянами такія отношенія, которыя сопровождались неизбѣжными взаимными воздѣйствіями и вліяніями, имѣющими обнаружиться въ дальнѣйшей исторіи.

По отношенію къ періоду образованія государствъ у славянъ нужно дѣлать различіе между тѣми, которыя произошли естественнымъ путемъ сплоченія жупъ и колѣнъ, и тѣми, которыя образовались подъ вліяніемъ пришлой чужеземной власти. Независимо оттого громадное различіе наблюдается и въ историческихъ судьбахъ, и въ культурномъ развитіи между государствами, образовавшимися подъ воздѣйствіемъ германо-католическимъ и тѣми, которыя подпали подъ вліяніе греко-православнаго исповѣданія. Въ этомъ лежитъ зерно различія славянъ по культурѣ и религіи,—различія до такой степени глубокаго, что оно отразилось на всей тысячелѣтней исторіи славянскаго племени.

Переходя къ славянскимъ племенамъ, основавшимся въ границахъ Византійской имперіи, мы встрѣчаемся съ явленіемъ, которое не поддается объясненію безъ предварительнаго обсужденія вопроса о густотѣ славянскихъ поселеній. Принимая въ соображеніе, что въ предѣлахъ распространенія славянъ по Балканскому полуострову сохранились до настоящаго времени значительные слои старыхъ обитателей, какъ албанцы, вlahи и греки, и что самыя сильныя волны славянскаго движенія, добѣжавшія до Эгейскаго моря и до Мореи и частью перекатившія на азіатскій материкъ, постепенно смѣшались и потерялись въ туземныхъ элементахъ, мы должны думать, что заселеніе славянами Балканскаго полуострова не имѣло большой густоты. При недостаткѣ организаторскихъ силъ въ своей собственной средѣ, при отсутствіи центральной власти, которая побудила бы колѣнныхъ старшинъ и представителей отдѣльныхъ родовъ подчиняться общимъ, а не частнымъ интересамъ, отдѣльныя колѣна и жупы обречены были вести скромное существованіе, не достигнувъ предстоявшей передъ ними государственной и національной задачи.

Можно было бы ожидать, что авары, подчинивъ себѣ занятыя славянами области имперіи, сообщать имъ необходимую организацію и создадутъ во Фракіи и Македоніи такое же государство, какое удалось въ VII—VIII в. создать болгарамъ орды Аспаруха, но въ дѣйствительности этого не случилось.

глава III.

ВЗЯТІЕ ІЕРУСАЛИМА ПЕРСАМИ. ВТОРЖЕНІЕ
ВЪ ПЕРСІЮ ВЪ 623 Г. И РЯДЪ ПОРАЖЕНІЙ,
НАНЕСЕННЫХЪ ПЕРСИДСКОМУ ЦАРЮ. ОСАДА
КОНСТАНТИНОПОЛЯ ЯВАРАМИ И ПЕРСАМИ. ВСЕ-
МІРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ПЕРСИДСКОЙ
ВОЙНЫ.

Первые годы правленія Ираклія изображаются въ исторіографіи какъ періодъ наибольшаго униженія и самыхъ крупныхъ потерь имперіи въ Европѣ и Азіи. Хотя положеніе дѣлъ на Востокѣ становилось болѣе и болѣе тревожнымъ со времени вступленія Ираклія на престолъ, но онъ долго не былъ въ состояніи располагать достаточными военными средствами для войны съ Хосроемъ. Повидимому, Малая Азія и Сирія оставались совсѣмъ безъ защиты, такъ какъ персы въ короткое время сдѣлали здѣсь большія завоеванія. Такъ, въ 611 г. завоевана была Сирія вмѣстѣ съ ея главнымъ городомъ Антиохіей, въ слѣдующемъ году персы вступили въ Малую Азію и овладѣли Кесаріей каппадокійской, захвативъ десятки тысячъ плѣнниковъ и отправивъ ихъ въ Персію. Въ 613 г. полководецъ Хосроя Сарваръ угрожаетъ Палестинѣ, при чемъ былъ завоеванъ Дамаскъ, и скоро затѣмъ началась осада Іерусалима. Въ затруднительномъ положеніи, не имѣя ни войска, ни денегъ, Ираклій обратился къ церковнымъ средствамъ, тому источнику, изъ котораго онъ пользовался и въ послѣдующее время ¹⁾). Самымъ важнымъ событіемъ было взятіе Іерусалима въ 614 г. Осада и паденіе Іерусалима находятся въ связи съ еврейскимъ вопросомъ того времени. Со времени Фоки противъ іудеевъ было гоненіе въ имперіи,

¹⁾ Gelzer, „Leontios v. Neapolis. Leben des heil. Johannes des Barmherz.“. S. 23.

которое продолжалось и при Ираклии. Персидскіе успѣхи въ Палестинѣ и Сиріи возбудили надежды евреевъ и заставили ихъ искать защиты у завоевателей, подъ знамена которыхъ они стекались большими толпами и возбуждали въ персахъ фанатизмъ и непримируемую вражду противъ христіанъ. Этимъ объясняется исключительно кровавый характеръ послѣдовавшихъ за паденіемъ Іерусалима событій. Осада города продолжалась три недѣли. Когда, наконецъ, персамъ удалось разрушить часть стѣны и ворваться въ городъ, они предоставили участь христіанскаго населенія фанатизму евреевъ, которые и свели здѣсь счеты съ христіанами, угнетавшими ихъ преслѣдованіями и презрѣніемъ. Говорятъ, что не одинъ десятокъ тысячъ христіанъ погибъ въ Іерусалимѣ отъ руки іудеевъ, до тридцати пяти тысячъ уведено было плѣнниковъ. Городъ и храмъ подверглись безпощадному грабежу, при которомъ завоеватели руководились не только жаждой добычи, но чувствами мести и религіозной нетерпимости. Въ особенности пострадали христіанскія святыни, передъ утратой которыхъ отступали на второй планъ и плѣненіе патріарха Захаріи, и разрушеніе города. Храмъ Гроба Господня и всѣ постройки св. Елены были преданы пламени, драгоценная утварь, благоговѣнно приносимая сюда со всѣхъ странъ, была расхищена, священныя реликвіи частью уничтожены, частью взяты побѣдителями. Между этими послѣдними особенно была тягостна утрата Животворящаго Древа Креста, которое взято было персами и увезено въ Ктесифонъ.

Постигшая Іерусалимъ судьба была тяжкимъ ударомъ для всего христіанскаго міра. Палестинскіе христіане нашли себѣ убѣжище въ Александріи, гдѣ патріархъ Іоаннъ Милостивый оказалъ имъ дѣятельную помощь изъ церковныхъ средствъ. Но опасность грозила и самой Александріи, такъ что Ираклій чрезъ гражданскаго управителя Египта патрикія Никиту предлагалъ александрійскому патріарху выдать свои средства на государственныя потребности, прежде чѣмъ овладѣютъ ими персы. Дѣйствительно, въ 616 г. персы переправились въ Африку и завоевали Египетъ, патріархъ и патрикіи Никита принуждены были оставить свою область и спастись въ Константинополь. Въ слѣдующемъ году отдѣльный персидскій отрядъ направился въ Малую Азію, дошелъ до Халкидона и угрожалъ самой столицѣ. Конечно, рѣдко имперія была въ такомъ отчаянномъ положеніи. Ведя съ персами безнадежныя переговоры, Ираклій видѣлъ,

что нужно прибѣгнуть къ крайнимъ средствамъ, что въ Константинополѣ нѣтъ болѣе безопасности для византійскаго царя. Въ такомъ положеніи онъ пришелъ къ рѣшенію, которое характеризуетъ безпомощность его и истощеніе ресурсовъ, именно онъ рѣшился перенести столицу въ Карѳагенъ и сдѣлалъ для того приготовленія. Разъ принялъ подобное же рѣшеніе Юстиніанъ, но царица Теодора поддержала его энергію; теперь подлѣ императора не было совѣтницы, подобной Теодорѣ, но на стражѣ интересовъ имперіи оказался доблестный патріархъ Сергій, который внушилъ императору твердость духа и взялъ съ него слово употребить всѣ силы на защиту столицы. Между тѣмъ случилось, что корабли, готовые отплыть въ Карѳагенъ съ нагруженными на нихъ сокровищами, были разбиты бурей, что признано было за проявленіе божественной воли.

Хотя непріятель былъ въ виду Константинополя, Ираклій рѣшился начать переговоры о мирѣ. Онъ самъ отправился въ непріятельскій станъ и убѣдилъ персидскаго полководца Саита снять осаду съ Халкидона. Вмѣстѣ съ тѣмъ, снаряжено было торжественное посольство изъ 70 важныхъ лицъ, которому поручено было идти къ Хосрою. Но посольство подверглось поруганію, какъ только вступило на персидскую почву; всѣхъ его членовъ заковали въ оковы и подъ стражей привели предъ Хосроя. Попытка вступить въ переговоры не только не увѣнчалась успѣхомъ, но еще болѣе раздражила грековъ противъ персовъ. Персидскій царь, въ сознаніи своего могущества и съ цѣлью показать крайнее презрѣніе къ Ираклію, приказалъ съ Саита содрать кожу, а пословъ заключить въ темницу. Въ отвѣтъ же на отправленное ему съ посольствомъ письмо говорилъ, между прочимъ, слѣдующее: „да не обманываетъ васъ тщетная надежда. Если Христосъ не могъ спасти Себя отъ евреевъ, убившихъ Его на крестѣ, то какъ же Онъ поможетъ вамъ? Если ты сойдешь въ бездны моря, я протяну руку и схвачу тебя“!

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ предстояло Ираклію рѣшать вопросъ о судьбѣ своей имперіи. И нужно признать, что византійскій царь весьма глубоко оцѣнилъ значеніе событій и понялъ, что борьба съ персами требуетъ полнаго успокоенія сѣверной границы, и что нужно, во что бы то ни стало, обезпечить себя со стороны Балканскаго полуострова. Здѣсь происходилъ этнографическій переворотъ: во Фракіи, Македоніи и на побережьѣ Адриатическаго моря

продолжалось передвиженіе славянскихъ племень, которыя частью осѣли на новыхъ мѣстахъ, частью передвигались на югъ и западъ подъ напоромъ аваровъ, народа тюркскаго племени. Можно думать, что утвержденіе аваровъ на Дунаѣ и Тиссѣ и основаніе ими долговременнаго господства въ дунайскихъ областяхъ, въ мѣстахъ славянскаго расселенія, оказало значительное вліяніе на судьбы славянскаго племени. Хотя авары появляются какъ кочевая орда съ хищническими наклонностями, и хотя укрѣпленный ихъ станъ или хрингъ скорѣй напоминалъ временный лагерь, а не постоянное мѣстожителство, но у нихъ было хорошо поставлено военное дѣло, сильно развита власть военнаго предводителя, и для занятія военнымъ дѣломъ они нуждались въ даровомъ трудѣ подвластнаго земледѣльческаго населенія, каковымъ были славяне. Съ конца VI в. византійская лѣтопись, упоминая объ аварскихъ набѣгахъ и завоеваніяхъ, постоянно смѣшиваетъ аваръ и славянъ, такъ какъ дѣйствительно въ аварскомъ войскѣ славяне составляли значительный отдѣлъ. Быстрое распространеніе славянъ по Норику и Панноніи, и занятіе ими мѣстности отъ Адриатическаго до Чернаго моря должно быть объясняемо главнѣйше тѣмъ, что славяне шли здѣсь вмѣстѣ съ аварами, которые, въ качествѣ организующаго военнаго элемента, дали силу и напряженіе расселенію славянъ.

Ираклію приходилось считаться съ весьма серьезнымъ положеніемъ. Иногда дорогимъ выкупомъ можно было заручиться временнымъ спокойствіемъ отъ аварскаго кагана, иногда возбудить движеніе среди славянъ и тѣмъ отвлечь вниманіе аваровъ къ внутреннимъ дѣламъ. Во время царя Маврикія Дунай признавался границей аварской власти, но это не мѣшало аварамъ предпринимать постоянныя хищническія вторженія въ собственно византійскія области; при Фокѣ въ 604 г. вновь заключено было соглашеніе съ аварами, но оно также не обезопасило имперію отъ набѣговъ дикихъ наѣздниковъ. Ираклій привнесъ новую точку зрѣнія въ разрѣшеніе славяно-аварскаго вопроса. Уже не въ первый разъ византійскимъ государственнымъ дѣятелямъ приходилось рѣшать проблему о новыхъ народахъ; въ V в. Феодосій отступилъ отъ старыхъ традицій въ пользу германскаго элемента, который въ лицѣ готскаго племени былъ принятъ въ имперію на равныхъ правахъ съ греками и вошелъ въ составъ войска и администраціи. Эта мѣра вполнѣ отвѣчала потребностямъ

времени и принесла имперіи громадную пользу. Ираклію предстояло рѣшить подобный же вопросъ по отношенію къ славянамъ. Литературная традиція, сохранившаяся у Константина, по которой Ираклій далъ разрѣшеніе сербамъ и хорватамъ на поселеніе ихъ въ областяхъ имперіи, скрываетъ въ себѣ намекъ на важный фактъ, относящійся ко времени Ираклія: именно въ это время найдена была наилучшая формула, удовлетворявшая и византійское правительство, и славянскія племена, занявшія Балканскій полуостровъ, примѣнивъ которую, Византія вступила въ тѣсное единеніе со славянами, а послѣдніе нашли благоприятное устройство подъ законами имперіи и въ ея границахъ, на правахъ подданныхъ императора.

Пока мы лишены еще возможности выяснить предварительныя мѣропріятія для достиженія указанной цѣли. Но не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Ираклію удалось раздѣлить интересы аваровъ и славянъ и подготовить анти-аварское движеніе на Балканскомъ полуостровѣ. Нѣкоторыя указанія въ этомъ смыслѣ имѣются въ дѣятельности Кувера и въ исторіи осады Константинополя въ 626 г. Но самое важное въ этомъ отношеніи основывалось на отдѣльныхъ соглашеніяхъ съ предводителями славянскихъ колѣнъ, вступавшими въ извѣстныя обязательства къ имперіи и получавшими свободныя земли для обитанія, организованныя какъ военно-податныя участки; къ этому вопросу мы еще будемъ имѣть случай возвратиться. Путемъ соглашеній со славянскими старшинами начата была колонизація Малой Азіи, прежде всего провинціи Виѳиніи, позволившая провести новую административную и земельную систему, съ которой стоятъ въ связи военные успѣхи Ираклія.

Въ то время какъ персы на Востокѣ дѣлали одно завоеваніе за другимъ и отдѣльные отряды ихъ угрожали самому Константинополю, столицѣ имперіи предстояло испытать еще новое бѣдствіе, происшедшее отъ голода и язвы. Константинополь всегда зависѣлъ въ доставкѣ хлѣба отъ Египта, Малая Азія могла служить лишь вспомогательнымъ средствомъ, но къ 618 г. подвозъ хлѣба изъ Египта былъ закрытъ вслѣдствіе персидскихъ завоеваній, а на Балканскомъ полуостровѣ угрожала опасность отъ аварскаго нападенія. Къ 619 г. относятся сношенія Ираклія съ каганомъ, имѣвшія цѣлью заключеніе или возобновленіе ранѣе заключеннаго мира. Было условлено, что Ираклій встрѣтится съ каганомъ неподалеку отъ Длинныхъ стѣнъ, куда про-

стирались аварскіе наѣзды, въ Иракліи (древній Перинѣѣ). Но свиданіе не состоялось, потому что Ираклій благовременно замѣтилъ подготовленную ему аварами засаду и, оставивъ слѣдовавшіе за нимъ запасы и царскую утварь, поспѣшно спасся въ Константинополь. До какой степени слабости доведена была имперія въ это время, видно изъ того, что авары погнались за греками, дошли до самаго предмѣстья столицы, захватили громадную добычу и взяли въ плѣнъ множество сельскаго населенія. Тѣмъ не менѣе, Ираклій находилъ благоразумнымъ искать мира съ аварами, потому что на Востокѣ дѣла шли еще хуже. Въ 620 году каганъ согласился на миръ, но взялъ за это очень дорогую цѣну. Прежде всего Ираклій долженъ былъ дать заложниковъ для обезпеченія принятыхъ на себя обязательствъ. Въ числѣ заложниковъ былъ побочный сынъ его Іоаннъ Леаларихъ и племянникъ Стефанъ, сынъ сестры царя Маріи. Кромѣ того, увеличено количество ежегодной дани, вносимой въ пользу аваровъ. На этихъ условіяхъ каганъ давалъ Ираклію свободу приступить къ осуществленію плановъ его по отношенію къ Персіи.

Начало персидскаго похода относится къ веснѣ 622 года. Намъ слѣдуетъ дать себѣ отчетъ, какъ состоялся этотъ походъ, какими средствами располагалъ Ираклій для открытія военныхъ дѣлъ съ Персіей, и чѣмъ обусловливался неожиданный успѣхъ его предпріятій на Востокѣ, напомнившій блистательные походы Александра Македонскаго. Прежде всего нужны были матеріальныя средства на веденіе войны, а въ этомъ отношеніи Ираклій не могъ рассчитывать на помощь ни европейскихъ, ни азіатскихъ провинцій, частью находившихся на военномъ положеніи, частью занятыхъ непріателемъ. Есть извѣстіе, что и ранѣе этого времени онъ черпалъ денежныя средства у александрійской церкви и употреблялъ ихъ на государственныя нужды; теперь та же мѣра примѣнена была въ обширныхъ размѣрахъ къ церквамъ и монастырямъ столицы. Хрисовулы Ираклія 612 и 619 гг., которыми ограничивалось число духовенства въ храмѣ св. Софіи и предписывалась экономія въ расходованіи церковныхъ суммъ, подготовляли уже его послѣдующія распоряженія насчетъ церковныхъ имуществъ. Просвѣщенный и патріотически настроенный патріархъ Сергій не поставилъ препятствій къ проведенію вопроса объ употребленіи церковныхъ сокровищъ на военныя потребности, тѣмъ болѣе, что войну съ персами можно было разсматривать, послѣ

завоеванія Іерусалима и отнятія Животворящаго древа, какъ подвигъ релігійозный. Драгоцѣнностями св. Софіи не ограничивались жертвы церкви, примѣру великой церкви послѣдовали столичные и провинціальныя епископскіе храмы, пожертвованія коихъ позволили правительству начеканить достаточно золотой и серебряной монеты на потребности предстоящей войны. Весьма характерно еще извѣстіе, сообщаемое современникомъ ¹⁾, что всю зиму передъ походомъ Ираклій провелъ въ строгомъ уединеніи въ одномъ изъ предмѣстій Константинополя, занимаясь чтеніемъ военныхъ и историческихъ сочиненій. Передъ походомъ принята была также чрезвычайная мѣра для обезпеченія порядка въ управленіи государствомъ на время отсутствія императора. Съ этой цѣлью учреждено регентство, ввѣренное десятилѣтнему царевичу Константину, патріарху Сергію и патрикію Вону. На второй день Пасхи, 5 апрѣля 622 года, помолившись въ церкви св. Софіи, Ираклій обратился къ патріарху съ слѣдующими словами: „оставляю сей городъ и сына моего на попеченіе Божіе и Богоматери и въ твои руки!“ Затѣмъ, взявъ въ руки нерукотворный образъ Спасителя, служившій ему какъ военное знамя, Ираклій открылъ походъ на корабль готовомъ къ отплытію.

На основаніи ближайшихъ событій этого похода можно вывести заключеніе, что изъ Константинополя вышла незначительная часть войска, вѣроятно гвардейскія части и свита императора, такъ какъ сборъ войска и организація частей предстояла впереди. Слѣдуетъ вспомнить, что Константинополь находился подъ угрозой персидскаго отряда, приблизившагося къ Халкидону, и что предполагаемое большинствомъ историковъ движеніе Ираклія въ Киликію и высадка въ Пилахъ ²⁾, едва ли соотвѣтствуетъ положенію дѣла и намѣреніямъ Ираклія. Больше вѣроятностей въ томъ предположеніи, что Ираклій высадился въ Пилахъ въ Никомидійскомъ заливѣ, и что именно здѣсь, въ провинціи Виѳиніи, были тѣ еемы, гдѣ устроенъ былъ Иракліемъ защищенный лагерь, и гдѣ онъ провелъ шесть мѣсяцевъ, занимаясь наборомъ войска и обученіемъ военному дѣлу новобранцевъ. Это время нужно считать употребленнымъ весьма цѣлесообразно во всѣхъ отношеніяхъ. Ираклій успѣлъ ознакомиться

1) Георгій Писиды, „Иракліада“, II. 109. 120.

2) Theoph. 303, 9: κατὰ τὰς λεγόμενας Πύλας.

съ новобранцами, обучить ихъ военному дѣлу и внушить имъ къ себѣ довѣріе. Здѣсь умѣстно сдѣлать замѣчаніе по поводу отмѣченнаго историками отсутствія въ отрядахъ Ираклія ветерановъ. Откуда же были набраны свѣжіе люди?—Не подлежитъ сомнѣнію, что главная часть новобранцевъ происходила изъ славянъ, которые къ этому времени наводнили Балканскій полуостровъ и содѣйствовали къ образованію еемнаго устройства въ Малой Азіи, давая изъ себя значительное число охотниковъ для колонизаціи Виѳиніи.

Осенью того же 622 г. Ираклій пошелъ въ Каппадокію. Первымъ послѣдствіемъ этого движенія было то, что персидскій вождь Сарваръ, стоявшій подъ Халкидономъ, оказался въ опасности быть отрѣзаннымъ отъ сношеній съ Персіей и принужденъ отступить на тѣ же провинціи, которыя теперь занималъ Ираклій. Здѣсь зимой произошло сраженіе, которое окончилось пораженіемъ персовъ и имѣло послѣдствіемъ освобожденіе Малой Азіи отъ враговъ. Зиму 623 года византійскія войска провели въ Арменіи и Понтѣ, а самъ Ираклій возвратился моремъ въ Константинополь, гдѣ его присутствіе было необходимо, между прочимъ, и для того, чтобы побудить аварскаго кагана держать свое обѣщаніе о мирѣ.

Послѣ Пасхи 623 г. Ираклій снова выступилъ походомъ въ Арменію. Этотъ походъ, продолжавшійся три года, совершенъ былъ среди невѣроятныхъ трудностей и напоминаетъ во многомъ экспедицію Александра Македонскаго. Походъ Ираклія происходилъ по тѣмъ же мѣстностямъ, которыя прославлены подвигами македонскаго героя, и ознаменованъ не менѣе рѣдкими и исключительными по отвагѣ приключеніями. Этотъ гомерическій походъ Ираклія обозначаетъ, независимо отъ всего прочаго, чрезвычайно высокое развитіе военнаго искусства въ византійской арміи и характеризуетъ большія военныя дарованія полководца. Ираклій нашелъ средства для войны тамъ, гдѣ до него не думали искать,—въ Закавказьѣ и суровой Арменіи, которыя были избраны базисомъ для наступленія въ центръ персидскаго царства. Это былъ и по своимъ результатамъ такой военный подвигъ, какого Византійская имперія не знала до сихъ поръ.

Точкой отправленія на этотъ разъ служила для Ираклія Лазика или Колхида, гдѣ онъ вошелъ въ сношенія съ разными кавказскими воинственными племенами, которыми усилилъ свое войско, доведенное до 120 тысячъ. Отсюда чрезъ Арменію онъ вторгся въ пер-

сидское царство, именно въ провинцію Атрапатену, южнѣй Аракса, и сталъ угрожать центральнымъ владѣніямъ персидскаго царя. По всѣмъ вѣроятіямъ, это движеніе не было предусмотрено Хосроемъ, который позволилъ византійскому войску вторгнуться въ Персію, самъ оставаясь въ главномъ городѣ провинціи Ганзакѣ ¹⁾. Находясь въ критическомъ положеніи, персидскій царь отдалъ приказъ полководцу Сарвару поспѣшить въ Персію и соединиться съ другими тамъ дѣйствовавшими частями; самъ же съ отборнымъ отрядомъ, которому уже нанесено было пораженіе передовыми частями войска Ираклія, поспѣшилъ отступить въ Месопотамію на соединеніе съ остававшимися тамъ гарнизонами. Между тѣмъ Ираклій овладѣлъ Ганзакомъ, гдѣ нашель большую добычу и богатства, но не нашель Животворящаго Древа, которое персы хранили въ Ктесифонѣ. Идя по слѣдамъ Хосроя, византійцы напали на городъ Оиварму, гдѣ истребили главное святилище огнепоклонниковъ и огромную статую Хосроя. Преслѣдуя персидскаго царя, Ираклій овладѣлъ многими городами и опустошалъ страну. Наконецъ, наступила зима, заставившая подумать о прекращеніи военныхъ дѣйствій и о зимнихъ квартирахъ. Говорятъ, что въ военномъ совѣтѣ склонялись къ двоякому рѣшенію: по однимъ нужно было продолжать движеніе и напасть на Хосроя, по другимъ возвратиться къ первоначальной базѣ похода, на Кавказъ. Любопытно, что и это рѣшеніе, какъ и другія фазы похода, было освящено религіей. Такъ, прежде чѣмъ отдать приказъ объ отступленіи на сѣверъ, императоръ объявилъ трехдневный постъ и потомъ, раскрывъ евангеліе, въ немъ вычиталь указаніе, согласно которому и поступилъ. Нельзя не оцѣнить практической смыслъ этого рѣшенія. Избравъ для зимняго расположенія страну при подошвѣ Кавказа и по берегу Каспійскаго моря (Албанія), онъ обезпечивалъ себѣ возможность добыванія средствъ къ продовольствію и къ пополненію убыли въ людяхъ. Дабы привлечь къ себѣ симпатіи населенія, онъ отпустилъ на свободу 50 тысячъ плѣнниковъ, которыхъ, впрочемъ, и неблагоприятно было имѣть съ собой на зимнихъ квартирахъ. Событія, послѣдовавшія въ зиму 623—624 г., прослѣдить въ высшей степени трудно, такъ какъ въ сохранившихся извѣстіяхъ встрѣчаются противорѣчія ²⁾. Главнымъ мотивомъ

¹⁾ Развалины недалеко отъ Тавриза.

²⁾ Gerland, „Die persischen Feldzüge“, 28—29 („Byzant. Zeitschr.“, III, 2).

движенія на сѣверъ было упрочить безопасность со стороны кавказскихъ народовъ, съ каковой цѣлью Ираклій началъ переговоры съ грузинскими и сосѣдними мелкими князьями (лазы, авазги). Но, съ своей стороны, и персы приняли мѣры, чтобы возбудить противъ него движеніе между кавказскими племенами. Противъ Ираклія снаряжены были три арміи, которыя имѣли задачей запереть его въ кавказскихъ горахъ и не пропустить его снова въ персидскіе предѣлы. Указанныя обстоятельства заставили Ираклія, не довѣряясь колебавшимся между персами и византіяцами союзникамъ, отступить изъ Албаніи на югъ и самому напасть на персовъ. Военныя дѣйствія происходили въ Арменіи и имѣли рѣшительный характеръ. Двумя пораженіями, нанесенными персамъ при Тигранокертѣ и при Салванѣ, на озерѣ Ванъ, не только устранена была угрожавшая опасность, но открыта возможность снова начать наступательныя дѣйствія противъ Хосроя. Таковы были обстоятельства осенью и зимой 624 года.

Весной слѣдующаго года Ираклій перенесъ театръ дѣятельности въ Месопотамію, на границу обѣихъ имперій. По всей вѣроятности движеніе на западъ должно быть объясняемо ходомъ событій въ самомъ Константинополѣ и извѣстіями о замышляемомъ союзномъ нападеніи аваръ и персовъ на столицу христіанской имперіи. Весной и лѣтомъ 625 г. военныя событія происходятъ частью въ Арменіи и Месопотаміи, частью въ предѣлахъ Византійской имперіи. Ираклій захватилъ городъ Амиду и Мартирополь, принадлежавшіе прежде Византіи и недавно отнятые персами, и послалъ о томъ извѣщеніе регентамъ и сенату. Съ цѣлью предупредить движеніе персидскаго полководца Сарвараза въ Малую Азію, онъ продолжалъ движеніе на востокъ, имѣлъ съ персами сраженіе на Евфратѣ и заставилъ Сарвараза отступить назадъ. Въ теченіе 625 года Ираклій не выходилъ изъ предѣловъ Византійской имперіи и на зиму снова расположился на квартирахъ у Кавказскихъ горъ, вѣроятно въ той же Лазикѣ, гдѣ онъ зимовалъ въ началѣ персидскихъ походовъ.

Наступилъ самый критическій моментъ въ отношеніяхъ между Персіей и Византіей, на цѣлыя столѣтія впередъ опредѣлившей дальнѣйшую судьбу Востока. Относительно подробностей остается еще много неизвѣстнаго и мало выясненнаго въ событіяхъ 626—627 года, но общее направленіе широко захватывавшей политики Ираклія хорошо опредѣляется по тѣмъ фактамъ, которые произошли на пери-

феріяхъ обширной области византійскаго вліянія и которые способствовали окончательному паденію персидскаго военнаго могущества. Персидскій царь задумывалъ смѣлое предпріятіе—отвлечь вниманіе Ираклія отъ Востока подготовленіемъ ему такихъ затрудненій въ Европѣ, которыя заставили бы его оставить Арменію и Персію и всѣ средства употребить на спасеніе столицы и европейскихъ владѣній. Для этого служилъ союзъ съ аварскимъ каганомъ и предположенное на лѣто 626 г. одновременное изъ Азіи и Европы нападеніе на Константинополь. Между тѣмъ какъ происходилъ обмѣнъ сношеній между Сарваромъ, назначеннымъ со стороны Хозроя дѣйствовать изъ Азіи, и каганомъ, обѣщавшимъ сдѣлать нападеніе со стороны Европы, попытаемся разобратъся въ скудныхъ извѣстіяхъ о мѣропріятіяхъ, осуществленныхъ Иракліемъ для отраженія опаснаго соглашенія. Императора снова находимъ въ Лазикѣ, гдѣ онъ заботится объ организаціи военныхъ силъ и гдѣ завязываетъ новыя сношенія съ кавказскими племенами, вербуя между ними охотниковъ на службу. Въ смыслѣ военныхъ мѣръ слѣдуетъ отмѣтить то обстоятельство, что Ираклій, несмотря на критическое положеніе, нашель болѣе полезнымъ оставаться съ главнымъ войскомъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, откуда и руководилъ ходомъ дѣлъ. Такъ какъ Хосрой выставилъ два отряда, изъ коихъ одинъ находился уже въ Халкидонѣ, а другой подъ предводительствомъ Саина долженъ былъ слѣдить за Иракліемъ и не позволить ему подать помощь столицѣ, то для византійскаго главнокомандующаго вся задача представлялась въ томъ, чтобы обмануть бдительность Саина и выдѣлить часть войска на помощь столицѣ. Эта задача была выполнена дѣйствіями особаго отряда, во главѣ котораго поставленъ былъ Θεодоръ, братъ императора, и который, какъ увидимъ ниже, въ самое критическое время оказался вблизи Константинополя. Но самой важной, повидимому, мѣрой были начавшіеся тогда переговоры съ тюркскимъ племенемъ хазаръ, жившимъ на сѣверъ отъ Кавказа и имѣвшимъ вскорѣ затѣмъ играть большую роль въ юго-восточной Европѣ. Съ хазарами заключенъ былъ Иракліемъ союзный договоръ, по которому эти кочевники обязались сдѣлать набѣгъ на персидскія владѣнія и, съ другой стороны, держа въ своей власти кавказскіе горные проходы, обезпечивать безопасность со стороны сѣвера. Свиданіе между каганомъ хазаръ и греческимъ царемъ происходило при Тифлисѣ. Изъ послѣдующихъ

данныхъ можно заключать, что союзомъ съ хазарами Ираклій обезпечивалъ себѣ возможность похода на Персію и пополненіе военныхъ силъ, ослабленныхъ выдѣленными противъ Саина и Сарвазара отрядами.

Переходимъ къ изложенію событій, имѣвшихъ мѣсто лѣтомъ 626 года. Защита города и государственное управленіе ввѣрены были регентству. Патріархъ Сергій и патрикій Вонъ, бывшіе опекунами малолѣтняго сына Ираклія и стоявшіе во главѣ регентства, несли на себѣ все бремя ответственности за текущія дѣла. При выступленіи Ираклія въ походъ миръ на Западѣ обезпеченъ былъ союзомъ съ аварскимъ каганомъ, которому обѣщано было платить 200 тысячъ золотыхъ или около 800 000 р. на наши деньги, и который, кромѣ того, заручился заложниками со стороны имперіи, въ числѣ коихъ былъ побочный сынъ царя Іоаннъ, сынъ патрикія Вона и другіе. Но на вѣрность кагана нельзя было положиться, защита города состояла въ его собственныхъ укрѣпленіяхъ съ суши и съ моря, а главное во флотѣ, который стоялъ въ константинопольскихъ гаваняхъ и поддерживалъ сношенія столицы съ европейскими и азіатскими городами и съ островами. Во все время существованія имперіи флотъ составлялъ ея главное преимущество въ борьбѣ со всѣми врагами; пока былъ въ распоряженіи столицы флотъ, она могла быть обезпечена подвозомъ хлѣба и оружія. Зимой 625—626 г. азіатская сторона Босфора и Мраморнаго моря находилась во власти персовъ, такъ какъ Сарвазаръ захватилъ Халкидонъ и Хрисополь и опустошилъ прибрежныя области, не внушая, однако, опасности Константинополю, такъ какъ у него не было военныхъ судовъ. Вотъ почему для персовъ было важно, чтобы съ европейской стороны вышла противъ Константинополя другая союзная съ ними сила, и чтобы одновременнымъ движеніемъ съ востока и запада можно было принудить Константинополь къ постыдной сдачѣ. Этотъ расчетъ былъ вѣренъ; съ такимъ расчетомъ дѣйствуютъ противъ Константинополя турки-сельджуки и печенѣги въ XI в.; такой же планъ не разъ составляли османскіе турки, прежде чѣмъ они завоевали Константинополь. Но всегда Константинополь спасался отъ неминуемой опасности со стороны Европы и Азіи посредствомъ своего флота, котораго не имѣли окружавшіе имперію варвары.

Вслѣдствіе соглашенія между персами и аварами, на лѣто 626 г.

предположено было движеніе на Константинополь аварскаго кагана съ подчиненными его власти славянами. Въ день апостоловъ Петра и Павла передовой отрядъ въ 300 тысячъ подступилъ къ Длинной Анастасіевой стѣнѣ и, похваляясь, что это только передовой отрядъ, а что главное войско идетъ вслѣдъ за нимъ, побудилъ небольшой византійскій сторожевой отрядъ отступить подъ защиту городскихъ стѣнъ. Анастасіева стѣна была пробита и перестала быть защитой для массы крестьянскаго населенія, занимавшагося обработкой земли и культурой богатыхъ подгородныхъ помѣщичьихъ усадебъ. Варвары раскинули лагерь близъ Константинополя, высылали мелкіе отряды до самыхъ стѣнъ и отрѣзали городъ отъ всѣхъ внѣшнихъ сношеній. Въ городѣ не могло быть недостатка въ военныхъ людяхъ, поэтому сдѣлана была вылазка, имѣвшая удачный исходъ и стоившая жизни многимъ варварамъ. Между тѣмъ каганъ далъ знать посредствомъ зажженныхъ костровъ на азіатскій берегъ о прибытіи своемъ и послалъ къ регентамъ для переговоровъ, а равно съ цѣлью разузнать о положеніи дѣлъ, знатнаго плѣннаго грека, патрикія Аѳанасія. Кагану желательно было въ особенности освѣдомиться о томъ, сколько ему заплатятъ, если онъ согласится отступить и дастъ обѣщаніе дружбы. Патріархъ и патрикій Вонъ употребили всѣ средства, бывшія въ ихъ распоряженіи, чтобы доказать неумѣстность предложеній кагана и ошибочность его взглядовъ на положеніе дѣлъ въ Константинополѣ. Съ этою цѣлью обратили вниманіе аварскаго посланца на тѣ военные отряды, которые составляли гарнизонъ столицы и доказывали, что съ этими средствами и съ той милиціей, какой располагали городскіе димы, городъ не только могъ хорошо защищаться противъ нападений, но и предпринимать вылазки. При такомъ настроеніи правительства казались совершенно недопустимыми требованіе кагана выдать ему всѣ хранящіяся въ городѣ сокровища и его угроза въ противномъ случаѣ взять городъ силой и жителей обратить въ рабство.

Такъ какъ при подобныхъ условіяхъ невозможно было придти къ соглашенію, то каганъ приступилъ къ осадѣ города (рис. 77), имѣя притомъ основательную надежду на содѣйствіе со стороны персидскаго войска, расположившагося въ Халкидонѣ, въ виду Константинополя. Правда, сношенія между аварами и персами не были допускаемы достаточно численной византійской флотиліей, бывшей въ распоряженіи

регентства, и только зажигаемые на малоазійскихъ холмахъ костры да горящія византійскія усадьбы на берегахъ Босфора и Мраморнаго моря обозначали область, занятую непріятелями. Къ 29 іюня каганъ приблизился къ осажденному городу со своими главными силами, значительную часть которыхъ составляли славяне Балканскаго полуострова. Если не говорить о части города, обращенной къ морю, которая пока не подвергалась опасности, то со стороны суши наиболѣе важнымъ въ смыслѣ нападенія и опаснымъ въ смыслѣ защиты было то мѣсто сухопутныхъ стѣнъ, которое находится между Адрианопольскими воротами и Пушечными (Топъ-капу) или Романовскими воротами. Сюда направлялись главные удары со стороны всѣхъ, когда либо угрожавшихъ Константинополю со стороны суши; здѣсь происходили наиболѣе ожесточенныя схватки и во время турецкой осады въ 1453 г. Каганъ сосредоточилъ на этомъ мѣстѣ главныя силы и съ утра до ночи посылалъ новые и новые отряды славянъ, которые своими тѣлами постепенно наполняли глубокой ровъ передъ стѣнами. Но такъ какъ всѣ нападенія были съ успѣхомъ отбиваемы, то понадобилось прибѣгнуть къ тяжелымъ орудіямъ, т.-е. къ устройству передвижныхъ башенъ, съ которыхъ можно было бы бить стѣны машинами. Каганъ построилъ съ этой цѣлью на указанномъ пространствѣ 12 искусственныхъ сооружений, по высотѣ равныхъ со стѣнами города, съ которыхъ пытался бить стѣны и поражать защитниковъ осаждаемаго города (рис. 78). Тогда въ первый разъ примѣненъ былъ со стороны Византіи знаменитый греческій огонь, которымъ были истреблены аварскія сооруженія. Мы будемъ имѣть случай впоследствии остановить вниманіе на этомъ новомъ для своего времени военномъ изобрѣтеніи, давшемъ грекамъ на долгое время преимущество передъ ихъ врагами и остававшемся ихъ государственной тайной; теперь же замѣтимъ, что это изобрѣтеніе, сдѣланное въ византійскомъ флотѣ, съ успѣхомъ примѣнено было противъ деревянныхъ сооружений, при помощи которыхъ каганъ думалъ завладѣть городскими стѣнами. Желая воспользоваться произведеннымъ впечатлѣніемъ, патрикій Вонъ отправилъ въ аварскій станъ посольство съ предложеніемъ выдачи дани, какъ это было условлено самимъ Иракліемъ, но каганъ дерзко настаивалъ на требованіи, чтобы жители Константинополя вышли изъ города, предоставивъ аварамъ всѣ свои богатства. Кромѣ того, каганъ хвалился, что онъ можетъ угрожать

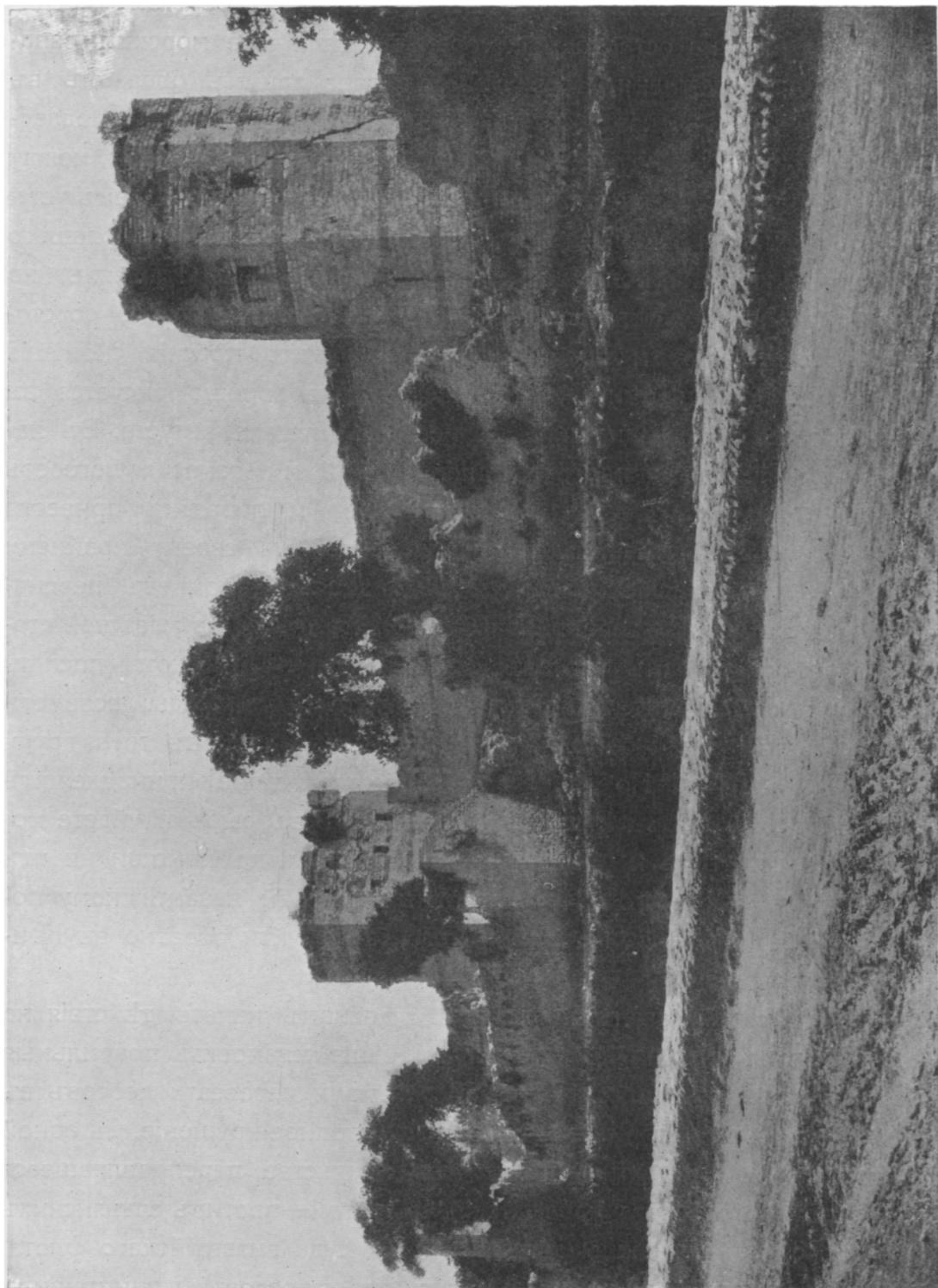

Рис. 77. Стѣны и башни Константинополя.

городу одновременно и съ суши и съ моря. Для этой цѣли могли служить ему подвластные ему славяне, жившіе по берегамъ Средиземнаго моря и на островахъ, которые владѣли уже морскими знаніями и были опытными моряками. У кагана такимъ образомъ въ распоряженіи могъ оказаться флотъ, который долженъ былъ поддерживать сношенія между азіатскимъ и европейскимъ берегами, между персами и аваро-славянами. Правда, славянскія лодки во всемъ уступали большимъ и тяжелымъ судамъ византійскаго флота, стоявшаго какъ въ константинопольскихъ, такъ и въ другихъ гаваняхъ, но каганъ могъ воспользоваться своими лодками одновременно со стороны Золотого Рога и вообще могъ затруднить морскія сношенія столицы съ провинціями. Это положеніе дѣла хорошо рисуется въ переговорахъ, происходившихъ въ первыхъ числахъ августа. Въ лагерь аварскій представились патрикій Георгій и Аѳанасій, логоетъ Θεодосій, синкелль Θεодоръ и другія лица и пытались привести кагана къ болѣе умѣреннымъ требованіямъ. Къ своему крайнему изумленію, византійскіе послы увидѣли здѣсь посланцевъ персидскаго полководца Сарвараза (Шахбараза), стоявшаго на азіатской сторонѣ Босфора. Каганъ сказалъ: „вотъ персы предлагаютъ послать мнѣ три тысячи воиновъ; итакъ, если хотите, пусть каждый возьметъ съ собой одежду и рубашку и идетъ къ Сарваразу: онъ мнѣ другъ и васъ не обидитъ! Но городъ и имущество ваше принадлежитъ мнѣ, а спасенія вамъ нѣтъ, развѣ обратитесь въ рыбъ и уйдете моремъ, или въ птицъ и улетите на небо. Нѣтъ вамъ помощи ни отъ царя, ни отъ войска его“. Послѣ такихъ заявленій византійскому посольству не оставалось ничего другого, какъ уйти обратно въ Константинополь.

Между тѣмъ каганъ приказалъ славянамъ начать дѣйствія на своихъ судахъ; ближайшая его цѣль была установить правильныя сношенія съ противоположнымъ берегомъ и перевезти персовъ въ свой станъ. Но предпріятіе его потерпѣло полное крушеніе. Съ одной стороны, греки перехватили персидское посольство, переправлявшееся съ европейскаго берега на азіатскій, съ другой—противъ славянскихъ мелкихъ судовъ высланы были большія суда византійскаго флота, которыя безъ труда потопили славянскихъ матросовъ и уничтожили ихъ флотилію. Такимъ образомъ, несмотря на большія военныя средства и исключительно благопріятныя условія, каганъ не могъ

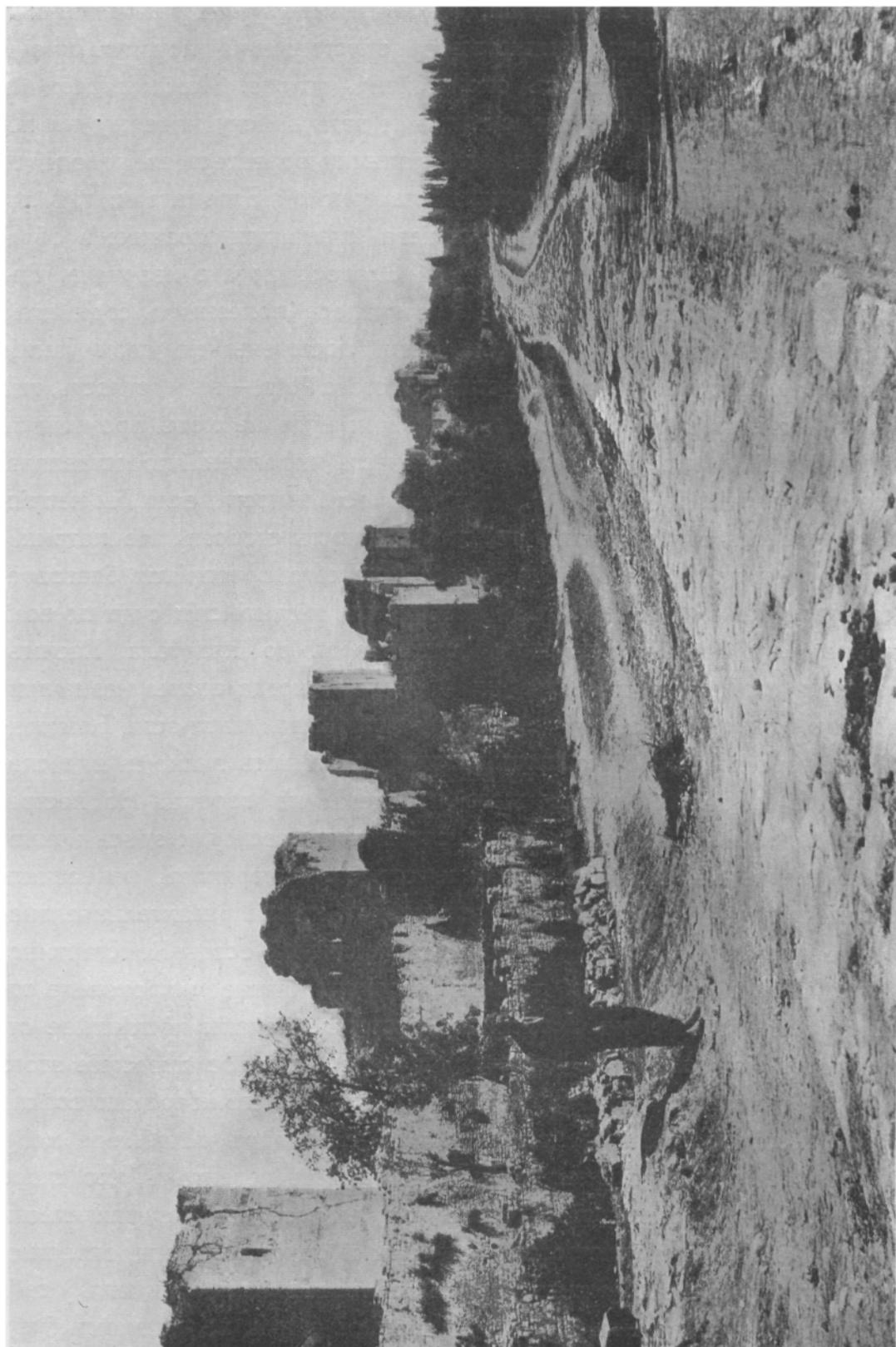

Рис. 78. Стѣны и башни Константинополя.

достигнуть преслѣдуемой цѣли, между тѣмъ приближеніе осени и недостатокъ съѣстныхъ припасовъ въ опустошенной кругомъ странѣ побуждали его спѣшить съ окончаніемъ похода. Чтобы задержать колебавшихся въ вѣрности славянъ и дать войску надежду на полученіе добычи, онъ сдѣлалъ еще попытку ворваться въ городъ со стороны Золотого рога и церкви Влахернской Богоматери, гдѣ построена магистромъ Вономъ Иракліева стѣна для огражденія образовавшагося здѣсь за старой стѣной Феодосія новаго квартала. Для осуществленія задуманнаго плана считалось полезнымъ содѣйствіе славянскихъ матросовъ, которые были посажены на свои легкія суда и переведены въ самое устье Золотого Рога,—въ мѣстность, гдѣ были мостъ и церковь Св. Каллиника, и куда не могъ проникнуть византійскій флотъ. Эта часть сухопутныхъ укрѣпленій представляла, повидимому, наиболѣе слабое мѣсто, въ особенности, если бы непріятелю удалось одновременно напасть съ двухъ сторонъ. Но патрикій Вонъ предупредилъ выполненіе этого смѣлаго предпріятія благовременными мѣрами. Именно, онъ разставилъ византійскія суда по всей длинѣ Рога отъ нынѣшняго Айванъ-сарай до квартала Касимъ-паша и приказалъ въ ночь на 4 августа, когда авары назначили ночное нападеніе на городъ, зажечь костры въ мѣстности Влахернскаго квартала. Это было, повидимому, условнымъ знакомъ для славянъ къ началу одновременнаго нападенія на городъ. Но костры были зажжены съ цѣлью завлечь славянъ въ засаду, и здѣсь нашли себѣ смерть тѣ, которые спаслись отъ меча моряковъ, нанесшихъ сильное пораженіе славянамъ. Эта побѣда имѣла рѣшительное значеніе въ исторіи знаменитой аварско-славянской осады Константинополя. Она окончателью разбила надежды кагана и произвела тяжелое впечатлѣніе на союзниковъ, которые начали поспѣшное отступленіе изъ аварскаго лагеря. Какъ необходимое слѣдствіе этого нужно разсматривать немедленное отступленіе всего аварскаго войска отъ Константинополя и начавшееся съ тѣхъ поръ ослабленіе могущества кагана. Хотя онъ приказалъ передать регентамъ, что скоро вернется и отомститъ за причиненныя ему обиды, но фактически понималъ все значеніе своей неудачи и опустошеніемъ окрестностей города, а равно уничтоженіемъ военнаго запаса отнималъ у себя возможность возвратиться сюда, по крайней мѣрѣ, въ близкомъ будущемъ. Къ тому же времени до Константинополя дошли извѣстія о

приближеніи отряда, предводительствуемаго братомъ императора Теодоромъ. — Византія праздновала освобожденіе отъ неминуемой бѣды молебнымъ пѣніемъ Богоматери, помощи Которой приписывалось по общему убѣжденію спасеніе города.

Отступленіе аваровъ и славянъ отъ Константинополя въ 626 г. должно быть оцѣниваемо въ особенности съ точки зрѣнія современныхъ рассказаннымъ событіямъ южной и юго-западной Европы. Подразумѣаемыя событія тѣмъ болѣе имѣютъ значенія, что вскрываютъ первыя попытки организациі славянъ въ государственное тѣло и носятъ характерные признаки образованія княжеской власти, объединяющей отдѣльныя жупы и колѣна подъ властью предводителя военной дружины. Какъ видно изъ житія св. Димитрія Солунскаго, каганъ аварскій, которому въ то время были подчинены славяне Балканскаго полуострова, рѣшился уступить требованіямъ славянъ и далъ имъ князя въ лицѣ Кувера; этотъ же замыслилъ возстаніе противъ аваровъ, для чего соединилъ подъ своей властью различныя племена и началъ войну съ аварами. Нанеся имъ неоднократное пораженіе, онъ утвердился за Дунаемъ на мѣстахъ господства аваровъ и началъ заявлять притязаніе на Солунь, Константинополь и другіе города Фракіи. Съ другой стороны, ослабленіе аварской власти сказалося почти одновременно съ изложенными выше событіями въ юго-западной части Европы, также занятой славянами. Именно въ Чехіи и Моравіи къ тому времени образуется славянское княженіе подъ властью Само. Какъ бы ни были фантастичны въ подробностяхъ дошедшія до насъ извѣстія о Само и объ обстоятельствахъ его утвержденія во власти, но никакъ нельзя выставить основательныхъ возраженій противъ самаго зерна сказанія Фредегара. Нужно признать достаточно выразительнымъ тотъ фактъ, что какъ среди славянъ Балканскаго полуострова, такъ и между сѣверо-западными вѣтвями того же племени въ первой половинѣ VII в. возникли начала государственной организациі и соединенія отдѣльныхъ колѣнъ подъ властью предводителя дружины или колѣннаго старшины. Въ послѣдующихъ главахъ предстоитъ выяснить тотъ многозначительный фактъ, что эти начатки организациі пропали безслѣдно и не сопровождались серьезными результатами для ближайшаго времени. Разыгравшаяся подъ Константинополемъ драма, проведенная ближайше регентствомъ, должна была имѣть громадное вліяніе на ходъ восточной войны,

которою лично руководилъ Ираклій. Выше было сказано, что весной и лѣтомъ 626 г., т.-е. во время осады Константинополя, императоръ находился на Востокѣ, пополнялъ свои войска на Кавказѣ и вель переговоры съ хазарами—народомъ, скоро имѣющимъ играть большую роль въ событіяхъ юго-восточной Европы. Этими переговорами имѣлось въ виду какъ обезпечить возможность дальнѣйшихъ предпріятій противъ Персіи, такъ и приготовить для аваровъ затрудненія въ подчиненныхъ имъ земляхъ. Дѣйствовавшіе противъ Константинополя персидскіе отряды оказали мало вліянія на общій ходъ дѣлъ. Отрядъ Сарвазара, стоявшій въ Халкидонѣ, ограничился въ сущности угрозами и опустошеніями Малой Азіи; отрядъ Саита былъ ослабленъ братомъ Ираклія, Теодоромъ.

Такимъ образомъ, къ осени 626 года Ираклій могъ себя чувствовать уже спокойнымъ за участь столицы и приняться за осуществленіе дальнѣйшихъ плановъ на Востокѣ. Прежде всего здѣсь имѣетъ значеніе свиданіе Ираклія съ хазарскимъ ханомъ Зивиломъ подъ Тифлисомъ, при чемъ произошелъ демонстративный обмѣнъ любезностями, предводителю хазаръ обѣщана рука дочери царя Епифанія, онъ же выставилъ на помощь Ираклію 40 тысячъ союзнаго войска. Затѣмъ Ираклій началъ свой знаменитый походъ въ середину Персіи, сопровождавшійся невѣроятными успѣхами, обезсмертившими его имя. Этотъ походъ, относящійся къ 627 году, имѣлъ ближайшей цѣлью нанести ударъ самому Хосрою въ его собственной странѣ и закончился вторженіемъ въ нынѣшнюю Месопотамію, столь прославленную неожиданными открытіями и раскопками въ истекшее столѣтіе, выдвинувшими на очередь глубокой важности міровые вопросы. Главныя битвы происходили на территоріяхъ Тигра и Евфрата, вблизи древнихъ городовъ Ниневіи и Вавилона.

„Исторія изслѣдованія древней Ассиріи и Вавилоніи и открытія изъ-подъ земли безчисленныхъ храмовъ и дворцовъ этихъ древнихъ государствъ полна особенной привлекательности. ¹⁾ Эта исторія такъ богата необыкновенными неожиданностями, такъ исключительна по значенію и важности достигнутыхъ результатовъ для различныхъ вѣтвей знанія и при этомъ такъ многообразно перемѣшана со странными приключеніями всякаго рода, что часто она болѣе походитъ

¹⁾ Hilprecht, „Die Ausgrabungen in Assyrien und Babylonien“ Leipzig, 1904; I Kapitel.

на занимательный романъ одареннаго богатой фантазіей писателя, чѣмъ на реальное представленіе дѣйствительныхъ событій и фактовъ. Ниневія и Вавилонъ! Какія блистательныя имена, какіе выдающіеся типы напряженія человѣческой силы, духовной зрѣлости, религіозной глубины и благородныхъ стремленій! Но, съ другой стороны, сколь отвратительна эта исторія по происходящимъ въ ней ужаснымъ событіямъ, по примѣрамъ безграничной власти, неумѣренной страсти къ наслажденіямъ, нравственной порчи и позорнаго паденія. Невѣжественные крестьяне пашутъ землю на развалинахъ Хорсабада и Коюнджука, бродячіе бедуины пасутъ свои стада на покрытыхъ травой склонахъ Нимруда и Калать-Ширгать¹⁾, турецкія казармы или магометанскіе поселки вѣнчаютъ вершины Ербиля и Неби-Юнусъ. Ничто не говоритъ путешественнику о погибшемъ блескѣ ассирійской цивилизаціи, кромѣ заросшихъ кучъ щебня и остроконечныхъ холмовъ. И при всемъ томъ еще болѣе производятъ захватывающее и страшное впечатлѣніе та дикость и непредѣльное опустошеніе, которыми отличается нынѣшняя Вавилонія. Вся эта страна имѣетъ видъ ниспосланнаго Богомъ наказанія на Содомъ и Гоморру. Давно уже засыпались безчисленные каналы, которые подобно кровеноснымъ жиламъ прорѣзывали по всѣмъ направленіямъ плодородныя равнины и приносили радость и счастье въ каждое селеніе и усадьбу“.

Эта удивительная страна нынѣ привлекаетъ къ себѣ вниманіе всего культурнаго міра по изумительнымъ находкамъ, сдѣланнымъ здѣсь въ прошедшемъ вѣкѣ, и по живымъ остаткамъ бытовой обстановки, о какой повѣствуютъ библейскія сказанія. Съ этой точки зрѣнія намъ нельзя не коснуться положенія Месопотаміи въ началѣ VII в., когда Ираклій сдѣлалъ походъ въ предѣлы Персіи и нанесъ окончательное пораженіе персидскому царю. Походъ Ираклія въ Месопотамію открылся осенью 627 г. Но откуда вторгнулся византійскій царь, какая была его ближайшая цѣль, и почему персидскіе полководцы допустили его перейти границу, на это мы не можемъ дать отвѣта за скудостью извѣстій. Имѣя въ виду, что база Ираклія была на Кавказѣ, слѣдуетъ допускать, что онъ шель долиной Аракса

1) Ниневія, близъ Мосула. Разумѣются холмы, сдѣлавшіеся знаменитыми по найденнымъ въ нихъ памятникамъ ассирійскаго искусства.

по направленію къ озеру Урмію въ провинціи Персарменія; обыкновенная въ персидско-византійскихъ отношеніяхъ укрѣпленная линія— Дара, Нисибі — оставалась на этотъ разъ въ сторонѣ. Несмотря на выставленный противъ него персидскій отрядъ подъ предводительствомъ Разада, который, однако, не оказалъ особенной энергіи, Ираклій смѣло шелъ впередъ и въ октябрѣ мѣсяцѣ приблизился къ рѣкѣ Забу, притоку Тигра, гдѣ далъ роздыхъ утомленному труднымъ горнымъ переходомъ войску и затѣмъ, переправившись черезъ Забу, остановился лагеремъ близъ города Ниневіи, какъ замѣчаетъ писатель Теофанъ ¹⁾. Современники Ираклія не знали уже точнаго положенія Ниневіи, разрушенной въ 625 г. до Р. Хр. и скоро забытой до такой степени, что даже лучшіе писатели, какъ Плиній и Страбонъ, не могли сказать объ этомъ городѣ ничего опредѣленнаго. Самый близкій къ занимающему насъ времени писатель Амміанъ Марцеллинъ, жившій въ концѣ IV вѣка ²⁾, упоминаетъ о Ниневіи въ такихъ выраженіяхъ, которыя ясно показываютъ, что хотя имя хранилось въ преданіи, но, кромѣ засыпанныхъ холмовъ, и тогда уже ничего не осталось отъ величественнаго города. Здѣсь, въ мѣстности близъ Мосула на Тигрѣ, въ декабрѣ 627 г. произошли событія, положившія основанія къ коренной перемѣнѣ политическихъ отношеній на Востокѣ.

За византійской арміей слѣдомъ шелъ персидскій вождь Разадъ, который, наконецъ, рѣшился дать битву. За мелкими стычками передовыхъ отрядовъ послѣдовало большое сраженіе; оно продолжалось цѣлый день отъ утра до вечера и въ главныхъ чертахъ описано въ „Хроникѣ“ Теофана. Выборъ мѣста сдѣланъ Иракліемъ, и не только главное руководство битвой принадлежало самому царю, но онъ же стоялъ въ серединѣ войска и не разъ вступалъ въ единоборство съ персидскими вождями. Нерѣдко Ираклій подвергалъ опасности свою жизнь; наконецъ, подъ нимъ былъ раненъ конь, самъ онъ получилъ нѣсколько царапинъ въ лицо, но онъ вознагражденъ былъ рѣшительной побѣдой надъ персами. Въ битвѣ палъ полководецъ Разадъ, три подчиненные ему начальника, и погибла значительная часть войска. Взята была у персовъ богатая добыча: 28 знаменъ,

¹⁾ Theoph. 318, 2.

²⁾ Кулаковскій и Сонни, „Амміанъ Марцеллинъ“, Кіевъ 1906—8, кн. XVIII, 7 (стр. 223).

множество панцырей, шлемовъ и разнаго оружія. Въ особенности много было взято дорогихъ предметовъ въ ставкѣ Разада: золотыя шпаги, перевязи, украшенныя золотомъ и жемчугомъ, копье, панцырь, дорогой кафтанъ, наручники и сѣдло,—все это изъ золота и драгоцѣнныхъ камней.

Но такъ какъ персы получили подкрѣпленіе, то они сдѣлали новую попытку задержать движеніе Ираклія, который, однако, искусными движеніями удержалъ за собой выгоды одержанной побѣды. Здѣсь въ руки побѣдителей досталось еще нѣсколько дворцовъ персидскаго царя, снабженныхъ обильными запасами и продовольствіемъ. Отпраздновавъ Рождество и Новый годъ въ одномъ изъ дворцовъ Хосроя, Ираклій получилъ извѣстіе, что персидскій царь находится въ Дасдагердѣ, что около Багдада, и готовится вступить въ борьбу. Но скоро затѣмъ получено было новое извѣстіе, что Хосрой, не считая себя безопаснымъ въ Дасдагердѣ, поспѣшно навьючилъ на верблюдовъ и муловъ бывшія тамъ сокровища и удалился въ Ктесифонъ. „Кто бы могъ вообразить, говоритъ Теофанъ, что Хосрой побѣжитъ предъ лицомъ ромэйскаго царя изъ своего дворца въ Дасдагердѣ въ Ктесифонъ, хотя онъ 24 уже года не выносилъ пребыванія въ немъ и перенесъ столицу въ Дасдагердъ“. Побѣдители нашли здѣсь 30 знаменъ, огромные запасы восточныхъ товаровъ: много алая и большія алойныя деревья вѣсомъ въ 70 и 80 литръ, много шелку, перцу, восточныхъ тканей, сахаръ, инбирь и другіе товары. Кромѣ того, были найдены слитки серебра, шелковыя одежды, а равно ковры и вышиванія—все это въ такомъ громадномъ количествѣ, что пришлось многое предать огню. Точно также подверглись сожженію походные шатры Хосроя и передвижные портики, которые разставлялись на мѣстахъ расположенія лагеря, а равно колонны съ царскими бюстами. Въ этихъ дворцахъ оказалось множество страусовъ, козъ, онагровъ, павлиновъ и фазановъ, и для царской охоты здѣсь содержались львы и тигры. Богатства и диковинныя вещи во дворцахъ персидскаго царя произвели на войско сильное впечатлѣніе и подняли его мужество. Въ византійскій лагерь стали стекаться въ большомъ количествѣ содержащіеся въ персидскомъ плѣну александрійцы, эдесситы и плѣнные изъ другихъ городовъ. Въ сознаніи важности достигнутыхъ результатовъ Ираклій отпраздновалъ здѣсь Богоявленіе и далъ роздыхъ

людямъ и лошадямъ. Онъ не желалъ оставлять позади себя ни провіанта, ни пристанища для непріятеля и безжалостно уничтожалъ всѣ постройки „дабы дать почувствовать Хосрою, какія страданія испытывали ромѣи, когда онъ жегъ и опустошалъ ихъ города“ ¹⁾). Дворцовые служители, захваченные въ плѣнъ, показали, что Хосрой тайно покинулъ Дасдагердъ за 9 дней до прибытія византійскаго войска, и что бѣгство его было устроено въ большомъ секретѣ отъ войска и жителей города. Всѣ эти подробности, передаваемые писателемъ Теофаномъ, рисуютъ наглядно произведенное побѣдами Ираклія громадное впечатлѣніе и готовятъ къ роковымъ событіямъ, нанесшимъ непоправимый ударъ персидской державѣ.

Но движеніе на Ктесифонъ вслѣдъ за отступавшимъ Хосроемъ все же представляло значительную опасность. Мы должны вспомнить, что Ираклій имѣлъ у себя въ тылу армію Сарвазара, стоявшую лѣтомъ 626 г. въ Халкидонѣ, что эта армія, соединившись съ другими персидскими отрядами, которыми Хосрой располагалъ въ Каппадокіи, могла бы сдѣлаться очень опасной для византійскаго, такъ далеко въ Персію вдавагося отряда, тѣмъ болѣе, что средства Хосроя далеко не казались исчерпанными. Вслѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ дальнѣйшее движеніе было на нѣкоторое время пріостановлено. Дальнѣйшія событія могутъ быть возстановлены въ фактическомъ отношеніи по письму Ираклія отъ 15 марта 628 г., которое было прочитано въ церкви св. Софіи константинопольской ровно черезъ два мѣсяца, т.-е. 15 мая. Хотя это письмо не дошло до насъ, но изъ него нѣкоторыя данныя повторены въ другомъ письмѣ Ираклія, вполне сохранившемся ²⁾). Но прежде, чѣмъ говорить о послѣдовавшихъ въ началѣ 628 года событіяхъ, необходимо упомянуть о ходячихъ въ то время анекдотахъ, нашедшихъ частью мѣсто въ лѣтописи. Прежде всего, ходила легенда о томъ, что самъ Хосрой оттолкнулъ отъ себя полководца Сарвазара. Будто бы онъ повѣрилъ доносамъ на измѣну Сарвазара и на его сношенія съ непріятелемъ и послалъ довѣренное лицо въ Халкидонъ съ приказаніемъ убить предводителя, а отрядъ его привести въ Персію. Посоль Хосроя былъ, будто бы, перехваченъ на дорогѣ греками, и найденное у него письмо было показано Сар-

¹⁾ Theoph. 322, 20.

²⁾ „Chron. pasch.“, I, p. 729, 15.

вазару, который сообщил о немъ войску. Вѣроломный поступокъ Хосроя произвелъ весьма тяжелое впечатлѣніе на вѣрнаго ему Сарвазара и заставилъ его измѣнить своему государю.—Это сказаніе пытается объяснить тотъ фактъ, что стоявшій подъ Халкидономъ отрядъ ничѣмъ не заявилъ о себѣ и не произвелъ ожидаемой отъ него диверсіи, но на самомъ дѣлѣ объ измѣнѣ его нѣтъ положительныхъ извѣстій. Трудно также провѣрить тѣ данныя, которыя касаются принятыхъ Иракліемъ мѣръ относительно движенія впередъ противъ Ктесифона, гдѣ персидскій царь нашелъ себѣ убѣжище и гдѣ, однако, не считалъ себя вполне безопаснымъ. Не подлежитъ сомнѣнію то, что Ираклій въ февралѣ и мартѣ не продолжалъ наступленія, а напротивъ, отступилъ по теченію Нарвы. Онъ надѣялся, что затруднительныя обстоятельства принудятъ Хосроя къ уступчивости, и въ этомъ настроеніи писалъ: „своимъ движеніемъ впередъ я стремлюсь къ миру, ибо не по своей охотѣ предаю огню персидскія селенія, а вынуждаемый тобой. Прекратимъ военныя дѣйствія и заключимъ миръ“.

Персія испытывала крайнее напряженіе, началось среди народа недовольство, вспыхнула революція. Весьма правдоподобное воззрѣніе передается у Теофана ¹⁾: „Хосрой взялъ въ военную службу всѣхъ людей своихъ чиновниковъ и всю прислугу свою и женъ своихъ и, вооруживъ ихъ, приказалъ всѣхъ отослать въ отрядъ Разада и стать лагеремъ на р. Нарвѣ въ 12 миляхъ отъ Ктесифона и разрушить мосты черезъ эту рѣку“. Неудачная война и опустошенія, произведенныя византійскимъ войскомъ, произвели свое дѣйствіе, „ненависть къ Хосрою возросла среди персидскаго народа“. Въ февралѣ и мартѣ Ираклій находился въ мѣстности Газака, въ горной цѣпи между Ассиріей и Мидіей. Въ это время въ Персіи произошелъ тотъ переворотъ, котораго не безъ основанія ожидалъ византійскій императоръ, и который освобождалъ его отъ продолженія страшно утомительной войны. Вслѣдствіе общаго недовольства противъ Хосроя произошла революція, при чемъ власть перешла къ Сирою, сыну Хосроя, который долженъ былъ озаботиться прекращеніемъ военныхъ дѣйствій съ Иракліемъ. Послѣ насильственной смерти Хосроя преемникъ его заключилъ вѣчный миръ съ византійскимъ царемъ

¹⁾ Theoph. 324, 20.

на условіяхъ возстановленія старой границы между имперіями и возвращенія всѣхъ плѣнниковъ съ патриархомъ Захаріемъ во главѣ. Но въ глазахъ современниковъ и съ точки зрѣнія восточной церкви нецѣненное преимущество этого мира заключалось въ томъ, что персы обязались возвратить христіанамъ Животворящее Древо Креста Господня. Къ началу апрѣля 628 г. предварительные переговоры съ Сироемъ доведены до конца, и Ираклій могъ подумать о возвращеніи въ Константинополь.

Выше было указано, что ходъ событій занимающаго насъ времени возстановляется по письму Ираклія, отправленному въ Константинополь и торжественно прочтенному 15 мая въ храмѣ святой Софіи. По возвышенному настроенію и тону начало письма напоминаетъ пѣснопѣнія нашего благодарственнаго молебствія по случаю освобожденія отъ нашествія Наполеона. „Воскликните Богу вся земля. Работайте Господу въ радости, войдите предъ лице Его въ веселіи и познайте, что Господь есть самъ Богъ. Да возрадуется небо и да веселится земля и да наслаждается море и все въ нихъ находящееся, и всѣ христіане, хваля и славословя, возблагодаримъ единаго Бога, радуясь во святомъ Его имени радостію великою. Ибо палъ высокомѣрный и богоборный Хосрой, палъ и низверженъ въ преисподнюю, и истребилась отъ земли память его. Съ шумомъ погибъ тотъ нечестивый, который въ надменности и презрѣннѣи изрыгалъ нечестіе на Господа нашего І. Христа истиннаго Бога и пречистую Матерь Его, благословенную владычицу нашу Богородицу и приснодѣву Марію. Обратился трудъ его на голову его, и на вершину его сошла неправда его. Ибо 24 истекшаго февраля противъ него началъ возмущеніе первородный сынъ его Сирой, какъ было о томъ сказано въ первомъ нашемъ указѣ ¹⁾, и всѣ персидскіе архонты съ мѣстными войсками и съ тѣми, которыя были собраны съ разныхъ странъ, перешли отъ проклятаго Хосроя на сторону его сына вмѣстѣ съ Гурданаспой, прежнимъ экзархомъ персидскаго войска. Тогда замыслилъ этотъ богоненавистный Хосрой спастись бѣгствомъ и, будучи схваченъ и заключенъ въ оковы, посаженъ въ новую крѣпость, имъ самимъ построенную для храненія накопленныхъ имъ богатствъ. И 25 февраля Сирой короновался царемъ персовъ, а 28 того же мѣ-

¹⁾ Этого документа не сохранилось.

сяца богоненавистный Хосрой былъ преданъ жесточайшей смерти, дабы позналъ, что родившійся отъ Маріи Іисусъ, распятый іудеями, какъ онъ писалъ¹⁾, на котораго онъ изрыгалъ хулу, есть Богъ всемогущій, воздавшій ему согласно писанному нами. Въ другомъ же нашемъ указѣ, данномъ изъ лагеря близъ Ганзака, гдѣ изложены событія отъ 17 октября до 15 марта, мы ознакомили васъ съ тѣмъ, какъ Богъ и владычица наша Богородица сверхъ человѣческаго соображенія оказали содѣйствіемъ намъ и христоролюбивымъ нашимъ воинамъ, и какъ побѣждалъ передъ нами богоненавистный и позорный Хосрой отъ Дасдагерда въ Ктесифонъ, и какъ погибли дворцы его со многими областями персидскаго государства, и какъ все это помогло Сирюю начать противъ него заговоръ. Послѣ того, какъ мы послали этотъ указъ 15 текущаго марта, съ цѣлью собрать точныя свѣдѣнія о Хосроѣ и Сирюѣ, мы отправили въ различныя мѣста нарочитыхъ людей, которые 24 марта привели двухъ плѣнниковъ, передавшихъ намъ донесеніе одного персидскаго протасикрита, по имени Хосдаи, въ которомъ значилось, что Сирюй, провозглашенный на царство, отправилъ къ намъ его вмѣстѣ съ другими персами со своимъ письмомъ, и что онъ посылаетъ двухъ упомянутыхъ мужей впередъ просить у насъ охраны для его и сопровождающихъ его людей. Эта просьба Хосдаи была уважена. Какъ стало намъ извѣстно, онъ напуганъ былъ видомъ многихъ персидскихъ труповъ, лежащихъ на пути, число коихъ достигало 3 тысячъ, и потому боялся пуститься въ дальнѣйшій путь безъ нашей охраны. Мы отправили 25 марта превосходительнаго стратилата Илію, по прозванію Варсоку, и друнгарія Θεодота съ военнымъ отрядомъ и съ 20 запасными осѣдланными конями, чтобы встрѣтить ихъ и сохранно привести къ намъ. Къ нимъ присоединили и Гусданаспу Рази, персидскаго хиліарха, перешедшаго на нашу сторону во время смуты. Въ томъ же станѣ близъ Ганзака 30 марта получено было донесеніе отъ упомянутыхъ Іліи, Θεодота и Гусданаспы, что ихъ застигла вьюга въ горахъ Цара, и что они прокладываютъ себѣ путь съ помощью персовъ, что по дошедшимъ до нихъ слухамъ недалеко отъ тѣхъ мѣстъ находится посольство Сирюя, которое изъ-за снѣжныхъ заносовъ не

1) Эти слова взяты изъ письма Хосроя къ Ираклію, сохранившагося въ армянской исторіи Себеоса (перев. Патканова).

можетъ двинуться далѣе въ горы. Отсюда убѣдились мы и христолюбивое наше войско, какъ водила и водить и спасаетъ насъ милость и благодать Божія. Ибо если бы мы замедлили еще нѣсколько дней въ горахъ Цара и если бы дождались тамъ такой погоды, то при недостаткѣ продовольствія въ тѣхъ мѣстахъ наши войска подверглись бы большимъ лишеніямъ. Но по милости Божіей, пришедши въ область Ганзакъ, мы нашли здѣсь большіе запасы продовольствія для людей и коней и могли расположиться въ самомъ городѣ Ганзакѣ, который довольно благоустроенъ и имѣетъ до 3 тысячъ домовъ; такъ что въ немъ и въ окрестностяхъ мы могли съ удобствомъ провести значительное время. — Мы провели въ лагерѣ близъ Ганзака до 3 апрѣля, когда явился къ намъ Фзакъ отъ имени Сироя, котораго мы приняли въ тотъ же день и часъ. Онъ передалъ намъ посланіе Кавата Сироя царя персидскаго, въ которомъ заключалось извѣщеніе о вступленіи на царство и заявленіе о томъ, что онъ желаетъ соблюдать миръ съ нами. Копію этого письма присоединяемъ къ настоящему указу“ ¹⁾. —Ираклій оставался въ Ганзакѣ до 8 апрѣля, и такъ какъ переговоры съ Сироемъ обѣщали придти къ желательному концу, возложилъ дальнѣйшее веденіе дѣла на своего брата Θεодора и рѣшилъ возвратиться въ Константинополь. Возвращеніе императора въ столицу было большимъ народнымъ торжествомъ. Первоначальная встрѣча происходила во дворцѣ Іеріи, на азіатской сторонѣ Босфора, близъ нынѣшняго Кадикей, гдѣ была трогательная встрѣча отца ²⁾ съ сыномъ-регентомъ. Триумфальный входъ въ Константинополь происходилъ черезъ Золотыя ворота по Месѣ до церкви св. Софіи.

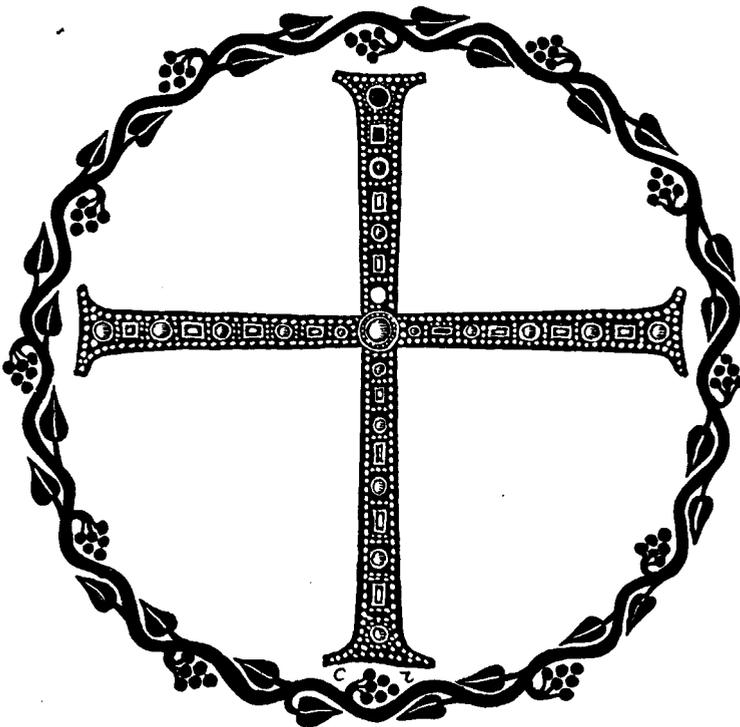
Персидская война составляетъ крупную эпоху въ исторіи Византіи. Персидской монархіи нанесенъ былъ непоправимый ударъ; образовались въ міровой политикѣ или совсѣмъ свободныя, или слабо замѣщенные позиціи, которыя Византійское государство не успѣло за собой укрѣпить. Сирія и Палестина, Египетъ и всѣ области, недавно перешедшія подъ власть Персіи, возвратились къ Византіи, но она не обладала достаточной силой ассимиляціи и не возвысилась до широкихъ міровыхъ задачъ, которыя предстояли ей.

¹⁾ Документъ сохранился въ очень испорченномъ видѣ („Chron. pasch.“, 735).

²⁾ „Извѣстія Инст.“, VI. Hieria.

Узкій націонализмъ и религіозная исключительность, настаивавшая на признаніи единой догмы и жестоко преслѣдовавшая за различія въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, помѣшали Византіи исполнить широкую политическую и религіозную миссію и открыли на Востокъ свободный путь для распространенія магометанства.

Церковное преданіе соединяетъ съ обстоятельствами походовъ Ираклія въ Персію слѣдующія два празднества, соблюдающіяся доселѣ въ практикѣ Восточной церкви; это, во-первыхъ, акаѳистъ Богородицѣ „Взбранной воеводѣ“, и, во-вторыхъ, Воздвиженіе Креста. Уже изъ этого можно вывести заключеніе о той глубинѣ религіознаго чувства, которое лежало какъ въ основѣ веденной Иракліемъ персидской войны, такъ и въ настроеніи современнаго общества.

глава IV.

ПРЕЕМНИКИ ИРАКЛІЯ.

седьмое столѣтіе вообще принадлежитъ къ наименѣе освѣщеннымъ исторіей эпохамъ среднихъ вѣковъ. Это нельзя сбѣяснять ни незначительностью происходившихъ въ то время событій, ни отсутствіемъ интереса къ современнымъ явленіямъ. Нѣтъ, въ VII в. нараждались и частью развивались событія громадной важности; достаточно указать на мусульманство, встряхнувшее весь тогдашній міръ и давшее новое направленіе всемірной исторіи. Не было недостатка и въ просвѣщенныхъ лицахъ, которыя понимали и могли оцѣнить значеніе событій. Тѣмъ не менѣе, нужно признать существеннымъ признакомъ времени утрату идеаловъ, измельчаніе характеровъ и пониженіе талантивости въ людяхъ, которымъ выпадала руководящая роль въ жизни. Что въ VII в. выступаютъ на сцену другіе люди, отлича-

Рис. 79. Тиверій II.

щіеся отъ своихъ предшественниковъ и по физическому типу, это хорошо можно видѣть, сравнивъ типы на монетахъ VII и VI вв. (рис. 79, 80, 81; сравн. стр. 555). Ясно, что мы имѣемъ дѣло съ переходной эпохой, въ которую начинаютъ имѣть значительное вліяніе инородческіе элементы, и что тогдашніе государственные дѣятели не стояли на высотѣ задачъ, предстоявшихъ къ разрѣшенію Византійской имперіи. Тѣмъ не менѣе, было бы оши-

бочно высказывать такое сужденіе о занимающей насъ эпохѣ, что она не представляла въ себѣ ни живыхъ элементовъ послѣдовательнаго развитія, ни такихъ зачатковъ органической жизни, которые въ будущемъ не дали бы зрѣлаго плода. Конечно, и въ это время происходилъ обмѣнъ началъ, какими живетъ человечество; одни теряли обязательную силу, другія нараждались и пріобрѣтали авторитетъ; находясь, однако, передъ общеизвѣстнымъ фактомъ, состоящимъ въ скудости историческаго матеріала, мы должны попытаться

Рис. 80. Юстинъ II.

проникнуть въ психологію событій и объяснить тѣ настроенія, которыми создавались историческіе факты.

Когда Ираклій принималъ послѣднія распоряженія въ обезпеченіе престолонаслѣдія, дѣла имперіи находились въ полномъ разстройствѣ. Въ теченіе десяти лѣтъ, которыя раздѣляютъ миръ съ Персіей отъ смерти Ираклія (641), и при ближайшихъ его преемникахъ на Востокѣ произошелъ громадный переворотъ, совершенно уничтожившій бывшее вліяніе и величіе Византіи.

Рис. 81. Ираклій и Константъ II.

Театръ героическихъ подвиговъ Ираклія—Персія, исконныя области имперіи на Востокѣ—Сирія и Палестина, наконецъ, Египетъ и часть острововъ были уже отторгнуты отъ Византіи, морская власть на Средиземномъ морѣ начинала переходить къ арабамъ, словомъ произошелъ рядъ событій громадной важности, совершенно измѣнившихъ взаимное положеніе историческихъ народовъ и государствъ. Для всего Востока и южно-европей-

скихъ странъ, какъ Италія, Франція, Испанія, седьмое столѣтіе напоминало бурную эпоху великаго переселенія народовъ, и если внесенное арабами и славянами потрясеніе не сопровождалось тѣми же послѣдствіями, что великое переселеніе народовъ, то причина тому все же находится въ относительной твердости военной организаціи имперіи, въ новыхъ началахъ, проведенныхъ въ гражданскую администрацію, наконецъ, въ церковномъ устройствѣ христіанской церкви, которая нерѣдко принимала на себя тяготы гражданского управленія и восполняла слабость свѣтской власти. Выставить всѣ эти разнообразные элементы, указать ихъ происхожденіе и роль въ событіяхъ составляетъ необходимую для насъ задачу. Но для выполненія ея встрѣчаются значительныя трудности, которыя мы надѣемся преодолѣть тѣмъ, что не будемъ стремиться къ полнотѣ изложенія скудно освѣщенныхъ лѣтописцами и неискусно подобранныхъ фактовъ, а лишь къ наиболѣе ясной группировкѣ и систематизаціи тѣхъ немногихъ событій, въ которыхъ выражено существенное содержаніе эпохи и настроеніе современныхъ дѣятелей.

Семейное положеніе царскаго дома представляется въ слѣдующемъ видѣ. Ираклій отъ двухъ браковъ съ Евдокіей и по ея смерти съ Мартиной имѣлъ четырехъ сыновей. Старшій сынъ, Константинъ, бывшій членомъ регентства во время персидскихъ походовъ, происходилъ отъ перваго брака; остальные же: Ираклій или Ираклеонъ, Давидъ и Маринъ—отъ брака съ Мартиной. Константинъ носилъ санъ кесаря и принималъ уже участіе въ политическихъ дѣлахъ, между прочимъ велъ войну съ арабами. Будучи уже почти 30 лѣтъ отъ роду, онъ естественно долженъ былъ считаться прямымъ наслѣдникомъ Ираклія. Второй по старшинству сынъ, по имени Ираклеонъ, происходилъ отъ втораго брака, на немъ почилы честолюбивыя надежды Мартины, которая употребила все свое вліяніе, чтобы и онъ былъ назначенъ кесаремъ еще при жизни Ираклія, и чтобы по смерти отца онъ раздѣлялъ власть со старшимъ братомъ. Честолюбіе Мартины шло еще дальше, она желала стоять во главѣ правительства вмѣстѣ съ своими сыновьями. Неожиданная смерть Константина, случившаяся черезъ три мѣсяца послѣ вступленія на царство, открывала широкую дорогу для замысловъ императрицы матери, но противъ нея было общественное мнѣніе, которое приписывало отравѣ преждевременную смерть Константина.

Противъ Мартины и ея сына Ираклеона составилаь значительная партія, во главѣ которой стояло военное сословіе; для привлеченія на сторону этой партіи народныхъ симпатій выставлены были интересы внуковъ Ираклія, сыновей умершаго Константина, которымъ якобы угрожало честолюбіе Мартины. Въ 642 г. по волѣ сената и народа партіи царицы-матери нанесенъ былъ страшный ударъ. Мартина была присуждена къ отсѣченію языка, а ея сынъ къ не менѣе жестокому и болѣе позорному наказанію, которое потомъ повторяется по отношенію къ лицамъ царской фамиліи,—къ усѣченію носа. Послѣ этого жестокаго изуродованія царица и ея сынъ сосланы въ заточеніе, гдѣ никто о нихъ не вспоминалъ, и гдѣ оба кончили въ безвѣстности свою жизнь. Власть переходила къ внуку Ираклія, рожденному отъ старшаго его сына, Константина, по имени Константу (рис. 81). Чтобы имѣть возможность составить себѣ понятіе о политическомъ значеніи переворота, достаточно привести содержаніе рѣчи, какую вновь избранный царь, которому было только 11 лѣтъ, держалъ къ сенату ¹⁾. „Мой родитель Константинъ продолжительное время царствовалъ вмѣстѣ со своимъ отцомъ, а моимъ дѣдомъ Иракліемъ, и по его смерти жилъ весьма короткій срокъ, ибо зависть Мартины его матери пресѣкла его лучшія надежды и отняла у него жизнь—въ пользу Ираклеона, который былъ плодомъ незаконнаго сожитія между Иракліемъ и Мариной. Вашъ боговдохновенный приговоръ справедливо низвергъ съ престола какъ мать, такъ и сына, дабы ромѣйское царство не было свидѣтелемъ беззаконія. Ваше достопочтенное собраніе, такъ мудро взвѣсившее этотъ вопросъ, приглашаю давать мнѣ совѣтъ и дѣлиться опытомъ на общее благо моихъ подданныхъ“. Стоить лишь вспомнить о возрастѣ Константа, чтобы понять, что вышеприведенныя слова характеризуютъ не личное его мнѣніе, а передаютъ настроеніе получившаго съ возведеніемъ его на престолъ большинства и рисуютъ въ главныхъ чертахъ взаимное положеніе партій какъ въ послѣдніе годы Ираклія, такъ и при его преемникахъ. Очень рѣзкое обвиненіе, брошенное противъ Мартины и Ираклія въ незаконномъ сожитіи, передаетъ воззрѣнія той церковной партіи, которая съ неудовольствіемъ смотрѣла на бракъ Ираклія съ племянницей и не могла ему простить

¹⁾ Theoph. ed. Boor, p. 342, 10.

нарушенія церковныхъ правилъ. Нельзя, кромѣ того, не обратить вниманія на вліятельную роль сената въ дѣлѣ правительственнаго переворота и не отмѣтить господствующаго положенія, предоставленнаго ему въ малолѣтство Константа, который приглашаетъ сенатъ оказывать ему содѣйствіе и подавать совѣтъ.

Продолжительное царствованіе Константа, отъ 642 до 668 г., соотвѣтствовало эпохѣ, чрезвычайно богатой разнообразными событіями, которыя хотя въ большинствѣ не зависѣли отъ его воли, но значеніе которыхъ въ жизни имперіи могло бы быть гораздо гибельнѣй, если бы Константъ не былъ проникнутъ государственными идеями и пониманіемъ политическаго положенія дѣлѣ. Это былъ человѣкъ твердой воли и недюжинныхъ способностей, который не уклонялся отъ борьбы и не бѣгалъ опасности. Но ему трудно было, при всѣхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ вступленія на престолъ, удержать за собой популярность въ Константинополѣ. Военная партія, которая возвела его на престолъ, какъ прямого потомка Ираклія, скоро охладѣла къ Константу, а его церковная политика возбудила противъ него духовенство и народныя слои и сдѣлала его весьма непопулярнымъ въ столицѣ.

Говоря о церковной политикѣ, мы должны возвратиться къ тому вопросу, который не переставалъ занимать умы въ теченіе всего VI вѣка, къ вопросу о божескомъ и человѣческомъ ествѣ Богочеловѣка. Къ VII в. изъ монофизитскаго ученія возникла догма моноелитская, снова взволновавшая умы и бывшая причиной разнообразныхъ нестроеній. Моноелитское ученіе развилось на почвѣ совершенно искреннихъ стремленій найти средній терминъ для примиренія монофизитовъ съ господствующимъ церковнымъ ученіемъ. Умный политикъ и искренній патріотъ, императоръ Ираклій не могъ хладнокровно относиться къ тому положенію, въ которомъ онъ нашелъ церковный вопросъ. Въ виду опасности, угрожавшей Востоку сначала отъ Персіи, а потомъ, подъ конецъ его царствованія, отъ арабовъ, Ираклій хорошо понималъ всю глубину несчастія, проистекавшаго отъ религіозныхъ смутъ, вслѣдствіе которыхъ Сирія, Палестина и Египетъ все болѣе и болѣе теряли связь съ центромъ и стремились къ обособленію. Патріархъ Сергій, къ которому Ираклій питалъ особенное довѣріе, проводилъ въ церковномъ вопросѣ примирительныя взгляды и пытался привести къ той же политикѣ

Ираклія ¹⁾. Уже во время своихъ походовъ на Востокъ, начиная съ 622 г., императоръ вступилъ въ сношенія съ монофизитскими епископами, и такимъ образомъ мало-по-малу подготовлялась почва для ученія объ одной волѣ и одной энергіи во Христѣ. Рѣшительнымъ шагомъ въ этомъ смыслѣ было возведеніе въ 631 г. на патриаршій престолъ въ Александріи епископа Кира, который былъ убѣжденнымъ проповѣдникомъ ученія единой воли и который началъ съ большимъ успѣхомъ проводить въ своей области примиреніе монофизитовъ съ церковнымъ ученіемъ. Патриархъ Сергій, съ своей стороны, поощрялъ дѣятельность александрійскаго собрата. Общее настроеніе на Востокѣ было благопріятное для взаимнаго примиренія, но вошедшее тогда въ оборотъ мнѣніе, что „Халкидонъ пріобщился къ монофизитамъ признаніемъ единой энергіи во Христѣ“, не было основательнымъ. Однако, сильнымъ противникомъ новой формулы соглашенія оказался александрійскій монахъ Софроній, который настоятельно убѣждалъ патриарха Кира удержаться отъ провозглашенія ученія объ одной энергіи и съ тѣмъ же предложеніемъ прибылъ въ Константинополь къ патриарху Сергію. Скоро затѣмъ, именно около 634 года, Ираклій приказалъ патриарху Сергію сдѣлать сводку мѣстъ, касающихся ученія объ единой энергіи; въ то же время начаты были сношенія по этому вопросу съ папой Гоноріемъ, который, соглашаясь съ мнѣніемъ константинопольскаго патриарха, вообще не одобрялъ словопреній по вопросу объ энергіяхъ и совѣтовалъ предоставить это дѣло грамматикамъ. Между тѣмъ упомянутый выше монахъ Софроній возведенъ былъ въ патриархи Іерусалима. Въ своемъ исповѣданіи вѣры новый патриархъ тщательно уклонялся отъ вновь придуманной формулы соединенія, хотя не дѣлалъ никакихъ намековъ на лица и ученіе объ единой энергіи. Вѣроятно подъ вліяніемъ новыхъ разговоровъ, вызванныхъ исповѣданіемъ вѣры Софронія, патриархъ Сергій въ 636 г. составилъ проектъ указа, который въ 638 г. былъ подписанъ Иракліемъ и опубликованъ подъ именемъ „Экѳесисъ“, т.-е. „Изложеніе“, признанное на константинопольскомъ помѣстномъ соборѣ вполне согласнымъ съ апостольскимъ ученіемъ. Этому акту суждено было играть важную роль въ послѣдующей исторіи церковнаго движенія, хотя и не въ томъ значеніи, какъ надѣялся патриархъ

1) Herzog, „Realencyklop.“, XIII, 402: „Monotheliten“.

Сергій. Въ „Изложеніи“ сдѣлана попытка примирить православіе и монофизитство посредствомъ введенія догмата единой божественной воли во Христѣ при двухъ естествахъ (моноелитство). Какъ мало, однако, „Изложеніе“ принесло успокоенія, видно изъ того, что самъ Ираклій черезъ годъ послѣ его изданія уже отказывался отъ этого акта въ своей перепискѣ съ римскимъ епископомъ: „экеесисъ не мой, не я его составилъ, а патріархъ Сергій, просьбамъ котораго я уступилъ и подписалъ его“.—Вслѣдъ за изданіемъ „Изложенія“ произошло слѣдующее.

Настоящій творецъ проекта единенія, патріархъ Сергій, умеръ въ томъ же 638 году; озаботиться сообщеніемъ „Изложенія“ другимъ патріархамъ выпало на долю преемника Сергія, патріарха Пирра. Между тѣмъ противъ новаго акта началась сильная оппозиція въ Римѣ, можетъ-быть, вызванная не столько самымъ существомъ дѣла, какъ необычнымъ способомъ сообщенія его западной церкви. Тогдашній экзархъ Равенны, патрикій Исаакъ, вооружилъ противъ себя римское духовенство уже тѣмъ, что по смерти папы Гонорія самовольно захватилъ Латеранъ и часть имущества папы и тѣмъ настроилъ враждебно противъ византійской церковной политики новаго папу, Іоанна IV. При этихъ условіяхъ императоръ Ираклій готовъ былъ отказаться отъ „Изложенія“, а послѣ его смерти римскій папа настоятельно требовалъ отъ сыновей его, Константина и Ираклеона, пожертвовать „Изложеніемъ“ ради мира церкви и не вводить новаго принципа, могущаго возбудить смуту. Послѣдовавшіе въ Константинополѣ дворцовые перевороты, о которыхъ говорено выше, и вслѣдствіе которыхъ власть перешла къ малолѣтнему Константу, затормозили начатое изъ Рима движеніе и придали отношеніямъ между Римомъ и Константинополемъ довольно острый характеръ. Въ переворотѣ, сопровождавшемся низверженіемъ Мартины и возведеніемъ на престолъ Константа, оказался замѣшаннымъ патріархъ Пирръ, который принужденъ былъ бѣжать изъ Константинополя въ Карѳагенъ. Римскій епископъ, пользуясь нестроеніями политическими и церковными, требовалъ отъ вновь избраннаго патріарха Павла II (641—654), чтобы онъ разобралъ на соборѣ дѣло своего предшественника и отмѣнилъ „Изложеніе“, иначе отказывался принять его въ общеніе и признать его избраніе. Хотя въ Константинополѣ продолжали держаться пресловутаго акта, но противъ него началось сильное движеніе и въ Африкѣ, гдѣ нахо-

дился низложенный патриархъ Пирръ, который присоединился къ западной точкѣ зрѣнія на „Изложеніе“ и за то признанъ былъ въ Римѣ въ правахъ патриарха Константинополя. Наступилъ весьма опасный періодъ церковныхъ споровъ, который сопровождался весьма натянутыми отношеніями къ Риму и, съ другой стороны, совершенно отсѣкалъ отъ единенія съ православіемъ африканскихъ коптовъ. При такомъ положеніи дѣлъ, и въ особенности когда римскій епископъ принялъ участіе въ церковномъ и политическомъ движеніи провинціи Африки и подвергъ отлученію возведеннаго на мѣсто патриарха Пирра преемника его Павла, въ Константинополѣ пришли къ сознанию необходимости уступокъ. Этими настроеніями внушено было изданіе въ 648 г. новаго церковнаго акта, извѣстнаго подъ именемъ „Типа“, которымъ патриархъ Павелъ имѣлъ намѣреніе удовлетворить недовольныхъ и возстановить церковный миръ. Въ этомъ актѣ, скрѣпленномъ подписью императора Константа, устранены всѣ догматическія положенія, и его назначеніе ясно опредѣляется слѣдующимъ мѣстомъ: „Воспрещается всѣмъ нашимъ православнымъ подданнымъ на будущее время поднимать споры объ одной волѣ или объ одномъ дѣйствіи, о двухъ дѣйствіяхъ или двухъ воляхъ, и, чтобы отнять всякій предлогъ у желающихъ спорить безъ конца, мы приказали снять вывѣщенное на паперти великой церкви „Изложеніе“. Кто осмѣлится поступить вопреки сему распоряженію, подлежить страшнымъ наказаніямъ“.

Но изданіе „Типа“ далеко не привело къ желанному результату. Въ Римѣ не только не были удовлетворены и не соглашались примириться, но преемникъ Θεодора, папа Мартинъ I, на латеранскомъ соборѣ 649 г., на которомъ приняли участіе какъ представители итальянскаго, такъ и греческаго духовенства, между прочимъ, и извѣстный Максимъ Исповѣдникъ, рѣшительно возстали противъ этого акта и послали опредѣленія собора какъ императору, такъ и всѣмъ епископамъ. Еще важнѣй то, что и среди православнаго византійскаго духовенства началось сильное броженіе и недовольство церковной политикой. Точка зрѣнія православной партіи выясняется слѣдующими словами св. Максима: „Кто изъ вѣрныхъ можетъ принять этотъ указъ, запрещающій говорить о томъ, о чемъ Самъ Господь говоритъ повелѣлъ чрезъ своихъ апостоловъ и учениковъ? Кто вмѣстѣ съ неистовыми еретиками отвергаетъ святыхъ

(а таковы всѣ не желающіе говорить ни объ одной, ни о двухъ воляхъ), тотъ вмѣстѣ съ діаволомъ отвергается Бога. Дѣлайте со мной что хотите, но я никогда не буду имѣть общенія съ тѣми, кто принимаетъ Типъ“.

Однако, императоръ Константъ не остановился передъ самыми рѣшительными мѣрами, чтобы сломить упорство римскаго епископа и дать торжество своей церковной политикѣ. Въ связи съ занимающими насъ событіями стоитъ упоминаніе о Херсонисѣ на южномъ берегу Крыма, куда въ 653 г. сосланъ былъ въ ссылку папа Мартинъ I. — Рѣшительныя мѣры, принятыя этимъ папой противъ моноелитизма и противъ „Типа“, побудили императора начать съ нимъ открытую борьбу. Онъ приказалъ экзарху Олимпію отправиться въ Римъ и захватить папу. Но при этомъ произошли совершенно неожиданныя событія. Экзархъ Олимпій не наложилъ руки на папу, а, напротивъ, вступилъ съ нимъ въ дружескія отношенія и ослушался императора. Только преемнику Олимпія, экзарху Θεодору Калліопѣ, удалось въ 653 г. обманнымъ образомъ посадить папу Мартина на корабль и доставить въ Константинополь. Здѣсь его заключили подъ стражу, предали суду и присудили къ изгнанію. Въ Херсонѣ, находясь въ тяжелыхъ условіяхъ, вслѣдствіе недостатка удобствъ и необходимыхъ средствъ къ жизни, на что онъ жалуется въ своихъ письмахъ¹⁾, томился онъ непродолжительное время и умеръ 16 сентября 655 г.

Религіозная борьба нисколько не утихала послѣ изложенныхъ событій. Примирительная политика императоровъ, объясняемая желаніемъ сохранить въ единеніи съ православіемъ отдѣлившейся монофизитскій Востокъ, не привела къ ожидаемой цѣли. Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе сдѣланныхъ арабами завоеваній въ областяхъ, отторгшихся отъ церковнаго единенія съ Константинополемъ, утратилась и самая основа для примирительныхъ проектовъ и уступокъ, почему въ 680 г. при царѣ Константинѣ Погонатѣ на VI вселенскомъ соборѣ вопросъ о двухъ энергіяхъ и воляхъ во Христѣ рѣшенъ былъ безъ отношенія къ „Изложенію“ и „Типу“.

Наиболѣе существеннымъ выразителемъ политическихъ плановъ

¹⁾ Проф. Шестаковъ, „Папа Мартинъ I въ Херсонѣ“ („Труды XIII археологическаго сѣзда въ Екатеринославѣ“, II, стр. 136).

Константа служить то, что послѣднюю часть своего царствованія онъ провель не въ Константинополь, а на Западъ частью въ Аѳинахъ, частью въ южной Италіи, именно въ Сиракузахъ. Не въ первый и не въ послѣдній разъ у царей изъ дома Ираклія являлась мысль перенести столицу въ другое мѣсто. Несомнѣнно, въ теченіе VII в. еще возможно было колебаніе по отношенію къ этнографическимъ основамъ, на какихъ будетъ строиться имперія. Можетъ-быть, что угрожавшая опасность отъ арабовъ внушала совершенно основательную мысль перенести столицу изъ Константинополя, для котораго въ особенности становилось опаснымъ одновременное движеніе на него изъ Европы и Азіи, и для безопасности котораго морскіе походы арабовъ на Средиземномъ морѣ представляли большую опасность. Можетъ-быть, сознавалось глубокое значеніе для восточной имперіи ея итальянскихъ владѣній, и настояла надобность сдѣлать попытку освободить Италію отъ лангобардовъ. Такъ или иначе, чтобы понять попытку Константа перенести свое пребываніе на Западъ, и чтобы объяснить почти шестилѣтнее проживаніе его въ Сиракузахъ, необходимо войти въ подробное разсмотрѣніе византійско-итальянскихъ отношеній въ VII в., чѣмъ займемся въ слѣдующей главѣ.

Насильственная смерть Константа въ Сиракузахъ въ 668 г. показала, что вокругъ него было много недовольства, и что въ сопровождавшей его арміи была тенденція отложиться и избрать своего царя. Выдвинувшійся при этомъ совершенно неизвѣстный Мизизій, армянскаго происхожденія, былъ по всей вѣроятности подставнымъ лицомъ, такъ какъ по усмиреніи военного бунта кара постигла нѣкоторыхъ лицъ съ болѣе громкими именами, Юстиніана и Германа; послѣдній былъ впослѣдствіи патріархомъ.

Старшій сынъ Константа, Константинъ IV, получившій прозваніе Погоната (668—685), вслѣдъ за извѣстіями о событіяхъ въ Сиракузахъ, немедленно отправился съ флотомъ въ Сицилію и, при помощи войска, доставленнаго ему экзархомъ изъ Италіи, скоро потушилъ бунтъ въ Сиракузахъ и предалъ смерти какъ самозванца Мизизія, такъ и другихъ, причастныхъ къ движенію. Говорятъ, что при отправленіи въ экспедицію онъ былъ безбородымъ, а возвратился съ густыми на щекахъ волосами, откуда и произошло данное ему прозвище Погоната (рис. 82). Въ высшей степени трудно характеризовать дѣятельность Константина IV, и это не потому, чтобы его время

было безцвѣтнымъ и не представляло выдающихся событій; напротивъ, внутри и внѣ имперіи совершается процессъ громадной исторической важности, подготовляющій полный переворотъ политическихъ отношеній имперіи столько же на Востокъ, какъ и на Западъ. Именно, при преемникахъ Ираклія на Востокъ, почти незамѣтно для современниковъ, выросла громадная политическая и военная сила, проникнутая духомъ религіозной пропаганды, которая съ неуправляемой силой распространяла въ исконныхъ областяхъ имперіи бы-

Рис. 82. Константинъ IV
Погонать.

стрыя завоеванія и отнимала у византійскаго императора провинцію за провинціей. Въ занимающую насъ эпоху никто не могъ сказать, какъ далеко пойдутъ арабскія завоеванія, и какимъ путемъ можно спасти ближайшія къ Константинополю области, въ особенности принимая въ соображеніе то обстоятельство, что арабы вырвали у Византіи долго никѣмъ у нея неоспариваемое морское могущество на Средиземномъ морѣ. Излагая исторію преемниковъ

Ираклія, при которыхъ происходило распространеніе власти арабовъ на счетъ имперіи, мы не могли касаться арабскаго вопроса, развѣ только мимоходомъ, чтобы изложить его въ особой главѣ со всѣми подробностями, какихъ требуетъ существо предмета.

Съ другой стороны, арабско-мусульманскій вопросъ, затронувшій самыя основы существованія имперіи, уже самъ по себѣ отразился многообразными вліяніями на административномъ строѣ и социальномъ положеніи населенія византійскаго государства. Нужно помнить, что во всѣ времена Восточная имперія черпала свои матеріальныя средства и военныя силы изъ восточныхъ провинцій. Арабы своими завоеваніями и, главнымъ образомъ, своими ежегодными набѣгами на плодородныя области Малой Азіи лишили имперію ея жизненнаго нерва, вырвали у нея самыя населенныя и обработанныя области, изъ которыхъ она собирала людей и хлѣбные запасы. Чтобы возстановить нарушенное на Востокъ положеніе дѣлъ, необходима была экстренная мѣра, которая въ одно и то же время обезпечила бы малоазійскія провинціи отъ враждебныхъ набѣговъ и, съ другой, возвратила имъ трудовое населеніе и культурныя условія жизни. Въ теченіе VII в. и преимущественно при Константѣ и его преемникахъ

начинаетъ обнаруживать въ имперіи свое вліяніе вновь народившаяся административная система, извѣстная подъ именемъ ѳемнаго устройства, цѣль которой была именно въ томъ, чтобы урегулировать положеніе провинцій, выведенныхъ изъ обычныхъ условій жизни столько же арабскими завоеваніями на Востокъ, какъ славянской иммиграціей на Западъ. Исторія административныхъ мѣропріятій, постепенно подготовившихъ ѳемную систему, составляетъ также отличительную черту излагаемой эпохи. Легко понять, что и этотъ вопросъ нуждается въ особомъ вниманіи и не можетъ быть изложенъ мимоходомъ. Принимая во вниманіе вышесказанное, характеристика дѣятельности внуковъ и правнуковъ Ираклія, если ихъ не ставить въ соприкосновеніе съ главнѣйшими фактами эпохи, будетъ всегда не полна.

Переходимъ къ исторіи Константина IV. У него было два брата, Тиверій и Ираклій, которые, повидимому, желали раздѣлять власть вмѣстѣ съ Константиномъ, и одинъ изъ которыхъ, во всякомъ случаѣ, долженъ былъ принять на себя регентство, пока старшій братъ былъ въ Италіи. Весьма любопытно, что въ ближайшее время за провозглашеніемъ Константина въ Константинополь начался военный бунтъ. Часть войска, находившагося въ Азіи, вступила въ Хрисополь и требовала, чтобы братья императора были коронованы, и чтобы на тронъ была царственная троица въ соотвѣтствіе съ небесной Троицей. Но военное движеніе было потушено со страшной жестокостью. Вожди движенія поплатились жизнью, а братья опозорены членовредительствомъ (вырвана часть носа).

Главныя событія времени Константина IV, съ точки зрѣнія политической и церковной исторіи, суть: а) война съ арабами, которые дошли до самаго Константинополя и подвергли его продолжительной осадѣ; б) разрѣшеніе продолжительныхъ церковныхъ споровъ на шестомъ вселенскомъ соборѣ въ 680 г. Независимо оттого не прекращались попытки правительства установить болѣе правильныя и благопріятныя для имперіи отношенія къ славянамъ. Во всѣхъ этихъ событіяхъ Константинъ заявляетъ себя чертами мужественнаго и энергичнаго характера и правильнымъ пониманіемъ потребностей государства. Арабское движеніе въ первые годы Константина усилилось до такой степени, что въ теченіе семи лѣтъ, съ 672 года, арабскій флотъ ежегодно входилъ въ Дарданеллы и подвергалъ Константинополь тѣсной осадѣ съ моря. Нельзя, конечно, отрицать значенія за этими морскими набѣ-

гами, начинавшимися весной и продолжавшимися до осени каждый годъ. Зимняя стоянка неприятельскихъ кораблей была въ Кизикѣ, и имперія не находила достаточныхъ средствъ вытѣснить арабовъ и освободить столицу отъ такого опаснаго сосѣдства. Но едва ли можно приписывать этимъ набѣгамъ такое широкое, даже міровое значеніе, какъ это сдѣлалъ Папарригопуло¹⁾, и сопоставлять дѣятельность Константина IV съ заслугами Карла Мартелла. Прежде всего ясно, что это не была осада въ тѣсномъ смыслѣ, такъ какъ не видно, чтобы арабы дѣлали высадку и облагали столицу съ суши и съ моря, какъ это было сдѣлано персами и аварами въ 626 г., или какъ будетъ повторено тѣми же арабами при Львѣ Исаврѣ въ 717 г. Нужно, однако, отдать справедливость принятымъ Константиномъ мѣрамъ. Несмотря на то, что Константинополь бывалъ отрѣзанъ отъ морскихъ сношеній, все же въ немъ были собраны достаточныя военныя средства и продовольствіе, и ни разу столица не оказалась въ такомъ затруднительномъ положеніи, чтобы склониться передъ врагомъ. Напротивъ, въ распоряженіи императора оказывается въ это время такое военное средство, какого не имѣли враги, и какое въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ давало византійцамъ постоянное и безспорное преимущество передъ всѣми врагами на морѣ. Въ это время въ первый разъ доходятъ извѣстія объ изобрѣтеніи Каллиникомъ, инженеромъ или архитекторомъ сирійскаго происхожденія, особаго горячаго состава, который имѣлъ способность горѣть на водѣ и производилъ страшный переполохъ въ неприятельскомъ флотѣ. Это есть знаменитый „греческій огонь“, иначе жидкій или морской огонь, который составлялъ секретъ византійскаго военного искусства и долгое время давалъ имперіи преимущество въ морскихъ ея войнахъ. Къ сожалѣнію, секретъ изобрѣтенія остался доселѣ не раскрытъ. Константиномъ примѣнено было это изобрѣтеніе противъ арабскаго флота. Для этого были имъ построены особыя суда, на которыхъ расположены были сифоны или глиняные сосуды съ жидкимъ составомъ, который могъ возгораться при соблюденіи извѣстныхъ условій²⁾. Обладая такимъ средствомъ, византійскій флотъ не только

1) Παπαρρηγόπουλος, „Исторія“, III, р. 357.

2) Theoph. „Chronogr.“, ed. de Boor, р. 353: ὁ δὲ προλεχθεὶς Κωνσταντῖνος . . . διήρεις εὐμεγέθεις κακχαυτοπυρφόρους καὶ δρόμωνας σιφωνοφόρους κατεσκεύασε. Ниже у Теофана читается важное мѣсто о положеніи дворца Евдома на берегу Мраморнаго моря.

съ успѣхомъ отражалъ нападенія непріятели, но и наносилъ ему существенный вредъ и большія потери. Такимъ образомъ, послѣ ежегодной неудачной попытки въ теченіе семи лѣтъ захватить городъ, арабы, наконецъ, со стыдомъ должны были удалиться, замѣчаетъ лѣтописецъ, несомнѣнно пользовавшійся здѣсь какимъ-нибудь не дошедшимъ до насъ житійнымъ матеріаломъ. Окончательное разстройство непріятельскимъ кораблямъ нанесли бури, застигшія его близъ Силея у береговъ Памфіліи, и подстерегавшій его здѣсь имперскій флотъ подъ предводительствомъ стратига еемы Кивиррэотовъ. Въ то же время произошло сухопутное сраженіе арабскаго отряда съ византійскими войсками, въ которомъ арабы потеряли 30 тысячъ убитыми. Вообще нужно думать, что это была значительная удача Константина Погоната въ борьбѣ съ арабами, которая имѣла послѣдствіемъ заключеніе 30-лѣтняго мира (678 г.) на весьма благоприятныхъ для имперіи условіяхъ. Можно думать, что этими счастливыми обстоятельствомъ и перевѣсомъ въ борьбѣ съ арабами греки были обязаны изобрѣтенію Каллиника¹⁾.

Въ церковномъ отношеніи этотъ періодъ также ознаменовался положительными пріобрѣтеніями для церкви. Такъ какъ всѣ распоряженія и акты со времени Юстиніана I, клонившіеся къ умиротворенію церкви и имѣвшіе цѣлью возвращеніе къ православію монофизитовъ, не привели къ желаемому концу, и такъ какъ съ арабскими завоеваніями почти всѣ монофизитскія области отошли отъ имперіи, то не представлялось болѣе надобности настаивать на признаніи тѣхъ актовъ, которые были изданы императорами въ цѣляхъ уступокъ инако мыслящимъ, и которые сдѣлались поводомъ къ новымъ спорамъ и церковнымъ раздѣленіямъ (моноелитство). Константинъ очень вѣрно оцѣнилъ положеніе этого вопроса и, какъ только освободился отъ арабскаго нашествія, обратился къ папѣ Агаѣону (678—681) съ письмомъ, въ которомъ, указавъ на свою терпимость въ церковныхъ дѣлахъ, выразилъ мнѣніе, что нѣтъ нужды продолжать споры до безконечности къ радости еретиковъ и язычниковъ. Поэтому онъ предлагалъ папѣ послать въ Константинополь своихъ уполномоченныхъ, чтобы сдѣлать попытку соглашенія по спор-

¹⁾ Theoph., p. 354, 14: τότε Καλλίνικος ἀρχιτέκτων ἀπὸ Ἡλιουπόλεως Συρίας προσφυγὼν τοῖς Ῥωμαίοις πῦρ θαλάσσιον κατασκευάσας τὰ τῶν Ἀράβων σκάφη ἐνέπρησε καὶ σύμψυχα κατέκαυσεν.

нымъ вопросамъ, объщая, съ своей стороны, полное безпричастіе и безопасность для представителей римской церкви. Прежде чѣмъ отвѣтить на приглашеніе императора, папа собралъ помѣстный соборъ, обсудилъ на немъ вопросъ о моноелитствѣ и приготовилъ такимъ образомъ готовый матеріалъ для будущаго соборнаго рѣшенія. Вотъ почему шестой вселенскій соборъ могъ собраться лишь въ 680 г. На немъ были представители отъ лица папы, три епископа отъ имени собравшагося въ Римѣ помѣстнаго собора, нѣсколько монаховъ изъ греческихъ монастырей. Римскій епископъ снабдилъ своихъ уполномоченныхъ письмомъ на имя императора ¹⁾, въ которомъ указалъ, между прочимъ, что неблагоприятныя обстоятельства, постигшія западную церковь, являются причиной того, что ея представители не обладаютъ такой ученостью, какъ восточные богословы, и что онъ для руководства имъ далъ подробное догматическое письмо. Со стороны восточной церкви на соборѣ присутствовали патріархи константинопольскій и антиохійскій; что касается александрійскаго и іерусалимскаго патріарха, отъ нихъ на соборѣ были представители. Соборъ открытъ подъ предсѣдательствомъ императора 7 ноября 680 г. въ царскомъ дворцѣ въ сводчатой залѣ, называемой трулль.

Соборъ имѣлъ 18 засѣданій, и послѣднее его засѣданіе было 16 сентября 681 г. Большіе промежутки между засѣданіями были употреблены на подготовку матеріала и на обсужденіе главныхъ положеній по спорнымъ вопросамъ. Уже на первыхъ засѣданіяхъ выяснилось, что императоръ стоитъ на одинаковой точкѣ зрѣнія съ представителями папы. Послѣдніе начали съ того положенія, что такъ какъ моноелиты хотѣли ввести новшества въ воспринятую отъ святыхъ отцовъ вѣру, то на нихъ и лежитъ обязанность привести доказательство. Но когда антиохійскій патріархъ Макарій началъ ссылаться на тексты въ доказательство моноелитской догмы, отцы собора признали эти ссылки частью недоказательными, частью недостаточными, частью, наконецъ, не соответствующими рукописнымъ даннымъ, хранившимся въ патріаршей библіотекѣ. Макарій оказался главнымъ защитникомъ моноелитскаго ученія и поплатился за свою настойчивость лишеніемъ престола и отлученіемъ отъ церкви. Выставленныя римскимъ

¹⁾ Mansi, „Concilia“, XI, col. 195; Hefele, „Conciliengesch.“, III, S. 249; Hartmann, „Gesch. Italiens“, II, S. 258.

епископомъ Агаѳономъ положенія были признаны соборомъ соотвѣтствующими апостольскому и отеческому ученію и положены въ основаніе соборныхъ опредѣленій. Подверглись отлученію четыре константинопольскіе патріарха, наиболѣе рѣзко высказывавшіеся противъ Рима во время религіозныхъ споровъ: Сергій, Пирръ, Павелъ и Петръ. Но какъ-будто въ удовлетвореніе восточной церкви внесенъ былъ въ списокъ отлученныхъ и одинъ изъ римскихъ папъ—Гонорій. По вопросу догматическому состоялось слѣдующее опредѣленіе: церковь признаетъ во Христѣ два естества соединенныя, но не слитыя, и двѣ воли. На будущее время положенъ строгій запретъ на дальнѣйшіе споры объ этомъ догматѣ подъ угрозой для лицъ духовного сана—изверженія, а для мірянъ—лишенія имущества. На послѣднемъ засѣданіи императоръ выразилъ пожеланіе отъ имени собора, чтобы подлинный и скрѣпленный подписями экземпляръ дѣяній препровожденъ былъ каждому патріарху. Въ особомъ посланіи къ папѣ Агаѳону соборъ выражалъ ему похвалу, какъ столпу православія, увѣдомилъ его о постановленіяхъ соборныхъ и просилъ оказать имъ поддержку.

Дѣянія шестого вселенскаго собора имѣютъ важное значеніе въ исторіи церкви. Прежде всего на этомъ соборѣ возстановленъ былъ миръ въ церкви; кромѣ того, здѣсь было достигнуто послѣ взаимныхъ уступокъ соглашеніе между папой и императоромъ. Римскій престолъ въ особенности много выигралъ на этомъ соборѣ какъ вслѣдствіе авторитетнаго и вліятельнаго положенія, занятаго на соборѣ папой и представленнымъ имъ изложеніемъ вѣры, такъ и тѣми преимуществами, какія за нимъ были признаны частью открыто, частью по молчаливому согласію. Такъ, между прочимъ, архіепископы Крита, Солуни и Коринѳа разсматривались какъ папскіе викаріи, автокефальность Равенны ограничена была нѣкоторыми условіями; право суда римскаго престола надъ восточными епископами признавалось, между прочимъ, по дѣлу патріарха Макарія, которое послѣ соборнаго рѣшенія представлено было на окончательный приговоръ папы. Возобновленіе правильныхъ сношеній между Римомъ и Константинополемъ имѣло послѣдствіемъ назначеніе вновь постоянныхъ римскихъ представителей въ столицѣ имперіи. Всѣ эти преимущества получали двойное значеніе для римскаго престола, если принять въ соображеніе то обстоятельство, что къ концу VII вѣка

лангобардская Италия постепенно переходила от арианства к католичеству.

Спустя четыре года послѣ VI вселенскаго собора византійская имперія, за смертью Константина Погоната, перешла къ его сыну Юстиніану II, имѣвшему только 16 л. отъ роду. Это былъ послѣдній представитель дома Ираклія, обладавшій значительными дарованіями и природными способностями, свойственными всѣмъ потомкамъ Ираклія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣкъ, не получившій дисциплины ума и много повредившій

Рис. 83. Юстиніанъ II.

какъ лично себѣ, такъ и государству необдуманными рѣшеніями и жестокими поступками (рис. 83). Юстиніанъ II, царствовавшій два раза, въ первый разъ отъ 685 до 695 года и во второй отъ 705 по 711 годъ, былъ

поставленъ лицомъ къ лицу съ событіями большой исторической важности, подготовлявшимися въ продолженіе всего VII вѣка. Это былъ арабскій вопросъ на востокѣ и славянскій на западѣ, послѣдній осложнился еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ немъ стали принимать участіе болгаре, переселившіеся за Дунай и начавшіе основывать на Балканскомъ полуостровѣ независимое государство. Нося славное имя Юстиніана и питая въ душѣ широкія притязанія, молодой царь не имѣлъ счастья собрать около себя способныхъ государственныхъ людей, какихъ было много около Юстиніана I, а тѣ министры, на которыхъ онъ полагался, и которые его именемъ управляли дѣлами, не имѣя способностей сотрудниковъ Юстиніана I, превосходили ихъ корыстолюбіемъ, жадностью и всяческими недостатками. Вслѣдствіе этого Юстиніанъ II не возбудилъ къ себѣ добрыхъ чувствъ между современниками и не имѣлъ приверженцевъ. Когда послѣ десятилѣтняго правленія противъ царя началось въ Константинополь движеніе, онъ былъ схваченъ вмѣстѣ со своими ненавистными сотрудниками Θεодосіемъ и Стефаномъ и подвергся обычному въ ту эпоху жестокому членовредительству, а его министры публично на площади преданы сожженію. Юстиніанъ отправленъ въ заточеніе въ южную Россію въ Херсонъ, гдѣ, однако, не успокоился, а ровно

черезъ десять лѣтъ снова достигъ престола и царствовалъ во второй разъ, имѣя прозваніе Ринотмита (съ прорванными ноздрями). Оцѣнка правленія Юстиніана II представляетъ немаловажныя трудности въ томъ отношеніи, что вмѣстѣ съ нимъ заканчивается подготовительный періодъ образованія византизма, что къ его времени, съ одной стороны, обнаруживаются во всей силѣ разрушительные элементы, наносившіе ударъ старой системѣ, съ другой—начинаютъ входить въ жизнь новыя начала, которыми имперія могла не только поддерживать свое существованіе, но еще испытать эпохи подъема матеріальныхъ и духовныхъ силъ и накопленія культурныхъ богатствъ, которыми она успѣла подѣлиться со славянами. Попытаемся бросить взглядъ на главныя событія времени Юстиніана II.

Хотя съ арабами былъ заключенъ миръ при Константинѣ Погонатѣ, но Юстиніанъ воспользовался смутами, происшедшими въ калифатѣ, и началъ войну. Побѣды полководца Леонтія заставили арабовъ предложить новыя условія мира, гораздо болѣе благопріятныя, чѣмъ бывшія при Константинѣ. Между прочимъ, очень важное обязательство принялъ калифатъ удѣлять Византіи половину дани съ Арменіи, Грузіи и Кипра, но, взамѣнъ того, императоръ обязался вывести съ Ливанскихъ горъ военную колонію мардаитовъ, которые въ качествѣ тогдашнихъ клефтовъ наносили своими неожиданными набѣгами большой вредъ сирійскимъ арабамъ. Перемѣщенія цѣлыхъ племенъ изъ одной мѣстности въ другую характеризуютъ данную эпоху, и потому едва ли слѣдуетъ такъ отрицательно смотрѣть на принятую Юстиніаномъ систему, какъ это дѣлаютъ новые историки¹⁾. Поселенія большими массами разныхъ племенъ на свободныхъ мѣстахъ должны быть разсматриваемы въ связи съ новой административной системой, которая тогда входить въ практику и объясняется рѣдкостью населенія въ однѣхъ провинціяхъ и густой иммиграціей славянъ въ другихъ. Настойчивое желаніе ослабить арабовъ и новая съ ними война въ 692 году, едва ли не объясняется преувеличенными надеждами Юстиніана на тѣ военныя колоніи изъ славянъ, которыя къ тому времени были основаны въ Азіи именно съ цѣлью успѣшнѣйшей борьбы съ арабами. Весьма любопытно отмѣтить, что на этотъ разъ расчетъ оказался ошибочнымъ, ибо славяне въ кри-

1) *Λαμπρος*, III. p. 752; *Bury* II. 320.

тический моментъ перешли на сторону врага, что и вызвало поражение императора и обращеніе его въ бѣгство.

Сколько на востокѣ представляли постоянную опасность арабы, столько же на западѣ угрожали набѣгами и опустошеніями славяне и болгаре.

И здѣсь походы Юстиніана не всегда были удачны; но такъ какъ не могло быть рѣчи о полномъ возстановленіи спокойствія въ провинціяхъ Фракіи и Македоніи, давно уже находившихся въ процессѣ броженія и смуты, то можно считать нѣкоторымъ успѣхомъ уже и то, что Византія все же находила средства не только удержать за собой западныя области на Балканскомъ полуостровѣ, но и произвести такія реформы въ ихъ администраціи, которыя способствовали упорядоченію ихъ быта и усиленію оборонительной силы ихъ.

Въ 695 г. противъ Юстиніана составилъ заговоръ, вслѣдствіе котораго, какъ сказано, онъ былъ лишень власти и сосланъ въ заточеніе въ Херсонъ.

Здѣсь въ первый разъ въ кругъ историческаго кругозора непосредственно входятъ области, принадлежащія къ русскому государству. Нѣсколько выше была рѣчь о ссылкѣ въ Херсонъ папы Мартина, и въ связи съ этимъ обстоятельствомъ дошли до насъ извѣстія о положеніи, въ какомъ находилась эта удаленная отъ Константинополя провинція. Особенный интересъ, возбужденный къ исторіи Херсониса въ русской исторической наукѣ, способствовалъ тому, что мы можемъ бросить нѣкоторый свѣтъ на эту провинцію ¹⁾. Оказывается, что Херсонисъ издавна былъ торговымъ городомъ. Около города были соляныя варницы на озерахъ. Добывалось также множество рыбы въ рѣкахъ черноморскаго бассейна, которая приготавлиема была впрокъ и составляла предметъ вывоза. Черноморская икра и соленая рыба были лакомымъ блюдомъ у византійцевъ ²⁾. Но, съ другой стороны, благосостояніе города зависѣло отъ доставки хлѣбныхъ продуктовъ изъ другихъ византійскихъ портовъ, и такъ какъ по письмамъ папы Мартина въ городѣ была крайняя дороговизна предметовъ первой необходимости, то можно догадываться,

1) Бертъе-Делагардъ; „Какъ Владиміръ осаждалъ Корсунъ“ („Изв. отд. русск. языка и слов. Имп. Ак. Наукъ“, XIV, кн. I); Шестаковъ, „Памятники христіанскаго Херсониса“, III, стр. 30 и слѣд.

2) Между прочимъ, въ перепискѣ Мих. Акомината (ed. Λαμπρος).

что его торговля въ VII в. значительно пала, а это, въ свою очередь, можетъ служить вообще свидѣтельствомъ жалкаго положенія зависѣвшей отъ Херсона области.

Находясь въ Херсонѣ, Юстиніанъ, повидимому, совсѣмъ пересталъ занимать вниманіе правительства и пользовался здѣсь извѣстной свободой. Онъ нисколько не скрывалъ надежды снова вступить на престолъ и говорилъ объ этомъ такъ открыто, что херсонесцы стали опасаться, какъ бы не навлечь на себя подозрѣнія въ сочувствіи его замысламъ, и приняли рѣшеніе или убить его, или отправить узникомъ въ Константинополь. Но Юстиніанъ предупредилъ херсонцевъ и бѣжалъ въ крѣпость Дорасъ или Мангупъ на границѣ готскихъ владѣній въ Крыму. Отсюда Юстиніанъ завязалъ сношенія съ хазарами, которымъ принадлежала часть Крыма, и просилъ у кагана позволенія поселиться въ его владѣніяхъ ¹⁾. Тогда начинается исторія хазаръ, этого любопытнаго народа, игравшаго немаловажную роль въ южно-русской исторіи. Мы уже знаемъ, что съ хазарами началъ сношенія императоръ Ираклій во время своихъ персидскихъ походовъ, тогда ихъ владѣнія простирались на югъ до Кавказскихъ горъ (до Аракса), на сѣверъ и востокъ владѣнія ихъ граничили съ финнами и болгарами. Когда послѣдніе въ VII в. двинулись за Дунай, область, ими покинутая, занята была хазарами, и съ тѣхъ поръ они составляютъ въ юго-восточной Европѣ важный этнографическій и политическій элементъ и ведутъ войну за существованіе на два фронта: съ арабами на востокъ, съ имперіей на западѣ. Въ X вѣкѣ хазарамъ нанесенъ окончательный ударъ побѣдами русскихъ князей. Такимъ образомъ, ясно, что, когда Юстиніанъ задумалъ заинтересовать въ своемъ дѣлѣ властителя хазаръ, которые были сосѣдями имперіи на Черномъ морѣ, то онъ поступилъ не такъ легкомысленно, какъ это могло бы казаться съ перваго взгляда. Хазарскій народъ отличался въ извѣстной степени зачатками культуры, не чуждъ былъ христіанства, вель обширныя торговыя сношенія съ восточной Европой и Персіей. Для хазаръ не было безразлично, такимъ образомъ, воспользоваться смутами въ имперіи и оказать поддержку претенденту на византійскій престолъ.

Переговоры Юстиніана съ каганомъ привели ихъ къ полному соглашенію. Бывшій императоръ убѣдилъ кагана въ солидности

¹⁾ Nicephori, „Breviarium“, 40.

своихъ правъ и основательности надеждъ на возвращеніе престола. Юстиніанъ породнился съ каганомъ бракомъ, женившись на его сестрѣ, носившей христіанское и громкое въ имперіи имя Θεодоры. Претенденту предоставлено было жить въ Фанагоріи, откуда онъ могъ поддерживать сношенія съ недовольными существующимъ правительствомъ въ Константинополѣ. Но ему предстояло впереди испытать еще много неожиданностей. Тогдашній царь Тиверій III былъ встревоженъ дошедшими до него извѣстіями и послалъ къ кагану посольство съ дарами и настоятельной просьбой выдать ему Юстиніана живымъ или мертвымъ ¹⁾. Каганъ не остался глухъ къ дарамъ и дѣлаемымъ обѣщаніямъ и распорядился, чтобы за Юстиніаномъ учрежденъ былъ тайный надзоръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, поручено было правителю Фанагоріи и начальнику Боспора принять мѣры къ убійству Юстиніана. Намѣренія кагана и сдѣланныя имъ распоряженія сдѣлались извѣстны Θεодорѣ, которая посвятила въ нихъ своего мужа и дала ему возможность избѣжать угрожавшей опасности.

Здѣсь начинается новая фаза приключеній Юстиніана. Убивъ самъ тѣхъ лицъ, которыя слѣдили за нимъ, и оставивъ свою супругу на попеченіе тестя, Юстиніанъ устроилъ тайное бѣгство изъ Фанагоріи на заготовленномъ заранѣе кораблѣ и съ тѣми приверженцами, которые у него оказались въ то время, пошелъ вдоль южнаго берега Крыма до гавани Символа (Балаклава), гдѣ вошелъ въ сношенія съ преданными ему и очевидно сочувствовавшими задуманному имъ предпріятію людьми въ Херсонѣ. Всѣ эти подробности должны быть хорошо взвѣшены, ибо онѣ объясняютъ, что у Юстиніана была партія, которая обезпечивала ему успѣхъ въ его замыслѣ. Какъ можно понять изъ дальнѣйшаго, Юстиніанъ, потерявъ надежду на хазаръ, рассчитывалъ теперь найти союзника въ другомъ мѣстѣ. Изъ Херсона онъ направился вдоль сѣверо-западнаго побережья Чернаго моря къ устьямъ Дуная и нашелъ здѣсь гостепріимство у хана болгарской орды, еще весьма недавно переселившейся за Дунай и начавшей устраиваться на Балканскомъ полуостровѣ, по имени Тервеля. Хотя не все еще выяснено въ обстоятельствахъ утвержденія болгаръ за Дунаемъ, но весьма вѣроятно, что главный болгарскій станъ тогда уже былъ на мѣстѣ нынѣшней

¹⁾ Nicephori, 41: ἐκλιπαρῶν—εἰ ζῶντα Ἰουστινιανὸν ἢ τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ ἐκπέμψαι.

деревни Абобы, близъ Шумлы и Преславы ¹⁾). Ханы болгарской орды, распространившіе свою власть надъ славянами, жившими на сѣверѣ отъ Балканъ, дѣлали уже неоднократно попытку утвердиться и на югъ отъ Балканскихъ горъ и зорко слѣдили за событіями въ имперіи, которыми всегда пользовались для своихъ набѣговъ въ имперскія области. Какъ показываютъ древнѣйшіе памятники болгарскаго быта, найденные при раскопкахъ ихъ древней столицы, болгаре скоро подчинились культурнымъ вліяніямъ, идущимъ изъ Константинополя, и ханы ихъ постепенно вводили при своемъ дворѣ обычаи и обряды византійскаго двора.

Юстиніанъ могъ быть заранѣе увѣренъ въ благорасположенномъ приѣмѣ хана Тервеля, такъ какъ послѣдній хорошо могъ оцѣнить представляемая въ дѣлѣ возстановленія Юстиніана на тронѣ важныя выгоды. Посланный для переговоровъ съ Тервелемъ нѣкто Стефанъ поставилъ вопросъ такъ ясно и столько надавалъ обѣщаній болгарскому властителю, предлагая скрѣпить союзъ даже бракомъ Тервеля съ дочерью Юстиніана, что планъ похода на Константинополь съ цѣлью возстановленія на престолѣ сверженнаго императора рѣшенъ былъ безъ колебаній. Юстиніанъ былъ принятъ въ болгарскомъ станѣ съ большими почестями и провелъ между болгарами осень и зиму 704—705 года. Весной предпринятъ былъ походъ на Константинополь, въ которомъ вмѣстѣ съ болгарами принимали участіе и подчиненные имъ славяне. Изъ хода дѣлъ ясно, что правительство не приняло никакихъ серьезныхъ мѣръ противъ Юстиніана и его союзниковъ. Безъ всякаго сопротивленія болгаре дошли до стѣнъ Константинополя и три дня стояли подъ стѣнами въ ожиданіи сдачи города, въ которомъ была значительная партія приверженцевъ послѣдняго представителя дома Ираклія. Хотя открытой сдачи не послѣдовало, но Юстиніанъ съ немногими воинами нашель возможнымъ тайно, ночью, проникнуть въ городъ, черезъ водопроводъ, и тогда сопротивленію положенъ былъ конецъ. Трудно понять на основаніи скудныхъ извѣстій, почему такъ легко досталась Юстиніану побѣда. Если предположимъ, что городъ былъ взятъ на щитъ болгарами, то необходимо послѣдовали бы расхищеніе сокровищъ и

¹⁾ Раскопки Русскаго Археологическаго Института въ Константинополь („Извѣстія“, т. X).

отчаянная борьба между побѣдителями и побѣжденными. По ходу событій нужно допустить, что Юстиніанъ, открывши доступъ черезъ водопроводъ, не сдалъ города Тервелю, а нашель возможнымъ достигнуть власти безъ большого сопротивленія, не позволяя болгарамъ сдѣлаться хозяевами положенія.

Такъ или иначе, предпріятіе Юстиніана увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Онъ завладѣлъ властью въ городѣ и скоро освободился отъ своего союзника, уплативъ ему за оказанное содѣйствіе богатыми дарами и драгоценными царскими сосудами и почетнымъ титуломъ кесаря, даваемымъ только лицамъ императорской фамиліи. Тервель отступилъ отъ столицы, а Юстиніанъ принялъ мѣры къ утвержденію вновь пріобрѣтенной власти.

Вторичное царствованіе Юстиніана II продолжалось отъ 705 до 711 г. Это было во всѣхъ отношеніяхъ суровое царствованіе, свидѣтельствующее о жестокихъ нравахъ людей той эпохи. Можно сказать, что Юстиніанъ мало чему научился въ десятилѣтній періодъ невзгодъ и ничего не забылъ. Прежде всего онъ жестоко отомстилъ двумъ лицамъ, прежнимъ двумъ императорамъ, Леонтію и Тиверію, которые занимали престолъ въ истекшій десятилѣтній періодъ. Первый, уже лишенный носа и заключенный въ монастырь, не былъ опасенъ для Юстиніана, второй, отказавшись отъ борьбы, спасся изъ Константинополя бѣгствомъ. Но оба были представлены торжествующему Юстиніану въ цѣпяхъ, и онъ имѣлъ наслажденіе смотрѣть на цирковое представленіе, попирая ногами поверженныхъ передъ нимъ враговъ, а народъ восклицалъ: „на аспида и василиска наступишь и будешь топтать льва и дракона“ ¹⁾. Затѣмъ оба императора были публично обезглавлены на площади. Жестокая расправа постигла и многихъ другихъ лицъ, принимавшихъ участіе въ низложеніи Юстиніана. Патріархъ Каллиникъ, вѣнчавшій на царство обоихъ, былъ ослѣпленъ и сосланъ въ Римъ. Но самымъ вопіющимъ преступленіемъ была казнь на стѣнахъ города Ираклія, брата Тиверія, полководца, прославившагося въ войнахъ съ арабами. Наступило царство террора, въ которомъ погибли сотни военныхъ и гражданскихъ чиновъ, считавшихся приверженцами предыдущаго правительства.

Съ трудомъ можно понять проявленія такого звѣрства въ харак-

¹⁾ Псал. 91, 13.

терѣ Юстиніана, тѣмъ болѣе, что въ другихъ отношеніяхъ онъ не лишенъ былъ трогательной внимательности по отношенію, напримеръ, къ своей женѣ Теодорѣ. Такъ, онъ послалъ за ней въ Хазарію почетное посольство на корабляхъ, а когда корабли погибли отъ бури, отправилъ новое посольство. По прибытіи въ Константинополь Теодоры, онъ вѣнчалъ ее и рожденного отъ нея сына Тиверія и провозгласилъ ихъ августами. Чрезвычайно тревожная и полная разнообразныхъ приключеній жизнь этого государя подавала бы поводъ къ обнаруженію его жестокости въ частныхъ отношеніяхъ, но нужно отмѣтить, что вездѣ, напротивъ, замѣтна благорасположенность къ нему со стороны тѣхъ, кто находился съ нимъ въ близкихъ сношеніяхъ. Безъ близкихъ и расположенныхъ къ нему друзей Юстиніанъ не могъ бы достигнуть осуществленія своей мечты о новомъ вступленіи на царство. Историкъ Теофанъ по поводу перваго низложенія Юстиніана въ 795 г. замѣтилъ: „Юстиніанъ низверженъ былъ по слѣдующему случаю. Онъ приказалъ патрикію и стратигу Стефану по прозванію Русію, ночью избить константинопольскій димъ и начать съ патріарха“ ¹⁾. Это мѣсто можетъ дать нѣкоторый новый матеріалъ для выясненія роли Юстиніана II. Выраженіе „избить константинопольскій димъ“ слѣдуетъ истолковать здѣсь въ смыслѣ привилегированной части городского населенія, которая пользовалась еще старыми муниципальными правами и которая всегда мозолила глаза императорскому правительству, начиная со времени Юстиніана I. Много правъ уже было отнято у города, но остатки муниципальных свободъ изрѣдка прорывались наружу въ жизни городовъ. Считаая себя не даромъ носящимъ имя Юстиніана, императоръ съ особенной энергіей велъ борьбу съ привилегіями нѣкоторыхъ классовъ городского населенія. Съ этой точки зрѣнія получаютъ яркое освѣщеніе и предпріятыя имъ репрессіи противъ Херсона, относящіяся къ 710—711 году и бывшія причиной вторичнаго его низверженія и гибели его дома.

Едва ли слѣдуетъ довѣрять настроенію греческихъ писателей, сообщающихъ наиболѣе подробныя извѣстія о событіяхъ, касающихся жестокой расправы Юстиніана съ городомъ Херсономъ ²⁾. Прежде

1) Theoph., 368, 16: ἐκέλευσε Στεφάνῳ τῷ πατρικίῳ καὶ στρατηγῷ νυκτὸς ἀποκτεῖναι τὸν δῆμον Κωνσταντινουπόλεως, ἄρξασθαι δὲ ἀπὸ τοῦ πατριάρχου.

2) Theophanes, 376. Nicephori, 44.

всего нельзя никакъ допустить, что противъ Херсона былъ отправленъ флотъ, состоящій изъ 100 тысячъ моряковъ. Если бы Юстиніанъ собралъ всѣ перевозочныя средства, и тогда онъ не могъ бы имѣть такого громаднаго количества судовъ, чтобы посадить на нихъ 100 тысячъ. Кромѣ того, для чего понадобилась бы такая армада противъ отдаленнаго города, лежащаго на сѣверномъ берегу Чернаго моря и въ началѣ VIII в. едва ли имѣвшаго много населенія. Тѣмъ не менѣе, извѣстія о походахъ на Херсонъ представляютъ такія подробности, которыя могутъ имѣть большое значеніе для характеристики какъ общаго положенія дѣлъ на Крымскомъ полуостровѣ, такъ и тѣхъ средствъ, какими располагала имперія для удержанія своей власти въ Крыму. Карательная экспедиція составлена была на средства, собранныя съ различныхъ классовъ населенія; собственно военныхъ людей было въ ней немного, а были крестьяне, ремесленники, представители городского дима и члены сенаторскаго сословія ¹⁾. Назначеніе флота состояло въ томъ, чтобы перебить населеніе Херсона, Босфора и другихъ мѣстъ. Но такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, приказано было поставить архонтомъ Херсона оруженосца императора и спаеварія Илью и водворить тамъ на жительство Вардана, присужденнаго къ ссылке, то ясно, что распоряженіе объ истребленіи жителей должно быть толкуемо условно. Патрикій Стефанъ, начальникъ флота, не исполнилъ во всей точности порученія, а пощадилъ нѣсколькихъ юношей, которыхъ взялъ въ качествѣ плѣнниковъ. Но что всего любопытнѣй, кара постигла тудуна, какъ назывались чиновники хазарскаго правительства, и Зоила, одного изъ самыхъ вліятельныхъ представителей Херсона вмѣстѣ съ 40 другими знатными гражданами. Зоилу усвоится наименованіе протополита, а другіе имѣютъ титулъ протевоновъ. Нѣтъ сомнѣнія, что то и другое обозначенія относятся къ лицамъ, принадлежащимъ къ городскому самоуправленію. Никакъ нельзя забывать, что въ Херсонѣ теперь была власть хазарскаго кагана, и что тудунъ былъ допущенъ въ городъ съ согласія городскихъ властей. Слѣдовательно, экспедиція Юстиніана имѣла болѣе политическое значеніе, чѣмъ личную месть. Но крымская трагедія далеко не окончилась рассказанными

¹⁾ Nicéphori, 44: ἐκ τε τῶν στρατιωτικῶν καταλόγων, ἔτι δὲ καὶ τοῦ γεωργικοῦ καὶ τῶν βαναυσικῶν τεχνῶν, τῶν τε ἐκ τοῦ συγγλήτου βουλῆς καὶ τοῦ τῆς πόλεως δήμου.

жестокостями. Когда флотъ въ октябрѣ мѣсяцѣ шель назадъ въ Константинополь, его застигла буря, погубившая, по свидѣтельству нашихъ источниковъ, до 73 тысячъ. Между тѣмъ херсонесцы, напуганные дошедшими до нихъ слухами, что Юстиніанъ готовится противъ нихъ новый флотъ, обратились къ хазарскому кагану съ просьбой, чтобы онъ принялъ городъ подъ свою защиту и послалъ имъ для охраны военныхъ людей. Такъ начался въ Херсонѣ открытый бунтъ, который крайне раздражилъ Юстиніана и побудилъ его принять мѣры противъ непокорнаго города. На этотъ разъ, однако, отправленъ былъ въ Херсонъ незначительный отрядъ съ патрикіемъ Георгіемъ и епархомъ города Іоанномъ съ приказаніемъ возстановить Тудуна и Зоила въ занимаемыхъ ими прежде должностяхъ. Но въ Херсонѣ оказалась значительная партія, имѣвшая въ своемъ распоряженіи достаточныя средства для борьбы; кромѣ того, и стѣны города защищали жителей противъ непріятели. Херсониты не пустили военныхъ людей въ городъ, предали смерти патрикія Георгія и Іоанна, а Тудуна и Зоила выдали хазарамъ, присланнымъ въ помощь городу. Непосредственно затѣмъ въ Херсонѣ былъ объявленъ на царство сосланный сюда Варданъ, принявшій имя Филиппика. Императоръ сталъ готовить новый походъ противъ нарушившихъ вѣрность городовъ крымскаго полуострова, поставивъ во главѣ экспедиціи патрикія Мавра. Между тѣмъ въ Крыму событія шли къ развязкѣ. Жители Херсона вступили въ переговоры съ хазарами, къ которымъ бѣжалъ и Варданъ-Филиппикъ. Византійскій отрядъ встрѣченъ былъ поэтому враждебно, Мавръ началъ бить стѣны и хотя нанесъ своими машинами вредъ главной башнѣ Кентинарской ¹⁾, но скоро отчаялся въ дальнѣйшемъ успѣхѣ осады и перешелъ на сторону движенія противъ Юстиніана.

Хазары во всемъ этомъ враждебномъ Византіи движеніи играютъ дѣятельную роль. Ясно, что каганъ господствуетъ надъ ближайшей къ Херсону областью и поддерживаеетъ смуту въ этомъ городѣ. Когда Мавръ и подчиненный ему отрядъ перешли на сторону возмутившагося города и провозгласили своимъ царемъ Филиппика, начаты были переговоры съ каганомъ о выдачѣ содержавшагося у хазаръ

1) Theoph. 379, 23: διὰ τοῦ κριοῦ τὸν λεγόμενον Κεντηναρήσιον πύργον καταβαλόντος. Ср. такого же наименованія башню въ Никеѣ („Извѣстія“ Инст., III. 180).

вновь провозглашеннаго царя. Весьма трудно выяснить дѣйствительную роль во всемъ дѣлѣ кагана, въ распоряженіи котораго, повидимому, были судьбы города Херсона. На просьбы выдать Филиппика онъ вступилъ въ торгъ съ гражданами и взялъ за царя выкупъ по одной номисмѣ съ человѣка.

Между тѣмъ Юстиніанъ, съ цѣлью отвлечь вниманіе хазаръ отъ Крыма, обратился къ болгарскому хану Тервелю съ просьбой о помощи, получилъ отъ него 3000 воиновъ и, не надѣясь, повидимому, спокойно удержаться въ Константинополѣ, выступилъ въ Малую Азію, гдѣ собралъ войско въ ѡемѣ Опискій. Раскинувъ лагерь на черноморскомъ берегу, близъ Синопа, Юстиніанъ выжидалъ хода событій, которыми уже былъ не въ состояніи управлять. Провозглашенный въ Херсонесѣ Филиппикъ явился въ Константинополь и безъ труда завладѣлъ городомъ, гдѣ у Юстиніана не нашлось приверженцевъ. Объявивъ прощеніе всѣмъ частямъ, которыя находились еще вмѣстѣ съ Юстиніаномъ, и обезопасивъ спокойное возвращеніе болгарскаго отряда на родину, Филиппикъ достигъ того, что Юстиніанъ остался безъ защиты, попался въ плѣнъ къ спаѳарію Ильѣ, который былъ посланъ за нимъ. Послѣдняго царя изъ дома Ираклія постигла суровая участь: его голова была представлена Филиппику и послана имъ въ Римъ. Оставшійся въ живыхъ въ Константинополѣ сынъ его Тиверій былъ взятъ въ церкви Влахернской Богоматери отъ святого алтаря, гдѣ онъ думалъ найти спасеніе, и публично зарѣзанъ на стѣнѣ на башнѣ св. Каллиника. Такова судьба потомковъ Ираклія, сто лѣтъ управлявшаго имперіей въ наиболѣе трудную эпоху ея существованія. Намъ остается еще бросить взглядъ на итальянскія отношенія въ началѣ VIII вѣка.

Юстиніанъ имѣлъ свои причины приписывать нѣкоторымъ гражданамъ Равенны участіе въ заговорѣ, слѣдствіемъ котораго было его низверженіе въ 695 г. ¹⁾ Патрикій Θεодоръ явился на кораблѣ въ гавани Равенны и обманнымъ образомъ привлекъ къ себѣ знаменитыхъ равеннцевъ. Когда они, не подозрѣвая измѣны, пришли на корабль, здѣсь перехватили ихъ, заковали въ цѣпи и потомъ отправили въ Византію. Юстиніанъ подвергъ ихъ жестокимъ пыткамъ и присудилъ къ мучительнымъ казнямъ. Въ Италіи это событіе про-

¹⁾ Gregorovius, II, 182—199.

извело сильное движеніе противъ Византіи, и многіе города тогда же готовы были отложиться отъ императора, если бы онъ, предвидя опасность, не пригласилъ въ Константинополь и ласками не привлекъ на свою сторону римскаго епископа, по счастью для него восточнаго происхожденія (Константинъ I, 708—715). Почеть, оказанный Константину въ столицѣ имперіи, и новыя привилегіи епископскому престолу, можетъ-быть, подкупили папу въ пользу императора. Пользуясь его отсутствіемъ изъ Рима, явился въ городъ экзархъ, арестовалъ знатнѣйшихъ изъ клира и народа. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ обо всемъ этомъ весьма отрывочныя свѣдѣнія и не знаемъ, почему происходили аресты; но когда экзархъ возвратился въ Равенну, тамъ поднялось противъ него сильное неудовольствіе, стоившее ему жизни. Волненія въ Равеннѣ происходили въ 710 и 711 г. Во главѣ движенія стоялъ сынъ Іоанникія, казненнаго Юстиніаномъ II, Георгій; онъ носилъ званіе капитана (*capitano del popolo*). Весь городъ раздѣленъ на 12 знаменъ или отрядовъ (*bandus*); каждый отрядъ подчинялся отдѣльнымъ начальникамъ. По образцу равеннской милиціи устроено было городское войско и въ другихъ мѣстахъ. Въ союзъ съ Равенной вступили и другіе города экзархата, совокупныя усилія сѣверныхъ городовъ греческой Италіи направлены были къ низверженію византійскаго господства. Въ 710 г., такимъ образомъ, ясно обозначилось, что городская община не погибла въ Италіи, что въ милиціи нашла она силу противъ внѣшняго угнетенія; идя такимъ путемъ, городскія общины постепенно развиваются въ городскія коммуны и республики. Въ то же время и въ Римѣ, по случаю присылки еретическихъ мнѣній новаго императора, обнаружилось небывалое движеніе. *Populus Romanus*, въ согласіи съ клиромъ, сдѣлалъ постановленіе—не принимать мнѣній императора Филиппика (711—713) и не признавать надъ собой его власти. Въ жизнеописаніи папы Константина римская область по обѣимъ сторонамъ Тибра въ первый разъ названа дукатомъ. Во главѣ ея стоитъ избранный народомъ дука, какъ высшій военный санъ области. Такимъ образомъ, къ VIII в. въ Италіи образуются два учрежденія — папство и городская милиція, которыя заключали въ себѣ готовые элементы для борьбы съ Византіей, для которыхъ намѣчаются новые историческіе факторы, подготовленные предыдущимъ періодомъ.

глава V.

ЗАПАДНЫЯ ГРАНИЦЫ ИМПЕРІИ. ЛАНГОБАРДЫ ДО КОНЦА VII в.

сть мнѣніе, что императорскій намѣстникъ въ Италіи Нарсесъ пригласилъ въ Италію лангобардовъ, чтобы отомстить двору за несправедливое къ нему недоувѣріе. Нѣтъ нужды прибѣгать къ подобному объясненію итальянскихъ событій. Сношенія лангобардовъ съ имперіей начались гораздо ранѣе, такъ какъ лангобардскіе наемники служили въ имперскомъ войскѣ и принимали даже участіе въ порабощеніи Италіи. Побывавъ въ прекрасной странѣ и ознакомившись съ призрачнымъ военнымъ могуществомъ имперіи, лангобарды и безъ прямого приглашенія Нарсеса могли придти къ мысли о возможности поселенія въ Италіи. Въ 568 г. на мѣсто отозваннаго Нарсеса прибылъ въ Италію префектъ Лонгинъ; онъ вступалъ въ Равенну, когда лангобарды начали завоеваніе сѣверной Италіи подъ предводительствомъ славнаго въ преданіи по своимъ военнымъ подвигамъ Албоина.

Въ высшей степени любопытное обстоятельство, что лангобарды при своемъ вторженіи въ сѣверную Италію не встрѣтили значительныхъ препятствій; только за стѣнами укрѣпленныхъ городовъ, которыхъ брать лангобарды не были въ состояніи, спасалось сельское населеніе отъ варварскаго нашествія. Поэтому занятіе Италіи направлялось узкой полосой, сначала по долинѣ рѣки По, потомъ, минуя Равенну, къ юго-западу. Римъ и Неаполь остались подъ властью Византіи, въ средней Италіи главнымъ опорнымъ пунктомъ ихъ власти было Сполето, а на югѣ Беневентъ. Первыми городами, захваченными лангобардами, были Фриуль (Forum Julii) и нѣсколько южнѣй Аквилея. Успѣхи завоеванія ничѣмъ не нарушались, и уже лѣтомъ 569 г. Албоинъ взялъ важный городъ будущей Ломбардіи, Ми-

ланъ, и въ то же время началъ осаду Павіи, которая оказала самое упорное сопротивленіе и сдалась лишь черезъ три года. Здѣсь лангобардскіе короли основали свою столицу.

Въ 572 г. Албоинъ былъ убитъ по проискамъ жены своей, королевы Розамунды, происходившей изъ королевскаго рода гепидовъ и взятой лангобардами въ плѣнъ. Предводители дружинъ и начальники родовъ, которыхъ было болѣе 30, избрали въ короли герцога Клефа, но и онъ правилъ не больше полутора года и въ 574 г. погибъ отъ руки убійцы. Затѣмъ болѣе 10 лѣтъ у лангобардовъ было безкоролье; въ теченіе этого времени особенно выразились слабыя стороны государственнаго устройства этого народа. Отдѣльные герцоги желали править самостоятельно, не повинуюсь центральной власти; образованныя ими герцогства не имѣли между собой связи и имѣли видъ самостоятельныхъ владѣній. Десятилѣтіе отъ смерти Клефа до избранія въ короли Автари было чрезвычайно благоприятнымъ для Византіи періодомъ, чтобы задержать движеніе лангобардовъ. Хотя имперія не воспользовалась этимъ временемъ, но все же періодъ безкоролья оказалъ вредное вліяніе на устройство лангобардовъ въ завоеванной странѣ. Каждый герцогъ заботился о собственныхъ выгодахъ и обогащеніи на счетъ подчиненнаго населенія, общегосударственная идея отсутствовала и преобладали сепаратныя стремленія. При такихъ условіяхъ не могло быть общаго движенія противъ сильнѣйшихъ центровъ византійской власти на полуостровѣ. Правда, герцогъ беневентскій угрожалъ Неаполю, сполетскій Риму, изъ Павіи дѣлали демонстраціи противъ Равенны, но каждый изъ этихъ городовъ, будучи въ состояніи помѣряться силами съ отдѣльнымъ герцогствомъ, не устоялъ бы противъ соединенныхъ силъ всѣхъ лангобардовъ. Несмотря на благоприятныя условія, имперія не предприняла дѣйствительныхъ мѣръ къ освобожденію Италіи и дала лангобардамъ время пережить безкоролье и сознать необходимость принятія такихъ мѣръ, которыя обезпечивали бы имъ спокойствіе въ будущемъ.

По смерти Клефа 35 герцоговъ оказались во главѣ городовъ и территорій, захваченныхъ лангобардами ¹⁾, за исключеніемъ Сполето

¹⁾ Pauli diaconi, 11, 32. Post cuius mortem Langobardi per annos decem regem non habentes sub ducibus fuerunt. Hartmann, „Geschichte Italiens im Mittelalter“ 11; 1 Hälfte (Gotha, 1900).

и Беневента, которые еще оставались подъ властью Византіи. Въ 584 г., въ виду грозящей опасности съ сѣвера отъ франковъ, избранъ былъ королемъ сынъ Клефа Автари, при чемъ герцоги поступились въ пользу короля нѣкоторыми правами и пожертвовали на содержаніе королевскаго двора часть своихъ земель.

Теперь посмотримъ на отношенія имперіи къ событіямъ, происходившимъ въ Италіи. Въ первые годы движенія лангобардовъ Византія не имѣла въ Италіи такого главнокомандующаго, каковы были Велизарій или Нарсесъ. Представителемъ имперіи въ 567 г. былъ префектъ Лонгинъ, который не велъ оборонительной войны, по всей вѣроятности, потому, что не имѣлъ для того военныхъ средствъ. Тяжелое положеніе, въ которомъ находилась имперія вслѣдствіе набѣговъ аваровъ и по случаю войны съ персами, до извѣстной степени объясняетъ беззащитное положеніе западной границы, хотя не можетъ оправдывать громадной ошибки, допущенной византійскимъ правительствомъ почти добровольной уступкой такой важной провинціи лангобардамъ. Ошибка скоро была признана, что видно въ принятіи исключительныхъ мѣръ къ охраненію византійскаго господства въ Италіи. Ближайшимъ слѣдствіемъ новаго порядка вещей, установившагося на полуостровѣ, было не только полное разобщеніе ея частей, но и отдѣленіе ея городовъ отъ всякихъ сношеній съ органами византійской власти въ Равеннѣ. Римъ по цѣлымъ годамъ не могъ сноситься по своимъ дѣламъ съ правительствомъ, и все, что оставалось въ средней и южной Италіи свободнымъ отъ лангобардовъ, по необходимости стало тянуть болѣе къ Риму, чѣмъ къ Византіи.

Имперія хотя и поздно, но поняла ошибку и пыталась поправить дѣло устройствомъ новаго и оригинальнаго органа власти въ Италіи. Мы говоримъ объ экзархатѣ. Происхожденіе экзархата не можетъ быть съ точностью опредѣлено. Во главѣ провинціи послѣ Лонгина и Бадуарія (575—577), которые имѣли званіе префекта, нѣкоторое время не было особо назначеннаго лица. Изъ Рима было снаряжено посольство въ Константинополь съ просьбой о помощи, но императоръ Тиверій, ссылаясь на недостатокъ войска и денегъ, отказалъ въ посылкѣ военнаго отряда и ограничился переговорами съ франкскимъ королемъ, который обѣщаль сдѣлать на лангобардовъ нападеніе съ сѣвера. Лишь по истеченіи двухъ лѣтъ, т.-е.

въ 579 г. отправленъ былъ изъ Константинополя спеціальный военный отрядъ подъ предводительствомъ особаго военного начальника съ широкими полномочіями, которому были подчинены небольшіе гарнизоны, разсѣянные по городамъ Италіи. Слѣдуетъ думать, что къ этому времени относится появленіе экзархата ¹⁾.

Первое упоминаніе объ экзархѣ находимъ отъ 584 г. въ письмѣ папы Пелагія II къ своему апокрисиарію въ Константинополь, діакону Григорію, будущему знаменитому папѣ того же имени. Письмо рисуетъ такъ живо тогдашнее положеніе дѣлъ въ Италіи, что его можно привести сполна ²⁾. Представитель папы завязалъ въ Константинополь сношенія при дворѣ и между высшими сановниками, пользовался покровительствомъ императрицы Константины и Маврикія, будущаго императора. Благодаря его вліянію заключено было трехлѣтнее перемиріе съ лангобардами, для чего представитель императора вступилъ въ переговоры съ королемъ Автари. Но перемиріе скоро было нарушено, и Пелагій сообщаетъ своему уполномоченному слѣдующее о происшествіяхъ въ Италіи. „Мы отправляемъ къ тебѣ съ необходимыми извѣстіями нотарія Гонората вмѣстѣ съ епископомъ Себастіаномъ, который, побывавъ въ тѣхъ мѣстахъ и въ Равеннѣ съ патриціемъ Деціемъ, можетъ сообщить тебѣ обо всемъ по личнымъ наблюденіямъ, дабы ты доложилъ императору, что найдешь возможнымъ. Бѣдствія и страданія, причиняемыя намъ клятвопреступнымъ лангобардскимъ королемъ, никто не въ состояніи выразить словами. Вмѣстѣ съ братомъ нашимъ Себастіаномъ, который имѣетъ сдѣлать докладъ императору о нуждахъ и опасностяхъ, угрожающихъ всей Италіи, постарайтесь всемѣрно принести намъ облегченіе, ибо государство (*res publica*) находится въ такомъ отчаянномъ положеніи, что если Господь не вдохнетъ въ сердце благочестивѣйшаго императора, чтобы онъ присущее ему милосердіе распространилъ на своихъ рабовъ и благоволилъ дать намъ облегченіе или въ лицѣ одного главнокомандующаго (*magister militum*) или дуки, то мы окажемся въ крайнемъ положеніи, ибо римская область совсѣмъ лишена защиты. Экзархъ же пишетъ, чтобы на него не возлагали никакой надежды, такъ какъ признается, что не въ состояніи защищать и

¹⁾ Hartmann, „Untersuchungen zur Geschichte der Byz. Verwaltung in Italien“. S 8; Diehl, „Études sur l'administr. byzant. dans l'Exarchat de Ravenne“, p. 6—22.

²⁾ Migne, „Patrol. Lat.“ LXXII, col. 703.

собственную область ¹⁾. Итакъ, да внушить ему Господь мысль безъ замедленія оказать намъ помощь, прежде чѣмъ военная сила отвратительнѣйшаго народа не захватитъ и тѣ мѣста, которыя пока еще принадлежатъ имперіи“.

Такимъ образомъ, въ 584 г. былъ уже въ Равеннѣ генераль-губернаторъ съ титуломъ экзарха, хотя положеніе дѣлъ въ Италіи нисколько оттого не измѣнилось. Но такъ какъ дальнѣйшая исторія византійскаго господства въ Италіи стоитъ въ связи съ экзархатомъ, то здѣсь умѣстно будетъ остановить вниманіе на этомъ новомъ административномъ учрежденіи, которое не стоитъ, впрочемъ, совершенно одиноко въ системѣ устройства провинцій.

Въ лицѣ экзарха слѣдуетъ видѣть высшій чинъ византійской администраціи, большей частью въ санѣ патрикія, который въ виду исключительныхъ обстоятельствъ соединялъ въ своихъ рукахъ административную и судебную власть. Гражданская власть префекта преторіи, военная (*magister militum*) и судебная (*judex*) соединялись теперь въ рукахъ военной администраціи, и во главѣ отдѣльныхъ провинцій стояли военные чины съ титуломъ *duces*, а во главѣ всѣхъ военныхъ округовъ поставленъ патрикій съ именемъ экзарха, *ad regendam omnem Italiam*. Въ качествѣ высшей власти въ странѣ, экзархъ былъ облеченъ исключительными привилегіями по церковной, гражданской и военной администраціи и занималъ истинно-царское положеніе, пользуясь неограниченными полномочіями. Занимаемый имъ въ Равеннѣ дворецъ имѣлъ наименованіе священнаго (*sacrum palatium*), какъ назывались только мѣста царскаго пребыванія; при посѣщеніи Рима ему устраивалась царская встрѣча: сенатъ, духовенство и народъ въ торжественной процессіи выходили къ нему навстрѣчу за стѣны города ²⁾. Административные и гражданскіе акты помѣчались годомъ царствованія императора и именемъ экзарха. Его власть простиралась на всѣ проявленія общественной жизни. Онъ былъ главнокомандующимъ всѣхъ военныхъ силъ, расположенныхъ въ Италіи, и всякое серьезное военное дѣло зависѣло отъ его личнаго руководства; отъ него зависѣло право войны и съ лангобардами. Въ гражданской администраціи онъ былъ высшимъ авторитетомъ по

1) *Et exarchus scribit, nullum nobis posse remedium facere.*

2) Diehl, „L'exarchat de Ravenne“, p. 174, 175.

отношенію ко всему служащему персоналу, отъ него зависѣло назначеніе на должности и удаленіе съ мѣстъ военныхъ губернаторовъ (трибуны, дуки). Судебная и финансовая часть также подлежала его контролю какъ высшей и апелляціонной инстанціи. При тѣсной связи церковныхъ и гражданскихъ дѣлъ въ ту эпоху, при той политической роли, какая выпадала на долю римскаго папы въ VII—VIII в., особенно важно было для исторіи византійско-итальянскихъ отношеній—какъ выразится власть экзарха относительно римскаго папы. Это наиболѣе любопытная сторона въ занимающемъ насъ вопросѣ, и мы остановимся на ней ниже.

Возвращаясь къ исторіи постепеннаго распространенія лангобардовъ по Италіи, мы должны отмѣтить тотъ фактъ, что первые годы Византія не принимала никакихъ рѣшительныхъ мѣръ и ограничивалась обороной городовъ, въ которыхъ оставались небольшіе гарнизоны. Первая болѣе или менѣе правильная битва дана была лангобардамъ въ 575 или 576 г., но она была проиграна греками. Слѣдствіемъ этого было дальнѣйшее распространеніе лангобардовъ въ среднюю Италію и утверженіе ихъ въ Сполето и Беневентѣ. Такимъ образомъ, Равенна оказалась отрѣзанной отъ Рима, лангобардскія нападенія стали угрожать Риму и Неаполю; это именно положеніе дѣлъ рисуется въ письмѣ папы, приведенномъ выше.

Избраніе въ короли Автари мало измѣняло итальянскія отношенія, потому что герцоги, привыкшіе во время безкоролья самостоятельно распоряжаться въ своихъ областяхъ, продолжали округлять доставшіяся имъ герцогства и притѣснять беззащитное римское населеніе. Большимъ успѣхомъ можно считать совершенно новый фактъ въ отношеніяхъ имперіи и лангобардовъ, случившійся при экзархѣ Смарагдѣ (585—589), именно трехлѣтнее перемиріе. Правда, имперія этимъ актомъ признавала совершившійся фактъ захвата лангобардами части ея владѣній, но, съ другой стороны, нельзя не видѣть здѣсь и перемѣну къ лучшему въ интересахъ несчастной страны, предоставленной хищническимъ опустошеніямъ страшнаго врага. Этимъ перемиріемъ король Автари воспользовался для того, чтобы положить основанія къ устройству лангобарскаго народа на новой землѣ и къ опредѣленію отношеній герцоговъ къ королевской власти. Къ тому же времени относятся первыя дипломатическія сношенія съ франкскимъ государствомъ, которое могло быть весьма

опаснымъ для лангобардовъ, если бы стало противъ нихъ дѣйствовать въ союзѣ съ императоромъ.

Въ 590 г. Автари умеръ отъ поднесеннаго ему яда; что онъ возбудилъ противъ себя много недовольства, это легко объясняется его стремленіемъ обезопасить королевскую власть противъ своеволия герцоговъ и принятыми имъ мѣрами къ защитѣ своихъ аріанскихъ подданныхъ противъ католическаго духовенства. Религіозному вопросу суждено было имѣть большое значеніе въ итальянско-византійскихъ отношеніяхъ не только потому, что лангобарды были аріанами и, слѣдовательно, еретиками съ точки зрѣнія господствовавшаго въ восточной и западной церкви ученія, но еще и потому, что въ нѣдрахъ самой православной церкви былъ расколъ, который имѣлъ свои корни въ разноствяхъ воззрѣній на догматъ о божескомъ и человѣческомъ ествѣ въ Богочеловѣкѣ. Вслѣдствіе лангобардскаго завоеванія и соединенныхъ съ нимъ политическихъ перемѣнъ произошелъ переворотъ въ положеніи многихъ епископій въ особенности сѣверной Италіи, поставившій ихъ въ иныя отношенія къ Риму, чѣмъ это было прежде. Находясь въ области, занятой лангобардами, епископъ Милана и патріархъ Аквилеи съ подчиненными имъ епископіями выступили изъ непосредственной зависимости отъ римскаго епископа; независимо оттого нѣкоторые католическіе епископы оставили свои кathedры и спаслись въ области, куда не доходили еще лангобарды, а на ихъ мѣсто вступили или аріане, или схизматики. Вслѣдствіе этого была опасность, что сѣверная Италія и въ церковномъ отношеніи отдѣлится отъ имперіи, какъ уже она отдѣлилась политически. Церковное положеніе въ странѣ занимало вниманіе византійскаго правительства и весьма глубоко затрагивало интересы римскаго епископа. Воспользоваться этимъ положеніемъ какъ политическимъ орудіемъ противъ имперіи и приготовить въ завоевателяхъ-аріанахъ опору католической церкви и итальянской народности противъ имперіи несомнѣнно было весьма дальновиднымъ и патріотическимъ предпріятіемъ, которое требовало большого ума и знанія современныхъ отношеній. Мы подходимъ къ самой интересной личности въ исторіи среднихъ вѣковъ, которая положила устои для римскаго папства и подготовила освобожденіе Италіи изъ-подъ власти имперіи.

Папа Григорій великій (590—604) есть самый крупный вырази-

тель національной идеи итальянскаго народа. Въ то время, какъ гражданская власть оказалась ниже тѣхъ требованій, какія къ ней предъявляли смутныя обстоятельства, римскій епископъ, ставъ на защиту итальянскаго народа, приготовилъ твердую почву притязаніямъ папъ на политическое главенство въ Италіи. Ко времени Григорія великаго нужно относить начало возвышенія папства, и въ этомъ отношеніи ему должно быть удѣлено въ исторіи значительное мѣсто¹⁾. По происхожденію своему Григорій принадлежалъ къ древней патриціанской и сенаторской фамиліи, обладалъ большими богатствами, которыя употребилъ на благотворительныя дѣла и устройство монастырей. Получивъ прекрасное образованіе и имѣвъ впереди блестящую служебную карьеру, Григорій пожертвовалъ почестями и положеніемъ своему духовному влеченію и постригся въ монахи. Папа Пелагій II оцѣнилъ его способности и послалъ его въ Константинополь своимъ нунціемъ (апокрисіарій), гдѣ онъ оставался до 584 г. Послѣ Пелагія въ 590 г. клиръ и народъ избрали Григорія на епископскую кафедру въ Римѣ. Пока происходили сложныя формальности утвержденія этого избранія со стороны императора, Григорій по обычаю того времени вступилъ въ управленіе римской церковью. Постигшее за годъ передъ тѣмъ наводненіе сопровождалось большими бѣдствіями для Италіи. Вода затопила низменныя мѣстности въ сѣверной и средней Италіи, при чемъ пострадали предмѣстья города Рима и повреждены были частныя и общественныя зданія. Въ особенности чувствителенъ былъ вредъ, нанесенный церковнымъ хлѣбнымъ запасамъ. Къ стихійному бѣдствію присоединилась моровая язва, производившая большія опустошенія въ Римѣ и его окрестностяхъ. При такомъ внутреннемъ положеніи дѣлъ, отягчаемомъ постоянными внѣшними угрозами лангобардскаго нашествія, Григорій, говорятъ, былъ смущенъ въ виду тяжелой отвѣтственности и воспользовался своими связями въ Константинополѣ, чтобы ходатайствовать передъ императоромъ о неутвержденіи его избранія.

Изъ первыхъ распоряженій папы Григорія можно видѣть, какое значеніе имѣла церковь въ концѣ VI в., и какъ римскій епископъ понималъ свои обязанности. „Я не знаю, выражается онъ въ одномъ

¹⁾ О папѣ Григоріи обширная литература. Укажемъ Lau, „Gregor I nach seinem Leben“ (1845); Hartmann, „Gesch. Italiens“, II, I, S. 120. На русскомъ Ѳ. Успенскій, „Церковно-полит. дѣят. папы Григорія“ (Казань, 1901).

письмѣ, принялъ ли я на себя должность пастыря, или земного владыки“. Что прежде всего обращаетъ на себя вниманіе въ дѣятельности Григорія, это общественное служеніе епископа Рима и отзывчивость его на запросы, выдвигаемые временемъ и обстоятельствами. Риму и его окрестностямъ угрожаетъ голодъ, и не было другого государственнаго учрежденія, кромѣ церкви, которое было бы въ состояніи принять на себя заботу о прокормленіи бѣдныхъ. Церковь была единственнымъ прибѣжищемъ для бѣдныхъ и голодныхъ, и на епископѣ города Рима покоились всѣ надежды. Дабы предотвратить бѣдствіе, Григорій открылъ имѣвшіеся въ церкви запасы хлѣба и вступилъ въ живыя сношенія съ управителями церковныхъ имѣній, требуя отъ нихъ немедленной присылки хлѣба. Одно изъ первыхъ его писемъ было въ Сицилію, которая была житницей Италіи, и гдѣ были значительныя церковныя имущества (патримоніи св. Петра). Сицилійскій урожай помогъ Григорію предотвратить опасность, угрожавшую его паствѣ. Король лангобардовъ Автари, предпринявшій въ 589—590 г. новое движеніе съ цѣлью округлить свое завоеваніе, побудилъ императора искать сближенія съ франкскимъ королемъ Хильдебертомъ, который своимъ вторженіемъ въ сѣверную Италію могъ нанести лангобардамъ значительный вредъ и отвлечь ихъ отъ походовъ въ среднюю Италію. Въ то же время назначеніемъ новаго экзарха Романа (589—596), которому даны были въ распоряженіе болѣе значительныя военныя средства, византійское правительство старалось заручиться союзниками и друзьями въ самой Италіи среди герцоговъ и обезопасить наиболѣе важныя пункты, какъ Равенна и Римъ. При такихъ обстоятельствахъ произошла смерть Автари въ 590 г.

Довольно трудно разобраться въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ смерть короля и вступленіе на престолъ его преемника, туринскаго герцога Агилульфа. На первый планъ выступаетъ здѣсь вдова Автари, королева Теоделинда, происходившая изъ баварскаго королевскаго дома и исповѣдывавшая католическую вѣру. Будто бы она отдала свою руку храброму Агилульфу и тѣмъ содѣйствовала избранію его въ короли. Существенное значеніе этого обстоятельства, которое вполнѣ было оцѣнено папой, заключается въ томъ, что католическая королева могла оказать вліяніе на аріанскаго короля и окружавшихъ его людей, и въ виду этихъ соображеній папа не преминулъ завязать съ ней переписку. Быть-можетъ, подъ этимъ угломъ

зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть на нѣкоторую уступчивость новаго короля по отношенію къ представленіямъ экзарха Романа. Во всякомъ случаѣ, идя по этому пути, послѣдующіе папы достигли обращенія лангобардовъ къ католичеству. Но это случилось позже, предстояло еще преодолѣть множество затрудненій.

Ближайшій къ Риму герцогъ Сполето Ариульфъ въ особенности ставилъ папу въ тяжкое положеніе, угрожая сношеніямъ Рима съ Равенной и Неаполемъ и отрѣзавъ вѣчный городъ отъ остальной Италіи. Въ 592 г. собранная имъ изъ охотниковъ разнаго происхожденія дружина вступила въ римскую область и стала подъ стѣнами города. Въ городѣ не видимъ ни гражданскихъ, ни военныхъ властей, экзархъ далеко и занятъ защитой Равенны; чтобы добраться до Рима, ему нужно было воспользоваться морскими судами и обойти кругомъ всю Италію. Такимъ образомъ, обстоятельства передавали папѣ не только гражданскія, но и политическія судьбы Рима. Положеніе становилось тѣмъ опаснѣе, что были слухи о движеніи на Римъ герцога Беневента. Чтобы предотвратить опасность, папа послалъ къ герцогу Ариульфу пословъ съ предложеніемъ денежнаго откупа. Герцогъ не прочь былъ снять осаду и отступить, но ставилъ условіемъ, чтобы предложеніе папы было подтверждено подписью экзарха. Но здѣсь встрѣтились препятствія весьма деликатнаго свойства. Экзархъ не считалъ удобнымъ дать свое согласіе на актъ, къ которому папа и лангобарды пришли помимо его воли и безъ его предварительнаго разрѣшенія. Онъ полагалъ, что, давъ согласіе на заключеніе перемирія, онъ ослабитъ свое вліяніе въ Римѣ и заслужитъ нерасположеніе императора и потому не согласился на представленія папы. Въ письмѣ къ архіепископу равеннскому Григорій жалуется, что экзархъ помѣшалъ ему заключить миръ, и убѣждаетъ архіепископа употребить все свое вліяніе на экзарха, чтобы расположить его въ пользу папы. Оказывалось, что въ Римѣ не было достаточнаго гарнизона, и что не кому было защищать стѣны.

Осенью 593 г. Римъ снова подвергся осадѣ и на этотъ разъ со стороны короля. Повторились тѣ же сцены, которыя были при осадѣ города въ прошедшемъ году. „Наши напасти увеличились до чрезмѣрности, говорилъ папа въ своей проповѣди: со всѣхъ сторонъ мы окружены мечами, со всѣхъ сторонъ намъ угрожаетъ опасность смерти. Одни приходятъ съ оторванными руками, другіе взяты въ плѣнъ“.

Въ это время Григорій сказалъ нѣсколько проповѣдей на текстъ изъ пророка Іезекіиля. Чертами современности особенно богата одна бесѣда по яркому сопоставленію тогдашняго положенія Рима съ пророчествами объ Іерусалимѣ и Самаріи ¹⁾. Приводимъ нѣсколько мѣстъ изъ этой бесѣды.

„Какая же остается намъ въ семь міръ отрада? Вездѣ видимъ печаль, всюду раздаются стоны. Города разрушены, крѣпости скрыты, поля опустошены, земля обращена въ пустыню. На поляхъ не осталось колоновъ, въ городахъ нѣтъ жителей, и тѣ малые остатки, которые еще мы видимъ, каждодневно и неослабно терпятъ новыя пораженія. Небесные бичи разятъ безъ конца, ибо еще не уничтожили грѣховности нашей. На нашихъ глазахъ однихъ берутъ въ плѣнъ, другихъ увѣчатъ, иныхъ убиваютъ. Какая же отрада дана намъ въ сей жизни? Но если даже такой міръ мы любимъ, то, значить, мы любимъ не радости, но раны. Посмотримъ, что случилось съ Римомъ, бывшей владычицей вселенной. Многообразно удрученный различными страданіями, разореніемъ гражданъ, утѣсненіемъ варваровъ, частыми опустошеніями, онъ испыталъ все то, что пророкъ Іезекіиль говорилъ о Самаріи (XXIV, 4, 5, 10, 11). Котель былъ поставленъ тогда, когда былъ основанъ этотъ городъ; тогда въ него налита вода, и собраны въ немъ куски, когда отовсюду стекались въ него народы, которые, какъ горячая вода, подверглись кипѣнію въ мировыхъ событіяхъ и разварились въ кипяткѣ подобно кускамъ мяса. Объ этомъ прекрасно сказано: вскипѣлъ котель, и разварились въ немъ кости, ибо сначала сильно бурлила въ немъ погоня за славой, но потомъ пропала и сама слава вмѣстѣ съ тѣми, которые гонялись за ней. Подъ костями разумѣются сильные земли, подъ мясомъ народъ, ибо какъ костями держится мясо, такъ вельможами слабость народа. Но теперь у него отняты всѣ сильные міра, ибо кости переварились, и народа больше нѣтъ, ибо мясо распустилось. Гдѣ сенатъ, гдѣ народъ? Растопились кости, распустилось мясо, погасъ весь блескъ гражданскихъ достоинствъ, уничтожился весь составъ его. И мы немногіе, которые еще влачимъ жалкое существованіе, находимся подъ постояннымъ опасеніемъ то меча, то разнообразныхъ страданій. Поставь, сказано, пустой котель на уголья. Ибо при отсут-

¹⁾ Migne, „Patr. lat.“, LXXIV, 1010 (lib. 11, hom. VI); Gregorovius, „Geschichte der Stadt Rom“, II, S. 42—45.

ствіи сената гибнетъ народъ, и среди немногихъ оставшихся ежедневно увеличиваются скорбь и плачь, такъ переживаетъ послѣдніе дни опустѣвшій Римъ ¹⁾). Но что говорить о людяхъ, когда на нашихъ глазахъ разрушаются самыя зданія. Куда дѣвались тѣ, которые нѣкогда гордились его блескомъ? Гдѣ ихъ роскошь, гдѣ ихъ гордость, гдѣ постоянная радость и чрезмѣрная веселость?”

Агилульфъ осаждалъ городъ, вѣроятно, безъ особаго напряженія и не взялъ его. Папа организовалъ защиту изъ гражданъ, самъ входилъ на стѣны и видѣлъ своими глазами, какъ римлянъ цѣлыми толпами отправляли на продажу въ Галлію. Онъ не могъ ожидать помощи ни изъ Византіи, ни изъ Равенны и началъ вести переговоры о мирѣ опять отъ своего имени. Но какъ вопросъ шель не только о снятіи осады съ Рима, но и объ общемъ мирѣ, то потребовалось согласіе экзарха. Встрѣчая и на этотъ разъ упорное сопротивленіе къ утвержденію такъ желаннаго мира, мы не иначе можемъ объяснять дѣйствія экзарха, какъ ревнивымъ охраненіемъ правъ. Весьма вѣроятно, что онъ заподозрилъ дѣйствія Григорія и въ глазахъ императора, который написалъ папѣ укорительное письмо, порицая его за непринятіе нѣкоторыхъ мѣръ къ защитѣ города. Папа отвѣчалъ почтительно, но съ достоинствомъ: „когда дѣло идетъ объ Италіи, я бы просилъ ваше величество смотрѣть на дѣла, а не склонять слухъ къ внушеніямъ другихъ. Впрочемъ, я болѣе надѣюсь на милосердіе Іисуса, чѣмъ на твое правосудіе“.

Хотя война продолжалась и послѣ того, какъ Агилульфъ, получивъ окупъ, снялъ осаду съ Рима, но папа употреблялъ всѣ мѣры и передъ императоромъ и передъ лангобардскимъ королемъ, чтобы заключить окончательный миръ. Ему удалось достигнуть, что прежній экзархъ былъ отозванъ, а новый былъ уступчивѣй на его представленія. Миръ съ лангобардами заключенъ былъ, наконецъ, въ 599 г.; благодарственныя письма Григорія къ Равеннскому архіепископу и королевѣ Теоделиндѣ показывали, что этотъ миръ состоялся вслѣдствіе вліянія на Агилульфу названныхъ лицъ. Договаривающіяся стороны были, съ одной стороны, лангобардскій король и его герцоги, съ другой, византійскій намѣстникъ въ Равеннѣ (Каллиникъ). Когда дѣло дошло до подписанія договора, лангобардскій

1) *Iam vacua ardet Roma.*

король изъявилъ желаніе, чтобы и Григорій приложилъ свою подпись. Моментъ характерный для сужденія о томъ, какъ смотрѣли на римскаго епископа въ Италіи. Но тогда папы еще помнили границу между свѣтскою и духовною властью, еще не было теоріи о соединеніи въ лицѣ папы двухъ этихъ властей, не извѣстенъ былъ принципъ двухъ мечей въ рукахъ папы... и Григорій отказался отъ подписи договора.

Престолъ св. Петра занималъ первое мѣсто между западными епископскими кафедрями. Даже восточные епископы, хотя не безъ оговорокъ, признавали за нимъ первое право чести. Когда константинопольскій патріархъ принялъ титулъ вселенскаго, Григорій прямо высказался противъ него, утверждая, что такой титулъ еще приличенъ былъ бы римскому епископу, но что онъ не желаетъ носить его изъ боязни оскорбить другихъ патріарховъ. Но если право чести и усвоилось римской кафедрѣ, съ этимъ далеко не соединялось мысли о томъ, чтобы римскому епископу принадлежало право рѣшенія вопросовъ вѣры и суда надъ другими епископами. Тѣмъ не менѣе, въ VII вѣкѣ входитъ папская власть съ готовыми уже задатками главенства въ западномъ христіанскомъ мірѣ въ вопросахъ вѣры и церковной дисциплины. Эта теорія выработана Григоріемъ въ отношеніяхъ его къ равеннскому и миланскому архіепископамъ; она основывалась, однако, не на каноническихъ правилахъ, но на личности самого Григорія и почетѣ, которымъ онъ по справедливости пользовался между своими собратьями. Но, во всякомъ случаѣ, первыя завоеванія римскій престолъ имѣлъ въ собственной Италіи, гдѣ мѣстные епископы, бѣдные и приниженные вслѣдствіе лангобардскаго завоеванія, не могли равняться по силѣ и значенію съ римскимъ епископомъ. Семь сѣверныхъ провинцій, на примѣръ, были подчинены въ церковномъ отношеніи миланскому архіепископу. Но когда лангобарды взяли Миланъ, архіепископъ бѣжалъ въ Геную и не только самъ нуждался въ поддержкѣ, но и его паства получала новыхъ епископовъ и священниковъ изъ Рима. Равеннскій архіепископъ, правда, пользовался нѣкоторыми привилегіями, но его епархія ограничивалась иногда только стѣнами города. Вообще, бѣдствія времени побуждали итальянцевъ соединяться тѣснѣе около епископа, а почетнѣйшимъ и вліятельнѣйшимъ между ними безспорно былъ римскій.

Въ Римѣ и вообще въ греческой Италіи Григорій пользовался высшимъ значеніемъ, чѣмъ императорскіе чиновники. Со времени паденія остготскаго владычества, общественная жизнь въ городахъ во многомъ измѣнилась. Въ Римѣ не встрѣчаемъ ни консуловъ, ни сената, ни публичныхъ игръ, съ чѣмъ связывались воспоминанія о минувшемъ императорскомъ времени. Угасли значительные древніе роды, разорились крупные землевладѣльцы. Повѣяло другимъ, новымъ для Рима направлениемъ: церковные вопросы стали занимать людей, интересующихся вообще какими-нибудь вопросами, церковные праздники смѣняютъ народныя празднества старой поры. Общество искало опоры, мирнаго убѣжища противъ бѣдъ и насилій: церковь открыла нуждающимся такое убѣжище. Тѣ массы бѣднаго люда, которыя имѣли право требовать *panem et circenses*, и требованіе которыхъ удовлетворялось спеціально для того назначенными лицами и учрежденіями, и теперь еще болѣе нуждались въ прокормленіи, но общество не могло ничѣмъ помочь имъ. Сокровища церкви и щедрость епископа оставались единственнымъ источникомъ, изъ котораго съ избыткомъ получали нуждавшіеся. Въ притворахъ церквей, въ оградахъ монастырей въ воскресные и праздничные дни бѣдные получали пищу и одежду изъ рукъ чиновниковъ папы. Ворота города открыты были для больныхъ, лишенныхъ крова и пищи, бѣжавшихъ отъ преслѣдованія лангобардовъ, въ Римѣ принимали ихъ, лѣчили и кормили. Такимъ образомъ, тѣсныя обстоятельства времени должны были сблизить римское населеніе съ ихъ епископомъ; со времени Григорія епископскій престоль принимаетъ значеніе національнаго учрежденія. Римскій епископъ не былъ еще свѣтскимъ властителемъ, но былъ уже крупнымъ собственникомъ-землевладѣльцемъ. Его патримоніи или земли, приписанныя престолу св. Петра, находились въ южной Италіи, Сициліи, Далмаціи; въ особенности же ему принадлежало много владѣній, составлявшихъ прежде *ager Romanus*. Земли его были населены и обрабатываемы колоннами. Управление ихъ поручалось духовнымъ лицамъ, которыя имѣли право суда и надзора за хозяйствомъ, подлежали строгой отчетности по сбору податей и доставкѣ ихъ въ Римъ. Переписка папы съ управителями его патримоній заслуживаетъ полного вниманія того, кто имѣлъ бы въ виду заняться состояніемъ земле-

дѣльческаго класса въ это время ¹⁾). Земля обрабатывалась колонами, прикрѣпленными къ участку и платившими оброкъ деньгами или натурой. Отсюда-то получалъ папа ежегодно денежныя суммы и хлѣбныя запасы, которыми онъ снабжалъ римское населеніе во время продолжительныхъ осадъ, выкупалъ плѣнныхъ и платилъ выкупъ лангобардамъ. Сфера вліянія папы не ограничивалась церковными дѣлами. Судебная и финансовая система, господствовавшая въ Италіи, при безконтрольности со стороны центрального правительства, открывала легкую возможность къ злоупотребленію и насилію. Въ самомъ дѣлѣ, могъ ли экзархъ контролировать дѣйствія судей или сборщиковъ податей въ средней и южной Италіи, могъ ли ограждать населеніе противъ своеволія военной власти, которая между тѣмъ въ бурную эпоху лангобардскаго нашествія должна была получить преобладающее значеніе? Стоитъ обратить вниманіе на нѣкоторыя черты дѣятельности Григорія внѣ города Рима и именно по соотвѣтствію съ тѣми правами, какія даны были Прагматической санкціей Юстиніана. Римскій епископъ имѣлъ полную возможность знать, что дѣлается во всѣхъ концахъ Италіи.

Правители патримоній доносили ему не только о хозяйственныхъ дѣлахъ, но и о состояніи страны, въ которой находилась патримонія. Мѣстные епископы, находившіеся въ подчиненіи отъ Рима по церковнымъ дѣламъ, были также и вѣрными исполнителями желаній и порученій папы; они даже находились въ нѣкоторой зависимости отъ правителей патримоній ²⁾.

Само собою разумѣется, гдѣ можно было, онъ дѣйствовалъ на гражданскіе чины чрезъ мѣстнаго епископа, на экзарха—черезъ равеннскаго архіепископа; но были при этомъ затрудненія деликатнаго свойства, гдѣ Григорію по совѣсти необходимо было вмѣшаться, но гдѣ по практикѣ и обычаю считалось неумѣстнымъ его вмѣшательство. Таковы всѣ вопросы внутренняго управленія: судъ, сборъ податей и др., исключавшіе непосредственное участіе въ нихъ духовной власти. Но Григорій не останавливался на этомъ затрудненіи и на-

¹⁾ Gregorovius, „Geschichte der Stadt Rom“, II. S. 59—60.

²⁾ Epist. IV, 24. Такъ, папа поручаетъ діакону Григорію: *propterea experientiae tuae praecipimus ut de vita et actibus ipsius (рѣчь идетъ объ епископѣ) subtili indagatione studeat perscrutari... ad nos eum cum scriptis tuis de his, quae in veritate cognoveris, omni modo sub competenti cautela transmittre.*

шелъ средства распространить нравственное вліяніе на дѣйствія правителей провинцій. Если же кто не обращалъ вниманія на предостереженія, Григорій жаловался на того прямо константинопольскому двору¹⁾. Въ этомъ отношеніи нравственный контроль его простирался на отдаленныя провинціи, какъ Африка, на правителей острововъ Сардиніи и Корсики. Иногда Григорій обращался съ обличеніемъ прямо къ обвиненному передъ нимъ лицу. Такъ, проконсулъ Италіи присвоилъ себѣ хлѣбные запасы, собранные въ Неаполѣ: Григорій указываетъ ему неприличіе его поступка. Нельзя не сказать, что папа Григорій стоялъ въ этомъ отношеніи на той степени нравственнаго могущества и умѣренной осторожности, которую можно поставить въ образецъ епископамъ всѣхъ временъ. Тѣмъ не менѣе, Григорій былъ первый папа²⁾, положившій основаніе свѣтской власти римскаго престола; въ его дѣятельности лежитъ зерно раздѣленія восточной и западной церкви. Что касается перваго, то политически образованные изъ преемниковъ Григорія любили ссылаться на его письма, на разнообразные способы вмѣшательства его въ дѣятельность свѣтской власти и выводили изъ нихъ правило и историческую основу для своихъ притязаній, игнорируя то обстоятельство, что широта дѣятельности Григорія обуславливалась временнымъ положеніемъ Италіи и общимъ уваженіемъ, которое стяжалъ себѣ этотъ епископъ. Что касается втораго, напомнимъ слѣдующія обстоятельства. Трудно въ настоящее время съ убѣдительною доказывать положеніе, что церковный вопросъ былъ прямою причиною раздѣленія церквей. Не вѣроученіе, а тотъ или другой патріархатъ, тотъ или другой новообращенный народъ возбуждаютъ самую горячую вражду и служатъ поводомъ къ обличеніямъ. Въ спорахъ о вѣроученіи восточный патріархъ и римскій епископъ еще могли бы согласиться; но съ ними всегда соединялись непорѣшенные владѣльческіе вопросы: то объ Иллирикѣ, то о Далмаціи, то о Моравіи или Болгаріи. Западная церковь дѣлаетъ завоеванія въ германскомъ мірѣ, и римскій епископъ становится духовной главой его; восточная въ соотвѣтствующей мѣрѣ въ славянскомъ (и турецко-татарскомъ) мірѣ. Разные историческіе пути уже обуславливались различіемъ въ стремленіяхъ этихъ двухъ церквей и національностей.

1) Весьма любопытно письмо къ императрицѣ Констанціи. Ер. IV, 33.

2) Въ первый разъ титулъ папа приложенъ къ римскому епископу въ 510 г. епископомъ Эннодіемъ.

До Григорія римскій епископъ имѣлъ еще мѣстное значеніе, неоспоримыя права его простирались только на десять провинцій его діоцеза. Въ сѣверной Италіи его права оспаривали равеннскій, миланскій и аквилейскій архіепископы. Мы видѣли, что при лангобардахъ эти духовные властители должны были уступить Григорію. Послѣдній, кромѣ того, шагнулъ далеко за границы Италіи, когда онъ обратилъ въ христіанство вестготовъ въ Испаніи, англосаксовъ въ Британіи и когда затѣмъ получилъ возможность назначать епископовъ и въ лангобардскія земли.

Чтобы не выступать изъ хронологическихъ рамокъ времени Григорія Великаго, мы должны еще остановить вниманіе на титулѣ „вселенскій“, по отношенію къ константинопольскому епископу, въ первый разъ начавшемъ входить въ практику въ это время. Само собой разумѣется, вопросъ о титулѣ „вселенскій“ получаетъ важное историческое значеніе лишь въ связи съ притязаніями на главенство въ христіанскомъ мірѣ, какія начинаютъ обнаруживаться въ отношеніяхъ между восточной и западной церковью. Какъ видно было выше, ко времени папы Григорія относятся первыя попытки въ этомъ смыслѣ, послужившія для продолжателей его политики основаніями къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ восточной церкви. Въ этомъ смыслѣ важенъ и споръ о титулѣ „вселенскій“. Онъ возникъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ, которыя уже и сами по себѣ характеризуютъ противоположность воззрѣній на западѣ и востокѣ на основныя права римскаго и константинопольскаго епископа. Еще въ послѣдніе годы папы Пелагія II константинопольскій патріархъ Іоаннъ IV Постникъ (582—595) составилъ въ 587 г. соборъ для обсужденія жалобъ на антиохійскаго патріарха Григорія, на которомъ, между прочимъ, слѣданы были и другія постановленія. Засѣданія этого собора подали поводъ къ неудовольствіямъ со стороны римскаго епископа, который не хотѣлъ согласиться съ нѣкоторыми рѣшеніями собора, между прочимъ, и потому, что константинопольскій епископъ усвоилъ себѣ на этомъ соборѣ титулъ вселенскаго (*oikouμενικός*). Хотя за смертію Пелагія и вступленіемъ на римскую кафедру папы Григорія дѣло о титулѣ не имѣло на этотъ разъ дальнѣйшаго движенія, но черезъ пять лѣтъ оно поднялось снова по случаю обращенія въ Римъ, какъ къ высшей судебной инстанціи по церковнымъ дѣламъ, клириковъ восточной церкви. Папа принялъ жалобы и удовлетво-

рилъ ихъ на помѣстномъ соборѣ, признавъ неправильными постановленія константинопольскаго патріаршаго суда. Въ перепискѣ по этому дѣлу снова выдвинулся вопросъ о титулѣ, и папа энергично протестовалъ въ письмѣ къ императору противъ гордости патріарха, рѣшившагося именовать себя вселенскимъ. „Сколько зависитъ отъ меня, писалъ Григорій, я всегда желаю и остаюсь въ повиновеніи волѣ государя. Но теперь не мое личное дѣло, а Божіе. Не я одинъ, но вся церковь возмущена. Благочестивые законы, честные соборы, самыя заповѣди Христа нарушены чрезъ присвоеніе горделиваго и пышнаго нѣкотораго слова“. Теоретическая сторона всего спора, имѣющая значеніе исключительно съ точки зрѣнія римскаго главенства въ христіанской церкви ¹⁾, которому, повидимому, угрожали притязанія константинопольскаго патріарха, насколько они поддерживались императоромъ, не можетъ особенно интересоватъ насъ, такъ какъ всѣ основанія, приводимыя той и другой стороной въ этомъ спорѣ, находились въ непримиримомъ противорѣчьи, а римская точка зрѣнія опиралась на то положеніе, что только апостоль Петръ и его преемники на римскомъ престолѣ могли бы усвоить себѣ это наименованіе, и что незаконное примѣненіе этого титула къ епископу Константинополя обозначаетъ только желаніе присвоить себѣ монархическую власть въ церкви. Несмотря на крайне горячую защиту своей точки зрѣнія передъ императоромъ и восточными патріархами, въ которыхъ онъ думалъ найти союзниковъ противъ константинопольскаго патріарха, въ концѣ концовъ, Григорій не выигралъ спора съ Іоанномъ IV Постникомъ. При жизни послѣдняго, не прерывая съ нимъ оффиціальныхъ сношеній, папа запретилъ только своему представителю въ Константинополѣ служить литургіи вмѣстѣ съ патріархомъ, а при преемникѣ Іоанна, патріархѣ Киріакѣ (595—606), отношенія еще болѣе обострились, такъ что нѣкоторое время папа не посылалъ въ Константинополь своего представителя.

Хотя споръ о титулѣ не привелъ къ разрыву между Римомъ и Константинополемъ, но значительно охладилъ отношенія императора къ папѣ. Это сказывалось не только въ церковной политикѣ, но отражалось на всемъ строѣ тогдашнихъ государственныхъ отношеній. Дѣятельная роль, выпавшая на долю епископа Рима въ перегово-

¹⁾ Разборъ вопроса въ книгѣ Успенскаго, „Церковно-политич. дѣятельность папы Григорія“, 208 и сл.

рахъ съ лангобардскимъ королемъ, затронула экзарха, который и безъ того не могъ равнодушно смотрѣть на политическую роль папы. Въ Равеннѣ и Римѣ образовались враждебныя политическія теченія, которыя тѣмъ болѣе вредили интересамъ имперіи, что они не составляли тайны для лангобардовъ. Король Агилульфъ, оставивъ пока среднюю Италію, угрожалъ движеніемъ на югъ, и въ 596 г. вмѣстѣ съ герцогами Сполето и Беневента дѣйствительно сталъ производить опустошенія въ Кампаніи и выражалъ намѣреніе напасть на Сицилію и Корсику, гдѣ находились богатыя патримоніи римскаго престола, и откуда папа получалъ самыя важныя матеріальныя средства. Въ виду этого обстоятельства самыя завѣтныя желанія папы заключались въ установленіи прочнаго соглашенія съ лангобардами, чего онъ и достигъ при посредствѣ королевы Теоделинды въ 598 и въ 603 годахъ.

Въ самомъ началѣ VII в. смѣнились главные дѣятели изложенныхъ выше событій. Константинопольская военная революція 602 г. сопровождалась трагической смертью царя Маврикія и вступленіемъ на престолъ Фоки, который не раздѣлялъ ревнивыхъ опасеній своего предшественника по отношенію къ римскому престолу; черезъ два года сошелъ съ міровой сцены папа Григорій, хотя и не достигнувъ осуществленія своихъ притязаній, но приготовивъ для своихъ преемниковъ необходимыя для успѣха средства. Письма папы Григорія къ Фокѣ, которыми онъ привѣтствовалъ совершившійся переворотъ, слишкомъ характерны, чтобы вполнѣ обойти ихъ. „Слава въ вышнихъ Богу, писалъ Григорій; да веселятся небеса и да торжествуетъ земля. Весь народъ, доселѣ сильно удрученный, да возрадуется о вашихъ благорасположенныхъ дѣяніяхъ“ ¹⁾. И какая злая иронія могла продиктовать нижеслѣдующія слова въ томъ же письмѣ: „пусть каждый наслаждается свободой подъ ярмомъ твоей имперіи. Ибо въ этомъ и состоитъ различіе между властителями другихъ народовъ и императорами, что первые господствуютъ надъ рабами, императоры же римскаго государства повелѣваютъ свободными!“ Можно думать, что къ льстивымъ заявленіямъ не остался глухъ императоръ Фока; въ 607 г. онъ разрѣшилъ спорный вопросъ о титулѣ въ пользу преемника Григорія великаго, папы Бонифація III. Декретомъ импе-

¹⁾ Migne, LXXVII „Epistol.“, lib. XIII, epist. XXXI.

ратора апостольскій римскій престолъ признанъ главой всѣхъ церквей и весьма вѣроятно, что тогда же патриарху запрещено было подписываться на официальныхъ актахъ титуломъ вселенскій.

Въ VII в. въ Италіи началъ складываться такой порядокъ вещей, при которомъ становилось возможнымъ сожительство итальянцевъ съ лангобардскими завоевателями, хотя византійское правительство не отказывалось отъ надежды на возвращеніе всей Италіи подъ власть имперіи. Родственныя связи, установившіяся посредствомъ браковъ между лангобардскими королями и баварскими герцогами, позволили папамъ войти въ непосредственныя сношенія съ арианствующими лангобардами и вліять на ихъ политику. Католичество стало дѣлать успѣхи среди арианъ, и въ городахъ стали появляться католическіе епископы рядомъ съ арианскими. Римскіе епископы не только пріобрѣтали нравственное вліяніе на всю Италію—лангобардскую и византійскую, но и скрѣпляли своимъ авторитетомъ два враждебные элемента—побѣдителей и побѣжденныхъ. Въ то время, какъ церковная власть постепенно дѣлала прочныя завоеванія въ странѣ, императорское правительство, дѣйствовавшее чрезъ своихъ представителей въ Италіи, экзарховъ Равенны, рядомъ политическихъ ошибокъ вызвало полное охлажденіе итальянцевъ къ Византіи. Главный интересъ изученія лангобардской и греческой Италіи въ эту эпоху сосредоточивается на выясненіи двухъ положеній: какимъ путемъ постепенно эмансипируется епископъ Рима отъ власти императора, и какими средствами онъ надѣялся вести борьбу съ представителемъ его авторитета экзархомъ, и, съ другой стороны, какія условія вызвали паденіе византійскаго вліянія въ Италіи, несмотря на то, что политическія обстоятельства должны были бы скрѣплять Италію съ Константинополемъ, такъ какъ южная Италія подверглась иммиграціи со стороны греческаго элемента.

Отдаленность Равенны отъ Константинополя, трудность сношеній между Италіей и Византіей, въ особенности, когда море стало не безопасно отъ арабскихъ корсаровъ, имѣли большое значеніе въ развитіи дальнѣйшей исторіи экзархата. Хотя императоры не оставляли на слишкомъ продолжительный періодъ власть экзарха въ рукахъ одного и того же лица, тѣмъ не менѣе, обширныя полномочія, какими былъ надѣленъ экзархъ, и значительныя военныя силы, бывшія въ его распоряженіи, нерѣдко давали этимъ представителямъ высшей власти въ

странѣ соблазнительный поводъ къ открытому бунту противъ носителей императорской власти. Элементовъ недовольства въ Италіи было достаточно и въ клирѣ, и въ военномъ сословіи, и въ народѣ, обременномъ реквизиціями, враждебными набѣгами непріятелей и податями. Попытки возстанія и отдѣленія Италіи обнаруживаются во время Ираклія, въ 616 и послѣдующихъ годахъ. Прежде всего признаки недовольства обнаружались въ войскѣ. Неправильности въ раздачѣ жалованья были причиной военного бунта, онъ разросся однако, до такой степени, что окончился насильственной смертью экзарха Іоанна. Вновь назначенный экзархъ Елевѣерій долженъ былъ заняться усмиреніемъ мятежа, но и онъ нашелъ положеніе дѣлъ весьма благопріятнымъ для большой политической авантюры и, не довольствуясь отложеніемъ отъ Византіи, захотѣлъ возстановить западную Римскую имперію, со столицей въ Римѣ. Вѣроятно, по соглашенію съ епископомъ Рима, Елевѣерій направлялся уже въ вѣчный городъ, чтобы короноваться отъ руки римскаго епископа, но на дорогѣ былъ убитъ собственными солдатами. Это былъ первый случай, послѣ паденія Западной имперіи, возстановленія теоріи имперіи на западѣ, которую имѣлъ воскресить Карлъ Великій. Послѣ Елевѣерія новое движеніе было поднято въ 642 г., при экзархѣ Исаакѣ хартуларіемъ Маврикіемъ, который наложилъ руку на церковныя имущества въ Римѣ и получилъ богатые средства на содержаніе значительной партіи приверженцевъ. Онъ собиралъ присягу на вѣрность и распространялъ слухъ, что экзархъ объявилъ себя независимымъ. Движеніе было усмирено военной силой. Но скоро затѣмъ, въ 650 г., новый экзархъ Олимпій повторилъ попытку Елевѣерія возстановить имперію на западѣ. Это послѣднее возстаніе стоитъ въ связи съ церковнымъ споромъ при императорѣ Константѣ II. Олимпій имѣлъ порученіе сломить упорство папы Мартина I и принудить его подчиниться волѣ императора, выраженной въ изданномъ имъ Типѣ. Но экзархъ, взвѣсивъ положеніе дѣлъ и опираясь на авторитетъ римскаго епископа, объявилъ себя независимымъ. До Константинополя доходили тревожные слухи объ отпаденіи Италіи, о бунтѣ папы и экзарха, и требовалось принятіе экстренныхъ мѣръ, чтобы спасти эту провинцію. Два года Олимпій самостоятельно управлялъ итальянскими дѣлами, и только смерть его избавила имперію отъ опасности совершенно потерять свой авторитетъ въ Италіи.

Въ виду изложенныхъ обстоятельствъ, получаетъ важное значеніе рѣшеніе императора Константа перенести столицу на западъ и принять на себя лично наблюденіе за событіями въ Италіи. На востокѣ эта мысль не пользовалась сочувствіемъ, и византійскіе греки никакъ не могли признать правильной такую политику, которая бы видѣла центръ тяжести міровыхъ событій не на Востокѣ, а на Западѣ. Немногіе въ VII в. понимали политическое значеніе мусульманства, и начало арабскихъ завоеваній на сушѣ и морѣ многимъ казалось не внушающимъ серьезныхъ опасеній. На самомъ же дѣлѣ, арабскій вопросъ поднимался тогда уже во всей грозной силѣ, и ни одинъ изъ прежнихъ враговъ имперіи не представлялъ такой опасности для Востока, какъ арабы. Въ то время, какъ арабы постепенно завоевали Сирію, Палестину, Египетъ и начали угрожать островамъ и южной Италіи, положеніе Константинополя дѣлалось все болѣе и болѣе изолированнымъ, въ своихъ военныхъ и финансовыхъ средствахъ онъ сталъ въ зависимости болѣе отъ запада, чѣмъ отъ востока. Съ этой точки зрѣнія, въ попыткѣ Константа перенести свое пребываніе на Западъ, мы должны усматривать разумный государственный расчетъ, находящій для себя объясненіе въ томъ, что Константинополь скоро будетъ нуждаться въ помощи извнѣ, и что Западъ скорѣе можетъ дать такую помощь, чѣмъ истощенный войной и поработанный арабами Востокъ. Лангобардскій вопросъ въ Италіи становился, такимъ образомъ, на первый планъ. Нельзя также не принять въ соображеніе и того обстоятельства, что, находясь въ Италіи съ флотомъ и съ достаточными военными силами, императоръ легче могъ слѣдить за арабами и принимать своевременныя мѣры къ обузданію ихъ.

Въ 663 г. императоръ Константъ, несмотря на серьезный протестъ въ Константинополѣ, отправился въ Аѳины, гдѣ провелъ зиму, лѣтомъ посѣтилъ Римъ, наконецъ, поселился въ Сиракузахъ, гдѣ и жилъ до самой своей смерти (668). Любопытно взглянуть, осуществима ли была теперь задача изгнанія изъ Италіи лангобардовъ и восстановленія на сѣверѣ ея старыхъ границъ имперіи. Къ этому времени итальянскія отношенія представлялись въ слѣдующемъ видѣ. Новый король Ротари, избранный въ 636 г., былъ женатъ на Гундебергѣ, дочери Теоделинды, и, слѣдовательно, былъ доступенъ черезъ свою супругу вліяніямъ со стороны Рима. Но лѣтопись отмѣчаетъ,

что король и королева не были между собой въ согласіи по политическимъ вопросамъ, и что отношеніе Ротари къ римскому населенію и католической церкви далеко не отличалось благорасположеніемъ. Хотя Ротари былъ искреннимъ аріаниномъ, онъ не нашелъ нужнымъ начать борьбу съ католической церковью, тѣмъ болѣе, что какъ-разъ на это время падаетъ ожесточенная религіозная вражда между папой и императоромъ. Важнѣе внутренняя дѣятельность Ротари. Задачей каждаго лангобардскаго короля, сознававшего себя окрѣпшимъ на престолѣ, была борьба съ герцогскою властью, которая ослабляла лангобардовъ и мѣшала національной политикѣ королей. Пока герцоги имѣли право вести самостоятельную политику и вступать въ отдѣльныя соглашенія съ франками, съ экзархомъ и съ римскимъ папой, до тѣхъ поръ короли лишены были возможности выступить истинными національными государями лангобардовъ. Дѣятельность Ротари въ этомъ отношеніи характеризуется опредѣленными чертами устроителя государства и строгаго блюстителя справедливости. Съ безпощадной строгостью относился онъ къ тѣмъ герцогамъ, которые стояли на дорогѣ къ осуществленію его политическихъ плановъ. Указывается, какъ на выразительный примѣръ достигнутыхъ имъ въ этомъ отношеніи результатовъ, на то, что даже герцогъ беневентскій, который былъ сильнѣе всѣхъ герцоговъ и управлялъ на югѣ почти самостоятельно,—и онъ послалъ въ Павію своего сына, чтобы получить отъ короля согласіе на передачу ему герцогской власти.

Самымъ выразительнымъ актомъ времени короля Ротари служить его эдиктъ, изданный въ 643 г. Это—первый актъ лангобардскаго законодательства на римской почвѣ, составленный на основаніи обычнаго права. Извѣстно, что ни одинъ германскій народъ не былъ такъ исключителенъ въ ревнивомъ охраненіи своихъ народныхъ правъ и въ противоположеніи своей народности къ побѣжденнымъ. Законъ, изданный Ротари, совершенно не признаетъ римскаго населенія, среди котораго утвердились лангобарды ¹⁾. Цѣль его, какъ и другихъ народныхъ законовъ, изданныхъ въ завоеванныхъ германцами земляхъ,—защита слабыхъ противъ сильныхъ и установленіе

¹⁾ „Edictum Rotharis“, ed. Bluhme, „Mon. Germ.“. Разборъ эдикта: Hegel, „Gesch. der Städteverfassung in Italien“, I. S. 386; Brunner, „Deutsche Rechtsgesch.“, I; Hartmann, „Gesch. Italiens“, II, 2, 1. Kap.

такого общественнаго порядка, при которомъ бы каждый жилъ подъ защитой закона и мирно пользовался принадлежащимъ ему имуществомъ. Важность закона состоитъ въ томъ, что онъ смѣло и открыто выставляетъ правовыя нормы лангобардскаго населенія и противопоставляетъ ихъ римскому праву. Законъ написанъ на латинскомъ языкѣ, и въ нѣкоторыхъ его опредѣленіяхъ проявляется уже вліяніе римской культуры. По взгляду закона есть только одинъ народъ, господствующій въ странѣ, на правахъ воина, землевладѣльца и господина; это лангобарды. Римляне не имѣютъ ни личныхъ, ни имущественныхъ правъ, все городское и сельское населеніе разсматривается на положеніи рабовъ или полусвободныхъ. Въ письмахъ папы Григорія указывается, какъ плѣнные римляне толпами были уводимы на продажу въ рабство. Во всемъ законѣ только разъ упоминается имя римлянинъ, и то примѣнительно къ женщинѣ, впавшей въ блудодѣяніе ¹⁾,—до такой степени лангобардское право было нетерпимо къ чуждой національности. Ясно, что при завоеваніи Италіи мѣстное населеніе лишено было личныхъ и имущественныхъ правъ, и только съ теченіемъ времени римляне, вслѣдствіе особенной королевской милости и при условіи полного отреченія отъ прежней національности, могли быть возвышаемы до свободнаго состоянія. Характерный признакъ цѣны лица по древнему праву—вира назначена по закону Ротари только за лангобарда, римлянинъ не имѣетъ виры. Полноправный, благородный лангобардъ отличается особеннымъ преимуществомъ—правомъ военной службы. Съ точки зрѣнія народнаго хозяйства, онъ есть землевладѣлецъ, такъ какъ весь государственный строй исходитъ изъ того основнаго положенія, что лангобардъ, завоевавшій своимъ мечомъ землю, имѣетъ право на эту землю, и такъ какъ, съ другой стороны, военная служба остается и на будущее время его обязанностью, то онъ не самъ занимается обработкой земли, а имѣетъ для этой цѣли подчиненное населеніе, сидящее на его участкѣ и занятое его обработкой. Но едва ли было бы справедливо утвержденіе, что съ лангобардскимъ завоеваніемъ значительно ухудшилось положеніе сельскаго населенія. Во всякомъ случаѣ, рядомъ съ извѣстіями о жалкомъ состояніи завоеваннаго населенія, встрѣчаются и другія, по которымъ римское населеніе уходило на земли, занятыя

¹⁾ „Edictum“, § 194. „Si quis cum ancilla gentili fornicatus fuerit, componat domino eius solidos XX, et si cum Romana XII sol.“.

лангобардами, чтобы избавиться отъ вымогательства и непосильныхъ поборовъ со стороны византійскихъ чиновниковъ.

Итальянскіе города при лангобардахъ имѣли значеніе не какъ самостоятельныя общины, но какъ резиденціи королей и герцоговъ; центромъ администраціи и суда дѣлаются королевскіе дворы (*curtes regiae*), городское населеніе становится смѣшаннымъ, управление переходитъ къ лангобардскимъ поселенцамъ. Постепенная смѣна римскихъ именъ германскими замѣтна при сравненіи извѣстій Григорія Турскаго и Павла Діакона; у перваго встрѣчаемъ между историческими дѣятелями только римскія имена, у послѣдняго римляне упоминаются весьма рѣдко, и то между духовными лицами.

Лангобардскій законъ оставляетъ, однако, для римскаго населенія возможность нѣкоторыхъ средствъ къ измѣненію безправнаго положенія. Такъ, купцы и откупившіеся на волю получали равныя съ побѣдителями гражданскія права. Браки лангобардовъ съ римлянами, — при чемъ римлянка возводилась въ свободное состояніе, — должны были значительно ослабить суровыя постановленія закона и способствовать къ уравниенію побѣжденныхъ съ побѣдителями. Культурныя преимущества, предприимчивость и трудолюбіе были на сторонѣ римскаго населенія и, во всякомъ случаѣ, давали ему средства къ успѣшной конкуренціи съ лангобардами. На этомъ пути могъ совершаться медленный процессъ возстановленія нарушенныхъ завоеваніемъ правъ. Не менѣе важными нужно признать военныя дѣла Ротари. Онъ, повидимому, лучше своихъ предшественниковъ понялъ, что лангобардамъ нельзя останавливаться на полдорогѣ, что положеніе ихъ въ Италіи далеко не прочно. Прежде всего онъ принялъ движеніе за Апеннины съ цѣлью округленія своихъ владѣній на сѣверѣ и установленія болѣе правильной границы съ франкскимъ королевствомъ. Сдѣланныя на сѣверѣ пріобрѣтенія онъ не отдалъ, однако, въ управленіе кому-либо изъ герцоговъ, какова была прежняя система, а присоединилъ къ королевскимъ владѣніямъ. Точно также онъ распространилъ свои владѣнія по направленію къ Равеннѣ, нанеся здѣсь византійскимъ войскамъ сильное пораженіе, въ которомъ осталось на полѣ сраженія 8 тысячъ труповъ. Почти въ то же время замѣчается наступательное движеніе противъ имперіи въ южной Италіи изъ Беневента, гдѣ герцоги Радоальдъ и преемникъ его Гримоальдъ начали также наступательную войну про-

тивъ имперіи изъ Беневента. Здѣсь были отняты у Византіи Сорренто и Салерно (646 г.), и имперія стремилась заключить съ лангобардами перемиріе, отказавшись отъ упомянутыхъ городовъ. Послѣ смерти короля Ротари, въ 652 г., пользуясь смутами, происшедшими въ Павіи изъ-за королевскаго достоинства, могущественный беневентскій герцогъ Гримоальдъ умертвилъ короля Гарибальда и овладѣлъ королевскимъ трономъ (662 г.). Чтобы придать видъ законности своему насильственному поступку, Гримоальдъ женился на дочери убитаго имъ короля. Но никто, впрочемъ, не смѣлъ оспаривать у него власти, такъ какъ соединенныя въ однѣхъ рукахъ земли королевства и беневентскаго герцогства равнялись половинѣ всѣхъ лангобардскихъ владѣній въ Италіи. Такимъ образомъ, во время Гримоальда положеніе лангобардовъ въ завоеванной странѣ совершенно измѣнилось; на сѣверѣ и на югѣ находившіеся подъ византійскимъ господствомъ города и области подверглись крайнему стѣсненію. Требовалась экстренная мѣра, чтобы спасти экзархатъ и зависѣвшія отъ него провинціи.

Въ 662 г. византійскій царь, вопреки волѣ сената и народа, препобѣдивъ множество затрудненій, отправился, какъ говорено выше, изъ Константинополя на Западъ. Въ столицѣ осталась царица съ дѣтьми; по нѣкоторымъ извѣстіямъ, ихъ задержали въ качествѣ заложниковъ. Братъ Константа, Θεодосій, постриженный по его приказанію въ церковный санъ, былъ убитъ за нѣсколько времени передъ тѣмъ. На пути въ Италію, которая была цѣлью путешествія, императоръ посѣтилъ Аѳины, гдѣ провелъ зимніе мѣсяцы. Весной 663 г. мы находимъ, однако, Константа на югѣ Италіи занятымъ дѣятельными приготовленіями къ войнѣ. Во власти грековъ оставались здѣсь лишь приморскіе города, которыхъ лангобарды не могли брать, потому что не имѣли флота. Кромѣ Тарента, гдѣ высадили Константъ, подъ властью его оставались Неаполь, Амальфи, Сорренто, Гаета, находившіеся въ постоянной опасности быть захваченными отрядами могущественнаго герцога Беневента. Какъ-разъ въ это время Гримоальдъ былъ на сѣверѣ, въ своихъ королевскихъ земляхъ, а въ Беневентѣ оставался сынъ его Ромуальдъ, что было весьма благоприятнымъ обстоятельствомъ для успѣха задуманнаго императоромъ предпріятія. Онъ, дѣйствительно, захватилъ нѣсколько принадлежавшихъ лангобардамъ мѣстъ и приблизился къ Беневенту, гдѣ ему

оказано было, однако, упорное сопротивление. Получивъ извѣстіе о происшествіяхъ на югѣ, Гримоальдъ поспѣшилъ на защиту своего герцогства и побудилъ Константа отступить отъ Беневента. Чтобы защитить себя противъ неожиданныхъ нападений съ тыла, императоръ оставилъ 20-тысячный отрядъ на сѣверѣ отъ Неаполя, въ Форміи, и предпринялъ путешествіе въ Римъ.

Мы приведемъ здѣсь нѣсколько мѣстъ изъ прекрасной книги Грегоровіуса, „Исторія города Рима“ ¹⁾, въ которой дана всесторонняя оцѣнка этому событію. „Со времени Одоакра здѣсь не бывало императора, здѣсь между развалинами оставался лишь епископъ или папа,—безспорный въ то время представитель латинскаго народа во всей Италіи. Константъ постоянно находился если не въ открытой борьбѣ, то въ глубокомъ несогласіи съ римской церковью, которая уже испытала отъ него много огорченій и оскорбленій. И церковь имѣла основанія бояться его: явись онъ сюда послѣ подчиненія Беневента какъ побѣдитель, она первая испытала бы тяжкія послѣдствія. Счастьемъ для нея было, что онъ прибылъ не какъ побѣдитель. „Книга ²⁾ римскихъ епископовъ“ сохранила церемоніаль пріема этого императора. „Уже у шестого камня за городомъ, отмѣчавшаго мили, императора встрѣтили папа, духовенство и представители города съ крестами, знаменами и свѣчами. Виталианъ не имѣлъ высокаго мужества Амвросія, который воспретилъ великому Θεодосію вступить на ступени миланскаго храма за то, что онъ запятнанъ былъ кровью страшно наказанныхъ бунтовщиковъ. Но онъ не могъ не вспомнить при видѣ Константа о насильственной смерти, причиненной родному брату, о голодной смерти папы Мартина, о мученической смерти исповѣдника Максима. Въ торжественной процессіи императоръ вступилъ въ Римъ; это было въ среду, 5 іюля 663 г. Нужно думать, что онъ шелъ по *Via Appia* и, слѣдовательно, черезъ *porta Sebastianana* и далѣе къ церкви Св. Петра, какъ это сдѣлалъ король Θεодорихъ при своемъ вступленіи въ Римъ. Затѣмъ, онъ поселился въ старомъ дворцѣ цесарей. Какъ ни былъ запущенъ этотъ дворецъ, но онъ, во всякомъ случаѣ, еще былъ возможенъ для обитанія, ибо въ немъ жилъ дука города Рима. Въ слѣдующую субботу

1) Gregorovius, II. S. 150 squ.

2) „Liber pontificalis ecclesiae Romanae“, ed. Duchesne. Paris, 1886.

былъ императоръ въ базиликѣ S. Maria Maggiore и сдѣлалъ ей приношеніе, въ воскресенье ходилъ въ торжественной процессіи въ храмъ св. Петра, гдѣ былъ встрѣченъ клиромъ и папой. Здѣсь папа предложилъ угощеніе, и Константъ возложилъ на алтарь шитый золотомъ паллій. Въ слѣдующую субботу посѣтилъ Латеранъ, гдѣ взялъ ванну, и обѣдалъ въ базиликѣ Юлія“.

Можно весьма пожалѣть, что не осталось никакихъ извѣстій о томъ впечатлѣніи, какое произвелъ Римъ на императора, ни въ частности о томъ состояніи, въ какомъ находились въ VII вѣкѣ памятники вѣчнаго города. Но вотъ что читается далѣе у Грегоровіуса. „Греческаго императора едва ли занимали меланхолическія соображенія о судьбѣ столицы міра. Напротивъ, бросивъ бѣглый взглядъ любопытства на груду развалинъ вѣчнаго города, составлявшую его собственность, онъ открылъ между ними, къ своему удовольствію, нѣкоторые предметы, могущіе удовлетворить его алчность. На улицахъ и площадяхъ стояло еще много бронзовыхъ статуй, которыя видѣлъ въ свое время Прокопій, и которыхъ византійцы тщательно разыскивали и въ запертыхъ храмахъ. Папа показалъ своему гостю пантеонъ, императорскій даръ церкви, Константъ посмотрѣлъ на его кровлю, блистающую позолоченной бронзой, и отдалъ приказаніе нагрузить эти драгоцѣнныя плиты на свои корабли. Тяжело ему было отказаться отъ золотыхъ пластинокъ на кровлѣ Св. Петра, которыми воспользоваться помѣшало ему или благоговѣніе къ базиликѣ, или страхъ возбудить въ Римѣ возмущеніе. Только 12 дней оставался онъ въ Римѣ, и этого времени было достаточно, чтобы лишить городъ его послѣднихъ античныхъ сокровищъ. Превосходная конная статуя Марка Аврелія изъ позолоченной бронзы чудомъ спаслась отъ жадности Константа. Она находилась на латеранскомъ полѣ, къ востоку отъ базилики. Въ день своего отбытія императоръ слушалъ литургію на гробѣ апостола, затѣмъ простился съ папой и ушелъ на корабляхъ, нагруженныхъ добычей, въ Неаполь. Но награбленными древностями не удалось воспользоваться ни ему, ни его столицѣ. Въ Сиракузахъ, гдѣ Константъ проживалъ послѣдніе годы своей жизни, на островѣ Ортигіи, и куда стекались значительныя богатства изъ южной Италіи и изъ Африки, онъ былъ убитъ подкупленнымъ рабомъ въ банѣ. Впослѣдствіи оставшіяся здѣсь сокровища и предметы искусства разграблены были сарацинами“.

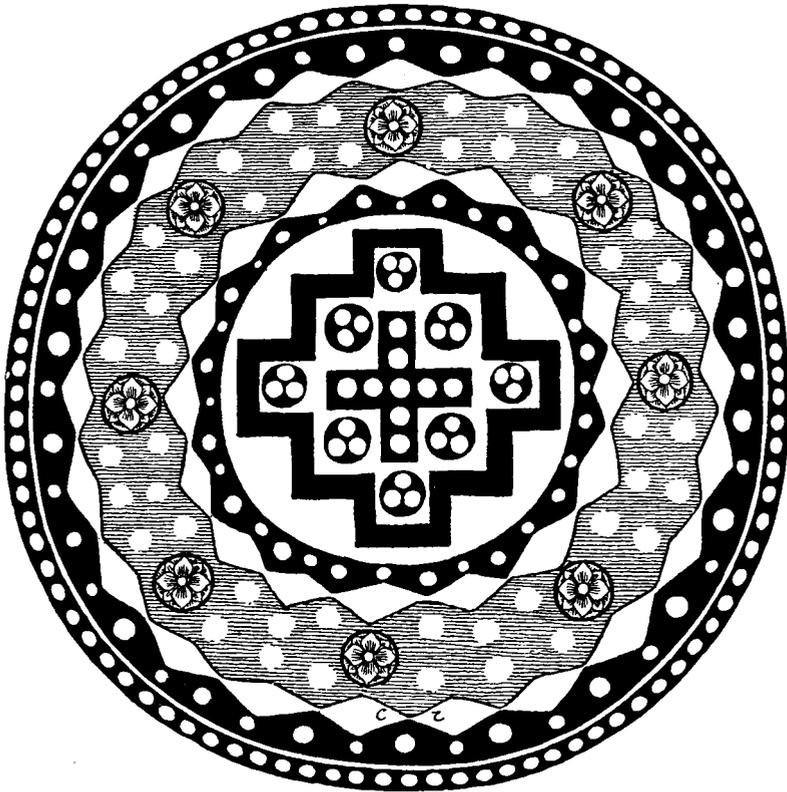
Мрачная картина царскаго посѣщенія города Рима, сопровождавшагося расхищеніемъ оставшихся еще памятниковъ искусства, должна была оставить сильное впечатлѣніе въ населеніи Италіи, для котораго на Римѣ сосредоточивались всѣ политическія надежды. Для всякаго, кто могъ хладнокровно обсуждать положеніе дѣлъ, становилось ясно, что изъ Константинополя нельзя ожидать помощи, и что нужно искать спасенія здѣсь же, въ Италіи. — Оставляя пока дальнѣйшую исторію итальянско-византійскихъ отношеній, въ заключеніе настоящей главы укажемъ еще на одинъ живой элементъ, который, организовавшись и усилившись при содѣйствіи римскаго епископа, въ послѣдствіи оказалъ значительное вліяніе на освободительное движеніе въ странѣ, — разумѣемъ городскую милицію. Не входя въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, какъ могли сохраниться слѣды муниципальной жизни до среднихъ вѣковъ, ограничимся слѣдующими наблюденіями. Въ исторіи развитія городской римской общины слѣдуетъ дѣлать различіе между собственно куріей и выдѣлившимся изъ нея богатымъ классомъ гражданъ. Зажиточные люди, высвобождаваясь отъ вліянія куріи, образовали, рядомъ съ ней, новый элементъ городского общества, отличаемый отъ куріи, какъ *honorati* и *possessores*. Въ періодъ борьбы съ лангобардами, когда итальянскіе города нерѣдко должны были собственными средствами защищать себя противъ набѣговъ варваровъ, само городское общество организовало защиту. Хотя послѣ Агилульфа не видимъ общаго движенія лангобардовъ къ новымъ захватамъ въ Италіи, тѣмъ не менѣе, военное положеніе не прекращалось, и опасность продолжала угрожать и внутри и внѣ, именно отъ арабовъ. Около половины VII в., въ главнѣйшихъ городахъ Италіи замѣтно присутствіе новой силы, городской милиціи, которая обнаруживается всякій разъ, когда городу угрожаетъ опасность со стороны экзарха или другихъ чиновниковъ изъ Византіи, — доказательство, что эта милиція образовалась не по правительственному распоряженію, но для защиты мѣстныхъ интересовъ. Впрочемъ, въ Византіи сначала даже могли благопріятствовать этому, потому что императорское правительство освобождалось такимъ образомъ отъ обязанности дѣлить свои скудныя военныя силы и направляло ихъ исключительно на Востокъ. Организція милиціи не могла принадлежать безсильной куріи, въ военномъ дѣлѣ главнымъ образомъ принимаютъ участіе упомянутые *honorati* и *posses-*

sores, которые какъ сами начинаютъ носить оружіе (*primates militiae*), такъ и нанимать охотниковъ. Въ VII в. милиція заявляетъ себя во внутреннихъ отношеніяхъ города, ближайше—въ выборахъ папъ; первый случай такого рода относится къ 685 г. Понятно, что городское войско должно было, по отношенію къ византійскимъ чиновникамъ, держаться не въ подчиненіи; напротивъ, оно охраняло интересы города противъ нарушителей и по самой сущности было враждебно византійской власти. Недовѣріе Византіи, выразившееся въ репрессивныхъ мѣрахъ по отношенію къ выборамъ епископа, давало городской милиціи случай заявить свои симпатіи. Съ 686 г. на папскомъ престолѣ видимъ то сирійцевъ, то грековъ, посаженныхъ несомнѣнно противъ желанія римскаго населенія; и каждый выборъ ведетъ за собою рядъ столкновеній между городскимъ населеніемъ и экзархомъ. Съ 687 г. до 701 г. на престолѣ св. Петра сидѣлъ Сергій I. При немъ византійскіе богословы постановили на трулльскомъ соборѣ рядъ правилъ, обязательныхъ для церковнаго благочинія и практики. Протоколы собора присланы были для подписи и къ Сергію. Когда папа отказался скрѣпить постановленія трулльскаго собора и ввести ихъ въ подвѣдомственной ему церкви, императоръ Юстиніанъ II приказалъ своему уполномоченному схватить папу и представить въ Константинополь. Но когда въ Италіи узнали о намѣреніяхъ императора, то милиціи городовъ Равенны, Пентаполя и др. собрались къ Риму, чтобы не позволить императорскому послу нанести оскорбленія папѣ. Тщетно протоспаѳарій Захарія приказывалъ запереть ворота, для спасенія жизни онъ убѣжалъ въ Латеранъ и скрылся въ спальнѣ папы. Милиція окружила папскій дворецъ и—будь на то согласіе Сергія I—умертвила бы императорскаго посла. Но папа обезпечилъ ему безопасный выходъ, и Захарія при громкомъ смѣхѣ и шуткахъ толпы долженъ былъ удалиться изъ Рима. Такой фактъ, конечно, имѣетъ важное значеніе въ исторіи папъ и Италіи: онъ показываетъ, какъ дорого было для итальянцевъ лицо, занимающее римскій престолъ, и какая опасная для Византіи сила образовалась въ милиціи.

Тѣмъ не менѣе, Византія продолжала оскорблять національное чувство итальянцевъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обнаруживать слабость своихъ силъ, когда слѣдовало настойчиво поддержать притязанія. Еще у ней оставалось средство оберегать свою власть въ Италіи назна-

ченіемъ на римскій епископаты лицъ иностраннаго происхожденія, чѣмъ и пользуется она въ концѣ VII и началѣ VIII в. Еще можно было запугать итальянцевъ лангобардами; но какой для Византіи оборотъ могли получить дѣла, если на престолѣ папскомъ будетъ сидѣть лицо римскаго происхожденія, если притомъ папа будетъ поставленъ въ необходимость предпочесть союзъ съ лангобардами, къ тому времени уже обращенными въ католичество.

Въ такомъ видѣ складывались итальянскія отношенія къ концу VII вѣка.

глава VI.

СЛАВЯНЕ ВЪ VII И ВЪ НАЧАЛѢ VIII В. УТВЕРЖДЕНІЕ БОЛГАРЪ НА БАЛКАНСКОМЪ ПОЛУОСТРОВѢ.

Къ сожалѣнію, и въ началѣ VIII в., какъ въ половинѣ VII-го, событія юго-восточной Европы очень блѣдно представлены въ историографіи, такъ что мы должны во многихъ случаяхъ руководиться догадками и домыслами. Для VII в. характернымъ фактомъ является безпредѣльное распространеніе славянъ по Европѣ, по островамъ Архипелага и по Малой Азіи, которому до сихъ поръ не подыскано надлежащаго объясненія, и которое мало выяснено по его ближайшимъ послѣдствіямъ. Въ то время какъ на западной окраинѣ славянства возникаетъ сказаніе о героическомъ Само, положившемъ начало государственнаго объединенія у чехо-мораванъ и словаковъ, на южной окраинѣ наблюдаемъ утвержденіе славянъ въ Далмаціи, въ Истріи и въ Эссалии, а на юго-востокѣ происходитъ чрезвычайно сильный толчекъ со стороны болгарской орды, которая перешла за Дунай и основала свое господство среди славянскихъ племенъ, колонизовавшихъ провинцію Мизию. Всѣ эти явленія среди славянскаго міра падаютъ приблизительно на половину VII в., и можно думать, что онѣ находятся между собой въ нѣкоторой причинной связи. Не можетъ возбуждать сомнѣнія лишь тотъ фактъ, что на всѣхъ территоріяхъ, занятыхъ славянами, было старое населеніе, значительно затронутое греко-римской культурой и христіанскимъ просвѣщеніемъ, и что занятіе этихъ областей требовало отъ славянъ значительнаго напряженія силъ и извѣстной организациі. Но въ борьбѣ съ новыми условіями, найденными славянами въ указанныхъ мѣстахъ расселенія, ихъ ожидали такія затрудненія, какія превышали ихъ матеріальныя силы. Чтобы стать на высотѣ тѣхъ задачъ, которыя предъявлены

были славянамъ условіями сосѣдства и требованіями культурной жизни, имъ необходимо было сгруппироваться въ племенные союзы и положить начатки государственной организаціи. Но этотъ процессъ совершался у славянъ слишкомъ медленно, и въ большинствѣ случаевъ начатки государственнаго объединенія происходили подъ дѣйствіемъ причинъ, вызываемыхъ внѣшнимъ завоеваніемъ.

Такимъ образомъ, наиболѣе важнымъ фактомъ въ исторіи славянъ VII в., независимо отъ условій и обстоятельствъ ихъ расселенія, слѣдуетъ признать утвержденіе болгарской орды на югъ отъ Дуная и основаніе здѣсь болгарскаго государства. Въ послѣдніе годы вопросъ о переселеніи болгарской орды угро-финнскаго происхожденія сдѣлался предметомъ особеннаго вниманія со стороны различныхъ ученыхъ. Вопросу былъ приданъ живой интересъ находкой надписи въ Болгаріи, въ которой найденъ былъ ключъ къ выясненію хронологіи древнихъ болгарскихъ хановъ. Именно, въ самомъ концѣ надписи, остававшійся до сихъ поръ непонятнымъ хронологическій болгарскій терминъ поставленъ въ соотношеніе съ византійскимъ индиктомъ ¹⁾, что и дало возможность открыть загадку хронологіи ²⁾.

И независимо отъ сказаннаго, переходъ болгарской орды на югъ отъ Дуная, давъ совершенно новое направленіе исторіи славянъ на Балканскомъ полуостровѣ, вызываетъ къ себѣ особенное вниманіе и по ближайшимъ послѣдствіямъ, которыми оно сопровождалось. Хотя извѣстія объ этомъ переходѣ довольно скудны, но изъ нихъ все же можно вывести нѣкоторыя положительныя данныя. Аспарухъ или Есперикъ, съ котораго начинается новая эра исторіи болгаръ, и которому первому посчастливилось указать одной изъ частей великой орды, новыя поселенія на южной сторонѣ Дуная, принадлежить къ VII вѣку. По новѣйшимъ вычисленіямъ дату перехода болгаръ за Дунай слѣдуетъ нѣсколько передвинуть и вмѣсто принятаго доселѣ 679 года принять 659—660 г. ³⁾. Что касается вопроса о томъ, можно ли Аспаруха разсматривать какъ сына Кровата или Курвата, здѣсь окончательное рѣшеніе будетъ зависѣть отъ того, можно ли имя Кро-

¹⁾ Надпись такъ называемая чаталарская („Извѣстія Института“, X, стр. 546).

²⁾ Bury, „The Chronological Cycle of the Bulgarians“ („Byz. Z.“, V. XIX, s. 127; Marquardt. „Извѣстія Института“, т. XV.

³⁾ Bury, „Byz. Z.“, XIX, I, 137.

вать сближать съ полулегендарнымъ именемъ Куртъ, находящимся въ знаменитомъ перечнѣ древнихъ хановъ. Кровать или Курвать есть несомнѣнное историческое лицо, смерть котораго отнесена къ царствованію Константина II (642—668) ¹⁾, слѣдовательно, и переселеніе части болгарской орды подъ предводительствомъ Аспаруха падаетъ на то же царствованіе, согласно тѣмъ хронологическимъ даннымъ, которыя черпаются изъ хронологическаго перечня хановъ. Первый подлинный фактъ, съ которымъ мы встрѣчаемся послѣ передвиженія орды Аспаруха, есть занятіе имъ укрѣпленнаго лагеря близъ устьевъ Дуная; дѣйствительное мѣсто нахожденія этого лагеря, однако, до сихъ поръ не можетъ считаться окончательно установленнымъ. Занятая Аспарухомъ мѣстность описана у греческаго писателя Теофана не совсѣмъ точно и притомъ названа не по географическому положенію, а терминомъ, взятымъ изъ болгарскаго языка ²⁾. Нѣкоторые передаютъ это наименованіе словомъ „уголь“, но трудность пониманія нисколько не облегчается при подобной подстановкѣ слова. Можетъ-быть, всего вѣроятнѣй искать объясненія въ турецко-татарскомъ словѣ „ауль“, но при этомъ устранялась бы всякая идея географическаго обозначенія занятой болгарской ордой мѣстности. Нельзя слишкомъ много настаивать и на томъ, что эта мѣстность была болотиста, такъ какъ кочевой конный народъ не могъ считать себя безопаснымъ въ болотистой и слишкомъ ограниченной тѣсными предѣлами мѣстности ³⁾. Нужно поэтому допустить, что слѣды укрѣпленія близъ Исакчи, гдѣ нынѣ находится село Николицель, указываютъ мѣстонахожденіе перваго лагеря или аула, служившаго первымъ опорнымъ пунктомъ болгаръ по переходѣ ихъ за Дунай въ 659—60 г. ⁴⁾. Точно также слѣдуетъ отказаться отъ мысли искать въ другомъ какомъ мѣстѣ Переяславца, т.-е. древней столицы болгарскихъ хановъ, какъ только въ мѣстности близъ Исакчи. Самое имя Переяславецъ или Преслава, появившееся со времени русскихъ походовъ на Дунай, не туземнаго происхожденія и заимствовано изъ греческихъ терминовъ *ὀπέρφημον* и *πάνφημον*, каковыми обозначены въ

1) Theoph., p. 357.

2) Theoph., 358: τὸν Ὀγλὸν καταλαβὼν βρειωτέρους τοῦ Δανουβίου ποταμοῦ μεταξύ τούτων χαλείων ᾤκησεν.

3) Проф. Златарскій, „Період. списаніе“, кн. 63, стр. 326—327.

4) „Извѣстія Русскаго Археологич. Института“, X, стр. 517, 558.

тырновской надписи Омортага древня столицы болгаръ. И болгарское слово *ᾠυλος*, въ концѣ концовъ, должно быть въ родствѣ съ упомянутыми греческими и русскими терминами.

Ближайшія окрестности занятой болгарами мѣстности были въ то время заселены славянскими племенами, вслѣдствіе чего имперія оставила нѣкоторое время безъ надлежащаго отпора совершившійся фактъ. Но такъ какъ болгаре начали дѣлать набѣги на окрестныя поселенія, то императоръ Константинъ IV Погонать (668 — 685), съ которымъ и начинается собственно исторія болгарскаго княжества за Дунаемъ, предпринялъ противъ нихъ походъ. По этому случаю въ первый разъ упоминается о еемахъ, какъ существенной части военной организациі имперіи. Императоръ приказалъ переправить во Оракію малоазіатскія еемы и, снарядивъ флотъ, двинулъ на болгаръ морскія и сухопутныя силы. Хотя во главѣ всего предпріятія былъ самъ царь Константинъ, но успѣхъ далеко не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ. Оказалось, что болгаръ нельзя было достать за ихъ укрѣпленіями; сами же они не рѣшались выступить въ открытый бой съ огромною византійскою ратью. Черезъ нѣсколько дней императоръ по случаю болѣзни ногъ долженъ былъ отправиться въ Месимврию для пользованія тамошними купаньями, предоставивъ продолженіе военныхъ операцій подчиненнымъ стратигамъ. Это обстоятельство было истолковано болгарами въ смыслѣ слабости и трусости передъ ними со стороны грековъ и такъ ободрило ихъ, что они вышли изъ своихъ укрѣпленій и нанесли императорскому войску много вреда. Въ высшей степени, однако, сомнительно, чтобы дальнѣйшій шагъ къ завладѣнію всей предбалканской Болгаріей сдѣланъ былъ болгарами такъ скоро, какъ это изложено у историка Теофана. Первой задачей болгаръ было, конечно, подчиненіе независимыхъ славянскихъ племенъ въ предбалканской Болгаріи и защита своихъ границъ. На югѣ въ особенности слѣдовало укрѣпить балканскіе проходы и обезопасить себя со стороны имперіи. Согласно этой цѣли племя сѣверяне поселено было у прохода Берегава или Рашкаго для защиты и наблюденія самой важной позиціи; другія племена защищали южныя и западныя границы со стороны аварскаго царства. Что касается аварскаго каганата, имѣвшаго расположеніе между Дунаемъ и Тиссой, то онъ былъ къ тому времени значительно ослабленъ двоякимъ движеніемъ среди славянъ въ VII в.:

со стороны Кувера въ Македоніи и со стороны Само въ Чехіи и Словакіи.

Дальнѣйшимъ шагомъ къ утвержденію болгаръ на Балканахъ было основаніе ими хринга или укрѣпленнаго аула по близости отъ Шумлы, въ мѣстности Абоба. Остатки этого укрѣпленія, въ которомъ была столица болгарскихъ хановъ, прежде основанія ими новой столицы при самой подошвѣ Балканскихъ горъ въ такъ называемой Великой Преславѣ (около 821 г.) сдѣлались предметомъ подробнаго изученія со стороны Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ ¹⁾ и бросили обильный свѣтъ на славянскія древности. Но прежде, чѣмъ сообщить результаты сдѣланныхъ наблюденій надъ раскрытой раскопками Института болгарской столицей, проведемъ нѣсколько дальше внѣшнюю исторію болгарскаго ханства. Премники Аспаруха до конца VII в., имя которыхъ не сохранилось въ древнемъ перечнѣ, очень хорошо поняли необходимость передвиженія отъ береговъ Дуная къ югу и, укрѣпившись на обширной равнинѣ, представлявшей большія удобства для содержанія и пастбища коней, начали, по выраженію византійскаго лѣтописца, шириться и надменно относиться къ сосѣдямъ и грабить и подчинять себѣ принадлежавшія имперіи селенія и крѣпости. Чтобы обезопасить себя противъ новыхъ сосѣдей, которые начали угрожать своими наѣздами еракійскимъ городамъ, имперія принуждена была согласиться платить болгарамъ ежегодную дань (679 г.) Въ царствованіе Юстиніана II (685—695) отношенія Византіи къ болгарамъ становятся такъ серьезны, что отражаются на общей политикѣ имперіи: болгарская орда перестаетъ имѣть мѣстное значеніе, болгарскій вопросъ сливается со славянскимъ и въ этомъ смыслѣ пріобрѣтаетъ громаднѣйшій политическій интересъ. Юстиніанъ отказалъ въ выдачѣ болгарамъ дани и рѣшился начать съ ними войну, для чего перевелъ изъ Азіи кавалерійскіе полки, такъ какъ сила болгаръ заключалась въ конницѣ. Но что обращаетъ на себя особенное вниманіе, это широкой театръ военныхъ дѣйствій, который обнимаетъ предпріятіе Юстиніана и ближайшія послѣдствія его похода. Прежде всего военныя дѣйствія простираются на болгарское становище у Шумлы; по всей вѣроятности, болгаре встрѣтили византійское войско у подошвы

1) „Извѣстія“, т. X. Абоба-Плиска съ альбомомъ.

Балканскихъ горъ и были отражены Юстиніаномъ. Но на этомъ дѣло не окончилось. Походъ продолжался въ Македонію до города Солуня, т.-е. направленъ былъ противъ славянскихъ племенъ, которыя тогда уже стояли въ политическомъ союзѣ съ болгарами и обязаны были служить въ военной службѣ у хана. При этомъ лѣтописецъ передаетъ весьма любопытный фактъ, что византійское правительство воспользовалось этимъ походомъ, между прочимъ, для того, чтобы вывести славянскую колонію въ Малую Азію, предоставивъ славянамъ свободныя мѣста въ оемѣ Опсикій. Но на возвратномъ пути изъ похода противъ болгаръ Юстиніанъ былъ окруженъ ими въ балканскихъ проходахъ и могъ спастись лишь съ большими потерями въ сопровождавшемъ его отрядѣ. Это происходило въ 688 г.

На основаніи данныхъ, заключающихся въ житіи св. Димитрія Солунскаго, можно заключить, что въ VII в. у византійцевъ была въ употребленіи особая система приглашенія на службу славянскихъ охотниковъ или принятія въ подданство цѣлыхъ племенъ, которымъ предоставлялась извѣстнаго рода внутренняя самостоятельность въ рѣшеніи ихъ дѣлъ подъ начальствомъ или ихъ собственнаго, или назначеннаго правительствомъ племеннаго старшины или князя. Такія славянскія поселенія имѣли спеціальную задачу исполнять военную службу съ пожалованныхъ правительствомъ земельныхъ участковъ. Первые упоминанія о славянскихъ колоніяхъ въ Малой Азіи находимъ даже ранѣе утвержденія болгаръ на Балканскомъ полуостровѣ: печать съ греческой надписью о славянской колоніи въ Виѳиніи, находящаяся въ коллекціяхъ Русскаго Археологическаго Института, должна быть относима къ 650 г., а этимъ памятникомъ утверждается тотъ фактъ, что виѳинскіе славяне ставили военныхъ людей на службу имперіи ¹⁾ (рис. 84).

Выше было указано, что правительство не одинъ разъ основывало въ Малой Азіи большія славянскія поселенія. Хотя имѣется извѣстіе, будто Юстиніанъ перебилъ оставшихся въ оемѣ Опсикій славянъ, но дальнѣйшія событія показываютъ, что здѣсь сохранились славяне. Въ 710 г. Юстиніанъ во вторичное свое царствованіе опирается, главнымъ образомъ, на иноземные элементы. Такъ, онъ призываетъ на помощь болгарскаго хана Тервеля, который привелъ съ собой 3 ты-

¹⁾ „Извѣстія Русскаго Археологич. Института“, т. VIII, стр. 28 и сл.

сячи болгаръ и славянь и, переправившись въ Азію, вошелъ въ связь съ войскомъ Опсикія ¹⁾). Можно догадываться, что въ Опсикіи и тогда были родственные прибывшему изъ Болгаріи войску элементы. Со времени Юстиніана намѣчаются также въ общихъ чертахъ дальнѣйшіе успѣхи болгарскаго развитія. Именно Юстиніанъ, лишенный престола, снова прибрѣтаетъ власть благодаря заключенному имъ политическому союзу съ болгарскимъ ханомъ Тервелемъ и родственному союзу съ хазарскимъ ханомъ, на сестрѣ котораго Юстиніанъ былъ женатъ. Особенно заслуживаютъ вниманія сношенія

Рис. 84. Древнѣйшій славянскій моливдовуль.

съ Тервелемъ, у котораго Юстиніанъ искалъ убѣжища послѣ бѣгства своего изъ Херсона и потомъ изъ Фанагоріи. Въ то время (ок. 705 г.) столицей Болгаріи было уже укрѣпленіе близъ Шумлы, ханъ Тервель владѣлъ уже значительными землями, и болгарамъ принадлежали нѣкоторые балканскіе проходы, которыми они пользовались для своихъ набѣговъ на еракійскіе города. Юстиніанъ обѣщалъ Тервелю большіе дары, брачный союзъ съ дочерью императора и соотвѣтственныя съ положеніемъ царскаго зятя почести и званія, если онъ согласится помочь ему возвратить престолъ. Тервель согласился на сдѣланныя ему предложенія, принялъ у себя съ честью Юстиніана и предоставилъ на службу ему большое войско изъ болгаръ и славянь. Извѣстно, что въ началѣ 705 г. Юстиніанъ, сопутствуемый Тервелемъ, явился подъ стѣнами Константинополя, и, не прибѣгая къ штурму стѣнъ, ночью вошелъ въ городъ черезъ водопроводъ и спо-

¹⁾ Nicephori patr., p. 47, ed. De Boor.

койно занялъ Влахернскій дворець. Утвердившись на престолѣ, Юстиніанъ возвелъ Тервеля въ санъ кесаря, выдалъ ему дорогіе подарки, заключавшіеся въ драгоценныхъ сосудахъ изъ дворца, и оказалъ ему такія почести, которыя значительно поднимали его авторитетъ между болгарами и славянами. Весьма вѣроятно, что тогда заключенъ былъ и особый договоръ, по которому болгарамъ уступлена византійская область ¹⁾. Но черезъ три года миръ съ болгарами былъ нарушенъ. Въ 708 г. Юстиніанъ снарядилъ флотъ и конное войско и сдѣлалъ высадку при Анхіалѣ. Нанесенное здѣсь византійцамъ пораженіе характеризуется весьма выразительными чертами. Въ то время какъ византійскій флотъ стоялъ подъ Анхіаломъ, кавалерійскія части расположились въ окружающихъ равнинахъ. Не было принято никакихъ мѣръ предосторожности, какъ-будто лагерь находился не въ непріятельской странѣ, люди какъ овцы разсѣялись по полю собирать траву. Поставленные на ближайшихъ холмахъ соглядатаи донесли Тервелю о положеніи, въ какомъ находится непріятельскій станъ, и онъ приказалъ сдѣлать неожиданное нападеніе, увѣнчавшееся полнымъ успѣхомъ. Болгаре захватили много добычи и нанесли грекамъ сильное пораженіе; самъ Юстиніанъ едва спасся съ немногими въ Анхіалѣ, откуда тайно сѣлъ на корабли и ушелъ въ Константинополь.

Несмотря на анхіальское пораженіе, Юстиніанъ до конца своего царствованія оставался съ болгарами въ союзныхъ отношеніяхъ, какъ видно изъ того обстоятельства, на которое было указано выше, что въ 710—11 г. Тервель послалъ императору на помощь трехтысячный отрядъ, который и сопровождалъ его въ Малой Азіи, пока воцареніе Филиппика-Вардана не положило конца этому безпокойному искателю приключеній, нашедшему для себя опору въ союзѣ съ хазарами и болгарами. Нужно думать, что въ княженіе Тервеля и въ соотвѣтствующій ему періодъ крайняго упадка политическаго и военнаго значенія имперіи, болгаре успѣли прочно укрѣпиться въ занятыхъ областяхъ и начали безъ помѣхи дѣлать набѣги на открытыя и незащищенныя области Фракіи. Такой случай описанъ подъ 712 г. ²⁾, когда болгаре сдѣлали опустошительный набѣгъ на имперскія обла-

1) Hamart. ed. Murali, p. 622.

2) Theoph., p. 382; Niceph., p. 48.

сти, дошли до Босфора и разграбили окрестности Константинополя до самыхъ Золотыхъ воротъ. Какъ было беззащитно положеніе столицы, видно изъ того, что такой отважный набѣгъ не нашель отпора, и что болгаре съ награвленной добычей спокойно ушли за Балканы.

Само собою разумѣется, болгарское владычество на Балканскомъ полуостровѣ должно было затрагивать самые существенные интересы имперіи, которая не могла относиться равнодушно къ неожиданнымъ набѣгамъ и опустошеніямъ своихъ областей. Даже то обстоятельство, что хану Тервелю былъ пожалованъ санъ кесаря, не измѣнило характера отношеній между двумя сосѣдями. Передъ вступленіемъ на престолъ исаврійской династіи состоялось между болгарами и византійцами соглашеніе, имѣвшее форму договора, въ которомъ опредѣлялись на будущее время государственныя отношенія между двумя странами, и твердо обозначалась граница владѣній Болгаріи. Этого договора, который, по всей вѣроятности, былъ записанъ на каменной колоннѣ, какъ большинство послѣдующихъ соглашеній между болгарами и греками, не сохранилось, но о немъ есть упоминаніе у современнаго событіямъ писателя. Именно Теофанъ, при изложеніи событій времени хана Крума подъ 813 г., замѣтилъ, что тогда былъ возобновленъ договоръ, состоявшійся при Θεодосіи и патріархѣ Германѣ съ Кормесіемъ, ханомъ болгаръ ¹⁾. Сдѣлавъ нѣкоторыя исправленія къ тексту Теофана, что при Θεодосіи III болгарами правилъ еще Тервель, а правленіе Кормесія или Кормисоша относится къ 743—759 г., мы можемъ считать совершенно реальнымъ фактомъ тѣ черты, которыя заимствуются изъ договора 715—716 г. Въ немъ шла рѣчь прежде всего, о границахъ, такъ какъ этотъ вопросъ имѣлъ самое первостепенное значеніе; затѣмъ о выдачѣ парадныхъ шелковыхъ одеждъ и тонкой красной кожи; наконецъ, объ обмѣнѣ перебѣжчиками и о допущеніи торговыхъ людей съ той и другой стороны подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они снабжались грамотами съ печатями. Не говоря о томъ, что этотъ первоначальный договоръ свидѣтельствуетъ уже о культурныхъ сношеніяхъ и предполагаетъ извѣстную степень развитія въ болгарской ордѣ или, по крайней мѣрѣ, въ правительственныхъ классахъ, мы должны особенно обратить вниманіе на то,

¹⁾ Theoph., p. 497.

что болгарская орда въ началѣ VIII вѣка была уже въ періодѣ образованія государственности, и что византійскому правительству предстояла задача постепенно ввести ее въ интересы высшей культурной жизни. Ниже мы будемъ имѣть случай возвратиться къ этому вопросу; теперь же обратимся къ анализу той статьи, которая трактовала о границахъ.

Къ сожалѣнію, эта статья обозначена слишкомъ кратко: граница идетъ во Фракіи отъ Милеона ¹⁾).

Въ настоящее время весьма трудно приурочить къ опредѣленной географической мѣстности названный здѣсь терминъ; поэтому всего проще остановиться на остаткахъ древняго вала и рва, составлявшаго границу между Болгаріей и Византіей, и называемаго у грековъ *ἡ μεγάλη σούδα*, а у болгаръ—еркесія. Этотъ ровъ и валъ, которыми много занимались мѣстные ученые ²⁾, и котораго слѣды иногда наблюдаются и понынѣ, идетъ отъ Чернаго моря, начинаясь близъ Бургаса, до средняго теченія Марицы. Что касается мѣстнаго имени Милеонъ, то его пытаются видѣть въ одной изъ вершинъ Сакаръ-планины. Положеніемъ этой горы опредѣляются границы Болгаріи къ началу VIII в. Новая династія, занявшая императорскій престолъ въ 717 г., въ лицѣ Льва Исавра, продолжала наблюдать дружественныя отношенія съ болгарами. Да иначе и быть не могло въ виду тѣхъ исключительныхъ затрудненій, съ которыми нужно было бороться основателю династіи. Арабское нашествіе, соединенное съ осадой Константинополя, давало болгарамъ полную возможность свести счеты съ Византіей, но въ это время болгаре оказали имперіи громадную услугу, дѣлая набѣги на арабскій лагерь, расположенный подъ стѣнами столицы, и помогая Льву Исавру справиться со страшными врагами. Говорятъ, что болгаре истребили тогда до 22 тысячъ арабовъ. Точно также и обстоятельства заговора противъ Льва въ Солуни и Константинополѣ съ цѣлью возведенія на престолъ свергнутаго имъ императора Артемія, рисуютъ отношенія между Болгаріей и Византіей въ такомъ свѣтѣ, какъ-будто обѣ державы находились тогда въ равноправныхъ отношеніяхъ. Оказывается, что между обѣими странами поддерживаются правильныя сношенія, что греки

¹⁾ Theoph., 497, 19: αἰ (σπονδαί) τοὺς ὄρους περιεῖχον ἀπὸ Μηλεώνων τῆς Θράκης.

²⁾ „Извѣстія“, т. X, стр. 503 и сл.; Златарскій, „Період. списаніе“, кн. 63, стр. 490; Иречекъ, „Путеш. по Болгаріи“, стр. 682.

ищутъ пріюта въ Болгаріи, и болгаре приглашаются царскимъ письмомъ „не укрывать измѣнниковъ и не нарушать добрыхъ отношеній“. Вслѣдствіе настойчивыхъ представленій изъ Константинополя ханъ выдаётъ царю Артемія и солунскаго митрополита и другихъ заговорщиковъ. Затѣмъ во весь продолжительный періодъ правленія Льва Исавра о болгарахъ не сохранилось никакихъ извѣстій. Съ 719 г. по смерти Тервеля, какъ видно изъ древняго перечня болгарскихъ хановъ, были еще два княженія, не отмѣченныя никакими событіями, пока въ 743 г. не вступилъ на престолъ ханъ Кормисошъ. Его правленіе почти совпадаетъ съ царствованіемъ Константина Копронима и будетъ изложено въ слѣдующемъ томѣ.

Разсмотрѣвъ первый періодъ болгарской исторіи со времени переселенія орды Аспаруха за Дунай, мы можемъ бросить взглядъ назадъ и вывести нѣкоторыя заключенія по отношенію къ пройденному періоду. Если отправляться изъ тѣхъ скудныхъ данныхъ, которыя заимствуются изъ лѣтописи, то для сужденія о политическомъ, соціальномъ и административномъ состояніи болгаръ мы не имѣли бы хотя сколько-нибудь удовлетворительнаго матеріала. Но не болѣе десяти лѣтъ тому назадъ Русскому Археологическому Институту въ Константинополѣ посчастливилось напасть на слѣды той стоянки или укрѣпленнаго лагеря болгаръ, который находился близъ Шумлы, и изъ котораго, по всей вѣроятности, ханъ Тервель сносился съ византійскимъ царемъ. Отсюда же болгаре простирали свои набѣги, съ одной стороны, по Фракіи до стѣнъ столицы, съ другой—по Македоніи до Солуни. Сдѣланныя Институтомъ наблюденія и раскопки на мѣстѣ расположенія упомянутаго лагеря раскрыли весьма важныя данныя, по которымъ можно составить ясное представленіе о болгарской ордѣ, поселившейся на Балканахъ, и о постепенныхъ измѣненіяхъ, которыя въ ней происходили подъ вліяніемъ сношеній съ Византіей.

Болгарское становище, сдѣлавшееся предметомъ изученія, представляло собой земляной валъ и ровъ съ остатками каменныхъ стѣнъ и разныхъ сооружений въ центрѣ. Земляныя укрѣпленія составляютъ фигуру не совсѣмъ правильнаго четырехугольника. Линія вала съ сѣвера на югъ имѣетъ приблизительно 7 километровъ; линія же отъ востока къ западу на сѣверѣ достигаетъ 4, а на югѣ около 3 километровъ. По всей длинѣ вала идетъ глубокой ровъ, и понынѣ

хорошо сохранившійся въ особенности на сѣверной сторонѣ. Центръ всей площади, замыкаемой валомъ и рвомъ, представляетъ отдѣльное и самостоятельное укрѣпленіе, имѣющее форму трапеціи. Окружающія центръ или кремль укрѣпленія стѣны сложены изъ тесаного камня, но онѣ подвергались постепенному расхищенію и въ настоящее время представляютъ лишь основы фундамента стѣнъ и башенъ. Внутри кремля находились слѣды крупныхъ каменныхъ сооружений, въ которыхъ обнаружены были остатки дворца, придворной церкви и множество разнообразныхъ построекъ. Это и есть главный лагерь, или „хрингъ“ болгарской орды; это—типъ расположенія всѣхъ конно-кочевыхъ народовъ, приходившихъ въ Европу и располагавшихся въ ней на продолжительное житье: аваровъ, болгаръ, угровъ и др. За линіей каменной стѣны, но также внутри вала, находились слѣды другихъ большихъ сооружений изъ камня. Здѣсь была открыта обширная церковь.

Произведенными на описанной площади раскопками обнаружены были прежде всего разнообразныя постройки различнаго назначенія. Именно въ кремлѣ открыты дворцовыя зданія, занимавшія весьма обширную площадь, и между ними: дворецъ съ тронной залой, жилия помѣщенія и зданіе для религиозныхъ церемоній, обращенное со временемъ въ христіанскую церковь, служившее также и мѣстомъ погребенія. Изъ камня построена только дворцовая палата; что касается жилыхъ помѣщеній,—они были въ большинствѣ деревянные, и прослѣдить планъ ихъ постройки по оставшимся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ основаніямъ весьма трудно. На мѣстѣ бывшаго расположенія этихъ зданій подъ верхнимъ слоемъ земли находится пластъ пепла и угля. Въ большинствѣ это—маленькія постройки съ небольшими въ нихъ комнатами. Здѣсь найдено множество вѣтвистыхъ лосиныхъ роговъ, остатковъ костей животныхъ, кабаньихъ и оленьихъ череповъ. Ни въ одной части раскопанныхъ построекъ не было найдено такихъ обильныхъ остатковъ домашней жизни и слѣдовъ быта, въ которомъ охота на оленей и кабановъ занимала видное мѣсто. Тамъ же найдено нѣсколько монетъ, обломки стеклянныхъ браслетъ и рисунокъ доселѣ употребительной въ Болгаріи игры. Главное зданіе дворца было построено изъ матеріала, который ранѣе служилъ другой цѣли и разъ уже былъ частью другого зданія. Такъ, обнаружены камни съ греческими помѣтами, съ латинскими надпи-

сями; найдена въ стѣнѣ база колонны съ остатками декрета въ честь Марка Аврелія. Ясно, что матеріаль для постройки брали изъ окружающихъ зданій римской эпохи. Подобныя же наблюденія выводятся и на основаніи разсмотрѣнія кирпича и черепицы. Форма и марка кирпича, равно какъ знаки на черепицѣ, указываютъ на разныя эпохи производства. Ясно, что матеріаль изготовлялся на разныхъ заводахъ и не изъ одинаковой глины. Дворецъ былъ монументальной постройкой ¹⁾ болгарскаго хринга; онъ появился, конечно, вслѣдъ за деревянными постройками, хотя тоже не позднѣе VIII в. Это—прямоугольникъ, длиной въ 52 м., шириной въ 26. Онъ построенъ былъ греческими мастерами и вообще служилъ уже несомнѣннымъ признакомъ культурнаго роста болгарской орды, начавшей проникаться разнообразными воздѣйствіями со стороны Византіи.

Особенно богатый и разнообразный для выводовъ матеріаль найденъ былъ въ церкви, находившейся близъ дворца. Хотя она имѣла три нефа и три апсиды, но со временемъ подверглась страшной катастрофѣ, такъ что далеко не вездѣ уцѣлѣлъ самый фундаментъ. Здѣсь были найдены гробницы и остатки погребеній подъ поломъ. Что церковь была снабжена колоннами, доказывается нѣсколькими фрагментами колоннъ съ надписями именъ городовъ. Обращаетъ на себя вниманіе то, что въ могилахъ оказываются признаки христіанскаго погребенія.

Очень любопытныя находки сдѣланы при раскопкѣ каменныхъ стѣнъ, окружающихъ кремль, а также вводящихъ въ крѣпость воротъ. Открыто нѣсколько башенъ, служившихъ защитой для стѣнъ, и двое воротъ. При очисткѣ сѣверныхъ воротъ найдены предметы изъ желѣза и мѣди и гончарнаго производства и нѣсколько предметовъ церковнаго назначенія: крестъ-складень, дискось и др. Здѣсь же найдено нѣсколько цѣнныхъ предметовъ, какъ перстень, монета, мѣдный сосудъ, наконечникъ стрѣлы. Въ восточныхъ воротахъ оказались въ четвертомъ ряду камней кладки рисунки, сдѣланные острымъ орудіемъ и представляющіе различныя сюжеты: 1) всадникъ на конѣ съ копьемъ, направленнымъ противъ врага; 2) олень съ вѣтвистыми рогами; 3) воинъ въ высокомъ головномъ уборѣ; 4) колчанъ со стрѣлами. Башни были разныхъ формъ: пятиугольныя, квадратныя и круглыя на поворотахъ.

1) „Извѣстія“, т. X, стр. 77.

Въ получасовомъ разстояніи отъ кремля, по линіи старой римской дороги, найдены основанія обширной базилики, можетъ-быть, первой христіанской церкви въ Болгаріи, современной обращенію страны въ христіанство. Это была весьма обширныхъ размѣровъ церковь съ двумя нарѣжками, имѣвшая 57 м. въ длину и 28 м. въ ширину. Не смотря на многовѣковое истребленіе, не пощадившее даже камня въ стѣнахъ и мраморныхъ колоннъ, все же при очисткѣ церкви можно было находить интересные предметы. Во многихъ мѣстахъ сохранились мраморная настилка пола и базы колоннъ на мѣстѣ ихъ первоначальной постановки, всего 16 базъ со множествомъ фрагментовъ цвѣтного и штучнаго мрамора. Въ дальнѣйшемъ въ той же церкви постепенно найдены карнизы, фронтоны и рельефы разныхъ принадлежностей храмовой постройки, капители, кресты и въ особенности обломки надписей большей частью на греческомъ языкѣ. Обиліе мелкаго обдѣланнаго и шлифованнаго мрамора служитъ указаніемъ, что церковныя стѣны были облицованы мраморомъ. Найдено между другими предметами изъ стекла и желѣза множество сплава изъ свинца, изъ чего можно заключить, что церковь была разрушена отъ пожара и подверглась вмѣстѣ съ дворцовыми постройками страшному разоренію отъ варварской руки. Слѣдуетъ думать, что это была рука весьма суроваго истребителя: громадныя мраморныя колонны оказываются разбитыми на мелкіе кусочки, отъ имѣвшихся на нихъ надписей найдено десятка два и даже болѣе обломковъ, на которыхъ сохранились двѣ или три буквы и въ лучшемъ случаѣ немногосложное слово.

Полученный вслѣдствіе раскопокъ матеріаль имѣетъ громадное значеніе для постановки вопроса о древностяхъ болгарской жизни и о древне-славянской культурѣ. Не говоря объ архитектурѣ и стилѣ построекъ, археологическій матеріаль распадается на слѣдующіе отдѣлы.

1) Въ количественномъ и качественномъ отношеніи на первое мѣсто слѣдуетъ поставить надписи. Большинство ихъ представляютъ фрагменты колоннъ съ надписями весьма разнообразнаго содержанія, захватывающаго такія явленія старо-болгарской жизни, которыя не отмѣчены лѣтописью. Сюда относятся надписи съ именами византійскихъ городовъ, постепенно подпадавшихъ власти болгаръ, надписи въ честь героевъ и государственныхъ дѣятелей, надписи съ

фрагментами договоровъ между Болгаріей и Византіей. Эти надписи должны занять преимущественное положеніе какъ матеріаль, современный отмѣчаемымъ въ нихъ фактамъ и отношеніямъ и рисующій такія стороны жизни, о которыхъ нѣтъ намека въ историческихъ памятникахъ.

2) На строительномъ матеріалѣ, изъ котораго составлены башни и стѣны, обнаружены рисунки, сдѣланные рѣзцомъ и представляющіе или отдѣльные сюжеты, или цѣлыя композиціи. Сюда же нужно причислить знаки и рисунки на черепицѣ и кирпичѣ съ изображеніемъ человѣческаго тѣла, животныхъ и растеній. Эти знаки и рисунки мѣстнаго происхожденія и имѣютъ безспорно важный интересъ для исторіи культуры страны.

3) Предметы искусства и украшенія: перстни, браслеты, фрагменты сосудовъ, найдены при раскопкахъ въ значительномъ количествѣ и могутъ свидѣтельствовать какъ о развитіи вкуса, такъ и о торговыхъ сношеніяхъ болгаръ съ сосѣдями. Золотыя и мѣдныя монеты и свинцовые печати служатъ показателемъ хронологическаго термина, далѣе котораго нельзя продолжать историческую жизнь открытаго раскопками поселенія.

Наиболѣе важными въ настоящемъ случаѣ представляются, однако, тѣ данныя, на основаніи которыхъ можно судить о политическомъ и племенномъ устройствѣ болгарской орды и о постепенной смѣнѣ древняго строя на мѣстахъ новаго обитанія. Въ этомъ отношеніи надписи на колоннахъ тѣмъ болѣе представляютъ цѣны, что онѣ относятся еще къ языческому времени и бросаютъ свѣтъ на первоначальную эпоху организациі болгарскаго княжества. Сюда относятся, главнымъ образомъ, надписи въ честь государственныхъ дѣятелей и героевъ. Какъ бы ни былъ ограниченъ имѣющійся въ распоряженіи науки матеріаль этого рода, но онъ обладаетъ неоцѣненными достоинствами по своей древности, такъ какъ относится къ языческой эпохѣ, и по своей официальнойности, ибо представляетъ собой значеніе государственнаго акта. Надписи занимающаго насъ содержанія касаются разныхъ вопросовъ старо-болгарской исторіи и права. Въ нихъ обыкновенно отмѣчаются: 1) титулъ хана, отъ имени котораго ставится колонна; 2) наименованіе государственнаго дѣятеля или героя, въ честь котораго посвященъ каменный монументъ, со всѣми его званіями и занимаемыми имъ должностями; 3) отношеніе его

къ хану съ указаніемъ военныхъ и другихъ заслугъ; наконецъ, 4) происхождение лица, его родъ-племя.

По этимъ памятникамъ мы въ первый разъ знакомимся съ національнымъ титуломъ болгарскаго властителя: *Kanas Yβηνηη*. Этотъ титулъ обозначаетъ ¹⁾ на кумано-тюркскомъ языкѣ: ханъ великій или славный. Вслѣдствіе сношеній съ Византіей и подъ вліяніемъ христіанской идеи власти, въ дальнѣйшемъ получается прибавка къ титулу *ὁ ἐκ Θεοῦ ἄρχων*. Какимъ значеніемъ пользовалась власть хана по переходѣ болгаръ за Дунай, это вопросъ весьма интересный, но трудно поддающійся выясненію ²⁾. Все заставляетъ думать, что народъ-войско, каковымъ были болгаре, должны были имѣть прочно организованную и опирающуюся на обычаи и учржденія высшую военную власть, которая и въ мирное время удерживала за собой тѣ права, каковыми располагала въ походѣ. Правда, въ VIII в., по утвержденіи на занятой территоріи, наблюдается въ болгарской жизни переворотъ, клонившійся къ ограниченію власти хана знатными родами или племенными старшинами, стоявшими во главѣ отдѣльныхъ частей орды. Но это не можетъ служить къ ослабленію принципіальнаго положенія, ибо несомнѣннымъ является тотъ фактъ, что болгаре внесли на полуостровъ въ среду мало организованныхъ славянскихъ племенъ дисциплину и порядокъ, котораго у нихъ не было. Во внутреннихъ смутахъ, объясняемыхъ домогательствами отдѣльныхъ племенныхъ старшинъ ограничить власть хана, нѣтъ основаній, что касается VIII вѣка, видѣтъ ни національныхъ противоположностей между славянскимъ и тюркскимъ элементомъ, ни религіозной борьбы между христіанскими и языческими вѣрованіями.

Вслѣдъ за титуломъ въ надписяхъ слѣдуетъ наименованіе лица, въ честь котораго поставлена колонна. Здѣсь мы имѣемъ нѣсколько именъ старо-болгарскихъ вельможъ, оказавшихъ особыя услуги. Цѣнность этого матеріала увеличивается тѣмъ, что онъ приближается по точности къ официальнымъ актамъ. Прежде всего указывается личное имя чествуемаго вельможи или героя, затѣмъ приводится его титулъ или званіе, и, наконецъ, обозначаются его особенныя отношенія къ хану. Не говоря здѣсь о личныхъ именахъ, которыя мо-

1) „Извѣстія Института“, X, стр. 193.

2) Въ болгарскомъ журналѣ „Минало“, I, г. Баласчевъ даетъ изслѣдованіе этого вопроса.

гутъ служить пополненіемъ болгарскаго именованія, остановимъ вниманіе на чинахъ или титулахъ и званіяхъ, которыя бросаютъ свѣтъ на боярское и служилое сословіе у языческихъ болгаръ. Таковы титулы жупанъ, тарханъ; первый означаетъ у славянъ племенного князя и съ тѣмъ же значеніемъ долженъ быть принимаемъ у болгаръ; что же касается тархана, то это было высшее военное званіе, даваемое заслуженнымъ государственнымъ мужамъ, занимавшимъ высшія мѣста въ администраціи. Далѣе слѣдуютъ званія: багатуръ или русское богатырь, вагаинъ, воила, соотвѣтствующіе нашему термину бояринъ. Уже давно было замѣчено, что русское слово богатырь заимствовано изъ тюркскихъ языковъ, гдѣ оно встрѣчается въ различныхъ формахъ. У болгаръ богатыри встрѣчаются въ самой отдаленной древности; къ русскимъ это учрежденіе привилось отъ степныхъ конныхъ и кочевыхъ народовъ, съ которыми они находились въ сосѣдствѣ или въ военномъ союзѣ въ весьма отдаленныя времена. Богатырь по своему существу и значенію характеризуетъ востокъ съ его формами быта и степь съ ея опасностями отъ дикихъ кочевниковъ. „Слово „богатырь“ обозначало степного удалца, непременно наѣздника на лихомъ конѣ, проѣзжающаго огромныя степныя пространства, сроднившагося съ конемъ и всѣми условіями степной жизни. Между такими наѣздниками этимъ почетнымъ титуломъ пользовались тѣ, которые отличались неутомимостью, выносливостью, силой и храбростью, составляли гордость дружины какого-либо хана и посылались имъ на самыя трудныя и смѣлыя предпріятія“¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что въ тѣхъ условіяхъ жизни, которыя характеризуются раскопками, ханъ былъ окруженъ военной дружиной, въ которой храбрые багатуры составляли такое же украшеніе, какъ извѣстныя имена богатырей въ дружинѣ эпическаго князя Владиміра.

Менѣе опредѣленнаго можно сказать о терминѣ вагаинъ и воила. Этими терминами обозначаются члены военнаго сословія, представители высшаго и низшаго дворянства. Можетъ-быть, вагаинъ слѣдуетъ сблизить со словомъ бегъ и подъ этимъ терминомъ подразумѣвать лицъ, принадлежащихъ къ сословію беговъ²⁾. Что касается воила, это слово легко сблизается съ *βολιάς*, которое обозначаетъ

1) В. Миллеръ, „Экскурсы“, стр. 222.

2) Radloff, „Die alttürk. Inschr.“, II, 138.

вообще боярское сословіе. Во всякомъ случаѣ, надписи характеризуютъ наличность многочисленнаго служилаго сословія военныхъ людей, которые окружаютъ хана и занимаютъ важныя мѣста въ военной и гражданской администраціи.

Особенно любопытны указанія на особенныя отношенія служилыхъ людей къ вождю какъ предводителю дружины. Что дружинное начало было весьма обычнымъ явленіемъ въ болгарскомъ быту въ VIII в., это мы видимъ въ упоминаемыхъ въ надписяхъ „ближнихъ людяхъ“, какъ слѣдуетъ передавать терминъ *οι θροεπτοι ανθρωποι*. Прежде окончательнаго своего утвержденія въ Мизіи, болгаре, по крайней мѣрѣ, 200 лѣтъ участвовали въ важныхъ военныхъ событіяхъ того времени. Чтобы быть въ состояніи удержать свое мѣсто среди военныхъ кочующихъ народовъ, болгаре должны были обладать и военнымъ искусствомъ, и такими учрежденіями, которыми бы поддерживалось и развивалось у нихъ военное искусство. Смутная эпоха передвиженія народовъ имѣла, между прочимъ, и то послѣдствіе, что часто соединяла чуждые народы въ военное братство, стирала различія между ними и способствовала распространенію одинаковыхъ нравовъ и обычаевъ. Извѣстно громадное значеніе коннаго строя, внесеннаго въ Европу азіатскими народами и измѣнившаго европейскую систему веденія войны. И болгаре не могли не позаимствоваться нѣкоторыми обычаями отъ тѣхъ народовъ, съ коими они сталкивались во время своихъ скитаній по южной Россіи до переселенія за Дунай. Словомъ, дружинный бытъ болгаре ¹⁾ могли заимствовать, если уже вести рѣчь о заимствованіи чужихъ учреждений, отъ готовъ, съ которыми они долгое время жили въ сосѣдствѣ въ южной Россіи, и мѣста коихъ они заняли съ конца V вѣка.

Надо думать, что подъ именемъ *οι θροεπτοι ανθρωποι* ханъ воздастъ почетъ умершимъ членамъ своей дружины или своего комитата. Если дружинное начало входило въ организацію болгарскаго государства, то въ этомъ имѣется объясненіе такихъ особенностей старо-болгарской исторіи, которыя иначе оставались бы совершенно изолированными. Древне-болгарскій государственный строй былъ аристократическій; послѣ хана высшую власть имѣлъ совѣтъ шести знатныхъ, затѣмъ слѣдовали внѣшніе и внутренніе бояре.

1) „Извѣстія“, X, стр. 206 и слѣд.

Болгарскій комитатъ или дружинное начало, о которомъ даютъ свѣдѣнія надписи на колоннахъ, характеризуется военными подвигами и походами, за которые и воздана была честь героямъ. Одинъ прославленъ за то, что умеръ въ военномъ походѣ, другой сложилъ голову на войнѣ съ врагами, третій потонулъ въ Днѣпрѣ, четвертый—при переправѣ черезъ рѣку Тиссу. Всѣ эти подвиги характеризуютъ военный бытъ и, будучи увѣковѣчены на каменномъ столбѣ, поставленномъ близъ дворца или на площади, служатъ свидѣтельствомъ высшаго почета, которымъ пользовалось военное искусство.

Въ концѣ каждой надписи обыкновенно обозначается родъ-племя умершаго. Эта черта даетъ еще новую особенность къ характеристикѣ болгарскаго политическаго устройства. Раздѣленіе болгарскаго народа на *γένη* есть исконное учрежденіе; оно принесено было болгарами въ Мизію изъ восточной Европы, какъ истинно національное учрежденіе. О раздѣленіи болгаръ на роды имѣются весьма раннія извѣстія. Хотя пятерное число отдѣловъ, на которые раздѣлялась орда болгарская, не можетъ быть доказано, но и въ Аспаруховой ордѣ уже по переселеніи ея за Дунай было нѣсколько частей. Родовыя имена указываютъ на существованіе, по крайней мѣрѣ, пяти родовъ, засвидѣствованныхъ надписями. Таковы роды Куригиръ, Ерми, Куверь, Кацагаръ. Кромѣ того, по древнему перечню хановъ значатся родовыя имена: Дуло, Вокиль, Укиль, Угаинъ. На основаніи упоминанія десяти комитатовъ въ эпоху обращенія Болгаріи къ христіанству можно бы допускать существованіе десяти племенъ; но у писателей не находимъ подтвержденія на это, хотя встрѣчаемъ число пять, семь, восемь.

Представляя собой организованную военную силу, болгаре, хотя по числу были и слабѣе семи славянскихъ племенъ, съ которыми имъ пришлось встрѣтиться за Дунаемъ, но скоро получили надъ ними перевѣсъ, такъ какъ изъ своего укрѣпленнаго хринга могли безнаказанно дѣлать конные наѣзды на открытую страну, лишенную крѣпостей и городовъ. О первоначальныхъ отношеніяхъ болгаръ къ славянамъ извѣстія очень скудны, и по нимъ трудно судить, какъ происходилъ процессъ постепеннаго поглощенія или ассимиляціи славянскаго и тюркскаго элемента. Прежде всего слѣдуетъ считаться съ тѣмъ, что Мизія была византійская область, и что имперія держала

тамъ свои гарнизоны ¹⁾; затѣмъ самый способъ распространенія болгарской власти первоначально выражался въ наложеніи на славянъ дани и военной службы, какъ это засвидѣтельствовано по отношенію къ Мизіи и Македоніи ²⁾. По всей вѣроятности это не было такое непосильное бремя, которое заставило бы славянъ жалѣть о политической перемѣнѣ, наступившей съ пришествіемъ болгаръ, и, во всякомъ случаѣ, не лишало ихъ возможности дѣлать выборъ между болгарами и византіяцами. И нужно сказать, что болгарское вторженіе содѣйствовало большому движенію среди славянъ и вызвало случаи многочисленной эмиграціи славянъ въ предѣлы имперіи, которая искусно направляла эту эмиграцію въ Малую Азію. Были неоднократные случаи, когда славяне дѣйствительно обнаруживали свои симпатіи къ грекамъ и во время похода измѣняли болгарскому хану. Такъ было разъ въ 762 г., когда правилъ Телець. При немъ произошло громадное передвиженіе славянъ въ Малую Азію, число переселившихся опредѣляется въ 208 тысячъ душъ, а при Юстиніанѣ II изъ другой славянской колоніи, поселенной въ Опсикіи, было организовано опричное войско въ 30 тысячъ ³⁾. Всѣ эти обстоятельства, конечно, ослабляли славянскій элементъ на Балканахъ и служили полезнымъ подспорьемъ для болгарской орды въ ея наступательномъ движеніи на югъ и западъ. Эти факты, съ другой стороны, достаточно опредѣленно ставятъ вопросъ о томъ, что болгаре явились въ Мизію завоевателями, и что славяне должны были вступить къ нимъ въ подчиненныя отношенія ⁴⁾.

Для характеристики болгаръ въ занимающую насъ эпоху, т.-е. прежде чѣмъ они слились со славянами и обратились въ христіанство, прекрасныя данныя почерпаются изъ арабскихъ писателей. „Государство болгарское сильно и велико. Они сражаются съ греками, славянами, хазарами и тюрками, но самые сильные ихъ враги суть греки. Отъ Константинополя до земли болгаръ 15 дней пути. Всякое укрѣпленное мѣсто у болгаръ окружено тыномъ и деревяннымъ заборомъ, что составляетъ защиту, подобную стѣнѣ, которая возвы-

1) Theoph., 358, 15.

2) Theoph., 359, 17: *χριστιανῶν δὲ τὰς λεγόμενας ἐπὶ γενεὰς ὑπὸ πάχτων ὄντας*. По отношенію къ македонскимъ славянамъ мѣста разобраны въ „Извѣстіяхъ“, т. XIV, стр. 54.

3) Theoph., 366, 1.

4) Болгарскій журн. „Минало“, кн. 2, стр. 205 и сл.

шается за рвомъ. Кони, на которыхъ они сражаются, всегда пасутся на свободѣ, и никто не садится на нихъ, кромѣ военнаго времени. Когда они строятся въ боевой порядокъ, то ставятъ впереди стрѣлковъ, а позади располагаютъ своихъ женъ и дѣтей. Они не знаютъ монетныхъ знаковъ; всѣ ихъ сдѣлки, а равно брачные договоры составляются по цѣнѣ овецъ и быковъ. Когда заключается миръ между ними и греками, они посылаютъ въ Константинополь молодыхъ рабовъ того и другого пола изъ славянъ, или изъ другого народа. Когда умираетъ знатный болгаринъ, они собираютъ слугъ умершаго и его приближенныхъ и сжигаютъ ихъ вмѣстѣ съ умершимъ или, выкопавъ глубокую яму, ставятъ въ ней тѣло умершаго и оставляютъ съ нимъ его жену и близкихъ, пока они умрутъ. У нихъ въ обычаѣ оставлять бѣольшую долю наслѣдства дочерямъ, чѣмъ мальчикамъ“ ¹⁾).

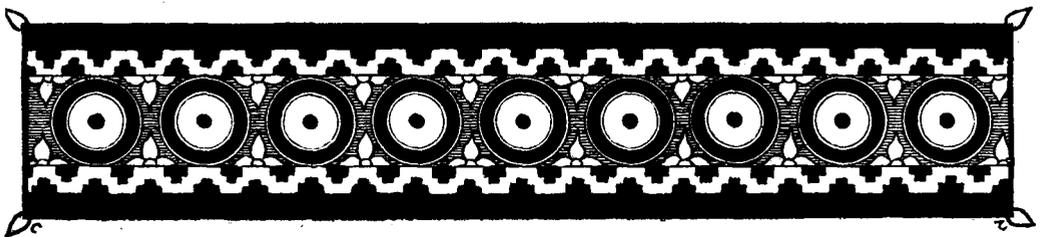
Приведенная характеристика языческихъ болгаръ составляетъ самый цѣнный матеріалъ для освѣщенія вопроса о нравахъ и вѣрованіяхъ этого народа. Въ высшей степени можно пожалѣть, что раскопками первой болгарской столицы не открыты языческія погребенія хановъ и знатныхъ лицъ дружины, на основаніи коихъ представлялась бы возможность непосредственно судить о погребальныхъ обычаяхъ и бытовой обстановкѣ древнихъ болгаръ. Закончимъ этотъ очеркъ нѣсколькими заимствованиями изъ другого, хотя и весьма важнаго, но мало еще изученнаго иностраннаго источника, разумѣемъ „Отвѣты папы Николая на вопросы болгаръ“ ²⁾, которымъ и вполнѣдствіи придется еще воспользоваться. Этотъ документъ, происходящій изъ папской канцеляріи и относящійся къ IX вѣку, представляетъ обильный матеріалъ для характеристики старо-болгарской жизни. Въ немъ есть нѣсколько указаній на вѣрованія и обычное право болгаръ. Такъ, на примѣръ, указывается, что болгаре, выходя на бой, совершаютъ гаданія и исполняютъ обрядовыя дѣйствія съ религіозными играми и пѣніемъ; такъ, приводится мудрое разсужденіе о томъ, что папа не находитъ умѣстнымъ рекомендовать болгарамъ, какъ еще весьма слабымъ (очевидно въ христіанской жизни) воздерживаться отъ военныхъ упражненій. Въ смыслѣ же старин-

¹⁾ Marquart, „Osteurop. und ostasiatische Streifzüge“, S. 204—205.

²⁾ Jaffe, „Regesta pontif. Romanorum“, I, p. 360; Migne, „Patr. lat.“, t. 119, col. 978.

ныхъ чертъ, вынесенныхъ съ далекаго Востока, можно указать на магическій камень, на священныя книги, заимствованныя у сарацинъ, на обычай давать клятву на оружїи и т. п.

Болгарамъ выпала исключительная доля на Балканскомъ полуостровѣ. Смѣшавшись со славянами и давъ имъ военную организацію и дисциплину, болгаре образовали сильное государство и чрезъ принятіе христіанства приобщились къ европейской христіанской культурѣ. По своему военному могуществу они стали играть важную роль въ исторїи Византіи и неоднократно ставили ее въ крайне затруднительное положеніе. Исторія средневѣковой Византіи не была бы полна и не имѣла бы характерныхъ признаковъ Византизма, если бы выдѣлить изъ нея тѣ факты, которые относятся къ порядку взаимныхъ отношеній между имперїей и болгарами. Въ будущей государственной организаціи перваго, втораго и, скажемъ даже, третьаго болгарскаго царства многія изъ основныхъ чертъ болгарскаго характера сгладились, переродились или даже совсѣмъ уничтожились, давъ мѣсто славянскимъ народнымъ особенностямъ; но внимательный наблюдатель не можетъ отказать и нынѣшнимъ болгарамъ въ такихъ національныхъ чертахъ, которыя имѣютъ себѣ объясненіе не въ славянскомъ, а въ тюркскомъ національномъ характерѣ. Скажемъ даже болѣе, что посредствомъ длиннаго процесса ассимиляціи этихъ двухъ чуждыхъ взаимно національныхъ элементовъ выросъ тотъ могучій организмъ, крѣпкій, сосредоточенный и хорошо самоопредѣляющійся, какимъ является болгарскій государственный организмъ. Въ исторїи Византіи ему суждено играть не мало важное значеніе.

глава VII.

ОСНОВАНІЯ ѲЕМНАГО УСТРОЙСТВА.

При изложеніи военныхъ событіи второй половины VII в. въ исторіи Византіи все чаще и чаще входитъ въ употребленіе терминъ Ѳема, которымъ обозначается новое административное и военное устройство имперіи ¹⁾. Такъ какъ Ѳемное устройство составляетъ весьма оригинальную черту византизма, которая не можетъ быть объяснена ни заимствованіемъ изъ греко-римской системы учреждений, ни изъ западно-европейскаго быта, то ясно, что эту особенность нельзя пропускать безъ вниманія; а напротивъ, необходимо разсмотрѣть ее по связи съ другими перемѣнами, постепенно происшедшими въ имперіи. Ѳемное устройство, начавшееся быть примѣняемымъ на практикѣ въ VII в., дѣлается господствующимъ при императорахъ иконоборцахъ и сопутствуетъ имперіи какъ при полномъ развитіи ея политическаго, духовнаго и матеріальнаго могущества, такъ и при упадкѣ ея. Нѣтъ ничего удивительнаго, что давно уже и притомъ съ разныхъ сторонъ ученые пытаются выяснитъ особенности устройства Ѳемъ и показать ихъ важность въ военной, административной и экономической исторіи ²⁾. Усматривая въ Ѳемномъ устройствѣ одинъ изъ существенныхъ признаковъ совершившагося преобразования восточно-римской имперіи въ византійскую и считая Ѳему подлинной чертой

¹⁾ Theoph. 352, 368, 378, 380, 383 и др. (ed. de Boor).

²⁾ Bury, „A history of later Roman empire“, II, p. 339; Diehl, „L'origine du régime des thèmes“, Paris, 1896; Gelzer, „Die Genesis der byzant. Themenverf“, Lpz., 1899; Успенскій, „Извѣстія Русскаго Археол. Инст. въ Константинополѣ“, VI, 154.

реального византизма, мы находимъ умѣстнымъ здѣсь, въ концѣ перваго подготовительнаго къ собственной исторіи Византіи тома, дать подлежащую оцѣнку этому новому учрежденію и попытаться выяснитъ обстоятельства его происхожденія.

Ссылаясь на изложенное выше (стр. 654 и сл.) о происхожденіи еемнаго устройства, переходимъ къ основаніямъ, на которыхъ это устройство имѣло свою силу и жизненность.

Существенный признакъ еемнаго устройства заключается въ томъ, что оно преслѣдовало главнѣйше военныя цѣли, вызвано исключительно военными потребностями и представляло для правительства наилучшій способъ использовать живыя силы населенія для государственныхъ цѣлей. Для единства и усиленія власти въ еемѣ во главѣ ея стоялъ военный чинъ съ званіемъ стратига, которому подчинены были всѣ учрежденія и всѣ классы населенія еемы. Нѣтъ сомнѣнія, что это устройство выросло постепенно, что нельзя указать творца этой системы, которой, однако, по сужденію всѣхъ изслѣдователей суждено было спасти имперію отъ неминуемой гибели и снабдить правительство средствами для борьбы съ внѣшними врагами. Въ X в. императоръ Константинъ Порфирородный ¹⁾, собирая въ государственномъ архивѣ матеріалы по занимающему насъ вопросу, пришелъ къ заключенію, что начало системы устройства еемъ слѣдуетъ относить ко времени Ираклія, и что поводомъ къ тому была настоятельная необходимость времени: „нынѣ, когда ромѣйская имперія утратила свои провинціи на западѣ и востокѣ и урѣзана въ своихъ частяхъ со времени царя Ираклія, его преемники, находясь въ затрудненіи по отношенію къ способамъ и средствамъ управленія государствомъ, раздробили его на небольшія части“. Какъ мотивы, такъ и хронологія въ общемъ обозначены точно, новѣйшими изслѣдованіями нѣсколько подробнѣй указанъ развѣ процессъ реформы, который продолжается и при иконоборцахъ, и частью при македонской династіи.

Если не говорить здѣсь объ экзархатѣ равеннскомъ и африканскомъ, въ устройствѣ которыхъ находятся общія черты съ еемной организаціей, то въ теченіе VII в. постепенно образовались еемы: Арменіакъ, Анатолика, Опсикій, Кивиррэоты, Тракисійская, Тракія,

1) „De Thematibus“, p. 12.

Еллада, Сицилія. Къ крайнему сожалѣнію, историкъ не можетъ указать ни одного закона, ни одного акта, которымъ можно было бы выяснитъ цѣли любопытной и весьма важной реформы; напротивъ, все происходило, повидимому, такъ естественно и спокойно, что введеніе въ жизнь Ѳемнаго устройства прошло совсѣмъ не отмѣченнымъ. Тѣмъ настоятельнѣй потребность собрать хотя бы косвенныя указанія по занимающему насъ вопросу.

Что касается собственно военнаго устройства Ѳемы, то лучшій и, можно сказать, единственный матеріалъ даетъ Константинъ Порфирородный, который, взявъ за образецъ Ѳемнаго устройства Анатолику, предоставляет по этому образцу судить о другихъ. Вотъ въ какомъ видѣ онъ представляетъ военно-административную организацію Ѳемы.

Во главѣ стоитъ стратигъ Анатолика. За нимъ слѣдуютъ чины, ему подчиненные: турмархъ, мерархъ, комитъ штаба (*κόμης τῆς κόρης*), хартуларій Ѳемы, доместикъ Ѳемы, друнгарій бандъ, комиты бандъ, кентархъ спаѲаріевъ, комитъ этеріи, протоканкелларій, протомандаторъ. Всего 12 чиновъ вмѣстѣ со стратигомъ. Въ послѣдніе годы привлечень былъ Гельцеромъ новый матеріалъ къ изученію Ѳемъ, именно арабскія извѣстія географовъ Хордадбега и Кодамы, писавшихъ въ VIII в. о томъ же предметѣ. Сообщение ихъ заключается въ слѣдующемъ ¹⁾: патрикій (т.-е. стратигъ) командуетъ 10000 людей. Онъ имѣетъ подъ начальствомъ двухъ турмарховъ, у каждаго изъ нихъ подъ командой по 5000 человѣкъ. У турмарха находится въ подчиненіи по 5 друнгаріевъ, у каждаго изъ коихъ въ командѣ по 1000 человѣкъ. Каждый друнгарій имѣетъ подъ своей командой по 5 комитовъ, имѣющихъ подъ начальствомъ по 200 человѣкъ. Каждый комитъ имѣетъ въ своей командѣ по 5 кентарховъ, изъ коихъ каждый начальствуетъ отрядомъ въ 40 человѣкъ. У каждаго кентарха подъ командой четыре декарха, имѣющіе въ начальствѣ по 10 человѣкъ.

При первомъ же взглядѣ на эти два свидѣтельства можно замѣтить, что они не вполне совпадаютъ между собою, не находясь, однако, въ противорѣчій. У Константина находимъ перечень всѣхъ чиновъ, подвѣдомственныхъ стратигу. У арабскаго географа приведены лишь чины, имѣющіе подъ собой военную команду. Извѣ-

1) „Bibl. geographorum“, ed. de Goeje, pars VI, p. 196 (Lugduni Batav., 1889).

стіе перваго важно съ точки зрѣнія ѳемнаго управленія вообще; свидѣтельство второго—съ точки зрѣнія состава отдѣльныхъ частей ѳемы. Въ частности—и въ этомъ самое существенное — Хордадбегъ даетъ свѣдѣнія о взаимной соподчиненности разныхъ чиновъ и о числѣ команды въ завѣдываніи каждаго офицера. Такимъ образомъ, десятитысячный составъ анатолійской ѳемы подъ главнымъ командованіемъ стратига представляется раздѣленнымъ на слѣдующія отдѣльныя команды:

1) двѣ турмы съ двумя турмархами во главѣ по 5 тысячъ въ командѣ у каждаго;

2) десять бандъ по пяти въ каждой турмѣ съ таковымъ же числомъ друнгаріевъ во главѣ, по 1 тысячѣ человекъ въ командѣ у каждаго;

3) пятьдесятъ дружинъ по пяти въ каждой бандѣ, съ комитами во главѣ, изъ коихъ у каждаго по 200 человекъ команды;

4) двѣсти пятьдесятъ кентархій по пяти въ дружинѣ, съ кентархами во главѣ, имѣющими подъ командой по 40 человекъ;

5) наконецъ, тысяча декархій по четыре въ каждой кентархіи, съ декархами или десятскими во главѣ, имѣющими по 10 человекъ въ командѣ.

Все это, конечно, въ высшей степени интересныя свѣдѣнія, которыми раскрывается загадочный смыслъ термина ѳема и опредѣляется въ круглыхъ цифрахъ составъ византійскаго военнаго округа или дивизіи. Изъ сопоставленія извѣстій Константина съ данными Хордадбега ясно, однако, что послѣдній не вводитъ въ администрацію ѳемы нѣкоторыхъ чиновъ, которымъ первый даетъ далеко не второстепенныя роли. Независимо отъ того, разность въ перечняхъ у того и другого на шесть чиновъ, ибо у арабскаго географа пропущены: мерархъ, комить штаба, хартуларій, доместикъ, протоканкелларій и протомандаторъ.

Этотъ пропускъ половины чиновъ въ составѣ ѳемы заслуживаетъ серіознаго вниманія съ точки зрѣнія доброкачественности сообщеній арабскаго географа, такъ какъ едва ли можно объяснить подобный пропускъ предположеніемъ, что онъ имѣлъ въ виду только строевыя чины ѳемы. Въ дѣйствительности, Хордадбегъ не упоминаетъ офицеровъ, завѣдомо стоявшихъ во главѣ военныхъ частей и имѣвшихъ команду; таковы мерархъ и доместикъ. Если же это нельзя назвать

иначе, какъ недостаткомъ, то и вопросъ объ общей цѣнности вновь открытаго источника значительно измѣняется. Можетъ-быть, и его круглыя цифры о числѣ команды въ разныхъ частяхъ Ѳемы также не заслуживаютъ довѣрія. Переходимъ къ разсмотрѣнію чиновъ Ѳемы.

Стратигъ (*Στρατηγός*). Всѣ стратиги Ѳемъ по византійской табели о рангахъ причислялись къ первому классу чиновъ и носили титулъ патрикія или анѳипата патрикія,—званія, соединеннаго съ высшими привилегіями и съ титуломъ превосходительства. Уже въ силу занимаемой должности стратига той или другой Ѳемы, такой офицеръ, хотя бы лично не имѣвшій чина патрикія, въ торжественныхъ придворныхъ церемоніяхъ, на царскихъ пріемахъ, а равно за царскимъ столомъ, занималъ мѣсто выше всѣхъ патрикіевъ придворнаго и гражданскаго вѣдомства по рангу Ѳемы, въ которой онъ былъ стратигомъ. Но такъ какъ пожалованіе чиномъ патрикія, а равно и назначеніе въ стратиги зависѣло отъ личнаго усмотрѣнія царя, то неоднократно бывали случаи, что въ должности стратига стоялъ и протоспаѳарій и даже спаѳарій¹⁾.

Что касается власти стратига въ Ѳемѣ, то, повидимому, ему принадлежало назначеніе всѣхъ подвѣдомственныхъ чиновъ, хотя, какъ увидимъ ниже, въ Ѳемѣ были и такіе чины, которые отъ него не зависѣли.

Турмархъ, мерархъ. Такъ назывались ближайшіе за стратигомъ чины, начальники отдѣльныхъ командъ или турмъ, расположенныхъ въ опредѣленной мѣстности. Хотя до сихъ поръ мы мало имѣемъ географическихъ названій для мѣстъ стоянки турмъ, но все же можно утверждать, что штабъ турмы располагался въ болѣе населенныхъ пунктахъ, часто въ городахъ. Сколько было турмъ въ каждой Ѳемѣ, это трудно сказать съ увѣренностью, но свидѣтельство арабскаго географа на счетъ числа двухъ турмъ едва ли можно принимать за достовѣрное. Въ Ѳемѣ Анатолика знаемъ турму изъ семи бандъ, имѣвшую расположеніе въ *τὰ Κόμματα*²⁾; въ Ѳемѣ Ѳракісійской упо-

1) Чтобы нѣсколько приблизиться къ современной чиновной іерархіи, можемъ чинъ спаѳарія принять за полковничій, протоспаѳарія за генераль-маіорскій, патрикія за полный генеральскій.

2) „De adm. imp.“, 225, 14. Мѣсто важно для доказательства территоріальнаго характера военныхъ терминовъ. О мѣстности *Κόμματα* см. Ramsay, „The History and Geography of Asia Minor“, p. 216, 227.

минается нѣсколько турмъ, — во всякомъ случаѣ, не менѣе трехъ ¹⁾; въ ѳемѣ Арменіакъ упоминаются два турмарха, слѣдовательно, двѣ турмы ²⁾; въ ѳемѣ Македоніи знаемъ турму, расположенную въ городѣ Визѣ ³⁾.

Что касается мерарха, то прежде всего нужно думать, что мерархія организована была точно такъ же, какъ турма. По крайней мѣрѣ, та и другая составлялась изъ опредѣленнаго числа бандъ или друнговъ ⁴⁾. Затѣмъ, по всей вѣроятности уже въ X вѣкѣ, мерархія была терминомъ устарѣлымъ, вытѣсненнымъ терминомъ турма ⁵⁾.

По отношенію къ вопросу о числѣ военныхъ людей, находящихя въ командѣ турмарха, извѣстіе арабскаго географа даетъ круглую и опредѣленную цифру—5000 человекъ. Признаемся, намъ представляется это весьма сомнительнымъ результатомъ кабинетныхъ операцій съ цифрами. Принявъ въ каждой турмѣ по 5 бандъ и находя, что командиры бандъ назывались друнгаріями, арабскій географъ могъ совершенно спокойно придти къ выводу о 1000 человекъ въ бандѣ и 5000 въ турмѣ. На самомъ же дѣлѣ противъ этого могутъ быть серьезныя возраженія. Прежде всего Константинъ Порфирородный, ссылаясь притомъ на источникъ, опредѣляетъ численный составъ турмы только въ 900 человекъ ⁶⁾. Что касается банды какъ военной единицы, то показаніе Хордадбега о численномъ ея составѣ въ 1000 человекъ тоже не оправдывается византійскими извѣстіями. Правда, банда есть подраздѣленіе турмы, но выводъ арабскаго географа о составѣ банды зависитъ отъ двухъ посылокъ, которыя подлежатъ сомнѣнію: 1) онъ считаетъ по двѣ турмы на ѳему, хотя могло быть и три турмы въ ѳемѣ; 2) онъ считаетъ по пяти бандъ въ турмѣ, и отсюда получается его круглая цифра 10000. Но невѣрность этого разсчета сама собой бросается въ глаза, если недостаточно обоснована первая посылка. На самомъ дѣлѣ, едва ли не слѣдуетъ отказаться отъ точныхъ числовыхъ данныхъ въ приложе-

1) „De Cerim.“, 663, 3.

2) Theoph. „Chronogr.“ 469, 9.

3) „Извѣстія“, т. IV, ст. г. Баласчева.

4) Лучшее мѣсто „De Cerim.“, 663, 15; у Генесія упоминается: ἐν τῇ Χαρισανῶϊ θέματι μεράρχης ὁ Μαχαίρας (р. 97).

5) Ducange, „Glossarium graecitatis“ s. v.: μεράρχαι, τουρμάρχη. Рукопись Московской Синод. Библиотеки (архим. Владиміра № 436), fol. 271.

6) „De Thematibus“, 17, 14.

нии къ Ѡемамъ, тагамъ и ихъ подраздѣленіямъ. Можетъ-быть, и существовала схема для численнаго состава каждой военной части, но на практикѣ приходилось считаться съ наличнымъ составомъ команды, и таковая рѣдко обозначается круглыми цифрами; напомнимъ хотя бы контингенты, выставленные тагами и Ѡемами въ критскую экспедицію ¹⁾. Но всего рѣшительнѣе положеніе дѣла рисуется слѣдующимъ разсужденіемъ въ одномъ спеціальному военному сочиненіи: слѣдуетъ организовать полки соотвѣтственно съ наличностью имѣющейся команды ²⁾. Такъ какъ банда есть терминъ кавалерійскій, то мы можемъ для освѣщенія вопроса сослаться на одно мѣсто изъ другого военного сочиненія, которымъ утверждается число тридцати бандъ въ кавалерійской тагмѣ ³⁾. Не говоря о томъ, что бандъ въ Ѡемѣ должно быть больше десяти, самый составъ бандъ опредѣляется византійскими источниками совершенно иначе—въ каждой бандѣ 50 всадниковъ ⁴⁾.

Комитъ штаба (*Κόμης τῆς κόρτης*). По отношенію къ этому чину дѣйствительно мы не нашли ни одного мѣста, которое указывало бы на подчиненіе ему команды военныхъ людей. Напротивъ, все говоритъ, что главное назначеніе его было состоять при стратигѣ, исполняя въ Ѡемѣ роль начальника штаба военного округа ⁵⁾. Во время военного похода на его обязанности лежитъ провіантская часть, наблюденіе за исполненіемъ сторожевой службы и дежурство при царской палаткѣ ⁶⁾. На этой должности служащіе могли выдвигаться очень скоро. Царь Михаилъ Аморейскій началъ свою карьеру въ этомъ званіи ⁷⁾. Но все же слѣдуетъ здѣсь замѣтить, что переводъ термина *κόμης* словомъ „графъ“ далеко не соотвѣтствуетъ существу дѣла. Только одинъ комитъ Опсикія, носившій чинъ патрикія, имѣлъ

1) „De Cerim.“, 666—667.

2) Вѣна, cod. philos.-philol., LV, fol. 171.

3) Вѣна, cod. philos.-philol., XXIV, fol. 278.

4) Моск. Синод. Библ. cod. 436, fol. 127 v. (по каталогу архим. Владиміра): τῶν καβαλαρικῶν διατάξεων οἱ ἀρχηγοὶ ἐχέτωσαν βάνδα τὰ δὲ βάνδα αὐτῶν εἶναι ἀνὰ ἄνδρας πεντήκοντα; fol. 128 r.: φοδλκον—βάνδα τρία ἦτοι ἄνδρες 150: fol. 129 r. 10 бандъ — 500 чловѣкъ.

5) Leo, „Tactica“, с. 4, § 30: ἔστι δὲ ἡ τοῦ στρατηγοῦ προέλευσις εἰς τινὰς ἀρχοντας διαιρουμένη οἷον τὸν τε κόμητα τῆς κόρτης αὐτοῦ καὶ τὸν τοῦ θέματος δομέστικον.

6) „De Cerim.“, 489. 3, 17. 20.

7) Genesis, „Regum“, I, p. 10, 13.

титულъ превосходительства и можетъ претендовать на графскій титулъ; всѣ же другіе *κόμητες* числились то въ 3-мъ, то въ 4-мъ классѣ и носили небольшіе чины, поэтому византійскій терминъ *κόμης* было бы лучше передавать словомъ комить. Въ латинскихъ актахъ *comites* также не смѣшиваются съ графами, а обозначаютъ отдѣльныя званія ¹⁾).

Хартуларій (*Χαρτουλάριος τοῦ θέματος*). Специальное назначеніе должности состояло въ завѣдываніи списками военныхъ чиновъ въ ѳемѣ, такъ что хартуларія можно бы отождествлять съ начальникомъ канцеляріи ѳемы ²⁾. Но можно предполагать, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, хартуларій ѳемы имѣлъ подъ собой и военную команду ³⁾.

Доместикъ ѳемы (*Δομέστικος τοῦ θέματος*). О значеніи должности можемъ судить на основаніи мѣста въ „Тактикѣ“ Льва Мудраго, гдѣ доместику ѳемы усвояется служба состоять при особѣ стратига ⁴⁾. Повидимому, это вполне соответствуетъ нынѣшнему званію адъютанта.

Друнгарій бандъ, комиты (*Δρουγγάριος τῶν βάνδων, κόμητες*). Эти два чина, подобно современнымъ баталіоннымъ и ротнымъ командирамъ, составляютъ воплощеніе строевой силы ѳемы. Тотъ и другой командовали отрядами военныхъ людей и стояли въ непосредственномъ подчиненіи къ турмарху: друнгарій выше чиномъ и командой, комить слѣдовалъ за нимъ. У Константина иногда оба чина сливаются въ одно званіе друнгарокомиты ⁵⁾. Сколько было друнговъ въ каждой бандѣ?—По извѣстію арабскаго географа, въ каждой изъ 10 бандъ было по 5 друнгъ; слѣдовательно, всего въ каждой ѳемѣ 50 комитовъ и 10 друнгаріевъ; приведенное подъ чертой число 64 друнгарокомита, даваемое Константиномъ Порфиророднымъ, можетъ служить подтвержденіемъ цифръ Хордадбега. Ка-

1) *Lex Ripuariorum*, tit. 88.

2) *Zachariae v. Lingenthal*, „Geschichte des Griechisch-Röm. Rechts“, XIV: ὁ χαρτουλάριος πρὸς τὴν τοῦ στρατοῦ καταγραφὴν; ср. *Ducange*, „Glossarium Latinit.“, s. v. *chartularii* (со ссылкой на „Тактику“ Льва, с. 4, § 31).

3) Что хартуларій другихъ военныхъ частей былъ дѣйствительно строевымъ офицеромъ, увидимъ ниже.

4) *Ducange*, „Glossar. graecitatis“ s. v.: δομέστικος τοῦ θέματος ὡς μετὰ κόμητος κόρτης εἰς τὴν προέλευσιν τοῦ στρατηγοῦ τέτακται.

5) „*De Cerim.*“, 663, 6: δρουγγαροκόμητες 64, ἔχοντες οἱ αὐτοὶ δρουγγαροκόμητες οἱ μὲν ἀνὰ στρατιωτῶν 2, οἱ δὲ ἀνὰ 3.

ждая банда имѣла свое знамя съ изображеннымъ на немъ числовымъ знакомъ ¹⁾).

Кентархъ (*Κένταρχος*). Этотъ офицерскій чинъ имѣлъ въ командѣ по расчету Хордадбега по 40 человекъ. Но такъ какъ его круглая цифры далеко выше дѣйствительности, то нужно думать, что и команда кентарха должна быть значительно сокращена. Есть даже нѣкоторыя основанія предполагать, что декархія не обозначаетъ самостоятельной команды, а только перваго воина въ шеренгѣ ²⁾).

Въ самомъ концѣ лѣствицы чиновъ въ Ѳемѣ стоятъ у Константина Порфиророднаго два чина, по всей вѣроятности, не принадлежащія къ военному строю, это протоканкелларій и протомандаторъ. По поводу значенія этихъ званій можно ограничиться нѣсколькими замѣчаніями. Протоканкелларій есть Ѳемный нотарій, на его обязанности лежала выдача и скрѣпа разныхъ актовъ. По отношенію къ протомандатору лучшее ³⁾ мѣсто имѣемъ въ „Тактикѣ“ Льва Мудраго; это былъ курьеръ или разсылный для передачи распорядженій стратига подчиненнымъ ему чинамъ по Ѳемѣ. Каждый турмархъ обязанъ былъ имѣть при стратигѣ своего курьера, который назывался мандаторомъ, старшій между ними или штабный носилъ имя протомандатора ⁴⁾. Въ общемъ перечнѣ византійскихъ чиновъ протоканкелларіямъ и протомандаторамъ отводится мѣсто въ самомъ концѣ 6-го класса ⁵⁾).

Разсмотрѣніе подвѣдомственныхъ стратигу чиновъ приводитъ къ заключенію, что подъ Ѳемой въ военномъ отношеніи разумѣется въ тѣсномъ смыслѣ кавалерійская часть, состоящая изъ опредѣленнаго числа военныхъ людей, раздѣленныхъ на эскадроны и взводы, подъ командой стратига и подчиненныхъ ему эскадронныхъ и взводныхъ командировъ. При каждой Ѳемѣ есть штабъ, канцелярія и чины для личныхъ порученій главнокомандующаго.

1) Ἐν δὲ ἕκαστον βάνδος ἔχεται τὸ ἴδιον φλάμουλον... ἔχειν δὲ καὶ τὰ φλάμουλα τὰ γνωρίσματα ἀπὸ στοιχείων.—Cod. Моск. Син. Б. № 436, fol. 129 v.

2) Моск. Син. Библ. cod. 260, fol. 269 v.: οἱ κένταρχοι ἐφεξῆς δὲ οἱ δέκαρχοι, ἤγουν οἱ πρῶτοι τῶν λεγομένων ἀκτιῶν.

3) Ducange, „Glossar. graecitatis“, s. v.

4) Leonis „Tactica“: ἕκαστος τουρμάρχης ἀφορίζεται ἴδιον μανδάτορα πρὸς τὸ μὴ παραμένειν αὐτὸν εἰς τὴν κόρτην τοῦ στρατηγού; „Glossar.“, s. v. Μανδάτωρες.

5) „De Cerim.“, 738, 5. Протомандаторы въ текстѣ Константина пропущены, ихъ мѣсто должно быть тамъ, гдѣ стоятъ протомандаторы экскувиторовъ, т.-е. p. 738, 10.

Какъ можно видѣть, у Константина Порфиророднаго, какъ и у арабскихъ географовъ, данъ лишь образецъ военной организаціи ѳемы или взаимной соподчиненности разныхъ военныхъ чиновъ въ ѳемѣ, какъ въ самостоятельномъ учрежденіи. По этимъ свѣдѣніямъ мы можемъ имѣть представленіе о ѳемѣ, какъ военномъ терминѣ— корпусъ, дивизія,—но совершенно лишены средствъ понять положеніе ѳемы — корпуса или дивизіи въ той обстановкѣ, въ какой ей приходилось жить на предоставленной для ея расположенія территоріи и среди населенія городовъ и деревень, которое также входило въ составъ ѳемы, составляя неотъемлемую часть ея. Дополнимъ эти свѣдѣнія нѣкоторыми частными подробностями. Сравнивая между собою различныя извѣстія ¹⁾ о распоряженіяхъ Юстиніана въ Арменіи, имѣвшихъ цѣлью реорганизацію военного управленія въ этой области, мы находимъ, во-первыхъ, что къ отбыванію воинской повинности въ этой области было привлечено мѣстное населеніе; во-вторыхъ, что военная власть въ области вручена одному лицу—стратилату, который замѣнилъ прежнихъ дукъ и комитовъ; въ-третьихъ, въ военные списки, т.-е. въ военный составъ администраціи области занесены гражданскіе чиновники; въ-четвертыхъ, составъ военныхъ частей области увеличенъ переселеніемъ въ Арменію четырехъ полковъ изъ Анатолики. Въ этихъ мѣропріятіяхъ слѣдуетъ усматривать начало организаціи въ ѳему провинціи Арменіи. Укажемъ еще одну маленькую подробность въ мѣропріятіяхъ Юстиніана по отношенію къ взятымъ имъ въ плѣнъ болгарамъ: плѣнныхъ болгаръ послалъ царь въ Арменію и Лазику, гдѣ они были зачислены въ „номерные полки“. Объ организаціи обширной ѳемы Анатолики въ концѣ VII в. ²⁾ сохранились слѣдующія свѣдѣнія: „Востокъ раздѣленъ на ѳемы, когда римская имперія начала подвергаться нападеніямъ и завоеваніямъ арабовъ и постепенно сокращаться. До Юстиніана и Маврикія Анатолія была подъ одной военной властью, какъ видно на примѣрѣ Велизарія, который былъ единовластнымъ на востокѣ. Когда же агаряне начали дѣлать походы противъ ромэевъ и опустошать селенія и города, цари принуждены были раздроблять одну власть на малыя начальства“.

1) Malalas, 429; Theoph., 175; Cedreni, 643.

2) Упоминается въ 669 г. и въ письмѣ Юстиніана II къ папѣ, Mansi XI, 737; Gelzer, „Die Genesis“, 10, 20 и др.

Что касается значенія Ѡемы какъ административнаго округа съ гражданскимъ населеніемъ, живущимъ въ городахъ и селеніяхъ, въ этомъ отношеніи у писателей встрѣчаемъ обильный матеріалъ, который считаемъ излишнимъ здѣсь указывать. Гражданское управленіе Ѡемы зависѣло не отъ стратига и не отъ подвѣдомственныхъ ему военныхъ чиновъ. Во главѣ гражданского управленія Ѡемы, повидимому, стоялъ протонотарій Ѡемы. Онъ выступаетъ на сцену тогда, когда Ѡема-войско оказывается въ соприкосновеніи съ окружающей средой. На обязанности его лежала доставка продовольствія, поставка для войска почтовыхъ и вьючныхъ лошадей, вообще вся интендантская часть. Будучи такимъ важнымъ и отвѣтственнымъ органомъ, протонотарій не подчиненъ, однако, вѣдомству стратига, а состоитъ въ приказѣ хартуларія сакеллы. Другіе чины Ѡемы—хартуларій, преторъ Ѡемы или судья—вѣдали администраціей, судомъ и финансами¹⁾.

Чтобы видѣть, какъ ясно различаются въ Ѡемѣ военный и гражданскій элементъ, достаточно сослаться на слѣдующія мѣста Теофана²⁾. Царь Никифоръ I (802—811), усмиривъ движеніе въ анатолійской Ѡемѣ, провозгласившей царемъ патрикія и стратига Ѡемы Вардана, всѣхъ Ѡемныхъ архонтовъ и ктиторовъ полонилъ, а всему войску отказалъ въ выдачѣ жалованья³⁾. Приведенное мѣсто чрезвычайно ясно различаетъ два элемента въ Ѡемѣ: съ одной стороны, архонты и ктиторы—элементъ, имѣющій въ своихъ рукахъ вліяніе и земельное владѣніе, съ другой—войско, военные люди. Въ числѣ девяти казней времени Никифора о первой Теофанъ говоритъ въ такихъ выраженіяхъ. „Никифоръ, желая въ конецъ разорить войско, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы христіане изо всѣхъ Ѡемъ переселены были въ славянскія земли, и чтобы имущество ихъ было продано. И было дѣло горшее непріятельскаго плѣненія: одни въ отчаяніи богохульствовали и призывали враговъ, другіе оплакивали родительскія могилы и завидовали умершимъ. Ибо не въ состояніи были свое недвижимое имущество унести съ собой и жалѣли о гибели состоянія, пріобрѣтеннаго трудами предковъ“⁴⁾.—Слѣдуетъ припомнить

1) Пока лучшее мѣсто о гражданской администраціи Ѡемы находится у Zachariae, „Geschichte des griechisch-römischen Rechts“, 2-e Aufl. S. XIV.

2) Theoph. ed. de Boor, p. 480, 1; 485, 10.

3) Theoph. 480, 1.

4) Theoph. 486, 10.

при толкованіи приведеннаго мѣста, что выше писатель разсказывалъ о сильномъ недовольствѣ Никифоромъ среди войска, и что царь долженъ былъ употребить противъ военныхъ людей энергичныя мѣры. Теперь писатель излагаетъ общую мѣру, направленную къ тому, чтобы на будущее время искоренить среди еемнаго войска духъ неповиновенія: съ цѣлью унижить или, еще лучше, разорить войско, ибо въ дальнѣйшемъ особенно выставляется на видъ потеря имущества. И что же? Эта радикальная мѣра заключается въ томъ, что христіанамъ изъ всѣхъ еемъ было приказано переселиться и распродать имущество. Едва ли здѣсь писатель имѣетъ въ виду исповѣдывающихъ христіанскую вѣру въ противоположность къ нехристіанамъ. Нужно думать, что „христіане“ употреблено здѣсь въ томъ же общемъ смыслѣ, какъ у насъ слово „крестьяне“. Но тогда возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ предпринятая противъ населенія еемъ мѣра могла достигать той цѣли, ради которой объявлялись выселеніе и продажа имущества, словомъ, почему это могло унижить и разорить войско?—Здѣсь мы находимся передъ фактомъ тѣсной внутренней связи, скажемъ даже, зависимости еемы, какъ военной организаціи, отъ еемы—гражданскаго округа, дающаго изъ себя контингентъ для образованія военныхъ частей. Разореніемъ населенія еемъ Никифоръ имѣлъ въ виду достигнуть усмиренія войска, набираемаго среди этого населенія ¹⁾).

Не можетъ быть сомнѣнія, что въ словоупотребленіи писателей никогда не забывалось, что еема обозначаетъ собственно не военную организацію, не военный корпусъ, а гражданскую область, организованную такимъ образомъ, чтобы она могла нести военную службу со своего населенія.

Изъ приведенныхъ мѣстъ ясно, что еема, будучи военнымъ округомъ съ расположеннымъ въ немъ корпусомъ военныхъ людей, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, гражданская организація живущаго на извѣстной территоріи населенія. Это послѣднее посредствомъ системы земельного надѣленія постановлено было въ такое положеніе, чтобы съ наилучшимъ успѣхомъ быть въ состояніи отбывать воинскую повинность. Нужно думать, что въ этомъ и состояла заслуга византійскаго правительства, что оно поставило военную службу въ зависимость

¹⁾ Что таково было потомъ войско, объ этомъ у Теофана 490, 5.

отъ землевладѣнія; равно какъ въ этомъ же заключается причина устойчивости и живучести Ѳемнаго устройства. Службой была обложена земля; обыватель служилъ въ такомъ отдѣлѣ войска, какому соотвѣтствовалъ находящійся въ его владѣніи земельный участокъ. Соотвѣтственно тому извѣстная группа населенія, подводимая подъ военно-податное состояніе, надѣляема была такимъ количествомъ земли, которое обезпечивало бы ее въ ея необходимыхъ потребностяхъ и давало бы достаточный доходъ на содержаніе воина на дѣйствительной службѣ. Въ этомъ отношеніи Ѳемное устройство сводится въ своемъ происхожденіи къ капитальному вопросу о формахъ землевладѣнія въ Византіи.

Внѣшнія обстоятельства, вызвавшія необходимость военныхъ реформъ и соединенія гражданской и военной власти въ однѣхъ рукахъ, обозначены въ сочиненіяхъ Константина Порфиророднаго. Онъ указываетъ, главнымъ образомъ, на успѣхи арабскаго завоеванія. Но пока на Востокѣ успѣхи арабовъ пріобрѣли угрожающій характеръ, Западъ въ VI и VII вв. подвергался постоянной опасности отъ аварскихъ и славянскихъ набѣговъ. Славяне потому въ особенности обращали на себя вниманіе государственныхъ дѣятелей Византіи, что это былъ врагъ, настойчиво стремившійся заселять пограничныя области имперіи, что въ занятыхъ областяхъ онъ не оставался на долгое время, потому что новыя волны народнаго движенія увлекали его дальше, на новыя мѣста. Въ теченіе VI—VII вв. для имперіи предстоялъ къ разрѣшенію высокой государственной важности вопросъ: какъ организовать громадное движеніе славянъ въ предѣлы имперіи, какъ быть съ тѣми славянами, которые по праву войны занимали цѣлыя области на Балканскомъ полуостровѣ, и съ тѣми, которые поселялись на указанныхъ имъ мѣстахъ по взаимному соглашенію и договору. Слѣдуетъ замѣтить, что въ VII в. правительство, повидимому, успѣшно разрѣшило вопросъ о славянской иммиграціи и притомъ въ либеральномъ смыслѣ. Такъ, сербамъ и хорватамъ предоставлены были для заселенія Боснія, Герцеговина, часть Далмаціи, Славонія и Старая Сербія; такъ, со славянами Ѳракіи и Македоніи оказалось возможнымъ вступить въ нѣкоторыя соглашенія и измѣнить состояніе враждебности въ состояніе мирнаго сожительства. Нельзя сомнѣваться, что въ теченіе VII в. Балканскій полуостровъ былъ насыщенъ славянскими колонистами, которые привыкали къ осѣдлости

и мирнымъ земледѣльческимъ занятіямъ, бокъ-о-бокъ съ прежними поселенцами: греками, албанцами, еракійцами, румынами и другими.

Выше мы съ достаточной подробностью останавливались на славянскомъ вопросѣ и видѣли, какъ славянскіе вожди задавались широкими и честолюбивыми притязаніями захватить Балканскій полуостровъ, овладѣть большими городами и добраться до Архипелага и Мраморнаго моря. Многократныя осады Солуни, движеніе по морю на собственныхъ судахъ и высадки на островахъ обнаружили въ достаточной мѣрѣ какъ военныя и морскія способности славянъ, такъ въ то же время и сравнительную слабость ихъ, въ особенности ихъ политическую неразвитость, вслѣдствіе которой имъ не суждено было соединить вообще довольно большія силы и организоваться подъ одной властью для нанесенія Византіи смертельнаго удара. Напротивъ, внѣшній блескъ византійскаго образованія, роскошь и богатства столицы, почести и отличія, какими императоръ награждалъ наиболѣе видныхъ и вліятельныхъ изъ славянскихъ князей,—все это плѣняло умъ лучшихъ славянскихъ дѣятелей VI—VII вв. и дѣлало ихъ послушными орудіями высшей политики византійскаго государства.

Какъ можно догадываться на основаніи многочисленныхъ указаній, имперія въ VI—VII вв. была слабо населена, въ Азіи и Европѣ лежало множество пустопорожнихъ незанятыхъ мѣстъ, вслѣдствіе чего ослабѣла численность національнаго войска, и явилась потребность въ наемныхъ иноземныхъ отрядахъ. Теперь выясняется, что правительство въ обширныхъ размѣрахъ организовало систему колонизаціи славянами свободныхъ земель въ Европѣ и въ Азіи, что для этого существовали особые приемы приглашенія и записи охочихъ людей. Устроителями колоній выбирались извѣстные между славянами родовые старшины или племенные князья, затронутые уже византійской культурой и образованіемъ; правительство обыкновенно предоставляло устроителямъ колоній привилегію устраивать колонистовъ на отведенномъ мѣстѣ и производить между ними судъ и расправу по обычаямъ племени. Изъ житія св. Димитрія Солунскаго почерпаются точныя свѣдѣнія, что въ Солуни существовала особая контора для записи охотниковъ на переходъ въ подданство имперіи, что, по исполненіи требуемыхъ формальностей, правительство при-

сылало въ Солунь морскія суда для посадки и перевозки переселенцевъ въ отведенныя имъ для жительства мѣста ¹⁾).

Давно уже замѣчено, что въ VIII и IX вв. имперія характеризуется новыми бытовыми чертами, какихъ не замѣтно было раньше, и между прочимъ обращено вниманіе на то, что классъ мелкихъ землевладѣльцевъ получилъ сильное приращеніе, подобно тому, какъ это произошло на Западѣ послѣ переселенія народовъ. Не возвращаясь къ безспорному факту занятія славянами европейскихъ областей имперіи, остановимся на извѣстіяхъ о трехъ большихъ поселеніяхъ славянъ въ Малой Азіи.

Система колонизаціи пустопорожнихъ земель то своими же подданными, переводимыми казеннымъ порядкомъ съ мѣста на мѣсто, то инородцами, принимаемыми въ подданство или вступавшими во временныя обязательныя отношенія, практиковалась въ имперіи съ давнихъ поръ и притомъ въ весьма широкихъ размѣрахъ. По отношенію къ славянамъ извѣстія о правительственныхъ поселеніяхъ большихъ массъ въ Малую Азію въ особенности привлекаютъ къ себѣ наше вниманіе по связи съ устройствомъ еемъ. У лѣтописца Теофана ²⁾ подъ 664 г., слѣдовательно, въ царствованіе Константа, сообщается, что арабскій вождь Абдеррахманъ вторгся въ имперскія области, перезимовалъ въ нихъ, опустошивъ страну на далекое пространство. Славяне же, — говорится далѣе, — вошедши съ нимъ въ договоръ, въ числѣ 5 тысячъ, ушли съ нимъ въ Сирію и были поселены въ области Апамеи, въ селеніи Скевоковолѣ ³⁾. Хотя мы лишены средствъ составить себѣ понятіе о томъ, какъ оказалась въ Малой Азіи славянская колонія, и въ какомъ положеніи она была послѣ своего перехода въ Сирію, — словомъ, хотя никакихъ дальнѣйшихъ извѣстій о ростѣ и судьбѣ этой колоніи нѣтъ, но, конечно, она не могла погибнуть безъ слѣда, и ясно, что переходъ славянъ къ арабамъ означаетъ то, что условія, въ какихъ она была поставлена въ имперіи, не отвѣчали ни ея потребностямъ, ни желаніямъ.

Подъ 687 годомъ у того же писателя ⁴⁾ читается извѣстіе о дру-

1) Моя статья о вновь открытыхъ мозаикахъ въ церкви св. Димитрія („Извѣстія Института“, XIV, 57—58).

2) Theoph., 348.

3) Sachau, „Reise in Syrien und Mesopotamien“, S. 70; „Извѣстія Института“, VIII, 28 (ст. Б. А. Панченко).

4) Theoph., p. 364.

гомъ большомъ поселеніи славянъ въ Малой Азіи. Именно, говоря о походѣ Юстиніана II Ринотмита въ Македонію противъ славянъ и болгаръ, лѣтописецъ сообщаетъ, что нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ побѣдилъ и понудилъ насильственными мѣрами, а другихъ по соглашенію побудилъ переселиться въ Малую Азію. Переправивъ ихъ на ту сторону у Абидоса, императоръ далъ имъ для поселенія область Опсикій.— О судьбахъ этой колоніи имѣются и дальнѣйшія извѣстія. Черезъ четыре года, именно послѣ срока, который могъ разсматриваться какъ льготный, правительство потребовало отъ колонистовъ обязательной военной службы и притомъ такимъ образомъ, что изъ нихъ набранъ былъ отрядъ въ 30 тысячъ воиновъ, названный опричнымъ ополченіемъ (*Λαός περιούσιος*). Этотъ отрядъ былъ подчиненъ одному изъ старѣйшинъ славянскихъ, по имени Невулу. Какъ можно догадываться, данная славянамъ организація нѣсколько напоминаетъ военное положеніе и земельное устройство нашихъ казаковъ. Обязательная поставка тридцатитысячнаго отряда была, очевидно, условіемъ поселенія славянъ на свободныхъ земляхъ. Предполагается, что въ колоніи было вдвое, если не втрое большее количество крестьянскихъ дворовъ, и численный составъ всей колоніи долженъ былъ заключать въ себѣ никакъ не менѣе 250 тысячъ душъ. Частныя указанія, какими лѣтописецъ снабдилъ извѣстіе объ этой колоніи, могутъ быть здѣсь особенно отмѣчены: Юстиніанъ отобралъ изъ переселенцевъ и перевелъ на военное положеніе 30 тысячъ, далъ имъ вооруженіе и поставилъ ихъ подъ власть ихъ собственнаго старшины. Всѣ эти черты характеризуютъ устройство, даваемое славянскимъ колонистамъ, и не можетъ быть сомнѣнія, что подобнымъ образомъ устроенная колонія должна была имѣть замѣтное вліяніе въ судьбахъ провинціи Опсикія. Прослѣдить ея судьбы въ подробностяхъ мы не можемъ, но находимъ нѣсколько опредѣленныхъ указаній и, кромѣ того, косвенные намеки. Оказывается, что предводитель славянскаго отряда измѣнилъ императору во время войны съ арабами и съ 20 тысячами своихъ людей предался на сторону врага, и что будто бы Юстиніанъ приказалъ перебить всѣхъ оставшихся на мѣстѣ славянъ. Что касается перваго, то арабы въ своихъ походахъ на имперскія области пользовались услугами славянъ и, весьма вѣроятно, переманивали ихъ къ себѣ на службу; что же касается поголовнаго избіенія всѣхъ колонистовъ, то это не только

не согласуется съ политикой Юстиніана по отношенію къ славянамъ, но и противорѣчитъ дальнѣйшимъ извѣстіямъ о славянскомъ элементѣ въ Опсикіи. Извѣстно, что въ 710—711 гг. Юстиніанъ для своего утвержденія на престолѣ находилъ опору въ болгарскомъ славянскомъ элементѣ и въ войскѣ Опсикія.

Наконецъ, третье большое поселеніе славянъ въ Малой Азіи послѣдовало въ 754 г., въ царствованіе Константина Копронима. По словамъ лѣтописца Теофана, это было добровольное переселеніе, происшедшее вслѣдствіе смуть на Балканскомъ полуостровѣ. Славяне въ громадномъ количествѣ переходятъ въ подданство Византіи, число ихъ опредѣляется въ 208 тысячъ, мѣсто поселенія указывается рѣка Артана. Положеніе этой рѣки опредѣляется на современныхъ картахъ въ Виѳиніи, она впадаетъ въ Черное море. Такимъ образомъ, новая славянская колонія выведена также въ области Опсикій, какъ и вторая, потому что византійская Ѳема этого имени находилась въ Виѳиніи. Предполагая, что и эта колонія была организована по системѣ надѣленія землей съ обязательствомъ отбыванія военной повинности, мы можемъ опредѣлять численный составъ выставяемаго ею отряда въ 20 тысячъ. Если славянскіе колонисты не были предоставлены на жертву случайности, если съ нихъ могъ набираться для военной службы такой большой контингентъ, какъ 30 или 20 тысячъ, то, конечно, славяне не могли не играть значительной роли какъ въ войнахъ, веденныхъ имперіей на Востокѣ, такъ и во внутреннихъ переворотахъ, въ военныхъ движеніяхъ и смутахъ. О томъ, что обязательныя отношенія военно-податной службы лежали на славянахъ, поселенныхъ въ Опсикіи и въ позднѣйшее время, прекрасное доказательство имѣется въ извѣстіи о критскомъ походѣ въ 949 г., въ который славяне Опсикія выставили 250 мужей ¹⁾).

Извѣстія о трехъ большихъ колоніяхъ славянъ въ Малой Азіи, относящіяся къ VII и VIII вв., даютъ намъ возможность ознакомиться съ основнымъ условіемъ устройства Ѳемъ. Правда, въ этихъ извѣстіяхъ недостаетъ подробностей, поэтому нужно довольствоваться частью аналогіями, частью догадками. Аналогіи даютъ тѣ случаи, когда имперія принимала къ себѣ на службу военноплѣнныхъ сарацинъ,

¹⁾ Constantini, „De Cerimoniis“, 666, 669.

поселяемыхъ въ еемы съ условіемъ принятія христіанства. Такимъ поселенцамъ выдавалось денежное жалованье на обзаведеніе хозяйствомъ и скотомъ для обработки участка земли, также опредѣленное количество зерна на пропитаніе и на посѣвъ¹⁾; кромѣ того, новые поселенцы освобождались на три года отъ взноса податей. Точно также аналогіи представляютъ тѣ условія, на какихъ поселены были при императорѣ Теофилѣ въ началѣ IX в. персы въ числѣ 14 тысячъ. Они удержали національную организацію, получили право управляться собственнымъ вождемъ, который принялъ христіанскую вѣру, и наконецъ, переведены въ военно-податное состояніе.

Наиболѣе существеннымъ признакомъ нужно признать, конечно, тотъ, что колонисты записывались въ военные списки и подводились подъ военно-податное состояніе. Что касается прочихъ привилегій, какъ выдача денежныхъ суммъ на хозяйство и обзаведеніе инвентаремъ или выдача хлѣбныхъ запасовъ на прокормленіе и посѣвъ,—это были весьма обыкновенныя условія, не возбуждавшія трудностей при исполненіи и не затрагивавшія политическаго положенія колоніи. По отношенію къ государственному-правовому состоянію славянскихъ колонистовъ имѣется въ настоящее время совершенно новый и оригинальный памятникъ, бросающій новый свѣтъ на этотъ вопросъ. Въ коллекціяхъ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ есть печать славянской военной колоніи въ Виѳиніи, относящаяся къ VII вѣку (стр. 773). Она даетъ на одной сторонѣ изображеніе императора съ обозначеніемъ индикта, а на другой—надпись на греческомъ языкѣ, свидѣтельствующую, что это—печать славянъ изъ Виѳиніи, выставившихъ военный отрядъ²⁾. Нужно думать, что печать относится къ 650 г. и представляетъ изображеніе императора Константа, ко времени котораго, какъ мы видѣли выше, относится первое извѣстіе о славянахъ въ Малой Азіи. Этотъ единственный въ своемъ родѣ памятникъ закрѣпляетъ, какъ оффиціальныи актъ, всѣ тѣ данныя, которыя были указаны выше, о колонизаціи славянами Малой Азіи. Но основное значеніе этого памятника заключается въ томъ, что имъ подтверждается политическая организація

1) Constantini, „De Cerimoniis“, II, с. 49; Б. А. Панченко въ „Извѣстіяхъ Института“, VIII, 51 и сл.

2) „Памятники славянъ въ Виѳиніи VII в.“ статья Б. А. Панченко въ „Извѣстіяхъ“, VIII, 25: τῶν ἀνδρᾶς δόντων Σκλαβῶων τῆς Βιθυνῶν ἐπαρχίας.

славянскихъ колоній. Они были организованы съ цѣлью отбыванія военной службы, и ихъ положеніе характеризуется именно военно-податнымъ качествомъ ихъ. Отличіе славянской колоніи состояло въ томъ, что она не только участвовала въ несеніи военной службы, но обязана была выставлять опредѣленный контингентъ, опредѣленное число военныхъ людей на службу имперіи. Это число на печати не обозначено, но печать свидѣтельствуеть, что повинность исполнена, контингентъ поставленъ. На обратной сторонѣ печати читается титулъ старшины, стоявшаго во главѣ колоніи; онъ носилъ почетное служебное званіе, какимъ награждались состоящіи на службѣ имперіи лица IV класса (*ἀπὸ ὑπάτων*). Хотя можно пожалѣть, что имя славянскаго старшины стерлось, но не въ этомъ сущность вопроса. Ясно, что славянская колонія была одарена нѣкоторыми привилегіями, что она прежде всего управлялась своей властью, а не византійскимъ чиновникомъ, что въ административномъ и судебномъ отношеніяхъ она зависѣла отъ договорнаго начала съ византійскимъ правительствомъ и не становилась въ безконтрольное подчиненіе административному произволу мѣстной византійской власти.

Переходимъ теперь къ выясненію вопроса объ организаціи славянскихъ колоній или, что то же, объ организаціи Ѡемы. Какимъ образомъ правительство обезпечивало себѣ исправное отбываніе славянами военно-податной повинности? По отношенію къ организаціи военно-податныхъ участковъ ограничимся пока общими указаніями. Организація военной службы¹⁾ на системѣ пожалованія небольшихъ земельныхъ надѣловъ или помѣстій не есть явленіе совершенно новое. Отводъ казенныхъ земель для добровольныхъ и подневольныхъ поселенцевъ, а также объявленіе военно-податными уже земель населенныхъ—это была весьма обычная практика въ Византіи, примѣнявшаяся одинаково въ западныхъ и восточныхъ провинціяхъ. Въ первомъ случаѣ на заранѣ отведенныя земли приглашались охотники или военно-плѣнные, во второмъ—крестьянское населеніе облагалось военной повинностью, натуральной и денежною. Въ томъ и другомъ случаѣ обязанность военной службы переходила по наслѣдству отъ отца къ сыну, который поэтому становился и наслѣдникомъ военнаго участка. Раз-

¹⁾ Zachariae, „Geschichte des griechisch-römischen Rechts“, 2. Aufl. S. 525; Καλλιγὰ, Μελέται καὶ λόγοι, 183—304; Васильевскій, „Журн. Минист. Народнаго Просвѣщенія“, мартъ 1879; Успенскій, въ томъ же журналѣ, августъ, 1885.

смотримъ одно мѣсто Константина Порфиророднаго, которое не только ставитъ въ тѣсную связь такія на первый взглядъ отдаленныя учрежденія, какъ военное устройство и землевладѣнiе, но и вводитъ въ самую сущность подлежащаго изученiю вопроса. „Слѣдуетъ знать¹⁾, что кавалеристъ нижняго чина долженъ имѣть недвижимое имущество, то-есть земельный надѣлъ, въ пять литръ или, по крайней мѣрѣ, въ четыре литры, что царскiй матросъ долженъ имѣть недвижимое имущество или земельный надѣлъ въ три литры. Должно знать, что существовало правило, по которому призывнымъ ратникамъ, въ случаѣ объявленiя набора, не позволялось, если они зажиточны, давать складчиковъ, но чтобы они несли службу сами за себя; если же они не богаты, то имъ даются складчики, дабы при помощи ихъ могли нести свою службу. Если же они вполнѣ обѣднѣли и даже при содѣйствiи складчиковъ не въ состоянiи отбывать военной службы, то лишаются военнаго званiя. Земельные же участки таковыхъ воиновъ неотчуждаемы и переходятъ въ казенное вѣдомство на тотъ случай, что если бы кто изъ лишенныхъ военнаго состоянiя снова поправился, то могъ бы получить свой участокъ и снова быть зачисленнымъ въ свой отрядъ“.

Приведенное мѣсто прекрасно дополняется и иллюстрируется законодательными памятниками X вѣка, касающимися организации военно-податной земли²⁾. Военные участки, будучи организованы по аналогiи съ крестьянскими земельными надѣлами, имѣютъ извѣстное отношенiе къ гражданскимъ земледѣльческимъ и податнымъ группамъ, иначе говоря, не порываютъ связи съ организацией сельской общины. Это усматривается изъ цѣлаго ряда мѣръ, которыми цари македонской династiи старались предупредить поглощенiе военныхъ участковъ системой крупнаго землевладѣнiя.

Новеллы, во-первыхъ, обезпечиваютъ условiя перехода военныхъ участковъ изъ рукъ въ руки. Преимущественное право на владѣнiе военнымъ участкомъ, въ случаѣ освобожденiя его, обезпечивается за слѣдующими группами: 1) за ближайшими родственниками бывшаго владѣльца; 2) за родственниками въ дальнихъ степеняхъ; 3) за

1) „De Cerimoniis“, 695, 14.

2) Новеллы изданы у Zachariae a Lingenthal, „Jus Graeco-Romanum“, III. Въ русскомъ переводѣ онѣ читаются въ статьѣ Васильевскаго, „Ж. М. Н. Просв.“, мартъ, 1879 г.

тѣми изъ односельчанъ или сосѣдей, которые подведены подъ одинъ разрядъ по отбыванію воинской повинности, то-есть за складчиками и сокопейщиками; 4) за членами группы военно-податныхъ, причисленныхъ къ одной податной общинѣ; наконецъ, 5) если бы не оказалось въ предыдущихъ группахъ желающаго принять воинскій участокъ, то право на него переходитъ на крестьянскую волость, иначе говоря, военная организація растворяется, въ концѣ концовъ, въ крестьянской.

Во-вторыхъ, новеллами устанавливаются частныя правила о военныхъ участкахъ, на основаніи которыхъ можно составить нѣкоторое понятіе объ организаціи ихъ. И прежде всего весьма важны указанія на экономическую квалификацію военныхъ участковъ. Цѣнность участка, съ котораго идетъ военная служба на конѣ, опредѣляется въ 4 литры; для морской службы недвижимая собственность оцѣнивается въ 4 или въ 2 литры, по мѣсту службы моряка.—Опредѣляя цѣнность золотой литры суммой отъ 300 до 400 рублей, мы можемъ до нѣкоторой степени подойти къ рѣшенію вопроса о реальной величинѣ земельного участка, оцѣниваемого въ 1, 2 и т. д. литры¹⁾.

Литра золотая состояла изъ 72 номисмъ или, по обыкновенному въ Византіи словоупотребленію, перперовъ; каждый перперъ стоилъ отъ 4 до 5 рублей на наши деньги. Слѣдовательно, конный участокъ въ четыре литры представляетъ мѣновую цѣнность въ 288 перперовъ или отъ 1152 до 1440 руб. Далѣе, принимая въ соображеніе нѣкоторыя указанія на доходность земли при отдачѣ ея въ аренду, можно заключать, что обыкновенный крестьянскій участокъ въ 60 модіевъ, т.-е. около 15 десятинъ, давалъ аренды 5 перперовъ; цѣна же подобнаго участка въ продажѣ опредѣляется приблизительно 60 перперами (модій нѣсколько меньше 1 перпера). Такимъ образомъ, реальная величина коннаго участка должна быть около 280 модіевъ или приблизительно 70 десятинъ подъ культурой. Сумма дохода съ подобнаго участка можетъ быть разсчитана или по аналогіи съ обычной арендой (одинъ перперъ на 12 модіевъ или 3 десятины), или соотвѣтственно съ обычной податью на пахотную землю, въ томъ и другомъ случаѣ доходъ съ коннаго участка опредѣляется въ 24—25 перперовъ. Такова, повидимому, средняя сумма, потребная на исполненіе военной службы въ кавалеріи.

1) За подробностями отсылаемъ къ указанной выше литературѣ вопроса.

Частныя постановленія въ новеллахъ по отношенію къ военнымъ участкамъ заключаются въ слѣдующемъ:

1. Стратіотамъ воспрещается продавать имущество, съ котораго они несутъ военную службу. Военный участокъ обязательно переходитъ отъ отца къ сыну съ одинаковымъ обязательствомъ военной службы. Въ случаѣ дѣлежа участка между нѣсколькими сонаслѣдниками, они обязаны въ складчину нести съ него службу.

2. Частная собственность стратіота, внесенная въ военныя писцовыя книги, раздѣляетъ судьбу военно-податного надѣла, т.-е. не подлежитъ отчужденію.

3. Отъ покупки военныхъ участковъ и права наслѣдованія въ нихъ устраниаются знатныя или чиновныя лица, митрополитъ, епископъ, монастырь, богоугодныя учрежденія и т. д.

4. Признается, однако, право сорокалѣтней давности. Военный участокъ теряетъ свой военно-податной характеръ, если кто докажетъ, что владѣль имъ 40 лѣтъ по частному праву.

Въ такомъ видѣ организованы были военно-податныя участки въ еемахъ, и эта организація поддерживалась обычаемъ и закономъ до конца XI вѣка. Для изучающаго вопросъ о военномъ устройствѣ въ Византіи особенное значеніе должно имѣть то наблюденіе, что правительство одинаковыми мѣрами защищаетъ крестьянское и военное землевладѣніе, въ томъ и другомъ случаѣ на стражѣ цѣлости и неотчуждаемости участковъ ставя само сельское населеніе и его хозяйственные интересы. Не менѣе важнымъ моментомъ оказывается и тотъ, что военное дѣло поставлено было въ тѣсную зависимость отъ владѣнія землей, и что средства къ защитѣ государства черпались изъ экономической организаціи крестьянскаго хозяйства.

Путемъ продолжительныхъ опытовъ и смѣны различныхъ системъ византійское правительство пришло къ разрѣшенію одного изъ капитальныхъ вопросовъ государственной жизни. Что та система, которая нашла себѣ примѣненіе въ еемномъ устройствѣ, была наилучшая для своего времени, это доказывается какъ живучестью ея, такъ и военнымъ могуществомъ Византіи и успѣхами въ борьбѣ съ арабами и болгарами въ VII, VIII и IX вѣкахъ.

Перейти отъ системы найма иностранныхъ отрядовъ къ національному войску не удалось византійскому правительству ни въ V, ни въ VI вѣкѣ. Господствующей въ отмѣченный періодъ системой

были федераты. Послѣдній случай найма въ военную службу большаго чужеземнаго отряда относится къ царствованію Тиверія II (578—582). Этотъ отрядъ въ 15000 человекъ¹⁾ поставленъ былъ подъ начальство Маврикія, комита федератовъ, впослѣдствіи провозглашеннаго царемъ. Но уже къ тому времени признаки новыхъ взглядовъ обнаруживаются въ единичныхъ попыткахъ реформировать военное дѣло у Юстиніана I. По крайней мѣрѣ, къ подобному заключенію приводитъ разсмотрѣніе мѣропріятій его по организаціи Арменіи, въ которыхъ есть два пункта, несомнѣнно подготовлявшіе Ѳемную организацію: привлеченіе къ военной службѣ туземцевъ и устраненіе существовавшаго доселѣ строя²⁾. Введеніе Ѳемнаго устройства зависѣло отъ обстоятельствъ; какъ мы видѣли выше, для этого нужны были свободныя земли и рабочія руки. Земель несомнѣнно было много, но населеніе весьма рѣдко. Система колонизаціи пустопорожнихъ земель была, повидимому, однимъ изъ главныхъ ресурсовъ при проведеніи Ѳемнаго устройства. Армяне и славяне значительно усилили населеніе восточныхъ провинцій и способствовали утвержденію новой организаціи военного дѣла.

Раскрыть исторію Ѳемнаго устройства въ Византіи—значитъ выяснить мѣры правительства по отношенію къ землевладѣнію и къ устройству крестьянскаго населенія. И въ дальнѣйшихъ стадіяхъ своего развитія судьба этого устройства зависѣла отъ финансовыхъ и экономическихъ воззрѣній византійскаго правительства.

Первое официальное упоминаніе о Ѳемахъ имѣется отъ 687 г. въ письмѣ Юстиніана II къ папѣ Іоанну³⁾, при чемъ какъ старшія по происхожденію Ѳемы названы: Опсикій, Анатолика, Ѳракіійская, Арменіакъ (ранѣе 665 г.), Кивиррэотъ. Съ теченіемъ времени количество Ѳемъ возрастаетъ, при чемъ старыя Ѳемы, въ особенности Опсикій и Анатолика, раздробляются на меньшія подраздѣленія и возникаютъ новыя. Въ пору полнаго развитія Ѳемнаго устройства въ Азійи было 14, въ Европѣ 12 Ѳемъ.

Чтобы выяснить первоначальный смыслъ Ѳемы и мотивы происхожденія Ѳемнаго устройства, необходимо держаться тѣхъ извѣстій,

1) Theoph., „Chronogr.“, 251, 25: ὁ δὲ βασιλεὺς Τιβέριος ἀγοράσας σώματα ἔθνηκων κατέστησε στρατεύμα εἰς ὄνομα ἴδιον ἀμφιάσας καὶ καθοπλίσας αὐτοὺς χιλιάδας 15.

2) Malala, „Chronogr.“, 429, 16; Theoph., 175, 7.

3) Mansi, „Concilia“, XI, col. 737.

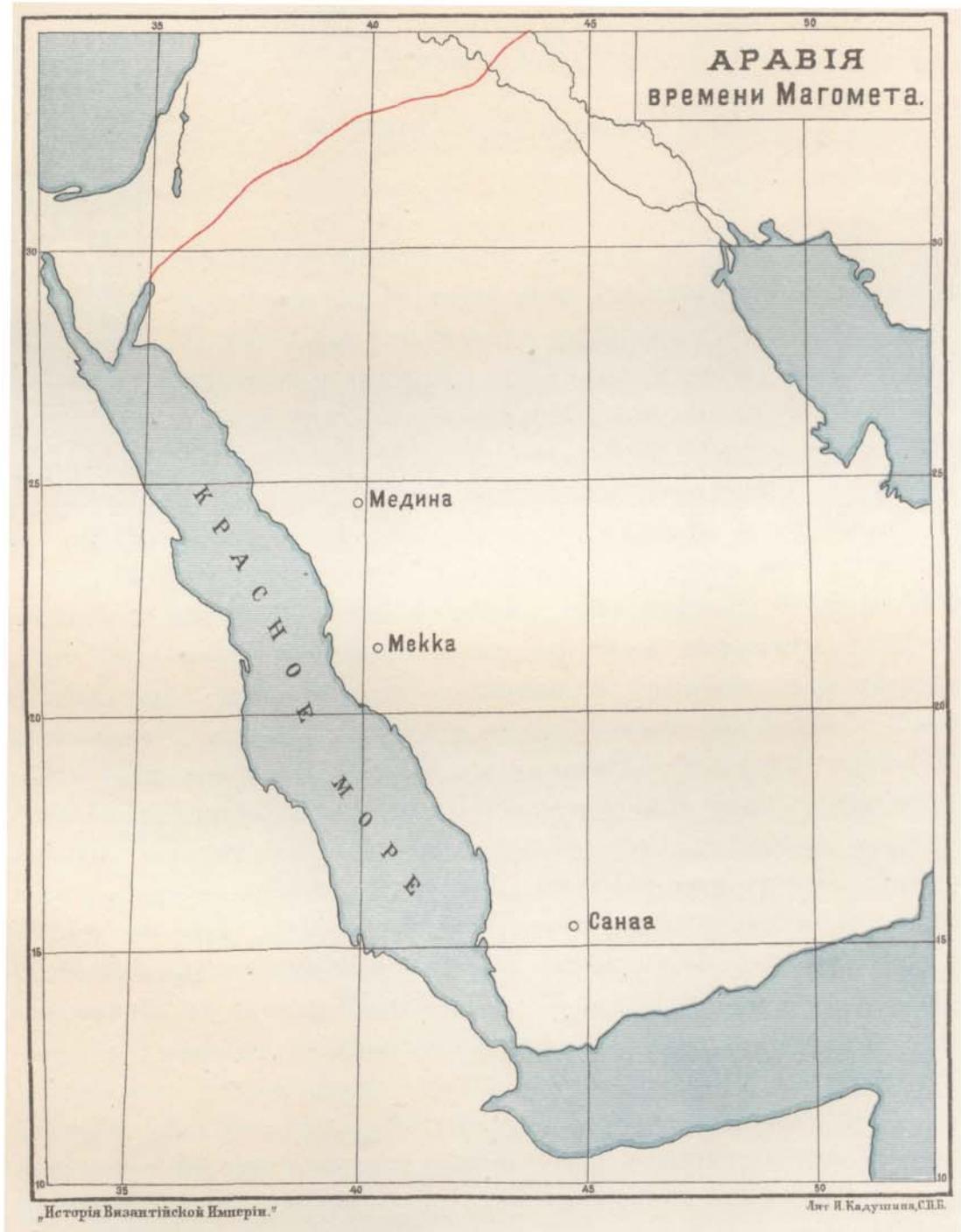
которыя касаются первых ѳемъ и не относятся къ ѳемамъ позднѣйшаго образованія при императорахъ-иконоборцахъ и далѣе. Замѣчено прежде всего изслѣдователями, что первыя ѳемы имѣютъ не географическія наименованія, каковы ѳемы образованія позднѣйшихъ періодовъ; не говорится о ѳемѣ Арменія, Анатолія, Кивира и проч., но Арменіакъ, Анатолика, Кивиррэотъ, Опсикій и проч., т.-е. основной мотивъ названія не въ географической номенклатурѣ, а въ характерѣ населенія ¹⁾). Точно также, на основаніи официальныхъ актовъ конца VII в., именно подписей на актахъ шестого и пято-шестого собора утверждается, что въ началѣ ѳема была исключительно военной организаціей, и что при первоначальномъ введеніи этой организаціи гражданское управленіе провинцій оставалось неизмѣннымъ ²⁾); лишь со времени Льва Исавра происходитъ крутой поворотъ въ сторону усиленія власти стратига ѳемы на счетъ гражданской администраціи провинцій.

Различая въ ѳемѣ два элемента: военный, какъ мѣсто расположенія дивизіи или корпуса, и гражданскій, какъ административный округъ, въ который входятъ жители городовъ и деревень, управляемые своими гражданскими чинами, мы не должны, однако, терять изъ виду, что оба эти элемента уже въ VIII в. сливаются, т.-е., что ѳема-гражданскій округъ поглощаетъ ѳему-дивизію, что вторая растворяется въ первой. Такимъ образомъ, если въ періодъ своего полного развитія ѳемное устройство является характернымъ выраженіемъ административнаго, земельнаго и финансоваго устройства византійскаго государства, то мы неизбежно возвратимся къ нему еще не разъ, въ особенности когда будемъ говорить о внутреннемъ устройствѣ имперіи.

Приведенные выше факты и сдѣланные изъ нихъ выводы позволяютъ приходиться къ заключенію, что не усиленіе власти начальствующихъ военными отрядами въ провинціяхъ составляетъ цѣль и содержаніе ѳемнаго устройства. Съ одной стороны, система ѳемъ спасла имперію отъ неминуемой гибели и дала ей возможность выдержать сильный натискъ со стороны внѣшнихъ враговъ; съ другой — въ смыслѣ эволюціи военныхъ учрежденій она замѣняетъ систему наемныхъ отрядовъ и націонализируетъ имперское войско.

1) Diehl, „L'origine des thèmes“, p. 55.

2) Gelzer, „Die Genesis der Themenverfassung“, S. 65—7.

глава VIII.

АРАБЫ. МАГОМЕТЪ.

Во все время существованія имперіи ни одному народу не пришлось играть такой роли въ исторіи Византіи, какъ арабамъ. Не только какъ носители военного и завоевательнаго принципа, но и какъ основатели новаго культа, арабы слишкомъ глубоко затронули самыя основы Византійской имперіи, поколебали ея устои и не разъ угрожали самому существованію государства. Какъ религія, выросшая на почвѣ исторической эволюціи и отвѣчавшая религіознымъ и культурнымъ потребностямъ своего времени, мусульманство имѣло громадное вліяніе на судьбу самого православнаго христіанскаго міра, такъ какъ распространилось по тѣмъ областямъ, которыя искони были христіанскими и составляли достояніе патріархатовъ антиохійскаго, александрійскаго и іерусалимскаго. Усилившись, главнымъ образомъ, на счетъ областей, отнятыхъ отъ имперіи, арабы составили громадную политическую и военную силу, которая пріобрѣла міровое значеніе посредствомъ развитія флота, торговли и широкаго распространенія научныхъ и художественныхъ занятій. Византійская имперія, и безъ того заявлявшая опредѣленно выраженное стремленіе ограничивать мѣстныя провинціальныя тяготѣнія и все направлять въ пользу Константинополя и пришедшая уже къ возвышенію кааеды константинопольскаго патріарха надъ другими восточными патріархатами, съ потерей обширныхъ провинцій на Востокъ, быстро приближается къ полному осуществленію заложеннаго въ ней принципа византизма, который направляется къ преобладанію эллинской народности надъ всѣми другими.

Никому, конечно, не могло казаться возможнымъ, чтобы за предѣлами имперіи въ VII вѣкѣ образовалась новая культурная сила,

которая обладала бы такимъ избыткомъ духовныхъ и матеріальныхъ средствъ, какимъ заявило себя мусульманство уже въ первой половинѣ VIII вѣка. Повидимому, византійскіе государственные люди болѣе считались съ тѣмъ народомъ, который въ VII в. занялъ почти весь Балканскій полуостровъ и большими массами колонизовалъ Малую Азію. Въ самомъ дѣлѣ, славянамъ, которые заняли культурныя области въ Европѣ и распространились до Адриатическаго моря и Архипелага, открывалась въ VII в. безграничная историческая перспектива. Отдѣльныя колоніи ихъ выдвигаются въ сосѣдство съ германцами, итальянцами, греками и на Востокъ въ значительныхъ массахъ поселяются въ Малой Азіи; мѣстные элементы, встрѣченные въ занятыхъ ими мѣстахъ, не были такъ плотны, чтобы угрожать ихъ благополучію. Но славянамъ не удалось создать политическаго и этнографическаго центра; не оказалось у нихъ такого вождя, который соединилъ бы разрозненныя племена, находившіяся въ подчиненіи своихъ родовыхъ старшинъ, въ одно цѣлое и далъ бы имъ опредѣленную задачу, какъ цѣль ихъ дѣятельности. Вслѣдствіе этого историческое воспитаніе славянскаго племени значительно замедлилось и въ дальнѣйшемъ встрѣтило такія препятствія, какихъ не было въ VII в.

Трудно, конечно, разрѣшить вопросъ о психологическихъ мотивахъ, дающихъ тотъ или иной характеръ историческимъ дѣятелямъ. Одно не можетъ подвергаться сомнѣнію, что народы и царства создаются подъ воздѣйствіемъ сложныхъ причинъ, которыя дѣйствуютъ постепенно и въ своей эволюціи представляютъ множество разнообразій. Нужно отказаться отъ мысли, что мусульманство является творческимъ произведеніемъ одного лица, и что Магометъ можетъ быть понятъ внѣ физической и культурной обстановки, въ которой онъ воспитался и выросъ.

Площадь, занимаемая Аравіей, составляетъ громадное пространство въ 2500 километровъ длины и около 1000 ширины. На этомъ пространствѣ и нынѣ едва ли можно считать болѣе 5 милл. жителей. Весьма важно установить, что населеніе Аравіи не только съ самыхъ древнихъ временъ, но и послѣ раздѣляется на осѣдлое и кочевое, и что Аравія только въ нѣкоторыхъ частяхъ, въ особенности по берегу Краснаго моря, гдѣ находятся плодородныя области Геджазь и Іемень, и еще въ самомъ центрѣ (Неджедь) способна къ культурѣ, а въ боль-

шинствѣ представляетъ песчаную пустыню, доступную кочующимъ племенамъ. По сторонамъ отъ Неджеда, частью вслѣдствіе вліянія морскихъ сношеній и частью сосѣдства съ двумя культурными странами — Персіей и Византіей, обнаруживаются начатки политической организациі и культурной осядлой жизни задолго еще до Магомета. Въ точности опредѣлить, какая цивилизація была въ Аравіи до появленія Магомета, пока еще не удалось, но на основаніи многочисленныхъ указаній слѣдуетъ принимать, что цивилизація была и притомъ въ весьма отдаленныя времена. Достаточно указать на сношенія Соломона съ царствомъ Сабейскимъ (въ Іеменѣ) и на данныя, сообщаемыя ассирійскими и южно-арабскими памятниками ¹⁾, изъ которыхъ усматривается, что Аравія находилась въ оживленныхъ культурныхъ сношеніяхъ съ восточными имперіями. Въ византійскую эпоху пограничныя арабскія области были вовлечены въ историческую жизнь и подверглись разнообразнымъ вліяніямъ, шедшимъ изъ Византіи и изъ Персіи, такъ какъ обѣ имперіи, въ цѣляхъ обороны отъ бедуиновъ, находили полезнымъ поддерживать то или другое пограничное племя и платить жалованье его шейху, чтобы онъ оберегалъ границу противъ другихъ кочевыхъ племенъ. Такъ образовались два арабскихъ владѣнія: одно на Евфратѣ, гдѣ господствовали Лахмиды, другое—на границѣ Сиріи подъ управленіемъ Гассанидовъ. Въ византійскихъ лѣтописяхъ представители того и другого дома нерѣдко упоминаются подъ именемъ филарховъ, которые то стоятъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ имперіей, то измѣняютъ ей и поступаютъ на жалованье къ Персіи. Оба эти пограничныя владѣнія служили посредствующимъ органомъ въ сношеніяхъ между вольными бедуинами и культурными имперіями. Почти непрерывныя войны между Персіей и Византіей въ VI в., въ которыхъ арабы принимали дѣятельное участіе, дали возможность этимъ послѣднимъ не только жить войной и грабежомъ, но и постепенно приходитъ къ мысли о слабости силъ имперіи и о возможности начать съ ней самостоятельно борьбу за преобладаніе на Востокѣ. Изъ Гассанидовъ наибольшей извѣстностью пользуется Гариѳъ или Ареѳа византійской лѣтописи, современникъ Юстиніана, носившій санъ патри-

¹⁾ Sprengel, „Das Leben u. die Lehre d. M.“; Müller, „Der Islam im Morgen- und Abendlande“, I, S. 23—24; Gustav Lebon, „La civilisation des Arabes“, chap. III; Крымскій, „Исторія мусульманства“, ч. I, II.

кія и владѣвшій арабами съ титуломъ короля. Наиболѣе знаменитымъ въ королевствѣ Лахмидовъ былъ Эль-Мундиръ или Аламундаръ (V вѣкъ). Уже въ срединѣ V вѣка въ центральной Аравіи обнаруживается попытка соединенія нѣсколькихъ племенъ въ одно политическое цѣлое и стремленіе направить соединенныя силы арабовъ на сѣверъ, гдѣ соплеменники ихъ—Гассаниды и Лахмиды—постоянно обогащались добычей во время войнъ Персіи и Византіи. Таково было соединеніе арабскихъ племенъ подъ главенствомъ племени Кинда; этотъ союзъ былъ чрезвычайно опасенъ потому, что могъ соединиться съ Гассанидами или Лахмидами, и императору Анастасію въ 503 г. съ большимъ трудомъ удалось усмирить воинственного шейха Гариѳа и направить его противъ государства Лахмидовъ. Такимъ образомъ, движеніе между арабскими племенами обнаруживалось въ разныхъ мѣстахъ. Византійское правительство, слѣдуя всегдашней своей политикѣ, выработанной въ сношеніяхъ съ варварами, старалось держать равновѣсіе между вассальными арабскими владѣтелями; но должна была наступить пора, когда арабы поймутъ свои выгоды и перестанутъ служить орудіемъ чужой политики. Это случилось послѣ того, какъ войны между греками и персами окончились въ VII в. полнымъ разгромомъ Персіи, и когда византійское правительство попустило персамъ и арабамъ разрушить пограничное княжество Лахмидовъ и тѣмъ лишить свои владѣнія въ Месопотаміи естественной защиты.

Не менѣе значительны были другія вліянія, постепенно дѣйствовавшія на приморскія области Аравіи и приготавливавшія здѣсь почву для національнаго подъема. Противоположность между сѣверомъ и югомъ хорошо опредѣлена въ Библии: безпокойные бедуины сѣвера, сыны Измаила, и осѣдлое и затронутое издавна культурой населеніе юга, жители государства Сабейскаго или Савскаго. Провинціи по берегу Краснаго моря, Геджазь и Іеменъ, съ весьма отдаленныхъ временъ отличались инымъ характеромъ жизни, чѣмъ другія части Аравіи, что обусловливалось торговымъ значеніемъ упомянутыхъ областей. Таково описаніе Іемена у Масуди: „тамъ можно видѣть прекрасныя зданія, великолѣпныя деревья, каналы и рѣки, прорѣзывающія страну во всѣхъ направленіяхъ ¹⁾). Путешественникъ могъ

1) G. Le bon, „La civilisation des Arabes“, p. 67.

пройти эту страну отъ одного конца до другого, не испытавъ солнечнаго зноя, на всемъ пути онъ находилъ достаточную тѣнь, ибо деревья покрывали всю эту страну. Обитатели пользовались всѣми удобствами жизни и въ обиліи имѣли все необходимое. Плодородная земля, чистый воздухъ, ясное небо, многочисленные источники, сильное государство, твердое правительство,—все способствовало тому, чтобы сдѣлать изъ этой страны обѣтованную землю. Жители отличались благородствомъ характера и благорасположенностью къ иностранцамъ и къ путешественникамъ. — Благопріятныя условія жизни этой части Іемена зависѣли отъ знаменитыхъ водяныхъ загражденій Мареба, построенныхъ тою царицей, которая посѣтила Соломона. Отъ этихъ загражденій зависѣло плодородіе страны, благополучію которой положенъ былъ конецъ прорывомъ загражденій, послѣдовавшимъ около перваго столѣтія христіанской эры.

Красное море имѣло громадное значеніе въ міровой торговлѣ какъ въ древнее время, такъ и въ средніе вѣка. Въ южной Аравіи рано создались промышленныя и торговыя общества. На юго-востокѣ Аравіи въ провинціи Гадремаутъ находится мѣстность, производившая во всемъ мірѣ знаменитый и дорогой ладанъ, а на юго-западѣ была добыча золота. Значеніе Аравіи во всемірной торговлѣ усилилось во время Юстиніана, такъ какъ постоянныя войны съ Персіей закрыли обычные пути, которыми сирійское и египетское населеніе и побережья Средиземнаго моря поддерживали свои сношенія съ Персіей и Индіей. Эта торговля пошла теперь двумя путями въ обходъ владѣній персидскаго царя: одинъ сѣвернѣй Каспія, другой Краснымъ моремъ. Такимъ образомъ черезъ Аравію шли вина греческихъ острововъ, шерстяныя ткани Милета, пурпуръ тирскій, манускрипты Египта и Пергама, товары Индіи, слоновая кость и черепаховыя издѣлія Африки, рабы, китайскій шелкъ, обезьяны, павлины. Часть товаровъ направлялась водой, часть шла транзитомъ, караванами черезъ Аравію.

При трудностяхъ плаванія на Красномъ морѣ, съ древнихъ временъ сдѣлался извѣстнымъ сухопутный караванный путь между Іеменомъ и Сиріей. Онъ шелъ черезъ область знаменитаго ладана (Гадремаутъ) въ страну Сабейскую, затѣмъ береговой плодородной полосой черезъ Мекку и Медину къ Синайскому полуострову на Петру и Газу, гдѣ былъ главный складъ товаровъ, привозимыхъ въ Европу

и вывозимыхъ на востокъ. Эта страна была раздѣлена на нѣсколько самостоятельныхъ государствъ, между которыми Сабейское занимало первое мѣсто. Чтобы понять, почему, однако, въ событіяхъ VII в. историческая роль выпала не на долю Іемена, а болѣе сѣверной провинціи Геджаса, намъ нужно коснуться религіознаго движенія Аравіи.

Геджась составляетъ плодородную долину между двумя горными кряжами, изъ коихъ одинъ идетъ вдоль моря, другой—къ области Неджедь. Эта долина самой природой была указана какъ главный караванный путь между Сиріей и южной Аравіей. На этомъ пути лежали два мѣста, получившія громадную извѣстность въ исторіи: Мекка и Медина, въ древности Макораба и Ясрибъ. Здѣсь были главныя станціи караванной дороги, и уже въ древнее время эти два города получили довольно большое значеніе. Населеніе ихъ было смѣшанное, особенно было много сѣверныхъ колонистовъ. Извѣстно, что во время Магомета въ сѣверномъ Геджасѣ было много еврейскаго населенія; это обстоятельство слѣдуетъ принимать въ соображеніе, когда встрѣчаемся съ указаніемъ, что основаніе святилища въ Меккѣ и начала арабской религіи относятся къ Аврааму. Не подлежитъ сомнѣнію, что это смѣшанное населеніе съ теченіемъ времени усвоило арабскій языкъ и нравы и въ Меккѣ имѣло свое религіозное и политическое средоточіе въ поклоненіи Каабѣ. Зарожденіе въ Меккѣ культа, которому суждено было получить громадное историческое значеніе, объясняется именно торговымъ значеніемъ Мекки. Процессъ религіознаго и политическаго возвышенія Мекки толкуется слѣдующимъ образомъ. Такъ какъ городъ находился на границѣ между старымъ Сабейскимъ царствомъ и пустыней, населенной свободными и дикими племенами, для которыхъ торговые караваны были всегда привлекательной цѣлью ради хищническихъ нападений, то для жителей Мекки и ея окрестностей было въ высшей степени важно принять мѣры къ защитѣ идущихъ на сѣверъ каравановъ, и самымъ лучшимъ средствомъ было поставить торговлю подъ защиту чуждыхъ и для мѣстныхъ бедуиновъ страшныхъ боговъ. Возникъ союзъ изъ племенъ Геджаса, которыя жили отъ караванной тоговли; онъ имѣлъ средоточіе въ поклоненіи Каабѣ и получилъ съ теченіемъ времени большое значеніе между дикими арабскими племенами. Въ Меккѣ ежегодно совершались весеннія религіозныя празднества, на которыя стекались отовсюду поклонники, и на которыхъ

устраивались ярмарки. Уже съ давнихъ поръ время подобныхъ праздниковъ и обмѣна произведеній между культурными обитателями Геджаса и дикими сынами пустыни наблюдалось какъ совершенно исключительный періодъ въ году, когда нельзя было посягать на чужую жизнь и собственность. Такимъ образомъ, еще задолго до Магомета было священнымъ обычаемъ не только въ Геджасѣ, но и между арабами пустыни наблюдать миръ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, и во все это время каждый спокойно могъ идти въ Мекку, устроить тамъ свои дѣла и возвратиться домой. Культъ Каабы не былъ исключительнымъ для опредѣленнаго числа племенъ; напротивъ, сдѣланы были всѣ облегченія для пріобщенія къ нему самыхъ отдаленныхъ арабовъ пустыни. Каждое племя, примкнувшее къ политическому союзу, имѣвшему центръ въ Меккѣ, получало право поставить въ храмѣ своего собственнаго идола, такъ что всего въ немъ было до 360 идоловъ. Терпимость простиралась такъ далеко, что въ Каабѣ были изображенія Авраама и дѣвы Маріи съ Іисусомъ, а равно идолы разныхъ чуждыхъ народовъ. Каждый арабъ могъ видѣть въ Каабѣ свое собственное божество и обращаться къ нему въ случаѣ нужды за помощью и совѣтомъ. Но болѣе другихъ чтимымъ идиоломъ былъ агатовый истуканъ, принадлежавшій племени Корейшъ, а выше его былъ Черный камень, который составляетъ главную святыню мусульманъ и до настоящаго времени. По свидѣтельству европейскихъ путешественниковъ, которымъ удалось его видѣть, это кусокъ базальта, красно-коричневаго, почти чернаго цвѣта, вулканическаго происхожденія. Въ настоящее время онъ состоитъ изъ дюжины кусковъ.

Къ VI в. въ религіозномъ настроеніи арабовъ произошли большія перемѣны. Живая вѣра въ боговъ изъ камня и дерева подверглась сомнѣнію и критикѣ. Хотя надъ народными божествами возвышался Иль или Аллахъ, но онъ стоялъ далеко отъ сознанія арабовъ, у него не было ни храмовъ, ни богослуженія, чтобы приблизить его къ народу; необходимо было облечь почитаніе его въ опредѣленные обряды и создать религіозную догматику и церковную іерархію. Давно уже высказывалась мысль, что по своимъ воззрѣніямъ на божество арабы могли безъ особенныхъ затрудненій принять или іудейство, или христіанство. Іудеевъ было въ Аравіи значительное количество, нѣкоторыя арабскія племена усвоили себѣ еврей-

скій законъ, а въ Іеменѣ іудейство было даже государственной религіей. Но Магометъ нашель іудейство не совсѣмъ пригодной для своего народа вѣрой. Что касается христіанства, оно имѣло въ Аравіи многихъ приверженцевъ и входило въ Аравію двумя потоками: изъ Абиссиніи и изъ Сиріи. Въ Іеменѣ, на Синаѣ, между арабами Сиріи было много христіанъ, но получить христіанскому догмату вліяніе надъ арабскимъ народомъ не пришлось, потому что его отвлеченныя логическія построенія и умозрѣнія слишкомъ далеки были отъ психики араба и не отвѣчали на его реальные запросы. Изъ еврейскихъ и христіанскихъ воззрѣній въ VI вѣкѣ выработалось монотеистическое направленіе, въ которомъ нашло многихъ приверженцевъ ученіе объ единомъ богѣ и о воздаяніи за дѣла, содѣянные въ настоящей жизни. Тѣ, которые примыкали къ этому направленію, носили имя ханифовъ; они одинаково отрицали какъ іудейство, такъ и христіанство и стояли на пути къ образованію особаго религіознаго ученія, которое наиболѣе отвѣчало бы потребностямъ арабовъ.

Происхожденіе Магомета и годы его дѣтства разукрашены преданіемъ и вымысломъ. Выпавшая ему на долю историческая роль была такъ велика, что современникамъ и ближайшимъ потомкамъ естественно было видѣть въ немъ провиденціальное существо, самымъ рожденіемъ и обстоятельствами жизни предназначенное къ исключительной сверхчеловѣческой роли. По преданію онъ родился въ Меккѣ въ 571 г., но настаивать на этой датѣ нѣтъ твердыхъ основаній, какъ и на другой датѣ 570 г. Происхожденіемъ своимъ онъ обязанъ не очень значительной семьѣ, которая хотя имѣла отношеніе къ святилищу, но не отличалась ни богатствомъ, ни связями. Отецъ его Абдуллахъ занимался торговымъ дѣломъ, но умеръ въ молодыхъ годахъ, оставивъ жену свою Амину беременною. Магометъ родился по смерти отца и получилъ очень небольшое состояніе, которое едва было достаточно для скромной жизни. По смерти матери мальчикъ поступилъ на попеченіе дѣда своего, а затѣмъ дяди Абу-Талиба, который также жилъ въ бѣдности и не могъ доставить племяннику обезпеченной жизни и воспитанія. Вслѣдствіе этого дѣтскіе годы Магометъ или Мохаммедъ провелъ въ чужихъ людяхъ, нанимаясь пасти стада у состоятельныхъ обывателей Мекки. Это было занятіе унижительное, за которое брались люди весьма скромнаго происхожденія, женщины и рабы. Юные годы жизни пророка разукрашены вымысломъ и не представляютъ реаль-

ныхъ фактовъ, которые могли бы служить къ характеристикѣ его. На 24 году жизни съ нимъ случилась важная перемѣна, имѣвшая большое вліяніе на дальнѣйшую его судьбу. Онъ познакомился съ богатой вдовой, ведшей караванную торговлю, и поступилъ къ ней на службу приказчикомъ. Путешествіе съ караваномъ не только расширило его кругозоръ и дало случай завязать новыя знакомства, но позволило ему войти въ довѣренность своей госпожи, которая оцѣнила его и предложила ему обручиться съ ней. Это и была извѣстная Хадиджа, которую такъ уважалъ и любилъ Мохаммедъ, несмотря на разность лѣтъ (ей было 40 лѣтъ), что никогда не забывалъ ее и послѣ ея смерти и имѣлъ привычку ставить ея качества и добродѣтели въ примѣръ другимъ своимъ женамъ. Весьма вѣроятно, что во время торговыхъ путешествій на сѣверъ онъ могъ войти въ сношенія съ христіанами и бесѣдовать съ ними о вѣрѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что до своего выступленія на общественную дѣятельность въ качествѣ проповѣдника новой религіи, Мохаммедъ раздѣлялъ вѣрованія своихъ единоплеменниковъ. Когда и вслѣдствіе какихъ причинъ онъ вступилъ на новый путь мышленія и открытаго исповѣданія оригинальныхъ взглядовъ на Бога и обязанности чело-вѣка по отношенію къ Высочайшему Существу, это остается до сихъ поръ загадкой. Здѣсь передъ нами выступаютъ психологическіе мотивы, которыхъ происхожденіе и первыя обнаруженія едва ли удастся когда-нибудь уловить и объяснить. Нельзя останавливаться на мысли, что Мохаммедъ былъ ловкій обманщикъ: онъ и самъ вѣрилъ въ получаемыя имъ внушенія свыше, и вѣрили въ его искренность тѣ лица, которыя ближайше могли наблюдать за нимъ. Болѣе основанія въ томъ предположеніи, что онъ получилъ отъ своей матери въ наслѣдство нервную болѣзнь, которую докторъ Шпренгеръ называетъ мускульной истеріей. Съ Мохаммедомъ часто случались приступы нервной болѣзни, которые имѣли большое значеніе въ его видѣніяхъ, предсказаніяхъ и повелѣніяхъ, непосредственно получаемыхъ имъ отъ архангела Гавріила. Будучи по своей природѣ мечтателемъ, Мохаммедъ любилъ задаваться теоретическими вопросами и бесѣдовалъ съ христіанами и іудеями объ ихъ вѣрѣ. Выше мы указывали, что всего ближе рисуетъ нравственное и религіозное состояніе Мохаммеда религіозная арабская секта ханифовъ; по всей вѣроятности, первая стадія религіознаго развитія пророка шла именно въ этомъ на-

правленіи. Если далѣе допустить, что въ періодъ отъ женитьбы на Хадиджѣ до выступленія на проповѣдь новой религіи Мохаммедъ продолжалъ дѣлать торговыя путешествія, которыя необходимо ставили его въ сношенія съ людьми разныхъ вѣръ, то нѣтъ основаній отрицать и непосредственныхъ вліяній на него со стороны іудеевъ и христіанъ, которыхъ было много и въ южной и сѣверной Аравіи¹⁾). Независимо отъ того среди самихъ арабовъ Мекки, даже между близкими къ Мохаммеду людьми, замѣчалось уже колебаніе относительно вѣры въ принятую отъ предковъ религію. Многіе уже рѣшили этотъ вопросъ про себя, прежде чѣмъ Мохаммедъ рѣшился открыто начать борьбу съ суевѣріемъ.

Это произошло, когда ему исполнилось 40 лѣтъ. Онъ жилъ съ семьей въ недалекомъ разстояніи отъ Мекки, на горѣ Хырѣ, въ пустынной и скалистой мѣстности, ища уединенія и избѣгая общества людей. Здѣсь въ одной пещерѣ онъ впалъ въ тревожное забытье, и ему было видѣніе. По собственнымъ словамъ Мохаммеда, къ нему приблизилось необыкновенное существо—въ послѣдующихъ видѣніяхъ это обыкновенно былъ архангелъ Гавріилъ—и заявило къ нему требованіе, которое новѣйшіе ученые понимаютъ различно. „Ыкра“, сказало ему видѣніе, что значить „читай“ или „проповѣдуй“, по другому толкованію. Мохаммедъ два раза отказывался исполнить это требованіе, наконецъ, послѣ троекратнаго повторенія подчинился, и тогда видѣніе исчезло, и онъ пробудился отъ сна, и „слова видѣнія какъ бы были написаны у него въ сердцѣ“. Какъ бы ни толковать эти слова, которыя потомъ включены были въ Коранъ²⁾, это первое видѣніе нужно разсматривать какъ начало его общественнаго служенія. Съ тѣхъ поръ онъ часто подвергался воздѣйствію таинственной силы, которая внушала ему дѣйствія и слова, легшія въ основаніе преподаннаго имъ ученія. Основой ученія Мохаммеда были единоебожіе и нравственныя отношенія человѣка къ божеству. Эта идея вносила совершенно иныя понятія въ религіозныя представленія арабовъ Мекки, чѣмъ то было до сихъ поръ, и хотя старыя вѣрованія

1) Müller, S. 50—51.

2) Это пять первыхъ стиховъ 96 суры: „Читай во имя Господа твоего, Который создалъ человѣка изъ комочка крови, читай, Господь твой преблагій, Который даровалъ знаніе посредствомъ пера, научилъ человѣка тому, чего раньше не зналъ“.

подверглись колебанію и сомнѣніямъ, но съ ними предстояло Мохаммеду выдержать продолжительную и упорную борьбу.

Первыми и самыми искренними приверженцами Мохаммеда были его домашніе. Это была преданная ему жена Хадиджа, которая искренно вѣровала въ его пророческое призваніе и всѣми мѣрами защищала его противъ насмѣшекъ и нападеній и поддерживала своимъ вліяніемъ и преданностью. За ней слѣдовали ея дочери и пріемный сынъ Али, младшій сынъ Абу-Талиба, дяди пророка, равно какъ Зейдъ, единственный рабъ въ семьѣ Мохаммеда. Таково было первоначальное зерно новой религіозной общины. Для распространенія ученія Мохаммеда имѣло большое значеніе то обстоятельство, что къ нему присоединился богатый купецъ Абу-Бекръ, человѣкъ положительнаго характера и вліятельнаго положенія. Онъ съ энергіей и убѣжденіемъ принялся за распространеніе новаго ученія и оказалъ ему большую поддержку и своими матеріальными средствами. Въ ближайшемъ родственномъ кругу Мохаммеда также послѣдовали обращенія; таковы Зобейръ, Ваккасъ, въ особенности Отманъ изъ вліятельнаго рода Омайя, вмѣстѣ съ принятіемъ новаго ученія женившійся на Рокайи, дочери пророка. Въ пятый годъ откровенія (ок. 615 г.) присоединился къ новой вѣрѣ Омаръ, юноша 26 лѣтъ, необыкновеннаго роста и большой физической силы. Ему суждено было играть весьма важную роль въ религіозной общинѣ, складывавшейся вокругъ Мохаммеда. Онъ отличался трезвымъ взглядомъ на вещи, не останавливался передъ препятствіями для достиженія задуманной цѣли и для торжества новаго ученія былъ незамѣнимый человѣкъ.

Есть мнѣніе, что безъ Абу-Бекра и Омара исламъ никогда бы не получилъ распространенія. Мохаммеду всегда недоставало практическаго смысла и такта. Абу-Бекръ и Омаръ дополняли его, доводя до необходимаго заключенія его идеи и часто давая имъ практическое направленіе. Мохаммедъ думалъ, Абу-Бекръ говорилъ, Омаръ дѣйствовалъ, такова роль cadaго въ этой удивительно стройно и гармонично составленной троицѣ.

Хотя между послѣдователями Мохаммеда были люди съ характеромъ и надѣленные способностями, но слѣдуетъ признать, что они происходили большей частью изъ средняго класса и не были многочисленны. На первыхъ порахъ ученіе Мохаммеда распространялось медленно и мало затронуло жителей Мекки. Мало того, большинство

отнеслось съ насмѣшками къ его притязанію объявить себя божественнымъ посланникомъ и издѣвалось надъ его сношеніями съ небесными существами, которыя даютъ ему обязательныя для людей повелѣнія. Что касается вліятельныхъ и богатыхъ людей, которымъ принадлежала власть въ Меккѣ, то они къ новому ученію отнеслись съ подозрительностью и опасеніемъ. Это были представители родовъ Омейяды, Махзумы и др., которые видѣли въ ученіи Магомета не только подрывъ вѣры, но угрозу ихъ авторитету и вліянію въ Меккѣ. Шейхъ Омейядовъ, Абу-Софіанъ, въ особенности былъ весьма серьезнымъ противникомъ, потому что пользовался уваженіемъ среди мѣстныхъ арабовъ и относился съ большимъ презрѣніемъ къ пророку. Омейяды будутъ играть религіозно-политическую роль въ исторіи мусульманства какъ дамасскіе халифы, и съ Абу-Софіаномъ мы встрѣтимся въ дальнѣйшемъ изложеніи исторіи Магомета. Другой родъ, Махзумы, въ лицѣ своего представителя Ибнъ-Могиры, пытался оспаривать авторитетъ пророка, уличая его въ самозванствѣ и противорѣчіяхъ.

Первые годы положеніе пророка было весьма мало обезпечено и въ смыслѣ личной безопасности, и въ смыслѣ пріобрѣтенія новыхъ приверженцевъ. Какъ принадлежащій къ роду Хашима, Магометъ могъ найти защиту и покровительство въ лицѣ своего дяди Абу-Талиба, который былъ и представителемъ рода. Когда къ нему обращались противники ученія Магомета съ требованіемъ, чтобы онъ заставилъ молчать Магомета или лишилъ его своего покровительства, то Абу-Талибъ съ достоинствомъ указывалъ на то, что нельзя воспретить каждому свободно выражать свое мнѣніе. Но если Магометъ, какъ членъ рода Хашима, могъ находить защиту у своего шейха, то этотъ послѣдній не могъ отстоять его авторитета, какъ пророка и посланника Божія. Насмѣшками и издѣвательствомъ Магометъ доводимъ былъ до крайняго раздраженія, такъ что съ трудомъ могъ показываться въ народныхъ сборищахъ. Тѣ изъ приверженцевъ пророка, которые не имѣли вліятельныхъ защитниковъ, въ особенности женщины и рабы, подвергались явнымъ оскорбленіямъ и насилію, нѣкоторые даже заплатились жизнью. Тогда часть вѣрующихъ отправлена была въ Абиссинію, которую Магометъ считалъ почти вполне раздѣляющею его воззрѣнія. Къ этому же времени (ок. 615 г.) относится очень важный фактъ въ исторіи развитія ученія Магомета, именно

попытка приблизиться къ религіознымъ воззрѣніямъ жителей Мекки и представителей враждебныхъ ему родовъ. Ему предстояло сдѣлать небольшую уступку въ практикѣ единобожія и ввести въ свой культъ нѣкоторыхъ боговъ сосѣднихъ арабскихъ племенъ. На этомъ очень настаивали его враги, обѣщая ему сдѣлать съ своей стороны значительную уступку, признавъ въ немъ пророка Божія и прекративъ такимъ образомъ уже обострившуюся вражду между жителями Мекки. Сдѣланная Магометомъ уступка, нашедшая выраженіе въ 53 сурѣ корана, считается признакомъ крайняго ослабленія и ставится Магомету въ большой упрекъ. Именно онъ удовлетворилъ желаніе враждебной партіи, объявивъ, что богини Лать, Оза и Манатъ заслуживаютъ поклоненія, но скоро понялъ, что этимъ наносилъ ударъ своему религіозному принципу и публично отказался отъ приведенныхъ выше словъ, назвавъ ихъ внушеніемъ сатаны.

Такимъ образомъ эта временная уступка больше повредила Магомету, поколебавъ его авторитетъ между его приверженцами, чѣмъ принесла пользы. Что же касается враждебной партіи, то она еще болѣе ожесточилась противъ всего рода Хашима и подвергла его отлученію, прекративъ съ нимъ браки и всякія житейскія сношенія. Къ этому присоединилось новое несчастіе. Въ 619 г. умеръ представитель рода Хашима и защитникъ Магомета Абу-Талибъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его постигъ другой ударъ, именно смерть преданной ему жены Хадиджи, которая была самымъ вѣрнымъ его союзникомъ.

Подъ вліяніемъ личныхъ огорченій и неудачъ, которыя преслѣдовали Магомета, въ его душѣ постоянно складывалось и съ теченіемъ времени получало болѣе и болѣе рѣзкую форму то настроеніе, которому дано такое господствующее положеніе въ нравственномъ ученіи ислама о предопредѣленіи и въ фанатизмѣ. Только избраннымъ и предопредѣленнымъ суждено принять истинную вѣру, прочіе отъ вѣка осуждены на погибель. Богъ ведетъ къ вѣрѣ кого хочетъ и оставляетъ въ заблужденіи кого заблагоразсудитъ. Неумолимая судьба и строгій догматъ предопредѣленія отнимаютъ у человѣка всякую возможность направлять свою дѣятельность посредствомъ усилій воли къ познанію истины и вѣры. „Извѣстно, говоритъ Мюллеръ ¹⁾, что

¹⁾ „Der Islam“, S. 71.

это воззрѣніе, которое сначала въ коранѣ не было строго проведено, а выступило на первый планъ лишь съ теченіемъ времени, переработано было въ магометанской догматикѣ въ ученіе о безусловномъ фанатизмѣ, которое и до нынѣ неразрывными цѣпями сковываетъ духовную жизнь магометанскаго Востока. Самъ Магометъ никогда не доходилъ въ этомъ отношеніи до конечныхъ выводовъ. Логическая послѣдовательность его не занимала“.

Отчаявшись въ успѣхѣ своей проповѣди въ Меккѣ, гдѣ число его приверженцевъ не выходило изъ небольшого круга людей средняго состоянія, Магометъ сдѣлалъ попытку найти точку опоры въ сосѣднемъ городкѣ Таифѣ, но тамъ встрѣтили его злыми насмѣшками и надругательствами: „если бы Аллахъ, говорили ему, хотѣлъ послать пророка, то неужели онъ не могъ найти кого лучше тебя“.—Но хотя попытка въ Таифѣ была весьма неудачна, тѣмъ не менѣе выходъ изъ затруднительнаго положенія оказывался именно въ сношеніяхъ съ арабскими племенами сосѣднихъ съ Меккой городовъ. Мы приходимъ къ громадной важности факту въ жизни Магомета и въ исторіи ислама,—къ бѣгству пророка изъ Мекки въ Медину въ 622 году.

Сношенія съ жителями Ясриба, получившаго имя Медины послѣ бѣгства Магомета, были столько же вопросомъ крайней необходимости, сколько политическаго сознанія взаимной пользы задуманнаго соглашенія. Прежде всего между арабскими племенами этихъ городовъ были постоянныя распри и взаимная ненависть, утихавшая лишь въ священные мѣсяцы путешествія въ Мекку; принявъ на себя защиту Магомета и проповѣдуемаго имъ ученія, мединцы надѣялись не только свести счеты съ мекканцами, но и приблизиться къ обладанію святилищемъ Каабы. Независимо оттого въ Мединѣ происходили раздоры между двумя родами, которые грозили довести городъ до полного ослабленія, а еврейское населеніе города громко говорило о близкомъ пришествіи Мессіи и обѣщало вмѣстѣ съ этимъ явленіемъ полный переворотъ въ соціальной жизни города. Такъ какъ проповѣдь Магомета о новомъ политическомъ и соціальномъ строѣ могла быть многими отождествляема съ ученіемъ ожидаемаго Мессіи, то въ Мединѣ для Магомета была приготовлена весьма благопріятная почва, о которой онъ имѣлъ ясное представленіе. Въ 622 г., въ мартѣ, дядя Магомета Аббасъ заключилъ соглашеніе съ предста-

вителями Медины, прибывшими въ Мекку на поклоненіе, при чемъ опредѣлены были условія, на которыхъ приверженцы Магомета принимались въ Медину, и обязательства мединцевъ слѣдовать ученію, провозглашенному пророкомъ. Вслѣдствіе этого соглашенія, большинство приверженцевъ Магомета, небольшими группами въ числѣ 150 человекъ, переправилось въ Ясрибъ, а корейшиты, не успѣвшие принять мѣръ противъ этого переселенія, рѣшились наложить руку на Магомета, Абу-Бекра и Алія, которые еще оставались въ Меккѣ. Было составлено постановленіе, по которому всѣ роды корейшитскаго племени должны избрать по одному представителю отъ каждаго рода и сообща убить Магомета. Благодаря осторожно принятымъ мѣрамъ, Магомету удалось обмануть бдительность корейшитовъ и тайно пробраться въ Ясрибу, которая съ того времени получила наименованіе Медины или города пророка. Этотъ фактъ считается эрой лѣтосчисленія мусульманъ и относится къ 16 іюля 622 г. Пророку было тогда 52 года отъ роду.

Во многихъ отношеніяхъ съ этого времени мѣняется характеръ дѣятельности Магомета, и самые расположенные къ пророку изслѣдователи не скрываютъ, что первый періодъ жизни его гораздо болѣе внушаетъ къ нему чувства уваженія, чѣмъ послѣдующій, открывающійся съ 622 г. Но въ смыслѣ развитія магометанской доктрины теперь открывается главнѣйшая эпоха жизни Магомета. Въ Меккѣ онъ былъ едва терпимъ, вліяніе его ограничивалось небольшимъ кругомъ мало значительныхъ людей, о религіозной и политической организаціи своихъ учениковъ и приверженцевъ онъ не могъ и помышлять. Не то въ Мединѣ. Здѣсь онъ признанъ былъ главой большой городской общины, которая подчинялась его религіозному ученію и обязалась слѣдовать его приказаніямъ. Здѣсь необходимо было приступить къ практическому осуществленію теоретическихъ положеній объ условіяхъ общественной жизни и богопочитанія въ новой средѣ, отложившейся отъ старой вѣры и отъ исконныхъ традицій арабскаго народа. Магометъ начинаетъ дѣлать опыты и устанавливаетъ прецеденты для будущихъ поколѣній. Прежде всего весьма важно отмѣтить тотъ приѣмъ, которымъ Магометъ учреждаетъ родъ синикизма (*συνικισμός*) въ своемъ новомъ государствѣ. „Ансары“, какъ названы мединцы въ религіозной общинѣ, получили право принимать къ себѣ въ духовное родство пришлыхъ членовъ изъ

Мекки и другихъ мѣсть, которые подѣ именемъ мохаджировъ вступали такимъ образомъ въ политическій и религіозный составъ мединской общины. Племенная и родовая рознь съ этимъ вмѣстѣ уступала передъ религіозной идеей. Въ то же время начинается организація общественнаго богослуженія: построена мечеть, входитъ въ жизнь требованіе обычныхъ собраний на молитву, возвѣщаемыхъ возглашеніями мозззина, устанавливается подать „зекать“ на потребности культа. Находясь во главѣ общины вѣрующихъ, Магометъ долженъ былъ принять участіе въ урегулированіи гражданскихъ отношеній ея членовъ, въ рѣшеніи возникающихъ между ними споровъ и недоразумѣній. Такъ нараждались основы мусульманскаго права на основаніи отдѣльныхъ мнѣній и рѣшеній пророка, которыя, въ свою очередь, основывались на арабскомъ обычномъ правѣ и частью на еврейскомъ законѣ. Но скоро онъ долженъ былъ порвать съ евреями, такъ какъ послѣдніе стали обличать его въ неправильномъ примѣненіи библейскихъ текстовъ, и такъ какъ магометанство не могло идти рядомъ съ іудействомъ. Такъ, въ 623 г. онъ приказалъ обращаться на молитвѣ не къ Іерусалиму, а къ Меккѣ; оставилъ еврейскій постъ и назначилъ мусульманскій „Рамазанъ“; вмѣсто субботы праздничный мусульманскій день переведенъ на пятницу.

Вслѣдствіе установленія дисциплины въ религіозной общинѣ Медины не могло не обнаружиться недовольства противъ Магомета. Партія недовольныхъ вступила въ сношенія съ мекканцами, такъ что между двумя городами начались недоразумѣнія. Необходимо было опредѣлить отношенія мединской общины къ Меккѣ, гдѣ былъ религіозный центръ всей Аравіи. Путешествія на поклоненіе въ Мекку составляютъ одну изъ главныхъ обязанностей правовѣрнаго, и на этой почвѣ невыясненныхъ пока отношеній къ Меккѣ должны были возникнуть серьезныя недоразумѣнія, которыя подготовлялись, кромѣ того, разбойническими нападеніями мединцевъ на торговые караваны, принадлежавшіе мекканскимъ купцамъ. Но что наиболѣе заслуживаетъ вниманія, это военная организація религіозной общины и ея предпріятія съ цѣлью насильственнаго распространенія нравственныхъ и религіозныхъ идей магометанства. Уже въ 643 г. было сдѣлано нападеніе на караванъ, шедшій изъ Мекки въ Сирію, и притомъ въ дни священнаго мѣсяца, посвященные поклоненію. Въ связи съ этимъ нужно объяснять появленіе въ коранѣ статьи, по которой война съ

невѣрными признается богоугоднымъ дѣломъ, въ какое бы время она ни была начата. Въ слѣдующемъ году предпринято болѣе смѣлое дѣло—нападеніе на караванъ, во главѣ котораго стоялъ богатый мекканскій купецъ Абу-Софіанъ, охраняемый вооруженной силой въ 600 человекъ. Магометъ напалъ на этотъ отрядъ при Бедрѣ, имѣя при себѣ только 314 человекъ, т.-е. съ небольшимъ половиною противъ непріятели. Но на этотъ разъ предпріятіе было вполне удачно. Мекканцы были разбиты и обращены въ бѣгство, и богатый караванъ достался Магомету. Значеніе этой побѣды для распространенія идей мусульманства было чрезвычайно велико: теперь и сомнѣвавшіеся въ божественномъ посланничествѣ пророка убѣдились, что онъ большая сила, съ которой нужно считаться, и идти противъ которой, во всякомъ случаѣ, было не безопасно. Съ тѣхъ поръ и въ самомъ характерѣ пророка замѣчается рѣзкая переменна. Онъ сталъ проявлять слишкомъ большую жестокость и мстительность по отношенію къ тѣмъ, кто имѣлъ несчастье оказаться ему на дорогѣ, не стѣснялся выдавать за божественное откровеніе и такія собственныя рѣшенія, которыми преслѣдовалась его личная польза. Магометъ присуждалъ къ смертной казни плѣнниковъ, лишалъ жизни неугодныхъ ему поэтовъ и писателей, осмѣлившихся осмѣивать его дѣятельность, наконецъ, началъ безпощадно преслѣдовать евреевъ, прижидая ихъ къ изгнанію и конфискаціи имущества.

Отношенія Медины къ Меккѣ продолжали быть враждебными. Въ 625 г. Абу-Софіанъ во главѣ Корейшитовъ въ числѣ 3000 человекъ рѣшился напасть на Медину. Магометъ могъ собрать не больше 1000 человекъ и потерпѣлъ полное пораженіе при горѣ Оходѣ. Это сильно подорвало авторитетъ пророка, но онъ не потерялся и объяснилъ неудачу гнѣвомъ Аллаха за непослушаніе. Въ 627 г. противъ Магомета составлялось громадное ополченіе въ 10000 воиновъ, въ числѣ коихъ больше половины состояло изъ кочевыхъ арабскихъ племенъ. Во главѣ этого ополченія стоялъ Абу-Софіанъ изъ Мекки. Магометъ предпринялъ рядъ укрѣпленій вокругъ Медины и сдѣлалъ городъ настолько защищеннымъ, что непріятельскій отрядъ не рѣшился брать его силой. Между тѣмъ среди осаждающихъ начались раздоры, заставившіе ихъ отступить отъ Медины. Съ тѣхъ поръ имя Магомета стало пользоваться извѣстностью между независимыми бедуйскими племенами, которыя постепенно присоединялись къ нему

и тѣмъ побуждали его выступить съ болѣе широкими политическими и властительными задачами. Но для этого существеннымъ препятствіемъ была Мекка, которая въ качествѣ религіознаго арабскаго центра оставалась для Магомета недоступной. Въ 628 году онъ рѣшился, однако, въ дни священнаго мѣсяца совершить установленный хаджъ и съ 1500 приверженцевъ отправился смиреннымъ пилигримомъ въ Мекку. Хотя на этотъ разъ ему не дано было разрѣшенія поклониться святынь, но было заключено соглашеніе, которымъ устранялись недоразумѣнія между Меккой и новымъ ученіемъ, утвердившимся въ Мединѣ. Въ силу договора, заключеннаго на 10 лѣтъ, магометанамъ предоставлялось право каждый годъ въ теченіе трехъ дней быть въ Меккѣ для поклоненія святынь. Но что въ особенности въ этомъ соглашеніи было важно для мусульманъ, это разрѣшеніе для всѣхъ арабовъ свободнаго перехода въ общину Магомета. Теперь мусульманство вышло изъ состоянія секты, не пользовавшейся правами гражданства и имѣвшей мѣстное значеніе, и до извѣстной степени уравнилось въ правахъ съ народной религіей. Такъ и понялъ самъ Магометъ значеніе совершившагося акта, что показываютъ дальнѣйшія его дѣйствія. Разумѣемъ весьма странныя, притязательныя и трудно объяснимыя посланія его къ царямъ византійскому, персидскому и абиссинскому съ предложеніемъ подчиниться вѣрѣ Магомета. Конечно, эти посланія не сопровождались никакими послѣдствіями, но они достаточно рисуютъ настроеніе Магомета и его взгляды на политическую роль мусульманства. Въ томъ же году покоренъ былъ еврейскій торговый городъ Хейберъ, при чемъ досталась побѣдителямъ богатая добыча, изъ которой пятая часть выдѣлена на долю пророка. Въ 629 г. совершено было торжественное путешествіе, въ сопровожденіи 2000 поклонниковъ, которые въ случаѣ нужды могли бы обратится въ воиновъ, въ священный городъ, гдѣ совершены были установленные обряды хаджа, ставшіе, въ свою очередь, обязательнымъ примѣромъ для мусульманъ послѣдующаго времени. Но какъ широкая политическая и религіозная миссія, открывавшаяся передъ Магометомъ, не могла свободно развиваться безъ обладанія Меккой, гдѣ были сосредоточены и матеріальныя средства для культа и благотворительности, то въ началѣ 630 г. пророкъ рѣшился силой завладѣть священнымъ городомъ, лишивъ Корейшитовъ привилегій, соединенныхъ съ владѣніемъ ключами Каабы. Со всею

осторожностью, не подавая вида о своихъ дѣйствительныхъ намѣреніяхъ, Магометъ собралъ значительное войско въ 10000 человекъ изъ мединцевъ и сосѣднихъ бедуиновъ и, только уже выступивъ въ походъ, сообщилъ о цѣли его. Остававшійся въ Меккѣ Аббасъ, дядя Магомета, вступилъ въ переговоры съ Абу-Софіаномъ и убѣдилъ его принять ученіе Магомета. Вслѣдствіе этого и въ силу абсолютнаго авторитета, которымъ начало пользоваться новое ученіе, Мекка сдалась безъ сопротивленія и занята была Магометомъ, сдѣлавшись съ тѣхъ поръ центральнымъ пунктомъ мусульманства, пріобрѣтшаго міровое и религіозно-политическое значеніе. Мѣропріятія Магомета въ Меккѣ обличаютъ въ немъ большой смыслъ и пониманіе совершавшихся событій. Уничтоживъ языческихъ идоловъ, онъ окружилъ величайшимъ почтеніемъ храмъ Каабы и черный въ немъ камень.

Гуманнымъ отношеніемъ къ жителямъ Мекки онъ привлекъ ихъ на сторону мусульманства и имѣлъ въ нихъ ревностныхъ защитниковъ новаго порядка вещей. Мекка нисколько не проиграла съ перемѣной культа, такъ какъ осталась главнымъ религіознымъ мѣстомъ всей Аравіи, и мекканцы сдѣлались ревностными распространителями мусульманства. Въ политическомъ отношеніи обладаніе Меккой придало дѣлу Магомета необычайно быстрый и неожиданно-счастливый оборотъ. Подчиненіе независимой Аравіи теперь стало вопросомъ времени, такъ какъ мелкія независимыя племена не могли устоять противъ соединенныхъ силъ бодро и смѣло пошедшаго впередъ воинственнаго мусульманства. Воинственныя предпріятія Магомета противъ сирійскихъ арабовъ, въ 630 году, сосредоточивали подъ его властью отрядъ въ 30000 пѣхоты и 10000 конницы. Таковы были силы мусульманства въ послѣдніе годы жизни Магомета.

Магометъ умеръ въ Мединѣ въ іюнѣ 632 г., давъ твердыя основанія новой религіи, которой суждено было утвердиться среди культурныхъ странъ Азіи, Африки и Европы, и которая нанесла страшный вредъ и неоднократныя пораженія христіанскимъ народамъ. Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ къ характеристикѣ откровеній пророку. Разъ шли переговоры между жителями города Таифа и Магометомъ на счетъ условій подчиненія первыхъ исламу. Представители города соглашались принять исламъ подъ условіемъ, если имъ предоставлена будетъ на три года льгота не платить десятины и отправлять богослуженіе по старымъ обычаямъ. Когда же

Магометъ сталъ указывать, что это произведетъ неблагоприятное впечатлѣніе среди другихъ правовѣрныхъ, то послы замѣтили: „а ты скажи, что такъ повелѣлъ поступить Аллахъ“.—Магометъ уже готовъ былъ уступить, но тогда вмѣшался Омаръ. „Вы испортили сердце пророка, да сожжетъ Господь ваше“. Это замѣчаніе дало иное направленіе переговорамъ, такъ что Магометъ отказался отъ всякихъ уступокъ. Сдѣланное выше указаніе, какъ легко могла примѣняться воля Аллаха для приданія авторитета мнѣніямъ и распоряженіямъ Магомета, иллюстрируется многими аналогичными случаями. Когда Магомету необходимо было прекратить соблазнительные разговоры по поводу женитьбы его на женѣ своего пріемнаго сына Зейда, онъ сослался на откровеніе, разрѣшавшее на будущее время подобныя браки. Точно также онъ нѣсколько разъ долженъ былъ объяснять полученнымъ откровеніемъ свои отношенія къ христіанкѣ Маріатѣ, возбуждавшія ревность и смуту среди прочихъ его женъ.

Послѣ смерти Магомета мусульманство выступаетъ на историческую арену, какъ военная и политическая сила, и приходитъ въ непосредственныя сношенія съ византійской имперіей. Прежде чѣмъ слѣдить за этими отношеніями, въ которыхъ мусульманство почти всегда одерживало верхъ надъ имперіей и отняло изъ-подъ власти Византіи значительныя провинціи, мы должны остановиться на основныхъ положеніяхъ, проповѣдуемыхъ кораномъ, и на главныхъ принципахъ ислама.

Религіозное ученіе Магомета выражено въ священной книгѣ мусульманъ, называемой кораномъ. Въ этотъ сборникъ включены какъ откровенія, данныя Магомету чрезъ архангела Гавріила или другого служебнаго духа, такъ и поученія, повѣствованія и законы, идущіе непосредственно отъ самого пророка. Часть изреченій пророка записывалась его слушателями, часть оставалась въ памяти и передавалась устно. Это на первыхъ порахъ не представляло особыхъ затрудненій, такъ какъ откровенія были довольно кратки и сообщались въ видѣ стиховъ, которые легко воспринимались и удерживались въ памяти. При жизни Магомета не было попытокъ собрать и привести въ порядокъ отдѣльныя сообщенія и изреченія пророка; по смерти же его это встрѣтило большія затрудненія. Калифъ Абу-Бекръ озаботился собраніемъ хранившихся въ памяти отдѣльныхъ изреченій Магомета, поручивъ это дѣло Зейду, секретарю про-

АРАБЫ ВЪ ПОХОДЪ.

Миніатюра.

ка. Первая редакція корана, составленная изъ многочисленныхъ рывковъ, частью записанныхъ на кости, на камнѣ, на пергаментѣ и на пальмовыхъ листьяхъ, частью же со словъ учениковъ и очевидцевъ пророка, оставалась въ частномъ пользованіи ближайшихъ томковъ и родственниковъ Магомета. Рядомъ съ этой редакціей, средѣ мусульманъ образовались постепенно другія частныя редакціи и списки, представлявшіе нѣкоторыя отличія отъ первой. При лифѣ Османѣ (644 — 654) введена была общая и одинаковая для всѣхъ редакція, при чемъ упомянутый выше Зейдъ раздѣлилъ коранъ на суры или главы и составилъ исправленный коранъ въ четырехъ копияхъ для всеобщаго пользованія. Дабы на будущее время вновь не возникало споровъ о разночтеніяхъ, сдѣлано было распоряженіе объ уничтоженіи всѣхъ списковъ, которые къ тому времени могли оказаться въ частныхъ рукахъ. Такимъ образомъ редакція Османа считается наиболѣе авторитетной и правильной, хотя помимо этой официальной были въ обращеніи и другія, отличающіяся отъ нея копіи корана. — Изъ предыдущаго можно понять, что расположеніе его матеріала, содержащагося въ коранѣ, было дѣломъ личнаго вѣдѣнія Зейда, Османа и другихъ редакторовъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи отдѣльныя краткія изреченія, редакторы должны были прежде всего озаботиться приведеніемъ ихъ въ порядокъ. Но такъ какъ нельзя было принять ни хронологической системы по отсутствію данныхъ о томъ, въ какое время дано то или другое изреченіе, ни предметной, такъ какъ въ каждомъ изреченіи трактовалось предметомъ смѣшаннаго содержанія, то принята была чисто-внѣшняя и формальная система: изреченія или суры распредѣлены по длине и краткости, сначала длинная, а затѣмъ краткая сура. Такимъ образомъ коранъ представляетъ полное отсутствіе системы, въ немъ изреченія слѣдуютъ безъ всякой внутренней связи и порядка, со множествомъ утомительныхъ повтореній одинаковыхъ фразъ и оборотовъ. Старанія мусульманскихъ и европейскихъ ученыхъ внести порядокъ и систему въ коранъ въ общемъ оказались безуспѣшны. Единственно, что оказалось достижимымъ, это установленіе различія въ языкѣ и стилѣ различныхъ суръ, а по этимъ особенностямъ вѣдѣна попытка отдѣлить суры наиболѣе древнія, произнесенныя въ Меккѣ, отъ болѣе позднихъ, относящихся къ послѣднимъ годамъ жизни пророка, суры исключительно религіознаго характера отъ

другихъ съ преобладающимъ политическимъ элементомъ, суры имѣющія въ виду небольшую общину вѣрующихъ отъ такихъ, которыя внушены гордымъ сознаниемъ торжества мусульманскаго ученія и распространенія его по всей Аравіи. Но этотъ процессъ изученія еще не оконченъ; въ него притомъ же введено много субъективизма со стороны отдѣльныхъ изслѣдователей.

Всего въ коранѣ 114 суръ или главъ, дѣлящихся на стихи. По воззрѣнію мусульманъ, коранъ существовалъ въ настоящемъ его видѣ отъ вѣка, поэтому совершенства его не подвергаются сомнѣнію. Съ точки зрѣнія европейской науки за нимъ признаются достоинства и недостатки, свойственные творенію человѣка. Даже въ лучшей своей части—въ серіи рассказовъ—коранъ отличается блѣдностью и сухостью изложенія, и притомъ эти рассказы частью заимствованы изъ Библии и изъ Талмуда. Въ началѣ пророческой дѣятельности Магометъ произносилъ откровенія, дышавшія силой и страстностью, описанія величія Божія и картины неба и ада у него высоко-художественны, но затѣмъ воображеніе ослабѣваетъ, проявляются блѣдность и растянутость. Для ознакомленія съ характеромъ изложенія въ коранѣ сообщаемъ содержаніе Фатихе, имѣющей значеніе христіанской молитвы Господней: „Хвала Богу, Господу міровъ, милосердому, милостивому, владыкѣ дня суда. Воистину Тебѣ мы поклоняемся и у Тебя просимъ защиты. Наставь насъ на путь правый, на путь тѣхъ, къ кому Ты былъ милостивъ, на кого нѣтъ гнѣва, и кто не заблуждается“. Что касается поучительныхъ суръ, онѣ слишкомъ монотонны и скучны, хотя въ распространеніи ислама онѣ-то и играли важную роль.—Коранъ издавна сдѣлался предметомъ ученой обработки мусульманскихъ богослововъ. Комментаріи имѣли цѣлью или истолковать аллегорическій смыслъ нѣкоторыхъ суръ, или объяснить и примирить встрѣчающіяся противорѣчія. Комментаторы внесли въ коранъ много искаженій и поддѣлокъ какъ съ цѣлью примѣнить нѣкоторыя изреченія корана къ измѣнившимся условіямъ жизни, такъ и для того, чтобы оправдать появившіяся съ теченіемъ времени разности вѣроученія и секты. Изложенное Магометомъ ученіе, какъ религіозный, нравственный и политическій принципъ, сдѣлалось жизненнымъ правиломъ его учениковъ и послѣдователей и съ необычной энергіей проявилось въ исторіи въ качествѣ всемірнаго дѣятеля подъ наименованіемъ мусульманства или ислама. Прежде

чѣмъ говорить о необычайно быстромъ распространеніи ислама, какъ религіозной и политической системы, попытаемся бросить взглядъ на внутреннюю, такъ сказать, философскую сторону этой новой системы.

Никому въ VII в. не могло придти въ голову, что въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ тогдашнимъ культурнымъ міромъ, но уже за предѣлами его, готова образоваться новая религіозная система, которая окажетъ могущественное и во многихъ отношеніяхъ роковое вліяніе на судьбы старыхъ міровыхъ имперій — персидской и византійской. И не только трудно было это предположить съ точки зрѣнія міровой исторіи, но и до сихъ поръ не удалось съ достаточной убѣдительностью выяснить психологическіе мотивы общественной дѣятельности основателя мусульманской религіи. Точно также трудно объяснить причины успѣшнаго распространенія мусульманства, которому нужно было пробивать путь въ средѣ, гдѣ дѣйствовали уже давно зрѣлыя религіозныя системы. При оцѣнкѣ ислама, какъ общеисторическаго явленія, слѣдуетъ отдавать себѣ отчетъ и въ томъ, что онъ распространялся, по крайней мѣрѣ, въ первыя столѣтія гиджры, безъ помощи религіозной миссіи, какая была организована въ христіанствѣ, и что даже въ настоящее время пропаганда мусульманства идетъ гораздо успѣшнѣй, чѣмъ распространеніе христіанства. Въ общемъ число послѣдователей Магомета можно полагать больше 200 милліоновъ, и притомъ не подлежитъ сомнѣнію то обстоятельство, что скорѣй и естественнѣй дѣлается переходъ отъ язычества и фетишизма именно къ болѣе простой мусульманской системѣ монотеизма, чѣмъ къ сложному и умозрительному христіанскому вѣроученію о троичности лицъ въ божествѣ. Посмотримъ же, въ чемъ состоятъ основныя положенія ислама.

Какъ исповѣданіе возвѣщенной Магометомъ религіи, исламъ отличается большой простотой. Онъ основанъ на чистомъ монотеизмѣ, т.-е. на вѣрѣ въ единое всемогущее существо (Аллахъ), и въ пророческое избраніе Магомета: „Нѣтъ другого бога, кромѣ бога, и Магометъ есть пророкъ его“. Единый Богъ и равенство предъ нимъ всѣхъ людей; обѣщаніе рая правовѣрнымъ и исполняющимъ законъ и наказанія адскими мученіями для тѣхъ, кто является ослушникомъ закона. Самый же законъ ограничивается несложными обрядовыми требованіями: 1) пятикратное совершеніе въ теченіе дня уста-

новленнаго богослуженія; б) постъ въ продолженіе мѣсяца рамазана; в) паломничество въ Мекку. Эта удивительная простота и ясность религіозной системы въ соединеніи съ духомъ справедливости по отношенію къ ближнимъ должна быть признана главной причиной распространенія мусульманства среди народовъ, бывшихъ въ соудствѣ съ Аравіей. Правда, въ числѣ обязанностей, налагаемыхъ на правовѣрнаго, есть боевой призывъ, давшій мусульманамъ военный и завоевательный характеръ. Борьба съ невѣрными и насильственное распространеніе ислама есть одинъ изъ существенныхъ признаковъ мусульманства, и для обращенія язычниковъ Магометъ совѣтовалъ прибѣгать къ самымъ крайнимъ мѣрамъ. Къ этому слѣдуетъ присоединить ученіе о predeterminedъ каждому судьбѣ, придавшее мусульманству свойственный ему характеръ фатализма. Что касается христіанъ, іудеевъ и персовъ-огнепоклонниковъ, къ нимъ могла быть допущена терпимость, если они платятъ опредѣленный налогъ. Но успѣхи быстрого распространенія ислама не могутъ быть объяснены указанной чертой, такъ какъ религіозныя вѣрованія и нравственныя убѣжденія не навязываются силой. Изучая исторію арабскихъ завоеваній, мы должны признать, что не военная сила обезпечивала за ними успѣхъ, и что суровыя мѣры по отношенію къ побѣжденнымъ не есть характеристическая черта мусульманской исторіи: стоитъ вспомнить объ обширныхъ привилегіяхъ, данныхъ мусульманскими вождями-завоевателями христіанамъ Іерусалима, Египта и Константинополя. Если многіе христіане обращались къ мусульманской вѣрѣ и усвоили языкъ завоевателей, то это объясняется тѣмъ, что арабы относились къ нимъ съ большей справедливостью, чѣмъ византійскіе императоры и греческіе чиновники, и что религія ислама была слишкомъ не сложна и сильно дѣйствовала на чувство. Въ настоящее время считается уже вполне выясненнымъ, что Магометъ принялъ основой своего ученія іудейскія и христіанскія воззрѣнія, о которыхъ освѣдомился чрезъ устные рассказы жившихъ въ Аравіи христіанъ и іудеевъ.

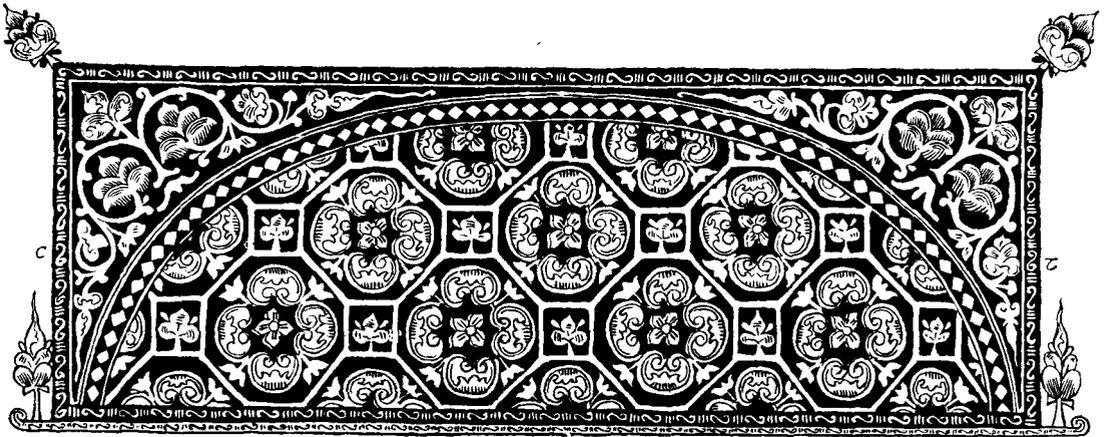
Переходимъ къ исторіи распространенія ислама при ближайшихъ преемникахъ Магомета. Смерть пророка, послѣдовавшая въ 632 году, возбудила прежде всего вопросъ о наслѣдствѣ въ созданномъ имъ религіозномъ сообществѣ. Магометъ не назначилъ себѣ преемника, а между тѣмъ мужского потомства у него не было, и, слѣдовательно,

разрѣшеніе вопроса о преемствѣ духовной и гражданской власти могло встрѣтить нѣкоторыя затрудненія. Благопріятное разрѣшеніе этихъ затрудненій обусловливало существеннымъ образомъ ближайшую судьбу ислама, такъ какъ объединеніе различныхъ племенъ, населявшихъ Аравію, зависѣло отъ общепризнаннаго авторитета пророка и держалось его именемъ. Правда, около него образовался кружокъ лицъ, которыя принимали участіе въ общественныхъ дѣлахъ и при жизни пророка и которыя были съ нимъ связаны узами родства. Таковы были Али, сынъ Абу-Талиба, т.-е. двоюродный братъ Магомета, женатый на дочери пророка Фатьмѣ; Абу-Бекръ, на дочери котораго Аишѣ былъ женатъ самъ Магометъ, и, наконецъ, Омаръ—правая рука пророка въ дѣлахъ, требовавшихъ рѣшительности и силы. Извѣстно, что исламъ обязанъ своими успѣхами, главнымъ образомъ, этимъ двумъ лицамъ, ближайшимъ преемникамъ Магомета: Абу-Бекру и Омару; пророкъ успѣлъ дать теорію ислама, истолкователемъ ея былъ Абу-Бекръ, а Омаръ осуществилъ эту теорію на дѣлѣ, давъ ей практическое приложеніе военными походами и завоеваніями.

Избраніе Абу-Бекра калифомъ (632—634) прекратило споры изъ-за власти и разстроило замыслы тѣхъ племенъ, которыя надѣялись воспользоваться благопріятнымъ моментомъ и присвоить себѣ главенство въ мусульманскомъ обществѣ. Абу-Бекръ и по личнымъ отношеніямъ къ Магомету, и по вполнѣ признанному авторитету считался естественнымъ представителемъ власти и преемникомъ пророка. Когда по предложенію Омара дать клятву на вѣрность Абу-Бекру, товарищу посланника божія, всѣ собравшіеся въ мечети изъявили согласіе, Абу-Бекръ принялъ званіе калифа, съ которымъ соединяются свѣтская и духовная власть и судебныя полномочія. Только Али, всѣхъ больше имѣвшій правъ на калифатъ, оставался нѣкоторое время въ сторонѣ и далъ клятву на вѣрность спустя полгода.

Непродолжительное правленіе Абу-Бекра было сопряжено съ чрезвычайными опасностями. Далекое еще не сплотившіяся подъ властью Магомета арабскія племена начали волноваться, появился рядъ пророковъ и политическихъ дѣятелей, возникли недоразумѣнія между старыми мусульманами и новыми, между вѣрующими Мекки и Медины, племенная вражда и соперничество родовъ готово было нанести существенный ударъ всему предпріятію Магомета. Но калифъ побѣдилъ противниковъ народившагося порядка, нанося имъ пора-

женія и принуждая ихъ къ покорности и повиновенію. Въ этомъ отношеніи громадную услугу оказали ему полководцы Халидъ и Омаръ. Чтобы потушить внутреннее броженіе и отвлечь умы арабовъ отъ домашней смуты, Абу-Бекръ указалъ имъ достойную для привыкшихъ къ военному дѣлу номадовъ цѣль во внѣшнихъ предпріятіяхъ, имѣвшихъ задачей распространеніе ислама. Коранъ заповѣдуетъ вести войну съ невѣрными, пока не прекратится всякое сопротивление, и пока вѣра въ Аллаха не будетъ единственной религіей. Страхъ смерти по ученію ислама не можетъ останавливать вѣрующаго, ибо въ предопредѣленной часъ смерть должна постигнуть человѣка, гдѣ бы онъ ни находился, хотя бы за стѣнами укрѣпленій. Такъ воинствующій исламъ началъ свои наступательныя дѣйствія противъ византійской имперіи сейчасъ же по смерти Магомета.

глава IX.

МУСУЛЬМАНСТВО И ВИЗАНТІЯ.

Въ высшей степени важно выяснить начало сношеній и враждебныхъ столкновеній между арабами и христіанской имперіей. Еще въ 629 г., будто бы, Магометъ обращался съ посланіемъ къ царю, предлагая ему подчиниться новому вѣроученію. Если это преданіе и не имѣетъ подъ собой реальной почвы, то, во всякомъ случаѣ, характеризуетъ настроеніе первоначальныхъ дѣятелей и политическую миссію мусульманства. Слѣдуетъ припомнить, что въ Византіи въ это время царствовалъ Ираклій, военный геній высокаго качества, нанесшій неизлѣчимую рану персидскому царству и умѣвшій прекрасно использовать матеріальныя средства, какія могла дать Византія. Понялъ ли Ираклій все значеніе организовавшейся въ его время политической силы въ Аравіи, или нѣтъ? Изъ тѣхъ мѣропріятій, какія онъ принялъ для защиты Сиріи отъ арабскихъ вторженій, можно скорѣй заключить, что византійскій императоръ не распозналъ въ арабахъ серьезнаго врага и поэтому не считалъ нужнымъ выступить противъ него со всѣми средствами, какими имперія могла бы располагать въ послѣдніе годы его жизни, послѣ побѣдоносной войны съ персами. Къ сожалѣнію, извѣстія о первыхъ столкновеніяхъ арабовъ и грековъ въ Сиріи до такой степени скудны или переполнены фантастическими измышленіями торжествовавшаго побѣдителя, что по нимъ трудно судить о реальной дѣйствительности и о причинахъ, обусловливавшихъ успѣхъ арабовъ и пораженія византійцевъ. Правда, въ нѣсколькихъ случаяхъ положительно отмѣчается измѣна со стороны начальниковъ греческихъ гарнизоновъ, и добровольный переходъ на сторону мусульманъ осажденныхъ крѣпостей. Подобныя явленія на-

ходятъ себѣ объясненіе въ дурной системѣ византійскаго управленія, въ религіозныхъ притѣсненіяхъ и въ суровыхъ денежныхъ поборахъ, которые побуждали искать лучшихъ условій жизни подъ арабскимъ господствомъ. Съ другой стороны, матеріальныя выгоды войны въ странахъ съ богатой и старой культурой, военная добыча изъ взятыхъ городовъ, въ значительной части поступавшая въ распоряженіе воиновъ, наконецъ, воинственный характеръ арабскаго населенія, привыкшаго къ постоянной войнѣ,—все это были весьма благопріятныя условія для объясненія невѣроятныхъ успѣховъ арабскихъ завоеваній въ Сиріи, Палестинѣ и Месопотаміи.

Выше было говорено, что на границѣ имперіи съ независимыми арабскими племенами постепенно возникали полузависимыя отъ Византіи вассальныя княженія, правители которыхъ обязывались оберегать границы и служить имперіи за опредѣленныя денежныя выдачи. Таково было княжество Гассанидовъ на сѣверо-востокѣ Аравіи, въ сосѣдствѣ съ Сиріей; таково же было княжество Лахмидовъ на сѣверо-западѣ Аравіи по теченію Тигра, служившее раздѣломъ между Персіей и Аравіей. Населеніе этихъ владѣній принадлежало къ арабскому племени, но, вслѣдствіе продолжительныхъ культурныхъ вліяній изъ сосѣднихъ имперій, вело уже осѣдлый родъ жизни и скорѣй примыкало къ персамъ и грекамъ, чѣмъ къ бедуинамъ, по своимъ склонностямъ и роду жизни. Первые попытки привлеченія этихъ полукультурныхъ племенъ въ новый религіозный и политическій союзъ, основанный Магометомъ, привелъ арабовъ къ военнымъ столкновеніямъ съ Византіей, которая не могла быть холодной зрительницей того, какъ вассальному княжеству Гассанидовъ начали угрожать арабскія завоеванія. Первые попытки проникнуть въ Сирію относятся еще ко времени Магомета. Въ 628 г. арабы неосторожно прошли до Мертваго моря, гдѣ при Мутѣ трехтысячному отряду ихъ нанесено было сильное пораженіе. Абубекръ движеніемъ на Сирію хотѣлъ занять умы сильно волновавшихся арабовъ и отвлечь ихъ вниманіе отъ внутреннихъ споровъ о наслѣдствѣ по случаю смерти Магомета.

Въ началѣ 634 г. ¹⁾, по усмиреніи повстанцевъ, Абубекръ послалъ Халида ибнъ Саида съ 7-тысячнымъ отрядомъ въ Сирію противъ грековъ и союзныхъ съ ними арабовъ. Этотъ походъ пользовался такой

¹⁾ Weil, „Geschichte der Chalifen“. Mannheim, 1846, I, S. 37.

большой популярностью, что скоро составилось еще нѣсколько отрядовъ охотниковъ идти въ Сирію, чтобы вести войну съ невѣрными и отомстить за поражение при Мутѣ. Съ теченіемъ времени посланы были такимъ образомъ еще три отряда въ помощь первому. Но раздѣленіе власти между многими вождями было препятствіемъ къ успѣшнымъ военнымъ дѣйствіямъ, хотя Абубекръ, въ надеждѣ на легкую побѣду, назначилъ для каждаго отряда особенную цѣль. Такъ, Абу-Убеида долго оставался подѣ Босрой, на границѣ пустыни и Палестины, въ виду энергичнаго сопротивленія, оказаннаго ему жителями города, между тѣмъ какъ Халидъ ибнъ Саидъ прошелъ до Дамаска и потерпѣлъ здѣсь полное поражение. Чтобы придать больше единства мусульманскимъ предпріятіямъ и быть въ состояніи выступить противъ непріятели большими массами, Абубекръ отказался отъ ранѣе составленнаго плана и приказалъ отдѣльнымъ вождямъ идти на соединеніе и, кромѣ того, потребовалъ отъ военачальника Халида ибнъ Мелида, который велъ самостоятельныя военныя дѣйствія въ Персіи, помощи сирійскимъ войскамъ. Слѣдствіемъ подобныхъ мѣръ было то, что арабамъ сдалась Босра, и что они могли сосредоточить свои силы на осадѣ главнаго города Сиріи, богатаго и торговаго Дамаска. Императоръ Ираклій собралъ значительное войско для защиты Сиріи, но оно было разбито арабами лѣтомъ 633 года близъ Дамаска; новое войско, состоявшее изъ 80 тысячъ, встрѣтилось съ арабами на рѣкѣ Ярмукъ, въ небольшомъ разстояніи отъ Тиверіадскаго озера. Здѣсь арабамъ въ первый разъ предстояло сразиться съ многочисленной и организованной арміей, и здѣсь въ особенности могло имѣть гибельныя послѣдствія соперничество между вождями. Халидъ ибнъ Саидъ, превосходя другихъ умомъ и храбростью и понимая важное значеніе предстоящихъ событій, убѣждалъ своихъ товарищей пожертвовать личнымъ самолюбіемъ и подчиниться начальству того, кто будетъ избранъ на то общимъ голосомъ. Вожди согласились избрать эмиромъ Халида и выполнили тотъ планъ сраженія, какой имъ былъ предложенъ. Битва при Ярмукѣ была одной изъ самыхъ кровопролитныхъ въ исторіи арабскихъ войнъ. Три раза мусульмане должны были отступать передъ натискомъ византійской конницы и снова вступать въ бой, такъ какъ стоявшія сзади жены не допускали ихъ до безпорядочнаго бѣгства. Наконецъ, Халиду удалось отрѣзать непріятельскую конницу отъ пѣхоты и ударить всѣми

силами на византийскій лагерь, расположенный между рѣкой и близлежащими горами. Пораженіе христіанъ было полное, ибо часть потонула въ рѣкѣ, другая часть погибла отъ меча мусульманъ. Одержанной при Ярмукѣ побѣдой арабы обезпечили за собой успѣхъ послѣдующаго завоеванія Сиріи.

Дальнѣйшій ходъ событій падаетъ на время калифа Омара (634—644), который приказалъ сирійскимъ отрядамъ осаждать Дамаскъ. Абу-Убейда, стоявшій во главѣ осаждавшаго отряда, выдѣлилъ небольшія части изъ него, чтобы наблюдать за греческимъ войскомъ, посланнымъ на выручку Дамаску, и поставилъ городъ въ отчаянное положеніе. Начальникъ дамаскаго гарнизона, родственникъ царской семьи Оома, пытался воодушевить жителей города на борьбу съ мусульманами, обнадеживая ихъ скорой помощью извнѣ. Въ теченіе 70 дней происходили ожесточенныя стычки подъ стѣнами города; но какъ помощь не приходила, то жители Дамаска принуждены были сдаться. Они вступили съ Абу-Убейдой въ переговоры объ условіяхъ сдачи, стараясь выговорить для желающихъ право выйти изъ города, взявъ съ собой свое имущество. Въ это время другой вождь, Халидъ, ворвался въ городъ и началъ беспощадно опустошать его, пока Абу-Убейда не потребовалъ отъ него соблюдать выговоренныя жителями условія сдачи. Такимъ образомъ, главный городъ Сиріи былъ потерянъ для Византіи, при чемъ со стороны Ираклія не было принято чрезвычайныхъ мѣръ къ защитѣ этой важной провинціи. Правда, императоръ слѣдилъ за ходомъ военныхъ дѣлъ изъ Едессы, но нельзя не видѣть, что Босра, Дамаскъ и другіе города оборонялись лишь своими силами или тѣми незначительными гарнизонами, какіе въ нихъ содержались, и что главный вождь византийской арміи, братъ царя Θεодоръ, послѣ нанесеннаго ему пораженія при Ярмукѣ, не принималъ болѣе участія въ войнѣ съ арабами. Слѣдуетъ еще замѣтить, что арабы оказались весьма снисходительны къ христіанскому населенію завоеванныхъ городовъ; такъ, въ Дамаскъ они оставили за духовенствомъ нѣсколько христіанскихъ церквей, ограничившись небольшимъ налогомъ на жителей въ пользу мусульманскихъ благотворительныхъ учреждений. Судьба Сиріи и Палестины казалась рѣшенной безповоротно; императоръ Ираклій, удаляясь съ Востока въ свою столицу, озаботился тѣмъ, чтобы главная святыня

Іерусалима, Животворящее Древо креста Господня, не попалась въ руки мусульманъ, и перенесъ его въ Константинополь.

Успѣхамъ арабовъ въ Сиріи и Палестинѣ послѣ паденія Дамаска не было никакихъ преградъ. Вскорѣ были завоеваны Гомсъ, древняя Эмеса, Баальбекъ или древній Иліополь; очередь доходила до Іерусалима. Прежде чѣмъ приступить къ военнымъ дѣйствіямъ, арабы вступали въ переговоры съ городскими управленіями, предлагая имъ обсудить нижеслѣдующую формулу, образецъ которой сохранился по случаю переговоровъ съ Газой. „Нашъ повелитель приказалъ начать съ вами войну, если вы не согласитесь принять нашего закона. Присоединяйтесь къ намъ, будьте намъ братьями, и мы не сдѣлаемъ вамъ зла. Если не захотите этого, платите намъ дань, а мы будемъ защищать васъ отъ тѣхъ, кто будетъ вредить вамъ. Если же и на это не согласны, то знайте, что мы будемъ вести съ вами войну до тѣхъ поръ, пока не исполнится воля божія“. — Арабы сдерживали обѣщаніе и давали весьма щедрыя милости тѣмъ городамъ, которые сдавались имъ безъ сопротивленія. И любопытно отмѣтить, что въ Месопотаміи, на почвѣ персидской державы, арабы не имѣли такихъ легкихъ побѣдъ, какъ въ областяхъ Византійской имперіи. Съ другой стороны, не бывало случая, по крайней мѣрѣ, въ первые годы арабскихъ завоеваній, чтобы персы, перешедши подъ власть арабовъ, непосредственно обращались въ мусульманство, между тѣмъ какъ во владѣніяхъ византійскаго императора эти случаи были не рѣдки. „Въ религіозномъ отношеніи—говорить по этому случаю Вейль¹⁾—христиане, переходя подъ власть мусульманъ, только выигрывали въ свободѣ, ибо магометане не вмѣшивались въ ихъ духовныя дѣла, а что касается политической стороны, то вѣрные разъ данному слову калифы довольствовались очень умеренной данью, вслѣдствіе чего мусульманское господство было гораздо мягче, чѣмъ власть императора, который въ истинномъ смыслѣ слова высасывалъ кровь изъ отдаленныхъ провинцій. Это обстоятельство объясняетъ ту баснословную легкость, съ какой завоеванъ былъ мусульманами Египетъ“.

Возвращаемся къ побѣдоносному шествію по Сиріи. За подчиненіемъ Дамаска въ 636 г. послѣдовала сдача другихъ городовъ Сиріи. Главное начальство надъ арабскими войсками имѣлъ Абу-

1) „Gesch. der Chalifen“, I, S. 104.

Убейда, который изъ Гомса шелъ на сѣверъ Сирии и взялъ Антиохію и Алеппо. Въ то же время другіе арабскіе отряды имѣли задачей подчиненіе Палестины и занимали приморскіе города отъ Лаодикеи до Газы. Нѣсколько болѣе затрудненій доставила осада Кесаріи и Іерусалима въ 638 г. Іерусалимъ и по своему укрѣпленному положенію, и по своему исключительному значенію въ христіанскомъ мірѣ составлялъ предметъ особеннаго вниманія со стороны арабовъ и потому, что, какъ мѣсто Гроба Господня, онъ имѣетъ священное значеніе и для мусульманъ. Но жители города съ успѣхомъ выдерживали осаду, пока голодъ не заставилъ ихъ вступить въ переговоры. Главная роль здѣсь принадлежала патріарху Софронію, который извѣстенъ своей борьбой противъ моноелитства. Сдача города послѣдовала на весьма выгодныхъ условіяхъ для христіанъ, но понятъ подробности весьма не легко, такъ какъ извѣстный актъ, излагающій привилегіи, предоставленныя Омаромъ Іерусалиму, не можетъ считаться подлиннымъ актомъ Омара (рис. 85). Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію то, что самъ Омаръ присутствовалъ при заключеніи договора съ христіанами. Преданіе говоритъ, что патріархъ Софроній поставилъ непремѣннымъ условіемъ сдачи Іерусалима личное присутствіе намѣстника пророка, и что Омаръ согласился исполнить это желаніе патріарха Софронія. Простота въ обращеніи и суровый образъ жизни произвели сильное впечатлѣніе на христіанъ, когда они увидѣли, какъ Омаръ — повелитель сильнаго государства — путешествуетъ на верблюдѣ, довольствуясь самымъ необходимымъ для удовлетворенія своихъ потребностей: мѣшокъ съ рисомъ и финиками и сосудъ съ водой. Заключивъ договоръ, Омаръ посѣтилъ Іерусалимъ и сдѣлалъ распоряженіе о постройкѣ знаменитой мечети на мѣстѣ прежняго храма Соломонова (рис. 86). Теперь, что касается привилегій, которыми и доселѣ пользуется патріархатъ, и которыя въ большинствѣ основываются на грамотѣ Омара, то вкратцѣ онѣ заключаются въ слѣдующемъ. Христіане сохраняютъ жизнь и имущества, храмы ихъ неприкосновенны, они пользуются свободой исповѣданія своей вѣры, но не препятствуютъ желающимъ изъ ихъ среды переходить въ мусульманство. Какъ подданные калифа, они должны платить наложенную на нихъ подать. Въ сущности это весьма важныя привилегіи, гарантирующія жизнь и свободу вѣроисповѣданія, на

بسم الله الرحمن الرحيم

عالمنا

الحمد لله الذي عزانا للاسلام واكرمنا بالاسمان ورحمنا به بنسبه محمد

صلى الله عليه وسلم وهذا ناس من الضالاه وحفاهه بعد الشبان

والعقوبيا ونصرا على الاعداء ومضى لنا من البلاد وحملنا اخوانا

بنجاس واحدنا الله عماد الله على هذه القصة هذا وعلمنا عمر

ابن الحكار لعهد ومستأوا عكول الى الطرك البجاء الصوره وهو

صفر وثوب برك الله الملكة في كور الريون بمعاه الهندس

السره في الاسمال على الرعاما والموسس والرمان والراصا

Рис. 85. Грамота Омара.

основаніи которыхъ впослѣдствіи христіане могли пріобрѣсти себѣ и нѣкоторыя гражданскія права.

Почти въ то же время, какъ шли завоеванія въ Сиріи и Палестинѣ, съ неменьшимъ успѣхомъ мусульмане распространялись въ Месопотаміи и Персіи. Полузависимое отъ Персіи арабское владѣніе подъ управленіемъ династіи Лахмидовъ прежде всего должно было испытать на себѣ подъемъ арабской силы, при чемъ Персія, только-что окончившая войну съ Византіей, не въ состояніи была оказать вассальному государству достаточной поддержки. Еще при Абу-Бекрѣ подчинена была Гира и нѣкоторые другіе города, и уничтожено полунезависимое существованіе Лахмидовъ. При Омарѣ военныя дѣйствія въ Месопотаміи поручены были тому же Абу Убейдѣ, котораго военные подвиги мы отмѣтили при изложеніи событій въ Сиріи и Палестинѣ. Въ 634 г., вскорѣ послѣ побѣды надъ греками при Ярмукѣ, мусульмане потерпѣли отъ персовъ пораженіе въ Месопотаміи въ битвѣ, называемой „битва у моста“. Персы не сумѣли воспользоваться этимъ обстоятельствомъ вслѣдствіе кровавыхъ переворотовъ и придворныхъ интригъ, которыя надолго отвлекли вниманіе ихъ отъ государственныхъ задачъ. Наконецъ, власть получилъ Іездегердъ, случайно спасшійся отъ общей гибели царскаго дома Сассанидовъ, которому удалось вновь собрать значительное войско для отраженія арабовъ. Омаръ назначилъ въ персидскій походъ заслуженнаго и авторитетнаго вождя, бывшаго въ родствѣ съ Магометомъ, Саадъ ибнъ-Аби-Ваккаса, который явился на персидскую границу съ 30-тысячнымъ войскомъ. Произошла большая битва при Кадесіи въ 636 г., которая окончилась полнымъ пораженіемъ персовъ, и вслѣдствіе которой арабы сдѣлались обладателями Месопотаміи. Эта битва имѣетъ громадное значеніе въ исторіи мусульманства, и арабская поэзія разукрасила сраженіе у Кадесіи разнообразными вымыслами. Для укрѣпленія за собой важной въ военномъ и торговомъ отношеніи области, имѣвшей ключъ къ Персидскому заливу и передававшей въ руки завоевателей одинъ изъ торговыхъ путей въ Индію, арабы построили недалеко отъ сліянія рѣкъ Тигра и Евфрата крѣпость, изъ которой выросъ богатый и торговый городъ Басра, владѣвшій морскими судами и командовавшій Персидскимъ заливомъ.

Слѣдствія утвержденія арабовъ въ Месопотаміи были громаднаго значенія. Для персовъ оставалось мало надежды спасти провинціи,

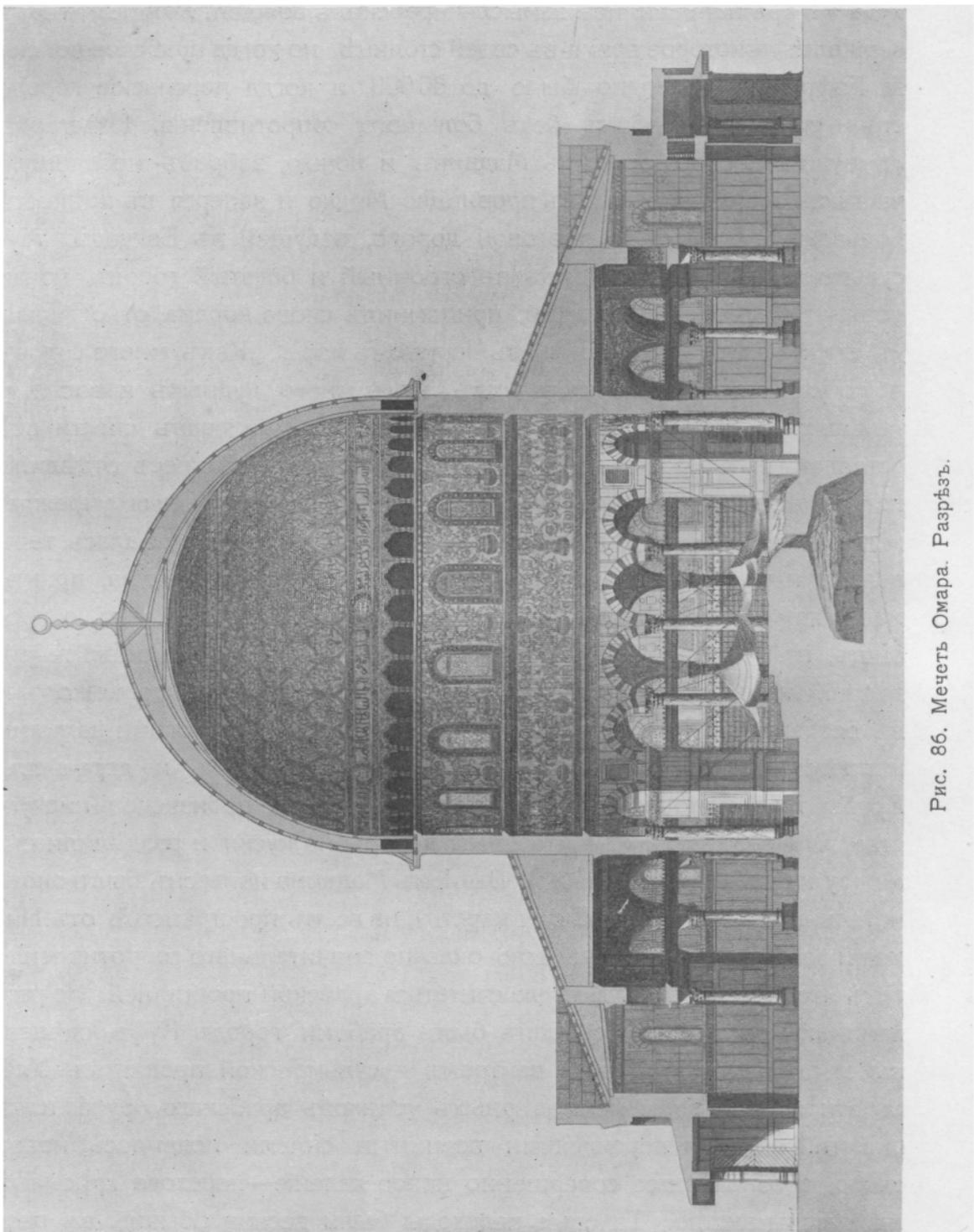

Рис. 86. Мечеть Омара. Разрѣзъ.

лежавшія на востокъ отъ Тигра со столицей Мадаинъ (Ктесифонъ), куда теперъ направились замыслы арабскихъ вождей. Хотя Іездегердъ держался нѣкоторое время въ своей столицѣ, но когда арабское войско за Евфратомъ доведено было до 60 000, и когда персидскіе города стали сдаваться арабамъ безъ большого сопротивленія, Іездегердъ принужденъ былъ оставить Мадаинъ и ночью, забравъ небольшую часть сокровищъ, ушелъ въ провинцію Мидію и заперся въ крѣпости Гольванъ, на большой торговой дорогѣ, ведущей въ Багдадъ. Мусульманскій вождь, вступивъ въ огромный и богатый городъ, почти покинутый своими жителями, припомнилъ слова корана, относящіяся къ египтянамъ, утонувшимъ въ Черномъ морѣ: „Какъ много садовъ покинули они, и ручьевъ и нивъ, какъ много чудныхъ и восхитительныхъ мѣстъ, которыми наслаждались“. Приказавъ снести всѣ оставленныя сокровища въ Бѣлый дворецъ, Аби-Ваккасъ отдѣлилъ пятую часть въ казну на церковныя и благотворительныя учрежденія, а остальное раздѣлилъ между воинами. Добыча оказалась такъ велика и такой цѣны, что на долю каждаго простого воина, принимавшаго участіе въ войнѣ, досталось около 3 т. рублей. Изъ сокровищъ, найденныхъ въ Ктесифонѣ, особенно поразили побѣдителей: золотой конь, серебряный верблюдь съ золотымъ верблюженкомъ и въ особенности драгоцѣнный коверъ, украшенный дорогими камнями и представлявшій рисунокъ изъ цвѣтовъ, фруктовъ и деревьевъ. Арабы такъ мало понимали въ то время значеніе произведеній искусства, что разрѣзали удивительный коверъ на куски и раздѣлили его между начальными людьми¹⁾. Взятіемъ Мадаина нанесенъ былъ окончательный ударъ персидскому царству; на всемъ пространствѣ отъ Ниневіи до Сузы арабамъ не было оказано значительнаго сопротивленія, такъ что Персія съ 637 г. могла считаться арабской провинціей. На развалинахъ Ктесифона основанъ былъ арабами городъ Куфа, сдѣлавшійся административнымъ центромъ мусульманской провинціи. Уже въ эти первые годы неимовѣрныхъ успѣховъ арабскаго оружія надъ византійскими и персидскими военными силами появилось новое слово, обозначающее совершенно новое явленіе—перехода христіанъ въ мусульманство. Таковыя переходы были весьма обычны въ первое время арабскихъ завоеваній, особенно въ Сиріи, гдѣ и вошелъ

1) Bury, I, 268—9.

КОПТСКІЙ КОВЕРЪ.

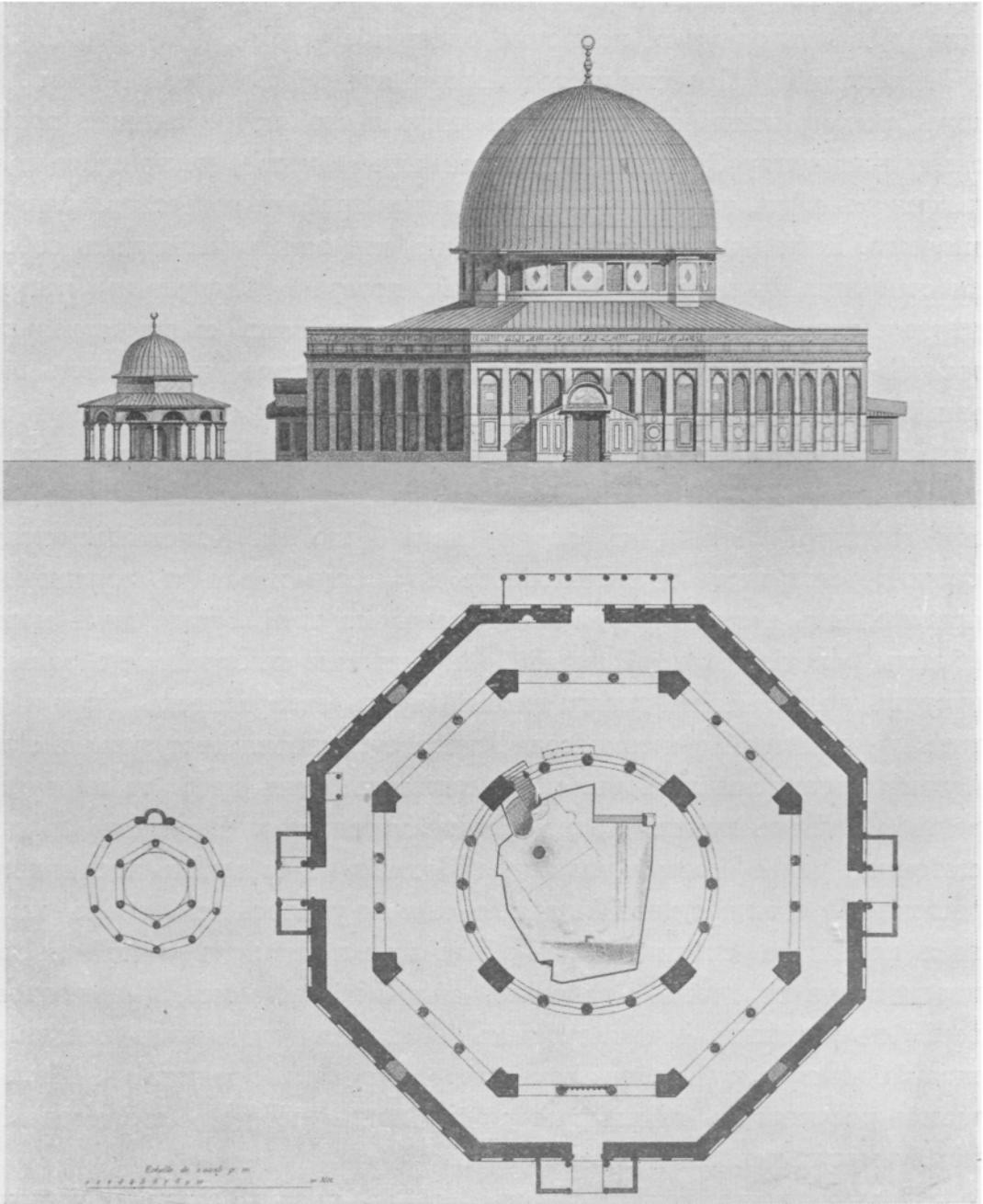

Рис. 87. Планъ мечети. Фасадъ.

въ употребленіе терминъ *μαραρίτης, μαραρίζω* для обратившихся въ мусульманство христіанъ.

Арабы готовились перенести свои военныя предпріятія въ Египеть, гдѣ ихъ ожидали не менѣе блестящіе успѣхи, чѣмъ въ Сирии и Месопотаміи. Представляется неразрѣшимой загадкой вопросъ о томъ, почему исконные владѣтели такъ легко поддававшихся арабскому господству богатыхъ и населенныхъ областей не приняли надлежащихъ мѣръ къ защитѣ и не оказали арабамъ серьезнаго сопротивленія. Если принять въ соображеніе, что занимающія насъ событія относятся къ царствованію Ираклія, который обнаружилъ безпримѣрные таланты искуснаго полководца въ войнахъ съ персами и въ защитѣ столицы отъ нападений аваровъ и славянъ, то слабость византійскаго военнаго напряженія, обнаруженная въ столкновеніяхъ съ арабами, должна казаться еще болѣе загадочной. Какъ-будто у Ираклія не стало болѣе ни людей, ни денегъ для отраженія гораздо болѣе важнаго врага, чѣмъ персы; какъ-будто въ Константинополѣ изсякло религіозное одушевленіе въ виду неимовѣрныхъ пораженій, испытанныхъ имперіей одинаково какъ на полѣ брани, такъ и въ области религіозныхъ убѣжденій. Мусульмане выступали не только противъ политической власти византійскихъ императоровъ, но и противъ христіанской имперіи; совмѣстное существованіе мусульманства и христіанства казалось бы невозможнымъ, такъ какъ та и другая религіи имѣютъ притязаніе на міровластительство. Выяснить съ достаточной рельефностью роль царя Ираклія въ событіяхъ послѣдняго десятилѣтія его царствованія далеко еще не удалось историкамъ, такъ какъ нельзя же успѣхи арабовъ объяснять истощеніемъ имперіи послѣ персидскихъ походовъ. Напротивъ, арабы обогащались, дѣлая завоеванія въ богатыхъ и культурныхъ областяхъ, такъ какъ находили вездѣ большую добычу въ деньгахъ и дорогихъ предметахъ. Попытаемся разсмотрѣть нѣкоторыя подробности первыхъ столкновеній между мусульманами и христіанами.

Прежде всего успѣху мусульманъ въ византійскихъ областяхъ содѣйствовали во многихъ случаяхъ іудеи, подвергавшіеся крайнему преслѣдованію въ Византіи и искавшіе защиты и покровительства у мусульманъ. Въ Іерусалимѣ и Эдесѣ происходили страшныя сцены убійства и насилія надъ іудеями, которые охотно служили арабамъ противъ грековъ, надѣясь подѣ господствомъ первыхъ на лучшее

устройство судьбы. Въ рядахъ арабскихъ отрядовъ поэтому было всегда значительное число іудеевъ, прекрасно знавшихъ страну и мѣстныя условія и оказавшихъ громадныя услуги завоевателямъ. Слѣдуетъ, далѣе, взвѣснить то обстоятельство, что самъ Ираклій ни разу не становился во главѣ войска, назначеннаго дѣйствовать противъ арабовъ. Хотя, начиная съ 632 года, т.-е. съ первыхъ мусульманскихъ походовъ въ Сирію, Ираклій находился поблизости отъ театра военныхъ дѣйствій, именно въ Эдессѣ и Дамаскѣ, но поручилъ войско полководцу Сергію, который при Газѣ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Начальникъ Босры Романъ, напуганный предложеніемъ сдать городъ, убѣждаетъ своихъ подчиненныхъ согласиться на требованіе платить небольшую дань и во время сраженія измѣннически предаетъ городъ врагамъ. Во время начавшейся осады Дамаска Ираклій отступилъ на сѣверъ и слѣдилъ за ходомъ дѣлъ изъ Эдессы; при этомъ значительную роль играли стѣнобитныя машины, приготовленныя для арабовъ перебѣжчиками изъ византійскаго лагеря. Посланный на помощь Дамаску братъ царя Феодоръ былъ разбитъ арабами, между тѣмъ арабы вступили въ переговоры съ осажденными и обѣщали имъ въ случаѣ сдачи значительныя привилегіи, какими и воспользовался сдавшійся арабамъ Дамаскъ. Послѣ сдачи этого города Ираклій перешелъ въ Антіохію и назначилъ начальникомъ своихъ отрядовъ перса Ваана.

Послѣ потери Дамаска Ираклій видимо потерялъ надежду на благопріятный исходъ дѣлъ въ Сиріи и Палестинѣ. Трусость, измѣна и предательство были почти обычными явленіями въ исторіи арабско-греческой войны. У Ираклія не достало энергіи вооружиться противъ крайней деморализаціи, какая овладѣла большинствомъ его подданныхъ, да и самъ онъ становился жертвой болѣзненныхъ предчувствій. Постигшее Палестину страшное землетрясеніе и появленіе кометы въ видѣ копья, обращеннаго на Константинополь, тревожило умы и лишало послѣднихъ надеждъ на благопріятный исходъ событій. Къ этому присоединились непріятности въ собственной семьѣ Ираклія и угрызенія совѣсти за незаконный бракъ съ Мартиной, въ которомъ многіе хотѣли видѣть причину всѣхъ несчастій, постигшихъ имперію. Находясь въ крайне удрученномъ состояніи, Ираклій собралъ въ антіохійскомъ храмѣ духовенство и народъ и совѣтовался съ нимъ на счетъ переживаемыхъ событій. Раздался голосъ одного старца,

присутствовавшего въ собраніи: „мы терпимъ справедливое воздаяніе за наше забвеніе евангелія, за безпорядки, ссоры, насилія и за отдачу денегъ въ ростъ“. Императоръ принялъ эти слова сказанными на свой счетъ, склонилъ голову и подумалъ, что своимъ присутвіемъ онъ вредитъ дѣлу вѣры Христовой. Въ этихъ расположеніяхъ, свидѣтельствующихъ о крайнемъ нравственномъ ослабленіи, Ираклій рѣшился возвратиться въ Константинополь. Что онъ считалъ положеніе дѣлъ вполне безнадежнымъ, видно изъ того, что, принимая это рѣшеніе, онъ отправился предварительно въ Іерусалимъ и взялъ съ собой драгоцѣнную христіанскую святыню, недавно имъ же освобожденную изъ персидскаго плѣненія, Честное Древо креста Господня. Говорятъ, что, оставляя Сирію, Ираклій нѣсколько разъ повторилъ съ глубокимъ горемъ: „Прощай Сирія, прощай на всегда“!

Но въ ближайшемъ будущемъ предстояли новыя потрясенія. Западная граница имперіи опиралась на завоеванія въ Африкѣ, сдѣланныя еще при Юстиніанѣ, ровно за сто лѣтъ передъ тѣми событіями, къ изложенію которыхъ здѣсь мы приступаемъ. Послѣ легкихъ побѣдъ надъ Гелимеромъ Юстиніанъ въ 534 г. торжественно заявилъ, что по милосердію Божію присоединены къ имперіи Африка, Ливія и всѣ тамошнія провинціи. Фактически это не соответствовало дѣйствительному положенію дѣлъ, такъ какъ власть императора простиралась лишь до Нумидіи, а западныя провинціи до Гибралтара (три Мавританіи) оставались, за исключеніемъ нѣсколькихъ приморскихъ мѣстъ, внѣ вліянія имперіи. Кромѣ того, предстояло удовлетворить разнообразныя притязанія африканскаго населенія. Извѣстно, что съ вандалами византійское правительство мало церемонилось: они частью были перебиты, частью выселены въ азіатскія провинціи, образовавъ тамъ особые полки, частью наконецъ, лишены имущественныхъ и гражданскихъ правъ¹⁾. Что касается романскаго населенія и интересовъ католической церкви, въ этомъ отношеніи Юстиніанъ расточалъ щедрыя милости, о которыхъ громко свидѣлствуютъ признанія епископовъ, собравшихся на соборѣ въ Карѳагенѣ и выражавшихъ свою радость по случаю возстановленія императорской власти въ Африкѣ. Но при всемъ томъ въ завоеванной провинціи дѣла обстояли не совсѣмъ благополучно. Туземцы Нумидіи и Мавританіи, раз-

1) Diehl, „L'Afrique Byzantine“. Paris, 1896, I, p. 36 squ.

личныя колѣна берберійскаго происхожденія хранили выжидательное положеніе и, принявъ подданство императора и давъ ему заложниковъ, группировались около своихъ племенныхъ князей и выжидали удобнаго случая, чтобы показать свою самостоятельность и напасть на города и селенія, принадлежавшія культурному романскому элементу. Означенныя колѣна имѣли уже довольно прочную организацію, составляя значительные союзы колѣнъ подъ одною военною властью и будучи въ состояніи выставить въ случаѣ нужды до 30 тысячъ конныхъ воиновъ. Мѣстныя кочевыя и полузависимыя племена были въ состояніи свергнуть византійское господство, если бы между ними было больше согласія и сознанія общихъ интересовъ. Только благодаря взаимной враждѣ племенъ и кровавой мести, византійскому главнокомандующему удавалось имѣть дѣло не съ цѣлымъ народомъ, а съ отдѣльными колѣнами и въ каждомъ частномъ случаѣ получать перевѣсъ надъ врагомъ. Вслѣдствіе назначенія въ Африку опытныхъ и энергичныхъ генераловъ, патрикіевъ Соломона и Германа, которымъ вручалась гражданская и военная власть, Юстиніану удалось потушить возстаніе берберійскихъ племенъ, къ которымъ присоединилась и часть войска, и послѣ рѣшительныхъ побѣдъ, одержанныхъ надъ повстанцами въ 539 году, дать вновь завоеванной провинціи сравнительное спокойствіе, безопасность и благосостояніе.

Послѣ Юстиніана значеніе африканскихъ владѣній пріобрѣтало большее и большее значеніе вслѣдствіе естественныхъ богатствъ, мира и высокой культуры, какою пользовалась эта страна, находившаяся далеко отъ центра, а равно вслѣдствіе экономической зависимости Константинополя отъ подвоза хлѣба изъ африканскихъ портовъ. Въ виду признанія исключительной важности западныхъ владѣній имперіи правительство императора Маврикія рѣшило ввести въ администраціи Африки важныя реформы, подчинивъ ее одному лицу, въ рукахъ котораго соединена была гражданская и военная власть, съ титуломъ экзарха. Такимъ образомъ на западѣ рядомъ съ Равеннскимъ экзархатомъ возникъ Африканскій, къ которому были причислены слѣдующія области: проконсульская провинція, Бицацена, Нумидія и Мавританія, острова Сардинія и Корсика ¹⁾. Въ началѣ

1) Diehl, „L'Afrique Byzantine“, p. 469.

VII в. африканскій экзархатъ имѣлъ во главѣ патрикія и экзарха Ираклія, который достигъ въ Африкѣ почти неограниченной власти во время правленія Фоки, и котораго сынъ, освободивъ имперію отъ тиранніи Фоки, вступилъ на престолъ въ 610 г. Въ этихъ событіяхъ съ особенной ясностью выступила чрезвычайно важная роль провинціи Африки и стоявшей во главѣ провинціи фамиліи Иракліевъ. Такъ какъ въ движеніи противъ Фоки участвовали не только регулярныя африканскія войска, но и контингенты отъ полузависимыхъ мавританскихъ и берберійскихъ племенъ, то понятно, что успѣхъ революціоннаго движенія, выдвинувшій Ираклія, тѣснѣй скрѣпилъ африканскій экзархатъ съ имперіей и объединилъ въ общей идеѣ подчиненія потомкамъ Ираклія разноплеменный составъ экзархата. Нельзя здѣсь не вспомнить того обстоятельства, что разъ, находясь въ отчаянномъ положеніи вслѣдствіе угрожающаго положенія отъ персовъ, Ираклій принялъ рѣшеніе въ 619 г. оставить Константинополь и перенести столицу имперіи въ Карѳагенъ. Только настоятельныя увѣщанія патриарха Сергія и просьбы населенія удержали царя отъ принятаго рѣшенія. Особенное вниманіе Ираклія къ африканскому экзархату видно и въ томъ, что управленіе имъ довѣрялось царскимъ родственникамъ, пользовавшимся исключительнымъ довѣріемъ Ираклія. Таковъ экзархъ Никита, двоюродный братъ царя, сынъ его дяди Григорія. Впослѣдствіи во главѣ экзархата былъ сынъ упомянутаго Никиты. До какой степени не прочно было положеніе столицы имперіи въ виду постоянныхъ угрозъ со стороны персовъ и аваро-славянъ и какъ въ этомъ отношеніи Западъ, гдѣ уже прекратились волненія и передвиженія народовъ, представлялъ болѣе безопасности и спокойствія сравнительно съ Востокомъ, видно на примѣрѣ императора Константа II, который въ 662 г. пытался перенести столицу въ Римъ и въ теченіе шести лѣтъ жилъ въ Сициліи, управляя отсюда восточными дѣлами. Подъ мудрымъ управленіемъ экзарховъ провинція Африка достигла въ VII в. высокаго благосостоянія и богатства. Христіанская проповѣдь имѣла большой успѣхъ между язычниками и пріобщила къ культурнымъ областямъ многочисленныя языческія племена Бизацены и Мавританіи, епископы новообращенныхъ странъ принимали участіе въ соборахъ, собиравшихся въ Карѳагенѣ. Торговля и промышленность африканскихъ областей, сношенія съ Египтомъ и съ Сициліей обогащали страну и создавали изъ нея непрерывающуюся цѣпь цвѣтущихъ

селеній и городовъ ¹⁾). Первыя впечатлѣнія арабовъ при ознакомленіи съ Египтомъ и Африкой полны энтузіазма и изумленія передъ богатствомъ городовъ, роскошной природой и множествомъ добычи, какая доставалась завоевателямъ.

Первыя попытки арабовъ проникнуть въ Египетъ относятся къ 634 г., когда еще не было окончено завоеваніе Персіи, Сиріи и Палестины. Но на сей разъ опасность миновала. Ираклій сосредоточилъ всѣ силы, какими располагала Африка, и приказалъ стратигу Пентаполя идти на встрѣчу врага. Можетъ-быть, сдѣланы были нѣкоторыя послабленія въ пользу берберовъ, которымъ предоставлены незащищенныя области. По свидѣтельству арабскихъ источниковъ, къ тому времени византійцы постепенно отступали передъ туземцами, переводя свои гарнизоны въ большіе города и оставляя туземному населенію равнины и открытыя мѣста и довольствуясь болѣе или менѣе призрачной властью надъ прежними подданными, почти достигшими независимости ²⁾). Существенными недостатками византійскаго господства, подтачивавшими въ самомъ основаніи авторитетъ власти христіанскаго императора, была финансовая система, въ особенности же упорная церковная политика, стремившаяся къ проведенію единства въ религіозныхъ воззрѣніяхъ. Большинство египетскаго населенія принадлежало къ монофизитскому толку, въ особенности въ верхнемъ и среднемъ Египтѣ. Императоръ, какъ исповѣдникъ ученія о двухъ естествахъ во Христѣ, всѣми мѣрами стремился провести на Востокѣ идею религіознаго единства и для этого издалъ извѣстную формулу „экөөсисъ“, которою имѣлъ въ виду сблизить враждующія партіи. Къ несчастью, его религіозная политика встрѣтила большое недовольство въ Африкѣ, гдѣ ученіе о двухъ естествахъ и воляхъ сдѣлалось символомъ господствующей византійской политической и народной партіи, а монофизитизмъ и моноелитство слились съ освободительными притязаніями мѣстнаго африканскаго населенія, въ особенности коптовъ. Ко времени арабскаго вторженія въ Египетъ вражда между коптами и греками въ особенности получила большое напряженіе на почвѣ религіозныхъ несогласій. Такъ какъ мусульманамъ было хорошо извѣстно положеніе дѣлъ въ византійскихъ владѣніяхъ Египта, то понятно желаніе Омара воспользоваться возгорѣвшейся съ новой

¹⁾ Diehl, p. 529—30.

²⁾ Diehl, p. 540.

силой борьбой для торжества религии пророка. Считая, однако, это предприятие весьма серьезнымъ, Омаръ не сразу уступилъ настоятельнымъ требованіямъ лучшаго тогдашняго полководца, уже получившаго извѣстность завоеваніями въ Палестинѣ, Амру-ибнъ-Аасъ, который считалъ нужнымъ предпринять походъ въ Египетъ. Говорятъ, что Омаръ послалъ арабскому вождю слѣдующее письмо касательно похода: „если это письмо попадетъ въ твои руки прежде, чѣмъ вступишь въ египетскую землю, то воротись назадъ; а если уже ты перешелъ границу, то продолжай походъ“. Амру прочиталъ это письмо уже по переходѣ за границу и на собственный страхъ пошелъ къ столицѣ фараоновъ, Мемфису. Первый укрѣпленный пунктъ, въ которомъ находился гарнизонъ, оказавшій сопротивление арабамъ, былъ въ Фармѣ (Пелузій) поблизости нынѣшняго Портъ-Саида. Здѣсь Амру простоялъ 30 дней и взялъ городъ при помощи коптовъ. Затѣмъ черезъ Бильбейсъ арабскій вождь направился къ Вавилону, на лѣвомъ берегу Нила, гдѣ получилъ изъ Аравіи значительныя подкрѣпленія. Эта мѣстность находится поблизости отъ нынѣшняго Каира и получила важное значеніе въ исторіи мусульманскаго господства въ Египтѣ, какъ столица арабскихъ завоевателей. Вскорѣ по завоеваніи Вавилона арабы получили прочныя основанія для своей власти въ расположеніи мѣстнаго населенія, которое подъ предводительствомъ влиятельнаго и богатаго Мукавка вошло съ завоевателями въ соглашеніе на счетъ условій подчиненія коптовъ арабамъ. Требования арабскаго вождя были умѣренны, ибо, не посягая на свободу вѣрованія коптовъ, Амру ограничился назначеніемъ умѣренной поголовной подати, собираемой только съ взрослога мужского населенія. Полагаютъ, что число обложеннаго этой податью населенія доходило до 6 милліоновъ ¹⁾). Греческое и романизованное пришлое населеніе принуждено было спасаться въ укрѣпленныя мѣста и, главнымъ образомъ, Александрію, куда направился Амру, пользуясь услугами и всяческимъ содѣйствіемъ со стороны мѣстныхъ жителей.

Осада Александріи потребовала со стороны арабовъ много времени и большихъ усилій. Городъ былъ хорошо защищенъ и имѣлъ достаточно гарнизона и съѣстныхъ припасовъ; кромѣ того, пользуясь морскимъ положеніемъ, онъ могъ всегда получать подкрѣпленія и

¹⁾ Weil, „Geschichte der Chalifen“, S. 110.

продовольствіе со стороны моря. Поэтому осада Александріи продолжалась больше года (640—641), и взятіе ея послѣдовало уже по смерти Ираклія, который нѣкоторое время лично принималъ участіе въ защитѣ города. Не одинъ разъ арабы врывались въ городъ, но были съ большимъ урономъ отражены, разъ даже самъ Амру будто бы попался въ плѣнъ и спасся только благодаря особеннымъ обстоятельствамъ. Окончательная сдача Александріи послѣдовала въ концѣ 641 г., когда городъ не только пересталъ получать подкрѣпленія изъ Константинополя, но даже долженъ былъ поступиться частью своего гарнизона по требованію новаго правительства въ Константинополь, которое для собственной безопасности стало нуждаться въ египетскихъ войскахъ. Такъ какъ городъ взятъ военной силой, то по отношенію къ жителямъ и имуществу ихъ не имѣли мѣста никакія предварительныя соглашенія; поэтому арабы потребовали у Амру разрѣшенія разграбить городъ и подѣлить добычу между воинами. Но калифъ Омаръ отдалъ приказаніе поступить относительно Александріи съ тою же мягкостью, какъ арабы относились тогда вообще къ населенію во вновь завоеванныхъ земляхъ, т.-е. ограничиться поголовной и поземельной податью. Александрія была самымъ большимъ и богатымъ городомъ, какой только находился во власти арабовъ; это былъ городъ съ 4 тысячами дворцовъ, съ такимъ же числомъ бань, съ 400 театровъ и со множествомъ торговыхъ людей. Арабскій вождь заявилъ желаніе основать въ Александріи свое пребываніе, но Омаръ предпочиталъ лишить Александрію ея первостепеннаго въ Египтѣ значенія и приказалъ основать новый городъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ арабскій лагерь во время осады Вавилона. Такъ возникъ Фостатъ, слившійся потомъ съ Вавилономъ и давшій начало знаменитому въ лѣтописи мусульманской исторіи Каиру. Благословенная долина Нила не только доставляла обильное пропитаніе находившемуся при Амру войску, но стала житницей бесплодной Аравіи. Еще до завоеванія Александріи, когда Амру стоялъ подъ Вавилономъ, Омаръ потребовалъ у него хлѣбныхъ запасовъ для Медины, и тогда же были отправлены въ Аравію караваны съ хлѣбомъ. Хотя эти караваны, по арабскимъ рассказамъ, были такъ велики, что первый верблюдъ былъ уже въ Мединѣ, когда послѣдній выходилъ изъ Египта, тѣмъ не менѣе чувствовалась необходимость соединить Египетъ и Аравію болѣе удобными и легкими путями сообщенія. Собравъ свѣдѣнія о

существовавшемъ прежде каналѣ между Египтомъ и Краснымъ моремъ, Омаръ приказалъ расчистить его и сдѣлать судоходнымъ. Извѣстно, что этотъ каналъ былъ вырытъ фараонами въ VII в. до Р. Хр., поддерживаемъ былъ персами и римлянами и въ послѣднее время, во время византійскаго господства, оказался запущеннымъ. Безъ особенно большихъ затрудненій Амру въ два года удалось достигнуть того, что египетскіе корабли стали привозить запасы хлѣба прямо въ Аравію.

Въ то же время Амру постепенно распространялъ границы арабскаго господства на западѣ. Берберы—обитатели Ливіи и Пентаполя—легко мирились съ мусульманскимъ господствомъ. Такимъ образомъ Амру и подчиненные ему вожди покорили Барку, Триполь и Сабру. Дальнѣйшему движенію на западъ воспротивился Омаръ, который находилъ небезопаснымъ столь быстрое распространеніе арабовъ особенно въ виду попытокъ со стороны Византіи возвратить снова Александрію. Вслѣдствіе этого завоеваніе Африки послѣдовало нѣсколько позже. Выразительной чертой характера Омара нужно признать крайне суровыя мѣры, принятыя имъ для увеличенія доходовъ, получаемыхъ съ завоеванныхъ провинцій. Сколько ни доставлялось ему сокровищъ и продовольственныхъ средствъ, онъ все находилъ мало и требовалъ отъ своего намѣстника новыхъ взносовъ. Извѣстно, что онъ погибъ отъ руки Фируза, котораго жалобу на несправедливыя вымогательства намѣстника онъ не захотѣлъ удовлетворить.

При калифахъ Османѣ и Али въ арабскихъ владѣніяхъ Азіи и Африки начались большія смуты вслѣдствіе междоусобій, возникшихъ между преемниками Магомета изъ-за власти. Но, тѣмъ не мене, движеніе арабовъ изъ нильской долины на западъ постепенно продолжалось вмѣстѣ съ отливомъ христіанскаго населенія, по преимуществу духовенства и монаховъ, бѣжавшаго въ Африку изъ Сиріи и Египта, какъ въ страну, обѣщавшую до извѣстной степени религіозную свободу и безопасность. Въ Карѣагенѣ представителемъ власти императора былъ тогда патрикій Григорій, христіанскія доблести котораго и покровительство, оказываемое благотворительнымъ учрежденіямъ и искавшимъ въ нихъ пріюта бѣглецамъ изъ занятыхъ мусульманами земель, ставится ему въ особую заслугу въ современ-

ныхъ жизнеописаніяхъ святыхъ ¹⁾). Но случилось такъ, что между бѣглецами оказалось много монофизитовъ, которые начали распространять свои неправославныя воззрѣнія между африканскими христіанами. Положеніе дѣлъ еще ухудшилось съ тѣхъ поръ, когда царица-регенташа Мартина, управлявшая имперіей по смерти Константина III, дала значительное преобладаніе партіи моноелитовъ, вслѣдствіе чего въ Константинополѣ и въ провинціяхъ еретики подняли голову и стали занимать епископскія катедры. Главнымъ борцомъ за торжество православія противъ монофизитскихъ и моноелитскихъ учений выступилъ въ Африкѣ извѣстный Максимъ Исповѣдникъ, нашедшій большого цѣнителя и почитателя его богословскаго образованія въ лицѣ тогдашняго правителя провинціи Африки. Религіозная проповѣдь Максима и громадное вліяніе, какимъ пользовался онъ, были причиной возбужденія антидинастическаго направленія, ибо онъ открыто говорилъ, что Господь не будетъ милостивъ къ ромейской державѣ, пока во главѣ ея находится потомство Ираклія. Подобныя слова падали на весьма воспріимчивую почву, такъ какъ недовольство правительственнымъ деспотизмомъ и вымогательствами никогда не утихало въ этой провинціи.

Въ 645 г. въ Карѳагенѣ происходило публичное состязаніе между бывшимъ константинопольскимъ патріархомъ Пирромъ, сосланнымъ въ Африку, и исповѣдникомъ Максимомъ по поводу вопросовъ вѣроученія. На состязаніи присутствовали экзархъ, епископы и свѣтскіе представители высшаго общества. Моноелитское ученіе подверглось беспощадной критикѣ со стороны Максима, и патріархъ Пирръ призналъ себя побѣжденнымъ. Это сопровождалось важными послѣдствіями, возбуждившими православное населеніе провинціи. Духовенство Нумидіи, Бизацены и Мавританіи составило соборъ, на которомъ единогласно высказалось противъ новшествъ, проводимыхъ въ Константинополѣ, и анаематствовало всѣхъ тѣхъ, кто сдѣлалъ бы попытку коснуться догматовъ, установленныхъ соборами и святыми отцами. Результаты соборныхъ дѣяній сообщены были патріарху и императору Константу II съ просьбой прекратить соблазнъ и возстановить религіозное единство. Къ сожалѣнію, византійское правительство

¹⁾ Имѣется въ виду, главнымъ образомъ, жизнеописаніе св. Максима; Migne, „Patrologia“, т. XC и XCI, p. 459 и слѣд.

имѣло другую точку зрѣнія на основаніи теоріи церковнаго единства въ имперіи.

При такихъ условіяхъ и при непрочности положенія на престолѣ потомковъ Ираклія, для патрикія Григорія, правившаго отдаленной и богатой провинціей, пропитанной освободительнымъ отъ имперіи движеніемъ, выступилъ во всей обаятельности вопросъ о независимости. Экзархъ не могъ оказаться безучастенъ и къ придворнымъ событіямъ, къ слухамъ объ интригахъ царицы Мартины, низверженію ея и вступленію на престолъ Константа II. И внутреннее состояніе провинціи Африки, и слабость власти въ столицѣ—все внушало патрикію надежду на успѣхъ смѣлаго предпріятія, и онъ провозгласилъ себя императоромъ. Хотя въ управляемомъ имъ экзархатѣ это революціонное движеніе встрѣчено было съ большимъ сочувствіемъ не только со стороны романизованныхъ классовъ, но также и въ массѣ мѣстнаго берберійскаго населенія, тѣмъ не менѣе, экзархъ понималъ громадную важность настоящаго момента и предпочелъ встрѣтить предстоящія событія не въ Карѳагенѣ, а внутри страны, въ укрѣпленномъ городѣ Суфетула. Ближайшая опасность угрожала впрочемъ не со стороны Константинополя, а изъ сосѣдняго Египта. Мы видѣли, что Омаръ пріостановилъ движеніе на западъ своего полководца Амру; преемникъ Омара, калифъ Османъ, въ 647 г. далъ приказаніе Абдаллахъ-ибнъ-Саиду, намѣстнику Египта, идти на Африку. Легкая мусульманская кавалерія, въ которой арабы не имѣли себѣ соперника въ то время, набросилась на незащищенныя мѣста провинціи Бизацены и наносила громадный вредъ крестьянскому населенію. Патрикій Григорій, собравъ большое войско изъ византійскихъ гарнизоновъ и изъ мѣстныхъ племенъ, выступилъ противъ непріятели въ сопровожденіи своей дочери, которая сражалась съ арабами съ рѣдкимъ мужествомъ и храбростью. Въ равнинѣ Сбейтлы произошла кровавая битва, въ которой византійцы потерпѣли страшное пораженіе, потерявъ своего предводителя экзарха и его дочь, попавшуюся въ плѣнъ. Послѣ одержанной побѣды арабы приступили къ осадѣ города Суфетулы (Сбейтла), который взяли на щитъ и подвергли страшному опустошенію. Дальнѣйшіе успѣхи арабовъ были, однако, пріостановлены въ крѣпкихъ сѣверныхъ городахъ, занятыхъ греками, которыхъ они за слабымъ развитіемъ осаднаго искусства не могли еще съ успѣхомъ осаждать. Вслѣдствіе этого Абдаллахъ охотно со-

гласился на мирные переговоры и очистилъ на этотъ разъ занятую страну, получивъ за то громадную выкупную сумму.

Послѣ изложенныхъ событій арабы не дѣлали попытокъ завладѣть Африкой въ теченіе значительнаго періода времени. Внутренніе раздоры въ калифатѣ и переходъ власти къ племени Омейядовъ въ потомствѣ Абу-Суфіана отвлекли вниманіе арабовъ отъ внѣшнихъ предпріятій почти на 20 лѣтъ. Новое серьезное движеніе изъ Египта обнаруживается въ первый разъ только въ 659 году, когда калифъ Моавія для похода въ Африку назначилъ стараго и испытаннаго въ битвахъ полководца Амру, который разъ уже совершилъ удачный походъ въ эти земли, но былъ пріостановленъ осторожнымъ Омаромъ. Политическое положеніе провинціи послѣ возмущенія экзарха Григорія, повидимому, далеко не улучшилось, и вообще половина VII вѣка въ исторіи Византійской имперіи представляетъ эпоху крайняго ослабленія и упадка матеріальной силы и власти. Императоръ Константъ пытался изданіемъ своей формулы подъ именемъ „Типа“ примирить религіозныя партіи, но возбудилъ противъ себя недовольство и въ особенности въ римскомъ епископѣ, къ которому тѣсно примыкала по своимъ воззрѣніямъ африканская церковь. И тѣмъ болѣе можно пожалѣть о горячности, съ которой обсуждались церковные споры, что Константъ II сознавалъ всю важность переживаемыхъ событій и съ цѣлью противодѣйствія арабамъ и удержанія западныхъ областей въ связи съ имперіей рѣшилъ на экстренныя средства, перенеся на нѣкоторое время свое пребываніе въ Сицилію и принявъ мѣры къ укрѣпленію Карѳагена и къ усиленію средствъ защиты въ Африкѣ. Къ сожалѣнію, все это требовало новыхъ матеріальныхъ средствъ и вызвало увеличеніе повинностей, которыя ложились тяжелымъ бременемъ на африканскій экзархатъ и усилили раздраженіе противъ власти императора. Когда въ 665 г. арабы готовили большую экспедицію въ Африку, эта страна находилась въ полномъ броженіи: экзархъ былъ изгнанъ изъ Карѳагена и замѣненъ самовольно избраннымъ начальникомъ, туземныя берберійскія племена находились въ анархіи и готовы были охотнѣй подчиниться мусульманамъ, чѣмъ сносить тяжелую зависимость отъ императора. Прочныя завоеванія въ Африкѣ начались послѣ 665 г., когда арабское войско вторглось въ византійскую область и начало опустошать во всѣхъ направленіяхъ Бизацену. Императоръ послалъ

изъ Сициліи отрядъ въ 30 тысячъ подъ предводительствомъ патрікія Никифора, который, однако, не остановилъ арабовъ, но потерпѣлъ отъ нихъ пораженіе. Богатая добыча, взятая арабами въ этомъ походѣ, и легкость, съ которою удалось имъ выгнать грековъ даже изъ нѣкоторыхъ укрѣпленныхъ мѣстъ, внушили имъ увѣренность, что византійская Африка можетъ быть ими занята безъ особенныхъ трудностей. Исполнителемъ воли калифа на этотъ разъ явился Окбай-ибнъ-Нафи, который съ 10-титысячнымъ отрядомъ проникъ въ византійскую область. Для ясности изложенія слѣдуетъ сказать, что провинція Африка, или арабскій терминъ „Ифрикія“, обнимала, главнымъ образомъ, приморскія области, начиная отъ Египта: частью Пентаполь съ городомъ Барка, далѣе провинцію Триполь, затѣмъ Бизацену, Нумидію, Африку съ Карфагеномъ и Мавританію или Магрибъ. Пентаполь и Триполь были присоединены къ арабскимъ владѣніямъ вслѣдъ за подчиненіемъ Египта; слѣдовательно, къ экзархату Африки въ занимающее насъ время относились области, начиная съ Бизацены. Такимъ образомъ, всѣ географическіе термины, которые далѣе встрѣтятся въ изложеніи арабскихъ походовъ, относятся къ пограничнымъ мѣстамъ между Триполи и Бизаценой. Во время похода Окбай-ибнъ-Нафи въ 667—668 г. провинція Триполь до острова Джербы перешла уже подъ власть арабовъ, равно какъ и внутренняя полоса земли съ оазисами Уадданъ и Феццанъ. Это была эпоха наибольшаго потрясенія имперіи: насильственная смерть царя Константа II въ Сиракузахъ и появленіе двухъ бунтовщиковъ, объявившихъ себя императорами въ Сициліи и въ Малой Азіи, побудили Константина Погоната собрать всѣ силы, какими располагала имперія, для борьбы съ самозванцами. Это дало возможность арабамъ не только безъ помѣхи распорядиться съ пріобрѣтенными областями, но и обезпечить на будущее время обладаніе значительной частью экзархата.

Съ этой цѣлью Моавія приказалъ Окбѣ утвердиться въ завоеванной области и основать на границахъ Бизацены укрѣпленный лагерь. Арабскій полководецъ увеличилъ свой отрядъ свѣжими силами изъ берберовъ, завоевалъ новыя области на югъ отъ Триполи и двинулся далѣе на сѣверо-западъ къ Бизаценѣ, занявъ Кастилію и Гафсу. Но самымъ смѣлымъ и важнымъ въ стратегическомъ отношеніи было то, что онъ пришелъ къ мысли основать городъ Кайруанъ (670 г.) поблизости отъ морского берега, избравъ его опор-

нымъ мѣстомъ для господства въ Африкѣ и для будущихъ военныхъ предпріятій противъ имперіи. Этотъ городъ возникъ на обширной болотистой равнинѣ, въ небольшомъ разстояніи отъ Гадрумета и при подошвѣ горъ, которыя защищали византійскую область. Не обращая вниманія на неблагопріятныя условія почвы и на возраженія военныхъ людей, онъ въ теченіе пяти лѣтъ съ настойчивостью занимался устройствомъ города и приготовилъ въ немъ опорный пунктъ для новыхъ завоеваній и убѣжище на случай пораженія. Впослѣдствіи здѣсь образовался прекрасный городъ со множествомъ роскошныхъ мечетей и частныхъ зданій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, важный торговый пунктъ. Что не можетъ не поражать историка, это полное отсутствіе данныхъ для сужденія о томъ, какъ отнеслись византійцы къ постройкѣ Кайруана и предпринимали ли какія попытки, чтобы выбить арабовъ изъ занятой ими позиціи. „Основаніе Кайруана—говоритъ Диль ¹⁾—имѣло неисчислимыя послѣдствія для будущихъ судебъ Африки. Прежде, когда мусульманскія экспедиціи направлялись изъ Египта или изъ Барки, соединенныя съ ними опустошенія при всей ихъ беспощадности были всегда ограничены по времени, и между византійскими владѣніями и арабами образовали заслонъ берберійскія племена Триполи и Бизація, которыя до извѣстной степени ослабляли напоръ враговъ. Теперь, на границахъ самой Проконсульской провинціи возвышалась цитадель, занятая сильнымъ гарнизономъ, откуда будутъ безпрестанныя вылазки противъ крѣпостей, защищающихъ пограничную область (limes), постоянныя опустошенія, нарушающія покой провинціи. Каждая новая экспедиція здѣсь найдетъ безопасное мѣсто для склада добычи; здѣсь въ случаѣ неудачи она имѣетъ возможность заpastись свѣжими силами. И между тѣмъ какъ византійская провинція подъ этимъ постояннымъ напоромъ будетъ постепенно приближаться къ гибели, мусульманство побѣдноносно будетъ расширяться изъ Кайруана по всей Африкѣ, и религіозная пропаганда, идя рядомъ съ завоеваніями, укрѣпитъ эти послѣднія. Конечно, еще около 30 лѣтъ византійцы будутъ съ мужествомъ и по временамъ съ успѣхомъ вести борьбу; тѣмъ не менѣе, основаніе Кайруана обозначаетъ рѣшительный поворотъ къ паденію африканскаго экзархата“.

¹⁾ Diehl, „L'Afrique Byzantine“, p. 574.

Окба скоро былъ отозванъ изъ Африки, и на его мѣсто назначенъ Абу-Могаджиръ. Но это не имѣло существеннаго значенія для экзархата, такъ какъ разжалованный генералъ снова вошелъ въ милость калифа и получилъ въ управленіе Африку. Въ 683 г., оставивъ въ Кайруанѣ небольшой гарнизонъ, онъ бросился на западъ, чтобы докончить подчиненіе византійской Африки, и, не принявъ никакихъ мѣръ къ защитѣ отступленія на случай возможной неудачи, неосторожно дошелъ до Мавретаніи, хотя въ тылу у него составилъ значительный отрядъ изъ берберовъ и остатковъ византійскихъ гарнизоновъ, имѣвшій цѣлью отрѣзать ему отступленіе. Дѣйствительно, когда Окба считалъ кампанію оконченной, дошедши по арабскимъ преувеличеннымъ, конечно, извѣстіямъ до береговъ Атлантическаго океана или до нынѣшняго Танжера, на возвратномъ пути къ Кайруану онъ былъ окруженъ возставшими племенами въ своей стоянкѣ близъ Тегуды, гдѣ палъ геройской смертью. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого пораженія было то, что опорный пунктъ арабовъ въ Кайруанѣ былъ утраченъ, и еще на десять лѣтъ продолжено было въ Африкѣ господство императора.

Наступательное движеніе противъ византійскихъ приморскихъ владѣній въ Африкѣ вновь обнаруживается въ 693 году, когда калифъ Абдъ-ель-Меликъ отдалъ распоряженіе о начатіи дѣйствій противъ Карѳагена. Намѣстникомъ калифа въ Африкѣ былъ Гассанъ-ибнъ-Номанъ, занятый въ то время подготовленіемъ средствъ для борьбы съ обширнымъ союзомъ берберійскихъ племенъ, стоявшимъ подъ управленіемъ храброй царицы, извѣстной подъ именемъ Кагены или волшебницы, которая имѣла среди воинственныхъ горныхъ племенъ громадный авторитетъ. Мусульманскій вождь открылъ кампанію смѣлымъ и рѣшительнымъ движеніемъ противъ главныхъ позицій, остававшихся во власти Византіи на морскомъ берегу, и въ 695 г. осадилъ столицу экзархата Карѳагенъ. Послѣ битвы подъ стѣнами города, въ которой экзархъ потерпѣлъ пораженіе, Карѳагенъ взятъ приступомъ и занятъ мусульманами. Остатки войска и часть романизованнаго населенія искали спасенія въ Сициліи и на островахъ; большинство же населенія взято въ плѣнъ и обращено въ рабство. Но это не былъ еще заключительный актъ исторіи африканскаго экзархата подъ византійской властью. Гассанъ, оставивъ гарнизонъ въ Карѳагенѣ, поспѣшилъ противъ царицы Кагены

которая, спустившись съ горныхъ вершинъ Нумидіи, расположилась лагеремъ въ долину Багайя. Около царицы собрались не только берберійскія племена, но и значительная часть мѣстнаго культурнаго и христіанскаго населенія—всѣ тѣ, для кого не желательно было усиленіе мусульманской власти. Произошла битва на берегахъ рѣчки Уэдъ-Нини, въ которой арабамъ нанесено было страшное пораженіе. Вотъ почему грекамъ снова могло улыбнуться счастье въ Африкѣ. Въ то время какъ Гассанъ испыталъ пораженіе отъ союза берберійскихъ племенъ и, не имѣя средствъ держаться въ завоеванной странѣ, отступилъ въ Пентаполь, къ Карѳагену прибылъ греческій флотъ подъ предводительствомъ патрикія Іоанна и безъ труда овладѣлъ городомъ, возстановивъ въ приморскихъ частяхъ экзархата византійскую власть (697 г.). Но это продолжалось одинъ лишь годъ, потому что въ 698 г. греческій флотъ долженъ былъ отступить изъ Карѳагена подъ угрозой мусульманскихъ морскихъ судовъ. Съ тѣхъ поръ экзархатъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ городовъ въ Мавретаніи и Проконсульской провинціи, окончательно подчинился мусульманамъ. Конечно, арабамъ не даромъ досталось утвержденіе въ этой прекрасной и весьма обработанной странѣ, о которой современники занимающихъ насъ событій говорили: отъ Триполи до Танжера вся страна была похожа на садъ. Но съ конца VII в. они научились уже подъ руководствомъ грековъ строить суда и имѣли въ распоряженіи морской флотъ, которымъ пользовались для перевозки людей и военныхъ матеріаловъ во всѣ приморскія мѣста, находившіяся въ ихъ владѣніи. Въ особенности серьезное сопротивленіе нашли арабы въ союзѣ независимыхъ племенъ, во главѣ котораго стояла царица Кагена. Чтобы отстоять свою свободу, эти племена вполне опустошили страну и уничтожили города и крѣпости, дабы не оставить арабамъ средствъ держаться въ разоренной странѣ. Героическая легенда о послѣдней борьбѣ берберовъ съ арабами соединена съ именемъ царицы Кагены, которая не разъ нанесла пораженіе арабамъ и славно погибла въ одной изъ битвъ съ Гассаномъ.

Преемникъ Гассана въ управленіи Кайруаномъ и новой провинціей съ Карѳагеномъ во главѣ, Муса-ибнъ-Носейръ (704 г.), довершилъ покореніе Африки смѣлымъ движеніемъ на западъ и подчиненіемъ приморской страны до крѣпости Септемъ (Танжеръ). Послѣднимъ правителемъ этой самой крайней на западѣ византійской об-

ласти былъ комитъ Юліанъ. Овладевъ африканской береговой полосой отъ Египта до Танжера, арабы нанесли громадный ущербъ благосостоянію страны, управляемой экзархомъ. Походы Гассана и Мусы истребили до основанія культуру, уничтожили города и погубили сельское населеніе Африки. Послѣднія берберійскія племена, потерявъ въ постоянныхъ битвахъ съ арабами своихъ вождей, должны были подчиниться завоевателямъ, принять мусульманство и сдѣлаться ревностными приверженцами ислама. Съ арабскимъ завоеваніемъ сѣверная Африка, бывшая христіанской и высококультурной страной, утратила большую часть своего населенія, обращеннаго въ рабство и распроданнаго на базарахъ Востока и обратилась въ пустыню, которую населяютъ бедуины. „Большинство городовъ Ифрикіи, говоритъ арабскій историкъ ¹⁾, опустошены вслѣдствіе сопротивленія, оказаннаго берберами; селенія покинуты жителями, хозяйственныя заведенія сожжены, оросительныя работы запущены“. Что касается христіанской церкви, то хотя арабы допустили свободу отправленія религиозныхъ обрядовъ подъ условіемъ платы опредѣленной дани, тѣмъ не менѣе, съ первыхъ же лѣтъ арабскаго завоеванія обращеніе въ мусульманство сдѣлалось весьма обыкновеннымъ явленіемъ, и множество церквей обращено было въ мечети. Впрочемъ, вѣротерпимость не была послѣдовательной и неизмѣнной политикой калифовъ. Такъ, Омаръ II въ 717 г. лишилъ христіанъ ихъ привилегій, и они были обязаны или оставить страну, или принять мусульманство. Часть христіанъ переселилась въ Италію и Францію, большинство же обратилось въ исламъ. Такимъ образомъ, вскорѣ послѣ завоеванія цвѣтущая прежде африканская церковь доведена была до крайняго оскудѣнія.

Въ заключеніе намъ остается ознакомиться съ завоевательными притязаніями ислама, обращенными на малоазійскія владѣнія и на самую столицу Византійской имперіи.

Уже первоначальная исторія побѣдоноснаго расширенія мусульманства представляетъ ясное доказательство того основнаго положенія, которое проникаетъ самое существо мусульманства какъ религіи и какъ политической системы, что его живой нервъ заключается въ военномъ дѣлѣ, и что самый мудрый калифъ всегда умѣлъ напра-

¹⁾ Diehl, „L'Afrique Byzantine“, p. 590—591.

влять на новыя военныя предпріятія мусульманскій народъ—войско. Движеніе арабовъ въ Сирію и Месопотамію, завоеванія ихъ въ средней Азіи до Индіи сдѣлали изъ нихъ, по преимуществу изъ легкой кавалеріи арабской арміи, первое въ свѣтѣ сухопутное войско, которое не знало себѣ соперника. Осадное искусство, сначала совсѣмъ имъ неизвѣстное, система обороны и укрѣпленія стана, гдѣ необходимы были знанія техники земельныхъ сооружений, скоро усвоены ими были отъ сирійцевъ, грековъ и армянъ и стали быть примѣняемы въ войнахъ съ Византіей. Но завоеванія, сдѣланныя въ Египтѣ и въ Африкѣ, вызвали у арабовъ появленіе морскихъ судовъ и постепенно приготовили ихъ къ господству на Средиземномъ морѣ. Въ самомъ дѣлѣ, владѣніе морскимъ берегомъ Африки съ морскими торговыми гаванями нельзя было обезпечить за собой безъ достаточнаго флота, равно какъ почти невозможно было поддерживать сухопутныя сношенія изъ Египта съ Баркой, Карѣагеномъ, Танжеромъ и еще болѣе снабжать эти мѣста гарнизонами, военными запасами и разнымъ продовольствіемъ. А затѣмъ впереди были Кипръ, Критъ, Родосъ и Сицилія и, наконецъ, Константинополь, куда направились жадные взоры калифовъ начиная, съ конца VII вѣка.

Начало знакомства съ морскимъ дѣломъ относится къ половинѣ VII в. (648—649 гг.). Это было смѣлое для арабовъ предпріятіе, на которое они не сразу рѣшились. Говорятъ, что осторожный Омаръ никакъ не соглашался ввѣрить судьбу правовѣрныхъ невѣрной стихіи, и только при его преемникѣ намѣстникъ Сиріи Моавія воспользовался прекраснымъ строительнымъ матеріаломъ, какой представляли финикійскіе лѣса, и изготовилъ значительный флотъ. Первыми строителями и матросами были, конечно, сирійскіе христіане и первое предпріятіе имѣло цѣлью похода на Кипръ. На 1700 судахъ арабы подплыли къ Кипру, взяли главный городъ Констанцію и опустошили весь островъ. На этотъ разъ Моавія не утвердилъ за арабами первое морское завоеваніе, такъ какъ императоръ Константъ послалъ на Кипръ отрядъ морскихъ судовъ, которымъ удалось прогнать арабовъ. Но, начиная съ 650 г., морское господство Византіи на Средиземномъ морѣ начинаетъ подвергаться ограниченіямъ со стороны арабовъ, которые своими набѣгами на малоазійскіе берега причиняли имперіи не малый вредъ. Въ 653 и 654 гг. заняты арабами Кипръ, и въ то же время непріятельскіе корабли показались въ виду Халкидона, угрожая столицѣ. По

поводу этихъ событій, которыя должны были сильно затронуть современниковъ, у писателя Теофана есть нѣсколько любопытныхъ извѣстій. Въ 654 г. Моавія, захвативъ Родосъ, низвергъ статую Солнца, знаменитый родосскій колоссъ, и продалъ ее одному торговцу еврейскаго происхожденія изъ города Эдессы, который навьючилъ на 900 верблюдовъ матеріаль полученный изъ обломковъ статуи. Въ слѣдующемъ году Моавія сдѣлалъ большія приготовленія судовъ и занялся снаряженіемъ ихъ для замышляемаго имъ похода противъ Константинополя. Заготовка судовъ производилась въ Триполи на финикійскомъ берегу. Два мѣстные жителя, родные братья, пылая ревностью по Богѣ, неожиданно напали на трипольскую темницу, въ которой содержалось много плѣнныхъ ромеевъ, взломали ворота и освободили заключенныхъ. Затѣмъ они убили правителя города и его арабскій гарнизонъ и предали огню весь приготовленный для похода запасъ; сами же спаслись бѣгствомъ въ византійскія области. Но арабы не оставили своего намѣренія. Моавія, отправившись походомъ на Кесарію каппадокійскую, поручилъ выполненіе морского предпріятія Авулаѳару, назначивъ его адмираломъ флота. Онъ пошелъ по берегамъ Ликии, гдѣ находился въ то время царь Константъ и вступилъ съ нимъ въ сраженіе. — Несмотря на дурной сонъ, предвѣщавшій пораженіе, императоръ вступилъ съ арабами въ сраженіе и потерпѣлъ сильное пораженіе. Онъ неминуемо попался бы въ плѣнъ, если бы не надѣлъ одежду простого матроса и не перешелъ въ другой корабль.

Таковы были первыя столкновенія съ арабами на морѣ. Дальнѣйшіе успѣхи ихъ пріостановлены были послѣдовавшими въ калифатѣ смутами по смерти Османа и борьбой изъ-за власти. Въ 659—660 г. Константъ заключилъ съ арабами миръ, при чемъ калифъ обязался платить дань ¹⁾).

Съ переходомъ власти калифа къ Моавіи (661 г.) притязанія на обладаніе моремъ и опустошительныя набѣги на приморскія области Византіи снова входятъ въ систему арабской политики. Сухопутныя набѣги на внутренніе города и опустошенія приморскихъ мѣстъ ставили имперію въ чрезвычайно тяжелое положеніе, такъ какъ лишало культурныя области Малой Азіи постояннаго осѣдлаго населе-

¹⁾ Theoph., „Chron.“, p. 347; Вургу (p. 292) толкуеть это мѣсто, но не убѣдительно.

нія, съ котораго собирались подати, и шла воинская повинность. Съ этого времени входитъ въ политику императоровъ обычай заселять пустопорожнія мѣста на Востокъ славянскими колонистами, переводимыми изъ областей Балканскаго полуострова, и частью переселенцами изъ Арменіи, чѣмъ придана была малоазійскимъ провинціямъ новая сила, поднявшая экономическія средства и военную силу имперіи. Въ 668 г., со вступленіемъ на престолъ Константина IV Погоната, Моавія возложилъ на своего сына Іезида осуществленіе главныхъ своихъ плановъ на счетъ имперіи. За скудостью данныхъ трудно прослѣдить въ подробностяхъ хорошо согласованныя арабскія предпріятія противъ Константинополя съ суши и съ моря. Въ теченіе семи лѣтъ арабы угрожали столицѣ постоянной опасностью нападенія и осадой съ моря. Предводитель арабскихъ сухопутныхъ силъ, Суфіанъ ибнъ-Ауфъ, пришелъ къ Халкидону съ сухопутнымъ войскомъ, а флотъ вошелъ въ Дарданеллы и высадилъ значительный отрядъ на европейскомъ берегу, близъ Эвдома или въ нынѣшнемъ Макри-кей, за стѣнами города. Этому отряду предстояло осаждать городъ со стороны суши, отъ Мраморнаго моря до Золотога рога. Во всѣ времена одновременное обложеніе Константинополя съ суши и съ моря представляло для города большую опасность, несмотря на крѣпкія его стѣны и искусную систему защиты. Почему на этотъ разъ не удалось предпріятіе, трудно сказать. По всѣмъ даннымъ флотъ подъ начальствомъ Абдъ-Еррахмана прибылъ весной 672 г. Отъ апрѣля до сентября арабы находились въ непрерывныхъ стычкахъ съ гарнизономъ Константинопольскимъ, но, повидимому, не имѣли успѣха. Съ наступленіемъ осеннихъ непогодъ арабскій флотъ снималъ осаду и уходилъ зимовать въ Кизикъ, которымъ овладѣли арабы въ первый годъ осады и которымъ пользовались затѣмъ какъ морской зимней стоянкой. Нѣтъ сомнѣнія, что это давало императору возможность сдѣлать новую заготовку припасовъ и исправить причиненныя врагомъ поврежденія стѣнъ и такимъ образомъ свести на нѣтъ и то небольшое, что успѣвали сдѣлать арабы лѣтомъ. Главнымъ успѣхомъ греки обязаны новому военному средству, если не изобрѣтенному въ это время, то впервые примененному въ защитѣ Константинополя отъ арабовъ въ 672—679 г. Это средство, извѣстное подъ именемъ жидкаго, водяного или морского огня и чаще подъ именемъ греческаго огня, приписывается сирійскому химику или архитектору по имени Каллинику, сообщив-

шему свой секретъ византійскому правительству, которое сдѣлало изъ него государственный секретъ и долго пользовалось имъ съ большимъ успѣхомъ противъ своихъ враговъ. Константинъ IV построилъ для примѣненія этого изобрѣтенія особыя суда большихъ размѣровъ съ устроенными на нихъ трубами или сифонами для выбрасыванія горючаго вещества. Эти суда назывались сифонофорными, и приближеніе ихъ къ непріятельскому флоту внушало послѣдному чрезвычайный страхъ, такъ какъ выбрасываемый огонь горѣлъ и на водѣ и беспощадно уничтожалъ все, къ чему прикасался ¹⁾).

Хотя секретъ состава знаменитаго греческаго огня остался неизвѣстнымъ, не разъ было высказано мнѣніе, что по существу это былъ составъ, подобный пороху, хотя въ немъ были и другія отличныя отъ пороха свойства, если придавать значеніе описаніямъ паразитальнаго дѣйствія состава даже на водѣ. Составъ выбрасывался на непріятельскіе корабли, а равно съ высоты стѣнъ на осаждающаго городъ непріятели изъ особо устроенныхъ глиняныхъ и наглухо закрытыхъ сосудовъ, которые въ нужное время раскрывались посредствомъ механическаго приспособленія вверху сосуда, и съ силой на значительное разстояніе выбрасывали горючій матеріалъ. Что это не былъ вполнѣ пороховой составъ, видно уже изъ того, что содержался въ глиняныхъ сосудахъ, которые, повидимому, не разрушались и послѣ употребленія состава въ дѣло, какъ это видно изъ множества подобныхъ сосудовъ, находимыхъ еще и по настоящее время. Дѣйствіе состава, во всякомъ случаѣ, было рѣшительное и чрезвычайно губительное для непріятели. Не только въ дѣлѣ подъ Константинополемъ съ арабами въ 672 и слѣдующихъ годахъ, но и во всѣ средніе вѣка до изобрѣтенія пороха знаменитый греческій огонь игралъ важную роль въ войнахъ Византіи и не разъ спасалъ имперію въ крайней опасности.

Возвращаясь къ арабскимъ походамъ, повторяемымъ каждую весну движеніемъ на Константинополь изъ Кизика, мы должны признать ихъ вполнѣ неудавшимися и соединенными для арабовъ съ громадными потерями. Сознавъ бесполезность семилѣтнихъ усилій, арабы должны были отказаться отъ продолженія борьбы и на возвратномъ пути у береговъ Памфіліи близъ Силея испытали сильную

¹⁾ Theoph., „Chronogr.“, 354.

бурю, которая истребила часть флота, тогда какъ остатки подверглись нападенію со стороны стратига кивиррзотской еемы. Наконецъ, и сухопутное войско на обратномъ пути отъ Константинополя сдѣлалось легкой добычей византійскихъ вождей Флора, Петроны и Киприана, которые убили 30 тысячъ арабовъ. Можно думать, что Византіи осталось воспользоваться благопріятнымъ положеніемъ дѣль и поправить свои дѣла на границахъ Сиріи, гдѣ арабы достигли значительнаго преобладанія. Ослабленіе арабовъ скоро отразилось на состояніи взаимныхъ отношеній въ Сиріи. Христіанское населеніе Ливана, жители горъ, недоступныхъ для арабовъ, извѣстные подъ именемъ мардаитовъ, начали дѣлать нападенія на Сирію и Палестину; со стороны же Малой Азіи заслономъ противъ арабскихъ нападеній начинаютъ быть обширныя славянскія колоніи, организованныя въ еемы. Таковы были основанія, побудившія калифа Моавію искать соглашенія съ Константиномъ Погонатомъ, и заключить съ нимъ миръ на 30 лѣтъ. Между условіями этого мира слѣдуетъ въ особенности отмѣтить уплату ежегодной дани въ пользу имперіи.

Это былъ первый успѣхъ христіанской имперіи надъ арабами. Царь Константинъ Погонать первый въ длинной серіи византійскихъ царей оказалъ важную услугу христіанству и европейской культурѣ, задержавъ побѣдоносное движеніе арабовъ и поставивъ имъ серьезную преграду въ укрѣпленіяхъ Константинополя. Услуга его была признана и современниками, что видно изъ словъ лѣтописца ¹⁾, сказавшаго въ повышенномъ настроеніи: „Узнавъ объ этихъ событіяхъ, жители западныхъ странъ, какъ каганъ аварскій и выше его владѣющіе короли, экзархи и кастальды и самые сильные изъ западныхъ народовъ—послали къ царю пословъ съ дарами и просили утвердить миръ и любовь съ ними. Уступая ихъ просьбамъ, царь утвердилъ и съ ними миръ, какъ верховный владыка. И была великая тишина на востокѣ и западѣ“. Подъ нѣсколькими замысловатыми выраженіями, подъ которыми подразумѣваются европейскіе государи VII вѣка, несомнѣнно слѣдуетъ читать и франкскаго короля, и лангобардскихъ герцоговъ Италіи, и, можетъ-быть, вестготскихъ властителей Испаніи. Всѣ эти государи до извѣстной степени были въ сферѣ вліянія имперіи.

¹⁾ Theophanis, p. 356, 2.

Этими событиями, сулившими миръ и спокойствіе тогдашнему историческому міру, мы заканчиваемъ первый томъ исторіи Византіи. Лѣтописецъ помышлялъ о всеобщей тишинѣ при разсказѣ о событіяхъ конца VII вѣка, между тѣмъ сколь далеко было человѣчество отъ этой вождельнной тишины, о которой оно мечтаетъ, но къ которой ни мало не приближается на протяженіи цѣлыхъ тысячелѣтій, доступныхъ нашему изученію. И сколько ударовъ готовилъ еще мусульманскій міръ какъ христіанской столицѣ имперіи, такъ и западно-европейскому человѣчеству! Тѣмъ не менѣе

Тѣмъ низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ.

